

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Geog 5208.81.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ВЪ ОБЛАСТИ ВѢЧНАГО ЛЬДА

ИСТОРИЯ ПУТЕШЕСТВІЙ КЪ СѢВЕРНОМУ ПОЛЮСУ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАСТОЯЩАГО

ФРИДРИХА ГЕЛЬВАЛЬДА

СО МНОГИМИ РИСУНКАМИ И КАРТАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

1881

Geog 5208.81.5

~~Geog 5209. 1081~~

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 іюня 1881 г.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАНИЦЫ
Введение	1— 6
Прошлое арктическаго пояса	7— 25
Природа сѣверныхъ полярныхъ странъ	26— 53
Путешествіе Пиаса	54— 72
Ирландцы на сѣверѣ	73— 86
Родина норманновъ	87—101
Норманны и жители крайняго сѣвера Европы	102—115
Норманны въ Исландіи	116—125
Исландія и исландцы настоящаго времени	126—162
Открытіе Гренландіи и ея заселеніе	163—173
Ледники внутри Гренландіи	174—194
Природа гренландскихъ береговъ	195—208
Полярный народъ—эскимосы	209—238
Путешествіе на сѣверъ въ средніе вѣка	239—252
Каботъ и сѣверо-западный проходъ	253—264
Первыя попытки открытія сѣверо-восточнаго прохода	265—274
Путешествіе Барентса и его открытія	275—293
Въ арктической области Россіи	294—304
Калгуевъ и Новая Земля	305—317
Фробишеръ, Жильберъ и Девись	318—336
Первое проникновеніе въ арктическую Америку	337—357
Древнѣйшіе китоловы въ водахъ Шпицбергена	358—376
Второе открытіе Гренландіи и новыя плаванія на сѣверо-востокъ	377—387
Русскіе на походѣ черезъ Сибирь	388—403
Первая и вторая „сѣверныя экспедиціи“, предпринятыя русскими	404—425
Открытіе Алеутскихъ острововъ	426—441
Кузь и послѣдующіе мореплаватели	442—453
Дальнѣйшія изслѣдованія въ арктической Азіи	454—469
Русскіе на Новой Землѣ	470—482
Американская Сибирь	483—501
Датчане въ Гренландіи	502—513
Возобновленіе изслѣдованій полярныхъ странъ англичанами	514—448
Франклинъ и первые поиски за нимъ	449—567

	СТРАНИЦЫ
Франклинскія экспедиціи Аустина и Бельчера	568—593
Открытіе сѣверо-западнаго прохода	594—609
Разъясненіе участи Франклина и его спутниковъ.	610—630
Черезъ Смитовъ проливъ къ открытому полярному морю	631—688
Полярныя путешествія нѣмцевъ	689—724
Новѣйшія экспедиціи къ Шпицбергену	725—767
Восточное Шпицбергенское море и открытіе земли Франца-Иосифа	768—811
Новая Земля и Карское море	812—828
Открытіе Норденшельдомъ сѣверо-восточнаго прохода	829—856
Черезъ Беринговъ проливъ къ сѣверному полюсу.	857—863
Полярныя изслѣдованія до настоящаго времени и въ будущемъ .	864—880

РИСУНКИ ПОМѢЩЕННЫЕ ВЪ ТЕКСТЪ.

	СТР.
Гора Атанекердлука въ Гренландіи	7
Изъ окаменѣлой лѣсной растительности арктическаго пояса	25
Провалившаяся ледяная гора	26
Ледяная гора въ заливѣ „Убѣжища“ (Refuge Harbour)	53
Древне-греческій корабль для плаванія вдоль береговъ	54
Утесъ-Каминъ у Гигантской плотины (плотина Великановъ) въ Ирландіи (Giants Causeway)	73
Шетландскіе острова	85
Водопадъ Скаггедагъ-Фосса	87
Жители Телемарка	100
Руны на островѣ Макъ	102
Корабль норманновъ, по рисунку на древнихъ обояхъ въ Байе	116
Норманны въ бою, по рисунку на древнихъ обояхъ въ Байе	125
Берегъ Стаппенъ со снѣжною горою Токуль	126
Сѣверная долина съ Пельнбергомъ на западѣ	129
Дворъ крестьянскаго жилья въ южной части Исландіи	135
Гейзеръ при началѣ изверженія	150
Водоемъ Гейзера послѣ изверженія	151
Домъ въ Бальмастунгѣ	158
Исландскія табакерки	162
Умiakъ и кайакъ (лодки) эскимосовъ	163
Миссіонеръ Гансъ Эгgede въ Гренландіи	173
Озеро Алида и глетчеръ Брудеръ-Юнгъ	174
Старинныя эскимосскія сани	183
Нынѣшнія эскимосскія сани	184
Охота на мускусныхъ быковъ	209
Образецъ эскимосской мебели (стулъ)	218
Планъ эскимосскаго жилища	220
Эскимосскія могилы	229
Погребеніе эскимоса (на западѣ Гренландіи)	238
Каравеллы	239
Охота на бѣлыхъ медвѣдей	252
Себастьянъ Каботъ	253

	стр.
Мысъ Іорекъ въ заливѣ Мельвила	264
Казачья станица въ Сибири	265
Внутренность русской избы въ Сибири	274
Остатки жилища Барентса на Новой Землѣ	275
Сборы экспедиціи Барентса къ возвращенію	293
Ѣзда по тундрѣ	294
Озеро внутри русской Лапландіи	303
Промысловой боть (карбазъ)	305
Въ виду Новой Земли	317
Мартинъ Фробишеръ	318
Похищеніе эскимоса людьми Фробिशера	335
Въ Гудсоновомъ проливѣ	337
Мѣшковая торговля у эскимосовъ	356
Исканіе пути среди льдовъ	358
Пельгамъ и его товарищи, убивающіе медвѣдя	376
Оставленіе китобойнаго судна, замерзшаго во льдахъ	377
Охота на тюленей въ Гренландіи	386
Ермакъ Тимофеевичъ переходитъ рѣку Тоболъ	389
Сибирскіе промышленники на охотѣ за соболями	403
Мысъ Телушкинъ	404
Смерть Беринга	425
Крушеніе Новикова у Алеутскихъ острововъ	426
Алеуты на ловлѣ тюленей	440
Заливъ святой Магдалины на Шпицбергенѣ	442
„Rase-horse“ и „Sag-sass“ во льдахъ, у Семи Острововъ, 7-го августа 1775 г.	453
Адмиралъ Ф. П. Врангель	455
Чукчи, строящіе себѣ хижины	469
Ө. П. Литке	470
Карлъ фонъ-Беръ	481
Западный берегъ Новой Земли и входъ въ Маточкинъ-Шаръ	482
Долина Pease-River'a	483
Александръ Макензи	500
Переходъ черезъ быстрину	501
Сэръ Джонъ Россъ	514
Вильямъ Скоресби-сынъ	516
Сэръ Вильямъ Эдвардъ Парри	522
Сэръ Джонъ Ричардсонъ	529
Капитанъ сэръ Джемсъ-Кларкъ-Россъ	541
Сэръ Георгъ Бакъ	542
Спасеніе экспедиціи Бака индѣйскимъ начальникомъ Акаитхо	448
Сэръ Джонъ Франклинъ	449
Лэди Жанна Франклинъ	561
Островъ Бичи—мѣсто первой зимовки Франклина въ 1845—46 гг.	566
Прорубка канала во льду	568
Генри Гриннелъ	571
Жозефъ Рене Белло	580
Сэръ Эдуардъ Бельчеръ	584
Остатки Франклиновой экспедиціи	593
Встрѣча Бедфорда Пима съ Макъ-Клюромъ	594
Сэръ Робертъ Макъ-Клюръ	595

	стр.
Факсимилэ документа лейтенанта Горе и Фидджемса	600
Капитанъ Коллинсонъ	602
Входъ въ проливъ принца Валлійскаго	609
Капитанъ Гарасъ Франсисъ Галль	610
Сэръ Леопольдъ Макъ-Клинтонъ	614
Макъ-Клинтонъ собираетъ остатки экспедиціи Франклина	629
Элиза Кентъ-Кэпъ	630
Д-ръ Исаакъ Ханъ	643
Шерардъ Осборнъ	664
Сэръ Георгъ Нэрсъ	667
Погребеніе капитана Галля	688
Августъ Петерманнъ	689
Капитанъ Карлъ Колдевей	676
Капитанъ Гегеманъ	681
Крушеніе Ганзы	723
Видъ глетчера на Шпицбергенѣ	725
Профессоръ Свенъ-Ловенъ	738
Отто Торель	736
Графъ Гансъ Вильчекъ	778
Карлъ Вейпрехтъ	787
Спасеніе австро-венгерской экспедиціи	811
Норденшельдъ	829
Сибираковъ	840
Оскаръ Диксонъ	842
Арнольдъ Паландеръ	843
„Вега“ обгibaетъ Восточный мысъ	856

Карты помѣщенные въ текстѣ.

Карта Оркнейскихъ и Шетландскихъ острововъ	57
Карта острова Фареръ	78
Карта подземныхъ источниковъ Исландіи	149
Карта морского путешествія братьевъ Николо и Антонио Зено въ Сѣ- верную землѣ въ 1380 году	251
Карта побережья Сѣверной Америки	531

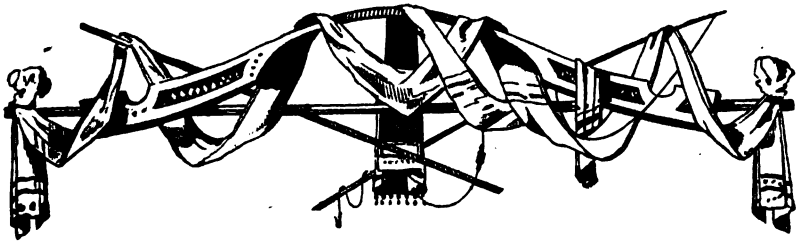
Рисунки помѣщенные внѣ текста.

Глетчеръ Тиддла въ проливѣ Китовъ (въ Гренландіи).
 Новый вулканъ Оскія-Гія въ Ватна-Юкуль на островѣ Исландія.
 Торсгавенъ, главный городъ Ферейскихъ острововъ.
 Фискернесъ въ Южной Гренландіи.
 Земля принца Вильгельма въ сѣверо-восточной Гренландіи.
 Экипажъ корабля „Алертъ“ на крайнемъ сѣверѣ.
 Гверфіалль на озерѣ Миватнѣ.

Полуночное солнце.
 Фіордъ Императора Франца Іосифа и горные шипцы Петерманна.
 Желѣзные ворота на Медвѣжьихъ островахъ.
 Долина Королевы Августы въ Восточной Гренландіи.
 Юлусъ Пайэръ.
 На границѣ вѣчнаго льда.
 Моржи на льду.
 Нордъ-Капъ.
 Санная ѣзда на собакахъ (на Новой Землѣ).
 Ловля китовъ въ Бѣломъ морѣ.
 Внутренность жилища, въ которомъ проводилъ зиму Барентсъ.
 Сани съ собаками, оборвавшіяся въ ледяную пропасть.
 Мысь Флигели.
 Полярные медвѣди, истребляющіе запасы.
 Путешествіе Парри къ сѣверу на саняхъ.
 Экипажъ „Поляриса“, примѣтившій корабль „Ravenscraig“.
 „Вега“ салютуетъ мысу Челюскину.
 Мѣсто зимовки „Веги“.
 Самоѣдскій чумъ.

Карты помѣщенныя внѣ текста.

Общая карта сѣверныхъ полярныхъ странъ по Штилеру.
 Карта очертаній Гренландіи.
 Карта Гудсонова залива.
 Карта очертаній Исландіи.
 Карта Баффинова залива.
 Общая карта Берингова моря.
 Карта Шпицбергена.
 Карта Смитова пролива.

ВВЕДЕНИЕ.

БЪЗКО очерченное различіе климатовъ на нашемъ земномъ шарѣ составляетъ причину того, что мы его раздѣляемъ на три, весьма рельефно отличающіяся другъ отъ друга области, образующія пять климатическихъ поясовъ: два тропическихъ, простирающихся какъ на сѣверъ, такъ и на югъ отъ экватора на $23\frac{1}{2}^{\circ}$ (точнѣе на $23^{\circ}27'30''$) каждый. Это—область солнца; на нее благодѣтельное свѣтило посылаетъ самые палящіе свои лучи, и отъ того органическая жизнь въ этой области развивается въ самыхъ роскошныхъ формахъ, во всей полнотѣ и неистощимой производительности. Тропики занимаютъ приблизительно $\frac{1}{10}$ частей поверхности нашей планеты, а именно 202.240,184 квадр. килом. Оба умѣренные пояса простираются отъ тропиковъ до полярныхъ круговъ; послѣдніе въ свою очередь отдѣляются пространствомъ въ $23^{\circ}27'30''$ отъ полюсовъ, или оконечностей земной оси. Мы живемъ именно въ умѣренномъ поясѣ сѣвернаго полушарія. Въ нашемъ поясѣ нѣтъ ничего переступающаго границы, и жаръ и холодъ у насъ умѣренны. Благодѣтельная постепенность перехода отъ одного времени года къ другому у насъ способствуетъ безпрепятственному развитію внѣшней природы, т. е. почвы и ея сокровищъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ это же благотворно вліяетъ и на развитіе духовныхъ силъ человѣка. Болѣе половины всего пространства земной коры принадлежитъ этимъ двумъ умѣреннымъ поясамъ. Затѣмъ оба полярные пояса занимаютъ остальное пространство, составляя вмѣстѣ около $\frac{1}{10}$ части всего земного шара, а именно сегменты шара

Въ обл. 227. 228.

внутри полярныхъ круговъ, проводимыхъ мысленно вокругъ земли на разстояніи $66^{\circ}32'30''$ отъ экватора. Здѣсь-то мы вступаемъ въ отдаленнѣйшіе предѣлы земли, въ печальное, мрачное царство вѣчныхъ снѣговъ и льда, гдѣ день и ночь не смѣняются по цѣлымъ мѣсяцамъ, гдѣ солнце, посылая продолжительное время свои лучи, не въ силахъ однако вызвать органическую жизнь. Мы различаемъ арктическій, или сѣверный, полярный поясъ и антарктическій или южный, полярный поясъ. Опредѣленія эти заимствованы изъ греческаго языка. Арктическимъ называется собственно пространство небеснаго свода, находящееся вблизи созвѣздія Медвѣдицы¹⁾; такъ какъ это созвѣздіе находится у сѣвернаго полюса мысленно представляемой нами оси міра, то этимъ обозначается въ болѣе обширномъ смыслѣ вообще все „сѣверное“.

Первыя страницы этой книги я посвящаю исключительно общему изображенію странъ сѣвернаго полюса въ географическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ, равно какъ и научнымъ морскимъ и сухопутнымъ путешествіямъ въ арктическія страны, предпринимавшимся въ разныя времена съ цѣлю открытій и изученія. Въ строго-географическомъ смыслѣ арктическія страны граничатъ къ югу съ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ; послѣдній, проходя отъ сѣверной оконечности Европы, черезъ самыя сѣверныя части Азіи и Америки и пересѣкая Гренландію, касается затѣмъ Исландіи и направляется опять къ Норвегіи. На сѣверной половинѣ стараго континента, начиная съ Европы, полярный кругъ обнимаетъ всю Скандинавскую Лапландію, отъ Вотническаго же залива всю Русскую Лапландію до полуострова Колы на Бѣломъ морѣ; далѣе отроги Уральскаго хребта и обширный Самоѣдскій полуостровъ, лежащій между Карскимъ моремъ и Обскою губою, т. е. самую сѣверную часть Тобольской губерніи въ Сибири. Затѣмъ внутри полярнаго круга лежитъ сѣверная половина Енисейской губерніи, населенная самоѣдами, и часть Якутской области, расположенной по берегамъ Лены съ ея притоками и обитаемой якутами. Далѣе къ востоку тянется неизмѣримая „тундра“, или поросшая мхами степь, съ высокими горными хребтами и большими рѣками; къ ней примыкаетъ земля Чукчей, къ сѣверу отъ Камчатки. Подъ полярнымъ кругомъ находится затѣмъ Беринговъ проливъ, этотъ морской путь въ Сѣверную Америку; многочисленные острова, разсѣянные внутри Поляр-

¹⁾ Греческое *ἄρκτος* значить и медвѣдь и медвѣдица—безразлично. Созвѣздіе „Медвѣдицы“ состоитъ изъ 7 звѣздъ.

наго моря, окаймляютъ сѣверный берегъ Азіи, начиная съ большого двойнаго острова Новой Земли до Медвѣжьихъ острововъ; всѣ эти острова, хотя и не постоянно обитаемы, но по временамъ могутъ служить пристанищемъ и часто посѣщаются кочующими азіатами. Въ Америкѣ полярный кругъ пересекаетъ прежде всего бывшія Русскія владѣнія, теперешнюю территорію Аляску, и отдѣляетъ громадную часть материка до 70° сѣв. шир. массу острововъ до 80° сѣв. шир. отъ континента, населеннаго замѣчательнымъ полярнымъ народомъ — эскимосами, только временно появляющимися на островахъ во время перекочевокъ. На всемъ сѣверѣ, по ту сторону полярнаго круга, въ теченіе лѣта встрѣчается множество млекопитающихъ; нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ значительно мощныя формы тѣла, напримѣръ: большой лось, мускусный быкъ, а также хищныя звѣри — медвѣди, волки, лисицы и т. п. Далѣе сѣверный полярный кругъ разсѣкаетъ пополамъ Гренландію; на западѣ этого арктическаго полуострова, сѣвернѣе полярнаго круга, лежатъ еще земли, обитаемыя эскимосами. Наконецъ, этотъ кругъ касается сѣверной оконечности Исландіи; но нельзя сказать, чтобы упомянутый островъ лежалъ подъ полярнымъ кругомъ, такъ какъ послѣдній въ дѣйствительности едва только касается самой сѣверной его части.

Изъ всего этого видно, что сѣверный полярный кругъ всюду соприкасается съ материкомъ. Вся сѣверная Азія и сѣверныя оконечности Европы, такъ сказать, отсѣкаются этимъ кругомъ; черезъ море онъ проходитъ лишь между Европою и Америкою, а здѣсь опять пересекаетъ отчасти материкъ, отчасти такіе большіе острова, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности величиною площади превосходитъ площадь многихъ европейскихъ государствъ. Если всмотрѣться внимательно въ карту сѣвернаго полушарія, то легко замѣтить, что три части свѣта, Европа, Азія и Америка, своими сѣверными берегами ячеобразно или эллиптически обнимаютъ сѣверный полюсъ, окружая большой морской бассейнъ или настоящее арктическое море; послѣднее въ наибольшихъ широтахъ имѣетъ сообщеніе только съ Атлантическимъ океаномъ, съ Тихимъ же океаномъ арктическое море соединяется только посредствомъ узкаго туманнаго Берингова пролива. Мы еще ничѣго не знаемъ о центральной части этого полярнаго бассейна, а равно и о лежащемъ въ немъ материкѣ, по величинѣ равняющемся пространству Европы, хотя, по характеристичному выраженію Петермана, онъ и лежитъ у нашихъ дверей; только прибрежныя пространства и от-

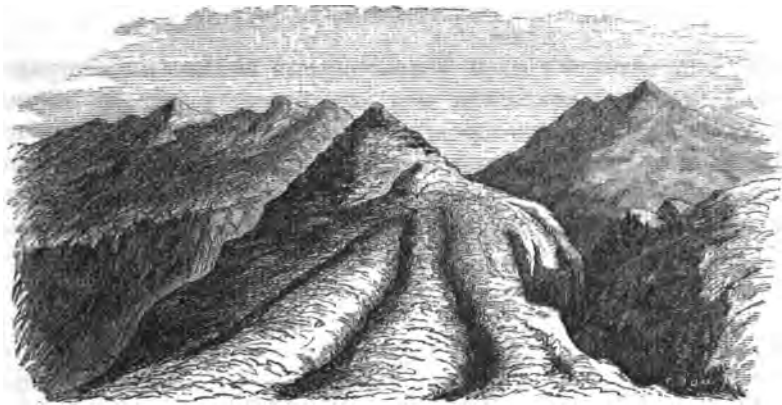
дѣльные острова до 83° сѣв. шир. болѣе или менѣе точно изслѣдованы. Уже при первомъ взглядѣ на карту намъ становится понятнымъ, что еслибы возможно было проплыть изъ Европы на кораблѣ до Берингова пролива вдоль сѣвернаго побережья Азіи или Америки, то можно было бы избѣжать громаднаго обхода. Теперь неминуемо приходится дѣлать этотъ обходъ: или, съ одной стороны, кругомъ всей Европы, Африки и Азіи, или же, съ другой, вокругъ всей Америки. И такой обходъ приходится дѣлать для того, чтобы попасть въ восточную Азію или въ западную Америку. Найти такой путь было одною изъ главныхъ задачъ большей части преимущественно первыхъ полярныхъ экспедицій послѣднихъ вѣковъ. Найти самый полюсъ и описать окружающую его мѣстность составляло уже вторую задачу этихъ экспедицій. Послѣдняя задача имѣетъ интересъ чисто научный, и поэтому подобныя предпріятія были менѣе покровительствуемы правительствами; первая же задача, кромѣ научнаго интереса, могла бы еще имѣть важное значеніе для интересовъ торговли; поэтому народы-мореплаватели уже издавна обращали свое вниманіе на этотъ пунктъ. Между тѣмъ успѣхъ всѣхъ экспедицій, предпринятыхъ съ этою цѣлью, до сихъ поръ былъ самый ничтожный, ибо до сихъ поръ еще никому не удавалось пробиться черезъ ледяныя преграды, окружающія полюсъ. Сѣверные предѣлы Азіи уже достаточно изслѣдованы. Уже извѣстно что они сплошь омываются моремъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно, что это море очень часто замерзаетъ вплоть до материка и потому почти не позволяетъ мореплавателямъ продолжать свой путь. Поэтому-то попытка проникнуть въ Америку такъ называемымъ сѣверо-восточнымъ проходомъ уже оставлена. Теперь обратились къ противоположной сторонѣ полярнаго круга, но пока тоже тщетно, потому что на западной половинѣ нашего полушарія температура гораздо ниже чѣмъ на восточной. Подъ тѣми градусами широты, подъ которыми у насъ въ Европѣ лежатъ прелестнѣйшія по плодородію страны, мы встрѣчаемъ въ Америкѣ почти однѣ безплодныя пустыни. Напримѣръ, подъ 50° британская Америка населена только въ самыхъ южныхъ своихъ частяхъ, а сѣвернѣе 50° цивилизованный человѣкъ даже селиться не можетъ. Итакъ исторія путешествій къ сѣверному полюсу вращается собственно около вопроса объ открытіи сѣверовосточнаго или сѣверозападнаго пути по арктическому морю. Вышеуказанныя обстоятельства дѣлаютъ понятнымъ, почему эта исторія приводитъ насъ въ области, правда, въ геогра-

фическомъ смыслѣ лежащія внѣ полярнаго пояса; однако, эти области, по своему общему типу, климату, животному и растительному царствамъ, а равно и по прочимъ явленіямъ природы, до такой степени сходны съ настоящими арктическими странами, что мы въ нашемъ изслѣдованіи необходимо должны включить ихъ въ эту область. Поэтому-то арктический міръ начинается для насъ не у полярнаго круга. Мы достигнемъ приблизительно бѣльшей точности, если, смотря по надобности, расширимъ дѣйствительную черту этой области до 60° сѣв. шир., до того самаго градуса, подъ которымъ въ Европѣ мощное слово Геніальнаго Царя создало блистательную столицу сѣвера, С.-Петербургъ. Съ другой стороны, южная оконечность негостепріимной и неудобной для поселенія Гренландіи простирается до этого же градуса.

Эти полярныя страны таинственно-неотразимою силою привлекаютъ къ себѣ воображеніе людей. Намъ, привыкшимъ только зимою видѣть картину смерти природы, или по крайней мѣрѣ картину полного меланхолическаго спокойствія природы, трудно себѣ представить страны, вѣчно погребенныя подъ свѣжнымъ покровомъ, трудно представить рѣки, теченіе которыхъ превращено морозомъ въ неподвижныя массы. А эти люди, обитающіе здѣсь, эти существа, подобныя намъ, осужденныя жить подъ небомъ, на которомъ цѣлые мѣсяцы не свѣтитъ солнце, питаться мясомъ китовъ, утолять жажду ворванью, добываемою изъ этихъ гигантскихъ животныхъ?.. Все это поразительно, страшно, невѣроятно; тѣмъ не менѣе и эти пустынные печальныя страны имѣютъ свои прелести, нѣкоторымъ образомъ уравнивающія ужасы природы. Природа здѣсь мачиха, правда. Тѣмъ не менѣе она представляетъ такое разнообразіе интереснѣйшихъ явленій!.. Особенно типична въ полярныхъ странахъ необыкновенная, странная, эффектная игра лучей свѣта. Величественное зрѣлище сѣвернаго сіянія является тамъ въ сопровожденіи колецъ съ побочными солнцами и лунами, и при этомъ, по увѣренію многихъ наблюдателей, слышится какой-то шумъ, похожій на шуршанье или шелестъ листьевъ. Въ пещерахъ, образуемыхъ въ громадахъ льдовъ, каждый звукъ раздается съ необыкновенною силою и отчетливостію. Ночью планеты являются на небесномъ сводѣ съ блескомъ, свойственнымъ неподвижнымъ звѣздамъ. Вслѣдствіе же преломленія лучей и ихъ отраженія, внѣшній видъ различныхъ предметовъ совершенно измѣняется, такъ что попеременно то самыя невысокіе предметы представляются въ видѣ исполинскихъ

горъ, то путешественнику кажется, будто бездонныя пропасти раскрываютъ свою зіяющую глубину. Чтобы понять тѣ несказанныя трудности и бѣдствія, которыя раскроетъ передъ нами исторія путешествій къ сѣверному полюсу, мы прежде всего должны хотя нѣсколько познакомиться съ разнообразными явленіями арктической природы, какъ минувшими, такъ и совершающимися, а равно съ географическимъ распредѣленіемъ суши и водъ по полярному поясу.

Гора у Атанекердлука въ Гренландіи.
(Мѣстонахожденіе ископаемыхъ растений и залежей угля).

ПРОШЛОЕ АРКТИЧЕСКАГО ПОЯСА.

ИСТУПАЯ къ описанію теперешняго состоянія полярной природы, бросимъ краткій взглядъ на прошлое арктическаго пояса. Страшный холодъ, неизмѣримыя массы льда, необозримыя пространства, покрытыя снѣгомъ, полнѣйшее отсутствіе органической жизни—вотъ наши представленія о современномъ полярномъ мірѣ. Но не всегда было такъ. О послѣднемъ обстоятельствѣ ясно говорятъ намъ растенія, заключенныя въ скалахъ этихъ странъ. Эти окаменѣлыя растительныя остатки даютъ намъ такія замѣчательныя разъясненія состоянія полярныхъ странъ въ минувшіе вѣка, что стоитъ раскрыть эту первобытную книгу исторіи земли и по-смотри́ть, какимъ образомъ совершались видоизмѣненія нашей планеты на крайнемъ ея сѣверѣ. Главнѣйшія данныя, указывающія на это, найдены на сѣверѣ Канады, на рѣкѣ Мекензи, на землѣ Банка, на островахъ арктической Америки, въ сѣверной Гренландіи, на Исландіи и на Шпицбергенѣ. Изслѣдованіе этихъ окаменѣлостей привело знаменитаго швейцарскаго геолога и палеонтолога, профессора Освальда Гера въ Цюрихѣ, къ весьма важнымъ заключеніямъ о распространеніи растений по земному шару въ давно-прошедшія времена. Кромѣ того, названный ученый вывелъ изъ этихъ фактовъ нѣсколько крайне интересныхъ заключеній о климатѣ, которымъ пользовались въ то время страны, прилегающія къ сѣверному полюсу. Богатую коллекцію ископаемыхъ остатковъ доставила сѣверная Гренландія. Тамъ на горѣ, окруженной глетчерами, на высотѣ 600 метр. надъ поверхностью моря, подъ 70° сѣв. шир., погребенъ цѣлый допотопный лѣсъ; тамъ лежатъ множество дре-

весныхъ стволовъ и вѣтвей, а краснобурый желѣзнякъ содержитъ въ себѣ въ изобиліи остатки листьевъ. Является вопросъ: выросли ли эти растенія именно здѣсь или же морскія волны занесли ихъ сюда съ юга? На самомъ отдаленномъ сѣверѣ часто встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ сплавной лѣсъ, но этотъ лѣсъ до того избитъ, что на немъ обыкновенно нѣтъ коры, листьевъ же, которые были бы сюда занесены моремъ, вовсе нѣтъ ни малѣйшаго слѣда. При томъ, по свидѣтельству сэра Леопольда Макъ-Клинтока, проведеннаго десять лѣтъ и семь зимъ въ полярномъ поясѣ, эти листья не могли бы вынести операціи столь далекой транспортировки съ юга. Дѣйствительно, никто изъ видѣвшихъ эту громадную массу листьевъ и убѣдившихся, что листья отлично сохранились, не можетъ сомнѣваться, что они выросли въ самой Гренландіи. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что профессоръ Геръ, кромѣ листьевъ многихъ видовъ, могъ еще представить ихъ плоды и сѣмена и даже цвѣты одного растительнаго вида. Сверхъ того, еще четверть столѣтія тому назадъ, капитанъ Ингльфильдъ, изслѣдовавшій пунктъ, на которомъ найдены листья, сообщилъ, что онъ видѣлъ тамъ вертикально стоящій окаменѣлый стволъ дерева, толщиною въ обхватъ взрослога человѣка. Итакъ мы видимъ здѣсь въ мощныхъ стволахъ остатки лѣса, росшаго когда-то тамъ, гдѣ теперь нельзя найти ни одного дерева, ни одного большого куста, гдѣ неизмѣримые ледники (глетчеры) простираются до самаго моря. О времени же, когда росли здѣсь эти деревья, даютъ намъ вѣрное указаніе ихъ листья. Изъ 70 видовъ растеній этого лѣса 18 находятся въ скалахъ средней Европы и Швейцаріи; здѣсь они погребены въ песчаникѣ, образующемъ волнистую поверхность. Слѣдовательно, эти виды деревъ произрастали въ сѣверной Гренландіи въ то время, когда образовались швейцарскіе песчанистые холмы, напимѣръ, Цюрихское возвышеніе и гора Уэтли. Это время называется въ геологіи періодомъ молассовъ или міоценовымъ; онъ составляетъ средній періодъ такъ называемой третичной формаціи, непосредственно предшествовавшей теперешнему фазису развитія нашей земной коры и такимъ образомъ принадлежитъ къ сравнительно новому времени ¹⁾).

Когда Геръ заканчивалъ свои первыя изслѣдованія ископаемой флоры ²⁾ полярныхъ странъ, она состояла изъ 162 видовъ. Растеній изъ отдѣла тайнобрачныхъ было 18 видовъ, изъ которыхъ 9 прекрасныхъ большихъ папоротниковъ, вѣроятно покрывавшихъ

¹⁾ Геръ „О полярныхъ странахъ“. Цюрихъ, 1867. 8° стр. 17—18.

²⁾ См. его же великолѣпное произведеніе: „Ископаемая флора полярныхъ странъ“. Цюрихъ, 1867. 4°.

почву лѣсовъ. Между прочимъ, нужно еще замѣтить нѣсколько мелкихъ грибовъ, находившихся въ рассматриваемый періодъ въ видѣ пятенъ и маленькихъ точекъ на листьяхъ деревь; эти виды тайнобрачныхъ совершенно аналогичны съ существующими теперь видами. Изъ отдѣла явнобрачныхъ найдено 31 хвойныхъ, 11 односѣмянодныхъ и 99 двусѣмянодныхъ. Изъ нихъ вѣроятно было 78 деревь и кустарниковъ, такъ что въ то время были распространены въ полярныхъ странахъ 128 видовъ растений, имѣвшихъ форму деревьевъ. Изъ хвойныхъ деревь росли: можжевельникъ, тисъ, сосна, ель, пихта, салисбурія и секвойи (веллингтоніи), большею частью похожіе на нынѣшніе американскіе виды семейства хвойныхъ. Одно изъ самыхъ достопримѣчательныхъ деревь *Pinus Massleri*, очень похожее на канадскую *Pinus alba*; полярный путешественникъ Макъ-Клоръ привезъ съ собою нѣсколько шишекъ этого дерева, найденныхъ имъ на Банксовой землѣ. Въ миоценовыхъ пластахъ Исландіи открыты семь видовъ можжевельника (*Juniperus*) и сосны (*Pinus*), къ числу которыхъ Геръ относитъ также ель (*Abies*) и пихту (*Pinus pecea*). Секвойи или веллингтоніи (видъ лиственницы) встрѣчаются еще чаще, чѣмъ собственно виды *Pinus*. Это подсемейство хвойныхъ въ миоценовый періодъ играло значительную роль и встрѣчается въ Европѣ, Азій и Америкѣ, въ видѣ ископаемыхъ остатковъ. Въ настоящее время къ этому подсемейству причисляются только два вида (*Sequoia sempervirens* и *Sequoia gigantea*), произрастающіе исключительно въ Калифорніи. Тотъ и другой изъ названныхъ видовъ суть послѣдніе представители этого подсемейства, къ которому принадлежатъ самыя высокія деревья на земномъ шарѣ. Въ прежнихъ первобытныхъ лѣсахъ Гренландіи чаще всего встрѣчалось дерево *Sequoia (S. Langsdorffii Br. sp.)*, которое чрезвычайно похоже на калифорнское дерево *Sequoia sempervirens*. Деревья этого вида можно встрѣтить въ Штутгартскомъ королевскомъ саду, на озерѣ Комо и близъ Лозанны; на нихъ растутъ плоды. На своей родинѣ стволъ этого дерева достигаетъ 70 метровъ высоты. Отъ гренландскаго дерева сохранились не только многочисленные вѣтви съ листвою, но даже шишки и сѣмена, показывающія близкое сродство этого дерева съ нынѣ живущими однородными видами. Подсемейство кипарисовыхъ миоценоваго періода имѣетъ представителей въ трехъ породахъ: *Taxodium*, *Thuopsis* и *Glyptostrobus*; изъ нихъ послѣдніе два и теперь еще встрѣчаются въ Японіи, а *Taxodium* въ Сѣверной Америкѣ; *Taxodium dubium* было найдено на Шпицбергенѣ подъ 78° сѣв. шир. Изъ тиссовыхъ мы назовемъ только гренландскую салисбурію; порода, къ которой относится это растеніе, сохранилась въ наше время только въ Японіи.

Число лиственныхъ деревъ такъ велико, что я назову только нѣкоторые виды. Многія изъ нихъ похожи на деревья нашихъ странъ, напримѣръ букъ и каштанъ, найденные въ Гренландіи подъ 70 сѣв. шир. Одинъ видъ бука, *Fagus Deucalionis* очень похожъ на нашъ красный букъ, *Fag. sylvatica*, съ тою разницею, что листья его зубчаты только на оконечности, а не по всей окружности, какъ у краснаго бука. Это дерево, вѣроятно, было распространено по всѣмъ полярнымъ странамъ, ибо мы находимъ его въ Гренландіи, Исландіи и на Шпицбергенѣ. Дубъ встрѣчается въ нѣсколькихъ видахъ; большая часть изъ нихъ имѣютъ большіе прекрасные зубчатые листья, и, безъ сомнѣнія, нѣсколько сродны съ нынѣшними американскими видами. Одинъ изъ видовъ дуба, *Quercus Olafsoni*, древнее мѣстонахожденіе котораго можно прослѣдить съ сѣверной Канады до Гренландіи и Шпицбергена, сходенъ съ *Quercus Prinus* Соединенныхъ Штатовъ. Одинъ видъ платановъ, *Platanus aceroides*, также былъ распространенъ въ этихъ странахъ и даже встрѣчается у ледянаго фіорда на Шпицбергенѣ. Тополь представляетъ еще большее число растительныхъ особей, чѣмъ сейчасъ названныя породы. Два вида, *Populus Richardsoni* и *Populus arctica*, вмѣстѣ съ *Sequoia Langsdorffii* были самыми распространенными деревьями полярныхъ странъ. Мы можемъ прослѣдить ихъ отъ р. Мекензи въ Сѣверной Америкѣ до Шпицбергена. Ивы весьма рѣдки, и это тѣмъ болѣе удивительно, что, какъ извѣстно, эти растенія составляютъ въ настоящее время четвертую часть всѣхъ деревъ арктическаго пояса. Береза часто встрѣчалась на Исландіи, равно какъ и прекрасное тюльпанное дерево и клѣнъ. Гренландію украшали еще волошская орѣшина (грецкій орѣхъ), магнолія съ кожовидными листьями, *Magnolia Inglefieldi*, и одинъ видъ сливы, *Prunus Sottii*, а Шпицбергенъ—большелиственная липа, *Tilia Malmgreni*. Вмѣстѣ съ этими видами, совершенно схожими съ нынѣшними нашими деревьями, тамъ существовало еще нѣсколько растительныхъ формъ, уже отступавшихъ отъ общаго типа своихъ родичей. Одна изъ этихъ уклоняющихся формъ принадлежитъ, вѣроятно, къ семейству лавровыхъ (*Laurineae*), а четыре другіе вида къ семейству протейныхъ (*Proteaceae*); но трудно опредѣлить, составляли ли эти пять видовъ древесныя или кустарныя породы. Другіе виды, по всей вѣроятности, были кустарники: такъ встрѣчается видъ орѣшника, *Corylus Macquarrii*, который былъ распространенъ по всѣмъ полярнымъ странамъ и встрѣчался на Шпицбергенѣ подъ 78°, также одинъ видъ ольхи. Изъ Гренландіи мы имѣемъ виды *Rhamnus*, *Paliurus*, *Cornus*, *Ilex*, *Crataegus*, *Andromeda* и *Myrica*, область распространенія которыхъ доходитъ до 70° сѣв. шир. Нѣтъ недостатка и въ вьющихся растеніяхъ. Такъ на

берегу рѣки Мекензи найденъ одинъ видъ плюща, въ Гренландіи два вида виноградника, на Исландіи одинъ его видъ; всѣ они сродны извѣстнымъ американскимъ видамъ.

Послѣ длиннаго ряда изслѣдованій надъ ископаемою флорою арктическаго пояса пришли къ убѣжденію, что когда-то въ этомъ краю, теперь столь негостепріимномъ, богатство растительнаго царства было огромное, и это богатство, безъ перерыва,—хотя и съ измѣненіями и уклоненіями,—продолжалось съ каменноугольной эпохи до половины третичнаго періода. Шведскимъ ученымъ и путешественникомъ Норденскіельдомъ найдены на островѣ Диско, у западнаго берега Гренландіи, камни съ отпечатками растений; такіе же камни найдены на Шпицбергенѣ. Тѣ и другіе позволяютъ дѣлать заключенія о характерѣ арктической третичной флоры приблизительно только до 78° сѣв. шир. (Клингс-бай); новѣйшія же открытія въ области этой флоры, принадлежащей міоценовому періоду, распространили наше знакомство съ нею до высшихъ градусовъ сѣверной широты. Въ собраніи англійскаго геологическаго общества 7 ноября 1878 года было прочтено сообщеніе профессора Гера, которое онъ составилъ на основаніи растительныхъ окаменѣлостей, собранныхъ капитаномъ Фейльденомъ, во время послѣдней англійской полярной экспедиціи. Эти растенія третичнаго періода, числомъ 25 видовъ, были собраны естествоиспытателями, сопутствовавшими экспедиціи „Алертъ и Дисковери“. Найдены были растенія эти на Гринеллевой землѣ, сѣвернѣе Смитова пролива, въ мѣстностяхъ окружающихъ 82° сѣв. шир. Пунктъ, съ котораго добыты растенія — ближайшій къ сѣверному полюсу. Жизни этихъ растительныхъ остатковъ относится къ тому періоду, въ который охлажденіе земной коры, правда, уже было чувствительнымъ, но еще не доходило до такой степени, чтобы могло исключить всякую древесную растительность изъ центральныхъ областей полярнаго пояса. Изъ 25 видовъ, переданныхъ цюрихскому ученому для опредѣленія, десять ($\frac{2}{5}$) принадлежали къ отдѣлу хвойныхъ (Coniferae), заключавшихъ въ себѣ породы пихтъ изъ семейства *Strobus*. нашу серебристую пихту (*Abies taxifolia*), американскій голый кипарисъ и вымершій типъ тиссовыхъ (*Taxineae*). Какъ подъ всѣми подобными градусами широты, такъ и здѣсь, преобладаютъ кониферы (*Pinus*, *Abies*, *Sequoia*, *Taxodium*, *Glyptostrobus*), между тѣмъ какъ двусѣмянодолыня встрѣчаются рѣже и съ крайне-недостаточно развитою листвою. Послѣднее явленіе, повидимому, обуславливается относительною суровостью климата. Породы *Corylus*, *Platanus*, *Viburnum*, *Acer*, *Crataegus* занимаютъ здѣсь первое мѣсто. Особый интересъ возбуждаютъ лиственные деревья: всѣ ихъ виды снабжены крайне скудною листвою, что указываетъ на продолжитель-

ность зимы въ этомъ краѣ. Большая часть указанныхъ видовъ со-всѣмъ уже вымерла и вѣрное опредѣленіе многихъ изъ нихъ сомнительно. Таковы, напримѣръ: арктическій тополь, стволъ котораго похожъ на нашу орѣшникъ, *Corylus Massquarii*, береза весьма похожая на нашу (*Betula prisca*) и боярышникъ (*Viburnum Nordenskjöldi*). Еще слѣдуетъ упомянуть объ одной *Nymphaea* и о слѣдахъ нѣкоторыхъ видовъ камыша.

Ясно, что около половины третичнаго періода, въ то время, когда въ средней Европѣ до 50° сѣверной широты еще произрастали пальмы и коричное дерево, въ арктическихъ странахъ, ближайшихъ къ полюсу, была растительность, характеризующая теперь среднія части Европы и Америки. Тѣ же самыя или весьма сходныя растительныя виды, весьма обыкновенныя у насъ теперь, росли въ указываемый періодъ въ этой мѣстности или же были, по крайней мѣрѣ, замѣнены такими формами и даже породами, которыя теперь исчезли. Поэтому не трудно себѣ составить понятіе о растительности полярныхъ странъ въ миоценовую эпоху: эта растительность состояла изъ весьма разнородныхъ хвойныхъ и лиственныхъ деревьевъ. Нѣкоторыя изъ деревьевъ были снабжены большими листьями. Плющъ и виноградныя лозы обвивали ихъ вѣтви, а подъ тѣнью ихъ росли многочисленныя травы и красивые папоротники. Какой же громадный контрастъ между этою бывшею когда-то картиной и картиной, представляющеюся здѣсь путешественнику въ наше время! Теперь спустимся на 20° ниже южнѣе. Здѣсь мы встрѣтимъ всѣ виды деревъ, господствовавшіе тогда внутри полярнаго круга. Если сравнить всѣ найденныя окаменѣлыя виды съ близко-стоящими къ нимъ видами, существующими въ наше время, если затѣмъ сравнить климатическія условія, содѣйствующія произрастанію и размноженію этихъ видовъ, то можно скоро прійти къ убѣжденію, что эта окаменѣлая арктическая флора въ свое время обуславливала климатъ, господствующій теперь подъ нашими широтами. По мнѣнію Гера, это всего яснѣе доказывается мѣстностью, окружающею Лозанну. Въ этой мѣстности секвойи вырастаютъ до размѣра большихъ деревъ, на которыхъ созрѣваютъ плоды и сѣмена; тамъ можно прогуливаться въ садахъ по великолѣпнымъ тѣнистымъ аллеямъ, образуемымъ высокими вѣчнозеленѣющими видами сливняка, пиній и кипариса; лавровыя и гранатовыя деревья, вѣчнозеленый дубъ и магноліи выносятъ въ этой мѣстности зиму на открытомъ воздухѣ. Въ Лозаннѣ средняя годовая температура простирается до 8,5° Цельса., при лѣтней температурѣ въ 16,6° и зимней въ 0,6° Ц. Моргесъ имѣетъ среднюю годовую температуру 9,4°, а Женева 9,5° Ц. Это

именно тотъ климатъ, при которомъ, по предположенію, развилась ископаемая флора арктическаго пояса.

Открытія, о которыхъ говорено выше, достаточно доказываютъ съ одной стороны неподвижность полюса, съ другой — постепенность охлажденія полярныхъ странъ и необыкновенную продолжительность третичнаго періода въ этомъ поясѣ. Далѣе: эти же открытія показываютъ, что нѣкоторые виды деревъ, какъ напримѣръ наша ель, первоначально, до своего распространенія по всему нашему континенту, росла только въ предѣлахъ полярнаго круга. Хотя и нельзя не согласиться, что земная температура на этомъ поясѣ уменьшилась пропорціонально широтѣ и что охлажденіе арктическихъ странъ, наступившее, вѣроятно, еще въ началѣ мѣловаго періода, шло очень медленно, тѣмъ не менѣе весьма трудно найти какую нибудь опредѣленную космическую или астрономическую причину этого великаго явленія. Не подлежитъ сомнѣнію, что арктическій міоценовый лѣсъ былъ также оживленъ животными организмами; но до сихъ поръ найденъ только одинъ экземпляръ рогача или еленца (*Carabites Feildenianus* Hr.). Между тѣмъ, вышеупомянутое нахожденіе водяной лиліи (*Nymphaea*) указываетъ на присутствіе здѣсь прѣсной воды, не замерзавшей нѣкоторое время года..

Такъ какъ растительное царство говоритъ яснымъ и понятнымъ языкомъ о прошломъ полярныхъ странъ, то, съ другой стороны, сдѣланы уже тщательныя попытки, на основаніи теперешняго распространенія животныхъ въ арктическомъ поясѣ, вывести заключеніе о прошедшемъ этого пояса. Заключеніе это важно вытекающимъ изъ него слѣдствіямъ. Напримѣръ, констатированъ фактъ, что арктическія животныя могутъ быть, по своему распространенію тамъ, приурочены ко многимъ различнымъ между собою поясамъ, далѣе — тоже фактъ: тѣ животныя, которыя водятся въ каждомъ изъ этихъ поясовъ, встрѣчаются окаменѣлыми въ странахъ, находящихся между собою въ такомъ же географическомъ и климатологическомъ отношеніи, какъ эти пояса. Извѣстный шведскій естествоиспытатель Отто Торель выводитъ изъ этихъ фактовъ заключеніе, что прежде арктическій край имѣлъ гораздо большее протяженіе ¹⁾. Съ этимъ протяженіемъ, по его мнѣнію, находятся въ связи эрратическія явленія въ Скандинавіи, какъ-то: морены, шлифованныя скалы ²⁾, эрратическія валуны.

¹⁾ Petermann's „Geograph. Mittheil“. 1861, стр. 61.

²⁾ Это дѣйствительно скалы съ полированной поверхностью. Полировку или шлифовку произвели льды. Обломки подобныхъ скалъ встрѣчаются среди эрратическихъ валуновъ, такъ что въ общее понятіе валуновъ входятъ и эти обломки шлифованныхъ скалъ. Образчики подобной естественной шлифовки напримѣръ гранита можно видѣть въ любомъ минералогическомъ кабинетѣ.

и т. п. По отношенію къ Скандинавіи, эти явленія, какъ и на Альпахъ,—могутъ быть объяснены только предположеніемъ, что глетчеры (ледники) нѣкогда простирались за предѣлы Скандинавскаго полуострова. Какъ въ Скандинавіи, такъ и въ Великобританіи, въ Сѣверной Америкѣ и въ Исландіи, существуютъ остатки древнихъ глетчеровъ, указывающихъ, что прежде въ этихъ мѣстностяхъ былъ болѣе холодный климатъ. Такъ какъ въ Скандинавіи не встрѣчается третичныхъ образованій въ собственномъ смыслѣ слова, такъ какъ затѣмъ въ Европѣ существуютъ многочисленные слѣды ледяного періода, характеризовавшагося большимъ протяженіемъ глетчеровъ (ледниковъ), и, повидимому, совпадавшаго съ концомъ третичнаго періода и съ началомъ нынѣшняго четвернаго періода, то предполагаемое Торелемъ прежнее протяженіе полярной области съ ея болѣе холоднымъ климатомъ, могло, во всякомъ случаѣ, имѣть мѣсто лишь долго спустя послѣ миоценовой эпохи. Последняя имѣла значительно болѣе высокую температуру, какъ это доказываютъ ископаемые остатки флоры.

Для разрѣшенія геологическихъ проблемъ долгое время пользовались преимущественно географіею растений. Если взять въ расчетъ, какъ легко растительныя сѣмена переносятся черезъ обширныя моря воздушными и морскими течениями, птицами и т. п. средствами, то представляется желательнымъ полученныя этимъ путемъ выводы примѣнить также къ географическому распространенію тѣхъ животныхъ, транспортировка которыхъ черезъ моря немыслима. Извѣстно, что Альфредъ Россель Уалласъ сдѣлалъ весьма успѣшную попытку раскрыть этимъ путемъ прошлое Малайскаго архипелага. Профессоръ докторъ Густавъ Эгеръ въ Штутгартѣ подобнымъ же образомъ воспользовался географіею животныхъ для исторіи сѣверныхъ полярныхъ странъ. Если мы бросимъ взглядъ на тѣхъ животныхъ, для которыхъ суша единственное жилище и которыя не имѣютъ способности, какъ птицы, переноситься черезъ обширныя водяныя пространства, то прежде всего насъ поразитъ то обстоятельство, что всѣ эти животныя, изъ класса млекопитающихъ, птицъ (разумѣется, только не имѣющихъ способности летать) и пресмыкающихся, равно и многія водяныя только въ прѣсной водѣ, имѣютъ кольцеобразныя области своего распространенія, заключенныя между параллельными кругами. Большую частью на это распредѣленіе не обращаютъ ни какого особеннаго вниманія и эти линіи географическаго распредѣленія животныхъ почти только сопоставляются (какъ бы мимоходомъ) съ линіями средней годовой теплоты (изотермами). Дѣйствительно вѣрно, что изотермы составляютъ главнѣйшія условія существованія какъ для животныхъ, такъ и для растений и, благодаря имъ, вполне объяснимо, почему области ихъ

распространенія расширяются болѣе съ востока на западъ, чѣмъ съ юга на сѣверъ. Тѣмъ не менѣе, этимъ отнюдь не объясняется—какъ доказываетъ докторъ Эгеръ—тотъ фактъ, что множество животныхъ, обитающихъ на сушѣ, въ взаимно-замѣщающихъ другъ друга породахъ, одновременно водятся подъ одними и тѣми же градусами широты Старого и Нового Свѣта, т. е. жилища ихъ описываютъ круги, прерывающіеся только Атлантическимъ и Тихимъ океанами. Такіе одновременно водящіеся въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ виды животныхъ суть: медвѣди, лисицы, волки, суслики, мыши, олени, кошки, верблюдообразныя, куница, выдры, страусы, свиньи, быки и т. п.

Если мы зададимся отысканіемъ центра для этихъ поясовъ или круговъ, то такимъ центромъ, по самому существу дѣла, можетъ быть только какой-либо изъ обоихъ полюсовъ, по крайней мѣрѣ это правило вѣрно въ примѣненіи къ животнымъ, населяющимъ сѣверный полюсъ. Это можно объяснить слѣдующимъ образомъ: около сѣвернаго полюса, находятся поясы или круги, въ которыхъ водятся только какой-либо одинъ видъ животныхъ: полярная лисица, бѣлый медвѣдь; южнѣе, но еще въ арктической и подъарктической области, мы находимъ поясы или круги, внутри которыхъ водятся два близко родственные вида, одинъ изъ Старого и одинъ изъ Нового Свѣта: сѣверный олень, лось, бизонъ. Далѣе къ югу содержаніе поясовъ становится богаче и разнообразностей представляется болѣе, онѣ заключаютъ уже подраздѣленія (subgenera) лань, сусликъ и т. д. Наконецъ еще далѣе къ югу круги эти обнимаютъ уже ясно отличающіеся роды животныхъ (genera),—напримѣръ: поясъ страусообразныхъ птицъ, поясъ свиней, поясъ верблюдообразныхъ, поясъ крокодиловъ, поясъ лягушекъ и т. д. Теперь какъ же представить центральное отношеніе сѣвернаго полюса къ фаунѣ этихъ странъ? По мнѣнію Эгера, это можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ: предки указанныхъ животныхъ—въ генеалогическомъ смыслѣ этого слова—когда-то водились въ сѣверно-полярной странѣ, находившейся въ связи съ Старымъ и Новымъ свѣтомъ, а измѣненіе климатическихъ условій отодвинуло, кольцеобразными рядами, всю эту фауну къ экватору. Множество данныхъ указываютъ даже на то, что процессъ такого передвиженія повторялся нѣсколько разъ. Поэтому оказывается, что эти поясы животныхъ обнимаютъ разбросанныхъ потомковъ нѣкогда существовавшей полярной фауны. Профессоръ Эгеръ своими изысканіями о географическомъ распространеніи оленя ¹⁾, произведенными имъ вмѣстѣ съ докторомъ Эмилемъ Бесселемъ, доказалъ, что сѣверный

¹⁾ Peterman's „Geograph. Mittheil“. 1870, стр. 82—92.

полюсь дѣйствительно играетъ роль географическаго центра ¹⁾ разселенія животныхъ. Карта распространенія оленя, приложенная къ труду пр. Эгера, показываетъ пять родственныхъ между собою линій, пересѣкающихъ моря между Старымъ и Новымъ свѣтомъ. Самая южная линія соединяетъ между собою безрогія ископаемыя формы новѣйшихъ эоценовыхъ пластовъ, вторая же, болѣе сѣверная, связываетъ изюброобразнаго миоценоваго мунтъ-яка Европы съ сѣверо-американскими формами.

Далѣе къ сѣверу тянется линія между канадскимъ оленемъ и европейско-азиатскими элафидами, и, наконецъ, линія, устанавливающая связь между оленями и лосями древняго и новаго міра. Эти три послѣднія линіи по времени почти совпадаютъ, связывая диллювіальныя и новѣйшія формы Европы съ новѣйшими формами Америки.

Изъ этого естественно вытекаетъ то же самое слѣдствіе, которое получается при наблюденіи другихъ отдѣловъ животнаго и растительнаго царствъ, именно: Америка и Европа по крайней мѣрѣ два раза, т. е. до и послѣ ледянаго періода, были соединены между собою. Противъ прежняго воззрѣнія о размѣнѣ, происшедшемъ между Старымъ и Новымъ свѣтомъ черезъ Беринговъ проливъ и противъ предположенія, созданнаго впервые Унгеромъ, о большомъ островѣ „Атлантидѣ“, который, по его мнѣнію, лежалъ, будто бы, среди самаго глубокаго и широкаго мѣста Атлантическаго океана, Густавъ Эгеръ утверждаетъ, что связь должно быть существовала между Скандинавіею и Гренландіею, равно какъ и между Гренландіею и восточною Америкою, и что соединяющій перешеекъ, вѣроятно, простирался до Исландіи. На основаніи распространенія саламандры, Эгеръ выводитъ заключеніе, что, по всей вѣроятности, существовала сѣверная полярная земля, соединявшая Европу съ одной стороны съ восточною Америкою, а съ другой съ Японіею. Это послѣднее соединеніе, по предположенію Эгера, обуславливалось протяженіемъ материка Гренландіи по направленію къ Берингову проливу, каковое протяженіе Гренландіи предполагается также д-ромъ Петерманомъ и Парпартомъ. Все это, разумѣется, пока только догадки, но догадки имѣющія несомнѣнное научное значеніе, такъ какъ онѣ по меньшей мѣрѣ указываютъ, въ какомъ направленіи должны быть предприняты будущія изслѣдованія. Даже для исторіи человѣческаго рода предположеніе Эгера не лишено значенія. „Не подлежитъ сомнѣнію, что человѣкъ сѣвернаго полушарія былъ современникомъ мамонта, носорога и т. д., что мамонтъ водился на берегахъ Ледовитаго океана. Если же такъ,

¹⁾ «Gegraph. Mittheil.», дополненіе, стр. 16.

Гетчеръ Гиндла въ проливѣ Китовъ (въ Гренландіи).

то остается только доказать, что высказанное прежде предположеніе о связи между Европою и Америкою совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, къ которому относятся найденныя вмѣстѣ кости людей и упомянутыхъ животныхъ, чтобы какъ нельзя лучше объяснить кольцеобразное или, правильнѣе, космополитическое расположеніе человѣческаго рода на земномъ шарѣ—люди жили также и на замкнутыхъ берегахъ Ледовитаго океана“¹⁾). Надо прибавить, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ антропологовъ, самые первобытные люди Европы, не только по своему тѣлосложенію, но еще болѣе по остаткамъ своей первобытной утвари и орудій представляютъ поразительное сходство съ теперешними полярными поселенцами. И вотъ почему нѣкоторые считаютъ короткоголовую расу людей доисторическаго періода, распространенную и въ нынѣшней Германіи, расою лапскаго происхожденія, или по крайней мѣрѣ весьма сходнаго съ послѣднимъ; между тѣмъ другіе, какъ напримѣръ, англійскій антропологъ Виліамъ Бойдъ Даукинсъ, относятъ эту расу къ гренландскимъ эскимосамъ, которыхъ прежнія жилища имѣютъ замѣчательное сходство съ древними сѣлепами, находимыми въ южной Швеціи, Даніи и Шлезвигѣ.

Но я возвращаюсь къ сѣверному полюсу. Къ какимъ геологическимъ явленіямъ должно отнести то обстоятельство, что оба полюса играютъ столь разнохарактерную роль въ исторіи распространенія органической жизни на земномъ шарѣ? Этотъ вопросъ, разумѣется, чисто геологическій, можетъ быть выраженъ такъ: какія существуютъ причины неравнобѣрнаго накопленія образующихъ материкъ наносовъ на обоихъ полушаріяхъ? Непосредственно приступить къ разработкѣ этого вопроса нельзя: для этого недостаточны геогностическія детали; только удовлетворительно выясненный предшествовавшій фактъ позволяетъ дѣлать нѣкоторые выводы въ этомъ отношеніи. Такимъ предшествовавшимъ фактомъ, имѣющимъ существенное значеніе, профессоръ Эгеръ называетъ уклоненіе земли отъ полюса²⁾ (полюсо-бѣжность земли). Не только ежедневными наблюденіями, но и многими изслѣдованіями ледянаго періода признано имѣющимъ громадное геологическое значеніе одно обстоятельство. Вотъ въ чемъ дѣло. Отрываясь отъ покрытыхъ глетчерами или обледенѣлыхъ материковъ, такъ называемыя ледяныя горы уносятъ съ собою громадныя массы земныхъ осадковъ, продуктовъ разрушенія горныхъ породъ. Затѣмъ, уже извѣстно, что

¹⁾ Эгеръ въ «Ausland», 1865 г., стр. 867.

²⁾ Сходна съ этимъ воззрѣніемъ встрѣчается у Г. Генесси (Proceeding of the royal Irish Academy, часть IV, стр. 333 и слѣд.); но, сколько мнѣ извѣстно, вышеизложенную теорію никто не утверждалъ на такихъ прочныхъ основаніяхъ, какъ г. Эгеръ.

эти, такъ сказать, фрахты необходимыхъ для материка образованій совершаются постоянно по направленію къ экватору. Причина такого явленія весьма проста: морское теченіе, подобно воздушному, имѣетъ такого рода вращательное движеніе, что получившая болѣе высокую температуру вода направляется къ полюсу, а охлажденная къ экватору. Эти теченія проходятъ частью одно возлѣ другого, частью же одно поверхъ другого. Уже само собою представляется естественнымъ и доказывается нынѣ существующими отношеніями, что обледенѣніе или наслоеніе глетчеровъ совершается не на тѣхъ берегахъ, которые обмываются теплымъ экваторіальнымъ теченіемъ, но на берегахъ, обмываемыхъ холоднымъ полярнымъ теченіемъ, и такимъ образомъ отдѣлившіеся ледники (глетчеры) должны всегда принимать экваторіальное направленіе; но вмѣстѣ съ ними массы продуктовъ вывѣтриванія уносятся отъ полюса и направляются къ экватору, т. е. становятся полюсобѣжными.

Но если это такъ, то спрашивается: бываютъ ли полярныя страны, въ свою очередь, вознаграждаемыя обратными наносами за переносимую ими потерю? Можно бы предположить, что экваторіальное теченіе захватываетъ съ собою доставляемыя рѣчными разливами массы отложеній и приноситъ ихъ къ полюсамъ; однако, уже независимо отъ того, что эти наносы ни въ какомъ случаѣ не могли бы служить достаточнымъ восполненіемъ, надо еще замѣтить, что эти теченія недостаточно сильны для воспрепятствованія этимъ сплавнымъ массамъ осаждаться на днѣ, и вслѣдствіе этого унесенныя экваторіальнымъ теченіемъ массы попадаютъ въ проходящее подъ нимъ полярное теченіе. Последнее несетъ ихъ снова къ югу по крайней мѣрѣ на столько же, на сколько теченіе экваторіальное унесло ихъ къ сѣверу. И вотъ, поэтому-то не только нельзя предполагать какого-либо восполненія, въ указанномъ смыслѣ, но представляется яснымъ совершенно другого рода явленіе. Именно: полярное теченіе, кромѣ ледяныхъ глыбъ, уноситъ, по направленію къ экватору, и механически-измельченныя частицы, продукты разложенія породъ.

Въ какихъ обширныхъ размѣрахъ совершается этотъ уносъ раздробленныхъ вывѣтриваніемъ частицъ—нагляднымъ доказательствомъ тому служитъ огромное протяженіе германо-сарматскихъ низменностей. Еще и теперь мы видимъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обитаютъ ледяныя горы, тамъ совершаются образованія земныхъ слоевъ: напримѣръ, у береговъ восточной Америки вырастаетъ Ньюфаундлендъ съ своими песчаными отмелями, а на западномъ берегу съ южнымъ предѣломъ ледяныхъ горъ совпадаетъ гряда Алеутскихъ острововъ, вулканическія явленія которыхъ составляютъ, можетъ быть, послѣдствія загрузки ихъ ледяными глыбами.

Такимъ образомъ результатомъ всего этого процесса является раздробленіе полярныхъ странъ, расширеніе полярнаго моря и наносъ механически-измельченныхъ осадковъ ближе къ экватору. Сравнивая сѣверное полушаріе съ южнымъ, мы увидимъ, что на южномъ полушаріи относь земли изъ полярныхъ странъ былъ гораздо значительнѣе, чѣмъ на сѣверномъ, и что наносъ земли на южномъ полушаріи находился ближе къ экватору. Если мы станемъ отыскивать причины этого явленія, то намъ немедленно бросится въ глаза одна изъ нихъ. На сѣверномъ полушаріи горные хребты Стараго Свѣта тянутся по направленію параллельныхъ круговъ; въ Америкѣ же хребты западнаго и восточнаго побережья образуютъ открытый къ сѣверу треугольникъ. На южномъ полушаріи, напротивъ, всѣ хребты тянутся по направленію меридіановъ. Давно уже оставлено мнѣніе, что горные хребты имѣютъ значеніе остововъ материка; нѣкогда говорили, что горные хребты сформировались прежде, а затѣмъ около нихъ уже образовались наслоенія равнинъ и низменностей. Но извѣстно, что возвышеніе торъ совершилось послѣ образованія суши. Съ другой стороны нельзя считать ошибочнымъ мнѣніе, что линіи горъ суть указатели тѣхъ направленій, по которымъ отлагалась суша.

Теперь: если мы представимъ, что по первобытному морю тянулись плоскія гряды острововъ въ томъ направленіи, въ какомъ нынѣ тянутся горные хребты, то на сѣверномъ полушаріи они должны были образовать нѣчто въ родѣ граблей, задерживавшихъ массы земныхъ осадковъ, пригоняемыхъ съ сѣвернаго полюса, тогда какъ на южномъ полушаріи таковаго задержанія быть не могло, поэтому здѣсь наносъ осадковъ долженъ былъ совершаться гораздо ближе къ экватору, чѣмъ на сѣверномъ полушаріи.

Сейчасъ сказанное весьма удовлетворительно совпадаетъ съ современными явленіями, замѣчаемыми на земной поверхности. И это побуждаетъ насъ рассмотреть еще ближе феноменъ полюсности земли. Само собою разумѣется, что одни наблюденія надъ ледяными горами не могли служить объясненіемъ для столь усиленнаго передвиженія массъ земли по направленію къ экватору, ибо въ настоящее время ледяныя горы приближаются къ экватору только до 35° широты, и то лишь въ одномъ мѣстѣ южнаго полушарія, стало быть далеко не до того мѣста, гдѣ совершилось самое большое накопленіе земныхъ осадковъ. Но если внимательнѣе всмотримся въ Средиземное море, то насъ поразитъ одно, уже выше упомянутое, обстоятельство. Въ этомъ пунктѣ земной поверхности, конечно, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо вліяніи ледниковъ (глетчеровъ): тѣмъ не менѣе и здѣсь замѣчается постепенное обмеленіе песчаными наносами. Это явленіе замѣчается

около южного побережья, т. е. вдоль сѣверной окраины Африки; но въ то же время по сѣверному побережью Средиземнаго моря, т. е. по южной окраинѣ Европы, не только не существуетъ подобнаго обмеленія (исключая совершенно рыхлые наносы), а напротивъ—берегъ здѣсь уменьшается процессомъ вывѣтриванія.

Итакъ въ Средиземномъ морѣ еще и теперь имѣеть мѣсто полюсобѣжность земли. Въ Балтійскомъ морѣ встрѣчается, повидимому, тоже явленіе; образованіе днѣя совершается здѣсь только у южнаго берега. Причину, производящую подобное явленіе здѣсь составляютъ единственно морскія теченія. Теплая вода, какъ легчайшая, постоянно течетъ въ верхнихъ слояхъ моря, холодная же, вслѣдствіе своей тяжести, течетъ въ нижнихъ слояхъ. Затѣмъ только холодное теченіе, проходящее по дну морскому, можетъ переносить осадки земли и песку, верхнее теченіе въ этомъ процессѣ не участвуетъ. Отъ этого-то передвиженіе осадочныхъ массъ должно совершаться и въ болѣе низкихъ широтахъ, и постоянно по направленію къ экватору. Для того, чтобы соображеніе это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, правда, слѣдовало бы еще доказать, что теченіе воды въ нижнихъ слояхъ имѣеть достаточно силы для транспортированія массы осадковъ. Можетъ быть, впрочемъ, внимательное сравненіе наноснаго песка побережья сѣверной Африки съ массами горныхъ образований, прилегающихъ къ берегамъ южной Европы, доказало бы, что существуетъ подобная транспортировка въ нижнихъ слояхъ моря, измѣняющая географическое положеніе Средиземнаго и Балтійскаго морей по направленію къ полюсу.. Если бы это подтвердилось, тогда можно бы было сдѣлать слѣдующее предположеніе. Отсутствіе осадочныхъ образований въ южномъ полушаріи происходитъ отъ того, что морскія теченія и, послѣ достаточнаго охлажденія, даже ледяныя горы, не встрѣчая на пути ни какихъ препятствій, очистили южное полушаріе и передвинули осадочныя образованія ближе къ экватору. Принявъ эту гипотезу, можно сдѣлать еще болѣе широкое заключеніе относительно древняго періода земли, а именно: что полярныя отложенія были первою сушею, можетъ быть вслѣдствіе вызваннаго центробѣжною силою накопленія водъ въ экваторіальномъ поясѣ. Затѣмъ эта суша стала постоянно уклоняться отъ полюсовъ, (сдѣлавшись полюсобѣжною) гдѣ она возмѣщалась непрерывно продолжавшимся поднятіемъ. Подобное явленіе, можетъ быть, существуетъ еще и теперь, по крайней мѣрѣ, около Нордкапа и теперь совершается поднятіе. Такимъ образомъ изъ массъ, переносимыхъ по направленію къ экватору, образовались осадочныя горныя породы, составляющія основаніе позднѣйшихъ континентовъ.

Если мы возвратимся теперь къ разрѣшенію задачи, касающейся географическаго распредѣленія животныхъ, то найдемъ, что нарушеніе связи между сушею южнаго полюса и южными оконечностями материковъ, вѣроятно, совершилось вскорѣ послѣ появленія млекопитающихъ и птицъ (Kleiderthire); ибо изъ нихъ, повидимому, только отрядъ беззубыхъ или неполнозубыхъ и страусообразныя птицы имѣютъ южный полюсъ своимъ географическимъ центромъ. Во всю послѣдующую весьма продолжительную эпоху, только страны сѣвернаго полюса служили естественными мостами между частями свѣта для переселенія организмовъ, живущихъ на сушѣ, и отъ того-то такое большое число порядковъ животнаго царства окружаетъ сѣверный полюсъ.

При помощи вышеизложеннаго, профессоръ Эгеръ пытается реконструировать самый порядокъ геологическихъ образованій. При данныхъ обстоятельствахъ эта попытка не лишена интереса. Если сравнить западное побережье острововъ Великобританіи и Норвегіи съ восточными берегами, тѣхъ же странъ, то всякому бросится въ глаза неправильно-зубчатое, какъ бы изгрызенное, очертаніе этихъ западныхъ береговъ. Если мы будемъ искать причины подобнаго явленія, то легко придемъ къ мысли, что подобная форма береговъ есть послѣдствіе вывѣтриванія, чему весьма благоприятствуетъ мѣстный климатъ, а затѣмъ это же явленіе происходитъ отъ дѣйствія морскаго прибоя, отъ сильныхъ буруновъ. Теперь уже метеорологи не сомнѣваются въ томъ, что климатъ Британіи и Норвегіи обусловливается преимущественно гольфштромомъ и теплымъ воздушнымъ теченіемъ, проходящимъ въ томъ же направленіи. Последнее могло бы быть названо воздушнымъ гольфштромомъ. Оба эти теченія приносятъ къ западнымъ берегамъ Европы возвышенную температуру и большой запасъ влажности и создаютъ такимъ образомъ цѣлую полосу, содержащую массы непостоянныхъ, легко измѣняющихся осадковъ, составляющихъ первое условіе процесса вывѣтриванія. Итакъ мы не ошибемся, если скажемъ, что всѣ омываемые этимъ гольфштромомъ (т. е. сѣвернымъ его рукавомъ) берега постепенно отступаютъ по направленію отъ запада къ востоку, такъ что прежде они были гораздо западнѣе. Вторая германская экспедиція къ сѣверному полюсу удостовѣрила, что узкая полоса гольфштрома достигаетъ 80° сѣв. шир. и даже переходитъ за этотъ предѣлъ. Поэтому-то можно предположить, что берега Европы по всей западной линіи до самаго Шпицбергена постепенно тоже отступаютъ въ указанномъ сейчасъ направленіи.

Чтобы опредѣлить объемъ какъ общаго, такъ и мѣстнаго уменьшенія, претерпѣваемаго отъ этого континентомъ Европы, слѣдуетъ

прежде всего принять въ расчетъ, что на протяженіи побережья, омываемаго гольфштромомъ, размѣръ вывѣтриванія долженъ увеличиваться по мѣрѣ приближенія къ полюсу. Уже теоретически понятно, что въ этомъ процессѣ играютъ важнѣйшую роль разрывы и растрескиваніе прибрежныхъ пластовъ отъ зимнихъ морозовъ. Такое теоретическое предположеніе дѣйствительно подтверждается очевидцами-путешественниками. Но важнѣйшее условіе для общей оцѣнки ущерба вывѣтривающихся береговыхъ массъ составляетъ опредѣленіе размѣра относовъ. Основаніемъ для этого могутъ служить слѣдующія соображенія: если гольфштромъ разрушаетъ тѣ берега, которыхъ онъ касается, то для относа разрушаемой и размываемой массы нужно предположить встрѣчное гольфштрому теченіе (анти-гольфштромъ). Въ какомъ же отношеніи находится подобное встрѣчное теченіе къ самому гольфштрому въ области сѣверно-атлантическаго моря? Чтобы легче понять это, представимъ себѣ, что гольфштромъ встрѣчаетъ береговую полосу, простирающуюся кривою линіею отъ Нордкапа черезъ Шпицбергенъ до Гренландіи, такъ что Гренландское и Норвежское моря составили бы большой заливъ, соотвѣтствующій Мексиканскому. Въ данномъ случаѣ гольфштромъ сталъ бы всею силою производить давленіе на скандинавскій берегъ, потому что онъ и направленіе-то имѣлъ бы по линіи этого берега. Въ самой сѣверной части предполагаемаго залива долженъ тогда совершиться поворотъ теченія, на встрѣчу гольфштрому. Большая часть этого встрѣчнаго теченія должна пройти подъ гольфштромомъ по югозападному направленію. Дѣйствительно, существованіе анти-гольфштрома въ этомъ направленіи поставлено внѣ сомнѣнія путемъ измѣренія температуры тепла въ этомъ мѣстѣ. Но такъ какъ гольфштромъ производитъ давленіе на скандинавскій берегъ, то встрѣчное теченіе отодвигается къ гренландскому берегу и тамъ является въ видѣ холоднаго береговаго теченія, имѣющаго направленіе къ югу. Разсматривая все это въ отвѣсномъ разрѣзѣ, мы увидимъ, что встрѣчное гольфштрому теченіе (анти-гольфштромъ) составляетъ какъ бы ложе для самого гольфштрома, наклоненное у Скандинавіи ко дну моря, въ то время какъ прилегающій къ Гренландіи край этого ложа выходитъ до уровня воды.

Какое же имѣютъ вліяніе эти теченія на побережье предполагаемаго арктическаго залива? Гольфштромъ приноситъ къ скандинавскому берегу влажный и теплый воздухъ, способствующій вывѣтриванію и разрушенію береговыхъ образований, часть каменныхъ породъ онъ химически растворяетъ, другую часть раздробляетъ механически. Вотъ эти-то механически раздробленные

частички исключительно и подвержены удаляющей силѣ прибрежнаго теченія; но такъ какъ эта сила дѣйствуетъ вращательно, то она передвигаетъ эти размельченные части постепенно отъ скандинавскаго берега по вершинѣ кругомъ залива къ гренландскому, а вдоль этого, дѣйствіемъ гренландскаго береговаго теченія, масса эта направляется къ югу и наносится на Ньюфаундлендскую косу. Долго не было выяснено, что именно уносить съ собою проходящее подъ гольфштромомъ встрѣчное теченіе; вѣроятнымъ представлялось только то предположеніе, что это уносимое ни въ какомъ случаѣ не составляли частички разрушенныхъ горныхъ породъ. Но вопросъ этотъ могъ быть разрѣшенъ изслѣдованіемъ морского дна. Англичане произвели подобнаго рода изслѣдованія въ обширныхъ размѣрахъ. Всюду англійскіе изслѣдователи нашли мелкій мѣловой осадокъ, образовавшійся изъ тонкихъ и нѣжныхъ мѣловыхъ панцирей животныхъ, сходныхъ съ тѣми, которыхъ ученый Эренбергъ признаетъ строителями и нашихъ европейскихъ мѣловыхъ пластовъ. Теперь дѣло уже представляется яснымъ; глубокая часть анти-гольфштрома уносить съ собою частички, растворенныя въ водѣ при сѣверномъ вывѣтриваніи, а мѣловыя животныя, живущія на днѣ моря, осаждаютъ ихъ, образуя изъ нихъ свои панцири. Но при этомъ нужно еще устранить кой-какое недоразумѣніе.

Многіе склонялись къ тому воззрѣнію, что гольфштромъ поставляетъ мѣловой запасъ, мѣсто добычи котораго Мексиканскій заливъ. Этотъ взглядъ былъ бы тогда только вѣренъ, если бы мѣловыя инфузоріи, подобно кремнистымъ, жили, плавая въ верхнихъ слояхъ моря, сбрасывая на дно моря только свои отжившіе панцири. Но такъ какъ уже не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мѣловыя инфузоріи живутъ только на днѣ моря, то очевидно, что анти-гольфштромъ доставляетъ имъ матеріалъ для панцирей, а мѣстомъ добыванія матеріала является Европа въ своихъ сѣверныхъ частяхъ. Теперь разсмотримъ ближе вліяніе, которое производятъ гольфштромъ и анти-гольфштромъ на гренландское побережье предположеннаго нами выше арктическаго залива. Хотя къ этому побережью силою береговаго теченія и приносятся скандинавскіе отвалы (что и доказано зондировкою), но они здѣсь не остаются, а проходятъ мимо, осаждаясь только ближе къ экватору, вѣроятно, у Ньюфаундлендской косы. Итакъ гренландскому берегу ничего не достается отъ этого передвиженія массъ; напротивъ, такъ какъ около берега Гренландіи холодное встрѣчное теченіе гольфштрома выходитъ на поверхность моря, то на Гренландіи существуетъ холодный климатъ со всѣми его послѣдствіями, т. е. образованіемъ ледниковъ (глетчеровъ) и отколкомъ ледяныхъ горъ. Этимъ обу-

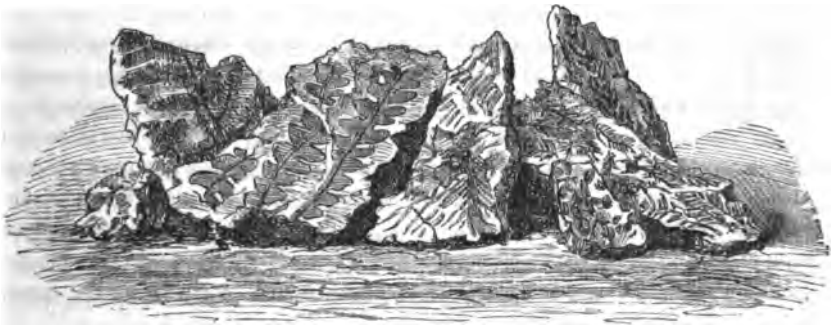
словливается громадная потеря образовательной субстанции для твердой земли, такъ что берегъ Гренландіи, отступая, измѣняется и береговое его теченіе, унося съ собою скандинавскій щебень (обвалы), загружается еще обломками гренландскихъ ледяныхъ горъ. Эту потерю образовательныхъ субстанцій, существующую между Гренландією и Скандинавією, профессоръ Эгеръ называетъ ухищреннымъ дѣйствіемъ гольфштрома (*Artefact des Golfstromes*) и утверждаетъ: „на этомъ мѣстѣ прежде былъ перешеекъ, размытый гольфштромомъ, а унесенныя массы земли находятся на глубинѣ Атлантическаго океана въ двухъ видахъ, а именно въ видѣ нерастворенныхъ частей, какъ, напримѣръ, въ видѣ щебня, находящагося въ области американскаго холоднаго прибрежнаго теченія, и въ растворенномъ видѣ, въ видѣ мѣловыхъ осадковъ, всюду, гдѣ только анти-гольфштромъ проходитъ подъ гольштромомъ“.

Если мы рассмотримъ карту глубины моря въ сѣверной части Атлантическаго океана, то увидимъ, что неглубокая полоса воды проходитъ посрединѣ океана, отъ Роккалліа черезъ Азорскіе острова до 20° сѣв. шир. и 57° западной долготы, считая отъ Гриничскаго меридіана, то-есть въ томъ же направленіи, въ какомъ по дну морскому должна проходить часть анти-гольфштрома. Эта полоса, этотъ, такъ сказать, порогъ и справа и слѣва окаймленъ значительными морскими глубинами, которыя простираются въ глубь на 1,000 саж. въ сложности болѣе, чѣмъ эта полоса. Высчитывая приблизительно ихъ кубическое содержаніе, равно какъ и кубическое содержаніе Ньюфаундлендской косы, мы получимъ, примѣрно, 26,000 кубич. миль. Теперь уже болѣе нечего апеллировать къ геологическому *Deus ex machina*, къ силамъ, производящимъ поднятіе и погруженіе для того, чтобы вполне разъяснить столь бросающійся въ глаза континентальный пробѣлъ на нашемъ сѣверномъ полушаріи между Скандинавією и Гренландією, съ одной стороны, съ другой — между Исландією и Шпицбергеномъ. Чтобы восполнить этотъ континентальный пробѣлъ, нужно 21,000 куб. миль матеріала. Этимъ могутъ удовлетвориться требованія географовъ растительнаго и животнаго царствъ.

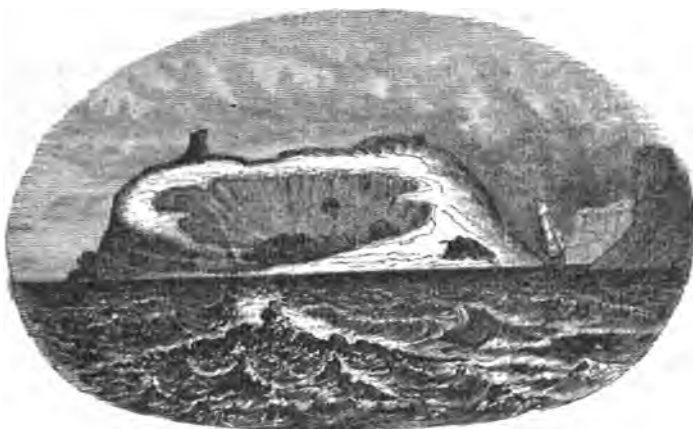
Гренландія и Скандинавія суть остатки существовавшаго въ міоценовый періодъ материка, названнаго Эгеромъ, въ противоположность предположенію Унгера о существованіи міоценовой Атлантиды, „Арктидою“. Разрушеніе этого материка есть дѣло гольфштрома. Не интересно ли, что именно на томъ мѣстѣ, гдѣ, по предположенію штутгартскаго профессора Эгера, находилась разрушенная гольфштромомъ Арктида, въ новѣйшее время открыты Хейглинныиъ и графомъ Цейльсомъ земля короля Карла, а еще позд-

нѣ земля императора Франца-Иосифа, а въ самое послѣднее время еще полярный островъ „Уединеніе“ (Einsamkeit). На всѣ эти земли можно указать, какъ на остатки прежняго полярнаго континента ¹⁾).

¹⁾ «Ausland» 1874, стр. 827—830. Геологи и географы имѣютъ полное основаніе придать ученію Эгера о транспортированіи механически раздробленныхъ частицъ, вывѣтрившихся породъ большое значеніе. Изъ всѣхъ теорій, разсматривающихъ распредѣленіе суши и воды по земной поверхности, теорія Эгера представляется важнѣйшею и плодотворнѣйшею по своимъ послѣдствіямъ, потому что, при ея помощи, есть надежда привести въ генетическую связь многія детали какъ на сушѣ, такъ на днѣ морскомъ. Затѣмъ неизбежное слѣдствіе его теоріи, доказывающей, что и древнія морскія осадочныя породы имѣютъ полярное происхожденіе, можетъ бросить яркій свѣтъ на исторію образованія земной коры.

Изъ окаменѣлой лѣсной растительности арктическаго пояса.

Провалившаяся ледяная гора.

ПРИРОДА СЪВЕРНЫХЪ ПОЛЯРНЫХЪ СТРАНЪ.

НОБЫ получить хотя приблизительное понятіе о современной природѣ въ арктическихъ широтахъ, удобнѣе всего повторить уже нѣсколько разъ сдѣланное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно удачное сравненіе ея съ областью глетчеровъ, столь близко придвинувшихся къ намъ горныхъ альпійскихъ цѣпей. Это сходство, какъ замѣчаетъ знаменитый Освальдъ Геръ, выражается какъ въ органической, такъ и въ неорганической природѣ этихъ мѣстъ. Лишь только, говоритъ Геръ, мы подымемся изъ низменныхъ равнинъ на хребты Альпъ, какъ замѣтимъ, что по мѣрѣ восхода въ высшія области все болѣе и болѣе сокращается и теплое время года; на высотѣ 2,600 метровъ и выше, среди лѣта, всѣ плоскія мѣста покрыты снѣгомъ и только отдѣльные островки выдѣляются изъ сплошной ледяной массы. Точно также и на сѣверѣ: здѣсь уже въ Исландіи отдѣльные глетчеры (ледники) спускаются до самаго моря, а сѣверная Гренландія вся покрыта необозримыми ледниками, и уже около 70° сѣверной широты среди лѣта только отдѣльные прибрежныя полосы освобождаются отъ снѣга и являются оазисами въ неизмѣримой ледяной пустынѣ. Д-ръ Г. К. Лаубе, участвовавшій во второй германской экспедиціи къ сѣверному полюсу въ 1869—1870 годахъ, чрезвычайно картинно описываетъ эти сѣверные глетчеры, сравнивая ихъ также съ областью Альпъ.

„Эти дикія скалистыя мѣстности,—безъ деревца, безъ кустика, покрытыя только тамъ и сямъ виднѣющимися зеленовато-бурыми га-

зонами—эти горы простираютъ свои голыя, причудливыя, по разнообразію своихъ зубчатыхъ очертаній вершины, до небесъ. Между зубцами ихъ водворился вѣчный ледъ, покрытый туманною тканью и выдѣляющій, при солнечныхъ лучахъ, множество маленькихъ ручейковъ. Отдѣльныя глыбы льда, спускаясь постепенно ниже, наконецъ соединяются въ одну обширную ледяную массу, которая въ видѣ застывшаго ледника (глетчера) съ синеватымъ блескомъ движется впередъ. Чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятіе объ этомъ, читатель долженъ перенестись своимъ воображеніемъ въ область самыхъ недоступныхъ Альпъ съ глетчерами и вѣчными снѣгами, ледяными полями; но видъ въ долину закрытъ, густые туманы покрываютъ его подобно волнующемуся морю, сверху ярко свѣтитъ солнце. Вотъ мѣсто, куда я поведу читателя. Онъ увидитъ дивное зрѣлище: вмѣсто туманнаго моря онъ долженъ представить себѣ дѣйствительное, но не безцвѣтное, а голубовато-зеленое, прозрачное. Изъ этого моря возвышаются романтическія скалистые горы; глубокая узкая долина открываетъ зрителю видъ во внутренность страны. Голыя крутыя скалы, какъ бы растерзанныя какою-то дикою силою, отвѣсно высатся надъ моремъ только изрѣдка виднѣются маленькія зеленныя площадки. Между этими скалами бросаются въ глаза то синіе, то зеленные отливы. Мощныя массы льда покрываютъ эти горы до вершинъ, то въ видѣ широкой, отлогой и тщательно устроенной дороги съ закругленными откосами по обѣимъ сторонамъ, то, высясь крутыми уступами, украшенными смѣлою архитектурою природы, чудными колоннами и изящными орнаментами съ зеленымъ отливомъ; все это покрываетъ пелена вѣчныхъ снѣговъ, фирны, и только изрѣдка заостренныя вершины скалъ высовываются изъ-подъ снѣжнаго покрова ослѣпительной бѣлизны. Сверху все блеститъ въ солнечныхъ лучахъ; хрустальное подножіе погружается въ море. Не это ли стеклянныя горы, о которыхъ повѣствуютъ сказки? Все тихо и безмолвно, какъ въ заколдованной странѣ. Порою лишь одинокая чайка перелетитъ черезъ озеро или рѣзкій контуръ ворона ярко-черною точкою обрисуется на ослѣпительно бѣлой и синевато-хрустальной масѣ льдовъ. Мы одни на легкой лодкѣ; любопытство гонитъ насъ все больше и больше впередъ. По временамъ слышится слабый шумъ, какъ будто дальній громъ, уже знакомый намъ по нашимъ альпійскимъ глетчерамъ. Подходимъ все ближе и ближе. Черезъ голубовато-зеленую воду проходятъ подъ нами полосы, въ видѣ бѣловатаго вуала ундины; море становится все бѣлѣе и вотъ оно почти уже млечно-бѣлое, словно струя горнаго ручейка, протекающаго по льду нашихъ швейцарскихъ глетчеровъ. Но вотъ мы уже добрались до подошвы ледяного великана, но... нѣтъ, мы уже далеко выше по-

дошвы,—мы видимъ, какъ голубой ледъ просвѣчиваетъ черезъ воду. Въ то же время взгроможденныя въ видѣ развалинъ льдины представляютъ глазу зрителя обширныя пещеры внутри глетчера, высокія и просторныя до такой степени, что корабль со всѣми снастями и парусами можетъ войти въ нихъ и сдѣлать тамъ поворотъ—настоящій дворецъ волшебныхъ духовъ! Пока мы тамъ, не подозревая ничего дурного, предавались созерцанію никогда не видѣннаго великолѣпія, даже дерзнули-было проникнуть въ пещеру, какъ вдругъ мы были поражены страшно-призрачною картиной. Вода у подошвы глетчера вдругъ стала сильно волноваться, какъ будто внезапно была нагрѣта подземнымъ огнемъ, до точки кипѣнія; море забушевало. Сначала едва-внятный гулъ вдругъ превращается въ страшно-громовые раскаты, глыбы льда vyplываютъ изъ глубины морской, съ трескомъ качаясь на поверхности воды. Все страшнѣе, и страшнѣе становится хаосъ! Вотъ въ срединѣ что-то возвышается, страшно растеть. Это встаетъ гигантскій призракъ, громадная льдина, отъ которой отламываются громадные куски: еще и еще бушуетъ море, потому что новорожденное чудовище переваливается то на одну, то на другую сторону, выплескивая при этомъ огромную массу воды, пока наконецъ не приходитъ въ равновѣсіе. Суматоха, наконецъ, утомляется, все постепенно успокаивается. Море утихаетъ, громовыхъ ударовъ уже не слышно, а мы, оставшіеся при этомъ цѣлыми и невредимыми, отдѣлались однимъ страхомъ; мы теперь осмѣливаемся—разумѣется издали—тщательнѣе рассмотреть новѣйшее дѣтище глетчера или, какъ его называютъ гренландскіе жители, „теленка“. Передъ нами плавающая ледяная гора; съ первою прибылью она оставляетъ и мѣсто своего рожденія и своего родителя, и присоединяется къ своимъ товарищамъ, собравшимся цѣлымъ флотомъ у входа въ заливъ, въ ожиданіи, при удобномъ теченіи, отправиться на югъ. На пути ее омываетъ снизу волна, а сверху ее точитъ согрѣвающее солнце, она дѣлается меньше и меньше и, наконецъ, далеко отъ своей родины исчезаетъ въ обширномъ морѣ. Слово въ сказкѣ, внезапно изъ глубины моря вдругъ появляется хрустальный дворецъ какого нибудь злого духа. Теперь рассмотримъ вблизи самый глетчеръ: онъ совершенно такой же структуры, какъ наши альпійскіе; но какъ скромны эти послѣдніе по объему, въ сравненіи съ ихъ сѣверными собратьями: наименьшіе изъ нихъ, перенесенные на наши Альпы, вызвали бы тамъ величайшее удивленіе. Они всюду размѣстились, подобно гнѣздамъ ласточекъ, они подвѣсились между скалами; они наполняютъ цѣлыя долины, поверхъ воды они достигаютъ ближайшаго острова, гордое море катитъ свои волны подъ изумруднымъ сводомъ; они занимаютъ необозримыя простран-

ства; можно по нимъ нѣсколько дней путешествовать, не встрѣчая конца. Вся Гренландія представляется неподвижною ледяною степью, водяные потоки которой скатываются черезъ глетчеры, спускающіеся въ самое море“¹⁾.

Подъ 70° сѣв. шир., приблизительно съ весны до осени, море около Гренландіи дѣйствительно открыто (не замерзаетъ), но глетчеры непрерывно выдвигаются въ море. И вотъ это-то значительно учащенное движеніе сѣвернаго глетчернаго льда въ связи съ приливомъ и отливомъ, отъ которыхъ уровень моря постоянно мѣняется, составляетъ причину того, что глетчерные отвалы или отѣлы ихъ (Eisschimmers Kalbung, Iceblinkens kalving) у большихъ глетчеровъ совершаются очень часто; эти оторванные льдины или „телята“ глетчера, внезапно появляющіяся на поверхности моря, суть тѣ страшныя ледяныя горы, которыя пригоняются лѣтомъ, въ іюнѣ и іюлѣ, отчасти изъ Баффинова залива, отчасти изъ Сибирскаго моря до Ньюфаундленда, равно какъ изъ Охотскаго моря, къ югу, и даже еще подъ этими широтами часто бывають опасны для мореплаванія. Эти плавающія ледяныя горы указываютъ на существованіе теченій въ полярномъ морѣ, а такъ какъ онѣ высовываются изъ воды только на $\frac{1}{3}$ своей вышины, и стало бы сидѣть очень глубоко, то по нимъ можно преимущественно познакомиться съ подводными теченіями. Появляющіяся съ сѣвера ледяныя горы плывутъ поперегъ гольфштрома. Изъ этого слѣдуетъ, что часть холоднаго теченія, выходящаго изъ Баффинова залива, отъ Лабрадора и отъ сѣверныхъ береговъ проходитъ подъ гольфштромомъ къ югу, гдѣ онъ вѣроятно, подъ конецъ, вступаетъ въ Караибское море. Полярный путешественникъ Скоресби видѣлъ на сѣверѣ, что направлявшееся къ югу теченіе чрезвычайно холодной воды уносило съ собою къ гольфштрому 500 ледяныхъ горъ; въ гольфштромѣ ледяныя горы отчасти растаивають, садятся затѣмъ на отмели около Ньюфаундленда и тамъ складываютъ всю массу камней, хряща и песку, приносимую ими съ собою, такъ что море здѣсь все болѣе и болѣе мелѣетъ. Маіоръ Реннелъ назвалъ вышеупомянутое теченіе, выходящее изъ Дэвисова пролива и въ 1497 году открытое Каботомъ, теченіемъ арктическимъ и опредѣлялъ его ширину въ 1,113 километровъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно, при выходѣ изъ Дэвисова пролива, встрѣчается съ другимъ теченіемъ, выходящимъ изъ моря къ сѣверу отъ Европы и Азіи. Оно образуетъ въ гольфштромѣ подковообразный изгибъ, внутри котораго море, большею частью съ марта до іюня, бываетъ

¹⁾ D-r Густавъ Э. Лайбе «Bilder aus dem Hohen Norden».

покрыто ледяными горами. Баффиновъ заливъ даже лѣтомъ наполненъ подобными плавучими ледяными горами.

Встрѣча съ первою ледяною горою производить на мореплавателя такое же глубокое впечатлѣніе, какъ на югѣ первая кокосовая пальма или первое появленіе созвѣздія Южнаго Креста. Даже грубый матросъ содрагается, когда завидитъ приближающагося плавучаго исполина, тихо и величаво передвигаемаго полярнымъ теченіемъ. Впрочемъ, по рисункамъ и описаніямъ ледяныхъ плавучихъ горъ люди обыкновенно составляютъ себѣ превратное и преувеличенное понятіе объ нихъ. Обыкновенно же это суть громадныя безобразныя глыбы, сверху закругленныя, съ боковъ же, или по крайней мѣрѣ съ одной стороны, рѣзко, почти отвѣсно усѣченныя. Этою стороною глыба оторвалась отъ глетчера, поэтому на ней множество едва держащихся ледяныхъ колодъ, которыя при всякомъ удобномъ случаѣ отваливаются. Часто можно видѣть въ этихъ горахъ ходы, ведущіе во внутрь большихъ пещеръ, ряды сводовъ, арки и дугъ; послѣднія представляютъ остатки внутреннихъ ходовъ. Другія горы, а именно такія, которыя уже давно въ пути или оторвались отъ отвѣсно усѣченныхъ глетчеровъ, часто причудливо зазубрены и разнообразно расщелены; цвѣтъ ихъ переходитъ изъ пѣнжѣйшаго небесно-голубого въ темно-прозрачный ультрамаринъ или не менѣе прелестную зеленую окраску. Эти горы по наружности самыя великолѣпныя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самыя опасныя. Сотрясеніе воздуха, произведенное ружейнымъ выстрѣломъ, можетъ опрокинуть любой отвѣсно стоящій столбъ какой-либо ледяной горы и этимъ нарушить равновѣсіе всей глыбы; послѣдствіемъ этого бываетъ неравномѣрное качательное движеніе горы. Качаясь же, она начинаетъ отбрасывать во всѣ стороны обломки, и наконецъ великанъ уже совершенно разрушается. Яркій солнечный свѣтъ такъ сильно дѣйствуетъ на плавучія ледяныя горы, что онѣ часто сбрасываютъ большіе осколки. Отъ солнечной теплоты растаиваетъ ледъ, а вода, попавшая въ трещины ледяной массы, тамъ опять замерзаетъ, и при этомъ, разширяясь, еще болѣе разрываетъ трещину, что сопровождается шумомъ, трескомъ и грохотомъ, похожимъ на выстрѣлы. Съ закатомъ солнца и пониженіемъ температуры тамъ и самъ слышится стукъ и грохотъ разрушающихся ледниковъ; море покрывается льдинами и громадная волна возвышается на довольно дальнее разстояніе отъ гибели какого-либо изъ гигантовъ ¹⁾.

Самая большая ледяная гора, видѣнная докторомъ Лаубе, возвышается 50 метровъ надъ водою, а, такъ какъ она сидитъ въ водѣ въ 6—7 разъ глубже и часто въ длину достигаетъ 100 метровъ,

¹⁾ Д-ръ Лаубе. (См. выше).

то можно себя представить, изъ какой громадной массы льда состоитъ эта съ виду небольшая гора!.. Горы эти уменьшаются и дѣлаются невидными въ пути; достигая Западной Гренландіи, постепенно онѣ дѣлаются легче и подвижнѣе и рѣзко отличаются по своему крайне неправильно изборозженному виду отъ тѣхъ, которыя только здѣсь присоединяются къ обществу этихъ сѣверныхъ путниковъ.

Поверхность арктическихъ ледяныхъ горъ бываетъ иногда, какъ и наши глетчеры, покрыта щебнемъ и камнями—это остатки моренъ, встрѣчаемыхъ и на сѣверныхъ глетчерахъ слѣдовательно это то же самое явленіе, которымъ объясняется присутствіе эрратическихъ валуновъ на европейскомъ материкѣ. Въ то время какъ у насъ на старыхъ глетчерахъ большіе камни, находясь въ горизонтальномъ положеніи наверху глетчерныхъ столбовъ, нерѣдко образуютъ подобіе столовъ,—на сѣверныхъ глетчерахъ подобные же камни чаще бываютъ погружены въ воронкообразныя углубленія. Такъ какъ камни бываютъ большею частью темнаго цвѣта, то они нагрѣваются отъ солнечныхъ лучей болѣе, чѣмъ поверхность льда, слѣдовательно ледъ подъ ними таетъ скорѣе, чѣмъ во всѣхъ пунктахъ окружности, и оттого они своею тяжестью погружаются въ ледъ. По словамъ доктора Лаубе, рѣдко случается, чтобы ледяныя горы такимъ образомъ взяли съ собою въ путь обломки скалъ, но за то бываетъ нерѣдко, что ледяныя странствующія массы несутъ на себѣ глетчерныя остатки и щебень. Наполняетъ душу страхомъ и нѣмымъ оцѣпененіемъ уже одинъ взглядъ на картину, когда такой великанъ вдругъ и безъ видимо побуждающей силы начинаетъ двигаться и прямо идетъ впередъ, или же вдругъ, тоже безъ видимой причины, останавливается, какъ будто удержанный рукою какого-то демона...

Массы льда арктическаго пояса принадлежать къ самымъ интереснымъ и знаменательнымъ явленіямъ, которыя представляетъ намъ море ¹⁾; онѣ имѣютъ двойное происхожденіе. Глетчеры и оторванныя отъ нихъ ледяныя горы—это вовсе не дѣтища соленыхъ морскихъ волнъ: они образовались на сушѣ. Для опытнаго наблюдателя они носятъ на себѣ ясный признакъ своего континентальнаго происхожденія: ледъ, какой-либо ледяной горы образовавшейся изъ прѣсной воды, представляется, какъ уже сказано, ясно-прозрачною голубоватою массою кристалловъ, иногда прослоенныхъ зернистымъ пузырчатымъ льдомъ съ гладкими поверхностями и острыми углами. Подобную же структуру имѣетъ и ледъ альпійскихъ глет-

¹⁾ См. прекрасное сочиненіе Карла Вейпрехта: «Метаморфозы полярнаго льда». Вѣна. 1879.

черовъ, тогда какъ ледъ, образовавшійся изъ морской, т. е. соленой воды, непрозраченъ, имѣетъ молочно-мутную окраску и негладкую ¹⁾ поверхность; къ тому же, морской ледъ никогда не достигаетъ объема, которымъ отличаются ледяныя прѣсноводныя горы. Море, вслѣдствіе своего непрерывнаго волненія и теченія, какъ быстро текущая рѣка, очень трудно замерзаетъ,—гораздо труднѣе, чѣмъ прѣсная вода, потому что ниже нуля удѣльный вѣсъ морской воды увеличивается, слѣдовательно, эта вода должна погружаться и такимъ образомъ ограждаться отъ замерзанія. Соленая вода достигаетъ своей наибольшей плотности не при $+4^{\circ}$ Ц., какъ дистиллированная вода, но при большемъ охлажденіи дѣлается плотнѣе и тяжелѣе. Такъ какъ наиболѣе охлажденные слои жидкости вмѣстѣ съ тѣмъ и самые тяжелые, то они отвѣсно опускаются ко дну моря и оттуда вытѣсняютъ слой менѣе холодной и слѣдовательно болѣе легкой воды. На рѣкахъ погружающаяся на дно вода имѣетъ $+4^{\circ}$ Ц., между тѣмъ погружающаяся морская вода охлаждается до точки замерзанія и даже ниже этой точки. Такъ какъ наибольшая плотность и замерзаніе почти совпадаютъ, то можетъ случиться замерзаніе на днѣ, образованіе подводнаго льда (Grundeis). Находясь въ спокойномъ состояніи, вода остается жидкою; но какъ только она претерпѣваетъ малѣйшее сотрясеніе, она внезапно обращается въ плотную массу, въ ледъ. Въ началѣ зимы мореплаватели и рыболовы въ Балтійскомъ морѣ и у западныхъ береговъ Норвегіи иногда видятъ себя внезапно окруженными льдинами; эти льдины поднимаются со дна моря и въ нихъ бываетъ заключенъ морской песокъ. Подобное появленіе подводнаго льда совершается такъ быстро, что корабли и рыбацкія лодки часто находятся въ опасности быть раздавленными подводнымъ льдомъ. У скалистыхъ береговъ Гренландіи, Лабрадора и Шпицбергена, подводный ледъ часто поднимается съ собою на поверхность цѣлыя обломки скаль, оторванные отъ морского дна ²⁾.

Весь остальной морской ледъ требуетъ, напротивъ, полнаго спокойствія для своего образованія. Только приостановка движенія и большое охлажденіе чрезъ соприкосновеніе съ материкомъ обыкновенно бываетъ причиною замерзанія; поэтому въ заливахъ, проливахъ и у прибрежныхъ отмелей преимущественно происходитъ образованіе льда, рѣже въ открытомъ морѣ. Въ морскихъ заливахъ, губахъ и извилинахъ, гдѣ глубина не столь значительна и поэтому охлажденіе всей массы воды до дна легче возможно,

¹⁾ Докторъ Кайзеръ. «Физика моря». Падеборнъ. 1863, 8°, стр. 145.

²⁾ Элизе Реклю. «Земля и явленія на ея поверхности». Изданіе, исправленное докторомъ Отто Уле. Лейпцигъ, 1876, 8°, II томъ, стр. 29—30.

замерзаніе встрѣчаетъ тѣмъ менѣе препятствій, при низкой температурѣ полярныхъ вѣтровъ, въ особенности когда эти мѣста закрыты отъ морского волненія или прибой: тогда при $-1,88^{\circ}$ Ц. на глубинѣ 0,65 до 2,60 метровъ образуются круглыя льдины болѣе 8 сантиметровъ въ поперечникѣ, которыя поднимаютъ со дна морского прицѣпленные къ нимъ траву и каменья, остаются на поверхности и ложатся вдоль берега; при этомъ замерзаніи около $\frac{1}{2}$ частей морской соли выдѣляется. Этотъ ледъ, образовавшійся въ губахъ и заливахъ (bay-ice у англичанъ), въ теченіи лѣта отстаетъ отъ береговъ, съ отливомъ уносится въ открытое море, гдѣ онъ плаваетъ иногда до слѣдующей зимы, пока опять, гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, не смерзнется въ сплошную массу. Попавъ же, въ своемъ странствіи, въ область съ болѣе высокою температурой, ледъ этотъ растаиваетъ.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ заключить, что океанъ вообще не слишкомъ благоприятствуетъ образованію льда. Ледяныя массы, носящіяся по океану, образовались болѣею частью на материкѣ или близъ него. Однако и въ открытомъ морѣ наблюдали нѣсколько случаевъ образованія льда; для этого требуется обыкновенно тихое, неслишкомъ глубокое, море и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильный холодъ; но иногда, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и при сильномъ морозѣ, даже волненіе не можетъ препятствовать образованію льда. Когда зимою, при безвѣтріи, снѣгъ выпадаетъ большими хлопьями, море вскорѣ покрывается гущею, постепенно превращается въ ледяную кору. Лишь только вѣтеръ разобьетъ этотъ едва образовавшійся ледяной покровъ, какъ маленькія льдинки притягиваютъ къ себѣ снѣжную воду; послѣдняя, не смѣшиваясь съ соленою морскою водою, при косвенныхъ лучахъ солнца, производитъ слабый радужный блескъ, продолжающійся впрочемъ не долго, такъ какъ морозъ вскорѣ опять связываетъ всѣ эти льдинки въ одинъ сплошной покровъ. Несмотря на вѣтеръ и на волненіе, иногда образуются безчисленныя маленькія ледяныя иглы, которыя блещутъ какъ намоченный въ водѣ снѣгъ и при усиливающемся морозѣ срашиваются въ одно громадное цѣлое, толщина котораго быстро увеличивается. Скоресби видѣлъ, подъ 72° сѣв. шир., какъ замерзала открытая поверхность моря и ледъ при этомъ достигалъ такой толщины, что могъ задержать его корабль, плывшій при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ, подъ всѣми парусами. Сперва образовались отдѣльныя ледяныя кристаллы, называемыя англичанами „sludge“, плавающіе въ водѣ какъ намоченный снѣгъ. Движеніе волнъ обыкновенно мѣшаетъ маленькимъ льдинкамъ соединиться въ большія льдины; вслѣдствіе обоюднаго соприкосновенія и тренія, происходящаго отъ перебрасыванія ихъ ударами волнъ, онѣ при-

нимають болѣею частью округленную форму, подобно небольшимъ рѣчнымъ льдинамъ; китоловы называютъ ихъ „блинчатымъ льдомъ“ (rapsae iske). Въ томъ мѣстѣ, гдѣ поверхность моря находится въ полномъ спокойствіи, она въ двое сутокъ можетъ покрываться такими льдинами на огромное пространство, если морозъ силенъ и глубина не слишкомъ велика. Эти льдинки постепенно достигаютъ размѣра нѣсколькихъ метровъ и извѣстны подъ названіемъ сгоннаго пластинчатого льда (Treibeis-Tafeln). Взаимно соединяясь или сталеиваясь и надвигаясь другъ на друга, эти льдины составляютъ необозримыя ледяныя поля, предѣлы которыхъ часто простираются за горизонтъ зрителя.

Ледъ этихъ полей воздრивать и непрозраченъ, на воздухѣ представляетъ бѣлую окраску мѣла или сѣрую, въ водѣ кажется темнымъ и заключаетъ въ себѣ частицы морской воды; поверхность этихъ полей шероховата и неровна, хотя вообще выдающихся возвышенностей незамѣтно. Пространства, покрытыя такимъ льдомъ, представляютъ большое однообразіе, и если всѣ неровности льда закрываются снѣгомъ, то подобныя ледяныя поля почти напоминаютъ русскія степи въ зимнее время. Это однообразіе смѣняется нерѣдко холмистыми возвышеніями, кряжами вышиною въ 30 и болѣе метровъ. Эти кряжи англійскіе моряки называютъ словомъ „humps“, а русскіе моряки въ Сибирскомъ морѣ торосами; они состоятъ изъ льдинъ въ метръ толщиною, взгроможденныхъ другъ на друга силою морскихъ волнъ и взаимно сдѣланныхъ морозомъ. Такіе глыбы льда видны уже издалека; сохраняются онѣ еще долго послѣ того, какъ уже растаюť сейчасъ описанныя ледяныя поля. Въ сибирскихъ моряхъ эти „торосы“ болѣею частью растаиваютъ съ приближеніемъ лѣта; но нѣкоторые изъ году въ годъ выдерживаютъ разрушительную силу солнца и, быть можетъ, существуютъ цѣлыя вѣка. Уносимыя теченіями, ледяныя поля обыкновенно окружены меньшими льдинами (Drift-Eis), которыя, колехаясь и вращаясь на волнахъ, образуютъ какъ бы передовой отрядъ ледяныхъ полей, уравнивающий для нихъ море и ограждающій ихъ отъ губительнаго дѣйствія морскихъ волнъ. Эти маленькія льдины похожи на островки, предвѣщающіе близость ледяного континента. И дѣйствительно, ихъ можно назвать „ледяными континентами“, потому что нѣкоторые изъ этихъ полей занимають сотни и тысячи квадратныхъ километровъ. Разъ случилось англійскому кораблю „Resolution“ на пути отъ острова Мелльвилля до Баффинава залива пробиваться черезъ подобное ледяное поле, имѣвшее всего въ 2,30 метр. толщины. Площадь ледяного поля равнялась пространству нынѣшней Австрійской Имперіи. Ледяныя поля обыкновенно возвышаются надъ водою на 1 или 2 метра, а сидятъ въ водѣ отъ 6—8 метр.

Подобного размѣра поля носятяся между Шпицбергеномъ и Гренландіею, равно какъ къ югу отъ Девисова пролива, и часто увлекають съ собою, какъ будто плѣвниковъ, затертые льдами корабли на многія тысячи километровъ; часто они какъ будто издѣваются надъ мореплавателемъ, который долго пробивается около нихъ въ томъ предположеніи, что онъ находится близъ берега какого-либо острова или материка, пока наконецъ не убѣдится въ своей ошибкѣ и не узнаетъ, что онъ еще едва-едва сдвинулся съ мѣста. Подобныя заблужденія были причиною бесплодности всѣхъ усилій капитана Парри. Несмотря на громадныя пространства, которыя онъ проѣзжалъ по льду на саняхъ по направленію къ полюсу, онъ ежедневно убѣждался, что онъ дальше отъ желаемой цѣли, чѣмъ былъ въ предшествовавшій день; ледяное поле, по которому онъ странствовалъ, направляясь къ сѣверу, само съ большою скоростью плыло къ югу. Особенно весною и лѣтомъ, когда солнечные лучи согрѣваютъ и полярный поясъ, теченія, не переставшія дѣйствовать и подъ ледянымъ покровомъ, отрываютъ громадныя ледяныя поля и уносятъ ихъ въ открытое море. На такихъ плавающихъ поляхъ и льдинахъ бѣлый сѣверный медвѣдь достигаетъ береговъ Лапландіи. Страшная опасность грозитъ кораблю, попавшему въ этотъ лабиринтъ странствующихъ льдовъ. Впрочемъ, если приближается подобное ледяное поле, то его можно замѣтить уже издалека, на примѣръ на разстояніи 150 — 220 километровъ ниже горизонта; уже издалека виднѣтся для опытныхъ моряковъ свѣтлая полоса, называемая ледянымъ блескомъ (Eisblink). Смотра по своей величинѣ, различаются ледяныя поля (Eisfelder) и ледяныя пластины (Eisflarden); подъ послѣдними разумѣются такія поля, края которыхъ видны и объемъ которыхъ значительно меньше; оторванные отъ нихъ большіе куски называются словомъ Flos у нѣмцевъ (flows у англичанъ) а меньшіе носятъ у нѣмцевъ названіе Brasch. Если на поляхъ взгромождены скалистыя массы и камни, то они называются ледяными плотами (Eisflösse). Длинныя узкія полосы льда, особенно если онѣ неподвижны и лежать подъ поверхностью воды, называются ледяными косами (Eisbänke). Если массы льда настолько несомнѣнны, что корабль можетъ пройти между ними безпрепятственно, то такія массы льда называются открытымъ или паруснымъ льдомъ (Offenes Eis, Segeleis). Въ Сибирскомъ морѣ такія открытыя мѣста называются „полянками“; у гренландскаго берега зовутъ ихъ Stromhols; онѣ замѣтны издалека по такъ называемому водяному небу (Wasserhimmel). Подъ этимъ терминомъ арктическіе мореплаватели разумѣють равномерную голубовато-темную полосу неба; о ней моряки знаютъ по опыту, что она есть отраженіе на небесномъ сводѣ открытой воды, или полыньи. Если же, на-

противъ, ледяныя массы представляютъ кораблю непроходимую преграду, то это называется сплошнымъ или упакованнымъ льдомъ (Pack-Eis). Сѣверное полярное море съ юга, какъ кажется, зимою постоянно обложено крутымъ обрывомъ такого сплошного, какъ будто упакованнаго, льда; это такъ называемый поясъ сплошного льда или ледяной бѣлты, а за этою преградою, по мнѣнію нѣкоторыхъ, должно лежать открытое, свободное отъ льда, море, конечно вполне свободное для плаванія. Граница упакованнаго или стиснутаго льда, впрочемъ, не всегда находится въ одномъ и томъ же мѣстѣ, она измѣняется по временамъ года и по обстоятельствамъ; она передвигается то южнѣе, то сѣвернѣе; мореплаватели иногда встрѣчаютъ открытое море тамъ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ они встрѣтили непроходимую ледяную массу и должны были вернуться. Вышеупомянутыя громадныя ледяныя поля большею частью суть обломки стиснутыхъ ледяныхъ массъ, которыя, разъ бывъ разбиты, очень быстро исчезаютъ. Влекомыя теченіемъ и волненіемъ, эти поля ударяются другъ о друга съ неизмовѣрною силою; силу эту можно приблизительно опредѣлить по вѣсу на сотню тысячъ или даже милліоны тоннъ ¹⁾. При такомъ страшномъ столкновеніи массы льда разбиваются на меньшія льдины; выдающіяся на нихъ въ видѣ башенъ, части, получивъ трещины, разваливаются и черезъ нѣсколько дней представляются глазамъ наблюдателя только лишь небольшія льдинки и глыбы.

Изъ вышесказаннаго становится достаточнo яснымъ, что описанныя страшныя массы льда составляютъ одну изъ главнѣйшихъ особенностей полярныхъ странъ, и эта особенность есть неизбежное слѣдствіе температурныхъ условій этого пояса. Къ сожалѣнію, мы объ этихъ условіяхъ имѣемъ еще весьма неудовлетворительныя свѣдѣнія. Земная поверхность въ мѣстностяхъ, обитаемыхъ европейцами, разумѣется, болѣе или менѣе покрыта сплошною сѣтью метеорологическихъ станцій; въ необитаемыхъ же частяхъ острововъ арктической Сѣверной Америки значительный запасъ метеорологическихъ наблюденій собранъ полярными экспедиціями англичанъ и американцевъ. Но ни какимъ наблюденіямъ еще не подвергались: вся Гренландія, исключая западнаго берега и нѣкоторыхъ пунктовъ восточнаго, сѣверная Сибирь и Ново-сибирскіе острова, наконецъ вся центральная часть арктическаго пояса. Отъ самаго южнаго мыса Гренландіи, до Берингова пролива, отъ сѣвернаго мыса Азіи до острова Мельвилли, лежитъ огромная область, все еще ожидающая научныхъ изслѣдованій и открытій. Вообще, подобно тому, какъ температура постепенно понижается по мѣрѣ

¹⁾ На нашъ русскій вѣсъ тонна=62 пуда.

того, какъ мы поднимаемся на вершины нашихъ горныхъ хребтовъ, такое же отношеніе существуетъ и при удаленіи къ сѣверу; но разстояніе крайнихъ предѣловъ температуры на сѣверѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ на нашихъ Альпахъ. Лѣто тамъ сравнительно теплѣе, зима же гораздо холоднѣе. Между тѣмъ какъ русскій естествоиспытатель А. О. Миддендорфъ, на богатыхъ растительностью тундрахъ Таймурскаго края подъ $74^{\circ}17'$ сѣв. шир. ловилъ бабочекъ, скинувъ верхнее платье,—причемъ температура была такъ высока, что напоминала лѣто нашей средней полосы—на датскомъ поселеніи Уперनावикъ въ Гренландіи средняя зимняя температура равняется 25° Ц. ниже нуля, и даже въ южнѣе лежащемъ Годхафнѣ термометръ падаетъ часто до 37° — 38° ниже нуля. Докторъ Кэнъ наблюдалъ даже въ своей зимней квартирѣ подъ $78\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣв. шир. холодъ отъ 55° до 56° Ц. Ртуть до такой степени отвердѣла, что столбъ ея напоминалъ свинцовую палочку, запасъ мяса превратился въ камень, и мясо нужно было рубить топоромъ, причемъ отлетали только небольшіе куски, какъ отъ кремня. Масло и сало можно было раздроблять только съ помощію молотка и долота. Когда разбили бочку съ масломъ, то это масло представляло твердую массу, напоминавшую кусокъ желтаго песчаника.

Эти климатическія условія,—хотя они нѣсколько благоприятнѣе въ нѣкоторыхъ пунктахъ полярныхъ странъ—естественно должны затруднять человѣку пребываніе въ негостепріимной странѣ вѣчной зимы. Не менѣе томительны и длинныя зимнія ночи этого края. Когда наша земля, на своемъ пути вокругъ солнца, пройдетъ точку весенняго равноденствія, сѣверный полюсъ постепенно будетъ обращаться къ солнцу, до тѣхъ поръ, пока оно достигнетъ оконечности большой оси; тогда обѣ оси, большая ось и ось земли, будутъ лежать въ одной и той же плоскости, такъ что сѣверный полюсъ прямо будетъ обращенъ къ солнцу, а южный, наоборотъ, будетъ совершенно отвращенъ. Поэтому тѣнь совпадаетъ съ тою плоскостью, съ которою ось земли образуетъ такой же уголъ, какъ съ эклиптикою, т. е. $23^{\circ}28'$. На всѣ точки земной поверхности, отдаленныя отъ сѣвернаго полюса менѣе чѣмъ на $23\frac{1}{2}^{\circ}$ или, какъ говорятъ, лежащія между сѣвернымъ полюсомъ и сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, солнце будетъ посылать свой свѣтъ во все время вращенія земли, и во все это время для указанныхъ пунктовъ солнце заходить не будетъ; для всякой другой точки сѣвернаго полушарія дневная дуга, или освѣщенная часть проходящихъ сквозь эту дугу параллелей, будетъ больше чѣмъ ночная дуга, т. е. дни будутъ длиннѣе ночей. Изъ этого слѣдуетъ, что въ различныхъ пунктахъ нашей планеты, въ различныя времена года, бываетъ совершенно различная продолжительность дня и ночи. Для полюсовъ и

даже пунктовъ, отстоящихъ отъ полюсовъ на 6° , во время равноденствія не существуетъ ни какой разницы между днемъ и ночью, для нихъ солнце непрерывно вращается на горизонтѣ. Съ каждымъ днемъ, относительно обращеннаго къ солнцу полюса, это свѣтило подымается нѣсколько выше, не заходя и возвышаясь спиралью, пока не достигнетъ пункта такъ называемаго солнцестоянія, или поворота, когда въ полдень солнце достигаетъ $23\frac{1}{2}^\circ$ высоты. Затѣмъ солнце, тою же спиралью, снова будетъ спускаться до горизонта, на которомъ и будетъ вращаться, пока со всѣмъ съ него не исчезнетъ. Въ указанныхъ пунктахъ, слѣдовательно, шесть мѣсяцевъ будутъ составлять день и въ тоже время на противоположномъ полюсѣ шесть мѣсяцевъ составятъ ночь. Для точекъ, болѣе отдаленныхъ отъ полюса, самый длинный день будетъ продолжаться 5, 4, 3, 2 и 1 мѣсяцъ, остальное время солнце будетъ заходить подъ горизонтъ, такъ что прочіе дни отличаются постепенно увеличивающимися ночами. Подъ самымъ полярнымъ кругомъ солнце въ кратчайшій день даже въ полдень не подымается надъ горизонтомъ; точно такъ же оно въ самый длинный день, даже въ полночь, не заходитъ. Чѣмъ болѣе мы будемъ приближаться къ сѣверу, тѣмъ длиннѣе будутъ зимнія ночи, а вмѣстѣ длиннѣе и лѣтніе дни. Подъ 50° сѣв. шир. самый длинный день продолжается 16 час. 44 мин., подъ 60° уже 19 час. 37 мин., подъ 65° — $66\frac{1}{2}^\circ$, наконецъ, уже полные 24 час., тогда какъ на той же широтѣ кратчайшій день сводится на 0 часовъ. Подъ $67^\circ 23'$ самый длинный день продолжается одинъ мѣсяцъ, подъ $69^\circ 51'$ два мѣсяца, подъ $73^\circ 40'$ три мѣсяца, подъ $78^\circ 11'$ четыре мѣсяца и, наконецъ, подъ $84^\circ 5'$ —5 мѣсяцевъ. Этой широты никогда еще не достигалъ человѣкъ. Переходъ отъ дня къ ночи совершается не вдругъ. Преломленіе солнечныхъ лучей въ верхнихъ слояхъ атмосферы обуславливаетъ постепенное уменьшеніе дневного свѣта, обыкновенно называемое сумерками. Сумерки кончаются, когда солнце зашло за горизонтъ на 18° или, что называется, перешло черту горизонта. Въ болѣе высокихъ широтахъ, переходъ отъ дня къ ночи и наоборотъ замедляется тѣмъ болѣе, чѣмъ острѣе уголъ, дѣлаемый видимою орбитою солнца съ горизонтомъ. Напримѣръ, пункты, лежащіе подъ высшими широтами, во время солнцестоянія покрыты постоянными сумерками. Этими продолжительными сумерками шестимѣсячная полярная ночь сокращается на 4 мѣсяца. Число дней, въ которые солнце не заходитъ и не восходитъ, измѣняется, смотря по широтѣ, подъ которою лежитъ извѣстное мѣсто. Вотъ таблица, показывающая разность восхода и захода солнца для сѣверныхъ широтъ.

Широта	Солнце не заходитъ при- близительно въ те- ченіи	Солнце не восходитъ при- близительно въ те- ченіи	Солнце восходитъ и захо- дитъ въ теченіи
90°	186 дней	179 дней	0 дней
85°	161 >	153 >	51 >
80°	134 >	127 >	104 >
75°	103 >	97 >	164 >
70°	6 >	60 >	240 >
66°32'	1 дня	1 дня	363 >

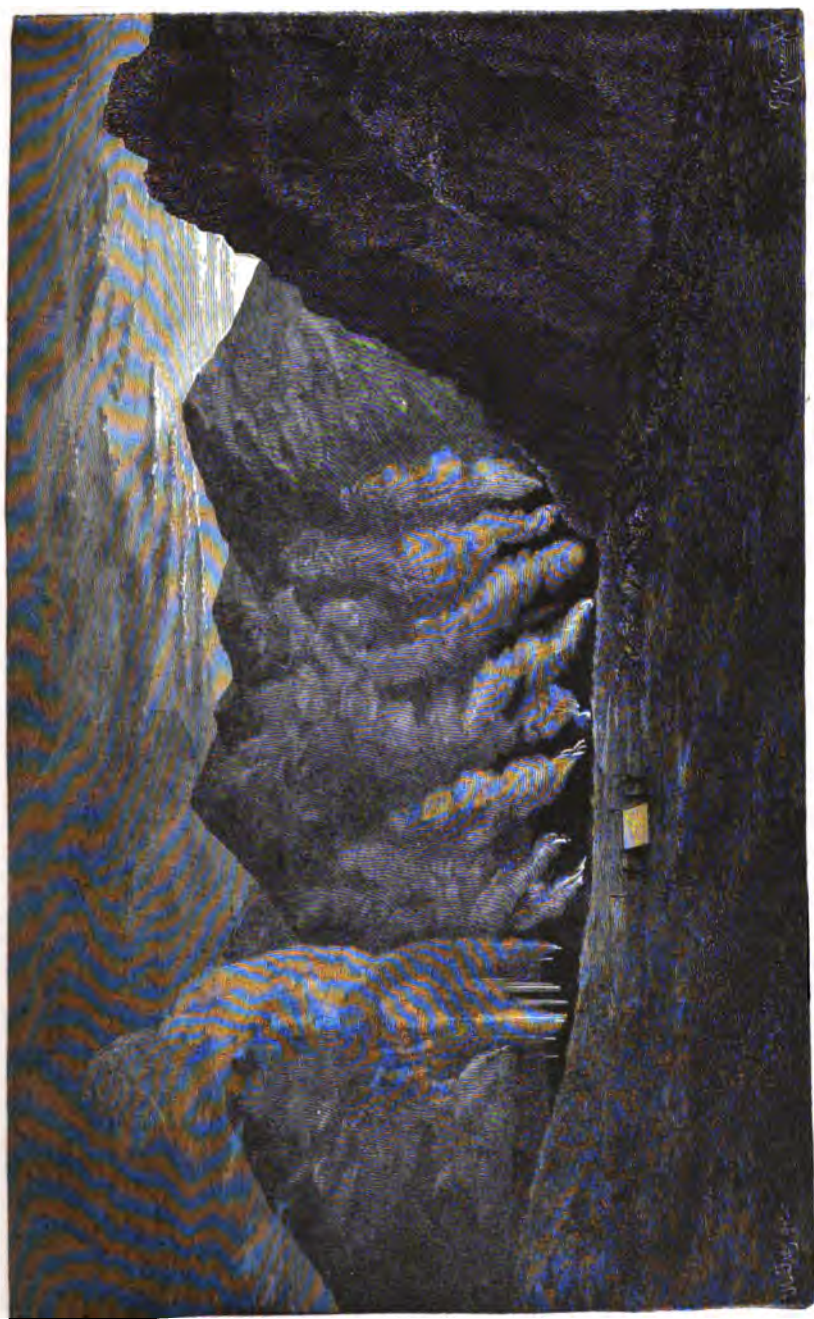
Это сравненіе для разныхъ сѣверныхъ широтъ показываетъ, что въ сѣверномъ полярномъ поясѣ число дней, въ которые солнце не заходитъ, больше числа дней, въ которые оно не восходитъ. Происходитъ подобное явленіе отъ того, что сѣверное полушаріе, при неравности частей земного пути, приходящихся на оба полушарія, продолжительнѣе освѣщается солнцемъ, чѣмъ южное. Поэтому-то для всѣхъ точекъ, лежащихъ внутри сѣвернаго полярнаго круга, годъ раздѣляется на четыре главныя части: первая начинается за нѣсколько времени до весенняго равноденствія и продолжается нѣсколько времени послѣ него; солнце въ это время ежедневно восходитъ и заходитъ; продолжительность дня постепенно увеличивается до 24 часовъ, а ночь уменьшается съ 24 часовъ до 0. Вторая часть продолжается одинаковое время до и послѣ лѣтняго солнцестоянія; солнце при этомъ вовсе не заходитъ; для третьей части по отношенію къ дню и ночи то же явленіе какъ въ первой. Но только въ обратномъ порядкѣ, т. е. возрастаетъ продолжительность ночи до 24 часовъ и уменьшается день съ 24 час. до 0. Наконецъ, для четвертой части нашего дѣленія, солнце уже вовсе не восходитъ ¹⁾).

Вотъ онѣ, эти длинныя зимнія ночи полярныхъ жителей. Сначала появляется слабая красноватая полоса, — явленіе замѣчаемое около полудня. Полоса указываетъ тотъ пунктъ орбиты, въ которомъ находится солнце, льющее свой свѣтъ на счастливіишія страны. Но и эта полоса постепенно блѣднѣетъ, и слабый сумеречный свѣтъ, вызванный ея появленіемъ, пропадаетъ снова. Темная, безконечная ледяная ночь покрываетъ всю страну. Но несмотря на мракъ, смяг-

¹⁾ Кледенъ «Руководство къ физической географіи», стр. 68—73.

чаемый по временамъ только луною, и сѣвернымъ сіяніемъ, и въ этой печальной странѣ есть много привлекательнаго для изслѣдователя или просто любителя природы. Вѣдь въ возгорающемся сѣверномъ сіяніи, въ чудномъ блескѣ звѣздъ, въ неизмѣримомъ протяженіи ледяныхъ полей, въ гигантскихъ размѣрахъ горъ и глетчеровъ, въ ярости бурь, — во всемъ этомъ есть что-то величественное, хотя не нѣжащее и не ласкающее наше чувства, а наводящее страхъ. Природа развивается здѣсь свои силы въ гигантскихъ размѣрахъ. Вотъ изъ стекляннаго замерзшаго моря поднимаютъ свое мрачное чело утесы, они грозно смотрятъ на безмолвную ледяную степь. Въ прозрачной холодной атмосферѣ блещутъ горнія вершины, головы этихъ горъ, убѣлены сѣдинами цѣлыхъ тысячелѣтій, и онѣ какъ будто прорѣзываютъ собою небо. Свѣтло-хрустальные потоки мчатся съ высоты глетчеровъ и, взаимно сливаясь, образуютъ неизмѣримо-громадныя рѣки, текущія въ море. Самый воздухъ, какъ будто презирающій нѣжную мягкость умѣренныхъ земныхъ поясовъ, является въ необыкновенномъ для нашихъ странъ величинѣ; онъ какъ будто стремится сдѣлать безгранично-прозрачнымъ весь міръ, звѣзды своею яркостью рѣзко пронзаютъ эту прозрачную атмосферу, луна наполняетъ ее холоднымъ блескомъ. Подъ этою эфирною одеждою ночи нѣтъ ни теплоты, ни смѣшенія красокъ и цвѣтовъ. На востокъ не открывается широкое окно, на западѣ нѣтъ той золотисто-картинной завѣсы, опускающейся въ зеленовато-сине-пурпуровую глубь, краски которой сливаются въ одно гармоническое цѣлое, въ одну восхищающую разноцвѣтно-тканную одежду. Во мракѣ вѣчной ночи природа не нуждается въ украшенияхъ, не требуетъ пышнаго разнообразія красокъ. Стеклое море, стройные утесы, высокія горы, величественные глетчеры — все это стоитъ порознь, уединенно, не сливается. Черная жрица арктической зимы облачила весь этотъ край въ саванъ и набросила на лице природы свое густое покрывало.

Только луна и сѣверное сіяніе вносятъ въ темную ночь холоднаго сѣвера нѣкоторое разнообразіе и оживленіе. Сѣверное сіяніе бываетъ довольно рѣдко въ западной Гренландіи, между тѣмъ какъ въ Исландіи и Лапландіи оно часто освѣщаетъ небо съ поразительнымъ великолѣпіемъ. Какъ извѣстно, сѣверныя, или, правильнѣе, полярныя сіянія бываютъ иногда видны и подъ нашими широтами, иногда даже еще южнѣе. Величественное, чудное зрѣлище необыкновенно яркаго полярнаго сіянія, 4-го февраля 1872 года, было наблюдаемо во всей Европѣ, въ Константинополѣ, даже въ Александріи и Каирѣ. Не смотря на неразрѣшимость задачи описанія всѣхъ безчисленныхъ видоизмѣненій, появляющихся во время сѣверныхъ сіяній, тѣмъ не менѣе, это до нѣкоторой степени удалось товарищу Юліу-

Новый вулканъ Оскя-Гя въ Ватна-Юкуль на о-въ Исландіи.

са Пайера, Карлу Вайпрехту. Что главные моменты сіянія изображены въ описаніи удачно—объ этомъ свидѣтельствуесть Ю. Пайеръ. Вотъ что говоритъ К. Вайпрехтъ: „Вонъ тамъ на югѣ, на самомъ горизонтѣ, виднѣется блѣдно-свѣтлая матовая дуга; она издали кажется верхнею каймою темнаго сегмента круга; но звѣзды, свѣтящія изъ-за этой дуги яркимъ блескомъ, убѣждаютъ насъ, что темнота сегмента есть только кажущаяся, обманъ глаза, вызванный контрастомъ. Но вотъ дуга постепенно становится ярче и подымается къ зениту; она имѣетъ совершенно правильную форму, оба конца ея почти касаются горизонта и, по мѣрѣ того, какъ дуга возвышается, расходятся шире къ востоку и западу. Лучей при этомъ не замѣтно, все состоитъ изъ довольно однообразной массы свѣта, имѣющаго великолѣпно-нѣжную окраску: это прозрачная бѣлизна съ легкимъ зеленоватымъ оттѣнкомъ; этотъ цвѣтъ напоминаетъ бѣловато-зеленый цвѣтъ молодого растенія, пустившаго ростки въ темнотѣ. Свѣтъ луны кажется желтымъ въ сравненіи съ этимъ нѣжнымъ цвѣтомъ, ласкающимъ и нѣжащимъ глаза. Этотъ цвѣтъ даже и описать нельзя; имъ природа наградила полярный поясъ, этого пасынка мірозданія, какъ будто въ вознагражденіе за жалкую, убогую долю этого пасынка. Дуга сіянія широка, почти втрое шире обыкновенной нашей радуги, ея края очерчены рельефнѣе, чѣмъ у радуги; они съ рѣзкою яркостью контрастируются съ глубокимъ мракомъ арктическаго ночного неба. Но яркій блескъ звѣздъ просвѣчиваетъ черезъ зеленовато-бѣлую поверхность дуги сѣвернаго сіянія. Но вотъ дуга подымается все выше и выше, и во всемъ этомъ явленіи царствуетъ какое-то величественное, такъ сказать классическое, спокойствіе: только изрѣдка волна свѣта медленно перекатится съ одной стороны дуги на другую. Сіяніе освѣщаетъ равнину льдовъ настолько, что можно распознавать отдѣльныя группы льда. Еще далеко эта дуга отстоитъ отъ зенита, но вотъ является вторая дуга изъ темнаго сегмента на югѣ, а за нею слѣдуютъ еще другія. Всѣ онѣ поднимаются къ зениту; вотъ первая дуга уже перешла его, медленно склоняется она къ сѣверному горизонту и интенсивность ея свѣта уменьшается. Весь небесный сводъ теперь покрытъ свѣтлыми дугами, ихъ разомъ насчитывается семь, но свѣтъ ихъ не ярокъ. Чѣмъ ближе онѣ спускаются къ сѣверу, тѣмъ болѣе онѣ блѣднѣютъ и наконецъ исчезаютъ совершенно; но часто онѣ возвращаются къ зениту и потухаютъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ поднялись. Однако же тихое, правильное явленіе сѣвернаго сіянія случается рѣдко. Въ большей части случаевъ темнаго сегмента круга, изображаемаго въ нашихъ учебникахъ, вовсе не бываетъ. На той или другой сторонѣ горизонта собирается полоса легкихъ облаковъ. Верхній край

ея слегка освѣщенъ, и отсюда образуется свѣтлая лента, она постепенно расширяется, становится ярче и подымается къ зениту. Цвѣтъ этой ленты такой же, какъ у дугъ, но яркость свѣта значительнѣе. Постоянно извиваясь, лента медленно, но непрерывно мѣняетъ мѣсто и форму. Она очень широка и ея яркій бѣловато-зеленый цвѣтъ съ поразительной красотою выдѣляется изъ темнаго фона. Но вотъ теперь она извивается въ безчисленныхъ изгибахъ, не покрывающихъ однако другъ друга; самый внутренній изгибъ весьма ясно отличается отъ другихъ своимъ свѣтомъ. Волны свѣта, колыхаясь, постоянно переливаются по всей длинѣ ленты, то справа, нѣко, то слѣва направо; онѣ какъ будто скрещиваются, смотря по тому, появляются ли онѣ съ передней или съ задней стороны изгиба. Потомъ лента разворачивается во всю свою длину и вновь стягивается въ граціозныя складки; то вдругъ покажется, будто вѣтеръ на высотѣ атмосферы заводитъ съ этою лентой таинственную игру. Вотъ лента превратилась въ громадный развѣвующійся вымпелъ, концы котораго теряются на дальнемъ горизонтѣ. Свѣтъ становится все интенсивнѣе, ярче, волны слѣдуютъ одна за другою быстрѣе. Затѣмъ на верхнемъ и на нижнемъ краяхъ ленты являются радужные цвѣта, нѣжно-блестящій бѣлый цвѣтъ середины снизу окаймляется красною, а сверху зеленою полоскою. Но смотрите. Лента раздѣлилась: изъ одной сдѣлались двѣ; верхняя изъ нихъ все болѣе и болѣе приближается къ зениту, изъ нея начинаютъ какъ будто стрѣлять лучи по направленію къ точкѣ вблизи зенита, къ которой обращенъ южный полюсъ магнитной стрѣлки. Уже верхняя лента почти достигла зенита и теперь начинается, на короткое время, великолѣпная игра лучей, центръ которой (игры) составляетъ магнитный полюсъ. Это доказываетъ внутреннюю связь всего описываемаго явленія съ таинственными магнитными силами нашей земли. Вокругъ полюса во всѣ стороны сверкаютъ и крутятся короткіе лучи; на всѣхъ краяхъ ленты видны радужные цвѣта призмъ, короткіе лучи смѣняются длиннѣйшими, и наоборотъ. Волны свѣта, быстро переливаясь, окружаютъ центръ. То, что мы теперь видимъ, есть вѣнецъ сѣвернаго сіянія; онъ является почти всегда, когда лента переходитъ черезъ магнитный полюсъ, но вскорѣ вѣнецъ снова исчезаетъ; лента уже находится на сѣверной сторонѣ небесной тверди, она постепенно опускается и блѣднѣетъ или же возвращается къ югу и вновь начинаетъ прежнюю игру. Такое явленіе продолжается по цѣлымъ часамъ, сѣверное сіяніе непрерывно мѣняетъ мѣсто, форму и яркость. Часто оно, на короткое время, совершенно исчезаетъ, затѣмъ неожиданно вновь является. Наблюдатель даже не замѣтилъ какъ оно явилось и какъ исчезло. Оно просто явилось, и явилось незамѣтно“.

Вайпрехтъ описываетъ нѣсколько другихъ формъ, въ которыхъ является это странное и въ научномъ отношеніи еще далеко не изъясненное явленіе. Въ сущности загадочное, оно находится, безъ сомнѣнія, въ разнообразной связи съ земнымъ магнетизмомъ ¹⁾. Въ остальномъ мнѣніи довольно далеко расходятся, тѣмъ болѣе, что всѣ сдѣланныя доселѣ наблюденія даже не успѣли съ точностью опредѣлить отдѣльные моменты этого явленія. Сюда принадлежитъ именно тотъ особенный шумъ или трескъ, которымъ сопровождается полярное сіяніе; но въ послѣднее время такого шума не замѣчали наблюдатели; бывшіе въ составѣ австро-венгерской полярной экспедиціи. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что члены помянутой экспедиціи наблюдали много сѣверныхъ сіяній. Въ той части арктическаго міра, куда достигла эта экспедиція, время появленія сѣверныхъ сіяній продолжалось отъ сентября до марта, но самыя яркія изъ сіяній ни когда не достигали свѣта полной луны. За исключеніемъ немногихъ случаевъ свѣтъ сіянія былъ или такъ незначителенъ, или такъ быстро проходилъ, что томительный мракъ длинныхъ зимнихъ ночей почти не прерывался ²⁾. Звѣзды, которыя поблѣднѣли-было при сіяніи, снова начали горѣть на небесной тверди, а пустынный міръ ледниковъ (глетчеровъ), подобно привидѣніямъ, воспрянувшимъ изъ глубокой тьмы, снова погрузился въ длинную безмолвную полярную ночь. Эта послѣдняя имѣетъ очень вредное вліяніе не только на людей, но даже на животныхъ. Напримѣръ всѣ ньюфаундлендскія собаки, которыхъ д-ръ Кэнъ бралъ съ собою изъ Америки для поѣздокъ на саняхъ, въ первую-же зиму погибли въ Гренландіи, отъ болѣзни мозга. Смерть собакъ, какъ увѣряетъ Кэнъ, послѣдовала отъ длинныхъ зимнихъ ночей. Дѣйствительно, отъ этихъ ночей путешественники болѣе страдали, чѣмъ даже отъ морозовъ. Ю. Пайеръ рассказываетъ, что, съ возвращеніемъ солнца на горизонтъ, экипажъ экспедиціи былъ пораженъ рѣзкою переменною, внѣшняго вида всего экипажа въ теченіе длинной ночи. „Страшная блѣдность,—говоритъ г. Пайеръ,—покрывала наши впалыя лица. Большая часть изъ насъ какъ будто только-что выздоровѣла послѣ страшно-изнурительной болѣзни. Объ этомъ говорили обострившіеся носы и глубоко-впалые глаза. Такое истощеніе произошло отъ употребленія лампы въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Особенно пострадала часть экипажа проводшая это время въ усиленныхъ работахъ“ ³⁾.

¹⁾ Д-ръ Іоганнъ Миллеръ. «Учебникъ космической физики» стр. 820.

²⁾ Пайеръ, «Австро-венгерская полярная экспедиція 1872—74, съ очеркомъ второй нѣмецкой полярной экспедиціи 1869—70 и полярной экспедиціи 1871» стр. 192.

³⁾ Пайеръ стр. 107.

Можно себя представить, съ какимъ нетерпѣніемъ мореплаватель ожидаетъ возвращенія солнца и съ какою восторженною радостью онъ встрѣчаетъ первые его лучи. Хотя, по мнѣнію Дове, періодъ полярной ночи долженъ быть раздѣляемъ на три части, именно два періода сумерекъ, по мнѣнію Дове, должны быть отдѣлены отъ періода полного мрака, когда уже сумерекъ вовсе не замѣтно, все-таки разница между этими дѣленіями очень нечувствительна и возвращеніе солнца составляетъ для полярнаго путешественника невыразимое торжество. Съ суевѣріемъ, свойственнымъ давно минувшимъ днямъ, путешественникъ вновь въ этихъ страшно пустынныхъ мѣстахъ чувствуетъ какую-то потребность культа вѣчнаго свѣтила, живящаго природу. „Мы ждали солнца, какъ нѣкогда поклонники Бела, на цвѣтущихъ берегахъ Евфрата“, — такъ описываетъ Пайеръ ожиданіе появленія солнца австрійскою экспедиціею. „Моментъ наступалъ торжественный. Мы, собравшись какъ будто на празднество, вскарабкались на вершины ледяныхъ горъ и на мачты нашего корабля. Всѣ съ трепетомъ ждали появленія свѣта солнца. Прошло нѣсколько времени, и волна свѣта, предвѣщавшая появленіе желаннаго свѣтила, перекатилась по необозримому пространству. Явилось и солнце въ торжественной пурпуровой одеждѣ; оно поднялось надъ ледянымъ полемъ. Мы всѣ молчали, въ чувствѣ благоговѣнія. Да и кто могъ бы найти хоть слово, чтобы выразить чувство радости?.. У каждого радость свѣтилась на лицѣ, безъ словъ. И только у одного изъ простыхъ матросовъ итальянскаго происхожденія вырвались звуки: „Benedetto giorno!“ (благодѣтельный день). Но солнце медленно поднялось надъ областью вѣчныхъ льдовъ только половиною своего диска, какъ будто эта часть міра недостойна его свѣта. И однакоже появленіе солнца единственный праздникъ, единственное мощное выраженіе разцвѣтающей жизни въ этомъ царствѣ смерти! Но солнце здѣсь не въ силахъ, какъ на югѣ, оживотворить окоченѣвшее земное тѣло, возбудить растительную жизнь и украсить ледяной панцырь благодѣтельной зеленью и цвѣтами. Здѣсь только ручьи, образующіеся отъ таянія льда, зашумятъ на тысячи ладовъ, возвращая воды безпредѣльному морю. Пасмурно и сопливо ледяные гиганты, подобно безчисленнымъ сфинксамъ, поднимаютъ свои вершины въ сіяющемъ морѣ свѣта; утесы и груды льда въ трещинахъ безмолвно смотрятъ и бросаютъ длинныя тѣни на блестящую какъ алмазъ снѣговую пелену. Все было обито нѣжно-розовымъ цвѣтомъ. Холодные ледяные колоссы, подобные колоссамъ Мемнона въ Египтѣ, поплыли, треща и хрустя отъ дѣйствія теплоты. Но только нѣсколько минутъ верхняя часть солнечнаго диска виднѣлась надъ горизонтомъ; вотъ уже она исчезла, и мѣсто пребыванія солнечнаго диска смѣни-

лось фіолетовою дымкою, и снова звѣзды дрожащимъ свѣтомъ заблистѣли на сумрачномъ небѣ! ¹⁾). Это было $\frac{16}{4}$ февраля“ Въ тотъ же самый день солнце впервые является на Шпицбергенѣ, подѣ 78° сѣв. шир. Слѣдовательно полный зимній мракъ продолжался здѣсь 111 дней, т. е. около $\frac{1}{3}$ года. Затѣмъ слѣдуютъ 65 дней, въ которые день и ночь смѣняются, но дни уже такъ быстро возрастаютъ, что $\frac{21}{9}$ апрѣля солнце болѣе не заходитъ. Тогда настаетъ четырехмѣсячный непрерывный день, и солнце вовсе не сходитъ съ горизонта.

Съ этого времени начинается весна; температура возвышается, ртуть термометра поднимается выше нуля. Слѣдующія затѣмъ въ полярномъ мірѣ явленія весьма наглядно описываетъ путешественникъ Гайсъ, наблюдавшій появленіе солнца и весну въ 1861 году въ проливѣ Смита. „Бѣлое зимнее покрывало, такъ долго покрывавшее холмы и долины, исчезло подѣ вліяніемъ теплыхъ и животельныхъ лучей солнца; потоки отъ растаявшаго снѣга съ оглушительнымъ шумомъ и громомъ стремились по ущельямъ и образовавшимся въ растреснутомъ лѣдѣ пропастямъ, или прыгали съ крутыхъ утесовъ бѣшенными каскадами и вездѣ въ воздухѣ слышалось пріятное журчаніе падающей съ высотъ по всѣмъ направленіямъ воды. Въ углубленіи, позади нашей обсерваторіи, образовалось небольшое озеро; изъ него пробивался ручеекъ, унося съ собою съ прибрежья ледъ и скатываясь къ морю по хрящеватому грунту. Окружающій озерко и вдоль ручейка ледъ растаялъ; берега, освобожденные изъ подѣ зимняго покрова, уже въ началѣ іюня указывали на слѣды возвратившейся растительной силы природы. По стволамъ ивъ поднялся сокъ, хотя ледъ и снѣгъ еще окружали корни этихъ ивъ; мхи, породы дикаго мака, толстолистые баданы, ложечныя травы и другія привыкшія къ этому климату растенія дружно начали пускать ростки; крики птицъ, возвратившихся сюда на лѣто, оглашали воздухъ; утесы были усыяны пингвинами или морскими попугаями, стан гагъ быстрымъ полетомъ переносились черезъ нашу бухту, повидимому не рѣшаясь, который изъ острововъ выбрать себѣ для лѣтняго пребыванія; красивыя береговыя ласточки порхали, покрикивали и играли надъ моремъ; блительная чайка и коршуны съ торжественнымъ достоинствомъ носились около насъ въ воздухѣ; часто раздавался рѣзкій крикъ, длиннохвостыхъ утокъ „га-га-віе“. Эти птицы съ необычайною быстротою перелетали черезъ нашу бухту; кулики окружали постепенно увеличивающіеся прѣсноводные пруды; воробьи, перепархивая съ утеса на утесъ, чи-

¹⁾ Пайеръ стр. 104.

рикали безъ умолка; длинная вереница утокъ плыла съ криканьемъ, отыскивая себѣ отдаленное мѣстечко къ сѣверу; глухой ревъ моржа слышался съ плавучихъ льдинъ, оторвавшихся отъ глетчеровъ и пришедшихъ въ подвижное состояніе. Вся губа и ближайшій заливъ (фіордъ) были усыяны тюленями, которые нашли себѣ путь изъ-подъ воды сквозь ледъ и лѣнливо усѣлись на солнцѣ. Мѣстность, еще погруженная при моемъ отъѣздѣ въ мертвый ледяной сонъ, теперь была одѣта красивою одеждою весны. И эта переменна совершилась съ быстротою почти невообразимою. Снѣгъ на поверхности льда скоро растаялъ, и сходя съ корабля, мы должны были бродить по-колѣно въ снѣговой водѣ. Самый ледъ разрушался скоро и края его около моря обламывались. Ближайшія ледяныя груды, освободившись отъ оковъ, привязывавшихъ ихъ къ побережью, уплыли; множество ледяныхъ горъ поражавшихъ насъ причудливою странностью своихъ формъ, съ торжественною важностью выплывали изъ пролива; эти плавучія горы направлялись къ теплomu югу, при чемъ водопадами стремились съ нихъ потоки чистой какъ хрусталь ледяной воды“.

Полярная область во многихъ отношеніяхъ можетъ быть сравниваема съ областью альпійскою; впрочемъ, она значительно отличается отъ послѣдней длиною дня, способствующей развитію органической жизни и предшествующими дню длинными зимними ночами; но замѣчательно, что, несмотря на это различіе, органическая природа обѣихъ областей всетаки имѣетъ большое сходство.

Это особенно бросается въ глаза, при взглядѣ на растительное царство. Флора сѣверной Гренландіи, арктическихъ острововъ Америки и Шпицбергена имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и флора крайнихъ альпійскихъ высотъ. Какъ извѣстно, на этихъ альпійскихъ высотахъ, при 1,830 метрахъ надъ уровнемъ моря, лѣсъ уже совершенно исчезаетъ; въ центральныхъ Альпахъ въ немногихъ только мѣстахъ область лѣса достигаетъ высоты 2,130 метр. надъ уровнемъ моря. Въ высшихъ областяхъ, мы встрѣчаемъ почти исключительно травы такъ называемыя живучія, соединяющіяся въ плотный дернъ и отличающіяся своими прекрасными цвѣтами. То же самое видимъ мы и на крайнемъ сѣверѣ. Лѣса достигаютъ здѣсь только въ немногихъ особенно благоприятныхъ мѣстностяхъ 70° сѣв. шир., да и представителями-то ихъ служатъ лишь нѣкоторыя хвойныя деревья, тополь и береза, мѣстами переходящія за полярный кругъ. Шишконосныя (Coniferae) почти всегда обозначаютъ крайній предѣлъ произрастанія деревъ; сѣвернѣе простирается область кустарныхъ растений, ивъ (Salicineae) и вересковъ (Ericaceae). Въ Норвегіи и Лапландіи границу произрастанія деревъ составляетъ береза, въ Альпахъ же сибирскій кедръ и лиственница, область

которыхъ восходить до 2,130 метровъ высоты. Выше 3,350 встрѣчается на Альпахъ малорослый можжевельникъ (*Juniperus nana*), послѣднее же травянистое растение *Cherleria sedoides*. Самое сѣверное дерево въ Азій сибирская лиственница. Ни въ Гренландіи, ни въ арктическихъ островахъ Америки, ни на Шпицбергенѣ не встрѣчается болѣе ни малѣйшаго слѣда древесной растительности. Приземистый березовый кустарникъ и малорослый ивнякъ единственныя растенія этихъ мѣстностей, напоминающія намъ флору болѣе южныхъ странъ, да и травянистая-то растительность крайняго сѣвера состоитъ изъ мелкихъ растений, образующихъ обыкновенно плотный дернъ; но такъ какъ этотъ дернъ разбросанъ по ущельямъ между утесами, то онъ уже не можетъ образовать широкіе зеленые ковры. Сходство флоры полярныхъ странъ съ флорою крайнихъ Альповъ идетъ еще дальше: значительное число растений крайняго сѣвера встрѣчаемъ мы и на Альпахъ. Профессоръ Геппертъ насчитываетъ въ Европѣ 9,000 видовъ отдѣла тайнобрачныхъ, изъ нихъ 700 альпійскихъ, т. е. растущихъ на высотахъ отъ 1,820 до 3,000 метровъ надъ уровнемъ моря, и 700 видовъ арктическихъ, изъ числа ихъ 200 общихъ съ Альпами. Красивая гвоздика (*Silene acaulis*), приковывающая взоръ каждаго путешественника по Альпамъ своимъ ярко-краснымъ цвѣтомъ, покрываетъ горныя возвышенности роскошнымъ ковромъ. Она встрѣчается и на сѣверѣ всюду, на Шпицбергенѣ и въ Исландіи, въ Гренландіи и на островѣ Мельвилля; точно такъ же милыя, привлекательныя породы каменоломокъ (напр. *Saxifraga oppositifolia*), онѣ всюду украшаютъ собою сырые утесы горныхъ странъ. Затѣмъ глетчерныя лютики, альпійскій крессъ, образующая на горахъ дернъ драба (*Draba* изъ семейства *Cruciferae*) и много другихъ видовъ. Изъ 132 видовъ, растущихъ на вершинѣ Фаульгорна, одну треть встрѣчаемъ въ Лапландіи. То же самое отношеніе существуетъ между 87 видами, произрастающими на глетчерномъ островѣ *Mer de glace*, близъ Шамуни. Альпійская флора, слѣдовательно, постоянно напоминаетъ флору крайняго сѣвера:

Но относительно царства животнаго, это сходство не особенно бросается въ глаза. Правда, можно указать на нѣсколько видовъ насѣкомыхъ, общихъ какъ высокимъ Альпамъ, такъ и полярному поясу, но это число гораздо незначительнѣе по сравненію съ царствомъ растительнымъ. Это происходитъ вѣроятно отъ того, что фауна, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, гораздо скорѣе бѣднѣетъ, чѣмъ флора; число же сухопутныхъ животныхъ въ полярномъ поясѣ поэтому весьма ничтожно. Вообще замѣчается постепенное уменьшеніе разнообразія формъ. Въ Гренландіи, напримѣръ, насчитываютъ всего только семь видовъ мѣстныхъ млекопитающихъ; прочіе виды раз-

водятся тамъ только по почину датскихъ колонистовъ или перевезены туда на корабляхъ. Главнѣйшія изъ этихъ животныхъ заслуживаютъ бѣлаго упоминанія. Первое мѣсто между ними занимаетъ, безъ сомнѣнія, страшный бѣлый медвѣдь, (*Ursus maritimus* L.) очень часто встрѣчающійся у береговъ Шпицбергена; на плавающихъ льдинахъ онъ далеко пускается въ море. Съ лодокъ Парри были убиты два бѣлыхъ медвѣдя подъ 82,2° сѣв. шир., въ 140 километрахъ разстоянія отъ твердой земли. На льдинахъ, проходящихъ вдоль восточнаго берега Гренландіи и приплывающихъ къ сѣверному берегу Исландіи, сюда переселяются и сѣверные медвѣди, обыкновенно не водящіеся въ Исландіи; зимою на льдинахъ же медвѣди отправляются на югъ и посѣщаютъ Медвѣжьи острова. Бѣлый медвѣдь питается преимущественно тюленями (*Phoca hispida* и *Phoca barbata*) и моржами, водящимися около воды и вмѣстѣ съ медвѣдями совершающими странствіе. Медвѣдь охотится на тюленей съ большою хитростью и нападаетъ быстро и внезапно. Къ человѣку онъ приближается смѣло, безъ опасенія, но болѣе изъ любопытства чѣмъ изъ хищничества; онъ постоянно убѣгаетъ отъ человѣка и при нападеніяхъ на него даже не защищается. Между шкурою и мясомъ бѣлаго медвѣдя находится толстый слой жира; преимущественно ради этого жира за нимъ и охотятся на Шпицбергенѣ. Зимою самки бѣлаго медвѣдя производятъ на свѣтъ одного или двухъ дѣтенышей, два года остающихся при матери. Бурый медвѣдь (*Ursus arctos*) рѣдко является въ арктическихъ странахъ, за то чаще встрѣчается песецъ (*Canis Lagopus* L.) лѣтомъ онъ питается яйцами птицъ и не окрылившимися птенцами, а зимою куропатками и остатками добычи бѣлыхъ медвѣдей. Свою зимнюю бѣлую шерсть онъ сбрасываетъ въ іюнѣ или іюлѣ и тогда дѣлается черноватоголубо-сѣрымъ, къ концу августа онъ становится опять бѣлѣе. Также общераспространенъ здѣсь сѣверный олень (*Cervus tarandus* L.), встрѣчаемый у береговъ Шпицбергена до Север-Исланда или островковъ подъ 80°45, сѣв. шир., и очень часто у большихъ заливовъ западнаго берега. Въ Гренландіи это полезное животное замѣтно выводится, потому что мѣхъ и шкура его сдѣлались предметомъ торговли. Но за то на восточномъ берегу Гренландіи водится мускусный быкъ (*Ovibos moschatus*), американское полярное животное, ростомъ чуть больше обыкновенной овцы, и покрытое длинною шерстью; рога мускуснаго быка вѣсятъ болѣе центнера. Въ сѣверной Америкѣ, по ту сторону 60° сѣв. шир., мускусный быкъ водится стадами до 20—30 головъ. Полагали, что въ Гренландіи онъ совершенно вывелся, однако въ 1859 году убили тамъ одно изъ этихъ животныхъ; а вторая германская полярная экспедиція 1869—1870 годовъ наткнулась на восточномъ берегу на маленькое стадо мускус-

ныхъ быковъ въ 10—20 головъ. Встрѣчаемый въ арктическомъ поясѣ снѣжный заяцъ есть нашъ *Lepus variabilis*. Изъ другихъ млекопитающихъ суши можно поименовать еще мышей, а именно *Mus decumanus* (перевезенная на коммерческихъ судахъ въ Тромсѣ) и *Mus Musculus* L., наконецъ различные виды пеструшекъ, изъ которыхъ видъ *Lemmus hudsonius* Richards. былъ найденъ Парри въ формѣ скелета животного на льду, подъ $81\frac{3}{4}^{\circ}$ сѣв. широты. Пеструшка *Myodes torquatus* не была болѣе найдена въ Гренландіи со временъ Скоресби (путешествовавшего въ 1822 г.).

Въ то время, какъ снѣгъ и лёдъ дѣлаютъ большую часть арктической суши недоступною для живыхъ существъ, морскія животныя находятъ здѣсь обильную пищу. И вотъ отъ этого богатствомъ и разнообразіемъ морскихъ животныхъ сѣверное полярное море можетъ соперничать съ южными странами. Здѣсь водится такая масса свойственныхъ океану фосфорно-свѣтящихся животныхъ на поверхности воды, что ночью во время плаванія судна можно замѣтить ярко-свѣтлую полосу въ томъ мѣстѣ, гдѣ вода проборожена килемъ корабля; Скоресби проходилъ огромныя пространства по „green water“, т. е. по морю, кающемуся окрашеннымъ въ синевато-желто-зеленый цвѣтъ безчисленными медузами и инфузоріями, обитающими въ сѣверномъ морѣ. Дѣйствительно, море своею возвышенною температурою переноситъ царство животныхъ до крайнихъ предѣловъ сѣвера, и только этимъ доставляетъ человѣку возможность прожить въ этой непривѣтливой области. Бѣлый медвѣдь, моржъ, безчисленные тюлени, водящіеся въ сѣверныхъ моряхъ, рыбы (нѣкоторые виды рыбъ весьма многочисленны) и, наконецъ, птицы, огромными стаями перелетающія на сѣверъ для вывода дѣтей, всѣ эти животныя лѣтомъ оживляютъ крайнюю полярную область и доставляютъ человѣку необходимую пищу. Арктическія моря отличаются тѣмъ, что они, собственно говоря, представляютъ мѣсто родины болѣе части морскихъ млекопитающихъ, играющихъ такую значительную роль въ хозяйствѣ. Сюда напримѣръ принадлежатъ гигантскіе киты различныхъ видовъ. Изъ нихъ *Balaenoptera Musculus* Lilly и *Balaenoptera rostrata* Fabr. въ маѣ доходятъ до фіордовъ Финмарка; къ тому же порядку принадлежатъ *Hyperoodon borealis* Nilss., *Monodon monoceros* L., морской единорогъ, болѣе двухъ метровъ длины, водящіеся зимою и лѣтомъ гораздо ближе къ сѣверному полюсу, чѣмъ какое-либо старое млекопитающее, всегда въ открытомъ морѣ подъ плавающимъ льдомъ, но никогда близъ береговъ; далѣе дельфины; изъ нихъ особенно выдается бѣлый дельфинъ *Delphinapterus leucos* Pall., стадами водящійся у прибрежныхъ отмелей и у восточныхъ береговъ Азіи; зимою онъ спускается до 52 сѣв. шир. и даже поднимается

«Въ обл. вѣч. льда».

вверхъ по Амуру до 300 километр. Морская свинья (*Phocaena communio* Less.), встрѣчается во весь годъ очень часто около Финмарка. Далѣе, рыба-косатка (*Orca gladiator*) между Финмаркомъ и Шпицбергенонъ. Къ этимъ животнымъ присоединяются еще животныя другого важнаго порядка ластоногихъ, изъ коихъ моржи и различныхъ видовъ тюлени представляютъ самыя типичныя формы и должны считаться главными фигурами царства животныхъ полярныхъ странъ. Моржъ (*Crichechus rosmarus*) держится постоянно вблизи большихъ плавучихъ ледяныхъ полей, и располагается отдыхать на льдинахъ, живетъ большею частью большими стадами, часто въ нѣсколько сотъ головъ и только на время кочевки пускается въ открытое море. Промышленники гонятся за моржемъ ради его клыковъ, шкуры и толстаго слоя жира въ 7 сантиметровъ. Благодаря этому жиру, каждое животное этого рода даетъ одну бочку ворвани. Клыки служатъ орудіемъ защиты (и орудіемъ, правду сказать, страшнымъ), но вовсе не орудіемъ передвиженія, какъ думали прежде. Моржъ совершаетъ переходы по льду и по прибрежью при помощи ластовъ; питается это животное преимущественно двумя видами моллюсковъ: *Mya truncata* и *Mya arenaria*, а также *Saxicava rugosa*, находящихся въ слояхъ глины на глубинѣ отъ 20 до 100 метровъ, сидя въ ней отъ 7—18 сантим. Острыми клыками моржъ вырываетъ свою добычу, языкомъ и зубами снимаетъ съ моллюсковъ раковину. Первые мѣсяцы послѣ родовъ самка моржа остается одна со своими дѣтенышами; послѣдніе начинаютъ сами събѣ искать пищу лишь тогда, когда клыки ихъ достаточно вырастутъ. Время течки у моржей—конецъ мая или начало іюня, но для этого моржи не совершаютъ ни какихъ переходовъ; самка носить почти годъ, а такъ какъ дѣтенышъ сосетъ матку почти два года, то моржевая самка производитъ каждые три года одного, рѣдко двухъ дѣтенышей. У двухголичныхъ дѣтенышей клыки достигаютъ уже длины 7—10 сантиметровъ и только тогда молодые моржи начинаютъ вырывать себѣ для пищи моллюсковъ. Взрослые самецъ и самка живутъ отдѣльно другъ отъ друга. Изъ ластоногихъ болѣе другихъ имѣетъ право называться „морскимъ“ животнымъ морской тюлень съ заостренною мордой, на концѣ которой помѣщается вздувающійся клапанъ, доходящій до самаго лба. Эта порода тюленей (*Cystaphora cristata* Erxl.) показывается съ апрѣля до іюня у югозападныхъ береговъ Гренландіи на плавучемъ льду, но животное не бываетъ въ указанномъ мѣстѣ остальное время года; иногда оно доходитъ до береговъ Исландіи, но чрезвычайно рѣдко до Финмарка. Громадно-обширная охота за ластоногими обращена преимущественно на тюленей, особенно на *Phoca groenlandica* Mull. Этотъ видъ находится въ постоянномъ передвиженіи, ни гдѣ не остано-

ливается на цѣлый годъ. Съ западнаго берега Гренландіи этотъ тюлень удаляется два раза въ году,—въ мартѣ, чтобы вдали отъ материка произвести на свѣтъ дѣтенышей и возвращается въ концѣ мая, затѣмъ уходитъ опять въ концѣ іюня до начала сентября,—это на время течки. По возвращеніи въ сентябрѣ самка уже носитъ въ себѣ дѣтенышей. Гренландцы на юго-западномъ берегу убиваютъ ежегодно до 36,000 тюленей. Стадамъ тюленей, водящимся между Гренландіею, Шпицбергенемъ и Новою землею, островъ Янъ-Майонъ, съ февраля до апрѣля, служитъ мѣстомъ сборища, и тамъ тюлени также мечутъ своихъ дѣтенышей. Въ этихъ пунктахъ обыкновенно охотятся и за тюленьими дѣтенышами ради ихъ нѣжной бѣлой шерсти. Молодые тюлени остаются на льду только до тѣхъ поръ, пока шерсть ихъ бѣла и мягка. Течка происходитъ въ августѣ, а въ мартѣ самка мечетъ дѣтенышей. Самый крупный видъ тюленей *Phoca barbata* Fabr.; но этотъ видъ водится только вблизи берега и никогда не плаваетъ стадами. Онъ питается большими моллюсками и жесткопороковыми; въ мартѣ этотъ тюлень легко ловится, ибо онъ всегда съ чрезвычайною глупой смѣлостью и любопытствомъ приближается къ охотничьимъ лодкамъ; на льду же онъ чрезвычайно остороженъ, бдителенъ, пугливъ. Тутъ уже въ него трудно выстрѣлить. У Финмарка этотъ тюлень держится очень рѣдко, притомъ только поздно осенью и зимою, заходя сюда съ Новой земли. На послѣдней онъ водится въ изобиліи. *Phoca hispida* Erxl., или *Phoca annellata* Nilss., дальше всѣхъ проникаютъ на сѣверъ; пока ледъ неподвиженъ, эта порода тюленей остается въ заливахъ и бухтахъ, но потомъ тюлени отправляются съ плавучимъ льдомъ къ сѣверу, въ далекое море. Онъ питается рыбами и раками на поверхности моря, преимущественно особымъ видомъ трески (*Gadus Merlangus polaris*) которая массами плаваетъ подъ льдомъ. Зимою тюлень устраиваетъ себѣ въ заливахъ небольшія отверстія во льду, въ которыя просовываетъ голову, чтобы подышать воздухомъ. На западномъ берегу Финляндіи самка породы этихъ тюленей мечетъ одного грязно-сѣроватаго дѣтеныша; но послѣдній черезъ мѣсяцъ одѣвается шерстью такого же цвѣта какъ у родителей. Въ это время его ловить очень трудно, потому что при малѣйшей опасности тюлень кидается въ воду. Самые большіе тюлени этого вида, водящіеся въ Ботническомъ заливѣ, простираются до двухъ метровъ длины ¹⁾).

Вообще принято всю фауну холоднаго пояса вѣлчать въ одну рубрику; но эта рубрика должна распадаться на нѣсколько подраздѣленій; это явствуетъ уже изъ того, что средняя температура части холоднаго пояса, посѣщаемой людьми, колеблется отъ 0° до—

¹⁾ Петерманъ, «Geograph. Mitt.» 1865 ст. 112 и слѣд.

18° Ц. Такія климатическія колебанія должны неминуемо вызвать большое разнообразіе и въ органическомъ мірѣ. Поэтому шведскій естествоиспытатель Отто Торель раздѣляетъ все арктическое пространство на три пояса. Сѣверная граница самаго южнаго изъ принятыхъ Торелемъ поясовъ проходитъ между 65° и 68° сѣв. шир., т. е. совпадаетъ съ сѣвѣрною границею настоящей трески (*Gadus morhua*). Средній поясъ, охватывая Бооцію-Феликсъ, Гренландію, южныя Уперनावика, приблизительно до 65° сѣв. шир., Янъ-Майенъ и Медвѣжьи острова, простирается до 74° сѣв. шир. По ту сторону этой параллели, хотя и не прямо слѣдуя по ней, начинается сѣверный поясъ. Въ морѣ между Европою и Америкою довольно ясно обозначается южная граница перваго пояса по большимъ отмелямъ, на которыхъ въ обширныхъ размѣрахъ производится ловъ различныхъ видовъ трески и камбалы (*Gadus* и *Pleuronectes*). Въ предѣлахъ средняго пояса нѣтъ значительныхъ ватагъ, не смотря на то, что эта мѣстность изобилуетъ разнородными видами рыбъ. Въ третьемъ и самомъ сѣверномъ поясѣ рыба фауна уже совершенно исчезла. Въ этомъ поясѣ едва насчитывается 15 видовъ, весьма бѣдныхъ относительно размноженія недѣлимыхъ. Торель указываетъ на такое-же постепенное уменьшеніе моллюсковъ, по мѣрѣ направленія къ сѣверу, а также живущихъ въ морѣ млекопитающихъ и птицъ. Это уменьшеніе видовъ по отношенію къ птицамъ прежде всего оказывается между воробьями, виды которыхъ съ 20 въ южномъ и 4 въ среднемъ поясѣ въ сѣверномъ сводятся только къ двумъ. Прочіе порядки, по направленію отъ пояса къ поясу, уменьшаются почти равномѣрно на одну треть. Хищныхъ птицъ мы очень мало встрѣчаемъ въ двухъ сѣверныхъ поясахъ. Напримѣръ Шпицбергенъ не содержитъ ни одного вида хищныхъ, а острова Парри представляютъ только одинъ видъ, (*Strix nyctea*), сычъ, бѣлый филинъ, или большая дневная сова.

Быстрому уменьшенію царствъ животнаго и растительнаго, весьма замѣтному по направленію къ сѣверу, соотвѣтствуетъ и распространеніе рода человѣческаго. Уже въ Скандинавіи, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, поразительно уменьшается густота населенія. Даже болѣе того: по мѣрѣ удаленія на сѣверъ, являются племена, совершенно различныя отъ племенъ болѣе облагодѣтельствованныхъ природою странъ, физически и умственно эти племена являются какъ бы приспособленными къ тѣмъ жалкимъ условіямъ, которыя арктический міръ способенъ дать человѣческому существованію. На крайнемъ сѣверѣ Европы обитаютъ кочующіе лаппы, или лапландцы; все существованіе этихъ людей вращается около сѣвернаго оленя. Въ пустыняхъ арктической Америки, равно какъ и въ Гренландіи, спорадически, весьма разъединенно другъ отъ друга, ко-

чуютъ эскимосы, этотъ истый полярный народъ, стоящій на самой низкой ступени нравственнаго развитія и живущій, подобно ка-кимъ нибудь суркамъ, въ норахъ. Это уже, такъ сказать, самые крайніе форпосты человѣческаго существованія. Подъ 77° сѣв. шир., на западномъ берегу Гренландіи, обозначенъ на нашихъ картахъ Итепликъ, какъ самое сѣверное поселеніе эскимосовъ. За этимъ предѣломъ (въ другихъ мѣстахъ арктическаго пояса еще прежде) уже прекращаются поселенія людей, лишь только временно, такъ сказать мимоходомъ, зайдутъ сюда отыскивающіе добычу охотники, съ этою цѣлью посѣщающіе побережье отдаленныхъ острововъ, или же съ цѣлью научныхъ изслѣдованій зимуютъ здѣсь отдѣльныя экспедиціи. Итакъ крайній сѣверъ пустыненъ и необитаемъ для людей, органическая природа на немъ крайне скудна. Понятно поэтому, что д-ръ Кэнъ, созерцая окружавшій его неизмѣримый, ослѣпительно-бѣлый, торжественно-безмолвный міръ ледниковъ, въ Баффиновомъ заливѣ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, долженъ былъ выразиться въ своемъ сообщеніи, что арктическая природа производитъ впечатлѣніе до такой степени противоположное родинѣ, что кажется, будто находишься на другой планетѣ!

Ледяная гора въ заливѣ „Убѣжища“ (Refuge Harbour) въ Смитовомъ проливѣ.

Древне-греческій корабль для плаванія вдоль береговъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПИФЕЯ.

КТО былъ первый полярный путешественникъ? Кто первый проникъ въ тайны арктическаго міра? Сѣверныя области нашей части свѣта были сокрыты отъ древнихъ культурныхъ народовъ, жившихъ на югѣ, закрыты почти непроницаемою завѣсою. Свѣдѣнія римлянъ и грековъ о сѣверныхъ странахъ никогда не простирались за черту, пересѣкающую эти страны приблизительно по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Древніе предполагали, что цѣпь Альпійскихъ горъ подъ баснословнымъ названіемъ горъ Рипейскихъ (Rhipaci montes, τὰ Ριπαία ὄρη, у отдаленнѣйшихъ древнихъ Ρίπαι) имѣетъ протяженіе (вовсе не существовавшее) къ сѣверо-востоку, которымъ они обозначали предѣлъ извѣстнаго имъ міра. Только по наслышкѣ было извѣстно о какихъ-то большихъ рѣкахъ за этимъ предѣломъ, вливающихся въ сѣверный океанъ. Тамъ же, по ихъ понятіямъ, скитались сказочныя гипербореи (ὑπερβόριοι). Объ этихъ послѣднихъ древніе думали, что они живутъ за бушующимъ Бореємъ, чтобы на нихъ не могъ дуть холодный сѣверный вѣтеръ. Но, конечно, уже въ самыя отдаленныя времена были нѣкоторые смѣлые умы, не довѣрившіе этой сказкѣ. Такъ, напримѣръ, отецъ исторіи, даровитый Геродотъ Галикарнасскій, выражаетъ свое сомнѣніе въ этомъ отношеніи слѣдующими замѣчательными словами: „О гиперборейскихъ людяхъ ни скины, ни какой-либо тамъ обитающій народъ ничего не знаютъ, можетъ быть исключая иссе-

доновъ. Но и послѣдніе, я думаю, тоже ничего объ этомъ не знаютъ, потому что въ такомъ случаѣ знали бы о гиперборейцахъ и скиѣхъ, такъ какъ имъ, вѣдь, извѣстны же „одноглазые“. О гиперборейцахъ, правда, говорилъ и Гезіодъ, равно какъ и Гомеръ въ своихъ „Эпигонахъ“, если только это произведеніе, дѣйствительно, принадлежитъ Гомеру; но болѣе всего можно наслушаться о гиперборейцахъ изъ разсказовъ жителей острова Делоса. . . . . Но довольно о гиперборейцахъ. Я долженъ пройти молчаніемъ разсказъ о мнимомъ гиперборейцѣ Абарисѣ, какъ онъ носилъ съ собою стрѣлу вокругъ всей земли и при этомъ не вкушалъ никакой пищи. Но если есть люди за Бореємъ, то безъ сомнѣнія они должны быть и за Нотомъ. Не могу не смѣяться, когда я вижу въ какомъ видѣ многіе представляли землю и ни одинъ изъ пытавшихся не сдѣлалъ этого съ здравымъ смысломъ. Они представляютъ океанъ окружающимъ всю землю, а землю совершенно круглою, какъ будто она очерчена была циркулемъ, и показываютъ Азію такой же величины какъ Европу“ ¹⁾).

Но подобныя сомнѣнія, какъ кажется, не пали на плодотворную почву, ибо болѣе чѣмъ черезъ полтысячи лѣтъ послѣ того, какъ отецъ исторіи писалъ сейчасъ приведенныя слова, ученый римлянинъ Плиній указываетъ на гиперборейцевъ, какъ на опредѣленный историческій народъ, и всѣ поэты и географы древнихъ вѣковъ помѣщаютъ гиперборейцевъ на сѣверъ или на западъ земли. Эратосеенъ Киренейскій (275—194 г. до Р. Х.), первый основатель науки землелѣдѣнія, считалъ гиперборейцевъ народомъ, живущимъ на самомъ крайнемъ сѣверѣ. Ихъ считали счастливѣйшимъ народомъ обитаемой ими страны, въ которой солнце только разъ восходитъ и разъ заходитъ, въ которой плоды созреваютъ неизменно скоро. Всѣ эти сказанія, конечно, согласуются съ климатическими условіями сѣверныхъ широтъ.

Первое, болѣе опредѣленное понятіе о сѣверѣ, получили древніе при открытіи на сѣверо-западѣ Европы Британскихъ острововъ. Древніе мореплаватели финикіяне, цвѣтущій періодъ исторіи которыхъ падаетъ на время за тысячу лѣтъ до нашей эры,—когда древніе греки еще не имѣли достовѣрной исторіи,—финикіяне, какъ полагаютъ, еще въ незапамятныя времена, отправившись вдоль береговъ на сѣверъ, проникли на своихъ корабляхъ не только до Британскихъ острововъ, но и гораздо далѣе къ сѣверу до самой Скандинавіи. Выдающіеся изслѣдователи культуры и промышленности древнихъ народовъ, шведъ Свенъ Нильсонъ и французъ Фредерикъ де-Ружмонъ, объяснили замѣчательную находку брон-

¹⁾ Геродотъ, кн. VI, глав. 32—36.

зовыхъ вещей у народовъ сѣверной Европы, которые и въ историческое время являются еще довольно грубыми варварами, тѣмъ предположеніемъ, что основательно образованные и всесторонне-развитые финикіане вѣроятно очень рано были на этомъ сѣверѣ и имѣли здѣсь образовательное вліяніе. Несмотря на важность и авторитетъ мнѣній упомянутыхъ двухъ ученыхъ, это предположеніе теперь почти совершенно оставлено. Основанія, приводимыя Нильсономъ, вовсе не настолько сильны, чтобы опровергнуть противу-

Наглядная общая карта Оркнейскихъ и Шетландскихъ острововъ.

положные доводы. Со стороны финикіанъ это предположеніе не подтверждается ни какими доказательствами; но, разумѣется, отдаленность разстоянія не была бы препятствіемъ для финикіанъ,

какъ полагають противники мнѣнія Нильсона. Мнѣнія о развитіи мореплаванія въ древности очень различны. Но вѣдь мы и въ настоящее время еще встрѣчаемъ народы безъ морскихъ познаній, безъ морскихъ картъ, даже безъ умѣнія писать, предпринимающіе смѣлыя морскія путешествія, а потому и нѣтъ ни какого основанія думать, что финикіяне были менѣе предприимчивы, и ограничивались бы только такъ называемыми прибрежными плаваніями. Тѣмъ не менѣе, съ достаточною вѣроятностію можно сказать, что финикіяне никогда не были на сѣверѣ Европы ¹⁾. Совершенное отсутствіе финикійскихъ названій мѣстъ въ сѣверной Европѣ есть одно изъ многихъ доказательствъ въ пользу этого воззрѣнія. Пешель, этотъ проницательный рѣшитель географическихъ проблемъ, убѣдительноѣмъ образомъ доказалъ, что морскія плаванія никогда не предпринимались безъ цѣли и безъ плана, но, что, напротивъ, всегда какая-либо опредѣленная приманка, цѣль стремленій, опредѣляла путь мореплавателей. Если поэтому финикіяне дѣйствительно достигали на своихъ корабляхъ сѣвера Европы, то они должны были имѣть непремѣнно какую-либо опредѣленную цѣль, искать чего-либо, а вовсе не вслѣдствіе какихъ-либо гадательныхъ культурныхъ цѣлей. Конечно, для финикіянъ была на сѣверо-западѣ Европы и приманка; стремясь къ ней, финикіяне могли бы пуститься въ сѣверо-западную Европу. Этою приманкою было олово, необходимое для выдѣлки бронзы; олово въ то время въ избыткѣ находилось въ Европѣ по западному побережью этой части свѣта, отъ Корнваллиса чрезъ западную оконечность Бретани до нынѣшней испанской провинціи Галиціи. Во Франціи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, найдены слѣды древняго добыванія оловянной руды и по всей вѣроятности подобныя же оловянные копи были разрабатываемы въ испанской Галиціи и Лузитаніи. Во всякомъ случаѣ присутствіе тамъ олова было извѣстно. Стало бытъ, если финикіянамъ возможно было запастись оловомъ изъ западной Европы, то нечего имъ было забираться въ Корнваллисъ; они могли удовлетворить этой потребности и ближе, и дешевле, и удобнѣе съ прибрежій Испаніи и Галліи. Еще менѣе можно допустить, чтобы финикіяне открывали рудныя мѣсторожденія въ Корнваллисѣ и устраивали тамъ рудники. Для этого прежде всего имъ нужно было имѣть тамъ колоніи. Но еслибы финикійскія колоніи дѣйствительно тамъ были, то отъ нихъ остались бы слѣды; однако финикійскихъ древностей мы тамъ нигдѣ не встрѣчаемъ, и тщетно стали бы

¹⁾ Мнѣ кажется, нужно держаться именно этого мнѣнія, несмотря на общепринятія противоположныя воззрѣнія, высказанныя Мюленгофомъ въ упоминаемыхъ ниже изслѣдованіяхъ его о Пифеѣ и въ большомъ сочиненіи В. С. Ляндаа: «History of merchant shipping and ancient commerce», London 1874—1875 г. 4 части.

отыскивать. Наконецъ, если даже допустить, что финикійскіе мореплаватели достигали западныхъ береговъ Франціи и проходили Ламаншъ до Сарлингскихъ острововъ, то они, все-таки, могли бы только отыскивать мѣстонахожденія олова; слѣдовательно оно должно было добываться раньше, и не только добываться, но и вывозиться,—минуя морское сообщеніе, обыкновеннымъ въ то время сухимъ путемъ.

Именно этимъ, а не какимъ-либо другимъ, путемъ древніе узнали о существованіи Британскихъ острововъ. Древнѣйшіе источники упоминаютъ объ этихъ островахъ, только какъ о мѣстахъ, изъ которыхъ доставляется драгоцѣнный для южныхъ народовъ металл, олово. Острова эти называются Касситеридами (Kassiterides) т. е. „оловянными“. О дѣйствительномъ ихъ положеніи Геродотъ еще не имѣлъ свѣдѣній. Римляне, также по неимѣнію объ нихъ подробныхъ свѣдѣній, перенесли это названіе на группу маленькихъ скалистыхъ острововъ, лежащихъ на юго-западной оконечности Великобританіи, нынѣшнихъ Сциллійскихъ, но отнюдь не содержащихъ ни какихъ рудниковъ олова.

Между тѣмъ до сихъ поръ еще не разрѣшенъ вопросъ, поставленный въ началѣ настоящей главы: кто былъ первый полярный путешественникъ? Но нельзя было не предпослать отвѣту все вышеизложенное, ибо первый пловецъ, дѣйствительно предпринявшій полярную экспедицію, принадлежитъ древности. И это былъ не кто иной, какъ извѣстный массалійскій грекъ Пиеей; онъ первый, направляясь къ сѣверу вдоль береговъ, посѣтилъ Британскіе острова. Ему мы обязаны первыми свѣдѣніями, касающимися какой-то сѣверной земли; но, къ сожалѣнію, о его путешествіи не существуетъ ни собственныхъ его описаній, ни какихъ либо другихъ связанныхъ разсказовъ. „Какъ всѣ путешественники, которые открываютъ новый, невѣдомый современникамъ міръ, и Пиеей подвергся насмѣшкамъ, вызваннымъ критическимъ недоверіемъ къ его предпріятію. Только его противники оставили намъ отрывки его сочиненій, и поэтому очень трудно сдѣлать справедливую оцѣнку его указаній. При неточности существующихъ данныхъ, что составляетъ возможность и случай широко разыгаться фантазіи, разумѣется, не было недостатка въ истолкованіяхъ самыхъ разнородныхъ видовъ. Иной толкователь полагалъ, но безъ сомнѣнія ошибочно, что упоминаемый Пиеей островъ Туле есть Исландія, другой принималъ этотъ островъ за Норвежскій Телемаркъ, и даже за прибрежный островокъ Тиле передъ Гальмestedтомъ.

Между тѣмъ Тацитъ, описывая обходъ римлянъ въ 84 году послѣ Р. Х. кругомъ Шотландіи, говоритъ, что они, послѣ открытія Оркадскихъ острововъ, увидали вдали островъ Пиея. Въ этомъ мѣстѣ Тацитъ, навѣрное, указываетъ на группу Шетланд-

скихъ острововъ. Хотя изъ отрывковъ Пифея многое не подходитъ къ этому архипелагу, тѣмъ не менѣе и послѣ, въ теченіи столѣтій, названіе Туле принадлежало этимъ островамъ“ ¹⁾. Въ этихъ словахъ Пешель указываетъ на несправедливость сужденій относительно древняго мореплавателя ²⁾. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, другой германскій ученый, Карлъ Мюленгофъ ³⁾, самымъ обстоятельнымъ образомъ оправдалъ Пифея. Въ настоящее время заслуги Пифея въ области землевѣдѣнія признаны всѣми и выставлены во всемъ своемъ блескѣ. На основаніи изслѣдованій Мюленгофа представляется уже не труднымъ доказать, что Пифею дѣйствительно принадлежитъ слава перваго мореплавателя; что онъ устроилъ первую полярную экспедицію и руководилъ ею.

Въ четвертомъ столѣтіи по Рождествѣ Христовомъ, около времени царствованія Юліана-Отступника, одинъ римскій чиновникъ, Руфъ Фестъ Авіенъ, занимался изложеніемъ самыхъ простыхъ прозаическихъ предметовъ въ стихахъ, именно тѣмъ, что называется школьными стихотвореніями. Счастливый случай доставилъ въ его руки описаніе береговъ на греческомъ языкѣ—„Periplus“. Этимъ описаніемъ Фестъ Авіенъ воспользовался для той же цѣли римо-слагательства. Мюленгофу принадлежитъ счастливая догадка, что въ этомъ описаніи кроется драгоцѣнный древній памятникъ географической литературы. По мнѣнію Мюленгофа, этотъ „Периплъ“ финикійскаго происхожденія, и составлено подобное описаніе еще въ пятомъ столѣтіи до Р. Х. Затѣмъ какимъ-то массалійцемъ переведено съ финикійскаго языка на греческій, а во вто-

¹⁾ Пешель. «Исторія землевѣдѣнія», изд. проф. д-ра Софусъ-Руге. Мюнх. 1878 г. 8° стр. 1—2.

²⁾ Сэръ Корнгэъ Льюисъ въ своей прекрасной книгѣ «Historical Survey of the Astronomy of the Ancients». London 1862—8° стр. 467 и слѣд. отзывается о Пифеѣ, какъ объ обманщикѣ (impostor). Также Ферд. Вибель, въ своемъ сочиненіи «Культура бронзоваго вѣка сѣверной и средней Европы». Киль 1865—8° стр. 85, выражаетъ сомнѣніе относительно плаванія Пифея. Кроме того, нужно сравнить о Пифеѣ: Murray, «De Pytheo Massil». (Comment. Soc. Gotting 1777 Tom. VI) М. Фуръ «De Pytheo Massiliens. dissertatio». Дармштатъ 1835—8° очень поверхностно). Gosselin, «Recherches sur la Geographie des Ancients». Paris 1813—8 IV ч. стр. 178. Bougainoille «Eclaircissements sur la vie et sur les écrits de Pytheas de Marseille» (Mem. de l'Academie des Jnscri. T. XIV p. 148. D'Anville «Memoire sur la Navigation de Pytheas à Thulé» (Mem. de l'Académie T. XXXII. Lelewel, «Pytheas von Massilia und die Erdkunde seiner Zeit». Aus den Franzos. ubers. von L. F. W. Hofmann Leipz. 1838—8°. Alex. Ziegler, «Die Reise. des Pytheas nach Thule». Dresden 1861—8°, сообщающій на стр. 22 обзоръ новѣйшихъ трудовъ о Пифеѣ. Далѣе можно еще назвать сужденіе о Пифеѣ. Joh. Gust. Cuno «Forschungen im Gebiets der alten Völkerkunde» Berlin 1871—8° 99—111 и Ch. E. de Ujfalvy „Le pays de Thule». Paris 1874—8°.

³⁾ Въ своемъ сочиненіи: «Deutsche Alterthumskunde», Berlin. 1870—8°.

ромъ столѣтіи до Р. Х. другимъ массалійскимъ ученымъ дополнено замѣчаніями и прибавленіями. Финикійскій „Периплъ“ былъ составленъ въ 550 году до Р. Х. и содержалъ подробное описаніе испанскихъ береговъ, обнимая къ сѣверу Бретань и Оловянные острова. Въ то время карфагеняне еще не утвердились въ Испаніи, что совершилось уже около 500 года, и кельты также еще не вторглись туда, что, по всей вѣроятности, происходило около 525 г. до Р. Х.

Греческій переводъ былъ сдѣланъ въ то время, когда граждане Массалии, нынѣшней Марсели, лелѣяли мысль и даже дѣлали попытки занять испанскіе берега. Если бы возможно было съ точностью опредѣлить, когда именно финикійскій оригиналъ „Перипла“ былъ составленъ, то этимъ самымъ разрѣшился бы и спорный вопросъ о времени посѣщенія финикіянами болѣе сѣверныхъ прибрежій западной Европы, ибо безъ этого „Периплъ“ не могъ заключать всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ передаетъ объ этихъ мѣстностяхъ. Но этой точности въ опредѣленіи времени сочиненія „Перипла“ недостаетъ, а поражающая его научность должна быть приписана исключительнымъ обстоятельствамъ. Около того времени, когда былъ составленъ финикійскій подлинникъ, о которомъ идетъ рѣчь, карфагенянинъ Гимилконъ былъ посланъ для изслѣдованія западныхъ береговъ Европы. Кромѣ одной строки у Плинія ¹⁾ о плаваніи Гимилкона дошло до насъ только немного строфъ стихотворенія „Ora maritima“ вышеупомянутаго Авіена ²⁾. Если этотъ стихотворецъ, какъ онъ увѣряетъ, въ своихъ извлеченіяхъ, въ точности передалъ пунический текстъ, то должно сознаться, что свѣдѣнія, сообщенныя карфагенскимъ путешественникомъ, крайне неопредѣленны; хотя, съ другой стороны, все же нельзя отвергать, что его указанія приводятъ насъ въ море, омывающее Британскіе острова ³⁾. На основаніи именно этого Гимилконъ открылъ Британскіе острова, разстояніе которыхъ отъ тортозскаго берега Иберіи онъ разсчитываетъ на четырехмѣсячное плаваніе ⁴⁾. Въ восточно-рюленидскихъ островахъ, открытых Гимилкономъ, Мюленгофъ узнаетъ полуостровъ Бретань. Но время, когда Гимилконъ совершилъ это знаменитое путешествіе, все-таки не опредѣлено съ точностью, такъ какъ у древнихъ ни какихъ для этого данныхъ нѣтъ. Мюленгофъ, впрочемъ, полагаетъ, что онъ не ошибается, опредѣляя 500 годъ до Р. Х., или даже еще ранѣе.

¹⁾ Plin. «Hist. natur.» lib. II cap. LXVII.

²⁾ Avienus. «Ora maritima» ст. 82, 362, 375—415.

³⁾ Vivien de St. Martin. «Histoire de la Geographie». Paris 8°, стр. 39.

⁴⁾ Farbigier «Handb. d. alten Geographen» Leipzig 1842—8°, ad. стр. 67, гдѣ находятъ указанія на сочиненія о Гимилконѣ.

Составитель финикійскаго „Перипла“ писалъ, какъ полагають, вѣроятно, около 550 года до Р. Х., стало быть 50-ю годами раньше. При совершенномъ отсутствіи точности въ опредѣленіи времени этихъ двухъ случаевъ, вовсе, однако, не исключена возможность, что пуническій писатель могъ знать о плаваніи Гимилкона, и что онъ только послѣ него и на основаніи доставленныхъ имъ свѣдѣній составилъ описаніе западно-европейскихъ острововъ. Экспедиція карагенянина Гимилкона ничего не говоритъ въ пользу обширности предѣловъ правильнаго и постояннаго мореплаванія финикійянъ. То былъ отдѣльный фактъ, отдѣльное плаваніе для осмотра береговъ, такое же какъ и позднѣйшее плаваніе Пиоея.

Итакъ Гимилконъ былъ предшественникомъ Пиоея. Безъ сомнѣнія, онъ былъ знакомъ съ греческимъ переводомъ „Перипла“ и имъ руководствовался при своемъ плаваніи. Тѣмъ не менѣе, только Пиоей, а не пуническій его предшественникъ, долженъ стоять во главѣ ряда полярныхъ путешественниковъ—частью потому, что послѣдній, хотя и открылъ Британскіе острова, но все-таки былъ еще очень далекъ отъ сѣверныхъ широтъ, частью же, и главнѣйшимъ образомъ, потому, что предпріятіе Пиоея возникло изъ той чистой неподдѣльной страсти къ истинѣ, которая свойственна всѣмъ великимъ изслѣдователямъ и открывателямъ. Пиоей въ первый разъ въ исторіи наукъ представляетъ собою типъ ученаго, совершеннѣйшій образецъ котораго изображаетъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ. Пиоей былъ такой же выдающійся путешественникъ, какъ и ученый.

Что Пиоей отличается сколько астрономическими, столько и географическими и не менѣе этнографическими познаніями и изслѣдованіями, въ этомъ нѣтъ ничего новаго. Эвдоксъ изъ Книды, преподававшій въ теченіи 10 лѣтъ, съ 360 до 370 года до Р. Х., въ городахъ Кизикъ и Аѣинахъ, только что передъ нимъ положилъ прочное основаніе наукъ астрономіи въ Греціи. Этотъ же Эвдоксъ писалъ и сочиненіе по географіи. Его заслуга по части астрономіи состоитъ въ томъ, что онъ дѣлалъ рядъ связанныхъ наблюденій; онъ былъ только созерцавшій, но не измѣрявшій, а вычислявшій наблюдатель. Его географія была скорѣе только описаніе отдѣльныхъ странъ съ ихъ замѣчательностями, рѣдкостями и историческими фактами, о нихъ собранными. Географія и астрономія для него не имѣли плодотворнаго взаимодѣйствія. Пиоей же, который безъ сомнѣнія былъ его ученикомъ, сдѣлалъ въ этомъ отношеніи большой шагъ впередъ. Онъ первый возымѣлъ мысль примѣнить астрономію къ землевѣдѣнію. Самой астрономіи онъ далъ новое направленіе, установивъ положеніе, что небесный полюсъ не есть, какъ полагалъ Эвдоксъ, одна отдѣльная звѣзда, постоянно стоящая на

одномъ мѣстѣ, но есть почти правильный четырехугольникъ, образуемый полярною звѣздою вмѣстѣ съ тремя другими ближайшими къ ней звѣздами. Онъ примѣнилъ астрономію къ географіи, стараясь опредѣлить полярную высоту даннаго мѣста на землѣ; онъ опредѣлялъ полярную высоту своей родины, Массали; это былъ первый опытъ въ этомъ родѣ. Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что Пифей, точно такъ же какъ Аристотель, зналъ, что высота полюса и географическая широта однозначущи. Поэтому онъ, на основаніи астрономическихъ наблюдений, опредѣлялъ положеніе своего родного города на земномъ шарѣ. Наблюденія дѣлались при помощи установленнаго на площади солнце-указателя (гномона)¹⁾. Во время лѣтняго солнцестоянія опредѣлялось положеніе этого указателя къ его тѣни. Не взирая на несовершенство этого пособия, результатъ, достигнутый Пифеемъ, былъ поразительной точности. Найденное имъ разстояніе Массилин (Марсели) отъ экватора Гиппархъ выразилъ 30,300 стадіями, по 700 ст. на градусъ, что равняется $43^{\circ}17'8''$ широты. Въ 1638 году Гассенди опредѣлялъ, что Марсель лежитъ по $43^{\circ}17'50''$ сѣверной широты и эта широта до нынѣ записывается въ „*Connaissance des temps*“: слѣдовательно разница съ опредѣленіемъ Пифея всего на нѣсколько секундъ. Если же принять въ соображеніе, что обсерваторія, къ которой относится широта Гассенди, находится къ сѣверу отъ города, Пифей же навѣрное дѣлалъ свои наблюденія въ старомъ городѣ, то разница между старымъ и новымъ наблюденіями почти совсѣмъ исчезаетъ.

Смѣлый умъ Пифея приступалъ еще къ третьей задачѣ, имѣющей тѣснѣйшую связь съ этими двумя астрономическими наблюденіями. Онъ предпринималъ путешествіе. Это была древнѣйшая по-

---

¹⁾ Каждое приспособленіе, служащее для опредѣленія полуденной линіи посредствомъ тѣни, или для измѣренія высоты солнца, называется гномономъ. Самый простой гномонъ есть перпендикулярно поставленный шестъ, тѣнь котораго падаетъ на горизонтальную плоскость. Но для того, чтобы опредѣлить высоту солнца съ нѣкоторою точностью, необходимо, чтобы шестъ этотъ былъ значительной вышины. Древніе египтяне пользовались для этой цѣли каменными обелисками. Самое древнее и дошедшее до насъ астрономическое наблюденіе высоты солнца было сдѣлано въ 1100 году до Р. Х. Китаѣ, по повелѣнію императора Чу-Конгъ, при помощи гномона въ $2\frac{1}{2}$ метра вышины. Въ классической древности впервые извѣстный философъ Анаксимандръ (610 — 546 до Р. Х.) устроилъ въ Спартѣ гномонъ въ видѣ заостреннаго шеста, при помощи котораго впервые же была, хотя приблизительно, опредѣлена наклонность эклиптики. Впрочемъ, наблюденія по гномоу не точны. Если продлить линію отъ вершины тѣни до вершины солнце-указателя, то она попадетъ не въ центръ солнца, а коснется верхняго его края. Слѣдовательно уголъ высоты, который мы измѣримъ посредствомъ гномона, будетъ всегда больше на половину діаметра солнца или на 16 минутъ дуги круга.

лярная экспедиція, какъ мы уже говорили. Всѣ его научныя идеи и стремленія были обращены къ отысканію полюса. Въ то время существовало народное повѣрье о трехъ поясахъ земли: холодномъ, умѣренномъ и сожженномъ; только средній считался обитаемымъ; изъ двухъ остальныхъ, какъ думали, никто жить не можетъ. Греческая наука съ IV столѣтія до Р. Х., въ особенности со временъ Аристотеля, не сомнѣвалась болѣе, что земля наша шарообразна и пыталась создать болѣе опредѣленные понятія о распредѣленіи по землѣ обитаемыхъ поясовъ. Принявъ за основаніе народное воззрѣніе на этотъ вопросъ, она изслѣдовала, какимъ образомъ можно было бы назначить точныя предѣлы для этихъ поясовъ. По понятіямъ греческихъ ученыхъ 54° сѣв. шир., говоря нынѣшнимъ языкомъ, составлялъ межу, за предѣлами которой, къ сѣверу, земля уже необитаема. Зналъ-ли Пиеей объ этой границѣ, и не отправился-ли онъ въ путешествіе для провѣрки ея—намъ неизвѣстно. Но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ цѣлю своего путешествія имѣлъ въ виду нашъ полярный кругъ. Онъ предпринялъ свое плаваніе, по словамъ Мюленгофа, для научныхъ изслѣдованій и открытій. Прежде всего онъ хотѣлъ прослѣдить чудно-великое явленіе поднятія полюса и наклонъ земли къ сѣверу, соотвѣтственно измѣненію горизонта, а вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовать протяженіе нашей части земли и доступность ея для людей ¹⁾. Равнымъ образомъ намъ неизвѣстно, предпринялъ-ли Пиеей эту экспедицію собственными средствами или же онъ пользовался пособіемъ отъ богатаго массалійскаго купечества и самаго города. Вѣрно только то, что онъ былъ главнымъ руководителемъ этого предпріятія, опредѣляя направленіе и продолжительность плаванія по своему усмотрѣнію.

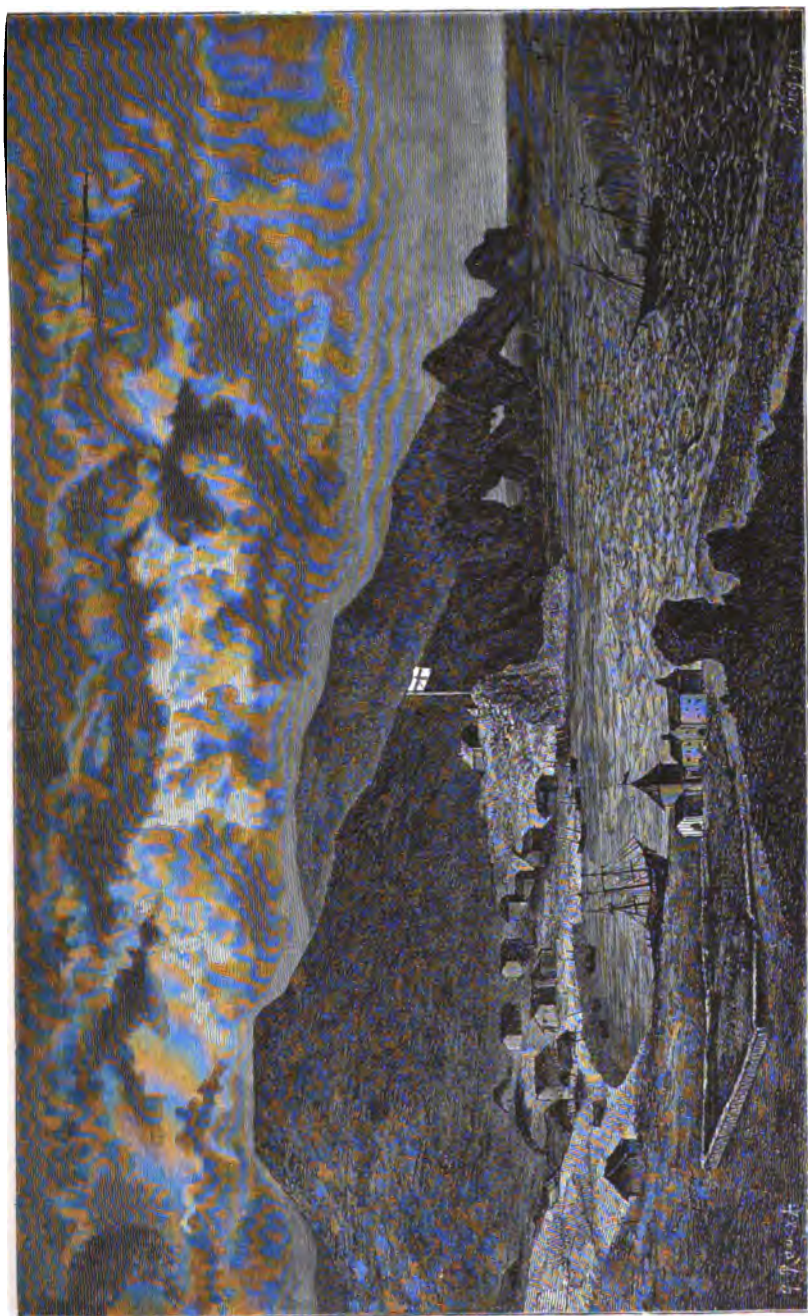
Пиеей предпринялъ свое плаваніе около 325 года до Р. Х. Съ началомъ навигаціи въ Средиземномъ морѣ, въ мартѣ, онъ вышелъ изъ Массалии. Онъ прошелъ черезъ Геркулесовы столбы,—такъ называли въ древнія времена Гибралтарскій проливъ,—въ Атлантическій океанъ. Здѣсь онъ имѣлъ случай дѣлать болѣе подробныя наблюденія, чѣмъ какой либо другой греческій ученый до него, надъ приливомъ и отливомъ и узнать связь этихъ явленій съ луною. И при дальнѣйшемъ своемъ путешествіи онъ этого явленія не упускалъ изъ виду и измѣрилъ далѣе въ рѣкѣ Севернѣ возвышеніе воды во время прилива. Его измѣреніе, опредѣляющее это возвышеніе въ 80 локтей или 36 метровъ, подлежитъ, однако, сокращенію на половину. По мѣрѣ приближенія къ полюсамъ возвышеніе воды во время прилива уменьшается. Подъ 65° сѣв. шир. прибывъ очень мало замѣтна. Пиеей пошелъ вдоль западнаго и

¹⁾ Мюленгофъ, стр. 312.

сѣвернаго береговъ Испаніи, по западному берегу Франціи, мимо острововъ, лежащихъ между устьями Шаранты и затѣмъ Луары, далѣе по берегу Бретани до острова Кесана, который онъ называлъ Уксисама. Онъ познакомился съ западною оконечностью Бретани, мысомъ Кабаіонъ и племенемъ Остіевъ. Отсюда онъ отправился въ противоположащую страну Олова на югозападъ острова Альбіона. Пиоей первый обозначаетъ различными названіями два большихъ острова, о которыхъ онъ должно быть узналъ отъ кельтовъ-мореплавателей: Вѣруовъ, по кельтски Kergyn „Западный“ (изъ этого впоследствии образовалось Ivernia, по гречески Γερνι, по новокельтскому Erin) и 'Αλβιονъ, что значитъ на гадельскомъ, то есть на кельтскомъ языкѣ, которымъ говорятъ въ Ирландіи, „Горный Островъ“, потому что по западному его берегу тянутся горные хребты. На мысѣ Балеріонъ, Ландсэндѣ, Пиоей имѣлъ случай видѣть добычу и погрузку олова, составлявшаго богатство этой страны. Онъ нашелъ, что тамъ очень холодно, сыро, небо вѣчно пасмурное, но страна густо населена. Далѣе онъ поднялся по западной сторонѣ Альбіона медленно и осторожно, вдоль побережья Ирландскаго ¹⁾ моря, прошелъ 54° сѣв. шир., пересѣкающій это море къ югу отъ острова Мала, а за симъ вступилъ въ предполагаемый холодный поясъ. Надъ головою его блестяли звѣзды, которыя Эвдоксъ описываетъ какъ непрерывно-видимыя въ арктическихъ странахъ. Островъ Іерне съ его прекрасными пастбищами и Гемоды (Гебуды, Гебриды), коихъ онъ насчиталъ семь ²⁾ по западному берегу Шотландіи, были имъ осмотрѣны. Этимъ путемъ онъ достигъ сѣверной оконечности Альбіона: Оркана (Оркадскихъ острововъ) гдѣ климатъ суровый и населеніе рѣже. Пшеница и ячмень тамъ уже не произрастаютъ. Проливъ Пентлендъ-Фиртъ, отдѣляющій Оркадскіе острова отъ Шотландіи, лежитъ подъ 58°40' сѣв. широты и почти подъ тою-же широтою 58° 37' находится мысъ Ратъ (Wrath), око-

¹⁾ Ирландское море или озеро (Irish Sea) есть та часть Атлантическаго Океана, которая лежитъ между Великобританіею съ востока и Ирландіею съ запада, соединяясь съ океаномъ съ сѣвера каналомъ Сѣвернымъ, а съ юга каналомъ св. Георгія. Какъ большая часть внутреннихъ морей, Ирландское море не глубоко, только до 102 метровъ. Глубина въ 90 до 145 метровъ глубины тянется по этому морю съ юга къ сѣверу, ближе къ ирландскому берегу. Около великобританскаго берега находятся два большихъ острова, Англезы и Манъ. На концахъ этой ложбины оказывается два исключительныхъ углубленія, ямы: на южномъ 271 1/2 метръ глубины и на сѣверномъ въ 243 метра.

²⁾ Этихъ острововъ въ дѣйствительности 300, составляющихъ 7648 квадратн. километровъ. Сто изъ нихъ обитаемы въ теченіи всего года. О числѣ ихъ древніе имѣли разнорѣчивыя свѣдѣнія, и вообще сомнительно, были-ли римляне когда-либо тамъ. Прекрасныя статьи проф. Ф. Циркеля о Западно-Шотландскихъ островахъ, подробно описываютъ ихъ; «Ausland» 1869 г. стр. 414, 466, 533, 582 и 761.

Торсгаветъ, главный городъ Ферейскихъ острововъ.

до котораго Пиоей неминуемо долженъ былъ пройти, поворачивая къ Оркадскимъ островамъ. Это, можетъ быть, великолѣпнѣйшая точка всей Британіи. Съ высокаго маяка открывается видъ въ ширь океана, волны котораго въ бурю сотрясаютъ голыя скалы сѣверо-западной Шотландіи. Вправо виднѣется отдаленный островъ Оркней, исторія котораго такъ же темна, какъ горы его далеки. Влѣво замѣчательный Гебридскій островъ Льюсъ (Leus), который великіе завоеватели сѣвера нѣкогда называли Ліудгусъ. Дикосѣрные утесы сѣверо-западной Шотландіи, какъ страшилища давно забытаго міра, безмолвно торчатъ изъ моря съ пещерами, необозримо вдающимися въ глубь.

Пиоей стремился дальше. Съ Оркана онъ отправился вдоль Оркадскихъ или Оркнейскихъ острововъ, число которыхъ онъ довольно вѣрно опредѣлилъ 30-ю; но намъ не извѣстно, приставалъ-ли онъ тамъ къ берегу или нѣтъ. Разставаясь на нѣкоторое время съ Пиоеемъ, посвящу кстати нѣсколько словъ Оркнейскимъ островамъ. Въ наше время весьма рѣдко какой-нибудь путешественникъ посѣщаетъ эти бѣдныя, обуреваемые Сѣвернымъ океаномъ, острова. Оркнеи образуютъ архипелагъ въ 67 скалистыхъ острововъ и шкерь, (Holmen, fällige Felsen) раздѣленныхъ глубокими и быстрыми проливами (Föhrden, Fahren). Нѣтъ величественнѣе зрѣлища бури на Оркнейскихъ островахъ. На западномъ берегу можно тогда видѣть волны такой величины, какихъ наблюдатель навѣрное раньше не видалъ и о которыхъ нельзя себѣ составить понятія, не выдавши ихъ. Какъ страшныя чудовища, онѣ выныряютъ изъ океана, гордо поднимая голову и потряхивая съ ужасающимъ ревомъ сѣдую гриву. Громадною массою пѣнисъ, онѣ ударяются о скалы съ такою невыразимою силою, что тѣ какъ будто содрогаются до основанія. Въ вышину 40 метровъ, онѣ переливаются черезъ береговые утесы во внутрь острова, затопляя его какъ разразившаяся туча. Всѣ колодцы на нѣсколько километровъ разстоянія отъ берега послѣ такой бури наполнены соленою водою. Люди, которые живутъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, увѣряютъ, что избы ихъ трасутся отъ ударовъ волнъ о прибрежныя утесы. Обломки скалъ, которыхъ трое не могутъ сдвинуть съ мѣста, смываются съ высоты 20—30 метровъ. Громадныя глыбы переносятся на огромное разстояніе въ пространства между предѣлами прилива и отлива. При посѣщеніи West Loranbys чрезъ нѣсколько дней послѣ бури, тамъ было найдено на высотѣ 40 метровъ множество морскихъ животныхъ.

Названіе „Оркней“ значитъ „пустыннѣй, темный островъ“, отъ древняго восточно-германскаго или скандинавскаго слова „оркъ“, что и теперь еще по-датски означаетъ „пустынно“, Oerck. Дѣйствительно, нѣтъ такихъ темныхъ острововъ, которые, какъ Оркнейскіе,

болѣе невыразимо дико и мрачно выглядывали бы изъ морской поверхности. Съ юго-запада къ сѣверо-востоку Оркней тянутся на 112 километровъ, а съ востока на западъ слишкомъ на 64, имѣя между собою отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 километр., а нѣкоторые и до 8 километр. разстоянія. Главный островъ—Помона или Мэнлендъ, на немъ главный городъ Кирквалъ, имѣеть въ длину (съ востока на западъ) 48 километровъ, западный его берегъ простирается на 24 километр., а восточный на 8—10. Перешеекъ между заливами Киркьянъ и Скана имѣеть всего 2,4 километровъ въ ширину. Весь архипелагъ, изъ котораго обитаемы только 29 острововъ, распадается на двѣ группы: на сѣверную и южную, смотря по тому, къ сѣверу или къ югу отъ Мэнленда они лежатъ. Отъ Бро-Несса (Broudr Ness) на островъ южномъ Ранальдсѣ (South Ronaldsha) до Дункансби (Duncansby Head) на шотландскомъ материкѣ всего только 11 квадр. метр. Какъ на всемъ протяженіи Великобританіи восточное ея побережье отлого и плоско и постепенно возвышается къ западу, такъ и на Оркнейскихъ островахъ, но разумѣется въ меньшемъ размѣрѣ, такое же образованіе поверхности. Все западное побережье острововъ почти безъ перерывовъ состоитъ изъ цѣпи горъ; изъ нихъ самая высокая на островѣ Гой (Hoy) имѣеть не болѣе 450—480 метровъ надъ уровнемъ моря. Къ океану большею частью обращены высокія скалы съ темными неизмѣримыми пещерами. Эта цѣпь горъ выше всего на юго-западѣ, съ сѣверу она постепенно спадаетъ и наконецъ теряется въ низменности. На нее нужно смотрѣть какъ на продолженіе Каледонскихъ горъ (Strathnaver) въ Сусерландѣ. Всѣ данныя—въ пользу когда-то существовавшей связи какъ Оркнейскихъ острововъ между, собою такъ и съ противулежащимъ материкомъ Шотландіи. Немногія изъ горъ всецѣло покрыты зеленью, большая часть имѣеть поля и луга только у подошвы, а подъемы устланы папоротниками. Почва острововъ большею частью торфяная, на низменностяхъ черная и плотная, углеобразнаго вида, на склонахъ скорѣе бурая и губчатая. Что касается климата, то здѣсь преобладаютъ югозападные вѣтры; они приносятъ съ собою продолжительные дожди и обусловливаютъ значительное возвышеніе воды во время прилива. Впрочемъ и юго-восточный вѣтеръ здѣсь не въ рѣдкость; онъ большею частью переходитъ въ сильную бурю. Во время этихъ вѣтровъ небо пасмурное, погода туманная. При сѣверныхъ вѣтрахъ погода сухая и холодная. Безвѣтрія почти ни когда не бываетъ. Зимой дожди часты и продолжительны; рѣже выпадаетъ снѣгъ съ сильными мятелями, при сѣверо-западномъ или юговосточномъ вѣтрѣ. Снѣгъ не долго лежитъ—онъ скоро таетъ. Особенность этихъ мѣстъ составляетъ то, что обыкновенно въ іюнѣ, въ теченіи двухъ недѣль или даже болѣе, наступаютъ зимніе холода при силь-

номъ, рѣзкомъ сѣверномъ вѣтрѣ съ снѣжными мятелями и градомъ. Послѣ этого вѣтеръ отходитъ къ югу, наступаетъ теплая пора. Причина этого явленія — отрываніе ледяныхъ полей и глыбъ въ полярномъ морѣ. Въ остальное время года климатъ менѣе переменчивъ, чѣмъ въ мѣстностяхъ, прилежащихъ къ Нѣмецкому морю. Средняя теплота $7^{\circ},22$ Ц., крайніе предѣлы зимняго холода и лѣтняго жара простираются отъ $3^{\circ},89'$ до $23^{\circ},89'$ Ц. Какъ естественное послѣдствіе этой умѣренности температуры случаи заболѣванія рѣдки, жители здоровы, крѣпки, и примѣры достиженія глубокой старости очень часты. Подъ широтою Оркнейскихъ острововъ въ теченія двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ ночи такъ свѣтлы, что въ полночь можно безъ затрудненія читать и писать. Зимой отъ свѣта, распространяемаго моремъ, ночи далеко не такъ темны, какъ напримѣръ въ средней Германіи. Безлунныя зимнія ночи часто, къ тому еще, непрерывно освѣщаются блестящими сѣверными сіяніями, появляющимися осенью, зимою и весною на Оркнейскихъ островахъ почти во всякую безоблачную ночь ¹⁾).

Изъ этого бѣлаго описанія мы приходимъ къ убѣжденію, что нашъ греческій изслѣдователь былъ уже очень близокъ къ арктической области и что онъ возвращался къ своему домашнему очагу, уже отчасти вкусивъ прелесть чуждой южанамъ сѣверной природы. Пиеей поднялся еще сѣвернѣе Оркнейскихъ острововъ до Шетландскихъ (Фергосъ), до самаго большаго изъ нихъ, Беррики (нынѣшній Майнладъ) и до послѣдняго, самаго сѣвернаго изъ Британскихъ острововъ, какъ онъ ихъ называлъ. Послѣдній, вѣроятно, нынѣшній Унстъ; Пиеей самъ не назвалъ этого острова. Названіе Туле встрѣчается позже, поэтому и трудно опредѣлить, какая собственно земля подразумѣвается подъ этимъ названіемъ. Циглеръ, основываясь на сходствѣ звуковъ шетландскаго острова Фоула съ Туле, доказываетъ, что Пиеей достигъ этой группы острововъ ²⁾. По мнѣнію Мюленгофа, Пиеей поднялся до Унста, и именно этотъ островъ и есть Туле. Куно, напротивъ, говоритъ, что Исландія—

¹⁾ «Ausland». 1848 г. стр. 819, 194. Еще назову для любителей два новѣйшихъ описанія Оркнейскихъ острововъ D. Gorie, «Summers and winters in the Orkneys». London 1868, 8° и Peaces «Description and historie handbook of the Orkney-Islands». Kirkwall 1862 8°.

²⁾ Этому толкованію въ особенности благоприятствуетъ одно мѣсто изъ «Агриколы» Тацита, гдѣ говорится о первомъ плаваніи римскаго флота кругомъ Британіи: *Hanc oram novissimi maris tunc primum Romana classis circumvesta, insulam esse Britanniam adfirmavit, ac simul incognitas ad id tempus insulas quas Orcadas vocant invenit domuitque. Dispecta est et Thule quadamtenus: quæ et hiems adpetebat sed mare pigrum remigantibus*“. Изъ этихъ словъ можно, безъ сомнѣнія, вывести заключеніе, что экспедиція Агриколы приняла Шетландскіе острова за Туле.

Туле, а ученый Вивіенъ де Сень-Мартэнъ вопросъ о томъ, до какого мѣста сѣверной широты Пиеей дѣйствительно добрался, оставляетъ безъ отвѣта, какъ неразрѣшимый, и полагаетъ, что Пиеей во время своихъ странствованій только по наслышкѣ узналъ о дальнемъ Туле и собиралъ о немъ свѣдѣнія. Эти свѣдѣнія дѣйствительно говорятъ въ пользу того, что Туле ни что иное, какъ Исландія ¹⁾. Можно быть почти увѣреннымъ, что Пиеей ни въ какомъ случаѣ не подымался сѣвернѣе Шетландскихъ острововъ, а до нихъ навѣрное, такъ какъ онъ у сѣвернаго предѣла своего путешествія встрѣтилъ людей кельтскаго племени, кельтскихъ бретоновъ, съ которыми его кельтскіе переводчики отлично объяснялись. Мѣстные уроженцы указывали ему на мѣсто, гдѣ, по ихъ простодушному объясненію, „солнце отдыхаетъ“. Для возникновенія подобнаго народнаго повѣрья, по мнѣнію Мюленгофа, требовалось только немного выдающихся точекъ, которыми представлялась возможность опредѣлить дугу, описываемую солнцемъ во время высшаго своего стоянія надъ горизонтомъ. „На островѣ Унстѣ, съ вершины залива Буррафіорда, вдающагося въ него съ сѣвера, можно окинуть глазами, между скалистыми мысомъ Германесъ на сѣверозападѣ и горою Саксавордъ, имѣющею 286 метр. вышины, на сѣверовостокѣ, горизонтальную дугу по меньшей мѣрѣ въ 70°, т. е. именно такую дугу, какую описываетъ солнце среди лѣта“ ²⁾. Это было около лѣтняго солнцестоянія. Пиеей видѣлъ тѣ свѣтлыя ночи, которыя воспѣваетъ Гомеръ; онъ ошибочно опредѣлилъ, что ночь продолжается два часа: онъ полагалъ, что находился пятью градусами сѣвернѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности и что проникъ на сѣверъ до конца свѣта. Кельты увѣряли, что на разстояніе однодневнаго перехода, по ту сторону Туле, начинается морима руза, т. е. „мертвое море“, какъ они его называли. Въ этомъ убѣдился и самъ Пиеей, море казалось ему тамъ „сгущеннымъ“. То было *Mare concretum, pigrum, mortuum* или *mare Cronium*. Это послѣднее названіе произведено отъ кельтскаго „croin“, что значитъ „замерзшее“. Далѣе, онъ повѣрилъ и тому, что ему рассказывали бретоны: что далѣе нѣтъ больше ни земли, ни моря, ни воздуха, а какая-то смѣсь изъ всего этого, висящая въ пространствѣ и ни какимъ способомъ не проходимая. Дѣйствительно, еще гораздо южнѣ этихъ широтъ продолжительное затишье (штиль) и непроницаемые туманы чрезвычайно опасны для мореплавателей. Эти туманы образуются отъ впаденія сѣверныхъ льдовъ въ полосу теплаго гольфштрёма. Пиеей могъ добыть

¹⁾ Vivien de St. Martin. „Hist. de la geographie“, стр. 104.

²⁾ Мюленгофъ, стр. 403.

вообще весьма достаточныя свѣденія. Получивъ свѣдѣнія и о лежащей къ востоку твердой землѣ, называемой мѣстными жителями „Велькай“ (нынѣшней Норвегіи) онъ пустился въ обратный путь. Ни одинъ грекъ, ни одинъ римлянинъ уже болѣе никогда не проникъ такъ далеко къ сѣверу.

Шетландскіе острова, у которыхъ, по всему вѣроятію, остановилось полярное путешествіе Пиея, лежатъ между 60 и 61° сѣверной широты, въ 80 километрахъ отъ Оркнейскихъ острововъ и въ 250 отъ норвежскаго берега, и состоятъ изъ сотни маленькихъ островковъ; изъ нихъ 30 обитаемы, остальные же служатъ только для пастбищъ, но ни одинъ изъ нихъ не безлюденъ совершенно, вездѣ видны слѣды хотя временнаго пребыванія людей. Каждая скала, каждый пригорокъ, на поверхности которыхъ показывается травка, заняты, смотря по своей величинѣ, большими или меньшими кучками овецъ, которыхъ окрестные жители привозятъ туда съ наступленіемъ весны и затѣмъ снова увозятъ, когда начинаютъ угрожать холода. Тамъ, гдѣ природа не щедрою рукою распредѣлила свои богатства, человѣкъ тщательно пользуется скудными ея дарами. Овцы этого архипелага принадлежатъ къ особой породѣ, которая нигдѣ болѣе не встрѣчается: онѣ необыкновенно малы, буйны и дики; шерсть у нихъ хотя, разноцвѣтная, но тонкая и мягкая, какъ бархатъ. Водящаяся на Шетландскихъ островахъ порода лошадей отличается до смѣшного необычайною малорослостью ¹⁾. Первоначальное названіе Шетландскихъ острововъ.—Хіальтландъ ²⁾, изъ котораго скотты сдѣлали „Ийтландъ“ или „Иэйльтландъ“ и, наконецъ, даже исковеркали въ „Цетландъ“, такъ какъ у нихъ въ древнія времена буква У (ипсилонъ) замѣнялась Z (цэтою). Скорѣе всего названіе „Шетландъ“ дано этимъ островамъ голландцами, такъ какъ послѣдніе около этихъ острововъ преимущественно занимались рыболовствомъ; оно произведено отъ голландскаго Hetland (das Hetland) до сихъ поръ фризцы и голландцы еще называютъ эти острова „Шетландъ“ „Гетландъ“ или „Гитландъ“. Какъ Оркнейскіе острова, такъ и этотъ архипелагъ, распадаются на двѣ группы: на сѣверную ³⁾ и южную ⁴⁾ и

¹⁾ «Ausland» 1876 стр. 1139.

²⁾ Hjalт значитъ: сильный человѣкъ, воинъ, мощный, герой; по датски Hjeld, по нѣмецки: Held.

³⁾ Острова сѣверной группы суть: Іель, Фетларъ, Уистъ и нѣсколько меньшихъ. Іель имѣетъ съ юга на сѣверъ 32 килом. длины и не болѣе 9½ килом. ширины. Уистъ имѣетъ 18 кил. длины и 8 кил. ширины. Фетларъ имѣетъ 10 кил. длины и 6½ кил. ширины. Они составляютъ особенный округъ и здѣсь встрѣчается больше остатковъ норвежскихъ привычекъ и происходящихъ изъ Норвегіи повѣрій и суевѣрій, чѣмъ на другихъ частяхъ этого архипелага.

⁴⁾ Къ южной группѣ принадлежатъ: Вальсэ, Бресса, Бурра, Фоулъ, Фаръ.

точно также самой большой изъ этихъ острововъ назывался Мэнландъ, но онъ значительно больше Мэнланда Оркнейскихъ острововъ, имѣя въ длину 96 килом., а въ ширину $38\frac{1}{2}$. Островъ этотъ во всѣхъ направленіяхъ до такой степени иззубренъ заливами и морскими извилинами, которыя здѣсь называются „воесь“, что онъ похожъ на измочаленный волнами канатъ. На всемъ островѣ нѣтъ мѣста, которое отстояло бы болѣе $3\frac{1}{2}$ километровъ отъ морского прибрежья. Единственный и вмѣстѣ съ тѣмъ главный городъ всего архипелага, Лервикъ, лежитъ на восточномъ берегу Мэнланда. Лервикъ съ нѣсколькими тысячами жителей имѣетъ гостиницы, галантерейные магазины, отличную гавань, корабельную верфь, большіе склады товаровъ, небольшую крѣпостцу, снабженную пушками и служить мѣстопробываніемъ главныхъ чиновниковъ и иностранныхъ консуловъ. Прежде главнымъ пунктомъ былъ не Лервикъ Шетландскихъ острововъ, а Скалловая на западной сторонѣ, въ прекрасной просторной мѣстности, на берегу великолѣпнаго морского залива. Болѣе замѣчательные острова послѣ Мэнланда суть: Бресса, Рона или Розенесъ, Іель и Унстъ. Шетландскіе острова, по необыкновенной иззубренности и выемчатости своихъ краевъ, по причудливымъ извилинамъ этихъ краевъ, по поражающей формѣ своихъ мысовъ, производить на художниковъ и туристовъ весьма сильное впечатлѣніе. На островѣ Ронѣ черная заостренная скала, въ видѣ вала, возвышается болѣе чѣмъ на 200 метровъ надъ прибоемъ моря. На Брессѣ глубокая, покрытая громаднымъ сводомъ, пещера наполнена сталактитами, изъ которыхъ одни какъ будто напоминаютъ священниковъ въ полномъ облаченіи, другіе—стоящихъ на колѣнахъ херувимовъ съ распущенными крыльями. Это какъ бы святилище временъ чудесъ съ поклонниками, окаменѣлыми гигантами. Но какъ ни живописны Шетландскіе острова въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они болѣею частью представляютъ посетителю грустное, печальное зрѣлище: бесплодныя возвышенности, спускающіяся въ обѣ стороны постепенно къ морю, болотистыя низменности, по которымъ съ трудомъ можно передвигаться; всюду длинныя узкіе заливы и лиманы съ соленою водою „воесь“; тамъ и сямъ небольшія пастбища, по которымъ съ терпѣніемъ и покорностью своей незавидной участи собираютъ скудную травку длинношерстыя пони на короткихъ толстыхъ ногахъ; неграціозныя, мелкой породы, коровы, еще меньше чѣмъ бретонскія, и мелкія овцы; мѣстами необширные луга. Собираемое съ нихъ сѣно съ величайшею бережливостію сохраняется на зиму; немногія поля, засѣяныя ячменемъ и овсомъ, едва возвращающія употребленныя на нихъ сѣмена; но нѣтъ ни яблони, плоды которой привлекали бы взоры рѣзваго ребенка, ни дуба, манящаго отдохнуть къ беззабот-

ной бесѣдѣ подѣ тѣнь своей густой зелени; нѣтъ даже сосны, этого меланхолическаго украшенія сѣверныхъ странъ—словомъ нѣтъ ни одного деревца...

Отъ чего же происходитъ это грустное явленіе? Не вина же это сѣверной широты, подѣ которую лежатъ Шетландскіе острова, потому что въ Финмаркѣ, подѣ 68° сѣв. шир., встрѣчаются еще лѣса; не вина это и мѣстной температуры, такъ какъ здѣсь не холоднѣе, чѣмъ въ Лондонѣ. Нѣтъ! Туземцы увѣряютъ, что для того, чтобы вырастить здѣсь деревья, нужно окружить ихъ стѣною, достаточно высокою для огражденія ихъ во время роста отъ вліянія моря. На всемъ протяженіи Шетландскихъ острововъ, по обѣ стороны, нѣтъ ни одного мѣста, отстоящаго болѣе 3 километровъ отъ моря. А отъ этого частыя сильныя бури, въ особенности идущія съ запада, и обусловливающія собою прибои волнъ Атлантическаго океана, являющіеся неимоверно-яростными у Шетландскихъ острововъ. Эти-то прибои покрываютъ ихъ соленою водою, сѣдающею растенія и сожигающею цвѣты.

Но мы разстанемся теперь на время съ Шетландскими островами, съ суровою природою сѣвера, и вернемся къ тому, кто насъ сюда привелъ, къ Пиеею; о дальнѣйшемъ его путешествіи намъ осталось еще кое-что сказать. Достигнувъ острова Унста, онъ закончилъ свое шествіе къ полярнымъ странамъ. Все, что онъ видѣлъ на обратномъ пути, уже не принадлежатъ области арктическихъ изслѣдованій. Пиеей возвратился въ Орканъ и направился вдоль восточнаго берега Альбіона до юго-восточной оконечности Кантіона (Кентъ). Отсюда онъ обратился къ противоположному континенту и отъ Дюнкиркена пошелъ вдоль берега на сѣверо-востокъ, перерѣзывая устья рѣкъ Шельды, Мааса и Рейна. Но далеко ли онъ зашелъ на востокъ — неизвѣстно; во всякомъ случаѣ онъ собственными глазами познакомился съ Нѣмецкимъ или Сѣвернымъ моремъ и его островами. Всѣ острова пустыньны и безимянны, только одинъ изъ нихъ, Абаль, восточнѣе Эльбы, въ предѣлахъ устьевъ Одера, указывается какъ главное мѣстонахожденіе янтара. И дѣйствительно, въ этой мѣстности Нѣмецкаго моря и теперь еще болѣе всего добывается янтарь. Во время этого прибрежнаго плаванія Пиеей замѣтилъ, что кельтское населеніе пресѣкается и начинается новый народъ, которому онъ далъ неопредѣленное названіе „скины“. По кельтскому искаженію этого слова, этотъ новый для него народъ былъ имъ названъ „тевтонами“. Итакъ Пиеей Массалійскій открылъ германцевъ. Но объ ихъ бытѣ и нравахъ онъ, сколько извѣстно, ничего не сообщилъ. Здѣсь, въ концѣ своего плаванія Пиеей сообщаетъ частью только отрывочныя наблюденія, частью сказки, которыя, возникая изъ недостаточности

этнографическихъ познаній, не имѣють для насъ ни какого интереса. Въ обратный путь Пиеей плыль вдоль берега; у Бретани онъ направился по извѣстному уже пути. При этомъ онъ замѣтилъ, что на сѣверѣ Испаніи обратное плаваніе было сопряжено съ большими затрудненіями, чѣмъ когда онъ шелъ впередъ, потому что морское теченіе влекло его съ запада на востокъ, въ Бискайскій заливъ, въ добавокъ преобладали западные вѣтры. Наконецъ онъ вошелъ опять въ гавань родного города, но когда именно—неизвѣстно. Таково было, по тщательнымъ изслѣдованіямъ Мюленгофа, замѣчательное плаваніе Пиеоя. Благодаря Мюленгофу, это путешествіе представляется съ тою ясностью и опредѣленностью, какая только могла быть достигнута при недостаточности источниковъ болѣе прямыхъ.

Утесъ-Каминъ у гигантской плотины (плотина великановъ) въ Ирландіи (Giants Causeway).

ИРЛАНДЦЫ НА СЪВЕРЬ.

ИАША часть свѣта когда-то была гораздо обширнѣе къ сѣверу, чѣмъ теперь. Сѣверное или Нѣмецкое море такъ не глубоко ¹⁾, что оно не покрыло бы своими волнами колокольни Страсбургскаго собора, даже еслибы послѣдній стоялъ на самомъ глубокомъ мѣстѣ южной части этого моря. По дну этого геологически-юнаго моря тянется большая плоская возвышенность, къ самымъ высокимъ частямъ которой принадлежать Великобританскіе острова. Они составляютъ дѣйствительную принадлежность европейскаго континента, спускающагося только по ту сторону Ирландіи круто въ глубь Атлантическаго Океана. Такъ какъ его края опустились ниже уровня морского, то вода успѣла покрыть низменныя мѣста, нынѣшнее дно Сѣвернаго моря, и, образовавъ каналъ Ламаншъ, отдѣлила Великобританію отъ континента ²⁾. Точно также и самыя Британскіе острова въ географическомъ отношеніи должны быть разсматриваемы какъ одно цѣлое, раздѣленное силою стихій на двѣ большія, но не равныя

¹⁾ Д-ръ О. Крюммель высчиталъ среднюю глубину Сѣвернаго моря до 62° сѣв. шир. въ 48 саж.—0,89 килом. на пространствѣ 5.476,23 кв. килом. и 45718,1 куб. объема («Опытъ сравнительной морфологіи морскихъ пространствъ»). Лейпцигъ 1879 8° стр. 96.

²⁾ Оскаръ Пешель. «Neue probleme der vergleichende Erdkunde, als Versuch einer Morphologie der Erdoberfläche». Leipzig, 2-е изд. стр. 26.

части: на восточную, обнимающую Англію, Валлисъ и Шотландію, и меньшую, западную: Ирландію съ различными маленькими островами. Что же, затѣмъ, касается Ирландіи, то немногихъ словъ достаточно, чтобы составить о ней ясное представленіе. Хотя здѣсь море не такъ глубоко врѣзалось въ берега, но они не менѣе разнообразны и, такъ сказать испещренны, какъ въ Шотландіи. Весь островъ представляетъ просторную, нѣсколько волнистую низменность, покрытую лугами и озерами. Внутри страны ровная мягкая температура поддерживаетъ постоянную зелень лиственныхъ деревьевъ даже во время зимы; поэтому Ирландія извѣстна подъ названіемъ „зеленаго Эрина“ или „вѣчно зеленаго“, изумруднаго острова. Рѣки текутъ медленно по лугамъ и часто пересѣкаютъ цѣлый рядъ озеръ и, какъ въ Англіи, вливаясь въ море, образуютъ воронкообразныя широкія устья, по которымъ приливъ и отлив дѣлаются чувствительными далеко внутрь страны. „Это періодъ юношескаго развитія, — говоритъ Арнольдъ Ласо (Arnold Lasaulx), въ которомъ находился на примѣръ Рейнъ, когда плодоносныя долины Гоннефа, Нейвида и Майнца были еще обширными водоемами, соединенными между собою сравнительно короткими протоками. Поэтому съ одной стороны малочисленность рѣкъ въ Ирландіи, съ другой — множество озеръ указываютъ, что этотъ островъ позднѣйшей формаціи“ ¹⁾. Самое большое озеро Ирландіи Лугъ-Нэгъ (Lough Neagh), почти четырехугольное, лежитъ на сѣверо-востокѣ, въ мѣстности безусловно вулканической. Сѣверная часть Ирландіи занята базальтовою возвышенностью. Отъ графства Антрима, по направленію къ сѣверу, черезъ Гебридскіе острова и Фареръ тянется, съ незначительными перерывами, града вулканической формаціи, принадлежащая всецѣло, или по крайней мѣрѣ болѣею частью, къ миоценовому періоду.

Первые жители Ирландіи историческихъ временъ, какъ и всѣ жители Шотландіи и Британіи, принадлежатъ къ кельтской группѣ индо-германскаго семейства языковъ. Исслѣдованія новѣйшаго времени усматриваютъ однако въ этой отрасли двѣ группы языковъ, независимыхъ одна отъ другой, хотя и обнаруживающихъ болѣе общихъ родственныхъ чертъ между собою, нежели съ другими менѣе близкими къ нимъ арійскими нарѣчіями: гадельская на западѣ и сѣверѣ Ирландіи и кимрійская на южной половинѣ острова. Последнее нарѣчіе совершенно схоже съ кельтскимъ нарѣчіемъ континента. Къ кимрамъ слѣдуетъ причислить древнихъ бритоновъ и жителей суровой горной мѣстности Валлисъ; къ гаделамъ, проще къ газламъ,

¹⁾ Dr. Arnold von Lasaulx. «Aus Irland. Reiseskizzen und Studien». Bonn 1878. 8° стр. 6.

жителей Каледоніи, какъ называлась южанами Шотландіи, и жителей Ирландіи. У древнихъ писателей сохранились названія нѣкоторыхъ родовъ тогдашняго времени: такъ у нихъ читаемъ о пиктахъ въ сѣверной и о скоттахъ въ южной Каледоніи, о воинственныхъ аттакоттахъ, наконецъ о бригантахъ и нагнатахъ въ Ирландіи. Нельзя предполагать, чтобы воѣ эти названія обозначали отдѣльные народы; вѣроятнѣе, что это были названія отдѣльных классовъ, на которые и теперь еще раздѣляется народъ въ Ирландіи. Пикты такъ названы потому, что они разрисовывали свою кожу; полагаютъ, хотя можетъ быть несправедливо, что они даже занимались людоедствомъ. Они раздѣлялись на два главные рода: ди-каледоновъ и вектуріоновъ. Еще въ глубокой древности, должно быть, перенесли они свои жилища и на острова, окружающіе Шотландію, на Гебридскіе и Оркнейскіе. Здѣсь они встрѣчаются подъ названіемъ пети, по крайней мѣрѣ есть полное основаніе думать, что пети, которые населяли эти острова до прибытія скандинавовъ, суть тѣ же пикты. Оркнейскіе острова долго были извѣстны по названію этого народа, даже сѣверная часть Шотландіи, по Снорре-Стюрлесону, когда-то называлась Петтоландією. Въ постоянно встрѣчающихся названіяхъ Пентлендъ-фиртъ и Пентлендъ-шерри многіе хотятъ и теперь видѣть слѣды древняго названія народа пети. Другое одновременное названіе папы, которое мы встрѣчаемъ на Шетландскихъ островахъ и Фарерѣ, указываетъ на Ирландію.

Кельтскіе ирландцы рано были обращены въ христіанство. Послѣдній языческій король, о которомъ упоминаютъ гадельскіи или гельскіи лѣтописи, былъ Дати, который палъ въ третьемъ столѣтіи по Р. Х. во время похода въ Галлію. Жителями острова были тогда, какъ предполагаютъ, скотто-милезцы, т. е. скотты, смѣшанные съ потомками иберійскаго героя Милэгъ (Míleagh). Отсюда выводится однородная національность жителей Шотландіи и Ирландіи. Впрочемъ съ III до IX столѣтія вся Ирландія называлась Скотією, тогда какъ это названіе въ то время еще не было примѣнено къ нынѣшней Шотландіи. Хотя еще до галла св. Патрика четыре святыхъ отца и архидіаконъ Палладій проповѣдывали христіанство въ Ирландіи, но онъ собственно обратилъ жителей этого острова въ христіанство. Бывъ посланъ туда римскимъ епископомъ съ этою цѣлью, онъ присталъ къ ирландскому берегу въ половинѣ V столѣтія и скончался въ 493 году, обративъ весь народъ въ христіанство. Поэтому онъ названъ апостоломъ Ирландіи и святымъ покровителемъ этого края. Основанные Патрикомъ церкви и монастыри сдѣлались разсадниками учености и благочестія. Любимый монастырь Патрика въ Армагѣ

какъ школа, изъ которой вышли великіе ученые, пріобрѣлъ европейскую славу. Ирландія одно время прославилась благочестіемъ своего духовенства, такъ что ее называли „островомъ святыхъ“. Ирландскій же монахъ Дикуйль, тщательно изучая Плінія, въ началѣ IX столѣтія, вѣроятно около 825 года, не смотря на то, что онъ не умѣлъ читать римскихъ цифръ, написалъ замѣчательное сочиненіе ¹⁾ „О измѣреніи земли“ (*De mensura orbis*). Трудъ этотъ принадлежитъ къ важнѣйшимъ памятникамъ исторіи землѣвѣдѣнія, хотя авторъ не разрѣшаетъ вопроса о шарообразной формѣ земли. Ему мы обязаны также первыми свѣдѣніями о группахъ сѣверныхъ острововъ. Вотъ дословный переводъ его указаній: „Къ сѣверу отъ Британіи въ Океанѣ еще много другихъ острововъ, до которыхъ можно дойти отъ Британскихъ острововъ въ прямомъ направленіи, въ два дня и двѣ ночи, при постоянно попутномъ вѣтрѣ на кораблѣ подъ всѣми парусами. Священникъ, заслуживающій полного довѣрія, сообщилъ мнѣ, что онъ присталъ къ одному изъ этихъ острововъ послѣ двухдневнаго и одиночнаго плаванія на маленькомъ суднѣ съ двумя рядами весель. Острова эти большею частью очень малы, отдѣляются другъ отъ друга узкими проливами и около ста лѣтъ ²⁾ уже посѣщаются отшельниками нашей Скотіи. Но какъ они съ сотворенія міра не были населены, такъ они и теперь оставлены анахоретами вслѣдствіе разбойничьихъ нападеній норманновъ, будучи наполнены безчисленными стадами овецъ и морскими птицами различныхъ родовъ. Мы нигдѣ не нашли, чтобы писатели упоминали объ этихъ островахъ ³⁾“.

По мнѣнію Летроне, это острова Фареръ, по мнѣнію же изслѣдователя сѣверныхъ странъ Мунха, это острова Фареръ и Шетландскіе. Дѣйствительно, вышеприведенное описаніе соответствуетъ обѣимъ группамъ, хотя упоминаемыя огромныя стада овецъ относятся собственно къ островамъ Фареръ, получившимъ это названіе именно отъ массы овецъ, тамъ водящихся. Какъ на древнемъ такъ и на новомъ языкахъ сѣверныхъ странъ „Фаръ“ значитъ овца, а „Э“—островъ. Вѣроятно ирландскіе монахи были на всѣхъ сѣверныхъ островахъ Атлантическаго океана, ибо именно ихъ слѣдуетъ разумѣть, по мнѣнію ученаго Пинкертонъ, подъ такъ называемыми „папами“, которыхъ норманны нашли на Оркнейскихъ островахъ и оттуда прогнали. Папы слѣдовательно не были собственно какой нибудь на-

¹⁾ Сочиненіе это было впервые издано Валькенеромъ подъ заглавіемъ: *Dicuilii Liber de mensura orbis terrae*, Paris 1807 8°, а затѣмъ Летрономъ, въ его *Recherches géographiques et critiques sur le livre: De mensura orbis terrae, composée en Irlande au commencement du IX siècle par Dicuil*. Paris 1814 8°.

²⁾ Слова: *cin centum ferme annis*. Мунхъ переводитъ: „почти въ теченія ста лѣтъ“.

³⁾ Дикуйль, изд. Валькенера стр. 30.

родъ, а отдѣльные поселенцы духовнаго званія. Найденная Мунхомъ въ 1848 году въ шотландскихъ архивахъ *Historia Norvegiae*, составленная, по мнѣнію Густава Шторма, норвежскимъ священникомъ въ концѣ XII столѣтія, прямо говоритъ: „папами ихъ называютъ по причинѣ ихъ бѣлой одежды, въ которую они облачались какъ священники; на тевтонскомъ языкѣ всѣ духовныя лица называются папами, и до сихъ поръ еще островъ Папай носитъ по нимъ свое названіе ¹⁾ Это названіе дѣйствительно теперь еще принадлежитъ различнымъ островамъ на сѣверѣ Атлантическаго океана. Такъ мы встрѣчаемъ между Оркнейскими островами островъ Папа Вестра (*Papa meiri* у скандинавовъ и *Papeau major* Фордуна) маленький островокъ Папа Стронза и нѣсколько другихъ мѣстностей, названныхъ Папай. *Orkneyinga Saga* упоминаетъ о двухъ мѣстахъ Папуле, оба въ восточной части архипелага, но на различныхъ островахъ на Мэнландѣ и южномъ Роналдсѣ. Фордунъ, который около 1380 года писалъ хронику Шотландіи, говоритъ о какомъ-то островѣ *Papeau tertia*, мѣстоположеніе котораго неизвѣстно. И на Шетландскихъ островахъ мы встрѣчаемся съ названіемъ „папа“ на трехъ островахъ: Папа Стуръ, (*Papeu Stora*) Папа Литль и Папа, наконецъ проливъ Папа и владѣніе Папилъ. Мало того: слѣды этихъ названій доведутъ насъ до самой Исландіи, какъ мы это скорѣ увидимъ.

Съ Оркнейскими и Шетландскими островами мы познакомились въ предыдущей главѣ по поводу путешествія Пиеея. Поэтому мы перейдемъ теперь, вмѣстѣ съ папами, къ группѣ Фарѣрскихъ, куда эти ирландскіе отшельники достигли около 725 года ²⁾.

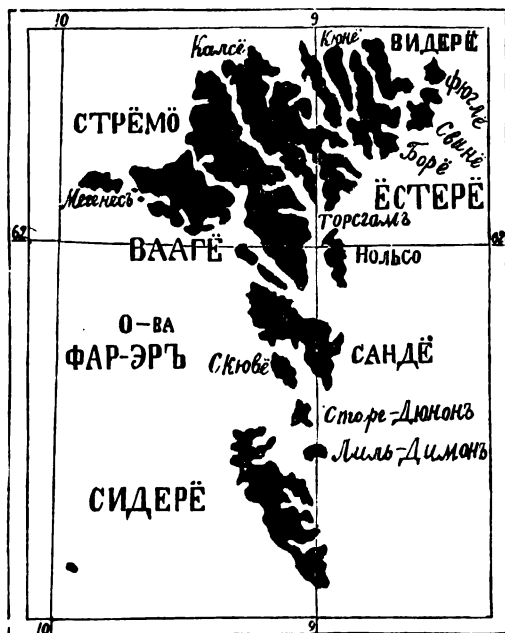
Фарѣрскіе острова пересѣкаются 62°. Они состоятъ изъ 25-ти большихъ и малыхъ острововъ, изъ которыхъ 17 обитаемы, остальные же представляютъ или отдѣльные утесы, или небольшіе луга,

¹⁾ Подлинникъ говоритъ: „*Papae vero propter albas vestes, quibus ut clerici inducebantur, vocati sunt, unde in teutonica lingua omnes clerici papae dicuntur; adhuc quaedam insula Papeu ab illis denominatur.*“ Э. Бовѣ, основательный знатокъ памятниковъ сѣверныхъ языковъ, указываетъ, что именно въ этомъ-же смыслѣ употребляется слово «Пара» въ древне-фризской стихотворной хроникѣ, составленной около 1476 года: *Thet Freske Rüm, Workum 1835 4°* стр. 49 и 81. Нынѣ слово «папа» принадлежитъ исключительно главѣ католической церкви, а не всякому духовному лицу, кромѣ нѣкоторыхъ языковъ, и то въ извращенномъ видѣ, напримѣръ: *Pfaffe* по нѣмецки, *попъ* по русски; *попъ* (въ смыслѣ дурного священника), по польски, *палъ* по мадьярски, *паппи* по фински (*Congres international des American. Compte rendu de la première session. Nansy 1875. 8° I Vol p. 70*).

²⁾ Это заключеніе выведено на основаніи вышеприведенной выписки изъ Дикуиля. Если Габріель Гравье въ своей прекрасной книгѣ «*Decouverte de l'Amerique par des Normands au X siècle*» стр. 16, для этого опредѣляетъ 625 годъ, то это вѣроятно описка.

Holme. Самый большой островъ Стромэ, на немъ главный городъ Торсгавенъ. Хотя они не далеко отстоятъ отъ Шетландскихъ острововъ, всего на 340 километровъ, тѣмъ не менѣе они значительно отличаются какъ по геологическому строенію, такъ по обусловливаемому имъ наружному виду.

Острова Фарэръ.

Масштабъ 1:3.700.000 м.

Фарэрскіе острова исключительно вулканическаго происхожденія: поэтому на нихъ во множествѣ встрѣчаются великолѣпные базальтовые столбы, коническіе холмы, глубокія долины, отвѣсныя пропасти, узкіе фіорды и шумные потоки. И вся внутренность острововъ покрыта горами и скалами, отчасти очень высокими; они окружены подводными рифами. Берега очень высоки и часто такъ круты, что жители, чтобы добраться до своихъ лодокъ, должны на веревкахъ спускаться къ морю. Но и здѣсь въ особенности на большихъ островахъ, море образуетъ отличные заливы и бухты, для гаваней и якорныхъ стоянокъ; изъ нихъ лучшія Вестмангавенъ на „Стромэ“ и Конгсгавенъ на Остерэ. Волны морскія разбиваются объ эти острова со страшною силою; въ узкихъ проливахъ между островами сильнѣйшее теченіе и даже водовороты;

буруны около береговъ очень опасны. Горы большею частью состоятъ изъ громадныхъ базальтовыхъ столбовъ. На Остерѣ рядъ подобныхъ столбовъ тянется на протяженіи нѣсколькихъ миль: они почти такой же правильной формы, какъ въ знаменитой Фингаловой пещерѣ на Стаффѣ, но гораздо величественнѣе. Многія изъ этихъ базальтовыхъ горъ возвышаются отъ 580 до 600 метровъ надъ уровнемъ моря; Скаллингсфіольдъ на Стромѣ возвышается даже до 663 метровъ. Каменистый грунтъ покрытъ слоемъ земли въ два метра толщины, а во многихъ мѣстахъ и болѣе тонкимъ, частью песчанистой, частью рыхлой, а большею частью мшистой, но достаточно глубокой, для произростанія различныхъ растений. Прѣимущественно почва эта годна для пастбищъ. На островахъ этихъ есть также различные минералы, какъ-то: мѣдь на Нолсѣ, яшма и отличная глина, въ особенности же каменный уголь и торфъ, восполняющій недостатокъ древеснаго топлива, которое туда попадаетъ только изрѣдка, когда морская волна его прибьетъ къ берегу. На Сидерѣ имѣется каменный уголь для тысячи семействъ на сто лѣтъ; даже на маленькихъ островкахъ Миггенесъ и Тилдхольмъ имѣется уголь. Къ какой формациі принадлежать эти острова—еще не опредѣлено, потому что еще не найдено ни какихъ окаменѣлостей. Но такъ какъ уголь Гренландіи и Ирландіи, по найденнымъ въ немъ окаменѣлостямъ, принадлежитъ къ третичному миоценовому періоду, то къ этому періоду, по всей вѣроятности, можно отнести и Фарреръ, соотвѣтственно чему мы должны имѣть тамъ дѣло съ бурнымъ углемъ ¹⁾. Климатъ здѣсь суровый, но, какъ и на Оркнейскихъ и Шетландскихъ островахъ, далеко не въ такой степени, какъ бы можно было ожидать подъ этою широтою. Зима мягче, чѣмъ въ Даніи; самый большой холодъ достигаетъ 4—5° Ц., морозъ рѣдко продолжается цѣлый мѣсяцъ, и только въ очень холодные года заливы покрываются льдомъ. Въ замѣнъ этого, выпадаетъ такая немовѣрная масса дождя и снѣгу, что небольшія узкія долины, которыя мѣстными жителями называются „прорѣзами“ (Einschnitte), въ полномъ смыслѣ слова доверху, наполняются снѣгомъ. Лѣто, средняя температура котораго отъ 12 — 15° Ц., очень коротко, только іюль и августъ могутъ быть названы лѣтними мѣсяцами, но значительной жары никогда не бываетъ. Только въ узкихъ долинахъ и небольшихъ бухтахъ, въ особенности при безвѣтріи, бываетъ душно, вслѣдствіе необыкновенной продолжительности дня (20 часовъ). Частые дожди, сильные поднимающіеся съ моря туманы и свѣжіе вѣтры охлаждають воздухъ. Въмѣсто лѣта грозы бываютъ

¹⁾ «Globus» т. XXII стр. 256. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, начатая разработка каменноугольныхъ пластовъ вновь остановилась.

тамъ зимою. Ураганы, бури и вихри (hvirrla) бываютъ во всякое время года, преимущественно весною и осенью, почти ежедневно. Особенно страшны порывы вѣтра, внезапно скатывающіеся съ горъ и причиняющіе гибель кораблямъ въ узкихъ проливахъ. Какъ ни опасны эти непрерывные вѣтры, какъ они ни вредоносны для растительности, не позволяя расти ни одному дереву и препятствуя въ то же время водворенію постоянныхъ жилищъ на возвышенныхъ мѣстахъ, тѣмъ не менѣе они приносятъ и большую пользу, вполне очищая воздухъ. Поэтому климатъ Фарэрскихъ острововъ вообще довольно здоровый и жители мало подвержены болѣзнямъ, хотя тамъ бываетъ болѣзнь „кримъ“ (смертоносный насморкъ съ лихорадкой) ¹⁾, чисто мѣстная, и, кромѣ того, нерѣдко цынга.

Распространенію земледѣлія природа ставитъ здѣсь непреодолимую преграду. Тонкость слоя производительной почвы не допускаетъ употребленія плуга, поле воздѣлывается при помощи заступа. По краткости лѣта зерно никогда не дозрѣваетъ, его дома досушиваютъ надъ огнемъ; часто внезапный ураганъ уничтожаетъ всю надежду на жатву. Болѣе всего засѣваются рожь и ячмень, затѣмъ картофель, рѣпа, морковь, капуста и салатъ, которые произрастаютъ очень хорошо. Прибрежный песокъ и морскія травы служатъ удобреніемъ. По отсутствію древесной растительности тамъ и нѣтъ плодовъ, а ягодъ въ изобиліи, равно какъ обильно разрастаются карликовая ива и различный кустарникъ.

Скотоводствомъ здѣсь занимаются болѣе чѣмъ земледѣліемъ, потому что почва вездѣ покрыта отличными травами, составляющими превосходный кормъ для скота. Лошади хотя и малы, но быстры, сильны и крѣпки на ногахъ, ихъ разводятъ въ большихъ размѣрахъ. Рогатый скотъ также не крупный, но мясистый. Овцы особой породы съ довольно тонкою шерстью, на сѣверныхъ островахъ бѣлою, на южныхъ съ бурою или черною. Овцы водятся тамъ частью въ совершенно дикомъ состояніи, частью въ полудикомъ, весь годъ проводятъ подъ открытымъ небомъ. Два раза въ году овцы загоняются въ особо для этого устроенныя изгороди; загоняютъ или собаки, или наѣзтники на лошадяхъ, весною для стрижки, а осенью, для выбора тѣхъ, которыя должны быть заколоты. Стада бываютъ довольно большія, иной крестьянинъ имѣетъ до 500 головъ. Собаки на Фарэрскихъ островахъ очень цѣнны, такъ что цѣна за хорошую собаку равняется цѣнѣ за корову.

Рыболовство составляетъ главный источникъ пропитанія жителей этихъ острововъ. Наилучшую прибыль доставляетъ ловъ сельдей. Вахни

¹⁾ Въ декабрѣ 1873 года въ одномъ только маленькомъ городѣ Торсгавенъ болѣе 300 человекъ заболѣли этою лихорадкой. «Globus» XXV Bd., S. 80.

Фискернесъ въ Южной Гренландіи.

также много ловится, но большею частью для собственнаго употребленія, а сельдь и треска ловятся для соленія и вывоза, послѣдняя вывозится даже въ Испанію. Торговля щетинозубомъ также довольно значительна. Фаринги—такъ называются туземцы этихъ острововъ—охотно гоняются за китами, но не на дальное разстояніе отъ своихъ острововъ, а только тогда, когда эти животныя появляются въ ближайшихъ водахъ, что впрочемъ теперь рѣже случается, чѣмъ прежде. Ежегодно также ловится въ значительномъ количествѣ *Delphinus globiceps*. Бой тюленей происходитъ въ сентябрѣ и часто весьма успѣшно ¹⁾. Единственный родъ охоты, которою занимаются жители этихъ острововъ—это ловъ птицы. Къ особенностямъ острововъ Фареръ принадлежатъ птичьи горы и ихъ обитатели, «горныя птицы», какъ ихъ называютъ, хотя бы правильнѣе было назвать ихъ морскими или водяными птицами. Береговыхъ птицъ здѣсь такое неисчислимо количество, что они полетомъ затемняютъ солнце. За лѣто нѣкоторыхъ видовъ ловится болѣе 10,000 штукъ.

Водящіяся здѣсь птицы, за исключеніемъ смышленныхъ чаетъ, отличаются, какъ вообще всѣ морскія птицы, своею глупостью и безпримѣрною безпечною. Замѣчательны онѣ своимъ наружнымъ видомъ: пушистыя бѣлыя перья, забавныя движенія тѣла, при которыхъ онѣ держатся очень прямо, передвигаясь на своихъ короткихъ ногахъ, находящихся у задней части туловища, вблизи хвоста, и опираясь на всю плюсну. *Alca arctica* или *Mormon fratercula*, морской попугай, неуклюжая толстая птица, величиною съ большого голубя, верхнія части головы и шеи, спина и хвостъ черны, подъ брюхомъ и горломъ бѣлыя перья, клювъ горбатый и толстый (почему она и называется морскимъ попугаемъ) съ боковъ сжатый съ глубокими бороздками и съ красными и синими поперечными полосками; ножки красныя съ острыми когтями, которыми онъ пользуется, равно какъ сильнымъ своимъ клювомъ, для защиты. Такъ какъ у этой птицы крылья коротки и закруглены, то она съ трудомъ летаетъ; походка также тяжелая, переваливающаяся. *Alca impennis*, у скандинавовъ *Geyrfugel*, очень похожа на морского попугая, только больше. Клювъ этой птицы, напротивъ, меньше, и съ черными и бѣлыми поперечными полосками; лѣтомъ у ней прибавляется еще особое украшеніе, кругомъ шеи, въ видѣ ошейника, полоска пушистыхъ коричневыхъ перьевъ. *Uria grylle* имѣетъ коричневыя ноги, длинный и узкій клювъ, длинную и очень подвижную шею. Эта птица, какъ и всѣ предыдущія, съ трудомъ летаетъ и ходитъ, но плаваетъ и ныряетъ превосходно; говорить,

¹⁾ Danske «Statistik» Ф. Та а р у п а. Кіебигавенъ 1844 г. Болѣе подробно о тюленей охотѣ: «Ausland» 1861 г. стр. 714—717.

«Въ обл. вѣч. льда».

что эти птицы съ быстротою молніи выхватываютъ рыбъ изъ глубины 20 метровъ. Чайка, четвертый главный видъ жительствовавшихъ птицъ горъ, совершенная противоположность другимъ птицамъ этихъ странъ, гнѣздящимся на горахъ. Она пуглива и умна, на лету граціозна и ловка какъ ласточка, но плохо ныряетъ; величиною обыкновенно съ голубя. Бываютъ впрочемъ и такія, которыя имѣютъ 1,3 метра между оконечностями крыльевъ. Перья этихъ красивыхъ птицъ ослѣпительно-бѣлы съ голубоватыми крыльями, ноги черныя, клювъ темножелтый, изогнутый и острый; края клюва розоваты, глаза ихъ также большею частью окаймлены красноватою полоскою. Кромѣ птицъ, гнѣздящихся на горахъ и скалахъ и поэтому-то и названныхъ горными, другія еще водятся на надводныхъ рифахъ и большихъ камняхъ, оторванныхъ отъ береговыхъ утесовъ. Напримѣръ, порода *Carbo*. Это маленькія черныя птицы съ длинною шею, изогнутымъ клювомъ и очень плоскими ножками; онѣ, рядомъ съ гагою (*Somateria mollissima*) занимаютъ почетное мѣсто въ Фарэрскихъ сагахъ ¹⁾. На горахъ и скалахъ выше всѣхъ гнѣздятся морскіе попугаи, подъ ними чайки. Маленькіе буревѣстники (*Thalasidroma pelagica*) высидиваютъ яйца еще въ сентябрѣ, а именно на сѣверо-восточной сторонѣ острова Налсэ; гнѣзда свои они дѣлаютъ въ землѣ на глубинѣ 40—60 сантиметровъ. Буревѣстники несутъ только по одному яйцу, но по два и по три раза въ году ²⁾. *Sula alba*, бѣлый олушъ, встрѣчается только на островѣ Миггенсэ, а поморникъ хищный, *Lestris parasitica* или *cataractes*, вообще рѣдокъ на Фарэрскихъ островахъ. Каменный или розовый скворецъ (*Pastor roseus*) и даже *Syrhaptes paradoxus*, принадлежащій къ порядку перелетныхъ (степныхъ) голубей, встрѣчающихся здѣсь по временамъ. Первая изъ этихъ птицъ является иногда въ Норвегіи и на Гельголандѣ. Замѣчательно, что эти птицы, которыя выводятъ птенцовъ въ юго-западной Россіи и въ Малой Азіи, чрезвычайно рѣдко бываютъ въ Даніи и въ средней Германіи ³⁾.

Горныя птицы и птичья горы принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ особенностямъ фарэрской природы, а охота за этими птицами, при которой фаринги обнаруживаютъ неимоверную ловкость, составляетъ главный источникъ пропитанія этихъ острови-

¹⁾ «Ausland». 1861 16° 49 стр. 1156—1157.

²⁾ Кромѣ того, чаще всего встрѣчаются на Фарэрскихъ островахъ слѣдующія птицы: *Procellaria glacialis*, *Antus campestris*, *Saxicola oenanthe*, *Motacilla alba*, *Troglodytes parvulus*, *Tringa variabilis* и *Islandica*, *Numenius phaeopus*, *Haematopus ostralegus*, *Carbo*, *Sterna*, *Larus*.

³⁾ Rud. k. Willemoes-Suhm. Remarks on the Zoology of the Faroë Islands. («Nature» Vol. III стр. 105—106).

тянѣ. Ловомъ горныхъ птицъ обусловливается вся ихъ жизнь. Мясо даетъ имъ здоровую и вкусную пищу; оно употребляется въ свѣжомъ, соленомъ и вяленомъ видѣ, яйца сѣдаются тысячами, а перья, употребляемыя для подушекъ и пуховиковъ, большею частью вывозятся въ Данію. Промыселъ этотъ для туземцевъ очень важенъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне затруднителенъ и опасенъ. Мириады этихъ птицъ водятся преимущественно по узкимъ уступамъ утесовъ, по отвѣснымъ скаламъ и зубцамъ горъ, надъ недоступными пропастями. Неутомимый ихъ перелетъ съ одного мѣста на другое непрерывный, рѣзкій ихъ крикъ нарушаютъ таинственно-грустную тишину этихъ острововъ и придаютъ имъ нѣкоторое оживленіе. При этой страшной и, вмѣстѣ, поражающей обстановкѣ смѣлый ловецъ, „фугльмандъ“, преслѣдуетъ свою добычу. Обвязанный широкимъ шерстянымъ поясомъ по срединѣ тѣла и затѣмъ на перекрестъ по бедрамъ и прикрѣпленный къ толстому канату, онъ спускается въ вершины утеса къ гнѣздамъ птицъ. Вскорѣ онъ теряетъ изъ виду своихъ товарищей и общается съ ними только посредствомъ тоненькой веревки, за которую онъ дергаетъ, чтобы подать знакъ. Спустившись до уступа, который рѣдко шире одного фута, онъ самъ отвязываетъ канатъ и, прикрѣпивъ его къ камню, отправляется отыскивать гнѣзда. Если гнѣзда эти находятся внутри углубленія утеса, то ловецъ самъ раскачиваетъ ногами и палкою канатъ, чтобы попасть во-внутрь, и тамъ уцѣпляется. При этомъ онъ дѣлаетъ размахъ въ 10—12 метровъ. Если-же углубленіе еще болѣе, то другой канатъ спускается сверху внизъ къ другимъ товарищамъ, находящимися въ лодкѣ и, при помощи этого второго каната, онъ даетъ себѣ размахъ въ 30—40 метровъ. Фаринги съ одушевленіемъ и восхищеніемъ говорятъ о тѣхъ ощущеніяхъ, которыя они испытываютъ, вися такимъ образомъ между небомъ и землею, качаясь на какомъ-нибудь жалкомъ, по сравненію съ человѣческой жизнью, канатѣ. Это грубое занятіе до того увлекательно, что есть охотники, которые съ небольшимъ запасомъ пищи спускаются съ отвѣсной скалы въ бездонную пропасть. Находя съ трудомъ небольшую площадку въ нѣсколько квадратныхъ футовъ, смѣлый ловецъ остается тамъ двѣ-три недѣли и, перебираясь съ зубца на зубецъ, отыскиваетъ гнѣзда и то ловитъ окружающихъ его съ крикомъ птицъ сѣткою, то убиваетъ ихъ палкою. Неутомимая энергія человѣка не можетъ себѣ выбрать для временнаго пребыванія болѣе недоступнаго и страшнаго по своей дикости мѣста.

Вторгаясь въ недоступныя убѣжища испуганныхъ птицъ, смѣлчакъ вызываетъ у нихъ отчаянный непрерывный крикъ, который, вмѣстѣ съ шумомъ буруновъ и воемъ вѣтра, оглушилъ бы непривыч-

ное ухо. Къ этому прибавляются ежеминутная опасность висѣть надъ бездонными пропастями и полнѣйшее одиночество. Все-таки иной ловецъ, „фугльмандъ“, будетъ увѣрять васъ, что онъ въ подобномъ исключительномъ положеніи провелъ самые счастливые дни своей жизни ¹⁾. Этотъ ловъ, можетъ быть, опаснѣе, чѣмъ охота на львовъ и тигровъ. Многіе изъ такихъ охотниковъ платятся жизнью за свою смѣлость. Однако масса птицъ на этихъ островахъ не уменьшается, не взирая на усиленный ежегодный ловъ.

Что касается остальной фауны этихъ острововъ, то животныя изъ группы позвоночныхъ извѣстны довольно удовлетворительно ²⁾. Несправедливо утверждаютъ, будто, кромѣ нѣкоторыхъ видовъ мышей, тамъ не встрѣчается ни какихъ звѣрей въ дикомъ состояніи. Лѣтъ 30 или 45 тому назадъ, туда былъ перенесенъ норвежскій заяцъ (*Lepus alpinus*) и, кажется, мѣстность этихъ острововъ соотвѣтствуетъ всѣмъ жизненнымъ условіямъ этого животного, по крайней мѣрѣ и на Стромэ, и на Остерэ онъ сильно расплодился. На лугахъ и пастбищахъ онъ находитъ достаточную пищу, отъ непогодъ скрывается за утесами, и собственно непріятелей у него тамъ нѣтъ, за исключеніемъ развѣ ворона и небольшого ястреба, которые иногда похищаютъ у него дѣтенышей. Исландскій соколъ (*Falco islandicus*) встрѣчается слишкомъ рѣдко, чтобы онъ могъ причинить ему значительный ущербъ. Попытка развести здѣсь норвежскую или исландскую куропатку (*Tetrao lagopus*), гнѣздящуюся на скалахъ, не удалась. Водящіяся на сѣверныхъ Фарэрскихъ островахъ крысы принадлежатъ къ семейству *Mus decumanus*. Онѣ совершенно выжили оттуда меньшую породу *Mus rattus*, которая только еще изрѣдка встрѣчается на Сюдэрэ. Предполагаютъ, что тамъ водится норвежская пеструшка; но пресмыкающихся и земноводныхъ на Фарэрскихъ островахъ вовсе не знаютъ. Фауна безпозвоночныхъ здѣсь также бѣдна, какъ и на Исландіи, въ сравненіи съ Гренландією, Норвегією и Данією.

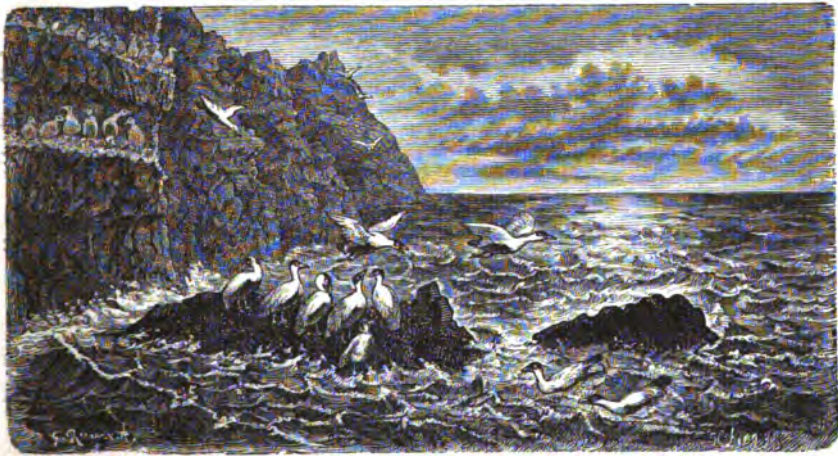
На разстояніи 564 километровъ отъ Фарэрской группы лежитъ большой сѣверный островъ Исландія. Ирландскимъ монахамъ, какъ кажется, удалось проникнуть и туда, такъ что, въ виду недостаточности мореплавательныхъ пособій тогдашняго времени, ихъ надо признать очень смѣлыми моряками. По всей вѣроятности папы съ острововъ Фарэръ посѣтили совершенно необитаемый въ то время островъ Исландію въ первый разъ въ 795 году. Дикуиль, который писалъ около 825 года, говоритъ, что, лѣтъ 30 тому назадъ, лица духовнаго званія провели на Исландіи весну и лѣто.

¹⁾ „Ausland“ 1850 № 50 стр. 200.

²⁾ описаніе Ландта: „Beskrivelse over Toröevne“, изданное еще въ 1800 г.

Норманны, прибывшіе на Исландію 70 лѣтъ спустя, подтвердили, что они нашли тамъ христіанскихъ поселенцовъ, которые тамъ прочно водворились. Но во всякомъ случаѣ это были только отдѣльныя лица, вѣроятно отшельники, воспользовавшіеся отдаленностью этого мѣста для своего уединенія. Намъ ничего не извѣстно о томъ, какъ эти папы жили на Исландіи, но съ большею опредѣленностью можно указать на мѣсто, гдѣ именно они пребывали. Норманны, вступая на Исландію, нашли тамъ поселенія отшельниковъ, которые вскорѣ, вслѣдствіе своей нелюдимости, покинули ¹⁾ этотъ островъ, оставивъ ирландскія книги, колокола и свои посохи. Норманны одному подобному острову и одной мѣстности дали названіе Папей и Папили. Островъ Папей лежитъ у восточнаго берега Исландіи подъ 64° 35' сѣв. широты; Папили или Паффенгеймъ,

Шетландскіе острова.

напротивъ, на западъ отъ Горнафіорда у тинга Скаптафель у подошвы горы Клѣфаёкюль. Папы также поселились-было въ Киркюбе (Rirchdorf т. е. село, селеніе съ церковью) въ округѣ Сида у подошвы Сидуёкюль. Когда, во времена Дикуиля, Сѣверное море наполнилось судами викинговъ (скандинавскіе морскіе разбойники) мирные монахи удалились съ этихъ беззащитныхъ острововъ, пре-

¹⁾ Въ Landnámabok prol. p. 24 Islendinga sögur I говорится: En áður Island bygdhist af Noregi, voru þar their menn er Nordhmenn kalla Papa; their voru menn Kristnir, ok hyggja menn at their hafi verit vestan um haf, því at fundust eptir theim baekr irskar, bjoellur ok baglar. ok enn fleiri hlutir, their er that matti skilja at their voru Vestmenn; that fanst i Papey austr ok i Papyli; er ok thess getit á bókum, enskum, at í þann tíma var farit milli landanna.

доставляя ихъ произволу норманновъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ на Оркнейскихъ островахъ, наны, пробывшіе тамъ два столѣтія и сохранившіе свою самостоятельность рядомъ съ Пети, во время Гаральда Гарфагра, были совершенно истреблены. Вопросъ о томъ, возвратились-ли, вытѣсняемые съ сѣверныхъ острововъ Атлантическаго океана, ирландскіе монахи къ „Зеленому Эрину“ или-же они, какъ старается доказать Э. Бове, обратились на западъ и сдѣлались такимъ образомъ первыми открывателями Америки, на что указываетъ названіе *Irland it mikla* (великая Ирландія), которымъ норманны обозначали части Канады, — вопросъ этотъ не имѣетъ никакой связи съ путешествіями къ сѣверному полюсу.

Водопадъ Скаггедаль-Фосса.

РОДИНА НОРМАННОВЪ.

КАКЪ Италія на югѣ Европы, такъ на сѣверѣ огромный полуостровъ Скандинавія тянется черезъ полныя 15° широты. Это собственно сплошная скалистая возвышенность гигантскихъ размѣровъ, имѣющая продолженіе подѣ Ботническимъ заливомъ до Финляндіи, на западѣ же, въ королевствѣ Норвегіи, она образуетъ горную страну, круто спускающуюся въ сѣверную часть Атлантическаго океана. Восточная часть этого полуострова, Швеція, преимущественно ровная, мѣстами волнистая, тамъ и сямъ пересѣкается однообразными длинными горными хребтами. Она производитъ впечатлѣніе поднявшагося со дна морского, и поэтому еще молодого, материка, хотя Скандинавія есть именно одна изъ самыхъ первобытныхъ горныхъ формацій земного шара. „Какъ морскія теченія измѣняютъ дно морское, мѣстами углубляя, мѣстами возвышая его, какъ по этому дну разбросаны груды скалъ, принесенныя туда ледяными массами Сѣвернаго океана и опустившіяся при ихъ таяніи, какъ это дно иногда представляется покрытымъ на огромныя пространства хрящомъ и валунами, иногда, имѣетъ видъ голой, ничѣмъ не покрытой скалистой поверхности, — въ такомъ именно видѣ представляется Швеція, представляя собою дно морское, съ

котораго скатились воды. Земля эта, какъ и Готландія и Финляндія и большая часть земель Европы, поднялась со дна морского въ такое время, которое, въ геологическомъ смыслѣ, можетъ быть названо новѣйшимъ; и до сихъ поръ ея первоначальный видъ, какъ дна морского, не измѣнился. Огромныя массы скалъ на огромныхъ пространствахъ устояли до сихъ поръ противъ разрушительной силы климата. Необыкновенно хаотическое смѣшеніе голыхъ скалъ съ растительностью всѣхъ родовъ, раскинувшееся на необозримомъ пространствѣ, поражаетъ глазъ наблюдателя. Это смѣшеніе шведы называютъ „скогъ“. Первобытныя лѣса, которыми покрыта вся Швеція, отъ волнистой равнины Шоніи (Сканія) до угрюмыхъ пустынь Лаппмарка ¹⁾, гдѣ свѣтитъ полуночное солнце, называются „скогъ“. Все остальное исключеніе, какъ бы случайность. Такими исключениями являются болотистыя и торфяныя мѣста, многочисленныя озера и воздѣланныя жителями поля“. Въ этихъ словахъ Л. Пассаржъ рисуетъ яркими красками наружный видъ шведской земли.

Тамъ и сямъ мы наталкиваемся на совершенно своеобразную форму горъ, истинно шведскіе хребты, длинныя съ усѣченными вершинами изъ твердаго гранита, возвышающіеся на 100 метр. и болѣе надъ среднимъ уровнемъ холмистой равнины. Они называются *åser* (конекъ кровли). Настоящихъ горныхъ цѣпей, въ томъ смыслѣ, какъ это слово обыкновенно употребляется, на Скандинавіи вовсе нѣтъ. Даже высокій неразрывный горный хребетъ, который подъ названіемъ Кэленскихъ горъ отдѣляетъ, будто бы, Норвегію отъ Швеціи, существуетъ только въ воображеніи. Кэленскихъ горъ вовсе нѣтъ, и въ лучшихъ картахъ новѣйшаго времени онѣ исчезли. Кэленъ значитъ по скандинавски „киль“, и названіе это усвоено возвышенной странѣ, имѣющей внѣшнюю форму опрокинутого судна. Уподобленіе это на топографическихъ картахъ, разумѣется, не можетъ быть воспроизведено. По некрутой покатости длинныя гребни и закругленныя вершины горъ отдѣляются другъ отъ друга корытообразными углубленіями. Горы эти у подошвы покрыты лѣсомъ, а выше—онѣ пустынны и голы. Промежуточные углубленія отлого возвышающагося хребта наполнены болотами и многочисленными озерами. Куда только обращается взоръ, всюду онъ встрѣчаетъ водяныя поверхности всякихъ размѣровъ, разбросанныя по уступамъ горъ на различныхъ высотахъ.

¹⁾ Посредствомъ окончаній *en—et—ene* или *ne* на норвежскомъ языкѣ выражается членъ, а именно—*en* обозначаетъ мужескій и женскій родъ,—*et* средній въ единственномъ числѣ,—*ene* или *ne* для всѣхъ трехъ родовъ множественное число. Поэтому нельзя по русски сказать «Финмаркенъ или Лаппмаркенъ», а слѣдуетъ говорить: «Финмаркъ, Лаппмаркъ».

Горныя массы Скандинавіи пересѣчены поперечными хребтами такъ, что плоскія возвышенности преобладаютъ, а низменности и узкія долины большею частью составляютъ исключеніе. Поэтому оказывается, что Скандинавія въ цѣломъ своемъ объемѣ не представляетъ ни вида кили опрокинутого судна, ни плоской возвышенности. Поперечный разрѣзъ этого полуострова можетъ быть изображенъ линією, круто поднимающеюся съ западнаго берега до высоты 1,300 метровъ; потомъ она идетъ черезъ плоскую возвышенность на протяженіи едва-одной четвертой части всего разрѣза и, наконецъ, медленно и отлого спускается къ восточному берегу Швеціи ¹⁾, къ Ботническому заливу, къ шведскимъ озерамъ и къ Скагерраку. Вѣрнѣе сказать, оба представленія могутъ быть приложены къ этимъ горамъ. На сплошной горной массѣ, которая тянется съ 58° до 71' сѣв. шир., являются мѣстами возвышенія, то по срединѣ, то по краямъ, пересѣкаемые корытообразными углубленіями ²⁾. Во всякомъ случаѣ, горы Скандинавіи совсѣмъ иного свойства, чѣмъ горы южной Европы. Поднявшись изъ долины рѣки или узкаго морского залива, фіорда, на высоту, житель сѣвера увидитъ передъ собою широкую, просторную мѣстность, на которой только тамъ и сямъ виднѣются отдѣльно разбросанныя вершины. Это высокое плоскогорье называется тамъ *heidi* (степь), *viddene* (просторъ) или *fjall*, *fjeld* поле. Долинъ не видать до тѣхъ поръ, пока не подойдешь къ самому краю ихъ. Переваливать изъ длинной узкой долины юговосточнаго склона черезъ плоскую возвышенность, тамъ гдѣ она уже, на сѣверозападную сторону, называется переходить „черезъ киль“ (*over Kjölen*). Спуски въ обѣ стороны отлоги, такъ что нѣтъ ничего похожаго на горный хребетъ. Существуетъ только просторная плоская возвышенность Норвегіи безъ гребней и обрывовъ, и отъ нея ни какіе отроги не тянутся въ Швецію. Покатость къ востоку пересѣкается только долинами ³⁾. Возвышенная полоса тянется на разстояніи 80—100 километровъ отъ западнаго (норвежскаго) побережья, съ которымъ она идетъ почти параллельно и только подъ 58° 50' сѣверной широты возвышенность удаляется отъ берега. Просторныя, безлѣсныя возвышенности, истинныя горныя степи,—весьма различной высоты надъ уровнемъ моря, но вообще онѣ къ сѣверу ниже, чѣмъ въ срединѣ и въ южной части. На сѣверѣ высота колеблется между 490 и 650 метрами, въ срединѣ и на югѣ между 800 и 1,130 ме-

¹⁾ D-r Wibu, «Küsten und Meere Norvegiens» Gotha. 1860. 4° S. 3.

²⁾ G. Hartung. „Die Scandinavische Halbinsel“. Eine geologische Skitze. Berlin. 1877. 8°. P. 26.

³⁾ Klöden, „Handbuch d. Erdkunde“. Berlin. 1877. III S. 856.

трами, такъ что Скандинавскій полуостровъ къ сѣверу спускается. а къ югу или, правильнѣе, къ югозападу, возвышается. Въ южной части Норвегіи между 61° и 63° сѣверной широты находится самая высокая горная мѣстность, величественное плоскогорье, извѣстное въ новѣйшее время подъ названіемъ: Jotun-Fjelde т. е. исполинскія горы, въ мѣстности Имесфѣльдъ близъ озера Галдгеппигенъ. Имѣя 2,560 метровъ высоты, это плоскогорье представляетъ самую высокую точку сѣверной Европы. Нѣсколько сѣвернѣе, въ Доверфьельдѣ красуется Снегеттенъ, долго считавшійся самою высокою точкою Скандинавіи. Ни одна гора Европы, ни одинъ хребетъ не превосходитъ скандинавскихъ по страшной и дѣйствительно грандіозной ихъ дикости. Подобно Альпамъ, они изорваны и разщелены, всюду видѣются страшныя пропасти и глубокія ущелья, покрыты горными озерами, окруженными отвѣсными скалами, пересѣкаются быстрыми ручьями и рѣками, образующими великолѣпные водопады, и увѣнчаны разбросанными утесами и мощными ледниками (Jökule, Jökler), поражающими нерѣдко, въ противоположность Альпамъ, своею столообразною формою. Іостедалсбръ самый большой глетчеръ нашей части свѣта, и говорятъ, что внутри Іёкульфіорда есть даже глетчеръ, обмываемый моремъ. И въ лавинахъ недостатка нѣтъ; но такъ какъ узкія и глубокія долины совершенно исчезаютъ въ мощной ширинѣ горныхъ массъ, то Скандинавія представляетъ совершенно другія картины, производить совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ горныя страны Альпъ, гдѣ просторныя долины преобладаютъ, а возвышенности суть второстепенныя явленія. Въ южной Норвегіи, какъ мы видѣли, нѣкоторыя вершины достигаютъ высоты 2,500 метр. надъ уровнемъ моря; но онѣ составляютъ исключенія, занимая небольшія пространства всей горной массы. Затѣмъ нѣкоторыя вершины достигаютъ наибольшей высоты 2,000 метровъ, а высоты 1,600 метр. достигаютъ на Скандинавскомъ полуостровѣ столько вершинъ, сколько на Альпахъ 3,200 метр. Слѣдовательно Альпійскія горы вдвое выше Скандинавскихъ, тогда какъ эти послѣднія занимаютъ на одну треть больше квадратнаго пространства, чѣмъ Альпы. Хотя, засимъ, норвежское плоскогорье абсолютно значительно ниже Альпъ, но общая масса его возвышенія нисколько не меньше альпійскаго, такъ какъ норвежскіе края поднимаются какъ гигантскія плотины непосредственно отвѣсно изъ моря. Спѣжная линія, которая на сѣверномъ склонѣ Альпъ проходитъ на высотѣ 2,440 метр., а на южномъ на высотѣ 2,680 метр., въ Скандинавіи, между 60° — 63° сѣв. шир., спускается до высоты 1,460 метр., у Сулителмы подъ 67° сѣв. шир. до 1,130 метр., а въ Финмаркѣ подъ 70° до 700 метр. высоты. Какъ бы ни измѣнялась

форма поверхности въ различныхъ мѣстахъ, хотя бы тамъ и сямъ она характеризовалась зубчатыми гребнями и вершинами, глубоко врѣзывающимися ущельями и долинами, тѣмъ не менѣе вездѣ сохраняется основной характеръ массивнаго плоскогорья, которое въ Финмаркѣ, при небольшой высотѣ надъ уровнемъ моря, является уже вполне преобладающимъ.

Сообразно съ плоско-возвышеннымъ характеромъ горныхъ массъ сложились и гидрографическія условія Скандинавіи. Весь полуостровъ представляетъ, какъ мѣтко выражается ученый Мункъ, настоящее озерное плато. Вся масса воды, которая подымается изъ Сѣвернаго моря и Атлантическаго океана въ видѣ паровъ и западными вѣтрами пригоняется къ Норвегіи, упирается въ западный склонъ этого плоскогорья, черезъ обширную возвышенность, котораго она не можетъ перейти. Здѣсь она осаждается безъ потери, такъ какъ въ этихъ холодныхъ пространствахъ солнце не обладаетъ достаточною силою, чтобы вызвать значительный процессъ испаренія. Такимъ образомъ во всѣхъ большихъ и маленькихъ углубленіяхъ плоской возвышенности должны были образоваться горныя озера, посылающія свои воды всюду, гдѣ только открывается возможность стока. Поэтому встрѣчаемъ въ Норвегіи такъ много проточной воды, въ поразительную противоположность другимъ горнымъ странамъ. Естественно, что эти воды только на восточномъ, шведскомъ, склонѣ полуострова получаютъ нѣсколько правильное развитіе, собственно же онѣ представляютъ рядъ маленькихъ озеръ (*vande* по норвежски), соединенныхъ между собою короткими и быстрыми протоками, образующими иногда значительные водопады. Понятно, что это совершается гораздо быстрѣе на сравнительно крутомъ западномъ склонѣ, чѣмъ на восточномъ, который постепенно спускается къ морю. Долины тамъ глубже и болѣе отдалены другъ отъ друга. Дожди выпадаютъ на поверхность плоской возвышенности, и вода, собравшись тамъ, стекаетъ по бороздамъ и узкимъ ущельямъ въ долины. Такъ какъ долины не развѣтвляются, а имѣютъ обыкновенно одно направленіе, и къ тому же онѣ отдѣлены отъ горныхъ площадей (фіельдовъ) крутыми и отвѣсными скалами, то вода имѣетъ только одинъ стокъ черезъ эти долины. Образованная этимъ путемъ рѣка питается ручейками, собирающими воду съ ближнихъ и дальнихъ площадей и ввергающимися въ глубокую долину, въ видѣ водопадовъ. На западной сторонѣ вся масса водъ часто однимъ потокомъ свергается внизъ съ высоты въ нѣсколько сотъ метровъ, образуя великолѣпнѣйшіе водопады, съ которыми, по изобилію воды и величественности ихъ, альпійскіе не могутъ равняться. О геологическомъ прошломъ Скандинавскаго полуострова, ни флизовые пласты, ни ископаемые остатки

не даютъ намъ никакихъ свѣдѣній. Въ Швеціи ископаемыя находятся только до 65° сѣверной широты, въ Норвегіи они пресѣкаются еще южнѣе около Трондгіема (Дронтгейма). За этими предѣлами, на всемъ протяженіи громаднаго полуострова, до сихъ поръ только на островѣ Андэ найдены окаменѣлости царствъ животнаго и растительнаго, юрской формации. Мѣстные признаки указываютъ на погруженія, происходившія во время силлурійской и четверичной формаций.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Скандинавія когда то-была поднята надъ поверхностью моря еще выше, чѣмъ теперь: это неопровержимо доказываютъ замѣчательныя явленія, выражающіяся въ образованіи фіордовъ и зундовъ. За переворотомъ, погрузившимъ всю массу земли въ послѣднее время образованія глетчеровъ, на порогъ четверичнаго періода, послѣдовало другое противоположное дѣйствіе, имѣвшее поднимающее вліяніе. Это поднятіе теперь еще продолжается, и медленное возвышеніе скандинавскаго побережья принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ и загадочнымъ явленіямъ земной поверхности настоящаго времени. Крайняя окончательность полуострова съ Нордкапомъ, говорятъ, болѣе всего подымается. Въ особенности въ Нордландѣ продолжающееся подыманіе почвы составляетъ предметъ народнаго повѣрья. Старые люди рассказываютъ о проливахъ, которые сдѣлались глубже, о рифахъ, которые явились надъ водою на мѣстахъ, бывшихъ бездонно-глубокими; о якорныхъ стоянкахъ, которыя, вслѣдствіе обмелѣнія, должны были быть перенесены въ другія мѣста. И въ Швеціи указываютъ на возвышеніе, увеличивающееся по направленію съ юга къ сѣверу; но ни здѣсь, ни въ Норвегіи, въ подтвержденіе всего этого, не приводится ни какихъ измѣреній, ни какихъ точныхъ доказательствъ ¹⁾. Хотя наблюденія новѣйшаго времени и обнаружили, что возвышеніе земли въ мѣстахъ, вовсе не далеко другъ отъ друга отстоящихъ, совершенно различное, тѣмъ не менѣе, повидимому, доказано, что въ самой сѣверной части Скандинавіи имѣетъ мѣсто колебательное возвышеніе; въ южной части Швеціи отъ Кальмара до Карлскроны не замѣчается никакой перемены, или самая ничтожная; наконецъ. Скене, самая южная часть Шведскаго государства, подвержена пониженію, продолжающемуся уже нѣсколько столѣтій ²⁾. Вообще дознано, что съ того времени, какъ на всемъ Скандинавскомъ полуостровѣ воцарился климатъ арктическій, здѣсь произошло значительное возвышеніе почвы. Это доказывается морскими

¹⁾ Gaa 1872 ст. 533—534.

²⁾ Gartung, стр. 35.

³⁾ На берегу Эланда, недалеко отъ Морупа, лежитъ уже болѣе 1000 лѣтъ извѣстный въ шведской исторіи «Glum-Stein», гранитная глыба, въ 3 метр. вы-

наслоениями и раковинными косами, равно какъ и древними высоко лежащими линиями ¹⁾ морского прибоа въ Нордландѣ, гдѣ, на высотѣ 12—14 метровъ надъ уровнемъ моря, уже нѣтъ раковинныхъ косъ. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ явственнѣе выступаютъ эти линіи. Наконецъ у сѣвернаго побережья Финмарка, на поднявшейся землѣ безъ дерева и куста, какъ на горныхъ вершинахъ, показываются обнаженные огромные валуны. Этому поднятію почвы нужно приписать то обстоятельство, что мы на Балтійскомъ побережьи Швеціи не встрѣчаемъ фіордовъ, явленія, столь характеристично выступающаго на атлантическомъ берегу Норвегіи. Фіордами называются узкіе, глубоко вдающіеся въ страну, морскіе заливы. Въ Швеціи они заграждены съ моря землею. Только при самомъ тщательномъ разсмотрѣніи карты можно ихъ разузнуть въ массѣ озеръ, замѣчательно параллельно расположенныхъ по направлению къ Ботническому заливу. Прежніе фіорды уже не имѣютъ сообщенія съ моремъ, устья ихъ уже закрыты, изъ фіордовъ образовались озера ²⁾. Сообщеніе страны съ моремъ происходитъ теперь только по рѣкамъ. На норвежскомъ берегу, напротивъ, фіорды сохранились во всемъ своемъ величіи. Подобно образовавшимся узкимъ долинамъ, фіорды находятся въ опредѣленной зависимости отъ строенія окружающей ихъ мѣстности. Одни представляются въ видѣ узкихъ, наполненныхъ водою ущелій съ отвѣсно

соты и 5 метр. ширины, служившая еще въ XI столѣтіи примѣтою для моряковъ. Въ сентябрѣ 1816 года этотъ камень, по измѣренію Бекселя, находился въ четырехъ футахъ отъ морского берега, какъ свидѣтельствуеетъ сохранившаяся на немъ надпись. При измѣреніи лѣтомъ 1871 г. оказалось, что онъ лежитъ на разстояніи 120 футовъ отъ берега. Сообразно этому, берегъ Эланда въ 55 лѣтъ увеличился на 116 футовъ, болѣе чѣмъ на два фута ежегодно. Но такъ какъ въ исторіи ни гдѣ не говорится, что камень этотъ лежитъ въ водѣ, а у воды, то возвышеніе Эландскаго берега, должно быть, если и не началось, то сдѣлалось замѣтнымъ лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи («Глобусъ», XX т. 350 стр.).

¹⁾ Подъ названіемъ «gamle Strandlinier» (древнія линіи морскаго прибоа) разумѣются въ Норвегіи горизонтальныя углубленія на скалистыхъ берегахъ, которыя, если они хорошо сохранились, похожи на дороги, проложенныя въ скалѣ. () происхожденіи этихъ линій, встрѣчающихся на югѣ Норвегіи рѣдко, на сѣверѣ же часто, существуютъ два мнѣнія: проф. С. А. Сексе и его послѣдователи полагаютъ, что линіи эти врѣзаны въ береговыя скалы гигантскими глетчерами ледяного періода при выходѣ ихъ изъ фіордовъ, причемъ движеніе ихъ должно было быть непремѣнно горизонтальное. Т. Кирульфъ объясняетъ ихъ происхожденіе при неизмѣняющемся въ продолженіи долгаго времени уровнѣ, простымъ дѣйствіемъ морскаго прибоа, слѣды котораго сохранились тамъ, гдѣ обстоятельства тому благоприятствовали. Къ этому мнѣнію присоединяется, и не безъ основанія, новѣйшій изслѣдователь этого вопроса докторъ Рихардъ Леманъ въ своемъ сочиненіи «Ueber ehemalige Strande-linien in austhendem Fels in Norwegen». Приложение къ «Allgemeine Erdkunde» Halle 1879 г.

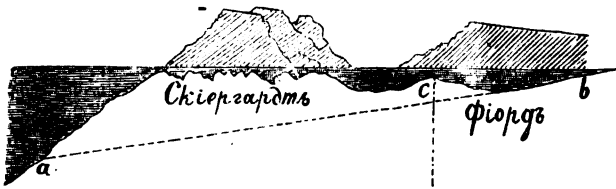
²⁾ Смотр. Пешеля «Neue Probleme der vergleichende Erakunde als Versuch einer Morphologie der Erdoberfläche», Leipzig 1876.

окружающими ихъ скалами или въ видѣ расширенныхъ долинъ съ менѣе крутыми краями; другіе же, напротивъ, наполняютъ корытообразныя углубленія, образовавшіяся отъ пониженія горы. Понятіе о фіордахъ и о долинахъ неразрывно: они восполняютъ другъ друга, одни служатъ продолженіемъ другихъ. Проф. Т. Кирульфъ, въ Христіаніи объясняетъ происхожденіе фіордовъ необычайнымъ пониженіемъ земли во время силурійскаго и четверичнаго періодовъ. Вода вливалась иногда только въ ближайшую часть, иногда же доходила и до середины углубленія. Самые значительные фіорды врѣзываются въ высоты, покрытыя глетчерами и вдаются въ глубь горной возвышенности до самаго узла. Образование фіордовъ, впрочемъ, отнюдь не ограничивается одною Норвегіею, они свойственны вообще самымъ сѣвернымъ широтамъ, такъ что мы еще часто встрѣтимся съ ними въ полярномъ поясѣ. Оскаръ Пешель, тщательно изучившій это замѣчательное явленіе, указываетъ, что фіорды образовались группами только въ Европѣ и Америкѣ въ точно ограниченныхъ мѣстностяхъ, преимущественно на сѣверныхъ и западныхъ побережьяхъ. Онъ полагаетъ, что образованіе фіордообразныхъ расщелинъ въ прибрежныхъ возвышенностяхъ есть послѣдствіе климатическихъ явленій, обусловливаемыхъ низкою температурою и значительнымъ осажденіемъ и охлажденіемъ испареній ¹⁾ Дѣйствительно, фіорды встрѣчаются во всѣхъ геологическихъ формаціяхъ, но только не ниже изотерма 10° Ц., стало быть въ области постоянныхъ дождей и всегда въ крутыхъ побережьяхъ. Поэтому есть основаніе считать ихъ результатомъ вывѣтриванія горныхъ возвышенностей; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дальнѣйшія изслѣдованія указываютъ, что мы должны смотрѣть на фіорды какъ на опустѣвшія вмѣстилища когда-то находившихся здѣсь глетчеровъ, ледниковъ ²⁾. Только этимъ объясняется загадочное явленіе, что фіорды у входа въ нихъ съ моря гораздо менѣе глубоки, чѣмъ внутри, что слѣдовательно почва у входа возвышается, тогда какъ между вхо-

¹⁾ Пешель, стр. 16.

²⁾ Англійскій естествоиспытатель докторъ Робертъ Броунъ считаетъ нынѣшніе фіорды результатомъ углубляющей глетчерной дѣятельности («On the formation of fjords, canons, benches, praeries and intermittent rivers» въ „Журналѣ Королевскаго Географическаго Общества“ 1869 г. стр. 122. И. В. Тайлоръ, пробывшій 18 лѣтъ въ Гренландіи, говоритъ, что глетчеры наполняли фіорды, а когда не могли создать фіордовъ тамъ, гдѣ ихъ первоначально не было. Это отнюдь не противорѣчитъ воззрѣнію Броуна, доказывающаго, что приближавшіеся къ берегу глетчеры предпочтительно спускались къ уже существовавшимъ долинамъ и низменностямъ, вслѣдствіе чего и при помощи морского прибоя, съ теченіемъ времени, образовались фіорды нынѣшняго вида. «Remarks on the formation of fjords and canons» 1871 г. стр. 350. Въ этомъ сочиненіи Р. Броунъ старается также опровергнуть возраженія, которыя дѣлалъ Сэръ Родерикъ Импо Мюрчисонъ противъ его теоріи. („Записки Королевск. Геогр. Общ.“ 1870 стр. 327—328).

домъ и противолежащими островами встрѣчается опять значительная глубина. У Лизе-фіорда, самаго глубокаго и правильнаго залива норвежскаго побережья, явственно видно, что грунтъ у самаго входа возвышенъ.

Отъ Лизе-фіорда къ сѣверу весь берегъ представляется въ полномъ смыслѣ слова истерзаннымъ и окаймленнымъ безчисленными островами и рифами, шкерами, на которыя слѣдуетъ смотрѣть какъ на оторванныя части материка. Между ними проходятъ узкіе проливы, называемые „Эйдеръ“, похожіе на ущелья Альпъ, если мы мысленно представимъ себѣ ихъ спущенными до уровня морского, съ тою разницею, что ущелья имѣютъ тысячи футовъ длины, а проливы сотни. Приближаясь къ сѣверу, фіорды становятся шире, въ особенности внутри сѣвернаго полярнаго круга, пересекающаго Скандинавію. Здѣсь острова и шкеры встрѣчаются въ 50 километр. отъ континента, окруженные безчисленными подводными рифами, по которымъ катятся пѣнящіеся буруны, разбиваясь о береговые утесы недалеко отстоящихъ другъ отъ друга островковъ и шкеръ. Весь западный берегъ Норвегіи усыпанъ несмѣтнымъ количествомъ надводныхъ рифовъ удивительныхъ формъ, то похожихъ на растенія, животныхъ и людей, то изображающихъ громадныя пирамиды съ окружающими, будто бы, ихъ палатками, возлѣ которыхъ улеглись для отдыха верблюды и лошади. Вершины утесовъ зазубрены, снѣгъ на нихъ не держится, онѣ похожи на индѣйскія пагоды. Въ особенности прекрасны эти группы подъ тою широтою, гдѣ солнце во время солнцестоянія вовсе не закатывается. Здѣсь торчитъ изъ глубины морской дико-голая скала-всадникъ, названная „Hestmand“^о. Его окружаютъ другіе рифы, какъ страшныя чудовища, въ другомъ мѣстѣ они имѣютъ видъ остова, разбитаго волнами корабля. Вся эта масса разбросанныхъ по бездонному морю утесовъ достигаетъ верха картинности и дикой прелести въ соединенной группѣ острововъ Вестеръ-Наалъ и Лофоденскихъ, образующихъ Вестъ-фіордъ, гдѣ главное мѣсто ловли сельдей и трески. За мощными стѣнами Вестъ-фіорда скрывается рыба, мечетъ тамъ икру и тамъ же ловится весною въ громадномъ количествѣ.

На Вестераалѣ, у подошвы утесовъ, во многихъ мѣстахъ встрѣчается еще лѣсъ и кустарникъ; по берегу не рѣдко виднѣются

или вмѣстѣ нѣсколько крестьянскихъ дворовъ среди луговъ и полей, или же въ тѣни деревь на зеленѣющихъ площадкахъ одиночныя жилища, отдѣленные другъ отъ друга голыми скалами. На Лофоденскихъ о-вахъ уже ничего болѣе нѣтъ, кромѣ безлѣсныхъ, дико изорванныхъ утесовъ съ рыбацкими стойбищами на берегу. Утесы здѣсь являются, то въ видѣ заостренныхъ хребтовъ, то въ видѣ крышъ, украшенныхъ зубцами и куполами. Моцныя отвѣсныя стѣны высятся надъ моремъ; величайшее разнообразіе горныхъ видовъ поражаетъ глазъ зрителя, чудныя фигуры утесовъ дѣйствуютъ чарующе на его воображеніе. Край отвѣсной скалы украшенъ исполинскою фигурою древняго рыцаря сѣвера, Гаральда или Олафа. Со спущеннымъ забраломъ, въ длинной широкой мантии, онъ опирается на мечъ съ выраженіемъ гордаго сознанія своей силы. Другая группа показываетъ на недоступной высотѣ влюбленную чету—пастуха съ пастушкою. Здѣсь, въ узкомъ ущелии, стоитъ гигантскій воинъ, съ дикою яростію сился его раздвинуть. Далѣе нерѣдко бываетъ изображенъ монахъ, который съ надвинутымъ на лобъ клобукомъ подымается по страшно-крутому утесу. Но всѣ эти великолѣпныя изображенія и фантастическія украшенія ничтожны въ сравненіи съ дико-романтическими берегами Рафтзунда. Слѣдуя между невысокими шхерами, пароходъ приходитъ изъ открытой части моря между Вестерааломъ и Лофоденскими островами къ устью Рафтзунда, отдѣляющаго эти острова отъ большого Гиндэ. Надъ самымъ моремъ небольшіе лужи съ кустарникомъ, выше изъ снѣжнаго покрова высоко и гордо подымаются заостренные зубцы гигантскихъ скалъ; въ видѣ быстрыхъ ручьевъ и водопадовъ ледяная вода шумно вливается въ море. Это настоящіе фіельды; ихъ узнаетъ всякій сколько-нибудь знакомый съ ихъ описаніемъ. Приливъ и отливъ вызываютъ теченія во многихъ зундахъ. Кто не слыхалъ объ опасномъ мальстромѣ? Но не всякому, можетъ быть, извѣстно, что прибрежный его житель, знакомый съ его особенностями, въ утлой ладѣ пускается въ него, выкидывая сѣти для лова рыбы, и только тогда его избѣгаетъ, когда мальстромъ, по временамъ усиливаясь, угрожаетъ уже неминуемою опасностію. За тѣмъ открывается видъ на широкую южную часть Зунда и на лежащій передъ нимъ большой островъ Молла. Но вскорѣ отвлекается вниманіе замѣчательнымъ Трольдфильдомъ, лежащимъ на правомъ берегу, на отвѣсной горной окраинѣ. Передъ нами широко и величественно разстилается гигантское вулканическое строеніе, обращенное фронтомъ къ сѣверу, съ готическими зубцами; на западной своей оконечности оно украшено острымъ куполомъ между двумя башенками ¹⁾).

¹⁾ Г. Гартунгъ и А. Дулкъ. «Путешествіе по Норвегіи и Ланпмарку». Штутгартъ, 1877, 8 стр. 110—112.

Вообще Лафоденскіе острова, подъ 67—69° сѣв. шир., суть массы голыхъ скалъ, взгроможденныхъ на высоту 1000 метровъ, такъ что онѣ выше снѣговой линіи этихъ мѣстъ на 600—700 метровъ. Въ средней части они покрыты прекраснымъ голубымъ льдомъ, сіяющимъ при магическомъ освѣщеніи полуночнаго солнца какъ хрустальный дворецъ съ разноцвѣтными окнами. Изъ нижней части съ высоты 300 метровъ вливаются въ море ручейки, образовавшіеся отъ таянія льда. Освѣщенные солнцемъ, они блестятъ какъ серебристыя ленты съ яркими разноцвѣтными жемчужинами, которыя, сливаясь, играютъ радужными цвѣтами. Съ моря подымается легкій туманъ, охватывающій скалы какъ бы прозрачною вуалью и потомъ бесслѣдно исчезающій въ воздухъ. Такъ братаются утесы съ моремъ, и солнце освѣщаетъ ихъ своимъ чарующимъ блескомъ.

Скандинавскій полуостровъ простирается на 4½° сѣвернѣе полярнаго круга, но климатъ этой страны теплѣе, чѣмъ можно было бы предполагать по ея положенію. Хотя здѣсь нѣтъ тѣхъ постепенныхъ переходовъ отъ одного времени года къ другому, которые составляютъ преимущество средней Европы, и, вступая въ арктическій поясъ, мы, наконецъ, поражаемся болѣе рѣзкою разницею въ климатѣ, чѣмъ мы ожидали, — однако громадная гранитная возвышенность, которую мы называемъ Норвегіею, постоянно согрѣвается гольфштромомъ, теплыя воды котораго омываютъ ея побережье до самаго Нордкапа. Христіанія, лежащая на одной параллели съ южною оконечностью Гренландіи, пользуется среднею годовою температурою въ 5,38° Ц. Этому согрѣванію Норвегія обязана созрѣваніемъ пшеницы до 64° сѣв. шир., т. е. до широты Гудзонова пролива; овесъ созрѣваетъ до 69°, а ячмень и внутри полярнаго круга. Растительность этихъ широтъ представляетъ еще различныя особенности, которыя видимо являются послѣдствіемъ исключительныхъ климатическихъ условій, въ послѣднее время только раскрытыхъ учеными изслѣдованіями профессора Шюбелера въ Христіаніи и Тиссерана въ Парижѣ ¹⁾. Поразительно, напримѣръ, весьма раннее поспѣваніе мѣстныхъ зерновыхъ хлѣбовъ и краткость времени, потребнаго для полнаго ихъ развитія и созрѣванія. Пшеница, посѣянная въ концѣ мая, собирается въ концѣ августа. Мѣстное зерно требуетъ для созрѣванія 74 дня, тогда какъ привозные изъ южныхъ областей сорта для этого требуютъ 105 дней. Тиссеранъ указываетъ на то, что въ Эльзасѣ, при значительно высшей средней температурѣ, пшеница для созрѣванія требуетъ 131 день, въ окрестностяхъ Парижа 139 дней, въ Алжирѣ 142 дня. Въ Христіаніи, подъ 60° сѣв. шир., ячмень созрѣваетъ въ 90 дней, а яч-

¹⁾ Eugène Tisserant: «La végétation dans les hautes latitudes». Paris 1876.

«Въ обл. вѣчн. льда».

мень, перевезенный туда изъ округа Альтена, лежащаго сѣвернѣе десятию градусами, поспѣваетъ въ теченіи 56 дней. По отношенію къ остальнымъ зерновымъ хлѣбамъ замѣчено то же самое, и многочисленные опыты доказали, что перенесенные съ сѣвера сорта поспѣваютъ замѣчательно рано, и что они теряютъ это свойство только послѣ многихъ перерожденій, по совершенномъ акклиматизированіи ихъ въ южной полосѣ. Выигрышъ немногихъ дней для жатвы въ странѣ, гдѣ въ сентябрѣ уже наступаютъ холода, имѣетъ большое значеніе. Хлѣба дальняго сѣвера въ большомъ спросѣ не только въ Скандинавіи и въ Исландіи, но даже въ южной Гренландіи, куда они и вывозятся. Этого мало. Какъ кажется, всѣ перенесенныя изъ южной Европы въ Норвегію хлѣбныя растенія и тамъ разведенныя значительно увеличиваются и ростомъ, и вѣсомъ. Наоборотъ, сѣверные хлѣба на французской или нѣмецкой почвѣ теряютъ въ обоихъ отношеніяхъ. Тиссеранъ открылъ сравнительно большее количество угольныхъ гидратовъ въ составѣ сѣверныхъ растеній. Выдѣленіе углекислоты листьями растеній, повидимому, значительно ускорено въ сѣверныхъ широтахъ, и такъ какъ этотъ процессъ совершается подѣ влияніемъ свѣта, то необыкновенно быстрый процессъ произрастанія въ Норвегіи долженъ быть приписанъ продолжительному дѣйствію солнечныхъ лучей, въ теченіи длинныхъ лѣтнихъ дней. Дѣйствительно, полагаютъ, что количество теплоты, распространяемое напримѣръ въ Альтенѣ въ теченіи даннаго дня, когда солнце стоитъ 20 часовъ надъ горизонтомъ, больше количества, выдѣляемаго солнцемъ въ тотъ же день въ болѣе умѣренной полосѣ. Это наблюденіе подтверждается еще другими фактами, напримѣръ болѣе яркимъ цвѣтомъ растеній. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ темнѣе цвѣтъ злаковъ, зелень кустовъ и деревьевъ гораздо темнѣе, цвѣты ярче: цвѣты, которые у насъ бѣлы или свѣтложелты—въ Норвегіи ярко-красные или золотистые. Даже запахъ цвѣтовъ и растеній усиливается. Овощи—сельдерей, рѣдька, чеснокъ, петрушка, кербель, лукъ и т. п. чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ болѣе рѣзки на вкусъ, такъ что путешественникъ съ трудомъ къ этому привыкаетъ. Лаванда и перечная мята Трондгіема гораздо ароматичнѣе тѣхъ же растеній напримѣръ въ Англіи. Табакъ норвежскій отличается своею крѣпостью. Опять оказывается, что флора Норвегіи замѣчательно похожа на флору Альпъ, которую мы уже встрѣтили въ полярномъ поясѣ. И на Альпахъ окраска цвѣтовъ ярче и запахъ сильнѣе. Причина въ обоихъ мѣстахъ одна и та же—солнце. На Альпахъ оно сильнѣе дѣйствуетъ, потому что лучи его проходятъ черезъ слой воздуха меньшей плотности, а въ арктическихъ странахъ дѣйствіе его производителнѣе вслѣдствіе продолжительности дня.

Уже въ южной Скандинавіи, въ Стокгольмѣ и Христианіи, поражаешь путешественника свѣтъ и краткость лѣтнихъ ночей; онѣ необыкновенно очаровательны. Глубокія долины на сѣверѣ, размѣтается, вообще темны; по чѣмъ выше поднимаешься, чѣмъ болѣе открывается горизонтъ, тѣмъ свѣтлѣе становится. Въ полночь, когда въ гористыхъ мѣстахъ на западѣ видна еще вечерняя заря, а утренняя заря въ то же время уже начинается освѣщать востокъ, по всей мѣстности разстилаются какія-то таинственныя желтовато-сѣрыя сумерки, отнюдь не похожія на сѣверное сіяніе. Все погружено въ эти замѣчательно ровныя сумерки, освѣщенные блѣднымъ свѣтомъ; тѣней при этомъ вовсе нѣтъ. При этомъ сумрачномъ свѣтѣ безъ тѣней царствуетъ торжественная тишина. Всѣ очертанія домовъ совершенно точны и опредѣленны во всѣхъ частяхъ; не замѣтно ни малѣйшаго движенія. Собаки не лаютъ, птицы отдыхаютъ; всѣ животныя, какъ и люди, спятъ, только неутомимо-подвижная вода, журча, стекаетъ съ горъ. Шелестъ листьевъ, какъ таинственный говоръ, слышится въ торжественной тишинѣ. Но въ Тронтьемѣ нельзя еще себѣ составить яснаго понятія объ арктической ночи. На полярномъ кругѣ можно въ теченіи нѣсколькихъ недѣль видѣть, какъ за десять минутъ до полуночи солнце закатывается за горизонтъ, оставляя туманное освѣщеніе, какъ будто оно покрылось прозрачнымъ облакомъ. Десять минутъ послѣ полуночи оно опять подымается почти на томъ же мѣстѣ, размѣтается на сѣверѣ, во всемъ своемъ блескѣ. Во время мгновеннаго, можно сказать, исчезновенія солнца подъ горизонтомъ ощущается ночной холодъ, который немедленно опять прекращается съ возвращеніемъ первыхъ лучей солнца. Однимъ градусомъ сѣвернѣе уже совсѣмъ другая картина, если погода ясна и сѣверный горизонтъ безоблаченъ. Солнечный дискъ, менѣе красный чѣмъ у насъ, спускается къ горизонту, пока онъ зайдетъ на разстояніе трехъ своихъ діаметровъ отъ него; здѣсь онъ, какъ будто, останавливается на нѣсколько минутъ, затѣмъ опять поднимается съ мѣста и начинаетъ свое шествіе къ востоку. Свѣтъ и жара до того сильны въ эти ночи, что нужно прибѣгать къ зонтикамъ. Если воздухъ спокоенъ, то можно черезъ обыкновенное зажигательное стекло прожечь дыру въ шерстяномъ платѣ и закурить трубку, но все-таки можно смотрѣть на солнце безъ сильной боли для глазъ. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ выше надъ горизонтомъ останавливается солнце. Точно также съ приближеніемъ къ сѣверу увеличивается періодъ незахожденія солнца: такъ этотъ періодъ длится у Гаммерфеста, самаго сѣвернаго городка Европы, цѣлый мѣсяцъ, у Нордкапа съ 14-го мая по 30-е іюля, т. е. 76 дней. Само собою разумѣется, что сила свѣта къ вечеру уменьшается; приближаясь

къ полуночи она опять нѣсколько увеличивается. Все освѣщеніе нѣжнѣе, чѣмъ при дневномъ свѣтѣ; оно бросаетъ на воды и скалы необыкновенно мягкія тѣни, о которыхъ не видавшій этого явленія не можетъ себѣ составить яснаго понятія. Весьма интересно наблюдать измѣненія свѣта послѣ полуночи. Около 12^{1/2} часовъ освѣщеніе получаетъ тотъ бѣловатый отливъ, который мы замѣчаемъ у себя черезъ часъ послѣ восхода солнца. Птицы начинаютъ летать, рыбы играютъ въ водѣ, вся природа оживляется точно время не ночное, не время отдыха, въ которомъ не нуждаются только неорганическія тѣла. Въ Тромзѣ жители бесѣдуютъ передъ своими домами какъ бы днемъ; въ два часа только они ложатся спать на короткое время, повидимому не нуждаясь во снѣ. Едва ли нужно упоминать, что въ предѣлахъ арктическаго пояса и даже еще гораздо южнѣе, среди лѣта, до конца іюля на небѣ

Жители Телемарка.

не видать ни одной звѣзды, а мѣсяцъ только изрѣдка, и то весьма-весьма блѣдный. Разумѣется, все это относится только къ свѣтлымъ ночамъ, облачныя бываютъ не рѣже, какъ и у насъ. Случается, что путешественникъ возвращается, не видавши полунощнаго солнца. За длинными полярными днями, въ противоположное время, слѣдуютъ такіе же длинные ночи. Во время длинныхъ ночей и періода сумерекъ, продолжающагося нѣсколько мѣсяцевъ, царствуетъ безсмѣнная зима, мракъ и ужасъ, который смягчается только луною и сѣвернымъ сіяніемъ ¹⁾).

¹⁾ Albert Vandal: „En karriole à travers la Suède et la Norvège. Paris 1876.

Въ настоящее время почти всѣ города Норвегіи лежатъ у моря въ шхерахъ или же на берегу вдающихся фіордовъ. Города, лежащіе внутри страны, составляютъ исключенія. Внутри страны даже нѣтъ сель. Вся масса населенія, не принадлежащаго къ городскому сословію, живетъ отдѣльными хуторами или рыбацкими стойбищами. Слово „Gränd“ произведенное отъ Grinn—сосѣдь, выражаетъ рядъ отдѣльныхъ и далеко другъ отъ друга отстоящихъ дворовъ, но не деревню, не общество. И церкви построены отдѣльно, по возможности въ центрѣ живущихъ далеко въ окружности прихожанъ. Эти условія жизни сложились изъ давнопрошедшаго. Современное положеніе есть только развитіе древняго, отдаленнаго прошлаго, къ которому мы должны вернуться, чтобы продолжать нить нашей исторіи полярныхъ изслѣдованій.

Руны на островѣ Магъ.

НОРМАННЫ И ЖИТЕЛИ КРАЙНЯГО СЪВЕРА ЕВРОПЫ.

ВѢТВѢ великаго германскаго племени, въ незапамятныя времена, перешла черезъ море и послѣ долгой борьбы отвоевала у финновъ Скандинавскій полуостровъ, отодвинувъ ихъ на востокъ. На древніе мненія о путешествіяхъ бога Тора на востокъ можно указать какъ на историческія воспоминанія этихъ временъ. Побѣдою при Брэвалла они покорили себѣ населеніе юга Швеціи. Вмѣстѣ съ ними датчане распространились съ юга Швеціи по островамъ и полуостровамъ Балтійскаго моря. Если въ началѣ Среднихъ вѣковъ идетъ рѣчь о датчанахъ, то подъ этимъ нужно разумѣть норманновъ.

„Въ Норвегіи, говоритъ Деппингъ, рѣки текутъ по магнитному песку, происходящему отъ вывѣтрившихся остатковъ известковыхъ скалъ, и жители пьютъ, такъ сказать, желѣзо вмѣстѣ съ водою, что естественно имѣетъ вліяніе на энергію ихъ характера. Дѣйствительно, этотъ народъ былъ суровъ какъ ихъ горная страна, которую я описалъ въ предыдущей главѣ, онъ подвиженъ какъ волны, которыя омываютъ эту страну. Воинственный и жаждущій дѣяній, гордый своею свободою, полный тревожной страсти къ странствованію, проникнутый идеею неизбежности судьбы, норманнъ бросается въ свою настоящую стихію,—въ море приключе-

ній, и съ чрезвычайною самоувѣренностью идетъ на перекоръ судьбѣ и подставляетъ грудь свою подъ мечъ непріятеля. Смѣлый боецъ былъ проникнутъ геройскимъ духомъ Одина и воодушевлялся имъ. Берзеркерами назывались тѣ неистовые воины, которые безъ панцыря кидались на врага, какъ волки, вцѣплялись зубами въ собственные щиты и съ улыбкою на лицѣ встрѣчали смертельную рану. Мальчикъ, который не былъ обогрѣнъ кровью хотя бы дикаго животнаго, не допускался къ участію въ играхъ своихъ товарищей ¹⁾.

Древніе языческіе норманны жили, какъ теперешніе потомки ихъ, въ отдѣльных дворахъ, разбросанныхъ по странѣ. „Конгсгэрдъ“, т. е. королевскій дворъ, былъ ихъ столицею. И нынѣ нѣсколько домовъ, два, три вмѣстѣ, обитаемые различными семействами, образуютъ „Gård“, который составляетъ собственность одного крестьянина. Владѣтель или обитатель гэрда часто по немъ и называется, каковой обычай и теперь еще существуетъ въ шотландскихъ горахъ. Какъ теперь распредѣлены по странѣ постройки церквей, такъ нѣкогда жертвенники устраивались въ дворѣ „Герзе“, предводителя, около котораго собирались извѣстные кружки. Хотя это достоинство по обычаю сдѣлалось наслѣдственнымъ, но оно могло передаваться и постороннимъ вмѣстѣ съ дворомъ, или путемъ замужества или куплею. Жертвенники и просторъ конгсгэрда были причиною, что къ королевскому двору собиралось множество народа въ опредѣленное время. Зиму король спокойно проводилъ въ своемъ дворѣ. Въ остальное время года онъ или мирно разъѣзжалъ по странѣ въ различныя мѣста для созыва общественныхъ собраній, гостепріимно встрѣчаемый крупными землевладѣльцами, или же, обнародовавъ призывъ, отправлялся на войну. Судоходство рано развилось у норманновъ по глубокимъ фіордамъ Норвегіи съ ихъ опасными водоворотами между шкерами и рифами сѣвернаго побережья. Послѣ войны оно было любимымъ занятіемъ норманновъ и обыкновенно находилось съ нею въ тѣснѣйшей связи. Море должно было доставить тѣ средства къ пропитанію, въ которыхъ отказывала жителямъ тощая почва скаль. На судахъ, съ высокими бортами жаждущая дѣятельности молодежь, подъ предводительствомъ своихъ „морскихъ королей“, предпринимала походы. Называясь „викингами“, они отправлялись въ море за добычею, на борьбу съ непріязненными соперниками, съ яростью стихій, съ чудовищами морской глубины, съ мифическими „тролями“ (исполиное привидѣніе, скитающееся по ночамъ) и ундинами. Въ этихъ похо-

¹⁾ Н. Dondorf: „Die Normannen und ihre Bedeutung für das europäische Culturleben im Mittelalter“. Berlin. 1875 г. 8°, S. 4—5.

²⁾ Gard, по англійски garden, обозначаетъ ограда, помѣстье.

дахъ викинговъ окончательно создавался характеръ каждаго изъ этихъ дѣтей сѣвера. У нихъ были большіи глубокосидящія суда съ веслами и парусами, переднія и заднія части которыхъ (деки) были устроены въ видѣ крѣпостцы. Священныя птицы Одина, вѣроны, служили имъ вмѣсто компаса. Они ихъ выпускали, чтобы узнать направленіе, въ которомъ находится земля. Суда ихъ, называвшіяся „пѣнящимися конями волнъ“, были предметомъ особой ихъ заботливости и любви. Они замѣняли имъ родину, домъ, крѣпость. Только тотъ могъ называться морскимъ королемъ, кто никогда не проводилъ ночей въ курной избѣ, никогда не выпивалъ свое вино у домашняго очага. Обыкновенно младшія поколѣнія королевскихъ родовъ, какъ бы наслѣдственно, владѣли моремъ. Безъ всякаго владѣнія, кромѣ морской глубины, безъ всякаго жилища, кромѣ корабля, эти королевскіе разбойники владѣли надъ многочисленными подданными. Лѣтомъ викингъ является смѣлымъ морскимъ разбойникомъ, зимою разсудительнымъ, дѣловымъ купцомъ въ мирной гавани.

Двѣ причины преимущественно побуждали норманновъ съ половины IX столѣтія чаще предпринимать походы въ предѣловъ своей родины и даже прямо выселяться. Во первыхъ распространеніе и укрѣпленіе христіанства въ сѣверной части полуострова, съ тѣхъ поръ, какъ германскій апостолъ, святой Ангаръ изъ Корвея, сталъ проповѣдывать евангеліе въ Швеціи и со своими учениками развилъ тамъ широкую миссіонерскую дѣятельность. Во вторыхъ возникновеніе національнаго королевства, стремившагося связать маленькія отдѣльныя общества въ одно цѣлое государство. Этимъ двумъ стремленіямъ противустали приверженцы старины; но такъ какъ они не могли устоять, то предпочли потерю родины перемѣнѣ вѣры и ограниченію свободы. Гаральдъ Гарфагръ, именуемый „прекрасноволосымъ“, покорилъ въ Норвегіи непокорныхъ ярловъ. Многіе родоначальники пали съ мечемъ въ рукахъ; непреклонные удалялись за море и небольшія подвижныя общества постоянно отдѣлялись отъ кореннаго племени, чтобы искать счастья въ другомъ невѣдомомъ мірѣ ¹⁾.

Куда же они прежде всего направлялись? Извѣстно, что норманны въ теченіи немногихъ столѣтій являлись на всѣхъ прибрежьяхъ Европы, укрѣпились въ названной по нимъ Нормандіи и даже проникли въ Средиземное море, гдѣ они въ Сицилии и южной Италіи основали государства, которыя имѣли большое вліяніе на цивилизацію въ Средніе вѣка. Но и сѣверныя страны были ими рано посѣщаемы. Какъ на Балтійскомъ морѣ, такъ и на Бѣ-

¹⁾ Dondorff, стр. 5—7.

Земля принца Вильгельма въ Сѣверо-Восточной Гренландіи.

люмъ, норманны явились первыми извѣстными мореплавателями. Они плавали по полярному морю до самыхъ сѣверныхъ доступныхъ ихъ судамъ широтъ, занимаясь рыболовствомъ и морскою охотою. За долго до Оттара они плавали по Бѣлому морю (Gand-wik) къ устьямъ Двины (Wjena). Около 870 года состоялось первое плаваніе для открытій по европейскому полярному морю. Свѣдѣнія объ этомъ плаваніи сохранилъ король Альфредъ, включивъ отчетъ о немъ Оттара въ свое сочиненіе объ Орозіи. Оттаръ, норвежскій дворянинъ, жилъ въ Гельгенѣ у сѣверной границы норманскихъ поселеній. Такъ какъ берегъ Скандинавіи былъ извѣстенъ еще только на трехдневной переходъ къ сѣверу, то онъ рѣшился предпринять плаваніе, чтобы узнать, далеко ли простирается земля по этому направленію. Во время своего плаванія онъ держался такъ, чтобы въ лѣвой сторонѣ или передъ бакомъ имѣть море, а вправо или подъ шканцами имѣть берегъ Норвегіи. Онъ нашелъ, что тамъ живутъ только рыбаки, птицеловы и охотники финскаго кочевого племени. Послѣ трехдневнаго перехода за крайній предѣлъ области сѣверныхъ китолововъ, земля поворачивала на востокъ и въ этомъ направленіи тянулась въ теченіи слѣдующихъ четырехъ дней, а потомъ въ продолженіи пяти дней берегъ имѣлъ направленіе къ югу до устья большой рѣки, въ которое онъ вошелъ. По этому описанію оказывается, что Оттаръ обогнулъ Нордкапъ подъ $71^{\circ} 10'$ сѣв. широты и затѣмъ по Бѣлому морю дошелъ до Двины. На восточный берегъ этой рѣки онъ не осмѣлился выйти, потому что онъ былъ густо населенъ биармійцами, народомъ финскаго племени, со стороны которыхъ онъ опасался враждебныхъ дѣйствій ¹⁾. И это путешествіе Оттара, предпринятое съ благородною цѣлью изслѣдованія, осталось, какъ и всѣ морскія заслуги норманновъ, безъ вниманія. Крайній сѣверъ Скандинавіи у большинства занимавшихся землевѣдѣніемъ считался въ числѣ странъ неизвѣстныхъ, пока въ 1553 году англійскіе мореплаватели вновь открыли Нордкапъ и дали ему названіе. Также не подлежитъ сомнѣнію, что норманны давно уже были въ сношеніяхъ съ тѣми замѣчательными народами, которые обитали на крайнемъ сѣверѣ нашей части свѣта. Изъ нихъ лапцы или лапландцы кочевали въ ближайшемъ ихъ сосѣдствѣ на самомъ Скандинавскомъ полуостровѣ, въ сѣвернѣйшей, самой неприѣтливой части его. Въ нынѣшнихъ Нордландѣ, Лапландіи и Финмаркѣ, сѣверныхъ областяхъ Швеціи и Норвегіи, скалы и тундры, лѣдъ и снѣгъ занимаютъ тѣмъ большее пространство, чѣмъ дальше подвигаешься

¹⁾ И. Шпереръ. «Новая Земля» въ географическомъ, естественно-историческомъ и народно-хозяйственномъ отношеніяхъ. Гота, 1867 стр. 5.

къ сѣверу. То высокія голія горы, стѣсненныя обширными равнинами и снѣжными полями, то болота и озера съ неисчислимыми роями комаровъ и мошвары, то быстрые потоки, питаемые водою изъ снѣжныхъ полей и низвергающіеся въ безчисленныхъ водопадахъ по восточному склону въ Ботническій заливъ, то наконецъ огромные темные лѣса—вотъ малопривѣтливая наружность этого края. И все безлюднѣе, все пустыниѣе становится эта страна, чѣмъ дальше мы подвигаемся къ сѣверу, и распредѣленіе временъ года совсѣмъ другое. „Коротокъ лѣтній часъ — говоря словами одного прекраснаго описанія—въ теченіи котораго почвенная жизнь пускаетъ тамъ ростки, цвѣтеть и приносить плоды. Эта жизнь свѣта немногихъ недѣль не прерывается мракомъ ночи. Но лѣто скоро проходитъ: наступаютъ холодъ и тьма, длинная зима и длинныя ночи. Вся природа замираетъ и спитъ въ бѣломъ необозримомъ саванѣ“.

Въ этой странѣ живутъ лапландцы. Ихъ иногда уже можно встрѣтить на улицахъ Стокгольма и даже цѣлое семейство показывалось въ 1878 году въ Парижѣ въ „Jardin d'acclimatation“. Такъ какъ въ нашей книгѣ едва ли найдется болѣе удобное мѣсто для описанія ихъ быта, то я сдѣлаю это здѣсь, тѣмъ болѣе, что лапландцы, въ качествѣ единственнаго полярнаго народа Европы, заслуживаютъ особаго нашего вниманія.

Путешественнику, передвигающемуся изъ настоящей Скандинавіи, этой родины рослыхъ, бѣлокурыхъ, голубоглазыхъ, сѣверныхъ германцевъ, къ сѣверу,—лапландцы, въ область которыхъ онъ внезапно вступаетъ, кажутся уроженцами совсѣмъ другой части свѣта:

„In Lappland sind schmutzige Lente,
Plattköpfig, breitmaulig und klein,
Sie kauern ums Feuer und backen
Sich Fische und quäken und schrein“¹⁾.

Эти извѣстные стихи Гейне въ немногихъ чертахъ—за исключеніемъ не мѣткого выраженія „плоскоголовыхъ“—представляютъ довольно точное изображеніе лапландца. Племя это не можетъ быть названо красивымъ, и эпитетъ этотъ даже не можетъ быть оставленъ за его прекраснымъ поломъ. Если лапландцы часто считаются похожими на эскимосовъ, этотъ другой полярный народъ, живущій въ Гренландіи и арктической Америкѣ, и типы обоихъ обыкновенно принимаются за почти совершенно однородные, то это основано на ошибкѣ, ибо оба и антропологически, и этнографически очень различны.

¹⁾ Т. е.: „Въ Лапландіи люди грязны, плоскоголовы, широкороты и малорослы. Они сидятъ на корточкахъ около огня и пекутъ себѣ рыбу, и вяжутъ, и кричатъ“.

Особенное значеніе имѣетъ для естествоиспытателя строеніе важнѣйшей части тѣла—головы или, иначе сказать, форма черепа и фizioноміи или окладъ лица. Что касается черепа, то отношеніе его длины къ ширинѣ имѣетъ большое значеніе, такъ какъ здѣсь между отдѣльными племенами значительная разница, а съ нею тѣсно связаны многія другія различія. Если принять длину черепа (отъ лба до болѣе выступающаго мѣста затылка) = 100, то мѣра относительной ширины считается указателемъ величины черепа (index). Черепъ съ указателемъ ниже 74 считается длинноголовымъ (долихоцефалы), а съ указателемъ выше 79 короткоголовымъ (брахикефалы). Лапландцы, по единогласному опредѣленію всѣхъ естествоиспытателей, народъ чрезвычайно короткоголовый. Измѣренія, сдѣланныя Вирховымъ на живыхъ лапландцахъ, привели къ среднему выводу указателя въ 85,2. Въ противоположность этому, у эскимоса строеніе черепа самое длинное между всѣми извѣстными племенами. Что касается лица лапландцевъ, то ширина и нижняя часть лица особенно характеристичны, и прежде всего бросается въ глаза необыкновенная ширина скуль. Челюсти вообще коротки, не очень толсты, зубы хороши, носъ малъ съ широкимъ хрящомъ. Если къ этому еще прибавить, что выраженіе лица добродушное и не лишено смысленности, то вотъ уже и будетъ готовъ общій абрисъ лапландца.

Если перейдемъ затѣмъ къ частностямъ, то насъ прежде всего поразитъ малорослость лапландцевъ. Шведскій профессор Дюбенъ, въ Стокгольмѣ, дѣлалъ многочисленныя измѣренія и опредѣляетъ средній ростъ ихъ въ 1,5 метр. или 150 сантиметр., слѣдовательно ниже средняго роста всѣхъ другихъ народовъ Европы.

На сколько лапландцы отстаютъ въ своемъ ростѣ, на столько же, по описаніямъ различныхъ путешественниковъ, жалокъ наружный видъ ихъ, обусловливаемый ихъ питаніемъ. Они большею частью худы, плохо питаются, даже и молодежь ихъ выглядитъ сморщенными стариками до такой степени, что нѣкоторые изслѣдователи, какъ напримѣръ Вирховъ, признаютъ лапландцевъ въ нѣкоторомъ смыслѣ за болѣзненную расу.

Что касается цвѣта ихъ волосъ, глазъ и кожи, то ихъ можно вообще признать за брюнетовъ. Волосы—но не безъ исключеній. потому что бываютъ даже блондины,—темнокаштановые, почти черные, гладкіе и грубые. О цвѣтѣ кожи труднѣе судить. Не безъ основанія Гейне говоритъ: „въ Лапландіи люди грязны“; они не любятъ умываться, и если, по Либиху, культуру народа опредѣлить по количеству потребляемаго мыла, то лапландцы стоятъ на очень низкой степени. Холстъ также очень мало у нихъ въ употребленіи. Взамѣнъ мыла они охотно мажутся саломъ, и такъ какъ къ салу прилипаетъ всякая грязь и нечистота, то кожа покрывается по-

стоянно какимъ-то слоемъ, отъ чего она кажется темнѣе, чѣмъ она въ дѣйствительности. Можетъ быть непрерывное раздраженіе, въ которомъ находится этотъ надкожный слой, способствуетъ образованію пигмента. Поэтому, кто желаетъ узнать настоящій цвѣтъ кожи, тотъ долженъ сперва ее очистить съ помощью мыла и щетки. Во всякомъ случаѣ она и при этомъ оказывается темною, желтовато-коричневою. Едва ли возможно лапландцевъ причислить къ общему типу монгольскому, но съ другой стороны нельзя оспаривать, что они носятъ явный отпечатокъ сѣверныхъ народовъ Азіи ¹⁾.

Общее число лапландцевъ простирается едва ли за 20 тысячъ, но они занимаютъ больше пространства, чѣмъ Франція и Бельгія вмѣстѣ. Съ 63° сѣв. шир. къ сѣверу жилища ихъ разбросаны по областямъ норвежскимъ, шведскимъ и русскимъ, поэтому слѣдуетъ различать норвежскихъ, шведскихъ и русскихъ лапландцевъ. До того же градуса простирается линія, до которой на сѣверѣ водится олень, и можно ее назвать линіею лапландцевъ, такъ какъ лапландецъ безъ оленя немыслимъ. Вполнѣ справедливо говорить Брэмъ: „Изъ всѣхъ оленей самый главный видъ—сѣверный олень. Цѣлые народы имъ существуютъ и безъ этого домашняго животнаго—хотя выборъ довольно странный—перестали бы существовать. Для лапландца и финна сѣверный олень имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ у насъ рогатый скотъ или лошади, чѣмъ у араба верблюдъ или стада козъ, ибо онъ замѣняетъ у нихъ всѣхъ остальныхъ домашнихъ животныхъ. Ручной олень даетъ и мясо, и кожу, и кости, и жилы для одежды и пищи своего господина; онъ даетъ молоко, служить для вьюковъ и на легкихъ саняхъ перевозить всю семью со всѣми снадобьями и утварью съ мѣста на мѣсто; словомъ—только при помощи оленя возможно кочеваніе сѣверныхъ народовъ“.

Что, наконецъ, касается обычаевъ и образа жизни лапландцевъ или вообще уровня ихъ культуры, то достаточно обратить вниманіе на одно обстоятельство, вполнѣ обрисовывающее ихъ съ этой стороны. Въ то время, какъ во всей Европѣ милліоны колесъ приводятся въ движеніе для производства нитокъ, необходимыхъ для шитья, лапландцы до послѣдняго времени и нынѣ еще употребляютъ для этой цѣли распущенныя жилы оленей, подобно нашимъ праотцамъ, въ доисторическія времена охотившимся на оленя въ Мунцингенѣ, въ Шуссенридѣ и проживавшимъ тогда еще въ швабскихъ пещерахъ. Лапландцы настоящій кочевой народъ со всею исключительною обстановкою, которая сопровождала, тысячи лѣтъ тому назадъ, ихъ праотцевъ на Уралѣ и Алтаѣ. Эти обычаи сохранились до сихъ поръ еще въ неизмѣненномъ видѣ, въ осо-

¹⁾ Д-ръ Александ. Эккеръ. «Лапландія и Лапландцы». Фридбургъ, 1873, 4°

бенности у фіельлапповъ, т. е. у «лапландцевъ скаль», кочующихъ по горамъ и составляющихъ ядро этого народа. Это первобытный кочевой народъ, настоящіе «оленьи лапландцы». Первоначально всѣ лапландцы кочевали, но съ теченіемъ времени крайность и нужда заставили многихъ избрать другой родъ жизни. Кромѣ горныхъ лапландцевъ есть береговые, рыболовы. Они питаются рыболовствомъ, какъ въ соленыхъ, такъ и въ прѣсныхъ водахъ, и въ первомъ случаѣ называются „сьефинны“, а во второмъ „эльвефинны“. Живущіе у сѣвернаго побережья Россіи и принявшіе православную вѣру называются „скольтефиннами“. Различныя вещицы и украшенія, которыя были выставлены въ 1878 г., въ Парижѣ, въ „Jardin d'acclimatation“ доказываютъ, что лапландцы даже обладаютъ нѣкоторою ловкостью въ издѣліяхъ. Вещицы эти—гравированныя, рѣзные, дутия—просты, но оригинальны и со вкусомъ. Большинство пряжекъ состоитъ изъ двухъ растянутыхъ четырехугольниковъ, связанныхъ между собою по двумъ угламъ небольшими колечками и сверху украшенныхъ изящною головкою à jour, изображающею листья и цвѣты. На поверхности полосокъ, составляющихъ четырехугольники, прикрѣплены правильно распредѣленные гладкіе шарики дутой работы. Къ нѣкоторымъ пряжкамъ привѣшаны на тоненькихъ цѣпочкахъ брелоки такого же стиля, какъ сама пряжка, состоящіе изъ растянутыхъ четырехугольниковъ, только значительно меньшаго размѣра. Другой родъ украшеній, брошки, состоятъ изъ одного большого простого кольца съ привѣшанными къ нимъ тремя круглыми пластинками, на лицевой сторонѣ которыхъ гравированы лучи солнца. Эти украшения поразительно напоминаютъ тѣ, которыя выкапываются въ сѣверной Азіи изъ могилъ (кургановъ). Горшечное искусство также не чуждо лапландцамъ: посуда ихъ, однако, не только сдѣлана изъ грубаго матеріала, но и по формѣ далеко не такъ красива и изящна, какъ предметы украшенія. Зато въ рѣзной работѣ по дереву они очень искусны: деревянная ложка, бывшая на выставкѣ, обнаруживала замѣчательный вкусъ въ этомъ отношеніи. Изъ коры березъ, встрѣчаемыхъ въ весьма большомъ количествѣ въ лѣсахъ внутренней Лапландіи, они заготовляютъ массу красивыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полезныхъ предметовъ. Множество мѣшковъ изъ этой коры и въ числѣ ихъ именно ягдташъ, принадлежали къ лучшимъ украшениямъ выставки. Березовая кора очень гибка, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно прочна.

Національный костюмъ лапландцевъ первоначально состоялъ изъ шкуръ и мѣховъ, а именно оленьихъ, отдѣланныхъ самымъ первобытнымъ способомъ. На выставкѣ красовался древній ножъ выдѣланный изъ кости; въ послѣдствіи ему сдѣлано было подражаніе изъ металла. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія во многихъ мѣ-

стахъ Лапландіи шерсть снималась со шкуръ при помощи каменныхъ ножницъ и скобелокъ. Лапландцы между тѣмъ давно уже были въ сношеніяхъ съ значительно болѣе цивилизованными родственными имъ племенами Финляндіи и Скандинавіи, которые отгѣснили ихъ на сѣверъ Швеціи и Норвегіи. Черезъ нихъ они познакомились съ шерстяною матеріею, изъ которой дѣлаютъ себѣ лѣтнія и праздничныя платья. Покрой ихъ, повидимому, не измѣнился; одежда изъ сукна и шерстяной матеріи дѣлается совершенно по старому образцу мѣхового платья. Все тѣ же штаны и длинныя балахоны съ кожанымъ кушакомъ по поясу. Одежда женщинъ почти такая же, какъ у мужчинъ, развѣ только балахоны нѣсколько длиннѣе. Праздничная одежда женщинъ, въ особенности молодыхъ дѣвушекъ, дѣлается изъ ярко-голубаго, краснаго и желтаго сукна. Къ тому же и поясъ не просто кожаный, а состоитъ изъ широкой искусно-выдѣланной пестрой тесьмы, украшенной красивыми мѣдными бездѣлушками оригинальной отдѣлки. Ежедневное платье и до сихъ поръ состоитъ изъ оленьихъ шкуръ шерстью наружу. Хотя желтовато-сѣрый цвѣтъ оленьяго мѣха не красивъ, но эта одежда до того тепла и прочна, что очень понятно, почему лапландецъ ее носить съ особымъ предпочтеніемъ. Головной уборъ мужчинъ состоитъ изъ высокой черной или темно-синей суконной шапки, расширяющейся къ верху въ четыре острые угла и этимъ напоминающей польскую національную шапку. Полоса краснаго сукна, обязанная по лбу вокругъ головы, составляетъ головное украшеніе, которое зимою еще обшивается мѣхомъ. Головной уборъ молодыхъ женщинъ весьма странный: ярко-красная или зеленая суконная шапка, плотно прилегающая къ головѣ и къ окружности лица, украшенная разноцвѣтными лентами и оканчивающаяся на задней части головы шишкою. Старыя женщины и матери семействъ покрываютъ голову невысокою шапкою. Зимою, лапландцы, сверхъ своей обыкновенной одежды, надѣваютъ еще большой воротникъ изъ медвѣжьяго мѣха, который закрываетъ имъ шею до ушей, плечи, спину и грудь, отнюдь не стѣсняя ихъ движеній руками. Обыкновенно они носятъ сапоги съ носками, слегка завороченными къ верху, вправляя штаны въ голенища. Зимою они бѣгаютъ съ необыкновенною скоростью на лыжахъ по снѣжнымъ равнинамъ. Лыжи состоятъ изъ узкихъ деревянныхъ полосъ въ одинъ метръ длины, по срединѣ которыхъ прикрѣплено мѣдное кольцо, въ которое лапландецъ просовываетъ ногу.

И въ Лапландіи оружіе старыхъ временъ давно уже вышло изъ употребленія и уступило мѣсто ружьямъ. Дѣйствительно ружья, заряжающіяся съ казенной части, еще туда не проникли, и лапландцы пока еще довольствуются ружьями, которые составляли

гордость нашихъ пращѣдовъ. Впрочемъ, они такъ искусно владѣютъ ими, что и куница, и лисица, и горностаи, и бѣлка негостепріимныхъ лѣсовъ Лапландіи дѣлаются жертвами изобрѣтенія Бертольда Шварца. Съ трехъ лѣтъ отъ роду всякій лапландецъ носить съ собою на поясѣ большой ножъ, сколько для защиты въ случаѣ надобности противъ звѣрей, столько и для домашняго обихода. Сверхъ того лапландцы еще съ необыкновенною ловкостью закидываютъ арканы, подобно индѣйцамъ американскихъ степей. Съ помощью аркановъ они выхватываютъ изъ своихъ стадъ неручныхъ оленей для запряжки ихъ въ сани или для употребленія въ пищу. Хотя сѣверный олень давно уже считается домашнимъ животнымъ лапландца, но онъ не совсѣмъ ручной. Онъ далеко еще не можетъ быть сравненъ въ этомъ отношеніи съ лошадыю и со слономъ; онъ очень упрямъ и часто въ спорѣ со своимъ владѣльцемъ употребляетъ въ дѣло рога. Правда, и упряжь въ Лапландіи въ самомъ первобытномъ состояніи, тамъ понятія не имѣютъ объ уздѣ и поводьяхъ. Самый простой недоуздокъ примѣняется для управленія движеніями оленя, въ случаѣ своевольныхъ прыжковъ на сторону онъ получаетъ удары палкою. Крѣпкая подпруга, къ которой подъ брюхомъ животнаго привязана веревка, въ свою очередь прикрѣпленная къ санямъ, составляютъ всю сбрую. Сани такъ узки, что только одинъ человѣкъ, вытянувъ ноги, можетъ въ нихъ сидѣть. Они строятся съ изгибомъ, спереди уже, немного подняты къ верху; сзади шире и болѣе плоски. Простая доска служить спинкою, а мѣховыя одѣяла привязываютъ ременными веревками накрестъ отъ ногъ до пояса бѣдока. Богатство лапландца опредѣляется числомъ принадлежащихъ ему оленей. Холостяку достаточно пятидесяти головъ; если у него нѣтъ этого количества, то онъ долженъ наняться къ сосѣду. Семейство, состоящее изъ отца, матери и ребенка, требуетъ для своего содержанія ста оленей. Но рѣдко стада одного владѣльца превышаютъ тысячу головъ, ибо если богатый лапландецъ имѣетъ болѣе этого количества, то онъ этотъ избытокъ превращаетъ въ деньги. Олень доставляетъ лапландцу не только одежду, но и ежедневную пищу. Его жирное молоко и выдѣлываемый изъ него сыръ составляютъ питательную пищу, а мясо какъ въ свѣжемъ видѣ, такъ и копченое очень вкусно. Изъ крови оленя готовится любимое національное кушанье лапландцевъ, «мали супта», напоминающее черную похлебку спартанцевъ. Сперва кипятятъ воду въ большомъ котлѣ съ большими кусками жиру, потомъ туда вливается свѣжая кровь, ко всему этому прибавляются комки спекшейся крови, немного соли и муки. Муку лапландцы покупаютъ у своихъ сканди-

навскихъ сосѣдей, равно какъ и водку, которую они пьютъ съ величайшею жадностью.

Лапландецъ никогда не разстается со своими оленями; онъ въ нихъ нуждается во всякомъ положеніи своей жизни. При перекочеваніи они ему необходимы для вьюковъ или для запряжки. Группы лапландцевъ, называемыя „пулькъ“, постоянно кочуютъ, отыскивая хорошія пастбища. Что же касается направленія кочевки лапландцевъ съ ихъ стадами оленей, или, вѣрнѣе сказать, кочевки оленей со своими лапландцами—ибо собственно олени опредѣляютъ направленіе,—то съ наступленіемъ лѣта они передвигаются обыкновенно по теченію рѣкъ или въ горы, или къ морю, преслѣдуемые мошкарю. Съ приближеніемъ зимы они опять спускаются съ горъ въ долины, или же отъ берега моря возвращаются во внутрь страны. Въ теченіе іюля и августа, краткаго лѣта сѣвера, олени, смотря по широтѣ, скитаются или въ горахъ, или у морского побережья; съ сентября начинается обратное шествіе. Форма жилищъ лапландцевъ вполне приспособлена къ постоянному ихъ кочеванію. Нѣсколько такихъ шалашей, выставленныхъ въ „Jardin d'acclimation“, дали возможность видѣть, съ какою быстротою они могутъ быть поставлены и опять сняты. Березовые длинные шесты, на одномъ концѣ связанные въ пучекъ, другимъ концомъ устанавливаются въ землю, такъ что строеніе получаетъ коническую форму, распираемую изнутри дугообразными дровками. Этотъ остовъ покрывается толстою клеенкою или войлокомъ, оригинально пестро разрисованнымъ, выдѣлки прибрежныхъ лапландцевъ, такимъ образомъ, что на верху остается отверстіе, черезъ которое проходитъ дымъ. Прибрежные лапландцы, ловкіе рыболовы, вообще гораздо болѣе цивилизованы; они живутъ поселеніями, ткуютъ и разводятъ овецъ. Собираясь перекочевать, лапландецъ прежде всего снимаетъ крышу своего шалаша, и, связавъ ее тщательно, взваливаетъ на оленя. Березовые шесты пучками привязываются по бокамъ къ подпругѣ, замѣняющей сѣдло. Все домашнее обзаведеніе очень скоро укладывается, такъ какъ оно исключительно состоитъ изъ посуды для варки пищи и мѣховой одежды. Зимнія жилища лапландцевъ почти такъ же устраиваются, только обкладываются снаружи дерномъ, такъ что похожи на бугры или гигантскія кучи земли, вырываемой кротами. Нѣсколько положенныхъ другъ на друга камней составляютъ очагъ. Слабость зрѣнія лапландцевъ слѣдуетъ приписать сколько ослѣпительному блеску снѣговъ, столько же и густой дымной атмосферѣ, постоянно ихъ окружающей въ шалашахъ.

Проживая въ трехъ различныхъ государствахъ, въ Россіи, Швеціи и Норвегіи, лапландцы въ строгомъ смыслѣ не имѣютъ никакой

національности, и ихъ политическая жизнь равняется нулю. Они даже не образуютъ обществъ, а кочуютъ небольшими группами называемыми „пултъ“, состоящими изъ одного семейства съ находящимися у нихъ въ услуженіи бѣднѣйшими лапландцами. Въ Россіи они считаются православнаго вѣроисповѣданія, въ Швеціи и Норвегіи протестантскаго, но во многомъ придерживаются еще своихъ языческихъ повѣрій, даже есть слѣды фетишизма. Небо, по ихъ понятіямъ, сѣдалище бога Юбинала. Каждая гора, каждое озеро представляютъ мѣстопробываніе какого-либо бога или духа, и понятіе о богѣ или о духѣ, наконецъ, совершенно сливается съ понятіемъ о камнѣ или о ручейкѣ ¹⁾).

По мифологіи и языку лапландцы оказываются близко родственными финнамъ. Языкъ ихъ есть нарѣчіе финское, принадлежащее къ большой группѣ урало-алтайскихъ языковъ, на которыхъ говорятъ преимущественно кочевые народы Азіи. Эта группа, къ которой принадлежитъ и мадьярскій языкъ, рѣзко отличается отъ индо-германской. Ближайшее родство лапландцевъ и финновъ подтверждается и народною поэзіею первыхъ, тщательно изслѣдованной ученымъ докторомъ О. Доннеромъ въ Гельсингфорсѣ ²⁾. Онъ держится твердаго убѣжденія, подкрѣпляемаго имъ доказательствами, что поэтическая дѣятельность финскихъ народовъ началась еще до того времени, какъ они разошлись въ разныя стороны. Въ особенности же формы лапландской поэзіи оказываются древнѣйшими. На почвѣ ритма, состоящаго изъ трохеевъ, языкъ этотъ возвысился повтореніемъ одинаковыхъ звуковъ (аллитераціею) и единогласіемъ (параллелизмомъ) и развился въ свободныхъ стопахъ (размѣрахъ), что еще не установилось въ финской поэзіи. Еслибы лапландцы занялись поэзіею лишь познакомившись съ финскими пѣснями, то они вѣроятно подражали бы финскимъ размѣрамъ съ большею строгостью, чѣмъ они сдѣлали. Вообще употребляемая ими форма ближе подходитъ къ прозѣ въ римахъ: она не строго правильна, и поэтому болѣе похожа на метрическую форму пѣсенъ зырянъ и мордвы. Этимъ часто нарушается плавность пѣсни, и въ ней нѣтъ разнообразнаго благозвучія финской поэзіи. Лапландскіе стихи скорѣе похожи на быстрые потоки по неровной поверхности пустыни. Частое употребленіе дактиля придаетъ, впрочемъ, и лапландскимъ стихамъ нѣкоторую легкость.

Лапландцы называютъ короткія свои пѣсни «vuolet» и поютъ ихъ по очень монотонной мелодіи, мало привлекательной. Всѣ эти

¹⁾ «Beilage zur Wiener Abendpost» № 33—10. Februar 1879.

²⁾ «Lieder der Lappen» gesammelt von O. Donner. Helsingfors 1876.

«Въ обл. вѣщ. лѣта».

обстоятельства, вмѣстѣ взятыхъ, могутъ быть причиною, что поэзія лапландцевъ весьма мало цѣнится. По мнѣнію Доннера, однако, она не такъ ничтожна, какъ многіе думаютъ, и въ числѣ этихъ многихъ Дюбенъ, который находитъ, что всѣ пѣсни лапландцевъ просто ишлы. Это строгое сужденіе, говоритъ Доннеръ, происходитъ вѣроятно отъ того, что онъ зналъ только немногія пѣсни. Какъ вообще народныя пѣсни, такъ и лапландскія импровизаціи, суть выраженія моментальнаго чувства, то печали, то веселья, то злобы, то неудовольствія. Иногда онѣ содержатъ описанія природы, рассказы о приключеніяхъ, о происшествіяхъ на охотѣ, о спорахъ и т. д., или же изображаютъ въ простыхъ строфахъ жизнь животныхъ.

Разумѣется, не удивительно, что эти стихотворенія жалкаго полярнаго народа не дышутъ возвышенными чувствами: вѣдь всѣ ихъ умственныя способности, какъ и тѣлесныя силы, единственно направлены къ тому, чтобы влечить трудовую жизнь, соединенную съ лишеніями и опасностями. Если такая жизнь лишеній не дозволяетъ лапландцамъ, кочующимъ по снѣжнымъ пустынямъ холоднаго сѣвера, предаваться счастливымъ мечтамъ поэзіи, то и естественно, что всѣ ихъ стихотворенія выражаютъ только борьбу за существованіе. Поэтому всѣ сообщенныя Доннеромъ пѣсни лапландцевъ, равно какъ и вѣроятно, всѣ неизвѣстныя еще, суть отраженіе мало-развитой умственной жизни.

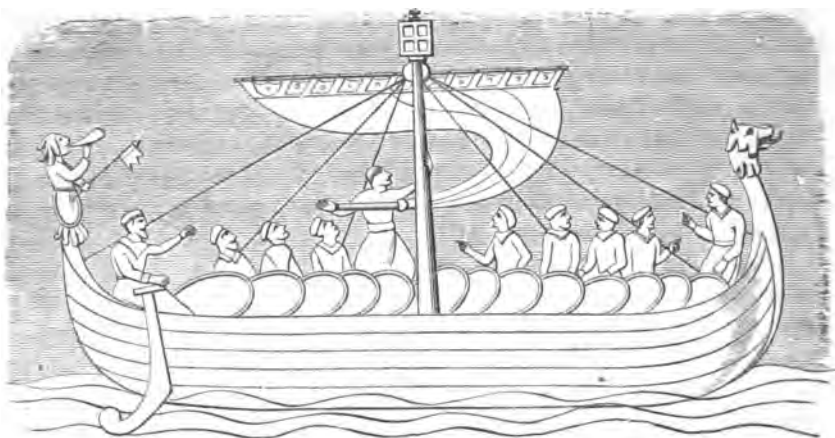
Тѣмъ не менѣе, собраніе Доннера много способствуетъ къ ознакомленію съ творческою фантазіею лапландцевъ. Оно, безъ сомнѣнія, въ высшей степени интересно въ томъ отношеніи, что даетъ намъ понятіе, какъ складываются ощущенія и представленія чловека при столь скудныхъ и затруднительныхъ условіяхъ жизни. Между прочимъ, лапландцы очень любятъ рассказы о животныхъ. Но въ особенности часто встрѣчаются у финскихъ народовъ магическія изреченія, посредствомъ которыхъ „мудрецы“ совершали великія дѣла, такъ что пріобрѣтали громкую славу „колдуновъ“, какъ у скандинавскихъ, такъ и у русскихъ лапландцевъ. Въ Лаппмаркѣ вѣрили, что повтореніемъ извѣстныхъ магическихъ изреченій вылечиваются болѣзни и изгоняются привидѣнія.

Рядомъ съ болѣе общими у всѣхъ народовъ представленіями, встрѣчаются многія понятія, которыя исключительно присущи кочевому народу — лаппамъ. Эти понятія возникли изъ ежедневно ихъ окружающихъ предметовъ, изъ природы, въ которой лаппы вращаются, изъ міра животныхъ, привлекающихъ ихъ вниманіе. Легко угадать, что изъ числа послѣднихъ медвѣдь и олень преимущественно занимали воображеніе лапповъ. Охота на медвѣдя, его распластаніе и варка его мяса всегда считались такими торжественными дѣйствіями, что при этомъ дозволялось вести разго-

воръ только въ картинахъ и притчахъ, и самые предметы никогда не назывались своимъ обыкновеннымъ именемъ. Находящаяся въ собраніи Доннера пѣсня о медвѣдѣ (*Biren vuole*) содержитъ подробное описаніе охоты на медвѣдя, и здѣсь въ точности указано, что охотники обыкновенно пѣли при главнѣйшихъ моментахъ охоты. Пѣсня объ оленѣ, *Kulnasaty*, прелестна: лапландскій молодець просить оленя прибавить шагъ, лишь бы скорѣе привезти его къ возлюбленной.

Какъ ни своеобразна народная поэзія лапландцевъ, но едва ли можно сомнѣваться, что между народами финскаго племени существовали общія мѣстныя представленія раньше, чѣмъ они раздѣлились на вѣтви. Разумѣется, всякій отдѣльный народъ въ послѣдствіи по своему развилъ принесенныя изъ старины преданія. Все это описаніе европейскихъ лапландцевъ доказываетъ полнѣйшее различіе ихъ отъ эскимосовъ. Послѣдніе исключительно рыболовы, морскіе охотники; море—ихъ стихія, морскія животныя: рыбы, цетацеи (млекопитающія рыбообразныя), тюлени и моржи составляютъ единственныя ихъ средства пропитанія. Гдѣ эскимось не подвергся цивилизирующему вліянію, именно въ Гренландіи вліянію датчанъ, на Лабрадорѣ канадійцевъ, у Берингова пролива русскихъ, тамъ онъ еще очень не далекъ отъ каменнаго вѣка. Напротивъ, лапландцы съ незапамятныхъ временъ, т. е. раньше чѣмъ настало для сѣвера Европы историческое время, знали употребленіе мѣди и бронзы и искусство обработки этихъ металловъ. Но, повидимому, они это знаніе заимствовали у скандинавовъ, отъ которыхъ многія названія металловъ перенесены въ лапландскій языкъ. Они давно уже вышли изъ того первобытнаго состоянія дикости, которое обозначается тѣмъ, что охота и рыболовство составляютъ единственныя средства существованія. Они вмѣстѣ съ тѣмъ пастухи; бесплодная почва не позволяетъ имъ завести различныхъ породы животныхъ, но ихъ стада оленей составляютъ вѣрный и достаточный источникъ для удовлетворенія потребностей жизни. Хотя лапландцы, въ качествѣ пастуховъ, и кочевой народъ, однако сѣверный климатъ приучилъ ихъ къ нѣкоторой осѣлости, такъ какъ зимою они вынуждены болѣе продолжительное время оставаться въ одномъ мѣстѣ, а съ этимъ неизбѣжно связано заготовленіе запасовъ. По всему этому лапландецъ, безспорно, стоитъ на лѣстницѣ цивилизаціи одною ступенью выше, чѣмъ эскимось.

Корабль норманновъ: по рисунку на древнихъ обояхъ въ Байе.

НОРМАННЫ ВЪ ИСЛАНДІИ.

В АДОЛГО до того времени, когда норманны могли пускаться въ дальнія плаванія на югъ Европы, географическія условія Сѣверно-атлантическаго океана указали имъ ближайшія цѣли. При незначительной ширинѣ этого Океана, въ промежуткѣ между Европою и Америкою на 60° сѣв. шир., множество лежащихъ тамъ острововъ и островныхъ группъ, каковы Оркадскіе, Шетландскіе, Фарэрскіе и Исландія, привлекало и манило ихъ къ себѣ, и дѣйствительно, всѣ эти острова, исключая Исландіи, видѣли норманновъ еще въ началѣ VIII столѣтія ¹⁾. Норвежскій пиратъ Гримъ Камбанъ въ 725 г. утвердился на Фарэрскихъ островахъ, откуда онъ прогналъ ирландскихъ монаховъ. Фарэрскіе же острова служили для этихъ предприимчивыхъ мореплавателей исходнымъ пунктомъ ихъ отважныхъ экспедицій въ сѣверозападную часть Атлантическаго океана. Не всегда, правда, пускались они въ эту часть преднамѣренно: часто уносилъ ихъ туда жестокій и неодолимый ураганъ, столь свойственный этому морю, и только

¹⁾ Adami, «Historia ecclesiastica». Lugduni Batavorum 1595 cap. 242, p. 149. Barry, «History of the Orkney Islands» 2 edit. with corrections and additions by the Rev. James Headrik. London, 1808, II Buch, cap. 3, S. 113—114.

одному изъ такихъ урагановъ нужно приписать открытіе норманами Исландіи. Произошло это лѣтъ 70 послѣ того, какъ пришли туда ирландскіе отшельники, такъ что послѣднимъ, безспорно, принадлежитъ честь перваго открытія этого острова, на который до- толѣ не ступала нога человѣка. Норвежскій викингъ Наддодръ (Надодръ) былъ первымъ норманномъ, невольно познакомившимся съ Исландіею. Въ 861 году онъ отплылъ изъ Норвегіи къ Фарэрскимъ островамъ, но на разстояніи 900 километр. отъ родного берега засталъ его ураганъ и, перенеся по Океану, открылъ передъ его глазами окутанную снѣгомъ землю. Онъ высадился, взобрался на гору и увидѣлъ оттуда много другихъ вершинъ; нѣкоторыя изъ нихъ дымились. Не видно было ни малѣйшихъ слѣдовъ обитанія человѣка. Викингъ покинулъ землю, назвавъ ее, вслѣдствіе большаго снѣга, выпавшаго во время его пребыванія тамъ, „снѣжною землею“. Онъ не разузналъ, былъ ли онъ на островѣ или на материкѣ. Воротившись на родину, викингъ, однако, хвалилъ богатства страны, ея климатъ и роскошную зелень растительности. Черезъ два года подобная же судьба постигла шведа Гардара Сварсона. Въ заливѣ Петландъ захватила его буря, заставила уклониться отъ своего пути къ Гебридамъ и принесла его къ берегамъ Исландіи. Онъ обошелъ кругомъ ихъ и узналъ такимъ образомъ, что это островъ. Гардаръ также хвалилъ большіе лѣса, раскинутые между моремъ и горами и назвалъ новооткрытую землю, въ честь самого себя, „Гардарсгольмомъ“. Онъ построилъ нѣсколько хижинъ и перезимовалъ въ заливѣ Хузавика (въ заливѣ Домовъ). Вслѣдствіе постигшаго его на морѣ несчастія, онъ удалился отсюда съ наступленіемъ весны, оставивъ одного изъ своихъ спутниковъ, Гатфара, съ рабомъ и рабынею. Третьимъ приплылъ къ Исландіи знаменитый пиратъ Флоки Фильгерварсонъ. Онъ засталъ одинъ изъ ея заливовъ наполненнымъ наноснымъ льдомъ и далъ ей по- этому названіе „Eisland“ (ледяная земля), которое по сю пору сохранилось, измѣнившись въ Исландъ. Флоки былъ первый, пустившійся въ путь съ опредѣленнымъ намѣреніемъ розыскать Гардарсгольмъ и тамъ устроить поселеніе. Съ нимъ были Герольфъ, Торольфъ и шведъ Факси. Въ Смерзундѣ принесть Флоки торжественную жертву богамъ, освятилъ, по сѣверному обычаю, трехъ вороновъ и отплылъ затѣмъ къ Шетландскимъ и Фарэрскимъ островамъ, а оттуда въ Океанъ. Когда онъ думалъ, что находится вблизи Гардарсгольма, онъ выпустилъ своихъ вороновъ. Первый изъ нихъ, поднявшись, нѣсколько мгновеній какъ бы искалъ дорогу и затѣмъ полетѣлъ обратно по направленію къ Фарэрскимъ островамъ; второй, послѣ нѣкотораго колебанія, воротился на судно; третій, наконецъ, полетѣлъ къ сѣверо-западу. За нимъ послѣдовалъ Флоки

и дѣйствительно напалъ на материкъ. Онъ долго плавалъ около береговъ, пока наконецъ не высадился у Фавтнъ-Фіорда, въ которомъ нашелъ много рыбы. Экипажъ его корабля нашелъ здѣсь обильное продовольствіе, но упустилъ время для сбора сѣна, вслѣдствіе чего въ наступившую затѣмъ суровую зиму весь скотъ погибъ. Флоки также поднялся на гору, чтобы познакомиться съ общимъ видомъ мѣстности. Передъ его глазами открылось море, покрытое плавающими глыбами льда; почва, подъ которою работаетъ внутренній огонь и которая прорывается кипящими источниками, мѣстами была погребена подъ снѣгомъ, и вездѣ подвержена частымъ землетрясеніямъ. Сами боги, разсуждалъ Флоки, обрекли эту страну на вѣчное безплодіе, поэтому онъ назвалъ островъ Исландію (Eisland), отказался отъ мысли на немъ поселиться и, возвратившись весною на родину, рисовалъ его своимъ соотечественникамъ въ самыхъ черныхъ краскахъ. Одинъ же изъ спутниковъ его, Герольфъ, нашелъ тамъ столько же хорошаго, сколько и дурного, а Торольфъ даже хвалилъ островъ, который, по его словамъ, ярко освѣщается солнцемъ, цвѣтетъ и такъ плодороденъ, что каждый стебель полонъ масломъ, любимымъ лакомствомъ жителей скалистаго сѣвера. Хотя и думали, что разсказчикъ преувеличиваетъ и поэтому даже дали ему прозвище „Смѣръ“—Торольфъ, т. е. масляный Торольфъ, но въ концѣ концовъ его заманчивые разсказы получили перенѣсъ. Вскорѣ ни о чемъ другомъ не шла рѣчь въ Норвегіи, какъ о вновь открытой странѣ съ голубымъ небеснымъ сводомъ, умѣренной зимою, зелеными холмами и многорыбными водами. Такъ фантазія создала себѣ картину богами благословенной земли, гдѣ человѣкъ можетъ жить свободнымъ отъ тиранніи королей и господъ. Этого обстоятельства не слѣдуетъ упускать изъ виду, иначе нельзя не удивляться тому, что норманны такъ быстро промѣняли преимущества и прелести своей родины на пустой, безлѣсный островъ, въ которомъ надъ глетчерами и полями, залитыми лавою, разстилается вѣчно пасмурное дождливое небо. Всего черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ путешествія Флоки начинается переселеніе норманновъ массами въ Исландію, и съ тѣмъ вмѣстѣ этотъ островъ вступаетъ въ область исторіи. Во главѣ этого переселенія стоитъ Ингольфъ Арнарсонъ, почетное лицо Норвегіи, около имени котораго группируются исландскія саги. Свѣдѣнія, которыя онъ о немъ сообщаютъ, настолько интересны, что заслуживаютъ быть здѣсь приведенными.

Ингольфъ и Лейфъ были родственники и „побратимы“, т. е. товарищи по оружію; изъ нихъ одинъ, по смерти своего собрата, немедленно заступаетъ его мѣсто. Молодые и только-что сдѣлавшіеся главами семействъ, по смерти своихъ отцовъ, они предпри-

нимали морскіе набѣги съ сыновьями Ярла Атлэ. Послѣ того, какъ они посѣтили сыновей Ярла, эти послѣдніе были приглашены къ нимъ. Устроенъ былъ роскошный пиръ, и сестра Ингольфа, Хельга, по словамъ саги, „нѣжнѣйшая и прекраснѣйшая изъ женщинъ“, сама разносила медъ почетнымъ гостямъ. Во время пира одинъ изъ сыновей Ярла далъ обѣтъ, что онъ женится на Хельгѣ или ни на какой другой. Хальстенъ вызвался быть посредникомъ и обѣщалъ быть строго безпристрастнымъ во всемъ, что предложить на его обсужденіе. Ингольфъ поклялся ни съ кѣмъ, кромѣ Лейфа, не дѣлить наслѣдства отца и потому за него выдать сестру, а Лейфъ далъ обѣтъ не уступать въ подвигахъ отцу. „Ты немного обѣщаешь,—возразилъ Хальстенъ,—твой отецъ изъ-за своихъ злодѣяній долженъ былъ искуать здѣсь убѣжища“. Этимъ кончился пиръ.

Слѣдующею весною, когда Лейфъ отправился на войну, на него напали въ шкерахъ двое изъ сыновей Атлэ, и онъ былъ близокъ къ тому, чтобы пасть подъ ударами сильнѣйшаго непріятеля; родственникъ его, плывшій на своемъ кораблѣ въ томъ же направленіи, подоспѣлъ ему на выручку; одинъ изъ сыновей Ярла погибъ въ схваткѣ. Зимой другой сынъ дѣлаетъ попытку отомстить за брата; но Ингольфъ и Лейфъ были предупреждены о томъ своими друзьями, они выступили ему на встрѣчу и онъ былъ также убитъ. Теперь пригласили побратимы оставшагося въ живыхъ Хальстена проиести надъ ними судъ и просили его не забывать при томъ обѣщаннаго имъ безпристрастія. Хальстенъ признаетъ перваго изъ своихъ братьевъ виновнымъ, но за смерть втораго требуетъ отъ Ингольфа и Лейфа всѣхъ ихъ владѣній и присуждаетъ ихъ къ изгнанію: по истеченіи трехъ зимъ они должны совсѣмъ оставить этотъ край, выселиться.

Этотъ судъ былъ причиною того, что Ингольфъ и Лейфъ направились въ 871 г. въ Исландію; они высадились въ бухтѣ на восточномъ берегу, осмотрѣли страну и воротились на слѣдующую весну домой, чтобы приготовиться къ переселенію. Трудъ этого выселенія палъ, однако, на одного Ингольфа. Лейфъ поплылъ къ Ирландіи, ограбилъ и опустошилъ страну, захватилъ рабовъ и добычу.

Наконецъ въ 874 году оба брата на двухъ судахъ оставили Норвегію. На одномъ находился Ингольфъ съ общимъ ихъ имуществомъ, на другомъ Лейфъ, женившись на Хельгѣ, со своею ирландскою добычею. Такимъ образомъ Ингольфъ и Лейфъ были первыми колонизаторами Исландіи. Когда они пришли къ острову, суда ихъ пошли въ различныхъ направленіяхъ. Ингольфъ кинулъ въ море столбы, поддерживавшіе устроенное для него возвышенное сидѣнье на кораблѣ, и далъ обѣтъ утвердить

свое мѣстопробываніе тамъ, куда столбы эти будутъ прибиты волнами. Такихъ столбовъ было три, и они своими верхними заостренными, часто рѣзными, концами выдавались надъ навѣсомъ сидѣнья. Они были въ большой чести у жителей сѣвера и зачастую служили, какъ говорятъ, руководителями ихъ, или, вѣрнѣе, служили орудіями, при посредствѣ которыхъ боги руководили людей при выборѣ мѣстопробыванія.

Ингольфъ высадился на первомъ показавшемся ему удобномъ пунктѣ восточнаго берега Исландіи, вблизи высокой скалы. Это мѣсто названо по нимъ Ингольфсгёвде, и зовется такъ по сію пору. Обрывы скалы часто посѣщаются охотниками за птицами. До поры до времени Ингольфъ остановился тутъ и послалъ двухъ рабовъ отыскивать столбы. Они скоро воротились; но съ весьма печальною вѣстью: достигши южнаго конца острова, они нашли тамъ трупъ Лейфа, вблизи построеннаго имъ дома; всѣ люди его исчезли. Лейфъ привезъ съ собою всего одного вола и, за неимѣніемъ рабочаго скота, впрягалъ въ плугъ своихъ ирландскихъ рабовъ. Рабы возмутились, убили Лейфа, захватили его жену и другихъ женщинъ и бѣжали на острова, названные потомъ по нимъ Вестманскими, гдѣ однако они скоро погибли отъ мщенія Ингольфа. Весною 877 г. столбы Ингольфа были найдены въ самой южной бухтѣ западнаго берега Исландіи и, вѣрный своему обѣщанію, Ингольфъ основалъ тамъ поселеніе. Мѣстность здѣсь довольно низменная, но постепенно повышается по мѣрѣ углубленія внутрь страны, гдѣ высются грозныя скалы. По долину протекають теплыя ключи, и отъ паровъ, отдѣляемыхъ этими ключами, бухта получила названіе Рейкіавикъ, что значитъ бухта дыма. Это и есть именно то мѣсто, гдѣ нынѣ расположенъ главный городъ Исландіи. Уже при самомъ началѣ колонизаціи острова это мѣсто имѣло значеніе, потому что первые переселенцы обращались обыкновенно къ Инголфу за совѣтами и указаніями, гдѣ выбрать мѣсто для поселенія.

Уваженіе, которымъ пользовался первый колонизаторъ, перешло къ его потомкамъ; его сыновья производили судъ (Thing) на мысѣ, лежащемъ на сѣверъ отъ Рейкіавика и названномъ Кельнесъ, прежде чѣмъ въ Исландіи установилось какое нибудь законодательство. Внуки Ингольфа также были облечены властью судьи. Его правнуки назывались Allshǫrjar, т. е. третейскими судьями всего народа. За Инголфомъ быстро послѣдовали въ Исландію его соотечественники; менѣе нежели въ сто лѣтъ населеніе такъ увеличилось, что на немногихъ годныхъ пастбищахъ сидѣли владѣльцы и большаго населенія эта бѣдная страна не могла-бы и прокормить. Большинство этихъ поселенцовъ, правда, не по собственной волѣ,

направились къ дальнему острову: это были бѣглецы, которые за убійство въ своемъ отечествѣ осуждались народнымъ судомъ. Черезъ 10 лѣтъ по прибытіи Ингольфа междоусобная война на его родинѣ заставила выселиться цѣлую массу переселенцевъ въ Исландію. Послѣ достопамятной битвы при Хофрсфіордѣ, передавшей судьбу Норвегіи въ руки Гаральда Прекрасноволосаго, многіе благородные роды, сохранявшіе дотолѣ свое значеніе, или по крайней мѣрѣ надѣявшіеся вновь его себѣ возвратить, не захотѣли склонить свою голову и удалились въ Исландію, ища на ея уединенныхъ берегахъ ту свободу, отъ которой должны были отказаться на родинѣ. Такимъ образомъ создавалось мало по малу на Исландіи независимое государство. Въ 930 году оно объявило себя таковымъ, введено общее законодательство, выработанное Ульфлютомъ, учреждено общее народное собраніе и олигархическое управленіе. Стараніями норвежскихъ королей и посланныхъ ими миссіонеровъ Исландія была обращена въ христіанство, которое въ 1000 году рѣшеніемъ народнаго собранія признано государственною религіею. Такъ какъ дальнѣйшая подробная исторія Исландіи не можетъ входить въ планъ этой книги, то я ограничусь только общими краткими указаніями на послѣдующій ходъ этой исторіи. Приблизительно въ продолженіе жизни одного поколѣнія происходили кровавыя междоусобныя распри; потомъ наступилъ періодъ спокойствія. Впослѣдствіи, однако, опять возникли смуты, которыя подали Норвегіи поводъ вмѣшиться въ дѣла острова и подготовили паденіе его независимости: въ 1263 году Исландія подпала подъ власть Норвегіи. Вмѣстѣ съ послѣдней перешла она въ руки Даніи, за которою осталась и послѣ того, какъ она потеряла Норвегію въ 1814 году. Въ промежутокъ времени отъ 1540 до 1551 г. на Исландіи водворилась, не безъ смутъ, реформація.

О состояніи страны, въ которомъ нашли ее сѣверные поселенцы, трудно сказать что-нибудь опредѣленное на основаніи существующихъ источниковъ, если вообще признать, что климатическія условія острова измѣнились къ худшему въ теченіи 1000 лѣтъ, протекшихъ съ его населенія, какъ это весьма часто утверждалось мѣстными жителями. Увѣряютъ, будто бы въ былыя времена климатъ и почва Исландіи были несравненно благопріятнѣе для земледѣлія. Противъ этого мнѣнія возстаетъ, и совершенно справедливо, Конрадъ Мауреръ ¹⁾, посвятившій болѣе 30 лѣтъ изученію источниковъ исландскаго права и исторіи. Вопросъ—заслуживающій вниманія.

Несомнѣнно, что палеонтологическія изслѣдованія открыли даже

¹⁾ Konrad Maurer. «Island von seiner ersten Entdeckung bis zum Untergange des Freistaates». München 1874. 8°.

въ сѣверной Гренландіи не только сосну, дубъ и букъ, но и вязъ, тополь, орѣшникъ и платанъ, а въ Исландіи, кромѣ того, еще кленъ и туюпановыя деревья. Но это суть памятники времени, неизмѣримо-далекаго отъ начала нашей исторіи, того времени, когда въ Германіи зеленѣли роскошныя лавровыя и фиговые (смоковница) лѣса, перемежающіеся пальмовыми рощами и населенныя стадами слоновъ, носороговъ и обезьянъ. Для рѣшенія нашего вопроса эти палеонтологическія находки не имѣютъ ни какого значенія. Со столь же малымъ правомъ, по мнѣнію Маурера, можно ссылаться на обледенѣніе Гренландіи, происшедшее, будто бы, въ историческія времена отъ измѣнившагося направленія гольфштрома и повліявшее въ свою очередь на климатъ Исландіи. Это обледенѣніе принадлежитъ къ числу басенъ, совершенно отвергнутыхъ научною критикою.

Историческія свидѣтельства по критической ихъ провѣркѣ также оказываются не столь благопріятными мнѣнію объ ухудшеніи климата Исландіи, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Исторически достовѣрно, какъ мы видѣли выше, что на первыхъ пришельцовъ островъ произвелъ вообще довольно выгодное впечатлѣніе. Изъ нихъ про двухъ первыхъ Наддода и Гардара вполне опредѣленно сообщается, что они, по возвращеніи своемъ изъ Исландіи, хвалили эту страну, а про одного изъ сподвижниковъ Флоки, Тарольфа рассказываютъ, что онъ въ своихъ похвалахъ не зналъ мѣры. Отзывы эти, какъ мы показали выше, должны были быстро разнестись по Норвегіи, такъ какъ иначе трудно себѣ объяснить необычайный приливъ переселенцевъ изъ Норвегіи въ Исландію. Если же мы рассмотримъ въ подробности, что именно хвалили первые пришельцы, то найдемъ какъ разъ то, что и теперь составляетъ опору Исландіи въ хозяйственномъ отношеніи. Хвалили они роскошь травъ и богатый уловъ рыбы; часто упоминаютъ они о значительномъ прибоѣ лѣса, объ обильной ловлѣ тюленей и о птичьихъ горахъ, т. е. обо всемъ томъ, что и теперь служитъ основой народнаго хозяйства Исландіи. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ этотъ островъ, какъ онъ представлялся первымъ переселенцамъ, врядъ ли многимъ отличается отъ той Исландіи, которую мы знаемъ теперь.

Норвежскіе колонизаторы нашли, стало быть, островъ, занимающій пространство приблизительно вдвое большее Богеміи; по меньшей мѣрѣ четвертая часть его занята была глетчерами и голыми каменистыми полями, а третья часть жалкими лѣтними пастбищами и только двѣ пятыхъ годны были для правильной обработки. И на этой небольшой части полевое хозяйство могло быть ведено лишь въ весьма скромныхъ размѣрахъ, въ наиболѣе благо-

пріятныхъ мѣстахъ, что вытекаетъ уже изъ условій сѣвернаго морскаго климата: зима, принимая во вниманіе высокое положеніе острова, не можетъ, правда, назваться очень суровою, но за то лѣто умѣренно теплое и короткое, въ теченіи котораго зерно едва успѣваетъ дозрѣть. Какъ теперь Исландія не особенно благоприятна земледѣлію, такъ она, очевидно, была и прежде.

Но тѣ же самыя условія, которыя не даютъ развиваться земледѣлію, въ высшей степени способствуютъ произрастанію травъ. Умѣренная зима и прохладное лѣто составляютъ сочетаніе климатическихъ условій, наиболѣе благоприятное для ихъ произрастанія, чему примѣромъ служитъ зеленый Альбюнъ. Несомнѣнно, что самыя богатые дары природы, которыми встрѣтила Исландія своихъ гостей, были ея роскошные зеленые луга, расположенные въ защищенныхъ отъ вѣтра долинахъ, поемной на землѣ, при впаденіи большихъ рѣкъ въ море и вдоль морскаго побережья; они своею роскошною красотою восхищали каждого пришельца и естественно привлекли къ себѣ, тысячу лѣтъ тому назадъ, опытныхъ скотоводовъ сѣвернаго материка. И теперь растительный покровъ наиболѣе выгодно расположенныхъ мѣстъ Исландіи своими сочными травами и роскошною зеленью соперничаетъ съ лучшими альпійскими пастбищами, указывая на скотоводство какъ на главную основу благосостоянія страны, чѣмъ оно въ дѣйствительности и было въ продолженіи тысячи лѣтъ.

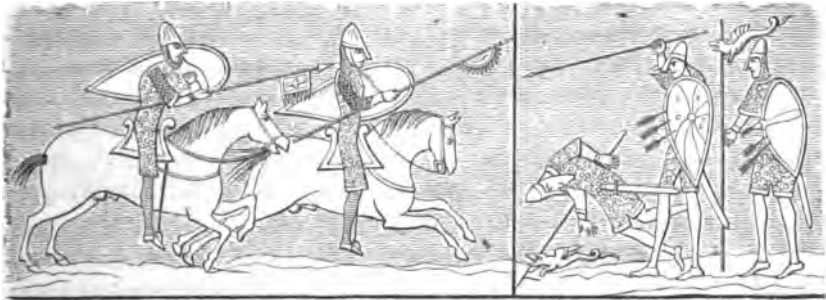
Тѣмъ не менѣе, не лишено вѣроятія, что норвежцы, при первомъ поселеніи своемъ на Исландіи, занимались земледѣліемъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, нежели теперь. Они, конечно, перенесли на чужбину хозяйственныя привычки, выработанныя на родинѣ, болѣе благоприятной земледѣлію, и только столѣтіе опыта могло пересоздать ихъ изъ земледѣльцевъ, занимавшихся скотоводствомъ какъ побочною вѣтвью, въ настоящихъ скотоводовъ. Можетъ быть и правда, и даже весьма вѣроятно, что прежде въ Исландіи гораздо больше занимались хлѣбопашествомъ, чѣмъ теперь, и для объясненія этого явленія нѣтъ ни какой надобности дѣлать какія либо предположенія о пережвѣ климата.

Итакъ мнѣніе, что климатъ Исландіи сдѣлался суровѣе за историческій періодъ ея существованія, вслѣдствіе охлажденія земли или измѣненія теченія гольфштрёма, не выдерживаетъ научной критики; но за то—и въ этомъ я расхожусь съ заключеніями Маурера, во всемъ остальномъ замѣчательно мѣткими—измѣненіе климата могло произойти въ историческое время, по аналогіи съ другими странами, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ. Извѣстно, какими измѣненіями въ климатѣ сопровождалась вырубка лѣсовъ на трехъ южныхъ полуостровахъ Европы и даже во Франціи и Гер-

маніи. Подобное же измѣненіе, принимая во вниманіе положеніе и почву страны, можно допустить и для Исландіи. Историческія свидѣтельства объ этомъ даютъ указанія, не подлежащія перетолковыванію. Во многихъ памятникахъ письменности особенно превозносится богатство страны лѣсомъ въ былыя времена. Въ одномъ изъ этихъ памятниковъ старецъ Ари говоритъ, что во времена первыхъ поселенцовъ Исландія была покрыта лѣсомъ отъ горъ вплоть до берега, а во многихъ другихъ прямо упоминается, что исландскій лѣсъ шелъ на постройку домовъ и даже кораблей. Лѣсъ, употреблявшійся прежде въ Исландіи въ громадномъ количествѣ, для домашняго обихода, могъ быть сплавный, но во всякомъ случаѣ вышеприведенныя свидѣтельства показываютъ, что состояніе лѣсовъ на островѣ было прежде совсѣмъ иное, чѣмъ теперь. Никто не станетъ теперь строить дома и корабли изъ исландскаго лѣса, никто не станетъ утверждать, что Исландія покрыта лѣсомъ отъ горъ до берега. Теперь на островѣ только малорослыя деревья, достигающія всего 1—2 метр. высоты, и вообще лѣсу весьма мало. Въ этомъ отношеніи очевидна между прошлымъ и настоящимъ противоположность, легко объяснимая условіями страны, которыя дѣлали лѣсъ однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ потребленія и средствомъ для достиженія необходимыхъ удобствъ жизни.

Норманны могли застать островъ покрытымъ въ его плодотворной части обширными лѣсами, не такими, какіе мы привыкли встрѣчать въ болѣе умѣренныхъ странахъ, но во всякомъ случаѣ такими, которые въ наиболѣе выгодно расположенныхъ мѣстностяхъ доставляли достаточно годнаго дерева. Эти лѣса они, вѣроятно, по примѣру всѣхъ народовъ прошлыхъ временъ, истребляли для своихъ надобностей безъ всякаго расчета, а природа не могла возобновлять ихъ такъ скоро, какъ въ другихъ странахъ, находящихся въ лучшихъ климатическихъ условіяхъ. Если мы даже на югѣ Европы встрѣчаемъ истребленіе лѣсовъ, отъ вырубки которыхъ населеніе до сихъ поръ страдаетъ, то тѣмъ естественнѣе будетъ принять, что Исландія страдала и теперь страдаетъ отъ послѣдствій такого же неразумнаго хозяйничанья. Это вмѣстѣ съ тѣмъ объяснило бы намъ причину упадка земледѣлія, на который такъ опредѣленно указываютъ мѣстные историческіе источники. Не однѣ только хозяйственныя привычки норманновъ, принесенныя ими съ своей родины, побудили ихъ заняться преимущественно земледѣліемъ, которое они мало по малу, по мѣрѣ ознакомленія съ мѣстными условіями, промѣняли на скотоводство, но и самый климатъ могъ не представлять прежде тѣхъ препятствій, которыя явились послѣдствіемъ истребленія лѣсовъ и дѣлались побудительными причинами къ измѣненію рода занятій.

Всѣ эти обстоятельства, взятые вмѣстѣ, легко могли вселить убѣжденіе народу, видѣвшему только дурныя послѣдствія и не видѣвшему ихъ причинъ, будто основаніемъ для перехода отъ земледѣлія къ скотоводству послужило измѣненіе внѣшнихъ условій природы, какое-то охлажденіе почвы или измѣненіе направленія гольфштрома. На самомъ дѣлѣ этотъ переходъ былъ естественнымъ результатомъ болѣе близкаго ознакомленія съ условіями страны и той хозяйственной ошибки, которую Исландія сдѣлала, подобно всѣмъ другимъ странамъ въ извѣстной эпохѣ ихъ развитія. Такимъ образомъ упадокъ исландскаго народнаго хозяйства, можетъ быть въ извѣстныхъ предѣлахъ дѣйствительнымъ фактомъ, для объясненія котораго нѣтъ надобности прибѣгать къ фантастическимъ догадкамъ. Исландія и ея населеніе въ современномъ ихъ состояніи составляютъ предметъ слѣдующей главы.

Норманны въ бою. По рисунку на древнихъ обояхъ въ Байе.

Берег Стаппенъ со сѣвѣною горою Іекуль.

ИСЛАНДІЯ И ИСЛАНДЦЫ НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

А РАЗСТОЯНИИ едва только 200 квадр. километровъ отъ Гренландіи, касаясь сѣверною своею оконечностью полярнаго круга между $63^{\circ}24'$ и $66^{\circ}31'$ сѣв. шир. и $13^{\circ}15'$ и $24^{\circ}10'$ западной долготы отъ Гринича, лежитъ островъ Исландія, по пространству (102,963 квадр. километр.) больше Ирландіи или Баваріи. Эта угрюмая отталкивающая, меланхолическая страна такъ богата достопримѣчательностями, представляетъ столько чудесъ природы, что едвали можно найти что-нибудь подобное на всемъ земномъ шарѣ, а между тѣмъ самая формація острова чрезвычайно проста. Ее можно свести собственно на два элемента, конечно чрезвычайно противоположныхъ другъ другу: огонь и ледъ. Старая геологическая школа приписывала геологическое образованіе Исландіи преимущественно силѣ огня, она считала этотъ островъ продуктомъ плутоническаго изверженія изъ нѣдръ земли. Плутонисты, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, указывали на траппъ, которымъ окружены базальтовыя горы острова. Нептунисты съ величайшею осторожностію къ приступали разрѣ-

шенію вопроса объ образованіи горныхъ породъ Исландіи, этого заколдованнаго круга Плутона. Однако же минералогъ Г. Г. Винклеръ, которому въ 1858 году королемъ Баваріи было поручено изслѣдовать геогностическое строеніе Исландіи, открылъ рѣшительно новый путь въ этомъ отношеніи и установилъ правильную точку зрѣнія ¹⁾. „Напротивъ, говоритъ г. Винклеръ, распредѣленіе и направление горныхъ крыжей Исландіи, равно какъ и развѣтвленіе долинъ, указываютъ на правильность образованія, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесена къ вулканическому происхожденію. Горы правильно наслонены, какъ хребты, въ которыхъ каждый слой содержитъ особый рядъ окаменѣлыхъ животныхъ. Поперечныя разщелины показываютъ тридцать косвенно лежащихъ различныхъ наслоеній, отличающихся такою правильностью, такою такъ сказать, аккуратностью, какъ будто они сложены рукою архитектора съ точнымъ расчетомъ пространства“.

Въ минералогическомъ смыслѣ изслѣдователь встрѣчаетъ на Исландіи только двѣ горныя породы, съ ихъ спутниками: трахитъ и траппъ. Древнѣйшихъ формаций, на которыхъ по мнѣнію прежнихъ путешественниковъ, будто бы покоятся трахитъ и траппъ, Винклеръ не нашелъ. „Трахитъ, замѣчаетъ онъ, на Исландіи не встрѣчается въ сплошныхъ массахъ, онъ разбросанъ въ различныхъ мѣстахъ, по всѣмъ частямъ острова. Почти вездѣ онъ является по размѣру и наслоненію въ зависимости отъ траппа; только въ одномъ мѣстѣ онъ совершенно отдѣлился, и самостоятельно образуетъ величественную пирамиду довольно высокѣй горы Пэула“. Сравненіе различныхъ высотъ острова показываетъ, что среднее возвышеніе Исландіи равняется 1000 метровъ. „Вся масса земли Исландіи, отъ самаго морскаго берега до вершинъ скалъ, состоитъ исключительно изъ однихъ и тѣхъ же горныхъ породъ, а именно изъ траппа (долерита и анамезита) съ однородными вакками, миндалникомъ и конгломератами, изъ туфовъ различныхъ видовъ, по качеству близко подходящихъ къ траппамъ и, наконецъ, изъ трахита. Лава встрѣчается только изрѣдка на болѣе обширномъ протяженіи, но всегда въ видѣ сравнительно тонкой коры на поверхности. За исключеніемъ одного эвратическаго валуна кристаллическаго сланца на берегу Гусавика, я нигдѣ на всемъ островѣ, съ двумя третями котораго я познакомился,—не видалъ ни малѣйшаго слѣда кристаллическихъ или осадочныхъ породъ“.

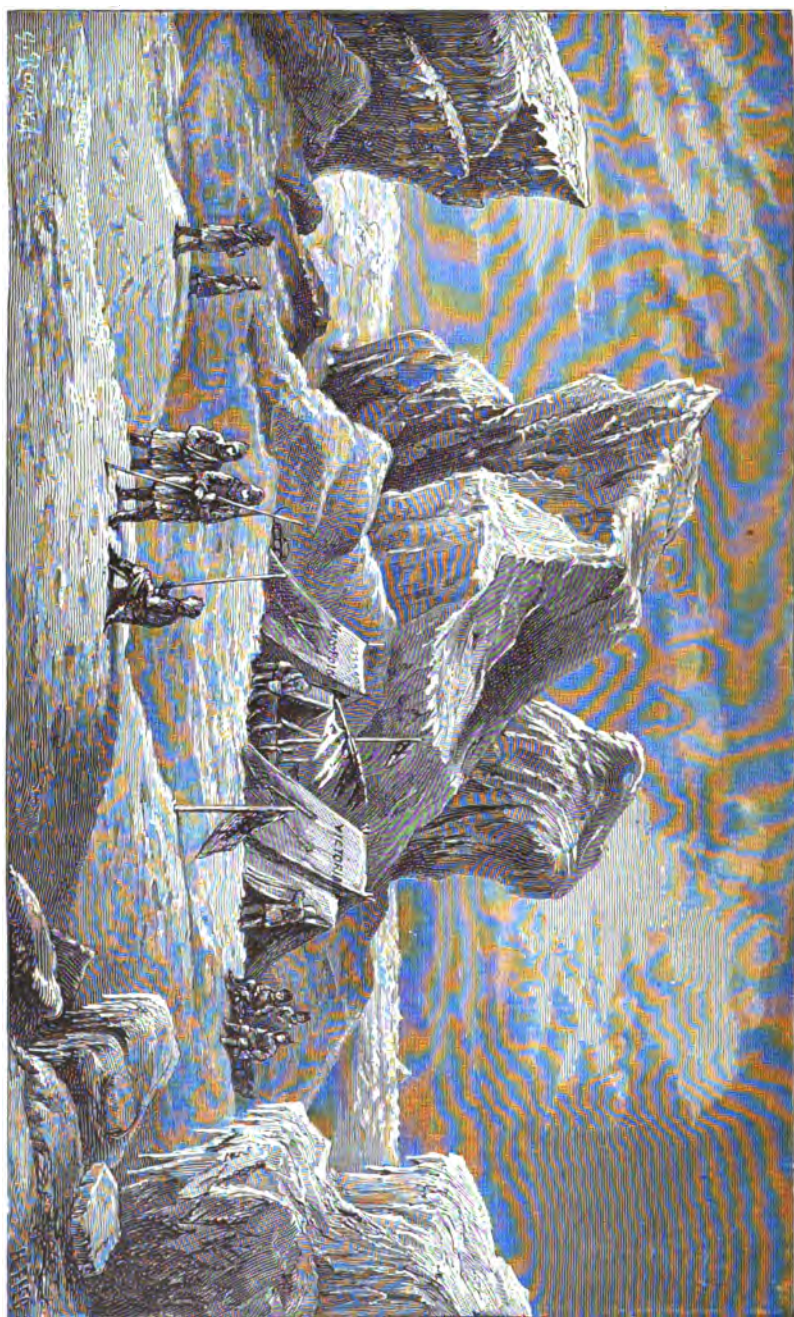
Что касается существованія во многихъ мѣстахъ вулкановъ, то

¹⁾ См. два его сочиненія: 1) «Island, seine Bewohner, Landesbildung und vulkanische Natur». Branschweig. 1861 г. 2) Island. Der Bau seiner Gebirge und dessen geologische Bedeutung. Munchen 1863 г.

въ этомъ отношеніи нельзя указать ни какого правильнаго распре-
дѣленія; можно только сказать, что большинство вулкановъ нахо-
дится на южной половинѣ острова. Они не имѣли ни какого зна-
чительнаго вліянія на строеніе острова, а вызвали только мѣст-
ныя перестановки. Исландія одно изъ позднѣйшихъ созданій геологическихъ силъ, ибо сдѣлалась сушею только во время образова-
нія бурого угля въ третичномъ періодѣ. Изъ ископаемыхъ окаменѣ-
лостей царствъ животнаго и растительнаго можно заключить, что
островъ Исландія въ срединѣ и въ послѣдней трети третичнаго
періода уже былъ разъ надъ поверхностью моря и что на сѣверо-
западѣ суша образовалась раньше, чѣмъ на сѣвостокѣ. При
этомъ первомъ своемъ появленіи надъ уровнемъ моря, островъ поль-
зовался лучшими условіями. Палеонтологическія изслѣдованія даютъ
поводъ заключить, что Исландія, въ промежутокъ времени между
міоценовымъ и пліоценовымъ періодами, была населена живот-
ными и покрыта растеніями, свойственными этимъ періодамъ, была
украшена лиственными и хвойными лѣсами и деревьями 24 видовъ
изъ числѣ которыхъ дубъ, орѣшникъ и тюльпанное дерево требуютъ
среднюю температуру $+9^{\circ}$ Ц. тогда какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они
теперь находятся въ видѣ окаменѣлостей, средняя температура $= 0$.

Мало можно найти странъ на землѣ, гдѣ воздухъ обладалъ бы
такою движущею силою, какъ около Исландіи: онъ бичуетъ море
съ необычайною яростію. Соленая вода подвержена громадному
волненію, выплескивается далѣко на сушу, покрываетъ и траву, и
утесы кристаллами и, если вѣрить рассказамъ путешественниковъ,
иногда даже образуетъ соляную кору на окнахъ жилищъ. И внутри
страны, на горахъ, буря бушуетъ со страшною силою, съ воемъ
проникаетъ она въ горныя ущелья и уноситъ съ собою по доли-
намъ песокъ и дернъ. Бесплодная черная лава, которою покрыта
вся плоская возвышенность, занимающая средину острова, обна-
жена, и изрѣдка только небольшое зеленое мѣстечко свидѣтель-
ствуетъ, что тамъ когда-то красовалось покрытое ковромъ травы
пространство. Съ вершинъ огнедышащихъ горъ зола переносится
на скалы и ложится тамъ толстою окаймленною полосой. Подоб-
ные страшные ураганы свирѣпствуютъ на Исландіи 44 дня въ году.
Географическое положеніе острова обуславливаетъ эту погоду: въ
то время, какъ сѣверныя оконечности его касаются полярнаго круга,
южный и западный берега омываются гольфштромомъ. Изъ горя-
чаго Мексиканскаго залива онъ приносить съ собою влажный воз-
духъ, которому приходится здѣсь бороться съ холоднымъ поляр-
нымъ теченіемъ, подвергаясь охлажденію и претерпѣвая сильное
давленіе отъ сѣвернаго противника, стремящагося къ уравнивоше-
нію. Теплому теченію гольфштрома Исландія, при сѣверномъ своемъ

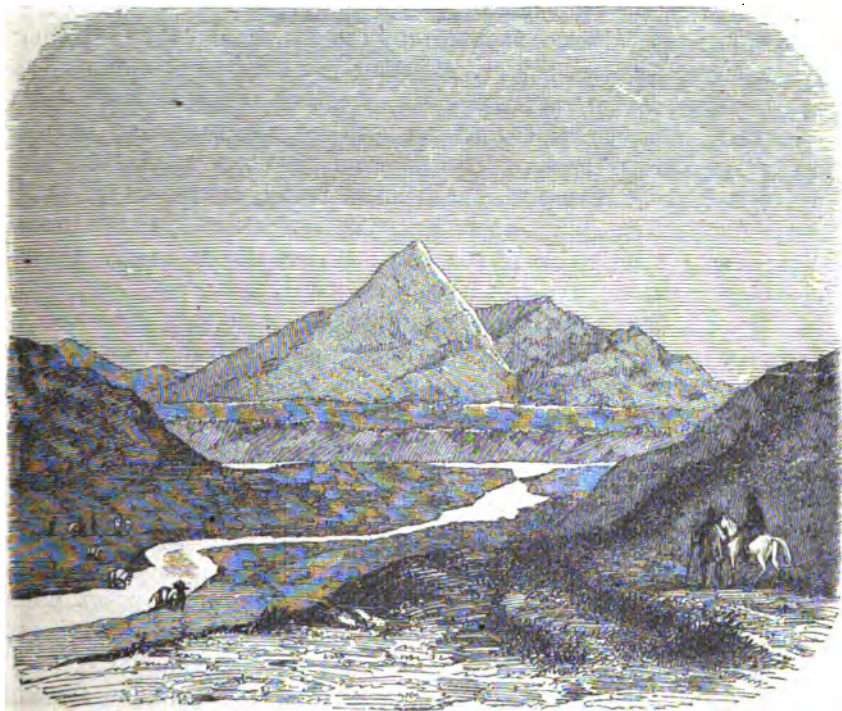

Экипажъ „корабли Алерутъ“ на крайнемъ Сѣверѣ. Въ маѣ 1876 г.

положеніи, обязана умѣренностью ея климата. Югъ острова также мало суровъ, какъ Данія; жители лѣтомъ и зимою одѣваются одинаково. Вообще температура, по наблюденіямъ д-ра Торстенсена въ Рейкьявикѣ на западномъ берегу, очень мало измѣняется—въ теченіе сутокъ едва на одинъ градусъ. Въ сосѣдней Гренландіи, подъ тою же широтою, средняя годовая температура колеблется, между

Сѣверная долина съ Пельвергомъ на западѣ.

0° и -5°Ц. , но на Исландіи средняя годовая теплота у сѣвернаго берега равняется 0° , а у южнаго берега, омываемаго гольфштромомъ, какъ въ С.-Петербургѣ или въ Квебекѣ, составляетъ $+5^{\circ}\text{Ц.}$ ¹⁾ Здѣсь, какъ на Фарерскихъ островахъ, холодъ умѣряется теплымъ морскимъ теченіемъ, въ то же время пригоняющимъ къ берегамъ Исландіи изъ лѣсовъ Миссисипи громадную массу прибойныхъ

¹⁾ Въ Рейкьявикѣ средняя годовая температура $+3,75^{\circ}\text{Ц.}$ — $3,75^{\circ}$ средняя зимняя температура и $+11,25^{\circ}$ средняя лѣтняя степень тепла. Для нашихъ широтъ, напримѣръ, для Мюнхена, эти цифры соответствуютъ $+9,01^{\circ}$ — $1,25^{\circ}$ и $+17,5^{\circ}\text{Ц.}$

«Пъ обл. вѣчн. льда»

дровъ, восполняющихъ недостатки въ мѣстныхъ матеріалахъ для топлива. Что на сѣверѣ Исландіи температура гораздо суровѣе—это объясняется тѣмъ, что островъ отдѣляется отъ Гренландіи сравнительно узкимъ морскимъ проливомъ, постоянно наполненнымъ плавающими льдинами, которыя зимою, по временамъ, прибываютъ къ берегу Исландіи. Когда житель сѣвернаго побережья замѣчаетъ, что холодъ съ каждымъ днемъ усиливается, для него это ясный признакъ, что наносный ледъ приближается; наконецъ уже издали бываетъ замѣтно, какъ ледяныя массы медленно, но непрерывно, придвигаются къ берегу. Не смотря на встрѣчный вѣтеръ, онѣ продолжаютъ свой путь, увлекаемыя теченіемъ. Если въ тоже время несетъ съ юга сплавной лѣсъ на встрѣчу льдинамъ, то иногда происходитъ такое страшное столкновеніе, что наносный лѣсъ воспламеняется. Съ трескомъ, подобнымъ грому, массы льда вздымаются другъ на друга, ударяясь съ невообразимою силою о берегъ, уносятъ съ собою цѣлыя островки, отрываютъ утесы, или же громоздятъ эти утесы одинъ на другой. Случается, что бѣлый медвѣдь на льдинахъ приплываетъ въ Исландію и подчасъ производитъ здѣсь большія опустошенія среди пасущагося скота. Къ счастью, это животное ни когда не остается въ странѣ: когда медвѣдь замѣчаетъ, что ледъ снова отрывается отъ берега, онъ тотчасъ спѣшитъ удалиться вмѣстѣ съ нимъ. Въ особенности сѣверные заливы часто запруживаются льдомъ, но иногда ледъ облегаетъ почти вокругъ всего острова и въ этомъ случаѣ массы льда до глубокаго лѣта носятся въ этомъ мѣстѣ по морскимъ волнамъ. Въ такіе годы холодный, дующій отъ массъ льда вѣтеръ, безъ перерыва, царитъ по горамъ и долинамъ; трава не растетъ, скотъ погибаетъ отъ голода, уловъ рыбы бываетъ плохъ, вся страна страдаетъ отъ нужды и эпидемическихъ болѣзней, снѣгъ лежитъ все лѣто,—даже на низменностяхъ ¹⁾).

Вообще климатъ Исландіи, какъ мы уже говорили, не суровъ; но растительность, въ сравненіи съ такими же умѣренными полосами Россіи и Америки, скудна. Только близъ моря, въ долинахъ и на площадяхъ передъ ними, растительность роскошна. Здѣсь исландецъ устраиваетъ свою скромную хижину. Лѣсовъ теперь вовсе нѣтъ, только тамъ и сямъ встрѣчаются малорослыя уродливыя березы. Посѣвы всходятъ слабо; отъ этого земледѣліе существуетъ въ Исландіи только, такъ сказать, въ видѣ опыта и обработка полей первобытная. Травы, мхи и лишай составляютъ главные виды мѣстной растительности. При преобладающей мягкости климата, причину этого явленія, разумѣется, нельзя искать въ средней годовой температурѣ; напротивъ, она скорѣе кроется въ

¹⁾ «Ausland», 1854, № 49, стр. 1167—68.

чрезмѣрной влажности и въ неблагопріятствующемъ растительности распредѣленіи тепла. На Исландіи зимы длинныя, но относительно теплыя ¹⁾. По двѣнадцатимѣсячнымъ наблюденіямъ д-ра Торстенсена, холодъ никогда не превосходилъ — 18°,7 Ц. Лошади и овцы проводятъ зиму подъ открытымъ небомъ. За то лѣто короткое и прохладное. По тѣмъ же наблюденіямъ, температура среди лѣта въ Рейкьявикѣ ни когда не была выше + 22°, а Вонклеръ лѣтомъ 1858 г. не имѣлъ выше 20° Ц. ²⁾ Болѣе затѣливыя растенія, какъ-то: рожь, ячмень, овесъ, хотя и поспѣваютъ, но не всегда; такъ что разведеніе этихъ злаковъ, относительно выгоды, было бы ненадежнымъ и обошлось бы очень дорого. Лучшіе результаты достигаются разведеніемъ, въ небольшихъ размѣрахъ гороха, картофеля, капусты и рѣпы; но главный предметъ селскаго хозяйства—луга. Единственное дерево — дерево Исландіи—показывается съ гордостью иностранцамъ въ Акрейрѣ, на сѣверной части острова. Это тутовое дерево, растущее у стѣны дома, высотой въ 6—7 метровъ съ полною вѣтвистою верхушкою. Недалеко отъ этой мѣстности находится также „единственный лѣсъ Исландіи“, березовая роща, вышиною съ нашъ орѣшникъ, *Betula humilis* и *Betula папа*, карликовая береза, встрѣчаемая въ южной Германіи въ болотистыхъ мѣстахъ, лежащихъ отъ 760—920 метровъ надъ уровнемъ моря. Поэтому домашнее скотоводство, а именно: лошади и овцы, рыболовство и охота за птицами, водящимися въ несмѣтномъ количествѣ по морскому побережью и оглушающими воздухъ своимъ крикомъ, составляютъ главные средства пропитанія мѣстныхъ жителей ³⁾. Ловъ птицъ, сопряженный съ величайшею опасностью и неимовѣрными затрудненіями, какъ и на Фарѣрскихъ островахъ, составляетъ главное занятіе жителей Исландіи.

Приближаясь къ Исландіи, мы прежде всего встрѣчаемся съ выскапавшимися до небесъ отвѣсными мысами, окруженными скалистыми шкерами. Мощныя волны, ударяясь на много метровъ

¹⁾ Въ послѣднее время, именно зима 1875—76 г., отличалась необыкновенною умѣренностью и мягкостью. См. лондонскій «Nature» т. XIII, стр. 494.

²⁾ Бываютъ, однако, исключенія, къ которымъ принадлежитъ, напримѣръ, лѣто 1871 года. Тогда какъ въ западной и средней Европѣ весна и лѣто были необыкновенно прохладны, а въ Вѣнѣ июль показывалъ 3°,3' ниже нормы,—лѣто въ Исландіи было чрезвычайно жаркое. А. Буханъ, 18-го іюля 1871 года писалъ въ «Nature», что д-ръ Гіалтелинъ, въ письмѣ отъ 30-го іюня, ему сообщилъ изъ азъ Рейкьявика: «Мы пользуемся теперь такою великолѣпною погодою, какую только можно себя представить подъ нашею широтою: средняя температура іюня составляла 15° Ц., т. е., 6°,7' выше средней температуры послѣднихъ четырехъ лѣтъ».

³⁾ Показаніе капитана Буртона, будто количество птицъ на Исландіи уменьшается, едва ли заслуживаетъ довѣрія.

высоты и яростно разбиваясь объ эти скалы, заставляют ихъ содрогаться. Изъ морскихъ буруновъ поднимаются на огромную высоту грозныя скалы; на нихъ же иль гигантскіе своды глетчеровъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, необозримыя снѣжныя поля, или же безпредѣльныя пустыни, покрытыя сѣрымъ вулканическимъ пескомъ, обширныя пространства застывшей лавы самая большія, какія гдѣ либо можно видѣть;—изрѣдка зеленые луга и склоны горъ, подъ пурпуровымъ покровомъ вереска. Квадратная поверхность Исландіи на $\frac{2}{5}$ больше Ирландіи; тѣмъ не менѣе, островъ этотъ въ состояніи прокормить немного болѣе 70 тысячъ человѣкъ, потому что половина его или покрыта вѣчными льдами, или представляетъ скалистую поверхность. Кромѣ климатическихъ условій, неплодородіе острова является еще послѣдствіемъ платообразной формы его хребтовъ: на немъ мало долинъ, согрѣваемыхъ солнечными лучами. На Альпахъ, на высотѣ 1000 метровъ надъ уровнемъ моря, мы видимъ засѣянные поля, на высотѣ 1550 метровъ зеленые луга и густые лѣса, надъ ними еще высится полоса и въ и другихъ малорослыхъ уродливыхъ деревьевъ, наконецъ, уже на высотѣ 2150—2450 метровъ являются только снѣгъ и ледъ. Въ этомъ смыслѣ Исландія является высокими Альпами, но съ тою разницею, что съ вершинъ ея глазъ, вмѣсто того, чтобы любоваться солнечными долинами съ хлѣбными полями и боровыми лѣсами, упирается въ морскую бездну. Если мы представимъ себѣ наши Альпы окруженными моремъ до 500 метровъ ниже линіи вѣчныхъ льдовъ, то намъ изобразится картина, подходящая къ исландской природѣ. Большая часть острова составляетъ обширное плоскогорье, до такой степени возвышающееся надъ уровнемъ моря, что оно не годится для человѣческаго жилища. Только тамъ, гдѣ горныя истоки, окруженные скалами, съ силою и шумомъ низвергаются по ущельямъ внизъ, образовались съ теченіемъ времени долины. Такъ, на сѣверной части плоскогорья образовалось отдѣльное небольшое пространство съ глубоко вдающимися долинами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, образовались вершины, гребни и края горъ; вездѣ растительность нашла себѣ пріютъ. Въ глубинѣ долинъ тянутся роскошныя луга, по скатамъ горъ обильныя пастбища, только немногія вершины покрыты снѣгами. На южномъ берегу, и только тамъ, образовалась низменная площадь изъ земли и мелкихъ камней, перенесенныхъ горными потоками до взморья въ теченіе тысячелѣтій. Весною, со вскрытіемъ рѣкъ и таяніемъ льдовъ, вода разливается по этимъ низменностямъ, и нерѣдко дѣлаетъ большія опустошенія. Въ этихъ-то долинахъ, на этихъ-то площадяхъ, жители поселяются и обзаводятся хозяйствомъ. Внутренность края на плоской возвышенности остается голой, непривѣтливою пу-

стынею, на которой тамъ и сямъ величественно высятся снѣговые вершины глетчеровъ.

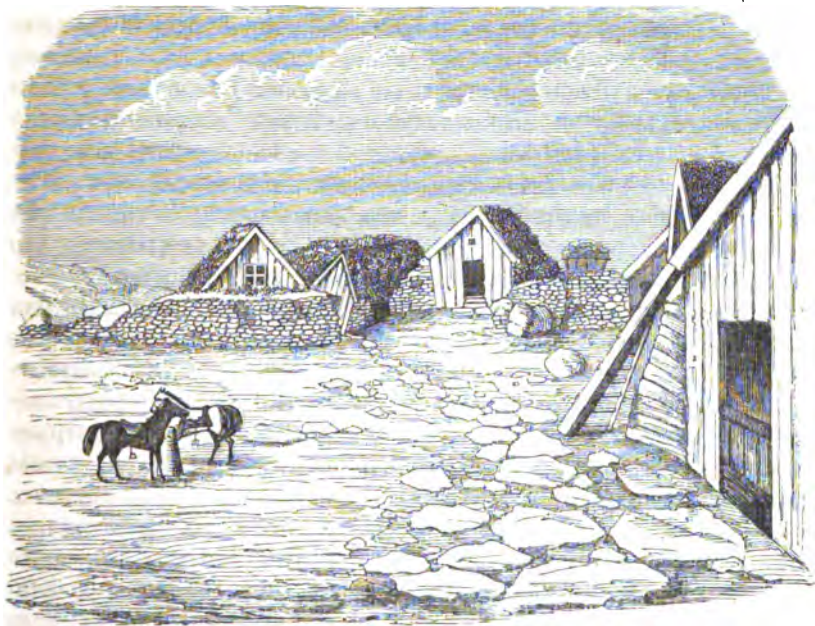
Возвышенныя площади въ Норвегіи называются „Heidi“. Онѣ покрыты слоемъ дерна, едва въ нѣсколько сантиметровъ толщины, какъ будто изорваннымъ, дырявымъ зеленымъ ковромъ, по которому разбросанъ каменистый щебень. „Плоскія возвышенности, замѣчаетъ Винклеръ, обыкновенно вовсе не рѣдкія явленія, но съ такою поверхностью, съ такою скудною растительностью, съ такою уединенностью, съ такою однообразностью и на такомъ протяженіи въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ вѣчныхъ льдовъ они составляютъ исключительныя явленія Исландіи“. „Хейди“ смѣняются Hraun'ами. Этимъ именемъ (Hraun) называются въ Исландіи площади, покрытыя лавою. Въ теплѣйшихъ климатахъ, при быстромъ вывѣтриваніи, какъ, напримѣръ, въ Италіи, поля покрытыя лавою скоро превращаются въ каштановые лѣса и въ виноградники, тогда какъ на Исландіи потоки лавы до сихъ поръ остаются въ томъ же видѣ, въ какомъ они были при первоначальномъ застываніи. На этомъ сѣверномъ островѣ ни когда не бываетъ проливныхъ дождей, а только ровные, мелкіе, не прерывающіеся въ теченіе цѣлыхъ дней и недѣль. При такой погодѣ плоская возвышенность „храунъ“, покрытая лавою, приблизительно представляется въ слѣдующемъ видѣ: „Начало ея составляетъ черная полоса, край которой теряется въ облакахъ, гонимыхъ по ней вѣтромъ. Облака и храунъ одного цвѣта. Пространство между началомъ и краемъ храуна похоже на громадную губку, которая открываетъ тысячи своихъ свижинокъ, чтобы принять жидкость, испускаемую облаками. Вся площадь коричнево-сѣрая и усыпанная черными пятнами. Два германскихъ изслѣдователя, профессоръ В. Прейеръ и д-ръ Ф. Циркель, путешествовавшіе ¹⁾ по острову лѣтомъ 1860 года, описываютъ храуны слѣдующими словами: „Земля пустынна и гола, и духъ смерти носится надъ нею. Дальнозоркій глазъ путешественника, утомленный безконечнымъ однообразіемъ, не видитъ ни чего живого. Когда онъ смотритъ передъ собою на землю, взоръ его встрѣчаетъ только сѣрые или черные лишай, имѣющіе видъ сожженной бумаги, въ лучшемъ случаѣ красную чемерицу, лежащую здѣсь, какъ упавшая съ неба капля крови; скромно влачитъ она свое холодно-жалкое бытіе на голой скалѣ. Здѣсь застыла жизнь, здѣсь предѣлъ органическихъ созданій, здѣсь начинается царство смерти. Продолжая нашъ путь по этому безотрадному царству, увидимъ себя окруженными странными глыбами лавы, воронкообраз-

¹⁾ Вильг. Прейеръ и Ферд. Циркель. Путешествіе въ Исландію лѣтомъ 1860 г. съ учеными добавленіями. Лейпцигъ, 1862.

ными пригорками изъ нея, разщелившимися скалами съ странными, сдѣланными самою природою, изображеніями изъ храуна, котораго даже ржа времени не поѣдаетъ и который въ теченіи столѣтій такъ мало измѣнился, что невозможно, безъ историческихъ данныхъ, хотя бы приблизительно, опредѣлить время изліянія исландской лавы. — Лава лежитъ здѣсь въ дикой безпорядочности: то въ видѣ фантастически-взгроможденныхъ другъ на друга глыбъ, то въ видѣ какъ-бы большихъ застывшихъ ковригъ хлѣба съ шаршавою поверхностью, то опять гладкая и скользкая какъ ледъ, масса нерѣдко съ разщелинами какъ на глетчерахъ. Все это представляетъ, однако, въ своемъ однообразіи величайшую разнородность или лучше сказать въ своей разновидности величайшее однообразіе, постоянно повторяющееся и никогда не измѣняющееся. Такъ всегда одинаковы волны морскія, при всей ихъ измѣнчивости. Исландская лошадь съ удивительною ловкостью перескакиваетъ черезъ разщелины; если она оступится, то погибъ и конь и всадникъ. Часто эти, образовавшіяся при охлажденіи лавы, разщелины наполнены водою, въ которой какъ въ зеркалѣ отражается окружающая разнovidная масса. Обращая взоры наши въ даль, мы увидимъ или снѣгомъ покрытыя вершины ледяныхъ глетчеровъ, или же горизонтъ, окаймленный иззубренною лавою. Нерѣдко лава какъ бы прислоняется къ горнымъ цѣпямъ, какъ къ руслу гигантской рѣки, съ ледоходомъ которой одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ такъ удачно сравнилъ исландскія поля лавы. Поперечные, внезапно образующіеся, потоки и болота составляютъ обыкновенныя препятствія на пути. Четыре вида мѣстной природы: хейды, храунъ, іокуль (глетчеръ) и мюри (болото) составляютъ преобладающій характеръ страны.

Быстрый взглядъ на карту показываетъ, что поселенія Исландіи преимущественно расположены по западному и сѣверному побережьямъ острова, менѣе по южному, а еще менѣе по восточному. Нужно сознаться, что поселеній, въ смыслѣ селъ или деревень, на Исландіи вовсе нѣтъ, за исключеніемъ Рейкьявика, по послѣднему счисленію съ колеблющимся населеніемъ отъ 1,400 до 2,000 чел. и и Акрейри, представляющаго около 50 дворовъ. Названія, которыя украшаютъ нашу карту, обозначаютъ отдѣльные дворы, отстоящіе другъ отъ друга на два или три часа хода и часто отдѣленные одинъ отъ другого быстрыми потоками. Что касается Рейкьявика, главнаго города на берегу Факса-фіорда, то окружающая его мѣстность принадлежитъ къ лучшимъ видамъ всего острова, въ особенности когда утреннее солнце освѣщаетъ снѣжныя вершины сосѣднихъ горъ. Берегъ представляетъ живую, разнообразную картину: холмы тѣнятся надъ холмами, уподобляясь перекатываю-

щимся волнамъ моря; то онѣ открываютъ широкую долину, то выбѣгаютъ въ море. По самому берегу красуются лучшіе дома, даже двухэтажные, надъ ними возвышается башня церкви. За ними расположены меньшіе дома, построенные, въ видѣ балагановъ для звѣринцевъ, изъ досокъ, длинныя и низкіе, снизу до верху выкрашены чернымъ дегтемъ, оконныя обвязки и рамы бѣлыя. Не смотря на привѣтливую наружность этого лучшаго мѣстечка Исландіи, оно производитъ впечатлѣніе неуютной пустыни, ибо какъ бы ни искалъ

Дворъ крестьянскаго жилья въ южной части Исландіи.

глазъ, какъ бы зорко ни смотрѣлъ, онъ не найдетъ ни дерева, ни куста. Городъ окруженъ болотами и обломками скалъ, такъ что кругомъ на десять верстъ нѣтъ другого уголка, способнаго для обработки. У Рейкьявика, хотя рейдъ его не закрытый, корабли огибающіе югозападный уголь острова, находятъ первую якорную стоянку, такъ какъ южный берегъ на всемъ своемъ протяженіи не имѣетъ ни одной гавани.

Географическое распредѣленіе жилищъ на Исландіи находится въ тѣсной связи съ образованіемъ возвышенностей острова. Къ сѣверу и западу плоская возвышенность нѣсколько наклонна, и поэтому на пей могли образоваться долины, которыя однѣ только оби-

таемы. За 45—50 километровъ во внутрь острова ни какихъ жилищъ болѣе нѣтъ. На восточной и южной сторонѣ острова, напротивъ, берегъ отвѣсно подходитъ къ морю. На юго-востокѣ исландскія скалы представляются во всемъ своимъ величіи и колоссальности массы. Здѣсь самая высокія горы, и большая часть ихъ представляется глазу какъ безконечная масса снѣжныхъ вершинъ, закутанныхъ въ густой туманъ. Доступъ къ нимъ возможенъ только по немногимъ ущельямъ. На пространствѣ 8250 квадрат. километровъ возвышается громадная горная масса Ватна-Юкуль или Клофа-Юкуль, которая въ южной своей части называется Эрефа и Скаптаръ-Юкуль. Одинъ изъ находящихся на ней коническихъ вулкановъ, открывшійся въ 1872 году, 1958 метровъ вышины надъ уровнемъ моря, есть самая возвышенная точка острова. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ, къ сѣверо-востоку отъ Ватны, находится Снэ-фіяль-Юкуль 1822 метра вышины, а къ сѣверу отъ нея громадный Гертубрейтъ. Матеріаломъ для образованія этихъ горъ послужилъ конгломератъ изъ палагонита ¹⁾ смѣшенный съ большими кусками базальта. Долго ошибочно думали, что Гертубрейтъ — вулканъ. Не Гертубрейтъ, а Гертубрейдарфіяль, еще сѣвернѣе лежащій хребетъ, представляетъ собраніе конусовъ и кратеровъ, изъ которыхъ потоки лавы разлились по всѣмъ направленіямъ, въ особенности на востокъ, по долину Юкулса. Тайны Ватна-Юкуль раскрыты только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда, вслѣдствіе усиленной вулканической дѣятельности, значительное изверженіе лавы опять привлекло къ нимъ вниманіе изслѣдователей. До послѣдняго времени ни одна нога какого-либо ученаго путешественника не вступала на эту горную массу, какъ бы часто ни направлялись туда усиленные стремленія. Еще въ 1872 году опытный путешественникъ капитанъ Ричардъ Франси Буртонъ, открывшій озеро Танганейка въ средней Африкѣ, отправлялся было на Исландію съ цѣлью взобраться на Ватна-Юкуль, но тщетно; не счастливѣе его былъ въ первыхъ своихъ попыткахъ въ 1871 и 1874 лордъ Вильямъ Ватсъ, но послѣдующій годъ увѣнчался полнѣйшимъ торжествомъ ²⁾.

¹⁾ Палагонитовый туфъ (наслоенный базальтовый) туфъ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ въ большомъ количествѣ содержитъ неправильной формы желто-бурого цвѣта минеральное вещество, похожее съ виду на колофоніумъ. Это вещество, такъ называемый палагонитъ, подобно базальтовому стеклу, считается однороднымъ съ тахилитомъ и т. п. Hauer. „Die Geologie und ihre Anwendung auf die Kenntniss der Bodenbeschaffenheit der Ost-Ungar. Monarchie, Wien 1878r. 2-te Auflage. S. 60. Названіе палагонитъ впервые было дано проф. Бузенномъ минералу, найденномъ въ вулканическихъ формаціяхъ Палагонія въ Італіи. (Ch. Leyell „Elements of geology“, London 1865. Стран. 597.

²⁾ См. это драгоценное, хотя и весьма дурно написанное, сочиненіе „Across the

По отчетамъ этого путешественника, Ватна-Юкуль представляетъ исполинское скопленіе огнедышащихъ горъ, льда и снѣга, образующихъ плоскую возвышенность въ 1220—1830 метровъ вышины, окруженную со всѣхъ сторонъ вулканическими возвышеніями и посылающую въ различныхъ направленіяхъ глетчерные потоки. Къ югу эта возвышенность выдвигается впередъ, и глетчеръ ея почти достигаетъ тамъ моря, образуя нѣсколько ледяныхъ вершинъ. Эта громадная горная масса покоится на фундаментѣ изъ туфовъ и конгломератовъ, пересѣченныхъ во многихъ мѣстахъ базальтовой и другими лавами. Горный краѣ Ватна-Юкуль и ближайшая его окрестность есть не только самая высокая, но, по всей вѣроятности, и самая древняя часть Исландіи. Здѣсь слои лавы находятся въ такомъ состояніи разложенія и разрушенія, какъ ни въ одной другой части острова. Къ тому еще краѣ этотъ съ юга окруженъ морскими рифами, образовавшимися силою морскихъ волнъ въ то время, когда остальная часть Исландіи была еще подъ водою, развѣ допустить, что происходило сильное погруженіе послѣ того, какъ южные отроги Ватна и Скаптаръ-Юкуль были размыты моремъ ¹⁾). Въ этой, такъ мало изслѣдованной, области подземныя силы еще не угадали; напротивъ въ послѣдніе годы онѣ обнаружили необыкновенную разрушающую дѣятельность. Вышеупомнутый Скаптаръ-Юкуль возвышается на западной окраинѣ Ватны. Изъ его жерла, на памяти мѣстныхъ жителей, было только одно изверженіе въ 1873 году, правда, самое страшное, о которомъ только упоминаетъ исторія Исландіи. Послѣ того 29 августа 1867 на сѣверной его сторонѣ ²⁾) и въ послѣднее время зимою 1872—1873 года были такіе невозвѣрные взрывы, что они отозвались на всемъ островѣ. Пламя и дымъ были видны въ Рейкьявикѣ, на разстояніи 200 километр., туда же проникалъ запахъ сѣры и пороха, а зола разнеслась по всему сѣверо-восточному берегу. Къ югу слышалось землетрясеніе съ гуломъ до Маркарфьоля близъ Эяфіяла-Юкуля. Это случилось ночью 9 января 1873 г. и продолжалось до 12 января ³⁾).

Послѣ того зима 1872—1875 года, въ декабрѣ и январѣ была самая умѣренная, какую только запомнятъ на Исландіи. За недѣлю до праздника Рождества 1874 г. слышно было сначала нѣсколько отдѣльныхъ толчковъ, которые съ каждымъ днемъ становились чаще и сильнѣе. 2 января 1875 года были самые сильные удары и повторялись

Vatna Jokull“, въ „Scenes of Ireland“, London 1877, 8°. Краткій очеркъ этого замѣчательнаго похода черезъ Ватна-Юкуль см. въ „Journal of the R. Geographical Society“ 1877 стр. 1—10.

¹⁾ См. лондонскій „Nature“, т. XIV стр. 83.

²⁾ „Ausland“ 1868 стр. 120.

³⁾ „Nature“, т. VII стр. 470.

безъ перерыва съ утра до вечера. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, при ясной погодѣ, были видны облака дыма у Гантленда близъ озера Миватнъ; утромъ 3 января появился сильный огонь къ югу и востоку; пламя подымалось до небесъ ¹⁾. Позднѣйшія изслѣдованія показали, что это было изверженіе изъ Ватна-Юкуль; но изъ другого кратера тѣмъ зимою 1872—1873 года. Оказалось, что образовался новый вулканъ на хребтѣ Дингинъ, который собственно уже не принадлежитъ къ кряжу Ватна, находясь сѣвернѣе, но обыкновенно къ нему причисляется. Датское правительство въ 1876 году снарядило ученую экспедицію подъ руководствомъ проф. Йонструпа, которому были даны въ помощь два морскіе офицера, лейтенанты Хольмъ и Каронъ, для изслѣдованія мѣстъ послѣдняго изверженія. Этой экспедиціи мы обязаны ближайшимъ ознакомленіемъ съ этою странюю.

Хребетъ Дингинъ состоитъ изъ вѣнца горъ, внутри которыхъ разстилается площадь, Аскія, покрытая лавою. Чтобы туда добраться, нужно пройти съ сѣвера большую площадь лавы, Оада-храунъ, содержащую 150—160 квадр. километровъ. Эта пустыня состоитъ изъ черной лавы, такъ затѣйливо застывшей, что подчасъ ни пѣшкомъ, ни на лошади нельзя двигаться впередъ; въ ея неровностяхъ лежитъ масса зола, которую вѣтеръ поднимаетъ иногда такимъ густымъ облакомъ, что нельзя различить ближайшихъ предметовъ. Здѣсь нѣтъ воды, слѣдовательно нѣтъ ни какой органической жизни. Оада-храунъ представляетъ Сахару безъ оазисовъ. Гора Дингинъ не вулканическаго происхожденія, она состоитъ изъ базальта и брекчій ²⁾ Долина Аскія видимо прежде была глубже, но повторявшіяся изверженія лавы постоянно ее наполняли, по мнѣнію Йонструпа, за время историческое. Вдоль наружной окраины хребта Дингинъ находятся многочисленныя, иногда весьма значительныя, кратеры, которые извергли большую часть лавы, покрывающей Оада-храунъ; остальную часть вѣроятно извергъ вулканъ Трэллададингая, находящійся на сѣверовостокъ отъ хребта Дингинъ и отдѣленный отъ этого послѣдняго частью Оады-храунъ ³⁾. 15 января 1875 года экспедиція уже выступила къ Дингинскимъ горамъ. Она нашла, что здѣсь образовался кратеръ, извергшій слой зола и лавы въ 100 метровъ толщины. Около этого большого кратера сгруппировались многіе маленькіе, въ числѣ которыхъ изъ многихъ вытекала вода. Вся почва кругомъ была въ большихъ расщелинахъ; въ

¹⁾ „Allgemeine Zeitung“ 25 апрѣля 1875 г. и „Nature“ т. XI стр. 504.

²⁾ Брекчія—слово итальянское, обозначаетъ собственно всякаго рода камень, составленный изъ кусочковъ.

³⁾ „Nature“. Т. XVI стр.

то же время еще замѣчались легкіе удары землетрясенія ¹⁾). При одномъ изъ такихъ ударовъ, болѣе сильно, разорвался откосъ горы, затѣмъ, 29 марта 1875 г., въ области Аскья послѣдовало новое изверженіе, еще болѣе страшное чѣмъ, всѣ предыдущія: образовался новый вулканъ Оскья-гья въ южномъ углу возвышенной равнины Аскья, которая вслѣдствіе этого осѣла. Г. Ватсъ, путешествуя лѣтомъ 1875 г. по Ватна-Юкулъ, нашелъ приблизительно подъ 64°45', сѣв. шир., что вся мѣстность къ востоку, до самаго моря, усѣяна легкою стекломъ видною пемзою красивѣйшихъ формъ. Оскья-гья былъ еще въ полномъ дѣйствиіи, изъ боковыхъ щелей его выходилъ густой паръ и выбрасывалась какая-то темно-зернистая вонючая масса и немного воды. По откосамъ горы стекала внизъ масса воды; это тѣмъ замѣчательнѣе, что на Дингинъ-фіэлъ нѣтъ ни глетчеровъ, ни снѣжныхъ вершинъ ²⁾). 7-го февраля 1876 года два предпримчивые исландца, Іовъ Торкелсонъ и Сигиндуръ Краксонъ, отправились туда изъ Барбадала, и имъ удалось съ величайшимъ трудомъ и большою опасностью спуститься въ жерло Оскья-гьи. На тысячу метровъ ниже верхняго края кратера они нашли дно здѣсь; они замѣтили озеро кипячей воды, по видимому чрезвычайно глубокое. У южной оконечности этого озера земля была разщелена и изрыта ямами, такъ что далѣе подвигаться въ этомъ направленіи не было ни какой возможности, между тѣмъ все пространство оглушалось подземнымъ громомъ. Къ сѣверу отъ кратера изслѣдователи нашли отверстіе въ 200 метровъ ширины и такой же, по видимому, глубины, какъ самый кратеръ. Изъ этого отверстія выходили сѣрные пары, сопровождаемые громкимъ, оглушающимъ шумомъ ³⁾).

По описанію профессора Іонструпа, который, вскорѣ послѣ того былъ на этомъ мѣстѣ, поверхность земли на 2 километровъ въ окружности была покрыта свѣтло-желтою пемзою, изверженною вулканомъ 29 марта. Многіе куски имѣли 0,40 кубич. метровъ объема, большая часть имѣла 15—20 сант. въ діаметрѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ слой пемзы былъ въ 1 метръ толщины, подъ нимъ лежалъ снѣжный слой 1874—75 годовъ въ 7 метровъ толщины, который не растаялъ потому, что былъ покрытъ толстымъ слоемъ пемзы, т. е. дурнымъ проводникомъ теплоты. Ближайшая окружность кратера съ сѣвера была покрыта пемзовымъ иломъ, поэтому приближаться къ нему нужно было съ величайшею осторожностью. Тѣмъ не менѣе, Іонструпу и лейтенанту Карону удалось увидеть дно кратера. Одинъ другого спускалъ внизъ на толстомъ канатѣ. При ширинѣ 100 метровъ, кратеръ имѣлъ глубину въ 50 метровъ; онъ былъ напол-

¹⁾ Nature т. XI стр. 154.

²⁾ «Nature» XIV стр. 83.

³⁾ «Nature» XIV стр. 181.

ненъ густыми водяными парами, поднявшимися изъ глубины отъ множества протоковъ. Шумъ, происходящій при выпусканіи паровъ изъ локомотива, даетъ слабое понятіе о томъ оглушающемъ шумѣ, которымъ сопровождалось поднятіе паровъ изъ глубины кратера. На южной сторонѣ кратера земля осѣла, образовавъ круглое озеро въ 1200 метровъ ширины; вода его имѣла температуру 22° Ц. ¹⁾).

Замѣчательно, что эти изверженія выкинули только пемзу, а не лаву. Необыкновенное развитіе паровъ, черезъ которые образовалась пемза, до сихъ поръ не имѣло на Исландіи примѣра. Это изверженіе сопровождалось въ то же время необычайнымъ дождемъ изъ золы ²⁾, перенесшимся даже въ Скандинавію. Въ ночь съ 29 на 30 марта, т. е. сутками позже, онъ выпалъ тамъ на большомъ пространствѣ западнаго Прибрежья отъ Сендмэра и Рамсдала до Трисгеля и далѣе въ Швеціи до Хаги, недалеко отъ Стокгольма. На самой Исландіи дождь золы простирался на пространство 5000 километровъ, на которомъ (независимо того количества золы, перенесеннаго за море въ Норвегію и Швецію), по составленному разсчету выпало въ одно утро 3,840 милліоновъ тоннъ золы. Объ этомъ замѣчательномъ явленіи природы, сравниваемомъ исландцами съ дождемъ золы, засыпавшемъ Геркуланумъ и Помпею, пробстъ Сигурдъ Гуннарсонъ пишетъ: „На второй день Пасхи, 29-го марта, слышали мы рано утромъ на западѣ сильный гулъ и грохотъ. Шумъ двигался по сѣверо-восточному направленію, вѣроятно потому, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ было дѣйствіе вулкана, вѣтеръ былъ юго-западный. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ воздухъ былъ густой и совсѣмъ черный. Около 9 часовъ начался бѣловато-сѣрый крупный дождь пемзы; отдѣльныя зерна были толщиною съ перловую крупу, но гораздо длиннѣе. Черное облако съ сѣвера приближалось, становилось темнѣе и дождь пемзы усиливался. За часъ до полудня пришлось зажечь свѣчи въ домахъ. Къ полудню на дворѣ было такъ темно, какъ въ плотно закупоренномъ вмѣстилищѣ; зги не видать было. Этотъ полнѣйшій мракъ продолжался цѣлый часъ. Въ домахъ, гдѣ свѣчи были зажжены, оконныя стекла преобразились въ зеркала, какъ будто они снаружи обложены стаціономъ. Свѣчи должны были горѣть четыре часа сряду. При сла-

¹⁾ «Глобусъ» т. XXXII стр. 32.

²⁾ О составѣ этого дождя золы см. «Ausland» 1875 г. № 24 стр. 465—469. Между Исландіею и Стокгольмомъ 1580 к. метр. По изысканіямъ проф. Мона, зола въ теченіи первыхъ 12 часовъ летѣла съ быстротою 80,47 километр. въ часъ; приблизившись къ норвежскому плоскогорью на разстояніе 96—130 километр., быстрота уменьшилась до 43,45 километр. въ часъ. Интересно то, что горные кряжи, подобные норвежскому, имѣютъ повидимому, положительное вліяніе на скорость теченія слоевъ воздуха, происходящаго ниже его возвышенія, уменьшая ее на половину уже на разстояніи 100—170 километровъ отъ нихъ.

бомъ восточномъ вѣтрѣ выпадала зола. Темнота постоянно освѣщалась молніями съ послѣдующими ударами грома. Воздухъ до такой степени былъ разряженъ электричествомъ, что на шпиляхъ башенъ и оконечностяхъ острооконанныхъ шестовъ показывалось пламя. Громовые удары, которые слѣдовали за молніями въ правильныхъ промежуткахъ, какъ-то особенно гремѣли, потому что воздухъ былъ наполненъ золою, препятствовавшею свободному движенію звуковъ; удары эти были скорѣе похожи на пушечные выстрѣлы, пущенные въ воздухъ съ промежутками. Когда темнота прошла и дождь пемзы уменьшился, облако потянулось къ западной долині, здѣсь оно какъ будто немного остановилось, а потомъ слабый вѣтеръ погналъ его медленно къ востоку. Затѣмъ опять выпала мелкая зола и начались сумерки. Тамъ, гдѣ я былъ, слой пемзы на возвышенныхъ мѣстахъ былъ $3\frac{1}{2}$ сантиметровъ, въ восточной части долины Флютъ 5 сантим., толщины, а въ приходяхъ Фелнаретъ и Валланесъ еще нѣсколько толще. Вездѣ зола лежала толще на низменныхъ мѣстахъ, такъ какъ вѣтеръ ее сметалъ съ вершинъ. Въ верхней части долины Юкуль слой пемзы былъ отъ 10—20 сантим. толщины; куски были больше, во многихъ мѣстахъ съ кулакъ, изрѣдка даже съ дѣтскую голову. Тамъ зола была горяча, тогда какъ у насъ только тепла и зерна были величиною съ кофейное зерно. Дождь золы сначала сопровождался сильнымъ запахомъ сѣры, который потомъ совсѣмъ исчезъ. Зола была безъ вкуса; но самая мелкая, освѣшая въ видѣ пыли на выдающіеся камни и плиты, имѣла вкусъ желѣза и соли. Слой золы, выпавшій у фюрдовъ, былъ тоньше, до $2\frac{1}{2}$ сантим. толщины и пемза мельче. Три дня сряду, при безвѣтріи, зола лежала совершенно спокойно. Скотъ оставался въ стойлахъ; а у овецъ, когда ихъ выгоняли, дѣлалось головокруженіе и онѣ бѣгали какъ шальныя. На четвертый день послѣ дождя поднялся сильный югозападный вѣтеръ, который сметалъ золу въ кучки въ 1— $1\frac{1}{2}$ метровъ вышины. На другой день поднялся встрѣчный сѣверозападный вѣтеръ, который опять покрылъ оголившіяся мѣста. Удостоверяютъ, что, въ верхней части долины Юкуль 20 дворовъ были оставлены своими жильцами. И въ нашей мѣстности многіе рѣшились оставить свои дворы, такъ какъ въ нынѣшнемъ году не будетъ пастбищъ для скота. Эта страшная катастрофа лишитъ большую часть жителей нашего востока ихъ благосостоянія, ихъ ожидаютъ голодъ и нужда. Всѣ поселенія, которыя прежде считались плодороднѣйшими изъ всей страны, болѣе всего пострадали, а тѣ которые уцѣлѣли, не будутъ въ состояніи переносить тѣ тягости, которыми ихъ обложатъ ¹⁾.

¹⁾ „Allgemeine Zeitung“, отъ 10 іюля 1875 и „Nature“ т. XII стр. 194.

Между тѣмъ, одновременно съ Ватна-Юкуль, еще другое жерло пришло въ дѣйствіе. Это жерло лежитъ къ сѣверу отъ Ватна и Дингинъ-фіэль и составляетъ окружность находящагося на сѣверо-востокѣ Исландіи романтическаго озера Миватнъ, т. е. озера Комаровъ, называемаго такъ по невообразимому количеству комаровъ, рои которыхъ до такой степени осаждаютъ путешественниковъ, что одинъ другого съ трудомъ видятъ; впрочемъ капитанъ Буртонъ, послѣдній ученый путешественникъ по Исландіи, это оспариваетъ. Миватнъ великолѣпное озеро чистѣйшей голубой воды и съ зелеными островами. Оно окружено дикомъ, угрюмомъ природою, на каждомъ шагѣ свидѣтельствующею о дѣйствіи вулканическихъ силъ. „Вся сѣверная сторона озера“, пишутъ Прейеръ и Циркель, „прежніе роскошные луга, нынѣ представляетъ страшныя скопленія застывшей лавы, эти массы лавы составляютъ результатъ изверженія близлежащихъ вулкановъ Кравла (Крабла) и Лейрхнукуръ въ теченіе 1824 до 1830 годовъ. Лава эта черная какъ уголь, имѣетъ пузырчатое строеніе; мѣстами густая тягучая масса разлилась въ видѣ круглыхъ полосатыхъ массъ, напоминающихъ форму печеныхъ хлѣбовъ, и сверху украшенныхъ какъ бы плетеными косами. Потоки лавы влились въ озеро, такъ что глубина его не болѣе 10 метровъ. Множество темныхъ рифовъ, выдающихся на его поверхности, придаютъ ему видъ чернаго зеркала, въ которомъ отражаются окружающія его вершины. Въ его срединѣ бьютъ горячіе ключи, паръ отъ которыхъ подымается довольно высоко¹⁾. Съ восточной стороны Миватнъ окаймленъ хребтомъ Солфатаренъ съ горою Намафіэль. Туфы, образовавшіе этотъ хребетъ, подъ влияніемъ кислыхъ испареній, превратились въ глину прослоенную полосами мучнистой сѣры. Находящіеся здѣсь сѣрные копи не разрабатываются съ начала нынѣшняго столѣтія. Буртонъ изслѣдованіе ихъ поставилъ себѣ задачею; къ возобновленію на нихъ работъ не представляется ни какихъ препятствій. Изъ щелей этихъ горъ вытекаетъ горячая вода и подымаются блѣдныя пары со свистомъ и шумомъ, часто даже съ какимъ-то воемъ и пыхтѣніемъ. По ту сторону хребта, на краю сухой равнины изъ лавы, лежатъ „Ма́кколубы“, или иловатые вулканы, котловины наполненные сиимъ, весьма тягучимъ иломъ, который находится въ безпрерывномъ кипѣніи, при чемъ масса эта часто всплескиваетъ на значительную вышину. Это суть остатки небольшихъ провалившихся горныхъ конусовъ, изъ которыхъ вулканическою силою образовались котловины. Позади ихъ слѣва. видѣются

¹⁾ Одинъ изъ послѣднихъ посѣтителей Миватна, Тордсенъ, описываетъ это озеро въ своей статьѣ: „Et Besög 1876 ved Myvatn paa Island.“ „Geogr. Tidsskrift. Kjöbenhavn“ 1878, № 7, стр. 116—120.

Гверіалль на озерѣ Миватнѣ.

застывшіе потоки лавы Лейрхнупура, справа Блафіэльъ, Бурфіэльъ и другія теряющіяся въ невѣдомыхъ пространствахъ горы, ни когда ни кѣмъ не посѣщенныя. Ихъ отдаленныя вершины закутаны въ темносинія облака, что придаетъ всей мѣстности характеръ безконечно угрюмый, пустынный, печально-дикій. Это — Миватнъ-Ораэфи, который не долженъ быть смѣшиваемъ съ Ораэфа-Юкуль¹⁾ въ южной части Ватны.

Около праздника Рождества въ 1858 году на сѣверо-востокѣ острова почувствовались сильныя подземныя удары, а вслѣдъ за тѣмъ въ западной части Миватна-Ораэфи образовалась трещина въ 20 километровъ длины и отъ 0,30 до 10 метр. ширины, изъ которой въ 14 или 15 различныхъ мѣстахъ одновременно извергалась лава. Меньшія трещины, образовавшіяся при этомъ землетрясеніи, извергали камни и золу, черезъ которыя потомъ полилась лава. Самый большой потокъ лавы шелъ изъ большой трещины. При ширинѣ отъ 1,50 до 4,80 метровъ онъ достигъ длины 21 километроуъ; онъ полился черезъ прежній уже застывшій потокъ, который былъ извергнутъ изъ отверстія, названнаго Свейна-гья. Это жерло недавно, въ мартѣ 1874 г., вновь открылось и оставалось въ дѣйствиіи съ промежутками до апрѣля слѣдующаго года. Эта лава базальтовая и отличается отъ прежнихъ изверженій только отсутствіемъ оливина²⁾. 18-го фѣвраля 1875 г. съ поселенія Гримстадръ былъ видѣнъ на западѣ сильный огонь въ такъ называемыхъ „Oesterbergen“. Отправившаяся туда экспедиція нашла, что вулканическое дѣйствіе происходило въ 32 километрахъ разстоянія отъ необитаемаго округа, къ западу отъ Свейна-гья, въ Аустурфьелѣ. Изверженіе было изъ многихъ жерлъ: лава изъ однихъ взгромоздилась въ видѣ замковъ, изъ другихъ же она разливалась, образуя обширныя поля. Большая часть кратеровъ еще дымилась по прибытіи посѣтителей. Самый большой потокъ, при 530—730 метрахъ ширины и отъ 2,50—5 километрахъ длины, составлялъ слой 0,60—1 метр. толщины, въ щеляхъ котораго, подъ образовавшеюся корою, еще видѣнъ былъ огонь. По временамъ въ кратерахъ происходили взрывы; и тогда и лава, и земля, и камни были выкидываемы на высоту 150 метровъ. Эти кратеры находились въ 65—80 километровъ разстоянія отъ Миватна³⁾. Послѣ того были изверженія изъ горъ Миватнъ 10-го марта и 4-го апрѣля; послѣднее въ юговосточномъ направленіи отъ Барфьеля, на полдорогѣ отъ него до рѣки Юкульса.

¹⁾ Oeraefa, Oeraefi значитъ уединеніе, пустыня.

²⁾ „Nature“ т. XIV стр. 83.

³⁾ А. а. О. т. XI стр. 514—515.

Туда отправилась экспедиція изъ Лаксардала. Она увидѣла, что по линіи съ сѣвера на югъ расположены три кратера, внезапно образовавшіеся на совершенно ровномъ мѣстѣ, они извергали лаву. Отъ этой линіи къ западу на 100—145 метр., при появленіи огня изъ кратеровъ, образовалась большая разщелина и земля опустилась на 5,5 метровъ. Сначала лава полилась въ это углубленіе, но потомъ изъ двухъ южныхъ вулкановъ она потекла въ югозападномъ направленіи. Сѣверное жерло—продолговатое, около 520 метр. длины; изъ него жидкая раскаленная до красна лава была выкинута столбами въ 60—100 метр. вышины. Кверху столбы эти расширялись въ видѣ пальмы, и лава, какъ брызги водопада, постепенно охлаждаясь во время паденія, посыпалась на землю въ видѣ маленькихъ осколковъ. Пламени не было видно, равно какъ и дыма отъ этихъ столбовъ, коихъ наблюдатель одновременно могъ видѣть отъ 20 до 30. Но раскаленная лава испускала сильный огненный свѣтъ и отъ нея отдѣлялся голубоватый паръ, который, подымаясь блѣднѣлъ; сила изверженія была такъ сильна, что, не смотря на сильный вѣтеръ, паръ подымался перпендикулярно въ воздухъ на высоту сотенъ цѣлыхъ метровъ¹⁾. 20-го и 24-го апрѣля опять были изверженія. Большіе камни были выкидываемы, такъ высоко, что только черезъ 45 секундъ они упали на землю, страшные потоки лавы разлились по странѣ напространствѣ длиною въ 20 километровъ при ширинѣ въ 800—2000 метровъ. Настоящій періодъ вулканической дѣятельности Миватна-Оразѣи продолжался до 18 октября 1875 г. Съ тѣхъ поръ на немъ не было больше изверженій²⁾. Ватсъ, окончивъ свое изслѣдованіе Ватнай-Юкуль, въ августѣ былъ еще свидѣтелемъ одного изверженія на Миватнѣ-Оразѣи³⁾. Только еще зимою 1877 года въ Исландіи внезапно сдѣлалась немовѣрная жара, такъ что жители опасались какого-нибудь необычайнаго происшествія, но все ограничилось обильными дождями и подземнымъ гуломъ, сопровождаемымъ вулканическимъ изверженіемъ мелкой золы⁴⁾. Въ 1876 г. профессоръ Йонструпъ осмотрѣлъ и вновь образовавшіеся въ 1875 г. вулканы Миватна-Оразѣи. Оказалось, что они совершенно другого вида, чѣмъ кратеры хребта Дингинъ. Масса изверженной лавы составляла по крайней мѣрѣ 300 милліоновъ кубическихъ метровъ, т. е. въ пятнадцать разъ болѣе количества лавы, изверженной Везувіемъ въ 1794 и въ 1855 гг. Нижніе слои еще были горячи; теплота отъ нихъ выходила черезъ скважины верхнихъ наслоеній.

¹⁾ „Nature“ т. XII стр. 75.

²⁾ „Nature“ т. XIII стр. 185.

³⁾ „Nature“ т. XII стр. 446.

⁴⁾ „Nature“ т. XVII стр. 171.

За этимъ обзорѣніемъ позднѣйшихъ вулканическихъ явленій Исландіи, обратимся теперь къ прочимъ орографическимъ условіямъ этого острова. Главный хребетъ тянется съ сѣверо-запада на юго-востокъ и образуетъ въ серединѣ большую плоскую возвышенность, пересекаемую, въ свою очередь, кряжами горъ. Въ сѣверо-западной части острова находится отдѣльный горный кряжъ съ вершинами Дранга и Гламмъ-Юкуль. По сѣверной части Исландіи проходятъ горныя возвышенности, невулканическаго свойства съ немногими вершинами выше снѣжной линіи, пересеченныя многими долинами, отчасти плодородными. Снѣжная линія проходитъ по Исландіи на вышинѣ 877—975 метровъ надъ уровнемъ моря. Отъ Рейкьявика къ западу начинается другой кряжъ, средняя часть котораго вулканическая. Онъ тянется по западной части острова въ восточно-сѣверо-восточномъ направленіи. Отъ южной оконечности Ватна-Юкуль, наконецъ, отдѣляется третій хребетъ, всецѣло вулканическій. Пролегая вдоль берега съ высотой 1704 метровъ, онъ образуетъ, вмѣстѣ съ другими коническими вершинами группу горъ подъ названіемъ Эяфьяла-Юкуль или Эстеръ-Юкуль (гора острововъ), оканчивающаяся нѣсколько сѣвернѣе возбуждающимъ страхъ и опасенія вулканомъ Гекла, Везувіемъ Исландіи.

Гекла значитъ „плащъ“, „шинель“, и такое названіе вулканъ получилъ вслѣдствіе того, что вершина его постоянно какбы одѣта туманнымъ плащомъ. Вышина Геклы не очень значительна, простираясь до 1556 ¹⁾ метровъ, а по показаніямъ другихъ до 1610 метровъ. Вулканъ этотъ представляетъ одну изъ самыхъ любопытныхъ горныхъ высотъ всего міра. Нугарé, поднявшійся на него изъ Рейкьявика въ 1866 г., далъ превосходное описаніе его: „Дорога подымается между двумя громадами изъ лавы; по бокамъ мѣстами текли рѣчки, питаемыя водою таящихъ снѣговъ. Иногда ущелье было, такъ сказать, перегорожено кучами шлака и золою, столь рыхлою, что лошади проваливались по брюхо. Подымались мы такъ медленно, что, при выходѣ изъ перваго ущелья, послѣ продолжительнаго шествія по безчисленнымъ его извилинамъ, намъ казалось, что мы ни сколько не приблизились къ цѣли нашихъ стремленій. Послѣ двухчасоваго хода по этимъ суровымъ, непривѣтливымъ ущельямъ, мы достигли кратера, почти наполненнаго шлакомъ. Въ полутораста шагахъ отъ него мы увидѣли трещину, изъ которой прерывисто подымался дымъ. Недалеко

¹⁾ Эта цифра, по мнѣнію Г. Ф. Родвелля, представляется единственно вѣрною. Она соответствуетъ дѣйствительной высотѣ въ 4961 датскихъ = 5108 англійск. футовъ. (См. „Nature“ Bd. XVIII, стран. 641—642).

«Въ обл. вѣчн. льда».

оттуда, вошли мы въ долину нѣсколько болѣе обширную, чѣмъ всѣ, которыя мы проходили до сихъ поръ; но здѣсь движеніе впередъ было крайне затруднено облаками пыли, которою вѣтеръ засыпалъ глаза, носъ и ротъ. Немного спустя, нашли мы нѣсколько закрытое мѣсто и здѣсь мы остановились для привала. Растительность на этомъ мѣстѣ была такъ скудна, что даже нечѣмъ было покормить лошади. Кругомъ почва безплодная, голая; мертвая тишина нарушалась только гудѣніемъ вѣтра, прорывавшагося черезъ щели пемзы и скользящаго по ея ноздреватой поверхности. Иногда слышались такіе музыкальные звуки, что можно было подумать, что слышишь какую-то дивную гармонію, иногда же, наоборотъ, вой вѣтра вселялъ нѣчто въ родѣ страха“.

Въ три часа утра Нугаре со своимъ единственнымъ проводникомъ поднялся опять съ мѣста и вскорѣ дошелъ до узкаго потока лавы позднѣйшаго времени, чѣмъ 1847 годъ, въ которомъ, какъ полагали, будто бы было послѣднее изверженіе. „Лавя была бурая, и, подобно металлу, издавала при ударѣ звукъ и имѣла чрезвычайно странныя формы, иногда формы вѣтвистыхъ коралловъ, иногда рѣшетки. Весь потокъ имѣлъ видъ стѣны изъ пемзы въ 2 метра вышины и въ 1,30 метровъ толщины; она была такъ ровна, какъ будто сложена искусствомъ человѣческихъ рукъ. Подымаясь мы шли по ней, говорить Нугаре, около 500 метровъ, и проводникъ, который носилъ башмаки изъ тюленьей шкуры, шелъ такъ же легко, какъ будто по ровной улицѣ. Затѣмъ мы уклонились отъ этого пути и шли полчаса по свѣжой площади, пока достигли узкаго ущелья, которое тянулось между глыбами шлака громаднхъ размѣровъ. Тамъ и сямъ валялись куски краснаго галенита (свинцовый блескъ) должно быть, свесенные съ вершинъ кратера теченіемъ лавы. Встрѣчали мы множество еще другихъ веществъ, иногда въ видѣ бомбы, разорванной на мѣстѣ, гдѣ упала, въ серединѣ которой видны были кристаллы полевого шпата; попадалась намъ здѣсь также масса сѣроватыхъ кусковъ, образовавшихся изъ смѣси пемзы съ краснымъ и чернымъ шлаками и еще другими веществами и измѣнившихся отъ вліянія сѣрныхъ газовъ. Эти разнородныя массы всегда находятся у самаго истока лавы, что легко объяснимо. Когда изверженіе на столько утихаетъ, что уже болѣе нѣтъ достаточной силы выкинуть огненную жидкость, тогда эта жидкость постепенно твердѣетъ, наполняя собою всѣ отверстія и трещины, пока она, наконецъ, не закроетъ жерло кратера, какъ бы огромною втулкою. Если за тѣмъ снова произойдетъ изверженіе изъ того же кратера, то оно прежде всего должно выдвинуть эту втулку. При внезапномъ и сильномъ изверженіи, очень естественно, куски втулки далеко выбрасываются. Это служить объясненіемъ такъ называемыхъ

каменных дождей, которые происходят при началѣ каждого изверженія и при которыхъ камни высоко выбрасываются въ воздухъ. Подавленное состояніе духа, вызванное суровою обстановкою ущелья, еще болѣе усиливалось царствовавшею тамъ мертвою тишиною. Ни единого живаго существа, ни цвѣточка, ни травинки тамъ не было. Не было слѣда, чтобы здѣсь была когда нибудь человѣческая нога. Въ 1849 году былъ на этой горѣ какой-то англичанинъ, какъ свидѣтельствуешь надпись, высѣченная имъ на камнѣ съ обозначеніемъ времени своего тамъ пребыванія. Съ тѣхъ поръ тамъ никто не былъ.

„Послѣ того, какъ я перешелъ черезъ послѣдній глетчеръ,—продолжаетъ Нугарэ,—я нашелъ, что путь усянъ огромными кусками шлага. Передо мною разстился такой густой туманъ, что невозможно было опредѣлить, какія предстояли еще затрудненія до того, какъ я достигну вершины, которая, какъ я имѣлъ основаніе думать, была уже не далеко. Туманъ отличался острымъ запахомъ сѣры, что указывало на близость жерла. Онъ замѣтно. постепенно сгущался, и это хорошій признакъ, когда, туманъ опускается на землю въ видѣ дождя. Это, дѣйствительно, и случилось: черезъ часъ туманъ прошелъ, и я могъ осмотрѣться.

„Въ серединѣ круга, имѣющаго, приблизительно, 2000 метровъ въ поперечникѣ и края котораго были покрыты снѣгомъ, красуется кратеръ, такой совершенной и изящной формы, какую только можетъ произвести мощная природа. Онъ имѣлъ видъ короны какого либо герцога и былъ бы вполне на нее похожъ, еслибы не имѣлъ отверстія съ западной стороны. Это отверстие дало мнѣ возможность видѣть: внутренній его разрѣзъ, который, какъ я замѣтилъ, былъ краснаго цвѣта, съ желтыми пятнами. Со всѣхъ сторонъ подымались густые пары. Кромѣ этихъ паровъ, ничего не было такого, чтó могло бы внушить какія-либо опасенія при спускѣ въ кратеръ. Я прошелъ во внутрь кратера черезъ упомянутое выше отверстіе. Здѣсь я находился въ продолговато-округленномъ пространствѣ, имѣющемъ въ длину не болѣе 95—100 метровъ, а вышины около 20 метровъ. Откосы имѣли наклонъ 70° и 75°. Трещинъ было множество, и изъ нихъ выходили газообразные пары. Спустившись на самое дно, я увидалъ недалеко оттуда прежнее жерло, которое теперь было закрыто вулканическими веществами со снѣгомъ. Отъ теплоты, испускаемой горою, въ снѣгу сдѣлалось углубленіе въ 1 метръ вышины. Въ это углубленіе я старался проникнуть, но меня оттолкнули газы. Обойдя кругомъ, я нашелъ еще два другихъ жерла, изъ которыхъ наибольшее, лежавшее къ востоку, имѣло 13 метровъ въ ширину. Чтобы, по возможности, избѣгнуть вдыханія газовъ, я легъ на животъ и ползкомъ добрался до самаго края жерла, такъ что могъ заглянуть внизъ. Я увидѣлъ, что въ про-

межуткахъ между излініями паровъ, въ темной глубинѣ, появлялись свѣтлые лучи, которые, подобно блудящимъ огнямъ, переходили съ мѣста на мѣсто. Кромѣ этого, не было никакихъ указаній, по которымъ бы можно было предполагать, что вулканъ не потухъ. Отъ этого отверстія я пошелъ къ другому, отстоявшему отъ перваго не болѣе 15 шаговъ и представлявшаго значительно меньшіе размѣры. На краю этого жерла лежалъ большой кусокъ лавы, который я сбросилъ въ бездну. Черезъ 23 секунды поднялись изъ глубины послѣдовательно нѣсколько струй сѣрникоислыхъ газовъ, столь сгущенныхъ и сильныхъ, что я вынужденъ былъ махать своимъ полотенцемъ передъ моимъ лицомъ, чтобы не задохнуться. Вся внутренность кратера освѣтилась пламенемъ, такъ что я испугался, и мнѣ, при видѣ этого, пришла странная мысль: будто мое положеніе почти то же, какъ бы я лежалъ на днѣ зажженной чаши съ пуншемъ и глядѣлъ вверхъ на горящій по поверхности ромъ. Къ счастью это неожиданное явленіе продолжалось только одно мгновеніе. Газы разбѣялись, и Гекла, встревоженная на нѣсколько секундъ, снова сдѣлалась спокойною.

„Не долго оставался я въ кратерѣ, для того только, чтобы записать мои наблюденія и собрать нѣсколько кусковъ различныхъ веществъ. При уходѣ оттуда термометръ показывалъ $+5^{\circ}$. На высотѣ 1520 метровъ онъ показывалъ -2° , а на днѣ кратера, гдѣ онъ былъ защищенъ отъ вѣтра и лучи солнца на него падали, $+18^{\circ}$ Ц. Большія кучи сѣрной пыли, частицы которой равнялись горюшину, виднѣлись въ различныхъ мѣстахъ. Подняться на нихъ было очень трудно, потому что ноги глубоко вязли въ кучахъ сѣры. Съ верхушекъ этихъ кучъ можно было весьма удобно разсмотрѣть всю формацію горы и всей ея обстановки. Главные потоки лавы имѣли направленіе юго-западное, а масса изверженныхъ веществъ была такъ велика, что изверженія Этны въ сравненіи съ нею были ничтожны. По сторонамъ горы находились еще другіе кратеры, конусы которыхъ, гордо высясь, составляли, такъ сказать, тройной вѣнецъ на сѣдой головѣ казого-нибудь престарѣлаго патріарха. Съ вершины Геклы можно обозрѣть всю южную часть острова: зеленныя рѣки, сначала медленно извиваясь между возвышеніями, потомъ расширяются на просторныхъ площадяхъ; къ сѣверу отъ Геклы красовалась въ разноцвѣтныхъ радугахъ вода, выбрасываемая гейзерами («пучина», горячіе ключи), къ югу суровые глетчеры отражались на морской поверхности и освѣщали другъ друга отраженіемъ отъ себя лучей солнца, не знающаго въ это время года заката ¹⁾.

¹⁾ «Aunsland» 1867 стр. 708—711. 27-го февраля 1878 года на Геклѣ было

Говоря объ Исландіи, не говорить о ея горячихъ ключахъ — было бы проступкомъ по отношенію къ читателю. Горячіе ключи, равно какъ и иловатые изверженія и сѣрные гущи, распространены по Исландіи въ такомъ множествѣ, какъ нигдѣ на земномъ шарѣ. Между ними различаютъ „лангаръ“, кремнекислые источники, если они тепловаты, и „хваериръ“ или „кједлеръ“, если они горячи, кипучи. Минеральные источники „элькеддуръ“, т. е. пивные источники, встрѣчались часто на западѣ, близъ моря, даже среди рѣкъ

Карта подземныхъ источниковъ.

и ручейковъ. Большіе источники-фонтаны называются „гейзеръ“, т. е. пучина, произведенное отъ исландскаго слова „geysa“, что значить: съ яростью прорываться, неистовствовать, бѣсноваться. Самый знаменитый изъ этихъ источниковъ-фонтановъ — „большой Гейзеръ“, расположенный на зеленѣющей равнинѣ у подошвы Барнафѣля, на сѣверозападъ отъ вершины Геклы. Изъ Рейкьявика дорога туда пролегаетъ по долинѣ, Алманнагья къ озеру Тинг-

сильное изверженіе, вслѣдствіе чего образовалось нѣсколько новыхъ жерлъ. Г. Ф. Родвелль, посѣтившій эти мѣста 21-го августа 1878 г. составилъ подробный отчетъ объ этомъ изверженіи съ картою. „Nature“, т. XVIII, стр. 596—598.

валла. Лордъ Дуфферинъ справедливо говоритъ, что стоить сдѣлать нарочное кругосвѣтное путешествіе, чтобы видѣть Алманнагъю. являющуюся въ видѣ громадной разщелины въ потокѣ лавы столоннообразными стѣнами въ готическомъ вкусѣ. Пройдя эту долину,

Гейзеръ, при началѣ изверженія.

подходимъ къ живописному озеру Тингвалла или Тингвеллиръ. Прозрачность его воды позволяетъ рассмотретьъ, что по дну его многія трещины идутъ вертикально въ глубь. Это озеро съ окружающими его ледяными горами и живописнымъ хаосомъ лавы производитъ на зрителя такое плѣняющее впечатлѣніе, что онъ невольно

опять и опять смотреть на дивное озеро съ его дико-романтическими берегами. Отсюда еще одинъ день перехода до области гейзера. Большой гейзеръ просто называется гейзеръ. Родственный ему источникъ, Строкъръ, такъ названъ по сходству формы его первоначальнаго отверстія съ кадкою, которая на островѣ употребляютъ для масла. Гейзеръ выкидываетъ воду каждые 6—7 дней, въ три приѣма. Первому изверженію предшествуетъ подземный гулъ; затѣмъ подымается, какъ чудное видѣніе, бѣло-серебри-

Водоемъ Гейзера послѣ изверженія.

стая колонна на вышину 5 метровъ, и немедленно опять исчезаетъ. Все это совершается съ такою мгновенною быстротою, что зритель съ трудомъ можетъ себѣ составить вѣрное понятіе о вышинѣ колонны. Вскорѣ за тѣмъ слѣдуетъ второе изверженіе, колонною въ 13 метровъ вышины, но она уже не такъ правильна, не такъ стройна и ровно-быстра во всемъ своемъ объемѣ: напротивъ, обильнымъ крупнымъ дождемъ она разливается по окружающимъ горамъ. Зрѣлище кончается третьимъ изверженіемъ, но уже

не въ видѣ колонны, а какъ мощная струя, къ верху суживающаяся, вода со свистомъ подымается гораздо выше, чѣмъ въ оба предъидущіе раза ¹⁾. Строкъ чрезвычайно неправиленъ въ своихъ изверженіяхъ; но эти изверженія могутъ быть вызваны во всякое время, стоитъ только бросить немного торфа въ его отверстіе.

Бунзенъ весьма просто, и въ то же время очень изящно, объясняетъ явленіе гейзера. Гейзеръ самъ себя устроилъ необходимое для фонтана приспособленіе, образовавъ постепенно проводную трубу изъ известковыхъ натековъ. Вода, для обращенія въ пары при высокомъ давленіи, требуетъ болѣе теплоты, чѣмъ при низкомъ давленіи. Если, поэтому, въ нижнюю часть пріемника, содержащаго воду гейзера, изъ побочныхъ каналовъ проникаетъ болѣе горячая вода, то это вызоветъ изліяніе сверху, вслѣдствіе чего уменьшается давленіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, является возможность образованія паровъ. Послѣ перваго изверженія дальнѣйшее образованіе паровъ имѣло бы послѣдствіемъ, что вода пошла бы быстро по трубѣ; но возвращающаяся въ трубу охлажденная вода нѣсколько уменьшаетъ теплоту, необходимую для образованія паровъ, и поэтому являются промежутки между первымъ и вторымъ и между вторымъ и третьимъ изверженіями. Всякое послѣдующее изверженіе, разумѣется, сильнѣе предъидущаго, такъ какъ съ уменьшеніемъ давленія образованіе паровъ дѣлается обильнѣе.

Мы познакомились съ природою Исландіи въ главныхъ ея чертахъ. Англійскій изслѣдователь Джемсъ Брейсъ весьма остроумно даетъ намъ характеристику острова, описывая все то, чего на островѣ нѣтъ. На Исландіи нѣтъ деревъ, тамъ нѣтъ ни зернового хлѣба, ни какихъ другихъ плодовъ. Произрастаютъ въ небольшомъ количествѣ рѣпа и картофель, которыя часто дозрѣваютъ только до половины. Изъ домашнихъ четвероногихъ тамъ знаютъ только песца, который вѣроятно, какъ и бѣлый медвѣдь, приходитъ туда на льдинахъ изъ Гренландіи и, въ рѣдкость, знаютъ еще сѣвернаго оленя²⁾, завезеннаго туда около столѣтія тому назадъ. Кромѣ Рейкьявика тамъ нѣтъ города; нѣтъ деревни, кромѣ Акрейри, нѣтъ гостиницы, кромѣ какъ въ городѣ; нѣтъ куръ, нѣтъ утокъ, нѣтъ гусей, кромѣ дикихъ, нѣтъ свиней, нѣтъ ословъ, нѣтъ муловъ, нѣтъ улицъ, нѣтъ телѣгъ, нѣтъ торговыхъ лавокъ, нѣтъ промышленности, нѣтъ еретиковъ и лютеранства; нѣтъ бѣдныхъ, нѣтъ флота, нѣтъ ни добровольныхъ, ни другихъ блюстителей общественного порядка, кромѣ

¹⁾ По мнѣнію капитана Буртона, замѣчается у большого гейзера уменьшеніе силы изверженія, а слѣдовательно и меньшая высота, на которую вода выкидывается.

²⁾ На Исландіи только два стада дикихъ оленей: одно у Кризувика, а другое сѣвернѣе Ватна-Юкуль.

одного полицейскаго въ Рейкьявикѣ; нѣтъ преступниковъ, и только два адвоката ¹⁾, наконецъ нѣтъ и змѣй ²⁾. Что же имѣется на Исландіи? Снѣгъ, горы, глетчеры, горячіе ключи, вулканы, землетрясенія, сѣверныя сіянія, вороны, болота и, болѣе всего, пустыни ³⁾. И такъ на Исландіи отпечатлѣлись слѣды ужасовъ—и не даромъ датчане, которые не очень расположены къ исландцамъ, говорятъ: „Господь Богъ создалъ міръ, а дьяволъ Исландію“. Тѣмъ не менѣе, на мѣстѣ говорится: „Исландія наилучшая земля, которую солнце освѣщаетъ!“ Такъ исландецъ привязанъ къ своей землѣ, такъ онъ любитъ мѣстные свои обычаи, завѣщанные ему предками. Поэтому, по всей справедливости, слѣдуетъ посвятить нѣсколько словъ нынѣшнимъ жителямъ полярнаго острова.

Исландцевъ весьма немного. На островѣ не болѣе 71,000 жителей; между ними большая смертность: изъ тысячи новорожденныхъ только 567 достигаютъ 14 лѣтняго возраста, что приписывается тому обстоятельству, что матери не сами кормятъ своихъ дѣтей. Замѣчательно численное отношеніе мужского пола къ женскому: на 1000 мужчинъ приходится 1120 женщинъ. Женщины чрезвычайно плодовиты, браки съ 20—24 дѣтьми не рѣдкость. Исландцы суть непосредственные потомки древнихъ норвежскихъ пришельцовъ и сохранили чистоту крови, какъ, можетъ быть, нигдѣ въ Европѣ. Они очень похожи по наружности на норвежцевъ, и ихъ норманно-германское происхожденіе сказывается какъ въ ихъ фигурѣ, такъ и во всемъ быту. Исландецъ хотя и небольшого роста, но онъ строенъ, имѣетъ здоровый цвѣтъ лица, прекрасные зубы, свѣтлыя волосы, некрасивъ, но крѣпокъ. Путешественники не безъ восхищенія отзываются о женщинахъ и дѣвушкахъ исландскихъ. Исландскій языкъ — норвежско-датское нарѣчіе, которое сохранилось, благодаря отдаленности края, во всей своей первобытной древности, такъ что нынѣшній исландскій языкъ относится къ современному датскому, какъ языкъ германскій времянь Гогенштауфеновъ къ нынѣшнему германскому. Какъ въ языкѣ народномъ, такъ и въ обычаяхъ, въ домашней жизни и въ общественномъ устройствѣ, сохранилось все древне-норвежское; между тѣмъ во всемъ бытѣ ихъ, по замѣчанію Брейса, нѣтъ ничего похожежаго на ихъ древне-норманскихъ предковъ. Нынѣшній исландецъ, по всей справедливости, въ этнологіи нашей части свѣта долженъ быть разсматриваемъ какъ совершенно обособленное существо.

¹⁾ И только три аптеки, прибавляетъ авторъ.

²⁾ Нѣтъ и бабочекъ. (См. «Nature» т. XVII стр. 243, 260.

³⁾ James Bryce. «Impressions of Ireland» (Coruhill Magazine 1874 т. XXIX стр. 553).

Весь бытъ исландцевъ носить отпечатокъ серьезнаго, меланхолическаго характера. Они всегда спокойны, сдержанны и серьезны, покорны и скромны, повидимому даже флегматичны, но не лишены остроумія. Исландцы вовсе не смѣются, или по крайней мѣрѣ очень мало; дѣти ихъ въ игрѣ не шумятъ, не ссорятся, они наслаждаются тихимъ образомъ. Меланхолическая серьезность исландцевъ болѣе всего доказывается тѣмъ, что они, сколько извѣстно, принадлежатъ къ тѣмъ немногимъ народамъ земнаго шара, у которыхъ нѣтъ національной пляски. Шумнаго веселья они вовсе не знаютъ, никогда не поютъ, даже въ церкви только речитируютъ. Ихъ народныя пѣсни, по своему монотонному напѣву, не заключающему никакой мелодіи, и невольно располагаютъ къ грусти. Но Брейсъ увѣряетъ, что исландецъ разговорчивъ, по крайней мѣрѣ болѣе, чѣмъ вообще британецъ или даже испанецъ. Онъ хотя и не трудолюбивъ, но покоряется необходимости, и тогда въ трудѣ стоекъ и сносливъ. Вообще въ исландцѣ замѣчается недостатокъ энергіи и отсутствіе всякой предприимчивости, и въ этомъ отношеніи онъ составляетъ совершеннѣйшую противоположность своимъ смѣло-предприимчивымъ и подвижно-дѣятельнымъ предкамъ. Исландецъ и нерѣшителенъ, и неподвиженъ, и неловокъ въ своихъ движеніяхъ. Между другими добродѣтелями исландцевъ ¹⁾, превозносятъ ихъ глубокую честность, вѣрность, благонадежность, чрезвычайное добродушіе и невѣроятную умѣренность. Что касается послѣдняго качества, то оно распространяется только на извѣстные предметы, какъ мы скоро узнаемъ. Мейнике рассказываетъ о нихъ, что въ чувственныхъ наслажденіяхъ они умѣренны и воздержны и что только рыболовы, равно какъ и бывающіе въ близкихъ сношеніяхъ съ морями на торговыхъ пунктахъ, составляютъ исключеніе. По крайней мѣрѣ что касается употребленія вина ²⁾, то другія сужденія о нихъ гораздо менѣе благоприятны. Капитанъ Буртонъ нашелъ въ Рейкьявикѣ поразительную неводержимость въ употребленіи спиртныхъ напитковъ и приводитъ изреченіе одного исландца, который, согласно мнѣнію Буртона, говорилъ, что ему пришлось видѣть въ Рейкьявикѣ, въ теченіи одного дня, болѣе пьяныхъ, чѣмъ во все свое пребываніе въ Великобританіи. Если это и преувеличено, то не подлежитъ сомнѣнію, что въ Исландіи пьянство значительно усиливается, и что народъ развращается чрезмѣрнымъ употребленіемъ водки, къ тому же еще очень дурного

¹⁾ Преступленій на Исландіи не знаютъ. Въ Рейкьявикѣ была построена тюрьма, но она постоянно пуста, и такимъ образомъ является предметомъ непозволительной роскоши.

²⁾ «Globus», т. XVIII, стр. 363.

Полуночное солнце.

качества. Мы знаемъ также изъ другихъ источниковъ ¹⁾, что порокъ этотъ весьма распространенъ на Исландіи; есть тамъ именно завзятые пьяницы, которые предаются этому періодически, т. е. пьютъ запоемъ. Съ этою цѣлью они ежегодно нѣсколько разъ посѣщаютъ ближайшіе торговые порты ²⁾. На подобное-же явленіе указываетъ и Винклеръ, который путешествовалъ по Исландіи болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Но онъ приписываетъ этотъ порокъ отчасти холодному климату, и полагаетъ, что исландцу, на этомъ основаніи, можно простить, что онъ сдѣлалъ флягу водки постояннымъ своимъ спутникомъ, и что нельзя удивляться, если встрѣтишь самаго пастора или даже болѣе одного, въ полусознательномъ состояніи, у забора своего дома. Если порокъ этотъ въ прежнее время былъ менѣе распространенъ, то во всякомъ случаѣ онъ за послѣднія десятилѣтія значительно усилился.

Точно въ такомъ же положеніи находится восхваляемое гостепріимство исландцевъ. Мейнике писалъ въ 1870 году: „Гостепріимство между исландцами въ такой степени распространено, что оно мнѣ представляется баснословнымъ“ ³⁾, а Нугарэ увѣряетъ: „гостепріимство на островѣ всеобщее и само собою разумѣется“ ⁴⁾. Изъ новѣйшихъ путешественниковъ только Джемсъ Брейсъ ⁵⁾ съ благодарностью вспоминаетъ о гостепріимствѣ исландцевъ; Винклеръ уже жалуется, что, не смотря на господствующую повсюду воздержность, путешествіе по Исландіи обходится довольно дорого. Такъ какъ тамъ нѣтъ гостинницъ, то путешественники обыкновенно останавливаются у пасторовъ; но даже самое духовное званіе не ограждаетъ отъ того, чтобы, при случаѣ, не обсчитать путешественника и безцеремонно взять съ него лишнее. Такимъ образомъ разъ одинъ изъ этихъ служителей алтаря потребовалъ сначала отъ Винклера 10 талеровъ, и когда увидѣлъ, что послѣдній собирался ихъ безотговорочно заплатить, онъ поторопился потребовать 12 и, вслѣдъ за тѣмъ, даже 14 талеровъ. Когда и эти были уплачены, то достойный мужъ послалъ вслѣдъ за нимъ своего сына, чтобы выманить еще два талера, въ чемъ однако ему было отказано ⁶⁾. Буртонъ вполне подтверждаетъ, что наплывъ англійскихъ туристовъ съ 1862 г. въ высшей степени дурно повліялъ на исландцевъ и сдѣлалъ изъ нихъ самыхъ корыстолюбивыхъ и жадныхъ людей. Сами исландцы жалуются, что въ ихъ „большомъ городѣ“ водворился развратъ, и Винклеръ уже упоминаетъ о рейкьявикскомъ полу-

¹⁾ Исландія и Исландцы. «Unsere Zeit» 1872, т. II, стр. 690.

²⁾ «Globus» т. XV, стр. 101. ³⁾ «Globus» а. а. О.

⁴⁾ А. а. О. Bd. XV, стр. 101.

⁵⁾ «Cornhill Magazine» 1874. т. XXIX, стр. 568.

⁶⁾ «Ausland» 1861 г. стр. 1060.

свѣтъ (demi-monde). Опасность соблазна для иностранца впрочемъ не слѣдуетъ преувеличивать, такъ какъ въ возрастѣ выше 15 лѣтъ рѣдко встрѣтите тамъ хорошенькое личико. Что касается ихъ благочестія, то мнѣнія упоминающихъ о немъ крайне различны; нѣкоторые полагаютъ, что исландцы очень религіозны и богобоязненны. Вѣрно одно, что они, всѣ безъ исключенія, лютеранскаго вѣроисповѣданія и что духовенство имѣетъ большое вліяніе на нихъ. Духовныя лица—настоящіе учителя народа, и между ними замѣчательно распространено общее образованіе, хотя въ нѣкоторой степени очень одностороннее. Суевѣріе, въ связи со всевозможными предразсудками, не поддавалось вліянію духовенства. Исландецъ вѣритъ, что злой духъ можетъ тревожить человѣка посредствомъ различныхъ волшебствъ и что колдовство можетъ вліять на его судьбу ¹⁾).

Исландцы, безспорно, одарены большимъ природнымъ умомъ; но если имъ приписываютъ высокую нравственно-духовную силу, то это просто преувеличенная оцѣнка мѣстнаго образованія. Справедливо, что не найдешь на всемъ островѣ ни одного ребенка свыше девяти лѣтъ, который не умѣлъ бы читать и писать; но справедливо и то, что во всемъ краѣ только одно училище, и что правительство, кромѣ преподаванія закона Божія, которое поручено попеченію наставровъ, не заботится о распространеніи какихъ бы то ни было первоначальныхъ познаній ²⁾). Родители учатъ дѣтей тому, что они сами знаютъ. Далѣе справедливо еще и то, что въ Исландіи мало домовъ, въ которыхъ бы не было собранія книгъ; что исландцы любятъ читать, что даже низшій классъ вполне знакомъ съ прошлымъ своей родины, даже наизусть знаетъ древнія саги и что слѣдовательно исландскій простолюдинъ въ общей сложности имѣетъ гораздо болѣе познаній, чѣмъ въ болѣе части государствъ европейскаго континента; но это образованіе имѣетъ свой, совершенно особый, отбѣнокъ и складъ, подъ которыми мы ни какъ не можемъ разумѣть настоящее образованіе. Исландцы дѣйствительно знакомы съ нѣкоторыми отраслями отвлеченныхъ человѣческихъ знаній, съ исторіею (въ особенности знаютъ эдды и саги), съ богословіемъ и поэзіею, но на поприщѣ механическихъ и естественно-историческихъ познаній, этихъ основаній современной цивилизаціи и народнаго хозяйства, исландцы сильно отстали. У нихъ нѣтъ никакой любви къ умственнымъ занятіямъ или склонности къ научнымъ изслѣдованіямъ и усовершенствованіямъ, что доказывается отсутствіемъ какихъ либо выдающихся личностей, являющихся вездѣ, гдѣ народное образованіе стоитъ на высокой степени, равнымъ образомъ у нихъ нѣтъ того матеріальнаго развитія,

¹⁾ «Ausland», 1854 г. стр. 1192.

²⁾ «Unsere Zeit», 1872 II Bd. стр. 610.

которымъ обусловливается всякое высшее духовное стремленіе. Такъ какъ дѣтей учатъ въ родительскомъ домѣ, то дѣвушки научаются всему тому, что преподается сыновьямъ; изъ иностранныхъ языковъ немного латини и датскаго языка, и такимъ образомъ женщина въ познаніяхъ вполне равняется мужчинамъ; о развитіи же другихъ способностей нѣтъ и рѣчи, развѣ въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ. Дѣвушки не рисуютъ, потому что рисовать нечего; онѣ не танцуютъ, потому что растутъ въ полнѣйшемъ уединеніи, такъ какъ отдаленность дворовъ другъ отъ друга исключаетъ возможность общежительныхъ сходокъ, къ тому же и самое помѣщеніе въ домахъ этого не позволяетъ ¹⁾; онѣ музыкою не занимаются потому, что слишкомъ трудно добыть инструменты. Число находящихся на островѣ клавикордовъ можно пересчитать по пальцамъ. Въ столицѣ Рейкьявикѣ можно встрѣтить 4—5 человекъ, которые говорятъ по-англійски, столько же и по-латыни, двое-трое по-нѣмецки и столько же говорящихъ на какомъ-то языкѣ, который считается французскимъ ²⁾. Внутри страны дѣло образованія еще въ худшемъ положеніи: познанія пасторовъ въ латинскомъ языкѣ далеко не ушли. Разсказъ Мейнике ³⁾ о томъ, будто исландскій крестьянинъ хорошо знаетъ исторію Англіи или лѣтосчисленіе магометанское, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принятъ за общее мѣрило ихъ познаній; въ такомъ случаѣ Брейса не спросили бы они—большой ли городъ Лондонъ и вообще имѣли бы больше интереса для всемірныхъ происшествій. О паденіи Лудовика Наполеона III-го они узнали два года спустя; узнать что нибудь объ исходѣ Франко-германской войны они даже ни какого желанія не имѣли. Двѣ-три газеты, содержащія самыя пошлыя мѣстные новости и нѣсколько разсужденій о датскомъ правительствѣ, удовлетворяютъ умственнымъ требованіямъ исландцевъ. То, что французы называютъ „солидарностью народовъ“, совершенно теряетъ у исландцевъ свое значеніе. Ни какой политическій переворотъ, ни какаѣ побѣды демократіи или автократіи, ни какое пробужденіе литературной жизни или искусства, или, наоборотъ, упадокъ ихъ, ни какое открытіе науки не имѣетъ на жизнь исландцевъ никакого существен-

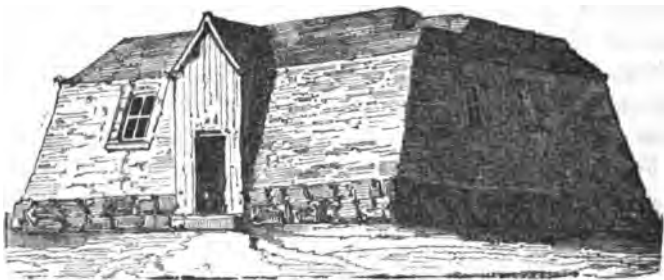
¹⁾ Маленькая столица Рейкьявикъ составляетъ, разумѣется, исключеніе. Она вовсе не такъ необщественна, какъ полагаютъ. Зимой бывають балы и вечеринки, а къ домашнимъ спектаклямъ публика получаетъ доступъ за ничтожную плату, что составляетъ любимое развлеченіе. Лѣтомъ еще больше разнообразія: пріѣзжаютъ туристы, и жители каждое воскресенье дѣлаютъ цѣлыми обществами экскурсіи во внутрь страны. Корреспонденція «Allgemeine Zeitung», 28 августа 1874 г.

²⁾ Джемсъ Брейсъ, стр. 563.

³⁾ «Clobus», т. XVIII, стр. 364.

наго вліянія. Ни дѣйствіе пара, ни электричество не принесли имъ ни какой пользы: ибо на всемъ островѣ нѣтъ ни одной паровой машины, ни одной гальванической батареи. Хотя пароходъ туда приходитъ ежегодно шесть разъ, торговля отъ этого не сдѣлалась оживленнѣе чѣмъ прежде; напротивъ, судоходство и торговля теперь на столько въ упадѣ, на сколько они процвѣтали въ Средніе вѣка. Даже тѣ открытія, которыя, повидимому, приносятъ всеобщую пользу, какъ, напримѣръ, въ области медицины и хирургіи, безслѣдно теряются въ Исландіи. Здѣсь всего только одинъ врачъ.

Выше упомянули мы, что образованіе исландцевъ не въ силахъ вызвать въ нихъ того матеріальнаго развитія, которое служить необходимымъ основаніемъ для духовнаго возвышенія. За хвалою простоты нравовъ, за умѣренностью, которая отказывается отъ всѣхъ удобствъ жизни, потому что ихъ никогда не знали, скрывается только недостатокъ истинной цивилизаціи ¹⁾. Ничего нѣтъ

Зданіе дома въ Бальмастунгѣ.

болѣе грустнаго, чѣмъ та рѣзкая противоположность, которая существуетъ между относительно высоко образованнымъ человѣкомъ и тою возмутительною обстановкою, среди которой онъ живетъ. Природа сама отчасти виновата, что жилища на Исландіи такіа жалкія; между тѣмъ нѣтъ основанія, чтобы они были такіа ничтожныя, каковы они въ дѣйствительности. Рѣдко какой нибудь домъ строится изъ лѣсу или камня. Въ Рейкьявикѣ, кромѣ дома губернатора, только тюрьма возведена изъ камня. Большею частью дома строятся изъ камней съ дерномъ, изнутри обшиваются досками, что обходится очень дорого; крыша изъ желѣзныхъ листовъ обклады-

¹⁾ Замѣчательно, что до сихъ поръ на Исландіи нѣтъ фамилій, а только имена, почему жена и не получаетъ фамиліи мужа, а сохраняетъ имя, которымъ она называлась въ дѣвухахъ. Поэтому она, напримѣръ, называется Торвальдсдоттиръ за Гудмундромъ; а дѣти ихъ называются: примѣрно: сынъ Гудмундссонъ, а дочь—Гудмундсдоттиръ.

вается плоскимъ дерномъ и поверху торфомъ. Эти землянки, разумеется, очень сыры: досчатая обшивка гниетъ, такъ что ее нужно возобновлять каждые 25 лѣтъ. Исландское жилище, впрочемъ, всегда состоитъ изъ двухъ домиковъ, одинъ за другимъ; ихъ соединяетъ узкій ходъ, на концѣ этого хода находится входная дверь, которая такъ низка, что приходится входить почти ползкомъ. Ходъ этотъ обыкновенно 3 метра вышины и столько же ширины. Въ переднемъ домѣ на одной половинѣ гостинная, на другой людская или кладовая; въ заднемъ домѣ кухня и кладовая же, нѣсколько четырехугольныхъ камней служатъ очагомъ, а бочка безъ дна—трубою для дыма. Настоящее жилище—второй этажъ, въ который забираются по простой лѣстницѣ черезъ маленькое четырехугольное отверстіе. Эта комнатка называется „банею“ (badstofa) безъ всякаго основанія, такъ какъ исландцы до настоящаго времени никогда не купаются, не смотря на то, что теплые ключи всегда и вездѣ представляютъ имъ къ тому величайшее удобство. Въ этой банѣ обыкновенно собирается днемъ и къ ночи все семейство: отецъ и мать, дѣти и прислуга. Это непривѣтливое вмѣстилище, съ небольшимъ окошечкомъ въ крышѣ, никогда не провѣтривается. Воздухъ тамъ ужасный, въ полномъ смыслѣ слова зараза ¹⁾. Хотя землянки очень цѣлесообразны и приспособлены къ бурному климату, тѣмъ не менѣе исландцы въ нихъ мерзнутъ, не смотря на то, что легче переносить холодъ, чѣмъ мы. Когда ртуть опускается на 20°—24° ниже нуля, то и они мерзнутъ, тѣмъ болѣе, что они не не отапливаютъ жилища, а комната должна нагрѣваться теплотою наличныхъ тѣлъ. За исключеніемъ немногихъ богатыхъ домовъ въ портахъ, нигдѣ нѣтъ печей, потому что горючій матеріалъ, уголь и дрова, слишкомъ дороги. Не взирая на холодъ, исландецъ, чтобы сберечь свое платье, на ночь раздѣвается до гола. Кромѣ того, путешественника-неисландца еще поражаетъ, что при домахъ нѣтъ отхожаго мѣста, нѣтъ плевальницы, нѣтъ приспособленія для сниманія сапоговъ, во всякомъ случаѣ очень рѣдко. Исландцы обходятся безъ этихъ необходимыхъ удобствъ жизни, но взамѣнъ того какъ мужчины такъ и женщины постоянно имѣютъ при себѣ рожокъ съ нюхательнымъ табакомъ, котораго они истребляютъ огромное количество. Какъ любители собакъ, они, вмѣсто того, чтобы мыть тарелки предоставляютъ подобную операцію облизыванію этихъ животныхъ и часто можно видѣть, что, на примѣръ, сука ощенится въ той же комнатѣ, гдѣ спятъ сами жильцы. О порядкѣ и чистотѣ исландцы имѣютъ мало понятія; жилища ихъ чрезвычайно грязны. Рыбы

¹⁾ Въ этомъ всѣ рассказы согласны. Болѣе подробное описаніе исландскихъ жилищъ см. въ «Unsere Zeit» 1872 г. II стр. 614—618.

потроха валяются обыкновенно передъ домомъ, пока не сгниютъ; бѣднѣйшіе люди варятъ пищу рядомъ съ упомянутою „банею“; эти испаренія еще болѣе заражаютъ единственное ихъ жилое помѣщеніе. Къ довершенію, не забыть бы о горшкѣ съ какою-то особенною водою, въ которомъ исландецъ, подобно фэрингу, моетъ свое шерстяное платье; этотъ горшокъ стоитъ тутъ же въ комнатѣ, въ углу. Дѣйствительность всего вышеописаннаго никто не оспариваетъ ¹⁾. Исландцы гибнутъ отъ грязи и нечистотъ: поэтому чесотка обыкновенное явленіе, никто ея не стыдится. Противно смотрѣть, какъ они одѣваются: представьте себѣ крестьянина въ обтертомъ сюртукѣ съ измятымъ цилиндромъ на головѣ и съ флакою воды въ рукахъ!

Исландцы преимущественно скотоводы, частью и рыболовы; жизнь ихъ, соотвѣственно этому проста и однообразна, пранаравливаясь къ переѣмамъ времени года. Всякій исландскій крестьянинъ, какъ бы далеко онъ ни жилъ внутри острова, посѣщаетъ по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ году, гавань, и это продолжительное и часто затруднительное путешествіе занимаетъ немалую часть его вѣчно однообразной и заменутой жизни. Исключительно рыболовствомъ живутъ только жители югозападнаго и сѣверозападнаго побережій острова ²⁾. Богатство крестьянъ состоитъ изъ 8—10 головъ рогатаго скота, 300—400 овецъ и 30—40 лошадей. Овечье молоко въ видѣ скира, кисловатаго сыра, и масло составляютъ у нихъ главную пищу. Исландія доставляетъ своимъ жителямъ тотъ знаменитый мохъ (*Cetraria islandica* L.) который, покрывая собою огромныя пространства горныхъ пастбищъ, составляетъ общепотребительную пищу, то въ видѣ зеленыхъ овощей, то сушеный и молотый въ видѣ муки. Ремесленниковъ нѣтъ въ Исландіи, сословіе ихъ является въ лицѣ одного шорника. Каждый житель самъ для себя сапожникъ, портной, плотникъ и кузнецъ; другими словами, мы видимъ здѣсь передъ собою совершенно первобытный строй жизни, въ которомъ распредѣленіе труда нисколько не примѣнено или мало развито. Все это отнюдь не измѣняется тѣмъ обстоятельствомъ, что исландцы, какъ народъ смышленный и ловкій, дѣлаютъ рѣзную работу на деревѣ и золотыя издѣлія, занимающія даже въ Копенгагенѣ почетное мѣсто. О первобытномъ состояніи общественнаго строя въ Исландіи можно судить по тому ничтожному различію, которое существуетъ между сословіями. Отдѣльных сословій въ Исландіи, собственно говоря, вовсе не суще-

¹⁾ «Ausland» 1854 г. стр. 1215.

²⁾ Объ исландскомъ рыболовствѣ см. «Nautical Magazine» 1869 стр. 669—682 и 1872 стр. 853—858.

ствуеъ: всѣ исландцы—крестьяне. Лелѣянный въ Европѣ идеаль полнѣйшей демократіи ни гдѣ въ дѣйствительности такъ не близокъ къ своему осуществленію, какъ въ Исландіи. Кто тщательно изучитъ культурныя условія нынѣшней Исландіи,—на которыхъ мы здѣсь указали только мимоходомъ,—тотъ, безъ сомнѣнія, откроетъ блистательное подтвержденіе того мнѣнія, что демократія принадлежитъ къ самымъ неразвитымъ видамъ государственнаго управленія. Въ обширномъ и общемъ смыслѣ можно въ Исландіи различить только три фактора общественной жизни, а не сословія. Первымъ являются: духовенство, члены котораго одни только называются еще господами („Siera“), и гражданскіе чиновники, какъ-то: губернаторы, бургомистры, секретари управленій, почт-директоры и т. п.; вторымъ факторомъ является купечество, и третьимъ *rugabudarmenn* или *tomthussmenn* (люди въ сухомъ, т. е. безмолочныя избы или дома) т. е. люди, не имѣющіе коровы. Въ сельскомъ быту исландцевъ мѣриломъ для опредѣленія различія между разрядами служить корова. Кто имѣетъ хотя бы только одну корову и можетъ ее пасти на обработанномъ лугу, безразлично—принадлежитъ ли ему этотъ лугъ какъ собственность или онъ его только арендуетъ или просто нанимаетъ—тотъ причисляется къ разряду „Бонди“. Томтусмены, которые сажаютъ только немного картофеля на узкой полосѣ земли, окружающей ихъ избы, живутъ только у морского побережья и суть частью рыболовы. Купцы, хотя и не отличаются особенною образованностью и утонченностью, но, благодаря своему богатству, играютъ роль въ обществѣ. Большинство изъ нихъ датчане, но число ихъ уменьшается вслѣдствіе возникновенія обществъ потребителей, которыя составляютъ имъ сильную конкуренцію и, можетъ быть, ихъ совершенно оттуда вытѣсняютъ. Отъ удаленія купцовъ изъ Исландіи ожидаютъ большихъ выгодъ для мѣстныхъ жителей, такъ какъ деньги останутся тогда въ краѣ, между тѣмъ какъ теперь онѣ направляются въ Копенгагенъ ¹⁾).

Въ хозяйственномъ отношеніи островъ находится въ довольно плачевномъ состояніи. Превжнія политическія условія совершенно парализовали Исландію. Стѣсняющія ограниченія, предписываемыя недалекимъ датскимъ правительствомъ, считавшимъ въ теченіе столѣтій торговлю Исландіи своею монополіею, во многомъ способствовали водворившемуся тамъ обѣднѣнію. Монополія снята въ 1780 г., а съ 1854 года иностранцы имѣютъ свободный доступъ на островъ, но, не смотря на это, обѣднѣніе усиливается. Независимо отъ того, что послѣднія вулканическія изверженія своимъ пепломъ опустошили цѣлыя округа, въ особенности долину Йокульса, такъ что

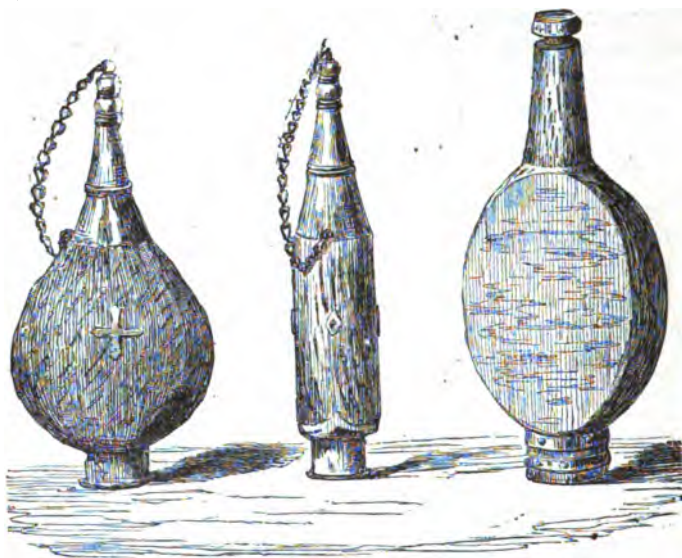
¹⁾ «Allgemeine Zeitung» 20 авг. 1874 г.

«Въ обл. вѣстн. лѣта».

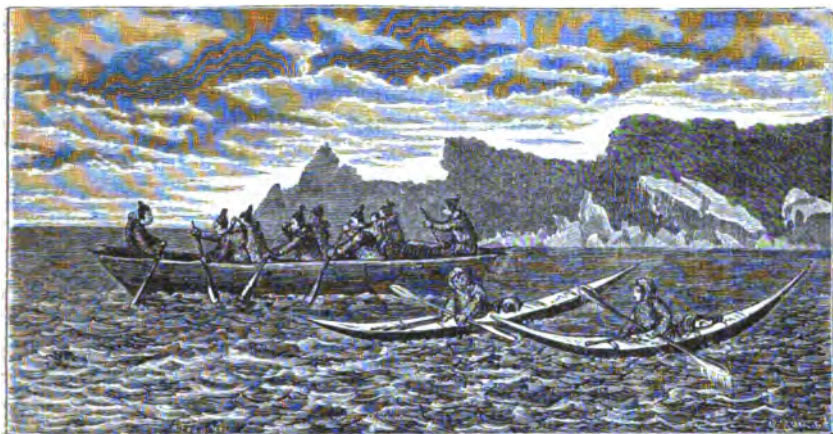
можно было опасаться голода ¹⁾, даже рыба какъ бы удалась отъ южныхъ береговъ и короста уничтожила большое количество овецъ. И приплодъ лошадей въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ значительно уменьшился; 15 лѣтъ тому назадъ считали еще 41,000 лошадей, а по новѣйшимъ статистическимъ свѣдѣніямъ ихъ считается только 29,000 головъ ²⁾.

¹⁾ «Allgemeine Zeitung» 4 іюля 1875 г.

²⁾ «L'explorateur», 15 іюня 1876 г.

Исландскія табакерки.

Умїакъ и кайякъ эскимосовъ.

ОТКРЫТІЕ ГРЕНЛАНДІИ И ЕЯ ЗАСЕЛЕНІЕ.

НА ПУТИ въ Исландію нѣкто Гунбьернъ, сынъ Ульфръ-Крака, отнесенный вѣтрами западнѣ этого острова, открылъ группу острововъ, которые, по его имени, были названы „Гунбьярнарскеръ“, т. е. шкеры Гунбьерна. Кромѣ того, онъ видѣлъ еще какую-то отдаленную землю: нынѣшнюю Гренландію. Это случилось, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ 870 или 877 году,—но, по основательному убѣжденію Конрада Маурера, въ первыхъ десятилѣтіяхъ X вѣка. Только въ концѣ X вѣка, приблизительно около 970—980 г., Снаэбьернъ-Галти съ товарищами пытался снова отыскать шкеры Гунбьерна, что ему и удалось. Они тамъ перезимовали, но раздоръ между товарищами помѣшалъ имъ прочно водвориться. Эйрикеру-Рауди, или Эриху Рыжему, сыну Торвальдса, вынужденному за смертоубійство выслаться изъ Норвегіи въ Исландію, суждено было основать тамъ первое поселеніе. И на Исландіи Эрихъ нѣсколько разъ былъ увлеченъ въ борьбу; не смотря на соединеніе узами родства съ однимъ изъ знатнѣйшихъ родовъ острова, онъ наконецъ былъ изгнанъ и отсюда. Это было вѣроятно около 982 года ¹⁾. Вынужденный вновь искать себѣ убѣжища, Эрихъ рѣшился удалиться въ землю, видѣнную когда-то Гунбьерномъ, и такимъ образомъ попалъ въ Гренландію. Онъ при-

¹⁾ *Northern Antiquities, or an historical account of the manners, customs, religion and laws, maritime expeditions and discoveries, language and literature of the ancient Scandinavians. Translated from the french of M. Mallet by Bishop Percy. New edition revised, throughout and considerably enlarged by I. A. Blackwell. London 1859 8° 244.*

сталъ къ маленькому острову на западъ отъ мыса Фарвель ($59^{\circ} 49'$ сѣв. шир. $43^{\circ} 53' 51''$ западной долготы отъ Гринича), гдѣ онъ провелъ первую зиму. Ближайшею весною онъ перешелъ на сосѣдній материкъ и подвергъ его всестороннему изслѣдованію. Говорятъ, будто онъ нашелъ тамъ слѣды человѣческихъ жилищъ, остатки кожаныхъ лодокъ и каменной домашней утвари, свидѣтельствующихъ, что тамъ жили люди, называемые въ Гренландіи Скрэлингъ-яръ. По истеченіи срока своего изгнанія, Эрихъ вернулся въ Исландію, но только съ тѣмъ, чтобы слѣдующимъ лѣтомъ 986 ¹⁾ года, съ большимъ числомъ товарищей, основать прочное поселеніе въ новой странѣ. Многимъ мѣстамъ онъ далъ названія: всей же землѣ онъ далъ названіе „Гренландъ“, т. е. зеленая земля, въ той надеждѣ, что такое привѣтливое названіе привлечетъ большее число переселенцовъ, хотя, какъ теперь, такъ и тогда, только на немногихъ особенно доступныхъ лучамъ солнца, покатосяхъ зеленые луга украсили землю. Англичане и нынѣ называютъ эту страну „Greenland“. Рыжій Эрихъ дѣйствительно не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: еще въ томъ же году 25 судовъ отплыли изъ Брейдифіорда и Баргарьфіорда съ Исландіи въ Гренландію. Изъ нихъ пришли къ мѣсту назначенія только 14, остальные частью погибли, частью возвратились назадъ, не достигши Гренландіи, изъ-за бурь. Самъ Эрихъ поселился въ заливѣ своего имени Эрихъфьердъ, гдѣ и основалъ Братталидъ. Это нынѣшнее стойбище эскимосовъ Игалико на перешейкѣ между двумя фіордами, какъ полагаютъ, между Эрихъ-и Эйнаръ-фіордами. Существуетъ мнѣніе, что Эрихсфюрдъ — нынѣшній Туннульборбиъ въ округѣ Юлиангаабъ, на восточномъ берегу Баффинова залива, подъ $60^{\circ} 55'$ сѣв. шир. Братталидъ значитъ собственно „отвѣсная крутизна“ („brattr круто и hlid“ покатошь). Долгое время имѣли здѣсь пребываніе потомки Эриха, в послѣдствіи здѣсь водворилось высшее управленіе Гренландіи. Изъ указаній исландскихъ сагъ явствуется, что число поселенцовъ постоянно увеличивалось, и вообще въ этой новой колоніи уже въ первое время послѣ ея основанія развивалась оживленная дѣятельность, какъ доказываютъ торговля сношенія съ ближайшею Исландією и даже съ болѣе отдаленною Норвегією ²⁾.

¹⁾ Габріель Гравье въ своей прекрасной книгѣ *Découverte de l' Amerique par les Normands au X-me siècle*, Paris et Rouen 1874 8° р. 36, относитъ это происшествіе къ 985 году и дѣлаетъ при этомъ непонятную ошибку — опредѣляя первое путешествіе Эриха 883 годомъ. Что это не простая опечатка, подтверждается тѣмъ, что и годъ основанія Братталида, вмѣсто 986, показанъ 886 стр. 34.

²⁾ С. Maurer: „Zweite deutsche Nordpolfahrt in den Jahren 1869 u 1870 unter Führung des Capitän Carl Koldewey. Leipzig 1873 8° 1 ч. 1 отд. стр. 202—205.

Какъ Исландія, такъ и Гренландія, вскорѣ послѣ ея открытія, была обращена въ христіанство. Первыя переселенія туда совпадали съ тѣмъ временемъ, когда на сѣверѣ Европы христіанство уже боролось съ идолопоклонствомъ, такъ что, можетъ быть, въ Гренландіи съ самаго начала происходило нѣкоторое броженіе въ религіозномъ отношеніи. Но во всякомъ случаѣ тогда все населеніе считалось еще языческимъ. Обращеніе въ христіанство началось съ царствованія въ Норвегіи короля Олафа Тригвасона, а посредникомъ служилъ Лейфрѣ, сынъ Эриха Рыжаго. Неизвѣстно, гдѣ этотъ послѣдній принялъ христіанство, на Гебридскихъ ли островахъ или въ Норвегіи; вѣрно только то, что въ 1000 году норвежскій король послалъ его въ Гренландію съ нѣсколькими духовными лицами для обращенія мѣстныхъ жителей въ христіанство, что онъ и исполнилъ съ успѣхомъ. Не слѣдуетъ, однако, представлять себѣ, что обращеніе въ христіанство было общее и искреннее. Рядъ случаевъ первой половины XI столѣтія доказываетъ, что тогда въ странѣ было еще сильно идолопоклонство. Эрихъ Рыжій, отецъ Лейфра, до самой смерти оставался вѣрнымъ поклонникомъ Одина и Тора. Только со второй половины XI вѣка христіанство распространилось здѣсь въ болѣе значительной степени, а XII столѣтіе уже ознаменовалось учрежденіемъ особаго епископства въ Гренландіи. Арнольдъ былъ первый въ 1121 году возведенъ въ этотъ санъ и изъ его преемниковъ извѣстны 16, послѣдній въ 1409 году. Съ конца XIV столѣтія эти епископы носили свое достоинство только номинально. Епископская кафедра была въ Гардарѣ. Развалины церкви и существовавшего тутъ же монастыря найдены на противоположной отъ Братталида сторонѣ перешейка, у Эйнарѣ-фіорда.

Въ тѣсной связи съ заселеніемъ Гренландіи находится рядъ географическихъ открытій по направленію къ сѣверо-западу, приведшихъ норманновъ въ концѣ десятаго вѣка къ берегамъ восточной части сѣверной Америки. Я впрочемъ не стану пускаться здѣсь въ подробныя описанія, такъ какъ они не относятся къ исторіи путешествій къ сѣверному полюсу. За исключеніемъ неудачнаго плаванія Торгиля Оррабе йнфстра вдоль восточнаго берега Гренландіи, о которомъ повѣствуетъ народное сказаніе ¹⁾ исторія еще долго не упоминаетъ

¹⁾ См. Генри Ринкъ: „Danisch Greenland, its people and its products. Edited by Robert Brown. London 1877, 8° стр. 14—18. Авторъ этого сочиненія былъ тогда директоромъ королевскаго коммерческаго суда въ Копенгагенѣ; онъ, безъ сомнѣнія, пользуется самымъ вѣскимъ авторитетомъ въ вопросахъ, касающихся Гренландіи. Въ упомянутой книгѣ докторъ Ринкъ, проведшій 16 зимъ у береговъ Дэвисова пролива, съ самыхъ южныхъ оконечностей Гренландіи до 73 сѣв. шир., собралъ обильный матеріалъ для ознакомленія съ обычаями и обрядами этой страны и ея первона-

о какихъ либо дальнѣйшихъ открытіяхъ. Исландскія лѣтописи относятъ открытіе Свалбардра или Свалбарди, части сѣверо-восточнаго берега Гренландіи, къ 1194 году, а другое плаваніе по западному берегу Гренландіи къ сѣверу было сдѣлано въ 1266 г. Нахожденіе прибойнаго лѣса, обдѣланнаго какъ будто небольшими топорами, и съ клиньями изъ кости или зубовъ, къ тому же разсказать нѣкоторыхъ охотниковъ, забравшихся необыкновенно далеко на сѣверъ,—что они нашли слѣды скрэлингяровъ только у Кроксфіардаргейди, а нигдѣ ближе къ югу, побудили нѣсколькихъ гренландскихъ священниковъ предпринять путешествіе къ сѣверу. Они плыли нѣсколько дней отъ Кроксфіардаргейди къ сѣверу; нашли разные острова, изобилующіе китами, тюленями и бѣлыми медвѣдями, равно какъ и нѣсколько слѣдовъ жилищъ скрэлингяровъ и наконецъ благополучно вернулись. Изъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ высотой солнца 25-го іюля, было вычислено, что Кроксфіардаргейди лежало приблизительно подъ $75^{\circ} 46'$ сѣв. шир. и соответствуетъ мѣстности нынѣшнихъ проливовъ Ланкастера и Баррова. Въ виду того, что норманны были замѣчательные мореплаватели и распространили предѣлы своихъ поѣздокъ до 73° сѣв. шир., упомянутое вычисленіе не содержитъ ничего невѣроятнаго; хотя, за симъ, только новѣйшіе и знаменитѣйшіе изслѣдователи сѣвера превзошли ихъ въ своемъ стремленіи къ сѣверному полюсу. Не много спустя, а именно въ 1285 г., два исландскихъ священника, братья Адалъбрандръ и Торвальдръ, сыновья Хельги, открыли какую-то землю къ западу отъ Исландіи, которая называлась то *Nújaland*, т. е. новая земля, то *Dúneyjar*, т. е. наносные острова. Нѣкоторые усматриваютъ въ этомъ открытіи Ньюфаундлендъ; но опредѣленнаго въ этомъ отношеніи нельзя ничего сказать, по отсутствію положительныхъ данныхъ.

Множество разваликъ, найденныхъ въ различныхъ пунктахъ Гренландіи, достаточно свидѣтельствуютъ, какъ далеко нѣкогда распространились норманнскія поселенія въ этой странѣ. Какъ извѣстно, здѣсь были два округа, называемые „Bygde“, восточный (*Eystribygð*) и западный (*Vestribygð*); нигдѣ именно они были—это долгооставалось спорнымъ вопросомъ. Первоначально думали,—что Эйстрибигдъ

чальныхъ жителей. Кромѣ 16 зимъ онъ провелъ тамъ 22 лѣтнихъ сезоновъ. Сначала онъ былъ въ Гренландіи въ качествѣ естествоиспытателя и историческаго изслѣдователя, впоследствии онъ былъ уже губернаторомъ тамошнихъ датскихъ поселеній. Онъ изучилъ мѣстный языкъ и собиралъ народныя сказанія и преданія во всѣхъ доступныхъ для него направленіяхъ. Если бы всѣ части земнаго шара и обитающіе въ нихъ народы были описываемы такими отличными специалистами, какъ Генри Ринкъ, то какая масса энциклопедическихъ познаній состояла бы въ нашемъ распоряженіи!

получилъ свое названіе отъ того, что находился на восточномъ берегу Гренландіи и, соотвѣтственно этому, Вестрибигдъ долженъ былъ ходиться на западномъ берегу. Чтобы отыскать Эйстрибигдъ, король Даніи въ 1828—1830 годахъ посылалъ достопамятную экспедицію капитана Граа къ восточному берегу Гренландіи; но она не сдѣлала ни какихъ открытій въ области древне-сѣверной культуры этихъ мѣстъ. Позднѣйшія изслѣдованія на западномъ берегу открыли развалины церквей и кладбищъ, остатки домовъ и хозяйственныхъ строеній, отдѣльные куски древней домашней утвари, даже нѣсколько надписей, частію на латинскомъ языкѣ, частію руническими знаками. Большая часть развалинъ найдена въ самомъ южномъ округѣ, нынѣшнемъ Юліанегаабѣ; въ сѣверномъ округѣ Готтаабѣ число ихъ меньше, а весьма незначительное количество ихъ найдено въ двухъ округахъ Фредериксгаабъ и Фискернэссетъ, лежащихъ между первыми двумя; сѣвернѣе Готтааба слѣды человѣческаго пребыванія становятся очень рѣдкими. Изъ всего этого неопровержимо явствуетъ, что оба округа, и Эйстрибигдъ, и Вестрибигдъ, находились на западномъ берегу Гренландіи. Результатъ экспедиціи Граа въ новѣйшее время вполне подтвердился изысканіями британскаго ученаго Р и ч а р д а Г е н р и М а й е р а ¹⁾. Этотъ ученый изслѣдовалъ стоявшее долгое время подъ сомнѣніемъ путешествіе венеціанцевъ, братьевъ Н и к о л о и А н т о н і о З е н о, которые въ 1389 году предприняли плаваніе въ полярныя области и при этомъ нашли норманнскія поселенія въ Гренландіи. Майеру удалось, какъ будетъ разъяснено ниже, устранить всякое сомнѣніе по отношенію путешествія братьевъ Зено ²⁾. Н и к о л о З е н о, между прочимъ, описываетъ устройство монастыря, посвященнаго св. Томѣ, келліи котораго согрѣвались водою изъ природнаго теплаго ключа, и этой водою монахи также пользовались и для приготовленія себѣ пищи. Кромѣ того, существуетъ описаніе Гренландіи, основанное на показаніяхъ гренландца Иваръ Бардарсона, который долгое время былъ епископомъ въ Гардарѣ. Онъ рассказываетъ, что вблизи монастыря, посвященнаго св. Олаусу и св. Августину, около Рафнфіорда, находится нѣсколько острововъ съ горячими ключами. Это суть, безъ сомнѣ-

¹⁾ Что не Майеръ, какъ часто пишутъ, первый открылъ дѣйствительное мѣстонахожденіе древняго Эйстрибигда, а капитанъ Граа, это ясно доказываетъ Робертъ Морро въ своемъ «Ocean Highways». 1873. стр. 259—260.

²⁾ The voyages of the Venetian brothers, Nicolo and Antonio Zeno to the Northern Seas, in the XIV century, comprising the latest known accounts of the lost colony of Greenland and of the Northmen in America before Columbus. Translated and edited with notes and an introduction by Richard Henry Major. London. 1873, 8°.

нія, теплые ключи Унартока, около которых найдены развалины древнихъ строеній. Д-ръ Гейнрихъ Ринкъ, навѣрное самый основательный знатокъ Гренландіи въ настоящее время, увѣрилъ Майера, что во всемъ округѣ Юліанеггабъ другихъ теплыхъ ключей нѣтъ. Такимъ образомъ опредѣляется мѣстоположеніе древней колоніи. Мѣстоположеніе Унартока вполне согласуется съ орографіею Ивара Бардарсона ¹⁾, но и это возбудило сомнѣніе. Иваръ рассказываетъ о такъ называемыхъ Гунбоарнарскихъ утесахъ, которые должны встрѣтить всѣ направляющіеся въ Гренландію суда; между тѣмъ все-таки еще не удалось отыскать ихъ. Майеръ, однако, нашелъ въ изданіи Географіи Птолемея 1507 года карту Иоганна Рюйша, на которой, тамъ же, гдѣ указываетъ Иваръ, между Исландіею и Гренландіею, показанъ островъ, съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: *Insula haec anno Domini 1456 fuit totaliter combusta* (островъ этотъ въ 1456 году былъ совершенно сожженъ). Далѣе карта Ванъ-Кейлена 1700 года показываетъ на томъ же мѣстѣ подводный рифъ въ 96 километровъ длины, подъ названіемъ „Gombarg Scheer“, что, безъ сомнѣнія, тотъ-же Гунибьярнарскаръ. Такимъ образомъ, благодаря изслѣдованіямъ Майера, и гренландскій хорографъ восстановленъ въ своемъ значеніи ²⁾.

По общему предположенію, Эйстрибигдъ, состоявшій въ позднѣйшее время изъ 190 дворовъ, двухъ городовъ съ кафедральнымъ соборомъ, 11 церквей и 3 монастырей, простирался отъ мыса Фарвель, самой южной оконечности Гренландіи, до Иммартинека подъ 60° 50' сѣв. шир. Древній Вестрибигдъ былъ гораздо обширнѣе, но менѣе населенъ. Состоя только изъ 90 дворовъ съ 4 церквами, онъ простирался отъ Аркутъ-Крэка подъ 61° 40' до 65° или до 67° сѣв. шир. Ринкъ полагаетъ, что 65° составляетъ самый сѣверный предѣлъ норманнскихъ поселеній, добавляя при этомъ, что лѣтомъ колонисты проникали для охоты и рыболовства еще гораздо сѣвернѣе. Эта сѣверная полоса называлась у нихъ *Nordrsetur*. Найденный въ 1824 г. на островѣ Кингигторъ-соакъ, подъ 72° 34' сѣв. шир., камень съ рунами неопровержимо доказываетъ, что норманны проникали на самый отдаленный сѣверъ. На основаніи всего вышесказаннаго слѣдуетъ, можетъ быть, допу-

¹⁾ Текстъ норманнскаго оригинала, съ латинскимъ и англійскимъ переводами, находится въ приложеніи къ сочиненію Майера о братьяхъ Зено.

²⁾ „Proceedings of the Roy. Geographical Society“. London. 1873. стр. 312 — 321. Подробно Майеръ сообщаетъ объ этомъ въ своей статьѣ: „The site of the lost Colony of Greenland determined, and Pre-columbian Discoveries of America confirmed from XIV Century documents. «Journal of the Roy. Geographical Soc.» 1879 стр. 156—205. Статья эта въ главныхъ чертахъ того-же содержанія, какъ введеніе въ книгу того же автора о братьяхъ Зено.

стить предположеніе, что нынѣшній округъ Юліанегаабъ есть древній Эйстрибигдъ, а округъ Готгаабъ бывшій Вестрибигдъ. Далѣе къ сѣверу, въ нынѣшнемъ сѣверномъ округѣ (инспекторатѣ), можно видѣть Нордрсетуръ, и за симъ, къ сѣверо-западу, вышеупомянутый Кроксфіардаргейди. По восточному же берегу лежитъ рядъ заливовъ и острововъ, гдѣ занимались охотою и рыболовствомъ большею частью только съ разрѣшенія епископа. Здѣсь находились Финсбудиръ, заливъ Эллум-Ленгри ¹⁾, Кроссейяръ и даже Гунбьярнарскеръ. Когда эти мѣста еще не были окружены льдами, мѣстные жители, выбирая безъ карты и компаса кратчайшій путь и по этому плавая отъ одного берега къ другому, полагали, что они здѣсь находятся на словинѣ дороги между Исландіею и обитаемыми частями Гренландіи.

„Только одно обстоятельство, какъ весьма мѣтко замѣчаетъ Г. Ринкъ, способно возбуждать удивленіе. Это—то, что Эрикъ и его преемники, въ какіе нибудь три, четыре года, съумѣли открыть то, что въ новѣйшія времена многочисленныя экспедиціи, повторенныя въ теченіе столѣтій, едва успѣли наконецъ снова розыскать, да и то еще при тѣхъ пособіяхъ, которыя доставляютъ имъ наука, получившая такое развитіе и усовершенствованныя изобрѣтенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя правительства. Первое препятствіе, встрѣчаемое мореплавателями въ этихъ мѣстахъ—это плавучій ледъ, обыкновенно облегающій берега такими неширокими полосами, что земля видна съ судна, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ такихъ толстыхъ и плотныхъ слояхъ, что проломить его представляется почти невозможнымъ. Если же, наконецъ, удастся добраться до берега, то тутъ входишь въ лабиринтъ утесовъ, островковъ, крутыхъ мысовъ, голыхъ и не представляющихъ никакихъ средствъ для человѣческаго существованія. Многочисленные заливы извиаются между островами и полуостровами во внутрь страны, и тамъ, на концѣ ихъ, на разстояніи 50—60 километровъ и даже далѣе отъ устья, наконецъ представляется глазу небольшая плоская мѣстность, которая могла казаться древнимъ мореплавателямъ, прославившимся открытіями, годною для заселенія. Но какъ они находили эти разбросанныя площадки, отдаленныя другъ отъ друга, скрытыя за утесистыми льдами покрытыми, мысами,—составляетъ предметъ справедливаго удивленія. Когда Эрикъ впервые увидалъ землю, лежащую прямо насупротивъ Исландіи, онъ нашель также, что она заграждена

¹⁾ Или Allum-lengri, т. е. самый длинный изъ всѣхъ. Проф. Д-ръ К. Мауреръ полагаетъ, что вновь открытый заливъ Франца-Иосифа и есть именно этотъ Эллумъ-ленгри (прилож. къ „Allgemeine Zeitung“, 29-го октября 1870 г. № 302); но Юліусъ Пайеръ указалъ на неосновательность этого предположенія въ Petermann's „Geograph. Mittheilung.“ 1871 г. стр. 195'.

массами льда, разстроившими многія попытки, бывшія въ новѣйшее время, добраться до самаго берега. Слѣдовательно мы должны предполагать, что Эрикъ старался пробиться черезъ эти льды, раньше, чѣмъ спуститься на 650 километровъ далѣе къ юго-западу и выйти на траверсъ мыса Фэрвель. Когда же ему, наконецъ, удалось пристать къ берегу, онъ, должно быть, изслѣдовалъ еще сотни заливовъ, проливовъ, бухтъ и перешейковъ вдоль Дэвисова пролива и на пространствахъ 650 километровъ. Хотя мы теперь подробно знакомы съ этимъ побережьемъ послѣ того, какъ датчане уже болѣе столѣтія имѣютъ тутъ свои поселенія, но для переселенцевъ здѣсь не найдено болѣе удобныхъ мѣстъ, кромѣ тѣхъ, на которыя Эрикъ указывалъ своимъ спутникамъ ¹⁾.

Все, что извѣстно о природѣ Гренландіи по древнимъ норманскимъ источникамъ, собрано проф. К. Мауреромъ въ одну объемистую книгу, которой я придерживался во всей этой главѣ. Изъ этого сочиненія видно, какъ замѣчательно точны были свѣдѣнія нормановъ объ этой странѣ. Составитель такъ называемаго „Königsspiegel'a“, сочиненія, написаннаго въ Норвегіи не ранѣе конца XII вѣка и не позже середины XIII столѣтія, прежде всего рассказываетъ о гренландскомъ морѣ, о населяющихъ его чудовищахъ, о зловѣщихъ морскихъ теченіяхъ, которыя, образуя треугольникъ изъ крутыхъ волнъ, съ гору вышины, угрожаютъ неминуемою гибелью всякому кораблю, попадающему въ нихъ. Наконецъ, онъ описываетъ морской ледъ, являющійся здѣсь въ большемъ количествѣ, чѣмъ гдѣ либо. Это описаніе довольно замѣчательное: „Изъ этихъ ледяныхъ массъ нѣкоторыя до того плоски, какъ будто онѣ образовались на самомъ морѣ, отъ 4 до 5 локтей толщины, и такъ обширны, что черезъ нихъ приходится иногда ѣхать въ теченіе 4 или 5 дней. Эти ледяныя массы болѣе собираются на сѣверо-востокъ и востокъ этой страны, чѣмъ на югъ, юго-западъ и западъ. Поэтому, кто хочетъ пристать къ берегу, долженъ обогнуть эту землю къ юго-западу или западу, и потомъ уже, миновавъ такимъ образомъ опасность отъ льдовъ, приближаться къ берегу. Нерѣдко случалось, что нѣкоторые слишкомъ рано подходили къ землѣ и, вслѣдствіе этого, были окружены льдами и погибли. Другимъ же удалось опять выбраться изъ льдовъ, отъ нихъ-то мы и слышали рассказы объ этихъ льдахъ. Всѣ, бывшіе въ опасности, спасались только тѣмъ, что лодки свои вытаскивали на ледъ и тащили ихъ до твердой земли съ частью своего имущества. Остальная часть и самое судно оставались на произволъ судьбы и обыкновенно пропадали. Нѣкоторые проводили четыре-пять дней на льду,

¹⁾ Rink, «Danisch Greenland» стр. 4—5.

Фюрдъ Императора Франца-Иосифа и горные шпиль Петермана въ Восточной Гренландіи.

пока удавалось добраться до земли, а иные еще долѣше. Съ этими льдинами происходятъ оригинальныя явленія: иногда онѣ лежатъ на вѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга съ промежутками открытой воды, и лежатъ такъ спокойно, какъ только можно ожидать; иногда же эти льдины плывутъ такъ быстро, какъ будто корабль подъ всѣми парусами, при попутномъ вѣтрѣ,—и разъ начавъ плаваніе онѣ двигаются одинаково, какъ по вѣтру, такъ и противъ него. Въ этомъ морѣ встрѣчаются еще другія ледяныя массы, совсѣмъ другого вида и качества, которыя гренландцы называютъ „falljoklar“. Онѣ имѣютъ форму какъ бы высокой горы, возвышающейся изъ моря; онѣ не смѣшиваются съ другими льдинами, а держатся совершенно отдѣльно“. Изъ этого описанія ясно видно, что восточный берегъ Гренландіи въ былое время такъ же точно застился льдами, какъ и теперь; только между десятимъ и четырнадцатымъ столѣтіями ледъ какъ будто частями подвинулся къ югу.

Навѣрное не знали—островъ ли Гренландія, или же эта часть земли находится въ связи съ материками Европы и Азіи. Къ послѣднему заключенію представлялось основаніе въ томъ, что на Гренландіи встрѣчались животныя, которыя, какъ полагали, обыкновенно не водятся на островахъ. Полагали, что на крайнемъ сѣверо-востокѣ Гренландія тянется по направленію къ востоку, такъ что имѣетъ тамъ сообщеніе черезъ Біармію (нынѣшняя Пермская губернія) и Финмаркъ съ Норвегією. Даже сказывалась сказка о какомъ-то чловѣкѣ, который съ козою, млркомъ которой онъ питался, прошелъ, будто бы, этотъ путь пѣшкомъ. Объема земли не могли опредѣлить, потому что всѣ хребты и горныя ущелья тогда уже были покрыты льдомъ. Даже поднявшись на горныя вершины, представляющіи широкій кругозоръ, глазъ нигдѣ не открывалъ мѣстъ свободныхъ отъ льда и удобообитаемыхъ, кромѣ ближайшаго морского побережья, гдѣ и устраивались поселенія. Гренландія, гдѣ и лѣтомъ, и зимою царствуетъ морозъ, считалась самою холодною и поэтому также самою сѣвornoю странюю всего земного шара, по ту сторону которой находится, будто бы, объемлющее всю вселенную море. Свѣдущіе люди увѣряли еще, что это море, посредствомъ извѣстнаго имъ пролива, имѣетъ связь съ внутренними морями нашей земли.

Метеорологическія качества Гренландіи хороши въ томъ отношеніи, что тамъ непогоды не продолжаются долго. И солнце тамъ свѣтитъ, но только зимою тамъ безпрерывная ночь, а лѣтомъ безпрерывный день. Солнце, когда оно стоитъ высоко надъ землею, имѣетъ болѣе силы свѣта, чѣмъ теплоты, хотя теплота его всетаки достаточна, чтобы на мѣстахъ, оттаивающихъ до почвы, вызвать расти-

тельность хорошихъ душистыхъ травъ. Теперь мы уже имѣемъ обстоятельныя свѣденія о сѣверномъ сіяніи, которое прежде считалось почему-то исключительнымъ явленіемъ Гренландіи; оно уже описано живыми красками, съ изложеніемъ различныхъ мнѣній о его происхожденіи. Но особенно драгоцѣнны свѣдѣнія о произведеніяхъ Гренландіи, въ связи съ хозяйственными условіями края. Имѣются свѣденія о богатствѣ моря китами и тюленями; первыхъ насчитывалось 21 видъ, вторыхъ 6; относительно моржа сомнѣваются — причислить ли его, согласно гренландцамъ, къ китамъ, или же къ тюленямъ. Изъ животныхъ суши въ Гренландіи называютъ зайцевъ, оленей и волковъ (вѣроятно лисицы). Особенно указывается на бѣлаго медвѣдя, какъ на животное весьма характеристическое для Гренландіи. Онъ считался драгоцѣннымъ подаркомъ и нѣсколько прирученнымъ, его держали какъ предметъ роскоши. Также говорятъ путешественники и о многочисленныхъ птицахъ, въ особенности о бѣломъ соколѣ, которымъ, однако, гренландцы не умѣли воспользоваться. Рассказываютъ, что въ Гренландіи встрѣчается красный, синій и зеленый мраморъ—это вѣроятно гренландскій горшечный камень (глина), изъ котораго изготовляются большіе огнеупорные сосуды. Зерновые злаки вовсе не воздѣлываются; только самые богатые и почетные жители пробовали иногда засѣять небольшія поля, большинство же ихъ никогда не видало хлѣба, и даже не знаютъ, какую внѣшнюю форму и цвѣтъ имѣетъ этотъ родъ пищи. Поэтому мѣстные жители питаются отчасти скотоводствомъ, такъ какъ хорошія травы даютъ имъ возможность содержать рогатый скотъ, овецъ и козъ, отъ которыхъ они получаютъ въ изобиліи масло и сыръ, отчасти охотою и рыболовствомъ, доставляющими имъ шкуры, медвѣжьи и олени, китовое и тюленье мясо. Другіе необходимѣйшіе для жизни предметы, какъ-то: желѣзо, деготь, строевой лѣсъ — всѣ привозные, и они въ Гренландіи очень дороги, вслѣдствіе отдаленности мѣстъ, изъ которыхъ они должны быть доставлены. Предметы вывоза суть: тюленьи шкуры, отличный ременный товаръ, выдѣлываемый изъ моржевыхъ шкуръ и клыки моржевые, а затѣмъ и рядъ произведеній скотоводства ¹⁾.

Изъ двухъ округовъ, Эйстри-бигда и Вестри-бигда, образовалось въ Гренландіи независимое государство, по образцу исландской республики, но о его исторіи почти ничего неизвѣстно. Въ 1261 году это государство подпало подъ власть Норвегіи, а въ XV вѣкѣ, вмѣстѣ съ этою послѣднею, оно было присоединено къ Даніи, во владѣніи которой оно и доннынѣ находится. Въ XIV вѣкѣ и въ

¹⁾ К. Мауреръ, стр. 241—246.

началѣ XV находившіяся въ Вестрибигдѣ колоніи были разорены эскимосами и, вслѣдствіе ложной торговой политики норвежскихъ королей, пришли въ такой упадокъ, что съ половины XV столѣтія всякія сношенія съ цивилизованнымъ міромъ прекратились. Много прошло времени, пока задумали снова отыскать эту несчастную страну, а еще больше—пока серьезно принялись за исполненіе этого плана.

Миссіонеръ Гансъ Эгедѣ въ Гренландіи.

Озеро Алида и глетчеръ Брудеръ-Ионъ.

ЛЕДНИКИ ВНУТРИ ГРЕНЛАНДИИ.

ГРЕНЛАНДИЯ составляет ту часть континента арктической области, которая дальше всѣхъ вдается въ море къ югу. Мысъ Фэрвель, (т. е. мысъ Счастливаго Плаванія) южная оконечность Гренландіи, лежитъ подь $59^{\circ}49'$ сѣв. шир., т. е. на одной параллели съ Христіанією и Упсалою въ Скандинавіи, или же съ С.-Петербургомъ въ Россіи. Всѣми принято причислять Гренландію къ Сѣверной Америкѣ, потому что предложеніе знаменитаго полярнаго путешественника, Элиза Кентъ Кэна, называть Гренландію шестою частью свѣта не встрѣтило сочувствія. Открытіемъ сѣверозападнаго прохода отстранено всякое сомнѣніе, что Гренландія по своей природѣ составляетъ островъ и съ Америкой ни какой связи не имѣетъ. Конечно, одно остается вѣрнымъ что если когда нибудь существовалъ большой арктической материкъ, то Гренландія представляетъ самый большой еще сохранившійся обломокъ этого материка, хотя собственно объ объемѣ его можно дѣлать лишь только предположенія. Какъ далеко Гренландія простирается къ сѣверу—этотъ вопросъ еще не приведенъ къ точному рѣшенію; можетъ быть, этотъ островъ тянется до самаго полюса или даже дальше; можетъ быть сѣверный полюсъ лежитъ даже внутри этой въ высшей степени загадочной страны, съ полнымъ изслѣдованіемъ которой связано и разрѣшеніе важной проблемы о полюсахъ. Всѣ изслѣдованія, касающіяся Гренландіи, представляются болѣе далекими отъ разрѣшенія связанныхъ съ нимъ вопросовъ, чѣмъ это можно сказать о какой либо другой точкѣ арктической области.

тической области. Наибольше изслѣдованными представляются берега Гренландіи, перерѣзанные безчисленными фіордами, да и это протяженіе изслѣдованныхъ береговъ сравнительно весьма небольшое. Во внутреннія же части Гренландіи еще никто не проникъ, и даже нельзя съ увѣренностью сказать, представляет ли Гренландія одинъ цѣлый островъ, конечно въ этомъ случаѣ превосходящій своей величиною всѣ острова земнаго шара, или же она составляетъ группу острововъ, связанныхъ ледяными массами, какъ предполагаютъ Скоресби и Гизеке, а въ новѣйшее время и Юліусъ Пайеръ; или же, наконецъ, она все-таки большой полуостровъ еще большаго полярнаго континента, далеко простирающійся къ югу. Хотя послѣднія два предположенія менѣе вѣроятны, однакожъ и они не лежатъ внѣ предѣловъ возможности, которую наука могла бы положительно отрицать.

Изслѣдованія прибрежной полосы Гренландіи всегда займутъ обширное мѣсто въ исторіи путешествій къ сѣверному полюсу. Въ моей книгѣ, я неоднократно буду обращать вниманіе благосклоннаго читателя на этотъ островъ и переносить его воображеніе на негостепріимные гренландскіе берега. Для предварительнаго ознакомленія, прежде всего, однако, необходимо набросать общую картину того немногаго, что намъ понинѣ извѣстно о Гренландіи.

Взглянемъ на карту. На ней Гренландія представляетъ видъ громадной, къ югу заостренной косы, имѣющей подъ 70° сѣв. шир. 900 километровъ ширины, въ прямомъ направленіи съ востока на западъ; эту ширину Гренландія сохраняетъ и далѣе къ сѣверу, на сколько удалось туда проникнуть. Подъ полярнымъ кругомъ Гренландія отстоитъ отъ Исландіи на 445 километровъ. Къ западу она отдѣлена отъ Америки Дэвисовымъ проливомъ, Баффиновымъ заливомъ, а далѣе къ сѣверу—проливомъ Смита. По мнѣнію почтеннаго Ринка, Гренландію можно раздѣлить на двѣ части: наружную и внутреннюю. Подъ наружною частью Ринкъ разумѣетъ тотъ поясъ острововъ и полуострововъ, который окаймляетъ Гренландію съ безчисленными глубоко вдающимися въ нее фіордами, или, другими словами, крайнее побережье. Все же странство, лежащее внутри этаго пояса, Ринкъ называетъ „срединною землею“ (Binnenland). Эта срединная земля составляетъ главный предметъ изслѣдованій и стремленій всѣхъ полярныхъ экспедицій; но всѣ попытки проникнуть во-внутрь до сихъ поръ были безуспѣшны. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ недостатка въ многочисленныхъ отчетахъ и замѣткахъ, помѣщенныхъ въ описаніяхъ путешествій и географическихъ сочиненіяхъ и основанныхъ частью на данныхъ, собранныхъ о Гренландіи европейцами, частью на древнихъ гренландскихъ сказаніяхъ. Послѣдніе, впрочемъ, къ сожалѣ-

нiю, не всегда подвергались достаточно строгой критикѣ. Самыя главныя, и чаще всего встрѣчающіяся мнѣнiя о Гренландiи суть слѣдующія;

1) что такъ называемый „внутреннiй ледъ“ (Binnenlandeis), можетъ быть, только образуетъ валъ, или поясъ, внутри котораго находятся непокрытыя льдомъ и снѣгомъ мѣста и даже лѣсистыя долины;

2) что вся Гренландiя состоитъ изъ различныхъ острововъ, соединенныхъ между собою однимъ ледянымъ покровомъ;

3) что нѣкогда въ двухъ или трехъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ теперь образованы ледяные фiорды, и въ особенности у ледянаго фiорда Якобсгавна, еще немного поколѣнiй тому назадъ, были поперечные проливы или каналы, прорѣзывавшіе всю страну съ запада на востокъ. Это воззрѣнiе принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ. Далѣе

4) что многолѣтнiе ледъ и снѣгъ внутри страны постоянно и постепенно увеличиваются и, наконецъ,

5) что плавучія ледяныя горы суть обвалившіяся или спустившіяся части внутреннего льда.

Рицкъ не затрудняется отвергнуть всѣ эти воззрѣнiя, какъ ошибочныя ¹⁾. По его мнѣнiю, Гренландiя всецѣло составляетъ одну массу земли, находящейся въ состоянiи полнѣйшаго облещенiя. Она замѣчательна преимущественно тѣмъ, что представляетъ собою единственную землю сѣвернаго полушарiя и вообще единственную извѣстную страну всего земнаго шара, о которой мы знаемъ, что здѣсь собственно образуются настоящiя ледяныя поли и что только здѣсь можно дѣлать наблюденiя надъ дѣйствительными ледяными фiордами. По мнѣнiю геологовъ, большая часть Европы была покрыта такимъ же ледянымъ покровомъ, какой теперь своею броней оковываетъ Гренландiю. Поэтому, мы стоимъ здѣсь на томъ единственномъ пунктѣ земли, гдѣ еще можно наблюдать тѣ явленiя, которыя, по всему вѣроятiю, были причиною загадочныхъ переворотовъ въ сѣверной Европѣ, давшихъ поводъ къ разнообразнѣйшимъ изслѣдованiямъ, догадкамъ и предположенiямъ.

„Сермерсоакъ“, или большой ледъ „Серединной земли“, какъ его называютъ гренландцы, не состоитъ ни въ какой связи со льдами наружной части: они образуются совершенно независимо другъ отъ друга. Этотъ странный и поражающiй наблюдателя Сермер-

¹⁾ Въ его интересномъ сочиненiи: «Om Grönlands indland, og muligheden af at berejse samme». Kjöbenhavn 1875. 8° стр. 51. (Отдѣльный оттискъ изъ собранiя популярныя сочиненiя: «Fra Videnskabens Verden»).

соакъ покрываетъ все протяженіе срединной земли ледянымъ слоемъ въ 700—1000 метровъ толщины, такъ что у западнаго берега осталась только самая узкая полоса для заселенія. Онъ отличается отъ обыкновенныхъ горныхъ глетчеровъ, а также отъ глетчеровъ наружной Гренландіи, совершенно независимыхъ отъ внутреннихъ льдовъ, тѣмъ, что онъ не образовался по формѣ поверхности, которую онъ покрываетъ не въ видѣ ледяной коры, а скорѣе является въ видѣ ледяной возвышенности, покрывающей всю мѣстность равномерно, до вышины 600 метровъ, выполняя всѣ углубленія. Сермерсоакъ имѣетъ такой видъ, какъ будто онъ въ жидкомъ состояніи поднялся изъ глубины, покрывая все до вышины 600 метровъ, и потомъ уже застылъ. Онъ никогда не достигаетъ вышины 1220 метровъ, — вышины, на которой въ наружной Гренландіи образуются устойчивые глетчеры ¹⁾; напротивъ, онъ оставляетъ вершины, которыя выше 600 метровъ, непокрытыми. Эти непокрытыя скалы гренландцы называютъ „Нунатакъ“. Онѣ являются вершинами—представителями исчезнувшей земли, которая вообще была не высока, въ сравненіи съ высокою наружною полосою, окаймляющей море въ ширину 80—150 метровъ отъ берега, и составляющей какъ бы продолженіе срединной земли ²⁾.

Впрочемъ, если срединная Гренландія считается совершенно покрытою льдомъ, т. е. что ледяной покровъ ровно того же объема, какъ сама земля, то это не слѣдуетъ понимать въ самомъ строгомъ смыслѣ, ибо тамъ и сямъ ледъ не совсѣмъ доходитъ до фіордовъ, а въ иныхъ мѣстахъ онъ выходитъ за предѣлы той области, которую Ринкъ называетъ наружною. Докторъ Робертъ Браунъ описываетъ это такимъ образомъ: „Гренландія, со своимъ внутреннимъ ледянымъ моремъ, представляется мнѣ въ видѣ плоскаго блюда съ широкими краями, мѣстами выломаннымъ, а глетчеръ—тягучею массою. Если въ блюдо налить слишкомъ много этой массы, то она вытекаетъ черезъ выломанныя мѣста. Широкий край блюда представляетъ наружную полосу Гренландіи; срединный ледъ постоянно увеличивается зимою страшною массою снѣга, выпадающаго въ теченіи 7—8 мѣсяцевъ; выбитыя мѣста края суть фіорды и ущелья, черезъ которыя выливается избытокъ ледяной массы для восстановленія правильнаго уровня, въ срединномъ морѣ ³⁾“. Мнѣ кажется не согласнымъ съ природою вещей, чтобы

¹⁾ См. объ этомъ у Charles Grad. „Etude sur les glaciers de Groënland (Nouv. Annales des voyages). Декабря 1865 стр. 257—271, гдѣ воззрѣнія Ринка подробно изложены и дополнены.

²⁾ Rink, „Danish Grenland“, стр. 42.

³⁾ Petermann's „Geograph. Mittheilungen“ 1871 г. стр. 388.

«Въ обл. вѣнч. льда.

вся огромная срединная площадь, была равномерно покрыта льдомъ до самой южной ея оконечности подъ 61° сѣв. шир. Это заключеніе мы можемъ вывести изъ наблюденій, сдѣланныхъ какъ въ разныхъ мѣстахъ Гренландіи, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ, лежащихъ въ именѣ сѣверномъ направленіи. Въ Гренландіи, какъ и на Шпицбергенѣ, растительность по склонамъ горъ достигаетъ высоты 600 метровъ надъ уровнемъ моря. Насъ поражаетъ это рѣзкое противорѣчіе: въ южной части страны, въ округѣ Юліансгаабъ вдаваясь съ голыхъ прибрежныхъ острововъ по различнымъ фіордамъ во внутрь страны, замѣчается, что предѣлъ растительности постепенно подымается; но потомъ вдругъ останавливаешься передъ тою же ледяною массою—крутымъ ледянымъ валомъ—какъ въ самыхъ сѣверныхъ заливахъ страны. Внутри страны и подъ 63° должна же быть большая лѣтняя теплота, чѣмъ по побережью подъ 73° сѣв. шир.; и точно также нѣтъ основанія предполагать, чтобы внутри страны выпадало больше снѣга, чѣмъ по наружной полосѣ, скорѣе наоборотъ. Тѣмъ не менѣе, внутренняя часть южной Гренландіи погребена подъ льдомъ, тогда какъ на 320 километровъ сѣвернѣе, какъ на Гренландіи, такъ и на Шпицбергенѣ, имѣется обильный кормъ для многочисленныхъ стадъ сѣверныхъ оленей.

Ринкъ полагаетъ, что внутренняя часть Гренландіи на западной сторонѣ, вѣроятно, была ниже, чѣмъ береговая полоса, а Робертъ Браунъ думаетъ, что и теперь большая ледяная масса срединной земли имѣетъ наклонъ съ востока на западъ; на восточной сторонѣ часто встрѣчаются выдающіяся возвышенности отъ 900—1220 метровъ высоты, тогда какъ на западной сторонѣ вершины въ 600 метровъ надъ льдомъ въ рѣдкость. Ни большее количество снѣга, ни меньшая теплота не могутъ служить объясненіемъ, почему на западной сторонѣ накапливается болѣе льду. На западной сторонѣ снѣгъ въ жидкомъ состояніи труднѣе доходить до моря, чѣмъ на восточной, вслѣдствіе того, что ему приходится тамъ пройти большее пространство. Хотя наши свѣдѣнія о восточномъ берегѣ Гренландіи крайне недостаточны, тѣмъ не менѣе, можно считать рѣшеннымъ, что отдѣляющаяся отъ него масса льда значительно меньше, чѣмъ тѣ массы, которыми западная сторона надѣляетъ Атлантическій океанъ. Изъ этого можно сдѣлать заключеніе, что водораздѣлъ внутри Гренландіи лежитъ ближе къ восточной сторонѣ. Если принять въ соображеніе объемъ срединной земли, то предположеніе, что каждый изъ нынѣшнихъ большихъ ледяныхъ фіордовъ занялъ мѣсто устья какой-либо рѣки, служившей стокомъ водъ сзади лежащей земли въ 2,500 кв. километровъ и имѣвшей въ длину 80—150 километровъ, получаетъ нѣкоторое вѣроятіе.

Затѣмъ является вопросъ: какимъ образомъ такая, повидимому твердая и хрупкая, масса можетъ передвигаться на такое огромное пространство и получить такую крѣпость, какая замѣчается въ большомъ ледяномъ полѣ? Здѣсь, безъ сомнѣнія, совершается тотъ-же процессъ, который служить основаніемъ при образованіи глетчеровъ на Альпахъ; но, кромѣ того, должны имѣть мѣсто еще и другія дѣйствія. Ринкъ полагаетъ, что образованіе льда изъ стекающихъ водъ впервые началось близъ устьевъ, вслѣдствіе чего послѣдующія массы должны были пройти меньшія пространства.

Столь значительная масса внутреннего льда можетъ имѣть стокъ только позади большихъ фіордовъ и заливовъ, далеко врѣзывающихся въ глубь страны. Слѣдовало бы встрѣтить здѣсь большія рѣки, но ихъ вовсе нѣтъ. Большая часть вдающихся въ страну фіордовъ отнюдь ни какихъ рѣкъ, изъ срединной земли выходящихъ, не принимаетъ. Ледъ, покрывающій срединную землю, самъ спускается въ фіорды, заграждая собою путь рѣкамъ, поверху же зубчатого, изрытаго, расщеленнаго льда, теченіе рѣкъ немислимо. Отсутствіе рѣкъ въ Гренландіи Ринкъ объясняетъ тѣмъ, что именно тѣ мѣста, гдѣ должны бы находиться устья этихъ рѣкъ, покрыты льдомъ толщиною въ 300, а можетъ быть и болѣе 600 метровъ. О мощи напора водъ можно заключить изъ той силы, съ которою цѣлые пласты льда выбрасываются въ море, являясь тамъ въ видѣ плавучихъ ледяныхъ горъ. Такимъ образомъ осаждающаяся на здѣшней сушѣ влажность атмосферы переходятъ морю не въ видѣ рѣкъ, а въ видѣ льдовъ ¹⁾.

Мы уже выше упомянули, что всѣ попытки проникнуть въ область внутреннего льда Гренландіи до сихъ поръ были безуспѣшны. Такъ какъ всѣ предпріятія этого рода принадлежатъ новѣйшему времени и, исходя, безъ исключенія, съ западнаго берега Гренландіи, собственно не имѣютъ тѣсной связи съ изслѣдованіями, обращенными къ полюсу, то мы ограничимся указаніемъ только важнѣйшихъ изъ нихъ.

Начало изслѣдованію Гренландіи положили два датскіе офицера, майоръ Оцеанъ и капитанъ Ландорфъ, возмѣшшіе въ 1728 году смѣшную и сумасбродную мысль: проѣхать верхомъ по берегу Гренландіи, во главѣ отряда драгунъ съ западнаго берега на восточный. Для этой цѣли 11-ть лошадей были отправлены въ Гренландію; изъ нихъ, впрочемъ, пять погибли во время плаванія, а остальные, вслѣдствіе дурного ухода за ними, погибли въ самой Гренландіи. Исторія даетъ намъ только самыя недостаточныя свѣдѣнія объ этомъ предпріятіи: все что мы узнали насчетъ этой экспе-

¹⁾ «Zeitschrift für Allgemeine Erdkunde» 1863 г. XIV т., стр. 131—132.

диция сводится на то, что путешественники горько жалуются на непроходимость пути по причинѣ глетчеровъ и глубокихъ трещинъ на немъ. За этими храбрыми воинами послѣдовалъ купецъ Ларсъ Далагеръ, одинъ изъ лучшихъ торговцевъ колоніи Фредериксгаабъ (62° сѣв. шир., 50° зап. долг. отъ Гринича), основанной въ 1742 году Яковомъ Севериномъ. 28-го августа 1751 года онъ отправился изъ Фредериксгааба на разстояніе одного дня отсюда, въ Исблинкъ, чтобы здѣсь начать свою рекогносцировку. Въ сопровожденіи пяти гренландцевъ онъ дошелъ на лодкѣ до какого-то фіорда на южной сторонѣ Гренландіи, а 2-го сентября отправился пѣшкомъ во внутрь страны и, перешедъ 3-го сентября вновь образовавшійся потокъ воды, взялъ направленіе сѣверо-восточное. Въ тотъ же вечеръ достигли края льдовъ; затѣмъ шли нѣкоторое время по необыкновенно гладкому льду, а 5-го сентября поднялись на голую вершину Омертлокъ. На послѣдней части этого пути мѣстность была до того неровна, иззубрена и расщелена, что экспедиція употребила семь часовъ, чтобы пройти пространство въ нѣсколько километровъ. Обувь Далагера и его товарищей до того испортилась, что они шли уже почти босые, и поэтому должны были подумать объ обратномъ пути. По наблюденіямъ Далагера, вершина Омертлока лежитъ подъ 62° 17' сѣв. шир. и ближайшія вершины находились въ сѣверо-восточномъ и восточно-сѣверо-восточномъ направленіи. Онѣ были, повидимому, ниже вершинъ юго-западныхъ и менѣе покрыты снѣгомъ. Ни какой открытой воды, которую онъ могъ бы принять за предполагаемый проливъ Фробишера; онъ и слѣда не видалъ. Все обозримое пространство представляло сплошную ледяную площадь; только къ сѣверо-востоку высились вершины, не покрытыя снѣгомъ.

Далагеръ былъ увѣренъ, что перевалъ на восточную сторону возможенъ; онъ нашелъ, что движеніе по льду вовсе не такъ опасно, а расщелины вовсе не такъ глубоки, какъ описывали. Въ нѣкоторыхъ расщелинахъ можно было передвигаться, какъ по горнымъ долинамъ, и вообще онѣ были, среднимъ числомъ, не глубже 5—10-метровъ. Черезъ многія можно было съ легкостью перескочить, а болѣе глубокія, безъ большой потери времени, обойти. Рекогносцировка Далагера очень скоро кончилась. 7-го сентября онъ былъ уже опять у своей лодки въ фіордѣ. Причиною тому были отчасти невозможность везти съ собою необходимую провизію, а отчасти, и преимущественно, невыносимый холодъ, при которомъ про-

---

¹⁾ Д-ръ Робертъ Браунъ «Das Innere von Grönland» (Petermanns «Geograph. Mittheil.» 1871, стр. 378.

должительное переночеваніе надъ открытымъ небомъ оказалось немыслимымъ.

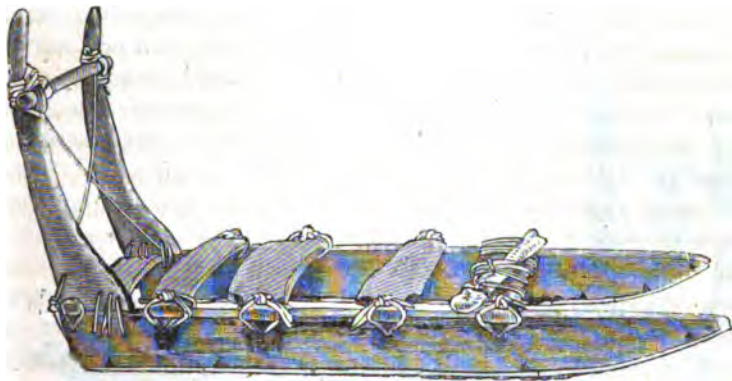
Въ XIX столѣтіи извѣстна экспедиція О. Б. Кильсена, который, занимаясь китоловствомъ, поселился въ колоніей Голштейн-боргъ, лежащей у устья большого фіорда. 1-го марта 1830 г. онъ отправился на трехъ судахъ съ запасомъ корма для собакъ только на два дня, такъ какъ безошибочно можно было рассчитывать на встрѣчу съ оленями. На третій день, онъ выступилъ изъ послѣдней обитаемой рыбацкой ставки въ верхней части фіорда, взявъ прямое направленіе поперекъ страны. Послѣ ночевки въ скалистомъ ущельѣ, онъ шелъ весь слѣдующій день большею частью по довольно ровной однообразной мѣстности, пересѣкая небольшія озера и рѣчки. Далѣе земля уже была болѣе покрыта снѣгомъ, что затрудняло шествіе, а топливо и олени становились рѣже. Когда Кильсенъ, послѣ крайне затруднительнаго и утомительнаго перехода—термометръ показывалъ постоянно—27,5° Цельз.—наконецъ дошелъ до площади льда, на гренландцевъ, при видѣ этого, началъ ребячскій страхъ. Вслѣдствіе этого онъ былъ вынужденъ одинъ пуститься по льду, который, по его описанію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ такъ гладокъ, и скользокъ, что по немъ нельзя было идти безъ помощи багра; въ другихъ-же мѣстахъ поверхность была такъ изрыта, полна разщелинъ и волниста, что походила на волнующееся море. По верху льда лежалъ обломокъ утеса такой величины, что нѣсколько человѣкъ не могли бы его сдвинуть съ мѣста, слѣдовательно онъ туда не былъ доставленъ руками человѣка. 5 марта Кильсенъ съ высокой вершины могъ обозрѣть всю площадь внутреннего льда. На другой день онъ рано поднялся съ мѣста и къ обѣду уже достигъ обширной площади. Отсюда мѣстность имѣла покатое положеніе вовнутрь. Вся необозримая ледяная равнина лежала передъ его глазами. Скоро онъ перебрался по холмамъ, озерамъ и рѣкамъ до довольно большого озера у края внутреннего льда; здѣсь и окончилось его движеніе впередъ. Хотя затѣмъ Кильсенъ и пытался подняться на верхъ внутреннего льда, но вернулся и съ трудомъ возвратился домой. Все пространство, пройденное Кильсеномъ отъ Голштейнборга въ прямомъ направленіи во внутрь, составляетъ почти 130 километровъ ¹⁾).

Можетъ быть, были еще и другія попытки проникнуть во внутрь Гренландии, хотя при отвращеніи, съ которымъ эскимосы ходятъ по внутреннему льду, и при отсутствіи предпріимчивости, это очень невѣроятно. Д-ръ Ринкъ былъ очень недалеко отъ

¹⁾ Робертъ Броунъ, стр. 379—380.

внутреннего льда и наблюдалъ части его наружнаго края въ различныхъ затруднительныхъ мѣстахъ подѣ 60° и 70° сѣв. шир. Въ маѣ 1851 г. онѣ даже поднялся на него у Тессіурсака близъ Якобсавна, но только нѣсколько часовъ ходилъ по немѣ, изслѣдовалъ его поверхность; но во внутрь страны онѣ не пытался проникнуть. Говорятъ, что еще какой-то датчанинѣ, посѣтившій Гренландію въ 1862 г. для магнитныхъ наблюденій, былъ у Пакитсока нѣсколько часовъ въ предѣлахъ внутреннего льда. Сѣвернымъ путешественникамъ Хайсу и Раэ мы обязаны наибольшими свѣдѣніями о внутреннемъ лдѣ. О ихъ путешествіяхъ по сѣвернымъ частямъ Гренландіи въ 1860 г. мы подробно еще поговоримъ ниже. Вскорѣ послѣ нихъ, въ 1867 году, Эдуардъ Вимперъ, ревностный членъ лондонскаго „Альпійскаго клуба“ (Alpenklub) и извѣстный тѣмъ, что первый поднялся на Маттергорнѣ (въ Аппенинскихъ Альпахъ) прибылъ въ Гренландію съ научною цѣлью. По приобретенному имъ на Альпахъ опыту, онѣ заключилъ, что существуетъ возможность вдоль глетчеровъ проникнуть во внутрь страны. А такъ какъ онѣ встрѣчалъ тамъ большія стада дичи, то онѣ полагалъ, что за береговыми окраинами должны находиться долины, обильныя травою. Въ то же время Вимперъ намѣревался изслѣдовать, далеко ли Гренландія простирается къ сѣверу ¹⁾. Составъ экспедиціи, предпринятой Вимперомъ собственнымъ иждивеніемъ, состоялъ кромѣ него: изъ Антона П. Тегнера изъ Копенгагена, который, какъ членъ мѣстнаго управленія, уже нѣсколько лѣтъ провелъ въ Гренландіи, Янса Флейшера, молодого человѣка, тамъ родившагося и воспитаннаго, и поэтому знакомаго съ языкомъ и обычаями гренландцевъ, Карла Эмиля Ольсвига, рабочаго изъ колоніи Христіансгаабъ сопровождавшаго Хайса въ 1860—1861 году въ его экспедицію къ Смитовому проливу, Амака, смѣтливаго эскимоса изъ Клаусавна, у котораго были наняты собаки, и изъ доктора Роберта Брауна, извѣстнаго ботаника, изслѣдовавшаго флору горныхъ возвышенностей сѣверной Америки. Всѣ свѣдѣнія объ экспедиціи Вимпера были доставлены Брауномъ. Въ апрѣлѣ 1867 года, Вимперъ прибылъ въ Копенгагенъ, а въ іюнѣ отправился въ Якобсавнѣ. (69° 13', 26" сѣв. шир.) маленькое торговое мѣстечко Гренландіи, назначенное имъ главною квартирою своей экспедиціи. Но вскорѣ Вимперу пришлось убѣдиться, что онѣ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, такъ какъ онѣ изъ своей смѣлой программы могъ исполнить только меньшую часть. Лѣто этого года было такое необычайное, какого никто не помнилъ; были дни, въ которые термо-

метръ показывалъ отъ $17,78^{\circ}$ до 25° Ц., а средній минимумъ былъ $5,56^{\circ}$ Ц. Погода слѣдовательно благопріятствовала, но въ другихъ отношеніяхъ неудача преслѣдовала нашихъ путешественниковъ. Въ Якобсгавнѣ между собаками,—единственнымъ рабочимъ скотомъ Гренландіи ¹⁾,—равно какъ и между людьми, свирѣпствовала повальная болѣзнь, похищая 12% населенія, а въ другихъ мѣстахъ вовсе не было здоровыхъ людей, которые могли бы доставить тюленье мясо, главную пищу гренландцевъ. Поэтому Вимперъ не могъ своевременно найти необходимыхъ вожakovъ и

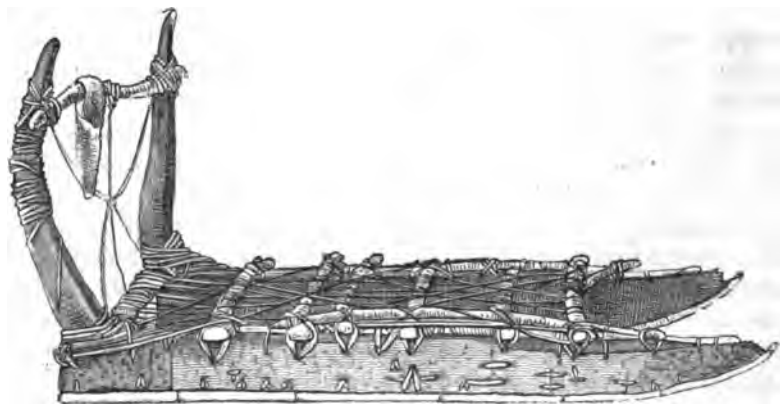

Старинныя эскимосскія сани. (По рисунку Росса).

потерялъ цѣлый мѣсяцъ лучшаго времени. Поднявшись наконецъ съ побережья, онъ вскорѣ встрѣтился съ внутреннимъ льдомъ, описаннымъ Ринкомъ, въ такомъ видѣ, какъ ожидалъ. Посѣщая первоначально мѣсто, которое онъ избралъ исходною точкою своей экспедиціи, онъ нашелъ все пространство покрытымъ гладкимъ

¹⁾ Для гренландцевъ собака тоже, что для индѣйцевъ буйволъ. Поэтому болѣзнь, явившаяся лѣтъ двадцать тому назадъ на собакахъ, особый родъ чумы по всему западному берегу, начиная отъ Смитова пролива до Якобсгавна, и до сихъ поръ не прекратившаяся, составляетъ чрезвычайно важный вопросъ для мѣстныхъ жителей. До сихъ поръ полагали, что собака арктическихъ странъ не подвержена болѣзнями, посѣщающимъ этихъ животныхъ въ умѣренныхъ климатахъ, въ особенности водоболѣзнь собакъ въ Гренландіи вовсе не была извѣстна. Въ чемъ состоитъ эта болѣзнь еще настоящимъ образомъ не опредѣлено; но одно вѣрно, что это болѣзнь мозга, сопровождаемая симптомами водоболѣзни, хотя она человѣку не передается отъ укушенія, но она заразительна для другихъ собакъ. Замѣчательно, что эта болѣзнь не распространяется къ югу за ледяной фюрдъ Якобсгавна. (Сообщеніе извѣстнаго ветеринара Георга Флеминга и доктора Брауна въ „Geographische Magazine“ 1875 г., стр. 56—59).

твердымъ снѣгомъ. Въ то время, такъ полагалъ Вимперъ и его спутники, можно было бы сдѣлать въ день 50 километровъ по этому пути. Когда же онъ, четыре или пять недѣль спустя, опять туда вернулся, снѣгъ весь, исчезъ и только голый ледъ представлялся глазамъ, но не ровный, не гладкій, а волнистый какъ бушующее море, твердый, но мокрый, и не только съ водосточными жолобами въ родѣ руслъ, но даже съ маленькими озерами. Вимперъ прошелъ по этому льду 5 километровъ, но и это дѣлалъ съ трудомъ, такъ какъ нарты, запряженные собаками, какъ ихъ ни берегли, вскорѣ испортились; ихъ бросало и качало по неровному льду, по раска-

Нижнія эскимосскія сани.

тамъ опрокидывало. Одна нарта совсѣмъ развалилась. Вимперъ со спутниками окончательно отказался отъ исполненія своего предпріятія: 22 октября 1867 г., послѣ бурнаго плаванія на датскомъ коммерческомъ кораблѣ „Хвалфискенъ“, вернулся онъ въ Копенгагенъ, не видавъ внутренней Гренландіи: ибо пять километровъ, пройденныхъ имъ по льду, нельзя же считать внутреннею Гренландіею.

Несравненно успѣшнѣе была рекогносцировка, предпринятая въ 1870 году шведскими естествоиспытателями Норденскіельдомъ, Берггреномъ, Эбергомъ и Нордстрѣмомъ. Норденскіельдъ, руководившій всею экспедиціею, выбралъ исходною точкою мѣсто, гдѣ внутренній ледъ выходитъ до моря, а именно въ глубокомъ Аулейтсивикъ-фіордѣ, подъ 68° 20' сѣв. шир.; недалеко отъ колоніи Эгедесминде Эбергъ шелъ по собственно имъ самимъ избранному пути. Остальные трое 12-го іюля вышли на вельботѣ изъ Эгедесминде,

а 17-го достигли сѣверной вершины упомянутого фіорда, гдѣ разбили свою палатку. Настоящее шествіе началось 19-го іюля. Подъемъ на дамбообразный край льда, имѣвшій 100 метровъ вышины, былъ довольно затруднителенъ. Всѣ должны были приложить руки, чтобы поднять туда необходимую поклажу. Норденскіельдъ и Берггрень отправились затѣмъ въ походъ, въ сопровожденіи двухъ гренландцевъ. Длинные и опасныя расщелины заставляли ихъ дѣлать большіе обходы, вслѣдствіе чего они попадали въ необыкновенно неровныя глетчерныя пространства, что значительно затрудняло ихъ шествіе. Уже на другой день они убѣдились, что нѣтъ возможности брать съ собою запасовъ болѣе, чѣмъ на 30 дней; поэтому они бросили нарту съ большею частью провіанта, а все необходимое взвалили на свои плечи. За симъ шествіе было быстрое, и вскорѣ они достигли 240 метровъ надъ уровнемъ моря. Лежащая передъ ними мѣстность была похожа на разъяренное море, внезапно застывшее отъ мороза. Все время была прекрасная погода при ясномъ небѣ. Температура въ тѣни у ногъ была едва болѣе нуля, выше однако отъ 7° до 8°, на солнцѣ же отъ 25 до 30° Ц. Послѣ заката солнца холодъ становился очень ощутителенъ, такъ что мѣшалъ ночному отдыху, часто приходилось спать въ обѣденное время. Далѣе, чѣмъ на разстояніе кабели (900 фут.) отъ края на поверхности льда не было ни одного камня; но въ замѣтъ того безчисленныя ямы въ $\frac{2}{3}$ метра глубины и въ 1 метръ и болѣе въ діаметрѣ, были такъ близко расположены возлѣ другъ друга, что съ трудомъ можно было найти мѣсто для привала. На днѣ этихъ ямъ показывался вездѣ какой-то странный сѣроватый песокъ, и въ немъ, равно какъ и на поверхности льда, ботаникъ Берггрень открылъ бурныя многокѣтчатыя водоросли. Къ полудню 21-го іюля экспедиція дошла до высоты 430 метровъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь гренландцы объявили, что они дальше не хотятъ идти, въ особенности въ виду недостатка провіанта. Ихъ отправили обратно, а Норденскіельдъ и Берггрень, взявъ съ собою провизіи еще на пять дней, пошли впередъ. На всемъ пути они не встрѣтили ни какихъ животныхъ, кромѣ нѣкоторыхъ птицъ, пролетавшихъ мимо нихъ и, въ началѣ, рѣдкіе слѣды куропатокъ по льду. Хотя все было мертво кругомъ, но отнюдь не тихо. Прикладывая ухо ко льду, можно было ясно слышать шумъ протекающихъ подъ низомъ водъ, и отъ времени до времени гудъ въ родѣ пушечнаго выстрѣла возвѣщалъ объ образованіи новыхъ трещинъ и расщелинъ. Между тѣмъ взятый запасъ приходилъ къ концу, и путешественники серьезно должны были подумать объ обратномъ пути. Ихъ точка поворота находилась на высотѣ 670 метровъ надъ уровнемъ моря и около 50 верстъ отъ исходной

точки у вершины фьорда. Видъ, представлявшійся Норденскіельду и Берггрену съ этой точки, убѣдилъ ихъ, что дальнѣйшее шествіе, развѣ только посвятить ему нѣсколько недѣль, не доставитъ имъ ни какихъ новыхъ данныхъ къ разрѣшенію вопроса о внутреннемъ лѣдѣ. Обратный путь былъ очень быстро совершенъ. При этомъ они наткнулись на два замѣчательныхъ водопада: въ двухъ мѣстностяхъ, гдѣ передъ тѣмъ были обыкновенны ручьи, теперь вода съ быстротою и отвѣсно падала въ глубь, гдѣ она подъ льдомъ продолжала свой путь. 26-го іюля оба путешественника возвратились къ своей лодкѣ ¹⁾.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ числѣ балласта одного корабля былъ доставленъ изъ Гренландіи въ Европу кусокъ метеорнаго желѣза, какъ говорятъ изъ Фортуну-бай (залива Счастья), близъ Годгавна, на островѣ Диско. Это обстоятельство было причиною, что со стороны Даніи и Швеціи была послана коммиссія, подъ руководствомъ Норденскіельда, для доставленія въ Европу драгоцѣннаго метеора, который, какъ говорили, тамъ еще находился; но къ сожалѣнію хлопоты коммиссіи были безуспѣшны: метеора на указанномъ мѣстѣ не оказалось. По указанію профессора копенгагенскаго университета Іонструпа, датское правительство посылало знаменитаго геолога К. Ф. С. Стенструпа для минералогическихъ изслѣдованій въ Вайгаты-фьордѣ. Въ слѣдующемъ 1872 г. этотъ ученый еще разъ туда вернулся въ сопровожденіи кандидата политехники И. Г. Роде; но ихъ изслѣдованія ограничились только наружнымъ прибрежьемъ. И Эдуардъ Вимперъ, во второй разъ посѣтившій Гренландію въ 1872 году, вращался только по западному прибрежью. Иѣтомъ 1875 года норвежскій геологъ Амундъ Голландъ былъ въ Гренландіи и дѣлалъ тамъ весьма точныя, и, поэтому важныя, наблюденія надъ образомъ движенія внутреннего льда. Его измѣренія относятся къ большому глетчеру Якобсавна и къ Итивд-ліарсука у устья Торсукатакъ-фьорда. Первый изъ нихъ при наклонѣ $1\frac{1}{2}^{\circ}$ въ серединѣ, дѣлаетъ 19,30—22,46 метровъ въ теченіи сутокъ; въ разстояніи 400 метровъ отъ берега онъ дѣлаетъ все еще 14,6 метровъ въ сутки, у самаго же берега онъ имѣетъ самое незамѣтное движеніе. Глетчеръ Торсукатакъ, при наклонѣ 2° въ серединѣ, дѣлаетъ 10 метровъ въ 24 часа. Это необыкновенно быстрое движеніе по сравненію съ альпійскими глетчерами. Ширина глетчера у Якобсавна составляетъ 4,5 километровъ при толщинѣ 280 метровъ; ширина Торсукатаккаго глетчера равна 9 ки-

¹⁾ Petermann's «Geographische Mittheilung». 1870 г., стр. 423—424 и А. Е. Nordenskjöld «Redogörelse för en expedition till Grönland år 1870». Stokholm. 1871—8°, съ двумя картами.

лометрамъ при толщинѣ 105 метровъ. По вычисленію Гелланда первый изъ этихъ глетчеровъ даетъ въ лѣтній день среднимъ числомъ 16 миллионовъ, а второй 6,3 миллионовъ кубическихъ метровъ льда; количество ежегодно образуемаго льда онъ опредѣляетъ въ 2,900—5,800 и въ 1,150—2,300 миллионовъ кубическихъ метровъ ¹⁾. Въ апрѣлѣ 1876 г. Стенструпъ и молодой предприимчивый офицеръ королевско-датскаго флота, лейтенантъ Гольмъ, отправились въ Гренландію въ качествѣ членовъ ученой экспедиціи, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ежегодно туда снаряжавшейся иждивеніемъ правительства. Изъ Туннудмарбикъ-фіорда у Юліансгааба они сдѣлали первую попытку подняться на Іомфруэрне (дѣва) или Нивіарсіэтъ, возвышенной группы горъ, издали видныхъ, поднимающейся изъ внутренняго льда. Стенструпъ лѣтомъ 1877 и 1878 г. еще путешествовалъ по Гренландіи въ сопровожденіи флотскаго лейтенанта Генсена. Въ 1877 году онъ сдѣлалъ экскурсію изъ Фредериксгааба по внутреннему льду, а въ 1878 году онъ изслѣдовалъ различныя части сѣверной Гренландіи. Въ томъ-же году Генсенъ совершилъ самое значительное путешествіе, которое когда либо было предпринято по внутреннему льду. Его экспедиція имѣла назначеніе сдѣлать съемку мѣстности отъ Годгааба до Фридриксгааба и ее изслѣдовать, а затѣмъ сдѣлать рекогносцировку наружной окраины внутренняго льда. Она состояла, кромѣ того, изъ двухъ датчанъ, кандидата политехники А. Корнерупа, архитектора Грота, и одного гренландца. Не смотря на неблагоприятную погоду, члены экспедиціи разрѣшили вторую половину своей задачи съ такимъ успѣхомъ, какъ нельзя было ожидать, и озарили свѣтомъ такіе вопросы, которые оставались неразрѣшенными всѣми прежними изслѣдованіями. Сначала между 2-мъ и 4-мъ іюля 1877 г. экспедиція изъ Фредериксгааба отправилась къ горѣ Нунатакъ, вѣроятно той же, на которую поднялся въ 1751 году Далагеръ, и откуда онъ видѣлъ къ востоку нѣсколько вершинъ, о которыхъ онъ думалъ, что онѣ лежатъ на восточномъ берегу Гренландіи. Обслѣдовавъ Нунатакъ, Генсенъ возвратился опять къ окраинѣ и отсюда уже пытался добраться до упомянутыхъ вершинъ, что ему и удалось. При этомъ оказалось, что эти вершины вовсе не такъ далеки отъ окраины льда ²⁾, какъ полагали, слѣдовательно не лежатъ на восточномъ берегу. Чтобы достигнуть этой цѣли, экспедиціи пришлось бороться съ величайшими препятствіями, такъ какъ не только дорога была въ высшей степени затруднительна,

¹⁾ Petersmann's. «Geographische Mittheilungen», 1877 г., стр. 235.

²⁾ Petermann's, «Geograph. Mittheilung.». 1878 г., стр. 477, на основаніи описанія профессора Эрслева въ его „Geografisk Tidskrift“ 1878 г., опредѣляютъ это разстояніе въ 10 миль, но не сказано какія мили.

но и погода не благоприятствовала. Первое пространство сопутствовали имъ нѣсколько гренландцевъ, но только одинъ изъ нихъ выдержалъ до конца. Поклажу везли на трехъ маленькихъ саняхъ, которые путешественники тащили сами.

Возвратившись съ этой рекогносцировки, экспедиція внозъ выступила изъ Фредериксгааба 9 іюля, съ намѣреніемъ подняться на ледъ въ мѣстѣ отдаленномъ отъ жилищъ. Не мало труда стоило убѣдить мѣстныхъ уроженцевъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ они вообще съ какимъ-то страхомъ смотрятъ на это ледяное царство. Только за вознагражденіе по одной кронѣ ¹⁾ въ день удалось наконецъ лейтенанту Генсену убѣдить молодого гренландца Авакука (въ Гренландіи очень часто встрѣчаются имена Ава-Кука, Ионасе, Ревекка, Далила) отправиться съ экспедиціею въ походъ. Команда лодки, состоящая изъ рулевого, парусничаго и шести грбцовъ, разбила свой лагерь на берегу, а лейтенантъ Генсенъ съ умысломъ оставилъ ихъ въ невѣдѣніи о томъ, долго-ли можетъ продолжаться его отсутствіе.

13-го іюля все необходимое для экспедиціи: палатка, провизія, инструменты, постели и т. д. было доставлено на ледъ и уложено на трое саней, по 65 килогр. на каждыя, которыя сами члены экспедиціи должны были везти. На другой день въ 2 часа пополудни выступили. Каякменъ и три гренландца помогали въ теченіи первыхъ двухъ дней поднять сани на окраину внутренняго льда. Дорога по льду была чрезвычайно неровна, хотя безъ снѣгу. Черезъ пять дней трудной работы путешественники находились едва за разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ окраины. Попытка устроить складъ на непокрытомъ льдомъ утесѣ не удалась, потому что онъ былъ окруженъ льдинами, черезъ которыя, невзирая на всѣ усилія, не могли перебраться. Близъ окраины, какъ мы уже упомянули, не было снѣгу, за то дальше, при движеніи во внутрь, массы его чрезвычайно затрудняли возку саней, въ особенности когда термометръ показывалъ выше нуля. Температура во все время колебалась между $+$ и -5° Ц.

Для лучшаго уразумѣнія затрудненій, съ которыми пришлось бороться экспедиціи, необходимо сдѣлать себѣ ясное представленіе о качествѣ льда. Мѣстами онъ похожъ былъ, какъ уже описывали прежніе путешественники, на волнующееся море, внезапно застывшее; гребень высился около гребня съ крутыми боками. Гдѣ ледъ былъ въ этомъ видѣ, онъ былъ непроходимъ. Мѣстами ледъ былъ какъ будто усѣянъ невысокими буграми, а въ другихъ мѣстахъ онъ представлялъ довольно ровную поверхность, но это не облегчало

¹⁾ Крона = приблизительно 50 коп.

шестви́я, потому что на этихъ ровныхъ мѣстахъ встрѣчалось болѣе всего трещинъ и глетчерныхъ расщелинъ, бездонно глубокихъ. Черезъ нихъ какъ будто были перекинуты узкіе, обманившіе снѣжные мостики, которые едва выдерживали вѣсъ человѣка, а тѣмъ менѣе саней съ поклажею. По временамъ образовались въ углубленіяхъ маленькіе озера и ручьи, съ шумомъ низвергающіеся въ расщелины или же мгновенно исчезающіе въ ледяныхъ пещерахъ.

Игра цвѣтовъ на льду, въ особенности въ глетчерныхъ ущельяхъ, была иногда невыразимо великолѣпна, а иногда ледяныя стѣны окрашивались въ такой темно-голубой цвѣтъ, что можно было себя вообразить, что находишься въ голубомъ гротѣ на островѣ Капри. Германскій минералогъ Гизеке, который во время своихъ путешествій по Гренландіи въ 1806—1813 годахъ прошелъ небольшое пространство по внутреннему льду, вступая у Фредериксгааба впервые на окраину этого льда, въ слѣдующихъ словахъ выражаетъ свои чувства: „Страшное море льдовъ со вѣми его сверкающими зеркальными остріями, съ его бездонными разсѣлинами и ущельями, съ его застывшею, вымершею природою, гдѣ нѣтъ живого существа и развѣ только гулъ отрывающейся ледяной глыбы нарушаетъ таинственно-торжественную тишину — приводитъ посѣтителя въ какое-то оцѣпенѣніе, поражаетъ его неописаннымъ удивленіемъ и такъ же живо дѣйствуетъ на силу его воображенія, какъ очаровательная природа Италіи. Тамъ непрерывное веселье, здѣсь непрерывная забота и мрачность; тѣмъ не менѣе, душа наполняется какою-то боязливою радостью при видѣ этихъ великолѣпныхъ гигантскихъ пещеръ, окрашиваемыхъ солнцемъ и моремъ въ цвѣта: то сафирно-голубой, то изумрудно-зеленый, то наконецъ опять серебристо-бѣлый и, кажется, имъ нѣтъ конца ни во времени, ни въ пространствѣ; эти пещеры вѣчны, онѣ неразрушимы, и вдругъ онѣ исчезаютъ, обрушившись безъ всякой видимой причины!“ Не слѣдуетъ впрочемъ представлять себя поверхность льда исключительно снѣжною или ледяною; часто онъ смѣшанъ съ пескомъ или глиною; иногда встрѣчаются большіе камни, мѣстами ледъ имѣетъ видъ совершенно темный отъ безчисленныхъ водорослей, растущихъ въ пещерахъ и углубленіяхъ. Съ трудомъ двигались наши путешественники по этой странѣ. Одинъ шелъ обыкновенно впереди, остальные трое, слѣдомъ за нимъ, таща каждый свои сани. У каждого было по длинной окованной палкѣ, которая — вечеромъ, бывъ воткнута въ ледъ, служила шестомъ для палатки, а днемъ, на походѣ опорою, и шупомъ. При переходѣ черезъ снѣжные мостики этою палкою, шагъ за шагомъ, обследовался путь, и когда мостики начинали погружаться, то надлежало живо привести ее въ горизонтальное положеніе. На

такихъ опасныхъ мѣстахъ путешественники были, какъ это водится при подъемахъ на крутизны горъ и глетчеры, связаны между собою толстою веревкою. Эта мѣра предосторожности оказывалась обыкновенно очень цѣлесообразною, ибо нерѣдко свѣжный мостикъ проламывался подъ тяжестью проходящихъ и или одинъ изъ путешественниковъ или сани проваливались въ отверстіе. Часто сани вырывались изъ рукъ того, который ихъ везъ, и если это случалось вблизи разсѣлины или глетчерной трещины, то слѣдующій за нимъ долженъ былъ лечь на ледъ, чтобы задержать скатывающіяся сани и въ этомъ положеніи ждать, пока товарищи придутъ на помощь. Не рѣдко также случалось спотыкнуться, тогда, и лице и руки безжалостно исцарапывались объ острия и колючія льдины. Но самое тяжелое было то, что, послѣ шестидневнаго шествія по льду, не смотря на постоянное употребленіе темныхъ очковъ, у членовъ экспедиціи начали страдать глаза отъ бѣлизны свѣга.

Эта непріятная болѣзнь, причиняющая сильныя боли, заставляла лейтенанта Генсена съ товарищами постоянно прикладывать къ глазамъ ледяныя примочки. Главная забота при путешествіи по льду состояла въ томъ, чтобы держать правильный путь и умѣючи обходить затруднительныя мѣста, что исполнить было почти невозможно частью вслѣдствіе густыхъ тумановъ, частью по отсутствію точекъ, съ которыхъ бы можно было осмотрѣться. Натыкаясь на слишкомъ широкіе и глубокіе потоки, приходилось ихъ обходить, что было сопряжено съ большою потерей времени. Въ иные дни поверхность льда представляла такія значительныя препятствія, что едва подвигались впередъ на 1 километръ, тогда какъ при благопріятныхъ условіяхъ легко дѣлали въ десять разъ больше въ день. Для отдыха днемъ палатка ни когда не разбивалась, потому что установка и снятіе занимали нѣсколько часовъ, въ особенности въ началѣ. Ночью, напротивъ, спали подъ палатками на тюфякахъ съ подостланными гуттаперчевыми подстилками. Пища готовилась на спирту. Кушанье состояло изъ консервовъ, сухарей, кофе, чаю и небольшого количества водки. Съ обувью были большія затрудненія: она размокала и протиралась объ острый ледъ. Кромѣ гренландской обуви такъ называемой „камики“, ни какая другая не годилась, и ее еще подшивали смолеными подошвами изъ плетеныхъ веревокъ; но не смотря на это, она скоро портилась и большую часть отдыха путешественники употребляли на пошивку ея.

Послѣ пяти дней шествія по льду находились на разстояніи немногихъ часовъ отъ окраины, на высотѣ 760 метровъ надъ уровнемъ моря. Тутъ угораздило Авакука уронить свой походный шестъ въ бездонную трещину. Потеря невознаградимая!.. Одинъ изъ спут-

никовъ рѣшился-было на канатѣ спуститься въ бездну, чтобы отыскать палку, но всѣ старанія были безуспѣшны. Но всего хуже было то, что эта потеря до того разстроила Авакука, что онъ совершенно палъ духомъ. 21 іюля, при $3,75^{\circ}$ мороза и рѣзкомъ вѣтрѣ Авакукъ непремѣнно хотѣлъ вернуться, съ трудомъ удалось Генсену убѣдить его продолжать путешествіе.

24 іюля, послѣ одиннадцатидневнаго странствованія, экспедиція достигла горъ Нунатакъ, вѣроятно тѣхъ самыхъ, которыя Далагеръ въ 1751 году увидалъ вдали и считалъ лежащими на восточномъ берегу Гренландіи. Эти вершины находятся довольно далеко отъ окраины; онѣ значительно возвышаются надъ поверхностью льда, лежащею здѣсь 1220 метровъ надъ уровнемъ моря. Пребываніе на этихъ непривѣтливыхъ скалахъ сложилось въ высшей степени непріятно. Едва только успѣли поставить палатку на западной сторонѣ этихъ высотъ,—не совсѣмъ впрочемъ голыхъ, потому что здѣсь тамъ и сямъ показывался мохъ и прозябали другія жалкія растенія,—какъ поднялась съ востока мятель, по временамъ обращающаяся въ ураганъ. Къ счастью, палатка была нѣсколько защищена; тѣмъ не менѣе, и ее, и сани приходилось загрузить камнями, чтобы ихъ силою вѣтра не подняло на воздухъ и не унесло. Отъ времени до времени, буря немного утихала, и разяснялась погода. Этими промежутками пользовались путешественники, чтобы подняться на Нунатакъ, на высоту 300 метровъ надъ поверхностью льда, у подошвы котораго была поставлена палатка. На вершинѣ сложили груды камней, покрывая ею бутылку, въ которой тщательно было запечатано описаніе хода путешествія.

Цѣлые шесть дней длилась эта ужасная погода: палатка пришла въ разстройство, путешественники, страдая отъ боли, причиняемой струпами на рукахъ и лицѣ и ослѣпительнымъ для глазъ блескомъ снѣга, большую часть дня проводили въ постеляхъ. Положеніе было тяжелое. Провизіи было взято только на три недѣли; десять дней уже прошло, и такъ какъ нельзя было предвидѣть, долго ли продлится непогода, то лейтенантъ Генсенъ рѣшился съ 24 іюля сократить дневную дачу. Обильный снѣгъ, непрерывно выпадавшій, сильно сталъ тревожить путешественниковъ, которые и безъ того не были въ хорошемъ расположеніи духа, благодаря холоду и голоду. Думалось путешественникамъ: „если мятель не скоро перестанетъ или же обратное шествіе займетъ болѣе времени, чѣмъ предполагали—тогда что?!! Къ довершенію всего, запасъ спирта истощился, такъ что съ этого времени экипажъ имѣлъ только холодную пищу, потому что погода не позволяла развести огонь, даже если бы хотѣли для этого употребить какой либо излишній матеріалъ. Въ теченіи пяти дней наши путешественники

ограничивались слѣдующею дачею: ежедневно три куска сухаря съ небольшимъ количествомъ мясного экстракта Либиха. Кромѣ того разъ въ теченіи пяти дней было сварено на стеариновомъ отаркѣ мясо по $1\frac{1}{2}$ киллограм. на человѣка, а въ другой разъ блюдо ячной кашки не совсѣмъ доваренной. Запасъ водки также уже истощился.

31 іюля непогода нѣсколько улеглась. Лейтенантъ Генсенъ еще разъ поднялся на Нунатакъ, а спутники его въ это время сняли палатку и укладывали сани. По всѣмъ направленіямъ Генсенъ ничего не видалъ, кромѣ неизмѣримой поверхности льда съ ничтожнымъ подъемомъ, на которой даже не было выдающихся утесовъ. Ледъ, необозримый ледъ, вѣчный ледъ! пока онъ не сливается съ небеснымъ сводомъ на горизонтѣ въ прямой линіи, лежащей, какъ казалось путешественнику, выше точки, занимаемой имъ на высотѣ 1523 метровъ надъ уровнемъ моря. На восточной сторонѣ скалистыхъ пирамидъ, избранныхъ Генсеномъ для своихъ наблюденій, ледъ доходилъ почти до вершинъ, и поверхность его какъ между скалами, такъ и нѣсколько далѣе къ западу, была похожа на широкую быструю рѣку, воды которой, упираясь въ горы Нунатакъ, внезапно тамъ засыпали.

Нечего было и думать продолжать еще изслѣдованія. Напротивъ, надлежало со всевозможной скоростью вернуться. Уже 17 дней экспедиція провела въ этой ледяной пустынѣ и видѣла только двухъ маленькихъ птицъ и одного паука. Легкій морозъ и довольно ясная погода благопріятствовали обратному шествію. Приобрѣтенная опытность, облегченіе въ багажѣ, и въ особенности то, что теперь шли подъ гору, все это послужило къ значительному сокращенію пути. Не возможно себѣ представить, что значить странствованіе по гренландскому внутреннему льду, когда узнаешь, что экспедиціи потребовалось шесть полныхъ дней для того, чтобы пройти двадцатичасовое пространство, при чемъ всякій торопился сколько хватало силъ, изъ опасенія, что, пожалуй, новая метель помѣшаетъ дойти до берега. Въ послѣдній день экспедиція чуть было не понесла плачевную потерю. Шли по мѣстности, которая хотя и была въ трещинахъ и разщелинахъ, но не казалась столь опасною, чтобы нужно было прибѣгнуть къ канату. Лейтенантъ Генсенъ случайно оглянулся и увидалъ шапку Авакука на льду, самого же не замѣтилъ. Всѣ немедленно возвратились къ мѣсту происшествія и нашли молодого гренландца преспокойно сидящаго въ трещинѣ на глубинѣ 3 метровъ, гдѣ онъ застрялъ вмѣстѣ со своими санями, между двумя выдающимися льдинами. При помощи спущеннаго каната удалось, однако, вскорѣ его вытащить на поверхность.

Когда приближались къ окраинѣ внутренняго льда, тамъ былъ сильный туманъ. Поэтому лейтенантъ Генсенъ, въ сопровожденіи Авакука, пошелъ отцѣскивать лагерь своей лодочной команды, а Корнерупъ и Гротъ прилегли на ледъ отдохнуть. Черезъ нѣсколько часовъ странствованія, зоркій глазъ Авакука вдругъ увидѣлъ вдали палатку и, забывъ грустное свое настроеніе, онъ такъ громко и радостно закричалъ, что эхо крика отдалось въ горахъ. Не менѣе радостный возгласъ былъ отвѣтомъ ожидавшихъ его товарищей. Немедленно послали за Корнерупомъ и Гротомъ, а между тѣмъ Генсенъ приготовлялъ обѣденный столъ для своихъ спутниковъ. Не трудно догадаться, что обѣдъ былъ веселый и обильный, а затѣмъ послѣдовалъ продолжительный укрѣпляющій сонъ.

Гренландцы уже нѣсколько дней считали членовъ экспедиціи погибшими и въ миссіонерскимъ городкѣ Лихтенфальсѣ, гдѣ они въ отсутствіе Генсена запасались провизіею, уже собирались снарядить поиски за ними. Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи, члены экспедиціи не могли писать, такъ какъ и руки и глаза ихъ отказывались служить. 23 сентября вся экспедиція благополучно возвратилась въ Копенгагенъ ¹⁾.

Такъ кончилось замѣчательное и трудное путешествіе, къ чести всѣхъ въ немъ участвовавшихъ. Оно продолжалось всего 23 дня, но въ то же время оно представляется самымъ продолжительнымъ и по времени, и по пройденному пространству, притомъ оно совершенно по внутреннему льду Гренландіи! Точно такъ же какъ всякій градусъ дуги, на которой мореплаватель подается къ сѣверу ближе къ полюсу—имъ записывается съ національною гордостью, такъ и всякое пространство, на которое путешественникъ проникъ глубже во внутрь гренландскихъ льдовъ, можетъ считаться успѣхомъ, достойнымъ быть съ гордостью упоминаемымъ. Въ силу послѣдняго изслѣдованія, Данія занимаетъ въ этой области самое почетное мѣсто, которое впрочемъ и принадлежитъ ей по самому существу дѣла.

Едвали нужно упоминать, что экспедиція Генсена доставила богатый запасъ научныхъ матеріаловъ; но понятно, что должно еще пройти нѣсколько времени, пока весь этотъ матеріалъ будетъ разсмотрѣнъ и, какъ слѣдуетъ, обработанъ. Предположеніе, что внутри Гренландіи находятся зеленныя долины; совершенно поколеблено экспедиціею Генсена, изслѣдовавшаго отъ Фредерик-

¹⁾ Вышеизложенное описаніе заимствовано изъ отчета флотскаго капитана О. Ирлингера въ датскомъ листкѣ «Ude og hjemme» (отъѣздъ и дома) отъ 24 ноября 1878 г. Болѣе краткія данныя о немъ см.: Petermann's «Geographische Mittheilungen» 1878 г. стр. 477 и въ «Geographical Magazine» 1878 г. стр. 282.

сгааба треть поперечной ширины Гренландии. Храбрость и выдержка, которые выказали все члены экспедиции во время этого длинного и опасного путешествия, достойны самой высокой похвалы. Можно надеяться теперь, что, опираясь на приобретенный опыт, удастся через несколько лет пройти поперек Гренландии и с достоверностью разъяснить характер внутренней части этой негостеприимной земли.

Охота на мускусных быковъ.

ПРИРОДА ГРЕНЛАНДСКИХЪ БЕРЕГОВЪ.

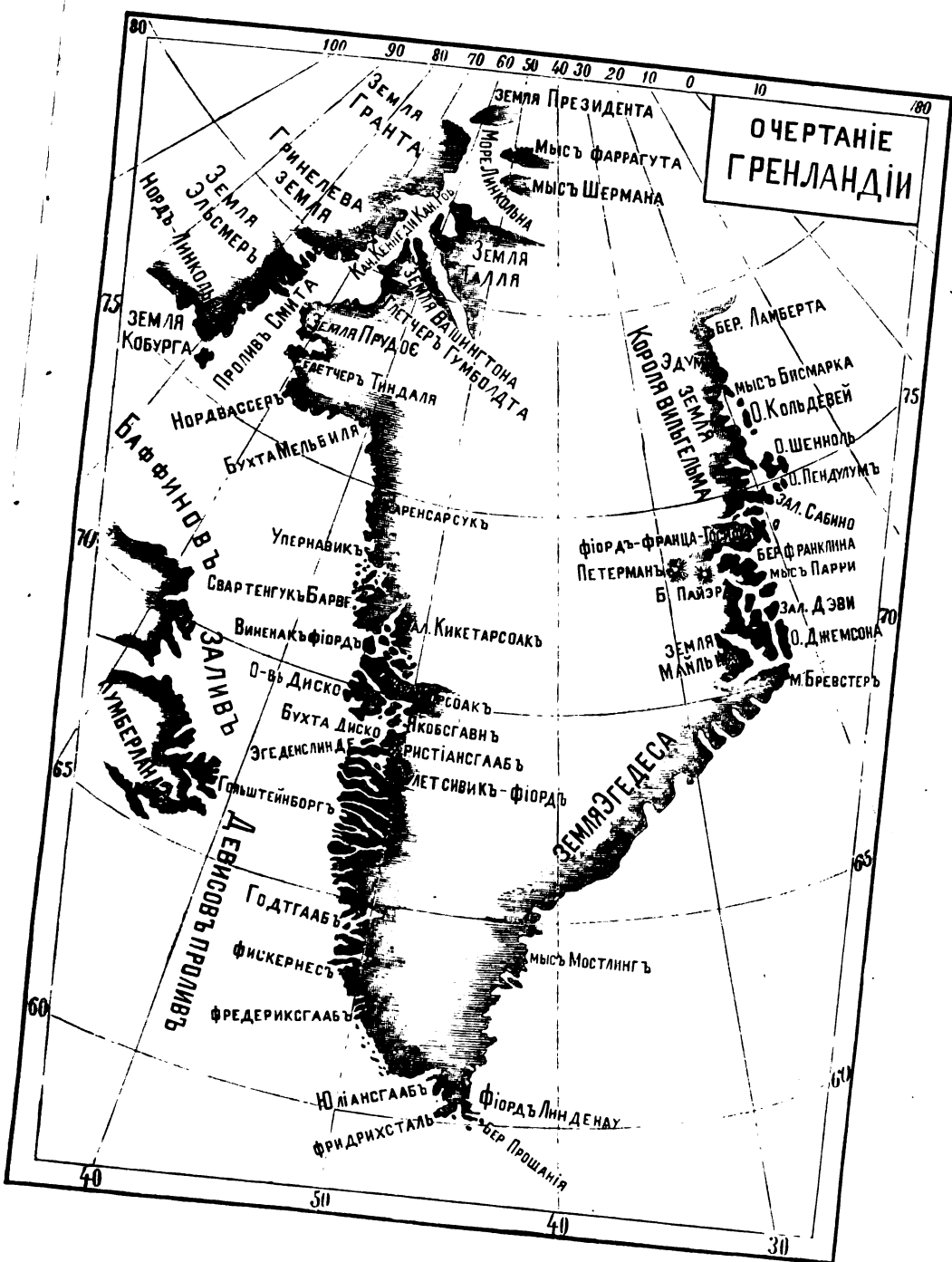
ВЫШНЕЕ очертаніе сѣверныхъ частей Гренландіи столько же неизвѣстно, какъ и необитаемая пространства внутри этого края. Самая полярная широта, до которой дошли вдоль западнаго берега, лежитъ подъ $83^{\circ} 20' 26''$ сѣв. шир. Отъ мыса Фарвель до этого мѣста тянется безъ перерыва та же земля. По рѣже посѣщаемому восточному берегу проникли только немного далѣе 77° сѣв. шир. Произведенныя до сихъ поръ изслѣдованія показали, что все побережье повсемѣстно изрыто пропастями и ущельями. Весь западный берегъ Гренландіи представляетъ, такъ сказать, непрерывный рядъ болѣе или менѣе глубокихъ, широкихъ или узкихъ фіордовъ; всѣ эти фіорды образуютъ виллообразное развѣтвленіе, дельту или фигуру опрокинутой буквы Д (ипсилонъ) и обнимаютъ многие острова и утесы. Оба берега отличаются крутизною. Кажущееся отсутствіе фіордовъ на восточномъ берегу нужно приписать только недостаточности нашихъ картъ; но онъ рѣдко посѣщается, и вообще недоступенъ, потому что постоянно окаймляющій его ледъ препятствуетъ китоловамъ пристать къ нему. Что и тамъ происходитъ расщеленіе земли по направленію во внутрь страны, доказываетъ сѣверное пространство отъ $69\frac{1}{2}^{\circ}$ до 75° , снятое Скоресби и Клевэрингомъ. Его очертанія менѣе похожи на западное побережье, но тѣмъ болѣе имѣетъ оно сходства съ берегами британской сѣверной Америки и Аляски. И на восточномъ берегу встрѣчаются необыкновенно глубоко вдающіеся въ страну фіорды. Скоресби даже предполагалъ, что названный по отцу его заливъ,

до вершины котораго онъ не успѣлъ добраться, пересѣкаетъ всю Гренландію до Баффинова пролива. Пешель по поводу этого замѣчаетъ, что всякій имѣетъ право дѣлать подобныя предположенія ¹⁾). Сѣвернѣе залива Скоресби открытъ еще новый громадный заливъ, фіордъ императора Франца-Иосифа, который хотя и очень глубоко вдается во внутрь Гренландіи, но не глубже фіордовъ западнаго берега. Мнѣнію Ринка, что Гренландія—материкъ противустоятъ убѣжденія другихъ многочисленныхъ изслѣдователей, которые полагаютъ, что Гренландія состоитъ изъ множества острововъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга фіордами, а въ серединѣ связанныхъ ледянымъ покровомъ, проходящимъ черезъ всю страну. Болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, проживавшій долгое время въ Гренландіи Гизеке заявилъ свое мнѣніе въ этомъ смыслѣ. Къ нему присоединяются теперь докторъ Р. Браунъ и Юлій Пайеръ ²⁾). По мнѣнію послѣдняго, въ пользу сейчасъ приведеннаго мнѣнія говоритъ именно полнѣйшее отсутствіе продольныхъ долинъ, которыя должны быть непременно на материкахъ. Противорѣчіе въ мнѣніяхъ, можетъ быть, произошло отъ того, что Ринкъ изслѣдовалъ западный берегъ, а Пайеръ свое заключеніе основалъ на данныхъ, собранныхъ на восточномъ берегу, во многомъ различномъ отъ западнаго. Тамъ, на пространствѣ почти 5 градусовъ широты, самые большіе потоки имѣютъ не многимъ болѣе 35—40 километровъ длины. Водораздѣлы какъ прибрежной полосы, такъ и внутри фіордовъ, находятся вездѣ близъ моря, вездѣ эти долины имѣютъ сильную покатость; боковыя стѣны очень круты, соответственно этому вся мѣстность носитъ отпечатокъ внезапнаго крутаго образованія безъ постепенныхъ переходовъ, имѣетъ изорванное очертаніе, представляя раздробленные куски. На восточной сторонѣ у береговъ фіорда императора Франца Иосифа возвышаются какъ будто настоящіе Альпы съ многочисленными выдающимися вершинами, какихъ на западѣ Гренландіи вовсе не встрѣчается. Правда, характеръ горныхъ возвышенностей восточной Гренландіи въ орографическомъ и геологическомъ отношеніи совершенно другой, чѣмъ на Альпахъ. Эти отличаются параллельными цѣпами, тѣ совершенно отдѣльными группами. Тѣмъ не менѣе, внутренняя часть страны между 72° и 74° сѣв. шир., при видѣ съ высокой горы, представляется въ высшей степени схожею съ вершинами Альпъ. На дальнемъ горизонтѣ виднѣтся множество вершинъ въ 2,500—3,050 метровъ вы-

¹⁾ Pechel, «Neue probleme der Vergleichende Erdkunde», стр. 11.

²⁾ См. Юл. Пайеръ, о внутреннемъ пространствѣ Гренландіи. «Ausland» 1870 г. № 62, стр. 1275—1247. Далѣе въ сочин. Пайера: «Oesterr-Ungar. Nordpolexpedition, 557—565, въ главѣ «Das Innere Groenland und seine Gletscher».

шины; средняя высота отдѣльныхъ возвышенностей колеблется между 1,500—2,150 метрами. „Сначала намъ казалось, пишетъ Пайеръ, будто болѣе высокія горы принадлежали внутренней части страны. Только съ мыса Франклина можно было убѣдиться, что высоты въ 1,800—2,500 метровъ встрѣчаются также близъ берега. Вдали къ югу виднѣлась дикая скалистая возвышенность въ 2,500 метровъ въ видѣ отроговъ, свойственныхъ доломиту“¹⁾. Вершина Петермана достигаетъ 4,500 метровъ высоты, но и она не самая высокая, а только самая высокая изъ тѣхъ, которыя измѣрены. Въ направленіи къ сѣверу, Пайеръ видѣлъ еще нѣсколько ледяныхъ высотъ, вѣроятно значительно высшихъ Петермановской, но, по положенію и дальности ихъ, невозможно было ихъ снять тригонометрическимъ способомъ²⁾.

Въ восточной Гренландіи линія вѣчныхъ снѣговъ (фирновъ)³⁾ проходитъ на высотѣ 914—1,220 метровъ надъ уровнемъ моря. Самые возвышенныя мѣста, за исключеніемъ высокихъ глетчеровъ, большихъ снѣжныхъ сугробовъ и т. п., среди лѣта освобождаются отъ снѣга. Тѣмъ не менѣе, обледенѣніе внутренняго пространства совершается въ значительныхъ размѣрахъ, и вообще можно утвердительно сказать, что всякая долина, имѣющая начало на высотѣ 1,220—1,520 метровъ, содержитъ глетчеры. Величина ихъ очень различна; отъ нетолстой льдины, пробивающейся черезъ ущелье и, въ видѣ лавины, съ громомъ низвергающейся въ долину, до величественнаго необозримого ледяного потока, спускающагося гордо до поверхности моря. Отъ этихъ первобытныхъ ледниковъ⁴⁾ происходятъ тѣ грозныя ледяныя горы въ нѣсколько сотъ метровъ высоты, которыя окаймляютъ наружное побережье и наполняютъ фіорды. Цвѣтъ ихъ преимущественно зеленовато-бѣлый. Замѣчательно различна поверхность гренландскихъ и альпійскихъ глетчеровъ: въ Гренландіи она представляетъ какъ бы переломъ на каждомъ отдѣльномъ возвышеніи или усиленномъ наклонѣ, или же изображаетъ хаосъ иглъ, ступеней и уступовъ и т. д., при соединеніи нѣсколькихъ глетчерныхъ потоковъ. На Альпахъ ледъ, подверженный вліянію большихъ періодическихъ и ежедневныхъ пе-

¹⁾ Payer. «Oesterreichisch-Ungar. Nordexpedition», стр. 560.

²⁾ «Ausland». 1870 г., стр. 1,246.

³⁾ «Firn» по французски *névé*, называется на Альпахъ старый зернистый снѣгъ, оставшійся съ прошлаго года (название это происходитъ отъ *firn*) и служащій матеріаломъ для образованія глетчеровъ.

⁴⁾ На европейскихъ Альпахъ первобытные глетчеры оканчиваются, какъ скоро они доходятъ до области $+5^{\circ}$ Ц. средней годовой температуры. Въ Гренландіи эта изотермическая линія вовсе не существуетъ и достиженіе тамъ глетчерами морской поверхности обусловливается протяженіемъ области вѣчныхъ льдовъ.

режѣня температуры и, часто въ году, напору ледяныхъ водъ, сгущается гораздо болѣе, чѣмъ въ Гренландіи, при постоянно низкой температурѣ. Область вѣчныхъ льдовъ на Аляскахъ отличается тѣмъ, что поверхность глетчеровъ постепенно превращается въ крупнозернистый снѣгъ, въ который нога погружается рѣдко болѣе, чѣмъ на одинъ футъ. Въ Гренландіи глубина снѣговъ на обращенныхъ къ сѣверу, глетчерныхъ ложбинахъ безусловно непреодолима, вслѣдствіе зимнихъ сѣверныхъ вѣтровъ. На высотѣ 1,520 метровъ толщина фирновъ составляла уже отъ 0,30 — 0,60 метра ¹⁾. Физическія условія восточнаго берега, однако, совсѣмъ иныя, чѣмъ на западномъ берегу. Въ то время, какъ Пайеръ описываетъ различные отдѣльные глетчеры восточной Гренландіи, не имѣющіе между собою никакой связи, на западномъ берегу всѣ глетчеры питаются изъ одного источника, изъ массы внутренняго льда ²⁾. Такое-же замѣчательное различіе существуетъ между западомъ и востокомъ Гренландіи въ климатическомъ и геологическомъ отношеніи, даже относительно географіи разселенія животныхъ. Отвѣсно скалистая стѣна въ 1,000—1,300 метровъ вышины тянется по восточному берегу, названному въ южной своей части до мыса Тихо-де-Браге, побережьемъ короля Фридриха VI. Къ нему примыкаетъ къ сѣверу видѣнная только издали земля Ганса Эгедѣ и, наконецъ, по ту сторону 70° сѣв. шир. отъ пролива Ско-ресби, начинается изсѣченный фіордами берегъ, окаймленный многочисленными островами, гдѣ между 75° и 77° сѣв. шир. было мѣсто дѣйствія второй германской экспедиціи къ сѣверному полюсу въ 1869—70 г. Здѣсь на обледѣлой, необитаемой землѣ короля Вильгельма, мысъ Бисмарка обозначаетъ крайній предѣлъ сѣверныхъ открытій ³⁾. На нѣсколько южнѣе лежащемъ островѣ Саннонъ германскіе путешественники осенью встрѣтили еще мускуснаго быка, котораго они еще раньше видѣли въ другихъ мѣстахъ восточнаго побережья, тогда какъ на западѣ онъ вовсе не встрѣчается. Онъ питается, какъ и олень, скудною ра-

¹⁾ Payer, «Ostreichisch-Ungar. Nordexpedition», стр. 564.

²⁾ О глетчерахъ Гренландіи см. Г. Ринкъ: «Om Vandet's Aflofdradet Indre af Grønland ved Kilder under Isen». Kjøbenhavn. 1862. Еще: Charles Grad: Etudes sur les glaciers du Groenland (Nouv. Annales des Voyages. Dec. 1865, стр. 257 — 271) и «Notice sur les glaciers du Groenland» (Bulletin de la Société de géograph. Paris. 1871. Т. II, стр. 109—127).

³⁾ Въ 1670 году будто-бы Ламбертъ видѣлъ землю подъ 80° 30' сѣв. шир., а по сообщеніямъ Дэна Барригтона берегъ былъ въ 1775 году обследованъ до 79° 30'. Вторая германская экспедиція достигла по сушѣ самой сѣверной точки 15-го апрѣля 1870 года немного выше 77°. Отсюда ей видно было, что береговая линія простирается еще далѣе къ сѣверу, а на сѣверо-западѣ видъ оканчивался въ недалекомъ разстояніи рядомъ обледѣлыхъ горъ.

стительностью крайняго сѣвера. Я говорю „скуднаго“, разумѣя это по сравненію съ растительностью нашихъ благодатныхъ странъ; для арктическаго сѣвера растительность восточной Гренландіи ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана бѣдною. Мы слишкомъ склонны всегда представлять себѣ арктическія страны даже во все лѣто покрытыми снѣгомъ. Германскіе изслѣдователи нашли въ восточной Гренландіи, какъ именно удостовѣряетъ д-ръ Паншъ, вполне безснѣжную мѣстность, и не только среди лѣта, но и въ теченіе полныхъ трехъ мѣсяцевъ. Само собою разумѣется, что накопившіеся въ ущельяхъ и впадинахъ сугробы снѣга остаются и на все лѣто; но вообще снѣгъ исчезаетъ въ апрѣлѣ, и солнце начинаетъ согрѣвать почву. При постепенно увеличивающейся, продолжительной и иногда даже сильной, лѣтней теплотѣ, мы видимъ, что въ восточной Гренландіи въ короткое время развивается роскошная, здоровая растительность, простирающаяся до 1,000 метровъ надъ уровнемъ моря. „Тамъ встрѣчается, какъ рассказываетъ Паншъ, во многихъ мѣстахъ прекрасная густая трава, украшенная, какъ у насъ, желтыми головками львиного зуба, тамъ стебли съ густыми колосами достигаютъ вышины 0,30—0,60 метровъ; возлѣ вереска кустится черника, покрывая, какъ и въ нашихъ болотистыхъ лѣсахъ, огромныя пространства; въ сырыхъ горныхъ ущельяхъ растетъ красивый папоротникъ, листья щавели развиваются до рѣдкой величины; на обращенныхъ къ солнцу покатостяхъ киваютъ своими головками на высокомъ стеблѣ темноголубые колокольчики; восхитительно поражаетъ насъ нѣжная вѣчно-зеленая грушица со своими мраморно-бѣлыми цвѣтками. По берегамъ ручейковъ и морскому побережью, покрытымъ хрящемъ, *Eriobium* ¹⁾ разстилаетъ свои роскошные цвѣты, приманивающіе къ себѣ самаго равнодушнаго зрителя своимъ ярко-краснымъ отливомъ. Между голыми скалами поселилась въ большомъ количествѣ замѣчательная *Polemonium* ²⁾, показывая изъ среды своихъ ароматныхъ, тонко-перистыхъ листьевъ, большой пучекъ своихъ свѣтлоглубыхъ цвѣтовъ. На арктической почвѣ, окруженной вѣчными льдами, эти прекрасные цвѣты кажутся какими-то временными пришельцами, между тѣмъ они тамъ постоянно. А затѣмъ путешественника поражаетъ особый оттѣнокъ растительности на горной покатости, возбуждающій пріятное изумленіе. Это невысокій, но полный сочности и силы, березовый кустарникъ, ростъ кото-

¹⁾ Растеніе, принадлежащее къ семейству онагриковыхъ (*Onagraceae*), къ числу которыхъ принадлежитъ и нашъ русскій иванъ-чай, или кипрей.

²⁾ Изъ семейства *Polemoniaceae*. Представителемъ этого семейства у насъ служитъ бранъ-трава (*Polemonium coeruleum*), а также украшающія растенія, вывезенныя къ намъ изъ Америки, *Phlox* и *Gilia*.

раго, хотя ежегодно, однакоже мало прибавляется, но, повидимому, растительный процесс идетъ весьма хорошо, потому что деревцо даетъ и цвѣтъ и плоды. Рядомъ съ березовымъ кустарникомъ красуется кустарникъ черничный съ зрѣлыми, вкусными и необыкновенно сладкими ягодами. Съ какою дѣтскою радостью путешественникъ срываетъ эти плоды въ этомъ негостеприимномъ краѣ!.. Наконецъ ботаникъ торжествуетъ, имѣя возможность найти здѣсь нѣсколько альпійскихъ розъ, хотя, къ сожалѣнію, уже отцвѣтшихъ.

„При такой обильной растительности, естественно слѣдуетъ ожидать, что и царство животныхъ, питающихся растеніями, имѣетъ здѣсь своихъ представителей, а именно оленя и бѣлоснѣжнаго сѣвернаго зайца, вѣдь эти животныя водятся вездѣ на ледяномъ сѣверѣ. Мало того: здѣсь путешественникъ встрѣчаетъ и приземистую фигуру мускуснаго быка. Это послѣднее животное обращаетъ на себя вниманіе длинною темною шерстью, тяжелыми и необыкновенно толстыми у корня рогами. Водится мускусный быкъ въ этомъ краѣ стадами, добывая себѣ пищу изъ подъ снѣга и составляя для человѣка, наравнѣ съ оленемъ и зайцемъ, отличную, здоровую пищу. Встрѣчаются здѣсь еще и меньшія животныя, питающіяся растеніями, таковы: маленький сѣрый леммингъ, выкапывающій себѣ для пищи тонкіе корни растеній; изъ птицъ гуси пасутся на лугахъ, а прелестная куропатка питается молодыми побѣгами ивъ. Какъ во всемъ мірѣ, такъ и здѣсь, эти птицы имѣютъ своихъ враговъ. Водящійся между камнями горностаи и вѣчно странствующая лисица преслѣдуетъ ихъ на сушѣ, а съ высокаго полета бросаются на нихъ сова и ястребъ. Тѣмъ не менѣе, еще съ ранней холодной весны здѣсь поетъ и чирикаетъ стрепетка, а глупый зукъ и быстрая тиркушка носятся надъ побережьемъ, преслѣдуя гусеницу, комаровъ и мухъ, нашедшихъ и здѣсь себѣ скромное пристанище.

„Обширное море представляетъ, конечно, раздольное житіе птицамъ и млекопитающимъ. Подъ защитою морскихъ растеній у неглубокаго взморья въ лѣсахъ гигантской ламинаріи ¹⁾ водятся мириады ракообразныхъ животныхъ, достигающія, при постоянно ровной температурѣ воды, необыкновенныхъ размѣровъ; около камней и на днѣ морскомъ находится масса раковинъ и слизняковъ отчасти тѣхъ же, какіе встрѣчаются въ Балтійскомъ морѣ, но только большихъ размѣровъ. Эти ракообразныя животныя, вмѣстѣ съ маленькими рыбами, служатъ пищею неисчислимой массѣ гагъ,

¹⁾ Laminaria принадлежитъ къ обширному классу водорослей. Для Атлантическаго Океана очень важно то явленіе, что количество ламинарій, и вмѣстѣ съ ними фукусовъ, уменьшается по мѣрѣ приближенія къ тропикамъ.

чаекъ, кайръ, крачекъ и другихъ водяныхъ птицъ. На высокихъ утесахъ онѣ устраиваютъ свои гнѣзда; безокойно съ крикомъ летаютъ онѣ днемъ и ночью или же играютъ по тихой поверхности воды. Онѣ должны защищать своихъ дѣтенышей отъ вышеназванныхъ хищныхъ птицъ; къ послѣднимъ еще присоединяется особый видъ большихъ чаекъ и черные вороны. На сколько пріятны пришельцу изъ Европы мясо, яйца, шкуры и перья этихъ четвероногихъ и птицъ, на столько польза ихъ ничтожна для коренного жителя Гренландіи, особенно въ сравненіи съ пользою, извлекаемой изъ ловли моржей и тюленей. Эти два представителя, конечно, суть главнѣйшія животныя всѣхъ полярныхъ побережій, ими обусловливается весь бытъ, вся жизнь эскимосовъ. Но полярный житель, все-таки, не можетъ безмятежно и вполне предаваться охотѣ и безусловно пользоваться ея результатами: сильнѣйшее хищное животное полярныхъ странъ, бѣлый медвѣдь, оспариваетъ у этихъ охотниковъ исключительность права охоты на тюленей, моржей и даже оленей, и между силою и хитростью мощнаго животного съ одной стороны и смышленностью бѣднѣйшаго человѣка съ другой завязывается здѣсь замѣчательное соперничество, необычайная борьба¹⁾.

Правда, ни одно изъ судовъ послѣдней германской экспедиціи не встрѣтило людей въ посѣщаемыхъ ими мѣстностяхъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ восточной Гренландіи еще существуютъ эскимосы, ибо на южной сторонѣ мыса Арендта германскіе путешественники, къ своему удивленію, нашли, кромѣ костей морскихъ животныхъ, еще остатки жилищъ эскимосовъ²⁾. Наконецъ изъ Фридрихсталя, самой южной станціи миссіонеровъ Герритутеровскаго братства, писали отъ 16 августа 1868 г.: „Нѣсколько недѣль тому назадъ, насъ посѣтили здѣсь язычники, кочующіе далеко отсюда на восточномъ берегу. Они, однако, не выказали никакой охоты здѣсь остаться, а всѣ хотѣли непременно вернуться туда“³⁾.

Когда идетъ рѣчь о Гренландіи, то подъ этимъ почти всегда разумѣютъ исключительно западную часть, на наружной полосѣ которой устроены европейскія поселенія, подвластныя датскому правительству. Западный берегъ гораздо болѣе извѣстенъ, чѣмъ восточный, и болѣе или менѣе обследованъ, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько возможно было проникнуть къ сѣверу. Западный берегъ Гренландіи между 62°—69° сѣв. шир., по наблюденіямъ датчанина Пингеля, медленно и постепенно склоняется къ

¹⁾ Д-ръ Паншъ въ «Geograph. Mittheilung». Петермана 1871 г. стр. 221—222.

²⁾ «Geograph. Mittheilung». Петермана 1871 г. стр. 190.

³⁾ «Calwer Missionsblatt» за іюнь 1869 г. стр. 44.

Дэвисову проливу. Доказывается этотъ процессъ тѣмъ, что сваи, къ которымъ прежде прикрѣплялись суда, вмѣстѣ съ оголовками находятся теперь подъ водою ¹⁾). Стенструпъ сомнѣвается въ достовѣрности этихъ признаковъ, указывалъ, что у норманнскихъ развалинъ въ Иголиксфіордѣ съ 1779 года, когда о нихъ впервые упоминаетъ Арктандеръ, не замѣтно доселѣ ни какой перемѣны ²⁾). Далѣе къ сѣверу, знаменитый путешественникъ Кэнъ встрѣтилъ на пространствѣ отъ 76° до глетчера Гумбольдта, береговые уступы, которыхъ онъ въ отвѣсномъ положеніи одинъ надъ другимъ, насчиталъ до 41. Эти уступы составляютъ несомнѣнные признаки того, что земля здѣсь въ 41 промежуткѣ постепенно подымалась отъ нисшей террасы до высшей. Преемникъ Кэна, полярный путешественникъ Гайсъ подтвердилъ это явленіе и по отношенію къ другимъ мѣстамъ. Въ портѣ Фульке, пунктѣ его зимней стоянки, подъ 78° 17' сѣв. шир., 23 береговныя ступени поднимаются до вышины 33,5 метровъ надъ уровнемъ моря. То же явленіе онъ встрѣтилъ еще сѣвернѣе, на восточномъ берегу Гринелевой земли. Эти явленія могутъ быть признаны доказательствомъ, что гренландскій материкъ еще не пользуется полнымъ спокойствіемъ. Совершенно согласные результаты изслѣдованій Лаубе и Стенструпа показываютъ, что материкъ Гренландіи въ южной его части представляетъ массу, сложившуюся изъ гранита и гнейса и пересѣченную прожилками изъ порфира и діорита. Гранитъ и гнейсъ входятъ также въ средней части сѣверной Гренландіи въ возвышенныхъ мѣстностяхъ, окружающихъ величественный Уменакъ или Оменакъ-фіордъ. Эти породы (гранитъ и гнейсъ) составляютъ здѣсь самую главную массу, какъ по отношенію къ уровню океана, такъ и по отношенію къ поверхности этой области. Гранитъ во многихъ мѣстахъ переходитъ въ слюдистый сланецъ и роговую обманку, которыя, въ свою очередь, смѣшиваются съ другими разнообразными породами, какъ это обыкновенно бываетъ въ метаморфозированныхъ наслоеніяхъ. Такъ слои роговой обманки содержатъ почти всюду разбѣянные прослойки вениса, въ отдѣльныхъ мѣстахъ асбестъ (каменный ленъ), лучистый камень, сѣрный колчеданъ, магнитный желѣзнякъ, турмалины и мн. др. Однако единственнымъ минераломъ, имѣющимъ особенно важное значеніе, слѣдуетъ называть—криолитъ, который встрѣчается, кромѣ Гренландіи, только на Уралѣ, въ Мясскомъ горномъ округѣ. Это минералъ очень мягкій, отчасти бѣлый, отчасти болѣе или менѣе темносѣрый, замѣ-

¹⁾ Peschel, «Neue Problème der vergleichende Erdkunde» стр. 99.

²⁾ «Mittheil. der k. k. Geograph. Gesellsch. zu Wien» 1878 г. стр. 140.

чательный по составляющимъ его химическимъ элементамъ ¹⁾. Онъ находится въ Гренландіи въ Аркутъ-фіордѣ непосредственно у берега ²⁾. Тамъ найдены также 20 оловянныхъ жилъ со свинцомъ, мѣдью, цинкомъ, желѣзомъ и молибденомъ, а также съ плавиковымъ шпатомъ и циркономъ и т. п. минералами. Впрочемъ Гренландія, повидимому, не богата минералами, хотя на югѣ открыта мѣдная руда, содержащая 60% чистой мѣди ³⁾. Начиная со острова Диско начинаютъ показываться мѣстности съ характеромъ трапповыхъ горныхъ возвышенностей. Послѣ гранита горная порода трапповъ занимаетъ главнѣйшее мѣсто въ геологическомъ образованіи Гренландіи. Траппъ—это плотная горная порода сѣраго или буро-черноватаго цвѣта, состоящая преимущественно изъ лабрадора съ примѣсью авгита и магнитнаго желѣзняка. Въ сѣверной Гренландіи и смежныхъ областяхъ, берегъ, состоящій изъ гранита и траппа, возвышается на 1250 метровъ. Крутыя ущелья представляютъ, до глубины 1000 метровъ весьма, интересные поперечные разрѣзы этихъ возвышенностей, въ которыхъ наслоеніе такъ называемыхъ первозданныхъ горныхъ породъ ясно указываетъ на постепенное прогрессивное видоизмѣненіе ихъ. Формация траппа, кромѣ того, показываетъ еще нѣсколько весьма интересныхъ явленій въ Гренландіи. Обыкновенно она является въ видѣ мощныхъ горныхъ массъ съ плоскою поверхностью и крутыми боками; большею частью она залегаетъ поверхъ краснаго песчаника, не содержащаго ни какихъ органическихъ остатковъ; мѣстами же траппъ лежитъ поверхъ слоевъ, содержащихъ каменный уголь и графитъ. Такимъ образомъ траппъ приобретаетъ такой внѣшній видъ, какъ будто онъ въ раскаленно-жидкомъ состояніи вытекъ изъ нѣдръ земли и разлился по ранѣ отложившемуся песчанику и каменно-угольнымъ образованіямъ. Вѣроятно, подобныя изверженія траппа происходили въ то время, когда вся Гренландія была еще покрыта моремъ, а крутые откосы вѣроятно явились вслѣдствіе позднѣйшаго возвышенія.

Упомянутые пласты каменнаго угля содержатъ многочисленные остатки хвойныхъ деревьевъ (*Pinites Rinkianus*) и папоротниковъ; въ

¹⁾ Криолитъ состоитъ изъ фтористаго натрія и фтористаго алюминія ($6 \text{ Na F} + \text{Al}_2 \text{ F}_6$), легко плавится и разлагается въ сѣрной кислотѣ. Твердость его отъ 2—3, удѣльный вѣсъ отъ 2,95—2,97. Онъ употребляется преимущественно для добыванія алюминія и, въ качествѣ минеральной соды, при варкѣ мыла, изъ него добывается фкій натръ, углекислый натръ и сѣрнокислый глиноземъ.

²⁾ О гренландскомъ криолитѣ см. болѣе подробно у Антона фонъ-Этцеля «Groenland geographisch und statistisch beschrieben». Изъ датскихъ источниковъ. Штутгардъ 1860 г. 8^о стр. 320—321.

³⁾ «Ausland» 1854 г. стр. 16.

песчаникъ же находили слѣды листьевъ, окаменѣлые остатки листовеннаго лѣса у Атане Кердлука изъ миоценоваго періода, о значеніи котораго для прошлаго времени арктическаго пояса я говорилъ въ началѣ этой книги ¹⁾. Мѣсто это находится едва за 70° сѣв. шир., у пролива Вайгатъ, отдѣляющаго островъ Кекерторсуанъ или Диско отъ полуострова Нугсуакъ или Нурсоакъ. Этотъ островъ и Оменакъ-фіордъ (70° 47' 49" сѣв. шир.), омывающій Нугсуакъ съ сѣверной стороны, были главнымъ мѣстомъ изслѣдованій Эдуарда Вимпера, во время его вторичнаго пребыванія въ 1872 году въ Гренландіи. Въ день его пріѣзда туда, земля была покрыта цвѣтами; бабочки порхали, весь снѣгъ исчезъ съ побережья до высоты 600 метровъ. По большой полянѣ, имъ открытой, Вимперъ проникъ во внутрь острова Диско на разстояніе усиленнаго однодневнаго перехода. Затѣмъ онъ обратился къ полуострову Нугсуаку, гдѣ онъ поднялся на одну изъ самыхъ высокихъ вершинъ. Въ своемъ письмѣ къ Р. Г. Скотту ²⁾ Вимперъ не называетъ этой горы, такъ что намъ неизвѣстно, не та ли самая гора Уярарсаріакъ, какъ можно предполагать, на которую въ то же время поднялись находившіеся тогда тамъ Стенструпъ и И. Г. Роде. Съ этой горы Вимперъ осмотрѣлъ большую долину, занимающую все внутреннее пространство. Въ ней находится большое озеро на высотѣ 600—700 метровъ надъ уровнемъ моря, къ которому спускаются одинъ или нѣсколько глетчеровъ. Эта долина самая важная изъ доселѣ открытыхъ въ сѣверной Гренландіи. Протекающая черезъ нее вода не горная рѣчка, а скорѣе большая рѣка, проходящая 250 километровъ въ извилинахъ и безчисленныхъ изгибахъ и

¹⁾ О періодѣ, къ которому слѣдуетъ отнести окаменѣлости арктической флоры въ послѣднее время возникъ споръ. Проф. О. Геръ относитъ ихъ къ миоценовому періоду, а англичанинъ І. Стэрки-Гарднеръ, въ лондонскомъ журналѣ «Nature» (отъ 12 декабря 1878 г. т. XIX стр. 124—127), причисляетъ ихъ къ эоценовой формации. На изданный мною нѣмецкій переводъ статьи Гарднера (подъ заглавіемъ «Die arktische Flora der Vorzeit und ihre Existenzbedingungen» въ «Ausland» 1879 № 2, стр. 25—29) проф. Геръ отвѣчалъ подробно, поддерживая свое прежнее мнѣніе. «Über das Alter der tertiären Ablagerungen der arktischen Zone», «Ausland» 1879 № 8 стр. 141—145. «Are there no eocene floras in the arctic regions?» спросилъ еще недавно британскій естествоиспытатель въ «Nature» отъ 1 мая 1879 г. т. XX стр. 10—13, приводя новыя доказательства противъ Гера. Какъ ни вѣско мнѣніе такого палеонтолога, какъ Освальдъ Геръ, но нужно сознаться, что вопросъ объ ископаемыхъ арктической флоры далеко не разрѣшенъ; напротивъ—онъ только ввѣвъ сдѣлался спорнымъ.

²⁾ «Nature» т. VII стр. 8, переведенный въ «Petermann's Geographische Mittheilung». 1872 г. стр. 463—464 и въ извлеченіи въ «Globus» т. XXIII стр. 30. Это короткое письмо составляетъ единственный источникъ для описанія этого путешествія Вимпера, не смотря на всѣ старанія получить о немъ еще какія либо указанія.

приносящая въ море такую же массу воды, какъ Рона въ Женевское озеро. Вода этого потока, въ 1½ километрахъ отъ берега, была еще прѣсна. Стенструпъ и Роде также намѣтили большое озеро и назвали его Тасерсуакъ, а равно рѣку Кугсуакъ, но вытекающую не изъ этого озера, а изъ глетчера на высокой скалѣ, которую гренландцы называютъ Эрке. Эта рѣка, судя по картѣ ¹⁾, составленной обоими скандинавскими учеными, имѣетъ въ длину не болѣе 25—30 километровъ, слѣдовательно не можетъ быть таже, на которую указываетъ Вимперъ. Даже стокъ, который повидимому озеро имѣетъ на западъ, не можетъ быть принятъ за ту же рѣку, ибо и онъ имѣетъ длины не болѣе 50—60 километровъ. Въ Оменакъ-фіордѣ Вимперъ поднялся на неназванную имъ вершину, въ 2140 метровъ надъ уровнемъ моря. Съ этой горы онъ осматрѣлъ всю окрестность и, при помощи теодолита, опредѣлилъ, что всѣ горы на 600 метровъ выше, чѣмъ считали до сихъ поръ.

Климатъ сѣверной Гренландіи континентальный и крайне непостоянный; въ одномъ и томъ же мѣсяцѣ иногда бываетъ разница температуры отъ 25°—37° Ц. Іюль единственный мѣсяцъ свободный отъ снѣга; за короткимъ лѣтомъ слѣдуетъ длинная, суровая зима. Крайніе предѣлы лѣтней и зимней температуры суть +15° и —40 Ц. Средняя годовая температура—3,75° Ц; но, разумѣется, она очень различна, принимая во вниманіе длину берега, который тянется съ сѣвера на югъ. Такъ средняя годовая температура въ южныхъ мѣстахъ Годгоабъ и Нейгернгутъ равняется—1,88° и —2,38° Ц., подъ 69° сѣв. шир.—5,63, подъ 71°—6,88, а въ самомъ сѣверномъ датскомъ поселеніи подъ 73° сѣв. шир.—9,28° Ц ²⁾. Вообще температура зависитъ отъ вѣтровъ въ Дэвисовомъ проливѣ и въ Баффиновомъ заливѣ и отъ массы плавучихъ льдовъ, пригоняемыхъ отчасти отъ Шпицбергена вдоль восточнаго берега Гренландіи вокругъ мыса Фэрвель вверхъ по проливу до 64° и отчасти поднимающихся со дна Баффинова залива и пролива Ланкастера, но очень рѣдко доходящихъ до берега. Эти два направленія плавучихъ льдовъ, весьма близко подходящихъ другъ къ другу, но никогда не сталкивающихся, гренландцы тщательно различаютъ, называя ледъ, спускающійся по восточному берегу и огибающій мысъ Фэрвель—шпицбергенскимъ или нагроможденнымъ, а ледъ Баффинова залива—западнымъ. Вслѣдствіе этихъ условий и вообще по причинѣ сѣвернаго положенія, климатъ Гренландіи очень непостояненъ и подверженъ гораздо большимъ случайно-

¹⁾ Peterman's «Geographische Mittheilung» 1874 г. табл. VII.

²⁾ Эггелъ «Groenland» стр. 108.

стямъ, чѣмъ въ умѣренныхъ поясахъ. Къ этому еще прибавляется та разница, которая существуетъ зимою между поверхностью моря, покрытою льдомъ и поверхностью, остающеюся свободною отъ льда.

Не смотря однако на суровость климата, органическая жизнь въ Гренландіи должна считаться сравнительно значительною. Хотя, повидимому, и естественно, что эскимосы обитаютъ по побережью моря, тѣмъ болѣе поражаетъ насъ разсказъ д-ра Ринка, что въ южныхъ фіордахъ растительность становится роскошнѣе по мѣрѣ удаленія отъ моря во внутрь страны; но это не на большое пространство. Можно бы ожидать, что зеленые луга далѣе внутри смѣняются лѣсами; но нѣтъ—вмѣсто того попадаемъ на широкія равнины, на которыхъ арктическій климатъ осадилъ всякую растительность и потаенныя мѣста которыхъ едвали когда либо были предметомъ изслѣдованій. Мѣстные уроженцы смотрятъ на эти непріятныя, угрюмыя пространства съ суевѣрнымъ страхомъ и считаютъ ихъ жилищемъ злыхъ духовъ...

Нѣкоторая растительность простирается, можетъ быть, и до самаго полюса. На сѣверѣ она состоитъ, правда, почти только изъ лишаяевъ и мховъ, но вмѣстѣ съ мхами прозябаютъ подъ глубокимъ снѣгомъ, ограждающимъ ихъ отъ сильнаго мороза, еще другія растенія, въ числѣ которыхъ *Paraver nauticaule* весьма полезенъ противъ цынги. На наружной полосѣ растутъ низкій, ползущій кустарникъ, смѣняяся болотистыми лугообразными площадями. Только на разстояніи 600—1000 метровъ отъ берега растительность становится слабѣе, вмѣсто травъ являются преимущественно мхи. На разстояніи 1270 метровъ растенія видны только изрѣдка, какъ отдѣльныя явленія, на хрищѣ, ива, *Salix glauca*, совершенно исчезаетъ. Вдоль берега въ Гренландіи вездѣ разостланъ густой коверъ растительности; совершенно безплодныя мѣста рѣдки. Откосы горъ отличаются иногда зеленоватымъ, а большею частью буроватымъ отливомъ; низменныя мѣста покрыты зеленью и многочисленными цвѣтами.

На прибрежной полосѣ и на островахъ, кромѣ луговыхъ травъ въ закрытыхъ долинахъ и болотныхъ травъ на мокрыхъ мѣстахъ, встрѣчается множество ягодъ, убогаго тальнику, можжевельника, жалкихъ березокъ и ольхъ. Вся растительность, разумѣется, приземиста, даже въ самой южной части страны, гдѣ вообще флора богатая, пихта является только въ видѣ убогаго кустарника; деревья, собственно говоря, тамъ вовсе нѣтъ, такъ какъ букъ, береза и ива, которые тамъ встрѣчаются на закрытыхъ мѣстахъ, достигаютъ едва только вышины человѣческаго роста. Самое большое дерево въ Гренландіи нашель д-ръ Ринкъ въ закрытомъ уютномъ уголку: то была береза, достигшая „баснословной“ вышины, 3 1/2

мстровъ! Для топлива жители Гренландіи исключительно могутъ пользоваться только прибойнымъ лѣсомъ, пригоняемымъ волнами и теченіемъ въ изобиліи изъ сѣверной Сибири. Въ болѣе удобно расположенныхъ поселеніяхъ удалось развести рѣпу, картофель и даже нѣсколько сортовъ капусты, которые хотя и не соотвѣтствуютъ нашимъ требованіямъ, обращеннымъ къ овощамъ, но тамъ они считаются лакомствомъ. Попытка засѣвать въ Гренландіи овесъ и ячмень, а также попытка развести рогатый скотъ, не удалась, какъ часто за это ни принимались.

Фауна Гренландіи положительно арктико-европейская: всѣ виды животныхъ, водящіеся на Шпицбергенѣ и Новой Землѣ, встрѣчаются и въ Гренландіи, за исключеніемъ мускуснаго быка, называемаго гренландцами „Умимакъ“, (*Umiak*) единственное животное американской фауны, переселившееся, можетъ быть, съ западной стороны Смитова пролива. Кромѣ него олень ¹⁾ (*Rangifer tarandus* L.) единственный представитель жвачныхъ. Изъ грызуновъ извѣстны только леммингъ (*Myodes torquatus*) и бѣлый заяцъ (*Lepus glacialis*), изъ питающихся мясомъ медвѣдь (*Ursus maritimus* L.) по гренландски „Неннокъ“, песецъ (*Vulpes lagopus* L.) по гренландски „Терыннакъ“ или „Кака“ и эскимосская собака, по гренландски „Кеммакъ“ или „Креммакъ“ ²⁾. На всѣмъ сѣверѣ американскаго континента распространена одна и та же порода собакъ, происходящая вѣроятно отъ волка. Въ датской Гренландіи водятся еще собаки, происходящія отъ скрещиванія мѣстной породы съ привозною. Упомянутая фауна относится, разумѣется, только къ бесомнѣнно-мѣстнымъ видамъ, а не къ различнымъ привознымъ и акклиматизированнымъ домашнимъ животнымъ, какъ напримѣръ къ кошкамъ, овцамъ, козамъ, коровамъ, свиньямъ и т. д. Млекопитающія гренландскихъ морей гораздо разнообразнѣе млекопитающихъ тамошней суши. Изъ нихъ жители извлекаютъ двойную пользу: мясо для пищи и ворвань для освѣщенія. Робертъ Браунъ насчиталъ семь видовъ ластоногихъ и шестнадцать видовъ китообразныхъ (*cetaceae*) ³⁾. Кромѣ того, море изобилуетъ рыбами, а по берегамъ гнѣздятся безчисленныя морскія птицы, въ особенности гаги. Въ Гренландіи всего 90 видовъ птицъ, изъ которыхъ 26 тамъ высиживаютъ яйца, питаются массою комаровъ и

¹⁾ Эскимосы называютъ оленя, пока онъ безъ роговъ, «беннесоакъ», по разсказамъ Кэна, а Р. Браунъ говоритъ, что олень вообще называется «тукто», самецъ «пангнекъ», а самка «коллауакъ».

²⁾ Подробное описаніе см.: «Ausland» 1862 г. № 36 стр. 861—863.

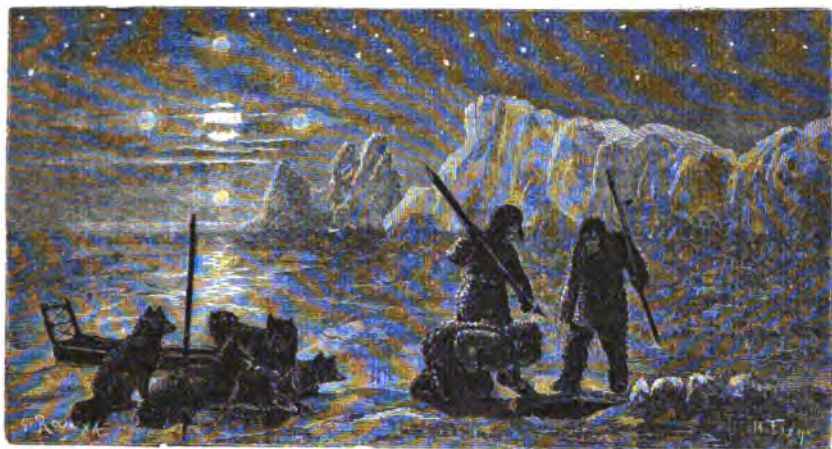
³⁾ См.: Petermann's «Geograph. Mittheilung». 1869 г. стр. 461—465 и 1870 г. стр. 41—47.

вообще насѣкомыми, которыя встрѣчаются тамъ во всѣхъ видахъ, не исключая прямокрылыхъ и полужесткокрылыхъ.

Гренландія состоитъ, какъ мы уже замѣтили, подъ главенствомъ датской короны. Датскія поселенія, ограничивающіяся западнымъ берегомъ, раздѣляются на два инспектората, южный и сѣверный; въ каждомъ изъ нихъ нѣсколько округовъ. Первый съ пятью округами простирается отъ мыса Фэрвель до Нордерстрома—или Нексотоукъ-фіорда подъ 67° сѣв. шир.; второй съ 7 округами отъ сѣверной границы перваго до Аукпладартоксъ-ис-фіорда (ледянаго фіорда) подъ 73° сѣв. шир. Опись, составленная 31-го декабря 1874 года показала, что въ Гренландіи въ седьмомъ инспекторатѣ 100 поселеній съ 5512 гренландскими и 130 европейскими жителями, а въ сѣверномъ инспекторатѣ 76 поселеній съ 4095 гренландцами и 106 европейцами. Главное управленіе края находится въ Годгавнѣ, на островѣ Диско. Въ каждой „колоніи“—такъ называются главные мѣста округовъ имѣтъ—пробываніе „кюбмандъ“ или „колонибестиреръ“, который завѣдуетъ королевскою монополюю торговлею и управляетъ округомъ. Кромѣ того, для облегченія гренландцамъ вымѣна товара, во многихъ мѣстахъ открыты маленькіе склады, такъ называемые „идстеды“ (наружныя мѣста), которыми завѣдуетъ „уддиггеръ“. Тѣмъ не менѣе, рядомъ съ умственнымъ развитіемъ, котораго отрицать нельзя, положительно замѣчается матеріальное ухудшеніе положенія мѣстныхъ уроженцевъ. Причину этого грустнаго явленія нужно искать въ уничтоженіи первоначальныхъ общественныхъ условій, въ упраздненіи прежнихъ социальныхъ учреждений, подъ вліяніемъ пришельцевъ.

Жители западной Гренландіи.

Эскимосы на охотѣ за тюленями.

ПОЛЯРНЫЙ НАРОДЪ ЭСКИМОСЫ.

КОЛѢКО доселѣ ни проникали путешественники къ сѣверу, вездѣ находили слѣды человѣческихъ жилищъ. Матросъ Мортонъ и эскимосъ Гансъ, достигшіе 24-го іюля 1854 года по западному берегу Гренландіи, мыса Конституціи подъ $81^{\circ} 22'$ сѣв. шир., за нѣсколько дней передъ тѣмъ, видѣли обломки саней. Это доказываетъ, что здѣсь были эскимосы, которыхъ, говоря языкомъ гомеровскимъ, можно назвать „людьми, живущими на самомъ отдаленномъ концѣ вселенной“ ¹⁾. Вопросъ о происхожденіи этихъ обитателей крайняго сѣвера много занималъ ученыхъ, но онъ не получилъ удовлетворительнаго разрѣшенія. Когда норманны впервые заняли Гренландію, они нашли ее совершенно безлюдною; съ конца X вѣка до середины XIV, она была въ ихъ исключительномъ спокойномъ обладаніи. Въ это время вдругъ явились съ сѣвера Скрэлингъяры, коимъ соплеменниковъ норманны впервые увидали на берегу Лабрадора. Эти пришельцы побѣдили норманновъ, разорили ихъ поселенія и до новѣйшаго времени остались владѣльцами края. Скрэлингъярами, или карликами, норманны называли всѣхъ жителей сѣверной Америки, съ которыми они встрѣчались, и въ особенности самыхъ сѣверныхъ. Они,

¹⁾ ἔσχατοι ἀνθρώπων. (Изреченіе Гомера въ «Одиссеѣ» объ эеіонахъ).

«Въ обл. вѣчн. льда».

какъ кажется, прежде населяли пространство, названное норманнами Винландъ—нынѣшній Массачусетъ,—откуда они съ теченіемъ времени должны были удалиться на крайній сѣверъ, тѣснимые племенами алгонкиновъ—индѣйцевъ. Эти карлики суть нынѣшніе эскимосы или каралиты. Последнее названіе не туземное, а ничто иное, какъ передѣланное эскимосами, по сходству звуковъ, норманнское выраженіе „скрэлингъ“. Названіе „эскимось“ они получили отъ абенаковъ, сосѣднаго племени алгонкиновъ, назвавшихъ ихъ „эскимантсикъ“, т. е. „нождающими сырое мясо“. Сами эскимосы называютъ себя „Иннуктъ“ ¹⁾, т. е. людьми.

Врангель изслѣдовалъ, что нѣкогда въ Сибири, по берегамъ Колымы, жилъ многочисленный народъ, занимавшійся рыболовствомъ, „омоки“, который, подобно онкилонамъ, выселился съ Анадырскаго залива. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій они, какъ полагаютъ, скитались по сибирскому побережью отъ Шелагскаго мыса до Берингова пролива, гдѣ и теперь еще можно видѣть остатки ихъ каменныхъ хижинъ. Говорятъ, будто они двумя большими партіями ушли съ Колымы къ сѣверу, черезъ море. Онкилоны потянулись къ сѣверу къ той землѣ, горы которой видны съ мыса Яканъ. На островахъ Парри, на сѣверѣ американскаго континента, и по проливу Баррову, въ последнее время, неоднократно были найдены остатки хижинъ, саней и др. вещей. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ англійскій географъ Клеменсъ Робертъ Маркгамъ дѣлаетъ заключеніе, что эскимосы, тѣснимые монголами и русскими, оставили свою родину и, черезъ незнакомые имъ, но упоминаемые въ разсказахъ и по наслышкѣ острова или страны въ полярномъ морѣ перешли на острова Парри, а оттуда по Смитову проливу, въ Гренландію, вѣроятно на саняхъ, запряженныхъ собаками, и безъ лодокъ. По мнѣнію Маркгама, это переселеніе въ Гренландію слѣдуетъ отнести къ XIV, XV и XVI столѣтіямъ ²⁾. Этому возрѣнію о происхожденіи эскимосовъ изъ Азіи, по моему мнѣнію, справедливо возражаетъ д-ръ Ринкъ, хотя онъ, въ свою очередь, не приходитъ ни къ какому заключенію, на которомъ бы можно было остановиться. Но по крайней мѣрѣ онъ считаетъ себя вправѣ предполагать—чему я даю мало вѣроятія,—что эскимосы и сѣверо-американскіе индѣйцы, въ особенности сѣверо-западнаго побережья, одного и того-же происхожденія; они положительно очень похожи между собою. Впрочемъ Ринкъ находитъ — и въ

¹⁾ Множественное число отъ слова «innuk» — человекъ.

²⁾ Cl. R. Markham. «On the origin and migrations of the Greenland Esquimaux» (Journ. of the R. Geogr. Soc. 1865, стр. 87—99. Краткое извлеченіе изъ этой статьи можно читать въ Proceedings того же общества, 1865 г., стр. 88—90). Смотри также «Nature», т. XII, стр. 104—106.

этомъ нельзя съ нимъ не согласиться, — что для окончательнаго рѣшенія этого вопроса не собрано еще достаточныхъ матеріаловъ ¹⁾. Одно, кажется, несомнѣнно, что эскимосы заняли свои нынѣшнія мѣста еще весьма недавно, что этотъ полярный народъ весьма недавно откуда-то переселился, и что самое переселеніе совершилось съ сѣвера на югъ. Генри Г. Говорсъ, полагая, что причина этому постоянно возрастающая суровость арктическаго климата, не согласенъ съ мнѣніемъ полярнаго путешественника Джона Разъ, утверждающаго, что при всѣхъ своихъ встрѣчахъ съ эскимосами сѣверной Америки при рѣкахъ Мэкензи и Мѣдной, позже въ заливѣ Репульсъ онъ слышалъ одно и то же народное преданіе, что эскимосы приплыли съ запада черезъ какой-то неширокій проливъ. При этомъ онъ указываетъ на Беринговъ проливъ и, отвѣчая на сдѣланное противъ него возраженіе, что форма черепа эскимосовъ вовсе не похожа на форму азіатскихъ череповъ, выражаетъ мысль, что форма черепа, при измѣнившихся условіяхъ жизни на новыхъ мѣстахъ, также могла измѣниться ²⁾. Дальнѣйшій споръ ³⁾ между обоими изслѣдователями, однако, не разъяснилъ дѣла.

Эскимосовъ, по нынѣшнему ихъ распространенію, слѣдуетъ считать племенемъ ⁴⁾ окружающимъ полюсъ, ибо они населяютъ всю арктическую Америку, оба берега Дэвисова пролива, Баффина залива и Гренландіи, а въ Азіи площадь, имѣющую протяженіе 2,800 километровъ въ длину по ту сторону Берингова пролива. На востокъ они простираются до 50°, а на западъ до 60° сѣв. шир. къ югу. Всѣ жизненныя ихъ потребности находятся въ мѣстностяхъ, простирающихся до полюса, и надо полагать, что они и тамъ находятся, тамъ живутъ. Все побережье частей свѣта, которое населяютъ эскимосы, имѣетъ протяженіе на 35,000 километровъ, и съ самаго сѣвернаго пункта на востокъ до самаго южнаго, эскимосы населяютъ пространство въ 22,000 километровъ длины. Область, которую они занимаютъ, дѣйствительно огромная, и, по всей справедливости, они должны считаться настоящими обитателями полюса. О мѣстѣ, которое эскимосы должны занять въ этнологіи, мнѣнія различны ⁵⁾. Несомнѣнно, что они, по тѣлосло-

¹⁾ «Globus», т. XXI, стр. 302.

²⁾ «Nature», т. VI, стр. 24.

³⁾ «Nature», стр. 81—82.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 120—121 и 201—202.

⁵⁾ Введенный въ заблужденіе различными признаками на черепахъ достойный Барнаръ Дэвисъ полагаетъ, что эскимосовъ можно раздѣлить на три племена, смотря по тому, въ большей или меньшей степени развита у нихъ пирамидальная форма черепа. Но эти признаки не имѣютъ никакого значенія, потому что у эскимосовъ черепъ формируется искусственно. (Пешель, «Volkerkunde», стр. 62 и 419).

женію, вовсе не похожи на природныхъ американцевъ, въ по другимъ же признакамъ, какъ-то: кожѣ и волосамъ вполне схожи съ жителями сѣверной Азіи ¹⁾. Пешель, поэтому, причисляетъ эскимосовъ къ такъ называемымъ Беринговымъ народамъ, вмѣстѣ съ камчадалами, кориками, чукчами, алеутами и другими, а Фридрихъ Мюллеръ относитъ ихъ къ семейству арктическихъ народовъ или гиперборейцевъ, обнимающему юкагировъ, чукчей, коряковъ, камчадаловъ, айно или курильцевъ, остяковъ, алеутовъ и иннуитовъ, т. е. почти тѣ-же народы и племена, которые, подъ именемъ Беринговыхъ народовъ, перечисляетъ Пешель. Къ иннуитамъ Фр. Мюллеръ ²⁾ причисляетъ гренландцевъ, сѣверныхъ и западныхъ эскимосовъ, даѣе рядъ племенъ, обитающихъ по сѣверо-западному берегу Америки отъ мыса Св. Иліи на югъ до залива Коцебу на сѣверѣ ³⁾. Д-ръ Ринкъ настоящихъ эскимосовъ раздѣляетъ на слѣдующіе отдѣлы: 1) восточные гренландцы, населяющіе восточный берегъ страны до мыса Фэрвель; 2) западные гренландцы, населяющіе область датскихъ колоній отъ мыса Фэрвель до 74° сѣв. шир.; 3) сѣверные гренландцы, настоящіе гиперборейцы, по сѣверо-западному берегу до залива Мельвила, которыхъ Россія называетъ „арктическими горцами“; 4) эскимосы Лабрадора по ту сторону Дэвисова пролива; 5) эскимосы средней полосы, населяющіе прибрежную полосу и острова отъ Баффинова залива до острововъ Бартеръ близъ рѣки Мэкензи въ Гудзоновомъ заливѣ; это отрасль самая распространенная; ледяная степь, которую они занимаютъ, простирается на 14,000 километровъ въ длину и 5,000 километровъ въ ширину; 6) эскимосы по западному и юго-западному берегу Америки, болѣе всѣхъ уклонившіеся отъ своихъ соплеменниковъ вслѣдствіе смѣшенія съ соседними индѣйцами; наконецъ, 7) азіятскіе эскимосы, въ которыхъ хотя и менѣе примѣси, чѣмъ въ американскихъ, но все-таки они не такъ чистокровны, какъ другіе ихъ соплеменники.

Такъ какъ изъ всѣхъ этихъ отраслей эскимосы Гренландіи болѣе всѣхъ извѣстны ⁴⁾, то я ихъ и избираю основаніемъ моего опи-

¹⁾ Pechel «Volkerkunde», стр. 419.

²⁾ Фр. Мюллеръ. «Всеобщая этнографія». Вѣна. 1871 г. 8°, стр. 230.

³⁾ Это суть именно: чугатчи или чугачиміуты, коньяги или кадыки или каніагміуты, аглеміуты или оглеміуты, нушагагміуты или ксятайгміуты, кусковогміуты или кузковигміуты, агулміуты, магеміуты или магатміуты, эокміуты, уналгміуты или уналэты, малеміуты или малейгміуты, кавьягміуты или аналгміуты, оеогміуты, акутаны и чукчи рыболовы или намолло, вѣрнѣе туски.

⁴⁾ Кромѣ различныхъ сочиненій Д-ра Ринка, они описаны въ особенностяхъ въ книгѣ капитана Ч. Галла, Ch. Hall «Life with the Esquimaux» London. 1866 г. 8° 2 тома.

санія этого народа. По тѣлосложенію эскимосы принадлежатъ къ самымъ малорослымъ народамъ земного шара: ростъ ихъ большею частью ниже 1,60 метра, рѣдко выше ¹⁾). Черепъ ихъ большой, продолговатой почти пирамидальной формы, лицо широкое съ суживающимся къ верху лбомъ ²⁾). Выдающіяся скулы широки, носовая кость такъ плоска, что со лбомъ и скулами составляетъ почти одну линію (лежитъ почти въ одной плоскости). Ротъ маленький и круглый, нижняя губа нѣсколько толще верхней. Маленькіе, черные глаза имѣютъ нѣсколько косої разрѣзъ. Ноги и руки малы и тонки, но грудь и плечи очень широки и сильны. Все тѣло очень мясистое, обильное содержаніемъ жира и кровью. Цвѣтъ кожи на туловищѣ и конечностяхъ темносѣрый, на лицѣ же смуглый съ красноватымъ отливомъ. Дѣти у эскимосовъ, какъ говорятъ, рождаются совершенно бѣлыми, и только постепенно, подъ вліяніемъ климата, животной пищи и неопрятности, кожа ихъ принимаетъ сейчасъ описанный цвѣтъ. Волоски на головѣ совершенно черные, густы, жестки и длинны, а на бородѣ довольно рѣдки, и къ тому еще тѣпательно вырываются. Кожа какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, мягка и гладка. Мужчины полны но не слишкомъ, женщины же почти всѣ тучны; мясо ихъ мягкое, слабое, лица ихъ полны и круглы ³⁾). Вслѣдствіе истощающаго образа жизни, сопряженнаго съ родомъ ихъ занятій, продолжительность жизни мужчинъ рѣдко превышаетъ 50 лѣтъ, а женщины часто доживаютъ до 70—80 лѣтъ.

Давидъ Кранцъ ⁴⁾, весьма точный и добросовѣстный наблюдатель прошлаго столѣтія, подробно описавшій гренландцевъ, о психическомъ характерѣ эскимосовъ рассказываетъ слѣдующее: „темпераментъ ихъ преимущественно флегматическій, съ примѣсью сангвиническаго элемента; они всегда общительны и пріятельны, но не веселы и никогда не предаются разгулу. Не заботясь о будущемъ, они хотя и отнюдь не скупы, но не любятъ дѣлиться. Не будучи высокоумны, они изъ невѣжества глупо-спѣсивы; на европейцевъ, или, какъ они ихъ называютъ, „каблунетовъ“, смотрятъ свысока и подчасъ надъ ними прямо-таки подсмѣиваются ⁵⁾).

¹⁾ Средній ростъ шести эскимосовъ, бывшихъ въ 1878 году въ Парижѣ въ „Jardin d'acclimatation“, былъ 1,46 метра. «Nature» т. XVIII стр. 18.

²⁾ Индексъ черепа гренландцевъ, по Брокъ, равенъ 71,71. Самую правильную форму черепа имѣютъ западные эскимосы, такъ какъ они своихъ череповъ искусственно не измѣняютъ, у нихъ ширина относится къ длинѣ какъ 75:77. Следовательно черепа ихъ средніе, т. е. длина больше, чѣмъ ширина.

³⁾ «Ausland» 1834 г. стр. 1247.

⁴⁾ David Cranz «Historie von Groenland». 1767 г. 8° 3 тома.

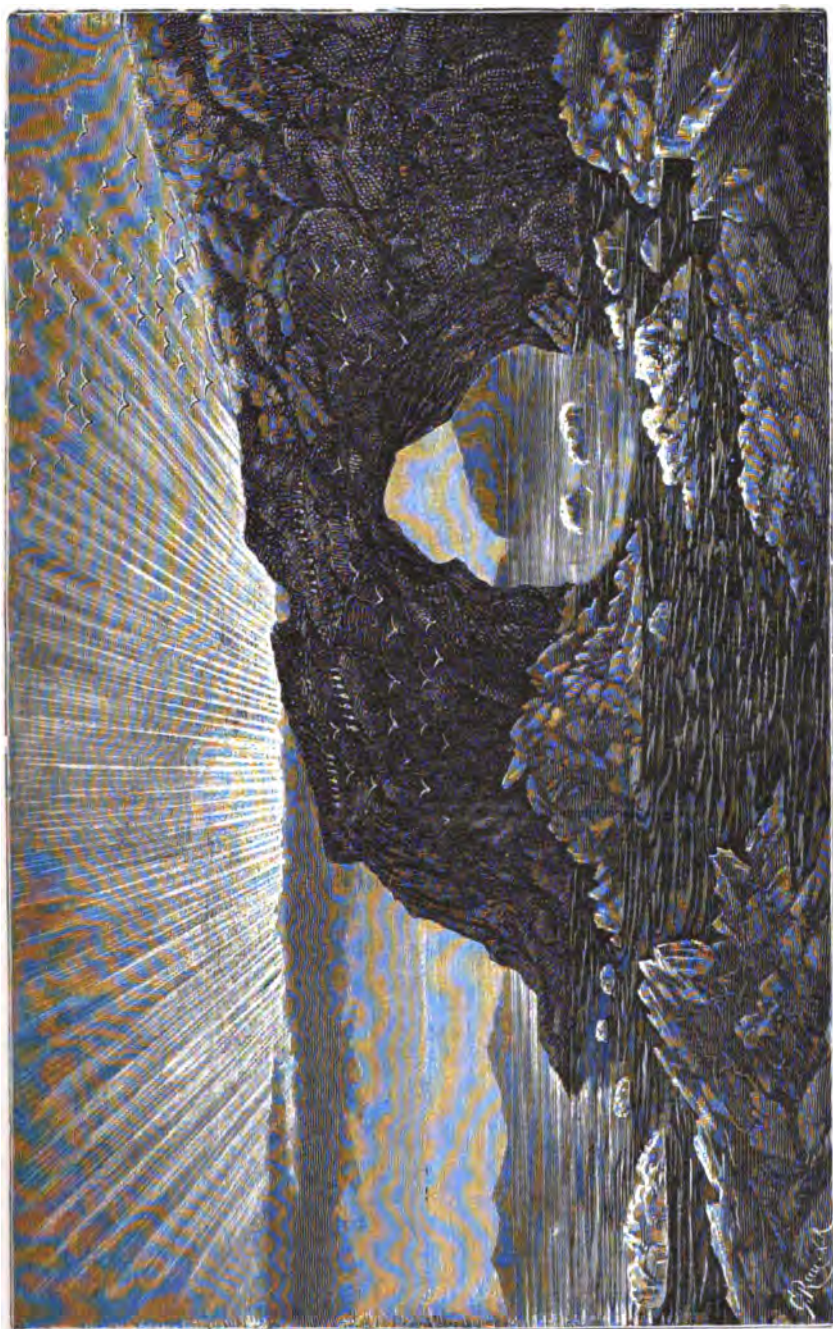
⁵⁾ «Ausland» 1834 г. стр. 1251.

Хотя они не могут не признать превосходства европейцевъ и по уму и въ трудѣ, но не умѣютъ по достоинству оцѣнивать этихъ качествъ. Напротивъ, ихъ неподражаемая ловкость въ ловлѣ тюленей, которыми они питаются и живутъ и въ которыхъ они никакихъ нуждъ не ощущаютъ, внушаетъ имъ какое-то гордое самосознаніе. Они, дѣйствительно, вовсе не такъ глупы и ограниченны, какъ обыкновенно полагаютъ о дикаряхъ; они въ своемъ родѣ остроумны и смыслены въ сферѣ своихъ занятій, хотя не одарены такимъ тонкимъ умомъ и смѣтливостью, какъ многіе рассказываютъ. Мыслительная ихъ дѣятельность ограничивается лишь обсужденіемъ того, что имъ необходимо для жизни; все, что не безразлично съ этимъ связано, не входитъ въ область ихъ размышленій. Слѣдовательно объ нихъ можно сказать, что они просты, не будучи глупы, что они разумны, не разсуждая¹⁾.

Эскимосы обладаютъ большою ловкостью для механическихъ работъ, какъ это можно заключить изъ ихъ домашней утвари, орудій и лодокъ. Они прилежны, но безъ выдержки, такъ что если какое нибудь дѣло, какая нибудь работа прерывается по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, она такъ и остается неоконченною. Они терпѣливы, даже уклончивы, когда къ нимъ приступаютъ, но разъ выведенные изъ терпѣнія, они становятся звѣрски-дикими и не страшатся смерти. Съ ловкостью скрываютъ они свои чувства и поэтому не легко, повидимому, раздражаются; въ такомъ случаѣ они становятся какъ будто тупы, ворчливы, но всегда готовы въ свое время отомстить¹⁾.

Эскимосы народъ рыболовный, и изъ этого промысла извлекаютъ все необходимое для своей пищи и домашняго обихода. Съ необычайною ловкостью они охотятся за тюленями и китообразными. Эту пищу они предпочитаютъ всякой другой, имъ предлагаемой; они не только находятъ ее самую вкусною и питательною, но даже приписываютъ ей цѣлебныя свойства. Можетъ быть, дѣйствительно, при исключительномъ употребленіи этой пищи, организмъ человѣческій до того къ ней привыкаетъ, что она становится жизненною потребностью. Сопутствовавшій одной экспедиціи по Гренландіи эскимось и потомъ вмѣстѣ съ нею уѣхавшій сперва въ Америку, а потомъ и въ Англію, сталъ хворать и видимо чахнуть. Никакое лекарство ему не помогало, и онъ увѣрялъ что только тюленье мясо можетъ его излечить. Въ безнадежномъ состояніи онъ въ 1876 году на корабль „Пандоръ“ возвратился въ свою родину, гдѣ, при обычной пищѣ, онъ удивительно скоро совсѣмъ оправился.

¹⁾ Фр. Мюллеръ, стр. 233—234.

Житієзна ворота на Медвіжних о-вахъ.

Для эскимоса тюлень — все и вся. Мясо и жиръ тюлений его кормятъ, шкура служить одеждою для него самого, для жены и дѣтей. Съ головы до ногъ, все у нихъ тюленья шкура, и матери носятъ съ собою дѣтей на спинѣ въ мѣшки изъ тюленьей шкуры. Но польза, которую эскимосы извлекаютъ изъ тюленя, не исчерпывается пищею и одеждою: и малыя, и большія лодки ихъ обтянуты тюленью шкурою; пузырь, поддерживающій тюленя на поверхности воды, ту же услугу оказываетъ острогъ, не давая ей тонуть; когда эскимось охотится, то въ рѣдкихъ случаяхъ онъ не попадаетъ въ звѣря. Ворвань эскимосы освѣщаютъ и отавливаютъ свои хижины, словомъ, безъ тюленя эскимось и мѣсяца прожить не можетъ. Мясо морскихъ животныхъ заготавливается эскимосами въ запасъ на зиму въ вяленомъ видѣ и употребляется въ пищу неваренымъ¹⁾. Другая пища изъ царства растительнаго. какъ-то: ягоды, травы, коренья и водоросли считаются лакомствами употребляемыми только для освѣженія. Самое тонкое лакомство составляетъ оленье мясо и олений салъникъ съ внутренностями, называемый „нерукакъ“, т. е. преимущественное кушанье. Салъникъ олений, равно какъ и внутренности куропатки, приготовляютъ съ ворванью и ягодами, и этимъ избраннымъ блюдомъ угощаютъ лучшихъ друзей. Рассказываютъ, будто эскимосы пьютъ ворвань въ огромномъ количествѣ, но это преувеличено, точно также они не особенные охотники до крѣпкихъ напитковъ. Пьютъ они обыкновенно свѣжую воду, которая въ домъ приносится въ мѣшкахъ изъ тюленьей кожи и выливается въ мѣдные или деревянные сосуды. Но за то они страстно любятъ табакъ, который они курятъ, а болѣе всего нюхаютъ. Эта страсть нерѣдко овладѣваетъ эскимосомъ до такой степени, что онъ готовъ отдать послѣднее, достояніе, терпѣть съ семействомъ крайность и нужду, лишь бы только не лишиться наслажденія табакомъ.

Средства къ передвиженію состоятъ у эскимосовъ изъ саней, запряженныхъ собаками и изъ лодокъ двухъ родовъ „кайякъ“, лодокъ для мужчинъ, и „умьякъ“, лодокъ женщинъ. На послѣднихъ могутъ помѣститься отъ 10 до 12 чел., онѣ вооружены однимъ парусомъ на носу и десятью веслами; называются онѣ женскими, потому что на нихъ гребутъ только женщины. Кайяки, на которыхъ только мужчины отправляются въ море на охоту, и въ управленіи которыми они съ дѣтства приобрѣтаютъ необыкновенную ловкость, состоятъ изъ обыкновеннаго деревяннаго остова,

¹⁾ Мясо испортившееся, можетъ быть, до наступленія холодовъ, имѣть для эскимосовъ еще болѣе пріятный вкусъ. «Anslaud» 1861 стр. 380.

обтянутаго шкурами. Подобная лодка вѣситъ всего фунтовъ 50—60¹⁾, и въ случаѣ надобности берется на руки, когда приходится переходить черезъ громадныя льдины, препятствующія плаванію; когда она опрокидывается, ее очень легко можно опять перевернуть. Одѣваетъ непромокаемую одежду, въ видѣ мѣшка съ рукавами и съ отверстіемъ только для лица. Эта одежда прикрѣпляется нижнимъ краемъ къ люку кайяка, вслѣдствіе чего положеніе сѣдова, если кайякъ опрокинется, крайне опасное. Обыкновенно эскимосы отправляются въ море на охоту цѣлыми отрядами, по крайней мѣрѣ по два кайяка, для поданія обоюдной помощи въ случаѣ несчастія. Они съ необыкновенною ловкостью бросаютъ копье или гарпуну, и такъ мѣтко попадаютъ ими въ звѣри, что нельзя не удивляться. Иногда они убиваютъ свою добычу и огнестрѣльнымъ оружіемъ; но выстрѣлъ приводитъ ихъ утлыя ладьи въ такое сильное качаніе, что они предпочитаютъ свои первобытныя орудія огнестрѣльнымъ. Стратегика ловцовъ состоитъ въ томъ, что они звѣри осаждаютъ одновременно съ различныхъ сторонъ и доводятъ его до изнеможенія. Только когда бить или тюлень, вслѣдствіе значительной потери крови, обнаруживаетъ признаки истощенія, охотники къ нему приближаются, чтобы учащенными ударами добить или нанести животному смертельную рану. Самый страшный противникъ эскимоса-охотника—моржъ; охота на него всего опаснѣе и при ней несчастные случаи не въ рѣдкость. Вообще охота на кайякахъ очень опасна и ежегодно нѣсколько человѣкъ тонетъ, вслѣдствіе чего число вдовъ и сиротъ у эскимосовъ немалое. Охота на оленей гораздо менѣе безпokoйна; но со времени употребленія огнестрѣльныхъ орудій число оленей значительно уменьшилось, къ тому же они удалились на крайній сѣверъ. Изъ охоты на оленя гренландецъ извлекаетъ очень мало пользы, такъ какъ они вынуждены большую часть мяса оставлять на мѣстѣ охоты (мясо большаго оленя вѣситъ до 40 килограммовъ), и только шкуру и жиръ могутъ увезти къ себѣ домой. Только заднюю часть они продаютъ торговцамъ и миссіонерамъ. На своихъ кайякахъ они проникаютъ сколько возможно во-внутрь фіордовъ и бухтъ и часто они переносятъ ихъ на себѣ черезъ огромныя пространства земли къ рѣкамъ и озерамъ. Изъ центральнаго пункта предпринимается охота во всѣ направленія, и если удастся сложить добычу въ безопасномъ и надежномъ мѣстѣ, то они уходятъ

¹⁾ Бонтависъ (Bontavice), офицеръ на кораблѣ «Решершъ», въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія привезъ было такую лодку—кайякъ; она вѣсила всего 20 килогр., была безъ всякаго желѣза; гвозди и винты въ ней косяные, канаты и веревки изъ кишокъ. «Ausland» 1836 г. стр. 1344.

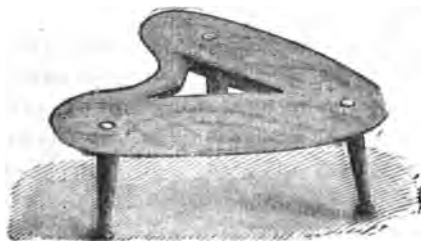
дальше во внутрь страны. Такимъ образомъ охотники часто бываютъ вынуждены переносить свою добычу на нѣсколько часовъ разстоянія, сопровождаемые цѣлыми роями москитовъ, пока дойдутъ до своихъ лодокъ. Хотя охота на оленей очень утомительна и мало прибыльна, но гренландцы ее очень любятъ и предаются ей съ увлеченіемъ.

Если бы эскимосы руководились разумною предусмотрительностью и самообладаніемъ, то они могли бы прожить весь годъ съ удобствомъ. Прибыль отъ охоты такъ значительна, что эскимосы могли бы обильно запастись на всю зиму мясомъ, кожами и ворванью, такъ что отъ продажи излишка или отъ вымѣна этого излишка эскимосъ могъ бы приобрести необходимыя средства для удовлетворенія другихъ потребностей, рождающихся отъ соприкосновенія съ цивилизованнымъ міромъ. Но, при избыткѣ и изобиліи, эскимосы обнаруживаютъ дикую разнузданность. Сбереечь запасы эскимосу и въ голову никогда не приходило, не смотря на горькій опытъ и на увѣщанія иностранныхъ поселенцевъ. Эскимосы обжираются и проматываютъ все, что впоследствии могло бы ихъ оградить отъ нужды и заботъ. Въ началѣ зимы, своею суровостью удерживающей ихъ въ заперти въ непривѣтливыхъ ихъ юртахъ, они устраиваютъ себѣ, для развлечения, своего рода разгульные пиршества, хотя они хорошо знаютъ, что это мотовство вскорѣ отзовется имъ тяжелыми лишеніями. Самые осторожные изъ нихъ стараются нѣсколько отклонить опасность увлеченія тѣмъ, что устраиваютъ свои склады вдали отъ жилищъ, въ томъ предположеніи, что они будутъ слишкомъ лѣнивы для того, чтобы безъ надобности, только ради праздника, отправиться за провизією. Еще какъ признакъ легкомысленности эскимосовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ доказательство ихъ чудовищной закаленности въ лишеніяхъ, рассказываетъ о нихъ д-ръ Ринкъ, что иногда они, едва прикрытые лохмотьями тюленьихъ шкуръ, бродятъ по морозу, который бываетъ страшенъ, почти невыносимъ даже для сѣвернаго жителя, одѣтаго въ полную одежду.

Жилища эскимосовъ бываютъ двухъ родовъ: лѣтнее—палатки (юрты), зимнее—хижины. Первые довольно однообразны у всѣхъ племенъ: на четыре песта вѣшаютъ тюленьи шкуры въ два ряда. Спереди палатка выше, сзади она имѣетъ наклонъ до земли. Нижній край крыши юрты пригнетается камнями и обкладывается мхомъ, чтобы холодный вѣтеръ не могъ проходить. Входъ завѣшивается занавѣсью изъ сшитыхъ тюленьихъ кишокъ, такъ что ограждаетъ отъ вѣтра, и между тѣмъ даетъ достаточно свѣта.

Въ зимнія жилища эскимосы переходятъ въ октябрѣ и остаются въ нихъ до марта, апрѣля или мая, смотря по тому, рано-ли или

поздно снѣгъ стаиваетъ, и крыша, покрытая землею и дерномъ выдерживаетъ послѣ морозовъ грузъ сырой массы. Эти хижины или дома, называемые „иглу“, бываютъ различны. Большею частью они построены изъ камней съ землею и деревянными перекладинами. Только эскимосы средней полосы строятъ себѣ убѣжища изъ льдинъ, а эскимосы западнаго — берега изъ досокъ. Устройство этихъ жилищъ почти вездѣ одинаково. Узкій входъ съ потолкомъ, имѣющимъ наклонъ къ серединѣ и потомъ опять возвышающимся, устроенъ такъ вѣроятно въ видахъ стратегическихъ, ибо иначе трудно себѣ объяснить этотъ странный родъ постройки. Все вмѣстѣ состоитъ

Образецъ эскимосской мебели. (Стулъ).

изъ одной комнаты, въ которой часто живутъ нѣсколько семействъ вмѣстѣ. Всѣ жильцы спать вмѣстѣ на однѣхъ нарахъ, — по крайней мѣрѣ въ Гренландіи, — устроенныхъ на противоположной дверямъ сторонѣ. Мы опишемъ „представительный домъ“ эскимоса въ

Гренландіи, въ такомъ видѣ, какъ его намъ изображаетъ д-ръ Ринкъ¹⁾. Различные предметы роскоши, развѣшенные по стѣнамъ, указываютъ на нѣкоторое богатство владѣльца. Тамъ висятъ стѣнные часы, возлѣ нихъ скрипка и деревянная рѣзная работа, какою миссіонеры надѣляютъ мѣстныхъ жителей, украшаетъ стѣны; глиняная посуда различнаго назначенія и разнообразныхъ формъ разставлена по всей комнатѣ; въ углу красуется величайшая рѣдкость здѣшнихъ жилищъ — печка. Все остальное въ чисто-національномъ видѣ, безъ малѣйшей примѣси чужестраннаго: деревянные столбы съ поперечными потолочными бревнами, широкія нары вдоль всѣхъ стѣнъ, на нихъ лежитъ самъ хозяинъ и, нѣжась, покуриваетъ свою трубочку, а взрослый сынъ со своимъ ребенкомъ играетъ, а другой сынъ читаетъ книгу. Занятіе мужчинъ состоитъ въ рыболовствѣ и охотѣ; женщины исключительно заботятся о содержаніи дома въ порядкѣ, шьютъ и варятъ. На переднемъ планѣ картины мать-старушка ухаживаетъ за ребенкомъ въ то время, какъ другая молодая женщина занимается шитьемъ сапоговъ изъ тюленьей кожи, а третья наклоняется надъ котломъ, изъ котораго подымается густой паръ²⁾. На полу лежатъ морскія птицы, а на большомъ противнѣ тюленьи

¹⁾ Rink «Danish Greenland», стр. 176.

²⁾ Чтобы добыть огонь, эскимосы, какъ и другіе первобытные народы, употребляютъ сухую палочку, которую они, при помощи веревки, съ быстротою крутятъ въ дыркѣ, просверленной въ доскѣ.

кости. Еще нѣсколько большихъ дикихъ птицъ служатъ украшеніемъ стѣпъ, вдоль которыхъ черезъ натянутыя веревки перекинуто разное платье; въ добавокъ валяется нѣсколько постельныхъ принадлежностей. Вотъ помѣщеніе „богатаго семейства эскимосовъ“ въ Гренландіи...

Постройка дома и палатки, равно какъ и заготовленіе домашней утвари и распредѣленіе добычи съ охоты и съ улова рыбы—дѣло женщинъ; мужчины только доставляютъ необходимый матеріалъ. Всякій эскимось считалъ бы подобное занятіе недостойнымъ себя; за то женщины отличаются передъ мужчинами развитостью груди и широкими плечами.

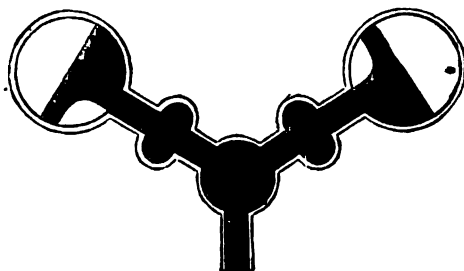
Одежду эскимосовъ составляютъ тюленьи и оленьи, равно какъ и птичьи шкуры. Въ южной Гренландіи эскимосы уже покупаютъ шерстяныя и бумажныя матеріи у европейцевъ. Обыкновенно надѣваютъ одну одежду поверхъ другой; изъ нихъ верхняя съ башлыкомъ, накрываемымъ на голову въ холодную и сырую погоду. При плаваніи въ открытомъ морѣ, сверхъ всего этого, надѣвается еще черная тюленья шуба и, подъ низъ, рубашка изъ тюленьихъ кишокъ, чтобы все было болѣе непромокаемо. И мужской, и женскій полъ носятъ штаны. Чулки шьются изъ шкуръ тюленьихъ выпоротковъ; обувь у мужчинъ изъ гладкой чернодубленой, у женщинъ изъ бѣлой или красно-дубленой тюленьей кожи. Матери и няньки носятъ широкую шубу, которая такъ широка на спинѣ, что ребенокъ подлѣзаетъ. Его туда сажаютъ совсѣмъ голаго, а чтобы онъ не сползъ внизъ, мать или нянька опоясываются ремнемъ. Дома въ комнатахъ сидятъ совсѣмъ раздѣтыми: на тѣлѣ остаются только штаны. Такъ какъ ежедневное платье въ полномъ смыслѣ слова пропитано грязью, то оно и кишитъ извѣстными неприглядными насѣкомыми. Эскимось проводитъ время въ охотѣ за этими насѣкомыми, которыхъ онъ раскусываетъ зубами ¹⁾.

Мужчины стригутъ волосы, что называется, въ кружокъ; женщины же заплетаютъ свои волосы въ длинную толстую косу, которую онѣ украшаютъ лентой и бусами. Только для обозначенія величайшаго горя женщина стрижетъ свои волосы. Нѣкотораго рода татуировка подбородка, щекъ, рукъ и ногъ служитъ самымъ большимъ украшеніемъ. Кожа на этихъ мѣстахъ прошивается зачерненною сажею ниткою, такъ что образуются черныя точки, покрывающія кожу въ видѣ бородавокъ. Эту операцію, причиняющую боль, матери совершаютъ надъ дочерями, когда онѣ еще маленькія, опасаясь, что онѣ, въ противномъ случаѣ, останутся безъ мужа.

¹⁾ Объ отвратительной неопрятности эскимосовъ см. «Ausland» 1834 года стр. 1252.

Оба пола соблюдаютъ въ обращеніи величайшее цѣломудріе: весьма рѣдко въ средѣ эскимосовъ можно слышать о томъ, чтобы дѣвушка соблазнилась. Но молодыя вдовы и отвергнутыя мужьями жены живутъ свободно, вольно, своеобразно эмансипированными. Супружеская вѣрность,—какъ увѣряютъ нѣкоторые наблюдатели,—не имѣетъ у эскимосовъ никакого значенія, и нигдѣ въ свѣтѣ такъ не распространено прелюбодѣяніе, какъ у эскимосовъ. Любви, какъ высшаго благороднаго чувства, они не знаютъ: она является какъ скотское влеченіе ¹⁾).

Хотя многоженство у эскимосовъ и допускается, но рѣдко встрѣчается, чтобы кто-нибудь имѣлъ двухъ женъ, а тѣмъ менѣе трехъ или четырехъ ²⁾. Въ послѣднемъ случаѣ, такъ какъ не предполагается любовь къ семейству, а только сладострастіе счита-

Плать эскимосскаго жинца.

ется побудительною причиною, то мужчина презирается своими соплеменниками. Не рѣдко жениха и невѣсту сговариваютъ, когда они еще маленькіе; это до нихъ не касается. Послѣ сговора чета во всякое время можетъ сойтись, — это преимущественно зависитъ отъ

того, имѣетъ ли мужъ возможность прокормить свою жену. При выборѣ невѣсты не средства ея рѣшаютъ вопросъ, такъ какъ кромѣ одежды и кухонной посуды эскимосскія невѣсты ни какого приданаго не получаютъ,—а ловкость и знаніе въ домашнемъ хозяйствѣ. Ни какой свадебной церемоніи не существуетъ у эскимосовъ, равно какъ и ни какихъ празднествъ при этомъ. Молодые люди сходятся и помѣщаются въ собственномъ „тупикѣ“ или „иглу“. Иногда они живутъ вмѣстѣ только для испытанія, какъ товарищи, и если при этомъ оказывается, что они не нравятся другъ другу, они расходятся. Дѣвушка возвращается къ своимъ родителямъ. Любовь, если она вообще бываетъ у нихъ, является только послѣ сочетанія. Женщины рожаютъ легко, безъ всякой посторонней помощи, но онѣ не плодородны, по крайней мѣрѣ имѣть много дѣтей они не желаютъ и это не считается благословеніемъ Божиимъ. Поэтому-то эскимосская раса въ будущемъ неминуемо вы-

¹⁾ Тамъ же стр. 1247.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается противоположное явленіе—многомужіе, обыкновенно двумужіе.

мреть ¹⁾). Обыкновенно въ семействѣ бываетъ трое, четверо дѣтей. рѣдко шесть. О плодородности другихъ націй эскимось отзывается съ насмѣшкою, уподобляя ихъ своимъ собакамъ. Послѣ родовъ за матерью ухаживаетъ одна или нѣсколько изъ сосѣднихъ женщинъ; мужъ при этомъ не присутствуетъ. Только при первомъ ребенкѣ жена остается въ помѣщеніи мужа, при послѣдующихъ родахъ она перебирается въ особое для нея выстроенное „иглу“. Мальчики предпочитаютъ дѣвушкамъ, но съ ними обращаются одинаково. Послѣ родовъ всегда устраиваются празднества и поздравленія. Немедленно послѣ рожденія черепъ ребенка сжимается руками, затѣмъ надѣвается на голову маленькая узкая мѣховая шапочка, крѣпко охватывающая голову; въ ней ребенокъ остается до истеченія года. До третьяго, или даже до четвертаго года дѣтей кормятъ грудью и родители ихъ сердечно любятъ. Они растутъ, правда, безъ всякаго воспитанія; но тѣмъ не менѣе въ нихъ не замѣчается той дикости, той наклонности къ насилию, которые обнаруживаются въ другихъ племенахъ этого уровня. Обыкновенно молодые люди обоего пола стараются быть благородными и скромными по отношенію къ родителямъ и вообще къ старшимъ. Какъ только мальчикъ начнетъ бѣгать, его приучаютъ къ употребленію оружія и владѣть веслами. Пятнадцати лѣтъ онъ долженъ уже самостоятельно отправиться на ловъ тюленей. Двадцати лѣтъ онъ долженъ уметь заготовить оружіе и снарядить лодку, а затѣмъ можетъ жениться. Дѣвушка съ четырнадцатаго года должна во всемъ помогать матери, въ домашнихъ работахъ, въ варкѣ пищи, въ шитьѣ, въ выдѣлываніи кожъ, въ постройкѣ домовъ и лодокъ, а затѣмъ, когда она все это хорошо узнаетъ, ее выдаютъ замужъ. Новобрачные остаются у родителей мужа, пока они живы. Теща ведетъ все хозяйство, невѣстки должны ей прислуживать, какъ наемныя дѣвушки.

Главное оружіе эскимосовъ—лукъ и стрѣла изъ сосноваго дерева; въ послѣднее время уже появилось у нихъ и ружье, затѣмъ гарпуна и копье. Наконечники этихъ оружій въ былое время дѣлались изъ камня или кости, теперь же они мѣдные или желѣзные. Число эскимосскихъ хозяйственныхъ орудій крайне ограничено. Между ними первое мѣсто занимаетъ ножъ.

По всей вѣроятности, эскимосы вели бы такъ же кочевую жизнь, какъ всѣ народы, занимающіеся охотою, но суровость климата въ теченіе большей части года вынуждаетъ ихъ къ осѣлости, равно какъ и главный родъ охоты ихъ привлекаетъ къ бережьямъ. Какъ рыболовы и охотники, эскимосы имѣютъ лишь смутное поня-

¹⁾ Peschel, «Völkerkunde» стр. 419.

тіе о правѣ собственности и еще меньшее понятіе о торговлѣ. Кромѣ одежды, оружія и домашней утвари, т. е. вещей, въ строгомъ смыслѣ лично каждому необходимыхъ, все остальное у нихъ—общее достояніе. Семейство, развѣтвившееся чрезъ женитьбу сыновей, живетъ въ одномъ помѣщеніи, т. е., какъ мы видѣли, въ одной юртѣ. Въ случаѣ, если уже рѣшительно мѣста неостанетъ, часть большаго семейства переходитъ въ другое помѣщеніе и, если оно слишкомъ велико, по хозяйственнымъ соображеніямъ эскимосовъ, то къ нимъ присоединяются чужія семейства; изъ нихъ каждое занимаетъ свое мѣсто на общихъ нарахъ и зажигаетъ для свѣта свою собственную лампу (сальникъ, жирникъ). Такимъ образомъ жители одного дома часто дѣлятся на членовъ семейства и сожителей. Послѣдніе могутъ быть приняты только съ общаго согласія. Представляется, конечно, страннымъ, что при подобномъ сожительствѣ нѣтъ общаго главы,—все равноправны. Общая польза, общее достояніе всѣхъ сожителей составляетъ связь, ихъ соединяющую, даже тамъ, гдѣ черезъ увеличеніе числа семействъ образовались небольшія деревни. Отъ каждаго тюленя, убитаго при зимнихъ стойбищахъ, каждый получаетъ свою частицу мяса и ворвани для своего сальника, такъ что если только въ данное время тюлень не слишкомъ рѣдко является, то и бѣднѣйшій эскимосъ обезпеченъ въ своихъ необходимѣйшихъ жизненныхъ потребностяхъ. Внутри границъ области, занятой подобнымъ образомъ сожителями эскимосами, каждый имѣетъ право охоты и ловли рыбы. Изъ прибойнаго лѣса принадлежитъ каждому то, что онъ самъ въ силахъ унести, и, въ знакъ личнаго обладанія, на присвоенную вещь накладывается камень. Если тюлень, пронзенный гарпуною, уходитъ и въ послѣдствіи его опять поймають, то онъ принадлежитъ тому, чей пузырь окажется на гарпунѣ. Птица ли или тюлень, убитые одновременно двумя, принадлежать обоимъ. Киты же или другія большія животныя, какъ-то: моржи и бѣлые медвѣди, суть общее достояніе, такъ какъ они добываются большею частью только общими усиліями. Въ ловлѣ тюленя участвуютъ только члены одного дома, но не всей мѣстности. Право общаго пользованія распространяется даже нѣкоторымъ образомъ и на домашнюю утварь и орудія. Кто, занявъ оружіе или какую нибудь снасть, ее испортитъ или даже потеряетъ, то потерявшій ничего не обязанъ давать въ вознагражденіе. Это воззрѣніе основано на томъ, что тотъ, кто можетъ дать въ заемъ, имѣетъ болѣе, чѣмъ ему необходимо, а все излишнее—общее достояніе. Это примѣняется ко всѣмъ предметамъ, коль скоро число ихъ превышаетъ необходимое. Напримѣръ, кто имѣетъ три лодки, долженъ отдать одну въ распоряженіе своихъ сожителей. Эта обязанность

отдѣльнаго лица распространяется и на его рабочую силу: каждый мужчина, если онъ тѣлесно не неспособенъ, долженъ до старости. лишаящей его силъ, отправляться на добычу китовъ и тюленей. Кто только старается уклониться отъ этого или даже недостаточно принуждаеъ къ тому своихъ дѣтей, преслѣдуется презрѣніемъ всѣми членами какъ тѣснѣйшей, такъ и обширнѣйшей общины.

Въ началѣ октября всѣ суда уходятъ изъ Гренландіи, и тогда весь этотъ маленькій міръ остается вполнѣ отрѣзаннымъ отъ всего остальнаго міра. Въ это безконечно-зимнее время до іюня слѣдующаго года, 10-го декабря — зимнее солнцестояніе—важнѣйшій моментъ для мѣстныхъ жителей; они празднуютъ этотъ день съ большимъ торжествомъ. Въ праздничномъ настроеніи они навѣщаютъ другъ друга, вездѣ наѣдаются и потомъ заводятъ танцы, состоящіе изъ болѣе или менѣе сильнаго движенія рукъ и ногъ, не сходя со своего мѣста. При этомъ бьютъ въ барабанъ домашняго устройства, состоящій изъ деревяннаго обруча въ два или три пальца ширины или таковаго же изъ китоваго уса, обтянутаго съ одной стороны тонкою шкурою. Эти танцы повторяются въ теченіи нѣкотораго времени по ночамъ. Жизнь въ Гренландіи въ лѣтнее время гораздо веселѣе и разнообразнѣе. По ту сторону полярнаго круга безсмѣнно царствуетъ угрюмый старецъ „морозъ“, возсѣдая на своемъ ледяномъ тронѣ изъ глетчеровъ, съ головнымъ уборомъ изъ блестящихъ снѣжныхъ фирновъ и съ зубчатою ледяною бородою, спуская свои холодныя ноги въ вѣчно волнующееся море съ такою силою, что и оно покоится подъ твердымъ сплошнымъ покровомъ. Но когда игривая весна, вытѣснивъ своего суроваго товарища изъ умѣреннаго пояса въ его сѣверную родину, устроила, что у нихъ все зелено, все дышетъ жизнью, и ей болѣе ничего не осталось тамъ дѣлать, такъ какъ сильнѣйшая рука, лѣто, приняла всѣ дѣла,—она подступаетъ къ своему мрачному сосѣду на сѣверѣ, который волею-неволею уступаетъ соединеннымъ усиліямъ весны и лѣта, и въ его царствѣ творческая сила благотѣльнаго солнца, мановеніемъ волшебнаго жезла, водворяетъ всюду жизнь, радость и веселье...

Да, солнцу лѣтомъ тамъ, на сѣверѣ, много дѣла, пока ему удастся снять тяжелый покровъ, насланный зимою, чтобы теплымъ поцѣлуетъ привѣтствовать свою старую любимицу, землю. Но оно приходитъ съ мощными союзниками. На длинномъ пути своемъ оно собираетъ тучу за тучею, сгоняетъ ихъ массами къ крайнему сѣверу. Это водяное полчище сѣверный вѣтеръ отодвигаетъ опять южнѣе. Здѣсь оно спускается въ видѣ большого, продолжительнаго дождя, размывающаго и смывающаго снѣгъ и ледъ. Быстрые ручейки,

журча, стекають въ долину, приговаривая: „терпѣніе! терпѣніе! будетъ 'опять жизнь, будетъ"! Завѣса густыхъ тумановъ покрываетъ еще до моря дѣло возрожденія—наконецъ полагается предѣль дождямъ и сырости. Свѣжій вѣтеръ разгоняетъ туманъ и тучи и солнце, вставая на другой день рано утромъ, можетъ немедленно начать свое дѣло согрѣванія голыхъ скалъ живительными поцѣлуями своихъ лучей.—Увы! онѣ остаются холодными!

Но рядомъ ниже воспріимчивая почва сочувственно отнеслась къ теплomu поцѣлу. Травы и растенія всѣ знаютъ, что царство тепла непродолжительно; поэтому онѣ спѣшатъ, сколько могутъ, насладиться солнечнымъ свѣтомъ. Все усиленно пускаетъ ростки. поспѣшно выгоняетъ почки. Всюду между сѣровато-блѣдно-зеленымъ мхомъ пробиваются ярко-зеленые стебельки и листки: голая ива и сухая береза гоняють почки; немного проходитъ времени и онѣ залиты цвѣтомъ; затѣмъ изъ зеленыхъ пучковъ ивы и вѣтвистой березы всюду выглядываютъ тычинковыя сержки и весело киваютъ. Только можжевельникъ, который и подъ снѣгомъ не потерялъ своего цвѣта, какъ вѣрный другъ зимы, какъ будто не радуется веснѣ и лѣту: онъ украдкою только обмѣниваетъ свою изношенную и обтертую подъ снѣгомъ одежду на новую, свѣжозеленую. Все это видитъ веселая пуночка (снѣжный подорожникъ), радуется и припѣваетъ свою пѣсенку въ длинные, безконечные вечера, и рѣзвится, какъ его братья южнѣйшихъ странъ, наслаждается привѣтливою весною и теплымъ лѣтомъ, любить и играть. Вороны тоже.—они неустанно каркають, заботясь о своемъ гнѣздѣ; не отстають отъ нихъ и куропатки; пѣтушекъ съ нѣжностью токуетъ со своею курочкою и не оставляетъ ее ни на одно мгновеніе. Морскія птицы, при появленіи весны, предвѣщающей лѣто, поднялись и удалились далѣе къ сѣверу; имъ тамъ удобнѣе высиживать свои яйца, а птицы находятъ вдоволь. Только немногіе изъ нихъ остаются здѣсь на мѣстѣ, чтобы высмотрѣть все, что тутъ будетъ дѣлаться, и пересказать видѣнное въ скучную длинную зиму. Тамъ на сѣверѣ они встрѣчаются съ другими, прибывшими изъ болѣе дальнаго сѣвера; тутъ не слушаешься чудныхъ сказокъ, оставаясь въ сборѣ до зимы, заставляющей ихъ покинуть крайній сѣверъ. И песецъ, и бѣлый заяцъ на лѣто надѣваютъ свою сѣрую рубашку; они наслаждаются одинъ яйцами и цыплятами, другой зелеными травами и нѣжно-вкусными отпрысками ивы, въ вознагражденіе за тяжело-проведенную длинную зиму.

Да,—и люди чувствуютъ, что пришло свѣтлое, теплое лѣто! И пора ему было прійти: всѣ запасы истощены, склады опустошены. сало и жиръ сѣдины, вяленая сельдь пришла къ концу! Въ продолжительное дождливое время уловъ былъ плохой: ни одинъ кай-

якъ не осмѣливался выходить въ слишкомъ буйное отъ бурь море. Жутко приходится; желудокъ бурлитъ отъ пустоты. Кожи отъ палатокъ—плохая пища даже для гренландскаго желудка!..

Но вотъ настала весна, приближается лѣто. Голубое, свѣтлое небо открылось надъ гренландскими горами; все наполняется животворящимъ солнечнымъ свѣтомъ! Теперь другое дѣло — теперь можно покинуть тѣсную зимнюю хижину. Кайякъ давно уже вновь обтянуть, охотничьи приборы давно на готовѣ и успѣли бы опять заржавѣть, если бы когда-либо блестяли. Настало лѣто! Уже нѣсколько дней, какъ мужчины отправились на ловъ; они уже и возвратились, влача за собою одного-двухъ тюленей, а третьяго Іонаанъ гдѣ-то еще спряталъ. Миновала нужда и голодъ. Въ зимнемъ помѣщеніи сальникъ уже не свѣтитъ; выставляютъ хозяйки зимнее окно въ первый разъ съ осени, чтобы дать возможность свѣжему воздуху проникнуть во внутрь и выпустить наружу накопившійся, въ теченіе зимы, смрадъ. Мѣховыя покрывала скатываются, шкуры и листы для лѣтней палатки вытаскиваются. Умьякъ—большая женская лодка, вновь исправленный и вымазанный ворванью, готовъ; на завтра назначено укладываться въ путь! Лучшее имущество остаётся на сохраненіи у брата-миссіонера или же остается въ зимнемъ помѣщеніи, покрытое старыми шкурами,—вѣдь никто его не украдетъ!..

Поднялись и пошли въ походъ. Деревушка опустѣла, по проулкамъ никто уже не бродитъ; только пѣтухъ и куры миссіонера хлопчутъ; навозныя кучи передъ каждою хижиною кишатъ червяками и гусеницами,—и курочкамъ радость настала!.. Козы миссіонера—единственныя животныя, которыя не оставляютъ безъ вниманія сочныхъ травъ на дернистыхъ крышахъ хижинъ опустѣлой деревни. Съ радостнымъ блеяніемъ онѣ срываютъ вкусный зеленѣющій даръ благодатнаго лѣта и какъ-бы стерегутъ за то деревню.

Всѣ выбрались—и женщины и дѣти, и безпомощныя старухи, и собаки! Идетъ болтовня, крикъ, веселые возгласы и радость! Между загруженными умьяками, изъ которыхъ высовываются многочисленные головы, шныряютъ маленькіе легкіе кайяки; усѣвшіеся въ нихъ гребцы соперничаютъ своею ловкостью.

Выѣзжаютъ они на острова, отстоящіе далеко отъ берега. Острова эти, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, одинаково лишены растительности, голы,—тамъ нѣтъ ни кустика; въ ущельяхъ едва только показывается изрѣдка тощая, жалкая одиночная травка. Къ этому непривѣтливому берегу пристаётъ гренландскій флотъ. Умьяки вытаскиваются на берегъ, поклажа выгружается. Мужчины уже въ горахъ на охотѣ; къ ихъ возвращенію палатка должна быть

поставлена и ложе приготовлено. Начинается постройка и устройство; при этомъ, по обыкновенію, идетъ веселая болтовня и хохоть. Камни, придерживающіе у земли шкуры палатки, положены на мѣста, очагъ приготовленъ, котелъ навѣшенъ. Мужчины одинъ за другимъ возвращаются домой. Кому удалось поймать тюленя, кому убить нѣсколько чаекъ, а тамъ идетъ одинъ безъ добычи, утомленный, голодный. Наконецъ, идутъ трое вмѣстѣ; они кричатъ издали, всѣ забѣгали по берегу, бабы подняли пискливый говоръ, мужчины откликаются. Глаза новопрішельцевъ блестятъ отъ радости; имъ досталась наибольшая, лучшая добыча. Имъ попался гигантскій лахтакъ, болѣе 2-хъ метровъ длины, самый большой и дорогой изъ всѣхъ тюленей; они его убили и соединенными силами волокутъ его на берегъ. Немедленно принялись за обдирание шкуры и снятіе жира; затѣмъ добыча дѣлится, и голодному бѣдняку достается частица на его семейство. Наконецъ, приступаютъ къ ѣдѣ, съѣдаютъ все до послѣдней крошки, а за симъ ложатся спать—и спятъ, пока спитесь...

Немного спустя, пріѣзжаетъ купецъ изъ датской колоніи; онъ скупаетъ жиръ и платитъ звонкою монетою. Или же эскимосы сами отправляются къ нему. Тамъ въ лавкѣ кофе и сахаръ, порохъ и свинецъ къ услугамъ счастливыхъ охотниковъ, сбывающихъ жиръ и шкуры. Теперь начинаются веселые вечера. Возсѣдая вокругъ котелка съ кофеемъ, и женщины, и мужчины ничего не дѣлаютъ; только поютъ, пошучиваютъ, въ изобиліи пьютъ сладкій кофе, и узкіе, черные глаза собесѣдниковъ радостно выглядываютъ изъ жирныхъ, лоснящихся лицъ. Веселѣе же живетъ лѣтомъ подъ легкою палаткою, чѣмъ въ угрюмую зиму подъ крышею тѣсной каменной хижины! А вотъ и Эдра на своемъ каякѣ. Онъ ѣздитъ въ колонію за почтою для миссіонера и везетъ оттуда много новостей, ибо на пути онъ много гдѣ бывалъ, много добрыхъ людей видалъ. Ему съ удовольствіемъ даютъ кусокъ жиру и горшечекъ кофею,—садись—разсказывай! Тутъ уже все переберутъ: и что было писано въ письмѣ миссіонера, какъ онъ былъ принятъ, кто что говорилъ, кто что наловилъ, что видалъ и слыхалъ,—словомъ все; затѣмъ всякія сказки и таинственныя приключенія, такъ что слушатели начинаютъ бояться, ибо Эдра встрѣтился съ давно пропавшимъ безъ вѣсти гренландцемъ, который сдѣлался „Fjellgänger'омъ“, т. е. блуждающимъ по горамъ привидѣніемъ. Въ то время, какъ Эдра еще разсказываетъ это женщины вдругъ вскрикиваютъ, указывая со страхомъ на море. Вотъ мигомъ онъ убѣжали и спрятались, а за ними въ слезахъ кидаются дѣти. Мужчины, всмотрѣвшись, увидали, что къ острову подходитъ европейская лодка подъ парусами.—Kikutawah?! „кто это можетъ быть?“ спрашиваютъ они съ удив-

леніемъ другъ друга. „Это братъ Маттисъ!“—кричитъ одинъ—вѣдь, я это зналъ! Въ гавани я видалъ такія суда, у бѣлыхъ людей еще большія бываютъ“. Теперь всякій это знаетъ и хочетъ знать, что это навѣрное такъ; хотя ничего не знаетъ, радъ солгать. Миссіонерство еще очень недавно завело эту парусную лодку; миссіонеръ дѣлаетъ на ней въ первый разъ свой объѣздъ, поэтому женщины, ее не знаютъ. Когда она была доставлена, не было вѣтра, поэтому паруса не могли поставить. Необыкновенное зрѣлище невиданнаго предмета испугало боязливыхъ. „Братъ Маттисъ подходитъ!“—слышатъ женщины; „Но кто знаетъ? Можетъ быть, это и видѣніе?“ — Онѣ боятся выйти изъ своего убѣжища, пока не услышали, что мужчины съ громкимъ крикомъ вытаскиваютъ лодку на берегъ и здороваются съ миссіонеромъ. „Братъ Маттисъ прибылъ“, повторяютъ всѣ, „это чудесно! Онъ намъ многое что расскажетъ, мы наловимъ много тюленей“. Братъ Маттисъ садится къ нимъ, женщины садятся вокругъ него; онъ пьетъ съ ними кофе и кушаетъ свой привозный хлѣбъ.

Послѣ этого братъ Маттисъ говоритъ имъ поучительную проповѣдь и они поютъ вмѣстѣ духовную пѣснь. Между тѣмъ начинается вечерѣть; сѣверная ночь покрываетъ всю страну своимъ голубымъ, свѣтящимъ сводомъ. Миссіонеръ ложится спать со своими товарищами подъ палатку, сдѣланную изъ паруса; всѣ слѣдуютъ его примѣру. На другой день онъ собирается въ дальнѣйшій путь, эскимосы чествуютъ его при отъѣздѣ выстрѣлами изъ ружей и провожаютъ его до выхода изъ бухты.

Такъ идетъ радость и веселье день за днемъ; наконецъ перебираются на другое мѣсто, или общество раздѣляется. Женщины отправляются въ фіорды на ловъ сельдей, мужчины на охоту, и только по-временамъ приходятъ въ фіордъ. Выше подымается лѣтнее солнце, безчисленные рои мухъ, комаровъ и мошекъ невыносимо беспокоятъ бѣдныхъ эскимосовъ, у которыхъ каждый лѣтній день, каждый лѣтній часъ на счету. Дожди начинаютъ выпадать, подымаются туманы—наконецъ одно семейство за другимъ возвращаются въ деревню. Сперва всѣ еще размѣщаются по лѣтнимъ палаткамъ, пока чинится дерновая крыша и вставляется зимнее окно. Все возвѣщаетъ, что милое лѣто прошло и что холодная зима вступаетъ въ свои права. Въ зимней хижинѣ снова падаетъ сальникъ, и вся семья размѣстилась въ тѣснотѣ по нарамъ.

Такова была гренландская лѣтняя жизнь!

Замѣчательно безподобное миролюбіе гренландцевъ! Хотя нерѣдко по нѣскольку семействъ живутъ вмѣстѣ въ одной хижинѣ, тѣмъ не менѣе споровъ и ссоръ почти не бываетъ, и въ языкѣ эскимосскомъ бранныхъ словъ вовсе не существуетъ. Разсерженный эскимосъ вы-

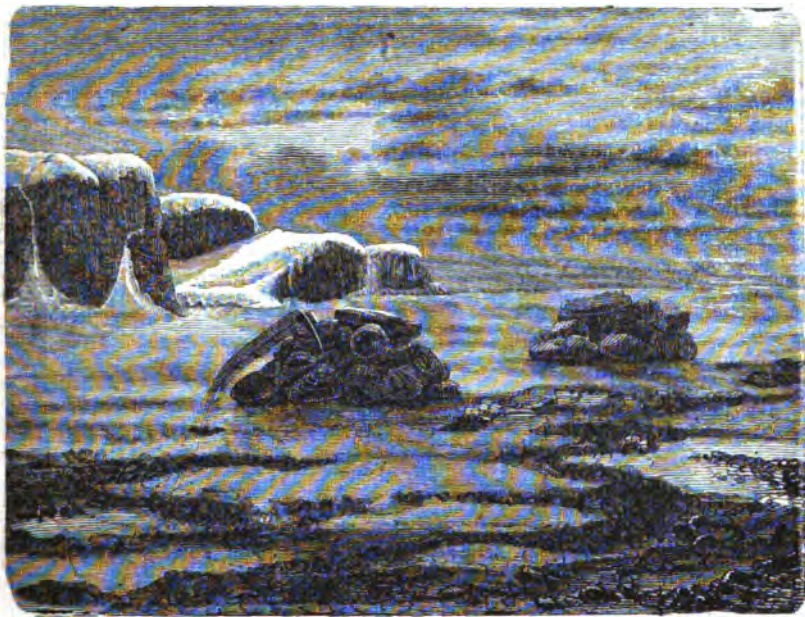
ражает свое неудовольствіе философски, молчаніемъ. Вслѣдствіе этого миролюбиваго характера эскимосовъ въ Гренландіи, въ строгомъ смыслѣ слова, нѣтъ ни какихъ правительствомъ учрежденныхъ судебныхъ мѣстъ. Въ немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ священники творятъ судъ и расправу черезъ своихъ уполномоченныхъ. Противъ болѣе важныхъ преступниковъ, которые хотя и рѣдко, но все таки встрѣчаются между эскимосами, принимаются мѣры во время общественныхъ празднествъ и игръ. Къ этимъ празднествамъ съѣзжаются эскимосы ближніе и дальніе со всѣхъ сторонъ, и тогда, подъ названіемъ „ночной пѣсни“, заявляется жалоба противъ злоумышленника, въ стихахъ! Въ стихахъ же и съ пѣніемъ отвѣтъчикъ долженъ защищаться, и послѣ этого выраженное удовольствіе или неудовольствіе собранія является приговоромъ для обвиняемаго, т. е. исключается ли онъ обществомъ изъ своей среды или будетъ еще терпимъ. Если у эскимосовъ и нѣтъ лицъ, облеченныхъ судебною властью, за то между ними много колдуновъ, и они твердо вѣрятъ въ ихъ волшебную силу. Правосудіе духовенства вооружается въ особенности противъ злоупотребленій ворожей. Если въ былыя времена какой нибудь честолюбецъ добивался предводительства въ меньшемъ или большемъ обществѣ, то за это полагается смертная казнь. За убійство допускалась кровавая месть.¹⁾ Воровство у своихъ соотечественниковъ воспрещалось, но не считалось проступкомъ по отношенію къ иностранцамъ: напротивъ—ловкою выходкою, которою можно хвалиться.

Болѣзни считаются эскимосами, какъ и другими первобытными народами, продѣлками злыхъ духовъ и вѣдьмъ и излечимыми только силою колдовства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности при наружныхъ болѣзняхъ, они употребляютъ такъ называемыя домашнія средства. Цынга вылечивается жеваніемъ извѣстныхъ травъ и кореньевъ. Рана обмывается сперва мочею, потомъ прикладывается къ ней жженный съ саломъ или ворванью мохъ и завязывается ремнемъ.

Когда эскимось чувствуетъ приближеніе смерти, на него налѣгается лучшее его платье и ему подгибають колѣна. По смерти его всѣ вещи выносятся изъ дома, и его оплакивають тихо, въ теченіи одного часа. Къ вечеру покойника выносятъ или черезъ

¹⁾ Сэръ Джонъ Россъ говоритъ, что убійство у эскимосовъ очень рѣдко; если же такое злодѣяніе и случится, то виновникъ приговаривается къ пожизненному уединенію, всякій городищъ избѣгаетъ его до такой степени, что если опъ съ нимъ случайно встрѣтится, то старается на него не смотрѣть. На вопросъ, почему же убійца не подвергается смертной казни, эскимосы отвѣчали: «потому, что такимъ образомъ они стали бы повинны въ такомъ же преступленіи, какъ самъ убійца.»

окно хижины или через заднее отверстіе палатки и предають землѣ на возвышеніи. Могила выстилается мхомъ и шкурою и закрывается также сначала шкурою, потомъ дерномъ и камнями. Около могилы мужчины кладутъ лодку его, оружіе и инструменты, а женщины ножъ и швальныя принадлежности. На могилу ребенка кладутъ собачью голову, въ томъ предположеніи, что душа собаки покажетъ неопытному ребенку путь на тотъ свѣтъ. Если мать

Эскимосскія могилы.

умираетъ въ то время, какъ она еще кормитъ ребенка, то обыкновенно его живаго погребаютъ вмѣстѣ съ матерью ¹⁾. Страненъ обычай, по смерти ближайшаго родственника, или друга, уничтожать ²⁾ все, что ему лично принадлежало.

Относительно жизни послѣ смерти понятія эскимосовъ довольно смутны ³⁾. О ихъ духовной, религіозной жизни даетъ намъ свѣдѣніе не только ученый Ринкъ, но и совершенно согласно съ нимъ

¹⁾ Фридр. Мюллеръ стр., 240—241.

²⁾ «Ausland», 1858 стр., 168.

³⁾ Сравни. Месторфъ: «Die altgrönländische Religion und die religiösen Begriffe der heutigen Grönländer» («Globus» XIX, стр. 11, 23, 38, 55, 70).

французскій аббатъ Морильо, который подробнѣе, чѣмъ кто-либо, знакомить насъ съ этою мало-извѣстною отраслью міеологіи. Изъ указаній Морильо и Ринка я постараюсь набросать общую картину религіозныхъ понятій эскимосовъ.

Религія эскимосовъ довольно первобытная. Они полагаютъ, что не только человѣкъ, но и послѣднее животное имѣетъ душу. Они вѣрятъ, что высшія, сверхъестественныя власти управляютъ видимымъ міромъ и владѣютъ имъ. Это родъ упрощеннаго пантеизма. По ихъ преданію, весь свѣтъ населенъ демонами, состоящими подъ властью высшаго существа, называемаго „Торнарсукъ“ или „Ангута“. Это единоличное, безполое божество заставляеть злыхъ демоновъ, не смотря на дурныя ихъ наклонности, быть полезными людямъ и мѣшаетъ имъ наносить людямъ вредъ. Какъ источникъ премудрости, самопознанія и наукъ, оно снабжаетъ человѣчество средствами для борьбы противъ зла и для достиженія добра. На обращенныя къ нему мольбы оно отвѣчаетъ или непосредственно, или чрезъ посредство духа. Но чтобы основательно познать это божество, требуется извѣстная степень совершенства, возвышающаго обыкновеннаго человѣка до званія „ангакокъ“, т. е. священника. Пешель въ этихъ ангакокахъ видитъ сѣверо-азиатскихъ шамановъ. Мѣстопребываніе Торнарсука въ преисподней, въ области, отдѣленной отъ земли и моря, покоящейся на огромнѣйшихъ столбахъ. Въ эту область можно проникнуть и черезъ воду, и черезъ разщелины земли. Сводъ небесный есть только продолженіе нашей земли; онъ содержитъ все, что свойственно нашей землѣ: горы, долины, озера, рѣки; онъ досягаемъ черезъ подъемъ, находящійся въ серединѣ океана. По опредѣленію Торнарсука, души умершихъ переселяются въ одну изъ этихъ двухъ областей. Въ преисподней лучше, чѣмъ въ верхней области: тамъ тепло и пищи въ изобиліи. Души праведныхъ послѣ смерти наслаждаются избыткомъ тюленьяго мяса и ворвани; но тѣ счастливыя, которые для сего предназначены, не иначе могутъ туда пробраться, какъ будучи проволочены съ ужасными мученіями въ теченіи пяти дней по острымъ зубчатымъ утесамъ. Души верхняго міра живутъ въ палаткахъ около замерзшихъ озеръ и терпятъ холодъ и голодъ. Онѣ забавляются тѣмъ, что играютъ „Ирмусъ“, при чемъ головы моржей служатъ имъ мячиками, вслѣдствіе чего—это трудно объяснимо—является сѣверное сіяніе. Звѣздное небо надъ нами состоитъ изъ твердой массы, которая покоится на высокой горѣ.

Это первобытныя вѣрованія эскимосовъ. Обращенные въ христіанство полагаютъ, что рай находится надъ звѣзднымъ небомъ, а подъ нимъ Ирмусовы игроки продолжаютъ по-прежнему свою забаву мячами—моржевими черепами. При сѣверномъ сіяніи не

совѣтуютъ выходить изъ дому, потому что играющіе духи часто спускаются на земаю и похищаютъ людей. По исполненному прелести и поэзіи христіанскому преданію, сводъ небесный по-временамъ отърывается, и тогда слышится пѣніе ангеловъ. Согласно древнія повѣрія съ новою христіанскою вѣрою, эскимосы допускаютъ, что добродѣтельныя души преисподней могутъ переходить въ христіанскій рай.

Но возвратимся къ языческимъ повѣріямъ эскимосовъ. Кромѣ тарнарсука они поклоняются еще какой-то сверхъестественной силѣ перваго разряда, женскаго рода — „Арнакуйасакъ“, т. е. „старой бабѣ“. Она живетъ въ безднѣ морской, и когда рыбы не появляются на поверхности воды, то, значить, это она задерживаетъ ихъ тамъ, потому что сердится на какія-то маленькія чудовища, которыя вцѣпляются ей въ лице. Такъ какъ непоявленіе рыбъ угрожаетъ общимъ голодомъ, то жители, въ подобномъ случаѣ, обращаются къ заступничеству какого нибудь сильнаго „Ангакока“, который, посредствомъ исполненія извѣстныхъ обрядовъ, входитъ въ сообщеніе съ морской глубиной, отгоняетъ мучителей, осаждающихъ бабу, такимъ образомъ умиливляетъ ее, и она разрѣшаетъ своимъ морскимъ подданнымъ подняться на поверхность, что и спасаетъ эскимосовъ отъ голода. По другому толкованію, есть еще богиня изобилія, сидящая передъ своимъ домомъ. Изъ ея лампы капаетъ масло; эти капли превращаются въ животныхъ, которыми питается человѣкъ. Если эта богиня находится въ дурномъ расположеніи духа, то она такъ закручиваетъ свою лампу, что изліяніе масла прекращается, вслѣдствіе чего люди терпятъ голодъ.

Ученіе о Богѣ—Создателѣ, Творцѣ неба и земли, не составляетъ у эскимосовъ предмета вѣры. Человѣкъ не былъ созданъ Торнарсукомъ, а произошелъ самъ собою изъ земли и, по преданіямъ, первый человѣкъ—мужчина, каллакъ, сдѣлалъ изъ глыбы земли первую женщину. Морильо предполагаетъ, что Торнарсукъ изображаетъ умственную силу, а богиня морской бездны представляетъ жизнь матеріальную. Но эта гипотеза едва ли согласуется съ новѣйшими приѣмами міеологическихъ толкованій, въ особенности въ данномъ случаѣ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ крайне-первобытнымъ народомъ.

Христіанскіе миссіонеры далеко еще не успѣли уничтожить всѣхъ языческихъ вѣрованій. Въ началѣ прошлаго вѣка ревностный датскій священникъ отправился съ женою и дѣтьми въ Гренландію и цѣлыя 15-ть лѣтъ посвятилъ дѣлу обращенія гренландцевъ въ христіанскую вѣру. Ему послѣдовали его сыновья и нѣсколько герренгутеровъ; однако результатъ ихъ трудовъ оказался не со-

всѣмъ удовлетворительнымъ, потому что вмѣстѣ съ догматами новой вѣры эскимосы сохранили и свои древнія языческія преданія и вѣрованія. Торнарсукъ, правда, болѣе не богъ, но зато онъ играетъ у нихъ важную роль, какъ мощный демонъ. Онъ еще могущественъ, можетъ всюду появляться въ самомъ ужасающемъ видѣ и, въ одно мгновеніе, исчезнуть подъ землю. Ежели онъ и пересталъ властвовать, то можетъ еще внушить страхъ и пугать—своего рода сила!..

Положеніе Арнакуайсакъ, при новыхъ условіяхъ вѣры, представляется еще болѣе выгоднымъ. Ее считаютъ матерью дьявола, владычицею преисподней, и эскимосы полагаютъ, что она, не смотря на всемогущество христіанскаго Бога, пользуется еще какою-то независимую властью надъ водами.

По старому повѣрью, всякому животному организму, — животное ли или человѣкъ, — присуща независимая отъ него душа, которая можетъ его оставить, не причиняя ему безусловно черезъ это смерти, и опять вернуться въ него. Эта душа имѣетъ такую же внѣшнюю видимую форму, какъ и тѣло, видимую, впрочемъ, только для избранныхъ; она образована изъ нѣжнѣйшаго эфирнаго вещества. По смерти тѣла она продолжаетъ существовать. Кромѣ того, мы находимъ между эскимосами замѣчательные слѣды вѣрованія въ переселеніе душъ (Metempsychosis). Душа живаго человѣка можетъ, по ихъ понятіямъ, не только перейти въ тѣло другого, даже въ трупъ умершаго и возвратитъ ему жизнь, или же въ организмъ низкаго животнаго; но она можетъ, будучи разбита на куски, опять сростись. Даже болѣе того, — потерявшася часть души можетъ быть замѣнена соотвѣтствующею частью другой души. Затѣмъ у эскимосовъ существуетъ всеобщая вѣра въ привидѣнія и домовыхъ. Хотя миссіонерамъ и удалось отчасти вселить въ эскимосахъ понятія о человѣческой душѣ на основаніяхъ христіанскаго ученія, но по отношенію вѣрованія въ духовъ „Инуэ“ (въ единственномъ числѣ „инуа“), они имѣли мало успѣха. Духи играютъ огромную роль въ жизни и дѣятельности эскимосовъ во всей ихъ первоначальной силѣ. По древнему преданію, духи, подъ главенствомъ Торнарсука, управляютъ всѣмъ видимымъ міромъ. Нѣкоторые изъ нихъ суть души умершихъ, которыя, разставшись съ тѣломъ, были возвышены на эту степень; большинство же ихъ всегда были „инуэ“. Высшій разрядъ изъ нихъ составляли „Ингерсуитъ“, живущіе около береговъ и раздѣляющіеся на добрыхъ и злыхъ. Первые изъ нихъ суть заступники владѣльцевъ лодокъ и живутъ въ красивыхъ мѣстахъ между морскими рифами. Эти добрые духи „ингерсуитъ“ не только защищаютъ рыбопромышленниковъ, но даже отправляются сами на

рыболовство на собственных лодкахъ и съ собственною рыболов-ною снастью, но только лучшаго качества. Ингерсуиты обыкновенно невидимки, но извѣстно, что форма ихъ человѣческая съ необыкновенно маленькими носами и красными глазами.

Въ противоположность этимъ добрымъ прибрежнымъ духамъ, являются изъ глубины морской безволосые и безносые злые обитатели безднъ для того, чтобы утопить рыболова. Схвативъ свою жертву, они отнимаютъ у него всѣ снасти и орудія, отрѣзываютъ ему носъ и держатъ его въ строгомъ заточеніи.

Для огражденія и спасенія себя отъ чародѣйства, эскимосы прибѣгаютъ къ молитвословію или къ чудеснымъ „Арнуатъ“, т. е. лодочкамъ ангакчиновъ, или же охотнѣ всего къ колдуну, обладающему сильнѣйшимъ средствомъ въ видѣ „Тупилака“, волшебнаго животнаго, сдѣланнаго изъ куска медвѣжьей шкуры, или изъ чего нибудь другаго, и выставленнаго для уничтоженія врага. Это основано на принципѣ уничтоженія дѣйствія этого яда другимъ, таковымъ же.

Описанныя выше религіозныя понятія эскимосовъ открыли обширное общество могущественной іерархіи. Съ помощью духа-покровителя, ангакока исполняетъ трудныя обязанности своего высокаго призванія. Подготовка и образованіе къ этому званію должно начаться съ малолѣтства. Выбирается ребенокъ, который прежде всего получаетъ отъ ангакока даръ ясновидѣнія. Постами и частымъ обращеніемъ къ Торнарсуку онъ побуждаетъ въ себѣ страхъ передъ инуэ, и душа этого новобранца, силою духовныхъ упражненій, освобождается отъ узъ плоти и внѣшняго міра. По достиженіи такого возвышенія души, является неофиту самъ Торнарсукъ и даритъ ему торнака, т. е. имѣющаго ему сопутствовать инуэ, духа. Во время этого посвященія, новобранецъ находится въ безсознательномъ состояніи. Въ пещерахъ гренландскихъ находятся большіе камни съ плоскою поверхностью, о которыхъ разсказывается, что готовившіеся въ ангакоки новобранцы терли ихъ другимъ маленькимъ камнемъ до тѣхъ поръ, пока изъ людъ земли не услышится голосъ Торнарсука. По другимъ же преданіямъ, всего вышеизложеннаго было только достаточно, чтобы получить званіе второстепеннаго священника. Чтобы достигнуть высшей степени, неофитъ долженъ еще дозволить различнымъ пресмыкающимся высосать изъ него кровь до тѣхъ поръ, пока придетъ въ безсознательное положеніе. Получивъ необходимое посвященіе, новый ангакокъ долженъ былъ это подтвердить еще передъ народомъ тѣмъ, что онъ проходилъ по зубамъ утесовъ такъ же легко, какъ бы по ровному снѣгу. Если онъ, по истеченіи извѣст-

наго срока, не былъ въ состояніи выдержать это испытаніе, онъ подвергался смерти.

Власть ангакоковъ была громадная. Они были и законодателями, и судьями, они одни служили руководящею силою въ дѣлахъ различныхъ вѣрованій; они одни имѣли возможность бороться съ волшебствомъ. Последняя способность была чрезвычайно драгоценна, ибо между всѣми напастьми, постигавшими эскимосовъ, колдовство, совершаемое всегда ко вреду, было самое тяжелое. Всякая неудача, всякое несчастіе приписывалось этому черному искуству. Тайновѣдецъ, касаясь костями умершаго утвари и снастей рыбака, этимъ предвѣщалъ и устраивалъ неуспѣхъ лова; примѣшивая порошокъ изъ костей къ пищѣ, онъ налагалъ болѣзнь, сумашествіе, даже смерть. Кусочекъ тюленя, положенный на могилу, предвѣщалъ находившему его несчастіе во всѣхъ его предпріятіяхъ. Существовалъ особый способъ заготовленія стрѣлъ, которыя всегда попадали въ дѣло и всегда наносили смертельныя раны. Ангакоки пользовали также больныхъ и давали имъ лекарства. Говорятъ даже, что они часто дѣлали одну весьма замѣчательную операцію: они вынимали изъ живота внутренности, промывали ихъ и опять вкладывали на мѣсто. Очень естественно, что они за это требовали приличное вознагражденіе. Умиравшихъ ангакоки подкрѣпляли словами утѣшенія и надежды. Въ пѣніяхъ подъ звуки маленькаго барабана они возбуждали надежду на счастливую жизнь на томъ свѣтѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — какъ гласитъ преданіе, — они имѣли даже способность воскресить мертвыхъ. Силою своихъ молитвъ они устанавливали хорошую погоду. Словомъ, ангакокъ былъ дѣйствующимъ лицомъ во всѣхъ важныхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ эскимоса съ рожденія до его смерти.

Одинъ изъ главнѣйшихъ обрядовъ, совершаемыхъ ангакокомъ, назывался „торимукъ“. Вечеромъ собирались въ одномъ домѣ безъ малѣйшаго освѣщенія. Люди въ траурѣ, а также имѣющіе дурную репутацію, не имѣли доступа въ эти собранія. Ангакокъ, со связанными на спину руками, садился возлѣ барабана и подкрѣпленный ремнями головою между колѣнами. Собраніе поетъ хвалебную пѣснь. по окончаніи пѣнія священникъ изываетъ громко къ Торнарсуку, а духъ бьетъ въ барабанъ. Появленіе Торнарсука возвѣщалось или струею свѣта, или особеннымъ какимъ-то звукомъ. Требовалось ли наставленіе о какомъ нибудь предметѣ, или совѣтъ въ какомъ либо дѣлѣ, ангакокъ обращался съ вопросами къ Торнарсуку и отвѣтъ получался снаружи или голосомъ самого Торнарсука, или же отъ какого нибудь инуа. Эти отвѣты, подобно древнимъ орaculaмъ, могли быть поняты въ разнородномъ смыслѣ.

Не только для борьбы съ чародѣйствомъ эскимосы обращались

къ своимъ ангакокамъ, но и для испрошенія хорошей погоды и для привлеченія тюленей и китовъ. По чудесамъ, которыя о нихъ рассказываютъ, нужно предполагать, что ангакоки значительно превосходили туземцевъ въ познаніяхъ всякаго рода, а особенно естественныхъ наукъ и, пользуясь довѣріемъ, ловко умѣли извлекать изъ этого свою выгоду. Еще былъ у эскимосовъ разрядъ полусвященниковъ, „кивигстокъ“, отшельники, которые въ своемъ уединеніи изучали языкъ животныхъ и получали ближайшія свѣдѣнія о тѣхъ столбахъ, на которыхъ покоится земля. Причина, побудившая того или другаго на это отшельничество, совершенно безразлична и иногда самая ничтожная — порицаніе со стороны сожильца и т. под. достаточно, чтобы эскимосъ сдѣлался кивигстокомъ. Еще особый классъ составляютъ „ангердлартугсіакъ“. Кто былъ зачисленъ въ этотъ классъ, тотъ съ малолѣтства къ тому готовится, такъ что если онъ утонетъ, то онъ будетъ опять возвращенъ къ жизни. Для достиженія этого мать его должна строго поститься и заранѣе приучать ребенка къ непріятнѣйшимъ запахамъ. Когда мальчикъ впервые входитъ въ лодку, отецъ долженъ бормотать надъ нимъ молитву, и затѣмъ онъ былъ увѣренъ, что если утонетъ, то будетъ возвращенъ къ жизни.

Всѣ эти различныя преданія чрезвычайно первобытны, но содержатъ, правда въ самой грубой формѣ, всегда какую-нибудь мораль. По увѣренію Ринка, нигдѣ въ древнихъ эскимосскихъ сагахъ не замѣчается ни малѣйшаго вліянія, которое имѣли бы другіе народы на эскимосовъ. Нѣкоторыя, а можетъ быть даже и многія, изъ этихъ древнихъ сагъ теперь еще передаются совершенно одинаково и въ Гренландіи, и въ Лабрадорѣ, хотя отъ южной оконечности Гренландіи до южной оконечности Лабрадора (путешествуя гренландскимъ способомъ), такое же разстояніе, какъ до самыхъ западныхъ эскимосовъ у Берингова пролива. Поэтому можно безъ основанія предполагать, что сказочный міръ фантазій въ главныхъ чертахъ, у этого распространившагося народа вездѣ тождественный. Саги эскимосовъ суть не только произведенія воображенія и поэтическаго настроенія, но содержатъ совокупность всей духовной и умственной жизни этого народа, его исторію, обычаи, законы, религію. Безъ сомнѣнія, были произведенія чисто-поэтическія, настоящія пѣсни, которыя распѣвались по опредѣленной мелодіи. Такимъ образомъ воспѣвалась охота, явленія природы, солнце и луна, свойства извѣстныхъ странъ и т. д. Къ этому еще прибавляется родъ насквилей, осмѣивающихъ вообще мѣстное правосудіе и расправу. Пѣсни большею частью отрывистыя, съ длинными припѣвами въ перемѣшку, при этомъ слова сокращаются, и языкъ въ поэтическихъ оборотахъ трудно понятенъ; стихи какъ

будто нарочно такъ сложены, чтобы оставалось половину отгадать при повтореніяхъ, слѣдовательно исключительно для устнаго доклада и для опредѣленнаго круга слушателей. Само собою разумѣется, что гренландскія сказанія открываютъ намъ совсѣмъ чуждую природу и производятъ на насъ впечатлѣніе непріятное, грустное. Замѣчательно, что все, что касается растительности или пріятныхъ явленій природы, какъ будто нарочно остается незатронутымъ, а напротивъ всѣ сказанія выискиваютъ все, что гадко, отвратительно ¹⁾.

Умственныя способности эскимосовъ вообще очень слабы; тѣмъ не менѣе, въ этомъ отношеніи замѣчается между ними большое различіе. Все, что имъ рассказываютъ, эскимосы схватываютъ очень легко, слѣдовательно неразвитость ихъ скорѣе является послѣдствіемъ невѣжества, чѣмъ природнаго тупоумія. О счисленіи, говорятъ, они не имѣютъ никакого понятія, обыкновенно умѣютъ считать только до десяти ²⁾.

Д-ръ Сутерландъ, который въ 1846 году провелъ два мѣсяца между эскимосами въ проливѣ Гогарта, полагаетъ, что это несправедливо, ибо знакомый ему эскимосъ считалъ безъ затрудненія, и не по пальцамъ, до 30 и прочіе, какъ ему казалось, также знали эти цифры. Въ обыденной жизни они, правда, рѣдко употребляютъ числа болѣе 5—10 ³⁾. Д-ръ Разъ даже пишетъ объ эскимосахъ въ заливѣ Ренульсъ, что нѣкоторые изъ нихъ съ легкостью говорятъ по-англійски и по-французски, независимо отъ различныхъ индѣйскихъ нарѣчій, которыми они владѣютъ ⁴⁾. Со своими водами и берегами эскимосы знакомы вполне, и вообще, какъ увѣряетъ капитанъ Галль, замѣчательно находчивы; они, въ какомъ бы тяжеломъ положеніи ни находились, ни когда не теряются. Не малую пользу, наконецъ, принесли эскимосы европейской наукѣ тѣмъ, что они усердно служили, какъ прежнимъ, такъ и новѣйшимъ мореплавателямъ, отыскивавшимъ сѣверо-восточный проходъ. Сэръ Эдвардъ Вильямъ Парри обязанъ одной замѣчательной эскимосской женщиной Илиглинкъ, указывавшей ему путь къ открытію проливовъ Фури и Гекла, тѣмъ, что онъ могъ снять карту этихъ мѣстъ, а Галль сдѣлалъ двѣ карты по указаніямъ эскимосовъ, которыя едва ли могли бы быть подробнѣе описаны европейцами. Прежніе наблюдатели даютъ очень не лестные отзывы о пляскахъ и музыкальныхъ способностяхъ эскимосовъ ⁵⁾, но гер-

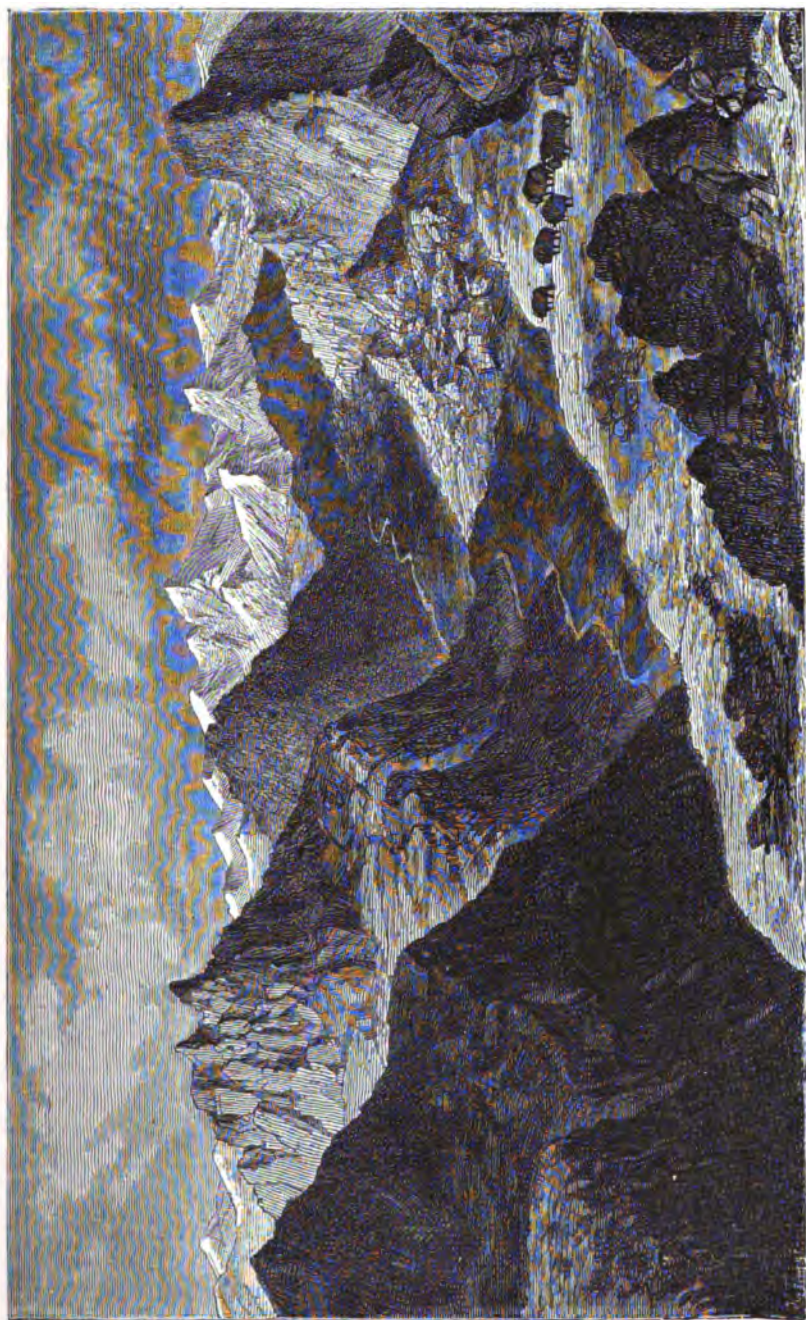
¹⁾ Д-ръ Ринкъ «Die Dichtkunst der Eskimo» «Ausland» 1870 г. стр. 575.

²⁾ «Ausland» 1834 г., стр. 1252.

³⁾ «Ausland» 1854 г. стр. 216.

⁴⁾ Тамъ же. 1838 г. стр. 168.

⁵⁾ «Ausland» 1834 г., стр. 1252.

Долина королевь Августы въ восточной Гренландіи.

ренгутерскіе миссіонеры, дѣйствовавшіе въ Гренландіи, увѣряютъ совершенно противное. Они рассказываютъ, что эскимосы поютъ хорошо и положительно имѣютъ музыкальныя способности. Въ Лихтенерельсѣ три органиста по происхожденію эскимосы; встрѣчаются также эскимосы, играющіе на скрипкѣ, на флейтѣ и на трубѣ ¹⁾). Для умственныхъ трудовъ, требующихъ напряженнаго вниманія и постоянного размысленія, эскимосы, правда, имѣютъ мало способности. Тѣмъ не менѣе, въ Гренландіи устроена семинарія для эскимосскихъ учениковъ. Даже литература проникла въ эту область вѣчнаго льда. Въ Готтсбѣ въ 1857 году была небольшая типографія съ литографическимъ прессомъ, первымъ изданіемъ которой были народныя сказанія на иннуэетскомъ и датскомъ языкахъ подъ заглавіемъ: „*Kaladlit Okakluktualliat*“. При этомъ изданіи было около двѣнадцати иллюстрацій, нарисованныхъ гренландцемъ и вырѣзанныхъ на деревѣ, и кромѣ того еще восемь пѣсенъ съ нотами. Если насъ поражаетъ эта маленькая книжка отчетливостью своей печати и весьма недурными иллюстраціями, тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія эта первая попытка литографическаго произведенія, потому что тамъ некому было научить эскимосовъ этому дѣлу; они сами должны были догадаться, какъ это сдѣлать, такъ сказать вновь изобрѣсти это искусство ²⁾). Въ слѣдующемъ году вышла вторая книга этого интереснаго труда, украшенная 39 полнотипажамъ ³⁾). Всѣ иллюстраціи къ прекрасному сочиненію Ринка о Гренландіи были нарисованы эскимосами. Самый интересный отдѣлъ этого сочиненія составляетъ переводъ статей, писанныхъ мѣстными уроженцами на языкѣ эскимосовъ въ гренландскомъ „журналѣ“ ⁴⁾). Эти статьи состоятъ болѣею частью изъ краткаго описанія приключеній, случившихся съ самимъ составителемъ, хотя очень простаго, но довольно оживленнаго и выразительнаго. Наконецъ одинъ эскимосъ, имя котораго связано съ исторіей новѣйшихъ полярныхъ путешествій, самъ написалъ свою біографію, и его записки, по всей справедливости, удостоились чести быть переведенными на европейскій культурный языкъ. Поэтому не слѣдуетъ слишкомъ низко оцѣнивать умственные способности этихъ полярныхъ жителей.

Изученіе языка эскимосовъ сопряжено съ особыми затрудненіями: на это требуется отъ шести до десяти лѣтъ и на первыхъ

¹⁾ «Schwäbische Merkur» отъ 19 марта 1874 года, на основаніи сообщенія, заимствованнаго изъ «Moravian», еженедѣльной газеты, издаваемой американскою ренгутеровскою общиною въ Виллсбѣ, въ Пенсильваніи.

²⁾ «Petermann's Geograph. Mittheilung» 1860 г., стр. 80.

³⁾ Тамъ же. 1861 г., стр. 246.

⁴⁾ Rink «Danish Greenland» стр. 230—268.

порахъ отнимаетъ очень много времени у вновь тамъ поселяющихся. На иннугетскомъ языкѣ образованіе словъ производится при помощи суффикса и въ этомъ отношеніи этотъ языкъ имѣетъ какъ бы сходство съ урало-алтайскою группою, но въ немъ недостаетъ главнѣйшаго признака этой группы, а именно—гармоніи звуковъ. Хотя языкъ эскимосовъ въ строгомъ смыслѣ не можетъ быть причисленъ ни къ какой группѣ, но, по мнѣнію Пешеля, ошибаются тѣ, которые считаютъ его совершенно уединеннымъ. Какъ и урало-алтайскіе языки, эскимосскій языкъ употребляетъ суффиксы для болѣе точнаго опредѣленія смысла рѣчи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ имѣетъ способность мысль многочленного предложения выразить однимъ словомъ, т. е. является языкомъ полисинтетическимъ. Для выраженія слѣдующей мысли: „онъ говоритъ, что бы ты также немедленно пошелъ купить себѣ прекрасный ножъ“, эскимось употребляетъ одно слово. На этомъ основаніи Пешель полагаетъ, что языкъ иннугетовъ составляетъ переходъ отъ урало-алтайской группы къ типу языковъ американскихъ ¹⁾).

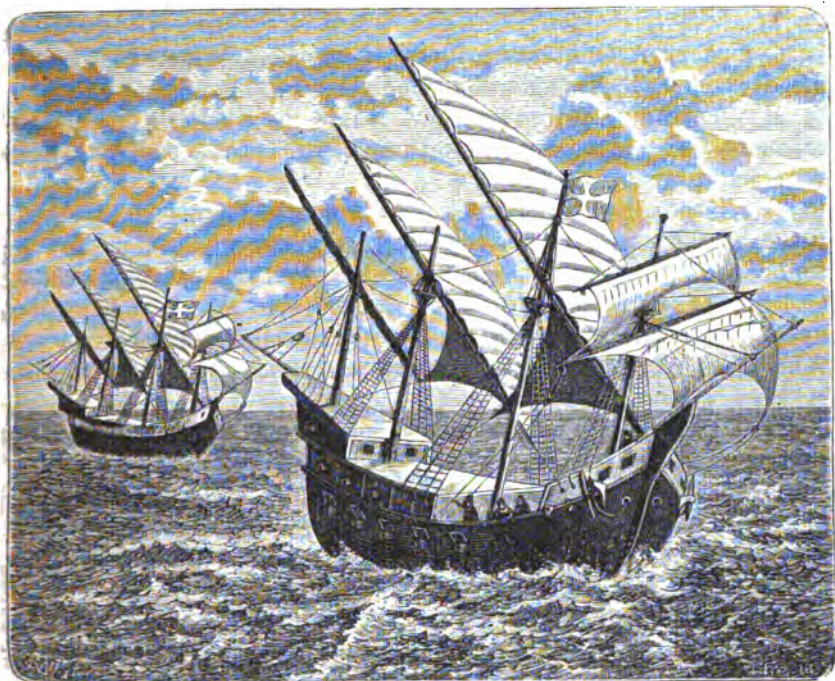
Народосчисленіе 1876 года показало, что эскимосы состоятъ изъ 9,473 душъ обоого пола ²⁾; всѣ, по наружнымъ пріемамъ и признакамъ, христіанскаго вѣроисповѣданія, такъ что братья гернгутеры, въ строгомъ смыслѣ, тамъ уже перестали играть роль миссіонеровъ. Въ восточной Гренландіи, впрочемъ, еще встрѣчаются язычники.

¹⁾ Пешель «Völkerkunde» стр. 419, 434.

²⁾ «Globus» т. XXXI, стр. 368.

Погребеніе эскимоса (на западѣ Гренландіи).

Каравеллы.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА СЪВЕРЪ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢНА.

ВЪ ОТКРЫТІИ норманнами Исландіи, Гренландіи и сѣверо-восточной Америки, оканчивается древній періодъ полярныхъ путешествій, снова возобновившійся только лишь съ XVI столѣтія.

Вся первая половина Среднихъ вѣковъ представляетъ обширный пробѣлъ въ исторіи этихъ предпріятій, отчасти вслѣдствіе тѣхъ странныхъ понятій, которыя имѣли тогда объ арктическихъ странахъ. Каковы были эти понятія, показываютъ сочиненія ученаго схоластика Адама Бременскаго, знаменитаго лѣтописца и географа одиннадцатаго вѣка. Четвертый томъ его знаменитой исторіи архіепископства Гамбургъ-Бременскаго, написанной вскорѣ послѣ 1075 года, посвященъ описанію острововъ сѣвера. Онъ говоритъ, что онъ всѣ сообщаемыя имъ свѣдѣнія имѣетъ изъ устъ дружественно расположеннаго къ нему датскаго короля Свена Эстридсона, который всѣ походы своихъ варварскихъ норманновъ помнитъ такъ хорошо, какъ будто они были у него записаны. Этотъ ко-

роль, пишетъ Адамъ, рассказывалъ о многихъ островахъ сѣвера, объ Исландіи, Гренландіи, Винландіи и т. д.“

Изъ описаній Адама я беру только не многое о сѣверныхъ странахъ, — именно то, что характеризуетъ воззрѣніе на нихъ тогдашняго времени.

Балтійское море называется такъ отъ того, что оно поясообразно простирается черезъ всѣ скіѣскія земли до Греціи. На сѣверѣ оно омываетъ Оркадскіе острова и затѣмъ расширяется въ Океанъ, объемлющій всю землю. Налѣво лежитъ Исландія, направо Норвегія, далѣе къ сѣверу Гренландія. Тамъ кончается темное море, то есть то море, надъ которымъ вѣчно лежитъ безсвѣтныи туманъ.

О протяженіи и прибрежьи Балтійскаго моря, по словамъ Адама Бременскаго, наилучшія свѣдѣнія доставили смѣлыя путешествія датчанина Ульфа Ярка и норвежскаго короля Гаральда Гард-ради. Но насколько мрачными казались ученому схоластику эти свѣдѣнія, доказываютъ его описанія, въ которыхъ истина перемѣшана съ баснословными рассказами. Такъ, напримѣръ, его свѣдѣнія о самахъ или пруссахъ вполне точны; Эстляндію же онъ представляетъ въ видѣ острова, на которомъ драконовъ почитаютъ какъ божества и приносятъ имъ въ жертву людей.

Въ землѣ женщинъ, лежащей недалеко отъ Эстляндіи, живутъ, по слухамъ, амазонки. О размноженіи этого народа существуютъ различныя понятія, изъ которыхъ Адамъ склоняется къ тому, что оно происходитъ черезъ совоупление съ обитающими тамъ чудовищами. Дѣти мужскаго пола амазонокъ суть киноскефалы, т. е. уроды съ собачьими головами, а дѣти женскаго пола — прекрасныя дѣвы. У киноскефаловъ голова на груди и они лаютъ вмѣстѣ того, чтобы говорить; ихъ можно видѣть плѣнными на русскихъ рынкахъ. Въ тѣхъ странахъ живутъ также аланы или албаны, сами себя называющіе „виццами“, рождающіеся съ бѣлыми волосами страшные людоеды, имѣющіе собакъ для травли людей. Еще живутъ тамъ зеленовато-блѣдные, долголѣтніе гузы и антропофаги.

То, что Адамъ знаетъ о восточныхъ обитателяхъ Балтійскаго моря, онъ повторяетъ отчасти въ описаніи Швеціи и Норвегіи. Швеція, по его описанію, лежитъ восточнѣе Рипейскихъ горъ, представляющихъ снѣжный хребетъ, обитаемый дикарями. Съ тѣмъ вмѣстѣ, однако, Адамъ рассказываетъ о лапландцахъ, ссылаясь на своего пріятеля короля Свена Эстридсона, довольно точно; онъ говоритъ, какъ маленькіе, проворные крѣпыши-лапландцы шайками нападаютъ на шведскія равнины и какъ шведы отражаютъ ихъ съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ.

Норвежцевъ Адамъ хвалить, какъ простой, трудолюбивый, богобоязненный, пастушескій народъ, покинувшій съ принятіемъ христіанства морскіе разбои. Даже самые почетные изъ нихъ живутъ скотоводствомъ и трудомъ рукъ своихъ. На крайнемъ же сѣверѣ живетъ какой-то языческій народъ, обладающій искусствомъ колдовства и знающій все, что дѣлается съ людьми на землѣ. Силою его изреченій и окликаній громадныя киты выбрасываются на берегъ. Въ суровыхъ горахъ живутъ также женщины съ бородами и иногда встрѣчаются лѣсные люди, одѣтые въ звѣринныя шкуры и произносящіе, скрежеща, какіе-то непонятныя слова. То были Скридфинны, о которыхъ Адамъ рассказываетъ тутъ же, что они безъ снѣга жить не могутъ и по снѣжнымъ горамъ перебѣгаютъ скорѣе звѣрей.

Сѣвернѣе Норвегіи—страшное безконечное море, опоясывающее всю землю. Другой писатель, кромѣ Адама, прибавляетъ, что о британскомъ морѣ, омывающемъ Данію и Норвегію, мореплаватели рассказываютъ много чудеснаго; напримѣръ: что море около Оркадъ свернувшееся, густое, крѣпко-соленое; корабли могутъ только двигаться при сильной бурѣ; поэтому-то море это и называется „Либерсѣ“, что значить сгущенное, свернувшееся, какъ молоко, море.

Понятія объ этомъ непроходимомъ, мрачномъ морѣ въ одиннадцатомъ и послѣдующихъ вѣкахъ были такъ живы, что рассказы о немъ составляли непремѣнную принадлежность описаній всякаго необычайнаго путешествія къ сѣверу или на востокъ; „Либерсѣ“ неминуемо играла роль въ полномъ приключеніи путешествіи герцога Эрнста на востокъ.

Адамъ еще описываетъ острова: Тюле, Гренландію, Галогландъ и Вейнландъ. Тюле, по окружающему его льду, называется также Исландією. Ледъ, будто бы отъ давности, сдѣлался здѣсь чернымъ и хрупкимъ, такъ что можетъ горѣть. Гренландія, по мнѣнію Адама, носитъ свое названіе отъ того, что люди отъ моря кажутся тамъ темнозелеными. Они страшныя морскіе разбойники. Замѣчательно, что Галогландъ считается островомъ, по скромнымъ рассказамъ одного глоссатора. Точно также схоластики Адамъ имѣетъ самыя неудовлетворительныя понятія о положеніи Вейнланда, хотя онъ и слышалъ отъ датчанъ о роскошномъ плодородіи этой страны, производящей прекрасныя вина. За Вейнландомъ уже нѣтъ обитаемой земли; тамъ все только ледъ и мракъ. Тамъ, на концѣ свѣта, зіяя своею бездною, реветъ страшный водоворотъ.

Особенно замѣчательно то, что моряки тогдашняго времени, даже самые образованные изъ тогдашнихъ германцевъ, приливъ и отливъ моря объясняли себѣ дѣйствіемъ громаднаго водоворота въ

полярномъ морѣ, поглощающаго и извергающаго воды, тогда какъ уже финикіане, а со временъ Птолея и греки считали луну причиною этого удивительнаго явленія.

Фризы нашли, что этотъ водоворотъ находится сѣвернѣе Исландіи, и это на томъ основаніи, что они какъ-то попали въ застывшее море. Это мнѣніе, впрочемъ, не слѣдуетъ считать неимѣющимъ основанія, такъ какъ и нынѣ еще замѣчается по восточному берегу Гренландіи весьма сильное морское теченіе, по которому носятся громадныя льдины. Податски оно называется съ XVIII столѣтія „Jissvolg“, у нѣмцевъ „Eisschwelg“; плаваніе въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно опасно, а часто и совсѣмъ невозможно. Въ средневѣковомъ описаніи Гренландіи это теченіе названо „Hafhverf“, т. е. морской водоворотъ, и весьма понятно, что бременскіе мореплаватели, посѣтившіе полярныя страны, попадая въ туманную погоду въ это теченіе со льдинами, дѣлали о немъ чистосердечно самое страшное описаніе, равно какъ и о перенесенныхъ ими опасностяхъ.

Саксонъ Грамматикъ, который приблизительно сто лѣтъ послѣ Адама Бременскаго писалъ свою исторію Даніи, рассказываетъ объ удивительномъ плаваніи короля Гормса, что въ то время полагали, будто на крайнемъ сѣверѣ находится царство мертвыхъ. Мифы и сказанія передаютъ, что скандинавы укладывали своихъ покойниковъ въ лодки или суда и предоставляли ихъ произволу волнъ и вѣтра, чтобы доставить ихъ въ невѣдомую страну. Въ Германіи еще въ XIII столѣтіи Британія считалась „островомъ мертвыхъ.“ Неразрывно съ древнимъ повѣрьемъ галловъ, связано и нынѣ еще существующее въ Бретани убѣжденіе, что у сѣверныхъ береговъ Франціи собираются всѣ души умершихъ, а отсюда ихъ перевозятъ въ Британію или на одинъ изъ острововъ Бритіи.

Изъ всего этого видно, что ясныя, здравыя понятія и познанія Оттара о скандинавскихъ и финскихъ полярныхъ странахъ въ послѣдующихъ вѣкахъ совершенно исчезли. Въмѣсто познаній объ этихъ странахъ разыгрывается фантазія: гиганты и стихійные духи, даже души мертвыхъ, тамъ водворяются и царствуютъ. Въ числѣ дѣйствительно извѣстныхъ земель Галогланда, Финмарка и Біармъ, названы Іегунгеймъ, Имисландъ, Альфгеймъ. Вполнѣ опредѣленная мѣстность, пылкій Богусъ и часть Смаалена, между Гета-эльфомъ и Гломленомъ была названа „Альфгеймаръ“, что было основано на столь твердомъ народномъ повѣртіи, что донынѣ на Исландіи существуетъ преданіе, будто эльбскіе подкороли Исландіи должны были ежегодно являться къ своему главному королю Норвегіи, чтобы отдать отчетъ о своемъ управленіи и

Юліусь Пайєрз.

представлятъ оправданіе противъ принесенныхъ на нихъ жалобъ¹⁾.

Впрочемъ и теперь нѣтъ недостатка въ нѣкоторыхъ отдѣльных данныхъ, которыя охраняли бы право здраваго сужденія среди произвольнаго поэтическаго вымысла.

Исландо-норвежская географія XIII или XIV столѣтія, отрывки которой встрѣчаются въ различныхъ рукописяхъ²⁾ описываетъ, что на сѣверѣ Норвегіи лежитъ Финмаркъ, а къ востоку прилегаетъ Біармія. Необитаемыя страны связываютъ Біармію съ Гренландією. Составленное еще въ началѣ XIII столѣтія въ Норвегіи сочиненіе, такъ называемое „Königsspiegel“, указываетъ на эту связь и на континентальность Гренландіи по множеству звѣрей, которые едва ли могутъ водиться на островѣ. По свѣдѣніямъ этой географіи, южнѣе Гренландіи лежатъ земли Галлу и Маркъ, подъ которыми, по всей вѣроятности, слѣдуетъ разумѣть Лабрадоръ и Ньюфаундлендъ. Оттуда недалеко до Винландъ, простирающагося, по мнѣнію многихъ, до Африки.

Самое замѣчательное во всѣхъ этихъ свѣдѣніяхъ слѣдующее: что тогда полагали, что сѣверный полюсъ окруженъ сплошною массою земли, что, впрочемъ, тѣми же словами мы находимъ отмѣченнымъ въ записяхъ монаха Николая Тингейрарскаго, умершаго въ 1158 году. Такъ называемое „breve chronicon Norvegiae“, происхожденіе котораго должно быть отнесено къ XIII вѣку³⁾, сообщаетъ, что къ сѣверо-востоку отъ Норвегіи, живутъ карелы (кирьялы), квенны, скридфинны (cornuti Finni) и біармійцы. Мореплаватели, на пути въ Исландію отнесенные бурей къ Норвегіи, свидѣтельствуютъ, что они между Гренландією и Бермландією (Біармією, слѣдовательно въ полярныхъ странахъ) встрѣтили гигантовъ⁴⁾ и амазонокъ.

Пограничнымъ мѣстомъ между Галоглагландомъ и Біармією (Бермландією) эта хроника называетъ Вегистафъ. П. А. Мунхъ предполагаетъ, что это около лапландскаго города Умба, у впаденія рѣки Велеги въ Бѣлое море. Бермландія омывается

¹⁾ Конр. Мауреръ: „Isländische Volkssagen der Gegenwart“, стр. 4. Нибелунги также указываютъ, что даже, по германскимъ понятіямъ, какое-то эльбское государство находилось въ Норвегіи: покоренная Зигфридомъ страна нибелунговъ и шильбунговъ тождественна съ Норвегіей.

²⁾ Werlauff: „Symbolae ad geographiam medii aevi Havn. 1821. стр. 7, 14. „Gronlands Mindesmærker“. III, 216, 220.

³⁾ Symbolae ad historiam antiquiorum rerum Norvegetarum edid. P. A. Munch. I Breve chronicon Norvegiae. Christian. 1850. p. 2 f.

⁴⁾ Homines mirae magnitudinis et Virginum terram, quae gustu aquae concipere dicantur.

именно тѣмъ необычайно глубокимъ сѣвернымъ моремъ съ пожирающимъ водоворотомъ Харибады и Сциллы. Тамъ страшныя ледяныя горы, угрожающія опасностію сѣвернымъ путешественникамъ. Тамъ различныя чудовища населяютъ море: киты, разбивающіе самыя большіе суда, одноглазые моржи, сирены, безголовыя и безхвостыя гаффстрамбы, кракены (морскія змѣи), страшныя гаскитты и другія животныя, уже найденныя нами въ описаніи „Königsspiegel'a“.

Такимъ образомъ понятно, что Бѣлое море было названо заколдованнымъ заливомъ (Gandvik). Съ половины XIII вѣка прекратились плаванія норвежцевъ въ Біармію; послѣ того сѣверо-восточное побережье сдѣлалось еще болѣе неизвѣстнымъ и, разумѣется, въ разсказахъ еще большимъ поприщемъ колдовства и чародѣйства ¹⁾.

Замѣчательно, что не смотря на вышеочерченныя понятія о сѣверѣ, тѣмъ не менѣе, въ Средніе вѣка были попытки разоблачить тайны этой страны. Къ сожалѣнію, о всѣхъ попыткахъ такого рода остались самыя ничтожныя свѣдѣнія. Прежде всего, безъ сомнѣнія, должно быть названо плаваніе немногихъ фризскихъ почетныхъ господъ, о которыхъ уже была рѣчь при описаніи исландскаго водоворота. Адамъ Бременскій о нихъ пишетъ: „Также разсказывалъ мнѣ блаженной памяти архіепископъ Адалбертъ, что, въ управленіе его предшественника, нѣсколько почетныхъ людей изъ Фрисланда поплыли къ сѣверу, чтобы изслѣдовать море, такъ какъ, по понятіямъ этихъ людей, отъ устья Везера, по прямой линіи къ сѣверу, болѣе нѣтъ земли, а только море, называемое „Liber See“ (свободное море). Чтобы выслѣдить истину въ этомъ интересномъ вопросѣ, собравшіеся товарищи, при веселыхъ крикахъ радости, отвалили отъ фризскаго берега. Оставивъ за собою по одну сторону Данію, по другую Британію, они дошли до Оркадскихъ острововъ. Слѣдуя далѣе, они оставили эти острова въ лѣвой сторонѣ, имѣя подъ правую руку Норвегію, и такъ, послѣ продолжительнаго плаванія, они добрались до ледяной Исландіи. Отсюда они проплыли морями еще далѣе къ крайнему сѣверу, оставляя за собою всѣ поименованныя острова и поручая себя и свое дѣло Всемогущему Богу и святому Вилльебаду. Но при этомъ они внезапно попали въ густой туманъ застывшаго океана, непроницаемый глазами. И вотъ непостоянное и безотчетное теченіе моря, возвращающагося отсюда къ таинственнымъ своимъ источникамъ, увлекло съ необычайною силою

¹⁾ Вышеизложенное заимствовано изъ прекраснаго сочиненія д-ра Карла Вейнгольда: «Полярныя страны Европы по понятіямъ средневѣковой Германіи». Вѣна 1871 г. 8°.

въ бездонную пучину тѣсныхъ горькою участію и уже отчаявающихся мореплавателей. Имъ оставалось ожидать только смерти. Здѣсь находилась та неизмѣримая глубина, которая поглощаетъ всѣ морскія теченія и потомъ ихъ вновь извергаетъ, что принято называть приливомъ и отливомъ. Помолившись Всевышнему Богу и поручивъ Его безмѣрному милосердію спасеніе своихъ душъ, нѣкоторые изъ товарищей со своими судами были совсѣмъ увлечены теченіемъ, другіе же, послѣ долгой борьбы съ морскимъ круговоротомъ, были выброшены обратно. Усиленно работая веслами, они избѣгли угрожавшей имъ опасности и всеильною Божіею помощію были спасены. Выбравшись изъ тумановъ и холодной ледяной полосы, они неожиданно увидѣли островъ, окруженный высокими утесами, какъ городъ стѣнами. Чтобы изслѣдовать мѣстоположеніе, они вышли на берегъ и увидали людей, которые въ полдень скрываются въ подземныя пещеры. У входа въ эти пещеры лежали безчисленные сосуды изъ золота и другихъ металловъ, которые считаются рѣдкими и драгоцѣнными. Взявъ съ собою изъ этихъ сокровищъ сколько могли поднять, гребцы весело возвращались къ своимъ судамъ. Но обративъ взоры назадъ, они вдругъ увидѣли за собою людей необычайнаго роста, которые называются у насъ „циклопами“. Впереди ихъ бѣжали громадныя собаки. Одинъ изъ ихъ товарищей былъ тутъ-же схваченъ и въ ихъ глазахъ растерзанъ. Остальные успѣли добраться до своихъ кораблей, преслѣдуемые криками гигантовъ, когда они уже были въ открытомъ морѣ. Послѣ всѣхъ этихъ приключеній фризы, наконецъ, вернулись въ Бременъ. Здѣсь они все послѣдовательно рассказали архіепископу Алебранду и вознесли Спасителю и его угоднику Вильебаду благодарственное молебствіе за свое спасеніе и возвращеніе, принесли также благодарственную и примирительную жертву (hostia)“.

Я привелъ, по возможности, вѣрный и точный переводъ замѣчательнаго сообщенія Адама Бременскаго объ этомъ плаваніи, которое покойный д-ръ Іоаннъ Георгій Коль, основательный знатокъ исторіи землевѣдѣнія, по всей справедливости называлъ „первою германскою экспедиціею къ сѣверному полюсу“. Что касается достовѣрности этого разсказа, то нужно замѣтить, что никогда никто не сомнѣвался въ томъ, что Адамъ Бременскій вообще отличался любовью къ истинѣ. Точно также и та часть отчета, въ которой идетъ рѣчь объ описаніи мѣстности, вполне согласна съ дѣйствительностью, а все, что является загадочнымъ или удивительнымъ, вполне соответствуетъ современнымъ понятіямъ, о которыхъ уже говорено было выше. (І. Г. Коль, занимавшійся разборомъ этой экспедиціи въ своемъ весьма поучитель-

номъ сочиненія ¹⁾ объ этомъ предметѣ, допускаетъ, что она состоялась въ 1040 году и что въ Бременѣ собственно она собиралась и оттуда выступила. Цѣль этого путешествія весьма ясно опредѣлена въ этомъ отчетѣ: несомнѣнно, что оно было предпринято преимущественно въ видахъ изслѣдованія или открытія, но затѣмъ, какъ полагаетъ Коль, были, можетъ быть, и постороннія цѣли. Вѣроятно самъ архіепископъ принималъ участіе въ вооруженіи экспедиціи, и въ такомъ случаѣ очень можетъ быть, что онъ имѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду распространеніе христіанскою вѣры и крещеніе язычниковъ. Сами дѣятели въ этомъ предпріятіи, именитые фризцы, кромѣ разрѣшенія географическаго вопроса, къ которому они, повидимому, стремились, можетъ быть разсчитывали и на торговую прибыль или иную добычу. Разбирая въ точности темное заключеніе отчета бременскаго схоластика и остроумно истолковывая его значеніе, Коль пришелъ къ убѣжденію, что фризскіе именитые люди, или миссіонеры архіепископа, свою экспедицію къ сѣверному полюсу окончили нападеніемъ на какой-нибудь норманнскій островъ и ограбленіемъ его. Тѣмъ не менѣе, представляется яснымъ, что это путешествіе, по первоначальному плану, имѣло главною цѣлью отысканіе предѣловъ Сѣвернаго моря и изслѣдованіе именно полярныхъ странъ, и въ этомъ смыслѣ оно составляетъ замѣчательный фактъ для XI столѣтія. Въ дѣйствительности этому путешествію, повидимому, принадлежитъ та слава, что это была первая экспедиція въ своемъ родѣ, то-есть первое путешествіе, предпринятое собственно для отысканія границъ океана и направленное фактически къ сѣверному полюсу. Дѣйствительно, долгое время оно оставалось единственнымъ въ своемъ родѣ.

Впрочемъ, вскорѣ послѣ смерти архіепископа Безелина, около 1060 года, во всякомъ случаѣ все-таки еще въ XI столѣтіи, король Гаральдъ Гардраде снарядилъ-было новую экспедицію къ сѣверному полюсу. Адамъ Бременскій говоритъ, что онъ хотѣлъ изслѣдовать качества моря по ту сторону Туле (Исландія) и его протяженіе. При этомъ онъ дошелъ тамъ до конца принадлежащей сюда части свѣта, покрытой темнымъ туманомъ, и едва спасся отъ угрожавшей ему гибели въ бездонныхъ пропастяхъ. По цѣли и по результату, путешествіе короля Гаральда совершенно похоже на плаваніе фризцовъ, и можетъ быть разсматриваемо какъ второе, наочно снаряженное, путешествіе къ сѣверному полюсу.

¹⁾ J. G. Kohl. «Die erste deutsche, von der Weser aus um das Jahr 1040 veranstaltete Entdeckungsreise zum Nordpol» (Petermanns «Geogr. Mittheil». 1869, стр. 11—19).

Подобно тому, какъ фризскіе именитые люди съ Везера побратались въ 1040 году, такъ же точно, около ста лѣтъ спустя, въ лиссабонскомъ портѣ сошлись нѣсколько арабскихъ мореплавателей, для изслѣдованія океана. „Они всѣ были родственники между собою, говоритъ Гумбольдтъ, согласно указанію арабскаго автора Ибнъ-эль-Варди, взяли съ собою необходимые для продолжительнаго путешествія запасы, рѣшившись и обязавшись клятвою не возвратиться раньше, пока не проникнуть до крайнихъ предѣловъ мрачнаго моря“. Эти арабскіе изслѣдователи океана, совершившіе 35 переходовъ въ юго-западномъ направленіи отъ Лиссабона, извѣстны въ исторіи открытій подъ именемъ „Альмагуримъ“ или „блуждающихъ братьевъ“¹⁾.

Немного спустя послѣ лиссабонскихъ альмагуримовъ, а именно въ 1170 году, знаменитый принцъ Уэльскій, Мадокъ-апъ-Овенъ-Гуйнетъ со своими спутниками пустился въ море, какъ выражается Гаклейтъ. „Онъ со своими плылъ на западъ, оставляя берега Исландіи на такомъ дальнемъ разстояніи къ сѣверу, что пришлось пристать къ невѣдомой землѣ, на которой путники увидѣли весьма странныя вещи“. Они возвратились, говорится далѣе, въ Уэльсъ, рассказывали тамъ о чудной странѣ, которую видѣли на западѣ океана, возбудили во многихъ изъ своихъ соотечественниковъ желаніе побывать тамъ, и во второй разъ поплыли на десяти судахъ на западъ. Послѣ этого ихъ никто болѣе не видалъ и никогда ничего не было о нихъ слышно.

Опять приблизительно черезъ сто лѣтъ, въ 1281 году, два родныхъ брата, генуезцы Вадино и Гвидо-де-Вивальди поплыли въ Атлантическій океанъ для отысканія его предѣловъ. Подобно принцу Мадокъ, они погибли и не возвратились. Подобной-же участи подверглись вскорѣ послѣ того, въ 1292 году, два другіе брата, генуезцы Теодосіо Доріа и Уголино Вивальди, пустившіеся въ открытый океанъ для отысканія, можетъ быть, потерявшихся соотечественниковъ, а отчасти съ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ и первые, т. е. для ознакомленія съ предѣлами моря и прибрежными его странами. О томъ, куда они достигли — мы ничего не знаемъ.

Еще около ста лѣтъ спустя, въ концѣ XIV столѣтія, мы встрѣчаемъ знаменитыя путешествія венеціанскихъ братьевъ Николо и Антоніо Зено. Подобно фризскимъ именитымъ людямъ, они поплыли на верхъ къ Фэрерскимъ островамъ, къ Исландіи и Грен-

¹⁾ Такъ нѣкоторые переводятъ это слово, другіе же говорятъ, что оно скорѣе значитъ „обманувшіеся въ своихъ надеждахъ“. О альмагуримахъ см. Пеллея „Исторію вѣка открытій“, 2-е изд. Штутгартъ, 1877, стр. 81—82.

ландіи; подобно имъ, они шли по слѣдамъ норманновъ. Въ 1390 году ¹⁾ очень извѣстный и всѣми почитаемый морской офицеръ Николѣ возымѣлъ мысль предпринять плаваніе для открытій къ сѣверу. Собственными средствами онъ снарядилъ судно, поплылъ черезъ Гибралтарскій проливъ и благополучно дошелъ до береговъ Фландріи и Англіи. Но потомъ корабль его, выдержавъ сильный штормъ, потерялъ курсъ и былъ нанесенъ на мель у неизвѣстнаго ему берега. Судно погибло, весь экипажъ достигъ берега. Здѣсь путешественники узнали, что они находятся на островѣ Фризландъ, недалекомъ отъ Шотландіи, состоящемъ подъ главенствомъ норвежскаго короля и управляемомъ вице-королемъ Зихмни. Зено былъ пріятливо принятъ этимъ княземъ, говорившимъ свободно по-латини, поступилъ къ нему на службу, сдѣлался начальникомъ фризландскаго флота, руководилъ нѣсколькими завоевательными походами и помогъ, наконецъ, Зихмни, когда этотъ послѣдній задумалъ освободить Фризландъ и другіе ближайшіе острова отъ владычества Норвегіи. Во все это время, онъ, повидимому, былъ въ перепискѣ со своими соотечественниками, особенно съ братомъ Антоніо, котораго онъ приглашалъ также переселиться въ его новую родину. Антоніо дѣйствительно, въ 1391 году, прибылъ въ Фризландъ, но нѣсколько лѣтъ спустя Николо умеръ. Во время пребыванія братьевъ Зено на этомъ островѣ, фризландцы предпринимали нѣсколько большихъ экспедицій: нѣсколько разъ они были въ Исландіи и Гренландіи, но направлялись также на западъ, гдѣ они познакомились съ многими островами и вѣроятно даже съ материкомъ, какъ указываютъ названія: Икарія, Эстотиландъ и Дрогоо.

Николо Зено, познакомившись ближе со всѣми этими сѣверными странами во время своего пребыванія въ Фризландѣ, составилъ карту, которую Антоніо со всѣми остальными рукописями покойнаго брата отправилъ въ 1405 году въ Венецію къ младшему ихъ брату, извѣстному Карло Зено, спасеніемъ Республики въ 1382 году прославившему свое имя. Тамъ въ домѣ Зено, древней аристократической фамиліи Венеціи, рукописи болѣе ста лѣтъ оставались безъ всякаго вниманія. Одинъ изъ потомковъ этого семейства, также Николо, въ дѣтствѣ часто игралъ съ этими драгоценностями и, какъ ребенокъ, разумѣется, портилъ и рвалъ ихъ. Уже въ зрѣломъ возрастѣ узналъ онъ съ грустью и

¹⁾ Цифра года 1380, какъ она приведена въ подписи карты и въ объяснительномъ текстѣ Зено, признана Ричардомъ Генри Мейеромъ за ошибку переписчика. См. классическій трудъ Майера: «The voyages of the venetian brothers Nicolo and Antonio Zeno to the northern seas in the XIV century». London 1873 г. 8° p. XLIV—XLVII.

удивленіемъ цѣну этихъ сокровищъ, которыхъ онъ чуть было не истребилъ. Онъ собралъ всѣ кусочки, подобралъ ихъ и спасъ, что еще возможно было спасти. За симъ, по порученію младшаго Николо Зено, считавшагося однимъ изъ самыхъ богатыхъ и почетныхъ нобиле своей родины, Марколини, занявшійся возстановленіемъ и редакціею этихъ рукописей, отдалъ ихъ вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ картами въ печать въ 1558 году ¹⁾. Это сочиненіе содержитъ столько необъяснимыхъ названій и басноподобныхъ разсказовъ, что знатоки сѣверныхъ древностей объявили все это описаніе поддѣльнымъ, въ особенности датскій адмиралъ Цартманъ ²⁾, приводившій въ доказательство своего мнѣнія самыя подробныя и вѣскіе доводы. Между тѣмъ эта книжка Зено представляетъ единственный источникъ, который разсказываетъ о Фризландѣ, какъ объ островѣ, форма и положеніе котораго начерчены на прилагаемой картѣ. Никто ни до, ни послѣ того времени не былъ на подобномъ островѣ и ни о комъ нельзя утвердительно сказать, что онъ во время экспедиціи въ арктическія страны хотя бы издали видѣлъ Фризландъ. Къ счастью, къ разсказамъ братьевъ Зено приложена была карта, подлинность и цѣна которой, кажется, теперь доказаны. Составитель этой карты такъ вѣрно изобразилъ Исландію, съ такою точностью нарисовалъ Гренландію, что нужно предполагать, что или онъ былъ тамъ самъ, или же срисовалъ ихъ съ какихъ нибудь подлинниковъ, принадлежавшихъ сѣвернымъ путешественникамъ. Названія исландскихъ мѣстностей, не смотря на то, что они значительно искажены невѣждами-издателями, всѣ болѣе или менѣе тождественны. Мы знаемъ также, что карта Зено первоначально была безъ проекціи, и только впоследствии покрыта была издателемъ поддѣльною градусною сѣтью. По указаніямъ этой сѣти южная оконечность Гренландіи отнесена къ сѣверу до 65°, а южная оконечность Фризланда лежитъ близъ 60° сѣв. шир. Что касается этого послѣдняго острова, то неоднократно допускалось предположеніе, а въ послѣднее время Ричардомъ Генри Майеромъ несомнѣнно доказано, что островъ Фризландъ ничто иное, какъ слившаяся на чертежѣ

¹⁾ *Заглавіе* ero: Dello scorporimento dell'isole Frislanda, Eslanda, Engronelandia, Estotilandia et Icaria, fatto sotto il polo artico de due fratelli Zeni, M. Nicolo e M. Antonio con un disegno particolare di tutte le dette parte di tramontana da lor scoperte. Venezia, 1558. Это рѣдкое сочиненіе вновь издано съ англійскимъ переводомъ Ричардомъ Генри Майеромъ, подъ заглавіемъ: «The voyages of the venitian brothers Nicolo and Antonio Zeno».

²⁾ Zahrtmann «Om Zeniernes Reiser (Nordish Tidskrift for Oldkyndighed» Kjöbnhavn 1833. II) и еще въ «Journal of the Roy. geogr. Soc. 1836. Дольно подробное извлеченіе изъ этого захватчательнаго труда можно найти въ «Ausland» 1834 г. стр. 877—886.

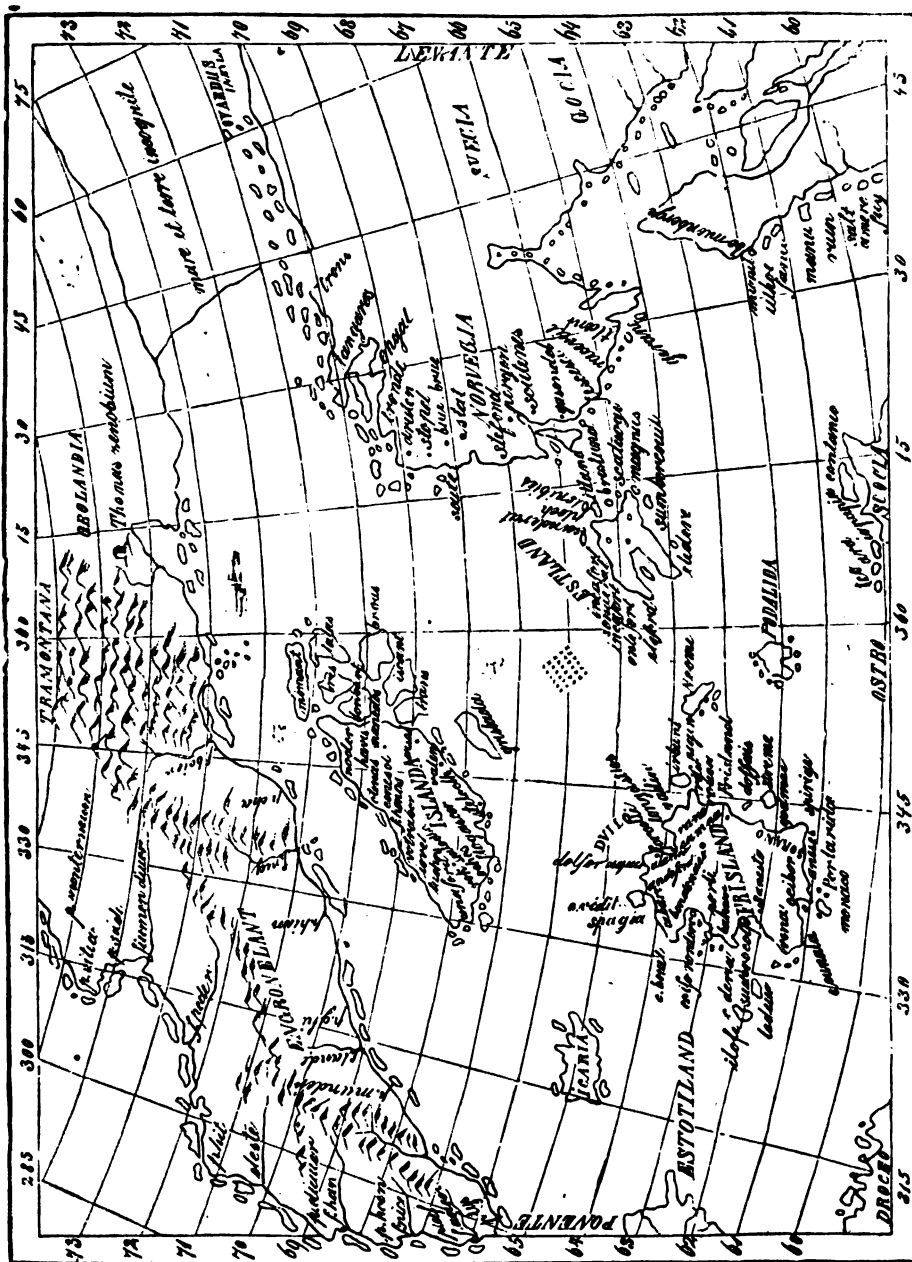
группа Фарерскихъ острововъ, какъ это прежде всѣхъ увѣрялъ въ 1784 г. Бюашъ, а потомъ разъяснилъ Лелевель. Правда, островъ Фризландъ имѣетъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ группа 22-хъ Фарерскихъ острововъ, но это просто-на-просто объясняется, повидимому, тѣмъ, что карта была разорвана и издателемъ составлена изъ кусковъ. Легко понять, что не широкіе проливы между отдѣльными островками, при составленіи кусковъ, затерлись и запачкались, и такимъ образомъ составитель-компиляторъ былъ введенъ въ заблужденіе, полагая, что онъ имѣетъ передъ собою большой островъ, и нарисовалъ ихъ по очертаніямъ наружи лежащихъ островковъ. Точно также обозначенный на картѣ островъ Эсландъ представляетъ Шетландскіе острова. Уже Іоаннъ Рейнгольдъ Форстеръ, мнѣніе котораго раздѣляетъ и Майеръ, узналъ въ Зихмни Генри Сенклэро-офъ-Рослинъ, которому норвежскій король Гако VI въ 1379 году отдалъ въ ленное владѣніе графства Оркней и Кейтнесъ. Еще раньше мы упомянули, что отчетъ Зено оказался исполнѣнъ достовѣрнымъ относительно посѣщенной имъ Гренландіи и что Майеръ имъ воспользовался для подтвержденія того, что древнія поселенія норманновъ простирались и на полярныя страны. Наконецъ, означеніе на картѣ загадочнаго острова Икаріи Майеръ, вмѣстѣ съ Форстеромъ, объясняетъ тѣмъ, что это есть италинизированное названіе мыса Керри въ Ирландіи, у устья рѣки Шаннона. Соображая все въ совокупности, мы можемъ удостовѣрить, что оба благородные венеціанца доставили въ свое отечество замѣчательно вѣрное изображеніе сѣверо-западныхъ окраинъ. Если мы сравнимъ карту и описаніе Зено съ лучшими изображеніями этихъ странъ, составленными до изданія книги Зено, слѣдовательно до половины шестнадцатаго столѣтія, то оказывается, что все, что намъ далъ Зено, замѣчательно превосходитъ всѣ остальные своею точностью и вѣрностью. Изысканія Майера, входящія въ мельчайшія подробности, не оставляютъ никакого мѣста подозрѣнію, будто и отчетъ, и карта братьевъ Зено составлены въ Италіи не задолго до ихъ выхода въ свѣтъ ¹⁾.

Изъ остальныхъ средневѣковыхъ морскихъ экспедицій можно бы еще назвать плаваніе польскаго штурмана Іоанна Школьнаго (Szkolny), снаряженное въ 1476 году датскимъ королемъ Христиа-

¹⁾ Это подозрѣніе выражаетъ теперь еще проф. д-ръ К. Мауреръ въ своемъ сочиненіи: „Вторая германская экспедиція къ сѣверу. полюсу“. Т. I, стр. 240. Также проф. д-ръ Софъ-Руге тоже высказываетъ это подозрѣніе снова во второмъ изданіи исторіи землехѣднія Пешеля. Мюнхенъ 1877 г. Тщательныя изысканія Майера не были приняты въ соображеніе ни тѣмъ, ни другимъ.

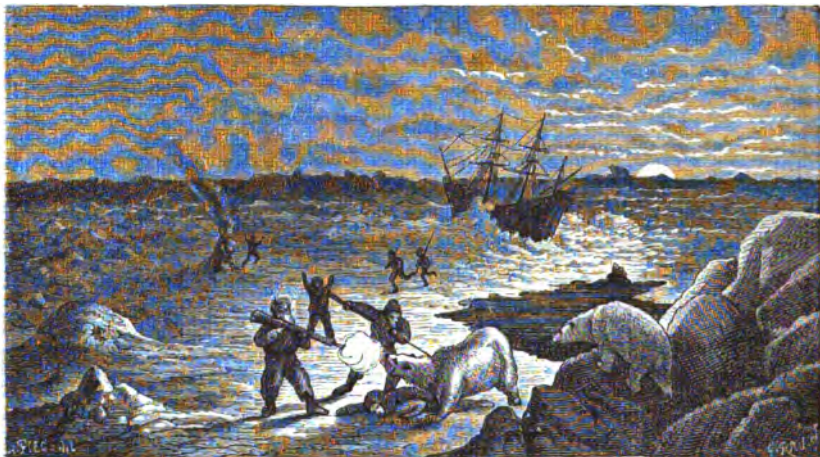
(Carte de navigateur de Nicolo et Antonio Zeni figurino in Tramontana Laro. M. CCC. LXXX).

Карта морского путешествія братьевъ Николю и Антонио Зено въ Сѣверныя земли въ 1380 году.

номъ II. Онъ былъ, будто-то бы, въ Исландіи и Гренландіи и дѣлалъ различныя открытія на сѣверѣ Лабрадора. Но всѣ свѣдѣнія объ этомъ путешествіи, разбросанныя по различнымъ сочиненіямъ, представляются крайне сомнительными и загадочными.

Охота на бѣлыхъ медвѣдей.

Себастьянъ Каботъ.

КАБОТЪ И СЪВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ПРОХОДЪ.

НОТЯ Средніе вѣка и были бѣдны географическими предпріятіями, но у нихъ нельзя отнять той заслуги, что они, такъ сказать, подготовили, привели къ зрѣлости, то великое время, которое, какъ знаменательный поворотъ въ исторіи жизни народовъ, называется «вѣкомъ открытій». Эта замѣчательная эпоха началась проникновеніемъ могущественныхъ на морѣ португальцевъ по западному берегу Африки до мыса Доброй Надежды. Всѣ стремленія этого времени были преимущественно направлены къ западу, гдѣ за предѣлами давно уже извѣстнаго пространства, безотчетное ожиданіе влекло къ отысканію обѣтованной земли. Тѣмъ не менѣе, и сѣверныя страны не замедлили занять свое мѣсто въ ряду морскихъ изслѣдованій. Географическое положеніе новаго континента, рано или поздно, должно было привести своихъ открывателей къ вратамъ арктическаго міра точно такъ же, какъ полярные плователи изъ норманновъ, наконецъ, узрѣли сѣверные берега Америки и тамъ водворились. Итальянцу Каботу, который, безспорно, первый снялъ покрывало тайны съ американскаго материка, принадлежитъ слава быть названнымъ отцомъ полярныхъ изслѣдованій.

Джіованни Габота или Кабото¹⁾ происходилъ, вѣроятно, изъ прибрежной генуэзской области Ривьеры, былъ уроженцемъ или самого города Генуи или мѣстечка Кастильоне. Въ половинѣ XV столѣтія, не позже во всякомъ случаѣ 1460 г., переселился онъ въ Венецію и тамъ основалъ свой домашній очагъ, женившись на венеціанкѣ, отъ которой родились три сына, въ числѣ которыхъ знаменитый впослѣдствіи Себастьянъ. Вскорѣ, однако, взоры новаго венеціанскаго гражданина, чувствовавшаго неотразимое призваніе къ мореплаванію, устремились въ даль. Тогда Венеція имѣла еще столь оживленныя торговныя сношенія съ Англіею, что англійскіе купцы переселялись въ Венецію и, наоборотъ, венеціанскіе въ Англію. Эти условія, а можетъ быть и влеченіе къ открытіямъ, лихорадочно охватившее весь конецъ XV столѣтія, какъ предвѣстникъ великихъ имѣющихъ совершиться событій, побудили Джіованни Каботу, въ 1477 г., перенести свое постоянное жилище изъ Венеціи въ Англію, которая начинала въ то время занимать первенствующее мѣсто между морскими государствами. По крайней мѣрѣ, мы видимъ Джіованни Каботу, со всѣмъ своимъ семействомъ, водворившимся въ Бристоль, подъ англійскимъ именемъ Джона Каботы. Этотъ городъ крайняго запада Европы, тогда второй всего государства, имѣлъ въ то время самыя оживленныя торговныя сношенія съ Исландіею. Джонъ Каботъ, по прибытіи въ Бристоль, вскорѣ, безъ сомнѣнія, занялся этою прибыльною торговлею; нѣкоторые увѣряютъ, что онъ былъ главнымъ посредникомъ для сбыта тозаровъ исландскаго рынка. Хотя и очень вѣроятно, что Каботъ былъ въ Исландіи, но исторически этого доказать нельзя, и еще менѣе можно доказать, что онъ это сдѣлалъ въ сопровожденіи своего друга Колона, какъ увѣряютъ нѣкоторые²⁾. Что этотъ знаменитый мореплатель былъ на сѣверѣ, — не подлежитъ ни какому сомнѣнію, такъ какъ онъ самъ рассказываетъ, что онъ въ февралѣ 1477 г. болѣе чѣмъ на сто испанскихъ миль былъ сѣвернѣе Исландіи (Тиле). Кристоаль Колонъ къ этому ошибочно добавляетъ, что южный берегъ этого острова, который больше Англіи, лежитъ не подъ 63°, а подъ 73° сѣв. шир. и по ту сторону перваго меридіана Птолемея, который звалъ другое Тиле (Туле) подъ 63° сѣвер. шир., извѣстно: нынѣ подъ названіемъ Фризланда. Какъ рѣдкое,

¹⁾ Все, что извѣстно объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ, я подвергъ критическому разбору и полученный мною выводъ изложилъ въ моемъ сочиненіи: „Sebastian Kabot“. Berlin 1871 г. 8°

²⁾ Такъ, напримѣръ, въ прекрасномъ новомъ сочиненіи для юношества г. Альбрехта: „Die Eroberung des Nordpols. Schilderung der Forschungsreisen vom Sechzehnten bis zum Neunzehnten Jahrhundert“. Der Jugend erzählt Leipzig und Berlin. 1879 8° стр. 9.

почти небывалое метеорологическое явленіе, океанъ въ ту зиму случайно не былъ покрытъ льдами ¹⁾ Едва-ли только-что переселившийся въ 1477 г. въ Бристоль Джонъ Каботъ могъ участвовать въ плаваніи съ путешественниками, которые въ февралѣ того года уже были съвернѣе Исландіи. Съ другой стороны, не невозможно, что онъ позже тамъ былъ, или же, по крайней мѣрѣ, непосредственно оттуда получилъ свѣдѣнія о сѣверѣ и о покрытомъ, мракомъ путешествіи поляка Іоанна Колно, посѣтившаго полярныя страны не задолго передъ тѣмъ въ 1476 году. Можетъ быть, онъ даже успѣлъ узнать о давно прошедшемъ открытіи норманнами хваленой страны винъ въ Америкѣ, такъ какъ воспоминаніе о нихъ на этомъ островѣ до сихъ поръ еще сохранилось во всей свѣжести. Въ сѣверныхъ сагахъ прибрежныя страны Сѣверной Америки называются: Геллуландъ, Меркландъ и Винландъ. По понятіямъ Кабота и его современниковъ, эти страны составляли восточную окраину Азіи, или побережье такъ называемой Тартаріи, вдоль котораго, по направленію къ югу, неминуемо слѣдовало попасть въ небесное государство великихъ хановъ, въ усердно отыскиваемую страну Хатай. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ плаванія въ Исландію были въ связи съ первыми попытками, направленными для открытій на дальнемъ западѣ. Джонъ Каботъ, кажется, самъ былъ въ 1480 году начальникомъ рекогносцировочной экспедиціи по Атлантическому океану. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что онъ около 1490 года пускался въ плаванія для отысканія „острова Бразилія и его семи городовъ“, слѣдовательно до перваго плаванія Колона. Эти раннія попытки, однако, повидимому были безуспѣшны; только 24 іюня 1494 впервые увидали землю, которую открыватели называли Terra de prima Vista и это вѣроятно былъ берегъ Лабрадора. При второмъ лишь плаваніи на кораблѣ „Матвѣй“, въ 1497 году Джонъ Каботъ, сопровождаемый своимъ сыномъ Себастіаномъ, дѣйствительно нашелъ Сѣверную Америку. Вступили они на этотъ материкъ четырнадцатью мѣсяцами раньше, чѣмъ ихъ соотечественникъ Колонъ! ²⁾

¹⁾ Пешель „Die Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen“. стр. 79, втор. изд.

²⁾ Луціано Кордейро, къ сожалѣнію, оставившій безъ вниманія всѣ германскіе труды объ этомъ вопросѣ, въ своемъ интересномъ сочиненіи: „De la part prise par les Portugais dans la decouverte de l'Amerique“. Lisbonne 1876, 8°, старается умалить заслуги Каботовъ, даже оспариваетъ существованіе ихъ путешествій въ пользу путешествій Кортеріала. Благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, въ особенности д'Авезака („Les navigations terre-neuviennes de Jean et Sebastien Cabot“. Pares 1869.8°), впервые распутавшаго хронологію путешествій Каботовъ, исторія этихъ плаваній покоится теперь на историческихъ прочныхъ осно-

Двадцатипятилѣтнему сыну ¹⁾ Джона, Себастьяну Каботу, суждено было идти по слѣдамъ своего отца, умершаго, какъ кажется, въ первыхъ мѣсяцахъ 1498 года; по крайней мѣрѣ Себастьянъ Каботъ одинъ стоялъ во главѣ экспедиціи 1498 года. Себастьянъ Каботъ, въ сопровожденіи 300 человекъ, въ началѣ лѣта 1498 г. вышелъ изъ порта Бристоль на пяти судахъ, снабженныхъ запасами на годовое плаваніе, съ явнымъ намѣреніемъ колонизаціи. Буря принудила одно судно возвратиться въ Гренландію, остальные продолжали путь и подъ 45° сѣв. широты увидали берегъ Америки гораздо раньше, чѣмъ ожидали. Отсюда Каботъ пошелъ вдоль берега къ сѣверу до 55, 56 или 58° сѣв. шир. ²⁾, гдѣ онъ поворачиваетъ къ востоку. Хотя это было въ іюлѣ, но они уже встрѣтили такія массы пловучаго льда, что Каботъ былъ вынужденъ вернуться. Онъ присталъ къ большому острову, нынѣшнему Ньюфаундленду, который открыватель называлъ „Terre de Basalao“, т. е. Тресковымъ островомъ, по изобилію этой рыбы въ тамошнемъ морѣ ³⁾. На этомъ замѣчательномъ тресковомъ берегу, дѣйствительно, были устроены поселенія, которыя, впрочемъ, имѣли печальный конецъ, такъ какъ всѣ поселенцы безъ исключенія погибли отъ голода. Продолжая плаваніе къ югу вдоль американскаго берега, Каботъ дошелъ до широты Гибралтарскаго пролива, слѣдо-

ваніяхъ, такъ что попытка Кордейро, не обратившаго вниманія на историческія данныя, не можетъ имѣть никакого значенія. Всѣ источники, пригодные для исторіи путешествій Каботовъ, я перечислилъ въ моей выше уже упомянутой монографіи.

¹⁾ Луціанъ Кордейро на стр. 74 говоритъ: «il est certain que Sébastien Cabot naquit en 1478...» Это положительно ошибочно, такъ какъ невозможно опредѣлить годъ его рожденія. Между тѣмъ не ошибемся, если 1472 или 1473 годъ примемъ за годъ его рожденія, такъ какъ это вполне согласуется со всѣмъ, что мы знаемъ о его лѣтахъ.

²⁾ Въ статьѣ: «Arctis Discovery», помѣщенной въ «American Cyclopedia» New-York. изд. D. Appleton, т. I ст. 668 это путешествіе смѣшано съ плаваніемъ 1497 г. и отмѣчено, будто они достигли 67° 30' сѣв. шир. Что это не опечатка, явствуетъ изъ прибавленныхъ къ тому словъ: «that is to say about half way up Davis Strait». Это положительно ошибочно по отношенію къ этому плаванію: оно скорѣе должно быть отнесено къ арктическому путешествію 1517 г.

³⁾ Заслуживающій довѣрія Піетро Мартиръ д'Ангьера утверждаетъ, что Каботъ встрѣтилъ у мѣстныхъ жителей выраженіе бакалао—«Kabliau» — для обозначенія рыбы трески. Если это такъ, то это служитъ поразительнымъ доказательствомъ, что норманны прежде когда-то были у этого побережья. Эскимосы, заимствовавъ это слово у германцевъ, переименовали его при новыхъ открывателяхъ по-романскому. Романское слово basalao (этого слова нѣтъ въ древнеиспанскомъ языкѣ, равно какъ и нѣтъ въ древне-португальскомъ языкѣ однозвучащаго basalhao) есть ничто иное, какъ перестановленіе буквъ германскаго слова, встрѣчаемаго во фландрскихъ рукописяхъ первой половины двѣнадцатаго столѣтія (по-нидерландски Kabeljauw). Это переставленіе является даже въ ниже-германскомъ языкѣ, Bakkeljan.

вательно до нынѣшней сѣверной Каролины или же до Флориды, какъ другіе полагаютъ. По недостатку продовольственныхъ припасовъ, онъ былъ вынужденъ вернуться въ Англію, гдѣ его ожидали въ октябрѣ, между тѣмъ онъ въ концѣ октября еще не прибылъ.

Мы узнаемъ отъ самого Кабота ¹⁾, хотя и не непосредственно, что онъ одинъ изъ первыхъ, а можетъ быть и первый возымѣлъ мысль о сѣверозападномъ проходѣ, дѣйствительное существованіе котораго удалось опредѣлить только въ половинѣ нынѣшняго столѣтія. Отыскивая путь въ Хатай, Каботъ, какъ математикъ, могъ себѣ сказать, что переходъ туда подъ сѣвернѣйшею широтою долженъ быть короче. Въ Англіи всегда сознавали возможность такого пути сообщенія съ Тихимъ океаномъ. Поэтому мы видимъ, что Каботъ во главѣ эскадры, раннею весною 1577 года ²⁾ выходитъ изъ Англіи, къ сожалѣнію, слишкомъ рано для арктической экспедиціи, а именно до 22 апрѣля. Вдоль берега Лабрадора онъ держалъ на сѣверо-западъ. Тамъ, подъ 60° сѣв. шир., дни уже были осемнадцатичасовые, иначе очень свѣтлые, температура очень низкая, много пловучаго льда, но лодъ не доставалъ дна, при длинѣ 182 метровъ. Затѣмъ, между 61° и 64° сѣв. шир. при 60° запад. долготы отъ Гринича, вошелъ онъ въ какой то проливъ, имѣвшій 10 градусовъ протяженія къ западу и расширявшійся къ югу. Этотъ проливъ отмѣченъ на картѣ, составленной самимъ Каботомъ. Это подробное описаніе, не смотря на то, что къ долготѣ, тамъ указанной, нельзя относиться съ довѣріемъ, не оставляетъ сомнѣнія, что Каботъ—настоящій открыватель Гудсонова пролива и проникъ на западъ до Гудсонова залива. Говорятъ даже, что онъ въ заливѣ нѣкоторымъ мѣстамъ

¹⁾ Въ Каффѣ, около Вероны, на явилъ своего друга, извѣстнаго итальянскаго поэта Геронима Фракастеро, прилежный собиратель описаній путешествій Рамузіо слышалъ въ 1547 или 1548 году, какъ рассказывали о разговорѣ, который Себастьянъ Каботъ имѣлъ въ Севильѣ съ какимъ-то господиномъ, имя котораго тщательно скрывалось. Въ этомъ разговорѣ Каботъ ясно выражалъ мысль о сѣверозападномъ проходѣ.

²⁾ Сочинитель статьи «Каботъ» въ American «Cyclopedia» т. III стр. 530, который имѣлъ случай, по его словамъ, воспользоваться еще нѣкоторыми неизвѣстными публикѣ рукописями, какимъ-то страннымъ образомъ вовсе не упоминаетъ объ этомъ плаваніи. Луціано Кордейро, въ свою очередь, такъ несвѣдуешь въ вопросѣ о путешествіяхъ Кабота, что онъ пишетъ: «après le voyage supposé de 1496, le premier voyage de quelque importance qu'on attribue à Sebastien Cabot est celui de 1516 ou 1517, c'est dire vingt-et-un ans après, voyage qu'il entreprit, non pour vérifier la découverte antérieure ni dans la même direction, mais pour visiter les terres découvertes depuis longtemps dans le sud». (!!). Только въ 1530 году, по его мнѣнію, Каботъ отправляется въ Ледовитое море, что, безъ сомнѣнія, именно путешествіе 1517 г., такъ какъ послѣ этого Каботъ болѣе не былъ на сѣверѣ.

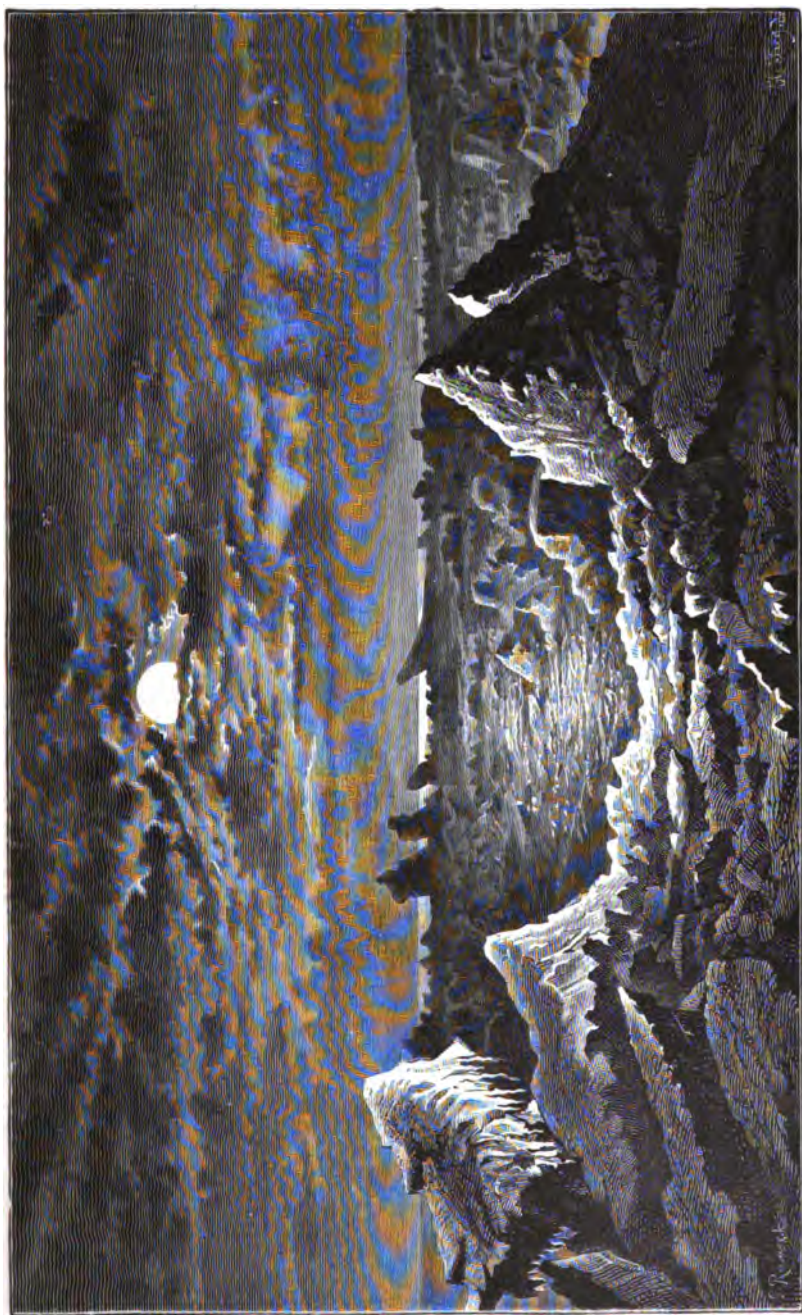
«Въ обл. вѣчн. льда».

дать англійскія названія. Такъ какъ 11 іюля море еще было открыто, то онъ навѣрное дошелъ бы до Хатая, если бы въ этомъ не помѣшали ему возмущеніе боцмана и всего экипажа. Трудно опредѣлить мѣсто, съ котораго Каботъ былъ вынужденъ повернуть обратно въ тотъ моментъ, когда онъ вопросъ о проходѣ въ Тихій океанъ считалъ уже разрѣшеннымъ. Мы знаемъ, что онъ проникъ до $67^{\circ} 30'$ сѣв. широты, нѣкоторые полагаютъ даже до 68° . Въ такомъ случаѣ, сообразуясь съ нынѣшнею усовершенствованною картою арктическихъ странъ, онъ, должно быть, прошелъ каналъ Фокса и оттуда повернулъ назадъ въ Англію.

Хотя Каботъ и не прошелъ до Хатая и такимъ образомъ цѣли своей не достигъ, тѣмъ не менѣе его открытія имѣютъ немалое значеніе. Со временъ норманновъ, пять сотъ лѣтъ спустя, онъ первый открылъ материкъ Америки и первый дерзнулъ приблизиться къ Ледовитому океану. Его открытія вызвали экспедиціи и такимъ образомъ онъ сдѣлался, такъ сказать, основателемъ путешествій къ сѣверному полюсу. При смерти его утѣшала мысль, что онъ проложилъ путь къ обширной отрасли промышленности на сѣверномъ океанѣ,—къ китоловству. Когда умеръ этотъ великій мореплаватель и гдѣ похороненъ—мы не знаемъ. Вѣроятно въ Лондонѣ въ 1557 году. „Заслуги мореплавателя начала шестнадцатаго столѣтія если составляютъ предметъ справедливаго удивленія, тѣмъ прискорбнѣе, что жизнь смѣлаго изслѣдователя покрыта мракомъ неизвѣстности и предана забвенію, тогда какъ имена меньшихъ его преемниковъ Фробिशера и Гудсона увѣнчаны безсмертіемъ. Между всѣми открывателями того знаменательнаго вѣка Каботъ, по самобытности его предпріятій, безусловно долженъ считаться первымъ послѣ Христофора Колумба, на котораго онъ также болѣе всѣхъ походилъ по проникательности своего наблюдательнаго ума. Каботъ былъ основателемъ владычества Англіи на моряхъ и проложилъ путь ко всѣмъ тѣмъ усовершенствованіямъ, которыя причиною того, что Альбіонъ такъ великъ, такъ богатъ, такъ цвѣтущъ!.. На его открытіяхъ основаны права Британіи относительно Новаго Свѣта. Онъ подарилъ Англіи цѣлый материкъ, между тѣмъ никто не можетъ указать то небольшое мѣстечко, которымъ ему предоставлено было пользоваться въ его второмъ отечествѣ для вѣчнаго покоя...

Еще при жизни Себастіана Кабота португальцы и французы плавали по посѣщеннымъ имъ мѣстамъ для дальнѣйшихъ открытій. Первымъ явился португальскій флагъ на сѣверо-западѣ Атлантическаго океана. Впрочемъ говорить, будто еще до 1464 года, слѣдовательно еще за долго до старшаго Кабота и даже до таинственнаго плаванія полка Іоанна Колно, португальскій дворя-

На границѣ вѣчнаго льда.

нинъ Гозо-Ва-Картереаль ¹⁾ открылъ какой-то тресковый берегъ (Терра до басалhao). Въ награду за это ему вмѣстѣ съ Альваро Мартинъ Гоменъ былъ пожалованъ Азорскій островъ Терцера, гдѣ въ то время именно скончался прежній намѣстникъ. Названіе этого берега во всякомъ случаѣ возникло лишь послѣ плаваній Кабота и если Картереаль дѣйствительно до 1464 года былъ на какомъ-то тресковомъ берегу, что очень вѣроятно, хотя фактически не доказано ²⁾, что, по тогдашнему времени, подъ этимъ ничто иное нельзя разумѣть, какъ Исландію ³⁾, гдѣ на первыхъ порахъ послѣ заселенія, треска замѣняла деньги, подобно тому, какъ табакъ въ Виргиніи. По всей вѣроятности, во второй половинѣ пятнадцатаго столѣтія, когда предположенія о существованіи заморскихъ странъ стали подтверждаться, корабли всѣхъ народовъ-мореплавателей Европы начали безотчетно кружить по Атлантическому океану, и при этомъ очень можетъ быть, что то или другое судно натыкалось на неизвѣстные до тѣхъ поръ берега. Только этимъ, и ничѣмъ болѣе, нельзя подкрѣпить преданіе о плаваніи Картереала. Кто первый и дальше всѣхъ проникъ въ мракъ сѣвера, едва-ли когда нибудъ разъяснится, да оно и совершенно безразлично, такъ какъ эти открытія недовольно значительны, чтобы заслуживали какого либо вниманія. Въ противномъ случаѣ онѣ произвели бы такое же впечатлѣніе, какъ позднѣйшія плаванія, предпріятыя съ опредѣленною цѣлью открытія. Что за симъ касается Картерсала, то только то несомнѣнно, что лѣтомъ 1500 года сынъ вышеупомянутаго мореплавателя, Гаспаръ Картереаль, вышелъ въ море изъ Лиссабона для отысканія земли на сѣверо-западѣ. На крайнемъ сѣверѣ онъ открылъ землю, которую назвалъ Terra verte. Это было ничто иное, какъ Гренландія. „Тамъ онъ имѣлъ сношенія съ эскимосами, или съ людьми небольшого роста, краснокожими, одѣтыми въ звѣриныя шкуры, стрѣляющими лукомъ, ревнующими своихъ женъ и живущими въ землянкахъ или пещерахъ.

¹⁾ Онъ былъ незаконнорожденный сынъ дворянина Васко Аннесъ-да-Коста, который, по причинѣ хвастливой роскоши его дома и его прислалъ королю Португаліи, въ насмѣшку былъ названъ Картерсаль.

²⁾ Л. Кордейро старается сколь возможно болѣе вѣроятія придать этому плаванію, такъ какъ такимъ образомъ слава открытія Америки принадлежала бы его соотечественникамъ, португальцамъ. Но и онъ никакого доказательства не можетъ привести.

³⁾ Въ своей «Исторіи вѣка открытій», изданной въ 1858 г., стр. 330, Пешель еще полагаетъ, что тресковый берегъ, посѣщенный Картереалемъ, есть нынѣшній Лабрадоръ. Въ изданной же имъ въ 1865 году исторіи землевѣдѣнія онъ признаетъ уже, что это Исландія, къ каковому мнѣнію я тѣмъ охотнѣе присоединяюсь, что такой знатокъ, какъ Софъ-Руге во второмъ изданіи этой книги удерживаетъ это воззрѣніе.

Далеко ли онъ прошелъ по восточному берегу Гренландіи—съ точностью опредѣлить нельзя, потому что опредѣленіе широтъ на всѣхъ древнихъ картахъ, на которыхъ обозначены названія мѣстъ до 72° сѣв. шир., не заслуживаютъ довѣрія“¹⁾. Въ слѣдующемъ году, вышедши 15 мая изъ Лиссабона, на двухъ каравелахъ²⁾, онъ держалъ курсъ на нордвестъ-инвестъ и попалъ на западный берегъ острова Ньюфаундленда, открытаго три года передъ симъ, Каботомъ. Здѣсь онъ нашелъ огромное количество пристанищъ для рыболовства. Потомъ онъ плылъ въ сѣверо-западномъ направленіи вдоль берега, несправедливо имъ названнаго Terra del lavorado, т. е. рабочею или пахотною землею, откуда и произошло нынѣшнее его названіе Лабрадоръ. Вдоль этого покрытаго дѣвственными хвойными лѣсами берега, Кортереаль проплылъ 750—1150 кл., не находя ему конца до 55° сѣв. шир. Отсюда онъ охотно посѣтилъ бы видѣнную имъ въ предшествовавшемъ году Гренландію, но ему помѣшали массы пловучаго льда, направляющіяся лѣтомъ изъ Дэвисова пролива къ югу. Онъ, однако, успѣлъ еще проникнуть до сѣверной оконечности Лабрадора подъ 60° сѣв. шир., гдѣ уже Каботъ до него былъ. Здѣсь онъ увидалъ обширный заливъ, названный имъ Аніановымъ проливомъ³⁾. Очевидно, то былъ Гудсоновъ проливъ⁴⁾. 8-го октября одна изъ каравель вернулась въ Лиссабонъ. Такъ какъ вторая каравела, на которой находился самъ Гаспаръ Кортереаль съ пятьюдесятью плѣнниками изъ мѣстныхъ жителей, не вернулась, то братъ Гаспара, Мигуэль, 10 мая 1502 г. вновь вышелъ въ море на двухъ каравелахъ для поиска пропавшаго. Но ни онъ, ни отправившіяся для отысканія его суда не возвратились въ отечество. Поэтому король Эммануиль снарядилъ въ 1503 г. на свой счетъ два корабля для отысканія

¹⁾ Пешель «Zeitalter der Entdeckungen». Изд. втор., стр. 260.

²⁾ Carabela, слово испанское, значить очень большая корзина. Сначала имъ обозначали простыя полубарки, но съ теченіемъ времени это названіе перенесено также на суда большаго размѣра. Каравелы были о четырехъ мачтахъ, на ногу дѣлъ съ прямыми парусами, на кормѣ двѣ же съ косыми такъ называемыми латинскими парусами. Съ этимъ вооруженіемъ каравелы могли маневрировать на всѣ лады.

³⁾ Вслѣдствіи подъ Аніановымъ проливомъ разумѣли сѣверо-западный проходъ, но названіе его объясняется однимъ мѣстомъ изъ сочиненія Марко Поло. Земля Анія Марко Поло, безъ сомнѣній, нынѣшній Аннамъ въ задней Индіи, но голландскіе составители картъ искали Анно на сѣверо-востокъ Азіи и называли предполагаемое ямя между Азією и Америкою пространство Аніановымъ проливомъ. По изысканіямъ Софа Руге, названіе Streto de Aniau встрѣчается уже на картѣ Болоннина Сальтерія 1566 г. хранящейся въ германскомъ музеумѣ въ Нюрнбергѣ.

⁴⁾ Такъ полагаетъ Vivien de Saint-Martin въ своей Histoire de la Geographie. Paris 1873. 8-о стр. 360; онъ, впрочемъ, относитъ это открытіе къ 1500 году.

потерявшихся полярныхъ плавателей, но всѣ поиски были тщетны и безуспѣшны.

Открытія Кортереала не имѣли ни какихъ политическихъ послѣдствій для португальцевъ. Въ шестнадцатомъ столѣтіи они только усердно пользовались богатыми рыбными ловлями у береговъ Ньюфаундленда. Есть сильныя доказательства, что ловъ рыбы у этихъ береговъ начался еще въ 1504 году, и утвердительно можно сказать, что въ 1517 г., т. е. въ томъ же самомъ, въ которомъ Себастьянъ Каботъ отправился въ свое знаменитое полярное плаваніе, пятьдесятъ португальскихъ, французскихъ и кастильскихъ судовъ одновременно занимались тамъ рыболовствомъ. Между тѣмъ 3 августа 1527 г. одиннадцать норманскихъ, одно британское и два португальскихъ рыболовныхъ судна встрѣтились въ заливѣ Сенъ-Жуанъ ¹⁾. Сосѣдній островъ Капъ-Бретонъ названіемъ своимъ указываетъ на пребываніе тамъ тогда еще Бретанцевъ. Понятно, что вмѣстѣ съ развитіемъ рыболовства у береговъ Ньюфаундлендскихъ, расширилось и знакомство съ сѣверо-западнымъ побережьемъ Сѣверной Америки. Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ преимущественно принимали участіе французы, въ особенности жители Бретани и Нормандіи; Діестъ, Руанъ и Сенъ-Мало были исходными точками бѣльшей части плаваній къ сѣверу Америки. Но такъ какъ поприще ихъ дѣятельности лежитъ не въ предѣлахъ арктической области, хотя и у самого порога ея, то я ограничусь сообщеніемъ только тѣхъ данныхъ, которыя необходимы для разъясненій общаго хода развиваемаго нами вопроса. Еще въ 1506 году какой то Жанъ-Денисъ изъ Гонфлѣра, со штурманомъ Комаромъ или Камаромъ изъ Руана обслѣдовали заливъ Св. Лаврентія, сняли карту мѣстности и по возвращеніи издали довольно подробное описаніе края и мѣстнаго рыболовства. Два года спустя за ними послѣдовали Тома Оберъ или Губертъ ²⁾ изъ Діенна на кораблѣ „la Pensée“. Въ 1518 году баронъ Лэри сдѣлалъ неудачную попытку устроить поселеніе на островѣ Песчаномъ ³⁾ (Сабель-Исландъ); тамъ остался только привезенный имъ

¹⁾ Францъ Паркманъ: «Die Pioniere Frankreichs in der Neuen Welt», нѣмецкій переводъ Фр. Каппа. Штутгартъ, 1875 8°, стр. 2.

²⁾ Адрианъ Денре въ своемъ сочиненіи «Les voyageurs au pôle Nord depuis les premières expéditions scandinaves jusqu'à celle de M. Gustave Lambert.» Paris 1868, 8°, стр. 24, называетъ этого Обера братомъ Жака Картье; онъ говоритъ о братьяхъ Оберъ и Жакъ Картье. Тоже самое встрѣчается у Джона Росса, который, въ спискѣ полярныхъ путешественниковъ, въ предисловіи къ своему сочиненію о своемъ второмъ плаваніи Якова и Альбрехта Картье вмѣстѣ относитъ къ 1508—1535 годамъ. Тщетно старался я отыскать основанія этого родства.

³⁾ Островъ этотъ лежитъ въ 126 километр. отъ мыса того-же названія, на

скоть и расплодился. „Едва только успѣлъ корабль «Викторія» въ 1523 г. привезти въ Европу вѣсть объ открытіи Магелланова пролива, какъ уже было заявлено предположеніе, что если природа соблюла въ мірозданіи извѣстную симметрію, то на сѣверѣ точно такъ же, какъ на югѣ, долженъ быть проходъ въ Тихій океанъ, въ особенности если принять въ соображеніе удобство, необходимое для европейской торговли. Увлеченный такими соображеніями король Франціи Францъ I снарядилъ въ 1523-же году экспедицію изъ четырехъ кораблей подъ начальствомъ флорентинца Веррацано ¹⁾, но она не имѣла успѣха. Экспедиція слѣдующаго года на одномъ только кораблѣ была счастливѣе, — ей удалось обслѣдовать побережье новаго заатлантического материка отъ 34^е сѣв. шир. въ южной Каролинѣ до Ньюфаундленда. Во время этого плаванія, вѣроятно, Веррацано впервые увидалъ рѣку Гудсонъ ²⁾; Лаврентьева пролива онъ не замѣтилъ ³⁾. Въ послѣднее время была сдѣлана попытка представить путешествіе Веррацано вымысломъ ⁴⁾, но ученому Ричарду Майеру не трудно было это опровергнуть ⁵⁾. Мысль о сѣверо-западномъ проходѣ, занимавшая уже экспедицію Кабота въ 1517 г., водворилась теперь еще съ большею силою. Въ 1525 году испанцы поручили изслѣдованіе сѣверо-американскихъ береговъ португальскому перебѣжчику Эстевану Гоменецъ, но единственнымъ результатомъ этого предпріятія была новая карта нынѣшнихъ ново-англійскихъ владѣній до залива Фунди.

Большее значеніе имѣютъ путешествія бретанскаго мореплавателя Жака-Картье (род. 31 декабря 1495 г. въ Сентъ-Мало, ум. около 1555 г.). По порученію адмирала Филиппа Бріонъ-Шабо, съ воодушевленіемъ слѣдившаго за всѣми заморскими открытіями, Жакъ-Картье отправился 20 апрѣля 1534 г. изъ своего роднаго города въ Ньюфаундлендъ, прошелъ узкій проливъ Бель-Иль, между Ньюфаундлендомъ и Лабрадоромъ, пересѣкъ поперегъ заливъ Св. Лаврентія, открывателемъ котораго онъ и считается, во-

---

южной оконечности Новой Скотіи и извѣстенъ тѣмъ, что около него часто разбивались суда.

¹⁾ Джіованни-де-Веррацано происходитъ изъ древней флорентинской фамиліи, имена которой прославились въ исторіи этого государства; послѣдній потомокъ ея скончался въ 1819 г.

²⁾ П е ш е л ь «Geschichte der Erdkunde», втор. изд. стр. 292.

³⁾ Довольно отчетливое описаніе путешествія Веррацано можно читать въ сочиненіи «Паркмана»: «Die Pioniere Frankreichs in der Neuen Welt», стр. 5—9.

⁴⁾ Въ книгѣ американца Генри Мурфи: «The voyage of Verrazzano, a chapter in the early history of maritime discovery in America New-York», 1875 8°.

⁵⁾ Въ «Geographical Magazine» 1876 стр. 186—188.

шелъ въ заливъ Жаркій и водрузилъ крестъ въ бухтѣ Гаске, которую онъ ошибочно считалъ устьемъ великой рѣки. Такъ какъ онъ былъ твердо убѣжденъ, что находится на пути въ Хатай, то онъ поплылъ вверхъ по заливу Св. Лаврентія до тѣхъ поръ, пока не увидалъ передъ собою острова Настикотексъ, нынѣ называемый Антикости. Осеннія бури вынудили его отсюда вернуться во Францію. Уже 19-го мая слѣдующаго 1535 года Картье отправился опять въ заливъ Св. Лаврентія на трехъ корабляхъ, въ сопровожденіи Клода-де-Понбріана, Шарла-де-ла-Поммерея и другихъ дворянъ. Съ острова Антикости онъ поплылъ вверхъ по теченію рѣки Лаврентія до нынѣшняго города Монреаля. 5-го октября онъ повернулъ назадъ и перезимовалъ въ устьяхъ рѣки. С.-Чарльса, около нынѣшняго Квебека. Здѣсь все общество испытало суровость канадской зимы, развилась между ними цынга, которая многихъ похитила. Наконецъ, 16 іюля 1536 г. Картье опять бросилъ якорь подъ стѣнами Сенъ-Мало. Третье путешествіе, которое Картье предпринялъ къ вновь открытымъ мѣстамъ 23 мая 1541 г., имѣло цѣлью основать тамъ колонію, вице-королемъ и наместникомъ которой былъ назначенъ Жанъ Франсуа де-ла-Рокъ Робервальскій. Это предпріятіе безусловно не удалось ¹⁾. Возвратившійся во Францію Картье въ 1543 г. предпринялъ четвертое путешествіе, чтобы перевезти обратно на родину остатки несчастной колоніи ²⁾. Такимъ образомъ Картье, отправившемуся было первоначально для отысканія сѣверо-западнаго прохода, суждено было принять во владѣніе Франціи страну и основать первую колонію тамъ, гдѣ впослѣдствіи разыгралась французско-американская драма. Около того же времени, въ 1542 году, испанецъ Мендоза Коронада также сдѣлалъ попытку отыскать сѣверо-западный проходъ, или, какъ тогда выражались, найти Аніановъ проливъ, но также безуспѣшно.

То были послѣднія экспедиціи того времени, которыя были снаряжены для открытія сѣверо-западнаго прохода другими націями Европы кромѣ англичанъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ, и англичане, со времени полярнаго плаванія Кабота, ничего болѣе не предпринимали въ теченіе шестидесяти лѣтъ. Джонъ Руттъ и Робертъ Тарне въ 1527 году, какъ говорятъ, вышли изъ Бристоля для открытія сѣвернаго полюса, но объ этихъ плаваніяхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Къ 1536 году слѣдуетъ отнести еще плаваніе двухъ кораблей „Тринити“ и „Миньонъ“, снаряженныхъ иждивеніемъ и подъ покровительствомъ

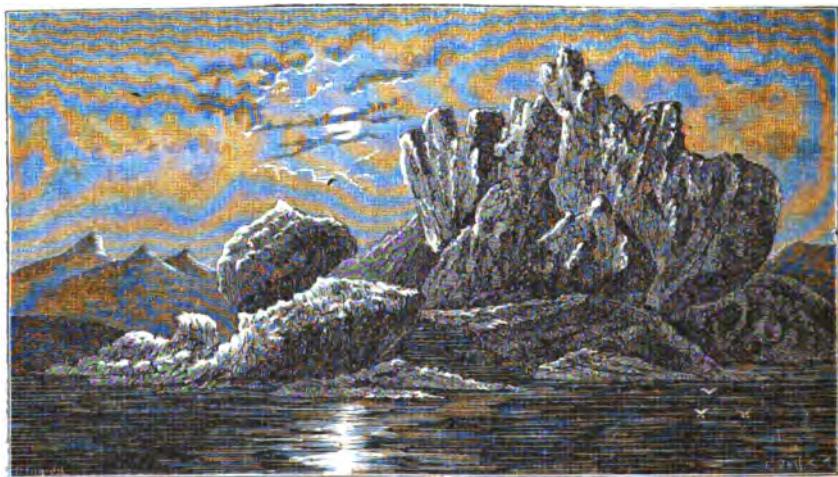
¹⁾ Паркманъ стр. 10—32.

²⁾ Vivien de S.-Martin. «Histoire de la geographie», стр. 375.

одного лондонскаго общества. Участвовавшій въ этомъ плаваніи лондонскій купецъ Давбенъ составилъ о немъ отчетъ ¹⁾. Послѣ этого всѣ предиріятія для изслѣдованія полярныхъ странъ приняли совершенно другое направленіе.

---

¹⁾ Краткое извлеченіе изъ него у Деппе: «Les voyageurs au pôle Nord». стр. 24—26.

Мысъ Гюркъ въ заливѣ Мельвила.

Казачья станция въ Сибири.

ПЕРВЫЯ ПОПЫТКИ ДЛЯ ОТКРЫТІЯ СЪВЕРО-ВОСТОЧНАГО ПРОХОДА.

ОКОЛО тридцати лѣтъ послѣ описанныхъ выше происшествій и за нѣсколько лѣтъ до смерти почтеннаго старца Себастьяна Кабота, блистательное имя этого отца полярныхъ изслѣдованій еще присоединилось къ дѣлу, которое занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи открытій. Британскіе купцы, изумленные тѣмъ, что англійскія произведенія сбывались на европейскихъ рынкахъ по сравнительно-низкимъ цѣнамъ въ то время, какъ, вслѣдствіе наплыва изъ Америки благородныхъ металловъ, цѣнность всѣхъ предметовъ возвысилась, основали въ 1553 году такъ называемое общество „искателей приключеній“, переименованное впослѣдствіи въ „Русское общество торговли“. Это общество, имѣвшее цѣлью изысканіе новыхъ заморскихъ путей и рынковъ для отечественныхъ товаровъ, было утверждено правительствомъ 6-го февраля 1555 г. въ „своихъ правахъ“, а старикъ Каботъ пожизненнымъ предсѣдателемъ его. Хотя онъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы самому выйти въ море и предпринять плаваніе, но онъ именно далъ совѣтъ обществу заняться отысканіемъ сѣвернаго пути сообщенія съ Китаемъ, того пути, который извѣстенъ подъ названіемъ Сѣвѣро-восточнаго прохода. Слѣдовательно, первоначальныя мысли объ обоихъ проходахъ зародились въ той же головѣ гениальнаго

отца полярныхъ изслѣдованій. Понятія Кабота о сѣверѣ Старо-Свѣта ограничились, вѣроятно, тѣмъ, что содержится въ описаніи Скандинавіи Олая Магнуса, архіепископа Упсальскаго, и въ картѣ Россіи, составленной барономъ Сигизмундомъ Герберштейномъ. Этотъ австрійскій дворянинъ (род. 23 авг. 1486 г. въ Виппахѣ въ Крайнѣ и умерш. въ Вѣнѣ 28 марта 1566 г.), съ малолѣтства знакомый съ славянскимъ нарѣчіемъ своей родины, долгое время (1517—1526—27) занималъ мѣсто императорскаго посла въ Россіи при дворѣ великаго князя Василія IV Ивановича (1505 — 1533), разумно правившаго обширнымъ государствомъ, освобожденнымъ отъ ига монгольскаго отцомъ его Іоанномъ III и имъ-же объединеннымъ. Герберштейнъ, скорѣе усвоившій себѣ русскій языкъ, первый составилъ болѣе вѣрную карту Россіи, съ указаніемъ истиннаго положенія Бѣлаго моря, которое до тѣхъ поръ считалось ошибочно внутреннимъ озеромъ, и направленія хребта Уральскаго, равно какъ и рѣкъ Мезени и Печоры. Описаніе сѣверныхъ странъ Россіи, мало извѣстныхъ тогда даже самимъ русскимъ, составленное Герберштейномъ, долгое время оставалось главнымъ сочиненіемъ о Россіи ¹⁾. Уже во времена Герберштейна внутреннія торговля сношенія простирались до рѣки Оби въ Западной Сибири. На основаніи разспросовъ, смѣтливый австрійскій географъ показалъ, что Иртышъ, впадая въ Обь, вытекаетъ изъ средне-азіатскаго озера, называемаго Китайскимъ ²⁾. Если бы удалось попасть изъ Европы моремъ въ Обь, то, полагали, вверхъ по Иртышу былъ-бы открытъ путь въ глубь Китая ³⁾. Эту идею схватилъ старецъ Каботъ. Инструкція, которая онъ далъ начальнику небольшой эскадры, снаряженной съ этою цѣлью русскимъ обществомъ торговли въ Лондонѣ, служить доказательствомъ его необыкновенной проницательности и и обширности его познаній ⁴⁾. Умирая, онъ имѣлъ утѣшительное

¹⁾ Подъ заглавіемъ: «*Rerum moscovitarum commentarii*»; Wien 1549.

²⁾ Это предположеніе совершенно вѣрное: Иртышъ, какъ извѣстно, протекаетъ черезъ большое озеро Зайсанъ, между Алтаемъ и Тарбогатаемъ по Джунгаріи и по западной граници Китая. Такъ какъ эта земля въ Средне-вѣка извѣстна была подъ названіемъ Хатай, по-русски нынѣ еще Китай, то Китайскъ значитъ просто «Китайское озеро», какъ и Ал. фонъ-Гумбольдтъ называлъ озеро Зайсанъ. Настоящее свое названіе оно получило впрочемъ только съ 1650 г. отъ калмыковъ. Монголы прежде его называли Кунъ-блоту-норъ, т. е. Озеро Колокольчиковъ.

³⁾ И это предположеніе теоретически совершенно правильно, ибо по Оби и Иртышу ходятъ пароходы, по послѣднему начиная съ озера Зайсана.

⁴⁾ Онъ рекомендуетъ употребленіе лога (инструмента для измѣренія быстроты корабля и число узловъ, пройденныхъ въ часъ) и требуетъ прежде всего, чтобы о всемъ происшедшемъ на морѣ былъ веденъ точнѣйшій дневникъ. Кроме того онъ настаиваетъ, чтобы всѣ свѣдѣнія о характерѣ, нравахъ, обычаяхъ и средствахъ

сознаніе, какъ мы уже упомянули, что открылъ новую отрасль промышленности и проложилъ ей путь черезъ сѣверныя моря.

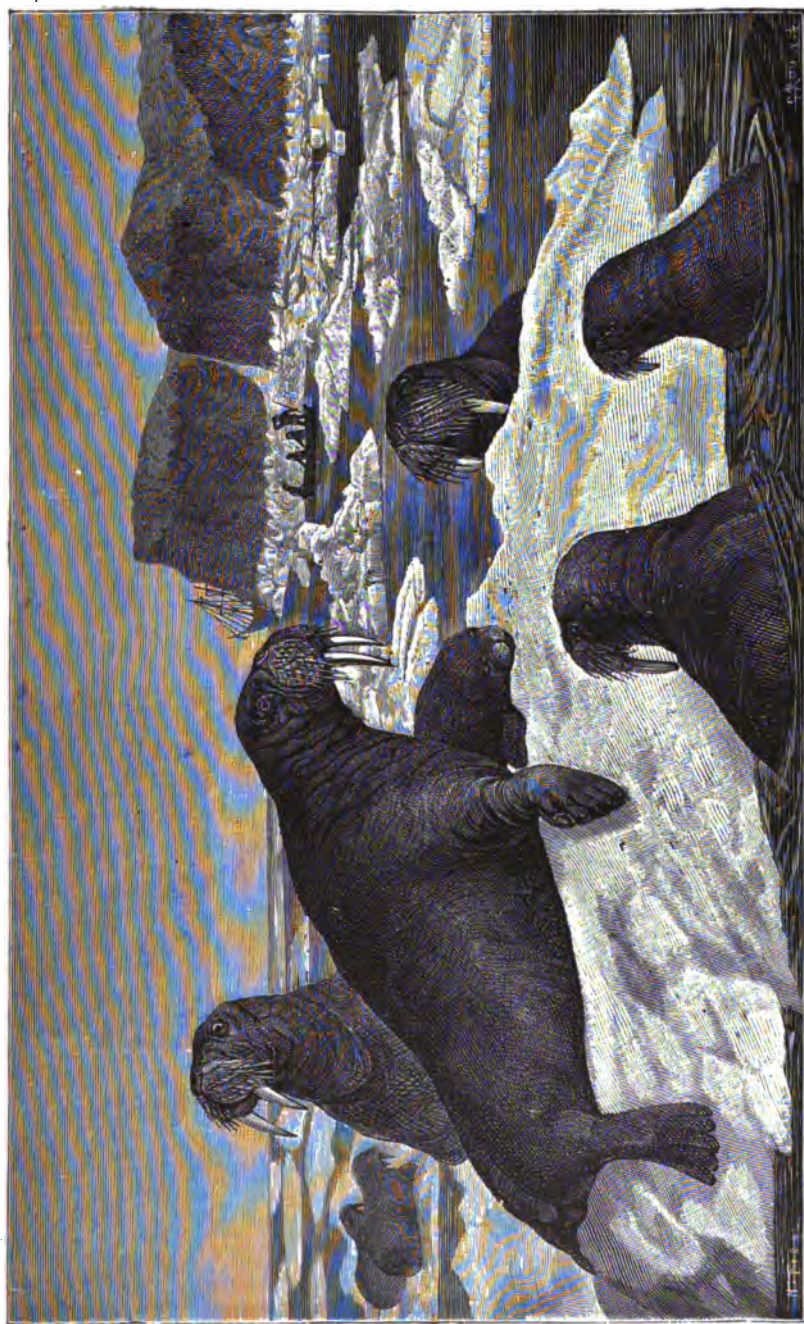
Первымъ дѣломъ новаго торговаго общества было—снарядить небольшую эскадру, состоящую изъ трехъ судовъ въ 150, 120 и 90 тоннъ, построенныхъ въ Депфордѣ собственно для полярныхъ плаваній. Первое „Буона-Сперанца“, подъ командою баронета сэра Гуго Виллоуби, неустрашимаго моряка и опытнаго воина; второе „Буона-Конфиденція“, подъ начальствомъ капитана Корвиля Дурфорта и, наконецъ, третье „Буона-Вентура“, подъ начальствомъ капитана Ричарда Чэнселлора, ловкаго моряка и личнаго друга Кабота; онъ былъ назначенъ старшимъ штурманомъ экспедиціи. Такеджный мастеръ „Буона-Вентуры“, Стефанъ Бурругъ, былъ образованный морякъ, которому суждено было еще нѣсколько разъ побывать въ сѣверныхъ моряхъ и, наконецъ, сдѣлаться главнымъ лоцманомъ Англіи. 10-го мая 1553 года всѣ три суда, подъ главнымъ начальствомъ Виллоуби, вышли изъ Гринича близъ Лондона въ присутствіи королевскаго двора и сопровождаемыя огромною массою народа. Полные радостной надежды, они пустились въ море, но слишкомъ скоро жестокая участь постигла большую часть изъ нихъ. Вардегусъ, небольшое прибрежное мѣстечко на сѣверо-востокѣ Финмарка подъ 70° 21' сѣв. шир. и 31° 7' вост. долготы отъ Гринича, былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ эскадры. Тамъ была королевская крѣпостца. До этого мѣста и не далѣе, къ востоку, за бурнымъ Нордкапомъ простирались тогда плаванія норвежскихъ рыбопромышленниковъ. Не достигши Вардегуса, близъ Лофоденскихъ острововъ, у норвежскаго берега, по ту сторону большаго острова „Сеньензъ“ страшный ураганъ отдѣлилъ „Буона-Вентуру“ отъ другихъ судовъ. Виллоуби съ двумя судами обогнулъ Нордкапъ и, проплывъ около 900 к. м. на сѣверо-востокъ отъ „Сеньензъ“, наткнулся 14-го августа подъ 72° сѣв. шир. на какой-то ледяной берегъ, вѣроятно Новую Землю. Надо полагать, что это была западнѣйшая часть этого острова, Гусиная земля, или такъ называемый „Гусиный Носъ“, который впослѣдствіи, въ честь своего открывателя, былъ также названъ Виллоубійскою землею, но это названіе рѣдко употребляется. Онъ, однако, не присталъ къ берегу, а повернулъ назадъ, не обследовавъ своего открытія. Приблизившись нѣсколько разъ къ сѣвернымъ берегамъ Россіи, онъ, наконецъ, 18-го сентября вошелъ въ устье отмелой рѣчки Варсины

къ жизни посѣщаемыхъ народовъ, а равно о произведеніяхъ и дѣйствительной силѣ иностранныхъ земель были въ точности записываемы. Наконецъ, онъ совѣтуетъ снисходительно и ласково относиться къ обитателямъ открываемыхъ странъ, что въ то время, разумѣется, рѣдко исполнялось.

(68° 23' сѣв. шир. и 38° 39' восточн. долг. отъ Грин.) у мыса Кегоръ или Кекуръ, на сѣверномъ берегу большаго Лапландскаго полуострова Колы. Тамъ застигла его и спутниковъ его съ двухъ судовъ ¹⁾, какъ и многихъ позднѣйшихъ полярныхъ плавателей, суровая сѣверная зима, и всѣ они, числомъ 64 человека, погибли отъ голода и болѣзни. Изъ найденной впоследствии записной книги видно, что Виллоуби въ январѣ 1554 г. еще живъ былъ. Были имъ сдѣланы попытки войти въ сообщеніе съ мѣстными жителями, лапландцами, но эти, по обыкновенію, съ приближеніемъ зимы удалились во внутрь страны. Такимъ образомъ первое извѣстное въ исторіи арктическихъ изслѣдованій перезимованіе кончилось гибелью всѣхъ, которые рѣшились на это смѣлое предпріятіе. Можетъ быть никогда ничего не узнали бы объ участіи Виллоуби, еслибы судно „Буона-Вентура“ съ Чанселлоромъ и Бурругомъ, послѣ того какъ они тщетно выжидали нѣсколько времени въ Вардегусѣ прибытія остальныхъ двухъ судовъ, и въ увѣренности, что они уже опередили его,—не продолжало благополучно свое плаваніе. Эти мореплаватели дали Нордкапу настоящее его названіе, считая себя его открывателями, и прошли изъ Вардегуса въ незнакомое тогда англичанамъ Бѣлое море, къ устьямъ Двины. Русскіе, не выдавшіе никогда судовъ большаго размѣра, были крайне удивлены, но приняли гостей съ свойственною имъ привѣтливостью. Чанселлоръ, узнавъ, что онъ здѣсь находится на крайнемъ предѣлѣ царства Московскаго, отправился въ Москву къ тогдашнему великому князю Іоанну IV Васильевичу Грозному, только что принявшему титулъ „царя“. Хотя царствованіе его подчасъ дѣйствительно было грозно, но въ общемъ итогъ оно было въ высшей степени благотвительно для культурнаго развитія Россіи и по пріемамъ, и средствамъ, къ которымъ прибѣгалъ этотъ царь, живо напоминаетъ короля Франціи Людовика XI. Отъ этого повелителя Россіи Чанселлоръ получилъ самыя выгодныя условія торговли для англійскаго флага, вслѣдствіе чего британская торговля въ Россіи дѣйствительно вскорѣ достигла полнѣйшаго процвѣтанія. Чанселлоръ продалъ свои товары въ Москвѣ съ большою выгодною, въ замѣнъ того принялъ грузъ пушнины, тюленьяго жиру, ворвани, мѣди и другихъ мѣстныхъ произведеній, и вернулся въ Англію съ письмомъ отъ царя. Прибыль, которую доставило это путешествіе обществу искателей приключеній, несмотря на неудачу Виллоуби, побудила ихъ отрядить второе плаваніе. Въ слѣдующемъ 1555 году Чанселлоръ опять поплыть въ Архангельскъ и привезъ съ собою двухъ агентовъ обще-

¹⁾ По другому варианту и судно Бона-Конфиденція было разлучено съ Виллоубіемъ и вернулось въ Англію.

Моржи на льду.

ства, которые заключили съ царемъ выгодный торговый договоръ. Отправляясь обратно въ Англію, Чанселлоръ взялъ съ собою посланника царя Іоанна къ великобританскому двору съ его свитою. Изъ четырехъ судовъ тогдашней его эскадры одно погибло у береговъ Норвегіи, другое при выходѣ изъ Тронтьема, а „Буона-Вентура“, на которой находились самъ Чанселлоръ и русскій посланникъ, потерпѣло крушеніе въ заливѣ Питслиго, на восточномъ берегу Шотландіи 10-го ноября 1556 г. Чанселлоръ утонулъ при этомъ, русскій посланникъ успѣлъ спастись, но подарки и товары, которые онъ везъ въ Англію, погибли.

Въ томъ же году Стефанъ Бурругъ былъ посланъ обществомъ „искателей приключеній“ на кругломъ снабженномъ парусами суднѣ „Search-Thrift“ (т. е. отыскатель наживы), для отысканія устьевъ рѣки Оби. Бурругъ оставилъ весьма подробный дневникъ своего плаванія. 9-го іюня 1556 года онъ встрѣтилъ у полуострова Колы множество мелкихъ судовъ большею частью о двадцати веслахъ или съ однимъ парусомъ, плоскодонныхъ ¹⁾, вышедшихъ изъ залива Мезени для лова моржей и лососей. Эти небольшія суда мѣстныхъ жителей шли на фордевиндъ и перегоняли судно Бурруга. Лопманъ одной изъ этихъ ладей держался съ привѣтливостью возлѣ самаго англійскаго судна и направилъ ее на востокъ, подаривъ Бурругу боченокъ меду. Такимъ образомъ, минуя мысъ Канинъ (подъ 68° 38' сѣв. шир. и 43° 31' вост. долг. отъ Грин.), сѣверо-восточную оконечность полуострова Канина, достигъ онъ 20-го іюля устья рѣки Печоры, а 25-го числа дошелъ до южной оконечности двойнаго острова Новой Земли въ Карскомъ проливѣ. Русскіе уже раньше знали гряду острововъ отъ Вайгача до Новой Земли, отдѣляющую Карское море отъ арктическаго океана. Съ тѣхъ поръ, какъ новгородцы проникли черезъ Уралъ въ Югрію, русскіе ходили туда на охоту и называли вновь открытую ими страну „Новою Землею“. Говорятъ даже, что мѣстные жители изъ устьевъ Двины моремъ доходили до устьевъ Оби. Изъ западно-европейцевъ Бурругъ, безспорно, первый вступилъ на Новую Землю. 31-го іюня онъ былъ на сосѣднемъ

---

¹⁾ Прибрежные жители Бѣлаго моря имѣютъ ладьи различныхъ величинъ: вооруженіе ихъ парусное, по наружному виду они похожи на морскія суда, иногда же просто галеоты или галеасы. Онѣ могутъ принять большой грузъ и такъ какъ онѣ плоскодонны, то сидятъ неглубоко въ водѣ и безъ опасности садятся на песчанныя отмели. Шнявы съ высокимъ форштевнемъ сидятъ только отъ 0,50 до 0,70 метра въ водѣ. Ихъ называютъ «раншьями», потому что онѣ раньше другихъ весною выходятъ въ море на рыболовство, а также «шитиками», потому что онѣ не скрѣплены желѣзными гвоздями, а какъ бы только сшиты деревянными. На нихъ отъ 4 до 6 чел. команды.

островъ Вайгачъ, такъ названномъ по своему открывателю изъ русскихъ. Здѣсь онъ познакомился съ самоѣдами и первый составилъ о нихъ описаніе. За симъ онъ открылъ Югорскій проливъ между материкомъ и островомъ Вайгачемъ, но не могъ его пройти въ Карское море изъ-за массы льдовъ, не смотря на то, что стоялъ тамъ на якорѣ до 20-го августа. Поэтому онъ рѣшился идти обратно, побуждаемый къ тому тремя причинами, какъ онъ пишетъ: во-первыхъ, тѣснимый постоянными сѣверными вѣтрами, во-вторыхъ, „изъ-за страшной массы льдовъ, которую онъ видѣлъ собственными глазами“, и, въ-третьихъ, потому, что ночи становились очень темны. 11-го сентября онъ пришелъ въ Архангельскъ. Тогда этотъ городъ, подъ названіемъ Холмогоръ, былъ уже виднымъ торговымъ пунктомъ сѣвера. Здѣсь онъ перезимовалъ.

Общество „искателей приключеній“, переименованное въ „Moscovy Company“, считало настоящее плаваніе Бурруга неудавшимся. Въ 1568 г.; оно поручило тремъ морякамъ—Басседину, Вудкоку и Брауну проникнуть черезъ открытый Бурругомъ проливъ до устьевъ Оби. Бурругъ снабдилъ ихъ подробными инструкціями, изъ которыхъ несомнѣнно можно заключить, что онъ открылъ самъ оба пролива, Югорскій и Карскій, что онъ встрѣтилъ массы плавающего льда „въ проливахъ по обѣ стороны острова Вайгача“. Объ участи и результатахъ этой третьей экспедиціи до насъ не дошло рѣшительно ни какихъ свѣдѣній и не осталось ни какихъ слѣдовъ. Не смотря на это, въ 1580 г. было предпринято четвертое плаваніе подъ командою смѣлыхъ и опытныхъ моряковъ Артура Пета и Чарльса Джакмана. Первый изъ нихъ былъ уже раньше въ экспедиціи Чанселлора и съ тѣхъ поръ командовалъ судномъ Московской компаніи, а Джакманъ былъ старшимъ лейтенантомъ на кораблѣ „The Ayde“ во второмъ плаваніи Фробिशера въ 1577 г. На двухъ маленькихъ судахъ „Джорджъ“ (40 тоннъ) и „Вильямъ“ (20 тоннъ) они должны были вновь отправиться для отысканія сѣверо-восточнаго прохода. Они имѣли лучшія карты тогдашняго времени и лучшіе знатоки землевѣдѣнія снабдили ихъ совѣтами и указаніями. Бурругъ изъ Гакслуйта настойчиво совѣтовалъ укрѣпить за собою проходъ въ Китай, чтобы, подобно королю датскому, имѣть право вѣзти пошину, какъ это дѣлается въ Сундѣ. Рядомъ съ нимъ Гергардъ Меркаторъ усерднѣе предупреждалъ экспедицію, чтобы она не пускалась восточнѣе устьевъ Оби, потому что сѣверный берегъ Азіи оканчивается за Обью подъ 73° сѣв. шир. острымъ мысомъ Тобинъ. Этотъ сказочный мысъ, можно полагать, нынѣшній Сѣверо-восточный ¹⁾). 30-го мая 1580 года обѣ шкуны

¹⁾ Пешель „Gesch. der Frdk.“, стр. 324.

вышли изъ Гарвика и прошли 23-го іюня въ Вардегусъ. Здѣсь ихъ задержали сильныя сѣверо-восточныя и юго-восточныя бури. Только 1-го іюля могли они продолжать плаваніе и 7-го іюля подъ 70° 30' сѣв. шир. увидали они землю, которую они приняли за островъ «Новая Земля»; 10 іюля ушедшее впередъ судно Пета прошло вѣроятно вдоль Гусинаго мыса, а затѣмъ спустилось южнее къ Карскимъ воротамъ, покрытымъ сплошною массою льда. 18 іюля Пета подошелъ къ Югорскому проливу, который долго по его имени назывался Петскимъ. Соединившись опять съ Джакманомъ они прошли 25 іюля въ Карское море, гдѣ массы льда ихъ совсѣмъ-было затерли. Съ трудомъ пробившись назадъ къ Югорскому проливу, они отказались отъ дальнѣйшаго плаванія и направились обратно въ Англію ¹⁾ Петъ благополучно достигъ Ратклифа 26 декабря; Джакманъ перезимовалъ въ Норвегіи, а затѣмъ безъ вѣсти исчезъ вмѣстѣ со своимъ судномъ.

Съ этого времени англичане прервали дальнѣйшія плаванія на сѣверо-востокъ, отчасти испытывъ неудачу, отчасти же въ силу политическихъ соображеній. Исходъ Петъ-Джакманской экспедиціи подѣйствовалъ охлаждающимъ образомъ на стремленіе англичанъ къ открытіямъ. Къ тому-же одинъ изъ членовъ правленія Московскаго общества Антонъ Марсъ, получивъ отъ русскихъ судовщиковъ въ Холмогорахъ свѣдѣнія о трехъ путяхъ ²⁾ къ устьямъ Оби, предпринялъ было нечестнымъ образомъ торговлю съ этими мѣстами за собственный счетъ. Въ 1584 г. посланные имъ люди были, однако, пойманы русскими и строго наказаны, а товары отняты. Марсъ принесъ жалобу царю, но въ отвѣтъ получилъ строгій выговоръ за то, что осмѣлился завести торговля сношенія съ Сибирью за свой счетъ. Съ тѣхъ поръ англичане вовсе прекратили сѣверо-восточныя плаванія, вѣроятно, чтобы не раздражить русскихъ и не рисковать такимъ образомъ всѣми дарованными имъ преимуществами.

Другое дѣло — плаванія голландцевъ. Они очень рано обогнули Нордкапъ и вскорѣ обратили взоры свои къ сѣверо-восточной цѣли. Едва только стала развиваться морская торговля на Бѣломъ морѣ, какъ кромѣ датчанъ и норвежцевъ на

¹⁾ Объ этомъ плаваніи сохранился замѣчательный документъ. Капитанъ норвежской шкуны «Регины», посѣщая въ 17 августа 1875 г. остатки дома Барентса на Новой-Землѣ нашелъ тамъ въ старомъ полусгнившемъ ларѣ между прочимъ голландскую рукопись, которую сначала ошибочно приняли за дневникъ Барентса, но потомъ оказалась переводомъ Петъ-Джакманскаго путешествія.

²⁾ Эти три пути были: черезъ Югорскій проливъ, черезъ Маточкинъ-Шаръ и сухопутно черезъ сѣверный Уралъ.

вновь открытомъ рынкѣ появились и нидерландцы. Не смотря на то, что англичанамъ была предоставлена монополія, и голландцы имѣли тамъ обширныя и выгодныя дѣла. Основателемъ торговли голландцевъ на Бѣломъ морѣ былъ Оливье Брюнель (род. въ Брюсселѣ въ началѣ шестнадцатаго столѣтія). Вскорѣ послѣ того, какъ голландцы, при посредствѣ какого-то Филиппа Виптеркэнига, основали въ 1565 году въ Колѣ колонію; Оливье Брюнель отправился въ Холмогоры, чтобы научиться русскому языку и установить прочныя торговыя сношенія. Здѣсь онъ былъ схваченъ англичанами и, какъ шпіонъ, выданъ русскимъ, которые его нѣсколько лѣтъ держали въ плѣну въ Ярославлѣ. Освобожденный изъ этого плѣна черезъ посредство братьевъ Якова и Григорія Аникьевыхъ, приказчиковъ знаменитаго торговаго дома Строгоновыхъ въ Сольвычегодскѣ, онъ прошелъ, въ сопровожденіи русскихъ, всю землю Самоѣдовъ, Печорскую область и, черезъ Карское море, нѣсколько разъ посѣщалъ давно желанную рѣку Обь. Русскимъ хорошо былъ извѣстенъ проливъ Маточкинъ-Шаръ. Русский проводникъ Брюнеля привелъ его и къ Костину-Шару, который такимъ образомъ сдѣлался извѣстнымъ Европѣ. Прибрежные жители но Оби рассказывали Брюнелю, что иногда приходятъ къ нимъ большіе корабли съ драгоценнымъ грузомъ внизъ по рѣкѣ Ардо, протекающей черезъ озеро Китай или Парага, какъ ее называли мѣстные обыватели, и близъ которой проживаютъ каракалмаки. Эти свѣдѣнія голландскій купецъ Іоаннъ Балакъ сообщилъ географу Гергарду Меркатору съ добавленіемъ, что каракалмаки могутъ быть только народъ населяющій Хатай, т. е. китайцы. Нынѣ мы знаемъ, что это названіе должно быть присвоено калмыкамъ. Съ товарами Аникьевыхъ Брюнель ежегодно ѣздилъ въ Голландію, и тамъ, въ 1577 году, вошелъ въ сношенія съ какимъ-то Яномъ-ванъ-де-Валле, котораго онъ убѣдилъ съ нимъ отправиться сухимъ путемъ въ Россію. Ванъ-де-Валле отлично воспользовался собранными Брюнелемъ свѣдѣніями. Въ 1578 году онъ прибылъ въ Пудожемское устье Двины на первомъ голландскомъ кораблѣ, принадлежавшемъ антверпенскому купцу, Жиль-ванъ-Эйхеленбургу, подъ командою капитана Яна Якобсметте Липпена изъ Алькмара. Вскорѣ послѣ него пришелъ Адріанъ Крййтъ на кораблѣ Балтазара Мущерона и такимъ образомъ установилась торговля голландцевъ съ сѣверомъ Россіи ¹⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ Филиппъ II испанскій перенесъ торговлю съ Индією въ Лиссабонъ, голландцы старались, по возможности, распространить свою торговую дѣятель-

¹⁾ Пешель *Gesch. d. Erdk.*, стр. 325—326 и «*The three voyages of William Barento to the arctic regions*» Gerrit de Veer». Лондонъ 1876 г. 8°, стр. 9—11.

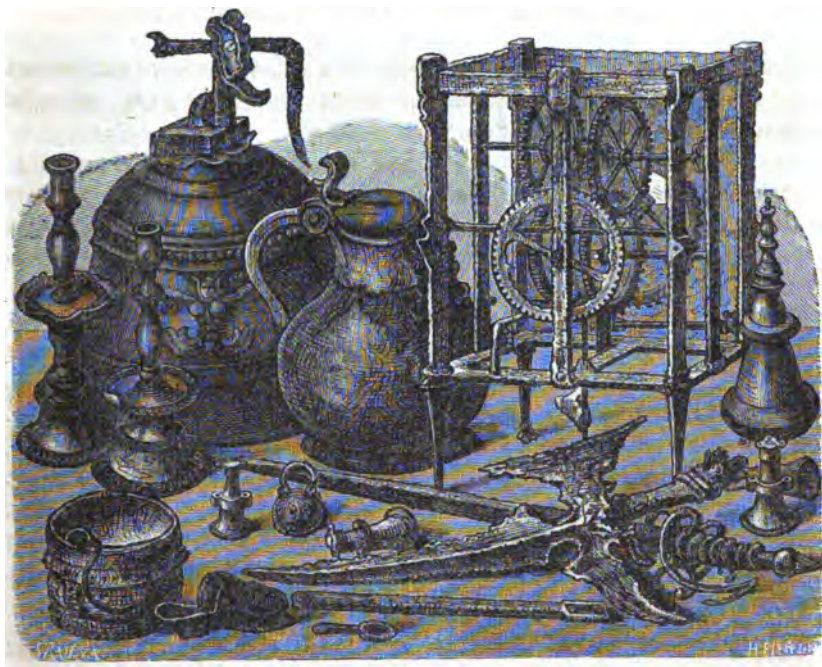
ность на Бѣлое и Балтійское моря. При тогдашнихъ обстоятельствахъ они еще не могли помышлять о томъ, что путемъ океанскаго сообщенія можно забраться въ богатныя колоніи ихъ враговъ. Ближе лежала мысль о томъ, что указанный англичанами путь черезъ невѣдомыя воды полярнаго моря проведетъ ихъ удобнѣе въ Китай и Индію. Тогда-же нидерландцы, бывшіе въ службѣ португальской и посѣтившіе Остъ-Индію, какъ-то: Дитрихъ Герритъ изъ Энкуйцена, который былъ въ Китаѣ и Японіи, Кониингъ изъ Гои, шлифовщикъ брилліантовъ, торговецъ перцемъ ванъ-Ассуйценъ изъ Малакки и преимущественно замѣчательный путешественникъ Гюйгенсъ изъ Линчута одновременно поддерживали стремленіе къ путешествіямъ въ Индію. Въ 1583 году Гюйгенсъ предпринялъ путешествіе въ Индію и составилъ превосходное по тогдашнему времени описаніе этого края. По возвращеніи изъ Индіи на родину, онъ поселился въ Энкуйцепѣ, гдѣ тогда собрался небольшой кружокъ замѣчательныхъ дѣятелей: извѣстный географъ Лука Янгенъ Вагенааръ, морскія карты котораго долго считались лучшими даже у англичанъ, естествоиспытатель и натуралистъ Палуданъ и великій поощритель отечественнаго мореплаванія Францъ Маалсонъ. Всѣ ихъ помышленія и стремленія клонились къ тому, чтобы упрочить за своею родиною участіе въ торговлѣ съ Индіею. Въ лицѣ благороднаго Ольденбарневельдта, великаго пансіонарія Голландіи, они нашли краснорѣчиваго заступника своимъ начинаніямъ. По соглашенію съ Яковомъ Фалке, казначеемъ Зеландіи, и съ Миддельбургскимъ купцомъ Бальтазаромъ Мушерономъ, протестантскимъ выходцемъ изъ Нормандіи, который прежде уже имѣлъ дѣла въ Архангельскѣ и Лондонѣ и счумѣлъ привлечь къ новымъ предпріятіямъ участіе Зеландіи и Голландіи, они рѣшились отыскать сѣверо-восточный проходъ, разсчитывая значительно сократить путь въ Китай и Индію. Между тѣмъ, значеніе голландцевъ на сѣверѣ такъ возросло, что даже англичане своей прежней факторіи на островѣ Розовомъ предпочли голландскую, находившуюся близъ монастыря Св. Михаила, гдѣ Новая-Холмогорія, въ послѣдствіи Архангельскъ, вскорѣ сдѣлалась цвѣтущимъ торговымъ городомъ. Неудача Петъ-Джакманской экспедиціи отнюдь не испугала нидерландцевъ. Напротивъ, Брюнель переговорилъ съ Балакомъ на островѣ Эзелѣ, и Мушеронъ старался убѣдить принца Оранскаго снарядить новую экспедицію на сѣверо-востокъ. Когда же это, по недостатку денегъ, не удалось, Брюнель отправился одинъ въ 1584 году, вѣроятно на счетъ Мушерона, на корабль, принадлежавшемъ городу Энкуйцену, къ Югорскому проливу, но всѣ его усилія пройти этотъ проливъ были тщетны. Объ этой первой экспедиціи голландцевъ въ полярное море мы знаемъ

лишь только то, что она не привела ни къ какимъ результатамъ. Брюнель, одна изъ самыхъ интересныхъ личностей того времени, затѣмъ совершенно исчезаетъ ¹⁾).

¹⁾ Годъ Брюнеля смерти даже неизвѣстенъ; вѣроятно въ первыхъ годахъ семнадцатаго столѣтія. См. Gerrit de Vcer. Three voyages of William Barents. стр. 16.

Внутренность русской избы (въ Сибири).

Остатки жилища Барентса на Новой Землѣ.

ПУТЕШЕСТВІЯ ВИЛЛЕМА БАРЕНТСА И ЕГО ОТКРЫТІЯ.

Голландцы неотступно преслѣдовали свою цѣль. Нѣсколько богатыхъ купцовъ изъ Амстердама, Миддельбурга и Эйдкунена соединились и рѣшились на новое огромное предпріятіе. Въ 1593 и 1594 году были снаряжены четыре корабля, а именно: два отъ адмиралтействъ Зеландіи и сѣверной Голландіи, третій и одна яхта иждивеніемъ амстердамскаго правительства. Амстердамскій корабль „Посланникъ“ (der Gesandte) былъ порученъ командованію опытнаго моряка Виллема Барентсона или Барентса ¹⁾ изъ Тертелланга, человѣка образованнаго, смѣлаго и небывалой предпримчивости. Миддельбургскій корабль „Лебедь“ былъ поставленъ подъ команду Корнелиса Корнелиссона Ная изъ Энкуйцена, который по дѣламъ Мушерона нѣсколько разъ уже плавалъ въ Бѣлое море; корабль Энкуй-

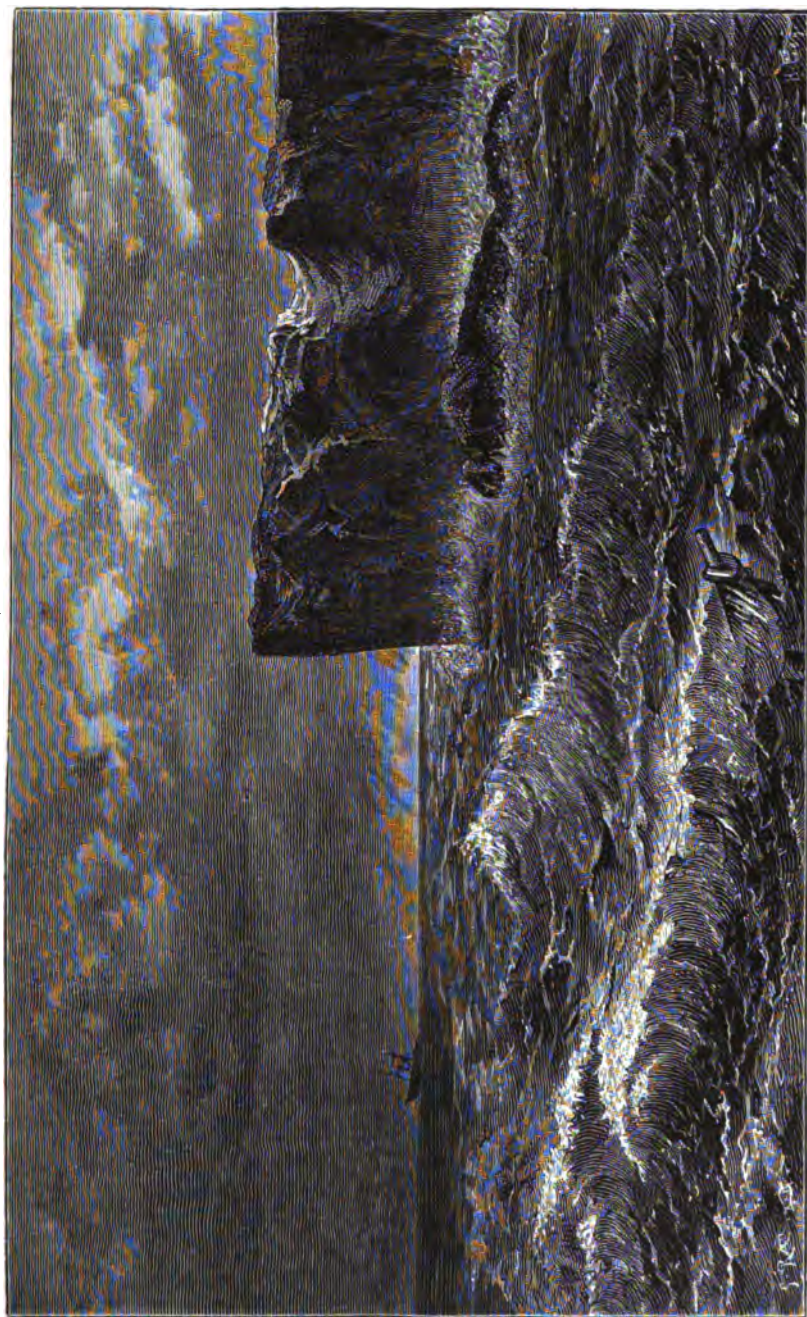
¹⁾ О прежней жизни этого знаменитаго моряка почти ничего неизвѣстно. Годъ его рожденія тоже неизвѣстенъ; извѣстно только, что онъ изъ амстердамскихъ гражданъ. Что онъ не изъ почетной фамиліи, доказываетъ его отчество: сынъ Барентса, т. е. Бернгарда.

ценскій „Меркурій“ стоялъ подъ командою опытнаго моряка Враутъ Гибрантсона Тетгалеса. Небольшая шеллингская яхта была подчинена также Барентсу. Суперкаргомъ, т. е. распорядителемъ отправляемыхъ товаровъ находился на кораблѣ „Меркурій“ Янъ Гюйгенъ ванъ-Линшотенъ. Ему было поручено составленіе отчета о плаваніи, которое считалось общественнымъ предпріятіемъ. Вся экспедиція была раздѣлена на двѣ части, изъ которыхъ каждая должна была дѣйствовать самостоятельно. „Лебедь“ и „Меркурій“, подъ главнымъ начальствомъ, Ная имѣли назначеніе найти проходъ между Вайгачемъ и материкомъ, т. е. пройти черезъ Югорскій проливъ. Амстердамскимъ судамъ, „Посланнику“ и яхтѣ, было поручено обогнуть съ сѣвера Новую Землю, потому что школа Меркатора установила тезисъ, что вслѣдствіе быстрого перехода отъ прилива къ отливу арктическое море на крайнемъ сѣверѣ не можетъ быть покрыто льдами. Это воззрѣніе поддерживалъ и реформатскій пасторъ Петръ Планцій въ Амстердамѣ, замѣчательный математикъ, астрономъ и географъ. Его мнѣніе имѣло значительный вѣсъ.

5-го іюня 1594 года Ная вышелъ со своими кораблями изъ Гюндуйнена около Текселя въ море; вскорѣ за нимъ послѣдовалъ и Барентсъ ¹⁾. Условлено было, что оба отряда поплывутъ вмѣстѣ до Килдина, острова, лежащаго у Лапландскаго берега. 29-го іюня они дѣйствительно дошли вмѣстѣ до залива Колы и здѣсь уже отдѣлились другъ отъ друга. Барентсъ взялъ курсъ на норд-остъ. и 4-го іюля увидалъ берегъ Новой Земли подъ 73° 25' сѣв. шир. Черезъ ночь онъ дошелъ до невысокой, далеко вдающейся въ море, косы, которую онъ назвалъ „Лангенесъ“, вѣроятно то, что русскіе называютъ „Сухой Носъ“, подъ 73° 46' сѣв. шир. На восточной сторонѣ этого мыса, приставая къ берегу въ обширной „Софроновой губѣ“, онъ нашелъ слѣды человѣческаго пребыванія. Далѣе къ сѣверу Барентсъ присталъ къ берегу въ большой бухтѣ, которую онъ, по встрѣченной тамъ въ изобиліи породы птицъ (*Uria*, *Lummen*) назвалъ „Lomsbay“. Это вѣроятно нынѣшняя Крестовая губа, подъ 74° 12' сѣв. шир. Плавая далѣе, онъ открылъ Адмиралтейскій островъ, который впослѣдствіи оказался полуостровомъ. 6-го іюля дошелъ онъ до Чернаго Мыса подъ 75° 20' сѣв. шир. и открылъ въ 60 километрахъ оттуда островъ Вильгельма, принадлежащій къ группѣ „Горбовыхъ острововъ“. Здѣсь онъ встрѣтилъ массу сплавнаго лѣсу

¹⁾ Обыкновенно говорится, что Барентсъ вышелъ въ море нѣсколько дней спустя послѣ Ная. Но изъ ихъ дневника можно, кажется, вывести заключеніе, какъ доказываетъ Чарльсъ Беке, въ своемъ введеніи къ Герриту де-Варъ, что Амстердамскія суда въ тотъ же день отправились въ походъ.

Норх-Кайгъ.

и множество моржей. Широту острова онъ опредѣлилъ $75^{\circ} 55'$ сѣв. шир., на десять минутъ сѣвернѣе, чѣмъ по опредѣленію капитана Литке. 9-го іюля суда бросили якорь въ бухтѣ „Горбовое становище“. На другой день они увидали голый Крестовый островъ подъ 76° сѣв. шир. и дошли, опять въ 60 километрахъ, до мыса Нассау, отлого-низменнаго и очень опаснаго, по причинѣ безчисленныхъ подводныхъ рифовъ, его окружающихъ. Нельзя подумать, что это былъ нынѣшій мысъ Нассау, а скорѣе другой, лежащій юго-западнѣе, какъ полагаетъ д-ръ Гуго Тенпенъ ¹⁾. 13-го іюля они уже встрѣтили много льда. Пробираясь между берегомъ и и плавающими льдинами они добрались до мыса Утѣшенія, а 27-го іюля открыли и измѣрили длинную песчаную косу (въ 33 метра) именно на томъ мѣстѣ, которое нынѣ занимаетъ островъ Гольфштрома ²⁾. 29-го іюля подъ широтою 77° они увидали по направленію къ востоку одну изъ сѣверныхъ оконечностей Новой Земли, которую называли „Ледянымъ Мысомъ“. 31-го іюля Барентсъ дошелъ до острова „Орамина“ (вѣроятно Максимковъ островъ, крайній предѣлъ, до котораго нынѣ доходятъ русскіе промышленники) и здѣсь онъ остановился на сей разъ въ своемъ плаваніи на сѣверо-востокъ. Море было покрыто сплошными массами льда, команда начала роптать; поэтому Барентсъ 1-го августа пустился, въ обратный путь, желая опять сойтись съ отрядомъ Ная, чтобы узнать, нашелъ ли онъ проходъ въ Карское море. Плаваніе между льдами было крайне затруднительное, ибо не менѣе 81 раза приходилось поворотить судно.

Обратно Барентсъ держалъ по возможности тотъ же курсъ, какъ и въ первый путь: 8-го августа онъ дошелъ до какого-то острова, который онъ, по причинѣ находящейся на немъ черной вершины, назвалъ Swart-Eyland (черный островъ). Это вѣроятно, какъ Свенске ³⁾ основательно полагаетъ, „Подрѣзовъ островъ“ у сѣвернаго входа въ Костинъ-Шаръ. 22 километра далѣе, онъ встрѣтилъ

¹⁾ Д-ръ Гуго Тенпенъ: „Die Doppelinsel Novaia Semlia“, исторія ея открытія съ подробною картою. Лейпцигъ. 1878. 8°, стр. 7.

²⁾ Для исторіи земли и геологическихъ измѣненій это особенно интересно и важно. Возвышеніе грунта въ той области болѣе чѣмъ на 80 метровъ въ едва триста лѣтъ очень значительно. (Petermanns „Geogr. Mitth.“ 1872 г. стр. 396). Открытая норвежскимъ капитаномъ Макомъ въ 1871 г. группа острововъ Гольфштрома, состоитъ, кромѣ множества маленькихъ островковъ, изъ острова большаго размѣра «Гельвальдъ» и маленькаго «Броупъ».

³⁾ К. Свенске: „Новая Земля въ географическомъ, естественно-историческомъ и промышленномъ отношеніяхъ“, издана на иждивеніе члена соревнователя Императ. географ. общ. М. К. Сидорова съ картою и двумя рисунками: С.-Петербургъ 1866 г. 8°, стр. 5. Это послѣднее и основательное сочиненіе для изученія Новой Земли.

косу, которую онъ, по поставленному на ней кресту, называлъ Крестовымъ мысомъ. 37 километровъ далѣе онъ пришелъ къ мысу св. Лаврентія, (вѣроятно нынѣшній Костинъ Носъ, т. е. южная оконечность образующаго Костинъ-Шаръ Междушарскаго острова). Еще двадцатью километрами далѣе Барентсъ дошелъ до Мучнаго мыса, который имъ былъ названъ „Schanshaek“. Здѣсь онъ вышелъ на берегъ и нашелъ три деревянныя избы, а недалеко отъ нихъ зарытую въ землю ржаную муку; вѣроятно, все это было тамъ оставлено рыбопромышленниками. За Мучнымъ мысомъ онъ открылъ отличную бухту, расчищенную отъ сѣверо-восточныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ, которую онъ назвалъ Лаврентьевой бухтою (нынѣ Строгановская). 75 километрами далѣе голландцы наткнулись на два маленькихъ островка, названные ими „Sancta Clara“. Тамъ они встрѣтили массы плавучаго льда, выходившаго изъ Карскихъ воротъ и помѣшавшаго имъ подойти къ южной оконечности Новой Земли. За симъ, взявъ направленіе на юго-востокъ, Барентсъ пришелъ подъ $69^{\circ} 15'$ сѣв. шир. къ Матѣеву и Долгому островамъ, гдѣ онъ соединился съ Наемъ, который, съ различными приключеніями, также имѣлъ довольно безуспѣшное плаваніе ¹⁾

Только 2-го іюля Най вышелъ изъ Кильдина къ востоку. Уже черезъ три дня онъ наткнулся подъ $71^{\circ} 20'$ на пловучій ледъ и такой густой туманъ, что онъ его принялъ за землю. 7-го числа онъ подошелъ къ берегу полуострова Канина; въ слѣдующіе два дня опять показался сильный ледъ, шедшій изъ большаго залива между мысомъ Канинымъ и Святымъ носомъ (Чешская губа) 9-го іюля Най подошелъ къ Святому Носу, а 10-го бросилъ якорь за островомъ Токсаръ (вѣроятно островъ Простой). Здѣсь онъ встрѣтилъ четыре русскія ладьи, направлявшіяся къ устью рѣки Печоры. Моряки отсовѣтовали ему идти къ Югорскому Шару, потому что онъ наполненъ льдами и подводными камнями, а равно моржами и огромными китами, угрожающими судамъ опасностью. Голландцы, однако, не послушались, и 16-го іюля пошли далѣе на востокъ, при теплой, даже жаркой погодѣ. Плавая вдоль низменнаго берега, они прошли мимо рѣки Колоколки (губа Колоколовская) и встрѣтили тамъ ладью съ русскими рыбопромышленниками, которые себя предложили въ путеводители. 17-го іюля Най вошелъ съ ними въ устье рѣки Песчанки, которая очень неглубока и поэтому неудобна для

¹⁾ Преимущественно по указаніямъ Шперера, въ его сочиненіи: „Nowaja Semlja in geographischer naturhistorischer und volkswirtschaftlicher Beziehung. Gotha 1867. 4°. стр. 17. Д-ръ Тенпентъ въ вышеупомянутомъ своемъ сочиненіи строго придерживался Шперера, который, въ свою очередь, принялъ въ основаніе русское сочиненіе Свенске.

якорной стоянки. Здѣсь голландцы узнали, что до устья Печоры 81 километръ, что до Печоры много отмелей, а далѣе значительная глубина и отличная гавань. 18-го числа они вошли въ Печору, бросили якорь на глубинѣ 11 метровъ и переждали тамъ до конца сильной бури съ сѣверо-востока. На утро вѣтеръ отошелъ къ сѣверу и они могли продолжать свое плаваніе. Въ 220 километрахъ отъ Печоры они увидали 21-го числа островъ Вайгачъ. Море на всемъ пространствѣ было покрыто плавающимъ лѣсомъ, громадными стволами съ корнями и сучьями, по ихъ предположенію, сплавливаемыми по какой-либо большой рѣкѣ. Подходя къ острову, глаза ихъ были поражены зеленью травъ и цвѣтами. Они бросили якорь (вѣроятно у мыса Лемчека) на глубинѣ 18, 25 метровъ и опредѣлили широту въ 65° , $45'$. 22-го числа, въ 37 километрахъ юго-восточнѣе, они подходили къ другому острову, а затѣмъ далѣе на 22 километра они открыли проливъ въ $7\frac{1}{2}$ километровъ ширины, съ островомъ въ серединѣ. Линчотекъ полагалъ, что это проливъ, отдѣляющій островъ Вайгачъ отъ материка; адмиралъ Най приказалъ, однако, для большей вѣрности обследовать берегъ по направленію къ югу. Прошедши 72 километра въ южномъ направленіи до 69° $13'$ сѣв. шир., онъ нашелъ, что берегъ уклоняется на западъ, а глубина уменьшается, поэтому онъ возвратился ко входу въ открытый имъ проливъ. Въ самомъ входѣ было отъ 9—18 метровъ глубины. Какъ только бросили якорь, онъ послалъ гребныя суда для измѣренія глубины. Вскорѣ онъ получилъ радостную вѣсть, что далѣе къ востоку море становится глубже, синѣе и солонѣе—несомнѣнные признаки открытаго моря!.. Сильное теченіе, пригонявшее множество льду, утвердило его въ томъ убѣжденіи, что они находились въ проливѣ. Въ честь принца Морица Оранскаго, принимавшаго большое участіе въ снаряженіи экспедиціи, онъ называлъ этотъ проливъ Нассаускимъ. Это — Югорскій Шаръ русскихъ. На берегу острова Вайгача они нашли 400 идоловъ самой грубой работы, вслѣдствіе чего они назвали это мѣсто „Мысомъ Идоловъ“ (Болвановскій носъ). 1-го августа они прошли въ открытое море (Карское), которое они назвали новымъ сѣвернымъ моремъ. Тамъ ихъ встрѣтилъ до того сплошной ледъ, что они уже хотѣли-было повернуть обратно, но на ихъ счастье увидали небольшой островъ, за которымъ встали на якорь на глубинѣ 9 метровъ. Этотъ островокъ они называли *het Staaten Eyland* (*Staaten Eiland*) это нынѣшній Мясной островъ у русскихъ. На немъ было много горнаго хрустала, похожаго на отшлифованные брилліанты. На большомъ разстояніи острова, въ 60 километрахъ отъ берега, на глубинѣ 220 метровъ, грунтъ былъ иловатый. Плавучій ледъ показался опять. Прошедши всего 275—280 километровъ, они увидали

низменный берегъ, который тянулся съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Лотъ показывалъ 12,8 метр. глубины. Къ югу открывался заливъ, въ который, повидимому, впадала большая рѣка; 35 метр. далѣе показалась другая рѣка. Этими двумя рѣкамъ они дали названіе своихъ кораблей: „Меркурій“ и „Лебедь“. Въ 370 километрахъ разстоянія отъ пролива Нассаускаго, въ сѣверо-восточномъ направленіи, видна была земля, изъ чего они заключили, что открытая ими большая рѣка (вѣроятно заливъ Мутный) — Объ, что берегъ отсюда тянется до мыса Табина и далѣе до Китая, что задача ихъ разрѣшена, что больше имъ ничего не оставалось открывать. Прибрежное пространство между проливомъ Нассаускимъ и мнимою рѣкою Обью они назвали Новою Голландією. Послѣдовало общее совѣщаніе, на которомъ было рѣшено прекратить дальнѣйшія изслѣдованія и пуститься въ обратный путь. 12-го августа они дошли до того мѣста, гдѣ ихъ задержалъ сплошной ледъ, — теперь оно было совершенно чисто отъ льда; 15-го числа они прошли Нассаускій проливъ; въ 75 километрахъ западнѣе открыли три острова и тамъ сошлись съ Барентсомъ. 16-го августа оба отряда экспедиціи направились назадъ, 24-го числа дошли до Вардегуса а 16-го сентября бросили якорь у о. Текселя ¹⁾.

Едва ли какіе-либо мореплаватели обнаружили такую выдержку, какъ эти. Хотя большая часть описаній этого плаванія представляетъ на первомъ планѣ Барентса, упоминая о Навъ только немногими словами, но это видимо несправедливо. Отнюдь не умаляя великихъ заслугъ Барентса, опредѣлившаго во время своихъ непрерывныхъ переходовъ при помощи алидады, астролябии и квадранта, съ замѣчательною точностью, широты многихъ отдѣльныхъ пунктовъ, нельзя не признать, что изъ обоихъ плаваній 1594 года, плаваніе Навъ должно считать болѣе знаменательнымъ, потому что оно имѣло самыя важныя послѣдствія для исторіи полярныхъ изслѣдованій. Такъ какъ Навъ видѣлъ передъ собою открытое море, то всѣ были увѣрены, что Сѣверо-восточный проходъ найденъ. Поэтому въ слѣдующемъ уже году, для дальнѣйшаго слѣдованія по этому пути, была снаряжена новая экспедиція, съ участіемъ генеральныхъ штатовъ и принца Оранскаго, состоящая не менѣе какъ изъ семи кораблей, а именно: двухъ отъ Амстердама, двухъ отъ Зеландіи, двухъ отъ Энкуйцена и одного отъ Роттердама ²⁾. Всѣ они были богато снабжены провіантомъ и другими товарами

¹⁾ Spüger, «*Novaja Zemvlä*» стр. 18—19 и Свенске «*Новая Земля*» стр. 6—8.

²⁾ Суда были: «Гриффоенъ» (200 тоннъ) и «Сванъ» (100 тоннъ) отъ Зеландіи, «Гоопе» (200 т.) и «Меркурій» (100 т.) отъ Энкуйцена; «Винтгонтъ» (200 т.) и яхта отъ Амстердама и наконецъ еще яхта отъ Роттердама.

для мѣновой торговли. Даже шлифовщики брилліантовъ и золотыхъ дѣлъ мастера отправились на этихъ судахъ, чтобы немедленно отдѣлывать тѣ сырые матеріалы, которые тамъ найдутся или будутъ вымѣнены. Главное начальство было вѣрено адмиралу Наю, командованіе отдѣльными судами было поручено капитанамъ Виллему Барентсу, Бранту Тетлансу, Ламберту Оому, Томѣ Вилленсону, Герману Янсону и Гендрику Гартману. Кромѣ того, экспедиціи сопутствовали въ качествѣ главныхъ комиссаровъ Янъ Г'юйгенъ ванъ-Ліаншотенъ, Франсуа де-ла-Дале, Яковъ ванъ-Геемскеркъ, Янъ Корнелиссонъ Рійпъ и Н. Буйсъ. Къ нимъ былъ прикомандированъ славянинъ Христофоръ Шпиндлеръ ¹⁾ въ качествѣ переводчика.

„Вся эскадра вышла изъ Голландіи 2-го іюля 1594, обогнула 7-го августа Нордкапъ и затѣмъ раздѣлилась. Одинъ отрядъ пошелъ въ Бѣлое море, другой держалъ курсъ на востокъ. Встрѣтивъ 17-го августа въ 90 километрахъ отъ Новой Земли, подъ 70°, 30' сѣв. шир., сплошныя массы льда, онъ достигъ, послѣ опаснаго перехода, 19-го числа Югорскаго Шара, который также былъ закрытъ льдами. Голландцы укрылись за островъ Вайгачъ и тамъ простояли на якорѣ шесть дней. 25-го августа они сдѣлали попытку проникнуть далѣе на востокъ, но ледъ принудилъ ихъ вернуться къ прежнему мѣсту стоянки. Повторенная 2-го сентября попытка увѣчилась успѣхомъ: они вошли въ новое сѣверное море (въ Карское море). Сначала все шло необыкновенно благополучно: при глубинѣ 200 метровъ море было чисто,—тамъ играли гигантскіе киты. Но вдругъ поднялся сильный нордвестъ, показались на встрѣчу судамъ страшныя массы льда. Тѣмъ не менѣе, они старались идти впередъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, но непогода заставила ихъ укрыться за Мяснымъ островомъ. 8-го сентября было общее совѣщаніе и, по большинству голосовъ, рѣшено было отступить назадъ предъ непреодолимыми препятствіями. Одинъ Барентсъ возражалъ: онъ утверждалъ, что слѣдуетъ или нынѣ же подняться по западной сторонѣ Новой Земли и, перезимовавъ на мѣстѣ, слѣдующимъ лѣтомъ продолжать плаваніе. Предложеніе его было отвергнуто. 11-го сентября вновь была сдѣлана безуспѣшная попытка пробиться черезъ ледъ далѣе впередъ. 15-го числа было послѣднее совѣщаніе, на которомъ окончательно было рѣшено возвратиться назадъ. Всѣ, начиная съ адмирала, подписали протоколъ; только Барентсъ отказался отъ подписи. Позднею осенью экспедиція возвратилась на родину, послѣ крайне затруднительнаго пере-

---

¹⁾ У Герритъ де-Варъ, стр. 118, онъ названъ Шпиндлеръ.

хода. Всѣ были измучены отъ тяжелой работы, страдая отъ послѣдствій цынги ¹⁾).

Плаваніе 1595 г. было вполнѣ безуспѣшно. Нельзя удивляться, что Голландскіе Генеральныя штаты рѣшили болѣе не посылать впредь никакихъ экспедицій. Тѣмъ не менѣе, хотя нидерландское государство и не хотѣло больше посылать экспедицій за свой счетъ, оно, однако, не оставило рвеніе къ сѣвернымъ плаваніямъ безъ поощренія: тому, кто откроетъ Сѣверо-восточный проходъ назначена была премія въ 25 тыс. голл. гульденовъ и радъ привилегій на нѣсколько лѣтъ. Географъ Петръ Планцій изъ опытовъ втораго неудавшагося плаванія вывелъ подтвержденіе своего убѣжденія, что на крайнемъ сѣверѣ море должно быть свободно отъ льдовъ; онъ опять посовѣтовалъ при новомъ плаваніи обогнуть сѣверную оконечность Новой Земли, въ увѣренности на несомнѣнный или по крайней мѣрѣ болѣе вѣроятный успѣхъ. Этому воззрѣнію горячо сочувствовалъ практически-опытный морякъ Барентсъ. По ихъ убѣжденіямъ, амстердамскіе купцы, которыхъ неудача 1595 года не обезкуражила, согласились снарядить новую экспедицію на 1596 годъ только изъ двухъ кораблей, емкость и названіе которыхъ неизвѣстны. Командованіе этими судами было ввѣрено Якову ванъ-Гемкерсу и Яну Корнелиссону Рійпу, а не Барентсу, смѣлость котораго не внушала довѣрія амстердамскимъ купцамъ-отправителямъ; онъ, однако, пошелъ и въ эту экспедицію въ подчиненной должности главнаго штурмана. Въ сущности онъ былъ душою всего предпріятія, и въ дѣйствительности главное начальствованіе было въ его рукахъ, хотя дѣло не обходилось безъ пререканій и ему не всегда удавалось провести свои воззрѣнія. На кораблѣ Гемкерса находился вмѣстѣ съ Барентсомъ Герритъ де-Веръ, которому мы обязаны подробными отчетами ²⁾ какъ объ этомъ, такъ и о двухъ предъидущихъ плаваніяхъ. Корнелису Рійпу сопутствовалъ образованный англичанинъ Вильямъ Адамсъ.

Въ 1595 году слишкомъ поздно вышли; поэтому на сей разъ оба корабля уже 10-го мая 1596 г. ³⁾ оставили амстердамскій рейдъ, 19-го вышли изъ Финланда и вслѣдъ затѣмъ миновали Шотландскіе и Фэрерскіе острова. Между Рійпомъ и Барентсомъ вскорѣ

¹⁾ Шпереръ, стр. 19 и Свенске стр. 8—9.

²⁾ Этотъ отчетъ вышелъ въ Амстердамѣ въ 1598 г. 4^о подъ заглавіемъ: «Wae-rachtige Beschryvinghe van drie scyлагien, deur de-Holl en Zeel. schepen by Norden, Norweghen, Moscovia ende Tartaria, na... Catthayende China, so mede van de opdoen vande Waygats, Nova Zembla etc. etc. съ таблицами и картами.

³⁾ Въ французск. изданіи Г. Гайдаца сочиненія Клем. Роб. Марьгама: „The Treshalduf the unknown Region“, London 1879, 8^о показано 13-е мая, но это вѣроятно опечатка.

возникли пререканія. Первый хотѣлъ строго держаться указаній Петра Планція и вообще о сѣверо-восточныхъ проходахъ и слышать ничего не хотѣлъ; поэтому онъ приказалъ еще раньше, чѣмъ дойти до Нордкапа держать курсъ нордостынъ-нордъ, полагая прямо войти въ открытое полярное море, свободное отъ льдовъ. Хотя Барентсъ заявилъ, что слишкомъ далеко на западъ задаются, однако его не послушались, — онъ долженъ былъ уступить. 5-го іюня встрѣтили первый ледъ, „что насъ крайне удивило, потому что мы его приняли за бѣлыхъ лебедей“ ¹⁾, но несмотря на это, въ теченіи 6-го и 7-го чиселъ, держали тотъ же курсъ черезъ ледъ, что привело и 9-го іюня ²⁾ къ открытію острова подъ 74° 30' ³⁾ сѣв. шир. Здѣсь было собрано множество яицъ чаекъ, и въ недалекомъ разстояніи отъ берега былъ убитъ съ большимъ трудомъ громадный бѣлый медвѣдь, по которому вновь открытому острову и было дано названіе. Островъ этотъ и нынѣ называется „Медвѣжьей“, хотя онъ временно и назывался Черри. Голландцы полагаютъ, что онъ имѣетъ 32 километра въ окружности. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, они 13-го іюня опять пошли въ море. Вновь возникъ рѣзкій споръ о томъ, въ какомъ направленіи идти; мнѣніе Рійпа взяло опять верхъ. Корабли взяли курсъ на сѣверо-западъ. 19-го іюня, подъ 80° 11' ⁴⁾ сѣв. шир., увидали они большой островъ, который голландцы приняли за часть Гренландіи, но то была самая сѣверная часть Шпицбергенской группы, нынѣшній островъ Гаклуитъ, и часть сѣвернаго побережья собственно Шпицбергена. Держась острова „Медвѣжьего“ курсъ нордвестъ, они видимо прошли по западной сторонѣ этого сѣвернаго архипелага и достигли упомянутой широты. Мнѣніе д-ра Авг. Петермана и д-ра Чарльса Беке, основанное на очень темномъ мѣстѣ у Геррита де-Веръ, будто голландцы по восточному берегу Шпицбергена прошли на сѣверъ и слѣдовательно обошли всю группу, въ новѣйшее время окончательно опровергнуто Роберт. Маркгамомъ ⁵⁾ и Колеманомъ Бей-

¹⁾ «The fifth of June wee sawe the first ice, which wee wondered at, at the first thinking that it had been white swannes». Gerrit de Beer „The three voyages of Barents“ стр. 73.

²⁾ Пешель «Geschichte der Erökunde». 2-е изд. стр. 328, ошибочно показано 8-е іюня.

³⁾ Точность опредѣленія, сдѣланнаго Барентсомъ посредствомъ грубыхъ инструментовъ тогдашняго времени, удивительна. Медвѣжьій островъ, по наблюденіямъ Фабуре на «Recherche», имѣетъ 74°, 30', 52" сѣв. шир. и 18°, 39', 32" вост. долг. отъ Гринича.

⁴⁾ По поправкѣ Чарльса Беке: 79° 49' сѣв. шир. (де Веръ «The three voyages of Barents») стр. 77.

⁵⁾ Въ его сочиненіи: «The Treshold of the Unknown Region, переводъ котораго Г. Гайдоцомъ: „Les abords de la région inconnue. Histoire des voyages d'exploration au pôle nord“ Paris 1876. 8°, у меня подъ рукою.

неномъ, послѣ того, какъ уже раньше Пешель указалъ, что курсъ обоихъ кораблей обозначенъ на картѣ Гондіуса съ такою точностью, что не остается никакого сомнѣнія относительно принятаго ими направленія ¹⁾. Лейтенантъ нидерландскаго королевскаго флота Колеманъ Бейненъ, написавшій введеніе ко второму изданію Геррита де-Вера, въ подтвержденіе вышеизложеннаго, привелъ еще дальнѣйшее, почти систематическое доказательство, заимствованное изъ логбуха ²⁾, вѣроятно веденнаго самимъ Барентсомъ и находящагося въ весьма рѣдкомъ сочиненіи Гесселя Геррита о Шпицбергенѣ ³⁾. За симъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Рипъ и Барентсъ прошли на сѣверъ не по восточной, а по западной сторонѣ Шпицбергена. Впрочемъ, если бы дѣйствительно происходило плаваніе вокругъ Шпицбергена съ востока на западъ, то Барентсъ не упустилъ бы назвать эту землю островомъ, между тѣмъ онъ ее считалъ частью Гренландіи. Де-Веръ, составлявшій записки объ этой экспедиціи, правда, этой земли ни какъ не называетъ; онъ пишетъ только, что они встрѣтили здѣсь на крайнемъ сѣверѣ свѣжую траву, павель и ложечникъ; изъ животныхъ—бѣлыхъ медвѣдей, оленей, которые были необыкновенно жирны и составляли отличную пищу, бѣлыхъ, сѣрыхъ и черныхъ лисицъ, равно какъ и множество казарокъ. Это описаніе вполнѣ относится къ Шпицбергену. Наконецъ, для устраненія всякаго сомнѣнія можно привести заявленіе Рипа, сдѣланное имъ передъ Дельфтскимъ магистратомъ, найденное де-Іонгомъ въ архивахъ Гааги. И мы дали этой землѣ названіе Шпицбергенъ, потому что тамъ очень много заостренныхъ вершинъ ⁴⁾.

Вскорѣ ледъ заставилъ смѣлыхъ плавателей спуститься южнѣе и вернуться къ Медвѣжьему острову, куда они и пришли 1-го іюля. Здѣсь они опять раздѣлились въ мнѣніяхъ. Рипъ увѣрялъ, что если отъ вновь открытой земли (Шпицбергена) идти на сѣверъ и потомъ повернуть на востокъ, то можно найти желаемый проходъ; Барентсъ же стоялъ на томъ, что подъ столь сѣвornoю широтою проходъ немыслимъ, и что его нужно ѣхать прямо съ Медвѣжьяго острова на сѣверовостокъ. Они раздѣлились: Рипъ пошелъ къ Шпицбергену, а Барентсъ съ Геемскеркомъ спѣшилъ къ знакомой уже ему Новой Землѣ, куда они и подошли 17-го іюня подъ 74° 40'

¹⁾ Пешель. *Gech. d. Erdk.* стр. 329.

²⁾ Герритъ де-Веръ *«The three voyages of Barents»* стр. 17—22.

³⁾ *Historie du Pays nommé Spitzbeghe. Comme il a esté descouvert, sa situation et de ses animaux. Avec le Discours des empeschemens que les Navires Hollandois que Flamens, ont soufferts de la part des Anglais, en l'année présente 1613. Escrip̃t par H. G. Amsterdam 1613.*

⁴⁾ Герритъ де-Веръ *«The three voyages of Barents»*. стр. 23.

сѣв. шир. ¹⁾. Со страшными усиліями, въ непрерывной борьбѣ съ массами льда, онъ пробивался къ сѣверу по западной сторонѣ Новой Земли. 18-го числа онъ прошелъ Адмиралтейскій полуостровъ, а 19-го долженъ былъ бросить якорь у острова Крестоваго, потому что сплошной ледъ застилалъ ему путь. 5-го августа море освободилось отъ льда, и онъ могъ продолжать плаваніе. 7-го августа прошелъ мимо мыса Утѣшенія, и, встрѣтивъ опять ледъ, ошвартовилъ свой корабль за громадную льдину, сидѣвшую 65 метровъ въ водѣ и тридцать метровъ надъ водою. Въ безпрестанной борьбѣ со льдомъ, онъ достигъ 15-го августа острововъ Оранскихъ, а 19-го мыса Желанія. Отсюда онъ переѣзжалъ курсъ на зюд-остъ. вмѣсто того, чтобы найти, за крайнею сѣверовосточною оконечностью Новой Земли, свободное отъ льдовъ море, страшныя массы льда заставили его вернуться къ острову и укрыться 21-го августа въ Ледяномъ заливѣ (Ushaven) на южной сторонѣ острова. 24-го числа ледъ раздробилъ руль у корабля и раздавилъ гребную лодку. 25-го августа теченіе вынесло большую часть льда изъ бухты и Барентсъ опять вышелъ въ море. Вскорѣ напоръ льдомъ опять усилился, а на другой день, въ достопамятное 26-е число августа, корабль окончательно былъ окруженъ льдомъ, послѣ чего Барентсъ съ товарищами долженъ былъ вынести всѣ трудности арктической зимы.

Голландцы находились ровно подъ 76° сѣв. шир. Корабль ихъ вскорѣ былъ раздавленъ льдами. „30-го числа, при сильной вьюгѣ, льдины стали громоздиться вокругъ нашего корабля, его приподняло льдомъ, который такъ его окружилъ, что все находившееся вблизи и вокругъ его страшно трещало и стонало. Казалось, что корабль долженъ развалиться на тысячи кусковъ; словомъ: наше положеніе было такое ужасное, что волосы становились дыбомъ. Въ такомъ же опасномъ положеніи находился корабль еще и послѣ, когда льдины подходили подъ него и его подталкивали, или его бросали, или его подымали, какъ будто подведена подъемная машина ²⁾. Вскорѣ судно затрещало во всѣхъ связкахъ до такой

¹⁾ По поправкѣ Беке подъ 72° 20' сѣв. шир. (де-Варъ: *The three voyages of Barents* стр. 89), какъ это также значится у Пешеля (*Gesch. d. Erdkunde*, стр. 329), между тѣмъ Свенске (Новая Земля, стр. 9) и Шпереръ (*Novja Semlja* стр. 20) придерживаются вышеуказанной цифры.

²⁾ Герритъ де-Веръ стр. 101. Удивительная правдивость описанія этихъ явленій и приключеній вполне подтверждается отчетами австро-венгерскихъ полярныхъ путешественниковъ и новѣйшаго времени Пайера и Вайпрехта о вынесенныхъ ими ужасахъ при напорѣ льдовъ. Вайпрехтъ посвящаетъ этому описанію особую главу въ его прекрасной книгѣ «*De Metamorphosen des Polarscees*» стр. 19—44.

степени, что благоразуміе требовало снять съ него часть жизненныхъ запасовъ, паруса, порохъ, свинецъ, мушкеты и другое оружіе и приступить къ постройкѣ бревенчатой избы, чтобы оградить себя отъ снѣга и нападеній бѣлыхъ медвѣдей. Къ счастью, на берегу было много прибойнаго лѣсу, годнаго какъ для топлива, такъ и для постройки избы, которую голландцы обшили досками съ разрушавшагося корабля. Въ серединѣ избы былъ устроенъ очагъ и въ крышѣ оставили отверстіе для дыма. Постройка этого импровизированнаго жилища съ величайшимъ трудомъ была исполнена семнадцатью моряками, истощившими уже свои силы въ борьбѣ со стихіями. Она окончилась только 2-го октября послѣ того, какъ корабельный плотникъ ¹⁾ скончался уже 23-го сентября. Его похоронили въ горной трещинѣ, потому что не было ни какой возможности вырыть могилу, по случаю слишкомъ сильныхъ морозовъ. Между тѣмъ морозы усиливались со дня на день. Но несчастные семнадцать голландцевъ не имѣли ни какого понятія о томъ, что ихъ еще ожидало. Хотя они не имѣли снарядовъ для опредѣленія степени холода, но, по различнымъ явленіямъ, они могли заключить, что температура крайне понизилась. Если матросъ бралъ гвоздь въ ротъ, какъ это водится при работѣ, то онъ вынимая его срывалъ себѣ кожу съ губъ. Пиво и спиртные напитки замерзали и разрывали бочки; при сушкѣ одежды, сторона, не обращенная къ огню, круто промерзала. Нары покрывались льдомъ въ два пальца толщины. Огонь на очагѣ безпрестанно поддерживался, для чего дрова собирались издалека. Чтобы избавиться отъ этого труда, они принесли каменный уголь съ корабля; но такъ какъ они отверстіе для дыма тщательно на ночь закрывали, то они чуть-было не задохлись отъ угара, еслибы одинъ изъ нихъ не имѣлъ довольно силы и присутствія духа подползти къ двери и ее отворить. Кажалось, что и огонь уже потерялъ свою согревающую силу. Чулки сгарали раньше, чѣмъ ноги согревались, и они это замѣчали скорѣе по запаху, чѣмъ по чувству согреванія. 4-го ноября солнце окончательно скрылось за горизонтомъ и прошло 81 день полнѣйшей ночи. вмѣстѣ съ исчезновеніемъ солнца и полярные медвѣди впади въ зимнюю спячку; въ замѣнъ ихъ показались песцы въ огромномъ количествѣ. Голландцы ловили ихъ ударною доскою; песцы доставляли имъ отличную пищу и мѣхъ для одежды. Отъ медвѣдей они получили жиръ для освѣщенія своего жилища и теплыя покрывала. Для подкрѣпленія силъ, они устраивали себѣ, по совѣту медика корабля, теплыя ванны въ бочкѣ, поставленной для сего по-серединѣ избы.

¹⁾ Онъ былъ изъ Пурмеренда въ сѣверной Голландіи.

Не взирая на всѣ трудности и лишенія, которымъ они подвергались въ этой отдѣленной отъ всего остальнаго свѣта ледяной степи, эти славные моряки обнаруживали невозмутимую, истинно-голландскую, твердость. Количество выпадавшего въ эту зиму снѣга было необычайное; вся ихъ изба была завалена снѣгомъ, что, впрочемъ, не мало содѣйствовало сохраненію теплоты внутри. Желая выходить на воздухъ, они всякій разъ должны были прорывать себѣ ходъ черезъ снѣгъ. При благопріятной погодѣ, они дѣлали прогулки; устраивали бѣгъ, стрѣляли въ цѣль, ходили на охоту, словомъ всѣми возможными способами старались развлечься. Бодрый духъ ихъ начальника одушевлялъ ихъ. 6-го января 1597, въ день Богоявленія, по-голландски праздникъ „Трехъ Царей“, они отпраздновали, по обычаю своей родины, пиромъ, испеченнымъ изъ муки съ ворванью и выборомъ изъ среды своей короля. Выборъ палъ на штукмейстера, завѣдующаго крѣпостною и вообще огнестрѣльными оружіями на кораблѣ и его торжественно провозгласили владѣтелемъ Новой Земли. 24-го января ¹⁾ солнце опять показалось, но морозъ продолжался съ тою же силою. Въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ они видали на морѣ иногда огромныя полыньи; даже случалось, что море бывало совсѣмъ свободно отъ льдовъ. При ясной погодѣ виднѣлась на юговостокъ земля съ невысокими холмами. Въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая море совершенно очистилось отъ льда, и голландцы стали совѣщаться о томъ, какимъ способомъ пробраться на родину. Поднять судно и поправить его не было ни какой возможности, оно сидѣло крѣпко; единственная надежда спасенія была на лодкахъ. Ослабленная, изнуренная команда съ величайшимъ трудомъ вырyla ихъ изъ подъ снѣгу. По временамъ сѣверовосточный вѣтеръ опять пригонялъ ледъ. Тогда окончательно падалъ духъ у людей. Нужна была неослабная нравственная сила начальника, чтобы ободрить ихъ къ напряженію всѣхъ силъ. Наконецъ кончилось вооруженіе лодокъ. Рано утромъ, 14-го іюня 1597 г., славные смѣльчаки простились съ непривѣтливымъ пустыннымъ берегомъ, гдѣ они провели восемь тяжелыхъ мѣсяцевъ. Къ счастью, у нихъ еще оставались кое-какіе запасы, которые спасли ихъ отъ голодной смерти на обратномъ пути. Раньше чѣмъ выйти изъ Ледянаго залива, Барентсъ написалъ краткій отчетъ о пребываніи ихъ тамъ и прикрѣпилъ его къ дымовому отверстию избы. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ написалъ протоколъ о причинахъ, побудившихъ его оставить судно, и этотъ документъ былъ подписанъ всѣми участвовавшими въ экспедиціи. Затѣмъ они тронулись съ своей стоянки.

¹⁾ По астрономическимъ вычисленіямъ это было не 24-е, а 25-е января (Беке по Герриту де-Веръ. „The three voyages of Barents“, стр. 146).

Барентсъ и его спутники пошли къ сѣверу вдоль утесистаго берега Новой Земли, покрытаго льдами. Море было бурное. 20-го іюня они дошли до Ледянаго мыса. Здѣсь они претерпѣли самую тяжелую потерю. Барентсъ, котораго уже при отвалѣ должны были перенести въ лодку, почувствовалъ, что приходитъ его конецъ. Герритъ де-Веръ описываетъ это слѣдующими простыми словами: „20-го іюня погода стояла ровная, вѣтеръ западный; когда солнце было на юго-востока¹⁾, Класъ Андриссонъ²⁾ сталъ себя чувствовать очень дурно, и мы видѣли, что онъ скоро кончится. Старшій боцманъ пришелъ на нашъ ялботъ и сообщилъ намъ это, прибавляя, что Класу уже немного, остается жить. Тогда заговорилъ Виллемъ Барентсъ и сказалъ: я думаю, что я его недолго переживу. Мы вовсе не полагали, что Барентсъ такъ серіозно боленъ, потому что болтали съ нимъ, разговаривали о разныхъ разностяхъ; онъ разсматривалъ карту, которую я составилъ о нашемъ плаваніи (у насъ при этомъ даже былъ небольшой споръ); наконецъ онъ отложилъ карту въ сторону и сказалъ мнѣ: „Герритъ, дай мнѣ пить“. Едва успѣлъ онъ напиться, какъ имъ овладѣла такая слабость, что глаза стали закатываться, и онъ внезапно скончался; мы даже не успѣли призвать начальника другой лодки, чтобы съ нимъ поговорить. И такъ онъ умеръ до Класа Андриссона (который вскорѣ послѣ него скончался). Смерть Барентса поставила насъ въ немалое затрудненіе, такъ какъ онъ собственно былъ нашимъ начальникомъ и единственнымъ нашимъ путеводителемъ, на котораго мы, послѣ Бога, болѣе всѣхъ уповали. Но противъ воли Божьей нельзя бороться, и поэтому мы должны были безропотно поклониться“³⁾).

Такъ скончался знаменитый Барентсъ, между многочисленными мореплавателями Голландіи,—звѣзда первой величины. Его похитила смерть среди его открытій точно такъ же, какъ его преемниковъ Франклина и Голла. 23-го іюня спутники его, предводительствуемые Геемскеркомъ и слѣдуя по пути, предначертанному Барентсомъ, достигли мыса Утѣшенія. (76°, 30' сѣв. шир.), а 24-го мыса Нассау. Чтобы пройти 111 километровъ до Крестоваго мыса они употребили 25 дней. 20-го іюля они вышли съ Крестоваго острова, 21-го прошли Сухой носъ, а 22-го числа укрылись отъ льдовъ въ обширномъ заливѣ подъ 73° 10' сѣв. шир., гдѣ и простояли четыре дня. Предполагаемый заливъ, по географическому положенію и протяженію, былъ ничто иное, какъ Маточкинъ Шаръ, тотъ узкій из-

¹⁾ Значить, около 7½ час. утра.

²⁾ Одинъ изъ мастеровъ, который, какъ и Барентсъ, долго еще былъ боленъ.

³⁾ Герритъ де-Веръ стр. 197—198.

вилистый проливъ, пересѣкающій Новую Землю на двѣ части и ведущій изъ океана въ Карское море. Ни при первомъ своемъ посѣщеніи, ни при второмъ, голландскіе открыватели не узнали, что это проливъ, и оставались въ невѣдѣніи, что Новая Земля двойной островъ.

Непрерывно тѣснимые льдами, они 28-го іюля дошли до Строгоновской губы. Здѣсь они встрѣтили двѣ лодки русскихъ промышленниковъ, которые дали имъ печеный хлѣбъ, копченую дичину, и, кромѣ того, оказали имъ всякаго рода помощь. Всѣ уже страдали отъ цынги ¹⁾; ложечная трава, произрастающая тамъ въ изобиліи, доставила имъ облегченіе. 3-го августа они стали держать курсъ къ матеріку, который и показался имъ на другой день близъ Печоры. Плыва далѣе, они все чаще, да чаще встрѣчали русскихъ моряковъ, которые принимали въ нихъ живѣйшее участіе, указывали имъ путь и оказывали всякую помощь; 18-го они обогнули Канинъ носъ, а 27-го дошли до „Семи острововъ“, гдѣ они получили радостную вѣсть, что въ Колѣ стоитъ голландское судно. То было—странное совпаденіе!—Корабль Яна Корнелиссона Рипа, съ которымъ они разстались въ предшествовавшемъ году на Медвѣжьемъ островѣ. Сдѣлавъ безуспѣшную попытку пробраться въ сѣверномъ направленіи, онъ вернулся въ Голландію. Потомъ онъ отправился въ Россію, съ коммерческимъ грузомъ, и теперь возвращается на родину. Получивъ отъ голландцевъ свѣдѣніе о плачевномъ положеніи своихъ соотечественниковъ, онъ поспѣшилъ имъ на встрѣчу съ жизненными припасами и привелъ ихъ въ Колу. Сюда они прибыли 2-го сентября. Обѣ шлюпки, на которыхъ они въ теченіе трехъ мѣсяцевъ боролись со всѣми ужасами полярнаго моря, были ими выставлены въ тамошнемъ гостиномъ дворѣ, какъ трофеи своего торжества. Затѣмъ они опять пошли въ море на кораблѣ капитана Рипа. 1-го ноября, они, которыхъ считали уже давно погибшими, вышли въ Амстердамъ на берегъ, одѣтые въ свои медвѣжьи шкуры, при радостныхъ крикахъ собравшагося народа. Изъ семнадцати зимовавшихъ на суровомъ берегу Новой Земли только 12 ²⁾ увидѣли опять родину,—пятерыхъ похитили изнуреніе и убійственная цынга ³⁾.

¹⁾ Совершенно то же испытали австрійцы подъ начальствомъ Пайера и Вайпрехта. Русскіе промышленники оказали имъ также на Новой Землѣ самую дружелюбную помощь.

²⁾ То были: Янъ ванъ-Гемскеркъ, Петръ Петерсонъ Фосъ, Герритъ де-Веръ, корабельный надзиратель, Янъ Фосъ, медикъ Яковъ Янсенъ Стеренбургъ, Леонардъ Гендрикъ, Лоренцъ Виллемсонъ, Янъ Гиллебрантсонъ, Яковъ Янсенъ Гогвуть, Петръ Корнелисонъ, Яковъ Вусъ Буйсенъ и Яковъ Эвартсонъ.

³⁾ Вышеизложенное описаніе плаванія Варентса заимствовано, съ нѣкоторыми

«Въ обл. вѣщ. льда».

Эта замѣчательная третья экспедиція голландцевъ въ общикъ ея чертахъ невольно напоминаетъ предпріятіе нашихъ дней, свѣжее еще въ памяти всѣхъ, а именно плаваніе къ сѣверному полюсу австрійцевъ Пайера и Вайпрехта, которому мы ниже посвятимъ особую главу. Подобно Барентсу, ледъ прижалъ ихъ къ берегамъ Новой Земли; подобно ему, они пострадали отъ страшнаго напора льдовъ; подобно Барентсу, они должны были перенести всѣ ужасы арктической зимы; подобно ему, наконецъ, они были вынуждены бросить свой корабль и на шлюпкахъ искать въ открытомъ морѣ возможность возвращенія на родину; подобно голландцамъ, Пайеръ и его спутники наткнулись у Новой Земли на русское судно, капитанъ котораго, со свойственнымъ его соотечественникамъ благородствомъ, милосердно принялъ ихъ къ себѣ и доставилъ ихъ на материкъ Европы; подобно голландцамъ, наконецъ, они возвратились въ столицу своей родины при радостныхъ кривахъ своихъ соотечественниковъ. Только въ томъ великая разница, что судьба отнеслась къ австрійцамъ снисходительнѣе: они оплакивали только одного изъ среды своей, а умственные главы и представители этой экспедиціи всѣ благополучно вернулись на родину.

Память о замѣчательномъ перезимованіи голландцевъ на Новой Землѣ до сихъ поръ по преданію сохраняется между русскими промышленниками, посѣщающими этотъ островъ. Мѣсто это они назвали Спорный Наволокъ. Почти триста лѣтъ спустя, 9-го сентября 1871 года, норвежскій капитанъ Эллингъ Карлсенъ, неоднократно удачными плаваніями котораго по Ледовитому океану мы позже займемся, впервые опять посѣтилъ мѣсто, на которомъ Барентсъ перезимовалъ со своею командою. Зимнее жилище Барентса стояло тамъ еще въ такомъ видѣ, какъ будто оно построено было вчера, такъ хорошо оно сохранилось. Все было въ томъ положеніи, какъ при потерпѣвшихъ крушеніе. Только медвѣди, лисицы и другіе подобныя обитатели этихъ негостепріимныхъ странъ навѣщали эту мѣстность. Вокругъ избы валялись тамъ и самъ большія бочки и груды костей моржей и медвѣдей. Внутри все было на своемъ мѣстѣ и представлялось точно въ томъ видѣ, какъ изобразилъ это де-Веръ на своемъ рисункѣ, передаваемомъ нами въ нѣсколько уменьшенномъ масштабѣ¹⁾. Въ 1875 году другой норвежецъ Гундерсонъ

добавленіями и поправками, изъ сочиненія Шперера (Nowaja Semlja стр. 19—21), который почти дословно привелъ его съ русскаго Свенске („Новая Земля“ стр. 8—12). По тщательному сравненію оно оказывается однимъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ и точныхъ извлеченій изъ замѣчательнаго и простаго языка привлекательнаго дневника Геррита де-Веръ. Болѣе подробное извлеченіе можно читать въ Petermann's „Geograph. Mitth.“ 1872 г., стр. 181—189.

¹⁾ Объ остаткахъ перезимовки Барентса см. сочиненіе I. K. I. де-Ионге:

навѣстилъ домъ Барентса, наконецъ въ 1876 году англичанинъ Чарльсъ Гардинеръ тщательно обследовалъ все мѣсто ¹⁾.

Экспедиція Барентса была послѣдняя, предпринимаемая голландцами, съ опредѣленно-выраженною цѣлю: отыскать Сѣверо-восточный проходъ. Съ одной стороны убѣдились въ невозможности, или по крайней мѣрѣ въ чрезмѣрной затруднительности, исполненія такого плана, съ другой стороны Корнелій Гутманъ съ успѣхомъ совершилъ въ 1595—1597 годахъ плаваніе вокругъ мыса Доброй Надежды. Его примѣръ вызвалъ къ подражанію и начались постоянныя плаванія этимъ путемъ въ Индію, на которыхъ основано могущество голландцевъ въ этомъ отдаленномъ краѣ. Не хочу оставить безъ упоминанія, что нидерландскій исторіографъ Витсенъ, издавшій, правда, сто лѣтъ спустя, свое сочиненіе о Тартаріи, рассказываетъ въ немъ о плаваніи капитана Корнелиса Руле, который будто бы былъ въ 1696 году сѣвернѣе Новой Земли до 84°, 30' сѣв. шир., или даже до 85 и открылъ тамъ землю. Противъ

„Nova Zemlia. De voorwerpen door de Nederlandsche zeevaarders na hunne overwintering aldaar in 1597 achtergelaten en in 1871 door de Kapitein Carlsen teruggevonden“. Гаагъ 1872. 8°.

¹⁾ The Barents Relics. Recovered in the summer of 1876 by Charles L. W. Gardiner Esqr. Describd and caplaind by I. K. I. de Jonge. Tranlated with a preface by S. R. von Campen. London 1877. 8°. Гардинеръ нашелъ избу голландцевъ совершенно разрушенною; даже то, что при посѣщеніи Карлсена въ 1871 году еще стояло, теперь уже разрушилось. Важнѣйшая находка, добытая изъ подъ развалинъ, были остатки рукописи, которую Гемскеркъ и Барентсъ, уѣзжая отсюда, вложили въ пороховой рогъ и подвѣсили въ дымовомъ отверстіи. Гардинеръ нашелъ ее въ видѣ плотнаго кома, котораго развернуть, а тѣмъ менѣе дешифровать, не представлялось ни малѣйшей надежды. Гг. де-Йонге и I. K. Гингману удалось, однако, и то и другое, и этотъ въ высшей степени интересный документъ лежитъ теперь передъ нами въ видѣ фотографическаго снимка. Онъ подписанъ Барентсомъ и Гемскеркомъ, и, по содержанію, тождественъ съ данными, сообщенными де-Веромъ въ его дневникѣ объ этотъ плаваніи и о перезимованіи ихъ на Новой Землѣ. Изъ остальныхъ найденныхъ предметовъ назовемъ еще нѣсколько остатковъ рукописей и записныхъ книгъ, одинъ печатанный молитвенникъ (изданіе очень рѣдкое), остатки голландско-французскаго словаря in 14-го Эльція Эдуарда Леона Маллема, остатки разныхъ другихъ книгъ, картинъ и картъ, пять мѣдныхъ монетъ, остатки голландскаго знамени и крестообразнаго посоха, маленькій компасъ, нѣсколько циркулей, чернильница, два пера гусиныхъ, печать, деревянная палка, оружіе и охотничьи принадлежности, свѣчи, части домашней утвари и носильнаго платья. Гардинеръ всѣ эти предметы поднесъ въ подарокъ нидерландской націи, и они теперь, вмѣстѣ съ вещами, привезенными Карсеномъ въ 1871 году, хранятся въ Гаагѣ въ отдѣленіи моделей морскаго департамента. (Тѣппенъ, Nowaja Semlja, стр. 55—56). Что касается остатковъ, найденныхъ Карсеномъ, то онъ, встрѣтивъ на обратномъ пути англичанина Лестера Кая, продать ихъ сему послѣднему, который ихъ впоследствии уступилъ нидерландскому правительству за ту же цѣну, за которую ихъ купилъ.

этого путешествія К. Руле, о которомъ не существуетъ ни какого совершеннаго доказательства, поднато сильнѣйшее сомнѣніе; тѣмъ не менѣе безынтересно, что описаніе Витсена о проливѣ, до котораго будто бы проникъ Руле на сѣверѣ, совершенно точно совпадаетъ съ проливомъ „Австрія“ въ землѣ Франца-Иосифа, открытой Пайеромъ и Вайпрехтомъ.

Въ 1602 году была основана Нидерландо-Остѣндская Компанія, и такъ какъ она, въ ущербъ всѣхъ остальныхъ голландскихъ отправителей, получила исключительную привилегію на пользованіе путемъ вокругъ мыса Доброй Надежды, то, естественно, нашлись люди, которые вновь хотѣли-было приняться за отысканіе Сѣверо-восточнаго прохода. Компанія предусматривала угрожающую ей опасность, и сама приняла участіе въ разрѣшеніи этого вопроса, въ увѣренности, что она получитъ монополію для сѣвернаго пути точно такъ же, какъ ей это удалось относительно южнаго. Большая часть позднѣйшихъ, хотя и не важныхъ, попытокъ въ этомъ направленіи обязаны своимъ возникновеніемъ этой борьбѣ между монополією и свободною торговлею. Изъ этихъ позднѣйшихъ плаваній я назову только экспедицію великаго мореплавателя Гудзона, который на маленькомъ суднѣ „De halve Маап (полумѣсяцъ) 6-го апрѣля 1609 г. вышелъ изъ Текселя, но, въ виду Новой Земли, былъ вынужденъ своею взбунтовавшеюся командою вернуться. 5-го мая того же года, Мельхіоръ ванъ Керкговенъ, по порученію Исаака де-Мэръ отправился-было въ Ледовитый океанъ, но вернулся съ пролива Вайгачъ, потому что нашелъ его закрытымъ льдами. Не взирая на это, съ каждымъ днемъ возрастало число тѣхъ, которые увѣряли, что можно найти путь поперекъ полюса, что собственно и было основнымъ мнѣніемъ Планціа. Въ 1610 году Гелисарій Рослинъ, врачъ въ Буксвейлерѣ, доказывалъ, что неудача всѣхъ до тѣхъ поръ предпринятыхъ экспедицій происходила отъ неправильности избранныхъ ими направленій. Вслѣдствіе этого, два нидерландца Эрнстъ ванъ де-Валь и Петръ Эрцъ де-Йонге успѣли убѣдить въ 1611 году Амстердамское Адмиралтейство вновь снарядить два корабля, „де-Фосъ“ и „де-Кразнъ“ подъ командою Яна Корнелиса Мая. Но, вмѣсто того, чтобы идти на крайній сѣверъ, они попали на Новую Землю, подошли къ Костину шару, но не могли проникнуть въ Карское море и отправились для починки въ Килдинъ. Послѣ того они попали на зимовку въ Америку, гдѣ Петръ Эрцъ де-Йонге былъ убитъ мѣстными жителями. Май же въ началѣ 1612 года вернулся опять къ Новой Землѣ, вдоль которой онъ поднялся до 77°, 45' сѣв. шир., но столь же безуспѣшно, какъ въ предъидущемъ году. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что дѣло неисполнимо, и, въ серединѣ сентября, вернулся

въ Голландію. Не смотря на это, нидерландцы еще не были достаточно преучены: въ 1624 году они опять отправили экспедицію, подъ начальствомъ Корнелиса Ренниса Босмана, въ сопровожденіи Виллемъ Юстена Глиммера, какъ торговаго агента, въ нѣльной надеждѣ на успѣхъ. Корабль ихъ „де-Катъ“ вышелъ изъ Текселя 24-го іюня, 10-го августа былъ у Югорскаго Шара, но, прошедши его, былъ вынужденъ вернуться, вслѣдствіе страшныхъ бурь. Съ этихъ поръ только, кажется, нидерландскіе купцы перестали дѣлать экспедиціи на сѣверо-востокъ ¹⁾. Слѣдуетъ только еще упомянуть объ одной попыткѣ въ этомъ направленіи, предпринятой во все остальное время XVII столѣтія однимъ англичаниномъ. Въ 1676 г. Джонъ Вудъ представилъ королю Англіи Карлу II-му проектъ къ открытію новаго пути въ Индію въ сѣверо-восточномъ направленіи вдоль береговъ Шпицбергена и Новой Земли. Рѣшились-было на это предпріятіе: Джонъ Вудъ и Гренвилль Коллинсъ, полные надежды, вошли въ море съ грузомъ товаровъ для Япоіи и Тартаріи, но, черезъ три мѣсяца, вернулись домой безъ всякаго успѣха.

Этимъ кончается первый періодъ попытокъ, сдѣланныхъ для отысканія сѣверо-восточнаго торговаго пути. Прошло время, такъ сказать, безотчетныхъ торговыхъ экспедицій, настала пора политическихъ, научныхъ предпріятій, которыя только въ послѣдніе, современные намъ, годы дали дѣйствительные результаты.

¹⁾ Колеманъ Бейнеъ, у Геррита де-Веръ, стр. 31—37.

Сборы экспедиціи Барентса къ возвращенію.

Гонимыя по тундрѣ.

ВЪ АРКТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ РОССИИ.

ЕСЛИ Сѣверъ Европы омываетъ неизмѣримое полярное море, Сѣверное ледовитое море, или, какъ русскіе его называютъ, сѣверный океанъ; то же море, которое разбивается о сѣверное побережье Сибири, окружаетъ острова арктической Америки и хранитъ подъ различными названіями своихъ частей непроницаемыя тайны полюса. Бѣлое море, вѣсыщающееся до 64° сѣв. широты въ глубь материка и принимающее три большія рѣки сѣвера, Онегу, Двину и Мезень, составляетъ часть этого обширнаго океана. Проникая въ Бѣлое море съ сѣвера черезъ проходъ въ 133 кил. ширины, суда должны миновать мысъ „Святой носъ“ на большомъ лапландскомъ полуостровѣ Колѣ¹⁾, остающемся по правую руку. Полуостровъ Кола, отдѣляющій Бѣлое море отъ Сѣвернаго океана, представляетъ громадную гранитную массу въ 9900 квадр. миль, пересѣкаемую полярнымъ кругомъ въ южныхъ ея частяхъ. Невысокіе, волнистые горные крижи, проходящіе по лапландской тундрѣ въ болѣе или менѣе меридіанальномъ направленіи, образуютъ безчисленное количество длинныхъ, узкихъ озеръ. Противъ неуклюжаго, огромнаго полуострова Колы, ²⁾ на другой сторонѣ входа въ Бѣлое море,

¹⁾ Подробное описаніе Бѣлаго моря можно читать въ „Журналѣ мануфактуръ и торговли“ за 1835 годъ.

²⁾ Кола и вся сѣверная Россія съ островами Новою землею очень картинно

лежать; если позволительно такъ выразиться, сравнительно мило-видный полуостровъ Канинъ съ мысомъ того же названія. Южнѣе подъ широтою другъ противъ друга лежащихъ мысовъ Орлова и Конушина, изъ которыхъ на первомъ устроены маякъ, а второй представляетъ южную оконечность Самоковскихъ горъ, вступаемъ мы собственно только въ Бѣлое море. Къ востоку, на лѣво, Мезенская губа, такъ названная по вливающейся въ нее огромной рѣкѣ, 780 метр. шир. и 600 километр. длины; у мыса Воронова на островѣ Моржовцѣ маякъ, путеводитель для входящихъ судовъ. Здѣсь, между материкомъ съ одной стороны и полуостровомъ Колы съ другой, начинается узкое гирло, предверіе Бѣлаго моря. Не взирая на значительную глубину ¹⁾, поверхность этого моря не темна и, по характеру своему, оно представляетъ скорѣе озеро, условія котораго крайне невыгодны для прибрежныхъ странъ, такъ какъ оно съ начала ноября до мая покрыто сплошнымъ льдомъ, вслѣдствіе чего входъ и выходъ судовъ въ теченіе этого времени невозможенъ. Сперва, разумѣется, море замерзаетъ около береговъ на огромныя пространства, сильныя бури отрываютъ этотъ ледъ отъ береговъ и переносятъ его въ другое мѣсто, гдѣ онъ накапливается и связывается морозами въ громадныя массы, называемыя тамъ „падунами“ или чаще еще „глетчерами“. Бѣломорскій бассейнъ, который отличается замѣчательными явленіями отраженія воздуха, заключаетъ три большія губы, изъ которыхъ болѣе всѣхъ посящается Двинская. Четырьмя главными рукавами, образующими обширную дельту, рѣка Двина, болѣе версты ширины, замерзающая на всю зиму, вливается въ Бѣлое море. Въ пятидесяти верстахъ отъ устья красуется на берегу рѣки главный торговый городъ арктической Россіи, Архангельскъ, съ 17,000 жителей, доступный для судовъ только въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, и тогда проявляется въ этомъ прекрасномъ коммерческомъ портѣ весьма оживленная дѣятельность. Длинная и довольно широкая коса отдѣляетъ Двинскую губу отъ Онежской, входъ въ которую сторожатъ Соловецкіе острова со своимъ знаменитымъ монастыремъ. Въ сѣверо-западномъ углу Бѣлаго моря находится узкая Кандалакская губа съ безчисленными заливчиками и маленькими губами, на сѣверномъ берегу которой множество рѣкъ и рѣчекъ вливается съ полуострова Колы, часто въ видѣ шумныхъ водопадовъ, въ воды Бѣлаго моря. Мѣстами непроходимые, лѣса подходятъ къ самому

и жѣтко описанна въ прекрасномъ сочиненіи В. И. Немировича-Данченко „Страна холода“, видѣнное и слышанное, съ 25 рисунками Н. И. Каразина. С.-Петербургъ. и Москва 1877 г. 8°.

¹⁾ Наибольшая глубина въ Бѣломъ морѣ 363 метра.

берегу морскому, мѣстами прекрасные зеленые дуга тянутся вдоль берега окаймляя его, будто лѣса. Подъ широтою маленькой группы острововъ, называемыхъ Медвѣжьими, губа значительно суживается и за ними оканчивается у маленькой деревушки того же названія, лежащей по обѣ стороны рѣчки Ниевы, быстро вытекающей изъ скалистыхъ горъ Лапландіи и здѣсь впадающей въ море.

Изъ мѣстечка Кандалакши, гдѣ лѣтомъ несмѣтныя массы мошкары осаждаютъ жителей, ведетъ такъ называемая почтовая дорога до лежащаго у сѣвернаго берега Лапландіи городка Кола. На этомъ, пути, говорятъ, пять деревень, въ которыхъ, какъ значится на картахъ, учреждены почтовые станціи. „Братья Германъ и Карлъ Аубель“¹⁾, нѣсколько лѣтъ тому назадъ путешествовавшіе тамъ, увѣряютъ, что деревень ни какихъ тамъ нѣтъ, — это чисто воображеніе, а въ данныхъ точкахъ лишь маленькія деревянныя, совершенно пустыя избушки представляютъ станціи; возлѣ нихъ лапландская землянка, имѣющая видъ большаго муравейника, можетъ пріютить утомленнаго путешественника. Дорога проходитъ по смѣшанному лѣсу изъ пихтъ, березъ и рябины, который подчасъ до того густъ, что едва лучъ солнца пробивается черезъ него. Черезъ этотъ первобытный лѣсъ, въ которомъ олень такъ же свободно перебѣгаетъ какъ серна по нашимъ рощамъ, и гдѣ поражаетъ васъ¹⁾ немовѣрное множество грибовъ, протекаетъ рѣка Ниева, по которой, на нѣкоторыхъ пространствахъ, смотря по тому, дозволяетъ ли быстрота теченія и стремительность паденія воды, происходитъ приблизительно до середины Лапландіи водяное сообщеніе, замѣняющее сухопутное. Непокрытое лѣсомъ, болотистое мѣсто называется въ Лапландіи „тайболоу“. На половинѣ дороги между Кандалакшею и Колою на тайболѣ лежитъ водораздѣлъ, посылающій воды въ Бѣлое море и въ Ледовитый океанъ: въ одну сторону рѣчка Куринга соединяетъ Беленисъ озеро (на нашихъ картахъ Целесоозеро) съ большимъ озеромъ Имандра,²⁾ изъ котораго вытекаетъ рѣка Ниева, вливающаяся, проходя черезъ озеро Піено въ Кандалакскую губу, по восточному берегу озера Имандры тянутся горы Хибены или Умадыкъ; въ другую сторону изъ Колоозера вытекаетъ рѣка Кола, которая, протекая черезъ маленькія озера Пуль и Мурдъ, впадаетъ въ Ледовитый океанъ. Съ возвышенностей, лежащихъ на этомъ водораздѣлѣ, кругомъ видны пруды, въ которыхъ такъ спокойно и рельефно отражается вся окружающая ихъ мѣстность, что только узкая

¹⁾ См. сочиненіе братьевъ А у б е л ь „Ein Polarsommersreise nach Lappland und Kanin“. Leipzig 1874 г., стр. 81.

²⁾ Величина его 851 кв. килом.; большую часть года онъ покрытъ льдомъ.

воздушная полоса указываетъ глазу, что тамъ находится водяныя поверхности, похожія на твердыя зеркальныя плоскости среди множества возвышающихся холмовъ. По разрушеннымъ отступамъ скалъ можно подняться къ другимъ прудамъ, вокругъ которыхъ разстилается бѣлый олений мохъ, какъ свѣжее снѣжное поле, между тѣмъ водяная поверхность ихъ, не смотря на прозрачность воздуха, похожа на плоскость черного хрустала, надъ которою паритъ громадный орелъ, медленно взмахивая своими большими свѣтлоричнѣвыми крыльями¹⁾. Хотя трудно опредѣлить границу древесной растительности въ полярной полосѣ, но здѣсь ея уже нѣтъ, а начинается царство мховъ и ягодъ, по которому приходится идти, подымаясь отъ озера Мурдъ къ тундрамъ, лежащимъ на Обьской возвышенности. Далѣе опять исчезаетъ полярная внѣшность и надъ 69° сѣв. шир. вѣжется, будто находишься въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Германіи, красующихся въ своемъ лѣтнемъ облаченіи. Здѣсь лежитъ городокъ русской Лапландіи, Кола, состоящій изъ 110 домовъ съ 500—600 жителями, въ мѣстности частью краснопесчанистой, частью зеленѣющей, орошаемой соединившимися тамъ рѣками Колою и Туломою. Лѣсистые края съ бѣломшистыми вершинами теряются вдаль. Это сѣверное побережье Ледовитаго океана извѣстно подъ названіемъ Мурманскаго берега, пользующагося, благодаря близости моря, значительными преимуществами въ климатическомъ отношеніи по сравненію съ внутренними странами Лапландіи. Ледовитый океанъ въ самую суровую зиму замерзаетъ только на разстояніи 55 метровъ отъ берега въ глубь моря. Въ Колѣ, лежащей въ семидесяти верстахъ отъ моря, средняя температура зимы отъ —12°,3 до —18°,75' Ц. и никогда ниже —31°,25', между тѣмъ внутри Лапландіи холодъ доходитъ до 43°,75' и еще ниже, даже въ Архангельскѣ, лежащемъ гораздо южнѣе въ Двинской губѣ, термометръ опускается до —40° Ц. Лѣтомъ, въ свою очередь, температура у побережья не можетъ такъ высоко подняться, какъ внутри страны, по причинѣ холодныхъ морскихъ вѣтровъ, охлажденныхъ или морскими волнами, неимѣющими никогда болѣе 20°25' теплоты, или ледяными массами, надѣляющими ихъ холодомъ изъ крайнихъ предѣловъ Ледовитаго океана. У Терскаго берега примыкающаго съ востока къ Мурманскому, климатическія условія еще болѣе выгодны, по сравненію съ значительно южнѣе лежащими побережьями, и можно бы назвать „арктическими оранжереями“ тѣ природныя сады, которые встрѣчаются у восточнаго берега Кольскаго полуострова въ предѣлахъ сѣвернаго полярнаго круга, за предѣлами древесной растительности.

¹⁾ Аубель стр. 114—115.

Противъ громаднаго Лапландскаго полуострова, по другую сторону входа въ Бѣлое море, лежитъ гораздо менѣшій, стройный полуостровъ Канинъ съ своею сѣверозападною оконечностью, Канинскимъ носомъ, подѣ 68°38' сѣв. шир. За нимъ широкая Чешская губа, въ которую Канинская земля вдается своимъ юго-восточнымъ мысомъ, Микулкинымъ. Отъ Канинскаго носа до мыса Микулкина, поперекъ всего полуострова, на протяженіи 160 кил., тянется голый, невысокій горный хребетъ, Канинскій камень, южный склонъ котораго очень крутъ. На узкомъ перешейкѣ, соединяющемъ полуостровъ съ материкомъ, двѣ рѣчки направлены въ противоположныя стороны, Чижа впадаетъ въ Мезенскую губу, а Чеша въ Чешскую. Оба озера, изъ которыхъ вытекаютъ эти рѣчки заросшія мхомъ и тростникомъ, скорѣе должны быть названы болотами. По западному берегу, между мысомъ Конушинымъ и рѣчкою Кіею возвышаются Слмоковскія горы, состоящія изъ наслоенія песчаника съ перемежающимися валунами. Кромѣ кварца, орлеца и яшмы, равно какъ и закругленныхъ обломковъ древнѣйшей плутонической формациі, встрѣчаются въ горахъ полуострова преимущественно валуны синевато-чернаго известняка, принадлежащаго періоду девонской формациі, также черныя глинистой сланецъ и мелкозернистый краснобурый песчаникъ. Въ остальномъ Канинъ полуостровъ представляетъ громадное болото съ немногими ручьями и озерками. Растительность на немъ, въ сравненіи съ лапландскою, очень скудная. Причина тому заключается въ геотектоническомъ построеніи полуострова и въ его физическихъ условіяхъ. Огромныя болотистыя пространства, зимою покрытыя снѣгомъ и льдомъ, не имѣютъ достаточнаго стока. Ледъ до послѣдняго клочка долженъ растаять въ стоячихъ болотистыхъ котловинахъ, а затѣмъ уже образовавшаяся вода должна быть согрѣваема до степени, по крайней мѣрѣ не препятствующей растительной жизни, и въ этомъ терѣтся время, необходимое для развитія растительности, тѣмъ болѣе, что арктическое лѣто и безъ того быстро и скоротечно. Болѣе удобно расположенныя мѣстности не имѣютъ и плотной каменистой подпочвы, а покоятся на наслоеніи, промерзшемъ до глубины, и никогда не оттаивающемъ. Немногія маленькія рѣчки съ болотистымъ грунтомъ протекаютъ по мѣстностямъ низменнымъ, иловатымъ; для растительности недостаетъ защищенныхъ наклонныхъ плоскостей, согрѣваемыхъ солнцемъ. Вездѣ тундровыя торфяныя равнины, заливаемые потоками дождя. „Проходили мы, — рассказываютъ братья Аубель, — по печальнымъ равнинамъ, покрытымъ протыканными копытами оленей пестрыми мхами, на которыхъ сани качались какъ на волнахъ. Безпрерывно и слышно, и видно было, какъ испаренія болотъ большими пузырями проникали на поверх-

ность; сани, проходя по кочкамъ и ударяясь въ иловатныя впадины, разсѣкали содержащую испаренія оболочку и помогали газамъ выходить наружу.“

Эти плавучія болота, — какъ ихъ называетъ мѣстный житель-самоѣдъ, — суть часть тѣхъ необозримыхъ тугдръ, по которымъ протекаетъ величайшая рѣка арктической Россіи, Печора. Финны называютъ всѣ безлѣсныя возвышенности, каждую отдѣльную горную котловину, „тунтуръ“; это слово перешло въ русскій языкъ, видоизмѣненное въ „тундру“, обозначающую пустынный безлѣсный пространства арктическихъ странъ, далеко превосходящія своимъ убійственнымъ однообразіемъ всѣ песчанныя пустыни жаркаго пояса. Уже въ семнадцатомъ столѣтіи западные европейцы посѣщали эти арктическія области. Англійскій писатель первой четверти XVII столѣтія, Самуэль Пурчезъ сохранилъ въ своемъ сборникѣ отчеты И. Логана, В. Гурдона и Пурсглева о ихъ странствованіяхъ по странѣ Печорской. Научное изслѣдованіе этихъ мѣстъ начинается, однако, только съ путешествій А. Г. Шренка въ 1837 году, затѣмъ М. Ковальскаго и графа Александра Кайзерлинга съ его спутникомъ Павломъ Крузенштерномъ въ 1843 году. Громадная полярная тундра, начинающаяся отъ крайнихъ предѣловъ древесной растительности на сѣверѣ, простирается отъ рѣки Мезени черезъ полуостровъ Канинъ и все сѣверное побережье Европейской Россіи, заключающее обширную область Печорскаго края, до самой Азии; это настоящая сѣверная пустыня. „Убійственное впечатлѣніе дѣлаетъ однообразіе обширной тундры; она безконечна, въ безпредѣльной дали теряется ея нескончаемый горизонтъ. Нѣтъ разнообразія, нѣтъ тѣни, нѣтъ ночи лѣтомъ: свѣтъ безъ перерыва, вѣтеръ и звукъ не встрѣчаютъ сопротивленія, производимыя ими сотрясенія воздуха безконечны; вездѣ вѣтрено, вездѣ непривѣтливо, смертная тишина, страшное безмолвіе!.. Въ теченіи всего лѣта на арктической тундрѣ солнце, какъ бы сквозь туманную завѣсу, свѣтитъ безъ заката лунообразнымъ блескомъ, которому человекъ дерзостно и безнаказанно посылаетъ навстрѣчу свои взоры. Зрѣлище это до того утомительно, дѣйствуетъ до того расслабляюще, что человекъ подъ этимъ пустыннымъ впечатлѣніемъ превращается въ какое-то безмысленное, тупое существо, въ самоѣда“ ¹⁾. Всѣ путешественники одинаково отзываются объ однообразіи тундры. Почва тундры сложилась какъ бы по данному, но ужасающему правилу пустыни. Волокнистыя глыбы, выдвинутыя силою болотныхъ газовъ, какъ подушки, слонятся одна къ другой въ безконечныхъ рядахъ, какъ могила къ могилѣ. Никогда не зеленѣющія травы, постоянно

¹⁾ Шпереръ. „Новая Земля“, стр. 81.

колыхающіяся, постоянно дрожащія, сообщаютъ каждой отдѣльной могилкѣ видъ однообразнаго движенія; болотная муха едва подымается изъ влаги, ее создавшей, и опять въ нее возвращается. Вопросительно смотритъ глазъ на маленькую птичку, перелетающую отъ одной кочки на другую, недоумѣвая, почему она не только не улетаетъ изъ этой жалкой обстановки, а, напротивъ, все глубже увлекается массою личинокъ. Вопросительно смотритъ глазъ на миловидную маленькую ягодку, созрѣвающую на безплодномъ полѣ тундры, гдѣ пѣтъ жизни, гдѣ чувствуется, что будто все превращается въ ничто¹⁾.

Не вездѣ тундра одинакова; напротивъ, она бываетъ разнообразна. Разница между сухою, нагорною тундрою и болотистою, низменною не относится къ безусловной высотѣ, а къ возвышенію надъ уровнемъ водъ данной мѣстности. Большинство тундристыхъ равнинъ и самыя обширныя изъ нихъ лежатъ обыкновенно немного выше уровня моря. Нагорная тундра отличается отсутствіемъ чернозема; поэтому здѣсь, при неблагоприятныхъ условіяхъ климата, соединенныхъ съ безплодіемъ почвы—пустыпнѣйшая пустыня. Степь—характеристичная форма европейской нагорной тундры, обязанная своимъ существованіемъ тощей почвѣ и покрывающая обыкновенно морскіе песчаные наносы незапамятныхъ временъ—въ одну сторону переходитъ на крайнемъ сѣверѣ въ нагорную тундру—polytrichum, съ другой стороны она переходитъ черезъ торфяныя пространства въ низменную тундру. Послѣднія имѣютъ больше чернозема, содержатъ больше почвенной теплоты; и то, и другое приносится туда приливами. Поэтому въ болѣе благоприятныхъ мѣстностяхъ даже крайняго сѣвера встрѣчаются луговныя пространства. Шведскій естествоиспытатель Норденскіельдъ встрѣтилъ на тундрахъ у устьевъ Енисея поразительно роскошную растительность. Плодородіе почвы, неизмѣримое протяженіе луговыхъ пространствъ и роскошь травъ сдѣлали тамъ изъ тундръ великолѣпнѣйшія пастбища²⁾. Низменные тундры преимущественно заняты торфяною почвою и всегда представляютъ плоскія равнины, то онѣ покрыты осокою, то густымъ, но жалкимъ малорослымъ кустарникомъ. Такъ какъ въ области вѣчныхъ мерзляковъ не можетъ быть топей или проваловъ, то самоѣды и лѣтомъ ѣздятъ на саняхъ по этимъ тундрамъ. Южная часть низменныхъ тундръ переходитъ постепенно въ плодороднѣйшій ихъ видъ, въ такъ называемыя „лайды“; самый же неплодородный видъ тундръ суть мшистыя болота. Онѣ покрыты водяными мхами и едва простираются до крайняго сѣвера,

¹⁾ Аубель, стр. 302.

²⁾ „Nature“, т. XIII, стр. 97.

такъ какъ продолжительность зимы и промерзаніе почвы не благоприятствуютъ ихъ развитію. Плоскія низменности, покрытыя зыбкими плавающими мхами, причисляются также къ тундрамъ; впрочемъ, тундра отнюдь не обозначаетъ качество почвы, а только видъ растительности ¹⁾.

Пушной звѣрь, какъ земляной, такъ и водяной, лебеди и другія птицы, которыя вьютъ свои гнѣзда около озеръ на тундрѣ, водятся въ этой замѣчательной странѣ. Болѣе всего встрѣчается здѣсь полярная лисица, но и она уже стала рѣже попадаться, очень рѣдко песецъ и обыкновенная лисица; довольно часто попадаетея волкъ, рѣже лѣсной медвѣдь, а обожаемый жителями сѣвера бѣлый медвѣдь составляетъ на тундрахъ величайшую рѣдкость. Рѣдко и въ небольшомъ количествѣ показывается горностай, лѣсная куница, выдра рѣчная, росомаха, бѣлка и заяцъ. О лосѣ тамъ слышно только какъ о сказочномъ животномъ.

Только самоѣды ²⁾ пускаются въ глубь тундръ,—здѣсь онъ въ своей сферѣ со своими оленями. Въ арктическихъ странахъ европейской Россіи изрѣдка только встрѣчаются русскіе, поселившіеся тамъ, какъ промышленники среди лапландцевъ, зыряне, остяковъ и самоѣдовъ. Последніе суть единственные представители въ Европѣ кочующаго полярнаго народа въ первобытномъ состояніи. Они, какъ и лапландцы, уже совершенно вымираютъ, что является естественнымъ послѣдствіемъ ихъ тупости и лѣности, развившихся между ними въ силу вышеописанныхъ полярныхъ условій жизни. Предпримчивые зыряне и русскіе промышленники отбили у нихъ постепенно всѣ промыслы, подчинили ихъ своему вліянію и національная особенность самоѣдовъ мало по малу исчезаетъ. Къ этому прибавляется еще, что съ нѣкотораго времени падежъ между оленями сталъ ежегодно повторяться, и такимъ образомъ самоѣды лишаются единственной возможности кочевки по тундрамъ, чѣмъ обуславливается его жизнь въ этихъ мѣстностяхъ. Олень для самоѣда—все: имъ онъ питается и одѣвается, имъ отдѣлываетъ свое жилище, на немъ и съ нимъ, какъ единственнымъ спутникомъ, онъ скитается по необозримымъ тундрамъ, лѣтомъ и зимою, вѣчно на санихъ. Встрѣчаются и богатые самоѣды, которые имѣютъ до трехъ тысячъ оленей; единственное ихъ занятіе—оленоводство, что и вынуждаетъ самоѣда постоянно перекочевывать. Самоѣды раздѣляются на сѣверныхъ и южныхъ; первые кочуютъ по побережью

¹⁾ Шпереръ, стр. 83 и 84.

²⁾ Объ этомъ народѣ см. М. А. Castren's „Reisen in Norde“, перев. съ шведскаго Хохла. Лейпцигъ, 1853. 8° и Edward Rae „The land of the North Wind, or travels among the Lapplanders and the Samojedes“. London. 1875. 8°.

Ледовитаго океана, отъ Хатанги до Бѣлаго моря; вторые—въ южной Сибири по возвышенностямъ Саянскимъ и Тангуну. Въ Европейской Россіи считается 5370 самоѣдовъ, изъ нихъ нѣкоторые со своими семьями и стадами оленей зимою прикочевываютъ къ Архангельску. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города они разбиваютъ свои шалаши конусообразной формы изъ спитой древесной коры, покрытой оленьими шкурами; наверху оставляется небольшое отверстіе для дыма. Рано утромъ они являются въ городъ на рѣѣ, въ опредѣленномъ мѣстѣ на своихъ саняхъ, запряженныхъ 3—4 оленями; ихъ нанимаютъ для катанія по льду и для развѣздовъ по окрестностямъ города. Сани очень низки и вмѣщаютъ едва двухъ человекъ; на передкѣ садится самоѣдъ со своею длинною палкою. **Поталки**гая оленей этою палкою и съ непрерывнымъ крикомъ: „гиксъ! гиксъ!“ онъ везетъ съ изумительною быстротою. Чтобы остановить оленей, самоѣдъ **кидаетъ** свою палку впередъ, и, по этому знаку, олени останавливаются. Лѣтомъ самоѣды кочуютъ вдоль рѣкъ, для того чтобы воспользоваться рыболовствомъ и **чтобы** охотиться. Самоѣдъ ѣстъ все, даже падалъ звѣря, которая ему попадется на охотѣ, за исключеніемъ собакъ, кошекъ, бѣлки и горноста. Оленье мясо онъ употребляетъ въ сыромъ видѣ, и для него лакомство пить теплую кровь оленя. И рыбу онъ ѣстъ сырую; всякую другую пищу онъ варитъ,—поэтому надъ огнемъ постоянно виситъ котелокъ съ какимъ либо варевомъ, такъ что онъ во всякое время хлебаетъ, какъ только явится аппетитъ. Обыкновенную его пищу составляетъ хлѣбъ, птица и ягоды. Важнѣйшая потребность самоѣда—табакъ. Его употребляютъ тертымъ и въ цѣльныхъ листахъ; мужчины, женщины и дѣти его могутъ нюхать. Они страстно любятъ водку, а хитрые зыряне пользуются этимъ порокомъ ихъ, чтобы выманить у нихъ послѣднее и безусловно подчинить ихъ себѣ.

Въ какой бы шалашъ „міз“ или „міэдико по-русски чумъ“, вы ни вошли, вездѣ вы найдете ту-же картину: по срединѣ горитъ огонь, надъ нимъ котелъ, а около него грѣются собаки и грязныя голыя дѣти и хозяйка самоѣдка, инка,—судьба ея ужасна: къ ней относится мужчина какъ къ рабочей скотинѣ; мало того она считается нечистымъ существомъ, которому воспрещается ступить въ извѣстныя части чума,—сидитъ молча въ сторонѣ и чинитъ одежду (малицу) своего мужа или же крутитъ веревки изъ оленьихъ жилъ. Волосы у нея большею частью заплетены въ двѣ косы, съ пестрыми ленточками или тряпками; въ ушахъ и на шеѣ бусы стеклянныя или даже серебряныя цѣпочки. Одежда мужчинъ и женщинъ состоитъ, соответственно климату, зимою изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ, спитыхъ въ видѣ широкихъ рубахъ, даже узорчатыхъ, обшитыхъ цвѣтнымъ сукномъ и украшенныхъ блестящими пуговицами. По-

хрой ихъ уродливый и неудобный, потому что приходится руки постоянно держать въ полугоризонтальномъ положеніи. Такъ какъ одежда мужскаго и женскаго пола одинакова, къ тому-же мужчины необыкновенно малы ростомъ и безбороды, то часто находишься въ недоумѣніи, съ кѣмъ имѣешь дѣло—съ мужчиною или женщиною.

Самоѣды принадлежать къ древне-алтайской отрасли финнскаго племени, родственны остякамъ, роста небольшого, сложенія крѣпкаго; фигура самоѣда обыкновенно широка, приземиста, на корот-

Озеро внутри русской Лапландіи.

кихъ ногахъ и маленькихъ ступняхъ: голова широка и плоска, лице приплюснутое съ сильно выдающимися скулами, большимъ ртомъ, длинными ушами, и маленькими глазами. Длинные щетинообразные волосы спускаются до плечъ. Немногіе волосы на подбородкѣ самоѣды вырываетъ; цвѣтъ кожи желтоватый, доходящій до темнубураго. По характеру самоѣды добродушны и честны, но лѣнивы и сладострастны; они очень рано развиваются до половой зрѣлости,—дѣвицы уже въ 11 лѣтъ. Большая часть европейскихъ самоѣдовъ христіанскаго православнаго вѣроисповѣданія, по крайней мѣрѣ номинально; всѣ умѣютъ осѣнять себя знаменіемъ креста, но въ существѣ они язычники; шаманство имѣетъ у нихъ громадное значеніе, многіе изъ нихъ даже признають его открыто. Странно сформированные древесные корни и куски дерева представляютъ

ихъ идоловъ, которыхъ не затрудняются бить, когда имъ несчастливится, даже ихъ уступаютъ ихъ прѣзжимъ, за водку. Впрочемъ самоѣды вѣруютъ въ высшее существо, называя его „Нумъ“, „Илевбарта“ или „Тавни“ т. е. высшее божество, источника смерти и добра, и въ тоже время создатель источника зла, діавола „А“. По ихъ понятіямъ, это высшее существо не можетъ быть изображаемо подобно созданнымъ имъ-же духамъ „Табедіи“, которые хотя ему и подчинены, но дѣйствуютъ противъ его воли и причиняютъ людямъ зло. О жизни будущей они имѣютъ странное представленіе и вѣруютъ, что на томъ свѣтѣ должно послѣдовать возмездіе ¹⁾).

Настоящее названіе самоѣдовъ, которымъ они сами себя обозначаютъ „Хасоваръ“ т. е. мужчина. Слово „самоѣдъ“ составлено изъ двухъ русскихъ, „самъ“ и „ѣдъ“, отъ глагола „ѣхать“ „ѣхати“; впрочемъ, этимологія этого слова крайне сомнительна, поэтому я подробно въ разборъ ея не вхожу.

---

¹⁾ О религіи самоѣдовъ см. Аубель стр. 289—291.

Промысловой ботъ (карбизъ).

КАЛГУЕВЪ И НОВАЯ ЗЕМЛЯ.

НЕПРИВѢТЛИВАГО пустынного побережья сѣверной Россіи, на большемъ или меньшемъ разстояніи отъ материка, находится въ Ледовитомъ океанѣ нѣсколько острововъ строго арктическаго свойства. Противъ Чешской Губы лежитъ почти необитаемый островъ Калгуевъ, о времени открытія котораго въ исторіи ничего не извѣстно. Вѣроятно уже очень рано были на немъ русскіе рыбаки, и немислимо, чтобы владѣльцы лодокъ, предлагавшіе голландскимъ открывателямъ Новой Земли служить имъ путеводителями вдоль сѣвернаго побережья Россіи, ничего не знали о существованіи этого острова.

И понинѣ внутренняя часть этого пустынного острова не изслѣдована, только берегъ его извѣстенъ, и то не на столько, чтобы можно было опредѣлить его величину. Но такъ какъ русскіе рыбаки нѣсколько разъ обходили на лыжахъ кругомъ всего острова, и всегда въ семь дней, то на этомъ основаніи можно предположить, что онъ имѣетъ въ окружности около 375—430 верстъ, и около 3,495 кв. верстъ.

Большая часть заливовъ этого острова для судовъ недоступна; около самаго берега море имѣетъ отъ 18 — 24 метр. глубины. На восточномъ ея берегу тинется длинная песчаная коса, извѣстная

• Въ обл. вѣн. ланд. •

рыбакамъ подъ названіемъ „Плоской Кошки“. Берега Калгуева вообще отлоги, только далѣе къ серединѣ мѣстность становится гористѣе, а вдаль видѣются двѣ горы, сплошь покрытыя исландскимъ мхомъ.¹⁾

Изъ горъ Калгуева вытекаетъ много рѣкъ, изобилующихъ рыбобою²⁾. Въ озерахъ встрѣчаются карпы, но не въ большомъ количествѣ. По всему морскому побережью изумительное множество трески и другихъ рыбъ; также ловятся тюлени, моржи и нерпы. Но рыбаки и мѣстные промышленники не очень за ними гонятся, потому что они довольствуются менѣе опаснымъ собираніемъ гагачьяго пуха и охотою за птицею, собирающейся на Калгуевѣ, съ весны до осени, въ невообразимомъ количествѣ. Дикіе гуси, утки и лебеди прилетаютъ туда къ концу іюня и остаются до сентября. Охотники, занимающіеся ловлею водныхъ птицъ, ставятъ на озерасѣти и загоняютъ въ нихъ жирныхъ, отяжелѣвшихъ птицъ, для чего употребляются маленькія лодочки, и потомъ ихъ убиваютъ безъ труда. Человѣкъ десять охотниковъ, въ теченіи мѣсяца, наловятъ до 2,500 жирныхъ большихъ гусей. Весь уловъ не вывозится, а продается и употребляется на мѣстѣ. Соленый гусь, безъ разбора величины и вѣса стоитъ около 10 коп.; о копченіи гусей охотники даже не имѣютъ понятія.

Ежегодно человѣкъ 90—80 собираются на Калгуевѣ для лова птицъ; въ числѣ ихъ также самоѣды съ полуострова Канина, лишившіеся своихъ оленей; сила обстоятельствъ и нужда заставляютъ ихъ перемѣнить свой образъ жизни. Оттуда вывозится теперь въ Мезень около 200 пудовъ гагачьяго пуха, около 80 пуд. другихъ перьевъ и приблизительно 750 лебяжьихъ шей. Что эта отрасль промышленности значительно возвысилась—видно изъ того, что въ 1850 году вывозилось всего пуху гагачьяго 70 пудовъ, другихъ перьевъ 40 пуд., а лебяжьихъ шей 400. Кромѣ того, внутри острова встрѣчается много полярныхъ лисицъ, бѣлыхъ медвѣдей и оленей. Климатъ, разумѣется, холодный, суровый. Въ самое жаркое лѣто почва оттаиваетъ только на $\frac{3}{4}$ аршина, поэтому растительность крайне скудная³⁾.

Гораздо важнѣе въ географическомъ отношеніи лежащая восточнѣе Калгуева группа острововъ Вайгача и Новой Земли, состав-

¹⁾ По разсказамъ рыбаковъ здѣсь обитаетъ злой духъ. Жители Пустозерска увѣряютъ, будто сюда ухаживало одно колѣно чуди, когда ее изгнали изъ Мезенскаго округа; по удостовѣренію другихъ, теперь еще проживаетъ внутри острова „невидимый“ какой-то народъ, жившій когда-то въ пещерахъ вдоль рѣки Каратанки въ Сѣверовосточномъ углу Европ. Россіи.

²⁾ Главнѣйшія изъ нихъ: Великая, Гусиная, Кривая Пушия и Васкина.

³⁾ «Описаніе острова Калгуева». А. Савельева.

вляющихъ какбы сѣверное продолженіе Уральскаго хребта. Новая Земля—это двойной островъ, раздѣляемый узкимъ проливомъ, Маточкинымъ Шаромъ на двѣ части. Всѣ три части этой группы должны быть разсматриваемы какъ одно цѣлое. Фигура Новой Земли серпообразна, въ видѣ узкой длинной полосы, съ горбомъ къ западу, она тянется съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Лежащій у самой оконечности Новой Земли острова Вайгачъ довершаетъ форму серпа, вообще онъ составляетъ какъ бы дополненіе къ Новой Землѣ, соединительное ея звено съ материкомъ. Онъ отдѣленъ отъ материка неширокимъ и мѣстами очень неглубокимъ¹⁾ проливомъ Югорскимъ, съ которымъ мы уже успѣли познакомиться подъ различными названіями: Пета, Нассускаго, Вайгача. Въ самомъ широкомъ мѣстѣ проливъ этотъ имѣетъ не болѣе 9,25 верстъ, а въ самомъ узкомъ едва только 3 версты. Вопросъ о томъ, составляетъ ли Новая Земля съ Вайгачемъ продолженіе Уральскаго хребта, былъ предметомъ многостороннихъ споровъ. Первоначальный отвѣтъ на этотъ вопросъ высказывался въ смыслѣ утвердительномъ. Но первый геогностъ, который въ 1807 году былъ на Новой Землѣ, Лудлофъ, отвергъ это мнѣніе. Многие не безъ основанія стали держаться этого воззрѣнія со времени экспедиціи С.-Петербургской Академіи Наукъ въ лицѣ академика Бѣра, въ 1837 году посѣтившаго²⁾ Новую Землю въ тоже самое время, какъ естествоиспытатель Шренкъ изслѣдовалъ сѣверную оконечность Урала и гору Пай-хой. Впрочемъ Академикъ Карлъ Максимовичъ Бѣръ уже писалъ, какъ подтвердилъ Д-ръ Гуго Тѣппенъ³⁾, слѣдующее: „Наружная форма и положеніе острова Новой Земли въ связи съ Вайгачемъ почти вынуждаютъ убѣжденіе, что вся эта группа—продолженіе Урала. Поэтому очень замѣчательно, что Лудлофъ, единственный геогностъ, который до сихъ поръ былъ на Новой Землѣ, какъ результатъ своихъ наблюденій, утверждаетъ, что эту группу не слѣдуетъ считать продолженіемъ Уральскаго хребта. Тѣмъ болѣе нужно радоваться, что соединеннымъ усиліямъ Шренка и Лемана удалось доказать, что здѣсь безусловно существуетъ

¹⁾ По изслѣдованіямъ капитана Мака.

²⁾ Свенск е пишетъ на 65 стр.: «Новая Земля считалась прежде продолженіемъ Уральскаго хребта. Новѣйшія изслѣдованія доказали, однакожъ, неточность этого взгляда. Однимъ изъ интереснѣйшихъ результатовъ Уральской экспедиціи Географическаго общества было именно открытіе, что Уралъ внезапно прерывается у горы, которую генералъ, Гофманъ называлъ Константиновымъ камнемъ. Въ 40 верстахъ отъ него къ сѣверозападу поднимается другой хребетъ Пай-хой, совершенно другой формаліи, имѣющей съ формаліею Новой Земли и острова Вайгача большое сходство. Такимъ образомъ Новая земля и Вайгачъ должны быть логичными продолженіями не Урала, а Пай-хой».

³⁾ Н. Tüppen. Die Doppelinsel Nowaja Semlia, стр. 81.

полнѣйшая связь, которую можно было предположить уже по скуднымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ Зуевымъ о сѣверной оконечности Урала. Многочисленные подводные камни между Вайгачемъ и Новою Землею и постоянное задерживаніе здѣсь льдовъ, идущихъ изъ Карскаго моря на западъ, даютъ основаніе предположить, что подъ водою тянется черезъ этотъ проливъ значительный горный крижъ; Югорскій проливъ глубже прорвался; мы имѣемъ многочисленные измѣренія его глубины; но, не смотря на его положеніе и на то, что онъ извилистъ, ледъ здѣсь рѣже задерживается." Новѣйшія изслѣдованія клагенфуртскаго профессора Ганса Гефера, сопровождавшаго экспедицію графа Вильчека въ 1872 году въ качествѣ геолога, отстранили послѣднія сомнѣнія относительно этой связи ¹⁾.

Главная формація Новой Земли отъ южной ея оконечности до островковъ Горбатовъ (не доходя 75° сѣв. шир.) силурійская и девонская, слѣдовательно наслоенія, содержащія самыхъ древнихъ ископаемыхъ. У Костина Шара эти слои показываются преимущественно въ видѣ чернаго, а также зеленаго и краснаго сланца. Авгитъ и миндальникъ тамъ также встрѣчаются, образуя немалые горные крижи. Всѣ наслоенія имѣютъ почти исключительно направленіе съ юго-востока на сѣверо-западъ. У входа въ губу Грибовую, подъ 73° сѣв. шир., рядомъ съ чернымъ глянцемъ показывается свѣтло-сѣрый доломитъ. У Маточкина Шара преобладаютъ кварцы въ перемежку съ глинистымъ сланцемъ, роговою обманкою и известняками, содержащими окаменѣлости. По наблюденіямъ Гефера наслоеніе у сѣвернаго берега Маточкина Шара чрезвычайно правильное, у южнаго же, наоборотъ, представляется изорванностью. Матюшевъ крижъ состоитъ, какъ полагаютъ, изъ протогина. Между островами Адмиралтейства и Горбовыми сланцы покоятся на твердой каменистой массѣ. Острова Барентса принадлежатъ исключительно къ морской каменноугольной формаціи, не содержащей каменнаго угля; известнякъ и сланецъ, пролегая съ сѣверо-запада на юго-востокъ, смѣняють другъ друга. Морская каменноугольная формація, повидимому, больше распространена на сѣверной части Новой Земли. Неизлишне здѣсь упомянуть, что въ различныхъ мѣстахъ побережья находили каменный уголь валяющимся по землѣ ²⁾. Во всякомъ случаѣ этотъ уголь эрратическаго происхожденія, т. е. или море его сюда выбросило, или же онъ принесенъ сюда плавучимъ льдомъ, который, будучи здѣсь

¹⁾ Petermann's «Geographische Mittheilung», 1873 г., стр. 459.

²⁾ Въ заливъ Серебряномъ, на западной сторонѣ Маточкина Шара, въ бухтѣ Безымянной.

Санная ѣзда на собакахъ (на Новой Землѣ).

выброшенъ морскимъ волненіемъ, въ послѣдствіи растаялъ, оставляя на берегу уголь. Крайне затруднительно, если не совершенно невозможно, опредѣлить откуда онъ взялся ¹⁾.

Что касается общаго расположенія слоевъ, то вездѣ можно замѣтить, что они къ западу понижаются слѣдовательно главное возвышеніе горъ происходило по восточному берегу, который, можетъ быть, тогда имѣлъ другое направленіе; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ восточнаго берега еще и теперь встрѣчаются отвѣсныя горы.

Весьма важное явленіе составляетъ вѣковое поднятіе Новой Земли. Что сѣверъ Скандинавіи подымается изъ моря—объ этомъ мы уже гозорили въ одной изъ предыдущихъ главъ; тоже самое можно утвердительно сказать о сѣверной Гренландіи, равно какъ о сѣверѣ Россіи и Сибири. Поэтому слѣдовало придти непосредственно къ заключенію, что тотъ-же процессъ совершается съ Новой Землей, что вполне и подтверждается прямыми и тщательными наблюденіями ²⁾, сдѣланными на мѣстѣ. Что поднятіе этого двойнаго острова совершается и, сравнительно очень быстро,—это едва-ли кто-либо оспариваетъ.

Этимъ поднятіемъ объясняется замѣчательная особенность въ построеніи этого двойнаго острова. Почти вездѣ на этомъ островѣ передъ массою, составляющею собственно ядро Новой Земли, стелется низменная береговая полоса, передняя земля. На западномъ берегу эта особенность обнаруживается именно у Междущарскаго острова, вдоль Гусилой Земли, на пространствѣ отъ Грибовой земли до Маточкина Шара, на косѣ, оканчивающей Сухимъ носомъ, на Адмиралтейскомъ полуостровѣ, на островахъ Барентса и на прибрежьи, лежащемъ за ними. Восточный берегъ плосокъ въ южной его части. Образование этой низменной передней полосы недостаточно объясняется отдаленностью этихъ мѣстъ отъ главнаго центра поднятія и большимъ влияніемъ атмосферическихъ явленій на менѣ твердые каменистыя породы прибрежья, въ сравненіи съ кварцами, изъ которыхъ состоятъ главные края; тѣмъ болѣе, что наслоеніе на нихъ не горизонтальное; напротивъ, слои, какъ будто опрокинутые, стоятъ перпендикулярно. Къ этимъ двумъ причи-

¹⁾ Вѣрно то, что и въ другихъ мѣстахъ уголь былъ найденъ, напримѣръ на берегу Карскаго моря, близъ устьевъ рѣки Кары. Тамъ были найдены большія слобы угля «въ видѣ валуновъ морскихъ».

²⁾ Д-ръ Тёппенъ собралъ всѣ эти доказательства (см. стр. 77 — 78 и далее). Такъ какъ то, что говоритъ Шпереръ о геогностическомъ построеніи Новой Земли, основано на наблюденіяхъ, заимствованныхъ изъ Свенске, которые позднѣйшими изслѣдованіями болѣе или менѣ опровергнуты, то я исключительно придерживаюсь изложенія Тёппена, тщательно и съ разборомъ создаваемаго изъ всѣхъ матеріаловъ объ этомъ одно цѣлое.

намъ присоединяется третья, а именно—постепенное поднятіе почвы. Если эта земля ко времени диллювіальной формаціи лежала значительно ниже, то нынѣшнія ея переднія полосы были подвержены дѣйствию морскихъ волнъ, которое въ теченіе тысячелѣтій имѣло на нихъ уравнивающее вліяніе. Часто, напримѣръ, на сланцахъ юго-восточной оконечности острова это вліяніе прямо бросается въ глаза.

Послѣ этихъ геогностическихъ указаній, умѣстно будетъ бросить взглядъ на топографію разсматриваемой нами группы острововъ. Длинновытянутые, какъ бы указательный палецъ, къ сѣверному полюсу, пересѣченные меридіаномъ Уральского хребта, Новая Земля съ Вайгачемъ лежатъ на сѣверѣ Европы и, по всей справедливости, причисляются къ этой части земнаго шара. Въ административномъ отношеніи они принадлежатъ Архангельской губерніи.

Самая сѣверная точка Новой Земли, мысъ Маврикія ¹⁾, лежитъ подъ 77° сѣв. шир. и 68°, 32' вост. долг. отъ Гринича, самая южная точка подъ 70° 32¹/₂' сѣв. шир. и 57° 21' вост. долг. отъ Гринича. Такъ какъ безчисленное количество маленькихъ островковъ, окружающихъ Новую Землю, должны быть разсматриваемы какъ нераздѣльные ея части, то Кусовъ Носъ,—южная оконечность острова Кусова—вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ южную оконечность Новой Земли. При этомъ, разумѣется, не приняты во вниманіе нѣкоторые, еще южнѣе лежащіе, очень маленькіе островки, неимѣющие даже названія. Самая восточная точка Новой Земли, мысъ Флисинскій, лежитъ подъ 59° 3' вост. долг. отъ Гринича и подъ 76° 39' сѣв. шир., самая западная, мысъ Гусиный, подъ 51° 36' вост. долг. отъ Гринича и 72° 3¹/₂' сѣв. шир. Слѣдовательно Новая Земля простирается на 6¹/₂' широты ²⁾. Еще очень недавно показывали на нашихъ географическихъ картахъ Новую Землю вовсе не на томъ мѣстѣ, гдѣ бы слѣдовало, а именно подъ 77° вост. долг. отъ Гринича, т. е. почти 10° восточнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Эта ошибка не была допущена на самыхъ древнихъ картахъ ³⁾, а въ

¹⁾ На нашихъ русскихъ картахъ: «мысъ Желанія».

²⁾ Вся длина Новой Земли составляетъ около 820 верстъ, при вертикальномъ разстояніи 720 верстъ между обѣими оконечностями. Крайній восточный пунктъ отстоитъ отъ такового-же западнаго на 740 верстъ, между тѣмъ какъ вертикальное разстояніе между ними 520 верстъ. Средняя ширина острова около 90 верстъ, слѣдовательно онъ въ девять разъ болѣе длиненъ, чѣмъ широкъ. Величина Новой Земли составляетъ 91,813 кв. верстъ, изъ нихъ 50,115 кв. верстъ приходится на сѣверную часть, а 40,955 на южную часть, 321 на островъ Междушарскій и 422 на маленькіе окружающіе острова.

³⁾ Неправильно показанное протяженіе Новой Земли, слишкомъ далеко на востокъ, выразилось съ 1662 года въ карты Блау «Groeten Atlas»; согласно съ

новѣйшее время она исправлена только съ тѣхъ поръ, какъ норвежцы совершили плаваніе вокругъ всей группы.

Новая Земля окружена со всѣхъ сторонъ Ледовитымъ океаномъ и тѣми его частями, которыя извѣстны подъ различными названіями. Живой ея берегъ омываетъ Карское море; на югѣ между нимъ и Вайгачемъ проходитъ проливъ Карскій или Желѣзные ворота, 55 верстъ ширины, а на западѣ такъ называемое Барентсово море. Почти вездѣ море глубоко врѣзывается въ островъ безчисленными бухтами, а въ одномъ мѣстѣ оно даже разрѣзываетъ Новую Землю на двѣ части, соединя Карское море съ Барентсовымъ узкимъ проливомъ, Маточкинымъ Шаромъ, имѣющимъ 100 верстъ длины и едва около семи верстъ ширины. На древнихъ картахъ, даже по непонятной небрежности на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ, Новая Земля показана раздѣленною на три части: наибольшій сѣверный, южный и маленькій средній между ними. Въ 1839 году Моисеевъ изслѣдовалъ губу Крестовую, которая до него считалась проливомъ доказавъ, что Новая Земля состоитъ только изъ двухъ частей.

По сообщеніямъ академика Бэра, Новая Земля скалиста, а на западной сторонѣ окружена многочисленными утесами, южная оконечность низменна, къ сѣверу возвышаются горы. Восточнѣе Костина Шара, отдѣляющаго Междушарскій островъ отъ южной части Новой Земли, вся низменность покрыта отдѣльными кряжами, менѣе 610 метр. вышины; по направленію къ Маточкину Шару горы возвышаются и сгущаются, однако такъ, что высія вершины неравномѣрно распредѣлены. Самая высокая гора находится, кажется, въ сѣверовосточномъ углу южной половины Новой Земли; широкая ея вершина возвышается надъ всѣми остальными, но она еще не измѣрена. Видъ этой грозной возвышенности еще болѣе выступаетъ оттого, что на темномъ фонѣ блестящія снѣжныя массы то покрываютъ цѣлыя покатости, то спускаются внизъ полосами. Экспедиція графа Вильчека и его спутника профессора Гёфера въ 1872 г. положили начало совершенно новому воззрѣнію на то-

симъ показали и Литке. Карты, составленныя на основаніи личныхъ изслѣдованій русскихъ промышленниковъ, равно какъ сомнѣніе относительно подлинности нѣкоторыхъ отчетовъ о голландскихъ плаваніяхъ, возбудили въ академикѣ К. М. Бэрѣ подозрѣніе къ вѣрности показаннаго восточнаго протяженія Новой Земли противъ него возсталъ англійскій географъ Чарльсъ-Беке, человѣкъ очень ученый, но вмѣстѣ съ тѣмъ прославившійся неудачными своими гипотезами, поддерживая показаніе Блау и Литке (предисловіе къ соч. Геррита-де-Вера «Three voyages of Barents» и на долгое время укрѣпилъ его. Ошибки Беке очень многочисленны. Я ограничусь тѣмъ, что напомнимъ о его ошибочномъ предположеніи, что Барентсъ совершилъ плаваніе вокругъ Шпицбергена; уже на старости лѣтъ онъ увѣрялъ, что гора Синай находится въ Баргирѣ или Гебель-э-Рурѣ, къ востоку отъ долины Араба.

пографическое устройство Новой Земли. Во время этой экспедиции нѣсколько разъ подымались на хребты горъ, между прочимъ на вершину Вильчека и затѣмъ на менѣе высокую Серебрянную гору, къ югу отъ бухты Серебрянной, нѣсколько сѣвернѣе Бараньяго мыса. Такъ какъ погода была чрезвычайно благоприятная при этихъ подъемахъ на горы и воздухъ прозрачный, то удалось бросить далекій взглядъ во внутреннее пространство острова. По мнѣнію Геффера, Новая Земля вовсе не представляетъ скученную массу отдѣльныхъ поднимающихся надъ равниною возвышенностей, а изображаетъ сплошной горный хребетъ, который тянется отъ 72° до $75\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣв. широты съ юго-запада на сѣверо-востокъ и около Маточкина Шара достигаетъ наибольшей высоты. Подъ широтою $75\frac{1}{2}^{\circ}$ этотъ хребетъ круто поворачиваетъ на сѣверо-востокъ. Въ обѣ стороны какъ отъ $75\frac{1}{2}^{\circ}$ къ сѣверу, такъ отъ 72° къ югу, высота уменьшается и на юго-востокъ быстро переходитъ въ низменность. Отъ главнаго хребта, который явственно обозначается, отдѣляются поперечные отроги въ перпендикулярномъ направленіи къ морю, такъ что, подъ 73° и 74° сѣв. шир., представляется какъ бы позвоночный столбъ съ ребрами. Эта фигура къ сѣверу и къ югу исчезаетъ, потому что, въ зависимости отъ главнаго хребта, вмѣстѣ съ нимъ и боковые отроги становятся яснѣе и кончаются плоскою низменностью. Поперечные отроги и лежащіе между ними долины, подходя къ морю, образуютъ безчисленные фіордобразныя бухты къ сѣверу и къ югу отъ Маточкина Шара. Проходы въ самыхъ высокихъ мѣстахъ главнаго хребта такъ глубоко врѣзаны, что, кажется, этотъ хребетъ онъ совершенно прерванъ. Самый Маточкинъ Шаръ, образовавшійся отъ разрыва наслоенія при напорѣ снизу, есть ни что иное, какъ проходъ главнаго хребта, лежащій подъ уровнемъ моря. Подобное же углубленіе находится нѣсколько сѣвернѣе, между Крестовою губою съ одной стороны и Безымянною или Чекиною бухтою съ другой. Прежде полагали, что въ этомъ мѣстѣ находится второй проливъ, пересѣкающій будто-бы весь островъ. Большая часть мѣстности сѣвернѣе Крестовой губы покрыта глетчерами, что мѣшаетъ распознать построеніе ея. Въ южной части острова нѣсколько параллельныхъ цѣпей идутъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, чѣмъ и обуславливается образованіе заливовъ и бухтъ на южномъ и югозападномъ берегу острова. Въ области центральной возвышенности острова, напримѣръ, на пространствѣ между Маточкинымъ Шаромъ и Грибовою бухтою встрѣчаются также продольныя долины; но такъ какъ черезъ нихъ проходятъ, въ свою очередь, поперечныя долины, то онѣ и незамѣтны. Что главныя горныя вершины группируются около Маточкина Шара—было из-

мѣстно и до экспедиціи графа Вильчека ¹⁾. Выводы Гёфера отчасти основаны на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ ночь съ 29 на 30 іюля, при подъѣмѣ на вершину Вильчекъ, о чемъ мы уже раньше упомянули. Эта вершина выше Матюшевой скалы, лежащей отъ нея къ западу и отдѣленной отъ нея громаднымъ глетчеромъ. Къ сѣверу и сѣверо-западу лежатъ еще нѣсколько такихъ вершинъ; въ особенности Гёферъ указываетъ на одну вершину, лежащую въ 47¹/₄ килом. на сѣверо-востокъ отъ вершины Вильчека, высоту которой онъ опредѣляетъ въ 1422 метра. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ Маточкина Шара Гёферъ указываетъ на наибольшую возвышенность всего хребта; она находится въ отрогѣ, идущемъ отъ сѣверо-востока на юго-западъ и упирающемся у поворотнаго мыса въ берегъ пролива. Эта возвышенность выше Вильчековой на 23 метра, слѣдовательно имѣетъ 1249 метровъ вышины. Еще другая вершина къ югу отъ Вильчековой и на западъ имѣетъ, какъ полагаетъ Гёферъ, 1264 метр. вышины. Линія, соединяющая самую сѣверную точку съ самою южною изъ указанныхъ горъ, составляетъ приблизительно ось главной возвышенности на Новой Землѣ.

Южная часть двойнаго острова, приблизительно до 72° сѣв. шир., повидимому вовсе не имѣетъ глетчеровъ. Далѣе до Маточкина Шара болѣе сѣверное положеніе, а главное—большая возвышенность мѣстности причиною, что здѣсь начинаютъ показываться глетчеры, которые, впрочемъ, не доходятъ до западнаго берега, а имѣютъ своимъ средоточіемъ внутреннюю часть острова. Гёферу удалось съ вершины Вильчека подробно рассмотреть внутреннюю горную массу къ югу отъ Маточкина Шара. Онъ утверждаетъ, что большая часть вершинъ, покрытая блестящими вѣчными снѣгами, возвышается надъ плоскою возвышенностью, почти также повсемѣстно обледенѣлою. Нѣсколько глетчерныхъ отроговъ доходятъ до Маточкина Шара, достигая моря близъ Моржеваго мыса у Юравлинаго. Вершина Вильчека съ окружающими ее глетчерами указываетъ, что на сѣверной части острова глетчера должны быть явленіемъ преобладающимъ. Въ глубинѣ бухты Серебрянной виденъ громадный глетчеръ, за которымъ къ сѣверу возвышаются голыя стѣны Матюшева хребта. Отъ губы Крестовой до острововъ Барентса глетчера неразрывно покрываютъ всю мѣстность, которая здѣсь имѣетъ величайшее сходство съ Шпицбергеномъ. Мощные глетчера и снѣжныя массы тянутся непосредственно отъ моря

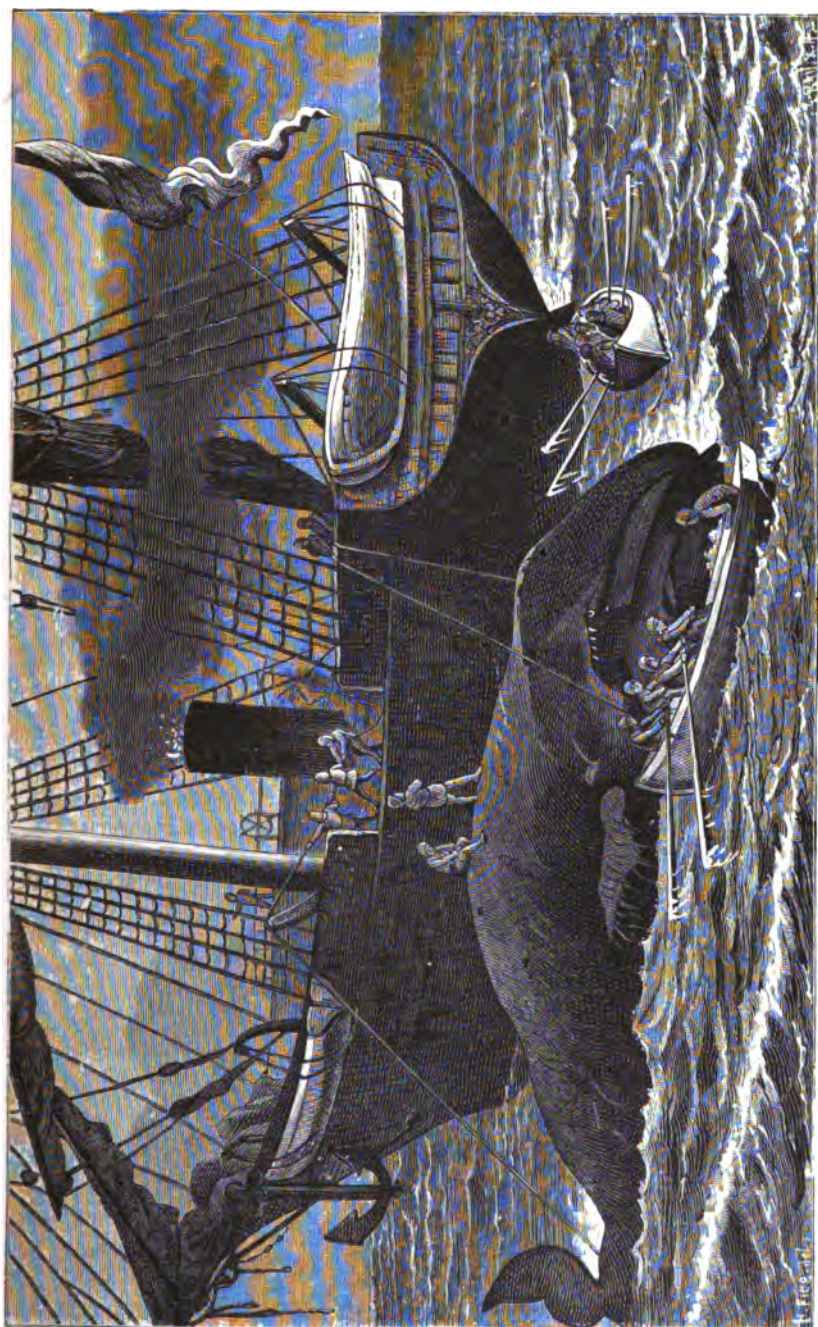
¹⁾ Благодаря измѣреніямъ заслуженнаго русскаго изслѣдователя Сиволки, о трудахъ котораго мы поговоримъ въ другой главѣ; вычисленія Сиволки впрочемъ оказались имѣющими менѣе значенія.

внутрь острова; на нихъ видѣются темные кражи и вершины. На Барентсовыхъ островахъ и въ ближайшемъ ихъ сосѣдствѣ на большомъ островѣ нѣтъ глетчеровъ; но, немного восточнѣе, они опять являются въ большомъ числѣ, выходя до ледянаго мыса къ берегу, даже простираясь въ самое море, образуя тамъ ледяныя отвѣсныя стѣны. Сѣверо-восточная часть, отъ мыса Маврикія до гавани Ледяной, не имѣетъ глетчеровъ, что объясняется крутою покатостью подходящаго здѣсь къ морю хребта, хотя внутри страны, повидимому, имѣются возвышенности, покрытыя вѣчными снѣгами. У мыса Миддендорфа опять показываются глетчера, продолжающіеся, перерывами, до мыса Эдварда. Объ остальной части восточнаго берега нѣтъ положительныхъ свѣдѣній, но тамъ, кажется, глетчеровъ нѣтъ. Итакъ можно вообще сказать, что въ южной части Новой Земли до 72° сѣв. шир. глетчеровъ нѣтъ; въ мѣстности Маточкина Шара много отдѣльныхъ глетчеровъ; начиная отъ Крестовой губы глетчеры являются въ полнѣйшемъ развитіи и почти сплошною массою. Эти явленія объясняются построеніемъ самаго острова въ связи съ его климатическими условіями. Снѣжная линія проходитъ близъ Маточкина Шара, вѣроятно и по всему острову, на высотѣ 600 метровъ надъ уровнемъ моря. На высотѣ 613 метровъ Вильчекъ и Гёферъ, на вершину Вильчека, увидали тѣ явленія, которыя даютъ право сдѣлать заключеніе о снѣжной линіи; южнѣе Маточкина Шара встрѣтили они равнины и плоскія долины на высотѣ 569—632 метровъ надъ уровнемъ моря, покрытыя вѣчными снѣгами. Такъ какъ южнѣе 72° сѣв. шир. вся мѣстность ниже 600 метр. надъ уровнемъ моря, поэтому и ниже снѣжной линіи, то тамъ образованіе глетчеровъ и не можетъ имѣть мѣста. Въ сѣверныхъ же частяхъ острова, гдѣ снѣжная линія проходитъ, можетъ быть, ниже 600 метр., а вся мѣстность выше, должно быть противоположное явленіе ¹⁾).

На Новой Землѣ нѣтъ ничего похожаго на наши луга: не только нѣтъ зеленѣющихъ полей, но даже нѣтъ мѣстъ, покрытыхъ сплошнымъ мхомъ; по выраженію академика Бэра, почва здѣсь лишь готовится къ образованію растительности. Въ противоположность сосѣдней Лапландіи, тамъ нѣтъ на скалистой почвѣ ни сухихъ, ни мокрыхъ тундръ, только мѣстами едва прозябаютъ листовидные лишай, вообще же замѣчательно, что лишай и мхи играютъ на Новой Землѣ сравнительно несчастную роль ²⁾). Нѣкоторая раститель-

¹⁾ Тёплень, стр. 71—75.

²⁾ Число извѣстныхъ растений съ Новой Земли и Вайгача простирается до 290 видовъ, а именно 146 фанерогамъ (сѣменныхъ), 144 криптогамъ (бесѣменныхъ); они перечислены въ сочиненіи Th. Heuglin, «Reisen nach dem Nordpolargebiet in dem Jahre» 1877, und 1871. Braunschweig 1874, 8° т. III, стр.

Ловля китовъ въ Бѣломъ морѣ.

ность встрѣчается только въ низменностяхъ и на склонахъ горъ, обращенныхъ къ югу ¹⁾; она какъ будто заглушается въ высшихъ слояхъ давленіемъ воздуха. Въ этихъ слояхъ температура гораздо ниже, поэтому растенія не высоко поднимаются и не могутъ пустить глубокихъ корней. Малоросный березнякъ, самое высокое растеніе острова достигаетъ, при 5 сантим. поперечника, едва 2-хъ метровъ величины. Сѣвернѣе Маточкина Шара березнякъ уже болѣе не встрѣчается, и голые склоны горъ мѣстами только покрыты сѣрымъ дерномъ и каменными лишаями. Но и здѣсь является на помощь благодѣтельная сила природы: у береговъ, въ особенности у сѣвернаго, всегда много приплавнаго лѣса, преимущественно пихты, сосны, лиственницы, впрочемъ также ивы и березы ²⁾, слѣдовательно ни одного изъ тѣхъ видовъ, о которыхъ можно бы съ увѣренностью сказать, что они принесены гольфштромомъ.

Царство животныхъ имѣетъ тамъ не очень разнородныхъ представителей. Число ихъ меньше числа видовъ по царству растительному, но превосходитъ ихъ по крѣпости и величинѣ тѣла, соотвѣтствующихъ развитости и условіямъ болѣе умѣреннаго климата. Изъ птицъ на Новой Землѣ постоянно водятся болотныя: чайки, гагары, кулики, лысухи, бѣлыя совы и соколы. Изъ млекопитающихъ болѣе всего здѣсь встрѣчаются: ошкуй или бѣлый медвѣдь, волкъ, красная лисица, песецъ, разныхъ видовъ лемминги, играющіе важную роль среди животныхъ крайняго сѣвера; изъ нихъ въ особенности пеструшки съ ошейникомъ (*Myodes Torquatus*), олень и полевая мышь; изъ морскихъ животныхъ: китъ, бѣлый дельфинъ, моржъ, пиногоръ, эхинъ, морская звѣзда и различныхъ родовъ раковины. Изъ рыбы ловится чаще всего „саика“, похожая на селедку, также „гольцы“, нацѣпывающіе породу лососей или семги; очень жирная, треска и омуль, въ рѣкахъ и озерахъ. На лѣто прилетаютъ на Новую Землю гуси, лебеди и различныхъ породъ утки, въ числѣ ихъ такъ называемыя гаги.

Климатъ Новой Земли, по ея географическому положенію, довольно умѣренный. Русскій путешественникъ Пахтусовъ не встрѣчалъ холода ниже -37° Ц.; лѣтомъ тамъ теплѣе, гдѣ болѣе скаль; ими воздухъ согрѣвается и поддерживается растительность. Сѣверныя сіянія, по мѣстному названію „сполохи“, бываютъ очень

287—323. О растительности на Новой Землѣ см.: Свенске: «Новая Земля», стр. 87—102. Шпереръ, «Новая Земля», стр. 73—96. Тейппенъ, «Новая Земля», стр. 96—102.

¹⁾ Гейхлинъ собралъ на Новой Землѣ 50 различныхъ видовъ лишаявъ. Списокъ ихъ находится въ Petermann's «Geograph. Mittheilung» 1872, стр. 420—421.

²⁾ По изслѣдованіямъ члена лѣснаго управленія Нердлингера. См. Petermann's «Geograph. Mittheilung». 1873, стр. 189.

часто, въ особенности при безвѣтріи или слабомъ восточномъ вѣтрѣ, они занимаютъ половину горизонта и восходятъ до зенита. Свѣтъ ихъ до того ярокъ, что читать можно. Лѣтомъ и осеңью льютъ проливные и продолжительные дожди, иногда со свѣгомъ; зимою обыкновенная глубина снѣга около 2 аршинъ, въ иныхъ мѣстахъ его считаетъ вѣтромъ въ кучи вышиною до 20 арш. Въ концѣ апрѣля снѣгъ начинается таять, къ концу мая показывается зелень, въ срединѣ іюня являются первые насѣкомыя. Рѣки вскрываются къ концу іюня, но многіе заливы остаются во все лѣто подъ льдомъ. Морское побережье освобождается отъ льда гораздо позже, обыкновенно въ августѣ, но случается и раньше: это зависитъ отъ вѣтра. Вѣчные льды на западномъ берегу встрѣчаются рѣдко. По движенію льдовъ отъ юга къ сѣверу нужно предположить, что въ морѣ южное теченіе сильнѣе сѣвернаго. Постоянныхъ жителей на Новой Землѣ нѣтъ, да и быть не можетъ, хотя тамъ вообще теплѣе, чѣмъ въ большей части сѣверной Азіи и Америки. Причина тому—несообразность временъ года. Зима хотя и умѣреннѣе, чѣмъ въ Азіи и Америкѣ, но зато лѣто гораздо холоднѣе, чѣмъ гдѣ-либо на земномъ шарѣ. Только на арктическомъ архипелагѣ сѣверной Америки лѣто приблизительно похоже на лѣто Новой Земли. Отъ лѣтней теплоты зависитъ развитіе органической жизни; такимъ образомъ отсутствіемъ достаточной теплоты на Новой Землѣ объясняются не только такія исключительныя явленія въ жизни царства животнаго и растительнаго этого острова, но и невозможность людямъ тамъ жить. Неоднократныя попытки тамъ поселиться почти всегда кончались гибелью, отчасти причиненною климатомъ, отчасти вслѣдствіе недостатка движенія въ теченіи зимы, что въ высшей степени развиваетъ цингу¹⁾.

¹⁾ Многіе, однако, оставались на Новой Землѣ для зимовки, напримѣръ, Пахтусовъ два раза и Циволка одинъ разъ. Послѣдній скончался тамъ 26 марта 1839 г. вслѣдствіе крайняго изнеможенія. Такая же жалкая участь постигла славнаго капитана Сиверта Тобисена, умершаго на Новой Землѣ отъ цинги 29 апрѣля 1873 г.; сынъ его умеръ отъ той-же болѣзни 5 іюня того же года. По свѣдѣніямъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», владѣтель факторіи на Мурманскомъ берегу Паллисенъ убѣдилъ осенью 1872 г. пять крестьянъ Архангельской губерніи провести зиму на Новой Землѣ. Для нихъ тамъ была устроена изба съ банею и ихъ снабдили всѣмъ необходимымъ: союмомъ, дровами, порохомъ, ружьями и т. д. Объ исходѣ этой зимовки ничего не извѣстно. Лѣтомъ 1877 года вновь былъ сдѣланъ опытъ зимовки на Новой Землѣ. Для этой цѣли были тамъ въстроены деревянныя избы, въ которыхъ поселились шесть семействъ самоѣдовъ. Англійскій журналъ «Geographical Magazine» отзываясь объ этомъ опытѣ слѣдующимъ образомъ: онъ доказалъ, что при тщательномъ соблюденіи необходимыхъ предосторожностей, никакой нѣтъ опасности, когда кого нибудь застанетъ зима на Новой Землѣ, какъ бы безотраднѣе ни была эта мѣстность. («Geograph. Magaz.» 1877 г., стр. 216).

Лѣтомъ 1877 года русское правительство открыло, однако, у южной половины Новой Земли на островѣ Маломъ Кармакулѣ, въ заливѣ Моллеръ, подъ $72^{\circ} 2'$ сѣв. шир., постоянную станцію для подавiя помощи погибающимъ при кораблекрушенiяхъ. Хотя человекъ и не можетъ постоянно жить на этомъ непривѣтливомъ островѣ и устроить тамъ прочныя поселенiя, тѣмъ не менѣе онъ отлично умѣетъ извлечь свою пользу изъ всего, чѣмъ природа надѣлила этотъ островъ и окружающiя его моря. Въ особенности прибрежныя жители Архангельской губерни, такъ называемые „поморцы“, нашли здѣсь себѣ обширное поле дѣятельности. Поэтому на Новой Землѣ бываетъ ежегодно довольно много временныхъ посѣтителей-промышленниковъ. Главное ихъ занятiе—охота за моржами; при этомъ также охота за бѣлыми дельфинами, тюленьями и за бѣлымъ медвѣдемъ. Не менѣе важную отрасль промысла составляетъ ловъ гольцовъ сѣтями: лѣтомъ у отмелѣвшаго морскаго побережья, осенью въ рѣкахъ и озерахъ, причемъ также ловится омуль. Промышленники приходятъ туда въ iюнь, а въ сентябрѣ уже отправляются обратно.

Въ виду Новой Земли.

Мартинъ Фробишеръ.

ФРОБИШЕРЪ, ЖИЛЬБЕРЪ И ДЕВИСЪ¹⁾.

В НАЧАЛѢ второй половины шестнадцатаго столѣтія всѣ прежнія попытки двухъ братьевъ Каботъ и ихъ современниковъ пройти въ Индію сѣверо-западнымъ путемъ вокругъ Сѣверной Америки, были преданы въ Англіи полнѣйшему забвенію. Тѣмъ труднѣе было тѣмъ немногимъ, которые помнили эти старанія, найти доступъ для новыхъ предпріятій въ этомъ направленіи. Къ этимъ немногимъ принадлежалъ молодой морской офицеръ Мартинъ Фробишеръ, родившійся въ Донкастрѣ, въ Йоркшейрѣ. Онъ тщательно изучилъ карты и сочиненія Каботовъ, равно какъ и всѣ прежнія описанія сѣвера, и пришелъ къ убѣжденію, что ближайшій путь къ богатымъ странамъ восточной Азіи долженъ лежать на сѣверо-западѣ вокругъ Америки, или чрезъ нее. Уже въ 1561 г. онъ началъ совѣщаться объ этомъ вопросѣ съ нѣкоторыми пріятелями, но прошло еще

¹⁾ Годъ его рожденія неизвѣстенъ.

пятнадцать лѣтъ, пока ему удалось предпринять путешествіе. Послѣ того, какъ онъ тщетно обращался къ нѣкоторымъ богатымъ купцамъ своего отечества, наконецъ нѣсколько именитыхъ мужей рѣшились его поддержать. Пользовавшійся уваженіемъ и довѣріемъ своей страны сэръ Гумфри-Жильберъ ¹⁾, родился въ 1539 г. въ Дармутѣ и умеръ въ концѣ 1583 года, сводный братъ сэра Вальтера Ралея, написалъ подробную статью, „чтобы доказать возможность сѣверо-западнаго прохода въ Китай и Остъ-Индію.“ ²⁾ Подобную-же записку составилъ нѣсколько позднѣе „master“ Ричардъ Виллисъ. Такимъ образомъ англійская публика, равно какъ и молодая, предприимчивая королева Елисавета, была подготовлена къ мысли о необходимости отыскать сѣверо-западный путь въ Азію. Въ то же время Фробишеръ успѣлъ расположить еще въ пользу этого предпріятія вліятельнаго при дворѣ королевы Амвросія Дудлея, графа Варвикскаго, и, съ помощью его, равно какъ и нѣкоторыхъ богатыхъ частныхъ лицъ, ему удалось, наконецъ, вооружить для этой цѣли два небольшихъ корабля. Снабженный совѣтами и инструкціею отъ знаменитаго историка и географа Ричарда Гаклуйта ³⁾, Фробишеръ совершилъ съ 1577—1578 г. три замѣчательныхъ плаванія, направленныя всѣ къ сѣверу Америки съ цѣлью пробраться этимъ путемъ на востокъ Азіи ⁴⁾.

¹⁾ Жильберъ былъ воспитанъ въ Этонѣ и Оксфордѣ, потомъ посвятилъ себя военной службѣ, а въ 1570 году былъ посвященъ въ рыцари за заслуги, оказанныя въ Ирландіи.

²⁾ Наибольшую помощь оказалъ ему богатый купецъ Михаэль Докъ, который, подобно Фробишеру, много путешествовалъ, тщательно занимался вопросомъ о сѣверо-западномъ проходѣ въ Тихій океанъ и высшей степени имъ интересовался.

³⁾ Гаклуйтъ, род. въ 1553 г. въ Эйтонѣ въ Герфордшейрѣ, умеръ 23-го октября 1616 г. въ Ветерингсетѣ, гдѣ онъ, занимая должность ректора, былъ предѣстникомъ Банкса, Баррингтона и Баррова. Англичане обязаны ему собраніемъ всѣхъ свѣдѣній о древнѣйшихъ ихъ мореплаваніяхъ и открытіяхъ. Его именемъ названо образовавшееся въ Англіи въ 1846 году общество: Hakluyt-Society, цѣль котораго перевести на Англійскій языкъ и издать всѣ описанія путешествій иностранцевъ прежняго времени до Дампиера.

⁴⁾ Гаклуйтъ составилъ нѣсколько отчетовъ о путешествіяхъ Фробишера на основаніи данныхъ, сообщенныхъ ему мастеромъ Галъ, мастеромъ Сетле. Томомъ Эллисомъ и Георгомъ Бестомъ, лично участвовавшими въ этихъ путешествіяхъ. Въ послѣднее время найдено какъ въ Британскомъ музеѣ такъ и въ State-paper-office нѣсколько дѣлъ, отчетовъ и рукописей, бросающихъ новый свѣтъ на путешествія Фробишера. Полярный мореплаватель адмиралъ Ричардъ Коллинсонъ собралъ все это и издалъ сочиненіе вмѣстѣ съ отчетомъ Гаклуйта подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „The three voyages of Martin Frobisher in search of a passage to Cathaia and India by the Northwest. A. D. 1576—1578“ reprinted from the first edition of Haklayts voyages with selection from manuscript documents in the British Museum and State-paper-office by Rear-Admiral Richard

Первое свое плаваніе Фробишеръ предпринялъ 8-го іюня 1576 г., изъ Депфорда на Темзѣ ¹⁾, въ двухъ баркахъ—„Габріэль“ и „Михаэль“ по 15 тоннъ каждая и одномъ пинасѣ о 10 тоннахъ съ командою въ 35 человекъ на всѣхъ. Быстро поднялся онъ, огибая Шотландію и Шетландскіе острова, до значительной сѣверной широты; подъ 61° сѣв. шир. онъ увидалъ 11-го іюля землю гористую, покрытую снѣгомъ, южную оконечность Гренландіи. Здѣсь пинасъ потерпѣлъ крушеніе со всею командою. Прислуга судна „Михаэль“ до того перепугалась этого, что со страхомъ возвратилась въ Англію, распространяя ложное извѣстіе, будто и самъ Фробишеръ погибъ. На единственномъ оставшемся суднѣ „Габріэль“ Фробишеръ продолжалъ свое плаваніе, не смотря на то, что и оно было въ дурномъ состояніи, потерявъ часть парусовъ и мачтъ. Онъ прошелъ поперекъ Девисова пролива въ сѣверо-западномъ направленіи и 20-го іюля подошелъ къ землѣ, которую онъ считалъ Лабрадоромъ, открытымъ португальцемъ Картереалемъ ²⁾; но это могло быть ничто иное, какъ часть нынѣшней Баффиновой земли.

Первый мысъ, который увидалъ Фробишеръ, онъ назвалъ въ честь своей королевы „Queen Elisabeths Forland“. Нѣсколько сѣвернѣе, подъ 63° 8' сѣв. шир., увидалъ онъ другой мысъ, который онъ назвалъ, по имени одного изъ своихъ спутниковъ, островомъ „Галла“. Между этими двумя мысами онъ вышелъ въ широкій проливъ, „отдѣлявшій, повидимому, два континента другъ отъ друга.“ Проливъ этотъ былъ запруженъ льдомъ. Такъ какъ черезъ нѣсколько дней ледъ былъ разнесенъ вѣтромъ и теченіемъ, то Фробишеръ поплылъ по проливу въ теченіи 60 часовъ (по логу), полагая, что земля, лежащая по правую сторону, континентъ Азіи, а по лѣвую сторону Америка ³⁾. Здѣсь онъ имѣлъ случай наблю-

Collinson. London 1867 8°.—Вышеизложенное описаніе основано преимущественно на отличномъ обзорѣ путешествій Фробишера, составленномъ д-ромъ И. Р. Кольнодъ подъ заглавіемъ: «Sir Martin Frobisher's Seefahrten und Entdeckungsreisen zum Norden Americas».—«Ausland» 1878 г. № 22 стр. 42, № 23 стр. 454, № 24 стр. 464, № 25 стр. 487.

¹⁾ Таково общепринятое мнѣніе. Коль говорить, что Фробишеръ отчалилъ изъ Депфорда 7-го іюня, между тѣмъ и у Коллинсона значится: he departed upon the sayde voyage from Blakewall the fifteenth of June, Anno Domini 1576 (стр. 71).

²⁾ Въ то время все, что лежало къ сѣверо-западу отъ Нью-фаундленда, называлось «Картереалевой землею» или Лабрадоромъ, поэтому предположеніе Фробишера не было ошибочно. Но къ тому полуострову, который теперь носитъ названіе Лабрадора, Фробишеръ не могъ попасть, плывая отъ южной оконечности Гренландіи въ сѣверозападномъ направленіи. Крайняя сѣверо-восточная точка Лабрадора, мысъ Чадлей, лежитъ съ южною оконечностью Гренландіи почти подъ одною широтою.

³⁾ That land uppon hys right hande, as hee sayled westward, he judged to be

дать сильный приливъ и полагая, что это теченіе, идущее изъ Тихаго Океана, считалъ, что путь въ Хатай и Индію имъ открытъ. Крайне затруднительно было пристать къ берегу, такъ какъ вся мѣстность и гавани были покрыты льдомъ. Но онъ приказалъ своимъ людямъ, во что бы то ни стало, высадиться на берегъ и „привести ему оттуда что нибудь живое или мертвое, растеніе или камень, въ знакъ занятія края христіанами.“ Нѣкоторые доставили ему цвѣтовъ, другіе травы, а одинъ изъ людей принесъ ему черный камень съ желтыми проблесками, который въ послѣдствіи привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Однажды Фробишеръ замѣтилъ на берегу какія-то живыя существа, которыя двигались по водѣ взадъ и впередъ. Сначала онъ полагалъ, что это тюлени, но когда онъ подошелъ ближе, то оказалось, что это люди, одѣтые въ тюленьи шкуры; каждый изъ нихъ имѣлъ по кожаной лодочкѣ. Они казались ему очень похожими на татаръ или „самоѣдовъ“ съ длинными черными волосами, широкими лицами, цвѣтъ кожи имѣли темно-желтый; женщины по наружности мало отличались отъ мужчинъ. То были, безъ сомнѣнія, эскимосы; сдѣланный Фробишеромъ описаніе самое древнее, которое существуетъ объ этомъ замѣчательномъ народѣ. Они заводили торговлю съ людьми Фробишера и вымѣнивали разные товары. При этомъ безъ вѣсти исчезла одна изъ его лодокъ съ пятью человѣками команды. Фробишеръ, полагая, что „дикіе“ ихъ увезли, въ замѣнъ того, схватилъ одного изъ нихъ, и увезъ съ собою.

Всѣ усилія Фробишера получить обратно свою лодку съ пятью человѣками команды были тщетны. Такимъ образомъ команда судна „Габріэль“ была сведена на 18 человѣкъ, довольно утомленныхъ и разслабленныхъ; самое судно было повреждено, лодки ни одной больше не было, а между тѣмъ приближалась сѣверная зима. Поэтому онъ рѣшился 25-го августа вернуться въ Англію, куда онъ и прибылъ 2-го октября, съ извѣстіемъ о сдѣланномъ открытіи, поддерживаемомъ и доставленнымъ дикаремъ чернымъ камнемъ съ золотымъ блескомъ.

Въ Англіи теперь стали восхвалять Фробишера, какъ открывателя начала Сѣверозападнаго пути въ Хатай, но самое большое вниманіе возбудилъ черный камень съ металлическими блестящими проблесками. Нѣкоторые знатоки высказывали, что камень этотъ содержитъ золото, къ тому же еще „очень много золота“, принимая въ расчетъ, что онъ небольшого объема. Другіе, правда,

---

the continent of Asia, and there to be divided from the firme of America, whiche lyeth uppon the lefte hande over against the same. (Коллинсонъ, 72).

говорили, что они не могут указать на присутствіе въ немъ золота; но такъ какъ химія тогда еще была въ колыбели, то не трудно было заставить молчать тѣхъ, которые невыгодно отзывались. Фробишеръ общалъ, что онъ привезетъ цѣлый грузъ этого камня, и это возбудило такую алчность среди британской публики, что снаряженіе второй экспедиціи не встрѣтило ни малѣйшаго затрудненія. Московское общество, хотя и прежде всѣхъ должно бы было заняться этимъ дѣломъ, такъ какъ именно подѣ условіемъ изслѣдованія сѣвера ему даны были привилегіи, но оно было слишкомъ завлечено открытіями на сѣверо-востокѣ и развивавшеюся тамъ торговлею съ Россією, и поэтому не сочло возможнымъ еще заняться сѣверо-западомъ. Для этого дѣла собрались и, по убѣжденію и подѣ руководствомъ предпримчиваго Михаэля Лока, другіе купцы и господа и составилось общество подѣ названіемъ „Company of Kathai“, которому королева также дала привилегіи. Михаэль Локъ былъ избранъ предсѣдателемъ общества. Фробишеръ, подобно Колумбу, получилъ послѣ перваго плаванія громкій титулъ ¹⁾. Затѣмъ ему опять дали извѣстные уже два маленькіе корабли „Михаэль“ и „Габріэль“, но къ нимъ королева отъ себя добавила еще одно большое судно въ 200 тоннъ „The Ayde.“ Нѣсколько смѣлыхъ и предпримчивыхъ дворянъ рѣшились сопутствовать Фробишеру. Въ сопровожденіи 140 человекъ дворянъ, купцовъ, рудокоповъ, монетчиковъ, солдатъ и матросовъ, онъ предпринялъ вторичное плаваніе въ 1577 году. По данной инструкціи онъ долженъ былъ какъ можно скорѣе дойти до открытаго имъ пролива и, нагрузивъ тамъ на „Ayde“ по возможности болѣе чернаго съ золотымъ блескомъ минерала, немедленно отправить это судно обратно въ Англію. На двухъ остальныхъ судахъ ему надлежало продолжать свои открытія на пути въ Хатай, а во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ идти въ западномъ направленіи, пока не убѣдится, что вышелъ въ Тихій океанъ. 26-го мая 1577 года онъ отвалилъ изъ Блэквалля и пошелъ тѣмъ же курсомъ, какъ въ первый разъ. При этомъ онъ встрѣтилъ всюду громадныя массы льда, сплывающаго изъ Баффинова залива къ югу. Объ этихъ ледяныхъ горахъ Фробишеръ сдѣлалъ весьма правильное заключеніе. Онъ опредѣлилъ, что ледъ этотъ, будучи прѣсноводнымъ, образуется на пути, и потомъ отрывается, какъ глетчеры Альпъ.

¹⁾ Королева Елисавета назначила его пожизненно «главнымъ адмираломъ всѣхъ морей, озеръ, земель и острововъ, странъ и мѣстъ, вновь открываемыхъ и въ особенности въ Хатай». Кроме того онъ долженъ былъ получить 1% стоимости всего добра и товаровъ, привозимыхъ оттуда. Его потомкамъ мужескаго пола, равно какъ и дѣтямъ всѣхъ членовъ Китайскаго общества, присвоивались безвозмездно и навсегда всѣ льготы и привилегіи этого общества.

Не можетъ быть, чтобы ледъ этотъ былъ изъ морской воды, которая, какъ онъ полагалъ, никогда не замерзаетъ, и, поэтому, онъ былъ убѣжденъ, что показанное на всѣхъ картахъ „замерзшее море“, *mare congelatum*, вовсе не существуетъ и немислимо. Въ своемъ проливѣ онъ встрѣтилъ опять сплошной ледъ, но, не смотря на это, ему удалось высадиться на лодкахъ, при чемъ найдено было множество столь желаннаго минерала, который составлялъ главный предметъ всѣхъ поисковъ. „Открытіе пути въ Хатай они надѣялись, съ помощью Божьею, осуществить другой разъ“. Поэтому, когда проливъ, вслѣдствіе сильнаго вѣтра, очистился отъ льда, Фробишеръ вошелъ въ него всего на разстояніе 30 часовъ по логу, приставая въ различныхъ мѣстахъ для поисковъ золота. «Одну изъ высокихъ горъ» на азіатской сторонѣ онъ называлъ, по чувству благодарности, почетнымъ именемъ „Дудлей“, а на противоположномъ берегу „на американской сторонѣ“, заливъ, въ которомъ Фробишеръ въ послѣдній разъ вышелъ на берегъ и который, такъ сказать, составлялъ вѣнецъ втораго плаванія, былъ названъ въ честь супруги „Дудлея“ *the Countesse of Warwicks Sound* (заливъ графини Варвикской). Какъ при первомъ плаваніи, такъ и теперь, Фробишеръ входилъ въ сношенія съ мѣстными обитателями, въ надеждѣ разузнать отъ нихъ что нибудь „о тайнахъ страны“ и вмѣстѣ съ тѣмъ получить свѣдѣнія о пяти чело-вѣкахъ своей команды, потерявшихъ безъ вѣсти во время пер-ваго плаванія. Тайнъ онъ ни какихъ не узналъ и людей своихъ не нашелъ. Напротивъ, онъ нашелъ въ одномъ изъ шалашей эскимосскихъ кости; казавшіяся ему весьма подозрительными, какъ бы остатками исчезнувшихъ спутниковъ. Въ то время всѣ европейскіе открыватели приняли за правило считать американскихъ уроженцевъ людодѣлами. Но къ чести главныхъ представителей экспедиціи и въ похвалу добродушнаго направленія англичанъ тогдашняго времени, нужно сказать, что между ними нашлись нѣкоторые, смотрѣвшіе на эскимосовъ безъ предубежденія, открывая и въ нихъ качества людей, созданныхъ по образу Божію. Таковымъ явился составитель отчетовъ о путешествіяхъ Фробишера, его старшій лейтенантъ Георгъ Бестъ, который сдѣлалъ весьма вѣрное, простое и даже трогательное описаніе о поведеніи эскимосской четы, которая безжалостно была увезена въ Англію. Главною цѣлью Фробишера было, какъ мы уже упомянули, найти какъ можно больше „золотыхъ самородковъ“. По этому всѣ участники экспедиціи работали неутомимо, въ теченіи 4 недѣль, т. е. до 21-го августа. Чувствуя себя утомленными и считая, что съ такимъ почтеннымъ грузомъ, какъ 200 тоннъ золотистаго минерала, можно съ чистою совѣстью возвратиться на родину, они рѣшились послѣ

этихъ напряженныхъ трудовъ, пуститься въ обратный путь. Фробишеръ и его корабли, сидѣвшіе глубоко въ водѣ будучи загружены золотымъ минераломъ, были встрѣчены въ Англіи съ необычайнымъ энтузіазмомъ. Даже въ исторіи испанскихъ открывателей и золотоискателей ничего подобнаго не было. Королева Елисавета всенародно выразила Фробишеру свою благодарность и открытой имъ странѣ дала новое названіе. Такъ какъ она до сихъ поръ не была никому извѣстна и, по возможности, должна была остаться для остальнаго свѣта тайною, то королева дала ей весьма „умѣстное“ названіе: „*Meta incognita*“ (неизвѣстная цѣль). Подъ этимъ таинственнымъ латинскимъ названіемъ, избраннымъ королевою, которая сама говорила по латыни, земля эта была нанесена на всѣ карты. Англичане полагали, что подъ льдами и снѣгами сѣвера открыли второе Перу, въ особенности когда особо назначенная коммиссія, по тщательномъ и разностороннемъ изслѣдованіи доставленнаго Фробишеромъ минерала, признала, что онъ содержитъ много золота, что открытый Фробишеромъ проливъ по всей вѣроятности дѣйствительно ведетъ въ Хатай и что, поэтому, это дѣло въ высшей степени заслуживаетъ поддержки и поощренія. Королева повелѣла снарядить новую экспедицію въ большихъ размѣрахъ, въ тоже время построить на вновь открытой землѣ крѣпость и устроить тамъ постоянную колонію, какъ для того, чтобы закрѣпить за Англіею владѣніе этою страной, такъ и для дальнѣйшаго ея изслѣдованія и извлеченія всевозможныхъ выгодъ. Для этой цѣли, на счетъ королевы и „Китайскаго общества“, были снаряжены три корабли подъ командою капитановъ Эдуарда Фентона ¹⁾, Беста и Фильпота. Эти три корабли должны были состоять въ распоряженіи вновь воздвигаемой крѣпости, комендантомъ которой съ чиномъ генералъ-лейтенанта былъ предназначенъ Фейтонъ; кромѣ того они имѣли назначеніе далѣе изслѣдовать путь въ Хатай. Къ нимъ были присоединены еще нѣсколько судовъ, которыя должны были принять грузъ золотыхъ самородковъ и къ концу лѣта возвратиться въ Англію. Кромѣ того, принимали участіе въ этой экспедиціи коммерческіе порта западнаго побережья Англіи и нѣсколько предприимчивыхъ дворянъ. Такимъ образомъ собрался въ Гарвичѣ, сборномъ мѣстѣ всей экспедиціи, цѣлый флотъ, со-

¹⁾ Фентонъ, родившійся въ Ноттингемшайрѣ около 1550, вступилъ въ морскую службу и впоследствии былъ съ англійскою арміею въ Ирландіи. Послѣ экспедиціи Фробишера и другой, о которой мы еще поговоримъ, въ которыхъ онъ принимаетъ участіе, онъ хотѣлъ въ 1582 г. пройти чрезъ Магеллановъ проливъ, но ему въ этомъ помѣшалъ испанскій флотъ, хотя ему удалось уничтожить флагманскій корабль у Сент-Винсента; въ 1588 году онъ съ успѣхомъ дрался противъ испанской бригады, и умеръ въ 1603 г. въ Денфордѣ.

стоящій не менѣе какъ изъ пятнадцати судовъ, подъ командою пятнадцати различныхъ капитановъ, а главнымъ начальникомъ всей экспедиціи, въ качествѣ „генерала“, былъ назначенъ Мартинъ Фробишеръ.

31-го мая 1578 года Фробишеръ зашелъ въ море. Никогда еще Англія не отправляла въ Америку столь значительнаго флота, отъ котораго такъ много ожидала, но едва-ли когда либо также Англія предпринимала экспедицію и поощряла ее, которая была-бы такъ безуспѣшна, такъ непрактична, такъ полна разочарованій, какъ это третье плаваніе нашего знаменитаго моряка. Какъ прежде такъ и въ этотъ разъ, Фробишеръ прямо отправился къ южной оконечности „западной Фрисландіи“ (нынѣшняя Гренландія). На этотъ разъ ему удалось тамъ пристать къ берегу и нѣсколько обследовать этотъ новый край. Онъ встрѣтилъ здѣсь тѣхъ же людей, какъ въ своемъ проливѣ, т. е. эскимосовъ. Это обстоятельство навело Фробишера на мысль, что вновь открытая имъ земля, которую онъ теперь назвалъ „Западною Англіею“, находится въ неразрывной связи съ Гренландіею, или, иными словами, что это тоже Гренландія. Онъ также догадывался, что эта „Западная Англія“ или Гренландія на сѣверѣ вѣроятно связана съ прежде открытою имъ „Meta incognita“, и что между обѣими землями лежитъ только большой заливъ. Черезъ уже знакомое ему море онъ, засимъ, отправился на западъ въ свой проливъ, гдѣ онъ 2-го іюля подошелъ къ мысу „Queens Forland“. Здѣсь онъ вскорѣ былъ окруженъ неизмѣримою массою страшныхъ ледяныхъ горъ и въ тоже время буря, сопровождаемая снѣгомъ и туманомъ, разстѣла его флотъ. Когда стихіи успокоились, большая часть судовъ, собравшись въ открытомъ морѣ, поплыла опять въ западномъ направленіи. Вскорѣ они замѣтили мысъ и проливъ, которые, какъ полагали нѣкоторые, въ томъ числѣ и самъ Фробишеръ, должны были быть мысъ Варвикъ и проливъ Фробишера; другіе же заявили, что это новая, еще невиданная, земля. Въ теченіи 60 часовъ Фробишеръ съ большею частью своего флота — только заблудившіяся и непокорныя суда отстали, — плылъ по этому проливу, который былъ совершенно свободенъ отъ льдовъ, но въ немъ замѣчалось сильное попутное теченіе. Земля значительно уклонялась къ югу, проливъ становился гораздо шире, на западѣ показывалось свободное отъ льдовъ открытое море. Самъ Фробишеръ долженъ былъ наконецъ согласиться, что это не прежній его проливъ, но другой, идущій съ первымъ параллельно. Не подлежитъ сомнѣнію, что они плыли по проливу, изслѣдованному впоследствии Гудсономъ и по немъ названному; они были на пути къ большому Гудсонову заливу, настоящимъ открывателемъ котораго

былъ, какъ мы уже упомянули, Себастьянъ Каботъ. Но такъ какъ Фробишеръ имѣлъ порученіе основать колонію въ своей золотосной „Мета инкогнита“, то онъ поворотилъ назадъ и поплылъ опять на востокъ по южной сторонѣ „Queens Forland'a“. На этомъ пути онъ увидалъ, что эта земля состоитъ изъ острововъ, пересекаемыхъ поперечными проливами. Онъ догадывался, что одинъ изъ этихъ поперечныхъ проливовъ вѣроятно ведетъ въ его первоначально открытый проливъ, и не ошибся. 23 іюля тамъ собрались почти всѣ суда экспедиціи, но когда хотѣли приступить къ основанію колоніи, оказалось, что большая часть строительнаго матеріала погибла во время сильнаго шторма. По этому проектъ основанія колоніи былъ оставленъ безъ исполненія, а ограничились только собираніемъ возможно большаго количества черно-золотистаго камня. Къ концу августа собрались-было въ обратный путь. Въ это время, ко всеобщей радости, пришелъ въ портъ Варвикъ одинъ изъ кораблей подъ командою капитана Беста, за четыре недѣли передъ симъ отдѣлившійся неодолимою силою бури отъ остальныхъ судовъ, у входа въ Гудсоновъ проливъ. Этотъ корабль былъ на сорокъ часовъ западнѣе другихъ вдоль южнаго берега „Queens Forland'a“; тамъ онъ обогнулъ его и пошелъ по сѣверной его сторонѣ, пока не присоединился къ товарищамъ въ заливѣ Варвикъ. Фробишеръ, съ тою цѣлю, чтобы и съ своей стороны еще что нибудь прибавить къ сдѣланнымъ вновь открытіямъ, предпринялъ еще на лодкахъ экскурсію къ сѣверу. При этомъ онъ убѣдился, что открытая имъ земля не вся принадлежитъ къ континенту, а образуетъ огромный архипелагъ, состоящій изъ многихъ острововъ. Наконецъ, въ послѣдній день августа, былъ данъ сигналъ къ обратному слѣдованію. Но едва только суда успѣли поднять паруса, какъ страшный штормъ ихъ опять разбѣлялъ, и они, послѣ неимовѣрныхъ затрудненій, всѣ отдѣльно вернулись въ порты Великой Британіи ¹⁾). Такимъ образомъ случилось, что за-

¹⁾ Позже всѣхъ вернулось маленькое судно «Buss of Bridgewater». Остальныя суда, которыя сами едва-спаслись, бросили это судно на произволъ судьбы въ моментъ крайней опасности. Оно прошло не черезъ проливъ Фробишера, а черезъ какой то другой (вѣроятно Кумберланда) въ океанъ. Этотъ проливъ былъ, правда, полонъ подводныхъ рифовъ, утесовъ и ледяныхъ горъ, но жестокая крайность вынудила маленькій «Буссъ» рискнуть на смѣлую попытку. Онъ благополучно прошелъ и выбрался на просторъ океана, гдѣ онъ, какъ увѣряютъ, сдѣлалъ на пути еще открытіе, которое возбудило много споровъ и до настоящаго времени еще служитъ предметомъ разностороннихъ пререканій и новыхъ попытокъ въ подтвержденіе этого открытія. Команда этого судна рассказывала, что они наткнулись къ юго-востоку отъ Гренландіи (западной Фрисландіи), подъ 57° сѣв. шир., на берегъ какой-то новой, до тѣхъ поръ неизвѣстной страны. Берегъ этотъ будто бы былъ лѣсный и имѣлъ видъ плодородной прекрасной мѣстности.

мѣчательный золотосодержащій минералъ попалъ въ руки не только секретной Королевской комисіи, но и постороннихъ лицъ, смотрѣвшихъ на дѣло безпристрастно. Оказалось, ко всеобщему разочарованію, что мнимый, содержащій настоящее золото минералъ, ничто иное, какъ простой черный камень, безъ всякой примѣси золота. Всѣ постепенно убѣдились, что они страшно обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, напрасно затратили такъ много трудовъ и денегъ.

Хотя экспедиціи Фробешера ¹⁾ не достигли своей предназначтанной цѣли, тѣмъ не менѣе его открытія отнюдь не маловажны. Географія и мореплаваніе ему многимъ обязаны. Слѣдующіе за нимъ мореплаватели Дэвисъ, Баффинъ, Билотъ, Гудсонъ пошли по его стопамъ, руководствовались его указаніями. Послѣ Кабота Фробешеръ—первый и старшій мореплаватель англичанъ, стремившійся къ открытію Сѣверо-западнаго прохода. Англичане называютъ его прародителемъ всѣхъ позднѣйшихъ сѣверо-западныхъ плаваній. Главные результаты его плаваній для географіи состоятъ въ томъ, во-первыхъ, что онъ показалъ и освѣтилъ англичанамъ путь въ Гренландію, на которомъ они раньше никогда не бывали. Онъ сдѣлалъ проницательныя наблюденія въ этой части обширнаго океана, изслѣдовалъ глубину водъ и ихъ теченіе, опредѣлилъ происхожденіе и движеніе ледяныхъ плавучихъ горъ ²⁾. Фробешеръ

сти. Они шли вдоль него въ теченіи троиъ сутокъ. Географы назвали эту только видѣнную землю—Буссовой и подъ этимъ названіемъ показывался до новѣйшаго времени на картахъ отдѣльный островъ, который, впрочемъ, нѣкоторыми географами принимался за тотъ же островъ, на который указывали братья Зено, подъ названіемъ «Фрилланцъ». Но такъ какъ позднѣйшіе мореплаватели никогда болѣе этой земли не видали, то полагали, что она погрузилась въ бездну морскую, и этому вѣрили тѣмъ болѣе, что нѣкоторые плаватели сообщали, что они встрѣтили на юго-востокъ отъ Гренландіи, подъ 57° сѣв. шир., песчаную отмель. Только позднѣйшіе арктическіе мореплаватели Россъ и Парри, дѣлая неоднократно участеніе промѣры дна морскаго, доказали, что никогда нѣ отмели песчаной, нѣ земли Буссовой не существовало въ этихъ мѣстахъ и что поэтому вѣроятно команда судна «Буссъ» видѣла только необычайно большую ледяную массу, которую приняла за островъ.

¹⁾ Фробешеръ нѣсколько лѣтъ спусти сопровождалъ сэра Франсиса Драка въ Вестъ-Индію, потомъ командовалъ однимъ изъ самыхъ большихъ англійскихъ кораблей, сражавшихся въ 1588 году противъ испанской «Армады» причемъ онъ отличился своею храбростію, заслужившей ему рыцарство. Въ 1594 году онъ былъ посланъ къ берегамъ Франціи, чтобы поддержать Генриха II противъ испанцевъ. Здѣсь, при осадѣ крѣпости Крозона въ Бретани, онъ былъ раненъ. Ему сдѣлали такую неудачную операцію и перевязку, что онъ черезъ нѣсколько дней умеръ отъ ранъ въ Плимутѣ.

²⁾ О встрѣченныхъ имъ теченіяхъ Фробешеръ замѣчаетъ, что онѣ идутъ преимущественно изъ юго-запада и упираются въ Норвегію. По его мнѣнію, онѣ

первый изъ англичанъ, который видѣлъ и посѣтилъ Гренландію; онъ первый доказалъ, что тамъ живутъ такіе же эскимосы, какъ на Лабрадорѣ и въ Баффиновой землѣ; онъ первый изъ англичанъ, который открылъ и проплылъ по Гудсонову проливу, протекающему между двумя послѣдними землями.

Употребляя различные астрономическіе и математическіе инструменты, Фробишеръ старался съ величайшею тщательностью опредѣлить широту своихъ открытій, но для опредѣленія долготы у него средствъ не хватило. По этому-то, вѣроятно, въ послѣдствіи многіе географы впадали въ такія грубыя ошибки относительно истиннаго положенія сдѣланныхъ имъ открытій и въ особенности по отношенію пролива, по которому онъ плылъ. Нѣтъ сомнѣнія, что проливъ Фробишера долженъ находиться именно тамъ, куда его помѣщаютъ всѣ новѣйшіе географы со временъ Скоресби, т. е. сѣвернѣе Гудсонова пролива и южнѣе Баффиновой земли. Американскій мореплаватель Чарльсъ Ф. Галль, проплывшій въ 1862 году Фробишеровъ проливъ съ древнею картою Гаклуйта въ рукахъ, отстранилъ всякое сомнѣніе относительно поприща дѣятельности и мѣста открытій этого отважнаго моряка, причемъ нашелъ даже еще нѣсколько предметовъ, принадлежавшихъ открывателямъ, бывшимъ здѣсь около 300 лѣтъ тому назадъ¹⁾.

Изъ двухъ приложенныхъ къ изданному Гаклуйтомъ отчетамъ Фробишера картъ первая изображаетъ, кажется, подробную карту открытыхъ Фробишеромъ земель и пройденныхъ имъ проливовъ. На второй, изображающей сѣверо-западную часть всемірной карты, представлено почти тоже самое, но только въ болѣе общихъ чертаніяхъ. Эта карта ясно показываетъ, какое понятіе имѣли Фробишеръ и его современники о географіи сѣвера Америки.

Очень понятно, что неуспѣхъ послѣдней экспедиціи Фробишера нѣкоторымъ образомъ охлаждающе подѣйствовалъ на его соотечественниковъ; тѣмъ не менѣе и въ слѣдующихъ годахъ было пред-

---

составляютъ продолженіе тѣхъ же морскихъ движеній, которыя, начиная отъ Африки, переходятъ въ Антильское море, а затѣмъ изъ Мексиканскаго пролива передаются въ Сѣверо-атлантическій океанъ до Норвегіи, иными словами: явленіе гольфштрёма. Это справедливое и часто повѣренное новѣйшими географами мнѣніе впервые было заявлено Фробишеромъ.

¹⁾ Это были развалины маленькаго домика, сложеннаго Фробишеромъ изъ камня на извести на островѣ Варвикѣ и оставленнаго имъ для охоты въ свѣгъ и льду; нѣсколько такихъ киричей, о которыхъ Фробишеръ упоминаетъ въ своихъ отчетахъ, нѣсколько полусгнившихъ бревенъ и заржавленныхъ желѣзныхъ вещей, даже остатки стариннаго математическаго инструмента изъ желѣза «ге-мисферы», обломки прославленнаго черно-золотистаго камня, слѣды кузницы, много англійскаго каменнаго угля и наковальню.

принято нѣсколько экспедицій въ сѣверо-западномъ направленіи. Такъ въ 1579 году Эдуардъ Фентонъ опять отправился было для отысканія сѣверо-западнаго прохода, но вернулся, опасаясь быть взятымъ въ плѣнъ испанцами ¹⁾. Въ 1583 году сэръ Гумфри Жильбертъ, страстно преданный дѣлу географическихъ изслѣдованій, вновь сдѣлалъ попытку въ этомъ направленіи. Еще въ 1578 году ему было повелѣно основать въ сѣверной Америкѣ поселеніе и онъ отправился въ сопровожденіи своего своднаго брата Вальтера Ралея на пяти корабляхъ ²⁾ съ 260 человѣками команды, чтобы, во имя *Colleagues of the Fellowship for the Discovery of the North-West-Passage*, занять нѣкоторыя части Сѣверной Америки. Отсюда онъ предпринималъ различныя плаванія для новыхъ открытій, а 5-го августа 1583 года пришелъ къ острову Ньюфаундленду въ портъ С.-Джонъ, гдѣ онъ встрѣтилъ болѣе ста судовъ французскихъ и португальскихъ, занимавшихся рыболовствомъ въ обширѣйшихъ размѣрахъ. Это обстоятельство, можетъ быть, побудило его занять этотъ островъ во имя англійскаго правительства и основать тамъ поселеніе, которое впрочемъ не долго существовало. На обратномъ пути въ Англію его просили пересѣсть со Сквирреля, который уже сдѣлался ненадежнымъ, на „Золотую лань“ (*Golden Hind*), но онъ отвѣтилъ: „Возвращаясь на родину, я не оставляю своей дорогой спутницы, на которой я выдержалъ столько опасностей, столько разрушительныхъ бурь“. 9-го сентября, миновавъ Азорскіе острова, Сквиррель чуть было не сдѣлался жертвою волнъ, но еще разъ устоялъ противъ ихъ ярости. Вскорѣ послѣ того команда „Золотой лани“ видала еще генерала Жильбера сидящимъ на кормовой части съ книгою въ рукахъ; слышали, какъ онъ кричалъ своимъ людямъ: „Не робѣй, ребята, на морѣ мы столь-же близки къ небу, какъ на землѣ!“ Въ ту же ночь погибло судно Жильбера и ни о немъ самомъ, ни о суднѣ его ни какихъ слѣдовъ болѣе не найдено.

Это плаваніе знаменательно занятіемъ Ньюфаундленда, перваго владѣнія англичанъ въ Сѣверной Америкѣ. Тогда, разумѣется, и не подозрѣвали, какое значеніе этотъ островъ пріобрѣтетъ для англійскаго правительства. По величинѣ равняясь королевству Португальскому, Ньюфаундлендъ лежитъ у восточнаго берега Лабрадора,

¹⁾ Королева Елисавета только лѣтомъ 1581 года заключила союзъ съ Франціею противъ Испаніи, но отношенія обоихъ государствъ были уже съ 1579 года непріязненныя, такъ какъ королева Елисавета постоянно склонялась на сторону протестантовъ нидерландскихъ и французскихъ и дозволяла нападать на испанскія суда и уничтожать ихъ.

²⁾ Это были: Сквиррель (Бѣлка), барка о 10 тоннахъ, *Golden Hind* (Золотая лань) и еще три судна.

отъ котораго онъ отдѣляется узкимъ проливомъ Бель-ильскимъ (на 20 верстъ ширины). У Ньюфаундленда начинается образованіе фіордовъ, и на берегахъ его, которые, какъ полагаютъ, постепенно погружаются, видны явныя расщелины съ глубоко вдающимися заливами. Самая замѣчательная мѣстность Ньюфаундленда—это восточная часть его, полуостровъ Авелонъ, образуемый съ одной стороны заливомъ Св. Троицы, съ другой—заливомъ Плаченціа. Вся поверхность острова гориста, покрыта лѣсами, болотами и озерами. Внутреннія пространства ¹⁾, которыя до сихъ поръ еще очень мало изслѣдованы, представляютъ скалистую плоскую возвышенность съ неисчерпаемыми богатствами каменнаго угля и еще другихъ полезныхъ минераловъ. Климатъ хотя непостояненъ, но здоровъ. Весь островъ постоянно окруженъ туманами, въ теченіи большей части года покрытъ снѣгомъ и льдомъ, не смотря на то, что лежитъ подъ одною широтою съ сѣверною Франціею ²⁾. Только побережье заселено; овесъ созрѣваетъ среднимъ числомъ черезъ каждые три года, картофель и капуста разводятся съ успѣхомъ. Охота на пушного звѣря очень прибыльна, преимущественно на лисицу, волка и медвѣдя; подчасъ попадаются и бѣлый медвѣдь изъ Гренландіи. Карибу или американскій олень (*Rangifer caribou*) представляетъ рабочую силу, домашнее животное. Особенно замѣчательны великолѣпныя ньюфаундлендскія собаки, отличающіяся своею длинною пушистою шерстью, смышленностью и привязанностью къ хозяину ³⁾. Главный источникъ доходовъ мѣстныхъ жителей ⁴⁾ составляетъ морское рыболовство, которымъ почти всѣ безъ исключенія занимаются или постоянно или повременно. Весь островъ окруженъ скалистыми отмелями, образуемыми подводною возвышенностью. На этихъ-то мѣстахъ бываетъ самый обильный ловъ рыбы и бой тюленя; особенно много ловится трески ⁵⁾ (*Gadua morrhua*). Промышленники преимущественно стекаются на такъ

¹⁾ Только въ 1822 году шотландецъ В. С. Кормакъ, въ сопровожденіи одного спутника, пришелъ съ залива Св. Троицы поперекъ къ заливу св. Георгія; въ 1839 — 1840 году, проф. И. Б. Юксъ сдѣлалъ геологическую съемку побережья.

²⁾ Ньюфаундлендъ лежитъ между 46° 37' и 51° 40' сѣв. шир. и между 52° 40' и 59° 31' зап. долг. отъ Гринича.

³⁾ Д-ръ Эмиль Бенель, впрочемъ, отнюдь не выгодно отзывался о ньюфаундлендскихъ собакахъ (см. «Американскую экспедицію къ сѣв. полюсу». Лейпцигъ 1879 г., стр. 26).

⁴⁾ По послѣднему счисленію 1869 года, народонаселеніе Ньюфаундленда составляло 146,536 душъ; изъ нихъ болѣе 22,000 въ главномъ городѣ Сентъ-Джонъ.

⁵⁾ О ловѣ трески на Ньюфаундлендскихъ банкахъ см. «Ausland» 1861 г., стр. 596 и 609.

называемой „большой банкъ“ на юго-востоѣ острова, простирающейся отъ 43° до 48° сѣв. шир. и имѣющей отъ 100 до 300 метровъ ширины при глубинѣ отъ 45—175 метр. подъ водою. Кромѣ того еще „наружная банка“ и рядъ отмелей въ южномъ направленіи къ Новой Шотландіи. На этихъ почти постоянно покрытыхъ туманомъ „Тресковыхъ лугахъ“ производится самый обширный въ мірѣ ловъ рыбы на болѣе чѣмъ 2000 судахъ, оборотъ которыхъ простирается до 36 милліоновъ марокъ=(приблизительно 17 милліонамъ рублей). Въ этой суровой рыбопромышленной школѣ образовались тѣ отважные матросы, которымъ Англія обязана своимъ владычествомъ надъ морями. Такимъ образомъ Ньюфаундлендъ принесъ Англіи больше прибыли, чѣмъ могла бы принести какая-либо золотоносная страна.

Но дѣло открытія Сѣверозападнаго прохода этимъ не подвинулось впередъ. Точно также оно не удалось смѣлому Джону Дэвису (род. въ Кендбриджѣ въ Девоншейрѣ, умеръ 27 декабря 1605), который, какъ соотечественникъ и другъ сэра Гумфри Жильберта отправился, вслѣдъ за нимъ, въ тотъ заливъ, который, какъ полагали, былъ имъ открытъ, но о которомъ онъ не успѣлъ дать отчета, настигнутый преждевременной смертью при гибели судна Сквирреля. 7-го іюня 1585 года Дэвисъ вышелъ изъ Дартмута на двухъ судахъ „Сеншейнтъ“ (солнечный свѣтъ) и „Муншейнтъ“ (лунный свѣтъ), снаряженныхъ лондонскими купцами. Сначала онъ держалъ путь на западъ, а затѣмъ уже поворотилъ на сѣверо-западъ. Течение было сѣверное, причемъ онъ встрѣтилъ необыкновенное количество китовъ и дельфиновъ, а глубина моря была неизмѣрима лотомъ. 20 іюля Дэвисъ съ товарищами увидалъ землю, усѣянную какъ бы горными вершинами въ видѣ сахарныхъ головъ, покрытыхъ снѣгомъ и отчасти очень высокихъ. Вслѣдствіе неправильности, вкравшейся въ широты карты братьевъ Зено, онъ не узналъ, что онъ подошелъ къ восточному берегу Гренландіи, а полагалъ, что сдѣлалъ новое открытіе. Такъ какъ онъ тутъ не встрѣтилъ ничего кромѣ ледянаго оцѣпенѣнія и безжизненной пустыни, то онъ назвалъ эту землю „страною отчаянія“. Принявъ курсъ юго-западный, онъ потерялъ этотъ берегъ 25 іюля изъ виду, а поворотивъ затѣмъ на сѣверъ, онъ поднялся по широкому проливу, названному по имѣ Дэвисовымъ, до $64^{\circ} 15'$ сѣв. шир., гдѣ онъ уже подошелъ къ Гренландіи съ западной стороны и бросилъ якорь въ глубокомъ, весьма удобномъ для стоянки судовъ, фіордѣ. Онъ назвалъ этотъ фіордъ заливомъ Жильберта, но это названіе должно было впослѣдствіи уступить мѣсто датскому „Годтавнъ“, здѣсь онъ вымѣнялъ у крайне миролюбиваго мѣстнаго населенія множество тюленьихъ шкуръ и другихъ мѣховъ за самыя ничтожныя вещи,

которыя онъ имъ далъ. Черезъ нѣсколько дней собралось къ этому мѣсту столько прибрежныхъ обитателей, что не менѣе 37 лодокъ окружали суда Дэвиса. Здѣсь-же увидалъ онъ множество плавающего лѣсу, въ томъ числѣ цѣлое дерево въ 20 метровъ длины. 1 августа Дэвисъ поплылъ опять въ сѣверо-западномъ направленіи и, пересѣкая приблизительно подъ $66^{\circ} 40'$ сѣв. шир. этотъ проливъ, имѣющій около 350 к. метр. ширины, онъ подошелъ 6 августа къ западной его сторонѣ, нѣсколько южнѣе мыса Адаиры, имъ такъ названнаго. Заливъ, въ глубинѣ котораго возвышалась блестящая какъ золото гора, онъ назвалъ „Exeter Sund“, а самую гору въ честь своего предшественника „Ралей“. Хотя проливъ былъ свободенъ отъ льда, но Дэвисъ не рѣшился подняться сѣвернѣе; онъ пошелъ къ югу вдоль берега, обогнувъ мысъ Вальсайгамъ, названный имъ такъ въ честь тогдашняго статсъ-секретаря Англіи, и 11 августа подошелъ къ южной оконечности этой земли, которую онъ назвалъ („Cape of God's Mercy“), мысомъ „Божьяго Милосердія“. Это нынѣшній мысъ Альбертъ. Огибая этотъ мысъ, онъ вышелъ въ довольно широкій (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 40 к. метр.) проливъ, имѣющій заманчивое сѣверо-западное направленіе. Погода была мягкая, море имѣло видъ обширнаго всеобъемлющаго океана. Вдаваясь глубже въ проливъ—нынѣшній Кумберлендскій—Дэвисъ встрѣтилъ нѣсколько острововъ и на берегу слѣды человѣческаго жилья: сани сосновыя и дубовыя, даже сдѣланныя изъ китоваго уса, рѣзныя картины, модель лодки и собакъ съ острыми ушами, съ толстыми пушистыми хвостами и съ ошейниками. При высадкѣ на берегъ, увидали малолетнихъ людей, одѣтыхъ съ головы до ногъ въ звѣриныя шкуры и убѣгавшихъ при приближеніи иностранцевъ. Такъ какъ проливъ на разстояніи 180—220 метровъ отъ входа еще не суживался, то Дэвисъ уже былъ исполненъ самыхъ благоприятныхъ надеждъ, но сильныя встрѣчныя бури заставили его 20 августа повернуть обратно, а 30 сентября онъ благополучно вернулся въ Англію.

Едва только успѣлъ Джонъ Дэвисъ нѣсколько оправиться, какъ онъ уже, снабженный новыми средствами, предпринималъ второе плаваніе къ сѣверу на прошлогоднихъ судахъ, къ которымъ присоединились еще два, „Mermaid“, (морская дѣва), въ 120 тоннъ, и пинасъ „North-Star“ (сѣверная звѣзда). Вышли они 7-го мая 1586 г. изъ Дартмута, съ цѣлью далѣе изслѣдовать найденный въ прошедшемъ году проливъ, обѣщавшій такъ много въ будущемъ. Когда 25 іюня Дэвисъ дошелъ до южной оконечности Гренландіи, онъ распорядился, чтобы „Сэншейнъ“ и „Нордстаръ“ поднялись къ сѣверу по восточному берегу Гренландіи для отысканія сѣверо-западнаго прохода, между тѣмъ онъ самъ на „Сеншейнѣ“ въ сопровожденіи „Мер-

майда" пошелъ тѣмъ же путемъ, какъ въ прошедшемъ году, про-
никая къ сѣверу по Дэвисову проливу. Прежде всего онъ оты-
скалъ опять мѣсто своей прошлогдней стоянки, заливъ Жильбера,
откуда онъ уже пустился въ дальнѣйшіе поиски 17 іюля. Дэви-
совъ проливъ на сей разъ былъ еще покрытъ плавучимъ льдомъ,
такъ что отважный мореплаватель раньше, чѣмъ перевалить на за-
падную сторону, вернулся еще разъ 1 августа къ берегу Гренландіи
подъ $66^{\circ} 31'$ сѣв. шир. Вѣтеръ и ледяныя массы приносили съ
собою такой холодъ, что снасть и паруса покрывались ледяною
корой; команда отказывалась подняться еще болѣе къ сѣверу.
Двѣ недѣли спустя, когда море очистилось отъ льда, онъ перева-
лилъ на другую сторону пролива подъ $66^{\circ} 19'$ сѣв. шир. Но за-
падный берегъ былъ до того загроможденъ льдами, что прибли-
зиться къ нему не представлялось никакой возможности, и Дэвисъ
долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго изслѣдованія Нордкун-
берлендской лазейки, какъ онъ ее называлъ. Послѣ ожесточенной
свалки съ эскимосами, стоившей ему трехъ человекъ убитыми и
двухъ ранеными, Дэвисъ, не исполнивъ своей задачи, пустился
19 августа въ обратный путь съ $64^{\circ} 20'$ сѣв. шир.

Хотя и на этотъ разъ всѣ старанія Дэвиса были безуспѣшны, но
онъ не только не терялъ надежды, но сумѣлъ ее поддержать въ
своихъ отправителяхъ въ той-же мѣрѣ, какъ онъ самъ ею былъ
воодушевленъ. Ему удалось снарядить третью экспедицію, въ увѣ-
ренности, что достигнетъ желанной цѣли. 15 мая 1587 г. онъ вы-
шелъ въ море на „Сэншейнъ“ съ „Елисаветою“ изъ Дартмута, а изъ
Лондона присоединилась къ нимъ „Елена“. При входѣ въ заливъ
Жильберта 16-го іюня, его судно „Сеншейнъ“, ударяясь объ льдины,
получило такія значительныя поврежденія, что команда усумни-
лась въ возможности продолжать на немъ плаваніе. Дэвисъ, од-
нако, выказалъ при этомъ истинно британскую рѣшимость, объявивъ
своимъ людямъ, что онъ предпочитаетъ съ честью умереть, чѣмъ
со стыдомъ вернуться. 21 іюня онъ вышелъ поэтому изъ залива
Жильберта (Годгавнъ) и поднялся по Дэвисову проливу до $67^{\circ} 40'$
сѣв. шир., гдѣ онъ 24 іюня, благодаря сильному преломленію лу-
чей въ сѣверныхъ широтахъ, увидалъ одновременно справа
Гренландію, а слѣва американскіе полярные острова. 30 іюня,
все еще въ виду Гренландіи, назвалъ онъ подъ $72^{\circ} 12'$ крайнюю
точку этого побережья по имени своего великодушнаго покрови-
теля „Hope Sanderson“ (у мѣстныхъ обитателей „Косарсуикъ“), а
все побережье Гренландіи къ сѣверу отъ Годгавна „Лондонскимъ
побережьемъ“. Затѣмъ Дэвисъ проникъ по освобожденному отъ
льдовъ проливу до 73° сѣв. широты, но встрѣчный сильный вѣ-
теръ со льдомъ заставилъ его спуститься. 19 іюля онъ пришелъ

у западной стороны пролива на траверсъ уже знакомой ему горы Ралея, а къ полуночи поравнялся со входомъ въ Нордкюмберлендскую лазейку, которая, по его убѣжденію, вела въ Хатай. Съ 20 до 29 іюля онъ обследовалъ оба берега этого пролива, но уже 23 числа, дошедши до вершины углубленія, нынѣшняго Гогартъ-Сунда, онъ убѣдился, что не находится въ проливѣ, а вошелъ въ обыкновенную узко-продолговатую бухту, и вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ всякую надежду найти здѣсь сѣверо-западный проходъ въ Тихій океанъ. За симъ онъ сталъ изслѣдовать берегъ по направленію къ югу. 30 іюля онъ нашелъ входъ въ проливъ Фровишера, но, разумѣется, не считалъ его проливомъ Фровишера, потому что онъ, какъ и всѣ его современники, полагалъ, что проливъ Фровишера находится у восточнаго берега Гренландіи. Впрочемъ, Дэвисъ описываетъ это мѣсто въ видѣ залива, слѣдовательно онъ не предполагалъ, что тамъ находится проливъ, котораго въ дѣйствительности тамъ и нѣтъ. Данное этому проливу названіе „Лорда Лумлея пролива“ онъ сохранилъ въ теченіи двухъ столѣтій: 31 августа Дэвисъ перешелъ подъ 62° сѣв. широты отъ нынѣшняго острова Рѣшенія, который онъ назвалъ „Мысъ Варвикъ“, поперегъ входа въ Гудсоновъ проливъ къ мысу Чудлею на Лабрадорѣ, названному такъ по имени мореплавателя тогдашняго времени и сохранившему это названіе до настоящаго времени. Во время этого перехода судно его попало въ такъ называемый „быстрый приливъ“, скорость котораго Дэвисъ сравнилъ съ быстротою теченія Темзы подъ старымъ мостомъ въ Лондонѣ. Не безъ основанія предположилъ онъ, что здѣсь, между мысами Варвикъ и Чудлей, долженъ находится удобный проходъ (нынѣшній Гудсоновъ проливъ), но позднее время года помѣшало ему разсмотрѣть мѣстность. Спустившись вдоль американскаго берега до 52° сѣв. шир., Дэвисъ пошелъ обратно въ Англію, куда и вернулся 15-го сентября¹⁾.

Открытія, которыя сдѣлалъ Дэвисъ во время трехъ своихъ плаваній, принесли торговлѣ Англіи огромную пользу, хотя тогда имъ большой цѣны не давали: онѣ положили начало обширному китоловству въ этихъ водахъ. За это одно англичане обязаны Дэвису величайшею благодарностью преимущественно передъ всѣми предшествовавшими и позднѣйшими мореплавателями. Но и безъ того имя его не можетъ быть пройдено молчаніемъ, потому что равныхъ ему по высокимъ его качествамъ и рѣдкимъ способностямъ весьма немного²⁾. Почти половина Баффинова залива

¹⁾ Пешель «Geschichte der Erdkunde», стр. 300—304.

²⁾ Въ 1592 году Дэвисъ участвовалъ въ качествѣ старшаго лейтенанта въ

была имъ изслѣдована и онъ сообщилъ точныя свѣдѣнія о берегахъ и народахъ, тамъ обитающихъ. Дэвисъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ плаваніи къ сѣверу, дошедши до 73° сѣв. шир.; тогда какъ Каботъ достигъ только 68° . Съ точки зрѣнія географической, эти результаты очень не маловажны, хотя они, разумѣется, мало удовлетворили купцовъ-отправителей. Когда, наконецъ, 6 апрѣля 1590 года скончался секретарь королевы, сэръ Франсисъ Вальсинггамъ, который собственно былъ душою всѣхъ этихъ экспедицій къ сѣверному полюсу, то англичане совсѣмъ прекратили всякія попытки къ открытію Сѣверо-западнаго прохода въ Тихій океанъ.

Похищеніе эскимоса людьми Фробешера.

Еще въ 1588 году испанскій морякъ Лоренцо Ферреръ Малдонадо утверждалъ, что онъ открылъ Сѣверо-западный проходъ, показывая, что онъ прошелъ по проливу Лабрадорскому до 64° сѣв. шир., оттуда къ сѣверу до 72° потомъ спустился на юго-западъ,

неудачной экспедиціи Кавендиша въ Южный океанъ и открылъ при этомъ Фалькландскіе острова. Послѣ того онъ командовалъ военнымъ кораблемъ противъ испанцевъ, а въ 1605 году былъ убитъ у Малаккского берега, въ бою съ японскими пиратами. Онъ изобрѣлъ квадрантъ, который употреблялся для опредѣленія высоты солнца до того времени, пока секстантъ Гадлея не былъ введенъ въ употребленіе. Кромѣ того, онъ составилъ подробные отчеты о двухъ своихъ плаваніяхъ и еще написалъ другія замѣчательныя сочиненія, въ числѣ которыхъ: «The world's hydrographical description» (1595) и «The Seaman's secret» (1595).

до 71° и, наконецъ, проплылъ 440 испанскихъ Leguas, что равняется 2452 километрамъ въ западо-юго-западномъ направленіи до входа въ проливъ Аніанъ подь 60° , гдѣ онъ будто-бы встрѣтилъ судно изъ Бремена на пути въ Китай. Дѣйствительность этого плаванія, за которое прежде заступались многіе вѣскіе голоса, впоследствии была подвергнута строжайшей повѣркѣ, по которой оно оказалось выдумкой легкомысленнаго шалуна ¹⁾.

---

¹⁾ Объ основаніяхъ къ этому воззрѣнію смотри ст.: Пешеля. «Gesch. der Erdkunde» стр. 510—511. Затѣмъ сравни: «Notice sur les voyages Maldonado» (Annales des voyages» Paris. 1812, стр. 390—396; Dr. H. Krusenstern «Ueber Maldonado's Entdeckung einer Nord-und-mestlichen Durchfahrt im Jahre 1588. (Jarbuch's Neue allgemeine geograph. Problemen 1814, стр. 3—24; Adalbert H. Clarisso Lorenzo Ferrer Maldonaldo стр. 419—325; Bulletin de la Soc. geogr. Paris. 1823, стр. 359. Какъ Пешель, такъ и Вивіенъ де Сенъ-Мартенъ въ своей «Histoire de la geographie», стр. 393, считаютъ путешествіе Малдональдо вымысломъ.

Въ Гудсоновомъ проливѣ.

ПЕРВОЕ ПРОНИКНОВЕНІЕ ВЪ АРКТИЧЕСКУЮ АМЕРИКУ.

МНОГОЛѢТНЯЯ борьба Англіи съ Испаніею имѣла послѣдствіемъ, со стороны британцевъ, продолжительный интерваллъ въ дѣлѣ полярныхъ изслѣдованій, въ особенности со смертію Вальсингама, который, какъ мы уже упомянули, былъ душою всѣхъ этихъ предпріятій. Къ этому періоду относятся плаванія голландцевъ, описанныя уже въ одной изъ предшествующихъ главъ этой книги, цѣль которыхъ былъ сѣверовостокъ. Сѣверо-западъ былъ оставленъ, пока, наконецъ, въ началѣ семнадцатаго столѣтія не совершилось дѣло, которое хотя преимущественно имѣло вліяніе на торговлю и промышленность, вмѣстѣ съ тѣмъ принесло величайшую пользу какъ общей цивилизаціи человѣчества, такъ въ особенности землевѣденію. 31-го декабря 1600 года была основана Англійская Остъ-индская Кампанія съ исключительнымъ правомъ торговли по ту сторону мыса Доброй Надежды и Магелланова пролива. Эта Компанія послала въ 1602 году судно для открытія пути черезъ Дэвисовъ проливъ „на заднюю сторону Америки“ и въ Китай. „Изъ живыхъ отчетовъ начальника этой экспедиціи Георга Веймута можно вывести то заключеніе, что онъ по Дэвисову проливу, къ сѣверу, ничего новаго не открылъ. Только въ концѣ іюля, и уже на обратномъ пути, увидалъ онъ подъ $61^{\circ} 40'$, что входъ въ Гудсоновъ проливъ открытъ и вошелъ въ него не далеко. Ему принадлежитъ заслуга, что онъ послѣ Себастіана Кабота и Джона Дэвиса, первый опять

подтвердилъ существованіе сѣверо-западнаго водяннаго пути между 60 и 62° сѣв. шир.¹⁾

Вообще, съ первыхъ годовъ семнадцатаго столѣтія, въ особен-ности съ 1605 года, начался рядъ плаваній къ сѣверу, благодаря которымъ, хотя онѣ и были предприняты съ цѣлью китоловства, многія точки побережья крайняго сѣвера были въ точности опредѣлены. Сюда принадлежатъ предпріятія датчанъ, имѣвшія цѣлью Гренландію, о которыхъ мы поговоримъ въ слѣдующей главѣ. Въ этихъ предпріятіяхъ принимали участіе также англичане. Одинъ изъ нихъ, Джонъ Нейтъ (John Knight), по возвращеніи на родину вышелъ 18-го апрѣля 1606 года опять въ море изъ Гравесэнда на баркѣ „Добрая Надежда“ („Hopewell“), снаряженной иждивеніемъ Московской и Ост-индской Компаній. Переходъ черезъ Атлантический океанъ былъ благопріятенъ, но около береговъ Лабрадора у мыса Гримшенггота страшная буря до того разстроила его судно, что оно едва было не потерпѣло крушеніе. Тѣмъ не менѣе, ему удалось пристать къ Лабрадору, для изслѣдованія котораго онъ привезъ съ собою необходимыя пособія. Такъ какъ онъ имѣлъ обширныя познанія и былъ очень аккуратенъ въ своихъ наблюденіяхъ, то его труды обѣщали самыя лучшіе результаты. Но, поднявшись на одну изъ вершинъ, онъ безъ вѣсти исчезъ. Послѣднія строки его дневника на кораблѣ писаны чужою рукою; въ нихъ говорится, что несчастный Нейтъ 26-го іюня 1606 года, въ сопровожденіи своего брата, который былъ у него старшимъ лейтенантомъ, и еще трехъ другихъ спутниковъ, отправился на недалеый островъ, чтобы снять его на планъ. Шлюпкѣ своей онъ отдалъ приказаніе ждать его возвращенія до 3-хъ час. по полудни. Тщетно ждала она его до 11 час. вечера, и всѣ послѣдовавшіе поиски, чтобы найти Нейта съ товарищами, были безуспѣшны. Нужно предполагать, что онъ былъ убитъ мѣстными обитателями, которые на другой день показались на берегу съ угрозами. Судно его вернулось 24-го сентября въ Дартмутъ. Рукопись Нейта съ отчетомъ о его плаваніи, изъ котораго Пурхасъ сдѣлалъ краткое извлеченіе, почему-то не подверглась истребленію въ конторѣ Остиндской Компаніи, какъ многіе другіе драгоценные докумен-ты²⁾.

¹⁾ Пешель: «Gesch. der Erdkunde», стр. 304. Этотъ ученый дѣлаетъ о плаваніи Веймута слѣдующее замѣчаніе: Георгъ Веймутъ увѣряетъ, будто-бы онъ прошелъ по Гудсонову проливу 550 килогр. въ юго-западномъ направленіи. Новѣйшія карты доказываютъ, что это ложь, но такъ какъ у насъ нѣтъ логбуха Веймута и мы основываемся только на неточномъ отчетѣ Пурхаса, то нельзя еще окончательно рѣшить, дѣйствительно ли Веймутъ жалкій обманщикъ, какъ обыкновенно полагаютъ.

²⁾ Маркгамъ-Гайдосъ: «Les abords de la region inconnue», стр. 133—135

Самыя важныя плаванія этого времени суть, безспорно, путешествія славнаго, но несчастнаго англичанина Генри Гудсона. Этотъ великій мореплаватель родился около половины XVI столѣтія, но о прежней его жизни, къ сожалѣнію, ничего не извѣстно ¹⁾. Его имя впервые является въ связи съ полярною экспедиціею снаряженною въ 1607 году Московскимъ Торговымъ Обществомъ подъ его начальствомъ. На простой баркѣ, въ 80 тоннъ, „Норевелл“ (Доброй Надежды), съ командою въ 12 челов., вышелъ онъ 1-го мая 1607 года изъ Гринича въ море въ полномъ сознаніи предстоящихъ ему опасностей, такъ какъ ему было поручено, ни болѣе ни менѣе, какъ прямо черезъ полюсъ пройти въ Японію. Вполнѣ знакомый съ приключеніями своихъ предшественниковъ и снабженный лучшими картами тогдашняго времени, онъ достигъ 13-го іюня на своей, можно сказать, скорлупѣ восточнаго берега Гренландіи, вдоль котораго онъ плылъ до 22-го іюня, доходя до 73° сѣв. шир. Хотя погода стояла прекрасная и было менѣе холодно, чѣмъ 10° южнѣе, но ледъ воспротивился дальнѣйшему движенію впередъ къ сѣверу. Крайнюю точку побережья восточной Гренландіи онъ, тѣмъ не менѣе, назвалъ мысомъ „Остановки съ Надеждою“. Отсюда онъ взялъ курсъ на сѣверо-востокъ и, черезъ пять дней, увидалъ Шпицбергенъ, что онъ назвалъ „Новою Землею“, полагая, что тамъ Барентсъ пропѣлъ свою „лебединую пѣсню“. Такимъ образомъ Гудсонъ прошелъ еще 5° сѣвернѣе, т. е. до 78° 31' сѣв. шир.; 2-го іюля температура внезапно перемѣнилась, что въ тѣхъ мѣстностяхъ очень часто случается, и погода стала чрезвычайно холодная. Но море не покрывалось льдомъ, воздухъ былъ спокойный и теченіемъ приносило множество лѣсу отъ Шпицбергена къ западу. Стремясь все далѣе къ сѣверу, но встрѣчая постоянно огромныя массы льда, онъ обследовалъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, берегъ Шпицбергена, сѣверо-западной оконечности котораго онъ далъ и нынѣ еще существующее названіе, мысъ „Гаклуйтъ“. Въ виду семи острововъ, по сдѣланному наблюденію, оказалось, что они находились подъ 81° сѣв. шир., такой широты, какой ни одинъ мореплаватель до Гудсона не достигалъ. 14-го іюля его старшій боцманъ и боцманъ пристали къ сѣверному берегу Шпицбергена. Многочисленные слѣды мускусныхъ быковъ и лисицъ, масса водяныхъ птицъ и ручейки

¹⁾ Генераль Джонъ Мередитъ Редъ предполагаетъ въ своей книгѣ „An historical inquiry concerning Henry Hudson jun.“ Albany 1865, что знаменитый мореплаватель, внукъ другаго Генри Гудсона, который умеръ въ Лондонѣ въ 1555 году, состоя въ должности алдермана (члена городского управленія), нашъ герой былъ гражданиномъ Лондона, владѣлъ тамъ домомъ и воспитывался на счетъ Московскаго Общества.

съ прѣсною водою, изъ которыхъ одинъ даже съ замѣчательно теплою водою, убѣдили нашихъ плавателей, что и на крайнемъ сѣверѣ можно жить, не смотря на суровость климата. По окончаніи этихъ изысканій, Гудсонъ возымѣлъ гениальную мысль обогнуть сѣверную окраину Гренландіи и, черезъ Дэвисовъ проливъ, вернуться въ Англію. Въ этихъ видахъ онъ вновь еще въ концѣ іюля обследовалъ море между Гренландією и Шпицбергенемъ, называемое и еще нынѣ Гренландскимъ моремъ; но, по сильному ледяному блеску на сѣверномъ горизонтѣ пришелъ къ правильному заключенію, что проходъ тамъ невозможенъ. По этому онъ рѣшился вернуться въ Англію, причемъ открылъ еще подъ 71° сѣв. шир. островъ, который назвалъ „Tutches of Hudson“. Это, вѣроятно, тотъ-же островъ, который въ 1611 году увидалъ только издали голландскій капитанъ Янъ Мейденъ, назвавъ его весьма неподлежательно по своему имени. 15-го сентября Гудсонъ возвратился въ Лондонъ. Какъ въ географическомъ, такъ и въ коммерческомъ отношеніяхъ результаты этого плаванія имѣетъ первостепенную важность. Гудсонъ открылъ часть восточнаго берега Гренландіи; островъ Шпицбергенъ, на которомъ только однажды были Барентсъ и Риппъ въ 1596 году, имъ подробно осмотрѣнъ; онъ дошелъ до такой сѣверной широты, до какой, какъ мы уже упомянули, до него никто не достигалъ. Практическимъ послѣдствіемъ его путешествія явилось то, что сообщенныя имъ свѣдѣнія о богатствѣ тюленей и китовъ въ Сѣверномъ океанѣ, вызвали учрежденіе обширныхъ рыболовныхъ ставокъ, процвѣтавшихъ болѣе двухъ столѣтій ¹⁾).

Такъ какъ, между тѣмъ, первое путешествіе Гудсона доказало что тѣмъ курсомъ, котораго онъ держался, нѣтъ доступа къ крайнему сѣверу, то онъ, въ слѣдующій разъ, выбралъ другое направление. 22-го апрѣля 1608 года, онъ опять вошелъ въ море на небольшомъ суднѣ, снаряженномъ Московскимъ Торговымъ Обществомъ, съ командою въ 14 чел. Старшимъ лейтенантомъ былъ Робертъ Юэтъ и, кромѣ того, съ нимъ были еще двое, сопровождавшіе его уже въ прошедшемъ году, Джонъ Кукъ, теперь уже возведенный въ званіе шкипера, и Джемсъ Скреттонъ, а равно Джонъ Гудсонъ, сынъ капитана. 4-го іюня они обогнули Нордкапъ, а 9-го встрѣтили подъ 73° 29' ¹⁾ сѣв. шир. сплошной ледъ, отъ котораго едва отдѣлались нѣсколькими толчками. Съ 9-го по 15-е іюня, медленно лавируя къ сѣверу, Гудсонъ наконецъ былъ вынужденъ сильными сѣверными и сѣверо-восточными вѣтрами

¹⁾ Маркгамъ-Гайдось, стр. 27—30.

²⁾ Маркгамъ-Гайдось, стр. 31. По Шпереру («Новая Земля», стр. 22) подъ 75°.

спуститься. 26-го іюня ¹⁾ онъ пришелъ подъ 72° 26' сѣв. шир. ²⁾ къ „Новой Землѣ“, гдѣ и бросилъ якорь. Здѣсь видѣлъ онъ на берегу много китовыхъ костей и оленьихъ роговъ и нашелъ, что море изобилуетъ китами, моржами и тюленями. Островъ этотъ вообще произвелъ на него благопріятное впечатлѣніе. Судя по означенной выше широтѣ, Гудсонъ присталъ, должно быть, къ мысу Гусиному, гдѣ растительность дѣйствительно лучше, по сравненію съ остальными частями „Новой Земли“. Вершины довольно высокихъ горъ были покрыты снѣгомъ, между тѣмъ какъ зеленая трава красовалась на покатосяхъ, гдѣ паслись олени. Онъ открылъ большую рѣку, вѣроятно Гусиниху, вытекающую съ сѣвера-востока, и послалъ часть команды на лодкѣ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли здѣсь прохода. Разочарованіе было полное. Чтобы покрыть расходы, сдѣланные на неудавшуюся экспедицію, онъ занялся еще боемъ морскихъ звѣрей, но и это безуспѣшно. Последняя попытка, чтобы пробраться мимо Вайгача и устья Оби въ полярное море, также неудалась изъ-за неодолимыхъ препятствій, представляемыхъ массами льдовъ. 6-го іюля онъ пустился въ обратный путь, а 26-го августа бросилъ якорь въ Гравесенде. Это плаваніе весьма знаменательно для физической географіи, въ томъ отношеніи, что были сдѣланы первыя наблюденія надъ уклоненіемъ магнитной стрѣлки ³⁾. Въ остальномъ эта экспедиція была еще неудачнѣе первой. Московское Торговое Общество, которое несло расходы этихъ двухъ плаваній, отказывалось снарядить еще третье. Это, безъ сомнѣнія, и было причиною, что Гудсонъ рѣшился поступить на службу въ Голландскую Компанію.

Въ 1609 году ему ввѣрили командованіе судномъ „De halve Maan“ (Полумѣсяцъ), на которомъ онъ 25-го марта вышелъ въ море изъ Текселя. Миновавъ, мѣсяцъ спустя, Нордкапъ, онъ направился прямо къ Новой Землѣ, вдоль западнаго берега которой онъ поплылъ къ сѣверу. Его команда, состоящая изъ англичанъ и голландцевъ, которые до этого только совершали рейсы въ Ост-Индію, испугались холодовъ и льдовъ. Когда Гудсонъ 4-го мая увидалъ, что Новая Земля была окружена сплошными массами льда, онъ былъ вынужденъ взять другой курсъ, предложивъ взбунтовавшимся матросамъ искать проходъ или по Дэвисову проливу, или вдоль берега Виргиніи. Само собою разумѣется, что недовольная и непокорная команда выбрала послѣднее. Чтобы расходы, сдѣланные Амстердамскою Компаніею, не совсѣмъ пропали,

¹⁾ Маркгамъ-Гайдосъ; Шпереръ же говоритъ, что это было 25 іюля.

²⁾ Маркгамъ-Гайдосъ; Шпереръ же показываетъ 72° 12' сѣв. шир.

³⁾ Шпереръ.

Гудсонъ направился къ Фарерскимъ островамъ, и, спустившись до 44° сѣв. шир., пыталъ искать счастья по берегу Америки. 18-го іюни онъ присталъ къ берегу для починки фок-мачты, которая получила поврежденіе во время сильной бури. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вымѣнять у мѣстныхъ обитателей сколько возможно больше пушнаго товара. Но вскорѣ непокорные матросы заставили его опять выйти въ море. До 3-го августа онъ плылъ вдоль берега, къ которому присталъ во второй разъ. Подъ $40^{\circ} 30'$ сѣв. шир. открылъ онъ большую бухту, которую онъ обследовалъ на лодкѣ болѣе чѣмъ на 80 килогр. въ глубь, а затѣмъ между двумя островами устье великолѣпной рѣки, которой онъ далъ свое имя. Здѣсь, у устья этого американскаго Рейна, въ 1613 году былъ основанъ городъ Нью-Амстердамъ, нынѣшній Нью-Йоркъ. Между тѣмъ запасы приходили къ концу, а брать новую провизію не представлялось ни какой возможности, — нигдѣ ничего нельзя было достать. Команда, которая во время всего плаванія навизывала капитану свою волю, рѣшила вернуться въ Европу; 7-го декабря они вошли въ портъ Дартмутъ.

Въ слѣдующемъ году Гудсонъ опять сошелся съ Англійскою Компаніею, которая, однако, поставила ему нелестное условіе, чтобы онъ принималъ къ себѣ не въ качествѣ подчиненнаго офицера, а въ видѣ помощника опытнаго моряка Колебэрна, къ которому имѣли полнѣйшее довѣріе. Задачею этой экспедиціи было поставлено, чтобы по двумъ прорѣзамъ, которые Дэвисъ открылъ, но не обследовалъ во время своего третьяго плаванія, отыскать сѣверо-западный проходъ въ Тихій океанъ, т. е., говоря языкомъ современной географіи, предметъ поисковъ составляли проливы Фробिशера и Гудсона. 17 апрѣля 1610-г. Гудсонъ поднялъ паруса. Еще въ Темзѣ онъ избавился отъ своего неудобнаго спутника-надзирателя Колебэрна, высадивъ его просто на берегъ съ письмомъ къ Компаніи, въ которомъ онъ оправдывалъ свой поступокъ. Потомъ онъ направился къ Исландіи, гдѣ, въ послѣднихъ числахъ мая, его команда взбунтовалась подъ предлогомъ несправедливаго удаленія Колебэрна. Но Гудсону удалось ее вскорѣ усмирить. 1-го іюня онъ вышелъ съ Исландіи, 15-го пришелъ къ южной оконечности Гренландіи, перерѣзалъ подъ 62° Дэвисовъ проливъ, поворотивъ, затѣмъ, нѣсколько къ югу, подошелъ 5-го іюля къ берегу Лабрадора подъ $59^{\circ} 16'$ и, наконецъ, такъ сказать, проскочилъ черезъ ту тѣснину, которую образуютъ материкъ и острова, названные Дэвисомъ мысомъ Чадлея. Этотъ столь долго отыскиваемый проливъ, названный по имени Гудсона, хотя справедливѣе было бы его называть по имени перваго ея открывателя Кабота, принадлежитъ до начала августа къ самымъ опаснымъ и затруднительнымъ прохо-

дамъ. 11 іюля подъ $62^{\circ} 9'$ сѣв. шир. настигла Гудсона здѣсь у южнаго берега Мета Инкогнита такая страшная буря, что онъ долженъ былъ искать себѣ убѣжища за островами „Божьяго Милосердія“. Отсюда онъ спустился южнѣе къ берегу материка въ заливъ Унгава, подъ $58^{\circ} 50'$ сѣв. шир. Убѣдившись, что здѣсь дѣйствительно материкъ, который онъ назвалъ „Новою Британією“, онъ пошелъ по проливу на сѣверо-западъ. 28 іюля онъ поравнялся подъ $62^{\circ} 10'$ сѣв. шир. съ нынѣшнимъ островомъ Карла съ сѣверной его стороны. Онъ полагалъ, что это все еще материкъ, а на противоположномъ берегу онъ далъ видѣнному имъ мысу названіе „Королевы Анны“. 2 августа показался въ виду островъ Салисбюри подъ $63^{\circ} 27'$ сѣв. шир. и $76^{\circ} 40'$ западн. долг. (отъ Грин.), который онъ также принялъ за мысъ материка. 3 августа насталъ рѣшительный день этого плаванія: пройдши узкимъ проливомъ, между островами сэръ Дублей Дикъ (62° , $37'$ сѣв. шир. и $78^{\circ} 35'$ зап. долг. отъ Грин.) съ одной стороны и мысомъ Вольстенгольмъ ($62^{\circ} 30'$ сѣв. шир. и $77^{\circ} 50'$ зап. долг. отъ Грин.) Гудсонъ увидалъ передъ собою открытое море. Материкъ круто поворотилъ къ югу. Въ теченіи трехъ столѣтій, съ тѣхъ поръ какъ совершались англичанами плаванія къ сѣверо-западу, говорить Пешель, у котораго мы заимствовали этотъ разсказъ о путешествіяхъ Гудсона, никто не былъ такъ близокъ къ желанной цѣли, какъ Гудсонъ 3 августа, когда передъ нимъ открылось обширное море, нынѣшній Гудсоновъ заливъ. Къ сожалѣнію, этимъ днемъ кончается его дневникъ, и все, что далѣе извѣстно объ исходѣ этого путешествія, основано на разсказахъ взбунтовавшейся команды. При направленіи къ югу, восточный берегъ большаго залива оставался у Гудсона по лѣвую руку. На разстояніи 110—220 килом. отъ континента тянутся грады острововъ, извѣстныхъ нынѣ подъ названіемъ Слиперсъ ($58^{\circ} 25'$ сѣв. шир., $81^{\circ} 9'$ западн. долг. отъ Гринича) и Бельхеръ ($55^{\circ} 50'$ до $56^{\circ} 30'$ сѣв. шир., $80^{\circ} 9'$ до $80^{\circ} 28'$ зап. долг.). Нашъ герой считалъ ихъ западнымъ краемъ открытаго имъ залива. Такимъ образомъ, слѣдовательно, онъ полагалъ, что вошелъ скорѣе въ узкій проливъ, чѣмъ въ обширную внутреннюю часть Ледовитаго океана. Въ концѣ сентября онъ дошелъ до южной его оконечности, нынѣшней Джемсовой бухты. Одинъ изъ офицеровъ, который не переставалъ возбуждать неудовольствіе противъ капитана, былъ тогда высаженъ на берегъ. Это еще болѣе раздражало матросовъ. Находя Джемсову бухту закрытою съ запада, Гудсонъ рѣшилъ, послѣ довольно продолжительнаго лавированія, кажется, 1 ноября, остаться тамъ на зимовку и для этого выбралъ удобную гавань близъ нынѣшнихъ острововъ Агумска. Черезъ 10 дней послѣ этого ледъ окружилъ его со всѣхъ сторонъ. Судно было

вытащено на берегъ. Съѣстныхъ припасовъ у него не было въ изобиліи, такъ что нельзя не сознаться, что онъ необдуманно рѣшился подвергнуть свою команду ужасамъ арктической зимы. Хотя подчасъ и приходилось англичанамъ ограничиться крайне скудными порціями, тѣмъ не менѣе они вообще провели зиму довольно сносно, такъ какъ имъ нерѣдко попадались цѣлыя стаи перелетныхъ птицъ. Во второй половинѣ іюня 1611 года Гудсонъ пустился-было въ обратный путь, но въ первую же ночь опять былъ окруженъ льдами, въ которыхъ оставался шесть дней, отъ понедѣльника до воскресенья. Въ этотъ день нѣкто Гринъ (Green), отчаянный злоумышленникъ, которому Гудсонъ когда-то въ Лондонѣ спасъ жизнь и, какъ отецъ родной, заботился о немъ, взбунтовалъ противъ него команду. Несчастнаго Гудсона съ сыномъ, который былъ еще ребенкомъ, корабельнымъ вычислителемъ, однимъ изъ добровольныхъ охотниковъ, его сопровождавшихъ, и еще пятью матросами, посадили на лодку безъ оружія, безъ съѣстныхъ припасовъ, безъ инструментовъ—и бросили на произволъ судьбы и морскихъ волнъ. Объ участи, ихъ постигшей, никогда болѣе ничего не могли узнать. Съ точностью нельзя опредѣлить, въ какомъ именно мѣстѣ это случилось, но надо полагать, что еще въ Джемсовой бухтѣ. Совершивъ это злодѣяніе, бунтовщики направились къ сѣверу имѣя материкъ по правую руку. 27 іюля они подошли къ знакомому имъ мысу Вольстенгольмъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ко входу въ Гудсоновъ проливъ. Съ величайшими затрудненіями добрались они до Англіи, страдая при этомъ невыносимо отъ голода. Гринъ не избѣгъ заслуженнаго наказанія: онъ былъ убитъ въ свалкѣ съ индѣйцами.

Гудсоновъ проливъ, можетъ быть, не совсѣмъ справедливо, названъ такъ по имени этого знаменитаго мореплавателя, такъ какъ, вѣроятно, Гаспаръ Кортереаль его уже видѣлъ въ 1500 году, а Себастьянъ Каботъ проплылъ его во всю длину въ 1517 году, Фробишеръ же въ 1578 году и Веймутъ въ 1602 проходили его отчасти; но Гудсонову заливъ безъ сомнѣнія, по праву должно быть присвоено его имя; такъ какъ Гудсонъ первый вошелъ въ него и его проплылъ, не подозрѣвая, навѣрное, всей обширности своего открытія. Я не могу согласиться съ сомнѣніемъ, высказаннымъ Вивіеномъ де-Сенъ-Мартеномъ, будто Гудсонъ едва ли былъ въ заливѣ, названномъ нынѣ его именемъ. Гудсоновъ заливъ представляетъ часть океана, окруженную сѣвероамериканскою Британією, имѣя сообщеніе съ Атлантическимъ океаномъ черезъ Гудсоновъ проливъ, а съ Ледовитымъ океаномъ черезъ проливъ Фокса. Обнимая пространство въ 771,000 кв. килом., Гудсоновъ заливъ восемь мѣсяцевъ въ году покрытъ плавучими льдами. Въ немъ много острововъ, подвижныхъ камней и песчаныхъ отме-

лей. Къ югу онъ оканчивается упомянутою уже выше Джемсовою бухтою, въ которую вливаются рѣки со всѣхъ сторонъ. Глубина въ срединѣ залива 275 метровъ по измѣренію, но вѣроятно она больше.

Уже въ слѣдующемъ 1612 году было предпринято дальнѣйшее изслѣдованіе Гудсонова пролива. Два корабля „Resolution“ и „Discovery“, подъ командою капитановъ сэра Томаса Бэттона и Инграма, были отправлены отчасти для того, чтобы отыскать несчастнаго Гудсона съ его спутниками, отчасти для обслѣдованія вновь открытаго прохода. Одинъ изъ матросовъ Гудсона, Абакукъ Приккетъ, рассказывалъ, что взбунтовавшаяся команда на обратномъ пути попалась на отмель между островомъ Диггесъ и мысомъ Вольтенгольмомъ, но благополучно сошла опять во время прилива; при чемъ замѣчено, по увѣренію Приккетта, что при отливѣ вода имѣла теченіе на востокъ, а при приливѣ на западъ. Приливъ съ запада составлялъ мечту всѣхъ мореплавателей, отыскивавшихъ сѣверозападный проходъ; по ихъ понятіямъ, западная приливная волна могла только идти изъ южнаго океана, близость котораго за симъ становилась несомнѣнною. Поэтому сэръ Томасъ Бэттонъ получилъ приказаніе, прошедши по Гудсонову проливу до острова Салисбури, у ближайшаго мыса дѣлать наблюденія надъ направлениемъ приливной волны. Откуда бы она ни шла: съ сѣвера ли запада или съ юго-запада—въ одномъ изъ этихъ направленій неминуемо долженъ быть столь желанный проходъ въ Тихій океанъ. Сэръ Томасъ благополучно дошелъ до острововъ Дика, у входа въ Гудсоновъ проливъ, отсюда держалъ курсъ на сѣверо-западъ, гдѣ открылъ большой островъ Сутгамптонъ, южному берегу котораго далъ различныя названія. Этотъ обширный островъ, внутренность котораго и донинѣ еще мало изслѣдована, состоитъ изъ высокихъ утесовъ и, какъ кажется, изъ множества маленькихъ островковъ, между которыми проходятъ узкіе проливы, постоянно покрытые льдомъ. Затѣмъ онъ взялъ курсъ на юго-западъ, поперекъ Гудсонова пролива въ самомъ широкомъ его мѣстѣ. Видимо, одушевляли тогда мореплавателей пріятныя ожиданія скораго осуществленія ихъ мечты, когда они увидали передъ собою открытое море по направленію къ западу, по крайней мѣрѣ это можно заключить по тому названію „Hore shelked“ (обманутая надежда), которое Бэттонъ далъ западному берегу залива, когда онъ его увидалъ подъ 60° 40' сѣв. шир., выражая этимъ свое разочарованіе. Вдоль западнаго берега пошли они къ югу до устья большой рѣки, которую назвали Нельсономъ, подъ 57° 10' сѣв. шир. Нынѣ извѣстно, что рѣка эта вытекаетъ изъ сѣверной оконечности озера Виннипега, проходитъ черезъ рядъ маленькихъ озеръ и, на-

конецъ, на протяженіи 560 килом. въ сѣверо-восточномъ направленіи, вытекаетъ въ Гудсоновъ проливъ сѣвернѣе форта Юрка. Нельсонъ замѣчателенъ массою своей воды; тѣмъ не менѣе, онъ несудоходенъ по причинѣ множества водопадовъ и быстринъ. На берегу этой рѣки Бэттонъ со своими спутниками провелъ необычайно мягкую зиму: только съ 16 февраля до 5 апрѣля рѣка была смована льдомъ. Плаваніе свое могъ онъ, однако, продолжать только съ іюля. Ему предстояло выбрать два пути для отысканія желаемого прохода: или на югъ и юго-востокъ на неизвѣданномъ еще пространствѣ имъ р. Нельсона до бухты, въ которой зимовалъ Гудсонъ,—или же по направленію къ сѣверу и сѣверо-западу. По совѣту своего штурмана Іозія Губарта, онъ избралъ послѣднее направленіе. Имѣя западное побережье Гудсонова залива по лѣвую сторону, Бэттонъ дошелъ 29 іюля до 65° , скорѣе, только до 64° сѣв. шир.—до входа въ какой-то проливъ, который онъ назвалъ „Ne ultra“, а преемникъ его далъ ему названіе „Roe's Welcome“. На обратномъ пути ничего особенно замѣчательнаго не случилось, развѣ только то, что уже раньше видѣнный Гудсономъ островъ, подъ $62^{\circ} 55'$ сѣв. шир. и $80^{\circ} 40'$ зап. долг. отъ Гринича, вновь былъ узнанъ и названъ „Мансель“¹⁾; на нашихъ картахъ онъ ошибочно значится подъ названіемъ „Масфильдъ“. Сэръ Томасъ Бэттонъ вернулся осенью 1613 года въ Англію, но о своемъ плаваніи, къ сожалѣнію, ни когда ни какого отчета не составлялъ.

Не смотря на безуспѣшность плаванія Бэттона, надежда найти сѣверо-западный проходъ въ южный океанъ черезъ Гудсоновъ проливъ вновь неожиданно возродилась. Изъ того обстоятельства, что во время прилива вода поднимается въ гавани Нельсона отъ $4\frac{1}{2}$ до $5\frac{1}{2}$ метровъ, математикъ Томасъ Гарріотъ²⁾ вывелъ заключеніе, что между Гудсоновымъ заливомъ и южнымъ океаномъ неминуемо должно существовать сообщеніе, такъ какъ подобное возвышеніе воды можетъ имѣть мѣсто только въ такихъ проливахъ и заливахъ, ко-

¹⁾ Гарріотъ род. въ Оксфордѣ 1560 г., ум. въ Лондонѣ 2 іюля 1621 г. Окончивъ курсъ наукъ въ Оксфордѣ и получивъ въ 1579 г. ученую степень, Гарріотъ сопутствовалъ сэру Вальтеру Ралею въ одномъ изъ его путешествій въ Виргинію въ 1584 г. и, по возвращеніи въ Англію, составилъ отчетъ объ этомъ путешествіи. Ралей представилъ Гарріота графу Нордтумберландскому и этотъ назначилъ ему годовое содержаніе въ 300 ф. ст., что дало ему возможность посвятить себя математическимъ изслѣдованіямъ. Его труды были послѣ его смерти изданы его другомъ Вальтеромъ Варнеромъ, подъ заглавіемъ: *Artis Analytica Praxis ad aequationes algebraicas resolvendas*. London, 1631. Гарріотъ переписывался съ Кеплеромъ о теоріи радугъ и замѣтилъ, кажется, пятна на солнцѣ, еще до открытія ихъ Гаммелемъ. Декартъ ему многимъ обязанъ изъ того, что онъ писалъ объ алгебрѣ.

²⁾ Пешель „Gesch. der Erdkunde“. Стр. 307—309.

торые имѣютъ сообщеніе съ двумя океанами. Это ошибочное воззрѣніе раздѣляли тогда всѣ наилучшіе моряки. Кромѣ того, сэръ Томасъ Бэттонъ имѣлъ случай наблюдать въ Гудсоновомъ заливѣ, подъ 60° сѣв. шир., приливную волну, шедшую съ необыкновенною быстротою. Хотя эта волна и шла съ востока, но Гарріотъ объяснилъ ¹⁾ это явленіе тѣмъ, что эта волна собственно идетъ изъ Тихаго океана, но, ударившись о крутое побережье, получаетъ обратное движеніе.

Общество лондонскихъ купцовъ, снарядившее экспедицію Бэттона, послало въ 1614 году капитана Гиббона на суднѣ „Дисковери“ для новыхъ попытокъ, для новыхъ изслѣдованій. Гиббонъ не только былъ другомъ и родственникомъ Бэттона, но одинъ изъ самыхъ видныхъ его спутниковъ въ его неудавшемся плаваніи. Едва вошелъ онъ въ Гудсоновъ проливъ, какъ страшная масса льда, окруживъ его судно, отнесла его въ какой-то заливъ у берега Лабрадора подъ 53° сѣв. шир. Этотъ заливъ его люди называли „Гиббоновою ямою“. Въ теченіе двадцати недѣль боролись они тамъ съ опасностями, угрожавшими имъ гибелью. Когда, наконецъ, послѣ оттепели, ледяныя горы растаяли и судно его могло опять выйти въ море, онъ вернулся въ Англію, такъ какъ время года было уже позднее и команда его страдала отъ болѣзней.

Вилліаму Баффину (род. въ 1584 году и умершему при осадѣ Ормуца персами, которые были въ союзѣ съ англичанами) суждено было окончательно разрушить всякую надежду найти Сѣверо-западный проходъ въ Тихій океанъ. О его плаваніяхъ въ Шпицбергенскихъ водахъ мы поговоримъ ниже, въ особой главѣ. Здѣсь мы упомянемъ только кратко, что Баффинъ въ 1613 году занимался изслѣдованіемъ береговъ Гренландіи, о чемъ существуютъ его собственноручныя замѣтки, и что онъ въ 1614 году ходилъ вмѣстѣ съ Фотерби къ Шпицбергену. Въ 1615 году англійская компанія поручила капитану Роберту Билоту, который также уже принималъ участіе въ послѣднихъ сѣверныхъ плаваніяхъ, командованіе судномъ „Дисковери“ (въ 55 тоннъ ²⁾). Баффинъ, ученѣйшій изъ тогдашнихъ моряковъ, пошелъ съ нимъ въ качествѣ штурмана. Имя Баффина совершенно затмило Билота. Поднявъ якорь въ Англіи 13 апрѣля ³⁾, они пришли 6 мая на видъ мыса Фарвель а 30 мая были уже у входа въ Гудсоновъ проливъ близъ острова „Рѣшеніе“ (Resolution). Въ самомъ проливѣ на южной сторонѣ

¹⁾ Пешель, стр. 309.

²⁾ У Пешеля, «Gesch. der Erdkunde», стр. 310, значитъ, что судно называлось «Resolution», и что островъ «Resolution» (рѣшеніе) по немъ названъ.

³⁾ Другіе говорятъ, что это было 18 апрѣля.

Меты Инкогниты была открыта 8 іюня группа острововъ Савагъ, подъ $62^{\circ}40'$ сѣв. шир. и $87^{\circ}55'$ зап. долг. отъ Гренландіи, на которыхъ встрѣтили много мѣстныхъ обитателей. Отсюда пошли въ сѣверо-западномъ направленіи. 24 іюня подъ $64^{\circ}20'$ сѣв. шир. былъ открытъ Милль—островъ, которому было дано это названіе, потому что море имѣло въ томъ мѣстѣ круговоротъ, похожій на обращеніе мельничнаго жернова. Оставляя за картою землю, составляющую западное продолженіе Меты Инкогниты, наши плаватели перерѣзали проливъ и подошли 10 іюля къ восточному берегу острова Сутгамптона, вдоль котораго они плыли въ сѣверо-западномъ направленіи до 12 іюля.

Тутъ они замѣтили, что теченіе идетъ съ сѣвера. Это ихъ такъ ободрило, дало имъ столько надеждъ, что найдутъ наконецъ Сѣверо-западный проходъ, что они дали мысу, противъ котораго находились подъ $65^{\circ}2'$ сѣв. шир. и 85° зап. долг. отъ Гринича, названіе мыса „Comfort“ (удовольствіе), какъ онъ и до сихъ поръ еще значится на нашихъ картахъ. На другой же день всѣ эти надежды рушились, когда они, оставивъ этотъ мысъ за собою, увидали себя окруженными землею съ сѣвера и сѣверо-запада и все море покрытымъ льдами. Поэтому они вернулись назадъ по восточному берегу острова Сутгамптонъ до мыса „Сигорсъ“ (Seakorse) подъ $63^{\circ}40'$ сѣв. шир. и $80^{\circ}1'$ зап. долг. отъ Гринича. Между этимъ мысомъ и островами Диксъ, у входа въ Гудсоновъ заливъ, они дѣлали наблюденія надъ приливомъ до 29-го іюля и, убѣдившись, что онъ идетъ съ юго-востока, т. е. изъ Атлантическаго океана, они возвратились въ Англію, гдѣ въ Плимутѣ бросили якорь 9-го сентября, не потерявъ ни одного челоуѣка своей команды. Баффинъ настаивалъ на своемъ убѣжденіи, что если только существуетъ Сѣверо-западный проходъ, то, во всякомъ случаѣ, его слѣдуетъ искать въ продолженіи Девисова пролива, а отнюдь не въ направленіи Гудсонова ¹⁾.

Во главѣ общества людей, несшихъ расходы послѣдней экспедиціи, стоялъ въ качествѣ великодушнаго покровителя этого дѣла Томасъ Смитъ ²⁾. По его настоянію, Билотъ и Баффинъ по-

¹⁾ Пешель «Gesch. der Erdkunde».

²⁾ Томасъ Смитъ былъ душою Остъ-Индской компаніи въ первые годы ея существованія; въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ ея предсѣдателемъ и главою. Когда онъ въ 1614 году, вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ и слабости здоровья, хотѣлъ оставить этотъ постъ, онъ вновь былъ единогласно выбранъ. Ему именно въ 1600 и 1609 годахъ были выданы какъ первый, такъ и второй уставъ Остъ-Индской компаніи. Онъ не только имѣлъ наблюденіе за сооруженіемъ первыхъ остъ-индскихъ экспедицій и покровительствовалъ экспедиціямъ Гудсона и Баффина, но даже и съ своей стороны участвовалъ въ нихъ денежными средствами. Въ 1612 году, будучи избранъ старшимъ предсѣдателемъ столь мощной впослед-

лучили вновь отъ общества порученіе въ 1616 году подняться по Девисову проливу вдоль западнаго берега Гренландіи до 80° сѣв. шир., а оттуда взять юго-западное направленіе обратно до 60° сѣв. шир., чтобы этимъ путемъ проникнуть до Японіи. На маленькомъ суднѣ „Дисковери“, съ командою всего въ 17 человекъ, они вышли изъ Гревсенда еще раньше, чѣмъ въ предъидущемъ году, а именно 16-го марта 1616 г. Уже 14-го мая оба капитана, послѣ удачнаго перехода черезъ Атлантическій океанъ, были въ Девисовомъ проливѣ подъ 65° 20' сѣв. шир., а черезъ недѣлю и у „Лондонскаго берега“ подъ 70° 20' сѣв. шир. Тутъ же потеряли наши моряки надежду на благополучный исходъ своей экспедиціи, вслѣдствіе ошибочной причины, что здѣсь высота прилива уменьшилась на 2½—3 фута. 30-го мая были они въ виду мыса „Hope Sanderson“, крайней сѣверной точки, до которой въ 1587 году проникъ Девись, и тамъ наткнулись на массы льда, черезъ которыя они прошли 10 дня два спуста. Сильный встрѣчный вѣтеръ вынудилъ ихъ 1-го іюля бросить якорь подъ 77° 44' сѣв. шир. среди группы острововъ, которымъ они дали названіе „Острова Женщинъ“, потому что нѣсколько красивыхъ эскимосскихъ женщинъ тамъ оставались въ то время, когда мужья ихъ, при приближеніи иностранцевъ, поспѣшно убѣжали. Имѣя гренландскій берегъ по правую руку, они пошли далѣе на сѣверъ. 9-го іюня опять встрѣтили ледъ, а 30-го встали на якорь подъ 78° 45' сѣв. шир. въ проливѣ, который они называли „Роговымъ“, потому что у мѣстныхъ жителей вымѣняли много нарваловыхъ роговъ. Прощедши благополучно ледъ въ проливѣ, который впослѣдствіи сдѣлался столь извѣстнымъ подъ именемъ „Мельвилъ“, они достигли 1-го іюля подъ 75° 40' сѣв. шир. такъ называемаго нынѣ китобоями „North Water“. Море было чистое, безъ льда, что дало имъ новую надежду на успѣхъ, ибо Баффинъ былъ увѣренъ, что теперь откроется столь долго отыскиваемый проходъ. На слѣдующій день, 2-го іюля, они прошли мимо высокаго мыса, которому дали названіе „Сэръ Дудлей Дигсъ“. На разстояніи 12 часовъ (по логу) отсюда къ сѣверу, открыли они другой проливъ, которому по имени другаго покровителя дѣла открытія Сѣверо-западнаго прохода, дали названіе

ствія торговой компаніи для открытія Сѣверо-западнаго прохода, онъ содѣйствовалъ усиленно всѣмъ ея первымъ предпріятіямъ. Благодаря его разумнымъ мѣропріятіямъ и его бдительному надзору, установились порядки и безусловная честность между многочисленными служащими этой компаніи. Съ усердіемъ заботился онъ о средствахъ къ излеченію тропическихъ болѣзней и даже хлопоталъ о доставленіи удовольствія матросамъ. Онъ покупалъ спинеты для судовъ компаніи, „ибо, говорилъ онъ, утѣшительно видѣть, какъ матросы, при звукахъ музыки, отъ души прыгаютъ и танцуютъ“ (Маркгамъ Гайдоцъ, стр. 161).

„Сэръ Джонъ Вольтенгольмъ“. 4-го іюля они вошли подѣ 77° 30' еще въ другой проливъ, въ которомъ встрѣтили необычайное количество китовъ и поэтому его назвали „Китовымъ“. Чтобы укрыться отъ бурь, „Дисковери“ вошелъ въ небольшую бухту у гренландскаго берега, но вскорѣ предпочелъ для большей безопасности опять выйти въ море и прошелъ на другой день мимо острова, названнаго ими „Гаклуйтъ“. Сѣвернѣ этого острова они увидѣли проливъ, пролегавшій за 78° сѣв. шир. По наблюденію Баффина, это мѣсто было въ высшей степени замѣчательно въ томъ отношеніи, что магнитная стрѣлка показывала тамъ большее отклоненіе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, а именно на пять черточекъ или 56 градусовъ западнѣе. Этотъ проливъ Баффинъ назвалъ, въ честь своего покровителя, „проливомъ Смита“, желая этимъ выразить свое особое чувство благодарности къ этому дѣятелю и увѣковѣчить его имя. И такъ въ достопамятный день 5-го іюля дошли до высшей точки арктической широты на западѣ Гренландіи, выше которой въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій не подымались и вообще всего пять разъ до нашихъ дней. Между тѣмъ льды заградили путь такъ, что „Дисковери“ вынужденъ былъ вернуться, слѣдуя по западной сторонѣ залива, побережье котораго по справедливости названо по имени смѣлаго мореплавателя Баффина. Заливъ этотъ столько же не заслуживаетъ быть названъ заливомъ, сколько Девисовъ проливъ—проливомъ. При средней ширинѣ въ 480 километровъ онъ имѣетъ 2070 километровъ протяженія къ сѣверо-западу между 68° и 78° сѣв. шир.; его крутые берега въ 300 метр. высоты, представляютъ иногда самые величественные виды. 8-го іюля были открыты лежащіе въ Смитовомъ проливѣ острова Карей, а 10-го числа, когда туманъ разошелся и оказалось, что судно находится подѣ самымъ берегомъ пролива „Сэръ Альдерманъ Диконсъ“, покрытаго сплошнымъ льдомъ. Тщетно лодка старалась пристать къ берегу: сильная буря не позволяла приближаться. Затѣмъ шли къ югу вдоль берега. Южнѣ Джонсова пролива показалось еще углубленіе: въ немъ открыли 12-го іюля подѣ 74° 20' сѣв. шир. проливъ Ланкастера. Хотя такимъ образомъ двѣ лазейки открылись въ западномъ направленіи; тѣмъ не менѣе наши мореплаватели со дня на день, какъ сознается самъ Баффинъ, все болѣе теряли надежду на возможность достиженія предназначенной цѣли, отчасти потому, что высота приливовъ стала постепенно уменьшаться, отчасти потому, что имъ ни какъ не удавалось пристать къ берегу, такъ какъ онъ былъ заслоненъ непреодолимыми льдами. Кромѣ того, многіе изъ команды заболѣли цынгой, что окончательно побудило ихъ пуститься въ обратный путь. 30-го августъ они вернулись въ Англію.

По возвращеніи изъ этого блестящаго плаванія, открывшаго арктическимъ плователямъ нашего столѣтія врата къ дѣйствительному Сѣверо-западному проходу въ Ланкастерскомъ проливѣ, Баффинъ объявилъ одному изъ самыхъ неутомимыхъ покровителей этихъ плаваній сэру Джону Вольстенгольму, что Сѣверо-западнаго прохода не существуетъ ни въ Гудсоновомъ проливѣ, ни въ продолженіи Девисова пролива, что и то и другое ничто иное, какъ заливы обширнѣйшаго размѣра. Это откровенное сознаніе было причиною, что до 1818 года, въ теченіе полныхъ двухъ столѣтій, Баффиновъ заливъ никѣмъ болѣе не былъ посѣщаемъ; самъ же открыватель его навлекъ на себя ненависть всѣхъ тѣхъ, которые съ страстью, можно сказать, преслѣдовали эту цѣль. И слава, и заслуга его окончательно были только опять признаны въ новѣйшее время. Нашлись же люди, которые успѣли съ теченіемъ времени возбудить сомнѣніе къ открытіямъ Баффина: болѣе того—даже считать ихъ ложно заявленными. Самое оскорбительное и всеотвергающее нападеніе на достовѣрность отчетовъ Баффина сдѣлалъ знаменитый сэръ Джонъ Барровъ, который, изъ пристрастія къ англійскимъ военно-морскимъ офицерамъ, допиралъ только ихъ открытіямъ, и поэтому непростительнымъ образомъ заняталъ память о великомъ открывателѣ Баффинѣ. Если бы рукописные отчеты Баффина, котораго, послѣ его послѣдняго путешествія совершенно теряешь изъ виду, сами не служили бы достаточнымъ опроверженіемъ противъ возведенныхъ на него и Билота клеветъ, то, безъ сомнѣнія, всякое плаваніе со стороны англичанъ возстановило бы славу этого стараго морскаго героя. Такимъ плаваніемъ является путешествіе сэра Джона Росса, который, 202 года спустя, самымъ блистательнымъ образомъ подтвердилъ всѣ открытія и указанія Баффина и именно въ то самое время, когда сочиненіе Баррова вышло въ свѣтъ ¹⁾. Рукописные отчеты Баффина и нынѣ находятся въ Британскомъ музеѣ; но, къ сожалѣнію, принадлежащая къ нимъ карта, на которую Баффинъ постоянно ссылается, затерялась благодаря старому Пурчесу, такъ что подробное нанесеніе переходовъ Баффина и его открытій невозможно. Д-ръ Августъ Петерманъ составилъ, впрочемъ, на основаніи существующихъ указаній, отчетливый набросокъ плаванія Баффина, который мы помѣщаемъ, потому что онъ даетъ хорошее понятіе о тѣхъ представленіяхъ, которыя тогда имѣли о сѣверной части Баффинова залива.

Выраженное такимъ полноправнымъ судьбою какъ самъ Баф-

¹⁾ Barrow, «A chronological history of voyages into the arctic regions». London. 1818.

финъ сомнѣніе о возможности и практической цѣнѣ Сѣверо-западнаго прохода не замедлило подѣйствовать охлаждающимъ образомъ на всѣ попытки въ этомъ отношеніи; тѣмъ не менѣе многимъ не хотѣлось помириться съ этою мыслью относительно сѣверо-западнаго прохода, и поэтому отдѣльные мореплаватели дѣлали еще новыя усилія къ отысканію его. Независимо отъ предпріятія Остъ-индской компаніи, порученнаго въ 1619 г. капитану Вилліаму Гаукритчу, спутнику Бэттона во время его путешествія 1612 гѣда, не проникнувшему по Гудсонову проливу далѣе острова Салисбюри, заслуживаетъ быть упомянутою несчастная экспедиція опытнаго норвежскаго моряка Яна Мунка, снаряженная на средства датчанъ. И онъ вышелъ въ море 16 мая 1619 года, на двухъ судахъ, въ іюнѣ былъ уже у мыса Фарвель. Плавая по Гудсонову проливу, который онъ въ честь своего короля назвалъ проливомъ Христіана, онъ подошелъ подъ 61° 20' сѣв. шир., къ одному острову, на которомъ паслось множество оленей, почему онъ назвалъ его Оленьимъ островомъ. Ледъ помѣшалъ ему подняться по Гудсонову проливу сѣвернѣе чѣмъ на два градуса; поэтому онъ поворотилъ на югъ и вошелъ въ заливъ, извѣстный впослѣдствіи подъ названіемъ устья рѣки Чэрчила, гдѣ онъ провелъ страшную зиму. Морозъ былъ такъ силенъ, что вино и водка замерзали, бочки лопались, а ледъ среди лѣта имѣлъ толщину въ 70 до 100 метровъ. Послѣ многихъ мучительныхъ мѣсяцевъ, къ концу мая 1620 г. послѣдніе запасы были сѣдены, къ болѣзни присоединился голодъ. Въ маленькой избушкѣ въ состояніи полнѣйшаго изнуренія Мункъ ожидалъ часъ своего освобожденія смертью. Наконецъ мучимый голодомъ онъ потащился къ своимъ спутникамъ, изъ которыхъ только двухъ еще засталъ въ живыхъ. Съ ужаснѣйшими усиліями они стали выкапывать корни изъ-подъ снѣгу, что имъ спасло жизнь и на столько возстановило ихъ силы, что они, когда погода стала теплѣе, могли ловить рыбу и птицъ. Потомъ они кое-какъ поправили свое судно и, прошедши Гудсоновъ проливъ, добрались, послѣ крайне продолжительнаго и томительнаго перехода, 25 сентября, до Копенгагена съ одною жалкою лодкою, въ щеляхъ, съ обломанными веслами, и скорѣе похожими на тѣней, чѣмъ на людей. Король, который думалъ, что Мункъ давно уже погибъ, принялъ его съ большимъ удивленіемъ ¹⁾.

¹⁾ Мункъ, по имени котораго одна рѣка получила свое названіе, часто былъ привлекаемъ королемъ къ совѣщаніямъ по дѣламъ морскимъ; въ 1620 онъ былъ, какъ человекъ чрезвычайно опытный, назначенъ директоромъ Гренландскаго общества и вообще участвовалъ во многихъ предпріятіяхъ по Сѣверному морю и по Эльбѣ.

Послѣ долгаго перерыва опять зашевелилась въ мощной англійской націи страсть къ открытіямъ. Хотя плаваніе Билота и Баффина и лишило предприимчивую Остѣ-индскую компанію всякаго желанія и охоты къ новымъ предпріятіямъ на сѣверѣ; но необычайному усердію честнаго капитана Луки Фокса ¹⁾, съ молодости обнаружившаго неутомимую дѣятельность и чрезвычайно опытнаго въ морскомъ дѣлѣ, удалось убѣдить нѣсколькихъ купцовъ въ Бристолѣ, снарядить новую экспедицію въ арктическія страны Америки. Въ этомъ дѣлѣ, съ самымъ пламеннымъ усердіемъ, поддерживалъ его Тома Джемсъ, одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ моряковъ тогдашняго времени. Фоксъ уже давно приготовлялся къ задуманному имъ предпріятію, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ 1605 г., въ качествѣ помощника штурмана, плавалъ съ Джономъ Нейтомъ (Knight). Онъ собралъ всевозможныя свѣдѣнія о томъ, до какой широты уже успѣли проникнуть къ сѣверу. Кромѣ того, состоялъ онъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ первѣйшими математиками своего отечества, въ особенности съ Томою Штерне, который составилъ собраніе всѣхъ дневниковъ и описаній путешествій, предпринятыхъ съ цѣлью открытій. Когда капитанъ Фоксъ представлялся королю Англіи Карлу I, его величество вручилъ ему еще карту величайшей рѣдкости, на которой были нанесены всѣ предшествовавшія плаванія, и даже письма къ императору японскому, на тотъ случай, что ему удастся открыть желанный проходъ въ восточный океанъ и проникнуть до Японскихъ острововъ.

И такъ въ 1631 году вышли опять въ море два корабля, снаряженные иждивеніемъ лондонскихъ и бристольскихъ купцовъ. Король Карлъ, покровительствуя вообще съ особенною благосклонностью всѣмъ географическимъ изслѣдованіямъ, предоставилъ въ распоряженіе лондонскихъ купцовъ военный пинасъ „King Charles“, семидесяти тоннъ, командиромъ котораго былъ назначенъ Фоксъ, а Тома Джемсъ принялъ командованіе бристольскимъ судномъ. Первый вышелъ изъ Дептфорда 5 мая, а второй изъ Бристоля 3 мая. Уже начало плаванія Фокса отличается множествомъ замѣчательныхъ наблюденій надъ атмосферою, надъ приливомъ и отливомъ, надъ сѣвернымъ сіяніемъ, уклоненіемъ магнитной стрѣлки и надъ другими физическими явленіями.

При входѣ въ Гудсоновъ проливъ, 21 іюня, у острова Рѣшенія, мыса Варрика и у острововъ Буттонъ, которыхъ онъ насчиталъ четыре, онъ замѣтилъ два рода льда: ледяныя горы огромной величины, возвышающіяся на 36 метровъ надъ водою, и ломанный ледъ или льдины необыкновенныхъ размѣровъ. 1 іюля онъ

¹⁾ Всеобще извѣстный подъ названіемъ „сѣверо-западнаго Фокса“.

—Въ обл. вѣнч. льда—.

открылъ маленькій, совершенно отдѣльный отъ острова Рѣшенія, островокъ, показанный на нѣкоторыхъ картахъ подъ названіемъ Terra Niwa. 10 іюля онъ былъ у острова Миль, 19 у Лебединого гнѣзда Карся, а 27 онъ дошелъ, имѣя западный берегъ острова Сутгамптона постоянно по правую руку, подъ $64^{\circ}10'$ сѣв. шир. къ самому сѣверному мысу этого острова, посѣщенному сэромъ Томомъ Буттономъ, назвавшемъ его „Ne ultra“. Фоксъ убѣдившись, что это отдѣльный островъ, назвалъ его „Sir Thomas Roés Welioeme“. Ему было въ особенности поручено изслѣдовать мѣстность Гудсонова залива подъ 63° сѣв. шир., но ему не удалось подняться много сѣвернѣе острова Сутгамптона, такъ какъ Гудсоновъ проливъ, находясь въ холоднѣйшей сравнительно мѣстности земнаго шара, къ тому же такъ расположенъ, что ледянымъ массамъ нѣкуда удалиться, вслѣдствіе чего онъ принадлежитъ къ самымъ неприступнымъ частямъ арктическаго архипелага. Поэтому Фоксъ поворотилъ назадъ, съ тѣмъ, чтобы еще разъ обследовать западное побережье Гудсонова залива, въ томъ предположеніи, что, можетъ быть, откроется еще лазейка въ восточный океанъ. Здѣсь онъ наткнулся на покрытый снѣгами, бѣлый островъ Брукъ-Кобгамъ, часто называемый „мраморнымъ“. 30 іюля старшій штурманъ присталъ къ маленькому острову, а такъ какъ ему, по праву открытія этого острова, принадлежало и право его наименованія, то онъ его назвалъ въ честь своего достойнаго капитана островомъ Фокса. Въ теченіе слѣдующихъ за симъ дней, была открыта вся группа острововъ „математика Бригга“. У устья рѣки Нельсона найдены были обломки и остатки зимняго жилища Буттона и даже крестъ, который этотъ неустрашимый морякъ поставилъ было тамъ, въ знакъ своего пребыванія. Крестъ немедленно опять былъ установленъ, и страна эта названа „Ньювэлльс“. Съ 8 августа началось обследованіе совершенно почти еще неизвѣстнаго побережья отъ порта Нельсона на юго-востокъ. 27 августа были сдѣланы наблюденія подъ $55^{\circ}50'$ сѣв. шир. Три дня спустя, онъ сошелся, западнѣе нынѣшняго мыса Генриетты-Маріи подъ $55^{\circ}10'$ сѣв. шир. и $83^{\circ}5'$ зап. долготы отъ Гренландіи съ бристольскимъ кораблемъ, подъ командою капитана Джемса. Къ самому мысу онъ подошелъ только 3 сентября и назвалъ его „Wolstenholms ultima vale“, потому что послѣ этого исчезла послѣдняя надежда Вольстенгольма на открытіе прохода по направленію Гудсонова пролива. И дѣйствительно: весь западный берегъ большаго внутренняго моря сѣверно-арктической Америки былъ обследованъ и Фоксъ пришелъ къ убѣжденію, „что въ дугѣ отъ $65^{\circ}30'$ до $55^{\circ}10'$ сѣв. широты, по всему западному берегу Гудсонова залива, нѣтъ никакой надежды на открытіе прохода“. Поэтому онъ повернулъ на

сѣверъ и, пройдя весь заливъ по направленію къ острову Максфильдъ, онъ пришелъ опять къ западной оконечности Гудсонова пролива. По ту сторону острова Ноттинггама, лежащаго къ юго-западу близъ острова Салисбури, и около острова Милъ, все было покрыто сплошнымъ льдомъ. Противъ этого острова, на той землѣ, которая окаймляетъ Гудсоновъ проливъ съ сѣвера, лежитъ мысъ короля Карла ($64^{\circ}46'$ сѣв. шир.); къ сѣверо-западу отъ этого мыса, Фоксъ открылъ три острова, образовавшіе какъ будто равнобедренный треугольникъ, поэтому назвалъ ихъ островами Св. Троицы. Четвертому острову, лежащему нѣсколько отдаленнѣе отъ земли, онъ далъ названіе въ честь своего друга Вальтера Кука. Плававшая затѣмъ къ сѣверу, вдоль берега той земли, которая нынѣ извѣстна подъ названіемъ, въ честь этого заслуженнаго дѣятеля, „земли Луки Фокса“, онъ назвалъ подъ $65^{\circ}15'$ мысъ „Марин“, подъ $65^{\circ}35'$ мысомъ „лорда Вестона Портланда“. Послѣ этого онъ поднялся еще однимъ градусомъ сѣвернѣе, достигнувъ 22 сентября 1631 г. крайней точки своего плаванія подъ $66^{\circ}35'$ сѣв. широты, слѣдовательно $2\frac{1}{2}$ минуты сѣвернѣе полярнаго круга. Эту точку онъ назвалъ „Foahis Farthest“, но впослѣдствіи этому мѣсту присвоено названіе мыса „Перегринъ“. Тутъ уже холодъ до того усилился, что паруса замерзали; поэтому Фоксъ пустился въ обратный путь, тѣмъ болѣе, что онъ, кромѣ отдаленной, по позднему времени года уже недостигаемой, бухты Нельсона на юго-западѣ Гудсонова залива, не считалъ ни одгой бухты годной для зимовки. 31 октября онъ вернулся въ Англію, не потерявъ ни единого человѣка, даже ни малѣйшей изъ его корабельныхъ принадлежностей.

Гораздо менѣе удачно было плаваніе капитана Томаса Джемса, который, какъ мы уже говорили, вышелъ изъ Бристоля 3 мая 1631 г. 4 іюня онъ увидалъ берегъ Гренландіи и обогнулъ мысъ Фарвель. Но уже 5 іюня онъ встрѣгилъ большія массы льда, крайне затруднявшія плаваніе. Послѣ утомительнаго плаванія въ теченіи мѣсяца; море, покрывшись къ сѣверу и сѣверо-западу сплошнымъ льдомъ, заставило Джемса спуститься въ Гудсоновъ заливъ, гдѣ онъ встрѣтился со своимъ другомъ Фоксомъ. Послѣ того, чрезмѣрно густой туманъ и окружавшіе его льды остановили всякое дальнѣйшее плаваніе къ сѣверу и Джемсъ былъ вынужденъ избрать мѣсто для зимовки. 7 октября онъ его нашелъ на островѣ Чарльстонѣ подъ $52^{\circ}5'$ сѣв. шир. и $80^{\circ}15'$ зап. долг. отъ Гренландіи въ самой южной части Гудсонова залива, на противоположной сторонѣ устья рѣки Майна Восточнаго. Этотъ островъ лежитъ въ изгибѣ Гудсонова залива, который называется Джемсовымъ заливомъ, потому что географія обязана этому мореплава-

телю подробною съемкою этого залива. На островѣ Чарльстонѣ, который Джемсъ первоначально назвалъ Winters Forest (дубравою Винтера) въ честь сэра Джона Винтера, была построена изба съ кладовою и тщательно покрыта снѣгомъ. Не смотря на эту мѣру предосторожности, вино, масло, уксусъ и даже водка замерзали какъ камень, такъ что ихъ должны были вырубать топорами, и, для употребленія, предварительно оттаивать надъ огнемъ. Вскорѣ въ этомъ ужасномъ уединеніи бѣдствіе достигло высшей степени. Большая половина команды захворала лихорадкою и слегла. Члены этихъ несчастныхъ коченѣли, не смотря на внутренній жаръ, кровати ихъ, хотя и стояли около самага огня, промерзали. Къ невыносимому холоду присоединился страшный голодъ, а цынга разѣдала небо и десны. 6 мая умеръ ботсманъ Джонъ Варденъ и въ томъ же мѣсяцѣ еще корабельный плотникъ Вильямъ съ Коле.

Мѣновая торговля у эскимосовъ.

Наконецъ ¹⁾ съ наступленіемъ менѣе холоднаго времени и оттепели эти несчастные страдалцы получили облегченіе. Помощью топоровъ и молотовъ освободили корабль отъ льда. Передъ отъѣздомъ Джемсъ со своею командою торжественно приняли во владѣніе своего короля Карла I эту пустынную, никѣмъ не обитаемую землю, и затѣмъ отплыли 2 іюля. Послѣ невыразимыхъ опасностей, которымъ они еще подвергались во льдахъ на своемъ, полуразрушенномъ суднѣ и мучительнаго плаванія, они, наконецъ, 22 октября

¹⁾ Подробное описаніе этихъ страданій сообщает Desprez въ его „Les navigateurs au pôle nord“, стр. 50—66.

1638 г. вошли изнуренные и измученные въ портъ Бристоль. Съ этимъ путешествіемъ оканчивается рядъ болѣе древнихъ попытокъ къ отысканію Сѣверо-западнаго прохода, которыя, за исключеніемъ одного малоуспѣшнаго плаванія въ XVIII столѣтіи, только опять возобновились 186 лѣтъ спустя, а именно въ 1818 г. Впрочемъ, этотъ рядъ истинно геройскихъ морскихъ подвиговъ не остался безъ всякой пользы. Девисовъ проливъ, отчасти также Баффиновъ заливъ, вскорѣ послѣ ихъ открытія сдѣлались мѣстомъ учащеннаго посѣщенія китобойныхъ судовъ, а въ 1668 г. принцъ Рупертъ ¹⁾ послалъ морскую экспедицію въ Гудсоновъ заливъ, которая основала тамъ на рѣкѣ Рупертѣ первую крѣпостцу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первое поселеніе англійской компаніи Гудсонова залива ²⁾.

---

¹⁾ Третій сынъ Курфирста пфальцскаго Фридриха V и Елизаветы, дочери англійскаго короля Якова I, род. въ Прагѣ 17 декабря 1619 г. Вступивъ на службу своего дяди короля Карла I въ 1644 году, онъ былъ сдѣланъ герцогомъ жумбеландскимъ. Умеръ 29 ноября 1682 г. въ Лондонѣ.

²⁾ Пешель. „Gesch. der Erdkunde“, стр. 314—315.

Исканіе пути среди льдовъ.

ДРЕВНѢЙШЕ НИТОЛОВЫ ВЪ ВОДАХЪ ШПИЦБЕРГЕНА.

В ПОЛЯРНОМЪ морѣ между Гренландією и Новою Землею лежитъ большая группа острововъ Шпицбергенскихъ, состоящихъ изъ 4 большихъ и множества маленькихъ. Названіе свое эта группа получила, какъ мы знаемъ, еще въ 1596 г., отъ Корнеліона Рипа и Вильяма Барентса, по причинѣ „множества на нихъ находящихся и остро-выдающихся горъ“. Были они открыты этими мореплавателями одновременно съ нѣсколькими южнѣе лежащими Медвѣжьими островами. Съ тѣхъ поръ ихъ не посѣщали до лѣта 1607 года, когда, какъ мы сообщили, Гудсонъ пошелъ было съ восточнаго берега Гренландіи къ сѣверу отъ Шпицбергена, и, на обратномъ пути въ Европу, въ то же время открылъ островъ Янъ-Майенъ. Ко времени плаваній этого прославленнаго мореплавателя относится возникновеніе, по крайней мѣрѣ въ Англіи, новой отрасли прибыльной промышленности—морскаго рыболовства въ арктическихъ моряхъ. Хотя главная цѣль описанныхъ въ предидущихъ главахъ путешествій и не была достигнута, тѣмъ не менѣе труды и расходы, положенные на нихъ, были богато вознаграждены. Казавшіеся необитаемыми для органическихъ существъ крайніе предѣлы сѣвера нашей земли обнаружили такое богатство рыбъ, тюленей, моржей, китовъ и пушнаго звѣря, что рыбопромышленность и торговля этими товарами получили величайшее развитіе. Англичане и голландцы стали отправлять къ этимъ мѣстамъ цѣлые флоты судовъ, чтобы завладѣть этими богатствами арктической природы. Явилась новая, неотразимая „при-

манка для народныхъ сношеній“, какъ чрезвычайно остроумно Оскаръ Пешель называетъ эти матеріальныя пружины великихъ дѣяній. Въ исторіи путешествій къ сѣверному полюсу нельзя не отнести соотвѣтственнаго мѣста описанію этихъ плаваній, такъ какъ изъ ряда капитановъ китобойныхъ судовъ вышли достойные открыватели и дѣятели, содѣйствовавшіе, благодаря этой отрасли промышленности, разоблаченію многихъ тайнъ арктическаго сѣвера. Въ особенности о группѣ Шпицбергенскихъ острововъ въ теченіе полутора столѣтій получались свѣдѣнія только отъ китолововъ, такъ какъ до 1773 г. туда не была снаряжаема ни одна экспедиція, которая имѣла бы иную цѣль, какъ только торговопромышленную.

Изъ всѣхъ портовъ Англіи предприимчивый торговый городъ Гуль снарядилъ первые суда для китолововъ, отправлявшіеся въ 1598 году къ берегамъ Исландіи и въ воды, омывающія Нордкапъ. Съ Медвѣжьяго острова доходили и до Шпицбергена.

Въ 1603 году британскій дворянинъ Франсисъ Шерри снарядилъ за свой счетъ экспедицію въ сѣверный океанъ съ цѣлью новыхъ открытій. Начальникъ экспедиціи Стефанъ Беннетъ на суднѣ „Grace“ открылъ 17 августа подъ 74°55' сѣв. шир. небольшой островъ, который онъ, въ честь своего покровителя назвалъ островомъ „Шерри“; но по ближайшемъ изслѣдованіи впоследствии оказалось, что это тотъ-же Медвѣжій островъ, открытый въ 1596 году Барентсомъ. Въ послѣдующіе годы Беннетъ постоянно туда же возвращался. 6 іюля 1604 года вышелъ онъ на „Good-Speed“ изъ Вардегуза, а 8 былъ уже въ виду своего острова, Морское теченіе было до того сильно, что онъ ни какъ не могъ пристать къ берегу, поэтому онъ обошелъ кругомъ всего острова и, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, всталъ на якорь. На лодкѣ удалось ему пристать къ острову, онъ тутъ увидалъ массу птицъ, моржей и тюленей. Въ 1605 г. пошелъ съ нимъ туда самъ владѣлецъ корабля Вельденъ. Приставъ 2 іюня къ берегу, они убили множество тюленей и моржей и запаслись огромнымъ количествомъ тюленьяго жира, ворвани и моржевыхъ клыковъ. У подошвы горы, которую они назвали „Misery“, открыли они свинцовую жилу и забрали съ собою въ Англію болѣе 30 тоннъ этого минерала. 3 іюля 1606 года, Беннетъ опять пришелъ къ Медвѣжьему острову на томъ-же суднѣ, сопровождаемомъ пинасомъ, пробылъ тамъ до 29 іюля и вернулся 15 августа въ Темзу съ богатою добычею. 18 іюня 1608 года самъ Вельденъ еще разъ посѣтилъ этотъ островъ и привезъ оттуда въ Англію живаго моржа, который возбуждалъ всеобщее удивленіе. 21 іюня того года на Медвѣжьемъ островѣ была, говорятъ, такая жара, что смола таяла и стекала по бокамъ корабля. Въ 1609 году, дворянинъ Т. Смитъ

вооружилъ вмѣстѣ съ московскою компаніею судно, которое, подъ командою капитана Іоны Поле должно было отправиться къ острову Шерри и далѣе къ сѣверу для новыхъ открытій. Оно дѣйствительно обследовало западное побережье Шпицбергена. Въ слѣдующемъ году, Московское общество отправило два судна къ Медвѣжьему острову. 15 іюня 1610 года одно изъ нихъ водрузило на этомъ островѣ свое знамя, въ знакъ занятія его, во имя Московскаго общества ¹⁾. Другое судно „Friendship“ (дружба) въ 70 тоннъ подъ командою того-же Іоны Поле обогнуло, послѣ сильной бури съ снѣжною метелью и утомительныхъ морозовъ, 2 мая, Нордкапъ и опредѣлило 6 мая широту Медвѣжьяго острова, къ которому оно, впрочемъ, не могло пристать изъ за льдовъ. По этому оно пошло къ сѣверу и 16 мая бросило якорь на южной сторонѣ Шпицбергена. Найденныя тамъ олени рога побудили Поля назвать этотъ заливъ роговымъ, „Hornsund“. Затѣмъ онъ пошелъ нѣсколько по направленію къ западу и потомъ къ сѣверу, гдѣ онъ, подъ 77°25' сѣв. шир., встрѣтилъ менѣе холодную погоду, чѣмъ у Нордкапа. Но вскорѣ поднялся густой туманъ. Въ этомъ году Поле дошелъ до 79°50' сѣв. шир. Неоднократно встрѣчалъ онъ оленей, поэтому онъ назвалъ тотъ заливъ, въ которомъ онъ также нашелъ хорошій каменный уголь, Deer-Sound т. е. оленьимъ заливомъ. Такъ какъ ему не удалось подняться многимъ сѣвернѣе Шпицбергена, то онъ занялся боемъ моржей, для того, чтобы нѣсколько вознаградить расходы, сдѣланные на вооруженіе и снаряженіе корабля, которымъ онъ командовалъ. Въ концѣ іюля онъ ушелъ съ Шпицбергена, а 31 августа вернулся въ Англію. Сообщенныя имъ свѣденія о множествѣ китовъ и другихъ морскихъ животныхъ въ водахъ Шпицбергенскихъ побудили московское общество снарядить въ слѣдующемъ 1611 году для китоловства два корабля—„Марію Маргариту“ 160 тоннъ, подъ командою Стефана Беннета со старшимъ лейтенантомъ Томасомъ Эдге и „Елизавету“—капитанъ Іона Поле. На этомъ суднѣ находились матросами шесть бискайцевъ или басковъ, которые въ то время считались самыми опытными китоловами, такъ какъ они привыкли быстро гоняться за этимъ чудовищемъ (вѣроятно меньшихъ размѣровъ) въ Бискайскомъ заливѣ. Поле проникъ у Шпицбергена до 80° сѣв. шир., перевалилъ поперекъ до восточнаго берега Гренландіи, постигъ Медвѣжій островъ и возвратился къ Шпицбергену, гдѣ, въ промежутокъ времени, судно „Марія Маргарита“ было раздавлено льдами въ заливѣ Фоулъ;

¹⁾ Petermann, «Spitzbergen und arktische Centralregion» Gotha. 1865 4°, стр. 61—62.

впослѣдствіи и „Елизавета“ тамъ погибла. Въ 1612 году Поле опять пришелъ черезъ Медвѣжій островъ къ Шпицбергену на двухъ корабляхъ „Китъ“ (Wallphis) и „Моржъ“ (Wallross). Два залива „Горнъ“ и „Бель“ до сихъ поръ носятъ эти названія, которыя имъ далъ Поле. Въ заливѣ „Фоулъ“ онъ встрѣтился съ капитаномъ Томомъ Мармадюкомъ изъ Гуллы, на кораблѣ „Resolution“. Впослѣдствіи Поле узналъ, будто бы Мармадюкъ былъ въ томъ же году подъ 82° сѣв. шир., т. е. двумя градусами сѣвернѣе мыса Гаклуйта, но эти свѣдѣнія крайне сомнительнаго свойства. Въ томъ же 1612 году явились у Шпицбергена первые голландскіе китобои, вслѣдствіе чего тотчасъ же завязались споры и ссоры между англичанами и новопришельцами, которые повторились и въ слѣдующемъ 1613 году. Тогда голландцы основали вали „Noordsche Maatschappij“, и это общество немедленно послало къ Шпицбергену 14 судовъ, которые пошли туда въ сопровожденіи 4-хъ военныхъ кораблей, съ 30-ю пушками каждый. Англичане не рѣшились продолжать непріязненные дѣйствія, такъ какъ ихъ было меньше числомъ. Въ 1617 году, еще разъ было кровопролитное столкновеніе между англійскими и голландскими китоловами, при чемъ первые были побѣждены. Нидерландское правительство, однако, посмотрѣло на это дѣло съ высшей точки зрѣнія, безъ всякаго пристрастія къ отдѣльнымъ сторонамъ. Оно возвратило захваченное англійское судно и, въ добавокъ, еще наградило его капитана. Это явленіе истиннаго великодушія возбудило въ англичанахъ глубокое уваженіе къ дѣйствіямъ справедливаго правительства. Между тѣмъ въ 1615 году явились въ шпицбергенскія воды два датскихъ военныхъ корабля. Командиры этихъ кораблей выступили съ требованіемъ пошлины съ китобойныхъ судовъ всѣхъ безъ исключенія націй, подъ тѣмъ предлогомъ, что „датчане открыли Западную Гренландію, а Шпицбергенъ принадлежитъ къ Гренландіи“. Англичане возразили имъ, что этотъ островъ открытъ еще въ 1553 году сэромъ Гюгомъ Виллоуби, что, разумѣется, также несправедливо. Вскорѣ, однако, состоялось соглашеніе между правительствами тѣхъ націй, суда которыхъ принимали участіе въ китоловствѣ ¹⁾.

Душою всѣхъ китоловныхъ предпріятій со стороны англичанъ былъ капитанъ Томасъ Эдге, который, со времени своего перваго плаванія къ Шпицбергену въ 1611 году, неоднократно туда приходилъ и не только занимался ловомъ, но старался познакомиться съ геологическими условіями этой группы острововъ. Въ 1613 году

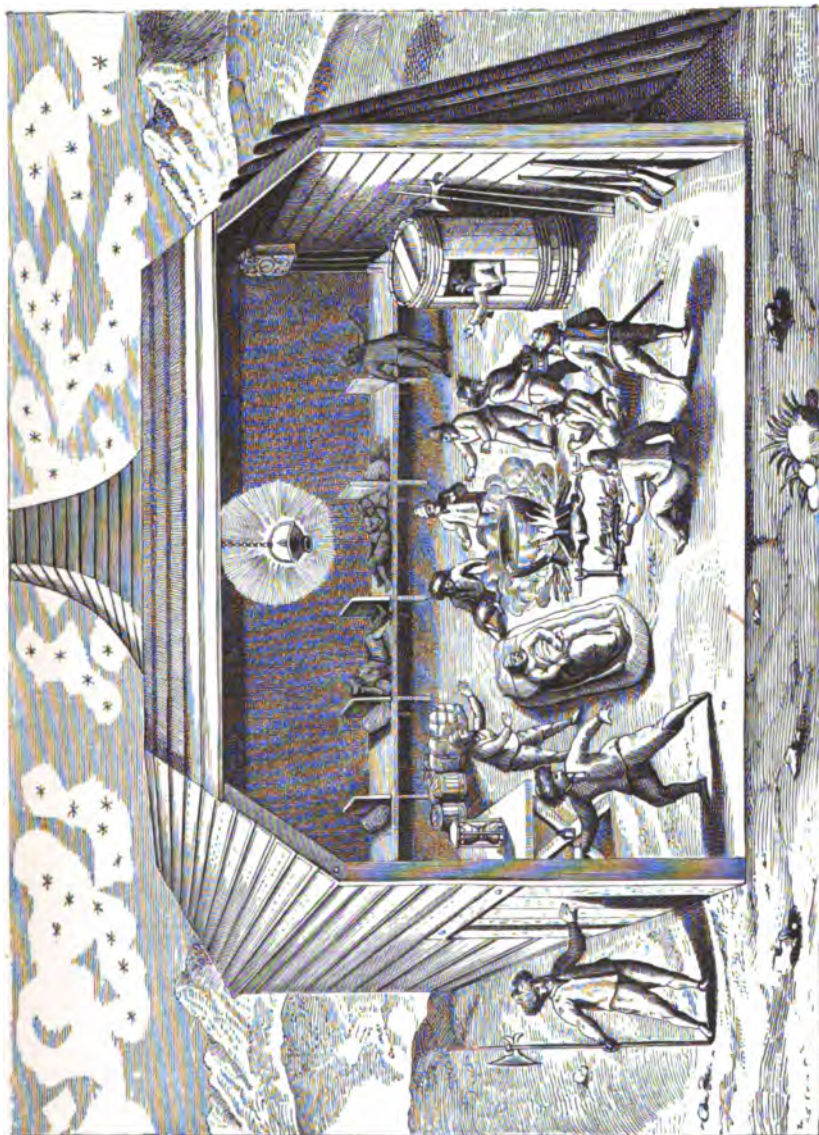
¹⁾ Мориц Линдеманъ: «Die arktische Fischerei der deutschen Seestädte 1620 bis 1868, in vergleichende Darstellung», Gotha, 1869 4° стр. 7-9.

онъ пришелъ туда на одномъ пинасѣ и еще нѣсколькихъ судахъ и обследовалъ не только главный островъ, который собственно носить названіе Шпицбергенъ, но и отдѣленный отъ него проливомъ Вайгачъ, островъ сѣверо-восточный, названіе котораго само опредѣляетъ его положеніе. Вдоль юго-восточнаго берега главнаго острова, собственно Шпицбергена, лежащаго между $76\frac{1}{2}^{\circ}$ и $78\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣв. шир. въ южномъ направленіи, тянется длинный и широкій проливъ, называемый шведами „Star Fiord“, т. е. большой фіордъ, а то и Wybe Jans Water. По восточной сторонѣ этого пролива лежатъ два меньшіе изъ главныхъ острововъ этой группы. И эти два острова Эдге подвергъ изслѣдованію; большій изъ нихъ носитъ названіе Эдге по имени его, а меньшій извѣстенъ подъ названіемъ Барентсова. Около того же времени, извѣстный впослѣдствіи мореплаватель Баффинъ находился въ Шпицбергенскихъ водахъ на одномъ изъ судовъ, приходившихъ туда для китоловства. Въ слѣдующемъ году, онъ былъ посланъ въ качествѣ штурмана, при капитанѣ Робертѣ Ротерби, въ экспедицію, снаряженную англо-русскимъ торговымъ обществомъ для изслѣдованія арктическихъ морей. Къ сожалѣнію, мы объ этомъ плаваніи ничего болѣе не знаемъ, какъ только, что обѣимъ этимъ морякамъ удалось на своемъ суднѣ „Томаценъ“ подняться нѣсколько сѣвернѣе Шпицбергена и перейти 80° сѣв. шир. на нѣсколько минутъ. Д-ръ Петерманъ полагаетъ, что та земля, которую тогда въ 1614 году видѣлъ Баффинъ, какъ ему казалось, къ сѣверо-востоку отъ Шпицбергена подъ 82° и которая на этомъ основаніи нанесена была на одну изъ картъ Пурчеса ¹⁾, по всей вѣроятности западный берегъ нынѣшней земли Франца Іосифа, лежащей именно къ сѣверо-востоку отъ Шпицбергена. Клеменсъ Маркгамъ ²⁾ самымъ положительнымъ образомъ отвергаетъ это предположеніе. Послѣ величайшихъ затрудненій и многихъ тщетныхъ попытокъ, въ томъ числѣ между прочимъ проникнуть къ югу черезъ проливъ Гинлопенъ, Баффинъ и Фотерби, наконецъ добрались до постояннаго льда, прилегающаго къ Red-Beach'у (красный берегъ), представляющему крайнюю сѣверо-восточную точку Шпицбергена у такъ называемаго Deer-Field'a (Оленьяго поля). 11 августа они вышли изъ Fair-Haven, якорной стоянки между мысомъ Гаклуйта и Птичьимъ островомъ у сѣверо-западной оконечности главнаго острова и вернулись на родину. Другіе суда, которыя этимъ же и предшествовавшимъ лѣтомъ были у Шпицбергена, открыли, говорятъ, островъ Надежды и прочіе маленькіе острова, лежащіе къ юго-

¹⁾ Петерманъ «Geograph. Mittheilung». 1875 г., стр. 28.

²⁾ Маркгамъ-Гайдоцъ, стр. 33.

Внутренность жилища, въ которомъ проводилъ зиму Барентсъ. (По рисунку Геррита-де-Беера, участвовавшаго въ экспедици).

западу отъ Шпицбергена. Послѣ этого, въ 1615 году, сэръ Томасъ Смитъ, этотъ неутомимый покровитель и поощритель полярныхъ плаваній, послалъ опять Роберта Фотерби, на пинасѣ „Ричардъ“ въ 20 тоннъ, для новыхъ изслѣдованій и открытій. Но въ этомъ году онъ изъ-за льдовъ не проникъ дальше тѣмъ въ предшествовавшемъ. У мыса Гаклуйта, онъ встрѣтилъ необозримыя ледяныя преграды, вдоль которыхъ онъ, подобно Губсану въ свое время, плылъ къ западу довольно долго, не находя прохода къ сѣверу. Результатомъ этого плаванія были нѣсколько хорошихъ картъ, на которыхъ были нанесены всѣ открытія, сдѣланныя въ то время на пространствѣ между 71° и 80° сѣв. шир. и внутри 26 градусовъ долготы отъ мыса Гаклуйта къ западу. Хотя Фотерби еще былъ полонъ надеждъ, однако онъ не могъ отвергнуть, что море между Гренландіею и Шпицбергеномъ постоянно и сильно заграждается льдомъ. Тѣмъ не менѣе, „ему казалось, что онъ не долженъ отсчитывать достопочтенному Торговому обществу ежегодно пожертвовать отъ 150 до 200 фунт. стерл. для новыхъ открытій въ означенномъ шарѣ и изслѣдованія прилежающихъ къ нему земель“. Шпицбергенъ онъ называлъ по имени тогдашняго короля Англіи „King's James New Land.“ Нельзя не пожалѣть, что это названіе не осталось за главнымъ островомъ Шпицбергена, который теперь не имѣетъ никакого названія ¹⁾, что нерѣдко служитъ поводомъ къ запутанностямъ или, по крайней мѣрѣ, къ неясностямъ. Всю эту группу тогда, и еще долго послѣ того, не называли тѣмъ именемъ, которое ей дали голландцы при первомъ ея открытіи, а считали, что она составляетъ часть Гренландіи и ее такъ и называли ²⁾.

¹⁾ Появившееся-было нѣсколько времени тому назадъ названіе главнаго острова «западнымъ Шпицбергеномъ» исчезаетъ, кажется, опять съ новѣйшихъ картъ.

²⁾ Линдеманъ говоритъ на стр. 23 своего сочиненія: „Замѣтимъ при этомъ, что въ понятіяхъ моряковъ, Шпицбергенъ тоже что Гренландія. Скоресби, впрочемъ, называетъ Шпицбергенъ также «Восточною Гренландіею». По отношенію къ Шпицбергену, называемому Скоресби Восточною Гренландіею, та страна собственно Гренландія, которая обращена къ Европѣ, является дѣйствительно «западною Гренландіею», какъ ее постоянно называютъ въ гренландскихъ скажочныхъ журналахъ, говоря языкомъ моряковъ, хотя она относительно другой стороны Гренландіи, обращенной вдоль Девисова пролива къ Сѣверо-американскому архипелагу, есть восточная Гренландія. Кромѣ того, моряки отличаютъ южную часть называемой ими западной Гренландіи, подъ именемъ «Старой Гренландіи», отъ сѣверной, лежащей сѣвернѣе 67° и считающейся «Новою Гренландіею». Дѣйствительная, въ географическомъ смыслѣ, западная сторона Гренландіи обозначается моряками просто выраженіемъ «Street Davis». Американскій берегъ Девисова пролива и Баффинова залива называется китоловами тѣхъ мѣстъ, въ свою очередь, «западною стороною».

Вся исторія открытія группы Шпицбергена, которая всецѣло почерпнута изъ скудныхъ отчетовъ съ пропусками различныхъ китобоевъ, вообще очень темна и составляетъ, можетъ быть, самую не обработанную часть всей исторіи путешествій къ сѣверному полюсу. Поэтому нельзя удивляться, что относительно нѣкоторыхъ вопросовъ существуетъ величайшее различіе въ мнѣніяхъ ученыхъ. Къ таковымъ спорнымъ вопросамъ принадлежитъ открытіе земли Вике приблизительно въ 1616—1617 годахъ. Неутомимый Эдге послалъ въ 1616 году пинасъ въ 20 тоннъ съ двѣнадцатью чел. команды на востокъ, чтобы обследовать островъ, названный его именемъ, и еще другой островъ у восточнаго берега до 78° сѣв. шир. (безъ сомнѣнія островъ Барентсъ). Люди его дѣйствительно пришли въ землю Эдге и убили тамъ до 1000 тюленей. Въ слѣдующемъ году Эдге, говорятъ, открылъ къ востоку отъ Шпицбергена островъ, который онъ назвалъ въ честь богатаго лондонскаго купца Ричарда Вике ¹⁾ землею Вике. Первое извѣстіе о какой-то землѣ къ востоку отъ Шпицбергена содержится на картѣ Пельгама, приложенной къ исторіи осьми англійскихъ матросовъ, зимовавшихъ на Шпицбергенѣ въ 1630—31 г. Тамъ обозначена продолговатая земля, простирающаяся подъ 28° восточной долготы отъ 76° до 77° сѣв. шир., подъ названіемъ земля Вике. Съ позднѣйшихъ картъ земля эта исчезла и далѣе была предана полнѣйшему забвенію. Д-ръ Петерманъ, впервые опять помѣстилъ было на новѣйшихъ картахъ землю, которая значилась на старой картѣ Пельгама подъ неправильнымъ, шведами принятымъ, названіемъ „земли Гиллисъ“, полагая, что это тоже, что землѣ Вике. Когда же позднѣйшія изслѣдованія доказали, что въ томъ направленіи никакой земли нѣтъ, онъ считалъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказано и несуществованіе земли Вике, тѣмъ болѣе, что Скоресби, который составилъ самое лучшее и основательное сочиненіе

¹⁾ Ричардъ Вике или Вике, подобно своему современнику Томасу Смитту, былъ одинъ изъ тѣхъ великодушныхъ лондонскихъ купцовъ, которымъ полярныя изслѣдованія столько же обязаны, сколько вообще торговля тогдашняго времени. Вике принадлежалъ къ обществу англійскихъ мѣховщиковъ, и мы встрѣчаемъ его имя въ спискѣ первыхъ учредителей плаваній въ Остъ-Индію въ 1599 г., для которыхъ онъ подписалъ 200 фунт. стерл. и принялъ на себя поставку бобовъ и горчицы. Ричардъ Вике былъ въ числѣ первыхъ директоровъ Ост-индскаго торговаго общества, а также однимъ изъ учредителей въ 1612 году Сѣверо-западной компаніи. Когда, подъ командою Эдге, были посылаемы китобойныя суда въ воды Шпицбергенскія, Вике былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ этой компаніи. Вике былъ женатъ на дочери сэра Ричарда Салтанстола, который въ 1598 г. былъ лорд-меромъ Лондона. Онъ умеръ 20 ноября 1621 г., оставивъ громадное потомство: двѣнадцать сыновей и 6 дочерей, отъ которыхъ произошли многія замѣчательныя личности. (Markham—Gaidoz, стр. 41—42 и «Ocean Highways» 1873 г. стр. 465—466).

объ арктическихъ странахъ, перенесъ это названіе на острова Рійке-Исъ. Между тѣмъ Рійке-Исъ суть маленькіе острова, лежащіе передъ мысомъ Стоне у острова Эдге. Современныя шведскіе мореплаватели дѣйствительно видѣли (объ этомъ мы впослѣдствіи еще подробнѣе поговоримъ) къ востоку отъ Шпицбергена землю, которая обозначалась на нашихъ картахъ подъ названіемъ „Шведской“, до тѣхъ поръ, пока она не была названа нѣмцами и норвежцами землею „Короля Карла“, такъ какъ оказалось, что это та же земля, которую Гейхлинъ видѣлъ въ 1870 году и которую вскорѣ послѣ того норвежцы обошли кругомъ между $78^{\circ} 33'$ и $79^{\circ} 18'$ сѣв. шир. Англійскіе географы, какъ-то: Клеменсъ, Маркгамъ и Шераръ Осборъ не замедлили заявить ¹⁾, что эта земля „Короля Карла“ ничто иное, какъ земля Вике, и что, слѣдовательно, ее слѣдовало бы по всей справедливости обозначить на картахъ этимъ именемъ, какъ его первоначальное. Послѣ этого д-ръ Петерманъ допустилъ возможность, что земля „Короля Карла“ была открыта еще въ 1617 году какимъ-то англичаниномъ ²⁾; но такъ какъ онъ относительно земли Вике имѣлъ въ виду только карту Пельгама 1631 г., то, по мнѣнію его, Петермана, предполагаемый англійскій открыватель такъ неправильно показалъ мѣсто своего открытія, что нѣтъ никакого основанія дать этому открытію англійское названіе, въ ущербъ позднѣйшимъ и истиннымъ открывателямъ этой земли ³⁾. Къ сожалѣнію, д-ръ Петерманъ имѣлъ въ виду только, какъ мы уже упомянули, карту Пельгама 1631 года и карту Пурчеса, не обращаясь къ тексту сего послѣдняго, который вполне объясняетъ ошибку картосоставителей и именно переноситъ землю Вике подъ 79° сѣв. шир. Отчетъ стараго Пурчеса ⁴⁾ до того ясенъ и точенъ, что не под-

¹⁾ Въ засѣданіи Лондонскаго Географ. общества 10 февраля 1873 г. См. «Proceedings of the Royal geographical Society» 1873 г., стр. 91—104.

²⁾ Петерманъ: Geograph Mitth. 1873 г., 129.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Отчетъ слѣдующаго содержанія: Въ 1617 году компанія отправила въ Гренландію 14 кораблей и при нихъ два пинасы, снабженные достаточнымъ числомъ команды и необходимою провизіею для плаванія, подъ командою Томаса Эдге ..... Они назначили одно судно въ 60 тоннъ съ двадцатью человѣками, которое открыло къ востоку отъ Гренландіи подъ 79° сѣв. шир. островъ, названный ими Вике, и различныя другіе острова, какъ показываетъ карта, и убили тамъ большое количество моржей и пришли въ Бель-сундъ, гдѣ они нашли свой грузъ жиру, оставленный тамъ капитаномъ, который они и приняли. Въ этомъ году жители Гуля послали одно маленькое судно или два на востокъ отъ Гренландіи, по нѣхъ стопамъ пошли и лондонцы, и они черезъ годъ или два называли это своимъ открытіемъ, что ложно и неправильно, какъ клятвенно доказывается адмиралтействомъ. Голландцы также держали постоянно тотъ же курсъ. (Samuel Purchas «Hakluytus posthumus» къ Purchas his pilgrimes

лежитъ сомнѣнію, что Петерманъ ошибся ¹⁾. Кто въ написаніи исторіи безпристрастно относится къ различнымъ національностямъ, тотъ долженъ сознаться, вмѣстѣ съ Маркгамомъ ²⁾, что островъ, вновь открытый въ 1872 году, есть та же земля Вике, открытая англичанами въ 1617 году ³⁾.

Въ слѣдующихъ за симъ годахъ, какъ мы уже упомянули, были неоднократныя столкновенія между голландскими и англійскими китобоями, такъ что послѣднимъ становилось невозможнымъ удерживать свое положеніе къ арктическому морю. Наконецъ вся торговля этихъ мѣстъ перешла на долгое время въ руки голландцевъ. О заслугахъ своихъ соотечественниковъ въ географическомъ отношеніи, въ короткое время ихъ владычества въ водахъ Шпицбергена со времени плаванія Гудсона, съ 1607 г. до 1622 года, основываясь на картѣ Пурчеса, Маркгамъ говоритъ: „такимъ образомъ на этой картѣ обозначены и названы всѣ подробности какъ западнаго, такъ и восточнаго побережья Шпицбергена со всѣми его фіордами и островками, равно какъ и части пролива, проходящаго между главнымъ островомъ и сѣверо-восточною землею, и названнаго первоначально „входомъ сэра Өомы Смита“, а потомъ уже Вайгачъ или Гинлопенъ, въ честь богатаго бурмистра гор. Амстердама. Передъ нами весь „Старъ-Фиардъ“ шведовъ съ западнымъ и южнымъ побережьемъ острова Эдге и проливомъ Альдермана Фримана съ сѣвера и, наконецъ, на востокъ земля Вике, открытая въ 1617 году англичанами и послѣ того никогда болѣе не видѣнная или, по крайней мѣрѣ, ни на одной картѣ не обозначавшаяся до 1870 г.“ ⁴⁾. И такъ, большая часть Шпицбергена обследована и нанесена на карту англійскими китоловами, но въ послѣдствіи многія мѣста получили другія названія отъ голландцевъ.

containing a history of the World in seavoyages and landtravels by Englishmen and others. London 1625, vol. III г., стр. 46).

¹⁾ Даже послѣ указанія на слова Пурчеса, Петерманъ, непонятнымъ образомъ, не хотѣлъ сознаться въ своей ошибкѣ. См. «Geograph. Mittheil» 1874 г., стр. 38, на которыя послѣдовало возраженіе въ «Ocean Highways» отъ февраля 1874 г., стр. 465, которое по пунктамъ доказывало безсодержательность мнѣнія Петермана.

²⁾ Заслуживаетъ, впрочемъ, быть упомянутымъ, что и эльзасскій естествоиспытатель Чарльсъ Градъ, отличный знатокъ полярной географіи, высказывается за тождественность земли короля Карла съ землею Вике въ своей основательной статьѣ: «Resultats scientifiques des explorations de l'ocean glacial à l'est d-Spitzbergen en 1871. (bulletin de la Société de géographie de Paris 1874. II т., стр. 349 и 377.

³⁾ «Ocean Highways» апрѣль 1873 г., стр. 19.

⁴⁾ Markham-Gaidoz—стр. 42—43 и почти тоже самое въ «Proceedings of the Royal geographical Society», 1873 г., стр. 99.

Въ теченіи многихъ лѣтъ, пока заливы не обезрыбѣли, Шпицбергенъ составлялъ цѣль стремленій. безчисленныхъ судовъ. На высокомъ островѣ Амстердамѣ, имѣющемъ широкій, плоскій наклонъ къ Шпицбергену, была основана голландская факторія, весьма непозитично, но въ то же время очень мѣтко, названная Смеренбергъ или Смеренбургъ (городъ или крѣпость Жира) подъ $79^{\circ} 15'$ сѣв. шир., и недалеко отъ нея жиротопня Гарлипга. Во время главнаго лова это поселеніе посѣщалось сотнями судовъ, тысячами моряковъ, ремесленниковъ и купцовъ въ такой мѣрѣ, что можно было задать себѣ вопросъ, который изъ двухъ рынковъ—этотъ ли со своимъ вонючимъ товаромъ арктическихъ странъ, или Батавскій съ его ароматическими и душистыми произведеніями—имѣетъ болѣе значенія для всемірной торговли ¹⁾. На первыхъ порахъ уловъ былъ необычайно обилентъ, и необыкновенно мѣтко одинъ голландскій статистикъ называлъ этотъ край „золотоносною розсыпью сѣвера“.

Голландскіе китолоты тѣхъ временъ даже хвастались, будто они, преслѣдуя звѣря, проникали въ таинственную теперь еще для насъ глубь крайняго сѣвера и проходили поперекъ сѣвернаго полюса, или же кругомъ его. Дэнъ Баррингтонъ, который въ 1773 году—усиленно старался собрать все, до этого касающееся, упоминаетъ о шести подобныхъ случаяхъ. Первый случай относится къ нѣкому Далъе, который рассказывалъ д-ру Кампбелю, составителю описаній путешествій Гарриса, что онъ, пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, былъ на кораблѣ до 88° сѣв. шир.; будто тамъ было тепло, а льду не было. Второй случай какого-то голландца, который клялся г-ну Грею, что онъ былъ надъ $89^{\circ} 30'$ сѣв. шир., что Грей въ свою очередь рассказывалъ въ 1663 г. г-ну Ольденбургу. Третьимъ примѣромъ приводится рассказъ г-на Вэтлея, будто онъ самъ узналъ изъ устъ трехъ голландскихъ лоцмановъ, что они слышали о какомъ-то нидерландскомъ кораблѣ, достигшемъ 89° сѣв. шир. Въ четвертыхъ, какой-то г. Ридъ рассказывалъ Баррингтону, что, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, нѣкто Гансъ Деррикъ говорилъ, что онъ и еще пять другихъ судовъ были подъ 86° сѣв. шир. Въ пятыхъ, нѣкоторый капитанъ Гульденъ, по секрету, сообщилъ въ 1676 г. королю Англій, что онъ слышалъ отъ двухъ голландскихъ штурмановъ, будто они 20 лѣтъ передъ тѣмъ были подъ 89° ; къ этому они прибавили, что на обоихъ судахъ были ведены четыре дневника, и что они не сходились только на 4 минуты. Шестой случай, самый нелѣпый, не-

¹⁾ I. G. Kohl. «Die natürlichen Lockmittel des Völkerverkehrs». Бременъ 1876 г. 8° стр. 14.

смотря на то, что онъ подтверждается такимъ авторитетомъ какъ Моксонъ, гидрографъ ея Великобританскаго величества Двадцать два года передъ тѣмъ, какъ Моксонъ описываетъ этотъ случай, этотъ легковѣрный старецъ входилъ однажды въ Амстердамъ въ трактиръ, чтобы подкрѣпиться кружкою пива. Онъ сѣлъ къ столу, за которымъ уже сидѣли другіе гости. Въ это время входитъ еще кто-то, который въ числѣ гостей узналъ одного изъ своихъ пріятелей, матроса съ гренландской флотилии и спрашиваетъ его, вслѣдствіе чего онъ такъ скоро вернулся. „О!“ отвѣчаетъ тотъ, выпивая свою кружку пива,—„мы были у сѣвернаго полюса и оттуда теперь вернулись“. Это крайне удивило добродушнаго Моксона, онъ вступилъ съ этими людьми въ разговоръ, чтобы убѣдиться въ справедливости ихъ словъ. Матросъ-шутникъ увѣрялъ его, что они не только были у полюса, но еще на два градуса перешли его. Видимо, голландскіе матросы подшучивали надъ легковѣрнымъ иностранцемъ, такъ простодушно ихъ разспрашивавшимъ. Они его увѣряли, что у полюса море совсѣмъ открытое, льду они вовсе не видали тамъ, и что тамъ такъ же тепло, какъ лѣтомъ въ Амстердамѣ. Такъ какъ матросы продолжали бесѣду между собою, то королевскій гидрографъ счелъ неприличнымъ мѣшать имъ своими разспросами; но онъ повѣрилъ, „что голландскій матросъ сообщилъ ему чистую правду, потому что онъ ему казался такимъ простымъ, честнымъ и скромнымъ человѣкомъ, который не могъ имѣть ни какихъ дурныхъ намѣреній относительно него. Весь этотъ разговоръ Моксонъ записалъ и потомъ опубликовалъ съ приложеніемъ карты и съ добавленіемъ нѣсколькихъ немудрыхъ доводовъ въ подтвержденіе истинны этого трактирнаго разговора. Эта статья ¹⁾ нашла многихъ читателей, а въ 1697 году явилась вторымъ изданіемъ ²⁾. Само собою разумѣется, что всѣ эти рассказы—явные выдумки, ничѣмъ не подтверждаемыя. И не стоило бы такъ долго останавливаться на этомъ предметѣ, если бы, въ теченіе новѣйшихъ десятилѣтій, люди весьма достойные не ссылались на эти мнимыя плаванія голландскихъ китолововъ. Нельзя не удивляться, что люди разумные, болѣе того, даже знатоки арктической географіи, въ нѣкоторой степени повѣрили этимъ рассказамъ. Впрочемъ, они ни въ какомъ случаѣ не умаляютъ заслугъ нидерландскихъ китолововъ.

При поверхностномъ взглядѣ можетъ показаться, будто голландскіе посѣтители Шпицбергена въ семнадцатомъ столѣтіи вовсе

¹⁾ Joseph Moxon «A brief discourse of a passage by the North Pole to Japon. London 1674 4°.

²⁾ Markham-Gaidos, стр. 63—55.

не содѣйствовали ознакомленію съ географіею этой страны; но по справедливости нужно сознаться, что китоловство голландцевъ въ значительной степени способствовало изслѣдованію и описанію сѣверо-арктическаго океана и, благодаря имъ, ледовитое море сдѣлалось доступнѣе. Хотя во время процвѣтанія голландскаго китоловства мы и встрѣчаемъ мало выдающихся дѣйствій съ ихъ стороны въ области науки мореплаванія, которыя заслужили бы быть упомянутыми въ исторіи полярныхъ путешествій, тѣмъ не менѣе нидерландцы не нуждаются въ искусственномъ разукрашиваніи ихъ заслугъ посредствомъ басноподобныхъ разсказовъ о ихъ путешествіяхъ. Когда Баррингтонъ, собирая эти свѣдѣнія, наконецъ обратился къ голландскимъ лоцманамъ, онъ узналъ чистую истину: „Рѣдко удается перейти 81°30' сѣв. шир., но до этой широты мы доходили почти постоянно“. Исключеніе составляетъ плаваніе капитана Виллема Виллемсона, проплывшаго въ 1634 г. на кораблѣ въ 84 тонны, на которомъ Яковъ Якобсонъ былъ штурманомъ, по направленію къ полюсу. Онъ поднялся тремя градусами сѣвернѣе Шпицбергена, а потомъ шелъ вдоль сплошнаго льда, не находя желаемаго прохода. Изъ этого Виллемсонъ вывелъ заключеніе, что полюса достигнуть невозможно, и поэтому скромно вернулся къ китоловству. Однако, его плаваніе побудило двухъ другихъ капитановъ, Зибрандта и Клоса Корнелліона сдѣлать новую попытку, но и она не имѣла успѣха. Торисъ Кароль, плававшій самъ по полярному морю, два раза опубликовалъ въ 1634 году курсы своихъ плаваній и объявилъ печально, что 83° самая сѣверная широта, которая когда либо была достигнута. Дѣйствительно, голландцы въ семнадцатомъ столѣтіи никогда не были сѣвернѣе Семи острововъ и пролива Гинлоненъ; въ плохіе годы они держались восточнѣе, огибали южную оконечность Шпицбергена и занимались китоловствомъ въ заливѣ Диско ¹⁾).

Были сдѣланы неоднократныя попытки провести зиму въ необитаемыхъ мѣстностяхъ арктической области; но въ большей части случаевъ кончались гибелью. Въ наше время русскіе охотники иногда выдерживаютъ суровость арктическаго климата, но не морозъ уничтожалъ храбрыхъ моряковъ, привыкшихъ переносить всякія непогоды, а большею частью цынга ²⁾, развивающаяся отъ

¹⁾ Этого залива не нужно смѣшивать съ таковымъ же у западной Гренландіи. Шпицбергенскій заливъ Диско находится у югозападнаго берега острова Эдге въ такъ называемыхъ Wybe Ions-Water.

²⁾ Цынга представляетъ болѣзненное состояніе, простирающееся на всѣ ткани человѣческаго тѣла и обнаруживающееся черезъ изліаніе крови по всѣмъ его частямъ въ слѣдующихъ симптомахъ: десны размягчаются, дѣлаются губчатыми, покрываются легко точащими кровъ язвами и издаютъ невыносимый запахъ. На

«Въ обл. вѣнч. льда.»

недостатка свѣжей пищи и отъ необходимости большую часть времени провести въ тѣсной избѣ, по причинѣ неудовлетворительности одежды, несоотвѣтствующей силѣ мороза. Но были и счастливыя зимовки, и именно въ такихъ случаяхъ, когда меньше всего того ожидали. Въ 1630 году несчастный случай отдѣлилъ восемь человѣкъ¹⁾, матросовъ одного англійскаго китолова отъ ихъ судна, и они должны были перезимовать на Шпицбергенѣ, подлѣ 77° сѣв. шир. У нихъ, разумѣется, не было ни какихъ жизненныхъ запасовъ, и нужно было ожидать, что они не переживутъ зиму. Но именно это обстоятельство и было ихъ спасеніемъ, такъ какъ они для того, чтобы добыть себѣ пищу, вынуждены были охотиться. Они весьма удачно убили множество оленей и медвѣдей, что давало имъ постоянно свѣжее мясо и теплую одежду. Свѣжое мясо, въ связи съ постоянномъ движеніемъ на открытомъ воздухѣ,—два главныхъ условія для сохраненія здоровья въ этомъ климатѣ,—сдѣлали то, что они не подверглись болѣзни, а въ маѣ слѣдующаго года были найдены своими товарищами въ здоровомъ состояніи и доставлены на родину²⁾. Объ этомъ замѣчательномъ фактѣ имѣется печатанный отчетъ³⁾ одного изъ участвовавшихъ въ этой зимовкѣ, а именно Эдуарда Пельгема, къ описанію котораго присоединена карта, на которой впервые показана земля Вике.

кожѣ появляются, отъ выступающей крови, синія и багровыя пятна. Ноги пухнутъ, скорчиваются и въ членахъ внутренностяхъ и вдоль спины ощущаются страшныя боли. Дыханіе затрудняется при малѣйшемъ напряженіи. При дальнѣйшемъ развитіи болѣзни слабость увеличивается: изъ десенъ, легкихъ и кишечнаго канала показывается кровь, зубы выпадаютъ, язвы разѣдаютъ ткань тѣла все дальше и дальше, вокругъ себя, и наконецъ больной умираетъ отъ упадка силъ, удрученія и чрезмѣрной потери крови. Существо цинги еще не вполне разъяснено. Близайшія причины ея—разложеніе крови и нарушеніе правильности отравленій нервной системы. Отдаленныя причины: сырой, холодный воздухъ,—оттого цинга сильнѣе въ арктическомъ поясѣ,—спертый воздухъ, недостатокъ свѣжей, растительной пищи, употребленіе соленой пищи, недостатокъ тѣлесныхъ упражненій и даже нравственная тоска по родинѣ. Лечение должно быть направлено къ оживленію, окисленію крови и укрѣпленію тѣла. Поэтому, цинга скоро излечивается вдыханіемъ свѣжаго воздуха, а такъ какъ современная техника въ этомъ отношеніи сдѣлала необыкновенные успѣхи, то и цинга перестала быть пугаломъ для полярныхъ плавателей; сила ея губительнаго дѣйствія прервана. Впрочемъ, въ болѣе части арктическихъ широтахъ, ростетъ противуцинготная трава, такъ называемый *ложечникъ*, *cochlearia officinalis*, которому многіе обязаны своимъ излеченіемъ и спасеніемъ.

¹⁾ Эти восемь человѣкъ были: Вильямъ Факелъ, пушкаръ, Эдуардъ Пельгемъ, помощникъ пушкаря; Джонъ Визе и Робертъ Гудфелловъ, моряки; Тома Айерсъ, кятбой; Генри Бетъ, Куперъ, Джонъ Девисъ и Ричардъ Келлетъ, не принадлежавшіе къ экипажу судна.

²⁾ Петерманъ: „Geograph. Mittheilungen“. 1869 стр. 143. Подробный отчетъ объ этой зимовкѣ см. Ливдемана «die arktische Fischerei» стр. 23—24.

³⁾ Edw. Pellham y London 1631 г.

Уже съ 1626 года голландскія компаніи задумывали оставлять на арктическихъ островахъ, въ особенности Майэнтъ и Шпицбергенъ, китоловныя команды, для того, чтобы убѣдиться, можно-ли въ теченіи зимы, когда судовъ тамъ не будетъ, съ успѣхомъ продолжать китоловство. Эта мысль впервые была осуществлена въ 1633 г.: семь голландскихъ матросовъ провели зиму на Шпицбергенѣ, гдѣ именно—съ точностью не указано, но вѣроятнѣе всего въ Нордъ-Фюрдѣ на западномъ берегу острова, подъ 78° 40' сѣв. шир. Немедленно по уходѣ судовъ, 30 августа 1633 г., они стали собирать запасы, чтобы, при помощи ихъ, прожить до лѣта слѣдующаго года, когда судно должно было опять придти за ними. Они охотились, убивали много оленей и наловили безчисленное множество морскихъ птицъ, также находили они нѣсколько цѣлебныхъ травъ. 3 октября изчезновеніе всѣхъ птицъ послужило предзнаменованіемъ наступленія морозовъ; съ этого дня температура падала все ниже и ниже, что ихъ побудило почти непрерывно оставаться въ постеляхъ, не смотря на то, что у нихъ были и печь, и каминъ. По временамъ они должны были сдѣлать усиленныя движенія, чтобы сохранить естественную теплоту тѣла. Наконецъ, послѣ страшныхъ лишеній и невыносимыхъ страданій, они были освобождены отъ своихъ бѣдствій 27 мая 1634 г., прибывшимъ туда кораблемъ своихъ соотечественниковъ. Подъ вліяніемъ этого довольно удачнаго опыта, семь другихъ голландцевъ добровольно предложили провести слѣдующую зиму на томъ-же мѣстѣ. Ихъ снабдили травами, лекарствами, мясомъ, крѣпкими напитками, спиртомъ, словомъ—всѣмъ нужнымъ. Солнце скрылось 20 или 21 октября. Уже 24 ноября эти молодцы заболѣли цынгой и всѣ ихъ старанія добыть свѣжихъ травъ и дичи были безуспѣшны. 24 января 1635 г., скончался первымъ Адрианъ Джонсонъ, за нимъ послѣдовалъ Корнелисъ Тиссе, лучший морякъ изъ всѣхъ семи, а три дня послѣ него умеръ и Фиттіе Отерсъ. 7 февраля удалось 4-мъ остальнымъ поймать пищу; мяса этого хватило не на долго, а болѣзнь усиливалась. Одинъ только Геронимъ Карцонъ могъ еще приносить дрова, чтобы поддержать огонь, но 26 февраля и онъ уже не былъ болѣе въ состояніи вести дневника. Онъ кончаетъ тѣмъ, что хотя ихъ еще четверо въ живыхъ, но въ такомъ состояніи безсилія и крайняго бѣдствія, что они только молятъ Всевышняго о скорѣйшемъ освобожденіи ихъ отъ этихъ страданій. Дѣйствительно, лѣтомъ 1635 года возвратившіяся къ этому мѣсту суда нашли ихъ мертвыми ¹⁾.

¹⁾ См. I. H. v. Lennep. «Mitteksel uit het Journaal der 7 maats in 1634 op Spitzbergen overwinterende gestorven zijn. Haarlem. 1861 4°.

Такая-же участь постигла и семерыхъ другихъ голландскихъ матросовъ, которые согласились провести зиму 1633—34 г., на островѣ Янъ-Майѣнъ. Не смотря на страшный холодъ, они стойко держались до марта 1634 г., но послѣ этого напала на нихъ цынга, которая ихъ и похитила одного за другимъ. Дневникъ ихъ кончается 31 апрѣля: погода въ этотъ день была прекрасная, солнце ярко свѣтило, но почеркъ писавшаго дневникъ крайне уже неразборчивъ, что указывало на чрезвычайную слабость, послѣ чего онъ, вѣроятно, вскорѣ скончался. Прибывшимъ 4 іюня 1634 года къ этому острову голландцамъ оставалось только исполнить грустную обязанность похоронить семерыхъ своихъ товарищей, сдѣлавшихся жертвами своей храброй рѣшимости. Послѣ этихъ двухъ неудачныхъ попытокъ Нидерландская компанія уже болѣе не приглашала желающихъ перезимовать въ арктической полосѣ.

Китоловствомъ или вообще „гренландскимъ рыболовствомъ“ — не слѣдуетъ забывать, что Шпицбергенъ считался тогда Гренландіею — занимались первоначально только голландцы, англичане, и датчане; но немного прошло времени, какъ и германскіе ганзейскіе города, Гамбургъ и Бременъ, стали участвовать въ этомъ дѣлѣ. Мы видимъ, что вскорѣ уже и эти города посылаютъ своихъ представителей вмѣстѣ съ голландцами и англичанами ежегодно къ большому лову въ сѣверныя моря; въ шестнадцатомъ столѣтіи уже установилось срочно-правильное отправленіе отъ нихъ судовъ къ Исландіи; даже болѣе того: мы уже встрѣчаемся тамъ въ это время съ „братствомъ исландо-плавателей“. Въ Гренландскомъ же ловѣ первоначально участвовалъ одинъ только Гамбургъ. По рассказамъ Скоресби гамбургцы пошли туда вслѣдъ за датчанами, слѣдовательно до 1620 года. Они избрали для себя мѣстомъ стоянки небольшую бухту на западномъ берегу Шпицбергена у семи ледяныхъ горъ, представляющую всѣ удобства для этого, потому что она менѣе другихъ затиралась льдами. По мнѣнію Фридриха Мартенса, гамбургцы впервые около 1640 г. отважились на одномъ или двухъ судахъ искать себѣ дѣятельности въ этихъ жестоко холодныхъ краяхъ. Стало быть, это было уже послѣ блестящаго времени лова по заливамъ, когда вообще ловъ былъ уже сопряженъ съ большими затрудненіями. Морицъ Линдеманъ, тщательно прослѣдившій дѣятельность германцевъ въ полярномъ рыболовствѣ, допускаетъ вѣроятіе, что около 1625 г. уже и бременскіе корабли выходили изъ Везера, чтобы принимать хотя скромное участіе въ богатомъ уловѣ близъ Шпицбергена. По письменнымъ документамъ Бременскаго Архива ¹⁾, въ 1674 году въ Бременѣ „*снова*“ была

¹⁾ Морицъ Линдеманъ: «Die arktische Ficherei der deutschen Seestädte» стр. 10—11.

возстановлена Гренландская компанія“. Къ этому времени относится самое древнее книгопечатное сочиненіе нѣкоего Фридриха Мартенса ¹⁾ о рыболовствѣ германцевъ въ Гренландіи. Посвящая въ 1675 г. свое сочиненіе гамбургскому городскому совѣту, онъ рассказываетъ, что онъ четыре года передъ тѣмъ былъ въ Шпицбергенѣ въ качествѣ корабельнаго цирюльника на суднѣ, отправившемся туда изъ Гамбурга. Хотя и простымъ, а мѣстами даже крайне необработаннымъ, языкомъ, но всетаки съ живостью и чрезвычайно картинно рассказываетъ онъ все это плаваніе, продолжавшееся съ 15 апрѣля до 21 августа 1671 г. Сочиненіе этого гамбургскаго цирюльника впервые знакомитъ насъ шагъ за шагомъ съ подробностями арктическаго китоловства; въ то же время онъ съ точностью описываетъ самый островъ съ окружающими его моремъ и льдомъ, вѣтромъ и воздухомъ, снѣгомъ и радугами, съ произрастающими на немъ травами и водящимися тамъ животными и т. д. Въ 1680 году въ Венеціи былъ изданъ италіанскій переводъ этой книги, въ 1694 и 1695 г. также появился англійскій переводъ въ Лондонѣ; новѣйшее „Nakluyt society“ сочло эту книгу достойною быть помѣщенной въ числѣ военныхъ описаній путешествій ²⁾.

Тридцать лѣтъ спустя послѣ замѣчательнаго путешествія Мартенса, два голландскихъ капитана, Корневисъ Дирксонъ Гиллисъ и Утегеръ Питерсонъ Репъ совершили съ необыкновеннымъ успѣхомъ плаванія въ Шпицбергенскія воды, въ особенности въ восточномъ направленіи. Репъ былъ, впрочемъ, въ арктической полосѣ только въ 1700—1702 годахъ; поэтому несправедливо связываютъ его имя съ именемъ Гиллиса, который былъ въ полярномъ морѣ для китоловства съ 1700 до 1714 г. на кораблѣ, принадлежавшемъ мѣстечку Йіспъ въ сѣверной Голландіи. Самымъ счастливымъ годомъ для него былъ 1705, въ которомъ онъ поймалъ 16 китовъ; въ 1707 году, онъ напротивъ, повидимому, вовсе не занимался китоловствомъ, по крайней мѣрѣ онъ ни какой добычи домой не привезъ, а старался дѣлать новыя открытія. Онъ поднялся безпрепятственно однимъ градусомъ сѣвернѣе Семи острововъ, поворотилъ потомъ ненадолго на востокъ, а затѣмъ взялъ курсъ сперва на юговостокъ и, наконецъ, на югъ. При этомъ онъ увидалъ въ не слишкомъ дальнемъ разстояніи отъ сѣверовосточнаго берега Шпицбергена очень высокую землю, называемую съ

¹⁾ Фридрихъ Мартенсъ. «Spitsbergische und Grönlandische Reisebeschreibung». Hamburg, 1675 4° съ картинками, стр. 143.

²⁾ Adam White «A collection of early documents on Spitzbergen and Greenland» London 1856 8°.

тѣхъ поръ „землею Гиллиса“, которую, впрочемъ, донинѣ ни одинъ плаватель съ точностью опредѣлить не могъ. Поэтому о положеніи земли Гиллиса существуютъ чрезвычайно различныя мнѣнія. На всѣхъ древнѣйшихъ картахъ, которыя вообще только отмѣтили эту землю, она значится единогласно между 80° и $80^{\circ} 10$, сѣв. шир., и приблизительно на пять градусовъ восточнѣе сѣверовосточной окраины Шпицбергена. Съ 1707 до 1865 г. на эту землю не было обращено ни какого вниманія, такъ что она была какъ бы предана забвенію и на картахъ позднѣйшаго времени вовсе не значится. Опираясь на указанія Дена Барлингтона, д-ръ А. Петерманъ полагаетъ, что земля Гиллиса не должна быть показана, какъ она значится на картѣ Гергарда ванъ-Кейлена, ст. 100 килогр. къ востокъ-юго-востоку отъ нынѣшняго мыса Смита, а почти въ 200 килом. на сѣверовостокъ, слѣдовательно подъ $81^{\circ} 31$ сѣв. шир. и 36° вост. долг. отъ Гринича ¹⁾. Маркгамъ, напротивъ, указываетъ ²⁾, что показаніе Баррингтона вполне совпадаетъ съ картою Кейлена, у котораго земля Гиллиса значится подъ 80 сѣв. шир. ³⁾ По его изысканіямъ, капитанъ Гиллисъ шелъ вдоль сѣверовосточнаго берега Шпицбергена, затѣмъ вышелъ въ проливъ Гинвопенъ и бросилъ якорь въ заливѣ Ломме, гдѣ поймалъ двухъ китовъ. Эти свѣдѣнія о Гиллисѣ получены отъ Яна Симонсона Валига, который съ 1714 до 1735 г. тридцать одинъ разъ былъ у Шпицбергена и при этомъ постоянно пользовался картою, составленною Гиллисомъ.

Этимъ путемъ голландцы убѣдились, что прежде открытые англичанами заливъ сэра Томы Смита и Альдермана Фримана въ дѣйствительности суть проливы, которымъ они дали названія, между большимъ островомъ Шпицбергеномъ и сѣверовосточною землею „Гинлопенъ“, а между островами Барентса и Эдге „Вальтеръ-Тименъ“. Впрочемъ, послѣдній изъ этихъ проливовъ рядомъ съ нидерландскимъ сохранилъ и свое прежнее названіе. Голландцы же открыли столь часто встрѣчающіеся намъ Семь острововъ къ

¹⁾ Петерманъ: «Geograph. Mitth.» 1872 стр. 112.

²⁾ Markam-Gaidoz: «Les abords de la region inconnue», стр. 51.

³⁾ Что земля Гиллиса не можетъ быть такъ называемая «Schwedische Vorland» (шведская передняя земля) которую видѣли шведы, кажется, достаточно доказано Петерманомъ еще раньше, чѣмъ норвежскіе мореплаватели подтвердили, что земля Вике, (короля Карла) и Шведская передняя земля, —одно и то же. Тѣмъ не менѣе, сначала шведское предположеніе казалось до того правдоподобнымъ, что я его вполне раздѣлялъ. Равнымъ образомъ д-ръ Германъ Клейнъ, въ его небольшомъ, но замѣчательномъ сочиненіи «An den Nordpol, Schilderung» и проч., изображающемъ арктическія страны и плаванія къ сѣверному полюсу съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, считаетъ безспорно доказаннымъ, что земля Гиллиса тоже самое, что земля короля Карла.

сѣверу отъ сѣверовосточной земли, самый восточный берегъ этой земли и, наконецъ, три островка у восточнаго берега земли Эдге, названные по имени ихъ открывателя „Рикъ-Исъ“. Тѣже голландцы увидали землю Гиллиса, которую впослѣдствіи никто болѣе уже не видалъ, но не восточнѣе лежащую землю Вике, о которой къ началу XVIII столѣтія даже совершенно и забыли. Все, что нидерландцы знали о Шпицбергенѣ и окружающихъ его водахъ, показано на картѣ Кейлена. Эта карта, изданная Яномъ-ванъ-Кейленомъ (1688?) и, послѣ смерти его около 1705 года, имѣвшая до 1728 года нѣсколько изданій подъ руководствомъ и по дополненіямъ его сына Гергарда, считалась лучшимъ авторитетомъ относительно этихъ мѣстъ въ теченіи всего XVIII столѣтія. Послѣднее изданіе карты Шпицбергена было сдѣлано Кейленомъ по возвращеніи Гиллиса и Репа, открытія которыхъ тамъ нанесены ¹⁾. По мнѣнію Петермана, эта карта, хотя и была самая полная, которая въ то время существовала о Шпицбергенѣ, тѣмъ не менѣе она была не совсѣмъ вѣрна, въ картографическомъ смыслѣ довольно посредственна, а въ отношеніи правильности стояла ниже предшествовавшихъ. Форстеръ, одинъ изъ спутниковъ Парри въ 1827 г., напротивъ, говоритъ ²⁾: „мы ясно могли узнать всѣ точки и мѣста, нанесенныя на эту старую карту, многіе глетчера въ проливѣ Гинлопенъ съ точностью обозначены“.

Безъ сомнѣнія, голландцы въ семнадцатомъ вѣкѣ и въ большей части восемнадцатаго, первенствовали въ дѣлѣ рыболовства на сѣверѣ. Рядомъ съ ловлею сельдей и трески они въ теченіи цѣлаго столѣтія занимались, съ неутомимою выдержкою и не безуспѣшно въ смыслѣ финансовомъ, китоловствомъ въ арктическихъ моряхъ. Число судовъ, ежегодно выходившихъ изъ устьевъ рѣки Ий и Цаана, для того, чтобы бороться на крайнемъ сѣверѣ со всѣми трудностями и лишеніями, съ которыми сопряжено арктическое китоловство у Шпицбергена, въ значительной степени превосходило число всѣхъ другихъ націй. Во время войнъ, ихъ сопровождали военные корабли, какъ мы уже упомянули, которые должны были ихъ охранять. Съ 1719 года, кромѣ Шпицбергена, Девисовъ проливъ, съ его многочисленными заливами, проходами и проливами между островами, сдѣлался обширнымъ поприщемъ для китоловства; но въ послѣднее время голландскій флагъ совсѣмъ почти исчезъ изъ арктической полосы. Первою причиною этого

¹⁾ Она вышла подъ заглавіемъ: *Niue afteekning van het Eyland Spitz-Bergen, opgegeven door de commandeurs Giles en Outger Rep on in't ligt gebragt en uitgegeven door Gerard van Kuelen.*

²⁾ Петерманъ: *«Geograph. Mittheil.»* 1872 г. стр. 112 и 1871 г., стр. 181—182.

явленія былъ упадокъ національнаго духа морской предприимчивости, въ особенности со временъ вторженія французовъ въ Нидерланды. Впрочемъ и уменьшеніе прибыльности этого промысла также не мало этому способствовало. Послѣ низверженія великаго Французскаго Императора, промыселъ этотъ вновь оживился съ прежнею силою какъ въ Англіи и Шотландіи, такъ и на берегахъ Везера и Эльбы, но въ Голландіи, не смотря на поощренія со стороны правительства и предлагаемыя преміи, онъ вновь не возродился ¹⁾.

¹⁾ Лийдеманъ стр. 25—27. Главнымъ источникомъ для исторіи нидерландскаго рыболовства служитъ знаменитое сочиненіе, командора Корнелиса Гилбертсона Цоргдрагера, который съ 1700—1705 занимался китоловствомъ въ гренландскихъ водахъ на кеандамскомъ кораблѣ. Сочиненіе это извѣстно подъ заглавіемъ: «Bloeiende opkomst der aloude en hedendaagshe Groenlandsche vissttery. Met eene histor. beschrijving der Noordere Gewesten: Groenlandt, Yslandt, Nova Zembla Jan Mayen Eilandt, de Straat Davis. enz Met byvoeging von de walvischvangst door A. Moubach» Amsterdam 1728 4°. Позднѣйшія изданія этого сочиненія вышли въ 1727—1728 годахъ. Нѣмецкіе переводы въ 1723, 1750 и 1652 г., англійскій въ 1725 г.

Пельгамъ и его товарищи, убивающіе медвѣдя.

Оставленіе китобойнаго судна, замершаго во льдахъ.

ВТОРОЕ ОТКРЫТІЕ ГРЕНЛАНДІИ И НОВЫЯ ПЛАВАНІЯ НА СЪВЕРО-ВОСТОКЪ.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО почти двѣ націи, англичане и нидерландцы, съ усердіемъ занимались раскрытіемъ тайнъ арктическаго пояса. Только изрѣдка и другіе народы принимали участіе въ этомъ великомъ дѣлѣ, между прочимъ и датчане, которые съ половины семнадцатаго вѣка приступили къ новымъ похвальнымъ предпріятіямъ. Они преимущественно заботились о вторичномъ открытіи Гренландіи, заселеніе которой предками ихъ, норманнами, еще живо сохранилось въ памяти жителей Скандинавіи, не смотря на то, что съ середины пятнадцатаго столѣтія прекратилось всякое сообщеніе Гренландіи съ образованнымъ міромъ. Изъ предыдущихъ главъ видно, что вторичное открытіе этого полярнаго материка было въ связи съ попытками, которыя были сдѣланы для открытія Сѣверо-западнаго прохода. Какъ извѣстно читателю, во время этихъ экспедицій, берега Гренландіи были неоднократно въ виду мореплавателей и ими посѣщаемы. Придерживаясь прекраснаго изображенія К. Мауера, дадимъ вкратцѣ общій обзоръ всего, что извѣстно въ этомъ отношеніи.

Уже въ началѣ XVI столѣтія король датскій Христіанъ II и въ особенности архіепископъ Эрикъ Валькендорфъ имѣли на-

иѣреніе вновь отыскать Гренландію, но проекты ихъ не осуществились. То же было съ какимъ-то частнымъ предпріятіемъ, которое имѣлось въ виду въ Норвегіи въ царствованіе короля Фридриха I (1523—1533), король Фридрихъ II (1559—1589) нѣсколько, было, серьезнѣе принялся за это дѣло, считая Гренландію сокровищницею своего государства. Нѣкто Кристіернъ Аалбергъ долженъ былъ отправиться на поиски; но состоялась-ли эта экспедиція—неизвѣстно. Затѣмъ входили въ переговоры съ какимъ-то русскимъ мореплавателемъ, Павломъ Нишецомъ изъ Колы, который, какъ будто-бы, зналъ путь въ Гренландію, но и о судьбѣ этого предпріятія ни какихъ дальнѣйшихъ слѣдовъ нѣтъ. Наконецъ, Англія указала путь, которымъ надлежало идти, чтобы отыскать эту страну. Во время всѣхъ трехъ своихъ плаваній, знаменитый Мартинъ Фробишеръ былъ въ виду южнаго берега Гренландіи. Онъ самъ полагалъ, что земля, которую онъ видитъ, Фрисландія братьевъ Зепо, и называлъ ее „Новою Англіею“. Въ Даніи, однако, давали большую цѣну этимъ открытіямъ: въ 1579 году была снаряжена новая экспедиція, во главѣ которой былъ поставленъ англичанинъ Джонъ Алдай, сопровождавшій Фробишера, и, по этому, знавшій, гдѣ нужно искать. Экспедиція эта, состоявшая изъ двухъ судовъ, была 26-го августа 1579 г. дѣйствительно въ виду Гренландіи, но ледъ помѣшалъ ей пристать къ берегу, и, послѣ тщетныхъ усилій и большихъ опасностей, она должна была вернуться. Была-ли эта экспедиція возобновлена въ слѣдующемъ году, объ этомъ нѣтъ ни какихъ слѣдовъ. Въ 1581 Могенсъ Гейнзень, уроженецъ Фэрерскихъ острововъ, норвежскаго впрочемъ происхожденія, поселившійся въ Бергенѣ, предпринялъ плаваніе на свой счетъ, но и ему удалось только подойти къ Гренландіи, или къ той землѣ, которую онъ считалъ Гренландіею, но не пристать къ ней. Мысль объ отысканіи Гренландіи болѣе созрѣла въ царствованіе Христіана IV (1588—1648); но опять-таки англичане только явились руководящею силою въ этомъ дѣлѣ. Уже во время перваго своего плаванія въ 1585 г. Джонъ Дэвисъ способствовалъ этому вторичному открытію Гренландіи, проплывъ по юго-западному ея берегу до 66° 33' сѣв. шир., что онъ повторилъ и въ слѣдующемъ году, а въ 1587 году онъ дошелъ до 72° 12' сѣв. шир. Его путешествія, составляющія эпоху въ исторіи землевѣдѣнія, дали и въ Даніи новый толчекъ дѣлу отысканія Гренландіи.

Соблазненный слухами объ этихъ открытіяхъ и блестящими скалами Гренландіи, содержащими, какъ полагали, неисчерпаемыя богатства благородныхъ металловъ, король Христіанъ рѣшился, наконецъ, снарядить экспедицію для изслѣдованія сѣвера. Подъ главнымъ начальствомъ шотландца Джона Куннингама, состояв-

шаго на датской службѣ, были отправлены въ апрѣлѣ 1605 года три корабля. На адмиральскомъ кораблѣ находился главнымъ лоцманомъ англичанинъ Джемсъ Галлъ, на второмъ кораблѣ „Кошка“ командиромъ былъ также англичанинъ Джонъ Нейтъ (John Knight), а третій, „Левъ“, состоялъ подъ командою датчанина Годске Линденова. 30-го мая всѣ три корабля были уже въ виду южной оконечности Гренландіи, которую, въ честь датскаго короля, назвали „Мысомъ Христіана“. Вскорѣ послѣ того, корабль „Левъ“ оказалъ сопротивленіе своему главному начальнику, и капитанъ его Линденовъ, вѣроятно по разногласію въ томъ, какой слѣдуетъ держать курсъ, отдѣлился 11-го іюня отъ судовъ остальной экспедиціи. Онъ не замедлилъ, отыскавъ удобный для стоянки заливъ, пристать къ берегу и войти въ миролюбивыя сношенія съ мѣстными жителями, вымѣнивая у нихъ тюленьи шкуры, моржевые и нарваловыя клыки на желѣзо, гвозди, ножи и т. п. предметы. При отплытіи онъ насильственно схватилъ двухъ эскимосовъ и, вмѣстѣ съ ними, возвратился 28-го іюля благополучно въ Копенгагенъ. Нужно полагать, что заливъ, въ которомъ онъ присталъ къ берегу, находился на восточной сторонѣ Гренландіи. Другіе два корабля въ это-же время, а именно 12-го іюня, также подошли къ берегу и бросили якорь подъ 66° 25' сѣв. шир. близъ нынѣшняго Гольстейнборга. Пока адмиральскій корабль здѣсь простоялъ, главный лоцманъ съ него Галлъ съ Нейтомъ обследовали на „Кошкѣ“ весь берегъ къ сѣверу до 69°, но отсюда взбунтовавшаяся команда заставила ихъ вернуться къ мѣсту стоянки адмиральскаго корабля. 10-го августа и эти суда вернулись въ Гельзингёръ, схвативъ съ собою также насильственно трехъ гренладцевъ.

За этимъ предпріятіемъ послѣдовало въ 1606 году другое, большихъ размѣровъ; къ прежнимъ тремъ судамъ прибавили еще два. Главное начальство на сей разъ было поручено Линденову, Галлъ пошелъ опять главнымъ лоцманомъ на адмиральскомъ кораблѣ, остальными судами командовали: Куннингамъ, норвежецъ Гансъ Брунъ, Андрей Нолькъ и голштинецъ Карстенъ Ричардсенъ ¹⁾. 27-го мая этотъ небольшой флотъ вышелъ изъ Гельзингёра, держалъ курсъ на мысъ Чидлей у Лабрадора, а затѣмъ подошелъ подъ 63° 45' сѣв. шир. къ Гренландіи. Здѣсь онъ былъ скорѣ окруженъ необычайными массами льда, изъ которыхъ ему удалось высвободиться съ величайшими затрудненіями. Подъ 64°

¹⁾ Джонъ Нейтъ вышелъ изъ датской службы и въ томъ же 1606 году поѣхалъ въ экспедицію, по порученію Московскаго общества. несчастный исходъ которой уже описанъ.

они увидѣли землю, которую считали за Америку. Вѣроятно это, было сѣвернѣе залива Фробешера, такъ какъ сильное теченіе съ запада заставило ихъ уклониться отъ принятаго курса. Подходя затѣмъ къ Гренландіи, они пристали къ берегу подъ $66^{\circ} 25'$ сѣв. шир. у устья какой-то рѣки. Тамъ они нашли стойбище эскимосовъ, Секанунга, изъ котораго они увезли насильственно пять человѣкъ и прибыли съ ними въ Копенгагенъ 5-го октября. Но такъ какъ вновь открытая страна отнюдь не соотвѣствовала тѣмъ ожиданіямъ, которыя о ней питали по описаніямъ древней Гренландіи, то и было рѣшено сдѣлать въ 1607 году еще послѣднюю попытку къ отысканію древняго „Эйстрибигдъ“. На этотъ разъ только два корабля были посланы подъ командою Карстена Ричардсена при лоцманѣ Джемсѣ Галлѣ. Вышедши 13-го мая 1607 года изъ Копенгагена, эти суда были 8-го іюня въ виду Гренландіи подъ 59° сѣв. шир., съ величайшимъ усиліемъ пробираясь черезъ льды вдоль восточнаго берега, достигли 63° сѣв. шир., но къ берегу не могли пристать. Команда воспротивилась дальнѣйшему плаванію къ сѣверу и заставила Ричардсена вернуться въ Исландію, а оттуда въ Копенгагенъ, безъ всякой пользы для дѣла. Въ этихъ путешествіяхъ между прочими участвовалъ англичанинъ Вильямъ Баффинъ, стяжавшій впослѣдствіи себѣ неуывдаемую славу.

Въ дѣлѣ открытія Гренландіи болѣе всѣхъ были дѣятельны англичане. Гудсонъ, какъ мы уже упомянули, дважды подходилъ въ 1607 году къ сѣверо-восточному берегу Гренландіи, а въ 1612 году вышеозванный Джемсъ Галль, поступивъ на службу какой-то англійской компаніи, предпринялъ четвертое путешествіе въ полярныя моря. Однимъ изъ его спутниковъ былъ опять Вильямъ Баффинъ, написавшій, по возвращеніи, отчетъ объ этомъ плаваніи, въ которомъ впервые излагался способъ опредѣленія географическихъ долготъ на морѣ посредствомъ наблюденія небесныхъ тѣлъ. Галль присталъ къ Гренландіи въ Рамельсфюрдѣ, который онъ назвалъ „Cockins Sound“, подъ $65^{\circ} 21'$ сѣв. шир. слѣдовательно близъ нынѣшней колоніи Суккертоппенъ; но здѣсь онъ былъ раненъ стрѣлою одного изъ эскимосовъ такъ опасно, что онъ 23-го іюля скончался. Принявшій послѣ него команду корабля предпочелъ вернуться въ Англію, не попытавшись даже проникнуть впередъ. Затѣмъ, въ 1616 году, послѣдовали извѣстныя намъ важныя открытія Билота и Баффина въ сѣверной части западнаго берега Гренландіи до 78° сѣв. шир., до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстной. И голландцы, около того-же времени, кажется, сдѣлали значительныя открытія въ Гренландіи и доходили, будто-бы, до 83° сѣв. шир. по восточному ея берегу. Нѣкоторые

голландскіе источники однако указываютъ, что восточная Гренландія была только извѣстна до 77° сѣв. шир. Одно вѣрно, какъ и полагаетъ Конрадъ Мауреръ, что восточный берегъ Гренландіи около середины и во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія былъ очень часто посѣщаемъ голландскими китоловами. Большая карта Гергарда-ванъ-Кейлена и другія голландскія карты тогдашняго времени показываютъ, что восточный берегъ Гренландіи отъ 70° до 80° былъ тогда извѣстенъ подъ названіемъ „Новой Гренландіи“, а въ ея предѣлахъ значатся: „t Land van Broer Ruys opgedaen anno 1655“; съ лежащимъ передъ этою землею островомъ Бонтекозъ. „Baey van Gale Hamkes opgedaen anno 1654, даѣе „t Land van Edam opgedaen anno 1655“, и еще сѣвернѣе „t Land van Lambert anno 1670“. Къ сожалѣнію объ экспедиціяхъ этихъ открывателей болѣе ничего не извѣстно.

Въ Даніи долго ни какихъ гренландскихъ экспедицій болѣе устроиваемо не было. Хотя, вскорѣ послѣ вышеупомянутыхъ плаваній и еще въ первой четверти семнадцатаго столѣтія, датчане и обратились къ китоловству и вообще къ арктическому рыболовству, и, въ силу этого, датскіе китоловы попадали также въ Гренландію; хотя даже въ 1636 году образовалась въ Копенгагенѣ Гренландская компанія, пользовавшаяся привилегіями отъ правительства, и отправившая, еще въ томъ-же году, два корабля въ Девисовъ проливъ, чтобы завести тамъ мѣновую торговлю съ обитателями Гренландіи; но для исторіи открытій эти плаванія не имѣли ни какого значенія. Только путешествія Давида Данеля, или де-Нелле вѣроятно нидерландца родомъ, имѣли нѣкоторую важность въ этомъ отношеніи. Главноуправляющій таможенными сборами въ Даніи Генрихъ Моллеръ получилъ 15-го апрѣля 1652 г. на тридцать лѣтъ привилегію на торговлю въ Гренландіи, отправилъ уже 8-го мая того-же года туда экспедицію, состоявшую изъ двухъ кораблей подъ командою Давида Данеля. 2-го іюня они были, въ виду восточнаго берега Гренландіи; но плавучіе льды мѣшали имъ пристать. На другой день подъ $64^{\circ} 50'$ сѣв. шир. увидѣли островъ, который назвали „Хридсаденъ“ (Hridsadlen); нѣсколько западнѣе отъ него лежалъ второй островъ, названный ими „Мастелѣстъ Скибъ“ (Mastelöst Skib), а 4-го іюня вошли въ проливъ между двумя островами, лежащими близъ материка, наконецъ 6-го числа были обследованы еще пять острововъ. Берегъ самаго материка не былъ видѣнъ; но замѣтно было, что онъ подъ 65° сѣв. шир. шелъ съ запада на востокъ, приблизиться же къ нему, а тѣмъ менѣе пристать къ нему, и въ слѣдующіе дни не представлялось никакой возможности. Поэтому Данель удовольствовался тѣмъ, что онъ самый сѣверный изъ видѣнныхъ имъ мысовъ, при-

мѣрно подь $65^{\circ} 30'$ сѣв. шир., назвалъ мысомъ короля Фридриха ¹⁾; за симъ онъ взялъ курсъ на югъ, чтобы войти въ Девисовъ проливъ, по которому онъ поднялся до $66^{\circ} 30'$. Здѣсь онъ вошелъ въ фіордъ, вѣроятно южнѣе Гольштейнборга, въ фіордъ Амертлоръ и, въ первый разъ послѣ отбытія изъ Даніи, бросилъ якорь въ бухтѣ, которую назвалъ „Моллерсгавнъ“. Входя въ торговыя сношенія съ мѣстными обитателями, экспедиція оставалась на западномъ берегу Гренландіи до 20-го іюля, послѣ чего Данель вновь сдѣлалъ попытку подойти къ восточному берегу. Тщетно держался онъ вдоль этого берега до $63^{\circ} 30'$ сѣв. шир. до тѣхъ поръ, пока ему больше ничего не оставалось, какъ вернуться назадъ. Побывавъ въ Шотландіи, Данель въ срединѣ сентября возвратился въ Гельзингерь.

Несравненно менѣе успѣшно было второе путешествіе Данеля на одномъ только кораблѣ. 16-го апрѣля 1653 г. вышелъ онъ изъ Копенгагена въ море, 4-го мая былъ уже въ виду Янъ-Майена, а 6-го проникъ въ примомъ направленіи по долготѣ Исландіи къ сѣверу до 73° сѣв. шир., слѣдовательно далеко сѣвернѣе Янъ-Майена. Если бы онъ съ этаго мѣста поплылъ прямо на западъ, то онъ наткнулся бы на ту часть Гренландіи, которая въ новѣйшее время была поприщемъ второй германской экспедиціи къ сѣверному полюсу. Но Данель взялъ курсъ на юго-западъ и на западъ-юго-западъ. 13-го іюня ему казалось, что онъ видитъ названный имъ мысъ короля Фридриха, за симъ онъ пошелъ вдоль берега до мыса Фарвель, не имѣя ни какой возможности къ нему пристать, изъ за-страшныхъ массъ льда. Послѣ краткаго посѣщенія западнаго берега Гренландіи, онъ и на этотъ разъ вернулся въ Данію безъ всякаго успѣха. 14-го марта 1654 г. Данель, наконецъ, предпринялъ свое третье и послѣднее плаваніе, о которомъ мы болѣе ничего не знаемъ, какъ только то, что онъ, огибая Исландію съ юга, пошелъ на сѣверо-западъ въ Девисовъ проливъ и, пробывъ около недѣли у береговъ Гренландіи, вернулся въ Давію съ двумя эскимосами, имъ тамъ схваченными.

Король Христіанъ V (1670—1699) отправилъ, въ первомъ-же году своего царствованія, капитана Отто Аксельсена въ Гренландію, который, въ томъ-же году, благополучно вернулся, но о результатѣ его плаванія болѣе ничего не извѣстно. Въ слѣдующемъ 1671 году его еще разъ туда посылали; но онъ погибъ безслѣдно, вмѣстѣ со своимъ кораблемъ и всею командою. Нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ изъ почетныхъ гражданъ Бергена, коммерціи совѣтникъ Георгій Тормеленнъ, рѣшилъ на собственный счетъ

¹⁾ Можетъ быть, нынѣшній мысъ „Данъ“.

отправить экспедицію, которая имѣла назначеніе не только обслѣдовать Гренландію, но и заселить ее. Янъ де-Бруэрсъ изъ Роттердама, голландскій штурманъ, бывшій 15 разъ въ Девисовомъ проливѣ, былъ избранъ начальникомъ этой экспедиціи; но едва успѣлъ онъ въ 1673 или 1674 году выйти изъ Бергена, какъ онъ былъ со своимъ кораблемъ схваченъ французскимъ крейсеромъ и отведенъ въ Дюнкиркенъ. Де-Бруэрсъ умеръ раньше, чѣмъ датское правительство успѣло настоять на его освобожденіи, и такимъ образомъ это предпріятіе кончилось въ самомъ своемъ зародышѣ. Болѣе полувѣка прошло до тѣхъ поръ, пока опять состоялось подобное предпріятіе, а когда оно состоялось, то уже при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ ¹⁾.

Хотя датчане и обратили свою дѣятельность преимущественно на Гренландію, но не исключительно. Извѣстно, что около времени экспедицій Данеля, со стороны датчанъ была также сдѣлана попытка къ отысканію сѣверо-восточнаго прохода около Новой Земли. Въ этомъ направленіи и съ этою-же цѣлію были во второй половинѣ XVII столѣтія еще нѣсколько предпріятій со стороны голландцевъ и англичанъ. Въ 1647 году датскій король Фридрихъ III основалъ торговое общество, которое въ 1653 г. послало три судна въ Ледовитый океанъ, „съ приказаніемъ обращать тщательное вниманіе на всѣ берега и въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ они приставали къ берегу, составлять подробные списки и описанія обо всемъ, что могло бы быть полезнымъ при подобныхъ плаваніяхъ“. Въ концѣ февраля эта экспедиція снялась съ якоря и направилась къ Новой Землѣ, гдѣ она пробыла 16 сутокъ, за тѣмъ прошла проливъ Вайгачъ и встрѣтила тамъ нѣсколькихъ мѣстныхъ обитателей плывшихъ на своихъ челнокахъ. Эти жители полярной области бѣгали очень быстро, бывъ одѣты въ шкурахъ пингвиновъ и другихъ животныхъ. Лодки ихъ были изъ тюленьихъ кожъ. На спинѣ они носили колчаны со стрѣлами и что-то въ родѣ топора, сдѣланное изъ китоваго уса. Эти жители не дозволяли себѣ входить въ какія либо сношенія съ прибывшими иностранцами и пренебрегали всякою пищею, всякимъ питьемъ европейцевъ ²⁾. Всѣ старанія пробраться далѣе на востокъ были безуспѣшны; поэтому экспедиція, заходя на обратномъ пути въ Исландію и Гренландію, вернулась въ Копенгагенъ. Къ сожалѣнію, французъ Пьеръ Мартэнъ Брузенъ-де-ла-Мартиньеръ является недостойнымъ составителемъ отчета объ этой экспедиціи. Онъ былъ случайно въ Копенгагенѣ, когда экспедиція сооружалась,

¹⁾ Конрадъ Мауреръ говоритъ о вторичномъ открытіи Гренландіи въ своемъ сочиненіи «Die Sammtliche deutsche Nordgefahrte», 1 ч. 1 отд. стр. 24°—262.

²⁾ Шпереръ. „Новая Земля“ стр. 22.

и получилъ разрѣшеніе короля присоединиться къ ней, въ качествѣ корабельнаго врача. Мартиньэръ путешествовалъ уже раньше въ Азіи и на западномъ берегу Африки, и былъ первымъ изъ французовъ, который напечаталъ отчетъ о полярной экспедиціи; но его рассказъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ путешествій и приключеній, которыя описываетъ господинъ Мюнхгаузенъ. Тѣмъ не менѣе, его описаніе вышло въ нѣсколькихъ изданіяхъ и было переведено на иностранныя языки.

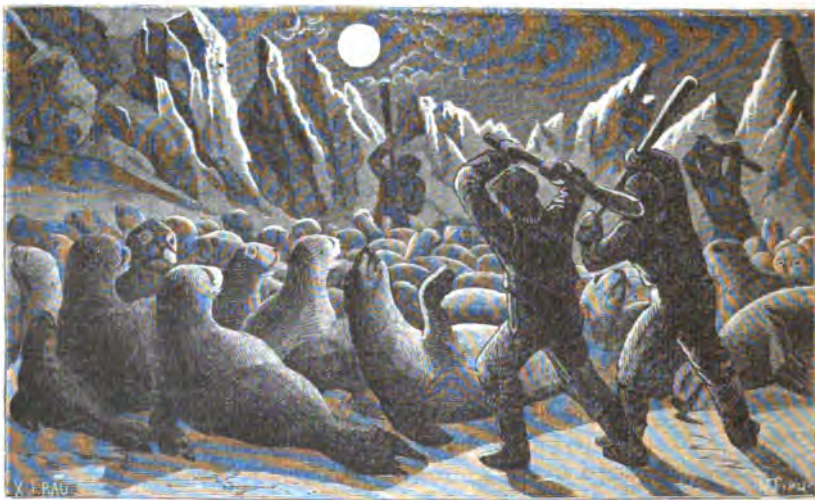
Гораздо важнѣе этой датской экспедиціи было плаваніе голландскаго китолова Виллема-де-Фламинга изъ восточнаго Фли-ланда, предпринятое въ 1664 г., хотя относительно этого плаванія, какъ и втораго, предпринятаго имъ въ 1688 г., возбуждено нѣкоторое сомнѣніе. Объ этихъ плаваніяхъ не существуетъ отчетовъ самаго Фламинга, а только позднѣйшіе рассказы бургомистра Витсена. Впрочемъ, имя Фламинга занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи открытія Австраліи. Витсенъ сообщаетъ, что надежда на болѣе обильную добычу побудила Фламинга изъ западной части Ледовитаго океана обратиться въ восточную, русскую часть этого моря. Подойдя къ Новой Землѣ и находя море свободнымъ отъ льдовъ, онъ пошелъ вдоль сѣвернаго берега, мимо мыса „Желанія“, до того мѣста, гдѣ перезимовалъ Барентсъ. Но онъ не присталъ къ берегу, поэтому и не видалъ зимняго жилища своего великаго соотечественника и предшественника. Отсюда онъ, взявъ курсъ на востокъ-юго-востокъ до 74° сѣв. шир. и былъ пораженъ, что въ Карскомъ морѣ не встрѣтилъ льдовъ. Хотя онъ, плавая въ юго-восточномъ направленіи, значительно приблизился къ Сибирскому берегу, однако онъ его не видалъ, а могъ только заключить, что татарскій материкъ (Сибирь) долженъ быть не особенно далеко. Это предположеніе Фламинга побудило Дирка-ванъ-Ниропа нанести на свою карту какую-то воображаемую землю, вслѣдствіе чего Новая Земля оказывается связанной съ Сибирью. По имени боцмана той экспедиціи, онъ назвалъ эту мѣстность землею „Элмеръ“, и, нанося ее на карты, многихъ вводилъ въ заблужденіе. Въ настоящее время названіе это въ различныхъ видоизмѣненіяхъ (Элмеръ, Элмертъ, Ялмакъ, Ямалъ) присвоено самоѣдскому полуострову, лежащему между Карскимъ моремъ и Обскою губою. Въ 1688 году Фламингъ, какъ мы уже упомянули, предпринялъ второе плаваніе къ Новой Землѣ. Море, хотя и не было покрыто льдомъ, но погода стояла бурная и пасмурная. Въ этотъ разъ онъ не только былъ на Костиномъ Шарѣ, но даже открылъ до тѣхъ поръ никому неизвѣстный Маточкинъ Шаръ, какъ явствуетъ изъ того описанія, будто онъ между Сухимъ Носомъ (Лангенезъ) и Большимъ заливомъ (Groote Bay) поднялся на высокую гору, съ

которой былъ видѣнъ довольно широкій, по длинѣ необозримый, проливъ.

За нѣсколько лѣтъ до втораго плаванія Фламинга, другой голландскій морякъ-китоловъ Корнелисъ Сноббеггеръ былъ въ 1675 году на Новой Землѣ и нашелъ въ горахъ подъ $73^{\circ} 30'$ сѣв. шир. блестящіе камни, содержащіе, по его мнѣнію, серебро. Онъ принялъ въ свой корабль грузъ этого камня и съ радостнымъ сердцемъ возвратился на родину; но содержаніе серебра въ этихъ камняхъ оказалось до того ничтожнымъ, что оно не оплачивало расходовъ на выплавку.

Около этого времени въ Англіи опять принялись за отыскиваніе Сѣверо-восточнаго прохода, послѣ того, какъ всѣ попытки къ открытію Сѣверо-западнаго прохода остались безъ успѣха. Извѣстіе объ открытомъ полярномъ морѣ безъ льда, объ успѣшныхъ плаваніяхъ голландцевъ на дальнія разстоянія по ту сторону Новой Земли и собственное твердое убѣжденіе, выработанное самостоятельнымъ размышленіемъ, побудили дѣльнаго и опытнаго капитана королевскаго флота Джона Вуда, всею душою заняться этимъ дѣломъ. Подъ начальствомъ сэра Джона Нарборука, Вудъ участвовалъ въ позорномъ плаваніи корабля „Свиѣстѣкса“ (Sweepstakes) въ Патагонію и Чили, и, по возвращеніи, напечаталъ ѣдкій памфлетъ объ этой экспедиціи. Въ 1676 г. онъ вручилъ королю Карлу II и его брату герцогу Йоркскому (впослѣдствіи Яковъ II), въ высшей степени содѣйствовавшему процвѣтанію англійскаго мореходства, свою записку, въ которой излагалъ проектъ отысканія Сѣверо-восточнаго прохода, подкрѣпляя все фактическими доводами. Между прочимъ онъ основалъ свой проектъ на слѣдующихъ доводахъ: во первыхъ опытные голландскіе моряки Рипъ и Барентсъ постоянно увѣряли, что если держаться отъ Нордкапа на сѣверо-востокъ, на равномъ разстояніи между Шнидбергенемъ и Новою Землею, то всегда можно плыть не встрѣчая льдовъ. Это предположеніе было основано на томъ повѣрїи прежнихъ моряковъ, что ледъ можетъ образоваться только около береговъ. Повторялъ Генри Гамель, въ своемъ описаніи времени, проведеннаго имъ въ Корейскомъ плѣну, рассказываетъ, что въ Татарскомъ морѣ киты попадаютъ съ европейскими гарпунами. Далѣе, онъ основывается на нелѣпныхъ показаніяхъ различныхъ голландскихъ китолововъ о достигнутыхъ ими широтахъ, которыя, какъ мы уже упоминали, не заслуживаютъ ни какого довѣрія. Наконецъ, Вудъ приводитъ что подобное плаваніе должно быть непременно предпринято для чести корабля, для пользы отечества и чтобы его избавить отъ бездѣлья, которое онъ ненавидитъ. Всѣ эти доводы казались тогдашнему секретарю адмиралтейства Самуилу Пепису безусловно

неопровержимыми, и Вудъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что проектъ его былъ принятъ и повелѣно его исполнить. Король назначилъ въ его распоряженіе фрегатъ „Спидвелъ“, а герцога Іорскій, вмѣстѣ съ другими англійскими лордами, купилъ пинку „Просперусъ“, которая, подѣ командою капитана Вильяма Флауэса должна была сопровождать „Спидвелъ“. Гренвилль Коллинсъ, старый товарищ Вуда, былъ назначенъ корабельнымъ мастеромъ (старшимъ лейтенантомъ) на „Спидвелъ“. Оба корабля были снабжены всѣмъ необходимымъ на 16 мѣсяцевъ. 16-го мая 1676 года вышли они изъ Темзы, обогнули 19-го іюня Нордкапъ, и за симъ взяли курсъ на сѣверо-востокъ. 22-го числа подѣ 75° 35' сѣв. шир. и 39° 48' вост. долг. отъ Гринвича, показалась сплошная масса льда, простирающаяся отъ запада сѣверо-запада на востокъ-юго-востокъ. Четыре дня они плыли по краю этого льда въ восточномъ направленіи, изслѣдовали каждую прогалину и, наконецъ, убѣдились, что находятся передъ сплошнымъ, непрерывнымъ, непроницаемымъ

Охота на тюленей въ Гренландіи.

ледянымъ валомъ необозримаго размѣра. 26-го числа вечеромъ показался на горизонтѣ высокій, снѣгомъ покрытый, берегъ Новой Земли, а на другой день оказалось, что ледяной валъ непосредственно прилегаетъ къ этому острову. Въ ожиданіи измѣненія положенія льда, суда стали лавировать, чтобы удержать свое мѣсто. При этомъ „Спидвелъ“ 29-го іюня вечеромъ въ 11 часовъ попалъ на рифъ и потерпѣлъ крушеніе. Вудъ со своею командою спасся

на лодкахъ, высадившись на берегъ; но положеніе ихъ было безнадёжно. Просперуса не видать было, и они опасались, что онъ или также погибъ, или, что, при туманной погодѣ, ему невозможно будетъ ихъ найти. Маленькая шлюпка, едва поднимавшая 20 человекъ, ни въ какомъ случаѣ не могла принять 70 человекъ потерпѣвшихъ крушеніе. Такъ прошли 10 дней въ мучительной неизвѣстности, наконецъ, 8-го іюля, малая пинка показалась на горизонтѣ. Флауэсъ, замѣтивъ сигналъ опасности Вуда, пришелъ на помощь, принявъ всѣхъ къ себѣ на бортъ и благополучно возвратился въ Англію 24-го августа.

Печальный исходъ этого предпріятія былъ причиною, что Вудъ изъ ревностныхъ защитниковъ возможности Сѣверо-восточнаго прохода сдѣлался его непримиримымъ противникомъ. Онъ увѣрялъ, что Шпицбергенъ и Новая Земля—одинъ неразрывный материкъ, что омывающее ихъ море покрыто вѣчнымъ льдомъ, что всѣ рассказы голландцевъ и англичанъ о моряхъ на крайнемъ сѣверѣ безъ льда, чистая выдумка ¹⁾. Вмѣстѣ съ этою неудачною попыткою прекратились на долгое время всѣ плаванія на сѣверо-востокъ.

---

¹⁾ Шнереръ. „Новая Земля“, стр. 23—24.

Ермакъ Тимофеевичъ переходитъ рѣку Тоболъ.

РУССКІЕ НА ПОХОДѢ ЧЕРЕЗЪ СИБИРЬ.

Въ безуспѣшномъ плаваніемъ Вуда оканчивается въ исторіи отысканія Сѣверо-восточнаго прохода какъ и вообще полярныхъ открытій, первый періодъ ихъ, имѣвшій характеръ торговыхъ, болѣе или менѣе случайныхъ, предпріятій. Мы уже показали, какою глубокою благодарностью наука землеѣдѣнія обязана этимъ предпріятіямъ, но съ тѣмъ болѣшимъ уваженіемъ должны мы относиться къ политико-научнымъ экспедиціямъ, которыя послѣ этого начались. Представителями этихъ экспедицій, предпринимаемыхъ съ двойною цѣлью, — политическою и научною, являются русскіе, которые въ то время силились занимать мѣста среди европейскихъ народовъ. Почти исключительно русскіе, до половины девятнадцатаго столѣтія, дѣлали многочисленныя и величественныя усилія въ видахъ изслѣдованія сѣвернаго побережья Азіи и открытія морскихъ сообщеній. Напряженная дѣятельность и труды русскихъ въ этомъ отношеніи, которые до сихъ поръ обыкновенно такъ мало оцѣнивались, точно такъ же, какъ принято и въ образованнѣйшихъ кругахъ Запада считать русскихъ народомъ азіатско-варварскимъ, займутъ одну изъ главнѣйшихъ и интереснѣйшихъ главъ въ исторіи полярныхъ изслѣдованій. Но, для полнаго уразумѣнія этого, необходимо бросить

взглядъ на ходъ распространенія русскаго владычества въ Азіи. Въ основаніи этого изложенія и слѣдующихъ отдѣловъ лежатъ съ нѣкоторыми лишь измѣненіями и дополненіями прекрасныя рукописныя наброски моего покойнаго друга д-ра И. Г. Коля, который незадолго до смерти предоставилъ ихъ въ мое распоряженіе ¹⁾. Въ началѣ XVIII столѣтія уже почти всѣ народы Европы имѣли свою долю участія въ дѣлѣ открытія Америки, отъ всѣхъ были основаны колоніи на Новомъ свѣтѣ. Но истиннымъ чудомъ представляется, что наконецъ и русскіе добрались до Америки, такъ какъ они занимаютъ самыя отдаленныя восточныя окраины нашей части свѣта и не могли пользоваться всемірными путями морскаго сообщенія. Изъ числа всѣхъ европейцевъ русскіе только по прямой линіи болѣе всего отдалены отъ главной массы Американскаго материка — (меридіанъ, проведенный черезъ середину сѣверной Америки, идетъ также черезъ середину Европейской Россіи) — но, повидимому, были даже навсегда отдѣлены отъ Новаго Свѣта неизмѣримыми пространствами пустынныхъ земель. Тѣмъ не мѣнѣе, предприимчивые русскіе казаки нашли путь въ Америку, не взирая на безконечныя пустыни Сибири, и совершенно самостоятельно и своеобразно открыли эту новую часть свѣта. Всѣмъ остальнымъ народамъ Европы Колумбъ открылъ путь въ Америку, съ предпріятіями-же русскихъ плаваніе Колумба не имѣетъ почти ничего общаго. Всѣ народы Европы, поднявъ парусъ, достигали Америки путемъ морскаго сообщенія. Русскіе, верхомъ на конѣ, дошли туда-же сухопутно; они совершили кругосвѣтную верховую, поѣздку. Всѣ другіе народы шли съ востока, вмѣстѣ съ солнцемъ, на западъ. Русскіе-же шли съ запада на востокъ и ихъ переселеніе составляетъ противоположность общему движенію цивилизаціи и колонизаціи, шедшему изъ южной Азіи на западъ, черезъ Ев-

¹⁾ При посѣщеніи моемъ въ іюль 1877 года д-ра И. Г. Коля въ Бременѣ между прочимъ въ разговорѣ обнаружилось, что и этотъ, нынѣ уже умершій, ученый имѣлъ давно уже намѣреніе написать пространную исторію полярныхъ путешествій и съ этою цѣлью собралъ уже много матеріаловъ. Къ сожалѣнію, его преклонные года не позволили ему, какъ онъ говорилъ, исполнить свое намѣреніе. При этомъ онъ изъявилъ готовность уступить мнѣ, какъ подвизающемуся на томъ-же поприщѣ, всѣ свои рукописи для опубликованія ихъ въ издаваемыхъ подъ моею редакціею «Ausland». Велѣдствіе этого я получилъ отъ него, черезъ нѣсколько времени, прекрасное описаніе путешествій Фробинера и предлагающія здѣсь главы объ открытіяхъ русскихъ въ полярной области. Первое я могъ напечатать лѣтомъ 1878 г. въ «Ausland», а вторыя оказались слишкомъ объемистыми для періодическаго изданія. Д-ръ Коля скончался въ своемъ родномъ городѣ 27-го октября 1878 г. Въ интересахъ науки, нельзя не пожалѣть въ высшей степени, что д-ру Колю не суждено было осуществлять свои мысли объ изданіи полярныхъ путешествій въ томъ видѣ, какъ указываютъ его рукописи.

ропу, въ Америку. Необычайно быстрымъ завоевательнымъ походомъ они пробираются черезъ весь сѣверъ Азіи, приходятъ къ берегамъ Тихаго океана, и тамъ у нихъ является свой собственный Колумбъ, который, во имя Россіи, пріобрѣтаетъ право владѣнія сѣверо-западною Америкою. Русскимъ принадлежитъ та заслуга, что они первые разрѣшили вопросъ, такъ долго занимавшій мореплавателей и географовъ Европы,—вопросъ о томъ, какимъ образомъ и въ какомъ видѣ двѣ величайшія части земной поверхности или соединены между собою, или-же другъ отъ друга отдѣлены.

Завоевательное движеніе русскихъ и казаковъ, послужившее основаніемъ къ величайшимъ открытіямъ и доведшее ихъ до Тихаго океана, началось съ береговъ Чернаго и Каспійскаго морей. Замѣчательно, что и въ этомъ случаѣ, подобно тому какъ въ Испаніи и въ Португаліи, первымъ толчкомъ къ открытіямъ и движеніямъ послужила борьба христіанства съ исламомъ. Около середины шестнадцатаго столѣтія, послѣ завоеванія татарскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, Россійское государство уже занимало довольно обширное пространство. На востокъ оно имѣло границею Уральскій хребетъ, отдѣляющій Европу отъ Азіи. Эти высоты долгое время представляли Пиренеи Россіи. Первый шагъ къ переходу черезъ этотъ хребетъ сдѣлали предприимчивые предки нынѣшней знаменитой русской фамиліи графовъ Строгановыхъ¹⁾; нѣкто Аника Строгановъ, который считался родоначальникомъ этого семейства, устроилъ на Уралѣ, въ землѣ Зырянъ, солеварни; къ нему приходили жители Востока, чтобы вымѣнять соль за драгоцѣнный пушной товаръ. Этотъ пушной товаръ, въ особенности шкурки маленькаго, почти только въ Сибири водящагося, соболя, составляли приманку для жителей Европейской Россіи, побудившую ихъ перейти черезъ Уралъ и распространить свою дѣятельность постепенно по всему сѣверу Азіи. Все завоеваніе Сибири можно бы назвать столѣтнею охотою за соболями, простиравшеюся на цѣлую половину земнаго пояса. Аника Строгановъ посылалъ своихъ людей за Уралъ для закупки соболей, и, мирно торгуя, они еще во время пребыванія Герберштейна въ Россіи доходили до Оби. Такъ какъ Строгановы своими торговыми оборотами приносили огромную пользу государству, то цари награждали ихъ обширными пространствами

¹⁾ Строгановы были тогда именитые купцы, происшедшіе отъ крещенаго мурзы Золотой орды Спиридона, научившаго русскихъ употребленію счетныхъ досокъ. Рассказываютъ, будто озлобленные противъ него туземцы, поймавъ его въ одномъ сраженіи, строгали его до смерти, вслѣдствіе чего сынъ и былъ названъ «Строгановымъ».

земли по Камѣ и Уралу, которыя они заселяли и, владѣя ими, сдѣлались вліятельными вельможами Россійской Имперіи.

Къ одному изъ внуковъ перваго Строганова явился въ 1578 году казачій гетманъ Ермакъ Тимофеевичъ, который со своими казаками велъ на югѣ Россіи бродячую и разбойничью жизнь, а теперь, преслѣдуемый за это царемъ Иваномъ Васильевичемъ, долженъ былъ искать себѣ убѣжища. Ермакъ имѣлъ при себѣ нѣсколько тысячъ казаковъ ¹⁾ всадниковъ. Оказавшій ему гостепріимство Строгановъ, желая избавиться отъ этой разбойничьей шайки, рассказывалъ имъ о богатствѣ земель на востокѣ и объ изобиліи рыбъ въ широкихъ рѣкахъ этой страны. Ермакъ съ товарищами, вслѣдствіе этого, отправились въ 1578 же году по долину рѣки Чусовой до Урала и, перешедъ черезъ него, дошли по теченію же рѣкъ до Оби. Тамъ они встрѣтили небольшое татарское царство, такой-же обломокъ великой Чингисъ-хановой монархіи, какъ въ Европѣ были царства Казанское и Астраханское. Тогдашній ханъ Кучумъ имѣлъ пребываніе въ своемъ главномъ станѣ Искеръ (по-русски Сибирь) въ самомъ центрѣ области рѣки Оби, въ томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи быстро расцвѣлъ главный городъ Сибири, Тобольскъ, на берегу рѣки Иртыша и впаденія въ него Тобола.

У татаръ давно уже выдохся тотъ всепорабощающій духъ, который внушили имъ Чингисъ-ханъ и Тамерланъ. Ихъ маленькія государства, занимавшіяся скотоводствомъ, охотою и торговлею, существовали только потому, что не встрѣчали сильнѣйшихъ враговъ. Казаки, напротивъ, въ то время были именно въ полномъ цвѣтѣ, въ полной силѣ своего народнаго развитія; они являлись, такъ сказать, воспріимчивыми, свѣжими учениками татаръ, противъ которыхъ они служили у русскихъ авангардомъ. Въ особенности, казаки Ермака, вынужденные покидать свою родину, преслѣдуемые гнѣвомъ русскаго царя, были проникнуты духомъ безумной отваги и отчаянія. Погрязшіе въ злодѣяніяхъ, они не должны были ждать себѣ пощады дома, и однажды перешедши за Уралъ, имъ оставалось только или побѣдить или умереть. По этому они напали съ необычайною храбростію на сибирскихъ татаръ и завоевали, послѣ многихъ стычекъ и одной рѣшительной битвы 23-го октября 1581 г., главный городъ ихъ Сибирь (Искеръ), въ которомъ Ермакъ, послѣ трехлѣтняго странствованія, укрѣпился какъ владыка и господинъ. Но такъ какъ отъ сраженій, напряженій и лишеній небольшая горсть преданныхъ ему людей значительно сократилась и поэтому онъ съ одной стороны видѣлъ, что онъ

¹⁾ Насколько позволяютъ заключить данныя нашей русской исторіи, и всего-то было 840 человекъ—татаръ, русскихъ, литовцевъ и нѣмцевъ (пѣльнскихъ).

Примѣч. Перевод.

при такомъ маломъ составѣ войска не удержится въ своихъ новыхъ владѣніяхъ; съ другой стороны надѣясь, что его достохвальныя и многообъщающія дѣянія заслужатъ ему прощенье и помилованіе въ своемъ отечествѣ, онъ послалъ къ царю гонца съ богатымъ выборомъ собольихъ шкурокъ, чтобы повергнуть къ стопамъ великаго государя завоеванное имъ Сибирское царство Кучумъ-хана, прося назначить его намѣстникомъ этихъ новыхъ владѣній и прислать въ подкрѣпленіе свѣжія войска. На все это послѣдовало милостивое утвержденіе, и такимъ образомъ Россія вступила на путь открытій и завоеваній въ сѣверной Азіи, на которомъ она постепенно дошла до Китая, до Тихаго океана, до Америки.

Названіе „Сибирь“, которое первоначально принадлежало только одному городу съ небольшимъ княжествомъ на Иртышѣ, постепенно распространялось по мѣрѣ новыхъ завоеваній и завладѣній черезъ весь край, такъ что нынѣ имъ обозначается половина всей Азіи. Не смотря на свою обширность, Сибирь представляетъ необыкновенно однообразный и однородностью своихъ условій недѣлимый въ историческомъ и географическомъ отношеніи край. Границы Сибири составляютъ на сѣверѣ Ледовитый океанъ, на западѣ Уральскій хребетъ, на югѣ колоссальныя горныя хребты Средней Азіи и на востокѣ Тихій океанъ. Внутри этихъ границъ Сибирь представляетъ громадную равнину, простирающуюся съ запада на востокъ, только на югѣ мѣстами пересѣченную горными отрогами; вездѣ тѣ же произведенія, тѣ же явленія царствъ животнаго и растительнаго. Для внутреннихъ сношеній вездѣ и всюду тѣ же удобства, тѣ же затрудненія. Въ большей западной половинѣ этого гигантскаго края, нигдѣ не возвышаются значительныя горныя хребты, которые могли бы служить препятствіемъ для сообщеній. Напротивъ, вся она пересѣчена множествомъ громадныхъ рѣкъ, принадлежащихъ къ числу наибольшихъ въ мірѣ и представляющихъ цѣлую сеть удобнѣйшихъ водяныхъ сообщеній. Всѣ эти рѣки лѣтомъ судоходны, большою частью безъ пороговъ; истоки и притоки ихъ такъ близко сходятся, что между ними остаются только узкіе перевалы, небольшіе судоходные переходы, называемые „волоками“. Переваливая черезъ эти волоки, путешественникъ переходитъ изъ одной громадной области въ другую, представляющую, въ свою очередь, всѣ удобства для обширнѣйшаго судоходства. „Такимъ образомъ, говоритъ Пешель, сама природа устроила для удобства завоевателей такое сплетеніе рѣкъ, которое связывало Обь съ Тихимъ океаномъ“. Во всемъ Старомъ свѣтѣ едва-ли можно указать еще на какую либо мѣстность, гдѣ бы представлялось такое же развѣтвленіе, такая же величественная сеть судоходныхъ рѣкъ, какъ въ Сибири. Такъ какъ качества

Мисъ Фнгелл, самый Сѣверный пунктъ Пайере на землѣ Императора Юсифа.

этихъ рѣкъ вполнѣ однородны въ томъ отношеніи, что онѣ всѣ вытекаютъ изъ Средней Азіи, всѣ, протекая по сѣвернымъ тундрамъ, вливаются въ Ледовитый океанъ, то къ нимъ примѣняется совершенно однообразный способъ плаванія. По всей Сибири одинаковая форма судовъ. Во всемъ краѣ по мѣстностямъ могутъ быть употреблены одни и тѣ же сани, одни и тѣ же перевозочныя средства, однородный рабочій скотъ для тяги и верховой ѣзды. Народы всей Сибири, хотя они и различныхъ племенъ и говорятъ различными языками, также не менѣе искони обнаруживали величайшую однообразность нравовъ, обычаевъ и экономическихъ условий. Открывателю или завоевателю не приходилось тамъ изучать чуждыхъ ему культурныхъ условий или познакомиться съ новыми приемами искусства. Вездѣ встрѣчались одни и тѣ же. полукочевые народы, совершающіе свои передвиженія или на оленяхъ, или на собакахъ, запряженныхъ въ сани, или верхомъ на лошадяхъ или въ байдарахъ (маленькихъ лодочкахъ) по теченію рѣкъ. По этому и понятно, вполнѣ естественно, что сильнѣйшій завоеватель, однажды перешедшій съ запада черезъ Уралъ, долженъ былъ все захватить, передвигаясь постепенно отъ одной рѣки къ другой, и не могъ раньше остановиться, пока не завладѣетъ всѣмъ, что находилось на пространствѣ, заключенномъ между горными хребтами съ юга, льдами, съ сѣвера и Тихимъ Океаномъ съ востока.

Казаки, дѣйствительно, явились таковыми сильнѣйшими завоевателями по отношенію сибирскимъ народамъ и, такъ сказать, были рождены и воспитаны для покоренія Сибири. Собственная ихъ европейская родина, гдѣ они выросли, во многихъ отношеніяхъ была похожа на Сибирскій край: та же равнина, та же обширная, холодная, покрывающаяся зимою снѣгомъ степь, та же громадная сѣть рѣчныхъ сообщеній, съ древнѣйшихъ временъ тѣ же способы передвиженія по рѣкамъ и сушѣ. Съ единственнымъ своимъ орудіемъ, топоромъ, казакъ до сихъ поръ строитъ свой домъ, даже украшаетъ его. Казаки привыкли совершать свои походы то верхомъ на лошадяхъ, то въ лодкахъ, дѣлаться изъ ловкихъ всадниковъ неутомимыми гребцами и на оборотъ: изъ гребцовъ—всадниками. На своихъ утлыхъ судахъ они издавна предпринимали смѣлые походы вверхъ и внизъ по рѣкамъ, даже переходили по бурному Черному морю въ Малую Азію и въ Царь-градъ. И порода ихъ степныхъ лошадей въ южной Россіи была, какъ будто, создана для завоеванія Сибири. Ихъ лошадки легки и быстры, какъ это требуется для такихъ необозримыхъ пространствъ, гдѣ должны были совершаться огромные переходы, и гдѣ разстоянія между привалами

1) Пешель «Geschichte der Entdeckungen», стр. 134.

громадны. Лошади эти, привыкшія, какъ сами казаки, переносить голодъ и жажду, холодъ и жару—словомъ лишенія и затрудненія всѣхъ родовъ, умѣютъ добывать себѣ травку изъ-подъ снѣга, а гдѣ и травы не было, онѣ ѣдали рыбу, какъ бѣлые медвѣди.

Знакомство съ европейскими способами вооруженія, съ металлическими ружьями, съ пороховъ и свинцомъ, давало болѣе всего казакамъ огромный перевѣсъ передъ коренными жителями Сибири. Тунгусы, якуты и монголы относительно военнаго вооруженія были еще въ положеніи воиновъ Тымуръ-бега: они имѣли только лукъ и стрѣлы; многіе, подобно американскимъ индѣйцамъ, не знали даже желѣза. Казаки возили съ собою небольшія пушки или мортиры, изрыгающія огонь и гибель и наводившія на кочующихъ сибиряковъ такой же панической страхъ, какъ пушечная стрѣльба на жителей Мексики, при завоеваніи испанцами.

Какъ физическія качества и условія воспитанія казаковъ вполне соответствовали требованіямъ походной жизни, такъ и ихъ политическіе нравы и обычаи въ высшей степени были пригодны для такого рода предпріятія. Сибирь была обитаема множествомъ, такъ сказать, отдѣльно живущихъ людей, множествомъ маленькихъ разбросанныхъ племенъ и колѣнъ. Приходилось съ перваго начала раздроблять завоевывающія силы, всюду нужно было посылать ничтожные отряды, горсть воиновъ должна была покорять цѣлыя племена и держать ихъ въ повиновеніи. Поэтому не было надобности въ строго дисциплинированномъ, въ большомъ, привыкшемъ къ строю, войскѣ, а требовались подвижные, ловкіе, самостоятельно умѣющіе дѣйствовать, отдѣльные, такъ сказать, раздробляемые отряды, дружины.

У казаковъ, каковое названіе первоначально обозначало „вольныхъ людей“, искони водилось самоуправленіе. По рожденію всѣ они были равны, какъ это водится между разбойниками. Совѣщанія были общія и, въ присутствіи всѣхъ, всякій имѣлъ право свободно высказывать свое мнѣніе. Вожди ихъ, гетманы и сотники, были выборные и, они имъ повиновались, если приказанія ихъ клонились къ общему благу. Но случалось, что они мѣняли своихъ начальниковъ и, вмѣсто нихъ, выбирали другихъ. Такимъ образомъ всякій могъ быть, смотря по обстоятельствамъ, и начальникомъ, и подчиненнымъ. Такъ встрѣчается, что простой казакъ стоитъ во главѣ дружины или большаго отряда, или же въ качествѣ посланника посылается къ монгольскимъ или тунгусскимъ князькамъ, даже къ Китайскому императору для исполненія дипломатическихъ порученій.

Первая рѣка, до которой дошли казаки, былъ Тоболъ, составляющій стокъ всѣхъ водъ, текущихъ съ восточнаго склона южнаго и средняго Урала. У впаденія этой рѣки въ Иртышъ, близъ за-

воеваннаго татарами города Искеръ, Ермакъ со своими ратниками выстроилъ въ 1587 г. первую крѣпостцу („острогъ“),—который постепенно, съ прибавленіемъ новыхъ пришельцевъ, возросла до размѣровъ значительнаго городка Тобольска, сдѣлавшагося сборнымъ мѣстомъ стремившихся въ Сибирь переселенцевъ, исходною точкою своихъ дальнѣйшихъ предпріятій; главнымъ городомъ Тобольской области и центромъ вновь устроеннаго тамъ мѣстнаго управленія. Съ самаго начала движенія казаковъ и русскихъ на Востокъ совершалось поперекъ всей Сибири, по срединѣ ея, на равномъ разстояніи отъ гигантскихъ горныхъ хребтовъ, на югѣ лежащихъ. и отъ непривѣтливыхъ болотъ, мерзлыхъ тундръ и ледяныхъ массъ сѣвернаго океана. По этой линіи, пересекающей поперекъ области всѣхъ громадныхъ рѣкъ Сибири, гдѣ тянется главный путь сообщенія всего края, и были основаны восточнѣе Тобольска главнѣйшія поселенія, впослѣдствіи города: Томскъ въ 1604 г. и Енисейскъ на берегу рѣки Енисея въ 1619 г., а затѣмъ другіе еще восточнѣе. Эти мѣста заселенія послѣдовательно выросли одно изъ другаго, какъ отпрыски и шишки сосны; для каждой послѣдующей рѣчной области предыдущая служила точкою опоры при дальнѣйшихъ предпріятіяхъ. Всякій разъ, когда всепокоряющая, переливающаяся волна казаковъ доходила до какой либо изъ большихъ рѣкъ, она тамъ на время останавливалась, укрѣплялась, выстраивая остроги, и водворяла управленіе вновь пріобрѣтенною областью. Тамъ строились новыя лодки, оттуда они обследовали рѣку, вверхъ и внизъ по теченію, до Ледовитаго океана и основывали у устьевъ ея притоковъ новыя острожки и пристанища; но въ нихъ дѣятельность никогда не развивалась до той степени, какъ въ коренныхъ городахъ, потому что чѣмъ болѣе къ Ледовитому морю, тѣмъ менѣе мѣстныя климатическія условія привлекали туда переселенцевъ и тѣмъ менѣе представлялось возможности къ прибыльнымъ торговымъ оборотамъ. Тѣмъ не менѣе, разоблаченіе тайнъ Ледовитаго океана шло отчасти тѣмъ же шагомъ, которымъ двигалось занятіе и заселеніе болѣе южныхъ странъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ послѣдняго достопамятнаго плаванія Барентса, а именно въ 1600 году, была основана Старо-Мангазея на берегу устья рѣки Таза, куда приходили на судахъ съ Оби и даже изъ Карской губы, гдѣ на Самоѣдскомъ полуостровѣ было устроено складочное мѣсто. Когда это торговое сообщеніе, во избѣжаніе ввоза запрещенныхъ товаровъ, было закрыто, то въ 1624 году возникла у устья Ентсея, или, точнѣе сказать, на берегу Турухи, Новая Мангазея, или Туруханскъ. Еще въ 1610 году небольшой отрядъ казаковъ спустился внизъ по Енисею до Ледовитаго океана и, находя, при благопріятствующей погодѣ въ лучшее время года,

море совершенно свободнымъ отъ льдовъ, доплылъ до устьевъ рѣки Пясины. Въ то время, какъ одинъ отрядъ обезпечивалъ такимъ образомъ за собою владѣніе данною рѣчною областью и облагалъ всѣхъ остяковъ, самоѣдовъ, тунгусовъ, якутовъ и другія народности опредѣленною данью, (ясакомъ,) другой уже переходилъ черезъ кратчайшій волокъ въ ближайшую рѣчную область, еще не початую, но представляющую новое обширное поприще для охоты и соболяго промысла.

Казаки хотя и сами являются легкимъ, подвижнымъ войскомъ, но имъ предшествовалъ постоянно еще легчайшій, летучій авангардъ, такъ называемые „промышленники“. Такъ называли себя тѣ охотники, которые самостоятельно, на свой страхъ, безотчетно занимались звѣринымъ промысломъ, проникая въ лѣса и болота даже разныхъ казачьихъ отрядовъ, всегда впереди ихъ. Всѣ новыя открытія въ Сибирскихъ областяхъ всегда исходили отъ промышленниковъ; они доставляли всегда послѣднія и новѣйшія свѣдѣнія обо всемъ, что заслуживало вниманія, обо всемъ, что происходило. Отъ нихъ воеводы и гетманы казаковъ получали необходимыя свѣдѣнія, когда собирались въ новый походъ, они собственно служили войску казачьему и покорителямъ Сибири путеводителями ¹⁾).

Описаннымъ выше путемъ и способомъ казаки открыли послѣ Оби величайшую изъ Сибирскихъ рѣкъ, Енисей, раздѣляющій всю Сибирь на двѣ части: на западную и восточную. Здѣсь они услышали въ началѣ XVII столѣтія еще о какой-то громадной рѣкѣ на востокѣ, о Ленѣ. Весною 1628 г. десять казаковъ подвизали свои лыжи и перебѣжали подъ предводительствомъ своего десятника Василия Бугра черезъ волокъ въ эту новую рѣчную область ²⁾). Прибывъ къ главному руслу, они построили лодку и спустились внизъ по теченію рѣки. Распространяя страхъ и ужасъ между якутами и тунгусами, они собирали обычный ясакъ соболями. Чтобы удержать эти народы въ покорности и повиновеніи, Бугоръ оставилъ на половинномъ протяженіи Лены двухъ казаковъ; семьсотъ верстъ выше и ниже этого мѣста по два казака и, считая такимъ образомъ этотъ край прочно завоеваннымъ, онъ возвратился черезъ три года съ остальными казаками на Енисей съ обильною добычею собольихъ шкуръ, чтобы представить от-

¹⁾ Въ исторіи открытія Америки встрѣчались совершенно подобныя-же личности: у французовъ «les coureurs des bois», у англичанъ «the beavertrappers», у португальцевъ въ Бразиліи «паулисты», которые служили начальникамъ большихъ экспедицій лазутчиками, застрѣльщиками и путеводителями.

²⁾ Объ открытіи и завоеваніи Приленскаго края см. «Sibirsche Geschichte» Фишера ч. I, стр. 491, изд. 1768 г. С.-Петербургъ.

четь своей экспедиціи. Спрашивается: слышали-ли когда либо что нибудь подобное въ исторіи открытія и покоренія Америки, чтобы какой нибудь начальникъ, командующій десятью человѣками, сдѣлалъ подобное завоеваніе обширнѣйшаго края? За первымъ завоевателемъ Ленской области, Бугромъ, вскорѣ послѣдовали болѣе многочисленные казачьи отряды. Въ 1632 г., казачій атаманъ Бекетовъ съ тридцатью товарищами спустился внизъ по Ленѣ и основалъ среди земель, обитаемыхъ якутами, первый острогъ большаго размѣра. Этотъ якутской острогъ послужилъ основаніемъ городу Якутску, теперешнему главному городу всей сѣверо-восточной Сибири. Якутскъ впослѣдствіе былъ исходною точкою и мѣстомъ снаряженія всѣхъ позднѣйшихъ экспедицій на сѣверъ къ Ледовитому морю, на востокъ къ Тихому Океану и въ Америку.

Истоки Лены, равно какъ и Енисея, сходятся почти у того громаднаго водоема среди Саянскихъ горъ, который обитающимъ вокругъ него народами называется „Байкомъ“. Такъ какъ русскіе владѣли обѣими этимъ линіями, то они и стали приближаться двумя путями къ этому озеру, откуда они, въ свою очередь, узнали дорогу въ Китай и Манджурію. Сотникъ Курбатъ Ивановъ предпринялъ въ 1643 г. первую успѣшную экспедицію къ Байкалу, морю, а за нимъ послѣдовали многіе другіе.

Эти походы къ Байкалу познакомили русскихъ съ другимъ міромъ, съ полуобразованными народами, съ мѣстностью, роскошно одаренною богатствами природы, съ серебромъ и золотомъ, съ областью рѣки Амура, вливающуюся въ Тихій океанъ. Соблазнительные рассказы обо всемъ этомъ не замедлили произвести возбуждающее впечатлѣніе во всѣхъ острогахъ и поселеніяхъ сибирскихъ казаковъ: безчисленные промышленники, избравъ себѣ предводителя, пустились туда на поиски, только что едва-заселившіеся города Якутскъ, Енисейскъ и другіе вновь опустѣли. Оставляя открытыми ими мѣста для новыхъ пріисковъ изъ Европы, всѣ потянулись къ Байкалу, къ Амуру, къ серебрянымъ рудникамъ. Несчастные бурята были почти задавлены этимъ наплывомъ¹⁾.

Путь вверхъ по Селенгѣ черезъ Яблонный хребетъ къ Ингодѣ и Шилкѣ былъ открытъ Петромъ Бекетовымъ только въ 1653 г., когда Хабаровъ, самый смѣлый изъ всѣхъ казачьихъ атамановъ, приключенія котораго не уступаютъ занимательностью рассказамъ о

¹⁾ Тогда въ Сибири происходило что-то подобное тому, чему мы были свидѣтелями въ новѣйшее время при открытіи золотоносныхъ странъ Калифорніи. Исторія открытія и заселенія Сибири очень похожа на исторію открытія испанской Америки по возбужденному состоянію, въ которомъ всѣ тамъ находились, гонимая за неслыханными сокровищами земли, за золотомъ и серебромъ; народъ переселялся массами, страстно увлеченный къ обогащенію.

завоеваніи Мексики испанцами, поднявшись къ Лены по Олекмѣ и ея притоку Тунгиру и переваливъ черезъ Яблонный хребетъ, уже былъ въ долину Амура. Впрочемъ даже самъ Хабаровъ не былъ первый, который достигъ этой рѣки, такъ какъ еще до него въ 1643 году Василій Поярковъ съ 130 казаками дошелъ изъ Якутска вверхъ по Алдану до Учуга, потомъ поднялся съ величайшими затрудненіями вверхъ по порожистой Гономкѣ до устья Нуемки, здѣсь перевалилъ водораздѣлъ, а затѣмъ уже по Брянтѣ и Сеѣ спустился въ 1644 году къ Амуру.

Именно въ то время, когда русскіе подходили къ Амуру, въ сѣверномъ Китаѣ, манджуры довершали свое завоеваніе Китайской Имперіи, манджурскія полчища двинулись къ югу. Казачьи отряды хозяйничали почти безпрепятственно въ самомъ сердцѣ Манджуріи до устьевъ Амура, брали китайскія крѣпости, покорили нѣсколько манджурскихъ князей и, обложивъ ихъ данью, прогоняли или покоряли тогдашнихъ жителей края дауровъ, гилаковъ или другія монгольскія племена. Когда, наконецъ, они встрѣтились съ китайскимъ войскомъ, то немногіе храбрые казаки разбивали тысячи императорскихъ солдатъ. Все это происходило около половины XVII столѣтія. Хотя русскіе впоследствии и должны были опять уступить Китаю большую часть Манджуріи и Амурской области, тѣмъ не менѣе эти походы имѣли послѣдствіемъ основаніе городовъ Иркутска въ 1661 году и Нерчинска въ 1658 г., а равнымъ образомъ во владѣніи Россіи остались съ тѣхъ поръ замѣчательный своими серебряными рудниками край, Даурія. Съ тѣхъ поръ установились постоянныя торговыя сношенія между обоими народами, которыя до нынѣ еще существуютъ и процвѣтаютъ, и вообще между обоими государствами водворилась дружественная связь.

У устьяхъ Амура казаки познакомились съ южною частью того замѣчательнаго моря, которое до тѣхъ поръ вовсе не было извѣстно европейцамъ, составляя какбы боковой отдѣлъ Великаго океана, называемый манджурами „Тунгъ-Ламъ“, т. е. тунгусское море. Впрочемъ уже за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, другіе небольшіе казачьи отряды дошли до сѣверной части этого моря ближайшемъ путемъ съ Лены. У Якутска эта рѣка значительно подается на востокъ, а съ другой стороны тунгусское море глубоко вдается въ материкъ къ западу. Въ 1639 году казакъ Иванъ Москвитинъ съ тринадцатью товарищами перевалилъ черезъ этотъ волокъ „для новыхъ открытій“. Шли они частью на лодкахъ, вверхъ по теченію рѣкъ Алдана и Май, частью пѣшкомъ черезъ кряжъ прибрежныхъ горъ и, добравшись до моря, выстроили себѣ тамъ зимовье. Отсюда они поднимались еще къ сѣверу до рѣки Тагон, а

къ югу доходили до рѣки Уды. Такимъ образомъ совершилось замѣчательное открытіе сѣверной части Тунгусскаго моря, которое русскіе впослѣдствіи называли Охотскимъ или Камчатскимъ. Москвитинъ со своими товарищами построили свое зимовье приблизительно въ томъ мѣстѣ морскаго побережья, гдѣ впослѣдствіи былъ основанъ Охотскій острогъ и при немъ главный портъ русскихъ на восточномъ океанѣ. Василій Поярковъ, о которомъ мы уже выше упомянули, проведя зиму 1644—45 года между гилеями, по нижнему теченію Амура, весною поплылъ по Охотскому морю и первый привезъ въ Якутскъ извѣстія о Шантарскихъ островахъ.

Отъ Лены Сибирь тянется, постепенно съ уживаясь, еще 3000 верстъ на востокъ. По мѣрѣ того какъ суживается сибирская территорія, уменьшается и длина рѣкъ. За мощною Леною слѣдуютъ Яна, Индигирка, Колыма и, наконецъ, въ крайнемъ углу ничтожный Анадырь, постепенно уменьшающіеся какъ струны арфы. Открытіе этихъ отдаленнѣйшихъ рѣкъ Сибири началось съ 1638 года. Нѣсколько казаковъ подъ предводительствомъ нѣкоего Елисея Бузы дошли до Яны моремъ съ устья Лены ¹⁾, другіе съ сотникомъ Ивановымъ пробрались изъ Якутска верхомъ до верховьевъ этой рѣки. Развѣзжая вверхъ и внизъ по рѣкѣ, они получили свѣдѣнія о рѣкѣ Индигиркѣ и на слѣдующій же годъ отправились туда ²⁾. Они нашли эту мѣстность гораздо болѣе чѣмъ теперь заселенною юкагирами, которые, не имѣя никакого понятія о лошадяхъ, гораздо болѣе испугались этихъ животныхъ, чѣмъ самихъ казаковъ ³⁾. Шестнадцать казаковъ взяли въ плѣнъ на рѣкѣ Индигиркѣ юкагирскаго князька, имѣли нѣсколько кровавыхъ стычекъ на своихъ рыаныхъ лошадяхъ съ мѣстными обитателями, вооруженными луками и стрѣлами, и въ 1640 году окончили покореніе всего побережья этой рѣки, простирающагося приблизительно на 1500 верстъ ⁴⁾.

¹⁾ Фишеръ, I стр. 517.

²⁾ Фишеръ, I стр. 532.

³⁾ При видѣ казаковъ-наѣздниковъ, на юкагировъ напалъ такой же паническій страхъ, какъ нѣкогда на мексиканцевъ при видѣ шестнадцати центавровъ Кортеса. Теперь русскіе между этимъ населеніемъ, пугавшимся тогда лошадей съ наѣздниками, распространили скотоводство и коноводство въ такихъ-же размѣрахъ, какъ испанцы между индѣйцами Америки. И въ томъ фактѣ, что во время покоренія Сибири коренное населеніе было тамъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ теперь, является большое сходство съ исторіею покоренія Америки, равно какъ и въ томъ отношеніи, что народонаселеніе обѣихъ странъ свѣта значительно уменьшилось вслѣдствіе одной и той же болѣзни, привезенной туда европейцами. По слѣдамъ казаковъ переселилась въ Сибирь натуральная оспа, точно также какъ эта страшная болѣзнь была перенесена въ Америку испанцами, французами и англичанами.

⁴⁾ Фишеръ, ч. I, стр. 533.

Къ востоку отъ Колымы, въ крайнихъ предѣлахъ Сибири, ко-
чуетъ замѣчательный, храбрый народъ, чукчи. Занимаемая ими
пространства, хотя и не изобилуютъ соболями и серебромъ, но они
богаты другимъ драгоценнымъ предметомъ, сложеннымъ въ нѣдра
земли по морскому побережью и по берегамъ рѣкъ переверотами
въ явленіяхъ природы; отсюда вывозится огромное количество
ископаемыхъ бивней мамонтовъ (*elephas primigenius*) первобытныхъ
слоновъ, погибшихъ въ новѣйшихъ формаціяхъ. Остатки этихъ
допотопныхъ животныхъ были уже раньше открыты въ другихъ
частяхъ Сибири, но самое большое количество ихъ встрѣчается на
сѣверѣ, вдоль широкаго берега земли чукчей. Привлекаемые
этимъ сокровищами, казаки предпринимали замѣчательныя морскія
плаванія отъ устьевъ Колымы на востокъ до крайнихъ предѣловъ
Сибири, причемъ они и открыли тотъ столь долго отыскиваемый
европейцами проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки. Такимъ об-
разомъ совершилось въ теченіи шестидесяти лѣтъ покореніе Си-
бири, присоединенной съ тѣхъ поръ къ владѣніямъ Европейской
Россіи, и замѣчательно, что остальная Европа объ этомъ ровно
ничего не знала. „Въ Сѣверной Америкѣ переселенцы въ теченіи
двухъ съ половиною столѣтій едва подвинулись во внутрь края
до пролегающихъ вдоль него горныхъ хребтовъ, между тѣмъ въ
Азіи казаки употребляютъ не болѣе полувѣка, чтобы занять всю
сѣверную ея часть отъ Оби до нынѣшняго Берингова пролива. Но
чѣмъ болѣе населеніе этаго обширнаго края добываетъ всѣ необ-
ходимыя средства къ пропитанію черезъ охоту и рыболовство, тѣмъ
медленнѣе прививается хлѣбопашество ¹⁾).

Первое плаваніе на лодкахъ отъ устья Колымы по берегу мор-
скому на востокъ было совершено въ 1646 году подъ предводи-
тельствомъ нѣкоего Исаѣя Игнатьева. Но, вѣроятно тѣснымъ
льдами, Игнатьевъ со своими спутниками дошелъ не дальше
Чаусской губы, при чемъ онъ впрочемъ велъ оживленную тор-
говлю съ кочующими по берегу чукчами, вымѣнивая ископаемые
мамонтвыя бивни и моржевыя клыки. Извѣстіе о полученной отъ
этой мѣны прибыли возбудило въ другихъ казакахъ и промышлен-
никахъ желаніе предпринять въ слѣдующемъ же 1647 году вто-
рое плаваніе въ этомъ направленіи. Въ іюня 1647 года 4 судна
вышли изъ устья Колымы въ море подъ начальствомъ казака
Семена Дешнева, назначеннаго для этого императорскимъ ком-
мендантомъ Колымской рѣчной области. Отъ чукчей уже слышали
что-то о какой то новой рѣкѣ Анадыри, по берегамъ которой
живутъ „въ не маломъ числѣ какія-то чужія племена“. Полагали,

¹⁾ Пешель. «Gesch. der Erdkunde», стр. 334.

Сани съ собаками, обрушившіяся въ ледяную пропасть.

что эта рѣка, такъ же какъ и другія, впадаетъ въ Ледовитое море и главною задачею Дешнева было открытіе ея устья. Лѣтомъ этого года море было чрезмѣрно покрыто льдами, такъ что не удалось далеко проникнуть на востокъ.

Но предприимчивые завоеватели Сибири не теряли надежды. Промышленники Ѳедотъ Колмогорцевъ и Анкудиновъ снарядили еще большую экспедицію изъ семи судовъ, такъ называемыхъ кочъ, въ которой Дешневъ опять принималъ участіе. Объ участіи четырехъ изъ этихъ судовъ свѣдѣній ни какихъ нѣтъ. Но-сились слухи, будто Колмогорцевъ съ товарищами дошли до рѣки Камчатки, тамъ нѣсколько времени прожили между камчадалами, но, въ концѣ концовъ, были ими убиты. Остальные три кочи плыли подъ командою Дешнева изъ Колымы на востокъ, находя море открытымъ отъ льда и не встрѣчая ни какихъ препятствій. Дешневъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что все время стояла отличная погода и что рѣдко море бывало такъ свободно отъ льдовъ, какъ лѣтомъ 1648 года. Затѣмъ онъ упомянулъ о большомъ мысѣ, Святомъ Носѣ (нынѣ мысъ Шалагской), гдѣ Анкудиновъ потерпѣлъ крушеніе. Послѣ этого онъ дошелъ до крайней оконечности Чукотской земли, т. е. до того мѣста Азии, гдѣ берегъ поворачиваетъ опять на югъ и затѣмъ тянется на западъ. Соображая это, онъ находился въ проливѣ, называемомъ нынѣ Беринговымъ, и увидалъ противъ Чукотскаго носа два маленькихъ островка (вѣроятно нынѣшніе Демидовы острова ¹⁾). Такъ какъ постоянно была хорошая погода, какъ уже упомянуто, то онъ вѣроятно, могъ видѣть противоположный берегъ Америки. Обогнувъ восточную оконечность Сибири, Чукотскій носъ, Дешневъ вошелъ въ сѣверную часть Тихаго океана, а затѣмъ поплылъ вдоль берега на западъ. Здѣсь уже настигла его дурная погода и бури, вслѣдствіе чего „онъ потерпѣлъ крушеніе и суда его были выброшены на берегъ южнѣ Анадыра, котораго онъ собственно искалъ, приблизительно въ мѣстности, прилегающей къ рѣчкѣ Алюторѣ“. Онъ съ двадцатью пятью человѣками команды, спасшимися отъ гибели, отправился сухопутно отыскивать Анадырь. Послѣ десяти-недѣльнаго странствованія, они наконецъ дошли до Анадыра и построили тамъ „Анадырскій острогъ“, въ которомъ провели двѣ зимы 1649 и 1650 г.

Между тѣмъ уже нѣсколько другихъ казаковъ, подъ предводительствомъ Симеона Мотора, пробрались сухимъ путемъ съ Колымы на Анадырь. 25-го апрѣля 1650 г. они встрѣтились тамъ съ Дешневымъ. Соединенными силами они построили новыя суда и

¹⁾ На нынѣшнихъ картахъ это острова Гвоздевы.

пустились внизъ по Анадыру, чтобы обследовать приморскій берегъ, но о результатахъ этого путешествія ни какихъ свѣдѣній не имѣется. Моторъ погибъ въ стычкахъ съ чукчами. Возвратился ли наконецъ Дешневъ или онъ сдѣлался также жертвою своихъ смѣлыхъ предпріятій—неизвѣстно, хотя мы находимъ отчеты о его плаваніяхъ и открытіяхъ доставленными въ Якутскъ и тамъ сложенными¹⁾. Съ 1654 годомъ кончаются, къ сожалѣнію, всѣ свѣдѣнія о дальнѣйшей участи этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго дѣятеля, который шесть лѣтъ сряду съ необыкновенною выдержкою и стойкостью неутомимо преслѣдовалъ свою цѣль и поборолъ всѣ препятствія и опасности, противопоставляемыя ему суровостью климата, голодомъ и лишеніями, а равно и дикими обитателями открываемаго имъ края. Поэтому, можетъ быть, справедливо было-бы назвать проливъ между Азіею и Америкою по имени его дѣйствительнаго открывателя „Дешневымъ“. Вѣроятно то обстоятельство, что Дешневъ едва-ли даже зналъ, на какой точкѣ земли онъ находится, и что сомнительно, чтобы онъ видалъ противоположный берегъ Америки и поэтому не могъ удостовѣриться въ существованіи этого пролива,—было причиною, что Беринговъ проливъ былъ такъ названъ по имени позднѣйшаго его открывателя, опредѣлившаго его положеніе точными изслѣдованіями и наблюденіями.

Между тѣмъ, казакъ Стадухинъ, нѣсколько лѣтъ сряду пробывшій въ сѣверо-восточныхъ предѣлахъ Сибири и основавшій въ 1644 году у устья Колымы нынѣшній городъ Нижне-Колымскъ, получилъ отъ чукчей свѣдѣніе о какомъ-то большомъ

¹⁾ Отчеты о столь замѣчательномъ плаваніи Дешнева оставались въ якутскихъ архивахъ безъ всякаго вниманія въ теченіи цѣлаго столѣтія. Какъ отчеты такъ самое плаваніе Дешнева, имѣвшее результатомъ важнѣйшее открытіе, сдѣланное съ 1492 года, было совершенно забыты, и по всей вѣроятности остались бы еще долгое время, если не навсегда, не открытыми, если бы не извѣстный ученый изъ нѣмцевъ, членъ С.-Петербургской Академіи Наукъ, Г. Ф. Миллеръ, будучи въ Якутскѣ въ составѣ такъ называемой первой Камчатской экспедиціи Беринга, не открылъ и не опубликовалъ ихъ въ своихъ „Sammlung Russischer Geschichte“. Собранныя этимъ ученымъ о Дешневѣ свѣдѣнія содержатся въ III части изданнаго въ С.-Петербургѣ сочиненія его, на стр. 5 и слѣд., откуда мы и заимствовали все вышесказанное, почти дословно. Десять лѣтъ спустя, англичанинъ Коксъ, описавшій плаванія русскихъ между Азіею и Америкою, нашелъ эти же драгоценныя документы уже въ С.-Петербургѣ, куда они въ промежутокъ этого времени уже были доставлены изъ Якутска. Знаменитый естествоиспытатель Палласъ, пріятель Кокса, перевелъ ихъ для него на англійскій языкъ, а этотъ послѣдній свѣривъ, ихъ съ сообщеніями Миллера, нашелъ ихъ совершенно согласными. См. Coxe: „Les nouvelles découvertes des Russes entre l'Asie et l'Amerique, avec l'histoire de la conquete de la Sibirie et du commerce des Russes et des Chinois. Ouvrage traduit de l'anglais. Paris 1781. 4° p. 215.

сѣверномъ островѣ и о какой-то большой рѣкѣ, находящейся къ востоку отъ Колымы, до которой можно дойти въ три дня. Для отысканія указанныхъ мѣстъ Стадухинъ предпринялъ въ 1649 году на двухъ судахъ плаванія къ востоку, но вернулся черезъ семь дней, вѣроятно съ мыса Шаварскаго, обратно къ Колымѣ, по недостатку въ продовольственныхъ запасахъ.

Изъ позднѣйшихъ экспедицій семнадцатаго столѣтія можно еще упомянуть о плаваніи казака Тимоѣея Булдакова, отправившагося съ Лены. Судно его было раздавлено льдами близъ устья Индигирки, но самъ Булдаковъ, послѣ безчисленныхъ затрудненій и неимоверныхъ лишеній, добрался до зимовья Уядинскаго ¹⁾.

¹⁾ Петерманъ. „Geographische Mittheilung.“. 1879 стр. 161—168.

Сибирскіе промышленники на охотѣ за соболями.

Мысь Телушкниъ.

ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ „СЪВЕРНЫЯ ЭКСПЕДИЦИИ“, ПРЕДПРИ- НЯТЫЯ РУССКИМИ.

ИЗЪ ВСѢХЪ частей Сибири ея длинная юго-восточная, можно сказать, привѣска, названная Камчаткою, была открыта всѣхъ позже. Эта земля, имѣющая приблизительно форму и величину Италіи, вся окружена океаномъ и только посредствомъ неширокаго перешейка соединена съ материкомъ. Южная ея часть вдается отъ континента на 1,100 верстъ въ море. Когда, какимъ путемъ и подъ чѣмъ предводительствомъ казаки вторглись въ предѣлы этого полуострова—съ точностью опредѣлить нельзя. Одно, кажется, вѣрно, что это не совершалось морскимъ путемъ, а съ сѣвера отъ рѣки Анадыра.

Въ 1696 году водворившійся на Анадырѣ отрядный начальникъ Володимиръ Атласовъ послалъ своего офицера Мороско съ 16 казаками по направленію къ югу, и вскорѣ послѣдовалъ за нимъ съ большимъ числомъ войска. Этотъ Атласовъ считается собственно открывателемъ и покорителемъ Камчатки. По его стопамъ пошли въ началѣ восемнадцатаго столѣтія еще другіе казачьи начальники, основавшіе въ 1701, 1702 и 1703 гг. остроги на берегу Камчатки, самой большой рѣки восточной стороны, а равно на западной сторонѣ у устья рѣки Большой ¹⁾. Русскіе нашли въ Камчаткѣ нѣсколько потерпѣвшихъ крушеніе японскихъ моряковъ и кромѣ того, японскія рукописи. Это обстоятельство, а равно и то, что камчадалы имъ рассказывали, что земля ихъ еще далеко прости-

¹⁾ Г. Ф. Миллеръ „Sammlung Russischer Geschichte“, III стр. 76.

рается къ югу, вселило въ нихъ убѣжденіе, что Камчатка доходитъ до Японіи. Послѣ неоднократно повторенныхъ попытокъ и упорной борьбы съ мѣстными жителями, русскіе наконецъ, въ 1706 году, преодолевая всѣ встрѣчавшіяся имъ препятствія, дошли до южной оконечности Камчатки (мыса Лопатки), гдѣ они увидали передъ собою Курильскую гряду, крайній островъ, которой дѣйствительно примыкаетъ къ Японіи.

Казаки вслѣдъ за симъ ринулись и на эти острова и устремились на Японію. Въ 1712 и 1713 годахъ казакъ Иванъ Козыревскій ¹⁾ нѣсколько разъ плавалъ къ Курильскимъ островамъ, посылалъ объ этомъ донесенія въ Москву, которыя содержали довольно точныя описанія качества и положенія этихъ острововъ, вплоть до самой Японіи.

Такимъ образомъ, обогнувъ по морю Чукотскую землю и покоривъ Камчатку, русскіе явились открывателями и властителями всего побережья сѣверо-восточной оконечности Старого свѣта. Въ началѣ XVIII столѣтія они владѣли, стало быть, морскимъ прибрежьемъ въ 2200 килом. длины, въ виду сѣверо-западной окраины Америки, вдоль которой проходилъ будто-бы „проливъ Аніанъ“, тщетно отыскивавшійся со временъ Кабота и Кортереала. Вскорѣ послѣ этого русскіе неминуемо должны были пробраться какъ въ Японію и Китай, такъ и въ Америку.

Первыми признаками и указаніями существованія, „большой земли“ на востокъ служили для русскихъ пригоняемые къ берегамъ Камчатки стволы деревъ такой величины и породы, какихъ они на этомъ полуостровѣ не встрѣчали. Безчисленныя стаи птицъ прилетали по временамъ съ востока и опять туда улетали. Попадались киты съ такими гарпунами (острогами), какихъ въ Камчаткѣ не употребляли. Иногда море выбрасывало на берегъ лодки совершенно незнакомой постройки и еще другія совсѣмъ необычныя предметы. Наконецъ, было также замѣчено, что морская волна у сѣверныхъ береговъ Камчатки была гораздо меньше, гораздо короче, чѣмъ у южныхъ, въ Тихомъ океанѣ, и изъ этаго заключали, что здѣсь, должно быть, находится внутреннее море, которое съ востока вѣроятно также окружено землею, какъ съ запада, Азіею. При часто повторявшихся стычкахъ съ чукчами, переплывавшими издавна нерѣдко за море, русскимъ иногда попадались въ плѣнъ люди, которые носили продѣтые въ губахъ моржевые зубы, въ видѣ серегъ. Отъ нихъ и отъ пріѣзжавшихъ къ нимъ въ гости американскихъ друзей ихъ или отъ военно-плѣнныхъ казаки узнали, что „большая восточная земля“ не островъ, а обширная область, безконеч-

¹⁾ О плаваніяхъ Козыревскаго см. Миллера, III стр. 78—75.

ная страна съ большими рѣками, наполненная лѣсами и горными хребтами. При ясной погодѣ эта земля была видна съ мысовъ восточной Азіи.

Въ Азіи о сѣверо-западной Америкѣ имѣли, должно быть, самое выгодное понятіе, хотя она, въ сравненіи съ болѣе южными мѣстностями, и сурова, и неплодородна и ей не безъ основанія дали названіе Американской Сибири, тѣмъ не менѣе въ томъ мѣстѣ, гдѣ Новый и Старый свѣтъ сходятся такъ близко между собою, первый изъ нихъ является въ болѣе умѣренномъ видѣ съ болѣе умѣреннымъ климатомъ. Холодный восточный вѣтеръ постоянно немилосердно бичуетъ восточныя окраины Азіи и большую часть года онѣ коченѣютъ подъ снѣгомъ и льдомъ, лишеныя почти всякой растительности. Напротивъ того, западныя окраины Америки ограждены отъ востока высокими горными хребтами, онѣ открыты для умѣряющихъ холодъ западныхъ вѣтровъ и для болѣе теплыхъ морскихъ теченій. Тамъ климатъ болѣе влажный, а вслѣдствіе этого и большая растительность; до самаго морскаго побережья простираются тамъ нерѣдко прекрасныя лѣса. Между востокомъ и западомъ тамъ значительная разница, которая повторяется на каждомъ островѣ, на каждомъ полуостровѣ изъ окружающихъ сѣверный полюсъ земель.

Всѣ эти привлекательныя слухи постепенно проникали изъ Камчатки въ Москву и Петербургъ, гдѣ глубокомыслящій и все соображавшій царь Петръ Великій на все это обращалъ величайшее вниманіе и составлялъ предположеніе о снаряженіи дальнѣйшихъ плаваній на Востокъ, для которыхъ Камчатка должна была служить исходною точкою. Этотъ великій Государь давно уже постигъ, какое значеніе должны имѣть географическія изслѣдованія и неоднократно оказывалъ имъ свое мощное покровительство. Такъ, по его указанію, были предприняты съ 1710—1716 г. нѣсколько плаваній по группамъ Ново-сибирскихъ острововъ. Князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, тогдашній генераль-губернаторъ Сибири, всегда въ высшей степени сочувствовавшій дѣлу народнаго образованія въ Россіи и вообще поощрявшій всякое благородное и достойное предпріятіе, со своей стороны всѣми зависящими отъ него средствами оказывалъ свое содѣйствіе этимъ экспедиціямъ. Послѣ того, какъ русскіе дошли до устьевъ Яны и Индигирки, распространился, было, слухъ съ 1644 года, сперва черезъ свѣдѣнія, доставленныя извѣстнымъ уже намъ Стадухинымъ, будто передъ устьями Яны къ сѣверу и на востокъ найденъ громадный, невѣдомый островъ. Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія были получены первыя болѣе опредѣленныя вѣсти только не объ одномъ, а о нѣсколькихъ различныхъ островахъ, окаймляющихъ, будто-бы, сѣверное побережье

Сибири, въ особенности противъ Святаго носа и устьевъ рѣки Колымы. Вслѣдствіе полученнаго въ этомъ смыслѣ донесенія отъ казачьяго старшины Пермькова, якутскій воевода Трауерникхъ снарядилъ двѣ экспедиціи, одну въ Колымскъ, а другую къ Янѣ. Послѣдняя выступила подѣ начальствомъ казака Вагина осенью 1711 года къ Устьянску, а въ маѣ 1712 г. она пошла, въ сопровожденіи Пермькова, на нартахъ черезъ Святой носъ къ сѣверу. Дошли дѣйствительно до какого-то безлѣснаго острова такой величины, что для того, чтобы окружить его, потребовалось отъ 9—12 дней ѣзды (безъ сомнѣнія первый изъ Ляховскихъ острововъ). Въ виду былъ еще другой островъ, но экспедиція должна была вернуться по недостатку съѣстныхъ припасовъ. Пермьковъ и три его товарища были убиты своими-же людьми, воспротивившимися перенести лишенія и затрудненія дальнѣйшаго путешествія. Колымская экспедиція не принесла ни какихъ результатовъ, которые заслуживали бы быть упомянутыми, равно какъ и еще третья экспедиція, предпринятая въ мартѣ 1714 года казакомъ Марковымъ съ устья Яны, продолжавшаяся семь дней на саяхъ. Ничего новаго они не открыли. Въ іюлѣ 1724 года боярскій сынъ Ѳедотъ Амосовъ отправился на суднѣ изъ Нижне-Колымска, чтобы обследовать указанный Стадухинымъ большой островъ, простирающійся будто бы отъ Яны до устья Индигирки и который былъ посѣщаемъ въ ноябрѣ 1720 г. промышленникомъ Иваномъ Вилейномъ на нартахъ. Но Амосовъ вскорѣ вернулся, тѣснимый пловучими льдами. Въ ноябрѣ того года онъ дѣйствительно дошелъ на нартахъ до какого-то острова, но послѣ краткаго тамъ пребыванія вернулся, по недостатку продовольственныхъ запасовъ. То былъ вѣроятно уже прежде извѣстный Медвѣжій островъ ¹⁾. Полагали, что островъ, на которомъ былъ Иванъ Вилейнъ съ устья Яны, и этотъ островъ, открытый Амосовымъ, составляютъ одно цѣлое ²⁾.

Въ промежутокъ этого времени царь Петръ Великій посылалъ въ 1720 году данцигскаго ученаго врача Даниіла Готлиба Мессершмидта въ сопровожденіи капитана Тобберта (названнаго впослѣдствіи фонъ-Штраленбергомъ) для изслѣдованія Сибири. Путешествія этого естественспытателя продолжались до 1726 года, и путешественникомъ были доставлены первыя и важнѣйшія свѣдѣнія и данныя для опредѣленія математическаго и физическаго положенія Сибири, равно какъ и сдѣланы весьма интересныя и

¹⁾ Не нужно смѣшивать этотъ островъ съ Медвѣжьимъ островомъ, лежащимъ къ югу отъ Шпицбергена.

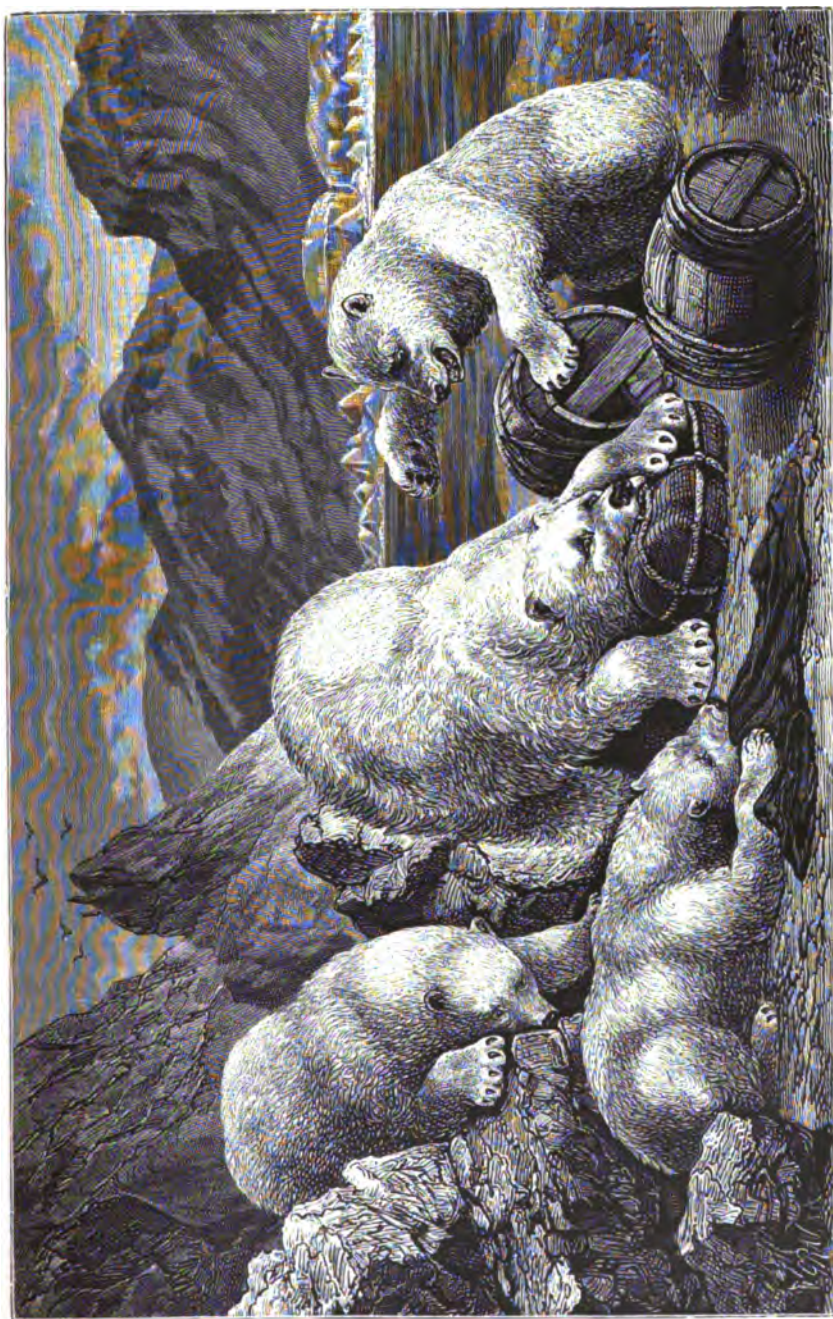
²⁾ Линдеманъ, „Die Nordküste Sibiriens zwischen der Lena Mündungen und der Beringstrasse“, Petermann's Geograph. Mittheilung's. 1879 г. стр. 162.

замѣчательныя наблюденія о производительной силѣ людей и почвы этого обширнаго края до отдаленнѣйшихъ его предѣловъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ. Въ то же время царь заботился прежде всего объ изысканіи возможно лучшихъ путей сообщенія съ дальнею Камчаткою. По этимъ путямъ отправилось туда нѣсколько „навигаторовъ“ и „геодезистовъ“, которые впрочемъ уже въ 1721 году вернулись опять въ Якутскъ. Повидимому, эта экспедиція не имѣла еще цѣлью Америку, а только Курильскіе острова, съ которыхъ они сдѣлали подробную съемку и составили имъ карту.

Наконецъ въ 1724 г. царь повелѣлъ снарядить экспедицію, которая должна была отправиться къ „большой восточной землѣ“ и именно опредѣлить—существуетъ-ли или нѣтъ связь между обѣими частями свѣта. Еще не задолго передъ своею кончиною Петръ самъ составилъ инструкцію для этой экспедиціи и далъ своему адмиралу графу Федору Апраксину всѣ необходимыя указанія. Начальникомъ этого предпріятія, которое впослѣдствіи было названо „первою Камчаткою экспедиціею“, былъ назначенъ Витусъ Берингъ¹⁾, ютландецъ родомъ, предпримчивый датскій морякъ, принятый царемъ въ 1704 г. въ русскую службу и отличившійся своею неустрашимостью во время морскихъ сраженій со шведами. Къ Берингу были прикомандированы лейтенанты Мартинъ Шпангбергъ и Алексѣй Чириковъ и еще нѣсколько русскихъ корабельныхъ строителей.

5-го февраля 1725 г., за три дня до кончины Великаго Царя, Берингъ съ товарищами выѣхалъ изъ С.-Петербурга, чтобы отправиться черезъ всю Сибирь къ берегамъ Тихаго океана. Путешествіе это черезъ Сибирь продолжалось три года, будучи сопряжено съ величайшими затрудненіями, лишеніями, даже страданіями отъ голода. Наконецъ въ 1728 году собрались всѣ участвующіе въ экспедиціи въ Нижне-Камчатскомъ островѣ у устья рѣки Камчатки и туда же были доставлены всѣ необходимыя матеріалы для плаванія. 4-го апрѣля были спущены на воду два судна, большее „Гавріиль“ и меньшее „Фортуна“, и снабжены всѣмъ необходимымъ для сорока человѣкъ на годичное плаваніе.

¹⁾ Спутникомъ Беринга и ученымъ членомъ экспедиціи былъ Г. Ф. Мидлеръ, который собралъ все, что касалось путешествія Беринга, и составилъ подробное описаніе, являющееся почти единственнымъ вѣрнымъ источникомъ для ознакомленія съ ходомъ этой экспедиціи, тѣмъ болѣе, что отчеты самого Беринга, на которыхъ основано его сочиненіе, впослѣдствіи затерялись. Въ сочиненіи знаменитаго іезуита Дюгальда (*Description de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise*), которому императрица Екатерина I пересылала всѣ отчеты и карты Беринга, описываются эти путешествія, совершенно согласно съ Мидлеромъ.

Полярные медведи, истощающие запасы.

20-го іюля Берингъ вышелъ на этихъ судахъ въ море, держа курсъ на сѣверо-востокъ, вдоль восточнаго берега Азіи, который подробно былъ снятъ на карту, служившую долгое время единственною картою этого береговаго пространства ¹⁾.

Этимъ путемъ Берингъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ земли чукчей, почти до середины пролива, названнаго впоследствии по его имени. Чукчи ему рассказывали, что далѣе берегъ заворачиваетъ на западъ и показали ему издали, у южнаго входа въ Беринговъ проливъ, большой островъ, которому Берингъ, когда онъ проплылъ мимо его, далъ названіе „Св. Лаврентія“ въ честь святаго угодника того дня (10-го августа). Такое названіе этотъ островъ сохранилъ донынѣ. 15-го августа онъ дошелъ до 67° 18' сѣв. широты и здѣсь ему казалось, что берегъ дѣйствительно, согласно указаніямъ чукчей, уклонялся на западъ. Изъ этого Берингъ вывелъ заключеніе, что онъ дошелъ до крайней точки сѣверо-восточной Азіи и, обходя ее кругомъ, заканчиваетъ данное ему порученіе. Поэтому онъ рѣшилъ возвратиться „чтобы не быть затертымъ льдами полярнаго моря“. Соображая все, нужно полагать, что Берингъ дошелъ до выдающагося въ Беринговъ проливъ, нѣсколько къ сѣверо-западу отъ входа въ него, мыса „Сердце-Камень“, такъ названнаго поселившимися на Анадырь русскими по сходству его наружной формы съ сердцемъ. Такъ какъ, при этомъ береговомъ плаваніи и вслѣдствіе туманной погоды, противоположный берегъ Америки не могъ быть видѣнъ и даже не было повода подозрѣвать его близость, то и Берингъ никогда не узналъ, что онъ собственно открылъ проливъ, который со временемъ будетъ названъ его именемъ. Къ въ послѣдствіи устранилъ всякое сомнѣніе относительно мѣста, до котораго доходилъ Берингъ, доказывая, что онъ былъ у Чукотскаго Носа, на основаніи поразительной точности, съ которою Берингомъ было снято на карту все это побережье. 20-го сентября Берингъ возвратился къ устью рѣки Камчатки и расположился здѣсь на зиму 17²⁸/₂₉ г. 5-го іюня 1729 года онъ еще разъ вышелъ въ море съ тою цѣлью, чтобы открыть восточную землю. Но такъ какъ онъ, сдѣлавъ 200 км. въ этомъ направленіи, желанной земли не увидалъ, а между тѣмъ постоянно дулъ сильный встрѣчный вѣтеръ, то онъ и возвратился, обошелъ южную оконечность Камчатки и, опредѣливъ астрономически ея положеніе и форму, что окончательно разрушило предположеніе, будто Камчатка далеко тянется къ югу,—пришелъ 23-го іюля въ Охотскъ. Отсюда онъ возвратился черезъ Сибирь въ Пе-

¹⁾ Миллеръ, стр. 116.

тербургъ, куда онъ прибылъ 1-го марта 1730 года, послѣ пятилѣтняго отсутствія.

По возвращеніи Беринга изъ Сибири, начальники отдѣльных казачьихъ отрядовъ, Шестаковъ, Павловскій и другіе, продолжали свои воинственные походы противъ народовъ, населяющихъ восточную Сибирь, въ особенности противъ дикихъ и храбрыхъ чукчей. Съ величайшимъ трудомъ они заставляли ихъ платить дань, наконецъ-таки, потерпѣвъ нѣсколько поражений, они проникли до „Сердца-Камня“ и до Берингова пролива, довершая такимъ образомъ покореніе Сибири. Эти сухопутныя экспедиціи были сопровождаемы плаваніями вдоль берега, въ чемъ принимали даже участіе суда Беринга „Гавріилъ“ и „Фортуна“. При этихъ плаваніяхъ какой-то казакъ Гвоздевъ¹⁾, заблудившись, повидимому нечаянно, попалъ на берегъ „большой восточной земли“. „Только извѣстно, пишетъ Миллеръ, что этотъ Гвоздевъ былъ въ 1730 году между 65° и 66° сѣв. шир., въ недалекомъ разстояніи отъ земли чукчей, на какомъ-то чужомъ берегу, лежащемъ противъ земли чукчей, и что онъ даже встрѣтилъ тамъ людей, съ которыми онъ, по неимѣнію переводчика, не могъ разговаривать“²⁾. Смысло можно сдѣлать предположеніе, что этотъ берегъ былъ крайній западный уголъ Сѣверной Америки. Поэтому на одной изъ русскихъ картъ сѣверо-западный полуостровъ Америки большими буквами названъ „мысомъ Гвоздева“. Засимъ—не Берингъ, не Кукъ, а этотъ Гвоздевъ долженъ считаться открывателемъ сѣверо-западной Америки и того пролива, который отдѣляетъ Старый Свѣтъ отъ Новаго. Въ 1731 году драгунскій капитанъ Дмитрій Павловскій, идя съ запада вдоль берега Ледовитаго океана и дойдя до „Сердца-Камня“, имѣлъ такимъ образомъ возможность своими наблюденіями повѣрить всѣ показанія Беринга.

Капитанъ Берингъ, по возвращеніи въ Петербургъ, въ высшей степени интересуясь начатымъ имъ дѣломъ, неутомимо хлопоталъ, чтобы была отправлена черезъ Сибирь на востокъ вторая экспедиція. Высокая его покровительница императрица Екатерина I уже скончалась, равно какъ и преемникъ ея Петръ II. Но и императрица Анна Ивановна не менѣе, какъ и ея всемогущій любимецъ Биронъ, завѣдывавшій съ твердостью и величайшею предусмотрительностью иностранными дѣлами Россіи, благосклонно относились къ исполненію проекта Петра Великаго, къ дѣлу продолженія открытій и покореній въ Сибири. Занялись составленіемъ проекта истинно

¹⁾ Миллеръ, стр. 132.

²⁾ Карта къ сочиненію Палласа „Neue nordische Beiträge“, т. IV стр. 112.

величественнаго предпріятія „большой сѣверной экспедиціи“, очень неподходяще названной „второю Камчатскою экспедиціею“. Въ составѣ этой экспедиціи были приглашены многіе ученые, естествоиспытатели, математики, астрономы и моряки, въ числѣ ихъ нѣмцы, французы, англичане и шведы, которые въ послѣдствіи составили себѣ громкую славу своими отчетливыми и въ высшей степени поучительными сочиненіями о результатахъ, достигнутыхъ этою экспедиціею по части географіи и естественныхъ наукъ. Независимо отъ Беринга, который былъ назначенъ капитаномъ-командиромъ во главѣ всего предпріятія, для завѣдыванія научно-ученою ея частью, былъ приглашенъ исторіографъ Герардъ Фридрихъ Миллеръ, за которымъ послѣдовалъ еще раньше, чѣмъ онъ возвратился въ 1740 г., Іоаннъ Эбергардъ Фишеръ. Далѣе былъ вызванъ изъ Тюбингена химикъ и ботаникъ Іоаннъ Георгъ Гмелинъ (род. въ Тюбингенѣ 11-го августа 1700 г. и умеръ 1755 г.) и, для астрономическихъ наблюденій и опредѣленій мѣстъ, молодой Луи Делиль-де-ла-Кройеръ, братъ великаго французскаго географа. Но не только иностранцы, какъ бы можно было полагать по перечисленнымъ именамъ, посвятили свои силы этому дѣлу; цѣлое поколѣніе смѣлыхъ, неутомимыхъ, преисполненныхъ свѣтлымъ рвеніемъ и готовыхъ жертвовать собою въ борьбѣ съ невзгодами арктической природы, русскихъ моряковъ посвятило себя разрѣшенію данной задачи. Предполагалось сдѣлать съемку всего побережья Ледовитаго океана, начиная съ Архангельска на востокъ до Американскаго континента и со всѣми прилегающими островами. Эта экспедиція, продолжавшаяся почти десять лѣтъ, съ 1734 до 1743 года, и составляющая начало путешествій съ научною цѣлью къ сѣверу Сибири, можетъ быть поставлена наравнѣ съ величественнѣйшими предпріятіями всего свѣта и всѣхъ временъ, какъ, напримѣръ, съ роскошно-снабженною со стороны Англіи экспедиціею Франклина; даже болѣе того: по обширности поприща, на которомъ ей предстояло дѣйствовать одновременно, въ исторіи географическихъ открытій ничего подобнаго ей нельзя назвать. Этой экспедиціи удалось исполнить гигантскую работу: она сдѣлала съемку всего сѣвернаго побережья Азіи, и подтвердила, что между Азіею и Америкою дѣйствительно существуетъ проливъ, отдѣляющій эти оба материка другъ отъ друга; но великіе результаты этого громаднаго труда сдѣлались отчасти удѣломъ забвенія. Отчеты ея, въ видѣ отдѣльныхъ рукописей, были сложены въ архивы и почти ни для кого не были доступны; постепенно свыкались съ мыслью, что можно обойтись безъ этихъ основныхъ данныхъ. Въ послѣдствіи имѣвшіяся вѣрныя описанія были смѣшаны съ совершенно неточными, и смѣшаны до такой степени, что въ концѣ концовъ даже возникло

сомнѣніе, дѣйствительно-ли сѣверныя оконечности Азіи были обследованы этою экспедиціею или только сняты ею на карту.

При снаряженіи этого ряда величественныхъ экспедицій руководящею мыслию служило желаніе Россіи соединить свои восточныя владѣнія въ Камчаткѣ съ Бѣлымъ моремъ, кратчайшимъ путемъ морскаго сообщенія, иными словами: открыть „Сѣверо-восточный проходъ“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ точностію опредѣлить свои сѣверныя границы. Составленный капитаномъ Берингомъ планъ дѣйствія былъ Высочайше одобренъ императрицею Анною Іоанновною и долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе со всею роскошью, которую могли только доставить царскія щедроты ¹⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ величайшею осмотрительностію.

Изъ пяти различныхъ мѣстъ, преимущественно отъ устьевъ большихъ рѣкъ Европейской и Азіатской Россіи выходили по два судна, чтобы, въ случаѣ надобности, оказать другъ другу обоюдную поддержку и помощь. Громадныя лодки, нагруженныя продовольственными припасами, или слѣдовали за ними, или были уже заранее отправлены къ различнымъ мѣстамъ морскаго побережья, гдѣ они устраивали складочныя магазины изъ мѣстнаго прибойнаго лѣса.

Вся экспедиція составила слѣдующимъ образомъ:

1) Изъ Архангельска вышли въ іюлѣ 1734 г. по направленію на востокъ къ Оби—Муравьевъ и Павловъ, которые въ 1736 г. были замѣнены Малыгинымъ и Скуратовымъ.

2) Изъ Оби на западъ Головинъ, на востокъ Овцынъ, впоследствии уже Мининъ и Кошелевъ.

3) Изъ Енисея (въ іюнѣ 1738 г.) на востокъ Мининъ (при немъ Стерлеговъ).

4) Изъ Лены на западъ Прончищевъ въ 1735 и 1736 годахъ, и Харитонъ Лаптевъ, при немъ Телушкинъ и Чекинъ, съ 1739 до 1743 г., на востокъ Лазиніусъ и Дмитрій Лаптевъ.

5) Въ Восточный океанъ пошли: Берингъ и Чириковъ на востокъ, чтобы отыскать Америку, а Шпанбергъ съ Вальтономъ и Шельтингомъ на югъ, къ Японіи, на трехъ судахъ.

Первая изъ этихъ экспедицій подъ начальствомъ Муравьева и Павлова, направленная къ устью Оби, выступила изъ Архангельска 16-го іюля 1734 г. 2-го августа вышла изъ Бѣлаго моря,

¹⁾ На расходы сѣверной экспедиціи было ассигновано 360,000 рублей, независимо отъ неисчислимыхъ натуральныхъ повинностей, которыми край долженъ былъ содѣйствовать осуществленію этого величественнаго предпріятія. См. „Записки Гидрографич. Департамента“ 1851 г. стр. 452.

²⁾ Числа показаны по новому стилю.

а 6-го была уже у Югорскаго Шара, откуда были сдѣланы съемки на островѣ Вайгачѣ, и имѣла затѣмъ такое удачное плаваніе, что она въ одинъ день прошла Карское море до Мутной губы, а къ 1-му сентября дошла вдоль западнаго берега Самоѣдскаго полуострова до $72^{\circ}45'$ сѣв. шир. Позднее время года заставило ихъ вернуться. Путешественники перезимовали въ Пустозерскѣ, откуда они въ слѣдующемъ году, при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, пытались дойти до устья Оби. Только одно изъ судовъ этой экспедиціи дошло до губы Мутной; 23-го сентября они вернулись опять въ Печору. Болѣе удачно плавали новыя начальники этой экспедиціи, лейтенанты Малыгинъ, Скуратовъ и Сухотинъ, — вышедшіе изъ Архангельска въ 1736 г. Въ первомъ году они дошли, правда, только черезъ Югорскій Шаръ до устья рѣки Кары подъ $69^{\circ}48'$ сѣв. шир. и были вынуждены 8-го октября расположиться на зимовку въ устьѣ рѣки Трехозерной, близъ Мяснаго острова, который былъ снятъ на планъ. Землемѣръ Селифонтовъ объѣхалъ на самоѣдскихъ нартахъ, въ іюль и августъ 1736 г., весь западный берегъ Обской губы и сдѣлалъ съемку всего этого побережья, лежащаго приблизительно между $60^{\circ}30'$ и 73° сѣв. шир.¹⁾ Малыгинъ съ товарищами, пробившись опять, наконецъ, 13-го іюля 1737 г. съ величайшими затрудненіями въ Карское море, прошли 2-го августа мимо Мутной губы и Шараповой косы, а 11-го сентября, одолѣвъ грозившія имъ опасности отъ льдовъ въ проливѣ между Ыльмъ островомъ и материкомъ, вошли благополучно въ Обскую губу. Они являются первыми и до 1869 г. единственными мореплавателями, которымъ удалось пройти съ запада до Оби²⁾. По этой рѣкѣ они поднялись вверхъ до устья Сосвы, гдѣ они перезимовали, въ Березовскѣ. Лейтенантъ Малыгинъ возвратился отсюда сухимъ путемъ въ С.-Петербургъ, а суда его, подъ командою Скуратова и Головина, употребили полныхъ два года на обратное плаваніе въ Архангельскъ. Хотя они 3-го августа 1738 г. дошли до Карскаго моря, но были вынуждены возвратиться и еще одну зиму провести въ Обдорскѣ, на берегу Оби, подъ полярнымъ кругомъ, такъ что имъ удалось только въ августъ и сентябрь слѣдующаго 1739 года довести свои суда до устьевъ Двины.

Для того, чтобы связать Обь съ Енисеемъ путемъ морскаго сообщенія, въ распоряженіе лейтенанта Овцына была предоставлена шлюпка „Тоболь“. Но три года сряду всѣ попытки обогнуть восточную оконечность Обской губы были тщетны. Это сдѣлалось возможнымъ только въ 1737 году, когда Овцынъ получилъ въ

¹⁾ Шнереръ, „Новая Земля“, стр. 26.

²⁾ Пешель, „Geschichte der Erdkunde“, стр. 456.

подкрѣпленіе еще второе судно, а равно къ нему были назначены помощниками корабельный мастеръ Кошелевъ и штурманъ Мининъ. Выходя изъ Обдорска, они обследовали всю Обскую губу, обогнули мысъ (Matte-sole) и вошли въ Енисей, гдѣ они провели зиму 17^{37/38} года. Вслѣдствіе жалобъ, принесенныхъ его подчиненными, Овцынъ былъ отозванъ и привлеченъ къ отвѣтственности, а дальнѣйшее завѣдываніе этою экспедиціею поручено штурману Минину, которому была дана задача обогнуть слѣдующимъ лѣтомъ, если возможно, мысъ Таймуръ. 16-го іюня 1738 онъ отплылъ на одномъ суднѣ отъ берега Енисея, дошелъ до его устья 15-го августа и поплылъ вдоль восточнаго морскаго берега. Подъ 72°8' сѣв. широты они встрѣтили сплошной ледъ и были вынуждены 28-го августа встать на якорь. Стерлеговъ былъ посланъ, чтобы отыскать свободный фарватеръ. Сдѣлавъ 42 километровъ, онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ берегъ уклоняется на востокъ близъ острововъ сѣверо-восточныхъ, но былъ принужденъ вернуться, по недостатку продовольствія. Мининъ оставался въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ бросилъ якорь, до 11-го сентября, когда наступавшіе холода заставили его войти обратно въ Енисей на зимовку. 1739 годъ Мининъ провелъ, занимаясь съемкою береговъ Енисея, до устья. Въ теченіи зимы 1740 г. посылалъ онъ штурмана Стерлегова на нартахъ, запряженныхъ собаками, изъ Туруханска для съемки прибрежья до Таймура. 3-го апрѣля Стерлеговъ дошелъ до сѣверо-восточныхъ острововъ подъ 73°5' сѣв. широты и отсюда началъ съемку, наблюдая почти ежедневно широту. 20-го апрѣля онъ былъ подъ 75°26' сѣв. шир. и тамъ водрузилъ на выдающейся скалѣ сигнальный шестъ (мысъ Стерлеговъ). Опасаясь ослѣпнуть отъ сильнаго отраженія солнечныхъ лучей, Стерлеговъ пустился въ обратный путь. У устья Пясины онъ сдѣлалъ непродолжительную дневку, чтобы дать оправиться утомленнымъ собакамъ, а 10-го іюня вернулся въ Туруханскъ. Послѣ этого Мининъ вновь предпринялъ 19-го іюня на своемъ суднѣ плаваніе къ сѣверу; 16-го августа онъ дошелъ до устья Енисея, а 28-го, потерявъ во время сильной бури свою гребную лодку, прибылъ къ устью Пясины. Подъ 75°15' сѣв. шир. непреодолимая масса льда заградила ему 2-го сентября дальнѣйшее движеніе къ сѣверу и заставили его вернуться, тѣмъ болѣе, что и по позднему времени года уже пора было. Мининъ на 11' не дошелъ до широты, подъ которою былъ 20-го апрѣля того-же года его штурманъ Стерлеговъ, и вообще на 1°15' не дошелъ до мыса Таймура. 9-го сентября его судно вошло опять въ Енисей, по которому онъ поднялся до Дудонки, гдѣ Мининъ провелъ зиму, занимаясь съемкою береговъ Енисея до Енисейска, послѣ чего онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Эти замѣчательныя заслуги были однако затмѣнены дѣйствіями офицеровъ, которымъ было поручено обследовать побережье ледовитаго моря отъ Лены къ западу до Енисея, слѣдовательно, такъ сказать, идти на встрѣчу Овцыну и Минину. 12-го іюля 1735 г. вышли изъ Якутска два судна великой экспедиціи, спускаясь внизъ по Ленѣ, подъ командою лейтенантовъ: Прончищева, которому сопутствовала его мужественная жена, и Лазиніуса. 14-го августа они доплыли до устья Лены и лѣвымъ рукавомъ ея вышли въ открытое море. 21-го августа наши мореплаватели раздѣлились: Лазиніусъ, согласно данной ему инструкціи, пошелъ на востокъ, а Прончищевъ на западъ, но доплылъ въ этомъ году только до устья Оленека, гдѣ онъ перезимовалъ. Лишь послѣ того, какъ льды ледовитаго океана оторвались отъ береговъ, а именно 16-го августа 1736 г., Прончищевъ могъ продолжать свое плаваніе на западъ. Миновавъ устье рѣки Анабары, для съемки которой онъ послалъ землемѣра Чекина, онъ вошелъ въ заливъ Хатангскій, а 20-го августа достигъ мыса и залива св. Ѳаддея и острова св. Лаврентія, полагая ошибочно, что онъ находится въ устьи Таймура. По вычисленію, его судно находилось 1-го сентября подъ 77° 29' сѣв. широты, сѣвернѣе котораго былъ только Норденскіе льды въ августѣ 1878 г. Сплошной ледъ помѣшалъ ему проникнуть далѣе къ сѣверу. Еслибы Прончищеву удалось проникнуть на нѣсколько минутъ сѣвернѣе, то онъ былъ бы первый, вступившій на самую сѣверную оконечность Азіи. Сильный сѣверный вѣтеръ погналъ его, судно 6-го сентября на югъ. Но раньше чѣмъ они успѣли дойти до своего зимняго убѣжища на Оленекѣ, славный Прончищевъ скончался отъ цынги 11-го сентября; 12 дней спустя за нимъ послѣдовала въ могилу его мужественная супруга. Начальство надъ экспедиціею принялъ штурманъ Телушкинъ, который провелъ ужасную зиму со своими товарищами до іюля 1737 года и затѣмъ уже вернулся въ Якутскъ. Императорское адмиралтейство рѣшило, однако, еще одинъ разъ послать экспедицію къ сѣверо-восточному мысу, начальникомъ которой былъ назначенъ Харитонъ Лаптевъ.

21-го іюля 1739 года Лаптевъ выступилъ изъ Якутска, въ сопровожденіи нѣсколькихъ меньшихъ судовъ, подвозившихъ ему провіантъ на два года. 1-го августа онъ вышелъ черезъ Крестовскій рукавъ Лены въ море, проплылъ вдоль берега въ западномъ направленіи мимо устья Оленека и залива Хатангскаго и 1-го сентября былъ въ виду мыса св. Ѳаддея подъ 76° 47' сѣв. шир., состоящаго изъ крутаго утеса, покрытаго бѣловатыми камнями и скуднымъ мохомъ, не годнымъ даже для корма оленей. 3-го сентября Лаптевъ послалъ землемѣра Чекина удостовѣриться, да-

леко ли простирается земля на западъ, а Телушкина осмотрѣть предполагаемый имъ заливъ Таймуръ въ нижнемъ направленіи. И тотъ и другой вернулись, не сдѣлавъ ничего, потому что туманъ и отменяя мѣста лишали ихъ возможности исполнить данныя имъ порученія. Съ величайшими затрудненіями удалось, наконецъ, 8-го сентября выйти въ заливъ Хатангскій, въ самомъ южномъ углу котораго, у устья рѣки Блудной, наши плователи рѣшились перезимовать среди тунгусскаго племени, тамъ поселившись. Къ концу зимы Лаптевъ послалъ 4-го апрѣля 1740 года Чекина на девяти нартахъ къ Таймуру, чтобы сдѣлать съемку морскаго побережья отъ устья этой рѣчки до Пясины. Нѣсколько тунгусовъ со своими оленьими стадами присоединились-было къ этой поѣздкѣ, но вскорѣ вернулись, потому что олени ихъ стали падать отъ недостатка корма. Чекинъ дошелъ до рѣки Таймура, вдоль нея до морскаго побережья, по которому онъ прошелъ сто километровъ въ западномъ направленіи до того мѣста, гдѣ оно внезапно поворачиваетъ къ югу. Отсюда онъ долженъ былъ вернуться назадъ, по недостатку продовольствія. 29-го мая онъ возвратился къ Хатангѣ.

Такъ какъ Лаптевъ считалъ, что обойти кругомъ полуостровъ Таймура невозможно, потому что онъ обложенъ сплошнымъ неподвижнымъ льдомъ, то онъ и рѣшилъ прямо вернуться на Лену, но ему не удалось выйти въ море ранѣе 11-го августа и повернуть на востокъ. Видимо его преслѣдовала неудача. 25-го августа судно его было окружено огромными массами льда, которыя его такъ сжали, что ни какого другаго пути спасенія не оставалось какъ выйти на берегъ. Только на девятый день они успѣли добраться по вновь образовавшемуся льду до берега, близъ устья Оленека, а за симъ надлежало спасти съ судна провіантъ и прочія судовыя принадлежности. 11-го сентября страшная буря разломала ледъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, раздробила окончательно ихъ судно, вмѣстѣ съ еще не вывезеннымъ отчасти весьма драгоцѣннымъ грузомъ. Теперь уже болѣе ничего не оставалось дѣлать потерпѣвшимъ крушеніе, какъ только возможно скорѣе добраться до мѣста ихъ прошлогодней зимовки. Они выступили 25-го сентября и только въ 25 дней, послѣ невыразимыхъ затрудненій и въ полнѣйшемъ изнеможеніи, дошли до желаннаго мѣста. Въ теченіи всей длинной зимы команда, состоявшая изъ 40 человѣкъ, должна была дѣлать постоянно усиленнаго движенія, что способствовало сохраненію здоровья. Потеря судна въ мѣстности, отдѣленной отъ всякаго сообщенія съ остальнымъ свѣтомъ, указывала на необходимость замѣнить этотъ способъ передвиженія другимъ, прежде всего санями, запряженными собаками. Въ распоряженіи экспедиціи состояло всего десять собакъ, составлявшихъ ея собственность: остальную,

и къ тому же наибольшую, часть перевозочной силы должны были доставить мѣстные жители, вслѣдствіе чего собственное ихъ существованіе было крайне стѣснено, скажемъ болѣе: во многихъ случаяхъ вполне разорено. Причину нынѣшней бесплодности сѣвернаго побережья Азіи нужно отчасти искать въ чрезмѣрной тягости натуральныхъ повинностей, къ которымъ мѣстные жители были тогда привлечены.

Съ апрѣля 1741 г., какъ только позволяло время года, начались вновь разѣзды. Телушкинъ отправился на нѣсколькихъ собачьихъ нартахъ для обследованія и съѣмки морскаго побережья отъ Пасины до Таймура. Для этой цѣли ему назначено было перейти черезъ тундру до р. Пасины, а оттуда подняться по морскому берегу, въ сѣверо-восточномъ направленіи, до м. Таймура, между тѣмъ какъ Лаптевъ предоставилъ себѣ обследовать и снять восточныя побережья Таймурскаго полуострова на встрѣчу Телушкину, чего онъ, однако же, не исполнилъ. Чекину было поручено составить подробную съѣмку побережья къ западу отъ р. Таймура, куда онъ и выступилъ 30-го апрѣля на трехъ нартахъ. Остальная часть команды должна была доставить на 100 самоѣдскихъ оленьихъ нартахъ всю поклажу экспедиціи къ Енисею въ Туруханскъ. Первый отрядъ выступилъ 28-го апрѣля, а вслѣдъ за нимъ и второй на 60 нартахъ. Самъ начальникъ экспедиціи Лаптевъ вышелъ съ мѣста ихъ зимовки 6-го мая на четырехъ собачьихъ нартахъ въ сѣверо-западномъ направленіи къ озеру Таймуру, лежащему приблизительно въ 205 километрахъ оттуда. Необходимые запасы были уже заранѣе туда отправлены. 12-го мая онъ дошелъ до озера, затѣмъ, слѣдуя по теченію рѣки, онъ прибылъ 18-го мая къ ея устью подъ 75°36' сѣв. шир. Въ концѣ мая онъ вновь выступилъ и исполнилъ теперь самую замѣчательную часть своего путешествія, а именно обошелъ кругомъ мысъ Таймура или сѣверо-западный, который впрочемъ, какъ намъ нынѣ положительно извѣстно, находится не на материкѣ, а на островѣ.

Подвигаясь по берегу къ сѣверу, Лаптевъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ Таймурскій полуостровъ или болѣе всего суживается—или даже проливъ отдѣляетъ отъ материка тотъ островъ, на которомъ находится мысъ Таймуръ. Здѣсь Лаптевъ впервые и при ясной погодѣ потерялъ берегъ изъ виду. На удачу онъ пробѣжалъ 21 килом. въ сѣверо-западномъ направленіи, чтобы ближайшимъ путемъ пересѣчь предполагаемый имъ глубокой заливъ, а затѣмъ онъ поворотилъ круто, почти подъ прямымъ угломъ, на сѣверо-сѣверо-востокъ, видимо потому, что въ этомъ направленіи показалась земля, до которой онъ и достигъ, слѣлавъ 8¹/₂ килом. Такимъ образомъ онъ перешелъ, самъ того не подозревая, черезъ

проливъ, имѣющій въ ширину 32 килом., и попалъ на большой островъ, который онъ теперь обходилъ въ западномъ и юго-западномъ направленіи. 3-го іюня онъ опредѣлилъ широту крайней сѣверной оконечности подъ $76^{\circ}38'$, за симъ прошелъ 3 килом. въ юго-западномъ направленіи и водрузилъ на мысу высокій сигнальный шестъ. Отъ этого мѣста берегъ поворачиваетъ прямо на югъ. Слѣдующе вдоль этого берега, онъ встрѣтилъ 14-го іюня у мыса, названнаго имъ Стерлеговымъ, подъ $75^{\circ}26'$ сѣв. шир. своего штурмана Телушкина, который шелъ отъ устья Пясины вдоль берега на востокъ. Соединенными силами они, съ величайшею точностью, вновь сдѣлали съемку побережья отъ Стерлегова мыса до устья Пясины, гдѣ они подъ $73^{\circ}39'$ сѣв. шир. встрѣтили сѣвшихъ тамъ тунгусовъ. 23-го іюня эти неутомимые дѣатели разстались: Лаптевъ, послѣ немногихъ дней отдыха, пошелъ черезъ тундру прямо къ Енисею, между тѣмъ Телушкинъ пошелъ къ устью Енисея, поднялся вверхъ по этой рѣкѣ и, наконецъ, 16-го августа присоединился опять къ своему вождю. Недѣлю спустя пришла и остальная команда къ нимъ у впаденія Дудинки въ Енисей, а также совершенно неожиданно возвратился и Чекинъ, къ сожалѣнію не исполнивъ ничего изъ порученнаго ему. Всѣ условія для дальнѣйшаго слѣдованія казались ему до того неблагопріятными, что онъ предпочелъ вернуться къ Хатангѣ и оттуда къ Енисею. 10-го сентября 1741 г. вся экспедиція прибыла въ городокъ Туруханскъ (прежній Мангазейскъ) и расположилась здѣсь на зимовку.

Такимъ образомъ экспедиція исполнила большую часть поставленныхъ ей задачъ, но оставалось еще восполнить одинъ пробѣлъ въ этой сѣти съемокъ, а именно подробно обследовать пространство побережья на западъ отъ мыса Оаддеева. Для исполненія этой работы Лаптевъ послалъ 16-го декабря 1741 г. испытаннаго штурмана Телушкина, и, девять недѣль спустя, поѣхалъ вслѣдъ за нимъ, мимо поселеній на рѣкахъ Пясинѣ и Дудыптѣ, къ озеру Таймуру. На сей разъ Лаптевъ не достигъ ни какихъ результатовъ, которые заслуживали бы быть упомянутыми. 28-го іюля 1742 г. онъ вернулся въ Туруханскъ: этимъ и кончилась его дѣятельность на крайнемъ сѣверѣ.

Телушкинъ, напротивъ, съ успѣхомъ работалъ до 1-го августа 1742 года. Его труды этого года составляютъ блестящій вѣнецъ длиннаго ряда экспедицій: онъ открылъ и объѣхалъ самый сѣверный мысъ Азіи, который, потомство въ честь ему, назвало „Телушкинымъ“. Хотя Телушкину и не было предоставлено дѣлать самостоятельныя экспедиціи по сѣверу Азіи, и онъ всегда былъ въ подчиненности у другихъ, у Прончищева и Лаптева, тѣмъ не менѣе именно его поѣздки и труды служатъ наилучшимъ украше-

ніемъ всего этого великаго предпріятія и обезпечили за нимъ почетное мѣсто въ числѣ арктическихъ открывателей. Главнѣйшую свою побѣдку Телушкинъ предпринялъ 16-го декабря 1741 г. съ Енисея, чтобы сдѣлать съемку пространства отъ мыса Оаддеева на западъ и связать его съ сѣтью другихъ. Изъ Туруханска онъ отправился къ Хатангѣ, взялъ оттуда съ собою 15 нартъ и поѣхалъ въ половинѣ апрѣля къ сѣверу. Вся дорога была чрезвычайно однообразна: берегъ былъ вездѣ глинистый и низменный, только изрѣдка ничтожныя возвышенности, тамъ и самъ небольшіе островки. Въ прямомъ направленіи къ сѣверу Телушкинъ проникъ 1-го мая 1642 года до мыса Оаддеева и, убѣдившись, что это самая сѣверная точка Азіи, онъ продолжалъ свое шествіе впередъ, по нѣкимъ еще невиданному пространству. Открытіе имъ дѣйствительной сѣверной оконечности Азіи Телушкинъ описываетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующими словами: „19-го мая на протяженіи 10 верстъ къ западу-сѣверо-западу берегъ глинистый и низменный. Три версты къ сѣверу и двѣ къ сѣверо-западу берегъ высокъ и крутъ, глинистъ и покрытъ валунами; здѣсь мы достигли 21-го мая до скалистаго круто спускающагося мыса средней вышины, окруженнаго гладкою ледяною площадью безъ обломковъ и отдѣльныхъ торчащихъ льдинъ. Этотъ мысъ я назвалъ „сѣверо-восточнымъ“ и поставилъ на немъ сигнальный шестъ изъ привезеннаго съ собою дерева“. Широту этого мыса онъ опредѣлилъ $77^{\circ}34'$ съ замѣчательною точностью, ибо наблюденія Норденскіольда 1878 года показываютъ его подъ $77^{\circ}42'$ сѣв. шир. Это можетъ служить новымъ доказательствомъ добросовѣстности славнаго Телушкина, заслуги котораго неоднократно подвергались сомнѣнію, но блистательно наконецъ доказаны Соколовымъ, заслуженнымъ русскимъ морякомъ-офицеромъ.

27-го мая 1742 г. Телушкинъ встрѣтился съ Хорошевымъ и еще однимъ якутомъ, которые были ему посланы на встрѣчу Лаптевымъ съ Таймура. Вѣроятно онъ прежде всего связалъ свое описаніе со сдѣланнымъ ими очертаніемъ, а затѣмъ они всѣ вмѣстѣ переправились черезъ тундру къ устью Таймура. Послѣ того всѣ члены экспедиціи сѣхались въ Туруханскъ, а отсюда они отправились черезъ Енисейскъ въ С.-Петербургъ, гдѣ Лаптевъ лично представилъ адмиралтейству свои отчеты.

Одновременно съ Прончищевымъ, какъ мы уже упомянули, вышелъ въ 1735 г. изъ устьевъ Лены лейтенантъ Лазиніусъ съ тѣмъ, чтобы, если возможно, пройти на своемъ двухмачтовомъ шлюпѣ черезъ Беринговъ проливъ въ Камчатку или къ устью Анадыра. 30-го іюня онъ выступилъ изъ Якутска сплавомъ по Лентѣ, 2-го августа былъ у ея устья и вышелъ Быковскимъ рука-

ломъ въ море. Уже 13-го августа дальнѣйшее плаваніе было остановлено громадными льдинами, такъ что они были вынуждены расположиться на зимовку въ 130 килом. къ востоку отъ Лены, у рѣчки Хара-Улаха. Въ теченіи зимы цынга похитила большую часть команды, а наконецъ и самого начальника экспедиціи.

Вмѣсто Лазиніуса былъ назначенъ Дмитрій Лаптевъ (не слѣдуетъ его смѣшивать съ вышепоименованнымъ Харитономъ Лаптевымъ), который спустился по Ленѣ на плоскодонныхъ судахъ. Въ маленькихъ лодкахъ онъ добрался вдоль берега до рѣчки Хара-Улаха, но, по позднему времени года, возвратился въ Быковскій рукавъ Лены и перезимовалъ въ мѣстечкѣ Хомутовѣ. Такъ какъ онъ представилъ мнѣніе о невозможности огибать мысы Борхая и св. Носъ, лежащіе между Леною и Индигиркою, то онъ и получилъ просимое имъ разрѣшеніе возвратиться въ Якутскъ. Тѣмъ не менѣе, Сенатъ въ Петербургѣ рѣшилъ еще сдѣлать попытку, чтобы съ Лены прочлѣсть на востокъ по Ледовитому океану. Эту новую и болѣе успѣшную экспедицію Лаптевъ предпринялъ изъ Якутска 7-го іюня 1739 г. Пока морское судно, будучи затерто льдами у мыса Быкова, стояло на мѣстѣ, штурманъ Щербининъ сдѣлалъ съѣмку берега до мыса Борхая, вокругъ котораго Лаптевъ обошелъ 8-го августа. 11-го того же мѣсяца экспедиція бросила якорь у устья Яны, послѣ этого еще подалась немного на востокъ, но 9-го сентября застряла во льдахъ у самаго берега. Въ этомъ безпомощномъ положеніи судовая команда оставалась до 20-го сентября. 24-го числа она дошла до русскаго зимовья, расположилась на берегу устья Индигирки, въ 50—55 килом. отъ того мѣста, гдѣ судно замерзло. До весны Лаптевъ воспользовался временемъ для мѣстныхъ изслѣдованій: онъ послалъ землеѣра Киндякова для обслѣдованія берега до Колымы, а самъ занялся осмотромъ пространства до отмелаго устья рѣчки Хромы. 31-го іюля 1740 г. Лаптевъ опять вышелъ въ море, дошелъ 2-го августа до устья рѣчки Аласеи и открылъ 3-го числа первый изъ Медвѣжьихъ острововъ, которому далъ названіе въ честь св. Антонія. Только 14-го августа дальнѣйшее шествіе впередъ на востокъ было остановлено необозримымъ, сплошнымъ льдомъ у мыса Баранова. Долгое время послѣ Лаптева это мѣсто считалось крайнимъ предѣломъ плаванія на востокъ по Ледовитому океану. Въ Нижне-Колымскѣ экспедиція перезимовала, и здѣсь неутомимый Лаптевъ выстроилъ двѣ большія лодки для продолженія плаванія въ слѣдующемъ году. Къ сожалѣнію, и въ этомъ году не прошли дальше Баранова мыса, такъ какъ и въ этомъ году фарватеръ былъ закрытъ безконечными льдинами. Уже 7-го августа Лаптевъ вернулся въ Нижне-Колымскъ. Два мѣсяца спустя онъ отправился на нартахъ сухимъ

путемъ въ Анадырскъ, куда онъ прибылъ 17-го ноября и тамъ перезимовалъ. Лѣтомъ 1742 года онъ отплылъ по теченію Анадыра до его устья, къ осени возвратился въ Анадырскъ, а оттуда черезъ Нижне-Колымскъ въ Якутскъ. Въ Петербургѣ онъ лично представилъ свои отчеты о своей экспедиціи, продолжавшейся семь лѣтъ ¹⁾).

Что-же, въ теченіе всего этого времени, совершалось на крайнемъ востокѣ Сибири, тамъ, гдѣ Берингъ, начальникъ всего этого предпріятія, дѣйствовалъ лично? Послѣ того, какъ капитанъ Шпангбергъ 21-го февраля 1733 г. уже впередъ уѣхалъ изъ Петербурга, Берингъ самъ пустился, 18-го апрѣля, въ путь. Шпангбергу было назначено завѣдывать южнымъ плаваніемъ, направляемымъ къ Японіи. Берингъ же самъ принималъ на себя плаваніе на востокъ, къ Америкѣ. Доставка всѣхъ необходимыхъ для полного вооруженія судовъ предметовъ и самая постройка ихъ въ Охотскѣ продолжалась очень долго, нѣсколько лѣтъ. Въ 1738 году, наконецъ, можно было начать плаваніе къ Курильскимъ островамъ и въ Японію. Такъ какъ плаванія Шпангберга, какъ бы они ни были интересны въ другомъ отношеніи, къ исторіи полярныхъ путешествій никакого отношенія не имѣютъ, равно какъ и путешествія Миллера и Гмелина внутрь Сибири, то здѣсь и не мѣсто о нихъ распространяться ²⁾. Необходимо только упомянуть, что, по счастливому стеченію обстоятельствъ, этимъ послѣднимъ удалось замѣнить себя въ январѣ 1739 г. въ Енисейскѣ рѣдко ревностнымъ дѣятелемъ въ лицѣ Георга Вильгельма Стеллера (род. въ Вейнсгеймѣ, во Франконіи 10-го марта 1709 г.), который и былъ назначенъ Академіею Наукъ помощникомъ къ Гмелину, а теперь отправлялся къ Берингу. Послѣдній, узнавъ между тѣмъ о прекрасной гавани на восточномъ берегу Камчатки, о просторной Авачинской губѣ, немедленно отплылъ туда на обоихъ своихъ корабляхъ, „св. Петрѣ“ и „св. Павлѣ“, въ честь которыхъ онъ называлъ основанный имъ тамъ городокъ „Петропавловскомъ“. Это тотъ знаменитый Петропавловскій Портъ, въ которомъ находятъ убѣжище всѣ суда, плавающія по сѣверной части Тихаго океана. 4-го іюня ³⁾ 1741 года оба корабля вышли въ море. Берингъ, которому Стеллеръ сопутствовалъ, командовалъ „св. Петромъ“, а Чириковъ, въ сопровожденіи Делиля де-ла-Крозера, „св. Павломъ“. Когда Берингъ сталъ совѣщаться со своими офицерами, какой

¹⁾ Линдеманъ, въ Петермановск. «Geograph. Mittheilung.» 1879, стр. 163—164.

²⁾ Точную оцѣнку этихъ трудовъ можно прочесть въ «Geschichte der Erdkunde» Пешеля, на стр. 459—461.

³⁾ По Пешелю: 29-го мая.

курсъ держать, Делиль представилъ карту, которая, какъ парижскими учеными такъ и С.-Петербургскою Академіею Наукъ, была рекомендована какъ документъ, заслуживающій довѣрія. На этой картѣ ни какихъ земель на востокъ отъ Камчатки не значилось, а къ юго-востоку подъ 46° сѣв. шир.—длинный берегъ, простиравшійся черезъ 15 градусовъ долготы, со слѣдующею надписью: „Terres, vues par Don Juan de Gama, en allant de la Chine à la nouvelle Espagne“. Видѣли будто эту землю съ юга. Какой это былъ Гама—никто не зналъ. Но такъ какъ эта карта была дана знаменитымъ королевскимъ географомъ Гильомомъ Делилемъ младшему своему брату Лѳи, астроному, отправлявшемуся въ Камчатскую экспедицію, то и было рѣшено держать курсъ въ указанномъ направленіи. Берингъ и Чириковъ, дѣйствительно, спустились до 46° сѣв. шир., но убѣдившись въ несуществованіи земли, видѣнной будто-бы Гамою, поворотили на сѣверо-востокъ. Вскорѣ послѣ того, а именно 20-го іюня подъ 50° сѣв. шир., непроницаемый туманъ и сильная буря отдѣлили Чирикова отъ адмиральскаго корабля св. Петра. Берингъ крейсировалъ еще нѣсколько дней на этомъ же мѣстѣ, но не нашелъ своего товарища. Поэтому оба корабля продолжали свое плаваніе на сѣверо-востокъ различными путями.

Послѣдній вкратцѣ судьбу Чирикова ¹⁾. Держа курсъ на ОНО, онъ дошелъ до берега Америка подъ 56° сѣв. шир., т. е. почти до того мѣста, гдѣ русскіе впослѣдствіи основали свою славную колонію Ситху. Такъ какъ берегъ былъ крутъ и не было видно ни какихъ бухтъ, то Чириковъ послалъ свои единственныя двѣ лодки для ближайшаго обозрѣнія побережья. Лодки не возвратились, и пришлось ихъ предоставить своей судьбѣ, о которой впослѣдствіи ни чего болѣе не могли узнать. Затѣмъ Чириковъ рѣшился вернуться въ Камчатку ²⁾. Гонимый противными сильными бурями и терпя недостатокъ въ свѣжей водѣ, онъ присталъ подъ $51^{\circ}12'$ сѣв. шир. къ какому-то берегу, вѣроятно къ одному изъ Алеутскихъ острововъ; здѣсь онъ увидалъ нѣсколько мѣстныхъ жителей, которые подплыли къ нему въ кожаныхъ челнокахъ. Это все, что Чириковъ видалъ и узналъ объ Америкѣ. Страшная цынга развилась между его матросами, изъ 70 чел. померли 21. Чириковъ самъ слегъ съ 20-го сентября, равно какъ и Делиль. 9-го октября они вошли въ Авачинскую губу, куда ихъ привелъ единственный изъ всѣхъ здоровый офицеръ, штурманъ Елагинъ.

¹⁾ Стеллеръ о плаваніи Чирикова ни чего не пишетъ, о немъ сообщаетъ свѣдѣніе Миллеръ на стр. 198—202 и 238—242.

²⁾ Миллеръ, стр. 202.

Делиль скончался, не доходя до порта, когда онъ вышелъ на палубу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ ¹⁾. Весною 1742 года Чириковъ тщетно крейсировалъ по Камчатскому морю, въ надеждѣ, что онъ встрѣтится съ потерявшимся Берингомъ. Наконецъ онъ рѣшилъ вернуться и отправился, черезъ Охотскъ, Якутскъ, Иркутскъ, въ Петербургъ. Его произвели въ капитанъ-командиры, но онъ вскорѣ умеръ.

Послѣ того какъ Берингъ, какъ уже выше было упомянуто, напрасно прокрейсировалъ подъ 50° сѣв. шир., для отысканія Чирикова и даже для этой цѣли спускался до 45° сѣв. шир. т. е. до широты Дрековскаго Новаго Альбіона, нынѣшней сѣверной Калифорніи, онъ наконецъ поворотилъ на сѣверъ. 16-го іюля подъ 58°28', слѣдовательно двумя градусами сѣвернѣе того мѣста, гдѣ Чириковъ потерялъ свои лодки, онъ увидалъ американскій берегъ, покрытый густымъ лѣсомъ со снѣжными вершинами вдали. Пешель полагаетъ, что то былъ, вѣроятно, островъ Монтегу въ проливѣ принца Уэльскаго, которому Берингъ, въ честь святаго того дня, далъ названіе св. Ильи. Это вовсе не та высокая, снѣгомъ покрытая, сопка св. Ильи, какъ нѣкоторые показываютъ, которая лежитъ недалеко отъ берега и издалека видна, такъ что можетъ служить безошибочною примѣтою для всѣхъ приближающихся къ этому мѣсту берега. Стеллеръ, который не могъ удержаться, чтобы не пристать къ берегу, имѣлъ возможность остаться тамъ только самое короткое время (10 часовъ). Всѣ свѣдѣнія, которыя онъ успѣлъ собрать въ столь короткій срокъ относительно климата, царствъ растительнаго и животнаго и мѣстныхъ жителей сѣверо-западнаго побережья Америки, составляютъ самый интересный и важный результатъ этой экспедиціи, продолжавшейся болѣе десяти лѣтъ ²⁾. Стеллеръ обвиняетъ Беринга, что онъ былъ слишкомъ слабъ и уступчивъ, а остальные офицеры, утомленные трудами и лишеніями путешествія, стремились скорѣе вернуться на родину. Поэтому пребываніе на почвѣ Новаго Свѣта было слишкомъ короткое: уже 21-го іюля они взяли опять курсъ на западъ.

Такъ какъ отъ мыса св. Ильи берегъ постепенно наклонялся къ югу, то и пришлось идти на юго-западъ, параллельно большому полуострову Аляскѣ, простирающемуся въ этомъ направленіи. 2-го августа увидали здѣсь вдали большой островъ, вѣроятно Кадьякъ, а затѣмъ 29-го числа открыли подъ 55°25' группу острововъ, вблизи которыхъ скончался штурманъ Шумагинъ; въ честь его

²⁾ Тамъ-же, стр. 241.

¹⁾ Всѣ его замѣчанія заключаются въ его дневникѣ, стр. 159—171.

они и названы. Противный вѣтеръ задержалъ здѣсь Беринга цѣлую недѣлю, потомъ онъ пошелъ прямо въ Камчатку и въ Петропавловскій Портъ. Такимъ образомъ наши открыватели шли вдоль Алеутскихъ острововъ, видѣнныхъ теперь въ первый разъ европейцами; но они не подозрѣвали, что это цѣлая гряда острововъ. Они полагали, что все это материкъ Америки. 24-го сентября показалась подъ 51° сѣв. шир. гора (Іоанна) на Андріанскихъ островахъ ¹⁾. Хотя и запаслись здѣсь водою, но она была такъ дурна, что отъ нея въ высшей степени развилась на кораблѣ цынга и многіе изъ команды слегли. Даже самъ Берингъ заболѣлъ до такой степени, что лейтенантъ Ваксель долженъ былъ принять командованіе судномъ. Этотъ, по видимому, родомъ шведъ и нѣмецъ Стеллеръ были къ концу этого плаванія единственные здоровые люди на кораблѣ, могшіе распоряжаться и дѣйствовать. Въ безпрестанной борьбѣ съ противными вѣтрами и бурями, которые ихъ отогнали было до 48° сѣв. шир., ²⁾ постепенно поднимались они опять къ сѣверу и увидали еще нѣсколько острововъ. Нужно полагать, что это были такъ называемые Крысы острова, крайніе изъ Алеутскихъ къ западу, которымъ они дали названіе „св. Стефана“, „св. Θεодора“ и „св. Авраама“. Когда 30-го октября опять увидали два острова, то, полагая, что это Курильскіе, взяли курсъ на сѣверо-западъ. 4-го ноября они сѣли на мель у какого-то берега, который считали берегомъ Камчатки. Только нѣсколько мѣсяцевъ спустя, они узнали, что это островъ среди моря подъ 55°30' сѣв. шир. Волею-неволею они должны были рѣшиться остаться здѣсь на зимовку (1741—1742), столь убійственную для многихъ. Ежедневно кто нибудь да умиралъ; 8-го декабря скончался самъ командиръ Берингъ. Онъ лежалъ, какъ и остальные больные, въ песчаной пещерѣ, куда вѣтеръ непрерывно наносилъ песокъ и ихъ засыпалъ. Такъ какъ песокъ его хотя нѣсколько согрѣвалъ, то онъ и просилъ не снимать его съ него. Когда онъ умеръ, то пришлось его сперва вырыть, чтобы потомъ опять его предать землѣ. Такъ какъ на этомъ островѣ было безчисленное множество тюленей, сивучей и лисицъ различныхъ родовъ, то въ пищѣ недостатка не было; но самое важное, это то,—что матросы во время зимовки здѣсь нашли въ большомъ числѣ морскую выдру (морской боберъ), мѣхъ которой такъ высоко цѣнится и такъ дорого оплачивается. Они убили не малое число этихъ животныхъ и сдѣлали большой запасъ ихъ драгоценныхъ

¹⁾ Стеллеръ, стр. 172.

²⁾ Стеллеръ, стр. 192.

³⁾ Стеллеръ, стр. 224.

шкуръ, которыя впоследствии были побужденіемъ къ частымъ плаваніямъ на Востокъ.

Въ концѣ марта 1742 г. островъ этотъ освободился отъ снѣга. Лейтенантъ Ваксель съ оставшеюся въ живыхъ командою 45 чел. принялся строить большую длинную лодку изъ тщательно собранныхъ обломковъ разбитаго корабля. 13-го августа они вышли съ этого острова, названнаго ими Беринговымъ въ память своего добраго командира, и 27-го августа вошли благополучно въ Петропавловскій портъ. Тамъ они нашли магазины, полные запасами, оставленными Чириковымъ на случай ихъ возвращенія, хотя онъ считалъ ихъ безъ вѣсти пропавшими. Зиму 1742—1743 г. они провели въ Петропавловскомъ портѣ, а весною 1743 г. отправились въ Охотскъ. Отсюда Ваксель со своими людьми отправился въ Петербургъ, куда онъ прибылъ послѣ нескончаемыхъ задержекъ и величайшихъ препятствій только въ январѣ 1749 года. „Это время собственно слѣдуетъ считать концомъ 2-й Камчатской экспедиціи, которая такимъ образомъ продолжалась почти 16 лѣтъ“. Гмелинъ, Миллеръ и другіе участники въ этой экспедиціи вернулись въ Петербургъ уже нѣсколько лѣтъ раньше. Славному Стеллеру не было суждено насладиться этою радостью: онъ скончался 12-го ноября 1746 г. отъ горячки, на границѣ Европы, въ городѣ Тюмени ¹⁾).

¹⁾ Миллеръ, стр. 269.

Смерть Беринга.

Крушеніе Новикова у Алеутскихъ острововъ.

ОТКРЫТІЕ АЛЕУТСКИХЪ ОСТРОВОВЪ.

ОТЪ американскаго полуострова Аляски, почти вдоль 53° сѣв. шир., къ западу, тянется гряда огнедышащихъ сопокъ какъ будто отдѣляющихъ Берингово море отъ Великаго или Тихаго океана. Эти вулканы высятся надъ моремъ то въ видѣ темныхъ отвѣсистыхъ скалъ, о-которыя грозно разбиваются мощныя волны океана, то въ видѣ иззубреннаго прибрежья, образующаго многочисленныя бухты. Особенно величественный видъ представляетъ эта гряда коническихъ сопокъ и пирамидъ осенью и зимою, когда въ темнотѣ огненные столбы, вырывающіеся изъ кратеровъ, освѣщаютъ неустанно перекатывающіяся волны вѣчно бушующаго моря и волшебнo ледяныхъ гигантовъ, непрерывно передвигающихся по темному океану. Сѣверное сіяніе на небѣ и огнедышащія горы на землѣ какъ будто соперничаютъ здѣсь между собою, съ ужасающею красотою заливая необозримыя пространства своимъ огненнымъ свѣтомъ, безчисленные лучи ихъ встрѣчно преломляются въ облакахъ небесныхъ въ плавающихъ глетчерахъ, въ неизмѣримыхъ ледяныхъ пустыняхъ. Трудно, невозможно отличить, гдѣ кончается сѣверное сіяніе и гдѣ начинается отблескъ огненныхъ изверженій сопокъ, окрашивающихъ туманную поверхность Берингова моря. Это гряда сопокъ и острововъ, извѣстныхъ подѣ названіемъ Алеутскихъ, входитъ теперь, вмѣстѣ съ полуостровомъ Аляскою, въ составъ владѣній Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатовъ.

Въ Беринговомъ морѣ нѣтъ того оживляющаго вліянія, которое производитъ на другія пространства, прилежающія къ сѣвернымъ морямъ, теплое теченіе Гольфштрома и благотворный юго-западный вѣтеръ. Въ Норвегіи подѣ 60° сѣв. шир. созрѣваетъ еще кукуруза, подѣ 69° ячмень; близъ Архангельска, подѣ 65°, сельскій хозяинъ Ардаговъ съ успѣхомъ разводилъ пшеницу и гречиху; между тѣмъ на Алеутскихъ островахъ не произростаетъ ни малѣйшій кустикъ; сырой и холодный климатъ едва позволяетъ прозябать травамъ, всѣ попытки развести здѣсь хлѣбныя растенія были тщетны. Вступая въ область, окаймленную градою Алеутскихъ острововъ, мы встрѣчаемъ на берегахъ Берингова моря самыя суровыя, необитаемыя страны, лишенныя всякой органической жизни. Лѣтомъ постоянно стелется надъ этимъ моремъ густые непроницаемые туманы, вслѣдствіе того, что приливающіе сюда со всѣхъ сторонъ теплѣйшіе слои воздуха спускаются здѣсь въ пары; зимою плаваютъ по этому морю гигантскія ледяныя горы, безпрестанно передвигающіяся съ мѣста на мѣсто. Въ глубокихъ ущельяхъ Алеутскихъ острововъ растетъ роскошная сочная трава, а по крутымъ горнымъ покатосямъ стелются ковры изъ мховъ и лишавъ, придающіе непривѣтливымъ берегамъ этихъ острововъ живописный обманчиво-красивый видъ. Отдѣльные вулканы достигаютъ высоты 2000 метровъ надъ уровнемъ моря, а Шишалдинъ на островѣ Унишакѣ даже до 2800 метровъ. Съ апрѣля до іюля эти вершины покрыты непроницаемымъ туманомъ, съ іюля же до конца сентября яркое солнце на безоблачномъ голубомъ небѣ привѣтливо улыбается и этимъ вулканамъ и заглядываетъ въ глубину ущелій; случайно прибывшій сюда въ это время путешественникъ получаетъ неизгладимо-пріятное впечатлѣніе отъ этого, какъ бы сказать, праздничнаго вида обыкновенно насмурныхъ острововъ. Съ конца сентября они опять погружаются въ свою туманную оболочку, черезъ которую едва-видѣются темныя вершины заостренныхъ сопокъ, возвышающихся надъ моремъ. Въ октябрѣ начинаются страшныя снѣжныя матели и, въ теченіи семи мѣсяцевъ до начала мая, продолжается всеразрушающая зима.

Привлекаемые изобиліемъ морскихъ выдръ или, какъ ихъ называютъ порусски, морскихъ бобровъ, русскіе промышленники усердно стали посѣщать эти острова со временъ Беринга и Вакселя. Какъ охота за соболями привела промышленниковъ сухопутно къ устьямъ Амура и къ берегамъ Тихаго океана, такъ и ловъ морскихъ бобровъ завлекъ ихъ воднымъ путемъ еще гораздо дальше вдоль американскаго материка. Первоначально казаки и предприимчивые купцы изъ Якутска, Иркутска и даже Москвы имѣли въ виду для лова бобра только ближайшій Беринговъ ост-

ровъ, и вскорѣ они пошли и дальше на востокъ вдоль гряды Алеутскихъ острововъ. Казакъ Емельянъ Басовъ первый поплылъ въ 1745 году къ Берингову острову за добычею. 19-го сентября того же года судно „Евдокія“, подъ командою тобольскаго жителя Михаила Неводчикова, вышло изъ Камчатки въ море и открыло западнѣйшіе изъ Алеутскихъ острововъ, а именно „Крысьи“. Неводчиковъ со своими спутниками, изъ числа которыхъ заслуживаютъ быть упомянутыми: Аванасій Чебаевскій, Яковъ Чупровъ, Шафыринъ и Ларіонъ Бѣляевъ провели двѣ зимы на этихъ островахъ и, занимаясь ловомъ бобровъ, открыли острова Анту, Карагу и еще какой-то третій. Часто при этомъ у нихъ бывали непріязненные стычки съ мѣстными обитателями, но причиною тому были менѣе эти послѣдніе, чѣмъ сами открыватели, обращавшіеся съ ними нерѣдко очень жестоко. 27-го іюня это общество охотниковъ поплыло обратно въ Камчатку, куда они прибыли 21-го іюля ¹⁾. За этими передовыми застрѣльщиками вскорѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ частныхъ предпріятій, непрочныя суда которыхъ отнюдь не были приспособлены для географическихъ открытій. Изъ необходимыхъ для мореплаванія инструментовъ они имѣли только компасъ; капитаны судовъ были большею частью люди вовсе необразованные, которые на удачу пускались въ „Бобровое море“, какъ тогда называлась часть моря къ востоку отъ Камчатки. Истощивъ богатство западныхъ Алеутскихъ острововъ, они пошли шагъ за шагомъ далѣе на востокъ, открывая одинъ островъ за другимъ. Въ географическомъ отношеніи почти ни какого значенія не имѣли плаванія Андрея Всевидова съ 1747—23-го іюля 1749 года, Ѳедора Холодалова, Андрея Толстика съ товарищами (съ 20-го октября 1747 до 14-го августа 1748 г.) равно какъ и промышленныя предпріятія якутскаго купца Емельяна Югова въ 1750 и 1751 годахъ. Для полноты упомянемъ еще мимоходомъ о плаваніи судовъ: „Бориса и Глѣба“, принадлежащаго иркутскому купцу Никифору Трапезникову, подъ командою казака Силы Шафырина (1749—1753 г.), „Симеона“ Андрея Толстика (1749—1752 г.) и „Іоанна“, подъ командою казака Воробьева (1750—1752 г.). Къ этому же времени относится также замѣчательное плаваніе Симеона Новикова изъ Иркутска и Ивана Бахова изъ Устьюга, которые въ 1748—1749 годахъ поплыли изъ Анадырска въ Камчатку и у Берингова острова потерпѣли крушеніе. Казакъ Родіонъ Дурневъ, которому купецъ Трапезниковъ въ 1754 году поручилъ командованіе судномъ „св. Николаемъ“, вернулся въ 1757 году, открывъ островъ Агатаку, другое же судно, также снаряжен-

¹⁾ Coxe «Nouvelles découvertes des Russes», стр. 23—29.

ное Трапезниковымъ, подъ командою курскаго купца Алексѣя Дружинина, плавало безъ всякаго успѣха въ географическомъ отношеніи ¹⁾. На какихъ именно островахъ этой гряды были всѣ эти плаватели—трудно опредѣлить, но, по всему вѣроятію, еще въ 1750 году какое-то судно охотскихъ купцовъ открыло „Лисьи острова“, т. е. самые восточные изъ Алеутскихъ. Изъ числа трехъ судовъ, снаряженныхъ въ 1753 и 1754 годахъ Холодиловымъ, Серебrenниковымъ и Иваномъ Красильниковымъ, только судно Серебrenникова проникло до крайняго востока; плаванія же Холодилова и Красильникова, какъ 1753 такъ и повторенныя въ 1754 году не имѣли никакого успѣха. Красильниковъ потерпѣлъ крушеніе у Мѣдныхъ острововъ ¹⁾. 17-го сентября 1756 г. вышло изъ Камчатки въ море судно „Андрей и Каталосъ“, снаряженное Андреемъ Толстикомъ, перезимовало у Беринговаго острова, потомъ поплыло къ Аттаку и вернулось въ 1758 г. О плаваніи московскаго торговца Ивана Никифорова въ 1757 г. ничего болѣе подробно неизвѣстно, какъ только то, что онъ дошелъ до Лисьихъ острововъ. Туда же былъ отнесенъ бурями Иванъ Шмекинъ, вышедшій въ море въ сентябрѣ 1757 года вмѣстѣ съ Игнатіемъ Студенцовымъ. Они вернулись только послѣ четырехлѣтняго отсутствія въ іюль 1761 г. Между тѣмъ Симеонъ Красильниковъ и Никифоръ Трапезниковъ вновь снарядили для лова бобровъ два корабля, изъ которыхъ „Св. Владиміръ“ состоялъ подъ командою Дмитрія Пайкова, въ сопровожденіи казака Силы Шафырина. „Св. Владиміръ“, перезимовавъ у Берингова острова, продолжалъ съ іюля 1759 года свое плаваніе, заходя къ островамъ Горѣлому, Сичину и Адаку. На островѣ Горѣломъ Шафыринъ былъ убитъ въ іюнѣ 1760 г. въ стычкѣ съ мѣстными жителями. Положеніе „Св. Владиміра“ со своею командою было крайне затруднительное у острова Горѣлова, но на выручку ихъ пришло, къ счастью, судно „Гавріиль“, принадлежавшее иркутскому жителю Бечевину. Это судно, вышедшее въ море 31-го іюля 1760 г., состояло подъ командою офицера охотскаго гарнизона Гавріила Пушкарева; на немъ было нѣсколько прикащиковъ Бечевина. Въ слѣдующемъ году они пошли къ болѣе отдаленнымъ, очень населеннымъ островамъ Умнаку и Алаксу или Алашаку. Это, вѣроятно, былъ полуостровъ Аляска, который они считали островомъ. Здѣсь они перезимовали и, 25-го сентября 1762 г., послѣ разнородныхъ неудачъ и величайшихъ лишеній, вернулись въ Камчатку. Въ стычкахъ съ островитянами многіе изъ участниковъ экспедиціи полатились

¹⁾ Сохе, стр. 30—39.

²⁾ Сохе, стр. 40—45.

жизнію, но безусловно по собственной ихъ винѣ. Невѣжественные мореплаватели для удовлетворенія своихъ страстей не стѣснялись изнасиловать женъ и дочерей мѣстныхъ жителей, при чемъ, разумѣется, дозволяли себѣ жестокости относительно мужчинъ. Понятно, что раздраженное населеніе не упускало случая, чтобы отомстить пришельцамъ за нанесенное имъ оскорбленіе, подвергая ихъ такимъ образомъ заслуженному наказанію. Еще нужно упомянуть о послѣднемъ плаваніи Андрея Серебряникова на суднѣ „Петръ и Павелъ“, отправившагося къ Алеутскимъ островамъ въ 1759 году и вернувшагося оттуда въ 1761 г. ¹⁾. Многіе изъ упомянутыхъ плавателей описывали свои путешествія и приключенія или вели дневники, даже составляли карты, которыя отсылали въ Европу большею частью, разумѣется, съ цѣлью получить отъ правительства исключительное право лова или торговли на томъ или другомъ островѣ. Разумѣется, эти карты были крайне неудовлетворительны. Впрочемъ, говорятъ, что въ 1762 году купецъ Никифоровъ составилъ первую очень порядочную карту Алеутскихъ острововъ, которую онъ представилъ С.-Петербургскому кабинету.

Важнѣе всѣхъ упомянутыхъ предпріятій было плаваніе судна „Св. Андріанъ и Наталія“, начавшееся въ 1760 г. Судно это принадлежало Андрею Толстику; въ числѣ другихъ на немъ было два казака Петръ Васютинскій и Максимъ Лазаревъ. Какъ всегда, такъ и на этотъ разъ, они провели первую зиму на Беринговомъ островѣ; только 24-го іюня 1761 г. вышли, оттуда опять обследовали подробнѣе, чѣмъ это было сдѣлано до тѣхъ поръ, острова Аякъ, Канагу, Чечину, Тагалакъ и Аделакъ, давъ имъ общее названіе, по имени отправителя судна, „Андріановскихъ“. На обратномъ пути, предпринятомъ 14-го іюня 1764 года, Толстикъ заходилъ къ острову Семичу изъ Крысыихъ, а затѣмъ вернулся, 14-го сентября, въ Азію. Въ промежутокъ этого времени отправили еще свои суда къ Алеутскимъ островамъ: Цебаевскій въ 1760 г., а Кулаковъ въ 1762 году. Послѣднее, названное „Захарій и Елисавета“, подъ командою Дружинина, отправилось къ Умнаку и Уналашкѣ, перезимовало здѣсь, но здѣсь же и погибло: оно было уничтожено, и почти вся команда истреблена возмущившимися островитянами. Только четверемъ удалось спастись и, послѣ невыразимыхъ опасностей и приключеній, добраться, 3-го марта, 1764 года, до одного изъ судовъ Трапезникова. Этотъ богатый иркутскій купецъ отправилъ также въ 1762 году одно судно къ Лисьимъ островамъ, подъ командою Ивана Коровина. Перезимовавъ на Уналашкѣ, оно потерпѣло крушеніе въ одномъ

¹⁾ Сохе, стр. 46—63.

изъ заливовъ Умнака. Здѣсь напали на нихъ островитяне, вслѣдствіе чего многіе изъ команды погибли. Послѣ этого посѣтила ихъ жестокая болѣзнь, уменьшившая число ихъ до 12. Когда Коровинъ съ этою небольшою горстью—хотѣлъ было на лодкахъ искать спасенія, онъ наткнулся на остатки одного корабля, въ которомъ онъ узналъ судно, снаряженное тюменскимъ купцомъ Яковомъ Протасовымъ въ томъ же 1762 году подъ начальствомъ Діониса Медвѣдева. Вся команда этого корабля, какъ теперь оказалось, сдѣлалась жертвою островитянъ. Къ счастью, Коровинъ со своими товарищами, похоронивъ 20 труповъ своихъ соотечественниковъ, скорѣ попалъ на четвертое, отправленное въ 1762 г., судно подъ командою Стефана Глотова, которое ихъ и приняло къ себѣ на бортъ. Соединившись съ Глотовымъ, Коровинъ предпринялъ еще нѣсколько развѣдочныхъ экспедицій по внутрь Умнака и Уналашки. Впослѣдствіи Коровинъ разстался съ Глотовымъ и присоединился къ прибывшему, между тѣмъ, плавателю Соловьеву, съ которымъ онъ и возвратился въ Камчатку въ 1766 году.

Степану Глотову, уроженцу гор. Яренска, ловкому и опытному моряку, было поручено командованіе кораблемъ „Андріанъ и Наталія“, снаряженномъ Цебаевскимъ и другими. 1-го октября 1762 года вышелъ онъ въ море, перезимовалъ на Мѣдномъ островѣ, и, въ теченіи лѣта 1763 г., дошелъ, черезъ Уналашку, до большаго острова Кадьяка, лежащаго у самаго берега Американскаго материка. Говорятъ, впрочемъ, будто еще за два года до Глотова на этомъ островѣ былъ какой-то русскій мореплаватель. Глотовъ перезимовалъ на Кадьякѣ и, во всякомъ случаѣ, былъ первый, который тщательно обследовалъ этотъ островъ. И онъ имѣлъ нѣсколько стичекъ съ мѣстными обитателями, но наконецъ установились дружелюбныя отношенія къ нимъ, даже завелась мѣновая торговля. Въ маѣ 1764 года Глотовъ оставилъ Кадьякъ и возвратился къ Умнаку, гдѣ онъ и встрѣтилъ Коровина съ товарищами. Еще двѣ зимы 17^{64/65} и 17^{65/66} г. Глотовъ провель на Умнакѣ, составивъ въ своемъ дневникѣ довольно подробное описаніе этого острова. Въ іюлѣ 1766 года вернулся въ Камчатку ¹⁾).

То же, что было съ Глотовымъ, повторилось отчасти опять въ плаваніи Ивана Соловьева, которому иркутскій купецъ Яковъ Уледниковъ поручилъ 5-го августа 1764 г. командованіе судномъ „Петръ и Павелъ“. Соловьевъ не впервые приходилъ къ Алеутскимъ островамъ,—онъ уже раньше былъ тамъ на кораблѣ Ники-

¹⁾ Сохе, стр. 64—119.

форова. Первую зиму онъ провелъ на Уналашкѣ. Островитане силились также уничтожить его судно; вскорѣ послѣ присоединенія къ нему Коровина, враждебныя дѣйствія опять возобновились. Тѣмъ не менѣе онъ провелъ тамъ еще вторую зиму и отправился на родину только 1-го іюня 1766 г. Ему мы обязаны хорошимъ описаніемъ Лисьихъ острововъ. Плаваніе Аванасія Осулдина, вышедшаго 10-го сентября 1765 г. изъ Охотска на суднѣ „Св. Павелъ“, не привело ни къ какимъ результатамъ. Заходя на различные изъ Алеутскихъ острововъ, онъ перезимовалъ на Умнакѣ, посылалъ 1-го августа 1767 года своего штурмана Матвѣя Полоскова, уроженца гор. Илюйска, къ Уналашкѣ, и только 22-го мая 1770 г. поворотилъ съ Умнака на западъ къ Охотску.

Всѣ вышеперечисленныя плаванія были частныя предпріятія, благодаря которымъ, въ теченіи двухъ десятилѣтій, снаряжались морскія экспедиціи и дѣлались открытія въ Беринговомъ морѣ. Только съ шестидесятыхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія русское правительство снова приняло это дѣло въ свои мощныя руки. По порученію Охотскаго торговаго общества, основаннаго императрицею Екатериною II, лейтенантъ Синдъ и еще нѣсколько другихъ офицеровъ Императорскаго флота отправились для изслѣдованія Берингова моря. Къ сожалѣнію, объ этой экспедиціи имѣется очень мало свѣдѣній. Дневникъ Синда, кажется, потерянъ, но Коксъ могъ воспользоваться составленною Синдомъ картою своихъ плаваній. Въ 1764 году онъ вышелъ изъ Охотска. Различныя неудачи задержали его такъ долго, что онъ только въ 1766 г. обогнулъ южную оконечность Камчатки, мысъ Лопатку, и пришелъ въ Берингово море. Затѣмъ онъ держалъ курсъ на сѣверъ вдоль восточнаго берега Камчатки, но имѣлъ опять столько задержекъ, что, застигнутый позднимъ временемъ года, долженъ былъ перезимовать на крайнемъ сѣверѣ Камчатки въ устьѣ рѣчки Уки. Лѣтомъ 1767 года онъ пошелъ отъ Уки въ сѣверовосточномъ направленіи къ Берингову проливу и здѣсь наткнулся на группу острововъ; по крайней мѣрѣ на карту свою онъ нанесъ ихъ очень много. Едва ли это могутъ быть какіе-либо другіе кромѣ, какъ островъ св. Лавренція у южнаго входа въ Беринговъ проливъ и острова св. Діоміда (Гвоздевы), среди пролива, на равномъ разстояніи отъ Азіи и Америки. Вѣроятно Синдъ, крейсируя и лавируя по проливу, нѣсколько разъ получалъ эти острова на видъ съ различныхъ сторонъ; поэтому считалъ ихъ все различными островами и нанесъ ихъ на карту въ большемъ числѣ.

Чего собственно Синдъ хотѣлъ или что долженъ былъ дѣлать здѣсь на сѣверѣ—ясно нигдѣ не выражено. Вѣроятно императрица желала только, чтобы кто-либо изъ ея морскихъ офицеровъ наконецъ

ушелъ до противоположнаго берега Америки и съ достовѣрностью опредѣлилъ его разстояніе отъ азіатскаго, чего до тѣхъ поръ не было сдѣлано. Судя по его картѣ, С и н д ѣ дѣйствительно коснулся американскаго берега въ Беринговомъ проливѣ, обследовалъ Демидовы острова, а затѣмъ, лѣтомъ того же 1767 г., вернулся назадъ, тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ, и прибылъ въ Охотскъ уже въ 1768 году.

Одновременно съ С и н д о м ѣ императрица Екатерина II послала еще другую экспедицію на востокъ, къ другому мѣсту предполагаемаго американскаго материка, а именно къ восточной окраинѣ Алеутской гряды, гдѣ русскіе промышленники открыли „землю Аляску и большой островъ Кадьякъ“. Были снаряжены два судна „Св. Екатерина“ и, для сопровожденія, „Св. Павелъ“ подъ командою морскихъ офицеровъ К р е н и ц ы н а и Л е в а ш е в а, которые, какъ рассказываетъ П а л л а с ѣ, получили почти такую же инструкцію, какъ Берингъ въ 1741 г. 23-го іюля 1768 г. они вышли изъ устья р. Камчатки, отъ Берингова острова, взяли курсъ прямо на востокъ черезъ „Бобровое море“ по сѣверной сторонѣ Алеутской гряды, не встрѣчая нигдѣ ни материка, ни острововъ, и дошли такимъ путемъ до острововъ Лисьихъ, вдоль которыхъ поплыли въ сѣверовосточномъ направленіи до западной оконечности продолговатаго полуострова Аляски. Главное судно экспедиціи „Св. Екатерина“ перезимовало въ узкомъ проливѣ между полуостровомъ Аляскою и ближайшимъ островомъ Унишакомъ, а „Св. Павелъ“ въ какомъ-то заливѣ Уналашки. По ихъ опредѣленію, мѣсто стоянки „Св. Павла“ было подъ 53°29' сѣв. шир., что довольно точно совпадаетъ съ позднѣйшими астрономическими наблюденіями. Въ теченіи зимы К р е н и ц ы н ѣ и Л е в а ш е в ѣ вошли въ сношенія съ мѣстными обитателями на островахъ и на Аляскѣ и записали въ своихъ дневникахъ нѣкоторые свои наблюденія объ этихъ жителяхъ этнографическаго и психологическаго свойства. К р е н и ц ы н ѣ со своею командою обследовалъ на шлюпкахъ, въ теченіи лѣта, полуостровъ Аляску въ сѣверовосточномъ направленіи, совершивъ 14 переходовъ, а затѣмъ прошелъ поперекъ него. Этимъ обследованіемъ Аляски, первымъ, которое было сдѣлано, плаваніе К р е н и ц ы н а получаетъ важное значеніе. 22-го іюня 1769 года К р е н и ц ы н ѣ и Л е в а ш е в ѣ пустились съ Аляски и Унишака въ обратный путь и прибыли 24-го августа въ устье р. Камчатки. Здѣсь постигло ужасное несчастье начальника экспедиціи К р е н и ц ы н а: лодка, въ которой онъ хотѣлъ высадиться на берегъ, опрокинулась и онъ утонулъ въ виду гавани.

Только въ видѣ не безынтереснаго разсказа упомяну я здѣсь о смѣломъ плаваніи по Берингову морю венгерскаго графа Морица Беневскаго. Въ 1768 году Беневскій храбро сра-

жался противъ русскихъ въ рядахъ польскихъ конфедератовъ, былъ взятъ въ плѣнъ и сосланъ въ Камчатку. Здѣсь онъ сошелся съ другими сосланными изъ поляковъ; они достали себѣ оружіе, завладѣли какимъ-то судномъ и, для того, чтобы спастись изъ плѣна бѣгствомъ, вышли въ море изъ Большерѣцка, извѣстной гавани на западномъ берегу Камчатки. Держали они курсъ на Японію, но противный вѣтеръ погналъ ихъ на сѣверъ до 66° , т. е. до Берингова пролива, гдѣ они также увидали берегъ Америки. Когда имъ удалось опять поворотить на югъ, они наткнулись на Беринговъ островъ, пристали къ нему и встрѣтили тамъ нѣсколько сосланныхъ поляковъ. Плавая далѣе въ югозападномъ направленіи, они попали на западную окраину гряды Алеутскихъ острововъ, гдѣ они увидали нѣсколько крестовъ, поставленныхъ К р е н и ц ы н ы м ъ. Послѣ этого они вышли изъ русскихъ водъ и благополучно пустились въ Японію и Китай, гдѣ они пристали къ берегу въ сентябрѣ 1771 года. Новыхъ открытій неутомимый венгерецъ ни какихъ не дѣлалъ; тѣмъ не менѣе не можетъ быть пройдено молчаніемъ, что онъ въ 1771 г. (за пять лѣтъ до Кука) видѣлъ сѣверо-западную оконечность Америки.

Съ 1769 года плаванія русскихъ промышленниковъ къ восточнымъ алеутамъ и къ полуострову Аляскѣ стали еще учащаться. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, доставившихъ за время продолжительнаго ихъ пребыванія тамъ весьма замѣчательныя свѣдѣнія, сохранились подробные отчеты. Въ особенности заслуживаютъ быть упомянутыми, хотя вкратцѣ, плаванія Соловьева и Брагина ¹⁾).

Ружейный заводчикъ А. Орѣховъ и еще нѣсколько русскихъ купцовъ снарядили въ 1770 году корабль „Св. Павелъ“, назначивъ знакомаго уже намъ Ивана Соловьева его „передовщикомъ“. 6-го сентября 1770 года онъ вышелъ изъ Охотска и перезимовалъ на одномъ изъ Курильскихъ острововъ у южной оконечности Камчатки. Въ слѣдующемъ 1771 году, отплывъ 9-го іюля отъ Курильскихъ острововъ, онъ пришелъ 2-го августа къ одному изъ Лисьихъ острововъ, Акуну, гдѣ онъ провелъ со своею командою двѣ зимы, занимаясь ловомъ бобровъ и другихъ морскихъ животныхъ. Весною 1773 года они перешли къ Аляскѣ. Здѣсь они увидѣли нѣсколько животныхъ, водящихся только на материкѣ и раньше имъ не встрѣчавшихся на Алеутскихъ островахъ, а именно оленей и медвѣдей. Изъ этого Соловьевъ вывелъ заключеніе, что Аляска не островъ, а полуостровъ Американскаго материка. Со-

¹⁾ Палласъ, въ своихъ «Neuen Nordischen Beiträgen», II т., стр. 308—341, сообщаетъ подробныя свѣдѣнія объ этихъ плавателяхъ и приводитъ выписки изъ ихъ дневниковъ.

ловьевъ, находясь въ этихъ мѣстностяхъ почти шесть лѣтъ до 1775 года, былъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ мѣстными обитателями, собирая и покупая мѣха, слѣдовательно имѣлъ достаточно времени, чтобы дѣлать любопытныя наблюденія и исполнѣ ознакомиться съ мѣстными условіями. Они привезли въ Охотскъ, куда прибыли 16-го іюля 1775 года, нѣсколько тысячъ бобровыхъ, пѣсцовыхъ и другихъ мѣховъ. Изъ команды только половина вернулась въ Охотскъ.

Подобное же продолжительное плаваніе на счетъ русскихъ купцовъ предпринималъ въ 1772 году Дмитрій Брагинъ. Палласъ, имѣвшій случай познакомиться съ Брагинимъ, говоритъ, что онъ былъ главный морякъ, который отчетливо велъ свой путевой журналъ ¹⁾.

8-го сентября Брагинъ снялся на „Св. Михаилъ“ съ якоря съ Охотскаго рейда. Сильный западный штормъ выбросилъ его судно на мель у южной оконечности Камчатки, такъ что онъ былъ вынужденъ все, что было на немъ, выгрузить. Это заставило его провести зиму 1872—1873 гг. въ Камчаткѣ. Только къ началу іюля 1773 года успѣлъ онъ на столько исправить свое судно, что могъ пуститься въ дальнѣйшее плаваніе. Но онъ дошелъ только до Берингова острова, гдѣ и провелъ вторую зиму. Изъ шкуръ морскихъ животныхъ русскіе промышленники строили маленькія кожаныя лодочки, байдары, пригодныя для лова звѣрей на Алеутскихъ островахъ. Съ большимъ запасомъ вяленой рыбы и соленого мяса бѣлыхъ медвѣдей Брагинъ вышелъ 17-го іюля 1774 года опять въ море и, держа курсъ прямо на востокъ, пришелъ черезъ два мѣсяца къ Уналашкѣ, самому большому острову изъ Лисьихъ. Онъ составилъ весьма хорошее описаніе жителей этого острова, ихъ нравовъ и обычаевъ, а также пріемовъ при ловѣ звѣрей, и перечисляетъ окружающіе острова именно подъ тѣми названіями, какъ они до сихъ поръ значатся на нашихъ картахъ, а именно: Умнакъ, Акунь, Тигалода, Акутанъ и т. д. Пробывъ два года на Уналашкѣ, Брагинъ пошелъ съ нѣсколькими переводчиками далѣе на востокъ къ острову Кадьяку. Хотя его посѣщеніе на этомъ островѣ продолжалось только нѣсколько недѣль такъ какъ его тамъ встрѣтило многочисленное населеніе чрезвычайно непріязненно, тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ весьма любопытныя наблюденія о природѣ, произведеніяхъ, растительности и вообще жителяхъ этой мѣстности ²⁾. 25-го іюля онъ пошелъ въ обратный путь и вернулся послѣ трехмѣсячнаго плаванія и четырехлѣтняго отсутствія благополучно въ Камчатку.

¹⁾ Палласъ, стр. 309.

²⁾ Палласъ, стр. 316.

Плаванія промышленниковъ Брагина и Соловьева, равно какъ правительственная экспедиція Креницына и Левашева, простиравшіяся до Кадьяка, изображаютъ, такъ сказать, крайній предѣлъ стремленія русскихъ на востокъ. „Островъ Кадьякъ, къ которому подходитъ до сихъ поръ немногіе отважились, говоритъ Палласъ ¹⁾, представляетъ теперь (1777 года) *Non plus ultra* плаваній русскихъ по восточному океану“. Вообще же открытія русскихъ въ Восточномъ океанѣ нисколько не разъяснили, въ смыслѣ географическомъ, положенія обѣихъ частей свѣта другъ къ другу. Свѣдѣнія о положеніи Америки были до того неопредѣленны, что Вильямъ Коксъ еще въ 1780 году совѣтовалъ удостовѣриться, дѣйствительно ли Берингъ и Чириковъ видѣли части новаго свѣта. „Бюашъ и Воганди, два извѣстныхъ французскихъ географа, швейцарецъ Энгель и даже знаменитый Бюшингъ составляли еще въ 1775 и 1777 гг. весьма непохожія на дѣйствительность карты противлежащихъ береговъ обѣихъ частей свѣта; только Бюашъ, по какому-то счастливому предположенію, болѣе приблизился къ истинѣ, но до Джемса Кука сѣверо-западъ Америки, начиная съ 43° сѣв. шир., оставался пространствомъ безъ опредѣленнаго прибрежья“ ²⁾.

Такъ какъ едва ли найдется болѣе соотвѣтственное тому мѣсто въ этомъ сочиненіи, то мы здѣсь упомянемъ объ открытіи острововъ Прибылева, впрочемъ географически родственныхъ Алеутскимъ. Эта группа острововъ, лежащая къ сѣверу отъ Уналашки, была открыта страннымъ образомъ въ 1786 году. Замѣтили, что бѣлые медвѣди весною въ большомъ числѣ проплываютъ по проливу между Уналашкою и Унишакомъ, гдѣ островитяне ихъ убивали въ огромномъ количествѣ. Лоцманъ Прибылевъ выслѣдилъ путь ихъ къ сѣверу и открылъ такимъ образомъ островъ, которому онъ далъ названіе Св. Георгія въ честь своего судна. Островъ Св. Павла и прочіе острова этой группы были открыты впоследствии постепенно. Островъ Св. Павла вулканическаго свойства, онъ покрытъ шлакомъ и лавою; о-въ Св. Георгія гранитной формаціи; оба совершенно безлѣсны, но заросли мхомъ. На нихъ встрѣчается нѣсколько съѣдобныхъ травъ, картофель и рѣпа тамъ порядочно произрастаютъ, но климатъ туманный и суровый. Весна начинается въ маѣ; тогда показывается зелень; лѣтомъ эти острова окутаны въ густой туманъ, черезъ который солнце очень рѣдко пробивается; въ октябрѣ выпадаетъ снѣгъ, въ декабрѣ сѣверный вѣтеръ

¹⁾ См. статью, которую Палласъ написалъ въ 1777 году объ открытіяхъ русскихъ въ Америкѣ для французскаго естествоиспытателя Бюффона, помѣщенную въ т. I на стр. 300 и слѣд. его «*Neue Nordische Beiträge*».

²⁾ Пешель «*Gesch. d. Erdkunde*», стр. 465—466.

пригоняетъ массы льда, на которомъ приплываютъ туда бѣлые медвѣди ¹⁾).

На этихъ островахъ Прибылева, равно какъ и на большей градѣ Алеутскихъ острововъ, живутъ алеуты, народъ храбрый и честный. О воровствѣ они понятія не имѣютъ. Не только собственнаго своего имущества они ни когда не держать подъ ключемъ, но и чужое добро составляетъ у нихъ неприкосновенную святыню. Смертоубійства они не знаютъ. Преосвященный Иннокентій, бывшій архіепископъ алеутскій и камчатскій, посвятившій лучшіе годы своей жизни алеутамъ, рассказываетъ, что самыя страшныя страданія не вызываютъ у алеута ни крика, ни даже жалобы. Если кто изъ нихъ, по несчастію, попадетъ въ капканъ, поставленный для дикаго звѣря, то онъ ждетъ терпѣливо безъ крика и оханія, пока его не высвободятъ изъ ловушки, зубцы которой глубоко вцѣпились въ его тѣло. Алеутъ страха не знаетъ; по его убѣжденію, крайне неприлично выражать свое удивленіе, — *nil admirari*, — правило его жизни, передаваемое отъ отца къ сыну и внучатамъ. Его нельзя ничѣмъ ни обрадовать, ни испугать, ни огорчить, ни вообще произвести на него какое нибудь глубокое впечатлѣніе, но онъ отнюдь не безсердечный человѣкъ; напротивъ, онъ горячо любитъ своихъ жену и дѣтей, а родителей своихъ любитъ даже съ безпримѣрнымъ самопожертвованіемъ Алеутъ до такой степени гордъ и благородно-самолюбивъ, что его можно оскорбить не только словомъ, но даже взглядомъ. Онъ крѣпко держитъ данное слово, и если что нибудь обѣщаетъ, то можно быть увѣреннымъ, что онъ исполнитъ все въ точности. Онъ никогда не унижается до того, чтобы прибѣгнуть ко лжи. Путешественникъ Поспѣловъ рассказываетъ случаи, когда алеутъ могъ бы ложью спасти себя отъ строгаго наказанія, даже отъ смерти, но онъ предпочиталъ упорно молчать и терпѣливо перенести имѣющее постигнуть его несчастіе, чѣмъ ложью избавиться отъ наказанія.

Алеуты до страсти любятъ водку и табакъ, къ чему ихъ приучили русскіе, — въ особенности любятъ они курить. Они смѣшиваютъ табакъ съ сосною корою и, закрывши глаза, глубоко затягиваютъ табачный дымъ. Трубка передается отъ одного къ другому, переходитъ изо рта въ ротъ. Алеуты, хотя и одноплеменники эскимосовъ, но далеко не такъ безобразны, какъ они, какъ, напримеръ чукчи, ихъ ближайшіе сосѣди. Голова ихъ сзади приплюснута, а съ боковъ черепъ нѣсколько вдавленъ, такъ что вся голова немного похожа на пирамиду. Широкое лицо съ выдающимися скулами и узкое, нѣсколько наклоненное внутри отверстіе глазъ

¹⁾ «Ausland». 1835 г., стр. 409.

придаетъ имъ болѣе сходства съ монгольскимъ племенемъ, чѣмъ съ американскимъ. Цвѣтъ лица и кожи алеутовъ бѣлый, но переходитъ у сѣверныхъ ихъ одноплеменниковъ въ свѣтло-коричневый оттѣнокъ. Алеуты ростомъ самыя большіе изъ всѣхъ эскимосовъ, которые вообще чрезвычайно малаго, почти карликоваго роста. Всѣ очень широкоплечи и очень сильны и имѣютъ,—что очень замѣчательно,—не смотря на грубую и тяжелую работу, которою занимаются, чрезвычайно маленькія и красивыя руки и ноги. У мужчинъ вслѣдствіе того, что они почти постоянно сидятъ въ байдахъ, ноги большею частью кривыя.

Зимою алеуты живутъ въ ямахъ, вырытыхъ въ землѣ и покрытыхъ снаружи снѣгомъ, а лѣтомъ въ чемъ-то въ родѣ палатокъ. Хотя ихъ умственные способности не очень развиты, тѣмъ не менѣе они замѣчательно умѣютъ подражать. Они въ самое короткое время выучиваются любому ремеслу. Такъ можно теперь встрѣтить между алеутами столяровъ, плотниковъ, кузнецовъ, слесарей, башмачниковъ, даже маляровъ, обнаруживающихъ таланты. Многіе изъ нихъ, въ особенности мужчины, говорятъ по-русски. Съ тѣхъ поръ, какъ Алеутскіе острова перешли въ подданство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, жители ихъ начинаютъ говорить по-англійски. Впрочемъ, они болѣе способны къ практическимъ занатіямъ, изъ нихъ выходятъ, напримѣръ, отличные матросы. Лодка алеута, байдара, его второе жилище. Въ байдару садится одинъ человѣкъ; она очень легка и длинна, состоитъ изъ тщательно выдолбленнаго дерева съ тонкими стѣнками, обшитаго кругомъ шкурами сивучей. Алеутъ садится въ отверстіе, оставленное въ серединѣ байдары и обнимающее его тѣло около пояса такъ плотно, какъ будто онъ сидитъ въ мѣшкѣ, только верхняя часть тѣла смѣлаго обитателя волнъ видна. Благодаря этому въ высшей степени практическому устройству байдары, вода не можетъ въ нее проникнуть, какъ бы сильна ни была волна. Байдара не можетъ потонуть. Управляя ею при помощи легкаго двусторонняго весла, имѣя передъ собою свои орудія и рыбацкіе снаряды, алеутъ съ изумительною ловкостью, никогда не теряя равновѣсія, разсѣкаетъ широкія волны, которыя какъ будто ему повинуются; ему не страшно, еслибы байдара даже перевернулась,—однимъ взмахомъ весла онъ опять вынырнетъ. Кромѣ этихъ легкихъ байдаръ имѣются еще такъ называемыя семейныя байдары, точно такой же постройки какъ первыя, но только о нѣсколькихъ люкахъ. Ими пользуются исключительно женщины; взрослые мужчины считаютъ постыднымъ въ нихъ помѣститься.

До того времени какъ русскіе заняли Алеутскіе острова, жители ихъ управлялись своими „таенами“, семейными старшинами. Весь народъ раздѣлялся на три класса или сословія: таеновъ или

почетныхъ людей, которые чрезвычайно гордились своимъ происхожденіемъ, свободныхъ и рабовъ.

Россійско-американская компанія уничтожила рабство, а тае-новъ назначила своими управляющими. Въ народѣ до сихъ поръ въ обращеніи безчисленные преданія и выходящая тамъ съ недавняго времени американская газета „*Aliaska Herald*“ сообщаетъ много интересныхъ алеутскихъ мелодій и пѣсень, не лишенныхъ поэтической красоты. Большая часть этихъ пѣсень описываетъ морскую ихъ жизнь, морскія походы, встрѣчаются также многіе любовныя пѣсни, но съ очень первобытнымъ воззрѣніемъ на любовь и нѣкоторымъ оттѣнкомъ цинизма.

Главное занятіе алеутовъ—рыболовство и охота за морскими звѣрями. Въ этихъ занятіяхъ находятъ примѣненіе ихъ силы и способности, обнаруживается ихъ отважность, доходящая до безумія. Въ апрѣлѣ болѣе трехъ сотъ байдаръ выходятъ въ море. Онѣ раздѣляются на партіи, по двадцати или по тридцати. Не смотря на бури, онѣ выходятъ далеко въ открытое море. Каждая партія выстраивается въ прямую линію, оставляя между байдарами опредѣленное пространство. Какъ только показывается бобръ, пущенная въ воздухъ стрѣла даетъ объ этомъ знать другимъ и замѣтившая его байдара пускается за нимъ въ погоню, а остальные образуютъ кругъ, внутри котораго первая дѣйствуетъ; кругъ этотъ постепенно суживается. Какъ только голова бобра опять показывается изъ воды, въ него пускается нѣсколько стрѣлъ и онъ дѣлается добычею удалцовъ. Если показывается одновременно нѣсколько бобровъ, то партія образуетъ нѣсколько круговъ и дѣйствуетъ въ вышеописанномъ порядкѣ. Зимняя охота на бобровъ свидѣтельствуется объ особенной смѣлости и необыкновенномъ присутствіи духа алеутовъ. Во время холодныхъ зимнихъ бурь, пригоняющихъ страшныя массы льда, бобръ ищетъ себѣ убѣжище на необитаемыхъ островкахъ и скалахъ и засыпаетъ тамъ въ какой-нибудь трещинѣ. Алеуты и тогда не боятся выйти въ море;— по два человека на байдарѣ, они подходятъ къ самому островку или скалѣ съ подвѣтренной стороны. Дождавшись прибоя, одинъ изъ охотниковъ съ ружьемъ въ рукѣ выскакиваетъ на утесъ, для чего требуется необычайная ловкость и поворотливость, чтобы не поскользнуться на гладкомъ камнѣ и не упасть въ море, или же быть разбитымъ бурунами. Затѣмъ охотникъ подкрадывается къ спящему бобру и убиваетъ его. Возвращеніе въ байдару представляетъ еще большую опасность: съ бобромъ въ одной рукѣ и съ ружьемъ въ другой, нужно уловить мгновеніе, когда волна отхлынетъ, и тогда прыгнуть въ байдару. Почти не было случая, чтобы при этомъ погибъ кто-либо. Впрочемъ, бобръ ловится также сѣтями, но только въ Атмшит-

скомъ рыболовномъ округѣ, потому что алеуты слишкомъ любятъ эти опасности, съ которыми сопряженъ ловъ. Не менѣе интересенъ ловъ бѣлаго медвѣди. Какъ только въ апрѣлѣ показывается у береговъ Берингова моря стадо бѣлыхъ медвѣдей, алеуты пускаются имъ на встрѣчу, — впереди самые ловкіе смѣльчаки, а сзади уже распорядитель всей облавы. Услышавъ шумъ, похожій на блеяніе овецъ, алеуты выбѣгаютъ впередъ и стараются отдѣлать медвѣжатъ отъ самокъ и большихъ медвѣдей, которые безпрепятственно возвращаются къ морю, и послѣ этого убиваютъ медвѣжатъ. Несчастныя матки нѣсколько дней еще скитаются около тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ потеряли своихъ дѣтенушекъ, съ жалостнымъ воплемъ, и затѣмъ уплываютъ. Ежегодно убиваютъ около 3.500,000 медвѣжатъ. На китоловство алеуты отправляются одинъ, вооружившись всѣмъ

Алеуты на ловлѣ тюленей.

своимъ хладнокровіемъ. Долго онъ крейсируетъ по морю въ своей небольшой байдарѣ, высматривая кита и стараясь подплыть къ нему съ головы. Если это ему удастся, то онъ бросаетъ въ него свое острое копьѣ, прицѣливаясь подъ лѣвый плавникъ, и затѣмъ какъ можно скорѣе отплываетъ, такъ какъ китъ однимъ взмахомъ хвоста можетъ уничтожить не только одну, а цѣлый флотъ подобныхъ байдаръ. На копьѣ имѣется знакъ владѣльца, и гдѣ бы волна ни выбросила убитого кита, вездѣ онъ составляетъ собственность убившаго его, знакъ котораго онъ носитъ. Нерѣдко случается, что

китъ, сдѣлавъ неожиданно быстрое движеніе своимъ гигантскимъ туловищемъ, разбиваетъ байдару въ дребезги—и смѣльчакъ погибаетъ.

Еще болѣе силы и хладнокровія требуется со стороны алеута на моржовой охотѣ. Отправляясь на этотъ промыселъ, онъ прощается съ семействомъ и знакомыми, какъ будто идетъ къ неминуемой смерти. Алеуты гоняются за моржемъ, когда онъ выходитъ на берегъ; тогда разомъ кидаются всѣ собравшіеся охотники, чтобы пресѣчь ему отступленіе къ морю. У убитаго моржа прежде всего выбиваютъ клыки, а потомъ уже сдираютъ шкуру, мясо его остается на берегу, изъ него даже не извлекаютъ ворвани ¹⁾.

---

¹⁾ Paul Fuchs «Die Aleuten» («Ausland», 1874 г. стр. 914—916).

Заливъ св. Магдалины на Шпицбергенѣ.

КУНЬ И ПОСЛѢДУЮЩІЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ.

СЕМИЛѢТНЯЯ война на нѣкоторое время отвлекла-было англичанъ отъ мирныхъ экспедицій по морямъ, предпринимаемыхъ съ научною цѣлью. Послѣ Губертсбургскаго мира (1763 г.), въ началѣ царствованія Георга III, пробудилась въ Англіи необычайная дѣятельность въ видахъ географическаго изслѣдованія земной поверхности путемъ морскихъ плаваній. Въ то же время, по мысли извѣстнаго юриста и естествоиспытателя Д. Баррингтона, обратились съ новою силою къ арктическимъ экспедиціямъ. Слава открытій Беринга уже раньше заставила англичанъ встрепенуться отъ ихъ продолжительнаго бездѣйствія. Еще въ 1743 году парламентъ назначилъ награду въ 20 тыс. фун. ст. ¹⁾ тому, кто первый откроетъ проходъ изъ Гудсонова пролива въ Тихій океанъ. Но и эта громадная премія не принесла желанныхъ плодовъ; между тѣмъ какъ въ Россіи, въ этой полуазиатской, варварской странѣ, каковою ее охотно изображаютъ, неустанно и безъ преміи продолжали посвящать самое тщательное вниманіе всѣмъ вопросамъ полярной географіи. Прежде всего оказалось необходимымъ изслѣдовать пре-

¹⁾ Около 175 тыс. руб. сер.

дѣль полярнаго льда между Гренландією и Шпицбергенѣмъ. Какъ шведы, такъ и нѣмцы, въ теченіи цѣлаго столѣтія, преслѣдовали эту цѣль, но русскимъ нужно отдать справедливость, что они въ этомъ отношеніи далеко опередили обѣ эти націи. Проектъ русскихъ состоялъ въ томъ, чтобы, основавъ въ Бельсундѣ, на западномъ берегу Шпицбергена, складочное мѣсто, оттуда, если возможно, пробиться черезъ ледъ и проникнуть въ Тихій океанъ. Лѣтомъ 1764 г. лейтенантъ Нѣмтиновъ построилъ въ Бельсундѣ пять домовъ, куда и были сложены необходимые запасы. Въ то же время, по распоряженію правительства, были построены въ Архангельскѣ англичаниномъ Ламбе три корабля (одинъ 30 метр., а два по 24 метр. длины) и 9-го мая 1765 г. экспедиція, подъ начальствомъ капитана Чичагова, вышла въ море. У западнаго берега Шпицбергена онъ встрѣтилъ необычайную массу льда, въ которой онъ перебивался въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, не имѣя возможности подняться выше 80°26' сѣв. шир. Поэтому онъ вернулся въ Архангельскъ, откуда онъ въ слѣдующемъ году опять былъ посланъ съ тою же цѣлью и на тѣхъ же судахъ. Вышедши 19-го мая 1766 г. онъ снова наткнулся, сѣвернѣе Шпицбергена приблизительно подъ 80°30' сѣв. шир., на непреодолимые ледяныя преграды. Тутъ уже онъ потерялъ всякую надежду на осуществленіе своихъ попытокъ и вернулся назадъ. Во время этихъ двухъ безуспѣшныхъ экспедицій русскіе матросы провели двѣ зимы въ Бельсундѣ на Шпицбергенѣ для охраненія заготовленныхъ тамъ запасовъ ¹⁾. Но они были ни первыми, ни единственными, которые тамъ бѣдствовали. Еще въ 1743 году шесть русскихъ матросовъ были оставлены на Шпицбергенѣ; они провели тамъ шесть лѣтъ, а въ шестидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія, почти одновременно съ плаваніями славнаго Чичагова, очень пространенный разсказъ П. А. Леруа, переведенный на языки нѣмецкій, французскій, англійскій и голландскій, сообщалъ о приключеніяхъ четырехъ русскихъ моряковъ, занесенныхъ бурями на пустынный сѣверовосточный островъ шпицбергенской группы.

Всѣ эти обстоятельства и приключенія побудили Баррингтона ²⁾, о дѣятельности котораго мы уже раньше упомянули, прочесть Королевскому Географическому Обществу въ Лондонѣ цѣлый рядъ записокъ о плаваніяхъ, предпринятыхъ англійскими и нидерландскими китоловами по полярному морю. Въ февралѣ 1773 года

¹⁾ Markham-Gaidoz: «Les abords de la région inconnue», стр. 65—66. О плаваніяхъ Чичагова см. Г. Ф. Миллера «Die zwei neusten von Capitän Tschitschakow unternommenen Reisen im Eisesmeer in den Jahre 1765 u. 1766». Petersburg, 1773, 8° и Чичагова «Плаваніе по ледовитому океану до 82° сѣв. шир.» С.-Петербургъ. Логанъ, 1773 г. 8°.

²⁾ См. стр.

ему удалось убѣдить это ученое собраніе представить королю проектъ экспедиціи для изслѣдованія, до котораго градусъ сѣверной широты мореплаваніе возможно, вслѣдствіе чего и послѣдовало повелѣніе о немедленномъ снаряженіи подобной экспедиціи. Изъ лучшихъ судовъ королевскаго флота были избраны два корабля „Race-horse“ и „Caracas“, начальство надъ которыми было поручено капитанамъ Константину Джону Фипсу ¹⁾ и Лутвичу. Волонтеромъ поступилъ на одно изъ этихъ судовъ въ качествѣ шлюпочнаго рулевого пятнадцатилѣтній Бразъ Нельсонъ, впоследствии знаменитый адмиралъ ²⁾. 2-го іюля 1773 года экспедиція вышла изъ Телезье, а 28-го іюня была въ виду Шпицбергена. По обыкновенію, ледъ задержалъ оба корабля по ту сторону мыса Гаклуйта, поэтому они искали прохода въ болѣе западномъ направленіи. Но и тамъ ледъ лежалъ сплошною массою, такъ что они должны были отказаться и отъ этого курса, достигнувъ 2° вост. долг. отъ Гринича подъ 80°30' сѣв. шир. Всѣ казавшіеся прогалыны въ ледяной преградѣ были къ сѣверу также закрыты непреодолимыми льдами. Последніе 10 дней іюля прошли въ тщательномъ обслѣдованіи всѣхъ заливовъ и бухтъ, подававшихъ надежду на проходъ. Лутвичъ, поднявшійся на самую вершину одной изъ высочайшихъ горъ Семи острововъ, ничего не могъ видѣть, кромѣ сплошной массы взгромоздившагося льда, простиравшагося на сѣверо-востокъ и востокъ до самаго горизонта. Вскорѣ послѣ того, а именно 6-го августа, мичманъ Вальденъ былъ посланъ на какой-то незнакомый островъ, чтобы освѣдомиться о состояніи льда; этотъ островъ до тѣхъ поръ назывался островомъ Вальдена. Ледъ имѣлъ въ толщину 8 метр. Къ сѣверу они дошли до 80°48' сѣв. шир., въ прямомъ направленіи отъ середины Шпицбергена; самая восточная точка, до которой они достигли 7-го августа, лежала подъ 20° вост. долг. отъ Гринича, недалеко отъ семи острововъ, гдѣ ледъ застилалъ всю мѣстность до восточныхъ оконечностей всей группы. Слѣдовательно Фипсъ и Лудвичъ изслѣдовали ледъ на протяженіи двадцати градусовъ

¹⁾ Фипсъ родился 30-го мая 1744 г., рано вступилъ на службу въ англійскій флотъ и въ 1765 году командовалъ уже фрегатомъ. Въ 1768 г. какъ представитель графства Линкольнскаго, съ оживленіемъ говорилъ въ парламентѣ въ пользу народа. По возвращеніи изъ арктической экспедиціи онъ заявлялъ въ 1775 г. опять свое мѣсто въ нижней палатѣ, а въ 1777 г. былъ сдѣланъ членомъ адмиралтейства. Во время Сѣверо-Американской войны онъ командовалъ линейнымъ кораблемъ, въ 1784 г. былъ возведенъ въ санъ пера съ титуломъ графа Мюльграфскаго, въ 1791 году, по разстроеному здоровью, удалился отъ всѣхъ дѣлъ и умеръ 10-го октября 1794 г.

²⁾ Нѣкоторые говорили, будто Нельсонъ участвовалъ въ этой экспедиціи 11 лѣтъ, въ качествѣ мичмана, но это положительно ошибочно, такъ какъ этотъ знаменитый герой родился 29-го сентября 1758 г.

долготы, не находя прохода къ сѣверу, поэтому они вернулись въ сентябрѣ въ Англію ¹⁾). Кромѣ разрѣшенія поставленной ему географической задачи, Фипсъ занимался преимущественно наблюденіями надъ склоненіемъ магнитной стрѣлки, надъ силою магнетизма земли, надъ теплотою и влажностью воздуха арктическихъ странъ, надъ небесными явленіями, равно какъ и наблюденіями по царствамъ животному и растительному полярнаго пояса и старался составить обо всемъ возможно-точное описаніе ²⁾). Ему принадлежитъ заслуга, что онъ первый, вмѣстѣ съ Р. Форстеромъ и Кукомъ, хотя и безуспѣшно, старался опредѣлить глубину океана. Его сотруднику д-ру Ирвингу удалось девять разъ на протяженіи отъ сѣвернаго моря до Шпицбергена опредѣлить температуру морской воды на различныхъ глубинахъ, начиная отъ 58,5 метровъ до 1249 м. Изъ этихъ наблюденій можно было придти къ заключенію, что въ умѣренныхъ поясахъ температура воды уменьшается соотвѣтственно глубинѣ. Наконецъ, Фипсъ заслужилъ особенную благодарность потомства тѣмъ, что онъ, по методу Ирвинга, указалъ возможность посредствомъ дистилляціи сдѣлать морскую воду годною для питья. О всѣхъ этихъ замѣчательныхъ трудахъ Фипсъ самъ составилъ книгу ³⁾, въ которой онъ подробно изложилъ всѣ приключенія своего путешествія и всѣ сдѣланныя имъ наблюденія. Этимъ сочиненіемъ онъ обезпечилъ за экспедицію, начальникомъ которой онъ былъ, такую славу, что она собственно представляетъ первое плаваніе къ сѣверному полюсу, имѣющее научное значеніе.

Послѣ этого начальникъ англійскаго адмиралтейства, лордъ Сандвичъ, рѣшился вновь обратиться къ старому проекту обхода Америки черезъ сѣверный океанъ, но съ тѣмъ, чтобы сдѣлать это начиная со стороны Тихаго океана. Знаменитый плаватель Джемсъ Кукъ ⁴⁾, совершившій уже два плаванія вокругъ свѣта, и несмотря на то, что онъ занималъ тогда въ Англіи весьма спокойное и вмѣстѣ съ тѣмъ доходное мѣсто, предложилъ принять на себя начальство надъ этою экспедиціею къ сѣверному полюсу Америки. Для того, чтобы возбудить въ офицерахъ и въ командѣ большее усердіе къ дѣлу, вышеупомянутая премія въ 20 тыс. фунт. стерл. была вновь назначена, съ тѣмъ добавленіемъ, что она будетъ выдана не только за открытіе сѣверо-восточнаго прохода изъ Гудсонова пролива, но за открытіе какого-либо прохода изъ Атлантическаго океана въ Тихій.

¹⁾ Markham-Gaidoz, стр. 66—68.

²⁾ Wilfrid de Fonvielle «La conquête du pôle Nord». Paris, 1877, 8° стр. 38.

³⁾ См. «Путешествіе Фипса», книгу въ 1774 г. изд. въ Лондонѣ.

⁴⁾ Кукъ родился 27-го октября 1728 г. въ деревнѣ Мортонѣ въ Йоркширѣ; онъ сынъ простаго крестьянина.

12 іюня 1776 года Кукъ вышелъ изъ Англіи на двухъ корабляхъ „Resolution“ и „Discovery“. Последнимъ командовалъ Чарльсъ Клеркъ. Въ январѣ 1778 года, они открыли большую группу острововъ, которые Кукъ, въ честь лорда адмиралтейства, назвалъ Сандвичевыми. Послѣ этого онъ взялъ курсъ къ сѣверо-западному берегу Америки, къ которому онъ и подошелъ 7 марта подъ $44^{\circ}30'$ сѣв. шир. Отсюда Кукъ поворотилъ на сѣверъ, но туманъ и противный вѣтеръ мѣшали ему осмотрѣть берегъ. Близъ 49° сѣв. шир. онъ бросилъ якорь въ какомъ-то заливѣ, которому онъ далъ сначала названіе залива короля Георга, а потомъ уже назвалъ его по мѣстному имени „Нутка“. И отсюда Кукъ былъ вынужденъ опять выйти въ открытое море, такъ что онъ потерялъ берегъ изъ виду болѣе чѣмъ на протяженіе 5 градусовъ къ сѣверу. Начиная отъ 54° онъ нѣсколько разъ подходилъ къ берегу, тщетно надѣясь найти проходъ въ Атлантическій океанъ. Такъ онъ былъ обманутъ въ своихъ надеждахъ въ заливѣ, названномъ имъ заливомъ „принца Вилльяма“ и еще въ другомъ болѣе сѣверномъ заливѣ, глубоко вдающемся въ землю, который оказался устьемъ большой рѣки, названной впослѣдствіи рѣкою Кука. Оказалось, что Америка простирается гораздо дальше къ западу, чѣмъ можно было заключить по лучшимъ картамъ. За симъ Кукъ дошелъ до продолговатаго полуострова Аляски, посѣтивъ на пути острова Кадьякъ, Уналашку и др. и провѣряя вездѣ карты, составленныя русскими объ этихъ мѣстностяхъ.

На сѣверной сторонѣ Аляски, слѣдовательно уже въ Беринговомъ морѣ, Кукъ вошелъ въ обширную Бристольскую губу, которую онъ подробно обследовалъ до мыса Невенгама, затѣмъ заходилъ на острова св. Матвѣя и Лаврентія, и, наконецъ, держа курсъ на сѣверъ вдоль американскаго берега, дошелъ до крайней западной оконечности этой части свѣта, названной имъ мысомъ „принца Уэльскаго“. „Этимъ путемъ, пишетъ Пешель, Кукъ приближался къ разрѣшенію самаго важнаго гидрографическаго вопроса земнаго шара. Такъ какъ долгиы восточнаго берега Камчатки въ точности были опредѣлены и карты Беринга этихъ мѣстъ азіатскаго материка передъ нимъ лежали, то Кукъ не оставалось ни какого сомнѣнія, что онъ находился близъ Азіи. Равнымъ образомъ убѣдились, что та земля, которую русскіе мореплаватели видали къ востоку отъ Чукотскаго носа, не берегъ какихъ-либо острововъ, а материкъ Америки. За симъ не подлежало болѣе сомнѣнію, что Старый свѣтъ отдѣляется отъ Новаго только узкимъ проливомъ, и что земля наша состоитъ не изъ одного, а изъ двухъ большихъ острововъ. 9 августа Кукъ взялъ у Діомидова острова курсъ на западъ и на другой день увидалъ азіатскій

континентъ. До сихъ поръ онъ придерживался карты Стелина по Берингову морю, такъ что онъ нѣкоторое время былъ въ заблужденіи, полагая, что онъ все еще находился около полуострова Аляски—такъ не точны были въ то время представленія объ этихъ мѣстностяхъ!.. ¹⁾ Но вскорѣ Кукъ узналъ землю чукчей, отъ которой онъ, впрочемъ, 12 августа опять удалился, съ тѣмъ чтобы обследовать американскій берегъ. Обогнувъ названный имъ „мысъ Лисбурнъ“, онъ попалъ въ послѣднихъ числахъ августа 1778 г. подъ 69°36' сѣв. шир. и 176 зап. долг. отъ Гринича, въ страшную, непреодолимую массу льда, которая наконецъ и вынудила его вернуться назадъ. Крайняя точка, до которой онъ дошелъ еще къ востоку подъ 70°30' сѣв. шир., названа имъ „мысомъ Ледянымъ“. Къ западу по азіатскому берегу онъ пришелъ до сѣвернаго мыса; послѣ этого онъ повернулъ на югъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы будущимъ лѣтомъ опять взяться за это дѣло. На обратномъ пути онъ еще нѣсколько разъ подходилъ то къ азіатскому, то къ американскому берегу, при чемъ окончательно убѣдился, что передъ нимъ Чукотскій носъ, который онъ назвалъ „Восточнымъ мысомъ“. Равнымъ образомъ онъ открылъ къ юго-востоку Берингова пролива, у Американскаго берега, глубоко вдающійся заливъ, который онъ, въ честь президента нижней палаты сэра Флетшера Нортонна, назвалъ „Нортоновымъ“. Къ югу отъ Нортонова залива суда Кука не могли подойти къ берегу изъ-за отмелей, къ тому же вода была тамъ мутна и грунтъ иловатый. Изъ этого Кукъ вывелъ заключеніе, что въ этомъ мѣстѣ вѣроятно впадаетъ въ море огромная рѣка. Впослѣдствіи, здѣсь дѣйствительно оказались устья большой рѣки Юкона, какъ полагалъ Кукъ. Возвратившись черезъ Петропавловскій портъ на Камчаткѣ обратно къ Сандвичевымъ островамъ, Кукъ, какъ извѣстно, былъ тамъ убитъ 14 февраля 1779 года, не безъ собственной вины.

Начальство надъ всею экспедиціею принялъ Чарльсъ Клеркъ, командиръ втораго корабля „Discovery“. Хотя онъ былъ уже нѣсколько времени боленъ и состояніе его здоровья требовало лучшаго, болѣе южнаго климата, тѣмъ не менѣе онъ пошелъ вновь къ сѣверу на тѣхъ же судахъ, сперва въ Камчатку и затѣмъ, чрезъ Беринговъ проливъ, къ американскому берегу. Здѣсь онъ встрѣтилъ подъ 69°34' сѣв. шир. такую непроходимую массу льда, что онъ, не достигнувъ Куковскаго Ледянаго мыса, оставилъ восточное направленіе и поворотилъ на западъ вдоль сѣвернаго прибрежья Азіи. И здѣсь онъ встрѣтилъ не меньшую массу льда.

¹⁾ Пешель «Geschichte der Erdkunde», стр. 512—513.

Послѣ отчаянныхъ усилій онъ едва—пробился до $68^{\circ}53'$ сѣв. шир., близъ сѣвернаго мыса, откуда онъ долженъ былъ вернуться, такъ какъ суда его слишкомъ пострадали отъ напора льдовъ. Прощедши Беринговъ проливъ, Клеркъ скончался близъ Камчатки 22 августа 1779 г., тридцати восьми лѣтъ отъ роду.

Въ командованіе экспедиціею вступилъ Джонъ Горе, который провелъ оба корабля съ прислугою, со всѣми собранными въ теченіи 4-лѣтняго плаванія коллекціями, со сдѣланными наблюденіями и составленными записками, дневниками и картами благополучно сперва въ Кантонъ, а потомъ и въ Англію, гдѣ онъ 4 октября 1780 года въ Темзѣ бросилъ якорь.

То обстоятельство, что вторая попытка Клерка была столь же безуспѣшна какъ и первая Кука, служить причиною, что оба плаванія приобрѣтають особое значеніе, разумѣется, въ отрицательномъ смыслѣ. Клеркъ называлъ всякое стремленіе найти проходъ черезъ сѣверный океанъ, какъ въ западномъ такъ и въ восточномъ направленіи, дѣломъ сумасшествія. Издатель сочиненія, въ которомъ описываются путешествія Кука, прямо заявляетъ что „экспедиціи 1778 и 1779 гг. оказали всему свѣту то благодѣяніе, что онѣ его навсегда вывели отъ сумасбродной мысли, что подобныя открытія возможны. Стало быть, сто лѣтъ тому назадъ, по видимому, имѣли такое же понятіе, какое мы и въ новѣйшее время, къ сожалѣнію, нерѣдко встрѣчали, будто осуществленіе этого немыслимо изъ за холодовъ въ полярномъ поясѣ или же во всякомъ случаѣ затрачиваемые расходы не оплачиваются. Какъ будто климатъ центральной Африки лучше сѣверныхъ холодовъ или какъ будто ни когда ни какія суммы безъ пользы не расходуются!“

Не взирая на это заявленіе Клерка, съ XIX столѣтія начинается блестящій періодъ полярныхъ изслѣдованій и, прежде всего, со стороны Россіи. Съ 1803 до 1826 года Крузенштернъ, Головинъ, Коцебу, Беллингсгаузенъ старались проникнуть черезъ Беринговъ проливъ въ сѣверную Сибирь. Въ 1815 году даже было прямо поручено Крузенштерну съ восточнаго мыса пройти въ Архангельскъ. Въ краткихъ чертахъ опишемъ результаты главнѣйшихъ изъ этихъ экспедицій.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ плаванія Кука было то, что русское правительство снарядило новую экспедицію въ сѣверный океанъ съ цѣлью обследовать берега Ледовитаго моря, опредѣлить положеніе острововъ между Азіею и Америкею и попытаться найти проходъ черезъ Беринговъ проливъ изъ Атлантическаго океана въ Тихій. Начальникомъ этой экспедиціи былъ назначенъ капитанъ Биллингъ, сопровождавшій Кука въ послѣднемъ его путешествіи вокругъ свѣта въ качествѣ астронома. Секретаремъ при

немъ состоялъ Мартинъ Зауэръ, который впослѣдствіи и составилъ отчетъ объ этомъ путешествіи, изданный впервые на англійскомъ языкѣ ¹⁾. На притокѣ Колымы, Ясашной, были построены два судна, „Паласъ“ и „Ясашная“ и снабжены всевозможными запасами. Командованіе первымъ принялъ на себя Виллингъ, а второе было поручено капитану Ѳедору Сарычеву ²⁾. 25-го мая 1787 года отплыли отъ берега, а 27-го іюня вышли въ Ледовитое море. Сначала плыли вдоль берега; 28-го іюня экспедиція находилась между Малымъ и Большимъ Барановыми мысами, гдѣ она и устроила станцію для астрономическихъ наблюденій. Сдѣланная 1-го іюля попытка проникнуть къ сѣверу не удалась изъ-за громадныхъ льдинъ, покрывавшихъ море. Только 19-го іюля могли они обогнуть большой мысъ Баранова, но уже 18 килом. восточнѣе, встрѣтивъ плавающія ледяныя горы, Виллингъ разсчиталъ, что дальнѣйшее плаваніе невозможно и поэтому рѣшился вернуться въ Нижне-Колымскъ, не смотря на то, что Сарычевъ предлагалъ проникнуть далѣе къ востоку въ открытой байдарѣ. 26-го іюля экспедиція вошла опять въ устье Колымы, а чрезъ шесть дней пришли въ Нижне-Колымскъ. Въ томъ предположеніи, что водянымъ путемъ нельзя добраться до мыса Шалагскаго и до Чукотскаго носа, хотѣли было туда отправиться сухопутно на нартахъ, но и это намѣреніе оставили, полагая, что невозможно взять съ собою достаточнаго количества корма для собакъ на такое длинное путешествіе. За симъ было рѣшено проникнуть туда черезъ Беринговъ проливъ изъ Охотска на судахъ, тамъ построенныхъ. Виллингъ отправился черезъ Иркутскъ на Охотскъ, а въ 1791 г. отправился изъ Авачинской губы на суднѣ „Слава Россіи“ къ Беринговому проливу. Но въ заливѣ Св. Лаврентія, получивъ отъ чукчей неблагопріятныя свѣдѣнія о состояніи Ледовитаго океана, Виллингъ опять отказался отъ дальнѣйшаго слѣдованія по морю и предпочелъ совершить затруднительное путешествіе черезъ землю Чукчей до Нижне-Колымска. На четырнадцати байдаркахъ онъ отправился 13-го августа къ заливу Мечигмену, а оттуда на оленьихъ нартахъ съ чукчами и въ сопровожденіи нѣмца, д-ра Мерка, сухопутно въ Нижне-Колымскъ. Геодету Гилеву было поручено на

¹⁾ «Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia, for ascertaining the degrees of latitude and longitude of the river Lena; of the white coast of Tsutski to East Cape; and of the Islands in the Eastern Ocean, stretching to the American Coast. Performed by command of the Empress of Russia in 1785—1794. London 1802. 4°.

²⁾ Ему мы обязаны драгоценнымъ дополнительнымъ отчетомъ къ вышеупомянутому, подъ заглавіемъ: «Путешествіе флота по сѣверо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану». С.-Петербургъ 4°.—2 тома.

«Въ обл. вѣнч. льда».

байдарѣ обойти на Чукотскій полуостровъ и, снявъ его на планъ, выйти Биллингу на встрѣчу къ острову Колючину. Не доходя 146 километр. до назначеннаго мѣста, проводники его изъ чукчей внезапно отказались отъ дальнѣйшаго слѣдованія. У рѣчки Югней онъ сѣхался съ Биллингомъ и отсюда они вмѣстѣ отправились въ заливъ Колючинъ. 17-го февраля 1792 г. экспедиція пришла къ первому русскому поселенію на рѣкѣ Большой Аглоѣ, у впаденія въ Ангарку ¹⁾. Едва-ли какая-либо экспедиція стоила такъ много денегъ и времени и принесла такъ мало пользы.

Замѣчательное въ другихъ отношеніяхъ кругосвѣтное плаваніе капитана Крузенштерна, продолжавшееся съ 1803 до 1806 г., также не принесло значительной пользы географіи собственно арктическихъ странъ. Крузенштернъ (родившійся въ Эстляндіи 8-го ноября 1770 г. умеръ тамъ-же 24-го августа 1846 года въ чинѣ адмирала) отличался съ молодыхъ лѣтъ въ русской морской службѣ, съ 1793 и до 1799 служилъ въ британскомъ флотѣ, въ 1798 г. ходилъ на англійскомъ кораблѣ въ Кантонъ и пробылъ тамъ цѣлый годъ. При этомъ онъ убѣдился, съ какою выгодною англичане промѣнивали свой пушной товаръ, добываемый въ сѣверо-западной Америкѣ, непосредственно въ Китаѣ. Это навело его на мысль, что и для русскихъ промышленниковъ, доставлявшихъ до тѣхъ поръ весь свой пушной товаръ на китайскіе рынки путемъ длиннаго сухопутнаго сообщенія, сопряженнаго съ громадными расходами, не бесполезно было бы, если бы они со своихъ американскихъ поселеній вошли въ прямое морское сообщеніе съ Китаемъ и его большимъ рынкомъ Кантономъ. Составленная Крузенштерномъ по поводу этого записка не имѣла ни какого успѣха въ царствованіе императора Павла I; но по возшествіи на престолъ императора Александра I она была благосклонно принята. Прозорливый графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, тогдашній министръ финансовъ и торговли, прочитавъ записку Крузенштерна, отнесся ко всему вышеизложенному съ величайшимъ сочувствіемъ. По его настоянію, два корабля „Надежда“ и „Нева“ были отправлены въ Тихій океанъ подъ главнымъ начальствомъ Крузенштерна; „Невою“ командовалъ капитанъ Юрій Лисянскій. Экспедиція эта имѣла сколько преимущественно коммерческую цѣль, столько же и научную, и поэтому была снабжена всѣми необходимыми астрономическими и физическими инструментами. Принимали въ ней участіе естествоиспытатель Гейнрихъ Лангедорфъ и астрономъ Горнеръ. Къ сожалѣнію, Крузенштернъ имѣлъ, кромѣ того, порученіе доставить въ Японію русскаго посланника Рязанова. Не-

¹⁾ Петерманъ. «Geograph Mittheil». 1879, стр. 166.

удачный выборъ этой личности былъ главною причиною, что дипломатическая цѣль экспедиціи вовсе не была достигнута, а въ дѣлѣ научныхъ изслѣдованій и географическихъ открытій успѣхъ былъ гораздо меньше, чѣмъ можно было ожидать ¹⁾.

Крузенштернъ вышелъ изъ Кронштадта въ началѣ августа 1803 г. и обогнулъ мысъ Горнъ. Съ Сандвичевыхъ острововъ „Нева“, подъ командою Лисянскаго, пошла въ маѣ 1804 г. къ сѣверо-западному берегу Америки, а Крузенштернъ на „Надеждѣ“ продолжалъ свой путь въ Японію и Камчатку. Въ то время что Лангедорфъ сопровождалъ Рязанова въ его путешествіи по сѣверо-западной Америкѣ и кромѣ того еще изучалъ ²⁾ Калифорнію до Мексики, Крузенштернъ посвятилъ свои силы изслѣдованію береговъ сѣверной части Тихаго океана около Камчатки и Курильскихъ острововъ, а равно побережью Японіи и Китая. Собственно его плаваніе дало результаты, болѣе касающіеся Азіи, чѣмъ сѣверо-западной Америки. Плаваніе Лисянскаго относится болѣе къ пушной торговлѣ, а потому не принесло ожидаемой научной пользы. „Нева“ пришла въ ноябрѣ 1805 года въ Макао съ большимъ грузомъ пушныхъ товаровъ и сошлась тамъ съ „Надеждою“ Крузенштерна, также уже возвращавшеюся. Покончивъ здѣсь свои коммерческія дѣла, оба корабля вернулись въ Европу и бросили якорь въ Кронштадтѣ 19-го августа 1806 г.

Хотя экспедиція Крузенштерна и его спутниковъ не послужила къ расширенію познаній въ области географіи, но, тѣмъ не менѣе, она доставила множество повѣрочныхъ свѣдѣній и дополнительныхъ наблюденій. Но спутниками Крузенштерна были и, такъ сказать, изъ его школы вышли и познакомились съ сѣвромъ Тихаго океана нѣсколько человекъ, которые впоследствии отличились своими открытіями и изслѣдованіями въ этихъ странахъ свѣта, а именно знаменитый мореплаватель позднѣйшихъ временъ Оттонъ Коцебу и врачъ, д-ръ Карлъ Эспенбергъ.

Съ 1812 года государственный канцлеръ графъ Румянцевъ, удалившись отъ дѣлъ, жилъ только для науки. Онъ посвящалъ свое время преимущественно географическимъ вопросамъ и при этомъ обратилъ свое вниманіе на задачу, которая все еще ожи-

¹⁾ Изъ скромнаго отчета Крузенштерна («Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803—1806 годахъ на корабляхъ «Надеждѣ» и «Невѣ». С.-Петербургъ 1810 г. 8° 3 тома) можно это прочесть только между строкъ. Болѣе ясны разоблаченія дѣйствій Рязанова содержатся въ замѣчаніяхъ, сообщаемыхъ «Annales des Voyages», томъ XXI. Парижъ 1813 г., стр. 262 и посл.

²⁾ Лангедорфъ вернулся въ Европу сухопутно черезъ Сибирь и прибылъ въ Петербургъ только 16-го марта 1808 г. См. сочиненіе: «Bemerkungen aus einer Reise um die Welt in den Jahren 1803—1807». Франкфуртъ 1813 г. 8° 2 тома.

дала разрѣшенія, на возможность сообщенія изъ Атлантическаго океана въ Тихій черезъ Ледовитое море. Онъ рѣшился содѣйствовать разрѣшенію этого важнаго вопроса снаряженіемъ на свой счетъ морской экспедиціи. По возстановленіи европейскаго мира въ 1815 году, его иждивеніемъ былъ построенъ корабль „Рюрикъ“, снабженный командою и всѣми необходимыми научными снарядами. Начальство надъ нимъ было ввѣрено молодому моряку русской службы Отто Коцебу, сыну знаменитаго нѣмецкаго поэта, которому графъ Румянцевъ выбралъ въ спутники извѣстнаго естествоиспытателя Адальберта Шамиссо и д-ра Эшгольца. Графъ Румянцевъ имѣлъ въ виду изслѣдованіе обоихъ направлений для отысканія прохода изъ Атлантическаго океана въ Восточный, какъ западнаго такъ и восточнаго. Прежде всего онъ полагалъ приступить къ послѣднему. Коцебу обогнулъ мысъ Горнъ и быстро дошелъ до главной точки своихъ изслѣдованій, до Берингова залива, куда онъ прибылъ въ іюнѣ 1816 г. Пройдя проливъ, онъ поворотилъ на востокъ, по сѣверному берегу Америки. Послѣ Кука, Коцебу опять первый посѣтилъ эти мѣста и старался слѣдовать указаніямъ своего великаго предшественника. Покровительствуемый прекрасною ясною погодою, Коцебу открылъ въ началѣ августа 1816 года между 66° и 68° сѣв. шир. входъ въ большую глубокую губу, которая осталась незамѣченною Кукомъ. Хотя онъ надѣялся сначала, что тутъ можетъ быть и найдется столь желанный проходъ въ Атлантическій океанъ, но вскорѣ оказалось, что онъ обманулся въ своей надеждѣ. По общему требованію всѣхъ своихъ спутниковъ онъ назвалъ эту губу своимъ именемъ, какъ это до сихъ поръ значится на картахъ всѣхъ націй. Внутри залива онъ присвоилъ различнымъ мѣстамъ имена своихъ спутниковъ: островъ Шамиссо, губа Эшгольца, мысъ Эспенберга, — губа Спафараева; самый сѣверный мысъ у входа въ заливъ онъ назвалъ мысомъ Крузенштерна. Такъ какъ въ подробномъ обслѣдованіи этаго залива прошло нѣсколько недѣль лучшаго времени года, то Коцебу послѣ этого пошелъ опять къ югу, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ году продолжать свои поиски. Зиму 1816—1817 года Коцебу провелъ въ южныхъ портахъ въ Калифорніи, на Сандвичевыхъ островахъ и другихъ, а весною 1817 г. пошелъ опять къ сѣверу, но прошелъ только до острова св. Лаврентія у Берингова пролива. Во время страшной непогоды онъ упалъ на палубѣ своего корабля и грудью сильно ударился о бревно. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ чувствовать постоянную слабость, что и вынудило его наконецъ вернуться въ Европу, къ крайнему своему сожалѣнію. 3-го августа 1818 года „Рюрикъ“ бросилъ якорь въ Невѣ передъ домомъ графа Румянцева.

Въ 1823 году, по повелѣнію императора Александра, Коцебу, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, былъ вновь посланъ къ сѣверо-западнымъ берегамъ Америки на кораблѣ „Предпріятіе“. По первоначальному плану, эта экспедиція снаряжалась исключительно съ научною цѣлью, предпочтительно къ мѣстамъ открытымъ Коцебу въ 1817 г. и сообразно ему она была снабжена лучшими инструментами по всѣмъ отраслямъ наукъ и въ составъ ея вошли специалисты по всѣмъ частямъ, изъ которыхъ должны быть названы лейтенанты Беллингсгаузенъ и Кордюковъ, естествоиспытатели и врачи Эшгольцъ, Лангъ, Гофманъ, Прейсъ и др. „Но вскорѣ обстоятельства измѣнились, оказалась необходимость соединить съ первоначальнымъ назначеніемъ еще другія цѣли“ Поэтому мы ограничимся здѣсь только тѣмъ, что упомянемъ, что экспедиція эта была, не безъ пользы для географіи, въ Камчаткѣ и въ Ситхѣ, главной факторіи русскихъ поселеній въ сѣверной Америкѣ. Драгоцѣнные результаты этого путешествія ¹⁾ не относятся къ полярнымъ странамъ. 10-го іюля 1826 г. Коцебу вернулся въ Кронштадтъ.

¹⁾ См. «Новое путешествіе вокругъ свѣта въ 1823—1826» О. Коцебу Спб. 2 тома 1830 г.

«Race-horse» и «Carcass», корабли Финса во льдахъ у Семи острововъ 7-го августа 1775 г.

Адмиралъ Ф. П. Врангель.

ДАЛЬНѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ АРКТИЧЕСКОЙ АЗІИ.

ИЗУМИТЕЛЬНАЯ дѣятельность, которую русскіе обнаруживали въ осемнадцатомъ столѣтіи въ дѣлѣ изслѣдованія сѣвера Азіи, простиралась не только на восточныя части Стараго Свѣта, но на всю линію отъ Восточнаго мыса въ Беринговомъ проливѣ до Новой Земли, даже до Шпицбергена. Прежде всего долженъ быть названъ якутскій купецъ Шалауровъ, оказавшій большія услуги географіи сѣверо-восточной Азіи. Его труды только въпослѣдствіи были представлены въ надлежащемъ свѣтѣ адмираломъ Врангелемъ. Въ 1760-году Шалауровъ построилъ на свой счетъ судно съ цѣлью изслѣдовать сѣверо-восточный берегъ Азіи. Въ іюлѣ 1761 года онъ вышелъ изъ устья рѣки Яны въ море; 6-го сентября, обогнувъ Святой Носъ, онъ увидалъ первый изъ Ляховскихъ острововъ, на которомъ въ 1712 году были уже Пермьяковъ и Вагинъ. 17-го числа онъ пришелъ къ устью Индигирки, а на другой день къ Аляскѣ. Плохое лѣдъ заставили его войти въ устье Колымы, на берегу ко-

торой онъ перезимоваль. 21-го іюля 1762 г. онъ опять вышелъ въ море, но, задерживаемый противнымъ вѣтромъ, онъ могъ только 18-го августа дойти до Песчаного мыса, составляющаго самую западную оконечность острововъ Айонъ, у входа въ Чаунскую губу. До 23-го августа онъ сидѣлъ во льдахъ и послѣ этого уже не могъ обогнуть мысъ Шелагскій. Тѣмъ не менѣе, онъ вернулся въ Колыму только послѣ того, какъ обошелъ всю Чаунскую губу и такимъ образомъ восполнилъ немаловажный пробѣлъ въ географіи Сибири. Въ 1764 году Шалауровъ получилъ для своего послѣдняго путешествія небольшое денежное пособіе отъ русскаго правительства. Онъ дошелъ до мыса Шелагскаго, далѣе 100—120 километр. восточнѣе. Здѣсь его судно было раздавлено льдами, онъ спасся на берегъ, но затѣмъ безслѣдно исчезъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что его неутолимо дѣятельная жизнь, воодушевляемая безпримѣнною предприимчивостію, кончилась страшною смертію ¹⁾. Этотъ славный человекъ безкорыстно пожертвовалъ всѣмъ своимъ состояніемъ и своею жизнью для предпріятія, значеніе котораго было оцѣнено только полвѣка спустя.

Поѣздка казачьяго урядника Андреева, кромѣ ближайшихъ результатовъ, получила важное значеніе въ томъ отношеніи, что она служила основаніемъ позднѣйшихъ путешествій Врангеля и Анжу. По порученію сибирскаго губернатора Андреевъ отправился 4-го апрѣля 1763 года съ устья рѣки Крестовой, нѣсколько восточнѣе большаго мыса Баранова, съ тѣмъ, чтобы доставить свѣдѣніе, дѣйствительно-ли Америка, какъ предполагалось, простирается подъ широтою устья Колымы до береговъ Сибири. Андреевъ далъ, по возвращеніи, крайне смутное и неточное указаніе о видѣнной имъ съ Четырехъ-Столбоваго острова (изъ числа Медвѣжьихъ самый восточный) какой-то землѣ въ слѣдующихъ, напечатанныхъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, словахъ: „а влѣво къ восточной, сторонѣ едва чуть видишь синь синѣть или называть какая чернь“. Андреевъ былъ, какъ кажется, на всѣхъ Медвѣжьихъ островахъ, но всѣ его замѣтки о длинѣ и объемѣ этихъ острововъ, о разстояніи ихъ между собою и отъ материка, весьма неточны, какъ оказалось по провѣркѣ представленныхъ имъ свѣдѣній экспедиціею Врангеля. Хотя и упоминается, будто Андреевъ въ слѣдующемъ году опять ѣздилъ къ Медвѣжьимъ островамъ, но этого, кажется, не было. Первая болѣе подробная съемка

¹⁾ Одинъ изъ спутниковъ Врангеля, Ф. Ф. Матюшкинъ, основываясь на разказахъ какого-то якута, отыскивалъ въ мартѣ 1823 года мѣсто гибели Шалаурова по морскому побережью къ востоку отъ рѣки Верхоя, гдѣ онъ дѣйствительно нашелъ остатки избы, построенной для зимовки. Матюшкинъ не сомнѣвается, что Шалауровъ съ товарищами погибъ въ этомъ мѣстѣ.

этихъ острововъ сдѣлана въ началѣ годовъ 1769—1771 землемѣрами Леонтьевымъ, Лысовымъ и Пушкаревымъ, исполнившими этотъ трудъ очень добросовѣстно. Всякій годъ они возобновляли свою попытку добраться на саняхъ до земли, видѣнной Андреевымъ, но тщетно, не смотря на то, что они въ мартѣ 1770 г. проникли съ восточнѣйшаго изъ Медвѣжьихъ острововъ около 180 верстъ къ сѣверо-востоку. Вѣроятно же всего, что земля Андреева существовала только въ его воображеніи. Если принять во вниманіе, что казакъ Дауркинъ ¹⁾ привезъ въ 1763 году извѣстіе изъ Чукотской земли, что чукчи увѣряютъ, будто по временамъ имъ видна вдали къ сѣверу какая-то земля, то это могло послужить Андрееву поводомъ къ присвоенію себѣ заслуги доставленія перваго извѣстія объ этой землѣ ²⁾.

Хотя Ляховскіе острова, какъ мы уже выше упомянули, и были открыты еще въ 1712 году, а якутъ Этериканъ ³⁾ изъ Устьянска былъ на нихъ въ 1759 или 1760 г., тѣмъ не менѣе честь полного ихъ открытія принадлежитъ купцу Ляхову. Онъ былъ на нихъ въ 1770 г. съ мыса „Святой Носъ“. Вслѣдствіе его донесенія, правительство предоставило ему исключительное право розыска на открытыхъ имъ островахъ мамонтовыхъ клыковъ и другихъ костей и охоты на песцовъ. Равнымъ образомъ послѣдовало распоряженіе назвать эти острова его именемъ. Лѣтомъ 1773 года Ляховъ открылъ еще третій островъ, гористый, повидимому самый большой изъ нихъ. У береговъ его было много прибойнаго лѣса. Одинъ изъ спутниковъ Ляхова забылъ тамъ свой котель. Въ 1775 году правительственный землемѣръ Хвойновъ, которому было поручено снять этотъ островъ на планъ, нашелъ этотъ котель, и съ тѣхъ поръ этотъ островъ называется „Котельнымъ“. Ляховъ перезимовалъ на этомъ островѣ и вернулся весною въ Устьянскъ съ богатою добычею песцовыхъ шкуръ и мамонтовыхъ костей. Ляхову сопутствовалъ купецъ Протодіаконовъ. Ему мы обязаны первыми подробными свѣдѣніями о Ляховскихъ и Ново-Сибирскихъ островахъ. Первый изъ нихъ и ближайшій къ материку, по этому и названный „Ближнимъ“, за исключеніемъ трехъ или четырехъ незначительныхъ возвышенностей, низменъ и пе-

¹⁾ Дауркинъ, родомъ чукча, былъ мальчикомъ оттуда вывезенъ русскими и ими воспитанъ. Такъ какъ онъ не успѣлъ забыть своего роднаго языка, то въ 1763 г. начальникъ Охотска посылалъ его, подъ видомъ бѣглаго, въ землю чукчей для доставленія о нихъ свѣдѣній.

²⁾ Д-ръ К. Бэръ. Вновь открытая земля Врангеля. Дерптъ. 1868 г., стр. 19.

³⁾ Пешель называетъ его на стр. 470 своей «Gesch. der Erdkunde» Эмерикомъ.

чанъ; въ серединѣ его находится неглубокое озеро огромной величины. Когда отъ солнечныхъ лучей стаяваетъ ледъ и снѣгъ, то обнажается множество мамонтовыхъ клыковъ и костей. По словамъ Хвойнова, весь островъ какъ будто сложился изъ мамонтовыхъ костей, между которыми встрѣчаются черепа и рога какого-то буйволообразнаго животнаго и рога носороговъ. Также попадались отдѣльные длинные прямыя кости, винтообразно извитыя. Второй „Малый островъ“, также низменный, оказался столь-же богатымъ мамонтовыми костями и песцами. Хвойновъ нанесъ его на карту, по указаніямъ промышленниковъ. На Котельномъ островѣ открыли большую рѣку, назвавъ ее Царевой. По прибрежью всѣхъ острововъ было разбросано множество прибойнаго гѣса. Съ вершины высокой горы на островѣ Котельномъ при ясной погодѣ видны были вдали къ востоку и къ сѣверу гористыя земли. Еще открыли три маленькія рѣчки, всѣ очень богатая рыбою, въ особенности породю лососей, встрѣчаемыхъ въ Охотскѣ и Камчаткѣ. Кромѣ песцовъ, представителями царства животныхъ являлись тамъ бѣлые медвѣди, волки, олени, киты и въ особенности бѣлуга. Правильнаго прилива и отлива не замѣтили.

Открытіе собственно Ново-Сибирскихъ острововъ, къ сѣверу отъ Ляховскихъ, послѣдовало позже, въ началѣ осемнадцатаго столѣтія. Санниковъ, уполномоченный наслѣдниковъ купца Ляхова, съ острова Малаго наткнулся на западѣ на островъ Столбовой, а затѣмъ открылъ въ 1805 году островъ Фаддѣевъ, который такъ былъ названъ по имени промышленника, впервые тамъ перезимовавшаго. Наконецъ, въ 1806 году былъ открытъ купцомъ Сыроватскимъ островъ, названный впослѣдствіи „Новою Сибирью“, и мѣщаниномъ Бѣлковымъ островъ, названный по его имени, чѣмъ и закончилось открытіе всей этой группы. Возникшій между купцами Сыроватскимъ и Протодіаконовымъ споръ о правѣ промысла на сѣверныхъ островахъ побудилъ правительство назначить подробное обслѣдованіе этой группы, что и было поручено г. Геденштрѣму, занимавшемуся этимъ дѣломъ съ 1808—1811 г., въ сопровожденіи Санникова. Собственно геодезическія работы, которыя, впрочемъ, были очень неудовлетворительно сдѣланы, были исполнены частью Кошевинимъ, частью Шеницынымъ. Геденштрѣмъ предпринималъ съ неутолимою настойчивостью различныя поѣздки на нартахъ. При своемъ вторичномъ посѣщеніи острова Новой Сибири, въ мартѣ 1810 г., онъ сдѣлалъ попытку какъ можно дальше пробраться по льду на востокъ. Въ четыре

¹⁾ Линдемманъ въ Петермановыхъ «Geogr. Mittheilung.» 1879 г., стр. 164—165.

дня онъ сдѣлалъ около 75 верстъ и дошелъ до открытаго моря, гдѣ и остановилось его дальнѣйшее шествіе. 13-го апрѣля онъ доѣхалъ до устья Колымы, и отсюда уже предпринялъ поѣздку въ прямомъ направленіи къ сѣверу. Сдѣлавъ и въ этомъ направленіи около 265 верстъ, онъ не могъ дальше ѣхать, потому, что передъ нимъ открылась полоса воды въ 30 метр. ширины. Въ 1811 г. Саниковъ видѣлъ съ сѣвернаго берега острова Котельнаго, къ сѣверу, „Высокую землю“, къ которой онъ старался подойти по льду, но море помѣшало. По его соображенію, ему оставалось до этой земли всего только примѣрно 24 версты. Последняя, и въ то же время обширнѣйшая, сухопутная экспедиція, которая была предпринята для изслѣдованія сѣверныхъ береговъ Сибири, была исполнена лейтенантами Фердинандомъ Врангелемъ ¹⁾ и П. Ф. Анжу. Последнему была поручена съемка сѣвернаго побережья между рѣками Оленекомъ и Колымою, равно какъ и острововъ, лежащихъ на сѣверѣ этого пространства. Баронъ Врангель дѣйствовалъ къ востоку отъ Колымы и на Медвѣжьихъ островахъ и, въ то же время, имѣлъ въ виду, если возможно, добраться до земли, которую чукчи будто-бы видали неоднократно съ мыса Якана. Обѣ части экспедиціи выѣхали изъ Петербурга 23-го марта 1820 г. Изъ Москвы Врангель поѣхалъ, въ сопровожденіи Матюшкина, въ Иркутскъ, куда онъ прибылъ 18-го мая. Въ Нижне-Колымскъ они пріѣхали только 2-го ноября и занялись приготовленіями къ предстоявшимъ будущей весною поѣздкамъ на нартахъ. 12-го февраля 1821 г. Врангель, въ сопровожденіи штурмана Козьмина и трехъ человѣкъ прислуги, отправился на трехъ нартахъ, взявъ съ собою провизіи на одинъ мѣсяцъ, въ первую свою поѣздку вдоль морского берега. Обогнувъ оба мыса Баранова, онъ прослѣдовалъ черезъ Сабадѣвъ проливъ, между материкомъ и островомъ Ачанъ, и достигъ, 5-го марта, Шелагскаго мыса. На обратномъ пути Чаунская губа была подробно осмотрѣна, начиная съ острова Араутана, а затѣмъ экспедиція вернулась, 13-го марта, въ Нижне-Колымскъ, совершивъ около 1200 верстъ. Вторая поѣздка, предпринятая 26 марта, была

¹⁾ Баронъ Фердинандъ Петровичъ Врангель родился 29-го декабря 1796 г. Онъ былъ сынъ обдѣлывагого лифляндскаго помѣщика старо-дворянскаго происхожденія. Потерявъ рано своихъ родителей, поступилъ въ 1807 г. въ Морской Кадетскій Корпусъ, откуда онъ вышелъ въ офицеры въ 1815 г. Состоя на службѣ въ ревельскомъ портѣ, онъ, безъ разрѣшенія начальства, ушелъ оттуда и явился въ Кронштадтъ къ Головинну, приготовлявшемуся тогда къ кругосвѣтному плаванію. Молодому человѣку простили его легкомысленный поступокъ, и Головинъ взялъ его съ собою въ плаваніе вокругъ свѣта. По возвращеніи въ 1819 г. Врангелю дали вышеупомянутое порученіе въ Восточную Сибирь, для исполненія чего онъ и выѣхалъ изъ Петербурга въ 1820 г.

посвящена исключительно изслѣдованію Медвѣжьихъ острововъ. Прежде всего Врангель съ Матюшкинымъ сняли на планъ островъ Четырехъ-Столбовой. Потомъ они прошли къ сѣверу до $71^{\circ} 31', 30$, откуда они совершили весьма затруднительный переходъ въ юго-восточномъ направленіи. Возвратившись 19-го апрѣля къ острову Четырехъ-Столбовому, они окончили въ пять дней съемку Медвѣжьихъ острововъ и возвратились къ 28-му апрѣля въ Нижне-Колымскъ, сдѣлавъ въ 32 дня около 1300 верстъ. Въ теченіи лѣта 1821 года Врангель снялъ на планъ устье Колымы, Матюшкинъ—теченіе рѣкъ большаго и малаго Анюя, а Козьминъ—морское побережье между малою Чукочеею и Индигиркою. Только 10-го марта 1822 года предприняли они третью поѣздку на нартахъ, а именно съ большаго мыса Баранова, въ сѣверо-восточномъ направленіи, до $72^{\circ} 2'$ сѣв. шир., но никакихъ слѣдовъ какой либо земли не открыли. Лѣтомъ 1822 года Врангель воспользовался для изслѣдованія въ такъ называемой Каменной тундрѣ. Последнюю и самую продолжительную поѣздку на нартахъ Врангель предпринялъ 22-го февраля 1823 года въ восточномъ направленіи. 8-го марта онъ дошелъ до мыса Шелагскаго, а 13-го числа съ устья рѣки Верхона поворотилъ на сѣверъ, что было сопряжено съ величайшими затрудненіями. 23-го марта Врангель увидалъ съ высоты огромнаго тороса (ледяная гора), открытое море съ плавающими по немъ льдами, но ни какой земли не было видать. Возвратившись къ Верхону, Врангель продолжалъ свой путь вдоль морского берега къ востоку. Между тѣмъ его спутники Матюшкинъ и д-ръ Киберъ успѣли узнать отъ кочующихъ чукчей, что съ какого-то мѣста, который они называли Яканъ, къ востоку отъ Верхона, при ясной погодѣ, вдали виднѣются высокія горы. Врангель рѣшился, во что бы то ни стало, отыскать этотъ мысъ Яканъ. 8-го апрѣля онъ дошелъ до этой скалы, но при самомъ напряженномъ вниманіи онъ не могъ увидать указанной чукчами земли, и поэтому потянулся опять далѣе на востокъ до острова Колучина, предѣльнаго пункта его изслѣдованій къ востоку, куда пришелъ 16-го апрѣля. 10-го мая онъ возвратился въ Нижне-Колымскъ, сдѣлавъ въ 78 дней около 2,400 верстъ. Увѣреніе Петермана, будто Врангель все сдѣлалъ, чтобы доказать несуществованіе указываемой чукчами земли, или по крайней мѣрѣ относительно этого вопроса возбудить величайшее сомнѣніе, требуетъ исправленія въ томъ смыслѣ, какъ это исполнено знаменитымъ академикомъ Бэромъ въ его небольшомъ сочиненіи „Вновь открытая земля Врангеля“. (Дерптъ 1868 г.) Врангель оспаривалъ только существованіе земли, видѣнной будто-бы Андреевымъ къ сѣверу отъ Колымы, вполне допуская вѣроятность существованія

таковой къ сѣверу отъ мыса Якана и поэтому даже нанесъ ее въ неопредѣленномъ видѣ на карту, приложенную къ его сочиненію, хотя онъ самъ, какъ уже упомянуто, ее не видалъ. Даже болѣе: Врангель просилъ адмиралтейство продолжить его экспедицію еще на два года, въ тѣхъ видахъ, чтобы еще разъ попытаться новыми поѣздками къ сѣверу открыть эту землю. Но представленіе его не было уважено и онъ вернулся осенью 1823 года въ С.-Петербургъ ¹⁾.

За симъ обратимся къ экспедиціи лейтенанта Анжу, предпринятой одновременно, какъ мы уже упомянули, съ экспедиціею Врангеля. Анжу прибылъ 1-го октября 1820 года въ Устьянскъ на рѣкѣ Янѣ. Весною слѣдующаго года, а именно 2-го марта 1821 года, онъ отправился отсюда въ третью свою поѣздку къ Ново-Сибирскимъ островамъ. Сначала нарты ихъ были запряжены оленями, а потомъ уже собаками. 24-го марта они дошли до острова Столбоваго, сняли его на планъ и отправились къ острову Котельному, на южной сторонѣ котораго экспедиція, для болѣе удобнаго дѣйствія, раздѣлилась на двѣ партіи. Штурманскому помощнику Бережному было поручено сдѣлать съемку южнаго и восточнаго побережья острова, а Анжу принялъ на себя ту-же работу по западному и сѣверному берегу Котельнаго острова. 11-го апрѣля онъ перешелъ подъ $75^{\circ} 46' 36''$ на островъ Фаддѣвскій, гдѣ онъ сѣхался съ Бережнымъ. По снятіи имъ на планъ берега мыса Нерпичьяго до Благовѣщенскаго, они переплыли на островъ Новую Сибирь. Съ мыса Рябаго на этомъ островѣ они предприняли 21-го апрѣля поѣздку по льду въ сѣверо-восточномъ направленіи, но должны были возвратиться уже съ $75^{\circ} 26'$ сѣв. шир. и

---

¹⁾ Вкратцѣ изложимъ здѣсь біографическій очеркъ Врангеля. По возвращеніи въ Петербургъ, Врангель былъ въ 1825 назначенъ командиромъ корвета «Кроткаго», на которомъ онъ пошелъ въ Камчатку, послѣ чего былъ въ 1827 году приглашенъ на должность главнаго начальника Сѣверо-Американской компаніи въ Ситху. Передъ отъѣздомъ туда онъ женился на баронессѣ Россильонъ, которая рѣшилась послѣдовать за нимъ въ непривѣтливое сѣверное уединеніе, гдѣ супруги и оставались до 1835 года. Съ 1836 года Врангель занималъ различныя должности по морскому министерству, будучи въ то же время директоромъ Сѣверо-Американской компаніи, былъ однимъ изъ учредителей Императорскаго Географическаго общества, а въ 1849 году вышелъ въ отставку. По смерти его супруги, начавшаяся послѣ того Восточная война побудила Врангеля вновь поступить на службу; онъ былъ назначенъ директоромъ гидрографическаго департамента въ 1854 г., а въ 1855 году управляющимъ морскимъ министерствомъ. Въ 1857 годъ онъ оставилъ этотъ высокій постъ вслѣдствіе нервнаго удара и уѣхалъ за границу, для леченія, на полтора года, послѣ чего онъ занялъ опять свое мѣсто въ государственномъ совѣтѣ. Въ 1864 году вторичный ударъ вынудилъ его вовсе удалиться отъ дѣлъ. Онъ умеръ 23-го апрѣля 1870 года внезапно въ Дерптѣ, отъ разрыва сердца.

151° 6' вост. долг. изъ-за страшныхъ торосовъ, перебираться черезъ которые не было никакой возможности. 8-го мая Анжу со своими товарищами былъ уже опять въ Устьянскѣ. Въ теченіи лѣта была сдѣлана съемка прибрежнаго пространства отъ Яны до Индигирки. Для обслѣдованія острововъ лѣтнее время считалось неудобнымъ, потому что, по отчетамъ прежнихъ путешественниковъ, въ это время года они постоянно окружены густымъ туманомъ. Въ февралѣ 1822 г. Анжу поручилъ штурману Ильину снять на планъ пространство морскаго побережья отъ Яны до Оленека, а самъ вмѣстѣ съ Бережнымъ продолжалъ свои работы по группѣ Ново-Сибирскихъ острововъ. Вышедши изъ Устьянска 28-го февраля, онъ прошелъ черезъ острова Ближній и Малый, Ляховской группы, къ Фаддѣевскому острову, Ново-Сибирской группы, куда прибылъ 17-го марта. И ему казалось, что онъ видитъ въ сѣверо-западномъ направленіи землю. Онъ немедленно отправился-было туда, но, сдѣлавъ около 15 верстъ, замѣтилъ уже, что ошибся: земля оказалась огромнымъ торосомъ. Сдѣлавъ еще 12 верстъ, путешественники замѣтили къ югу небольшой островокъ, названный ими по имени врача Фигурина. Здѣсь экспедиція перешла въ теченіи 23-го и 24-го марта снѣжную мятель при—28° 75 Ц. Нѣсколько дней спустя Анжу вернулся на островъ Котельной, а оттуда отправился, черезъ Фаддѣевъ островъ, къ Новой Сибири для точнѣйшаго ея изслѣдованія. При дальнѣйшемъ слѣдованіи, торосы стали такъ часты и такой величины, а собаки до того утомились, что Анжу 20-го апрѣля съ 74° 3' сѣв. шир. и 158° 10' вост. долготы принужденъ былъ взять южное направленіе, вслѣдствіе чего онъ подошелъ къ материку 27-го апрѣля у устья рѣки Крестовой. 5-го мая онъ прибылъ въ Нижне-Колымскъ, гдѣ онъ долженъ былъ обождать распутицу до 22-го іюля, послѣ чего онъ отправился верхомъ на лошадяхъ въ Устьянскъ. Представленіе Анжу о томъ, чтобы лѣтомъ на шлюпкѣ проникнуть сѣвернѣе, по Ледовитому океану, не было одобрено генераль-губернаторомъ Сибири графомъ Сперанскимъ, который впрочемъ, въ высшей степени былъ расположенъ въ пользу экспедицій Врангеля и Анжу. Поэтому Анжу получилъ приказаніе весною 1823 года заняться съемкою острова Бѣлковскаго, на западѣ отъ Котельнаго. Во исполненіе этого Анжу вышелъ 10-го февраля изъ Устьянска на 4-хъ нартахъ. До 12-го марта онъ поднялся до 75° 24' сѣв. шир. при 136° 24' вост. долг., гдѣ значительныя трещины во льду указывали на близость полыньи. Въ этотъ день температура спустилась до—41° 5" Ц. Въ теченіи 13—15 марта описывали островъ Бѣлковъ, затѣмъ вернулись къ Котельному, а оттуда въ Усть-

янскъ, куда прибыли 28-го марта, послѣ чего Анжу возвратился въ С.-Петербургъ ¹⁾).

Такъ какъ едва-ли нашлось бы въ этой книгѣ болѣе удобное мѣсто для этого, то мы здѣсь же изложимъ, что вообще еще было открыто или предполагалось открыть въ Ледовитомъ морѣ къ сѣверу отъ земли Чукотской, и тѣмъ закончимъ здѣсь исторію открытій въ этомъ углу Полярнаго моря до позднѣйшаго времени т. е. до экспедиціи Норденскіельда. Еще въ августѣ 1849 года англійскій капитанъ Келлетъ открылъ маленький скалистый островъ, возвышающійся 300 метр. надъ уровнемъ моря, подъ 71° 17' 45" сѣв. шир. и 175° 21' вост. долг. отъ Гринича, слѣдовательно, почти въ прямомъ направленіи отъ Берингова пролива къ сѣверу. Онъ его занялъ во имя Великобританскаго правительства, назвавъ его по своему кораблю островомъ „Геральда“. Какъ Келлету, такъ и его спутникамъ казалось, что въ нѣкоторомъ разстояніи, нѣсколько южнѣе, къ западу отъ острова Геральда, виднѣется другая еще болѣе обширная, расположенная уступами, высокая земля. Онъ ее назвалъ островомъ „Пloverъ“ (морской куликъ, ржанка) ²⁾. Шестъ лѣтъ спустя одна изъ американскихъ экспедицій отвергла существованія этого острова. Въ 1855 году капитаны Рингольдъ и Роджерсъ были на островѣ Геральдъ, но ни какого острова Пloverъ не видали, во все свое плаваніе въ этихъ мѣстахъ къ сѣверу отъ земли Чукотской, не смотря на то, что они были, вѣроятно, не болѣе какъ разстояніи 30—60 килом. отъ него ³⁾. Только въ 1867 г. подтвердилось существованіе какой-то неизвѣстной полярной земли въ тѣхъ странахъ, благодаря плаванію американскаго китобойнаго судна „Nile“ подъ командою капитана Лонга. О своемъ открытіи Лонгъ пишетъ слѣдующее: „14-го августа вечеромъ эта земля была впервые замѣчена съ барки „Nile“, а на другой день, въ 9½ часовъ утра, судно наше находилось въ 18-ти миляхъ отъ западной оконечности ея. Мнѣ удалось въ этотъ день сдѣлать отличныя наблюденія; я опредѣлилъ эту точку подъ 70° 46' сѣв. шир. и 178° 31' вост. долг. Низменная часть этой земли вовсе не были покрыты снѣгомъ и казались даже зелеными, какъ будто на нихъ была пышная растительность. Въ теченіи 15-го и части 16-го августа мы плыли вдоль этой земли въ восточномъ направ-

¹⁾ Петермана «Geogr. Mittheil.» 1879 г., стр. 166—171.

²⁾ Исторію открытія острова Гералодъ и мнимаго острова Пloverа смотри у Петермана «Geograph. Mittheilung.» 1868 г. стр. 3—4.

³⁾ Объ этой экспедиціи см. соч. Вильгельма Гейне: «Экспедиція въ моря Китайское, Японское и Охотское, подъ начальствомъ командировъ Рингольда и Роджерса» Лейпцигъ 1853 г. 8° 3 тома. Впрочемъ данныя относительно плаванія ихъ сѣвернѣе Берингова пролива очень неудовлетворны.

леніи и подходили къ ней на разстояніе 15-ти миль. 16 числа погода была замѣчательно ясна и пріятна, и мы могли хорошо разсмотрѣть среднюю и восточную часть этой земли. Почти въ серединѣ, приблизительно подъ 180° долг., видна была гора, имѣвшая наружность погасшаго вулкана, по глазомѣрному измѣренію 2480 футовъ вышины. Въ этотъ день я сдѣлалъ превосходныя наблюденія; мы обогнули юго-восточный мысъ этой земли, которому дали названіе Гаваи, подъ $70^{\circ} 40'$ сѣв. шир. и 178° зап. долг. Невозможно опредѣлить, далеко-ли эта земля простирается къ сѣверу, но на сколько можно было окинуть глазомъ, виднѣлись горные кряжи, далеко пролегающіе во-внутрь. Отъ капитана корабля „Наутилусъ“, Бливена, я узналъ, впрочемъ, что къ сѣверо-западу отъ острова Геральда онъ видѣлъ еще землю до 72° сѣв. шир.“¹⁾ Почти въ то же время капитанъ корабля „Reindeer“ (сѣверн. олень) Крайнаръ также видѣлъ эту землю, которой Лонгъ по всей справедливости далъ названіе „Земля Врангеля“, въ воспоминаніе этого неутомимаго сѣвернаго дѣятеля, впервые получившаго отъ чукчей свѣдѣнія о какой-то полярной землѣ, которой это названіе должно бы быть сохранено, не смотря на возраженія Петермана.

Въ 1876 году лейтенанту Онацевичу съ Новосельскимъ было поручено на клиперѣ „Всадникъ“ проникнуть черезъ Беринговъ заливъ къ Землѣ Врангеля; но они не могли этого исполнить. Подъ 67° сѣв. шир. они встрѣтили сплошныя ледяныя массы, которыя заставили ихъ переимѣнить курсъ. Попытка пробраться на западъ была также безуспѣшна, такъ какъ они и здѣсь встрѣтили такіе же льды²⁾.

Долгое время между тѣмъ ничего не было предпринято для дальнѣйшаго научнаго изслѣдованія сѣверо-восточной Сибири и ея прибрежій. Только съ 1868—1870 годовъ была туда снаряжена новая экспедиція Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, подъ начальствомъ барона Майделя. Главною задачею этой экспедиціи было подробное изслѣдованіе Чукотской земли и собраніе свѣдѣній о видѣнной Лонгомъ полярной землѣ. Кромѣ

¹⁾ См. Петермана «Geograph. Mittheilung.» 1868 г., стр. 5.

²⁾ «Russische Revue» 1877 г., т. X, стр. 275. Хотя плаваніе Онацевича не привело ни къ какимъ результатамъ въ географическомъ отношеніи, но гидрографія оно оказало важныя услуги. Его измѣренія глубины и опредѣленія температуры морской воды въ различныхъ мѣстахъ, а равно наблюденія надъ направленіемъ морскихъ теченій составляютъ богатныя пріобрѣтенія для науки. Между прочимъ онъ прослѣдилъ въ Ледовитомъ океанѣ одно теченіе, которое идетъ изъ Берингова пролива на сѣверо-западъ, при относительно возвышенной температурѣ.

Майделя, въ составъ этой экспедиціи вошли: астрономъ докторъ Нейманъ, топографъ Аеонасьевъ, хирургъ Антоновичъ и переводчикъ Егоръ Лыгчинъ, юкагирь, выросшій между чукчами и вполне владѣвшій ихъ языкомъ. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изложеніе переѣздовъ и дѣйствій этой важной экспедиціи; мы упомянемъ только, что послѣ первой неудачной попытки въ февралѣ 1870 года пройти до Медвѣжьихъ острововъ, Нейманъ выступилъ 13-го апрѣля еще разъ изъ Нижне-Колымска, побывавъ дѣйствительно на всѣхъ шести островахъ этой группы, и вернулся 29-го апрѣля, черезъ мысъ Барановъ, опять въ Нижне-Колымскъ ¹⁾.

Сѣверо-востокъ Сибири населяютъ чукчи, народъ, считающій себя совершенно независимымъ и гордящійся этимъ, скитаясь со своими оленями по обширному, бесплодному полуострову, названному ихъ именемъ, ихъ землею. Чукчи раздѣляются на кочующихъ или оленниковъ, которые сами себя называютъ „чаукчу“, и сидячихъ, родственныхъ корякамъ, и занимающихъ только крайній сѣверо-восточный уголокъ Восточной Сибири, подъ названіемъ „намолло“ или „нашкули“. Въ числѣ оленьихъ чукчей встрѣчаются очень богатые, обладающіе тысячами оленей. Нынѣшнія ихъ жилища состоятъ изъ рода палатокъ, сдѣланныхъ изъ оленьихъ шкуръ. Нужно полагать, что они въ былое время жили въ подземныхъ ямахъ, слѣды которыхъ нерѣдко и теперь еще находятся. Наружный видъ ихъ теперешнихъ жилищъ крайне некрасивъ; тѣмъ не менѣе, они являются, если позволено такъ выразиться, истиннымъ произведеніемъ искусства, будучи составлены изъ китовыхъ и моржевыхъ костей, чрезвычайно искусно между собою соединенныхъ. Остовы ихъ лодокъ, байдаръ, большею частью также дѣлаются изъ китовыхъ костей и обтягиваются шкурами сивучей; рыболовные сѣти ихъ дѣлаются изъ тонкихъ полосъ моржевыхъ кожъ. Чукчи—народъ въ высшей степени предприимчивый и торговый. На своихъ байдаркахъ они переплываютъ черезъ Беринговъ проливъ, вымѣниваютъ у жителей сѣверо-западной Америки пушныя товары и доставляютъ его на нартахъ въ Островное, гдѣ они сходятся для мѣны же съ русскими, юкагирами, ламутами, тунгусами и коряками. Островное—небольшой островъ подъ 68° сѣв. шир. Для наблюденія за порядкомъ туда пріѣзжаетъ русскій чиновникъ. Во избѣжаніе злоупотребленій и столкновеній между этими дикими обитателями крайняго сѣвера, до открытія торжка, утверждается такса молока, табаку, составляющаго тамъ размѣн-

¹⁾ См. «Globus», т. XXVI, стр. 313, 329, 347, 362, 369 и т. XXVIII, стр. 42, 55, 74.

ную и платежную единицу, что слѣдуетъ дать за тотъ или другой родъ пушнаго товара. Размѣнъ продолжается три дня, и послѣ этого Островное покидается всѣми, до слѣдующаго года. Определить въ точности численность чукчей чрезвычайно трудно: она колеблется между 20 и 50 тысячами.

Чукчи вообще народъ крѣпкаго тѣлосложенія, но очень развращены приходящими къ нимъ китоловами. Здоровый мужчина легко носить около пяти пудовъ. Они очень добродушны и менѣе алчны, чѣмъ это обыкновенно встрѣчается у подобныхъ дѣтей природы. Маленькія дѣти ихъ такъ плотно укутываются въ оленьи шкуры, какъ будто сидятъ въ мѣшкахъ, такъ что, если подчасъ и свалятся откуда нибудь, ушибиться не могутъ. Вся одежда чукчей состоитъ изъ оленьихъ шкуръ, только по праздникамъ они щеголяютъ въ костюмахъ болѣе цивилизованныхъ странъ, вымѣненныхъ у матросовъ китобойныхъ судовъ. Къ ночи и мужчины, и женщины совершенно раздѣваются и ложатся подъ „пологъ“, родъ низкой палатки въ общемъ жилищѣ, палатка въ палаткѣ. Особенную страсть питаютъ чукчи къ крѣпкимъ напиткамъ и къ табаку, который они курятъ въ своихъ длинныхъ трубкахъ и имъ затагиваются до одурѣнія. Въ употребленіи водки они неразборчивы до невѣроятія и поэтому торгующіе ею сбываютъ за дорогую цѣну водку самаго низкаго достоинства и отвратительнаго вкуса. Въ остальномъ у чукчей все и теперь водится такимъ же порядкомъ, какъ Биллингъ ихъ впервые описываетъ, сто лѣтъ тому назадъ, не смотря на то, что они, послѣ того, уже познакомились съ употребленіемъ желѣза. Точно также и принятіе ими христіанства не измѣнило ихъ обычаевъ. Варварское шаманство, правда, уже потеряло въ нѣкоторой степени свою силу, напримѣръ, чукчи перестали убивать своихъ престарѣлыхъ родителей, неспособныхъ къ работѣ, но другіе языческіе обычаи еще въ полномъ ходу, какъ-то: сожженіе мертвыхъ, приношеніе жертвъ животнымъ и многоженство. Хотя мужчины въ домашнемъ быту ничего не дѣлаютъ, потому что всякая домашняя работа считается ниже ихъ достоинства, тѣмъ не менѣе они собственно въ домѣ ни какого значенія не имѣютъ: всѣмъ завѣдуетъ и всѣмъ заправляетъ жена, мужчина въ домѣ ей подчиненъ.

Ближайшіе сосѣди чукчей по побережью Ледовитаго океана къ западу юагиры или адонъ-домни или ардонъ-домни, кочующіе по берегамъ Индигирки и Анюя. Языкъ ихъ на якутскій и корякскій вовсе не похожъ, съ тунгусами и самоѣдами у нихъ встрѣчается нѣсколько общихъ выраженій. Это нѣкогда очень многочисленное племя теперь почти исчезаетъ. Потерявъ, отъ часто случайшейся повальной чумы на скотъ, всѣхъ своихъ оленей, юагиры влечатъ те-

перь жалкую жизнь, питаюсь рыболовствомъ и птицеводствомъ. По одеждѣ и обычаямъ они уже сблизились съ русскими, страстно любятъ музыку и почти въ каждой юртѣ встрѣтите скрипку, приобретенную отъ русскихъ; кто нибудь изъ семейства непременно умѣетъ играть; у женщинъ очень пріятные голоса и онѣ хорошо поютъ. Во всемъ остальномъ они находятся въ совершенно первобытномъ состояніи; крайніе невѣжды, живутъ въ землянкахъ. Въ религіи у нихъ смѣсь язычества съ христіанствомъ. Геденштрёмъ видѣлъ еще въ 1809 году на Ново-Сибирскихъ островахъ слѣды юкагирскихъ поселеній, но сами они тамъ уже всѣ вымерли.

Затѣмъ далѣе къ западу—якуты, одно изъ замѣчательнѣйшихъ племенъ земнаго шара, напоминающее, по мѣткому замѣчанію Миддендорфа, на крайнемъ сѣверѣ въ нѣкоторомъ отношеніи еврейское племя. Якуты—татарскаго происхожденія; османъ изъ Стамбула легко можетъ объясниться съ приленскимъ якутомъ. Переселяясь изъ Средней Азіи въ сѣверные предѣлы этого материка, они отодвинули кочевавшіе около Байкала народы къ крайнему сѣверу. Хотя они были покорены русскими, но отъ нихъ очень мало заимствовали. Въ самомъ Якутскѣ преимущественно говорятъ по-якутски, браки между русскими и якутами въ большомъ ходу. Якутовъ считается всего до 200 тыс.; они обитаютъ по берегамъ рѣкъ Вилюя, Лены, Алдана и Индигирки, занимаются скотоводствомъ, мало селятся вмѣстѣ въ большомъ числѣ, болѣе отдѣльными стойбищами; они очень гостепріимны. Якуты до того привыкли къ перенесенію страшныхъ континентальныхъ морозовъ, что ихъ даже въ Сибири называютъ „железными“ людьми. При 40° Ц. они легко одѣваются, разговариваютъ и шутятъ по улицамъ, какъ будто бы было пріятная весенняя погода. Они очень трудолюбивы и, не хуже, пожалуй, русскихъ владѣютъ топоромъ, которымъ строятъ избы, дѣлаютъ двери и окна. Вообще они въ высшей степени выносливы и терпѣливы при исполненіи самыхъ трудныхъ работъ, но въ остальномъ стоятъ на самой низкой степени образованности и, къ тому же, чрезвычайно суевѣрны и скрытны.

Жилища якутовъ простираются къ западу почти до Таймурскаго полуострова, по пустыннымъ тундрамъ котораго изрѣдка кочуютъ самоѣды. Объ этой мѣстности крайняго сѣвера самая подробная свѣдѣнія можно почерпнуть только изъ описанія путешествія академика Александра Ѳедоровича Миддендорфа 1843 г.¹⁾ Этотъ рѣдкій по настойчивости, послѣдовательности и глубокому научному образованію дѣятель былъ единственный, отъ котораго можно было ожидать, что онъ не вернется изъ своей трудной экс-

¹⁾ Миддендорфъ род. въ С.-Петербургѣ 18-го августа 1815 года.

педиціи безъ богатыхъ результатовъ. Впослѣдствіи къ нему при
 соединился Брандтъ. Въ сопровожденіи одного лаборанта, въ то же
 время исполнявшаго обязанности лакея, оба путешественника отпра-
 вились 3-го апрѣля 1843 года изъ Туруханска по льду Енисея до Ду-
 динска. Здѣсь спутники Миддендорфа заболѣли корью, но такъ какъ
 необходимо было добраться до устья Хатанги еще по льду, то объ обыч-
 номъ леченіи этой болѣзни и думать нельзя было. Больные улег-
 лись въ нарты, на-глухо закрытые мѣхами, и экспедиція пустилась
 въ дальнѣйшій путь 13-го апрѣля при — 37° Ц. и страшномъ
 вѣтрѣ, при которомъ едва можно было удержаться на ногахъ.
 Здѣсь присоединились къ экспедиціи топографъ и три казака. У
 Богениды, притока Хеты, впадающей въ Хатангу, волею-неволею
 должны были остановиться, потому что весь составъ экспедиціи,
 за исключеніемъ Миддендорфа и Брандта, слегъ. Мидден-
 дорфъ рѣшился здѣсь обождать лѣтнюю перекочевку самоѣдовъ
 къ сѣверу. Онъ воспользовался этимъ промежуткомъ времени, что-
 бы съѣздить на-легкѣ на Хатангу, гдѣ онъ нашелъ все населеніе
 въ кори и въ крайней нуждѣ. Поэтому онъ измѣнилъ свой перво-
 начальный маршрутъ, отправившись отсюда къ рѣкѣ Таймуру. Часть
 экспедиціи оставалась на Богенидѣ для метеорологическихъ наблюде-
 ній, а Миддендорфъ съ топографомъ, переводчикомъ и двумя казака-
 ми, присоединился 19-го мая къ перекочевавшимъ къ сѣверу само-
 ѣдамъ для достиженія крайнихъ его предѣловъ, чтобы ихъ изслѣдовать.
 Но злая повальная болѣзнь захватила нашихъ путешественниковъ.
 Самоѣдское племя, которое ихъ ожидало на р. Новой и должно было
 ихъ провести далѣе, все слегло въ постель и также находилось въ
 бѣдственномъ положеніи. Миддендорфъ рассчитывалъ на ихъ по-
 мощь, а теперь ему пришлось помочь жителямъ полярныхъ странъ.
 Ко всѣмъ затрудненіямъ присоединился еще необыкновенный по
 времени года холодъ: 27-го мая термометръ показывалъ — 23° Ц.
 и страшная снѣжная мятель неслась съ такою яростью по всей
 ледяной равнинѣ, что всѣ должны были лежать неподвижно въ
 своихъ незатѣйливыхъ палаткахъ, даже о благотѣльно-согрѣваю-
 щимъ чаѣ не вспоминали, изъ опасенія пошевелиться на мѣстѣ.
 Только 31-го мая могли продолжать путь. 14-го іюня увидѣли
 въ дали рѣку Таймуръ далеко отъ того мѣста, гдѣ она вливается
 въ озеро того-же имени. Течетъ эта рѣка, или, лучше сказать, за-
 мерзшая ея поверхность пролегалъ тогда, между крутыми берегами,
 но путешественники были увѣрены, что они хотя и не надолго, но
 вскорѣ освободятся отъ льда. Немедленно приступили къ оконча-
 тельному вооруженію лодки, въ которой должны были плыть по
 рѣкѣ. 5-го іюля рѣка вскрылась и на другой день лодка была
 спущена на воду, послѣ чего безотлагательно отплыли. При по-

путномъ вѣтрѣ и быстротѣ теченія рѣки, плаваніе такъ скоро совершилось, что Миддендорфъ 24-го августа вошелъ въ открытое море, обследовавъ всю мѣстность до 76° сѣв. шир. Но уже въ началѣ августа наступили опять ночные морозы, и поэтому надлежало немедленно пуститься въ обратный путь, чтобы не быть застигнутыми въ этой страшной пустынѣ ужасами арктической зимы. Между тѣмъ, тѣже обстоятельства, которые явились споспѣшествующею силою для продолженія пути, а именно быстрое теченіе рѣки и сильный вѣтеръ, при обратномъ слѣдованіи представились угрожающимъ препятствіемъ. Миддендорфъ впослѣдствіи самъ сознавался, что только нежеланіе вернуться, сдѣлавъ лишь половину дѣла, заставило его идти впередъ въ то время, когда, по здравому сужденію, слѣдовало вернуться гораздо раньше. Запасшись большимъ количествомъ наносныхъ дровъ, храбрецы пустились 26-го августа въ обратный путь; но противной вѣтеръ задержалъ ихъ на озерѣ Таймурѣ до 7-го сентября на небольшомъ островѣ. Черезъ нѣсколько дней все озеро покрылось льдомъ, и нашимъ путешественникамъ угрожала опасность замерзнуть среди озера. Къ тому-же лодка ихъ погибла во льду. Оставалась только одна надежда, что они найдутъ качующихъ самоѣдовъ вверхъ по теченію рѣки Таймура, такъ какъ они ни когда не кочуютъ сѣвернѣе южнаго берега этого озера. Безъ замедленія сбили большія сани и тотчасъ-же отправились далѣе, въ южномъ направленіи. Черезъ два дня, однако, Миддендорфъ почувствовалъ такое утомленіе, что не могъ продолжать шествія. Можетъ быть, отдыхъ въ теченіи нѣсколько дней возстановилъ бы его силы, но даже часа нельзя было терять, не подвергая величайшей опасности всѣхъ членомъ экспедиціи. Въ этомъ ужасномъ положеніи Миддендорфъ съ изумительною твердостью, ни мало не медля, рѣшился остаться одинъ въ нелюдимой пустынѣ. Имъ руководило слѣдующее соображеніе, если его спутники будутъ такъ счастливы, что вскорѣ найдутъ самоѣдовъ до начала ихъ откочеванія къ югу, то они могли и его еще спасти; если они наткнутся на самоѣдовъ хотя и позже, то можетъ спастись по крайней мѣрѣ часть экспедиціи; если-же самоѣды уже окончательно откочевали къ югу, въ зимнія ихъ стойбища, то всѣ усилія тщетны и вся экспедиція неминуемо должна была погибнуть. Сказано—сдѣлано: зарѣзали любимую собаку Миддендорфа, мясо ея и остатокъ крѣпкого бульона раздѣлили на пять частей, вмѣстѣ въ послѣдній, можетъ быть, разъ вкусили пищи и отправились къ югу въ прямомъ направленіи, оставивъ Миддендорфа одного и больного на мѣстѣ, безъ всякой защиты отъ непогоды и наступавшихъ холодовъ и съ пищею всего на два дня. Три дня Миддендорфъ еще бродилъ, видѣлъ съ тяжелою грустью,

какъ послѣднія перелетныя птицы также уже удаляются въ болѣе южныя страны и какъ озеро затынулось крѣпкимъ льдомъ. Слѣдующіе затѣмъ три дня онъ такъ уже ослабѣлъ, что не могъ встать съ мѣста, но послѣ этого жажда начала его томить, онъ потащился ко льду и напился озерной воды. Силы его окончательно оставили, поднялась снѣжная вьюга, зарывавшая его живо, исчезъ послѣдній лучъ надежды. Но Всевышній послалъ ему спасеніе въ лицѣ одного изъ самоѣдскихъ родоначальниковъ, съ которымъ Миддендорфъ познакомился раньше. 30-го сентября онъ его поднялъ съ мѣста и увезъ въ свой чумъ. 20-го октября онъ вышелъ въ курную избу на Богенидѣ — и можно себя представить, съ какими чувствами онъ обнялъ своихъ дорогихъ спутниковъ! Со времени достопамятнаго путешествія Миддендорфа, изслѣдованія котораго принесли величайшую пользу географіи края и значительно расширили кругъ познаній въ области естественной исторіи, ни одинъ ученый уже не посѣтилъ болѣе эту окраину ледянаго сѣвера.

Чукчи, строящіе себѣ хижину.

Ө. П. Литке.

РУССКІЕ НА НОВОЙ ЗЕМЛѢ.

БРАЩАЯСЬ къ западной части Ледовитаго океана, мы увидимъ, что всѣ экспедиціи, которыя были туда предпринимаемы, какъ частными людьми, такъ и по распоряженію русскаго правительства, имѣли цѣлью почти исключительно островъ Новую Землю. Такимъ образомъ изслѣдованіе этого арктическаго острова всецѣло принадлежитъ заслугамъ русскихъ мореплавателей. Еще въ 1757 году какой-то богатый архангельскій купецъ, отправилъ для изслѣдованія этого острова кормчаго Юшкова, увѣрявшаго его, что горы этого острова содержатъ много серебра, но Юшковъ умеръ на пути туда. Вслѣдъ затѣмъ олоонецкій житель Савва Ложкинъ рѣшился въ 1760 г. обследовать восточное побережье Новой Земли. Ему дѣйствительно удалось въ теченіи трехъ лѣтъ окружить весь островъ, что въ смыслѣ морскомъ составляетъ такого рода подвигъ, что онъ во второй разъ былъ совершенъ только въ новѣйшее время. Къ сожалѣнію, объ этомъ плаваніи не существуетъ ни какого подробнаго отчета, почему многіе въ немъ сомнѣваются. Въ страшномъ борьбѣ со льдами употребилъ Ложкинъ три лѣта для того, чтобы пройти отъ Желѣзныхъ воротъ до мыса Флисинскаго; двѣ

зимы слѣдовательно провелъ онъ на восточномъ берегу этого острова, оказавшемся болѣе отлогимъ и имѣющимъ менѣе заливовъ и бухтъ, чѣмъ западный берегъ. Массы прибойнаго лѣса изъ Карскаго моря значительно способствовали возможности перезимовки. Обогнувъ сѣверную оконечность Новой Земли, Ложкинъ пошелъ по болѣе извѣстному западному берегу, и, наконецъ, вернулся благополучно къ берегамъ Бѣлаго моря.

Въ 1768 и 1769 годахъ отставной капитанъ корпуса штурмановъ Росмысловъ имѣлъ по отношенію къ острову Новой Землѣ двойное порученіе: во-первыхъ отъ богатаго купца Бармина въ Архангельскѣ дѣлать розыски серебряной руды, а отъ правительства сдѣлать топографическую съемку какъ восточнаго берега острова, такъ и остальной части Карскаго побережья. Для этой цѣли для него было снаряжено трехмачтовое судно „Кочмара“, десяти тоннъ вмѣстимости. Со стороны правительства ему были назначены два матроса и младшій штурманъ Губинъ помощникомъ, а Баршинъ далъ ему въ помощь штурмана Чиракина и 9 человекъ матросовъ, всего 13 человекъ. 10-го іюня Росмысловъ вышелъ изъ Архангельска. Задерживаемый противными вѣтрами, онъ подошелъ къ Новой Землѣ только 1-го августа около сѣвернаго Гусинскаго мыса. Взявъ отсюда курсъ на сѣверъ, онъ вошелъ 9-го августа въ заливъ Бритвинъ, гдѣ оставался до 12-го числа. Въ сѣвернѣе лежащей бухтѣ Безъимянной присоединилось къ нему рыболовное судно, въ сопровожденіи котораго Росмысловъ дошелъ 14-го августа до острова Панкова, у входа въ Маточкинъ Шаръ. 15-го числа проникли въ этотъ проливъ до мыса Бараньяго. До этого мѣста штурманъ Чиракинъ уже раньше доходилъ; дальше провести судно онъ не рѣшался. По этому Росмысловъ отправился на гребной лодкѣ впередъ, по проливу, въ которомъ онъ постоянно находилъ отъ 16¹/₂ до 27¹/₂ метровъ глубины. У Моржеваго мыса, находящагося противъ самой сѣверной точки Маточкина Шара, вѣтеръ и теченіе заставили его вернуться. Послѣ этого младшій штурманъ Губинъ снялъ на карту часть южнаго берега пролива, а самъ Росмысловъ предпринялъ вторичное плаваніе на лодкѣ съ намѣреніемъ пройти въ Карское море и составить картографическое описаніе всего пролива. У восточнаго конца Маточкина Шара Росмысловъ поднялся на высокую гору, чтобы осмотрѣть мѣстность. На все видимое пространство, Карское море было свободно отъ льда. Росмыслову оставалось только сожалѣть о томъ, что онъ не могъ на своей утлой лодкѣ пуститься въ море, чтобы опредѣлить пространство, раздѣляющее Новую Землю отъ самоѣдскаго полуострова Ялмала. Во всякомъ случаѣ ему принадлежитъ заслуга, что онъ доказалъ, что

Новая Земля не составляет одинъ сплошной островъ, а раздѣлена поперечнымъ проливомъ на двѣ части. 3-го сентября 1768 г. онъ вернулся къ своей кочмарѣ, и рѣшился, такъ какъ зима уже приближалась, перезимовать въ Тюленьей бухтѣ подъ 73° 14' сѣв. шир. приблизительно въ двадцати верстахъ отъ Карскаго моря. Привезенная съ собою изъ Архангельска складная изба была слишкомъ тѣсна для всѣхъ зимовавшихъ; по этому Росмысловъ распорядился перетащить въ Тюленью бухту къ Дровяному мысу найденную имъ у Бараньяго мыса избу, когда-то и кѣмъ-то тамъ оставленную. По семи человекъ размѣстились въ каждую избу. 20-го сентября проливъ покрылся льдомъ, а 27-го ноября началась безконечная полярная ночь, продолжавшаяся до 24-го января, т. е. 59 дней. Морозъ былъ такъ силенъ, что люди боялись выходить изъ избъ, отъ этого всѣ почти были больны, нѣкоторые умерли, въ числѣ ихъ Чиракинъ еще 17-го ноября 1768 г. Мѣсто зимовки было опредѣлено пятью наблюденіями подъ 73° 39' сѣв. шир., 25' сѣвернѣе, чѣмъ въ дѣйствительности, какъ впоследствии оказалось. Хотя Росмысловъ со своими спутниками преимущественно занимался гидрографическими и геодезическими изслѣдованіями, тѣмъ не менѣе онъ дѣлалъ также свои наблюденія въ области естественной исторіи. По его сообщенію, горы у Маточкина Шара состоятъ изъ рыхлаго сланца, благородныхъ металловъ тамъ положительно нѣтъ; между горами множество прѣсноводныхъ озеръ, обитаемыхъ массами маленькихъ рыбъ. Деревъ вовсе нѣтъ; травы встрѣчаются только изрѣдка. Изъ млекопитающихъ видѣлъ онъ тамъ бѣлыхъ медвѣдей, песцовъ, волковъ, оленей; изъ птицъ весною дикихъ гусей, чаекъ и галокъ; изъ морскихъ животныхъ—моржей, тюленей и дельфиновъ. Къ лѣту исправили кочмару, а 2-го августа Росмысловъ поплылъ далѣе на востокъ. Не смотря на то, что онъ самъ былъ боленъ и потерялъ уже 7 человекъ изъ своихъ спутниковъ, онъ твердо рѣшился исполнить свою задачу, т. е. пройти поперекъ Карскаго моря. Смѣло вошелъ онъ въ открытое море, но на другой день былъ вынужденъ вернуться, потому что судно его получило течъ вслѣдствіе усиленныхъ ударовъ о льдины. 4-го августа ему казалось, что онъ вошелъ опять въ Маточкинъ Шаръ, но онъ ошибся, то—былъ заливъ, нѣсколько сѣвернѣе Маточкина Шара, которому онъ далъ названіе „Незнаемый“. Только 8-го августа онъ вошелъ дѣйствительно опять въ Маточкинъ Шаръ, у западнаго входа въ который, въ устьѣ рѣчки Маточки, онъ рассчитывалъ исправить свое судно. По убѣжденію встрѣченнаго имъ тамъ промышленника, онъ перешелъ со всѣми своими спутниками на его судно, оставивъ къ плаванію уже совсѣмъ негодную кочмару у береговъ Новой Земли

Digitized by Google

на произволъ судьбы. 8-го сентября они вернулись благополучно въ Архангельскъ.

Экспедиція Росмыслова представляется самою знаменательною со временъ голландца Барентса. Серебра онъ, правда, не нашелъ на Новой Землѣ, но гидрографическія свѣдѣнія объ этомъ островѣ значительно расширились. Онъ первый измѣрилъ длину Маточкина пролива, пересекающаго этотъ островъ, опредѣлилъ его географическую широту, въ подробности снялъ его на карту и, наконецъ, даже доставилъ нѣкоторое, соотвѣтствующее его скромнымъ познаніямъ, естественно-историческое описаніе этихъ мѣстъ, такъ что этому проливу, по всей справедливости, слѣдовало-бы быть названнымъ Росмысловымъ Шаромъ. Послѣ него, въ теченіи сорока лѣтъ, Новую Землю посѣщали только промышленники.

Только въ 1807 году была вновь отправлена экспедиція къ Новой Землѣ иждивеніемъ уже извѣстнаго намъ покровителя полярныхъ изслѣдованій, графа Румянцева, имѣвшаго въ особенности въ виду развѣдываніе этого острова въ отношеніи горно-промышленномъ. Съ этою цѣлью были прикомандированы къ начальнику этой экспедиціи, отставному штурманскому офицеру Поспѣлову одинъ горный чиновникъ съ Урала Лудловъ и два штейгера. Тендеръ „Пчела“, 36 тоннъ вмѣстимости, при лоцманѣ Мясликовѣ и съ осмью матросами вышелъ 29-го іюня изъ Колы. Экспедиція шла вдоль берега отъ Костина Шара до Маточкина, снимая это пространство подробно на карту. Поспѣловъ первый съ точностью обслѣдовалъ Костинъ Шаръ. Въ минералогическомъ отношеніи были подвергнуты изслѣдованію острова Бѣлые, оказавшіеся, по опредѣленію Лудлова, гипсового построенія, и въ особенности бухта Серебряная, но никакой серебро-содержащей руды не нашли, кромѣ куска свинцоваго блеска съ самымъ ничтожнымъ содержаніемъ серебра и вообще не стоявшаго разработки. Береговья обнаженія показывали сланцеватый известнякъ и бѣло-серебристую слюду, чему эта бухта, безъ сомнѣнія, и обязана своимъ названіемъ. На сѣверномъ берегу Матвѣевой скалы Лудловъ нашелъ сѣру и мѣдный колчеданъ, а также предполагалъ, что тамъ найдется малахитъ.

Еще съ меньшимъ успѣхомъ плавалъ въ 1819 году бригъ „Новая Земля“, подъ командою лейтенанта Лазарева. Снабженный всѣмъ необходимымъ до затѣйливости, Лазаревъ вышелъ изъ Архангельска 10-го іюня. Дважды направлялся онъ къ Маточкину Щару и къ южной оконечности Новой Земли, отдохнувъ въ промежутокъ нѣсколько дней на островѣ Калгуевѣ, но всѣ его усилія подойти къ этимъ мѣстамъ были тщетны, такъ какъ онъ вездѣ встрѣчалъ непреодолимія массы льда. Ктому-же вся его команда

заболѣла цынгой, что и вынудило его уже 9-го августа пуститься въ обратный путь. 3-го сентября онъ бросилъ якорь въ Архангельскѣ. Къ сожалѣнію Лазаревъ вышелъ слишкомъ рано изъ Архангельска, и поэтому пришелъ слишкомъ рано къ обследуемымъ имъ мѣстамъ; поэтому весь результатъ его плаванія состоитъ въ астрономическомъ опредѣленіи нѣсколькихъ мѣстъ на островѣ Калгуевѣ и побережья Гусинаго мыса на Новой Землѣ, который до него считался лежащимъ гораздо восточнѣе.

Безуспѣшность Лазаревской экспедиціи отнюдь не повліяла на русское правительство. Напротивъ, оно снарядило съ 1819 до 1824 г. не менѣе пяти экспедицій къ казавшимся неприступными берегамъ Новой Земли. Немедленно по возвращеніи Лазарева, было приступлено къ вооруженію замѣчательно прочнаго по своей постройки брига „Новой Земли“, 200 тоннъ вмѣстимости. Командиромъ его былъ назначенъ лейтенантъ (нынѣ адмиралъ) графъ Федоръ Петровичъ Литке (родившійся 12-го сентября 1797 г. въ Петербургѣ). только что возвратившійся изъ кругосвѣтнаго плаванія, въ которомъ онъ участвовалъ подъ командою капитана Головнина. На бригѣ были, кромѣ командира, два офицера флотскихъ, одинъ штурманскій, врачъ и 39 человекъ команды. Вышедши 15-го іюля 1821 г. въ море, Литке подошелъ 31-го числа того же мѣсяца къ юго-западной оконечности острова Новой Земли, гдѣ онъ встрѣтилъ сплошныя массы льда. Пробиваясь въ теченіи двухъ недѣль черезъ ледъ, ему удалось наконецъ приблизиться къ берегу подъ $71^{\circ} 31'$ сѣв. шир., но пристать къ берегу не представлялось ни какой возможности; сильный сѣверный вѣтеръ отгонялъ бригъ въ море. 22-го августа показалась на видъ гора Первоусмотрѣнная; вѣтеръ разбилъ весь ледъ и его теченіемъ отнесло въ море. Входа въ Маточкинъ Шаръ Литке не нашелъ, потому что постоянный восточный вѣтеръ не позволялъ подходить ближе къ берегу, но, по расчету, онъ два раза проходилъ мимо него. Къ концу августа, такъ какъ по тамошнему уже настало позднее время года, Литке занялся съемкою береговаго пространства отъ 73° сѣв. шир. до сѣвернаго Гусинаго мыса. Ледъ вновь сталъ показываться, и Литке, провѣривъ мимоходомъ географическую долготу Канина Носа, возвратился 11-го сентября въ Архангельскъ.

Въ слѣдующемъ 1822 году Литке было поручено на томъ-же бригѣ продолжать обследованіе Новой Земли, съ тѣмъ, чтобы онъ первую часть лѣта употребилъ на съемку береговъ Лапландіи, которые въ то время были еще мало извѣстны. Въ этомъ году ему сопутствовали лейтенантъ Лавровъ, мичманъ Литке II, штурманскіе офицеры Сафроновъ и Прокофьевъ и врачъ Смирновъ. 21-го іюня вышли изъ Архангельска, въ теченіи всего іюля

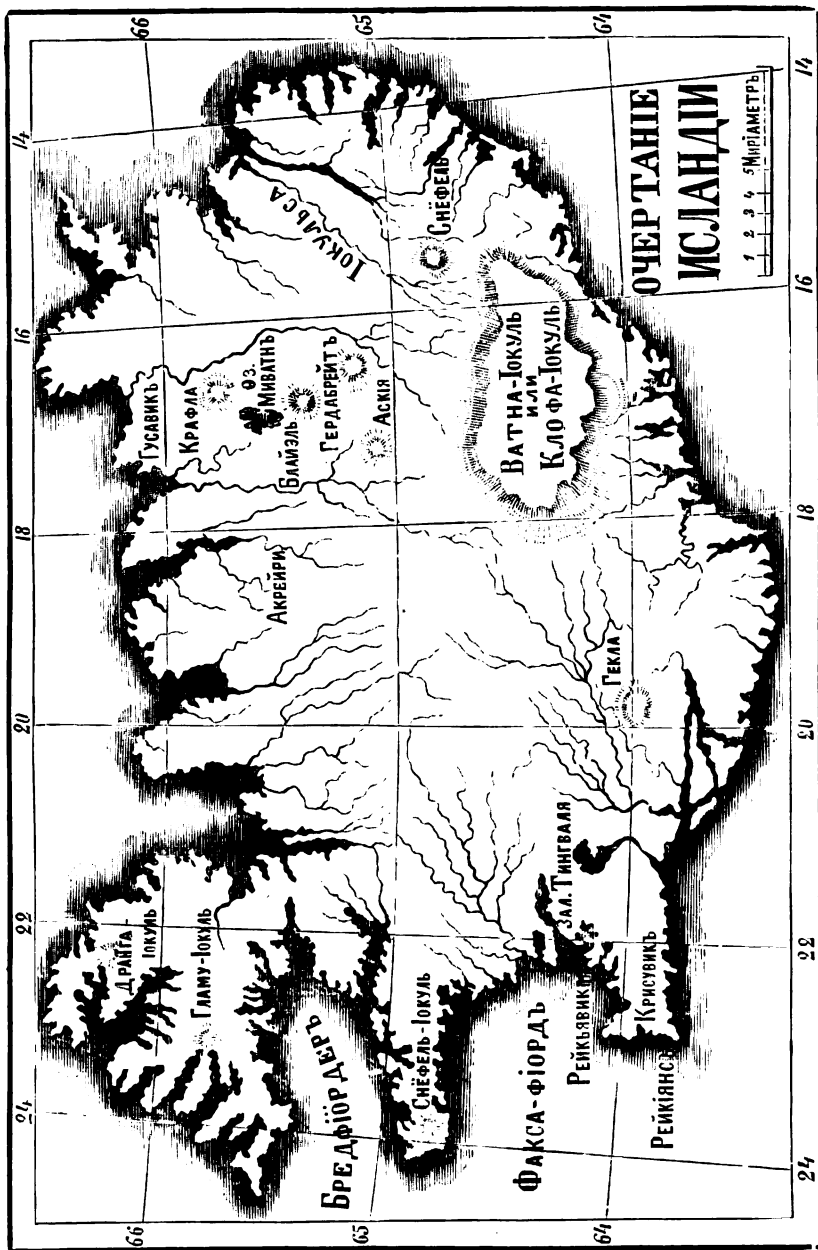
занимались съемкою Лапландскаго берега, а 8-го августа пришли къ Новой Землѣ въ виду Первоусмотрѣнной горы. Весь берегъ былъ свободенъ отъ льда. Идя вдоль него на недалекомъ разстояніи, Литке вскорѣ подошелъ къ Маточкину Шару, но съемку его отложилъ до обратнаго пути. Подымаясь далѣе къ сѣверу, онъ увидалъ 11-го августа крутой, снѣгомъ покрытый мысъ, который онъ сначала принялъ за мысъ Гекъ,¹ т. е. за сѣверо-восточную оконечность Новой Земли, но потомъ ему казалось, что это былъ мысъ Нассау. Вскорѣ наткнулись они на примыкающій къ самому берегу ледяной валъ, положившій предѣлъ дальнѣйшему плаванію. Послѣ этого вернулись къ Маточкину Шару, астрономически опредѣлили его мѣстоположеніе, а 6-го сентября бросили якорь въ Архангельскѣ.

Въ 1823 году Литке, произведенный въ капитаны и вышедшій изъ Архангельска въ первыхъ числахъ іюня, опять занялся продолженіемъ съемки Лапландскаго берега, послѣ чего онъ отъ мыса Вардѣ поворотилъ на востокъ и подошелъ 27-го іюля къ мысу Гусиному на Новой Землѣ. Провѣряя съемку предыдущаго года, онъ поднялся безпрепятственно до $76^{\circ} 30'$ сѣв. шир., гдѣ онъ встрѣтилъ 1-го августа большія массы льда, помѣшавшія ему болѣе точно опредѣлить видѣнный имъ еще въ прошломъ году мысъ подъ этою широтою. Лежащіе къ западу отъ этого мыса небольшіе острова Литке назвалъ „Барентсовыми“, принявъ ихъ сначала за острова Оранскіе. 6-го августа бригъ бросилъ якорь у мыса Бараньяго, при западномъ входѣ въ Маточкинъ Шаръ. Съ этой стоянки оба берега Маточкина Шара были въ точности на гребныхъ судахъ сняты на карту и астрономически опредѣлены; кромѣ того, были сдѣланы магнетическія наблюденія. По окончаніи этихъ работъ бригъ снялся съ якоря 10-го августа, но отъ непогоды до 18-го числа не могъ продолжать съемочныхъ работъ и только послѣ этого снялъ на карту пространство отъ южнаго Гусинаго мыса до мыса Кусова, южной оконечности Новой Земли. Здѣсь бригъ, къ несчастію, набѣжалъ на несчаную отмель. Хотя онъ и снялся опять, но съ изломаннымъ рулемъ, что и вынудило Литке вернуться черезъ Калгуевъ въ устьѣ Двины, гдѣ онъ бросилъ якорь въ Архангельскѣ 31-го августа.

Въ 1824 году адмиралтейство поручило капитану Литке, обогнувъ сѣверную оконечность Новой Земли, обозрѣть восточный берегъ этого острова, если же это не удастся, то постараться это исполнить, начиная съ южной оконечности и потомъ уже подниматься между Новою Землею и Шпицбергеномъ до предѣловъ сплошныхъ льдовъ. Вышедши изъ Архангельска 18-го іюня, Литке маневрировалъ въ Бѣломъ морѣ до 11-го іюля, послѣ чего,

взявъ курсъ къ сѣверу, онъ вскорѣ убѣдился, что лѣто этого года не благопріятствовало задуманному предпріятію. При постоянно противномъ вѣтрѣ, холодахъ и туманѣ, море было покрыто льдами въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ въ предъидущіе годы. До сѣверной оконечности Новой Земли не могли дойти, а тѣмъ менѣе ее обогнуть. Только противъ мыса Спидвель подъ 75° сѣв. шир. удалось ближе подойти къ берегу, за тѣмъ, взявъ курсъ на западъ, бригъ шелъ вдоль ледянаго вала до 47° вост. долг., не находя нигдѣ отверстія, которое представляло бы возможность проникнуть сѣвернѣе. Возвратившись къ юго-западной оконечности Новой Земли, экспедиція встрѣтила вездѣ тѣ же препятствія отъ необыкновенныхъ массъ льда, покрывшихъ все пространство отъ Костина Шара къ югу. Только послѣ того, какъ сильныя бури съ юга и запада нѣсколько поразбили ледъ, удалось 13-го августа подойти къ сѣверной оконечности Вайгача и опредѣлить ее астрономически. Сначала по направленію къ Карскому морю не было льдовъ; поэтому Литке взялъ курсъ на сѣверо-востокъ, но и тутъ вскорѣ появились льды, заставившіе его вернуться. Прождавъ тщетно еще нѣсколько времени, въ теченіи котораго Сахалинскіе острова были сняты на карту, Литке поворотилъ 30-го августа опять на западъ и 11-го сентября пришелъ въ Архангельскъ. Какъ во всѣ три предъидущія плаванія, такъ и при послѣднемъ, бригъ „Новая Земля“, подъ командою *Θ. П. Литке*, не потерялъ ни одного человека изъ команды, вслѣдствіе болѣзни или какихъ либо другихъ неудачъ. Результатомъ этихъ четырехъ экспедицій, отличившихся передъ всѣми предъидущими отчетливостью своихъ астрономическихъ и геодезическихъ наблюденій, а равно богатствомъ другихъ гидрографическихъ и физическихъ изслѣдованій, было точное опредѣленіе географическаго положенія Новой Земли и довольно подробное описаніе западнаго ея берега отъ Желѣзныхъ воротъ до мыса Нассау. Сѣверный и восточный берегъ острова, къ сожалѣнію, остались необслѣдованными.

Такъ какъ такому дѣльному и талантливому моряку, какъ *Θ. П. Литке*, не удалось съ большимъ успѣхомъ совершить плаванія по Сѣверному океану, то на нѣкоторое время русское правительство прекратило посылку экспедицій къ Новой Землѣ. Но тѣмъ живѣе принимались за это частныя дѣятели. Богатый купецъ архангельскій *В. Брандтъ* и губернскій лѣсничій *Клоковъ* пожертвовали частью своего состоянія для новыхъ попытокъ. Они снарядили три судна, изъ которыхъ одно, подъ командою шурмана *Гвоздарева*, ста тоннъ вмѣстимости, должно было подняться по западному берегу Новой Земли до сѣверной ея оконечности, чего оно однако не исполнило, а вернулось въ Архангельскъ съ боль-

Очертаніе Исландіи.

шимъ грузомъ моржевыхъ клыковъ. Второе судно, шкуна „Енисей“, подъ начальствомъ лейтенанта Кротова съ помощникомъ Казаковымъ и 8-ью человѣками команды, имѣло назначеніе пройти черезъ Маточкинъ Шаръ прямо въ Обдорскъ. Но оно погибло отъ бурь и во льдахъ со своею командою; въ послѣдствіи только были найдены обломки его у мыса Серебрянаго, при западномъ входѣ въ Маточкинъ Шаръ. Третье судно, большой карбазъ „Новая Земля“, состояло подъ командою лейтенанта корпуса штурмановъ Петра Пахтусова, участвовавшего въ экспедиціяхъ Иванова и имѣвшего при этомъ случай познакомиться съ побережьемъ Левоуитаго моря и съ людьми тамъ обитающими. Помощникомъ у него былъ Николай Крапивинъ, а команду составляли отставной боцманъ Федотовъ и семь человѣкъ крестьянъ Архангельской губерніи. Пахтусову было поручено, прошедши черезъ Карскій проливъ, или Желѣзныя ворота, обследовать восточный берегъ Новой Земли. 1-го августа 1832 г. Пахтусовъ вошелъ въ море, а 10-го Новая Земля показалась въ виду. Онъ старался всѣми силами исполнить данную ему инструкцію, но противный вѣтеръ и льды ему помѣшали. Карскій проливъ былъ весь покрытъ льдомъ, такъ что Пахтусовъ долженъ былъ пока ограничиться съемкою западной части южной оконечности Новой Земли и прилегающихъ къ ней острововъ. Лѣто приходило къ концу и осенніе туманы уже начались, когда 23-го августа, миновавъ Никольскій Шаръ и Логинову бухту, подошли къ заливу Каменкѣ подъ 70° 36' сѣв. шир. и 59° 32' вост. долг. отъ Гринича. Здѣсь Пахтусовъ рѣшился перезимовать. 9-го ноября, нѣсколько дней послѣ наступленія суточныхъ полярныхъ ночей, холодъ дошелъ до—40° Ц. 9-го января 1833 года, послѣ пятидесятишестидневнаго отсутствія, солнце показалось опять надъ горизонтомъ. Въ этотъ промежутокъ времени постоянно замѣчалось къ югу, около полудня, зарево, продолжавшееся отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ. При строгой дисциплинѣ, въ работѣ и въ движеніяхъ, на охотѣ и въ играхъ Пахтусову удалось сохранить здоровье своей команды, тѣмъ не менѣе цынга показалась между ними въ мартѣ, а въ маѣ похитила двухъ человѣкъ. 19-го іюня море вскрылось, но судно еще нельзя было освободить изъ льда, поэтому Пахтусовъ, взявъ провизіи на мѣсяцъ, поднялся по восточному берегу до 71° 38' 19 сѣв. шир. (5-го іюля), снялъ это пространство на карту, далъ мысамъ названія и открылъ нѣсколько рѣкъ. На берегу одной изъ рѣкъ, названной имъ Савиной, онъ нашелъ опрокинутый крестъ и остатки развалившейся избы. Дальше онъ не рѣшился идти, потому что не надѣялся въ своей лодкѣ дойти до Маточкина Шара. По возвращеніи къ мѣсту зимовки черезъ нѣсколько дней (11-го

іюля) карбазъ могъ выйти на вольную воду, и Пахтусовъ успѣшилъ подняться на немъ къ сѣверу. 19-го іюля онъ былъ уже опять у устья рѣки Савиной. Начиная отъ рѣки Казаковой берегъ сталъ выше и отвѣсистѣе, въ большомъ, закрытомъ отъ вѣтра заливѣ, названномъ Пахтусовымъ заливомъ Литке, прибрежныя горы были уже 247 метр. вышины. 12-го августа онъ открылъ еще три большихъ залива названныхъ имъ по именамъ Шуберта Брандта и Клокова. Наконецъ 13-го августа карбазъ вошелъ въ восточный входъ Маточкина Шара. Такимъ образомъ одолѣли съемку восточнаго побережья южной половины острова Новой Земли! Карское море было свободно отъ льда, послѣ того, какъ трехдневный сѣверо-восточный вѣтеръ разогналъ его. Но не хватило ни провизіи, ни здоровья, чтобы еще разъ перезимовать на этомъ безлюдномъ островѣ, поэтому Пахтусовъ вернулся въ Печору. Отсюда онъ отправился на оленьихъ нартахъ черезъ Мезень въ Архангельскъ, куда прибылъ 21-го ноября 1833 г.

Въ слѣдующемъ году правительство рѣшило опять отправить экспедицію къ Новой Землѣ. Такъ какъ въ вѣдѣніи архангельскаго адмиралтейства не было судовъ малаго размѣра, такихъ, какія требуются для входа въ неглубокія бухты, то Клоковъ предложилъ для этой цѣли свою шкуну и еще карбазъ, и въ то же время обязался доставить на ладѣ къ западному берегу избу и необходимый для перезимовки провіантъ. Ладѣ назначено было, кромѣ того, заняться тамъ ловомъ морскихъ животныхъ и розыскивать Кротова съ его командою. Командованіе шкуною, названною „Кротовымъ“ было поручено Пахтусову, карбазомъ „Козаковымъ“ — штурману Цыволкѣ. 24-го іюля экспедиція вышла изъ Архангельска, но 8 августа густой туманъ разлучилъ оба судна; они сошлись опять только у входа въ Маточкинъ Шаръ на западномъ берегу. Тщетно старались онѣ сѣхаться съ ладьею, имѣвшей доставить избу. Послѣ этого они соединенными силами пробивались черезъ Маточкинъ Шаръ, восточный исходъ котораго былъ затертъ сплошнымъ льдомъ, что и вынудило ихъ 12-го сентября вернуться назадъ. Но море уже замерзло, вслѣдствіе чего Пахтусовъ рѣшился перезимовать на Чиракиной. Въ мартѣ и апрѣлѣ Пахтусовъ вмѣстѣ съ Цыволкою дѣлали съемки по близости отъ своего мѣста зимовки: часть экспедиціи шла по сѣверному берегу Маточкина Шара, а другая часть по южному до восточнаго исхода. На карбазѣ предполагалось обойти весь островъ, начиная съ западной стороны, а въ промежутокъ времени Цыволка предпринималъ пѣшеходное обозрѣніе берега отъ мыса Выходнаго, вдоль сѣверо-восточнаго берега. При этомъ онъ открылъ

заливы Канкрина, Неизвѣстны́й и Медвѣжій. Миновавъ Пятипаловъ мысъ, отрядъ Цыволки дошелъ 24-го апрѣля до полуострова Флотова, откуда онъ, по недостатку продовольственныхъ припасовъ, долженъ былъ вернуться къ мѣсту зимовки на Чиракиной, куда онъ пришелъ 6-го мая. На Флотовомъ полуостровѣ Цыволка поставилъ съ благоговѣніемъ крестъ, для памяти. Эта пѣшеходная экспедиція Цыволки была въ высшей степени затруднительна по нагромодившемуся льду, при постоянныхъ почти мятеляхъ снѣжныхъ, но за то труды ихъ были вознаграждены утѣшительнымъ результатомъ: Цыволкѣ удалось пройти цѣлый градусъ по неприступному восточному берегу Новой Земли и такимъ образомъ онъ положилъ прочное основаніе для подробнѣйшихъ изслѣдованій въ этой мѣстности.

Въ маѣ и въ іюнѣ погода была довольно теплая, явилась свѣжая ложечная трава (*Cochlearia*), южные склоны горъ покрылись зеленоватымъ отливомъ. Нѣсколько русскихъ промышленниковъ приходили къ западному входу въ Маточкинъ Шаръ, въ числѣ ихъ между прочимъ нѣкто Ереминъ изъ Сумскаго посада на Бѣломъ морѣ, оказавшій впослѣдствіи важную услугу Пахтусову. 29-го іюня послѣдній вышелъ съ мѣста зимовки на карбазѣ, чтобы подняться по западному берегу сѣверной части острова къ сѣверу. 9-го іюля ледъ затеръ это небольшое судно у Горбатиныхъ острововъ и, въ нѣсколько мгновеній, его раздавилъ, такъ что едва успѣли спасти на берегъ острова Берха гребныя суда, немного провіанта и инструменты. Пуститься въ обратный путь на этихъ утлыхъ лодкахъ нельзя было и думать. Совершенно неожиданно 22-го іюля подошли два путешественника, одинъ изъ нихъ именно вышеупомянутый Ереминъ, и спасли погибавшихъ. Не взирая на всѣ неудачи неутомимый Пахтусовъ опять пустился испытать счастья по восточному берегу острова. 14-го августа онъ прошелъ на вновь вооруженной ладѣ черезъ Маточкинъ Шаръ къ восточному берегу и вдоль него къ сѣверу до 74° 24' сѣв. шир. къ тому острову, который впослѣдствіи былъ названъ его именемъ, приблизительно 37 килом. сѣвернѣе Цыволки. Еще 42 килом. сѣвернѣе онъ увидалъ высокій мысъ, названный имъ „Дальнимъ“, изъ-за льдовъ онъ до него не могъ дойти, съ грустью онъ вернулся къ своему зимовью. 3 сентября вся экспедиція покинула Новую Землю и прибыла 7 октября въ Солаболу близъ Архангельска. Немедленно по возвращеніи Пахтусовъ принялся за приведеніе своихъ записокъ въ порядокъ, за составленіе картъ своего путешествія и проч., но его и безъ того уже изнуренное трудами тѣло не могло выдержать свалившую его болѣзнь, нервную горячку: онъ скончался 7 ноября. Цыволка, собравъ весь матеріалъ, доставлен-

ный Пахтусовымъ, отправился въ С.-Петербургъ и тамъ окончилъ начатія Пахтусовымъ работы. Хотя главная цѣль обѣихъ экспедицій Пахтусова, обойти кругомъ всей группы острововъ Новой Земли, и не была достигнута; тѣмъ не менѣе онѣ должны считаться по результатамъ самыми успѣшными, такъ какъ имъ удалось снять на планъ южный и восточный берегъ южнаго острова, весь Маточкинъ Шаръ и часть восточнаго берега сѣвернаго острова. Если къ этому прибавить астрономическое опредѣленіе нѣкоторыхъ вольныхъ пунктовъ, массу добросовѣстныхъ метеорологическихъ и магнетическихъ наблюдений, наконецъ рядъ наблюдений надъ приливомъ и отливомъ, то неутомимая дѣятельность этого смѣлаго путешественника представляется по истинѣ изумительною.

До сихъ поръ Новая Земля была изслѣдована только въ коммерческомъ и морскомъ отношеніи. Ни одинъ естествоиспытатель своимъ зоркимъ взглядомъ еще не проникалъ въ тайны этого полярнаго острова. На разрѣшеніе этой задачи обратилъ свое посвященное вниманіе академикъ К. М. Бэръ. Онъ представилъ С.-Петербургской Академіи Наукъ проектъ естественно-историческаго изслѣдованія этой группы, предлагая лично встать во главѣ экспедиціи. Переходя отъ мысли къ дѣлу, Академія Наукъ поручила своему достойному члену лѣтомъ 1837 года обследовать Лапландію и Новую Землю въ естественно-историческомъ отношеніи. Ему сопутствовали молодой естествоиспытатель Г. Леманъ ¹⁾ въ качествѣ геогноста, горный чиновникъ гиттерфервальтеръ Редеръ въ качествѣ рисовальщика и, наконецъ, лаборантъ зоологическаго музея Филлиповъ, въ качествѣ препаранта. Судно, на которомъ экспедиціи первоначально назначено было отправиться, состояло подъ командою Цыволки; но такъ какъ она въ концѣ концовъ воспользовалась вмѣсто того судномъ какого-то промышленника, преслѣдовавшаго свою коммерческую цѣль, то она во многомъ была связана и въ теченіе своего шестинедѣльнаго пребыванія на Новой Землѣ (съ 19 іюля до 31 августа) могла побывать только въ 4 мѣстахъ по западному берегу острова и въ одномъ на берегу Карскаго моря. Тѣмъ не менѣе, это непродолжительное путешествіе привело къ весьма важнымъ результатамъ въ минералогическомъ, ботаническомъ и геологическомъ отношеніяхъ ²⁾, такъ что Бэръ по справедливости

¹⁾ Леманъ совершилъ впослѣдствіи значительное путешествіе въ Бухару.

²⁾ Изъ фанерогамъ собрано 90 видовъ, изъ рода животныхъ безпозвоночныхъ 70 видовъ. Геогностическое строеніе острова было въ подробности изслѣдовано въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была экспедиція и окончательно рѣшенъ вопросъ

можетъ быть названъ изслѣдователемъ Новой Земли въ научномъ отношеніи. Къ тому же его путешествіе побудило правительство вновь снарядить экспедицію на два года для окончанія съемки береговъ.

Для этой цѣли были построены двѣ небольшія шкуны „Новая Земля“ и „Штицбергенъ“. Первая изъ нихъ была поручена только что возвратившемуся лейтенанту Цыволкѣ, а вторая лейтенанту Моисѣеву. 27-го іюня 1838 г. оба судна вышли изъ Архангельска съ тѣмъ, чтобы перезимовать на Новой Землѣ. Цыволка прежде занялся окончаніемъ своихъ работъ по берегу Лапландіи, а Моисѣевъ пошелъ прямо къ Новой Землѣ, такъ что успѣлъ до прихода Цыволки (4-го августа) въ Мелкой Губѣ поставить двѣ избы и баню. 20-го августа начались съемочныя работы. Цыволка отправился было для того, чтобы обогнуть сѣверную оконечность острова, но по болѣзни былъ вынужденъ вернуться съ мыса Прокфьева, у входа въ Крестовую Губу. Моисѣевъ пошелъ 24-го августа также къ сѣверу, но прошелъ немногимъ дальше Цыволки. Доехши 29-го августа до бухты Сульменеевой, онъ снялъ ее на карту и вернулся къ мѣсту зимовки. Перезимованіе дорого обош-

Д-р. Карлъ фонъ-Бэръ.

лось нашимъ плавателямъ. Цынга явилась очень рано, въ февралѣ 1839 г. у нихъ уже было 13 человѣкъ больныхъ. 16-го марта умеръ славный Цыволка отъ грудной водянки, а вслѣдъ за нимъ еще трое изъ его спутниковъ. Принявшій теперь начальство надъ командами обоихъ судовъ, Моисѣевъ отправился 3-го апрѣля въ заливъ Крестовый для его изслѣдованія. Только при вторичномъ изслѣдованіи удалось Моисѣеву установить окончательно тотъ фактъ, что заливъ Крестовый—не проливъ, въ родѣ Маточкина, какъ полагали до этого. Въ концѣ мая лучи весенняго солнца уже возимѣли свое дѣйствіе, въ іюнѣ снѣгъ растаялъ, южные склоны горъ покрылись скудною растительностью арктическихъ странъ, наступило время плаванія. Одна шкуна подъ командою кондуктора Рогачева отправилась 13-го іюля на Костинъ Шаръ, а Моисѣевъ пошелъ къ сѣверу, но долженъ былъ вернуться съ Адмиралтейскаго полуострова, потому что тамъ собралась непреодолимая масса льда.

что горы Новой Земли составляютъ продолженіе Урала (см. выше стр. 318—319), оживляютъ ея фауну и флору, ея естественныя богатства ясно перенесены на должное мѣсто.

«Въ обл. гѣтн. льда».

Онъ возвратился къ мѣсту зимовки, откуда вновь вышелъ 4-го августа къ сѣверу же, снялъ на карту заливъ Моллера къ сѣверу отъ Гусинаго берега и затѣмъ вернулся въ началѣ сентября въ Бѣлое море и Архангельскъ. Въ это время Рогачевъ успѣлъ сдѣлать съемку береговъ Костина Шара, а затѣмъ также пустился въ обратный путь, на которомъ судно его потерпѣло крушеніе. Команда спаслась и онъ прибылъ съ нею 19-го октября 1839 г. въ Архангельскъ на чужой лодкѣ.

Послѣ этой экспедиціи въ дѣлѣ изслѣдованія Новой Земли наступилъ тридцатилѣтній застой. Перебирая рядъ всѣхъ экспедицій, принятыхъ въ Новую Землю, оказывается, что первыя двѣнадцать были сдѣланы мореплавателями западной Европы, (англичанами, голландцами и датчанами) а послѣднія 12 одними русскими. Хотя западно-европейцы и положили начало къ подробнѣйшему ознакомленію съ этимъ двойнымъ островомъ полярнаго моря, но нельзя не сознаться, что русскимъ принадлежитъ главная заслуга въ дѣлѣ изслѣдованія Новой Земли въ гидрографическихъ и фізіографическихъ отношеніяхъ ¹⁾.

¹⁾ О перечисленныхъ въ этой главѣ путешествіяхъ смотри: Свенске. „Новая Земля“ стр. 15 — 44. Шпереръ „Новая Земля“ стр. 27 — 47. Теппенъ „Новая Земля“ стр. 25—40.

Западный берегъ Новой Земли и входъ въ Маточкинъ Шаръ.

Долина Peace-River'a (рѣки Мирной).

АМЕРИКАНСКАЯ СИБИРЬ.

В О ГЛАВѢ всѣхъ странъ свѣта, которыя не могутъ похвалиться тѣмъ, что пользовались до сихъ поръ наравнѣ съ другими вниманіемъ ученыхъ изслѣдователей и вообще возбуждали желаніе съ ними ознакомиться, можно, не ошибаясь, назвать мѣстности сѣверной Америки, находящіяся за 49° сѣв. шир. О восточныхъ частяхъ этого пространства земли, а именно о полуостровѣ Лабрадорѣ и о Гудсоновомъ заливѣ мы уже слышали кое-что, когда шла рѣчь о плаваніяхъ, предпринятыхъ къ послѣднему. Отъ западнаго берега Гудсонова залива до Тихаго океана простирается громадная область, раздѣленная Скалистымъ или Орегонскимъ хребтомъ на двѣ неравныя части, обнимающая Британскую и прежнюю Русскую Америку, изъ которыхъ послѣдняя въ новѣйшее время уступлена Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Эта область и подлежитъ теперь бѣглому обзору съ нашей стороны.

Все это пространство распадается на двѣ, совершенно различныя въ географическомъ отношеніи, мѣстности: на западную, представляющую плоскую возвышенность, на которой покоится Орегон-

скій хребетъ и восточную, большею частью, низменную. Теченіе рѣки Макензи вдоль подошвы восточнаго склона Скалистыхъ горъ служитъ раздѣльною чертою этихъ двухъ областей. Хотя западное плоскогоріе, возвышающееся въ началѣ до 1500 метровъ надъ уровнемъ моря, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу и становится ниже, тѣмъ не менѣе вся область Аляски ¹⁾ представляеть плоскую возвышенность, къ югу окаймленную горными отрогами къ которымъ, къ сѣверу, примыкаетъ плоскогоріе, пересѣченное рѣкою Юконъ или Квикъ-Пакъ. Только вдоль сѣвернаго и сѣверозападнаго побережья тянется низменная полоса ²⁾.

Къ востоку отъ рѣки Макензи, вливающейся подъ 69° сѣв. шир. въ Ледовитый океанъ, образуя песчаную дельту, лежитъ невысокое, но обширное пространство, изпещренное безчисленными озерами до самыхъ береговъ Атлантическаго океана. Эта озерная мѣстность должна быть нами преимущественно разсмотрѣна. Въ сѣверной части новаго свѣта огромныя озера, въ сравненіи съ которыми Женевское озеро представляется пигмеемъ, составляютъ отличительный характеръ страны въ противоположность соответствующихъ странъ стараго свѣта. Сѣверная Азія и Европа пересѣчены множествомъ гигантскихъ рѣкъ, которыхъ въ арктической Америкѣ почти вовсе нѣтъ или во всякомъ случаѣ составляющихъ рѣдкое явленіе. „Поверхность этой части сѣверной Америки, не имѣя горъ, не представляеть однако безусловную равнину, потому что она пересѣчена невысокими кряжами и каменистыми хребтами, простирающимися большею частью съ востока на западъ. На всемъ пространствѣ они нигдѣ не превосходятъ вышины 500 метровъ. Беспорядочно пересѣченная поверхность, безъ опредѣленнаго наклона возвышеній въ ту или другую сторону причиною что тамъ не могли образоваться правильныя рѣчныя системы, онѣ являются тамъ въ такомъ же беспорядочномъ, какъ бы, неоконченномъ видѣ. По всей поверхности разбѣяны безчисленныя большія и маленькія озера, соединенныя между собою рѣками. Хотя эти рѣки и озера большую часть года покрыты льдомъ и на нихъ безпрестанно встрѣчаются водовороты, водопады и вообще необыкновенныя быстрины, тѣмъ не менѣе они составляютъ единственные, въ этой арктической странѣ, пути сообщенія на легкихъ берестяныхъ лодочкахъ. Часто разстояніе между двумя озерами усѣяно рядомъ ямъ съ водою, которыя при сильныхъ дождяхъ соединяются между собою и тогда является возможность

¹⁾ Frederic Whympet. Travel and aventure in the territory of Alaska. London 1868 8°.

²⁾ Гельвальдъ „Земля и ея народы“. Стутгартъ 1877 г. т. 1 стр. 52.

сообщенія по нимъ. Такимъ образомъ соединяются даже рѣки и озера различныхъ системъ, различныхъ рѣчныхъ областей. Самые большіе водоёмы лежатъ отъ Канадскихъ озеръ въ сѣверозападномъ направленіи, образуя въ то же время главнѣйшій геогностическій водораздѣлъ, къ востоку отъ котораго лежатъ первозданныя горныя породы, а къ западу область песчаника и известняка и степныя мѣстности, примыкающія на югѣ къ бассейну Миссисиппи¹⁾. Каменистая подпочва, на восточномъ склонѣ преимущественно древнѣйшей формаціи, а на западномъ позднѣйшей, покрыта рыхлымъ слоемъ аллювіальныхъ или диллювіальныхъ наносовъ, на которомъ, рядомъ съ разнообразными цвѣтами и злаками, свойственными степнымъ мѣстностямъ, растутъ величественныя стволы бѣлой ели (пихты), а въ особенности около береговъ рѣкъ и озеръ даже тополь, ольха, ива, дубъ и другія породы деревьевъ. Главныя озера этой области слѣдующія: Виннипегъ, Оленье, Волластонъ, Атапаска, большое Невольничье и большое Медвѣжье. Центромъ этихъ громадныхъ водяныхъ путей сѣвера представляется озеро Атапаска (Elk-River=Лосья рѣка) съ такъ называемымъ Атапаска-Портеджъ²⁾, т. е. волокомъ къ широкой рѣкѣ Мирной, отъ которой въ недалекомъ разстояніи къ сѣверу беретъ свое начало рѣка Невольничья, впадающая въ озеро того же названія. Изъ Невольничьяго озера вытекаетъ рѣка Макензи, впадающая въ Ледовитый океанъ. Французскій миссіонеръ, аббатъ Петито, замѣчательный и неутомимый изслѣдователь этихъ непривѣтливыхъ странъ сѣвера, общимъ именемъ Атапаска-Макензи обозначаетъ мощный потокъ, соединяющій всѣ воды восточнаго склона Скалистыхъ горъ отъ Портеджа Лалощъ до Ледовитаго океана. Портеджъ Лалощъ (Лонгъ или Метти - Портеджъ у англичанъ) называется неширокая плоская возвышенность подъ 56°, 36' 30" сѣв. шир. и 109° 52', 54" запад. долготы отъ Гринича, 500 метровъ надъ уровнемъ моря, образующая водораздѣлъ между водами, вливающимися въ Ледовитое море и имѣющими стокъ въ Гудсоновъ заливъ; она находится непосредственно между истоками Атапаски и Саскачевана, вливающегося въ озеро Виннипегъ. Всю страну къ сѣверу отъ Метти Портеджъ англичане называютъ Far North, т. е. отдаленнымъ сѣверомъ.

Все пространство земли, среди которой теперь находится Метти-Портеджъ, лежавшій когда то на главномъ торговомъ пути сѣвернаго пушнаго промысла, было прежде покрыто моремъ, омывав-

¹⁾ Daniel „Handbuch der Geographie. Leipzig 1874 8°, стр. 763.

²⁾ „Портеджъ“ называются въ Канадѣ и въ Сѣверо-Американской Британіи такія мѣста судоходныхъ рѣкъ, на которыхъ, по недостаточности глубины, какъ грузъ, такъ и сами лодки должны быть переносимы.

шимъ на востокъ крутые скалистые берега нынѣшней рѣки Св. Лаврентія. По уходѣ воды остались только озера и рѣки Миссисиппи, Св. Лаврентія и Макензи. У Метти-Портеджъ оканчиваются на западѣ Лаврентьевы формации, простирающіяся на юговостокъ до Канады, а къ сѣверу до Ледовитаго моря. Вся мѣстность незамѣтно наклоняется къ сѣверу на протяженіи 1630 километр. приблизительно по прямой линіи. По этой наклонной плоскости три большія рѣки скатываются къ Ледовитому морю: Большая Рыбная, Мѣдная и Макензи. Послѣдняя изъ этихъ рѣкъ, имѣя въ длину болѣе 3700 километр., принимаетъ безчисленное количество притоковъ, вытекающихъ съ обѣихъ сторонъ Скалистаго хребта. Всѣ истоки главнѣйшихъ рѣкъ находятся именно по ту сторону т. е. по западному склону хребта, какъ то истоки Лиарда, Пиля, Мирнаго и другихъ большихъ озеръ, покрывающихъ все это пространство, составлявшее нѣкогда морское дно. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Атапаска развѣтвляется, виллообразно (forks), невысокій кустарникъ уступаетъ уже мѣсто стройнымъ деревьямъ, имѣющимъ до трехъ метровъ въ объемѣ и въ небольшомъ выстроенномъ тамъ фортѣ можно насладиться прекрасными садовыми фруктами, жаркимъ изъ лося и превосходнымъ бифштексомъ изъ лѣснаго буйвола, уже становящагося тамъ рѣдкимъ. Въ этомъ фортѣ можно даже купить лососину, груши и персики, привозимые изъ Квебека и Калифорніи. По бокамъ широкой рѣки Атапаски съ того мѣста, гдѣ берегъ уже не такъ высокъ и крутъ, тянутся густые лѣса до тѣхъ поръ, пока наконецъ обширное озеро Атапаска открывается передъ глазами. Скалистые острова, покрытые пихтами, возвышаются изъ снѣжной поверхности этого озера, на горизонтѣ котораго къ востоку виднѣется только синее небо холоднаго сѣвера, а на западѣ фортъ Шиппевай (Chippewaup), надъ которымъ развѣвается англійскій флагъ.

Первый изслѣдователь этого озера назвалъ его „озеромъ холмовъ“, тогда какъ справедливѣе было бы назвать его „озеромъ буръ“. Съ южной стороны въ него вливаются безчисленныя рѣки, изъ сѣвернаго же берега его выходитъ только рѣка Невольничья, т. е. собственно уже Макензи. Климатъ тамъ необычайно суровый. Зима Квебекская причисляется къ самымъ суровымъ, имѣя въ январѣ среднюю температуру— $11^{\circ}88'$ Ц., а въ фортѣ Шиппевай средняя температура въ январѣ составляетъ— 30° , 63 Ц.! Озеро Атапаска можетъ считаться предѣльнымъ поясомъ распространенія нѣкоторыхъ животныхъ. Сѣверный олень и муксунный быкъ доходятъ до сѣверовосточнаго берега этого озера, въ недалекомъ разстояніи отъ котораго находится ихъ излюбленное мѣсто, такъ называемый „Барренъ-Граундъ“. На южной сторонѣ этого озера они никогда

не встрѣчаются. Карибу или лѣсной олень составляет особый родъ оленей, совершенно отличный отъ сѣверныхъ оленей, обитающихъ безлѣсныя пустыни сѣвера. Лѣсной буйволъ и лось (*ceruus alces americanus*) встрѣчаются, какъ на сѣверозападномъ, такъ и югозападномъ берегахъ этого озера. Все лѣто на немъ живутъ дикіе гуси, а по временамъ и пеликаны. Фортъ Шиппевай прежде былъ средоточіемъ сѣверной пушной торговли, теперь онъ запустѣлый уголокъ безъ жизни и значенія. Подъ названіемъ „форта“ не слѣдуетъ представлять себѣ какую нибудь внушающую уваженіе крѣпость, это просто нѣсколько строеній, окруженныхъ частоколомъ въ 5—6 метр. вышины. Въ степныхъ мѣстностяхъ подобная ограда служитъ достаточной защитой, въ лѣсныхъ же пожалуй что нѣтъ. Въ домахъ живутъ мѣстные чиновники, амбары устроиваются для склада товаровъ, необходимыхъ для размѣна съ индѣйцами. У входа праздно шатаются нѣсколько креоловъ и индѣйцевъ, въ сторонѣ пасется лошадь около грубаго деревяннаго креста, указывающаго мѣсто погребенія кого-либо умершаго въ сѣверномъ уединеніи. Здѣсь, какъ и во всѣхъ фортахъ мѣстности, прилегающей къ Гудсонову заливу, всякій пріѣзжій встрѣчается съ величайшимъ гостепріимствомъ, его пріѣздъ доставляетъ необычайную радость, дорогому гостю отъ души радуются и угощаютъ всѣмъ, что только имѣютъ.

При половодіи озеро Клеръ, которое собственно составляетъ только часть озера Атапаски, соединяется съ нимъ. Послѣ четырехдневнаго перехода отъ форта Шиппевай путешественникъ переваливаетъ черезъ невысокій песчаный хребетъ, заросшій кипарисникомъ, въ широкую долину рѣки Мирной, окаймленную съ сѣвера и запада синими вершинами горъ Карибу. Истоки этой мощной рѣки находятся на западномъ склонѣ Скалистыхъ горъ. Въ дикой мѣстности, называемой Стайкинь (*Stickeen*), беретъ свое начало главный истокъ рѣки Мирной на приблизительной высотѣ 1800 метр. надъ уровнемъ моря изъ горнаго озера, со всѣхъ сторонъ окруженнаго снѣжными вершинами. Дальнѣйшимъ своимъ теченіемъ рѣка эта пересѣкаетъ горный хребетъ, имѣющій въ этомъ мѣстѣ 5500 метр. высоты, между сопками Крихонъ и св. Ильей. Почти въ 300 килом. отъ своего истока рѣка эта вступаетъ въ горное ущелье, отвѣсныя стѣны котораго имѣютъ до 1300 метр. высоты, затѣмъ она достигаетъ стараго морскаго дна и протекаетъ по узкой долинѣ, лежащей 210—240 метровъ ниже поверхности окружающей плоской возвышенности. Послѣ этого она протекаетъ низменную мѣстность, покрытую густымъ лѣсомъ; ея извилистое теченіе становится очень медленно и наконецъ она вливается нѣсколько сѣвернѣе форта Шиппевай въ рѣку Невольничью, составляющую собственно

начало рѣки Макензи. Слѣдовательно, Мирная рѣка не вливается, какъ полагали, въ озеро Атапаску, тѣмъ не менѣе при половодіи между ними устанавливается сообщеніе по глубокой лѣжбинѣ въ видѣ канала, называемаго „Quatre-Fourches“. На берегу рѣки Мирной устроенъ фортъ Вермильонъ, такъ названный по цвѣту окружающихъ его водъ, на сѣверѣ его высятся темныя Оленьи горы, на югѣ Буйволы горы (Buffalo); и тѣ и другія такъ названы потому, что онѣ составляютъ границы распространенія животныхъ тѣхъ же именъ. Замѣчательно похожи между собою эти двѣ породы животныхъ по своему образу жизни: обѣ скитаются по безлѣснымъ пустынямъ, но на зиму удаляются въ лѣса, въ особенности олени, гдѣ индѣйцы ихъ убиваютъ тысячами. Лось (*Musethier*, *Cervus alces americanus*) также встрѣчается на р., Мирной, доставляя своимъ мясомъ зимою и лѣтомъ отличное кушанье путешественникамъ и охотникамъ по безконечнымъ пустынямъ сѣвера.

Безжизненно простирается громадная степь Сѣверной Америки въ необозримую даль. Ноябрьскій снѣгъ едва покрываетъ пожелтѣвшую траву, застилающую волнообразно всю поверхность пустыни. Только два рода животныхъ здѣсь водятся съ незапамятныхъ временъ: краснокожій индѣецъ и неразлучный съ нимъ буйволъ (*Bos americanus* Gm или *bos bison* L). Первобытное племя индѣйцевъ, безъ сомнѣнія древнѣйшее изъ всѣхъ тѣмъ племенъ, къ которымъ привилась новѣйшая культура, неминуемо должно исчезнуть въ общемъ потокѣ цивилизующихъ силъ, точно также какъ буйволъ вырождается вездѣ, гдѣ только появляется бѣлокожее населеніе. „Что намъ дѣлать?“ говорилъ уже давно молодой индѣйскій воинъ у истоковъ рѣки Миссури американскому офицеру. „Что намъ дѣлать? буйволъ единственный нашъ другъ. Не станетъ его, не станетъ и Дакотасовъ. Я тебѣ это говорю такъ откровенно, потому что ты храбрецъ ¹⁾“. Капитанъ Бутлеръ, долго путешествовавшій по сѣверу Америки, дошелъ въ серединѣ ноября только до полосы буйволовъ; снѣгъ уже покрывалъ всю мѣстность, охота на лошади верхомъ была уже невозможна. Мѣстное населеніе, около 15 тысячъ индѣйцевъ и полукровныхъ креоловъ, сторожило свои громадныя стада буйволовъ, численность которыхъ впрочемъ за послѣдніе годы уже значительно уменьшилась вслѣдствіе громадной потребности въ „пеммиканѣ“, которымъ питаются и люди и животныя. „Пеммиканъ“ — это провяленное жирное буйволовое мясо, представляющее тяжелую компактную массу. Число ежегодно убиваемыхъ для этой цѣли буйволовъ доходитъ до невѣроятнаго; одни индѣйцы-Блакфиты — уничтожаютъ болѣе 12 тыс. головъ.

¹⁾ Butler стр. 56.

Чтеніе приключеній Паркера Джильмора (Parker Gillmor) въ лѣсахъ и степяхъ Сѣверной Америки доставляетъ любителямъ охоты величайшее наслажденіе. Онъ описываетъ самымъ заманчивымъ образомъ охоту по ту сторону океана, не скрывая всѣхъ опасностей и затрудненій, которымъ подвергается путешественникъ въ тѣхъ мѣстахъ. Однажды онъ наткнулся на стараго буйвола, брошеннаго своимъ стадомъ или отставшаго по старости, въ борьбѣ съ четырьмя волками, нападавшими на него. Эти степные разбойники какъ-бы сознавали, что раньше чѣмъ овладѣть буйволомъ и подѣлиться добычею, имъ придется порядкомъ потрудиться. Одинъ изъ нихъ, повидимому самый опытный и поэтому предводительствующій, напалъ на буйвола спереди въ то время, какъ остальные три сзади улавливали удачный моментъ, чтобы поймать противника за ноги и нанести ему раны. Немного спустя роли измѣнились: три менѣ опытные волка ударили въ голову врага, а предводитель устремлялся на него сзади, за что однимъ ударомъ копыта могъ-бы поплатиться жизнью. Нѣсколько времени Джильморъ любовался этимъ зрѣлищемъ, потомъ онъ взялъ сторону стараго буйвола, разогнавъ волковъ съ ужасающимъ крикомъ. Но буйволъ не обнаружилъ тѣхъ высокихъ чувствъ, которыми отличался левъ Андрокла: неблагодарный бросился на своего освободителя, который такимъ образомъ былъ вынужденъ его убить. Джильморъ утѣшаетъ себя и коварнаго друга, за жизнь котораго онъ сражался тѣмъ философскимъ замѣчаніемъ, „что буйволъ ничего лучшаго желать не можетъ, какъ послѣ продолжительной и счастливой жизни умереть смертью героя въ короткой борьбѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ“. Въ другой разъ Джильморъ освободилъ молодую буйволицу съ дѣтенышемъ отъ нападенія волковъ, которыхъ онъ убилъ, безъ того чтобы его заступничество приняло такой трагическій оборотъ, какъ въ первомъ случаѣ. На гриву буйволовъ и на толстую мохнатую ихъ шкуру Джильморъ смотритъ какъ на мудрую предусмотрительность природы, оградившей ихъ такимъ образомъ отъ ударовъ, наносимыхъ имъ въ неизбѣжной борьбѣ съ противниками. Другая опасность для буйволовъ ежегодно является въ томъ, что они часто погибаютъ или при вскрытіи рѣкъ среди плавучихъ льдинъ или въ сыпучихъ пескахъ, разносимыхъ вѣтромъ, подъ которыми они и погибаютъ.

Охота на буйволовъ довольно знакома по описаніямъ, между тѣмъ какъ охота на пушныхъ звѣрей еще слишкомъ мало извѣстна, чтобы имѣть какую нибудь привлекательность. О значительности этой охоты мы получимъ ясное представленіе изъ нижеслѣдующихъ данныхъ. Среднимъ числомъ ежегодно вывозится отсюда въ Европу куницъ и соболей 100 тыс. шт., менѣ цѣнныхъ

хорьковыхъ породѣ 250 шт., енота около 52 тыс. и въ такомъ же количествѣ приблизительно мѣховъ рысѣхъ, медвѣжьихъ, бобровыхъ и выдровыхъ. До изобрѣтенія валеныхъ шелковыхъ шляпъ (Seiden-filzhüten) вывозъ бобровыхъ шкурокъ былъ значительно больше, такъ въ 1788 г. одна Канада выслала въ Европу 176,000 шкурокъ. Большое требованіе на шкурки одной породы ящерицъ (Skink), въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, побудило ревностно заняться ихъ истребленіемъ, не смотря на то, что ловля ихъ очень затруднительна; въ особенности же самое сдираніе шкурокъ, которое должно производиться подъ водой. Промышленники часто должны выносить страшный холодъ, за что ихъ вознаграждаетъ цѣнность добытыхъ мѣховъ, но подчасъ имъ приходится также бороться съ ужасами голода. Самая выгодная охота—это охота по замерзшимъ озерамъ и болотамъ. Рыба зимою собирается около прорубей, сдѣланныхъ во льду озеръ и рѣкъ; сюда являються полакомиться и чернубурая лисица, мѣхъ которой стоитъ 100 рублей, и хорекъ пушистый, тутъ ихъ подстерегаетъ неутомимый промышленникъ. Большой величины пушной звѣрь ловится нерѣдко при помощи или стрихнина, примѣшиваемаго къ выбрасываемымъ для приманки кускамъ мяса, или большихъ стальныхъ ловушекъ, въ родѣ употребляемыхъ противъ крысъ, а то и деревянныхъ въ видѣ капкановъ. Если звѣрь не попадаетъ двумя лапами въ ловушку, а только одною, то случается, что онъ перегрызаетъ себѣ лапу и уходитъ на трехъ.

Теплый мѣхъ, которымъ природа одарила четвероногихъ обитателей Гудсоновой земли, вполне соответствуетъ суровости климата. Континентальные морозы страшны; за что ни схватишься рукою, все какъ будто жжетъ. „Кнутовище жжетъ руку его охватывающую, чай замерзаетъ въ чашкѣ въ то время, какъ его пьешь. Страшные морозы выносимы въ необыкновенно теплой одеждѣ и при постоянномъ движеніи, но и то только пока тишина въ воздухѣ; если же подымется вѣтеръ въ степи, съ воемъ, какъ дикій, бѣшеный звѣрь носясь по необозримой площади, тогда застываетъ даже кровь въ сердцахъ“. Подобные дни называются въ сѣвероамериканскихъ степяхъ *poudre days*. Но какъ они ни страшны, одинъ изъ послѣднихъ посѣтителей Американскаго сѣвера Г. М. Робинсонъ ¹⁾ предпочитаетъ эти дни другимъ хотя и яснымъ и съ виду привѣтливымъ, но въ существѣ смертоноснымъ. Четверть часа, проведенная въ этой свѣтлой, прозрачной атмосферѣ, иногда дорого стоятъ; можно поплатиться жизнью“. „Ощущается

¹⁾ H. M. Robinson „The great Fur Land; or Sketches of Life in the Hudson Bay Territory“. London 1879 8.

мгновенная боль и носъ уже отмороженъ; боль быстро переходитъ на щеки, уже никакое оттираніе побѣлѣвшихъ мѣстъ снѣгомъ не помогаетъ, пальцы подвергаются той-же участи, вскорѣ все лице опухаетъ и принимаетъ видъ мертвенной восковой блѣдности¹⁾. Если къ этому еще присоединится вѣтеръ, то никакой животный организмъ не можетъ устоять противъ этихъ холодовъ въ открытомъ мѣстѣ, не смотря на то, что солнце заманчиво свѣтитъ. По-вполнѣ достовѣрнымъ разсказамъ снѣгъ и ледъ еще въ маѣ покрываютъ поля и послѣ продолжительной зимы, суровостью не уступающей сибирской, наступаетъ короткое прохладное лѣто¹⁾.

Понятно, что при подобныхъ климатическихъ условіяхъ общепринятая поговорка „путешествовать — это наслажденіе“ теряетъ окончательно свой смыслъ: не весело при этихъ холодахъ переноситься съ быстротою стрѣлы въ саняхъ по безконечной ледяной степи. Неприятность путешествія еще усиливается при видѣ тѣхъ мученій и страданій, которымъ подвергаются здѣсь собаки, употребляемыя въ этихъ мѣстахъ въ качествѣ рабочаго скота. Эскимосская собака столѣтіями обратилась въ домашнее рабочее животное, но собака Гудсоновой земли совсѣмъ другаго характера, она глупѣе эскимосской и къ тому же жестокое обращеніе съ нею сдѣлало изъ нея какое-то жалкое существо. Смѣшанное племя этихъ странъ относится къ этимъ безотвѣтнымъ страдальцамъ безжалостно, подвергая ихъ непрерывнымъ ударамъ то по ногамъ, то по головамъ такъ, что кровь выступаетъ изъ ушей, то по мордѣ и скуламъ до такой степени, что образуются язвы; несчастное животное воетъ и стонетъ жалобно, но креоль не знаетъ сожалѣнія, не устаетъ наносить побои, сопровождая ихъ неистовыми ругательствами. Эти звѣрскіе каюры отличные бѣгуны, большею частію они бѣгутъ рядомъ съ санями и совершаютъ въ день отъ 65 — 96 килом. Они говорятъ на испорченномъ французскомъ языкѣ и почти исключительно бранными словами, такъ какъ рѣчь ихъ преимущественно обращается къ собакамъ, которыя очень добродушны. Со стоическимъ равнодушіемъ собаки преспокойно садятся на заднія лапы и безучастно смотрятъ на случившееся, когда сани опрокидываются; онѣ могли бы воспользоваться этою неудачею, чтобы

¹⁾ Это описаніе преимущественно относится къ сѣверной части Гудсоновой земли. Въ мѣстностяхъ окружающихъ озеро Виннипегъ съ его притоками климатъ не такъ суровъ, такъ что поселившимся тамъ съ 1873 года меннонитамъ удалось стараніемъ и трудомъ превратить многія мѣста степи въ плодородные сады и поля, на которыхъ произрастаютъ пшеница, кукуруза и ячмень до 65° сѣв. шир. Но именно эти болѣе благоприятныя условія для мѣстной производительности даютъ право называть Гудсонову землю „Американскою Сибирью“, такъ какъ и настоящую Сибирь, въ южныхъ ея широтахъ, природа наградила богатѣйшимъ климатомъ и богатою растительностію.

дать волю овоей животной натурѣ, но нѣтъ, онѣ слишкомъ добродушны, а можетъ быть и слишкомъ избиты. По прибытіи къ привалу небольшое количество влденаго мяса составляетъ весь ихъ кормъ, а сушеная рыба величайшее для нихъ лакомство; для отдыха онѣ ложатся на голый снѣгъ и спать такъ до утра, когда безжалостные побои и ругательства поднимаютъ ихъ въ дальнѣйшій путь. Но бѣда, если дальній вой волковъ вызоветъ отвѣтный лай хотя одной изъ собакъ, тогда во всю ночь продолжается неумолкаемый лай, лишающій путешественника необходимаго сна.

Вся сѣверная Америка между 49° и 67° сѣверной широты отъ Лабрадора до Аляски обитаема замѣчательно смѣшаннымъ населеніемъ. Первоначально тамъ поселились французскіе колонисты, служившіе посредниками между дикими индѣйцами и торговыми компаніями, закупавшими пушной товаръ. По соглашенію, состоявшемуся въ 1821 году между всѣми торговыми компаніями, посредничество колонистовъ было устранено, но они уже слишкомъ привыкли къ жизни въ дикой пустынѣ, чтобы вернуться опять къ цивилизованнымъ занятіямъ на родинѣ, они остались въ неприкѣтливомъ краѣ, обратившись въ звѣропромышленниковъ и охотниковъ на буйволовъ. Этотъ французскій полукровный народъ естественно имѣетъ всѣ замашки дикой охотничьей шайки, предающейся пьянству и празднопатательству, но въ душѣ они честны и очень гостепріимны. Безъ сомнѣнія они исчезнутъ со временемъ въ массѣ переселяющихся туда бѣлокожихъ, но пока они ведутъ жизнь дикую или полудикую и усвоили себѣ всѣ соединенные съ этою жизнью недостатки и пороки. Безъ благословенія церкви они вступали въ бракъ съ индѣйскими женщинами и дѣвушками „скава“ (squaw), живя зимою въ бревенчатыхъ домахъ, выстраиваемыхъ ими на лѣсныхъ полянахъ. Въ хозяйствѣ ихъ много собакъ, а также небольшихъ лошадокъ (пони), изрѣдка встрѣчается и корова, но они, большею частью, издыхаютъ по недостатку корма, котораго не умѣютъ или не хотятъ для нихъ заготовить. Только родители спятъ въ кровати, всѣ остальные члены семейства на звѣриныхъ шкурахъ, разстилаемыхъ на полу. Каждая деревня, если такъ можно назвать нѣсколько случайно скучившихся бревенчатыхъ домовъ, имѣетъ своего скрипача, подъ музыку котораго весело пляшутъ старыи и малыи. То тамъ то сямъ всѣ сосѣди собираются для пласокъ и пиршествъ; нерѣдко въ одинъ пиръ, продолжающійся правда нѣсколько дней, они сѣддаютъ весь зимній запасъ гостепріимнаго хозяина, но это ничего не значить, хозяинъ объ этомъ не горюетъ, онъ знаетъ, что продовольственные запасы составляютъ общее достояніе. Вообще они употребляютъ пищу въ от-

ромныхъ размѣрахъ. Компанія Гудсонова залива рассчитываетъ по 5 килогр. мяса на человѣка въ день.

Съ наступленіемъ весны разыгрывается въ нихъ индѣйская кровь; они разбираютъ свои вигвамы ¹⁾ и удаляются въ глушь, въ лѣсныя дебри. Хотя они и берутъ еще съ собою нѣсколько предметовъ для обмѣна съ коренными индѣйцами, но главная цѣль ихъ рыболовство и охота. Подобные скваттеры самые лучшіе, надежные и неутомимые путеводители для путешественниковъ. За пять фунт. стерл. они перевозятъ путешественника черезъ огромныя пространства на своихъ саниахъ, запряженныхъ собаками. Съ необыкновенною ловкостью они умѣютъ на своихъ лодочкахъ переправляться черезъ самыя быстрыя рѣки. Въ нихъ сказывается двойная натура, блакфитовъ и крисовъ. Католическимъ священникамъ удалось распространить между индѣйцами нѣкоторыя, хотя и смутныя, понятія о христіанствѣ: они вѣрятъ въ чистилище, но вмѣстѣ съ тѣмъ надѣются, что послѣ смерти имъ удастся поохотиться въ небесныхъ рощахъ на буйволовъ особой величины и рѣдкой красоты. Робинсонъ раздѣляетъ коренныхъ жителей Гудсоновой земли на двѣ части: на индѣйцевъ равнины, которые на лошадяхъ и большими партіями выѣзжаютъ на охоту, и на индѣйцевъ лѣсныхъ, пѣшихъ охотниковъ, выходящихъ на промыслъ по одиночкѣ. Въ числѣ первыхъ преобладаютъ блакфиты, въ числѣ вторыхъ крисы.

Куперъ идеализируетъ индѣйцевъ; Майнъ - Ридъ, наоборотъ, представляетъ ихъ въ невыгодномъ свѣтѣ. Джилльморъ, соблюдая середину между обоими, рисуетъ ихъ съ точки зрѣнія объективной. Одинъ хорошій стрѣлокъ изъ бѣлокожихъ, встрѣтись съ лосями и оленями, убьетъ ихъ большее число, чѣмъ три индѣйца вмѣстѣ; въ дѣлѣ же знакомства съ обычаями дикихъ звѣрей и въ умѣніи ихъ выслѣдить никто не можетъ равняться съ ункасомъ. Даже, мѣткій и привычный глазъ англичанина часто еще ничего не видитъ, когда краснокожій уже цѣлится и убиваетъ съ необычайною ловкостью животное, которое англичанину казалось стволomъ дерева, камнемъ, или кустомъ. Джилльморъ увѣряетъ, что индѣйцы вообще народъ добродушный и не глупый, и приводитъ тому примѣры. Такъ онъ рассказываетъ, что изъ взятыхъ съ собою собакъ одна погибла въ ловушкѣ поставленной для дикаго звѣря, а другая заблудилась, отстала отъ охотниковъ и вернулась домой ко двору индѣйца. Когда Джилльморъ возвращался туда же, то эта собака сначала залаяла на него, какъ на чужаго пришельца, потомъ, узнавъ свою ошибку, она нѣсколько

¹⁾ Палатка индѣйцевъ.

дней сряду избѣгала встрѣчи со своимъ господиномъ. По поводу этого индѣйскій мальчикъ замѣтилъ, что „собака, какъ человѣкъ, коли не хорошо поступила, не менѣе его стыдится“. Трудно опредѣлить къ кому относится этотъ похвальный отзывъ индѣйца, къ человѣку или къ собакамъ. Старшій родоначальникъ, разрушая виды своей супруги, желавшей одну изъ своихъ дочерей выдать за англичанина, съ характеристичною твердостью говорилъ: „Краснокожая сквау повянетъ въ роцѣ бѣлаго человѣка, какъ зимою листья на деревьяхъ; безъ вигвама и каное ¹⁾ она не можетъ жить, какъ лось безъ лѣса и степи“. Индѣецъ никогда не стучитъ въ дверь, онъ прямо входитъ, подаетъ каждому руку и садится, не говоря ни слова. Если ему ничего не подаютъ, онъ молчитъ и ждетъ, пока обѣдъ кончится, и потомъ уже говоритъ, что онъ столько то времени ничего не ѣлъ, что и очень можетъ быть. Лишеніе онъ считаетъ необходимымъ, неизбѣжнымъ зломъ; напрасно вы станете ему совѣтовать дѣлать запасы на черный день; что у него есть онъ сѣдаетъ и проживаетъ, когда все выйдетъ онъ пробивается какъ нибудь голодомъ и холодомъ. Капитанъ Бутлеръ весьма правильно замѣчаетъ, что для того чтобы оцѣнить характеръ индѣйцевъ, нужно прежде всего отречься отъ мысли, что всѣ люди должны жить и думать какъ мы. Въ индѣйцѣ вы встрѣтите и простоту, и хитрость, природную смѣлливость и веселый нравъ, строгую разсудительность и дѣтскую подозрительность, легковѣріе и наблюдательность, довѣрчивость, шутливость и самолюбіе. Всѣ европейцы, за исключеніемъ развѣ звѣропромышленниковъ, ошибались въ своихъ сужденіяхъ объ индѣйцахъ и въ обращеніи съ ними; и эта ошибка причиною той безусловной неудачи, которою сопровождались, не взирая на трудъ и деньги, всѣ попытки распространить между ними истинное христіанство. Бутлеръ рассказываетъ презабавныя выходки нѣкоторыхъ крещеныхъ индѣйцевъ. Мунбертонъ, одинъ изъ первыхъ принявшихъ христіанство, былъ человѣкъ очень благочестивый, но когда онъ молился и говорилъ Молитву Господню, то онъ никогда не забывалъ включать въ слова „и хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“ еще „и рыбу и мясо“. Передъ самою своею смертью онъ выразилъ желаніе быть погребеннымъ по принятымъ у индѣйцевъ обрядамъ. Еще въ очень недавнее время одно высокопоставленное духовное лице немало было возмущено требованіемъ нѣкоторыхъ принявшихъ христіанство индѣйскихъ родоначальниковъ, о томъ, чтобы онъ совершилъ таинство священнаго крещенія надъ пунцо-

¹⁾ Каное—индѣйская лодка, пирога.

выми фланелевыми рубашками, доставшимися имъ въ первый разъ въ жизни.

Лордъ Саутескъ, страстный любитель охоты, имѣвшій случай часто сталкиваться съ индѣйцами, старается представить ихъ въ лучшемъ свѣтѣ, тѣмъ не менѣе все, что онъ о нихъ пишетъ, не слишкомъ заманчиво. Нѣтъ сомнѣнія, что они чрезвычайно развращены и именно по винѣ представителей цивилизаціи.

И такъ, индѣйцы, креолы и дикіе звѣри населяютъ этотъ обширный край, надъ которымъ въ дѣйствительности, хотя и не по буквѣ закона, владычествуетъ компанія Гудсонова залива. Объ этой почтенной компаніи и ея дѣятельности Робинсонъ сообщаетъ намъ такія идеальныя понятія, какихъ обыкновенно нельзя приписывать торговымъ предпріятіямъ. Подвѣдомственные ей лица пользовались самымъ заботливымъ о нихъ попеченіемъ. Компанія даже устраивала браки, при чемъ она, кажется, менѣе обращала вниманія на наружную красоту, чѣмъ на внутреннія достоинства прекрасной половины, какъ свидѣлствуетъ нижеслѣдующая квитанція, выданная при подобной сдѣлкѣ молодымъ новобрачнымъ: „Получилъ жену въ хорошемъ состояніи. Надѣюсь, что она окажется доброю женою, хотя она не красива“.

Болѣе важная и несомнѣнная заслуга компаніи въ томъ, что она позволяла охоту за пушнымъ звѣремъ съ бережливою осмотрительностью, охраняя своими мѣрами звѣря отъ постепеннаго истребленія. Она настолько умна и разсчетлива, что не рѣжетъ и не потрошитъ ту курицу, которая несетъ золотыя яйца и обладаетъ рѣдкимъ качествомъ, а именно предусмотрительностью и выдержкою, необходимыми для того чтобы, не смѣтри на затрудненія, достигнуть того, что она считаетъ за благо. Точно также увѣряютъ, что она, вымѣнивая у индѣйцевъ пушной товаръ, отпускаетъ имъ только предметы лучшаго качества, а что выдача горячихъ напитковъ допускается только въ крайнемъ случаѣ. Служащіе ея получаютъ хорошее жалованье, сбереженія ихъ она помѣщаетъ у себя на хорошіе проценты и заботится о больныхъ съ величайшею предусмотрительностью. Но это кажущееся самопожертвованіе вполнѣ вознаграждается тѣми цѣнами, по которымъ компанія покупаетъ у индѣйцевъ пушной товаръ. За ружье, которое стоитъ всего только пять долларовъ, она беретъ столько цѣнныхъ шкурокъ, сколько ихъ попарно можетъ быть навѣшено во всю длину дула. Стало быть не въ убытокъ себѣ торгуетъ эта компанія.

Небольшія военныя поселенія, иногда до сорока человѣкъ вмѣстѣ, а иногда только по двое, подвергаются нерѣдко большимъ лишеніямъ, въ особенности тягостно лишеніе общества. Десять, двад-

цать, даже тридцать и сорокъ лѣтъ подобной уединенной жизни дѣйствуетъ на нихъ самымъ одичающимъ образомъ. Если къ нимъ попадетъ листъ какой-либо газеты или завернетъ въ рѣдкость какой-либо путешественникъ, то они смотрятъ на это, какъ на какое-то посланіе свыше. Странное явленіе! Какъ эти отшельники не жаждутъ общенія свѣта, все-таки они въ немъ жить уже не могутъ. Возвратившись на родину, они не выживаютъ тамъ долго, душа такъ и рвется обратно въ уединеніе, въ глушь, къ которой привыкли.

Эти, казавшіяся европейцамъ необитаемыми, прибрежныя страны Гудсонова залива приобрѣли съ послѣдней трети семнадцатаго столѣтія особое значеніе, когда, здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ французы явились изслѣдователями невѣдомыхъ странъ. Французъ не останавливался ни передъ какими затрудненіями и опасностями въ этомъ отношеніи. Французъ первый указалъ англичанамъ путь и примѣръ проникновенія въ глубь сѣверной Америки. Одинъ изъ первыхъ выходцевъ въ тогдашнюю французскую Канаду Медаръ Шуаръ де Грозелье (Medar Chouart de Groseillers), ознакомившись вполне съ мѣстностью, проникъ въ 1660 г. вмѣстѣ съ канадскими дикарями до земли Утонао (Outanaos) около рѣки того же имени и наконецъ такъ далеко подвинулся къ сѣверу, что получилъ несомнѣнныя свѣдѣнія о Гудсоновомъ заливѣ. Возвратившись въ Квебекъ, Грозелье вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ соотечественниковъ снарядили судно, чтобы морскимъ путемъ довершить открытіе Гудсонова залива. Послѣ довольно продолжительнаго плаванія, онъ вошелъ въ устье какой-то рѣки, названной Пинасиветчьевою (Pinassiwetschiew), близъ порта Нельсона. Оттуда онъ проникъ въ глубь страны, вымѣнивая на англійскіе товары мѣха и кожи, которые и привезъ въ Квебекъ. Вмѣсто награды за оказанныя заслуги его осыпали упреками въ своемъ отечествѣ. Послѣ этого онъ обратился съ предложеніемъ своихъ услугъ къ Англии, откуда, по ходатайству покровительствовавшего всему полезному и великому, фальцграфа Руперта, лѣтомъ 1668 года былъ посланъ корабль королевскаго флота подъ командою капитана Захарія Гиллама къ берегамъ Сѣверной Америки по указанію Грозелье. Говорятъ, будто Гилламъ поднялся по Девисовому проливу до 75° сѣв. шир., хотя это невѣроятно. Потомъ онъ спустился въ Гудсоновъ заливъ, въ юговосточномъ углу котораго онъ вошелъ 25 сентября въ въ устье большой рѣки, вытекающей изъ большаго озера Мистасси. Эту рѣку онъ назвалъ въ честь своего высокаго покровителя „Ruperts River“. Англичане тамъ перезимовали и построили первую каменную крѣпость, фортъ Чарльсъ, а всю окружающую

землю называли „земля Руперта“. Послѣдствіемъ этого счастливаго предпріятія было образованіе торговой компаніи Гудсонова залива, которой король Карлъ II далъ грамоту, предоставлявшую ей не только исключительное право торговли по всѣмъ землямъ, прилегающимъ къ Гудсонову заливу, но и право собственности на всю эту территорію. Парламентъ впослѣдствіи утвердилъ эту грамоту, но только на семилѣтній срокъ. Границы этой области ни въ какую сторону не были опредѣлены. Вслѣдствіе постоянно и быстро расширявшихся развѣздовъ во внутрь Сѣверной Америки область, подвѣдомственная компаніи Гудсонова залива, вскорѣ заняла пространство 6,600,000 кв. килом., простираясь отъ южныхъ лѣсныхъ урочищъ до неприступныхъ береговъ и острововъ крайняго сѣвера. На этомъ неизмѣримомъ пространствѣ Гудсоновская компанія завела ту обширную торговлю мѣхами, о которой рѣчь шла выше. Въ 1690 году она была уже въ полномъ ходу, подвигаясь постепенно впередъ, въ глубь страны, со своими факторами и фортами, устраиваемыми для защиты отъ дикихъ индѣйцевъ.

Со временъ Жака Картье (J. Cartier), открывшаго въ 1545 г. Канаду и занявшаго ее во имя французскаго правительства, преимущественно французы разоблачали тайны сѣверной Америки. Различные искатели приключеній, миссіонеры и торговцы, въ особенности такъ называемые *Coueurs de bois* ¹⁾ какъ въ другихъ мѣстахъ такъ и здѣсь явились пионерами географіи. Но они проникали преимущественно только въ южныя части края, между тѣмъ какъ въ болѣе насъ занимающихъ сѣверныхъ областяхъ проявляли свою дѣятельность англичане и ихъ канадскіе потомки. Само собою разумѣется, что были предпринимаемы только сухопутныя путешествія. Все осмнадцатое столѣтіе было свидѣтелемъ только одного морского плаванія, а именно капитановъ Христофора Миддлтона и Вилльама Мура (Moore), на корабляхъ „Фурнозъ“ (Furnace) и „Дисковери“ (Discovery), посланныхъ въ 1741 г. англійскимъ правительствомъ для открытія сѣверозападнаго прохода. Въ 1741 г. они перезимовали въ фортѣ Черчилъ въ Гудсоновомъ заливѣ, въ 1742 году проникли дальше въ Roes Wel-

¹⁾ Этими именами обозначали молодыхъ удалцовъ, которые рѣшались проникнуть въ первобытные лѣса сѣверной Америки и заводили тамъ торговлю съ индѣйцами. Компанія Гудсонова залива особенно охотно принимала для этого молодыхъ акадцовъ, потомковъ первыхъ французскихъ переселенцевъ, или горныхъ скотовъ; сѣверовосточная компанія, напротивъ, предпочитала канадскихъ бѣглецовъ, которые съ основанія этого общества получили названіе: *voyageurs du pays d'en haut* или просто *voyageurs*. Женясь нерѣдко на индіанкахъ, они смѣшались съ этими народами и такимъ образомъ образовалось видное сильное племя, называемое тамъ „*Natifs*“.

«Въ обл. вѣнч. лѣса».

some, открыли 3 августа рѣку Вагерь и заливъ Репульсъ (5—6 авг.), который сначала послужилъ основаніемъ къ самымъ благопріятнымъ ожиданіямъ, такъ что Миддлтонъ одинъ изъ его мысовъ назвалъ мысомъ Надежды. Но, поднявшись 7 августа на высокую гору „Фриджидъ“, онъ увидалъ морской проливъ, покрытый отъ берега до берега сплошнымъ льдомъ и поэтому назвалъ его „Frozen Strait“. Убѣдившись, что приливная волна шла здѣсь съ востока, т. е. изъ атлантическаго океана, а не изъ Тихаго, онъ взялъ 9 августа курсъ на югъ и вернулся на родину съ этими неутѣшительными свѣдѣніями. Въ награду за перенесенные имъ труды его заподозрили въ томъ, что онъ былъ подкупленъ Гудсоновскою компаніею; это вынудило его написать особую защитительную статью. Въ особенности у него завязался споръ съ Артуромъ Добсомъ ¹⁾, ревностнымъ сторонникомъ сѣверовосточныхъ плаваній. По возвращеніи Миддлтона, Добсъ составилъ карту донныя сохранившуюся, изъ которой мы узнаемъ, что и тогда еще географы полагали, что западный берегъ Америки отъ мыса Бланко въ сѣверовосточномъ направленіи имѣть наклонъ къ Гудсонову заливу ²⁾.

Споръ Миддлтона съ Добсомъ „побудилъ многихъ почтенныхъ и одушевленныхъ патріотизмомъ людей, сдѣлать еще новую попытку и, составивъ подписку, собрать для этой цѣли 1,000 ф. ст.“ ³⁾. Засимъ были снаряжены галера „Добсъ“ въ 130 тоннъ, подъ командою Вильяма Мура, и судно „Калифорнія“ въ 140 тоннъ, капитанъ Францъ Смитъ (Franz Smith). Генри Эллисъ (Henri Ellis) былъ ученымъ руководителемъ этой экспедиціи. 20-го мая 1746 г. суда эти вышли изъ Гревзенда въ море, перезимовали въ бухтѣ Нельсона въ Гудсоновомъ заливѣ, а въ теченіи лѣта 1747 г. провѣряли открытія Миддлтона. Но и они не нашли столь усердно отыскиваемого прохода и вернулись 14 октября въ Ярмутъ.

За исключеніемъ этихъ двухъ плаваній, изслѣдованіе арктической полосы американскаго материка совершилось преимущественно сухопутно, но и эти путешествія только къ концу прошедшаго столѣтія привели къ болѣе осязательнымъ результатамъ. Около этого времени, послѣ завоеванія Канады англичанами,

¹⁾ Смори: Arthur Dobbs «Remarks on Capt. Middletons defence wherein his conduct during a passage from Hudsons Bay to the South Sea is impartially considered. London 1744. 8°.

²⁾ Пешель: Gech. d. Erdk., стр. 516—517.

³⁾ Johann B'arrow «Sammlung von Reisen und Entdeckungen in einer chronologischen Ordnung zusammengetragen». Aus dem Engelländischen übersetzt. Leipzig. 1767. 8°. II т. стр. 489.

было основано въ 1783 г. въ Монреалѣ новое общество, Northwest Company, образовавшееся изъ канадскихъ торговцевъ пушными товарами, большею частью членовъ бывшей французской Канадской компаніи, въ союзѣ съ шотландцами, нерасположенными къ англичанамъ и предпочитавшими имѣть дѣло съ французами. Эта компанія явилась опаснымъ соперникомъ для Гудсоновой компаніи; обѣ стремились, одна передъ другою, открывать новыя области для своей торговой дѣятельности. Еще въ 1777 году канадецъ Іосифъ Фробишеръ, впослѣдствіи одинъ изъ членовъ новой компаніи, подымаясь вверхъ по рѣкамъ Малинь и Ла-Пантъ, открылъ Иль а-ла-Крессъ. Въ слѣдующемъ году онъ дошелъ къ сѣверу до озера Атапаска и основалъ тамъ укрѣпленную факторію ¹⁾. Два года спустя, въ 1780 г., Піеръ Понде открылъ большое Невольничье озеро, черезъ которое прошелъ въ 1789 году сэръ Александръ Макензи, объ экспедиціи котораго къ берегамъ Тихаго Океана мы расскажемъ ниже подробно.

Въ то время, когда упомянутыя лица дѣйствовали въ интересахъ сѣверо-западной компаніи, Гудсонова компанія посылала въ 1769 г. Самуила Гирна ²⁾ (род. въ Лондонѣ въ 1745, ум. тамъ же, 1792 г.), для отысканія сѣвернаго прохода и для того чтобы убѣдиться въ существованіи рѣки, съ береговъ которой краснокожіе охотники обыкновенно приносятъ съ собою мѣдную руду. Путешествія этого дѣльнаго моряка были окончены только въ іюнѣ 1772 г. Въ промежутокъ этого времени онъ предпринималъ нѣсколько плаваній въ сѣверозападномъ направленіи, выходя изъ порта Черчила у устья рѣки того же названія на западной сторонѣ Гудсонова залива подъ 58° 41' сѣв. шир. и 94° 22' зап. долг. отъ Гринича. Первыя двѣ попытки были совершенно неудачны. Вышедши 6 ноября 1769 изъ форта Черчила, онъ вернулся туда уже 11 декабря, сдѣлавъ всего только около 320 км. до рѣки Robben-Fluss. 23 февраля 1770 онъ предпринялъ второе путешествіе и достигъ 12 августа 63° 10' сѣв. шир. Здѣсь сломался его квадрантъ, что и вынудило его вернуться въ Черчилъ, куда онъ прибылъ 25 ноября. 7 декабря Гирнъ уже опять пустился въ третье путешествіе и наконецъ дошелъ 13 іюля 1771 г. до рѣки названной имъ Мѣдной. Открывъ озера North lined, Doobount, Медвѣжье и Буйволовое, онъ шелъ въ сопровожденіи мѣстныхъ дикарей внизъ по теченію этой рѣки до

¹⁾ Bulletin de la Soc. de Geogr. 1875 II т., стр. 20.

²⁾ Гирнъ (Hearne) въ молодости поступилъ мясникомъ въ англійскую морскую службу, но по окончаніи семилѣтней войны перешелъ на службу Гудсоновой компаніи, а въ 1787 вернулся опять въ Англію.

тѣхъ поръ, пока не увидалъ, что она вливается въ замкнутое ледовитое море. Оттуда онъ вернулся 17 іюля, недождавшись прилива и отлива моря. Такъ какъ въ его наблюденія вкралась явная математическія ошибки ¹⁾, то тогдашніе географы усумни-

Александръ Макензи.

лись въ правдивости его отчета и недоверіе къ нему было наградою за его геройскій подвигъ, полный лишеній и бѣдствій ²⁾. Хотя его путешествія не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, такъ какъ Гирнъ не нашелъ ни мѣдныхъ рудъ, ни сѣверо-западнаго прохода, тѣмъ не менѣе онъ открылъ, что сѣверное побережье Сѣверной Америки въ то же время составляетъ южный предѣлъ Ледовитаго Океана.

Путешествія шотландца Александра Макензи еще болѣе расширили область изслѣдованій сѣверной Америки. Макензи въ молодости переселился въ

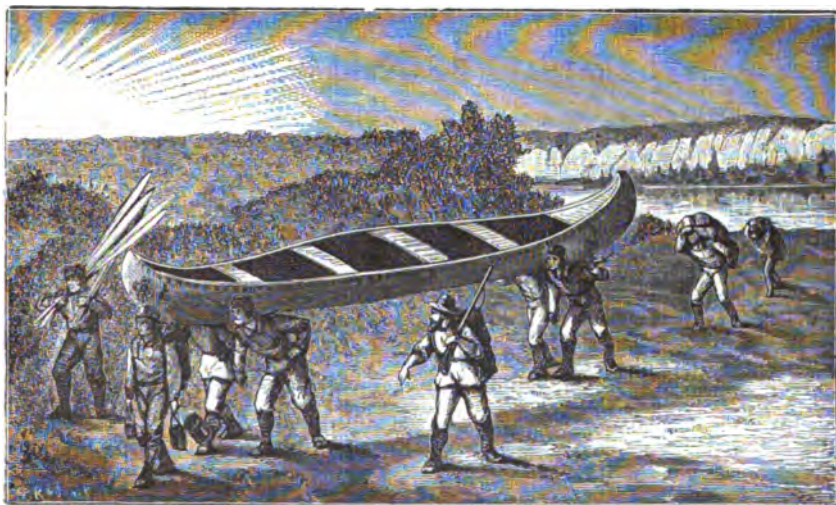
Канаду. На осьмомъ году своего пребыванія тамъ въ фортъ Шиппевай онъ открылъ большую рѣку Наочу, которая теперь по всей справедливости названа его именемъ. Фортъ Шиппевай, на южномъ берегу озера Атапаска, составлялъ тогда самый сѣверный пунктъ торговли въ этомъ краѣ. 3 іюня 1780 г. Макензи отправился на четырехъ лодкахъ въ сопровожденіи 12 спутниковъ по рѣкѣ Невольничьей, достигъ озера Большаго Невольничьяго и 29 іюня вошелъ въ рѣку, истекающую изъ этого озера. Спускаясь по теченію этой рѣки, онъ увидалъ 13 іюля подъ 69° 14' сѣв. шир. съ устья ея, какъ киты играютъ въ открытомъ океанѣ, омывающемъ сѣверное побережье Америки. Такъ какъ дальнѣйшее изслѣдованіе этого побережья лежало внѣ предѣловъ его задачи, то онъ и вернулся въ Шиппевай, куда и прибылъ благополучно 12-го сентября, сдѣлавъ первыя точныя опредѣленія положенія нѣкоторыхъ мѣстъ на сѣверѣ американскаго материка. О позднѣйшемъ путешествіи этого смѣлаго изслѣдова-

¹⁾ Въ опредѣленіи западной долготы рѣки, по отношенію къ Чертчию, Гирнъ сдѣлалъ ошибку, уменьшивъ ее на пять градусовъ.

²⁾ Пемель, *Gesch. der Erdk.*, стр. 457. Большія подробности объ этомъ путешествіи можно найти въ отчетѣ, вышедшемъ уже послѣ смерти Гирна. *A journey from Prince of Wales-fort in Hudsons Bay to the Northern Ocean undertaken by order of the Hudsons Bay Company for the Discovery of Copper Mines, a Northwest Passage etc in the years 1769—1772. With maps.* London 1795. 4.

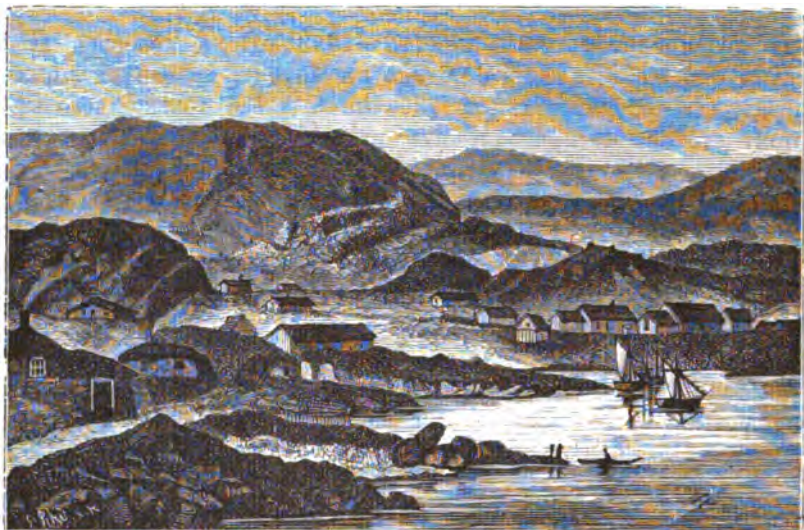
теля предпринятомъ имъ въ 1792—1793 годахъ поперегъ всей страны отъ Атлантическаго Океана къ Тихому, за что онъ былъ награжденъ дворянствомъ, мы упомянемъ здѣсь только вскользь, потому что оно не принадлежитъ къ числу строго арктическихъ экспедицій. Еще другой членъ этой шотландской фамиліи, высланный въ Америку, открылъ въ 1792 году озеро Медвѣжье. Послѣ этихъ величественныхъ въ своемъ родѣ путешествій прошло почти тридцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ не было предпринято ни одной экспедиціи для изслѣдованія сѣвернаго материка новаго свѣта.

²⁾ Отчетъ о путешествіи Макензи опубликованъ очень поздно. *Voyages from Montreal on the River St Laurence through the Continents of North America to the frozen and pacific oceans in the Years 1789 and 1793. With a preliminary account of the Fur trade of that Country, illustrated with maps.* London 1801. 4.

Переходъ черезъ быстрину.

Юліангаабъ въ Южной Гренландіи.

ДАТЧАНЕ ВЪ ГРЕНЛАНДІИ.

ВЪ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ той удивительной энергіи, которую обнаружили русскіе при изслѣдованіи сѣвернаго побережья Азіи, открытія сѣверозапада арктической полосы шли чрезвычайно медленно. Религіозному рвенію простаго норвежскаго сельскаго священника суждено было основать колонію въ давно забытой Гренландіи. Изъ этой колоніи распространился свѣтъ христіанства между эскимосами и въ то же время она служила исходною точкою всѣхъ изслѣдованій древнихъ поселеній на этомъ полуостровѣ, воспоминанія о которыхъ до сихъ поръ не изгладились изъ памяти жителей Норвегіи. Гансъ Эгедѣ (Hans Egede), такъ звали этого заслуженнаго дѣятеля, оставивъ свое мѣсто священника въ Ваагенѣ на Лофоденскихъ островахъ, слѣдуя влеченію своего сердца, отправился 3-го мая 1721 года въ Гренландію послѣ того, какъ ему, необладающему никакими средствами, удалось составить въ Бергенѣ небольшую торговую компанію. На Гаабетсъ—э, островѣ Надеждѣ, близъ нынѣшняго Готгааба, на западномъ берегу Гренландіи, основалъ онъ первое поселеніе и немедленно предпринялъ весьма затруднительныя пу-

тешествія, чтобы ознакомиться съ географическимъ положеніемъ излюбленнаго имъ края. Въ 1723 году ему было выражено рѣшительное желаніе Датскаго короля, не щадить трудовъ для того, чтобы проникнуть на восточный берегъ Гренландіи, гдѣ все еще надѣялись найти остатки древняго Эйстрибига. Такъ какъ во времена Эгеде полагали, что проливъ Фробिशера пересѣкаетъ Гренландію подъ 62°, то онъ и думалъ этимъ путемъ скорѣе всего достигнуть своей цѣли. Выѣхавъ 9-го августа изъ своей колоніи, Эгеде дошелъ 15-го числа до того мѣста, гдѣ, по указаніямъ картъ, долженъ былъ находиться проливъ Фробिशера. Дѣйствительно, онъ нашелъ тамъ глубоко врѣзывающуюся бухту, но отъ мѣстныхъ жителей вскорѣ узналъ, что сквознаго пролива вовсе не существуетъ. Поэтому онъ пытался, слѣдуя по западному берегу къ югу, обогнуть мысъ Фаревель (Farevell) и подняться на сѣверъ по восточному берегу. Но онъ дошелъ только до острова Неннорталикъ; здѣсь его спутники отказались отъ дальнѣйшаго плаванія, что и вынудило его вернуться домой.

Миссіонерская дѣятельность Эгеде въ Гренландіи продолжалась 15 лѣтъ, причемъ жена его, Гертруда, урожденная Рашъ, оказывала ему немалую помощь. Неумоимо проповѣдуя все время между туземцами евангельскія истины, онъ по всей справедливости долженъ быть названъ апостоломъ эскимосовъ. Тяжелыя испытанія перенесъ онъ въ теченіи этихъ 15-ти лѣтъ. Уже въ 1726 году основанное имъ небольшое торговое общество разошлось. Датское правительство приняло все это дѣло въ свои руки. Въ 1728 году оно послало туда нѣсколько судовъ и назначило маіора Клауса Энивольда Паарса губернаторомъ, который въ ту же осень перенесъ поселеніе Эгеде съ острова Надежды на материкъ. Весною слѣдующаго года Паарсъ съѣздили въ Амараликъ-Фіордъ и убѣдился здѣсь въ безусловной невозможности переѣзда съ западной стороны на восточный берегъ. Затѣмъ онъ отправился на островъ Неписене, нѣсколько южнѣе нынѣшняго Голстейнберга, основалъ здѣсь новую колонію и построилъ фортъ. Лейтенантъ Ричардъ, возвращавшійся на одномъ изъ посланныхъ кораблей въ Данію, сдѣлалъ на пути еще разъ тщетную попытку пристать и подняться по восточному берегу. Послѣ этого, по воцѣствованіи на престолъ скупого короля Христіана VI, преемника Фридриха IV, датское правительство рѣшило не оказывать болѣе матеріальной поддержки дорогостоящимъ гренландскимъ колоніямъ и предоставить Эгеде своей судьбѣ. Но настойчивость послѣдняго нѣсколько измѣнила воззрѣніе правительства. Съ 1733 года колоніи опять стали получать правительственную субсидію. Кромѣ того король послалъ трехъ Моравскихъ братьевъ

которые около самаго Готгааба основали миссіонерскую колонію, Новый Герренгутъ. Въ 1734 году, по повелѣнію же короля, вся гренландская торговля была поручена одной изъ значительнѣйшихъ фирмъ Копенгагена, Якову Северину, подъ руководствомъ котораго былъ основанъ рядъ новыхъ торговыхъ поселеній, Христіангаабъ (1734), Якобстаунъ (1741), Фридрихсгаабъ (1742). Самъ Эгедъ, потерявъ въ 1735 году свою жену, возвратился въ 1736 г. въ Копенгагенъ, гдѣ и прожилъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1758 г., въ должности учителя гренландскаго языка вновь учрежденной учительской семинаріи, посвящая остатокъ дней своихъ любимому предмету. Возведенный въ 1740 году въ санъ епископа, онъ не переставалъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ заниматься судьбою Гренландіи и всѣхъ посылавшихъ туда миссій. Его практическая дѣятельность на пользу этого отдаленнаго края и любовь къ литературѣ, какъ бы по наслѣдству, перешли къ его семейству.

Въ 1750 году основанная за три года передъ симъ, „Всеобщая Торговая компанія“ приняла на себя обязательное плаваніе къ берегамъ Гренландіи и содержаніе тамошнихъ миссіонерскихъ колоній. На восточный берегъ было опять обращено вниманіе. Нѣкоему Педру Ользеру Валлѣ (Walloe) было поручено изслѣдовать южную часть западнаго берега и, обогнувъ мысъ Фаревель, подняться по восточному берегу и проникнуть до Эйстрибигда. На простомъ умякѣ (Umiak) съ шестью спутниками, изъ которыхъ четверо были женщины, онъ вышелъ 6-го августа 1751 г. изъ Готгааба, дошелъ 13-го числа до Фридрихсгааба, а 9-го сентября до устья Туннудіарбикъ-Фіорда, который подробно изслѣдовалъ въ теченіи трехъ недѣль, до 30-го сентября. Нѣсколько южнѣе, въ Игалико-Фіордѣ, онъ былъ вынужденъ перезимовать приблизительно около того мѣста, гдѣ впослѣдствіи была основана колонія Юліангаабъ. Продолжительная зима прошла благополучно. 19-го апрѣля 1752 года Валлѣ поднялся съ мѣста и отправился къ Аглуйтсокъ-Фіорду, гдѣ въ огромныхъ массахъ ловится извѣстная гренландская сельдь (*Mal-lotus arcticus*). Въ іюнѣ онъ подошелъ къ Унартоку и затѣмъ въ грядѣ острововъ, между которыми находится и Неннорталикъ. 30-го іюня миновалъ онъ Икигейтъ, близъ нынѣшняго Фридрихсталя, и прошелъ между лежащими къ югу островами въ восточномъ направленіи. 6-го іюля, вечеромъ, онъ впервые разбилъ свою палатку на восточномъ берегу, по которому онъ, впрочемъ, не могъ пройти сѣвернѣе острова Ненезе, подъ 60° 56 сѣв. шир.; 8-го августа онъ долженъ былъ вернуться изъ-за льдовъ. Въ Аглуйтсокъ-Фіордѣ онъ провелъ вторую зиму и только послѣ этого добрался 25-го іюня 1753 года до Фридрихсгааба, самой южной

изъ тогдашнихъ колоній. Не взирая на невѣроятныя затрудненія перенесенныя Валлѣ во время его путешествія, и на массу доставленныхъ имъ интересныхъ свѣдѣній, его заслуги остались безъ всякаго вознагражденія. Возвратившись въ Данію, Валлѣ жилъ тамъ въ совершенной неизвѣстности и крайней бѣдности. Онъ умеръ въ Копенгагенѣ въ 1793 году, 77 лѣтъ отъ роду. Такъ какъ „Всеобщая Торговая Компанія“ все болѣе и болѣе приходила въ упадокъ, то датское правительство рѣшилось въ 1774 г. само заняться гренландскою торговлею, которая съ тѣхъ поръ и ведется за счетъ королевства. Вслѣдъ за этою переменою въ дѣлахъ была основана (въ 1775 г.) колонія Юліангаабъ и назначена въ 1776 г. миссіонерскою станціею, между тѣмъ, какъ Моравскіе братья еще до этого, въ 1874 г., основали нѣсколько южнѣе Лихтенау. Теперь вновь была сдѣлана попытка изслѣдовать восточный берегъ Гренландіи по инициативѣ Павла Эгеде, сына покойнаго епископа Ганса. Была снаряжена экспедиція подъ начальствомъ тогдашняго генералъ-лейтенанта, генералъ-адъютанта (впослѣдствіи адмирала) Павла де Левенерна (умер. 1826 г.), вышедшая изъ Копенгагена 2-го мая 1786 г. Въ Рейкјавикѣ присоединилась яхта, состоявшая подъ командою премьеръ-лейтенанта Ф. Грове. Прождавъ здѣсь безъ надобности продолжительное время, Левенернъ только 3-го іюля подошелъ къ восточному берегу Гренландіи, но, встрѣтивъ плавающее льды, вернулся въ Исландію. Подъ такимъ же неблагоприятнымъ предлогомъ вернулся онъ еще разъ изъ плаванія, предпринятаго вновь въ концѣ того-же іюля. Послѣ того онъ возвратился вмѣстѣ съ Грове въ Копенгагенъ. Командованіе яхтою было поручено зятѣмъ лейтенанту Христіану Теструпу Эгеде, сыну Павла и внуку Ганса Эгеде, по просьбѣ котораго къ нему былъ назначенъ помощникомъ его родственникъ А. Роте. Эгеде, стараясь удвоенною энергіею поправить то, что было упущено прежнимъ его начальникомъ Левенерномъ, вышелъ изъ Исландіи 8-го августа, вечеромъ того-же дня, въ который Левенернъ отправился обратно въ Данію. 16-го августа Эгеде былъ въ виду восточнаго берега Гренландіи подъ 65° 24' сѣв. шир., но подойти ближе не могъ изъ-за широкаго ледянаго пояса, его окаймлявшаго; поэтому онъ поворотилъ на югъ и вскорѣ ему удалось пропеленговать замѣчательно глубокій и широкий фіордъ, окруженный со всѣхъ сторонъ ледяными горами. 25-го августа свирѣпствовалъ страшный штормъ, повредившій яхту, что и заставило Эгеде вернуться въ Исландію, гдѣ онъ перезимовалъ въ Гафнарфіордѣ. 1-го апрѣля 1787 года Эгеде вышелъ опять въ море, чтобы возобновить изслѣдованіе восточнаго берега Гренландіи. Но тяжелая неудача

преслѣдовала храбраго моряка. Въ теченіи лѣта 1787 года онъ тщетно пять разъ пытался проникнуть въ восточную Гренландію. Въ послѣдній разъ онъ даже не видалъ берега, и вернулся безо всякихъ результатовъ. Изъ-за бурь онъ перезимовалъ въ Норвегіи, только 5-го апрѣля 1788 года яхта бросила якорь на Копенгагенскомъ рейдѣ.

Какovy бы ни были заслуги этой экспедиціи, она тѣмъ не менѣе не открыла вдоль изслѣдуемаго ею берега какихъ либо слѣдовъ древнѣйшей норманской колонизаціи. Повидимому, этимъ сильно пошатнулось укоренившееся въ Даніи повѣріе, будто древній Эйстрибигдъ лежитъ на восточномъ берегу. Вскорѣ послѣ того въ 1782 г. голстинецъ Гейнрихъ Петръ фонъ-Эггерсъ, въ изданномъ имъ и награжденномъ премією сочиненіи, доказывалъ, что древнее поселеніе норманновъ, Эйстрибигдъ лежало на южной оконечности Гренландіи съ западной стороны. Этимъ, казалось, разрѣшался вопросъ, ради котораго Даніи преимущественно интересовалась восточнымъ берегомъ, и затѣмъ она въ этомъ направленіи уже не дѣлала болѣе никакихъ попытокъ, а ограничилась практичнымъ изслѣдованіемъ западнаго берега въ финансовомъ отношеніи. Былъ предпринятъ цѣлый рядъ путешествій съ естественно-историческою цѣлью. Послѣ нѣмецкаго рудокопа Пфафа, безуспѣшно путешествовавшего въ 1783 и 1784 годахъ по Гренландіи на счетъ датскаго правительства, преимущественно съ цѣлью отысканія каменнаго угля, въ 1806 году былъ туда посланъ другой нѣмецъ Карлъ Людвигъ Гизеке съ тою же цѣлью и достигъ громадныхъ результатовъ. Въ теченіи своего семилѣтняго пребыванія въ этомъ краѣ онъ не только нашелъ здѣсь почти всѣ минералы, но и открылъ почти всѣ ихъ мѣста нахожденія въ томъ размѣрѣ, какъ они и теперь извѣстны въ тѣхъ частяхъ Гренландіи, гдѣ онъ былъ. Еще во время пребыванія тамъ Гизеке, датскій естествоиспытатель Мортенъ Вормскіольдъ прибылъ въ Гренландію съ ботаническою цѣлью. По возвращеніи своемъ въ Данію онъ старался не безъ остроумія и нѣкоторой степени учености возражать противъ мнѣнія Эггерса объ истинномъ мѣстѣ нахожденія Эйстрибигда и такимъ образомъ прежній споръ еще разъ возгорался, къ счастью только не на долго, съ тѣмъ, чтобы скорѣе быть окончательно похороненнымъ. Все это происходило въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ концѣ прошлаго столѣтія между англійскими китоловами появилась замѣчательная личность, — капитанъ Вильямъ Скоресби, шотландецъ родомъ, къ которому впослѣдствіи присоединился его не менѣе замѣчательный сынъ. Въ 1806 году онъ совершилъ плаваніе въ Шницбергенскія воды. Плаваніе это ознаменовалось тѣмъ, что онъ дошелъ до небывалой до тѣхъ поръ сѣ-

верной широты, а съ 1810 до 1822 года отецъ съ сыномъ десять разъ плавали къ Шпицбергену для китоловства, причемъ они выловили изъ моря не менѣе 3-хъ милліон. марокъ. Хотя они собственно не обладали никакимъ научнымъ образованіемъ, но приобрѣли столько практическихъ познаній и опытности, что сочиненіе Скоресби младшаго до сихъ поръ принадлежитъ къ лучшимъ и важнѣйшимъ, которыя существуютъ въ литературѣ объ арктическихъ странахъ. Позднею осенью 1817 г. англійскіе китоловы и въ числѣ ихъ, пользовавшійся тогда уже большимъ уваженіемъ Скоресби младшій донесли, что между Гренландіею и Шпицбергеномъ явились необычайныя массы плавающего льда. Эти свѣдѣнія подали англичанамъ надежду, что теперь могутъ быть предприняты экспедиціи въ арктическія страны съ бѣльшимъ успѣхомъ, чѣмъ прежде. Немедленно (1818 г.) были туда отправлены Джонъ Росъ и Давидъ Буханъ, о которыхъ мы поговоримъ подробно въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же мы должны прежде всего упомянуть о важныхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ Скоресби младшимъ въ 1822 году на восточномъ берегу Гренландіи, куда онъ уже раньше подходилъ нѣсколько разъ во время своихъ плаваній по водамъ Шпицбергенскимъ. Лѣтомъ 1822 г. Скоресби, отецъ и сынъ, привели въ исполненіе давно зародившееся въ нихъ желаніе изслѣдовать и измѣрить малоизвѣстный до тѣхъ поръ восточный берегъ Гренландіи. Экспедиція Скоресби на простомъ китобойномъ парусномъ суднѣ вышла изъ Ливерпуля 27-го марта 1822 г. и вернулась 19-го сентября, слѣдовательно, продолжалась 5 мѣсяцевъ и 22 дня. Въ этотъ короткій промежутокъ времени, кромѣ главной цѣли экспедиціи, состоявшей въ съемкѣ восточнаго берега Гренландіи и въ его изслѣдованіи не было также упущено ни одного случая поймать кита. По обыкновенію, первый путь лежалъ на Шпицбергенъ; уже 28-го апрѣля дошли до 80° 31' сѣв. шир. на сѣверозападъ отъ этого острова. Потомъ взяли курсъ на югозападъ, по направленію къ восточному берегу Гренландіи, занимаясь въ то же время ловлею китовъ. 8-го іюня Скоресби былъ уже въ виду Гренландіи подъ 74° 6' сѣв. шир.; безъ затрудненій прошелъ онъ черезъ полосу плавающихъ льдовъ и немедленно приступилъ къ съемкѣ береговъ, продолжавшейся съ 10-го іюня до 26-го августа, причемъ въ промежуткахъ занимались также китоловствомъ. При опредѣленіи долготъ обнаружилось, что на существовавшихъ до того времени картахъ въ положеніи Гренландіи была допущена ошибка не менѣе какъ на 14°. Все побережье къ югу до 69° 13' было изслѣдовано и отдѣльными частямъ были даны названія; такъ, напримѣръ, широкому заливу Скоресби, въ которомъ случайно сошлись Скоресби отецъ

съ сыномъ. Четыре раза приставали къ берегу ¹⁾, причемъ постоянно натикались на слѣды пребыванія тамъ людей, но ни разу не пришлось ихъ увидать. Вездѣ, гдѣ только мѣстность позволяла, они встрѣчали неожиданно роскошную растительность служившую не только хорошимъ кормомъ травояднымъ животнымъ, какъ, на примѣръ, оленямъ, но также допускавшую возможность развитія безчисленнаго множества насѣкомыхъ и бабочекъ; мало того — Скоресби даже видѣлъ тамъ пчелъ ²⁾.

Къ свѣдѣніямъ, доставленнымъ Скоресби, о болѣе части восточнаго берега Гренландіи, прибавилось въ слѣдующемъ году еще открытіе капитана Клаверинга, которому было поручено доставить туда для ученыхъ изслѣдованій, въ особенности для наблюденія надъ колебаніями маятника, капитана Эдуарда Сабине ³⁾. При этомъ Клаверингъ сдѣлалъ съемку этого берега еще на три градуса сѣвернѣе, чѣмъ Скоресби. Такъ какъ Скоресби вовсе и не старался пробраться сколько возможно сѣвернѣе, а имѣлъ только цѣлью отыскать древнія норманскія поселенія, которыя, по его убѣжденію, должны были находиться между $74^{\circ} 60'$ сѣв. шир., то, хотя онъ и доходилъ до 75° , но послѣдніе три градуса къ сѣверу были имъ нанесены на карту только примѣрно, безъ подробной съемки. Экспедиція Клаверинга вышла изъ Темзы 11-го мая 1823 года на пушечномъ 180 тонномъ бригѣ „Гриперъ“ (грабитель) отъ котораго нельзя было ожидать быстрого хода. Прежде всего направились къ Гаммерфесту, гдѣ со 2-го іюня были дѣлаемы различныя наблюденія, а затѣмъ 23 іюня пошли къ Шницбергену, у котораго 1-го іюля бросили якорь на сѣверозападной сторонѣ. 24-го іюля пошли въ югозападномъ направленіи къ Гренландіи, куда, не смотря на тихій ходъ брига, пришли 4-го августа подъ $74^{\circ} 4'$ сѣв. шир. Послѣ непродолжительнаго крейсированія и рекогносцировки прошли черезъ плавающіе льды и 13-го августа подъ $74^{\circ} 30'$ бросили якорь недалеко отъ берега, который былъ совершенно свободенъ отъ льдовъ возлѣ острова, названнаго ими „Сабине“.

Пока Сабине занимался наблюденіями, Клаверингъ предпринялъ на двухъ маленькихъ лодкахъ плаваніе вдоль берега при совершенно тихой погодѣ. Эта экскурсія заняла 12 дней. Каждую ночь приставали къ берегу, разбивали палатки и ложились спать,

¹⁾ 24-го 25 и 26 іюля и 11-го августа подъ $70^{\circ} 25'$, $70^{\circ} 30'$, 71° и $72^{\circ} 10'$ сѣв. шир.

²⁾ Петерманъ Geograph Mitth. 1868 г. стр. 220—222.

³⁾ Родился 14-го окт. 1788 г., съ 1859 г. въ чинѣ генералъ-маіора состоитъ директоромъ вувличскаго арсенала; въ 1869 возведенъ въ дворянское достоинство.

закутавшись только въ плащи и одѣяла. Ни разу холодъ не покоилъ путешественниковъ, такъ какъ температура съ 16-го до 28-го августа ни разу не опускалась ниже— 5° Ц., возвышаясь до $+11^{\circ}25'$, вообще давала въ среднемъ выводъ $+2^{\circ}5'$. Вездѣ находили слѣды пребыванія мѣстныхъ жителей и запасы тюленьяго жира. 18-го мая впервые увидали мѣстныхъ эскимосовъ и даже палатку, сдѣланную изъ кожъ сивучей ¹⁾).

Во время отсутствія Клавиринга море совершенно очисти-

¹⁾ Клавирингъ рассказываетъ: «Никого въ этой палаткѣ не было. Жители испугавшись, вѣроятно, нашего прихода, удалились на высокую скалу по близости. Въ сопровожденіи одного изъ моихъ офицеровъ я пошелъ къ нимъ, дѣлалъ имъ знаки пріивѣтствія и дружбы. Они подпустили насъ до самой подошвы скалы, которая была метровъ 5 вышины; здѣсь мы положили на землю подзорную трубу и пару шерстяныхъ перчатокъ и удалились на нѣсколько шаговъ. Они немедленно спустились, захватили оставленные нами вещи и возвратились на вершину скалы. Мы дали имъ нѣсколько минутъ времени, чтобы разсмотрѣть подарки, и потомъ опять подошли. Они позволили намъ подойти къ нимъ, мы протянули имъ руку, но этой церемоніи они никакъ не могли понять; не смотря на то, что мы всячески старались внушить имъ довѣріе къ намъ, они все время страшно дрожали. Затѣмъ мы привели ихъ къ палаткѣ, занимавшей пространство 4 метровъ въ окружности, имѣя 1,6 метра вышины и состоявшей изъ деревяннаго остова въ перемежку съ китовымъ усомъ, покрытаго шкурами. У нихъ была также небольшая лодка изъ кожъ сивучей, гарпунъ и копыя съ деревянными рукоятками и костяными оконечностями, а у нѣкоторыхъ оконечности были желѣзные, повидимому изъ метеорнаго желѣза. Они не рѣшились войти на наши лодки и мы съ ними разстались. 19-го августа утромъ намъ было очень желательно возобновить наши сношенія съ нашими друзьями — эскимосами и, къ счастью, мы сумѣли пріобрѣсти ихъ довѣріе. Въ теченіи дня мужчины, женщины и дѣти подходили къ нашей палаткѣ. Они предлагали намъ мясо сивучей и морской, мы же съ своей стороны давали имъ сухарей и солонины, которую они, впрочемъ, выплевывали. Они ужасно удивились, когда я приказалъ обмыть одного изъ дѣтей, для того чтобы разсмотрѣть натуральный цвѣтъ кожи, который былъ совершенно закопченъ грязью и ворванью; ребенокъ былъ свѣтло-коричневатаго цвѣта, подходящаго къ матовой красной мѣди. Волосы у нихъ черные, лица круглыя, руки и ноги мясисты и пухлы. Они обнаружили необыкновенное, какое то неистовое удивленіе, когда одинъ изъ матросовъ застрѣлил сивуча. Въ первый разъ въ своей жизни услышали они ружейный выстрѣлъ. Одного изъ нихъ мы попросили вытащить изъ воды убитаго звѣря, плававшего на поверхности моря. Онъ поплылъ на своемъ челнокѣ. Раньше чѣмъ пристать опять къ берегу, онъ переворачивалъ тушу на всѣ стороны, отыскивая мѣсто, гдѣ прошла пуля. Намедни отверстие, онъ всунулъ въ него палецъ, и, танцуя нелѣпыми образами, подпрыгивая, сталъ выражать свое удивленіе неистовымъ крикомъ. Послѣ этого его попросили содрать шкуру съ добытаго животнаго, что онъ исполнилъ скоро и ловко. Чтобы представить имъ дальнѣйшія доказательства нашей ловкости въ стрѣльбѣ, мы сдѣлали нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ въ цѣль; потомъ мы дали одному изъ нихъ пистолетъ въ руку, онъ выстрѣлилъ въ воду, но сотрясеніе руки до того испугало его, что онъ сейчасъ же ушелъ въ свою палатку. На другое утро мы увидѣли, что всѣ ушли, оставивъ палатки, и много другихъ вещей, вѣроятно только изъ страха огнестрѣльнаго оружія».

лось отъ льда и съ высотъ острова Сабине видно было, что и къ сѣверу не было льдовъ, а крутой отвѣсистый берегъ простирался по крайней мѣрѣ до 76° сѣв. шир. 13 сентября экспедиція оставила Гренландію, 23 числа достигла Норвежскаго берега, 4 октября вошла въ портъ Трондъемъ, а 19 декабря вернулась въ Лондонъ. Краткій отчетъ ¹⁾ Клаверинга, хотя онъ и очень интересенъ, обратилъ на себя мало вниманія, но результаты наблюденій Сабине надъ колебаніями маятника, изложенные имъ въ особомъ сочиненіи, приобрѣли всеобщую извѣстность ²⁾.

Понятно, что эти открытія обратили на себя въ Даніи всеобщее вниманіе, но въ то же время явилось и опасеніе, какъ бы Гренландія, на которую не безъ основанія смотрѣли, какъ на старинное достояніе Даніи, не перешла, хотя отчасти, въ руки другихъ владѣльцевъ, такъ какъ Скоресби только случайно не исполнилъ своего намѣренія, не занявъ посѣщеннаго имъ берега во имя Ангійскаго правительства. Въ виду этого Датское правительство пришло къ убѣжденію, что оно должно поступить энергически. Назначенная съ этою цѣлью комиссія рѣшила немедленно отправить къ восточному берегу Гренландіи экспедицію на лодкахъ, которая начиная отъ одною изъ южнѣйшихъ поселеній должна была подняться къ сѣверу до $69^{\circ}13'$ сѣв. шир., т. е. до того мѣста, южнѣ котораго Скоресби не могъ проникнуть. Начальство надъ этою экспедиціею было поручено старшему лейтенанту В. А. Граа (Graah), который уже раньше участвовалъ въ измѣреніи западнаго берега. Въ качествѣ естествоиспытателя ему сопутствовалъ д-ръ И. Фаль (Vahl), а старшина колоніи Фридрихсгаабъ Маттисенъ служилъ имъ переводчикомъ. Къ нимъ присоединился д-ръ Пингель, пожелавшій изслѣдовать Гренландію въ минералогическомъ отношеніи. 31 марта 1828 г. вышли они изъ Копенгагена и пришли 28 мая въ Фридрихсгаабъ, а 16 іюня въ Юліангаабъ, гдѣ занялись приготовленіями къ своей экспедиціи на лодкахъ. Граа снарядилъ для этой цѣли два умьака или двѣ женскія лодки Гренландцевъ, 11,5 м. длины 2,1 м. ширины и 0,76 м. глубины, съ командою, состоящею изъ 4 датчанъ и 15 гренландцевъ (въ этомъ числѣ 5 мужчинъ и 10 женщинъ); изъ нихъ одинъ уроженецъ восточнаго берега по имени Эрненекъ. 21 марта 1829 г. экспедиція выступила изъ Неннорталика у югозападной

¹⁾ Онъ напечатанъ въ мало распространенномъ журналѣ: Eginburgh New Philosophical journal. April July 1830 p. 1—30.

²⁾ Sabine: An account of experiments to determine the figure of the earth, by means of the pendulum vibrating seconds in different latitudes. London 1835 4°.

оконечности Гренландіи, 1-го апрѣля обогнула мысъ Фаревель и достигла восточнаго берега, но изъ-за льдовъ не могла дальше идти до 26 апрѣля.

Сначала Граа только очень медленно подвигался впередъ: полнѣйшее незнакомство его съ утлыми лодками эскимосовъ и составъ ихъ разнородной компаніи крайне затрудняли всѣ дѣйствія и даже движеніе. Эскимосы убѣгали одинъ за другимъ; подѣ конецъ у него оставалось всего только двое мужчинъ и шесть женщинъ. Представьте себѣ экспедицію подѣ командою капитана изъ европейцевъ при двухъ мужчинахъ и шести гренландскихъ женщинахъ, двигающуюся вдоль незнакомаго берега, извилистаго и окруженнаго скалами въ 300 и болѣе метровъ вышины, съ которыхъ до ста разъ въ день обрушивались въ море съ громомъ и трескомъ громадыя льдины съ заостренными вершинами и величиною съ дворецъ, а съ другой стороны безпредѣльное море, покрытое плавающимъ льдомъ. Въ пути одна изъ женщинъ родила мальчика, ребенка уложила въ уголокъ лодки и безостановочно пошла дальше къ сѣверу. Первая часть пути приблизительно отъ 60° до 61°47', заняла сравнительно очень много времени, съ 26 апрѣля до 23 іюня. Съ этого дня за сокращеніемъ числа гребцовъ, по неволѣ всѣ остальные силы были собраны на одну лодку, и дѣло пошло успѣшнѣе. Съ 27 іюня до 22 іюля Граа дошелъ съ 61°55', до острова Поворотнаго (Vendom-Insel), подѣ 65°15' сѣв. шир., сдѣлавъ такимъ образомъ въ 3½ недѣли не менѣе 513 км. Послѣ этого онъ посѣтилъ еще нѣсколько сѣвернѣе лежащій островъ, названный имъ „Даннеброгъ“ подѣ 65°15'36" сѣв. шир. — крайній пунктъ, котораго онъ достигъ на сѣверѣ. Онъ полагалъ, что это тѣ острова, между которыми прошелъ Данель (Danell) и въ то же время тѣ самыя, которые древніе мореплаватели сѣвера называли Гунбарнаскеръ. Все пройденное имъ пространство онъ назвалъ „берегомъ короля Фридриха“.

Ненадежное состояніе его скорлупообразной лодки, недостатокъ провизіи, жалкая команда, состоявшая большею частью изъ женщинъ и, наконецъ, намѣреніе подробнѣе изслѣдовать фіорды, выходящіе въ море, побудили Граа вернуться въ Нукарвикъ подѣ 63°20' сѣв. шир., съ цѣлю здѣсь перезимовать. Окончивъ предложенныя имъ съемочныя работы, онъ устроилъ тамъ зимнюю квартиру 1-го октября 1829 г. при условіяхъ сравнительно очень благоприятныхъ, такъ какъ нашелъ хорошую растительность. Его зимовка здѣсь никакимъ образомъ не можетъ быть сравнима съ тѣми трудностями и лишеніями, которымъ подвергались англійскія экспедиціи на островахъ и вообще по побережью, обращенному къ Америкѣ. 29 октября шелъ еще дождь, послѣ того была

весьма мягкая погода до конца февраля, а затѣмъ уже стало холодно, наибольшій морозъ доходилъ только до $21^{\circ}25'$ Ц. Граа еще до прихода на зимовку имѣлъ припадокъ лихорадки и послѣ этого былъ боленъ всю зиму. Недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ доходилъ до того, что Граа серьезно опасался, какъ бы его спутники изъ мѣстныхъ жителей, не прибѣгли къ людоедству, средству, какъ извѣстно практиковавшемуся тогда жителями восточнаго берега во время голодухи. Во всемъ остальномъ Граа рисуетъ эскимосовъ восточнаго берега гораздо лучшимъ и высшимъ племенемъ по сравненію съ таковыми западнаго побережья: они большаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія, женщины съ пріятными чертами лица; по характеру они добродушны и спокойны, честны и добродѣтельны, вообще одарены лучшими душевными качествами въ мірѣ. 5 апрѣля 1830 г. Граа снялся со своей зимней квартиры и пошелъ далѣе на югъ. Хотя море въ это время года уже было свободно отъ льдовъ, тѣмъ не менѣе онъ не рѣшился продолжать свои изслѣдованія къ сѣверу при томъ жалкомъ состояніи, въ которомъ находился его умякъ съ женскою прислугой. Онъ предпочелъ заняться съемкою пространства между $63^{\circ}21'$ и 60° сѣв. шир. Послѣ неимоверныхъ затрудненій и вытерпѣвъ страшныя муки голода, онъ добрался, наконецъ 15-го октября, совершенно изнеможенный до Фридрихсталя на югозападномъ берегу, гдѣ одинъ изъ миссіонеровъ оказалъ ему медицинскую помощь ¹⁾. Зиму провелъ онъ въ Юліангаабъ, продолжая, по мѣрѣ силъ, начатыя съемочныя работы. 11 августа 1831 онъ оставилъ Гренландію и прибылъ 13 сентября въ Данію ²⁾.

Благодаря труднымъ, но успѣшнымъ плаваніямъ Граа не только значительная часть восточнаго берега Гренландіи была изслѣдована, но еще неопровержимо доказано, что древняго Эйстрибигда нечего и искать на этомъ берегу. Съ этимъ вмѣстѣ прекратилось въ Даніи всякое стремленіе къ дальнѣйшимъ открытіямъ по восточному побережью этого полуострова, которое съ тѣхъ поръ не посѣщали въ теченіи трехъ десятилѣтій. Остается только упомянуть о несчастномъ плаваніи военнаго брига французскаго флота „La Lilloise“ подъ командою Jules de Blosseville'я которому было поручено сдѣлать гидрографическое описаніе этого побережья. 29 іюля 1833 года бригъ этотъ былъ въ виду восточнаго берега Гренландіи, прошелъ вдоль него отъ $68^{\circ}34'$ до $68^{\circ}55'$, не имѣя

¹⁾ Путешествіе это описано въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Under-søgelses Reise til Ostkysten af Grønland. Efter Kongelig Befaling udført i Aarene 1820—31 af W. A. Graah, Capitain Lieutenant i Soe-Etaten». Kiøbenhavn 1832.

²⁾ Петерманъ, Geograph. Mitth. 1868 стр. 218—220.

возможности пристать, и затѣмъ отошелъ къ Исландіи. При второй попыткѣ подойти къ Гренландіи бригъ *La Lilloise* пропалъ безъ вѣсти. Последнее письмо капитана Блоневиля, отправленное имъ на родину, помѣчено 6 августа ¹⁾.

---

¹⁾ Mauger, стр. 278—288.

Сэръ Джонъ Россъ.

ВОЗОБНОВЛЕНІЕ ИЗСЛѢДОВАНІЙ ПОЛЯРНЫХЪ СТРАНЪ АНГЛИЧАНАМИ.

ТАКЪ какъ со времени третьяго плаванія Кука сдѣлалось уже положительно извѣстнымъ, что сѣверная часть Новаго Свѣта простирается до Берингова пролива, то считали, что открытіе сѣверозападнаго прохода сопряжено съ такими непреодолимыми затрудненіями и препятствіями, что мысль о немъ совершенно оставили. Только китоловы по ремеслу посѣщали полярныя моря. Мы уже имѣли случай упомянуть съ величайшею похвалою о двухъ изъ нихъ—обоихъ Скоресби, отцѣ и сынѣ. Старшему Скоресби принадлежитъ та заслуга, что онъ послѣ долгаго времени первый проникъ опять въ самыя сѣверныя широты. Въ 1806 году Скоресби—отецъ наткнулся на своемъ кораблѣ „Resolution“ 28 апрѣля, въ Гренландскомъ морѣ, подъ 76° сѣв. шир. на сплошныя массы льда, съ которыми смѣлый

морякъ, не смотря на то, что онѣ казались непреодолимыми, рѣшился вступить въ борьбу. Хотя сильный ледяной отблескъ на горизонтѣ отнималъ всякую надежду на успѣхъ въ дѣлѣ, однако зоркій глазъ опытнаго Скоресби открылъ среди этого отблеска узкую голубовато-сѣрую полосу, которая указывала, что онѣ могутъ быть найдены тамъ свободную воду. Кромѣ того онѣ замѣтили, когда его судно стояло около самыхъ льдовъ, какое то едва опутительное движеніе воды; онѣ были увѣрены, что это движеніе могло только произойти отъ отдаленнаго обмеленія въ открытомъ морѣ на сѣверѣ или на югѣ. Вскорѣ онѣ убѣдился, что предполагаемая имъ полоса свободной воды находится въ прямомъ направленіи къ сѣверу по ту сторону ледянаго пояса, у котораго онѣ стоялъ, и по этому онѣ употребилъ всѣ силы, чтобы пробиться черезъ ледъ. Перетягивая и переволакивая гребныя суда черезъ ледъ, распиливая и растаскивая льдины, провели, наконецъ, судно подъ 80° сѣв. шир. на свободную воду, позволявшую безпрепятственное плаваніе. По точному астрономическому опредѣленію, сдѣланному въ полночь 24 мая, оказалось, что они находились подъ 81°12'42" сѣв. шир.; на другой день у сѣвернаго края этого свободного воднаго пространства, имѣвшаго отъ 80—100 км. въ ширину, они опредѣлили, что были подъ 81°30' сѣв. шир. при 19° долготы отъ Гринича ¹⁾).

Но не смотря на такой величественный успѣхъ въ области морскихъ изслѣдованій, непробудно, повидимому, заснувшій интересъ къ полярнымъ плаваніямъ не оживился. Только десять лѣтъ спустя, когда Скоресби-сынъ сообщилъ президенту королевскаго общества въ Лондонѣ, сэру Іосифу Банксу, что, во время лѣтнихъ жаровъ ледъ на сѣверѣ въ 1816 и 1817 годахъ совершенно раскопался, стало опять пробуждаться нѣкоторое участіе къ полярнымъ плаваніямъ. Географу Джону Баррову ¹⁾), который самъ въ молодости, будучи морякомъ, ходилъ на китобойномъ суднѣ къ Гренландскимъ берегамъ, удалось возбудить въ англичанахъ прежнюю страсть къ сѣверозападнымъ плаваніямъ.

¹⁾ Markham-Gaidoz: Les abords de la région inconnue p. 60—62.

¹⁾ Джонъ Барровъ, родившійся 19 іюня 1764 г. въ Драглебекѣ въ Ланкашейрѣ, былъ сперва надзирателемъ чугунно-литейнаго завода, потомъ морякомъ на китобойномъ суднѣ, а 1786—1791 г. учителемъ астрономіи въ Гриничѣ; въ 1792 онъ сопутствовалъ Лорду Макартнею въ Китай, а послѣ этого въ 1796 и 1801 годахъ путешествовалъ по южной Африкѣ изъ Каптоуна. По возвращеніи въ Европу онъ былъ сдѣланъ въ 1804 году секретаремъ адмиралтейства, въ 1835 г. баронетомъ; въ 1845 удалился отъ государственныхъ дѣлъ и умеръ въ 1849 г. Онъ первый подалъ мысль объ основаніи Лондонскаго географическаго общества. По осуществленіи этой идеи, онъ былъ вторымъ предсѣдателемъ созданнаго имъ общества.

Хотя открытіе сѣверовосточнаго прохода уже не имѣло для Англіи практическаго интереса, такъ какъ никто уже не вѣрилъ въ пользу этого новаго торговаго пути, и къ тому же, съ теченіемъ времени, Англія сдѣлась владычицею морей, тѣмъ не менѣе Барровъ весьма краснорѣчиво доказывалъ, что честь Великобританіи требуетъ, чтобы вопросъ этотъ былъ ею разрѣшенъ въ географическомъ отношеніи. Не смотря на усилія, продолжавшіяся въ теченіе трехъ столѣтій, понятія о берегахъ американскаго материка и прилегающихъ къ нему на сѣверѣ островахъ были крайне смутны. Свѣдѣнія, доставляемыя различными изслѣдо-

Вильямъ Скоресби — сынъ.

вателями, были совершенно несогласны между собою и до такой степени, что усумнились даже въ дѣйствительности открытій Баффина. По этому безспорно является большою заслугою Баррова то, что ему удалось, стремясь неутомимо къ задуманной имъ цѣли, придать вопросу о полярныхъ изслѣдованіяхъ великое научное значеніе и дать ему новый толчекъ, хотя способъ приступа къ этому важному дѣлу долженъ быть подвергнутъ строгой критикѣ, какъ мы вскорѣ увидимъ.

Преміи, которыя были первоначально назначены еще въ 1743 году, были возобновлены, а именно 20,000 ф. стр. за открытіе сѣверовосточнаго прохода и 5,000 ф. ст. за достиженіе 110° долготы отъ Гринича. Въ то же время были снаряжены въ 1818 году двѣ экспедиціи, одна къ сѣверному полюсу, а другая въ сѣверозападномъ направленіи. Хотя эти экспедиціи не имѣли значительнаго успѣха, тѣмъ не менѣе ими открывається новый рядъ полярныхъ плаваній, въ которыхъ принимали участіе истинные герои моря, имена которыхъ неразрывны съ арктическими изслѣдованіями, доставившими Англіи неувадаемую славу.

Обѣ экспедиціи, предназначенныя для дальнѣйшаго изслѣдованія арктическаго сѣвера, состояли каждая изъ двухъ кораблей: „Александръ“ съ „Изабеллою“ и „Доротея“ съ „Трентомъ“. Уступая общественному требованію, адмиралтейство предложило командованіе однимъ кораблемъ главнѣйшему двигателю тогдашнихъ полярныхъ предпріятій, Скоресби младшему, но только

въ роли подчиненнаго командира, такъ какъ онъ былъ только торговый капитанъ „blue officer“, а не коронный, вслѣдствіе чего онъ поспѣшилъ съ благодарностью отказаться отъ этой чести. Адмиралтейству посчастливилось, хотя незаслуженно, сдѣлать другой весьма удачный выборъ, — найти достойнѣйшихъ руководителей этого дѣла. Главное начальство надъ кораблями „Александромъ“ и „Изабеллою“, которымъ было поручено изслѣдовать Баффиновъ заливъ, не выдавшій никого цѣлыхъ 200 лѣтъ, и открыть проходъ на западъ, было ввѣрено капитану Джону Россу, родивш. 24 іюня 1777 г. въ Шотландіи, умершему 30 августа 1856 г. въ Лондонѣ. Въ 1786 Россъ уже вступилъ въ морскую службу и быстро прошелъ нисшія должности. На его флагманскомъ кораблѣ „Изабеллѣ“ находились его племянникъ въ чинѣ мичмана, впоследствии знаменитый изслѣдователь южнополярной земли, Джемсъ Кларкъ Россъ ¹⁾, лейтенантъ В. Робертсонъ, тогдашній капитанъ артиллеріи Эдвардъ Сабине, о путешествіи котораго по берегамъ Гренландіи мы уже упоминали, и эскимось Джонъ Сашезъ ²⁾ въ качествѣ переводчика. Вторымъ кораблемъ, „Александромъ“, командовалъ лейтенантъ Вильямъ Эдвардъ Парри ³⁾ (родился 19 дек. 1790 г. и умеръ на водахъ въ Эмсѣ 8 іюля 1855 г.). О двухъ другихъ корабляхъ, которые имѣли назначеніе пройти прямо черезъ Шпицбергенъ и сѣверный полюсъ къ Берингову проливу, мы вслѣдъ за симъ поговоримъ ниже. Всѣ четыре корабля собрались 2 мая 1818 г. въ Брассасундѣ у Шотландскихъ острововъ и на другое утро вышли въ море.

„Изабелла“ и „Александръ“ обогнули въ концѣ мая южную оконечность Гренландіи, мысъ Фаревелъ, а 17-го іюня прошли по проливу Вайгаты къ острову Диско. 22-го іюня они перешли 70° сѣв. широты, будучи наканунѣ тѣсными льдами, и медленно двигались къ сѣверу, занимаясь поверхностною съемкою береговъ.

¹⁾ Родился въ 1800 году въ Бальсорохѣ въ Ирландіи, умеръ 3 апрѣля 1862 г. въ Аулесбернѣ.

²⁾ Сашезъ, вслѣдствіе непріятнаго столкновенія, которое онъ имѣлъ въ южной Гренландіи со своими одноплемянниками, удаленъ съ китоловами въ Англію, гдѣ онъ себя очень хорошо чувствовалъ. О своихъ землякахъ онъ былъ, повидимому, невысокаго мнѣнія; это можно заключить изъ того, что онъ, стоя однажды у зѣринца и любясь, какъ слонъ быстро и точно исполнялъ приказанія своего хозяина, воскликнулъ: „о! у слона больше ума, чѣмъ у эскимоса“.

³⁾ Парри, сынъ медика, вступилъ въ 1803 г. мичманомъ въ Англійскій флотъ. Проплававъ въ Ламаншѣ и Балтійскомъ морѣ и получивъ въ 1809 году чинъ лейтенанта, онъ былъ посланъ въ 1811 г. въ сѣверный океанъ на канонеркѣ, для защиты катобойныхъ судовъ. При этомъ онъ прошелъ до Медвѣжьяго острова, а съ 1813 до 1817 пробылъ на различныхъ станціяхъ Англійскаго правительства у американскихъ береговъ.

Они убѣдились въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что берегъ этотъ почти на 10° былъ показанъ на картахъ восточнѣе. 2-го іюля они подошли къ южной крайнѣ такъ называемаго „серединнаго льда“. Этотъ ледъ представляетъ громадную массу, пролегающую шириною въ 300 — 400 кил. поперегъ Баффинова залива и если не заграждающую, то во всякомъ случаѣ крайне затрудняющую проходъ къ такъ называемому „Northwater“, къ части моря сѣвернѣе ея, бывающей лѣтомъ и осенью совершенно свободною отъ льдовъ. Замѣчательно, что со времени Баффина никто не дерзалъ перешагнуть черезъ этотъ ледяной порогъ; только въ 1817 году два китобойныя судна „Larkins“ изъ Лейта и „Elisabeth“ изъ Абердина прорвались до сѣверной воды и нашли тамъ плѣсы для своей охоты ¹⁾).

Серединный ледъ задержалъ Росса 36 дней. Послѣ выдержанной 7-го августа сильнѣйшей бури поставившей было оба корабля въ крайне опасное положеніе, 8-го числа добрались до сѣверной воды, а 19-го до сѣверной оконечности Смиттова пролива въ Баффиновомъ заливѣ, который они, впрочемъ, не довольно подробно изслѣдовали, чтобы опредѣлить, дѣйствительно ли онъ заливъ или проливъ; даже Россъ, который считалъ Смиттовъ проливъ глухимъ, оставался южнѣ крайнихъ предѣловъ, достигнутыхъ Билотомъ и Баффиномъ, такъ какъ наивысшая широта, достигнутая имъ однажды въ полночь была $76^{\circ}54'$ сѣв. шир., при $74^{\circ}20'$ запад. долг. отъ Гринича. Входъ въ проливъ Джонса былъ загражденъ нагромодившимися льдинами. 25-го августа наши полярные пловцы вошли въ проливъ Ланкастера, глубокія воды котораго безъ льдовъ блестяли передъ ними, какъ зеркало. Всѣ ожиданія были высшей степени напряжены, чувствовалось, что наступилъ рѣшительный моментъ. Читатель припомнитъ, что хотя Баффинъ и открылъ этотъ проливъ, но видѣлъ его только издали и никакъ не полагалъ, что тутъ врата дѣйствительнаго прохода въ Тихій Океанъ. Подъ всѣми парусами, при громкихъ крикахъ ура вошли англичане въ таинственный проливъ—впереди „Изабелла“, за нею медленно грузный „Александръ“. Каково же было разочарованіе командира этого послѣдняго, Парри, когда онъ увидалъ, что флагманскій корабль, безъ всякой видимой нужды, повернулъ назадъ съ $80^{\circ}37'$ западн. долготы Гринича, и онъ долженъ былъ за нимъ слѣдовать. Россу казалось, что въ туманѣ виднѣется горная цѣпь вслѣдствіе чего проливъ превратился въ его глазахъ въ закрытый фіордъ. Эти горы, названныя имъ „Croker“,

¹⁾ Markham=Gaidoz стр. 140—141.

были просто оптический обманъ, очень часто повторяющійся въ арктическихъ странахъ. Эта ошибка омрачаетъ нѣсколько славу исследователя. Будучи прозорливѣе Росса, Парри предвидѣлъ, что кроется за мнимыми горами Крокеръ Росса, но онъ не смогъ остановить обратное шествіе экспедиціи, которая на этомъ пути подробнѣе исследовала неизвѣстные еще берега западной окраины Баффинава залива отъ пролива Ланкастра до $62^{\circ}61'$ сѣв. шир., была въ Понсъ-заливѣ (Ponds bay) и Боосъ-Инлетѣ и положительно доказала, что „James Island“, показанный на картахъ тогдашняго времени среди Девисова пролива, на томъ мѣстѣ вовсе не существуетъ. 14-го ноября экспедиція возвратилась въ Гримсби-Роудсъ. Вообще можно сказать, что эта экспедиція прошла по кильватеру Билота и Баффина, такъ что весь успѣхъ въ сущности состоялъ только въ томъ, что она нашла Баффиновъ заливъ съ его мысами, проливами и заливами въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ описанъ въ 1616 году первыми его исследователями. Во время этого плаванія также были замѣчены „Красные свѣга“ ¹⁾ по берегамъ Гренландіи, вынуты съ морской глубины образцы дна, сдѣланы наблюденія надъ температурою воды на глубинѣ 1244 метр. въ такихъ размѣрахъ, какъ они съ тѣхъ поръ не были сдѣланы ни однимъ изъ многихъ позднѣйшихъ экспедицій, наконецъ, сдѣланы Сабине драгоценныя магнетическія наблюденія. Еще интересна эта экспедиція тѣмъ, что она доставила первыя свѣдѣнія о томъ сѣвернѣйшемъ племени эскимосовъ, которое обитаетъ такъ называемый въ послѣдствіи полуостровъ „Хаисъ“ (Hayes). Такъ какъ Россъ родомъ шотландецъ, то онъ, въ воспоминаніе своей гористой родины, назвалъ мѣстность между заливомъ Мельвиль и Whales-Sund'омъ арктическою горною странюю. (arctic highlands), а встрѣченныхъ на ней эскимосовъ „арктическими горными жителями“. Колоссальныя глетчеры гренландскихъ береговъ также обратили на себя его вниманіе. Если отсутствіе предприимчивости въ Россѣ и отняла у этой экспедиціи ту славу, которую она могла бы себѣ приобрести, то нельзя забывать и того, что въ это время только еще стали опять предпринимать плаванія въ область вѣчнаго льда и что приходилось сѣзнова запасаться опытностью ²⁾. Самая большая заслуга эк-

¹⁾ Красный свѣгъ есть явленіе соединенія разнаго рода микроскопическихъ животныхъ. Капитанъ Россъ разсказываетъ объ отмеляхъ краснаго свѣга больше 3 метр. толщины, облежавшихъ гренландскій мысъ Гюркъ на протяженіи 8 килом.

²⁾ Объ этомъ плаваніи имѣются два отчета самого Росса «Voyage of discovery for the purpose of exploring Baffingsbay». London 1819. 8° и Парри „Tagebuch einer Entdeckungsreise nach den nördlichen Polargegenden im Jahre 1818 in dem königlichen Schiffe Alexander“. Aus dem Englischen übersetzt. Гамбургъ 1819 г. 8.

спедиціи Россѣ состоитъ, безъ сомнѣнія, въ томъ, что она побудила Англію снарядить новыя экспедиціи, которыя составляютъ эпоху въ географіи крайняго сѣвера, значительно расширяя въ короткое время кругъ познаній о протяженіи сѣвернаго побережья Америки и о прилегающихъ къ ней островахъ.

Одновременно съ „Изабеллою“ и „Александромъ“ вышли въ море корабли „Доротеа“ и „Трентъ“. Начальникомъ этой экспедиціи былъ капитанъ Давидъ Буханъ ¹⁾, командовавшій „Доротеею“ (382 тонны). „Трентомъ“ командовалъ Джонъ Франклинъ ²⁾, привыкшій съ ранней молодости къ чрезвычайно дѣятельной жизни и испытавшій много опасностей. Теперь въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ вступилъ на то поприще, на которомъ ему суждено было стяжать неуывдаемую славу. Помощникомъ былъ у него Фредерикъ В. Бичи (Beechey) ³⁾, а Георгъ Бакъ сопутствовалъ ему въ качествѣ штурмана отъ адмиралтейства (admiralty-mate). Этой экспедиціи было назначено, какъ мы уже говорили, пройти черезъ сѣверный полюсъ въ Тихій Океанъ. Кромѣ того, по инструкціи адмиралтейства, она должна была непремѣнно держаться пути между Гренландіею и Шпицбергеномъ, гдѣ напоръ льдовъ представляетъ исключительныя препятствія. Въ первой четверти нашего столѣтія свѣдѣнія о томъ, какія препятствія встрѣчаются при плаваніи къ сѣверному полюсу, были еще крайне смутны. Тогда считали еще возможнымъ, даже не трудно выполнимымъ, найти путь черезъ сѣверный полюсъ или по крайнѣй мѣрѣ прослѣдовать черезъ него на саняхъ.

25-го апрѣля 1818 г. экспедиція вышла изъ Темзы, но въ маѣ подъ 80° сѣв. шир. она встрѣтила непроходимую массу льдовъ, вынудившую ее искать себѣ убѣжище въ заливѣ Св. Магдалины на сѣверозападной сторонѣ Шпицбергена. Здѣсь они простояли нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ поднялись съ величай-

¹⁾ Родился въ февралѣ 1796 г. въ Лондонѣ и умеръ тамъ же 29-го ноября 1856 г. въ чинѣ контръ-адмирала.

²⁾ Франклинъ, родившійся 16-го апрѣля 1786 г. въ Спелсбѣ, въ графствѣ Линкольнскомъ, былъ сынъ небогатаго купца и младшій изъ 12-ти его дѣтей. Со страстью предпочиталъ морскую дѣятельность всякой другой, юноша 14 лѣтъ вступилъ въ морскую службу. Въ чинѣ мичмана онъ участвовалъ въ 1801 году въ осадѣ Коенгагена, потомъ принималъ участіе въ 1803 году въ плаваніи Флиндера въ Новую Голландію, въ сраженіи въ Малакскомъ проливѣ на кораблѣ „Беллерофонъ“, въ 1805 г. въ сраженіи Трафальгарскомъ, въ 1807 г. въ плаваніи англійскаго флота, сопровождавшаго королевскую фамилію изъ Португаліи въ Бразилію, два года спустя въ осадѣ Флиссингена и послѣ того въ 1813 году въ экспедиціи противъ Новаго-Орлеана во время Англо-американской войны.

³⁾ Родился 6-го ноября 1796 г. въ Стокпортѣ (Чешейра), умеръ въ Лондонѣ 23-го іюня 1878 г. въ званіи баронета и въ чинѣ адмирала.

шею опасностью на пирамидально возвышающуюся въ вершинѣ залива гору „Rote Hill“, имѣющую 600 метровъ высоты. Вышедши затѣмъ опять въ море, они наткнулись къ сѣверозападу отъ Шпицбергена на тѣ же препятствія, съ которыми тамъ встрѣчались при прежнихъ попыткахъ. Страшныя массы плавающихъ льдовъ и необозримыя ледяныя поля напирали на суда съ такою силою, что не разъ онѣ были въ величайшей опасности. Такъ какъ, достигнувъ $80^{\circ}34'$, оказалось положительно невозможнымъ проникнуть далѣе къ сѣверу въ этомъ направленіи, то Буханъ поворотилъ къ Гренландіи. 30-го іюля суда экспедиціи страшною бурей еще разъ была поставлены въ величайшую опасность. Только неслыханно смѣлая находчивость спасла ихъ. Они врѣзались въ середину главной массы льдовъ и изъ нея какъ бы создали себѣ оплотъ противъ отдѣльно напиравшихъ ледяныхъ горъ. Буханъ рѣшилъ вернуться, прочіе высшіе офицеры были съ нимъ совершенно согласны, одинъ только Франклинъ возражалъ все еще надѣясь достигнуть цѣли. Онъ предложилъ, что пойдетъ одинъ на командуемомъ имъ „Трентъ“, далѣе къ сѣверу, но такъ какъ главный начальникъ не изъявилъ на это своего согласія, то и онъ долженъ былъ вернуться. 22-го октября оба корабля пришли въ Англію въ совершенно изнеможенномъ состояніи. Лейтенанту, впоследствии адмиралу, Бичи, мы обязаны отчетливымъ описаніемъ этого плаванія ¹⁾.

Франклинъ испыталъ въ отношеніи своего начальника почти то же самое, что Парри. Во время экспедиціи Росса было именно только то сдѣлано, что дало Парри ясное понятіе о томъ, что могло бы быть сдѣлано. Франклинъ въ свою очередь убѣдился, что не по Шпицбергенскимъ водамъ пролегаетъ отыскиваемый путь, а напротивъ, что сѣверо-американское побережье, открытое Гирномъ и Макензи, представляетъ гораздо большее вѣроятіе на успѣхъ. Эти оба молодые человѣка, еще до отхода экспедиціи 1818 г. познакомившись въ Дептфордѣ близъ Лондона, связались неразрывною дружбою на всю жизнь. По возвращеніи изъ плаванія они встрѣтились въ пріемной комнатѣ тогдашняго перваго лорда адмиралтейства, лорда Мельвила, бесѣдовавшаго съ Парри о возможности прохода въ Тихій Океанъ именно въ томъ мѣстѣ, на которое Парри указывалъ. Парри былъ убѣжденъ, что заливъ Ланкастеръ представляетъ широкій проходъ къ западнѣ лежащему морю, — вѣроятно къ тому, которое было открыто Гирномъ

¹⁾ F. W. Beechey. „Voyage of discovery towards the North-Pole, performed in his majesty's ships Dorothea and Trent under the Command of capt. D. Buchan R. N. 1818, to which is added a summary of all the early attempts to reach the Pacific by way of the Pole“. With maps and illustrat. London 1843.

и Макензи,—и что оно въ извѣстное время года, безъ сомнѣнія, свободно отъ льдовъ. Результатомъ этой бесѣды было то, что уже въ декабрѣ того же 1818 г. было приступлено къ снаряженію новой арктической экспедиціи, для чего были назначены два корабля „Гекла“ и „Гриперъ“ подъ главнымъ начальствомъ Парри, вступившаго въ свою обязанность 19-го января 1819 года. Въ то же время было поручено Франклину сдѣлать сухопутную экспе-

Сэръ Вильямъ Эдвардъ Парри.

дицію для изслѣдованія сѣвернаго побережья американскаго континента. Этотъ двойной способъ изслѣдованія, морской и сухопутный, сдѣлался съ этого времени характеристическою чертою въ исторіи полярныхъ открытій.

Оба друга оставили Англію одновременно, Парри 14-го, а Франклинъ 23-го мая 1819 г. Парри, плаваніе котораго мы сперва опишемъ, командовалъ самъ „Геклоу“ (375 тоннъ), ему сопутствовали уже знакомые намъ Бичи и Сабине, и, кромѣ того, мичманъ Джемсъ Кларкъ Россъ. Меньшее судно „Гриперъ“

(180 тоннъ) состояло подъ командою лейтенанта Маттѣ Лиддона. Послѣ крайне затруднительнаго перехода черезъ срединный ледъ Баффинова залива, они пришли 31-го іюля къ проливу Ланкастера, у входа въ который суда простояли нѣсколько дней изъ-за сильнаго западнаго вѣтра. Послѣ этого теченіе воздуха измѣнилось и восточный вѣтеръ ввелъ оба судна въ проливъ. Вскорѣ оказалось, что здѣсь открывается проходъ. Усмотренные Россомъ горы Крокеръ исчезали съ приближеніемъ „Геклы“: онѣ оказались явленіемъ оптического обмана, миражемъ. Въмѣсто горъ наши плователи нашли широкій проливъ, названный имъ также Крокеръ, въ честь бывшаго секретаря адмиралтейства, но впослѣдствіи этотъ проливъ былъ переименованъ, въ Барровъ въ честь тогдашняго секретаря. Съ этимъ проливомъ соединялся съ юга еще другой проливъ, названный Парри Prince Regent Inlet (проливъ принца Регента), а дальше къ западу съ сѣверной стороны подъ $74^{\circ}40'$ сѣв. шир. и $91^{\circ}48'$ западн. долготы отъ Гринича, у югозападнаго угла большаго острова Сѣв. Девона показывался свободный водяной путь „Каналъ Веллингтона“. Сперва попытались было черезъ проливъ Принца Регента пройти къ югу, но онъ оказался затертымъ льдами. Взявши поэтому курсъ прямо на западъ, дошли 3-го сентября до мыса Боуни на большомъ островѣ Мельвилъ, открытомъ за два дня передъ этимъ подъ 110° западн. долг. отъ Грин. Здѣсь Парри объявилъ своей неутомимой командѣ, что она выиграла премію въ 5,000 фунт. стерл., назначенную парламентомъ тому изъ англичанъ, который первый достигнетъ 110° долг., т. е. половины пути между Беринговымъ и Дэвисовымъ проливами подъ 74° сѣв. шир. Послѣ этого Парри вошелъ по сѣверной сторонѣ пролива Баррова въ узкій проливчикъ отъ полутора до трехъ килом. ширины, который одинъ только еще былъ свободенъ отъ льдовъ, но и тутъ онъ скорѣ встѣтилъ то же неизмѣнное препятствіе арктическихъ морей. Тѣмъ не менѣе наши смѣльчаки стали еще дальше пробиваться на западъ и достигли дѣйствительно 7-го сентября залива Гекла-Гриперъ на островѣ Мельвилъ, гдѣ они рѣшились перезимовать. Съ величайшими усилиями они прошли еще небольшое пространство западиѣ, но 22-го числа страшныя массы льда заставили ихъ вернуться и 26-го числа они встали окончательно на зимовку въ маленькой бухтѣ залива Геклы и Гриперъ, до которой должны были предварительно прорубить себѣ во льду каналъ въ $3\frac{1}{2}$ килом. длины. Послѣ долгаго промежутка это была опять первая перезимовка на столь отдаленномъ сѣверѣ. Десять мѣсяцевъ корабли простояли во льду. Непрерывная ночь продолжалась 84 дня, слѣдовательно почти четверть года, термометръ понижался до -47° Ц. и при

этихъ условіяхъ 94 человѣка должны были провести зиму ¹⁾). Только 1-го августа 1820 г. заливъ Гекла-Гриперъ освободился отъ льда. Парри пошелъ опять на западъ. 9-го августа онъ встрѣтилъ у мыса Ген опять льды. Достигши 15-го августа мыса Дундаса, онъ остановился передъ непреодолимою ледяною природою подъ 74° 26' 25" сѣв. шир. при 113° 54' 43" западн. долг. Здѣсь впервые

¹⁾ Экспедиція эта была снаряжена на два года и богато снабжена всѣми противодынгными средствами: сушенныя овощи, квашеная капуста, уксусъ въ сгущеномъ видѣ, лимонная кислота, сахаръ, соленое мясо, словомъ все, что только можно придумать, было уложено прекрасно и лучшаго качества въ крѣпкія бочки. вмѣсто сухарей былъ взятъ огромный запасъ муки, еще разъ тщательно пересушенной передъ самою упаковкою, такъ что во все время зимовки они имѣли постоянно свѣжеиспеченный хлѣбъ. Принятые мѣры предосторожности имѣли неоцѣнимое вліяніе на состояніе здоровья зимующихъ. Въ спискѣ больныхъ, веденномъ корабельнымъ медикомъ д-ромъ Эдвардсомъ, значатся ежедневно всего только одинъ или двое, пораженные легкими признаками цинги. исчезавшими опять въ нѣсколько недѣль при употребленіи усиленной дачи лимонной кислоты съ сахаромъ. Однажды, впрочемъ, когда загорѣлась было обсерваторія, часть команды (16 чел.) значительно пострадала отъ мороза, упустивъ при первой тревогѣ принять необходимыя мѣры осторожности. У одного даже было отнято нѣсколько пальцевъ. Смертный случай былъ всего только одинъ и то вслѣдствіе воспаленія легкихъ, къ чему присоединилась цинга. Вообще состояніе здоровья моряковъ во все время зимовки было отличное. Корабли были поставлены на зимовку при соблюденіи слѣдующаго порядка, который, впрочемъ, впоследствии подвергся нѣкоторому измѣненію и улучшенію. Подвижная свастъ и стеньги были сняты. Снасти оставались убранными подъ палубу: онѣ замерзали, что и предохраняло ихъ отъ гніенія, чему онѣ неминуемо подверглись бы, если бы онѣ хранились въ сырости подъ палубою. Во всю палубу былъ натянута брезентъ въ видѣ довольно крутой крыши; подъ нею, во время непогоды, прогуливались офицеры и команда и дѣлались гимнастическія упражненія. Сначала Парри приказывалъ обрубать ледъ вокругъ судовъ, но потомъ онъ убѣдился, что это слишкомъ утомительно. Когда суда обмерзли, онъ велѣлъ навалить вокругъ ихъ снѣгъ, что во первыхъ сохраняло теплоту внутри, а во вторыхъ ледъ вокругъ судовъ былъ менѣе толстъ, чѣмъ въ другихъ открытыхъ мѣстахъ. Самое большое неудобство, съ которымъ приходилось Парри бороться, была сырость въ каютахъ, которая въ отдѣльныхъ случаяхъ доходила до того, что койки до половины промокали и до половины промерзали. Сначала ежедневно удаляли со стѣнъ замерзавшую сырость, но потомъ это было упущено въ теченіи нѣсколькихъ недѣль и тогда пришлось заразъ вынести изъ каютъ не менѣе 150 до 200 пудовъ льду. Во время прогулокъ команды на открытомъ воздухѣ, командиры и врачъ ежедневно два раза осматривали помѣщеніе матросовъ; вообще офицеры имѣли строжайшее наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ правилъ предосторожности. Такъ, напримѣръ, вся прислуга обязана была ежедневно въ присутствіи офицера принять опредѣленное количество лимонной кислоты съ сахаромъ. Сырость значительно увеличивалась вслѣдствіе того, что Парри былъ вынужденъ разрѣшить сушку бѣлья подъ палубою. Постоянныя койки, которыя были устроены собственно противъ правилъ внутренняго судостроительства, пришлось опять замѣнить висячими. На Гриперѣ всѣ постоянныя койки были уничтожены, на Геклѣ только часть изъ нихъ. Что при этихъ условіяхъ нельзя было мыть каюты, это

увидали съ южной стороны пролива новую какую то землю, которую назвали землею Банка. По расчету находились теперь въ 1670-килом. отъ Ледяного Мыса (Ice Cap) въ Беринговомъ проливѣ. 23-го августа Парри поворотилъ на востокъ, 27-го числа прошелъ островъ Мельвилъ и черезъ шесть дней пришелъ уже въ проливъ Ланкастеръ, тогда какъ плаваніе отъ пролива Ланкастера до бухты Гекла-Гриперъ, гдѣ они перезимовали, заняло пять недѣль. Проливъ Принца Регента былъ опять загражденъ льдами. Поэтому Парри вышелъ 1-го сентября изъ пролива Ланкастера и вернулся 30-го октября 1820 г. въ Питергедъ въ Англіи, гдѣ онъ былъ встрѣченъ съ вполне заслуженными почестями ¹⁾.

Открытіе этого величественнаго пути, пролегающаго съ востока на западъ чрезъ проливы Ланкастера и Барровъ, представляетъ во всякомъ случаѣ самый блестящій результатъ изъ всѣхъ достигнутыхъ до сихъ поръ при арктическихъ плаваніяхъ. Этому открытію мы обязаны знакомствомъ съ болѣею половиною громаднаго невѣдомаго до тѣхъ поръ пространства между Баффиновымъ заливомъ и Беринговымъ проливомъ. За симъ уже невозможно было долѣе сомнѣваться въ существованіи сѣверозападнаго прохода, хотя при ближайшемъ разсмотрѣніи карты оказывалось, что какъ ни прекрасно рисуется этотъ путь на картѣ, но въ дѣйствительности едва ли возможно будетъ имъ воспользоваться. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ было раскрыто новое побережье на протяженіи 35° долготы, оказавшееся въ послѣдствіи южною каймою цѣлаго ряда острововъ, и къ югу отъ нея было указано существованіе

само собою разумѣется, только полъ, въ замѣвъ того, ежедневно утромъ втирался камнями съ горячимъ пескомъ, пролежавшими ночь въ раскаленныхъ печахъ. Но всѣ эти мѣры предосторожности не могли бы сохранить здоровья, если бы не было постановлено строжайшимъ правиломъ ежедневно нѣсколько часовъ гулять и играть на открытомъ воздухѣ и постоянно дѣлать гимнастическія упражненія. Въ теченіи всей зимовки было добыто 1883 килогр. свѣжаго мяса, что составляло весьма пріятное добавленіе къ имѣвшемуся провіанту, независимо отъ этого движеніе на охотѣ много содѣйствовало сохраненію здоровья. Для поддержанія веселаго и бодрого расположенія духа, которое подчасъ во время безконечныхъ полярныхъ ночей измѣняло самому твердому характеру, капитанъ Сабине составлялъ газету, которая выходила еженедѣльно со статьями серьезнаго и веселаго, юмористическаго содержанія. Кромѣ того былъ устроенъ театръ, на которомъ каждыя двѣ недѣли играли новую небольшую піесу. Всѣмъ этимъ занимались съ такою охотою, съ такимъ рвеніемъ, что даже температура 18°75' Ц. ниже нуля не помѣшала импровизированнымъ актерамъ заняться этимъ дѣломъ какъ для собственнаго удовольствія, такъ и для развлеченія своихъ товарищей.

¹⁾ 4-го ноября онъ былъ произведенъ въ командоры, а городъ Батъ (Bath), гдѣ онъ родился, поднесъ ему званіе почетнаго гражданина и драгоцѣнный серебряный сосудъ.

широкаго пролива Принца-Регента (Prince Regent Inlet), который впоследствии также былъ изслѣдованъ Парри. На обратномъ пути весь восточный берегъ земли Кокбуна на протяженіи восьми градусовъ долготы былъ снятъ на планъ. Что и другіе вопросы науки не были оставлены безъ вниманія, указываетъ длинный рядъ наблюденій и изслѣдованій, вошедшихъ въ отчетъ Парри ¹⁾. Словомъ, это путешествіе, приобретшее руководящее значеніе для всѣхъ позднѣйшихъ экспедицій, которымъ предназначалось перезимовать на крайнемъ сѣверѣ, въ то же время принесло и наибольшую пользу въ научномъ отношеніи ²⁾.

Уже 20 декабря того же 1820 г. Парри получилъ приказаніе готовиться къ новой экспедиціи, цѣлью которой было изслѣдовать пространство сѣвернаго побережья Америки, видѣнное Гирномъ и Макензи, откуда Франклинъ, которому поручено было сухопутно познакомиться съ этою мѣстностью, еще не успѣлъ вернуться. Двумъ кораблямъ „Fury“ и „Hecla“—послѣдней на сей разъ подъ командою Г. Ф. Лейона, извѣстнаго своими путешествіями по сѣверной Африкѣ въ чинѣ лейтенанта, и теперь уже произведеннаго въ командоры,—приказано было стараться пройти вдоль берега въ Беринговъ проливъ и въ Тихій Океанъ ³⁾. Соотвѣт-

¹⁾ Journal of a voyage for the discovery of a North-West-Passage from the Atlantic to the Pacific, performed in the years 1819—1820 in H. M. Hecla and Griper under the orders of Parry W. E. R. N. F. R. S. and Commander of the Expedition. With and Appendix containing the Scientific and other Observations. London 1821—1828. 4°. 6 vol.

²⁾ Сабине уже во время этого путешествія началъ дѣлать свои наблюденія надъ колебаніями маятника, которыя онъ впоследствии продолжалъ съ такимъ успѣхомъ и въ такомъ совершенствѣ, для опредѣленія формы земли. Кромѣ того онъ сдѣлалъ, посредствомъ цѣлаго ряда тщательныхъ наблюденій, точные выводы магнетическихъ явленій въ различныхъ мѣстахъ, на этомъ пути лежавшихъ. Метеорологія арктическихъ странъ экспедиція посвятила 12 мѣсяцевъ непрерывныхъ наблюденій между параллелями 74° и 75°. Географическое положеніе мѣста ихъ зимовки въ бухтѣ Гекла-Гриперъ было опредѣлено въ точности посредствомъ 6862 наблюденій надъ разстояніемъ луны и 39 наблюденій высоты меридіана. Приливъ и отливъ были тщательно наблюдаемы, кромѣ того не менѣе 15 хронометровъ, болѣею частью взятыхъ съ собою для испытанія, подверглись повѣркѣ ихъ хода; равнымъ образомъ былъ сдѣланъ рядъ наблюденій надъ тансбергомъ. Д-ръ Эдвардсъ усердно занимался зоологіею и ботаникой сѣвера, въ чемъ Сабине, Парри и Россъ содѣйствовали ему всѣми зависящими отъ нихъ средствами, вслѣдствіе чего ему удалось составить богатую коллекцію экземпляровъ изъ царствъ животнаго и растительнаго и въ томъ числѣ нѣсколько такихъ видовъ, которые до того времени не были извѣстны. Въ то же время онъ исполнялъ отвѣтственную и трудную свою обязанность врача съ любовью и величайшимъ тщаніемъ; его стараніями, его неутомимой бдительности экспедиція обязана была незначительнымъ числомъ больныхъ и умершихъ и вообще рѣдкимъ блестящимъ положеніемъ въ гигиеническомъ отношеніи.

³⁾ Въ этой экспедиціи Парри сопутствовали изъ принимавшихъ участіе въ

ственно этому экспедиція, вышедши изъ Англіи 8-го мая 1821 г., направилась прямо къ Гудсонову проливу, куда она пришла 20 іюня и тотчасъ была окружена льдами. Съ необычайными затрудненіями подвигаясь впередъ, они пришли только въ началѣ августа въ никогда и нигѣмъ еще неизслѣдованный заливъ Репульсъ, который могъ оказаться проливомъ, ведущимъ къ сѣверному побережью. Между тѣмъ подтвердилось, что это дѣйствительно только заливъ. За симъ надлежало пробраться до сѣверовосточной оконечности материка какимъ нибудь инымъ путемъ, въ видахъ чего наши плователи должны были съ величайшими трудностями и невозградиomoю потерей времени изслѣдовать всѣ бухты и углубленія берега на протяженіи 320 км. 8 октября они остановились и расположились на зимовку на островѣ Зимнемъ, у входа въ названный ими „Lyon Inlet“, углубленія, далеко вдающагося въ часть материка, называемую полуостровомъ Мельвилъ. Здѣсь они вошли въ дружественныя сношенія съ племенемъ эскимосовъ, изъ среды котораго молодая, красивая и умная женщина Илглюкъ или Иглуликъ обратила на себя вниманіе всѣхъ членовъ экспедиціи. Она нарисовала карту всего восточнаго, сѣвернаго и западнаго побережій полуострова Мельвиля, которая при повѣркѣ оказалась совершенно вѣрною; кромѣ того она сообщила нашимъ путешественникамъ много весьма полезныхъ свѣдѣній. Зима продолжалась очень долго; только 2 іюля 1822 г. экспедиція могла опять тронуться съ мѣста зимовки. Поднимаясь къ сѣверу по каналу Фокса, они дошли до пролива, названнаго въ честь ихъ кораблей „Фури и Гекла“, въ концѣ котораго дѣйствительно, какъ показала Иглуликъ, находится сѣверовосточная оконечность Америки. Отсюда легко можно было бы пройти вдоль сѣверовосточнаго берега американскаго материка, но проливъ былъ загражденъ льдами. Поэтому англичане пошли пѣшкомъ вдоль берега до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, берегъ, согласно указанію Иглуликъ, поворотилъ на югъ, образуя восточную окраину такъ называемаго залива Вootуа. Отсюда Парри отправилъ Геклу обратно имѣя намѣреніе на одной „Фури“ пробиться къ сѣверу, но цынга такъ сильно стала развиваться между матросами, что онъ долженъ былъ отказаться

первомъ плаваніи 1818 года: Георгъ Фишеръ, священникъ и астрономъ на Доротей, Чарльсъ Пальмеръ, боцманъ съ Доротей же, теперь уже лейтенантъ. Джонъ Жермень, казначей (1818), Г. Крафурдъ, боцманъ (1818 и 1819), А. Рейдъ, лейтенантъ (1818, 1819), Георгъ Фейфъ, (шкиперъ 1818, 1819 г.). В. Г. Гоперъ, казначей (1819), Д-ръ Джонъ Эдвардсъ и Александръ Фишеръ, врачи (1819), Джонъ Россъ мичманъ (1818, 1819 г.), Дж. Ніасъ, лейтенантъ (1819), Дж. Буснанъ, мичманъ (1819), Дж. Аллисонъ, шкиперъ (1819), Г. П. Гоннеръ, лейтенантъ (1819), В. Н. Гриффитъ мичманъ (1819), А. Эльдесъ, шкиперъ (1819).

отъ своего намѣренія и возвратиться, не вошедши въ замкнутыя льдомъ врата, ведущія во вновь открытый проходъ; 23 августа онъ пустился въ обратный путь, спускаясь вмѣстѣ со льдами по каналу Фокса. 10 октября онъ бросилъ якорь въ портѣ Лервикѣ на Шотландскихъ островахъ. Хотя и это плаваніе, въ смыслѣ самоотверженія и твердости въ выполненіи предначертанныхъ плановъ, заслуживаетъ полнаго признанія, но практическіе результаты его были совершенно отрицательны, такъ какъ и проливъ Фури-Гекла оказался непроходимымъ.

Въ томъ же 1822 году вернулся и Франклинъ изъ своего сухопутнаго путешествія, предпринятаго въ Америку въ 1819 году. Это путешествіе полно геройскаго самоотверженія, и одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, которыя когда либо были совершены; къ сожалѣнію только, Франклинъ, какъ морской офицеръ, былъ слишкомъ мало опытенъ въ дѣлѣ сухопутныхъ и прибрежныхъ лодочныхъ путешествій по арктическимъ странамъ. Въ сопровожденіи ботаника д-ра Джона Ричардсона хирурга британскаго флота, двухъ мичмановъ, Георга Бака и Роберта Гуда, и еще опытнаго моряка Джона Гепбурна, Франклинъ отправился изъ Англіи въ Америку 23 мая 1819 года на корабль „Принцъ Уэльскій“ (Prince of Wales). Противный вѣтеръ и бурное море помѣшали быстрому переходу, такъ что только 7 августа пришли во входу въ Гудсоновъ проливъ, у острова Resolution, а 30 числа къ Іоркской факторіи вблизи рѣки Нельсонъ. Отъ этого главнаго склада Гудсоновской компаніи наши путешественники пошли то по лѣсамъ, то по лугамъ, но все по необитаемымъ глухимъ мѣстамъ къ форту Кумберландгоузъ у озера Виннипега, куда они прибыли только 23 октября, такъ какъ они шли очень медленно, потому что на разстояніи 1130 км. приходилось пройти по 10 рѣкамъ и 9 озерамъ, а для того, чтобы добраться отъ одной рѣки до другой, часто приходилось лодки и всѣ вещи таскать на себѣ. Къ тому же на рѣкахъ пороги и водопады мѣшали нерѣдко безостановочному шествію. Въ Кумберландгоузѣ, подъ 54° сѣв. шир., Франклинъ оставилъ Ричардсона и Гуда для изслѣдованія быта индѣйцевъ Кри, называемыхъ также Книстино, обитающихъ въ окрестностяхъ этого форта. Самъ же, въ сопровожденіи Бака и Гепбурна, отправился 18 января 1820 г. среди жестокой зимы, при —37°5' до —45° Ц., въ отдаленный фортъ Шипевай у озера Атапаска, куда онъ достигъ съ величайшими затрудненіями только 2 марта, сдѣлавъ 1390 км. Здѣсь онъ надѣялся взять запасы для дальнѣйшаго слѣдованія, но обманулся въ своемъ расчетѣ и былъ вынужденъ, послѣ того какъ Ричардсонъ и Гудъ 13 іюля опять присоединились къ экспедиціи, кое-какъ продолжать свое путе-

шествіе до форта Провидѣнія у большаго Невольничьяго озера уже въ области мѣдныхъ индѣйцевъ. Здѣсь Франклинъ убѣдилъ индѣйскаго родоначальника „Акаитхо“, что значить „Большеногій“, быть его проводникомъ во время дальнѣйшаго путешествія по рѣкѣ Мѣдной и по берегамъ полярнаго моря. 2 августа они выступили опять въ походъ, 20 числа дошли до озера „Зимняго“, откуда еще добрались, было, до озера Пойнтъ, но къ 10 сентября вернулись опять къ Зимнему озеру, переваливъ 1 сентября черезъ горный кряжъ, составляющій водораздѣлъ между рѣками Макензи и Мѣдною. Такъ какъ уже показывались явные признаки зимы, то рѣшено было здѣсь перезимовать съ тѣмъ, чтобы слѣдующею весною отправиться къ берегамъ Ледовитаго океана. Построили нѣсколько бревенчатыхъ домиковъ, въ которыхъ провели зиму, занимаясь охотою, доставлявшею имъ обильный запасъ продовольствія. Это мѣсто они назвали фортомъ Предпріятія. Къ экспедиціи Франклина присоединился еще въ фортѣ Провидѣнія одинъ изъ служащихъ въ сѣверо-западномъ торговомъ обществѣ, Фредерикъ Венцель, и нѣсколько такъ называемыхъ „вожеровъ“.

Сэръ Джонъ Ричардсонъ.

Въ іюнѣ 1821 года они потянулись, въ нѣсколькихъ отрядахъ, къ берегамъ Ледовитаго океана, на что употребили 4 недѣли. Здѣсь, въ области эскимосовъ, явилось новое затрудненіе. Акаитхо и его спутники стали опасаться столеновѣй съ эскимосами, которые были крайне поражены появленіемъ у нихъ индѣйцевъ. Всѣ усилія Франклина установить между ними дружественныя отношенія были тщетны, обоюдная ненависть была непримирима. Эскимосы удалились въ свою глушь, а индѣйцы, опасаясь нападеній, возвратились къ себѣ, обѣщавъ ждать возвращенія Франклина у форта Предпріятія. Наконецъ, только 21 іюля Франклинъ началъ свое знаменитое плаваніе въ лодкахъ по побережью Ледовитаго океана. Въ надеждѣ найти проходъ черезъ заливъ Репулсъ въ Гудсоновъ, онъ предпринялъ исследование всего побережья отъ устья рѣки Мѣдной до мыса Поворотнаго, подъ 92° зап. долг. отъ Грин. Въ томъ же жалкомъ и ломкомъ берестяномъ челнокѣ, въ которомъ спустились по рѣкѣ Мѣдной, пришлось бороться съ волнами Ледовитаго океана, гдѣ

плавучіе льды со своими острыми краями грозили ежеминутною гибелью. 42 дня продолжалось это опасное и полное разнообразнѣйшихъ приключеній плаваніе. Сначала Франклинъ поплылъ на востокъ черезъ проливъ „Коронованія“ (Coronation-Golf) мимо скалистого берега мыса Баррова. 27 іюля ледъ принудилъ Франклина войти въ „хорошо защищенную гавань“ Detention Harbour'a. 30 числа онъ пришелъ ко входу въ заливъ Батурстъ, отъ котораго многого себѣ ожидалъ. Но тщетно потерявъ драгоценное время въ бесполезныхъ розыскахъ, наши путешественники вошли, наконецъ, подъ $66^{\circ}30'$ сѣв. шир. $107^{\circ}53'$ западн. долг., въ устье рѣки, впадающей въ южный уголь залива Батурстъ. Эту рѣку Франклинъ сначала назвалъ въ честь своего друга и спутника Бака, но впослѣдствіи онъ ее переименовалъ въ память погибшаго во время этого путешествія Гуда. Заливъ Батурстъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько заливовъ, бухтъ и гаваней; изъ нихъ заливъ Мельвилъ который не долженъ быть смѣшанъ съ гораздо большимъ заливомъ того же названія, находящимся значительно сѣвернѣе, былъ также посѣщаемъ Франклиномъ.

16-го августа смѣльчаки достигли мыса Флиндера, откуда берегъ поворачиваетъ на сѣверо-востокъ. Погода была очень неблагоприятная, дождливая и бурная, и все указывало на скорый конецъ лѣта, къ тому же лодка Франклина была въ крайне разстроенномъ видѣ. Недоставало и жизненныхъ припасовъ, такъ какъ надежда встрѣтить эскимосовъ и купить у нихъ необходимое продовольствіе не осуществилась. Спутники Франклина заявили, что они дальше не пойдутъ, и онъ вынужденъ былъ рѣшиться 22-го августа на обратный путь отъ мыса Поворотнаго (Turnagain), хотя погода была еще влажная и льды подвижные. Пространство, пройденное отъ устья рѣки Мѣдной, въ прямомъ направленіи, составляло всего 300 килом. или $6\frac{1}{2}^{\circ}$ долготы, но считая пройденные изгибы и извилины, заливы и бухты они сдѣлали не менѣе 900 килом., что равняется прямому разстоянію до залива Репульса, окончательной цѣли предпринятаго Франклиномъ путешествія. Продовольственныхъ припасовъ хватало всего только еще на два дня, поэтому нельзя было возвратиться тѣмъ же путемъ, которымъ шли, и рѣшились вернуться сухопутно. 25-го августа Франклинъ и его товарищи бросили у рѣки Гудъ, въ заливъ Батурстъ, свои лодки и отправились пѣшкомъ въ прямомъ направленіи къ форту Предпріятія, рассчитывая продовольствовать себя охотою и съѣдобными лишаими. Франклинъ посылалъ нарочныхъ въ различныя факторіи внутри страны съ требованіемъ доставить на встрѣчу продовольствіе. Кромѣ того, неустрашимый Бакъ отправился для личнаго наблюденія и ускоренія принятыхъ къ ихъ спасенію мѣръ.

насквозь, слѣдовательно о самоубійствѣ не могло быть и рѣчи. Подозрѣніе пало на Михаила. Хотя онъ настойчиво отвергалъ всякое обвиненіе, тѣмъ не менѣе нѣкоторые его выраженія въ теченіи послѣдующихъ дней дали поводъ опасаться, что Ричардсона и Гепбурна ожидаетъ та же участь. Ричардсонъ рѣшился предупредить прокеза; при первомъ удобномъ случаѣ онъ положилъ его на мѣстѣ выстрѣломъ изъ пистолета. Чувство самосохраненія оправдываетъ убійство человѣка, который сначала можетъ быть съ голода, въ отчаяніи, посягалъ на жизнь своихъ спутниковъ, а потомъ сталъ уже съ удовольствіемъ заниматься людоедствомъ. Наконецъ, удалось опять этимъ несчастнымъ присоединиться къ Франклину, который послѣ шестинедѣльной борьбы съ невыразимыми затрудненіями и лишеніями добрался до форта Предпріятія, но только съ 5-ю человѣками изъ 23-хъ, съ которыми онъ выступилъ въ обратный путь съ береговъ Ледовитаго океана. Въ фортѣ Предпріятія ожидало бѣдныхъ мучениковъ новое разочарованіе: фортъ былъ пустъ, — Акаитхо съ его индѣйцами тамъ уже не было. Въ избѣ нашли только увѣдомленіе Бака о томъ, что онъ за два дня передъ этимъ былъ, здѣсь но, не найдя никого, опять ушелъ, чтобы отыскать индѣйцевъ и добраться до форта Провидѣнія. Послѣ страшныхъ страданій, когда всѣ уже думали, что они неминуемо погибнутъ, 7-го ноября подошли нѣсколько индѣйцевъ отъ Акаитхо, которыхъ, къ счастью, Бакъ настигъ, съ продовольственными запасами. 16-го ноября Франклинъ съ оставшимися у него еще спутниками могъ опять выступить изъ форта Предпріятія. 11-го декабря они пришли въ фортъ Провидѣнія, гдѣ перезимовали и вполне поправились. 22-го мая 1822 года оставшіеся въ живыхъ члены экспедиціи отравились черезъ Шиппевай и Новайгаузъ (Noonahouse) въ фортъ Іоркъ, куда они прибыли въ іюлѣ и оттуда уже возвратились благополучно на родину. Этою достопамятною экспедиціею Франклинъ стяжалъ себѣ громкую славу. Еще во время его отсутствія онъ былъ произведенъ въ командоры, а теперь, по возвращеніи, въ капитаны, высшій чинъ, который можетъ быть пожалованъ въ англійской морской службѣ¹⁾). Въ 1823 году онъ былъ избранъ членомъ академіи наукъ; въ то же время онъ издалъ отчетъ²⁾ о своемъ путешествіи и женился на писательницѣ Элеонорѣ-Аннѣ Пордонъ.

Результаты плаванія, совершеннаго Франклиномъ въ лодкѣ по прибрежью Ледовитаго океана хотя и ничтожны по сравненію

¹⁾ Чинъ адмирала присвоивается по старшинству.

²⁾ Джонъ Франклинъ «Narrative of a journey to the Shores of the Polar Sea in the years 1819—1822, with an appendix of various subjects relating to science and natural history». London 1823. 2 vol.

съ перенесенными трудностями и лишеніями, тѣмъ не менѣе они представляются въ сущности самыми положительными изъ всѣхъ до тѣхъ поръ достигнутыхъ, такъ какъ плаванія Парри имѣютъ цѣну лишь отрицательную. Теперь, по возвращеніи обоихъ, экспедицій, Парри предложилъ адмиралтейству одновременно отправить три экспедиціи, которыя, обоюдно пополняя одна другую, должны были довершить изслѣдованіе всего Сѣверо-Американскаго прибрежья въ Ледовитомъ океанѣ. Адмиралтейство, одобливъ это предложеніе послало Парри опять на корабляхъ „Геклѣ“ и „Фури“ въ проливъ Барровъ, а капитана Фредерика Бичи въ Беринговъ проливъ; оба они должны были плыть другъ другу на встрѣчу и, по возможности, оказывать взаимную помощь. Франклину же было назначено пробраться сухимъ путемъ до рѣки Макензи, спуститься по ней до Ледовитаго океана, изслѣдовать неизвѣданное еще прибрежное пространство и, наконецъ, соединиться съ той или другою изъ морскихъ экспедицій.

Это предпріятіе потребовало, само собою разумѣется, продолжительныхъ приготовленій. Парри успѣлъ выйти въ море еще въ 1824 г.; Бичи и Франклинъ вышли изъ Англіи только въ слѣдующемъ году. Одновременно съ Парри адмиралтейство послало капитана Ліона на „Гриперъ“, доставившемъ въ предшествовавшемъ году Клаверинга и Сабине, къ восточному берегу Гренландіи, для болѣе подробнаго изслѣдованія полуострова Мельвила, прилегающихъ къ нему проливовъ и сосѣдственныхъ береговъ, если возможно до мыса Поворотнаго (Turnagain), открытаго Франклиномъ. Ліонъ вышелъ изъ Англіи 20-го іюня 1824 года, мѣсяцъ спустя послѣ Парри, но пришелъ на своемъ неповоротливомъ суднѣ только въ концѣ августа къ южной оконечности острова Соутгемптона и къ проливу Велькомъ (Welcome). У входа въ этотъ проливъ страшная буря, продолжавшаяся почти цѣлыя сутки, угрожала ежечасно гибелью „Гриперу“, но онъ успѣлъ отстояться въ небольшой бухтѣ, которую благочестивый капитанъ назвалъ бухтою Божьяго Милосердія. Послѣ этого Ліонъ поднялся по проливу Велькомъ, но двѣ недѣли спустя, 12-го сентября, „Гриперъ“ вынесъ у залива Вагеръ жестокій ураганъ, который сдѣлалъ его неспособнымъ къ дальнѣйшему плаванію ¹⁾.

Не больше посчастливилось и Парри. 19-го мая 1824 г. вышелъ онъ на своихъ судахъ въ море, намѣреваясь прежде всего заняться изслѣдованіемъ виденнаго имъ, во время перваго его плаванія, залива Принца Регента, въ томъ предположеніи, что здѣсь,

¹⁾ P. L. Simmond «The arctic regions and polar discoveries duringh et nineteenth century. London and Newjork 1875. 8° p. 86—87.

можетъ быть, найдется проходъ къ югу или къ юго-западу. Но все время стояла до того неблагоприятная погода и льды въ такой степени явились препятствующимъ элементомъ, что онъ только 10-го сентября дошелъ до упомянутаго залива. Льды въ эту пору года не замедлили въ такой мѣрѣ стѣснить его суда, что онъ былъ вынужденъ поставить ихъ, 27-го августа, подъ $73^{\circ} 12', 11''$ сѣв. шир. и $89^{\circ} 2'$ зап. долг., на зимовку въ маленькой бухтѣ „Портъ Бовентъ“, открытой имъ у входа въ заливъ Принца Регента еще 13-го августа 1819 года. Во время десяти тысячной стоянки 18²⁴/₂₅ г. Парри изслѣдовалъ сухимъ путемъ западный берегъ земли Кокбуерна къ югу до 72° сѣв. шир., къ сѣверу до пролива Ланкастера. Еще неудачнѣе былъ слѣдующій годъ. Лѣтомъ 1825 г. Парри принялся было за изслѣдованіе западной стороны залива Принца Регента, но не могъ проникнуть южнѣе $72^{\circ} 48'$ сѣв. шир. Хотя немного позже онъ и изслѣдовалъ такъ называемую бухту „Кресвелъ“, но при столь неблагоприятныхъ условіяхъ погоды, что вынужденъ былъ бросить тамъ за негодностью болѣе къ плаванію корабль „Фури“, состоявшій подъ командою Г. П. Гоппнера. Со свойственною ему осторожностью, Парри приказалъ выгрузить на берегъ всѣ продовольственные запасы и взятую съ собою запасную одежду, сложивъ все въ нарочно для этого построенное помѣщеніе. Этотъ складъ принесъ неоцѣненную пользу позднѣйшимъ экспедиціямъ; даже 33 года спустя запасами этого склада воспользовалась экспедиція, посланная подъ начальствомъ М. Клинтока для отысканія Франклина. Не достигнувъ желанной цѣли, Парри вернулся въ Англію, куда и прибылъ 12-го октября. Этимъ закончились плаванія Парри въ сѣверо-западномъ направленіи, послѣ того какъ онъ провелъ четыре страшныя зимы на крайнемъ сѣверѣ.

Франклинъ съ неизмѣнно вѣрными ему д-ромъ Рачардсономъ и лейтенантомъ Бакомъ и съ новыми членами экспедиціи, естествоиспытателемъ Т. Друммонтомъ и кадетомъ адмиралтейства Э. Н. Кендалемъ, сѣли на корабль 16-го февраля 1825 г. въ Ливерпулѣ и прибыли уже въ серединѣ марта въ Нью-Йоркъ. Отсюда дальнѣйшее путешествіе шло очень быстро: черезъ водопадъ Ніагару и озеро Виннипегъ пришли они 14-го іюня въ Кумберландгаузъ, а въ іюль въ фортъ Шиппевай на озерѣ Атапаска. На этотъ разъ были приняты всѣ мѣры осторожности; уже за годъ было сдѣлано распоряженіе о заготовленіи въ опредѣленныхъ мѣстахъ провіанта и другихъ припасовъ, и хотя дѣло не обошлось безъ величайшихъ трудовъ и лишеній, по крайней мѣрѣ никогда не страдали отъ голода. Знакомымъ уже путемъ дошли до озера Большаго Невольничьяго, до рѣки Макензи, вытекающей изъ сѣ-

веро-западной оконечности этого озера и по ней до того мѣста, гдѣ она принимаетъ истокъ изъ озера Большаго Медвѣжьяго. Здѣсь подѣ 65°11'56" сѣв. шир. и 123°12'44" зап. долг. на западномъ берегу рѣки Медвѣжьей наши путешественники устроили себѣ помѣщеніе, названное „фортъ Франклинъ“, гдѣ и перезимовали. Бакъ и одинъ изъ служащихъ въ Гудсоновской компаніи Петръ Варренъ Дэзи приняли на себя всѣ хозяйственные распоряженія по содержанію всѣхъ участвующихъ въ экспедиціи, число которыхъ простиралось до 50 чел. англичанъ и шотландцевъ, шиппевайцевъ, канадцевъ, индѣйцевъ и эскимосовъ. Въ іюнѣ 1826 года, по наступленіи благоприятнаго для дѣйствія времени, Франклинъ съ товарищами поплылъ въ четырехъ лодкахъ внизъ по Макензи. По прибытіи 3-го іюля къ верховью этой рѣки подѣ 67°38 с. ш. экспедиція раздѣлилась на два отряда: Ричардсонъ со спутниками поворотилъ на востокъ, чтобы снять на карту еще неизвѣстныя пристани до рѣки Мѣдной, Франклинъ же и Бакъ пошли на западъ, чтобы изслѣдовать берегъ материка до Ледянаго мыса (Ici care) т. е. до крайней точки, достигнутой Кукомъ въ 1778 г., далѣе, при возможности, проникнуть въ заливъ Коцебу и, наконецъ, черезъ Беринговъ проливъ соединиться съ Бичи, который долженъ былъ подойти съ юга. Что касается Ричардсона, то онъ вмѣстѣ съ Кендалемъ успѣлъ разрѣшить свою задачу въ теченіи пяти недѣль,—ничтожный сравнительно промежутокъ времени. Разстояніе отъ устья Макензи до р. Мѣдной составляетъ приблизительно 20 градусовъ долготы—830 кил.; онъ снялъ все это пространство на карту, за исключеніемъ озера Эскимосовъ. Когда Ричардсонъ дошелъ 4-го августа до 117°30' западн. долг., передъ нимъ неожиданно открылась къ сѣверу какая-то земля, такъ что онъ опасался, что ему не удастся достигнуть назначенной цѣли, полагая, что онъ, вѣроятно, вошелъ въ заливъ, глубоко вдающійся въ большой полуостровъ, далеко простирающійся къ сѣверу. Но уже на другой день обнаружилось, что онъ находился въ проливѣ Дельфинѣ или Соединенія, отдѣляющемъ южный берегъ вновь открытой земли Волластона отъ материка. Такимъ образомъ онъ могъ безпрепятственно продолжать свой путь до рѣки Мѣдной. Отъ мыса Батурста, самой сѣверной точки пройденнаго Ричардсономъ пути, до рѣки Мѣдной берегъ тянулся въ юго-восточномъ направленіи, отвѣсно подымаясь изъ воды и выставяя наружу смолисто-рухляковъ сланецъ, мѣстами горѣвшій и наполнявшій воздухъ густымъ, горячимъ, сѣрнистымъ дымомъ. 8-го августа отрядъ дошелъ до рѣки Мѣдной, не встрѣтивъ, разумѣется, нигдѣ Парри, который давно уже былъ въ Англіи. Поднявшись въ теченіи нѣсколькихъ часовъ вверхъ по рѣкѣ, они вытащили свои лодки на берегъ, оста-

види ихъ тамъ со всею излишнею кладью и потащились пѣшкомъ къ своей зимней квартирѣ, форту Франклину у Медвѣжьего озера, куда и прибыли, послѣ осьмидневнаго перехода, 1-го сентября, за три недѣли до Франклина. Этотъ герой сѣвера, пробираясь по совершенно пустыннымъ мѣстамъ, гдѣ подлѣ $68^{\circ}36'$ с. ш. уже прекратилась всякая древесная растительность, вышелъ 7-го іюля въ открытое море. За исключеніемъ непріятной стычки съ разбойническими эскимосами и затрудненій, съ которыми приходилось бороться изъ-за тумановъ, ледяныхъ откосовъ и отмелей, Франклинъ подвигался впередъ медленно, но безъ особенныхъ опасностей. До мыса Ледянаго, конечной цѣли своего плаванія, гдѣ онъ надѣялся встрѣтиться съ Бичи, Франклинъ не дошелъ, потому что, на основаніи данной ему инструкціи, онъ обязанъ былъ между 15-го и 20-мъ августомъ повернуть назадъ. Поэтому онъ дошелъ только до названнаго имъ Поворотнаго Камня (Return Reef) подлѣ $70^{\circ}26$ с. ш. и $148^{\circ}52$ зап. долг. отъ Гринича изслѣдовавъ и снявъ на карту часть сѣвернаго побережья Америки на протяженіи 12 градусовъ долг. Обратное плаваніе совершилось безпрепятственно. 21-го сентября онъ прибылъ въ фортъ Франклинъ. Здѣсь онъ провелъ часть зимы, между тѣмъ какъ Ричардсонъ еще осенью 1826 г. отправился въ Кумберландгаузъ для естественно-историческихъ изслѣдованій.

Франклинъ поѣхалъ туда же 20-го февраля 1827 г., а Бакъ оставался въ фортѣ Франклинѣ до вскрытія рѣкъ. Изъ Кумберландгауза Франклинъ и Ричардсонъ отправились чрезъ Монреаль и Нью-Йоркъ въ Англію, куда прибыли 26-го сентября 1827 и были встрѣчены съ почестями. Бакъ вернулсѣ въ Портсмутъ двѣ недѣли спустя.

Что-же дѣлалъ Бичи въ теченіи всего этого времени? На шлюпѣ „Блоссомъ“ вышелъ онъ 19-го мая 1825 года изъ Англіи и пришелъ съ лишнимъ черезъ годъ, 28-го іюня 1826 г. въ Петропавловскій портъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ прибывшимъ въ то же время туда барономъ Врангелемъ, отъ котораго узналъ, что Парри со своею экспедиціею уже вернулся въ Англію. 5-го іюля Блоссомъ прошелъ черезъ Беринговъ проливъ, а 25-го подошелъ къ острову Шамиссо въ заливѣ Коцебу, гдѣ, по условію, онъ долженъ былъ встрѣтиться съ Франклиномъ. Но, какъ мы уже знаемъ, Франклинъ не пришелъ, такъ что Бичи долженъ былъ пуститься въ обратный путь. Выжидая у острова Шамиссо Франклина, Бичи воспользовался временемъ, чтобы снять на карту берегъ до тажъ названнаго имъ мыса Франклина, нѣсколько сѣвернѣе Ледянаго мыса. При этомъ эскимосы оказали ему важныя услуги, описывая заранѣе съ величайшею подробностью очертанія

всего побережья. Въ тотъ самый день, какъ Франклинъ поворотилъ обратно, Бичи отправилъ было ему на встрѣчу вдоль берега лодку подъ командой Эльсона, который дошелъ 22-го августа до мыса Баррова ¹⁾, самой сѣверной оконечности сѣверо-западной части американскаго материка. У этой песчаной отмели, далеко вдающейся въ море, накопилось столько наноснаго льду, что Эльсонъ вынужденъ былъ вернуться къ Блоссому. Только 6-го октября Бичи покинулъ островъ Шамиссо и вернулся черезъ годъ въ Англію. Такимъ образомъ, между мысомъ Барровымъ Эльсона и Поворотнымъ Камнемъ Франклина осталось пространство въ 260 км. вовсе не изслѣдованнымъ, что было сдѣлано только десять лѣтъ спустя.

Между тѣмъ была снаряжена новая полярная экспедиція, которая уже успѣла выйти въ море. Возвратившись изъ послѣдняго своего безуспѣшнаго плаванія, Парри узналъ о предположеніи Скоресби (уже раньше высказанномъ полковникомъ Бофуа) пробраться къ полюсу на саняхъ. Первый лордъ адмиралтейства, лордъ Мельвиль, сочувствуя осуществленію этой идеи, распорядился, чтобы знакомая намъ „Гекла“ опять была представлена въ распоряженіе Парри. Офицерами на ней были Джемсъ, Кларкъ Россъ, Генри Форстеръ, Э. И. Бирдъ и Ф. Р. М. Крозье. Въ апрѣлѣ 1827 г. вышли они въ море. На этотъ разъ было выбрано новое направленіе: пошли не къ Сѣверной Америкѣ, не въ область предполагаемаго сѣверо-западнаго прохода, а къ Шпицбергену, который какъ будто былъ забытъ учеными. У сѣверо-западной оконечности этой группы въ „Гекла—Клове“ (Мертвый узелъ), подъ 79° 55' сѣв. шир. 16° 53' вост. долг. Парри оставилъ 21-го іюня 1827 г. свое судно и отправился, въ сопровожденіи Росса младшаго и лейтенанта Бирда, къ сѣверу запасшись провизіею на 71 день, на двухъ лодкахъ „Энтерпрейзъ“ и „Эндиверъ“, которыя могли быть превращены въ сани. Не длиненъ разсказъ объ этой экскурсіи. Подвигались они впередъ очень медленно, сдѣлавши въ нѣсколько дней всего только 13 км. Тѣмъ не менѣе, пробираясь съ неимоверными усиліями черезъ груды льдовъ, дошли они до необозримой ледяной площади подъ никогда прежде недостигнутой сѣверной широтою 81° 12' 51". Черезъ эту площадь они надѣялись на своихъ лодкахъ-санияхъ достигнуть сѣвернаго полюса. „Вмѣсто сплошной неподвижной массы льда, которою, по понятіямъ Скоресби и Парри, долженъ быть окруженъ сѣверный полюсъ, нашли

¹⁾ Не слѣдуетъ смѣшивать этотъ мысъ съ мысомъ того же названіе въ проливѣ «Коронаціи», о которомъ была рѣчь выше. Во избѣжаніе недоразумѣній мы будемъ впередъ называть мысъ въ проливѣ Коронаціи «восточнымъ Барровымъ», а другой, Эльсона «западнымъ Барровымъ».

тамъ только громадныя льдины, пересѣченныя обширными поляныями. Со страшнымъ трудомъ, но безъ опасности, превращая свои лодки то въ сани, то опять въ лодки, наши открыватели проникли 17-го іюля до $82^{\circ} 32' 15''$ сѣв. шир. 19-го іюля поднялся сѣверный вѣтеръ, отгонявшій незамѣтнымъ образомъ всю ледяную массу къ югу, на то же разстояніе, на которое труженики подавались къ сѣверу на веслахъ и на саняхъ; вѣтеръ отодвигалъ ихъ опять назадъ со всею массою льда. По сдѣланнымъ наблюденіямъ, они находились 22-го іюля подъ $82^{\circ} 43' 32''$, а 23-го числа Парри показалъ, что онъ дошелъ до $82^{\circ} 45'$, между тѣмъ оказалось, что 26-го іюля были всего подъ $82^{\circ} 40' 23''$, такъ что, хотя постоянно подвигались къ сѣверу, тѣмъ не менѣе очутились на $3' 9''$ южнѣе. Ледяныя площади не только не увеличивались и не становились крѣпче, наоборотъ, уменьшались и числомъ и объемомъ. 24-го іюля переночевали на единственной бывшей въ виду льдинѣ. Изъ всего было ясно, что экспедиція этого года была предпринята слишкомъ поздно для переѣздовъ на саняхъ и слишкомъ рано для водянаго сообщенія, по этому Парри пошелъ 27-го іюля обратно къ Шпицбергену, куда и прибылъ благополучно 19-го августа, послѣ 48 дневнаго отсутствія ¹⁾). Осенью того-же 1827 года „Гекла“ вернулась въ Англію. Это послѣднее путешествіе Парри вдвойне замѣчательно во-первыхъ, тѣмъ, что этотъ неутомимо дѣятельный морякъ дошелъ до $82^{\circ} 45'$ сѣв. шир., т. е. до такой широты, какой до тѣхъ поръ никто не достигалъ, по крайней мѣрѣ не могъ этого фактически доказать; во-вторыхъ, это былъ первый опытъ употребленія саней для полярныхъ экспедицій. Этотъ примѣръ въ послѣдствіи неоднократно находилъ подражателей и до настоящаго времени полагаютъ, что этотъ способъ передвиженія едва-ли не единственный, посредствомъ котораго можно было добраться до полюса, такъ какъ нельзя отвергнуть того, что если бы ледяная площадь, на которой находился Парри, не была отодвинута сѣвернымъ вѣтромъ къ югу, то онъ дошелъ-бы по ней до полюса.

Хотя эта глава посвящена исключительно арктическимъ изслѣдованіямъ англичанъ, тѣмъ не менѣе едва-ли найдется болѣе удобное мѣсто, чтобы упомянуть о непродолжительномъ лѣтнемъ плаваніи, предпринятомъ въ томъ же 1827 году бургомистромъ германскаго города Буртшейда, Барто Левенихомъ къ Медвѣжьему острову и Шпицбергену въ небольшомъ шлюпѣ, нанятомъ имъ для этой цѣли въ Гаммерфестѣ ²⁾). 16-го августа онъ вышелъ изъ Гаммерфеста и 25-го сентября уже былъ обратно, слѣдовательно его

¹⁾ Пешель: *Gesch. d. Erdk.* стр. 534—535.

²⁾ Barto von Löwenigh. *Reise nach Spitzbergen.* Ахенъ и Лейпцигъ 1830 г. 8°.

плаваніе продолжалось не полныхъ шесть недѣль. Не смотря на это, оно занимаетъ почетное мѣсто въ ряду сѣверныхъ экспедицій и результаты его принадлежать къ числу самыхъ интересныхъ и поучительныхъ, которыя только существуютъ относительно полярной области, такъ какъ ему сопутствовалъ знаменитый норвежскій естествоиспытатель Бальтазаръ Матиасъ Кейльгау (родился въ Биридѣ 2-го ноября 1797 г., умеръ 1-го января 1858 г. въ Христіаніи), которому мы обязаны прекраснымъ геологическимъ описаніемъ Медвѣжьяго острова, заслуживающаго особаго вниманія въ физическомъ и географическомъ отношеніяхъ¹⁾.

Дозволивъ себѣ это уклоненіе мы должны вернуться къ вопросу о сѣверо-западномъ проходѣ. Въ 1829 году сэръ Джонъ Россъ предпринялъ большую морскую экспедицію, средства которой далъ богатый винокуренный заводчикъ Феликсъ Боотъ (Booth), возведенный вполсѣдствіи за его пожертвованія въ дворянское достоинство. Послѣ того, какъ Россъ тщетно старался склонить англійское правительство къ новому изслѣдованію полярныхъ странъ, этотъ щедрый покровитель науки пожертвовалъ для этой цѣли 340,000 марокъ. Россъ имѣлъ при этомъ главнымъ образомъ въ виду возстановить свою прежнюю славу изслѣдователя и плователя по полярному морю, славу, которая съ 1818 года нѣсколько померкла, вслѣдствіе упорно направленныхъ противъ него нападокъ. Ему опять сопутствовалъ его племянникъ Джемсъ Россъ, который вполсѣдствіи стяжалъ себѣ громкую извѣстность на этомъ поприщѣ. На колесномъ пароходѣ „Викторія“, въ 150 тоннъ, экспедиція вышла изъ Лондона въ составѣ 23 человекъ, въ томъ числѣ офицеры и команда. Вскорѣ оказалось, что паровая машина никуда не годна, къ тому-же она оторвала руку одному изъ кочегаровъ, котораго высадили въ Шотландіи и замѣнили другимъ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ поправить ее, чтобы пользоваться ею съ ожидаемымъ успѣхомъ, пришлось отъ нея отказаться и ее выгрузили на берегъ, у мыса Фури, гдѣ Парри потерялъ одно изъ своихъ судовъ. Черезъ проливъ Ланкастеръ, Россъ вошелъ 10-го августа 1829 г. въ заливъ Принца Регента. Такъ какъ вдоль западнаго берега этого залива никакого выхода не оказалось, то Россъ взялъ курсъ на югъ, причемъ открылъ большой полуостровъ Нордъ-Семерсета, принадлежащій къ материку. Этотъ полуостровъ былъ названъ „Боотія Феликсъ“ (Boothia Felix), а омывающая его

¹⁾ В. М. Keilhau: Reise i öst og Vest Finnmarken. samt til Beeren Eiland og Spitsbergen i Aarene. 1827 og 1828. Christiania 1831 8° это сочиненіе весьма мало извѣстно. Оно послужило основаніемъ къ статьѣ Леопольда Буха: Die Bären Insel nach B. M. Keilhau geognostisch beschrieben. Berlin 1847.

часть моря заливомъ „Боотія“. Въ „Феликсовомъ убѣжищѣ“ на восточномъ берегу этой вновь открытой земли, подь $69^{\circ} 59'$ сѣв. шир. и $92^{\circ} 1'$ зап. долг. отъ Гринича, экспедиція расположилась на зимовку. Еще раньше, выгрузивъ машину, Россъ въ замѣнъ ея принялъ часть продовольственныхъ припасовъ, оставленныхъ Парри на мысѣ Фури. Такимъ образомъ онъ былъ снабженъ къ началу зимы полнымъ запасомъ на два года и 10 мѣсяцевъ. Для устройства корабля на зимовку руководствовались вообще указаніями Парри и приобретеннымъ опытомъ; были однако примѣнены различныя улучшенія; напримѣръ, всю палубу покрыли снѣгомъ, для осушенія внутреннихъ помѣщеній устроили подъ палубою конденсаторы, холодильники, приборы для охлажденія паровъ. Въ потолкахъ каютъ прорѣзывались небольшія отверстія въ нѣсколько дюймовъ въ діаметрѣ и ихъ накрывали большими чугунными котлами дномъ вверхъ. Эти котлы также накрывались снѣгомъ. Пары сырости каютъ,

Капитанъ сэръ Джемсъ Кларкъ Россъ.

поднимаясь вверхъ, черезъ отверстія входили въ эти котлы и тамъ охлаждались. Такимъ образомъ распространеніе сырости по каютамъ было устранено. Накопившійся каждую недѣлю подъ котлами ледъ аккуратно вычищался, что составляло каждый разъ приблизительно 250—300 килогр. Для развлеченія команды была устроена школа и вообще препровожденіе времени распредѣлялось такъ же, какъ у Парри. Зимовка продолжалась 11 мѣсяцевъ. Только 17-го сентября 1830 г. могли опять поднять паруса, но вскорѣ, сдѣлавъ только нѣсколько километровъ, суда были опять затерты льдами, такъ что пришлось расположиться на вторую зимовку почти на

томъ-же мѣстѣ. Дѣлая въ теченіи лѣтъ 1830 и 1831 годовъ болѣе или менѣе отдаленные переходы на саняхъ, Россъ младшій изслѣдовалъ въ подробности полуостровъ Боотію Феликсъ (Boothia Felix) и положительно установилъ тотъ фактъ, что полуостровъ этотъ связанъ съ континентомъ Америки неширокимъ перешейкомъ. Уже въ маѣ 1830 года открылъ онъ съ мыса Феликса подь $69^{\circ} 46'$ сѣв. шир. и $98^{\circ} 33'$ зап. долг. другой, сосѣдній—какъ онъ полагалъ—полуостровъ, названный теперь „землею Короля Вильяма“ на са-

момъ дѣлѣ не полуостровъ, а островъ. Когда на мѣстѣ зимовки было усмотрѣно, что магнитная стрѣлка показываетъ 89° , то казалось не невозможнымъ дойти до сѣвернаго магнитнаго полюса или найти то мѣсто земли, гдѣ стрѣлка покажетъ 90° , т. е. будетъ стоять отвѣсно. По наблюденіямъ предшествовавшихъ изсѣдователей Сѣвера вычислили, что магнитный полюсъ долженъ находиться приблизительно подъ 70° сѣв. шир. и $98^{\circ} 30'$ зап. долг., слѣдовательно недалеко отъ мѣста нынѣшней зимовки Росса. Сообразуясь съ этимъ, Джемсъ Россъ предпринялъ 27-го мая 1831 г. поѣздку на саняхъ къ предполагаемому пункту. Уже на ближайшемъ привалѣ (подъ $69^{\circ} 35'$ сѣв. шир. и $94^{\circ} 54'$ зап. долг.) стрѣлка показывала $89^{\circ} 41'$ и западный уклонъ уменьшился до 57° . Это ясно указывало, какого направленія Россъ долженъ былъ держаться. Дѣйствительно, 1-го іюня на привалѣ у мыса Аделаиды, подъ $70^{\circ} 5' 17''$ сѣв. шир. и $96^{\circ} 46' 45''$ зап. долг.; стрѣлка показывала $89^{\circ} 59'$, недоставало одной минуты до отвѣса. На другой день Россъ не продолжалъ своихъ наблюденій, а занявъ, именемъ Англійскаго правительства, мѣсто предполагаемаго имъ тогда магнитнаго полюса и водрузивъ тамъ англійскій флагъ вернулся съ торжествомъ къ своему кораблю. Точка магнитнаго полюса на берегу моря представляла непривѣтливое низменное мѣсто безъ всякихъ признаковъ органической жизни. Встрѣчаясь постоянно съ эскимосами, обнаружившими замѣчательное знаніе мѣстности, и бесѣдуя съ ними, Россъ узналъ о какомъ то большомъ открытомъ плесѣ къ западу (Victoria strait), подобно тому, какъ Парри по ту сторону полуострова Мельвиля много разъ слышалъ о заливѣ Боотіи, который теперь былъ открытъ Россомъ. Даже о вполнѣдствіи открытомъ проливѣ „Беллотъ“, соединяющемъ заливъ Принца Регента съ проливомъ Франклина (Пиль), рассказывали ему мѣстные жители, но когда Россъ отыскивалъ его въ указанномъ мѣстѣ, то не замѣтилъ изъ-за множества острововъ, за которыми онъ скрывался, и считалъ его только бухтою (Brentford-Bai). Благодаря непрерывнымъ поѣздкамъ на саняхъ, было устранено всякое сомнѣніе относительно залива Боотіи, т. е. что онъ несомнѣнно представляетъ закрытый къ югу большой заливъ, изъ котораго прохода ни на какую сторону нѣтъ. Поэтому лѣтомъ 1831 года рѣчь шла только о возвращеніи на родину. Судно освободилось однако отъ льдовъ только 28-го августа, но на другой же день, подъ $70^{\circ} 18'$ сѣв. шир., оно опять было затерто льдами, такъ что пришлось расположиться на третью зимовку. Ясно было, что не удастся вернуться морскимъ путемъ. Въ концѣ мая 1832 г. Россъ сошелъ съ корабля „Викторія“ и отправился въ обратный путь на саняхъ, взявъ съ собою лодки. Дошли до склада Фури (Fury-Beach), а затѣмъ и до

залива Батти. При этомъ обратномъ шествіи предусмотрительность Парри, распорядившагося въ свое время сложить на берегу запасы съ корабля „Фури“, спасла отъ голодной смерти Росса и его неустрашимыхъ спутниковъ. У залива Батти нашихъ путешественниковъ застала грозная полярная зима; они были вынуждены для спасенія себя отъ гибели вернуться къ складу Фури. Здѣсь построили себѣ шалашъ изъ досокъ, обложили его льдинами и такимъ образомъ создали себѣ довольно сносное и теплое помѣщеніе въ которомъ провели четвертую зиму. Лѣтомъ 1833 г. имъ удалось добраться до пролива Баррова. Здѣсь, сѣвъ на свои лодки, они поплыли на востокъ. У входа въ проливъ Ланкастеръ они встрѣтили каравль „Изабеллу“, посланный имъ на помощь. Съ торжествомъ и почестями встрѣтила родина храбрецовъ, бывшихъ 4½ года въ отсутствіи и на возвращеніе которыхъ никто уже тамъ болѣе не надѣялся ¹⁾.

Въ то время (1833 г.) въ Англіи уже началось то по истинѣ челоѣколюбивое движеніе, благодаря которому впослѣдствіи было снаряжаемо столько большихъ экспедицій для отысканія и спасенія

Сэръ Георгъ Бэкъ.

Франклина. Не только „Изабелла“, подъ командою капитана Гумфрея, была послана, какъ мы уже упомянули, для отысканія экспедиціи Росса, но само англійское общество, озабочиваясь участіемъ Росса и его спутниковъ устроило подписку для сбора суммъ на посылку второй экспедиціи съ цѣлью отысканія несчастныхъ, если они еще живы, или по крайней мѣрѣ слѣдовъ ихъ. Начальство надъ этою экспедиціею было поручено опытному капитану Джорджу Баку, которому было поручено пройти сухимъ путемъ черезъ область прилегающую къ Гудсону заливу, къ побережью Ледовитаго океана до мыса Фури въ заливѣ Принца Регента на томъ основаніи, что передъ уходомъ члены экспедиціи Росса выражали

вѣтаго океана до мыса Фури въ заливѣ Принца Регента на томъ основаніи, что передъ уходомъ члены экспедиціи Росса выражали

¹⁾ John Ross: „Narrative of a second voyage in search of a North-West Passage and of a residence in the arctic regions during the years 1829—1833 including the reports of James Clark Ross and the discovery of the northern magnetic pole. London 1835. 4° 2 vol. Нѣмецкое изданіе появилось въ 1835 г. въ Лейпцигѣ.

намѣреніе непременно посѣтить мѣсто, гдѣ находились остатки корабля „Фури“, оставленнаго тамъ Парри. Въ сопровожденіи врача д-ра Ричарда Кинга, Бакъ, отправившись 17-го февраля 1833 г. изъ Ливерпуля, послѣ 35-дневнаго весьма бурнаго переѣзда, прибылъ въ Нью-Йоркъ и немедленно поѣхалъ дальше въ Монреаль. Только 28-е іюня можетъ считаться началомъ его путешествія, когда онъ, взявъ въ Пинъ-Портѣджѣ къ себѣ на службу одного изъ служащихъ Гудсоновой компаніи А. Р. Маклеодъ, отправился изъ Шиппева въ фортъ Рѣшенія (Resolution) у большаго Невольничьяго озера. Онъ прибылъ туда 8-го августа и, получивъ отъ индѣйцевъ всѣ необходимыя свѣдѣнія о рѣкахъ, вливающихся въ Ледовитый океанъ, началъ 19-го августа свое изслѣдованіе рѣчки „Ноар-Frost-River“ (сѣдой—ледяной). Эта дико-романтическая рѣка съ безчисленными водопадами вливается съ сѣвера въ южную часть Большаго Невольничьяго озера. Плаваніе вверхъ по этой рѣкѣ было сопряжено съ непреодолимыми почти затрудненіями и съ немалой опасностью. Наконецъ, послѣ того, какъ былъ пройденъ безконечный рядъ волоковъ, быстринь, водопадовъ, озеръ и рѣкъ можно было увидать съ вершины высокой горы громадное озеро съ заливами и островами, которое было названо по имени тогдашняго генераль-губернатора Канады—Айлмеръ. Вслѣдъ затѣмъ Бакъ открылъ у озера „Sand-Hill-Lake“ (озеро „Песчаныхъ Холмовъ“) истокъ какой то большой рѣки, которая не могла быть иной, какъ „Большой Рыбной“; съ тѣхъ поръ она также часто называется именемъ своего изслѣдователя. Къ сожалѣнію Бакъ могъ на своихъ некрѣпкихъ лодкахъ проникнуть внизъ по этой рѣкѣ только до озера „Мускусныхъ Быковъ“, откуда онъ былъ вынужденъ вернуться къ сѣверной оконечности озера Большаго Невольничьяго, къ такъ называемому форту „Упованія“ (Reliance Fort) подъ $62^{\circ} 46' 29''$ сѣв. шир. и $109^{\circ} 1' 39''$ зап. долг., гдѣ и провелъ страшную по лишеніямъ зиму. 17-го января 1834 года термометръ показывалъ— 57° ниже нуля. Только благородному образу дѣйствій индѣйскаго родоначальника Акантхо, служившаго когда-то проводникомъ сэру Джону Франклину и доставившему теперь своевременное необходимое продовольствіе бѣлокожимъ путешественникамъ, эти послѣдніе обязаны своимъ спасеніемъ. 25-го апрѣля пришло извѣстіе, что оба Росса нашлись и спасены. Дальнѣйшее путешествіе Бака уже представлялось безцѣльнымъ, тѣмъ не менѣе онъ рѣшился изслѣдовать болѣе подробно открытую имъ въ предыдущемъ году рѣку Большую Рыбную. 7-го іюня 1834 г. Бакъ со своими людьми оставилъ фортъ „Упованія“ и провелъ весь этотъ мѣсяцъ въ томъ, что переволакивалъ на каткахъ свои лодки и необходимую провизію до того мѣста рѣки Рыбной, от-

куда должно было начаться плаваніе внизъ. Это дѣло было нелегкое, такъ какъ отъ форта Упованія до рѣки Рыбной 320 килом. и къ тому же вся команда, проведенная всю зиму на крайне ограниченномъ содержаніи, была въ высшей степени обезсилена. Тѣмъ не менѣе все было исполнено; 7-го іюля Бакъ, Кингъ и еще 8 европейцевъ простились съ помогавшими имъ мѣстными обитателями и поплыли внизъ по рѣкѣ. Сначала постоянно встрѣчались водопады и глубокія быстрины,—какъ будто ее пересѣкала горная цѣпь, пролегающая съ востока на западъ, но затѣмъ она текла плавно къ сѣверу до $65^{\circ} 40'$ сѣв. шир. и $106^{\circ} 35'$ запад. долг., откуда при выходѣ изъ озера Бичи, она вдругъ повернула на востокъ, чѣмъ и уничтожила надежду, которую питали наши путешественники—выйти по ней къ морю около залива Батурстъ. Въмѣсто этого Бакъ не безъ основанія опасался, что онъ по этой рѣкѣ пожалуй выйдетъ къ Честерфильду, въ Гудсоновомъ заливѣ. Рѣка становилась все шире да шире, распалась на рядъ озеръ и, наконецъ, влилась въ громадное озеро, на срединѣ котораго кромѣ неба и воды ничего не было видно. Здѣсь экспедиція была настолько задержана льдами, что только при величайшихъ усиліяхъ могла пробраться еще 30—35 килом. далѣе. Когда они вышли опять на вольную воду, рѣка, вдругъ сгузвившись, потекла по безчисленнымъ порогамъ и водопадамъ въ восточномъ и даже юго-восточномъ направленіи до того мѣста, гдѣ она, наконецъ, подъ 66° сѣв. шир. и $98^{\circ} 10'$ зап. долг. отъ Гринича, недалеко отъ вершины залива Вагеръ въ Гудсоновомъ заливѣ, съ яростью prorывалась чрезъ гранитную гору, прямо поворачиваетъ на сѣверъ. Въ этомъ мѣстѣ рѣка сдѣлалась опять шире—отъ 1,000 до 2,000 шаговъ—но въ то же время пороги и водовороты становились чаще, а окружающая мѣстность—неровной и гористой. Первыхъ эскимосовъ Бакъ встрѣтилъ недалеко отъ моря, гдѣ они занимались рыболовствомъ у подошвы большаго водопада. Сначала они встрѣтили путешественниковъ непріязненно, но скорѣ стали обращаться съ ними пріятливо и услужливо. 29-го іюля экспедиція дошла до моря подъ $67^{\circ} 7'$ сѣв. шир. и $94^{\circ} 40'$ зап. долг. Казалось сначала, будто рѣка вливается въ неширокую бухту съ отмелями и песчаными косами, съ сѣвера закрытую высокимъ лѣсомъ, далеко выдающимся въ море. Этотъ мысъ въ послѣдствіи названъ „Point Victoria.“ Скорѣ однако заливъ расширился; западный берегъ его шелъ въ сѣверовосточномъ направленіи, а восточный въ направленіи востоко-сѣверо-восточномъ. Такъ какъ капитанъ Бакъ находился теперь восточнѣе каменнаго столба командира Росса, то онъ счелъ своею обязанностью взять путь на западъ съ цѣлью отыскать этотъ столбъ, если возможно. Но въ этомъ направленіи

скопилась такая масса наноснаго льда, высоко взгромоздившагося и при сильномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ двигавшагося съ угрожающею опасностью, что Баку не удалось, не смотря на всѣ усилія, пробраться далѣе $68^{\circ}45'$ сѣв. шир. и западнѣе $96^{\circ}22'$ зап. долг. отъ Грин. Съ этого мѣста явственно виднѣлся вдали въ сѣверо-западномъ направленіи ледяной горизонтъ и Баку казалось, что вдоль него пролегаетъ свободный отъ льдовъ проходъ, такъ какъ приливная волна шла съ той стороны и къ тому же у противоположнаго берега были найдены остова кита и прибойный лѣсъ изъ породы бѣлой пихты, произрастающей исключительно по берегу рѣки Макензи. Въ прямомъ направленіи къ сѣверу обрисовывались два отдѣльных синеватыхъ предмета, повидимому большіе острова; къ сѣверовостоку вода и ледъ, а далѣе такъ называемое водяное небо, наконецъ къ востоку открытое прозрачное море и среди него небольшой островъ въ юговосточномъ направленіи; между островомъ и материкомъ опять обширное открытое пространство. Случиваніе льдовъ происходило преимущественно у западнаго берега, далѣе и въ особенности къ востоку проходъ былъ совершенно свободенъ. Если бы Баку не было извѣстно, что Россія уже найдена и вернулся, то онъ непременно пошелъ бы далѣе въ этомъ направленіи, но при существовавшихъ условіяхъ было-бы непростительно, если бы онъ въ своей уже поврежденной лодкѣ удалился отъ берега. Поэтому Баку вернулся 16-го августа съ „острова Монреаль“, гдѣ тогда находился, назадъ, получивъ отъ подружившихся съ нимъ эскимосовъ составленное ими, по своему, очерчаніе ближайшаго морскаго побережья, которое вполне подтверждало всѣ сдѣланныя имъ наблюденія, въ особенности наблюденія сдѣланныя съ вершинъ горъ, откуда можно было обозрѣть всю окружающую мѣстность. На обратномъ пути онъ долженъ былъ бросить лодку и пѣшкомъ продолжать свое шествіе по только что образовавшемуся льду. Не смотря на усиленные напряженія, которыя были вызваны этимъ способомъ передвиженія, команда его мало пострадала, потому что у нихъ было продовольственныхъ запасовъ въ изобиліи. Послѣ $3\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ отсутствія они пришли благополучно въ фортъ „Упованія“ (Reliance), гдѣ опять и перезимовали. Осенью 1835 г. всѣ члены экспедиціи вернулись благополучно въ Англію ¹⁾.

Только что возвратившись на родину, Баку 14-го іюля 1836 г. вновь уже предпринялъ путешествіе въ полярныя страны на кораблѣ „Terror“ изъ Чатама. Это плаваніе вполне неудалось. Про-

¹⁾ «George» Back. Narrative of the arctic Land Expedition to the mouth of the Great Fisch River and along the shores of the arctic Ocean in the years 1833, 1834, and 1835. London 1836. 8°.

шедши 28-го іюля Девисовъ проливъ „Терроръ“ уже въ августѣ, у залива Репульсъ, былъ окруженъ льдами и послѣ бѣдственной зимы вернулся въ 1837 году въ Англію въ самомъ жалкомъ состояніи ¹⁾. Какъ лондонское, такъ и парижское географическія общества наградили Бака золотою медалью, а въ 1837 году онъ былъ возведенъ въ дворянское достоинство. Во время этого путешествія на Террорѣ служилъ подштурманомъ молодой Макъ Кляръ, открывшій въ послѣдствіи сѣверозападный проходъ.

Сдѣланное на основаніи путешествія Бака 1834 года предположеніе, что устье Рѣки Рыбной врѣзывается въ континентальный берегъ, вдоль котораго, вѣроятно можно пройти до Берингова пролива не встрѣчая большихъ, далеко вдающихся въ море полуострововъ, вскорѣ подтвердилось путешествіями Томаса Симпсона и Петра Варрена Дези, изъ которыхъ послѣдній, какъ мы уже упоминали, участвовалъ въ экспедиціи Франклина 1825 года. Оба состояли на службѣ компаніи Гудсонова залива, предсѣдатель которой, Сэръ Джоржъ Симпсонъ ²⁾, дядя путешественника и въ то же время лучшій знатокъ Англійскихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ, рѣшилъ, въ видахъ точнѣйшаго опредѣленія сѣверныхъ границъ завѣдываемой имъ области, послать новую экспедицію для изслѣдованія остальныхъ частей прибрежья арктическаго океана. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ Дези ³⁾, о которомъ впрочемъ его товарищъ, Симпсонъ, выполнявшій всѣ ученныя работы, отзывался довольно небрежно. Тѣмъ не менѣе оба эти путешественника исполнили свои порученія съ замѣчательнымъ успѣхомъ и если ихъ заслуги во многихъ кружкахъ Англіи не были оцѣнены по достоинству, то только потому, что на нихъ смотрѣли какъ на простыхъ промышленниковъ сѣвера, которые, по нелѣпому предубѣжденію, не имѣютъ право стоять на ряду съ флотскими офицерами. Спустившись по рѣки Макензи, они изслѣдовали въ іюлѣ 1837 г. часть прибрежья отъ Поворотнаго Камня (Return Reef) до западнаго мыса Баррова, откуда вернулась лодка, посланная съ Блоссомъ, чего Франклинъ не успѣлъ сдѣлать въ 1825 году. На пути этомъ они открыли двѣ новыя рѣки „Гарри“ и „Кольвилъ“, послѣдняя изъ нихъ весьма значительной длины. Затѣмъ, оставивъ свои лодки и идя дальше поберегу пѣшкомъ, они достигли залива Эльсона (у западн.

¹⁾ George Back: Narrative of the Expedition in H. M. Ship „Terror“ undertaken with a view to geographical discovery in the arctic shores in 1836—1837. London. 1838. 8°.

²⁾ Род. въ Лохбрумѣ въ Шотландіи, ум. 7-го сент. 1860 г. въ Лакхнѣ близъ Монреаля на 69 году отъ роду.

³⁾ Умеръ въ январѣ 1863 г. въ Сентъ-Катаринѣ въ Канадѣ.

мыса Баррова, куда доходила и лодка Эльсона посланная съ Блоссомъ въ 1826 году) и, наконецъ, вернулись къ форту „Довѣрія“ (Confidence) на сѣверной сторонѣ Большаго Медвѣжьяго озера, гдѣ и перезимовали. Въ слѣдующемъ году они поднялись опять съ мѣста 6-го іюня. Спустившись по рѣкѣ Дези, дошли 1-го іюля до устья р. Мѣдной, но здѣсь, по морскому побережью къ востоку, было еще столько льда, что они до 17-го числа должны были ждать пока могли двинуться дальше. Только 29-го іюля обогнули мысъ восточный Барровъ. Отсюда ледъ вынудилъ ихъ сдѣлать громадный кругъ черезъ Arctic Sund и наконецъ, обогнувъ 9-го августа мысъ Флиндеръ, окончательно встать въ небольшой бухтѣ названной ими „Boat-haven“ въ 5 км. отъ мыса Франклина (подъ $68^{\circ}16'25''$ сѣв. шир. и $109^{\circ}20'45''$ зап. долг. отъ Грин.). Съ этого мѣста Симпсонъ пошелъ пѣшкомъ черезъ мысъ Франклинъ, съ котораго онъ впервые увидалъ 20-го августа на противоположной сторонѣ черезъ проливъ въ 8 км. ширины (проливъ Дези) высокую покрытую снѣгомъ землю, вдоль берега до $106^{\circ}3'$ зап. долг. Здѣсь онъ поднялся 23-го августа на возвышенный мысъ „Александръ,“ съ котораго увидалъ къ востоку открытое море, а къ сѣверу обширнѣйшую землю, названную имъ „Землею Викторіи.“ Удовлетворившись этимъ кругозоромъ, Симпсонъ возвратился 29-го августа къ Дези въ Боатъ-Гавнъ и оба вмѣстѣ вернулись 14-го сентября 1838 г. въ фортъ Довѣрія для зимовки. За эти изслѣдованія, равно какъ и за трудъ предыдущаго года лондонское географическое общество наградило Симпсона большою золотою медалью. Послѣ не суровой зимы имѣли они чрезвычайно благопріятное лѣто, такъ что всѣ воды вскрылись мѣсяцомъ раньше. 22-го іюня 1839 г. они прошли уже „Bloody-Fall“ не далеко отъ устья р. Мѣдной, затѣмъ посвятили цѣлую недѣлю изслѣдованію р. Ричардсона, а 3-го іюля дошли до мыса восточнаго Баррова; проливъ Короваціи былъ совершенно свободенъ отъ льдовъ. 20-го іюля эти храбрецы достигли Франклинскаго мыса Turnagain, 20 числа мыса Александра и 10-го августа вошли въ проливъ, названный впослѣдствіи проливомъ Симпсона, по которому прошли вдоль берега до устья рѣки Большой Рыбной. 13-го августа они обогнули „мысъ Огле“, крайній восточный пунктъ, до котораго Бакъ достигнулъ въ 1834 г. и остановились для отдыха въ „Лиманѣ Бака“ (Backs Estuary) ровно пять лѣтъ спустя послѣ этого отважнаго путешествіенника. На крайнемъ восточномъ пунктѣ своего путешествія Симпсонъ и Дези поднялись 17-го августа на высокій скалистый мысъ „Британія,“ подъ $68^{\circ}3'52''$ сѣв. шир., $95^{\circ}41'30''$ зап. долг. отъ Грин., принадлежащій уже къ проливу Росса, а 20 числа пришли у острова Абердинъ къ устью ма-

ленькой рѣки ($68^{\circ}28'23''$ сѣв. шир., $94^{\circ}14'$ зап. долг.) которой, въ честь своихъ превосходныхъ морскихъ лодокъ, дали названіе „Касторъ и Поллуксъ“. Съ высоты горнаго хребта, нѣсколько отдаленнаго отъ морскаго побережья, имъ удалось разсмотрѣть всю мѣстность въ сѣверо-восточномъ направленіи. Вдали видны были высокіе острова, пролежавшіе, казалось, съ востока на сѣверо-востокъ. Между тѣмъ пора было вернуться. На обратномъ пути они пристали однако еще къ мысу Феликсу на землѣ короля Вильяма, 146 километровъ не доходя до каменнаго Столба Джемса Росса у магнитнаго полюса, и сдѣлали рекогносцировку всего побережья до мыса Гершеля на протяженіи 100 километровъ. У мыса Гершеля они поставили 25-го августа также каменный столбъ. Прощедши еще 240 км. по крутому южному берегу Земли Викторіи до мыса Парри, перерѣзали заливъ Коронаціи и вошли 16-го сентября въ устье р. Мѣдной, а 24-го числа достигли форта „Довѣрія (Confidence)“. Сдѣлали они всего 2,400 км., совершивъ такимъ образомъ самое длинное и грандіозное путешествіе, которое когда либо было исполнено на лодкахъ въ Ледовитомъ океанѣ. Результаты этого путешествія превосходятъ все, что было достигнуто на географическомъ поприщѣ Франклиномъ, Ричардсономъ и Бакомъ ¹⁾.

¹⁾ Thomas Simpson: Narrative of the discoveries on the north-west of America effected by the officers of the Hudsons-bay Company during the years 1836—1839. With two maps. London 1843. 8°.

Спасеніе экспедиціи База индѣйскимъ начальникомъ Агантхо.

Сэръ Джонъ Франклинъ.

ФРАНКЛИНЪ и ПЕРВЫЕ ПОИСКИ ЗА НИМЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ англичанъ, продолжавшіяся 15 лѣтъ, не привели къ разрѣшенію вопроса о сѣверозападномъ проходѣ. Хотя нѣкоторые ¹⁾ и увѣряли, будто Симпсонъ и Дези открыли сѣверо-западный проходъ или по крайней мѣрѣ нашли какой-то проходъ въ этомъ направленіи, но это увѣреніе скорѣ встрѣтило справедливыя возраженія ²⁾. Поэтому со времени возвращенія капитана Росса рвеніе къ отысканію этого прохода значительно остыло: труды и опасности, съ которыми были сопряжены эти экспедиціи, продолжавшіяся обыкновенно нѣсколько лѣтъ, отталкивали всѣхъ. Къ тому же самое дѣло не возбуждало уже

¹⁾ Лондонское географическое общество, равно какъ и сэръ Джонъ Барроу.

²⁾ Спутникъ Бака д-ръ Ричардъ Кингъ въ лондонскомъ «Athenæum» отъ 11-го мая 1845 г.

прежняго интереса. Масса публики просто рѣшила, что все это дѣло—пустяки и глупость, а такъ какъ главною цѣлью всѣхъ усилій до сихъ поръ былъ торговый интересъ, то и Британское адмиралтейство, по всей справедливости, отложило дѣло въ сторону, считая его конченнымъ, уничтожило распоряженіе о выдачѣ 20,000 фунт. стерл. преміи изслѣдователю сѣверо-западнаго прохода и не только не снаряжало въ теченіи 18-ти лѣтъ никакихъ правительственныхъ экспедицій въ арктическія страны, но даже ничѣмъ не поощряло къ тому частныхъ предпріятій. Только вслѣдствіе успѣшнаго плаванія сэра Джемса Кларка Росса на военныхъ корабляхъ „Эребусъ“ и „Терроръ“ въ антарктическомъ морѣ (въ 1838—1843 гг.), вновь было возбуждено вниманіе къ разрѣшенію древней полярной загадки. Въ то же время, какъ мы выше упоминали, подтвердилось предположеніе Франклина и состоялась съемка на карту сѣвернаго побережья до Боотіи-Феликсъ, благодаря неустаннымъ трудамъ Деэи и Симпсона. „Грустная слава“¹⁾ возбужденія вновь вопроса объ открытіи сѣверо-западнаго прохода принадлежитъ секретарю адмиралтейства Джону Баррову, обнаружившему въ этомъ дѣлѣ необыкновенное мужество и энергію, но въ то же время вызвавшему несравненно болѣе еще страданій и горя. Джонъ Барровъ, который въ это время былъ уже преклонныхъ лѣтъ, имѣя за собою чрезвычайно бурное прошедшее тѣмъ не менѣе задался мыслію, что передъ своею смертію онъ долженъ непременно заняться открытіемъ сѣверо-западнаго прохода“. Такъ какъ для разрѣшенія этого вопроса требовалось всего только соединить линію Парри, проливы Ланкастера и Баррова съ линіею Франклина, изслѣдованною Деэи и Симпсономъ вдоль сѣвернаго побережья Америки, то съ перваго взгляда казалось, что къ этому нельзя уже болѣе встрѣтить неодолимыхъ препятствій и со слѣпымъ упрямствомъ, являющимся на старости лѣтъ, Барровъ настаивалъ на сооруженіи новой морской экспедиціи въ полярный океанъ²⁾. Осьмидесятилѣтнему ста-

¹⁾ Klein „An den Nordgol“ стр. 94.

²⁾ Сэръ Джонъ Барровъ всегда отдавалъ предпочтеніе морскимъ экспедиціямъ передъ сухопутными путешествіями. Послѣднимъ, колы скоро они не имѣли назначенія служить подспорьемъ для первыхъ, онъ не только не содѣйствовалъ, а напротивъ старался скорѣе мѣшать. Упрямый капризъ съ его стороны былъ причиною того, что его публично въ этомъ упрекнули. Ричардъ Кингъ доказалъ Баррову, что изъ 10 морскихъ экспедицій семь вовсе не удались, а въ трехъ остальныхъ достигнутые результаты не соответствовали съ одной стороны затраченнымъ суммамъ, съ другой—были значительно меньше результатовъ добытыхъ сухопутными путешествіями. Такъ какъ сэръ Джонъ Барровъ былъ недоступенъ для личныхъ объясненій, то письма объ этомъ были напечатаны въ „Athenaeum“ 11-го января и 1-го февраля 1845 г.

рику дѣйствительно удалось опять возбудить сочувствіе къ этому дѣлу въ членахъ Royal Society. Россъ, Парри, Сабинъ, Франклинъ и вообще всѣ мореплаватели по сѣвернымъ водамъ, которыхъ просили сообщить свое заключеніе, отозвались разумѣется съ одушевленіемъ въ пользу новой экспедиціи, требовавшей много личной храбрости и открывавшей обширное поле дѣятельности честолюбивымъ стремленіямъ моряковъ, хотя съ практической точки зрѣнія она не имѣла болѣе смысла, чѣмъ отысканіе квадратуры круга. Черезъ своего президента маркиза Нортгамптоуна королевское общество сообщило адмиралтейству свое заключеніе о необходимости возобновленія полярныхъ плаваній, вслѣдствіе чего и рѣшено было наконецъ направить еще одну, но уже послѣднюю экспедицію для разрѣшенія предложеннаго вопроса.

Снаряженіе этой экспедиціи производилось со всевозможнымъ тщаніемъ и осмотрительностью. Только-что возвратившіеся изъ антарктическаго плаванія подъ начальствомъ сэра Джемса Росса корабли „Эребусъ“ и „Терроръ“¹⁾, оправдавшія самыя смѣлыя ожиданія, были вновь назначены и для этой экспедиціи. Оба корабля были винтовые пароходы съ полнымъ паруснымъ вооруженіемъ. Въ первый разъ хотѣли испытать силу паровъ въ борьбѣ чловѣка со льдами сѣвера. Машины, въ 20 силъ каждая, были такъ устроены, что могли подыматься и опускаться по мѣрѣ надобности; было предположено прибѣгать къ помощи машинъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда кораблямъ придется дѣйствовать въ узкихъ проливахъ между льдами, при противномъ вѣтрѣ или безвѣтріи. Имѣть машины въ постоянномъ ходу не позволяло ничтожное, сравнительно, количество угля, которое могло быть принято на корабли, такъ какъ большая часть вмѣстимости ихъ была занята продовольственными припасами и другими предметами первой необходимости. Провіантомъ эта экспедиція была снабжена на три года съ величайшею щедростью и особенною заботливостью. Физическіе инструменты и другіе снаряды были такого совершенства, какимъ не могла похвалиться ни одна изъ предыдущихъ экспедицій. Вся команда состояла изъ испытанныхъ людей, которые могли быть выбраны изъ большого числа заявившихъ желаніе участвовать въ этой экспедиціи. Къ занятію офицерскихъ должностей явились лучшіе моряки британскаго флота: Францъ Ричардъ Крозье, Джемсъ Фицджеремъ, Грагамъ Горъ, Фейргольдъ, Годсонъ, де-Фоэ,—все люди отличившіеся уже на

¹⁾ Тотъ же корабль „Терроръ“, на которомъ сэръ Г. Бакъ совершилъ въ 1836 году свое неудачное плаваніе къ заливу Репульсъ.

службѣ правительства ¹⁾). Крозье уже въ двадцатыхъ годахъ принималъ участіе во всѣхъ полярныхъ плаваніяхъ Парри и командовалъ этимъ же „Терроромъ“ подѣ главнымъ начальствомъ Джемса Росса во время его экспедиціи къ южному полюсу. Фицджерсъ, командоръ „Эребуса“, отличился въ 1835—1837 годахъ во время Евфратской экспедиціи, а послѣ того плавалъ въ Китайскихъ моряхъ. Лейтенантъ Г. Горе служилъ штурманомъ на „Террорѣ“ во время неудачной экспедиціи Бака въ 1836 году, послѣ того ходилъ съ Россомъ къ южному полюсу. Лейтенантъ Фейргольмъ участвовалъ въ экспедиціи по р. Нигру. Изъ остальныхъ офицеровъ каждый былъ специалистомъ въ какой-либо отдѣльной отрасли науки или практическихъ знаній: ледоколъ на „Террорѣ“, Т. Бланки, провелъ на „Викторіи“ подѣ командою Джона Росса 4 года въ полярныхъ льдахъ, а Рейдъ, занимавшій ту же должность на „Эребусѣ“, часто подвергался опасностямъ на китобойныхъ судахъ, промыслявшихъ у береговъ Гренландіи; казначей Осмеръ былъ съ капитаномъ Бичи въ Беринговомъ проливѣ, а помощникъ врача, Гудсиръ, былъ извѣстный ученый естествоиспытатель. Начальникомъ всей экспедиціи былъ назначенъ капитанъ Фицджерсъ, но Франклинъ заявилъ, что ему, какъ старшему изъ всѣхъ офицеровъ, бывшихъ въ полярномъ морѣ, принадлежитъ эта честь по праву. Адмиралтейство единственно изъ уваженія къ преклоннымъ лѣтамъ Франклина—ему было уже 60 лѣтъ—затруднялось предложить ему главное начальство надъ экспедиціею, но провѣдавъ, что онъ съ удовольствіемъ приметъ на себя эту обязанность, незамедлило сдѣлать ему предложеніе въ этомъ смыслѣ, на что онъ безотлагательно и изложилъ согласіе. По инструкціи, данной Франклину, онъ долженъ былъ стараться по возможности скорѣе пройти черезъ проливы Ланкастеръ и Барровъ до мыса Валькера на островѣ Русселя, а оттуда или прямо или черезъ каналъ Веллингтона добраться до Берингова пролива.

¹⁾ Списокъ офицеровъ на обоихъ корабляхъ:

	„Эребусъ“.	„Терроръ“.
Капитанъ	Сэръ Джонъ Франклинъ.	Р. М. Крозье.
Командоръ	Джемсъ Фицджерсъ.	
Лейтенанты	Грагамъ Горе. Генри Т. Д. Ле-Весконтъ. Джемсъ Вильямъ Фаргольмъ.	Эдуардъ Литле. Г. Г. Годсонъ. Джонъ Ирвингъ.
Подштурманы.	Де-Фое. Роб. Сержантъ. Генри Коллансъ.	Фр. Горнби. Роб. Томасъ. А. Макбекъ.
Шкиперъ	Стефанъ Ставлей.	Джонъ Педди.
Врачъ	Гарри Гудсиръ.	Алекс. Дональдъ.
Помощникъ врача.	Г. Осмеръ.	
Казначей	Джемсъ Рейдъ.	Т. Бланки.
Ледоколъ		

Путешествіе Парри къ Сѣверу на саняхъ.

Франклинъ поднялъ свой флагъ на „Эребусъ“, а вышелъ въ море на „Терроръ“ 17-го мая 1845 г. изъ Грингиды, близъ Лондона, а 26-го мая изъ Портсмута. До острова Диско у входа въ Баффиновъ заливъ, куда они пришли 12-го іюля, экспедицію сопровождало транспортное судно подъ командою лейтенанта Гриффита, съ тѣмъ, чтобы еще здѣсь пополнить запасы „Эребуса“ и „Террора“. Съ этимъ судномъ Франклинъ отправилъ депеши адмиралтейству и письма своимъ друзьямъ на родинѣ. Пройдя Диско, „Эребусъ“ и „Терроръ“ выдержали страшный штормъ, который угрожалъ тѣмъ большею опасностью, что они находились вблизи крутыхъ береговъ Гренландіи и были чрезмерно нагружены. Знаніе своего дѣла и находчивость начальствующихъ офицеровъ спасли погибавшихъ, которымъ ярость бушующаго моря и страшныя ледяныя горы грозили неминуемою гибелью. При попутномъ вѣтрѣ они быстро пошли послѣ этого къ сѣверу. Подъ широтою Упернивика прошли черезъ „серединный ледъ“ Баффинова залива, подвигаясь очень медленно по узкому проходу то подъ парусами, то проталкиваясь, то, наконецъ, даже подтягиваясь канатомъ съ завоженнымъ якоремъ. Нѣкоторое время шли въ обществѣ англійскихъ китобойныхъ судовъ изъ Гуля и Абердина. 22-го іюля въ заливѣ Мельвилъ, на западномъ берегу Гренландіи, Франклинъ переговаривался съ однимъ изъ капитановъ китобойной флотиліи, Мартиномъ, увѣряя его, что онъ снабженъ запасами на пять лѣтъ и въ крайности можетъ продовольствоваться даже въ теченіи семи лѣтъ. Четыре дня спустя, 26-го іюля, нѣсколько западнѣе залива Мелвила подъ 74° 48 сѣв. шир. и 66° 13' зап. долг. экспедиція въ послѣдній разъ вела переговоры съ капитаномъ китобойнаго судна „Prince of Wales“, Даннетомъ, который по возвращеніи въ Англію донесъ кому слѣдовало объ этой встрѣчѣ. Въ началѣ августа пришли къ проливу Ланкастера. Южная сторона пролива была загромождена льдами, медленно подвигавшимися къ Баффинову заливу. Сѣверная-те сторона, вдоль Сѣвернаго Девона, была свободна отъ льдовъ, поэтому Франклинъ держался этой стороны и дошелъ до прекрасной гавани на сѣверо-восточной сторонѣ острова Бичи, названной имъ заливомъ „Эребусъ-Терроръ“. Эта гавань безусловно ограждена отъ напора плавучихъ льдовъ и какъ бы сторожить входы въ различные проливы, имѣющіе отсюда направленіе къ югу, западу и къ сѣверо-западу. Это мѣсто Франклинъ выбралъ для предстоящей зимовки. По данной ему инструкціи онъ долженъ былъ прежде всего стараться достигнуть мыса Валькера у сѣверо-восточной оконечности острова Русселя, къ сѣверу отъ земли принца Валлійскаго; однако здѣсь все было заграждено непроходимыми массами льда. Къ сѣверу, напротивъ, по каналу Веллингтона (между

Сѣвернымъ Девонмъ и островомъ Корнваллисъ), у южнаго входа въ который лежитъ островъ Бичи, море было открыто и плаваніе свободно. Франклинъ на столько уступилъ предложеніямъ капитана Фицджермса, который почему-то питалъ особое пристрастіе къ заливу Веллингтона, что согласился предпринять развѣдку этого пути. Быстро поднялись они по каналу Веллингтона и вошли въ проливъ Пенни, составляющій продолженіе перваго. Подъ 77° сѣв. шир. ихъ задержалъ ледъ. Франклинъ, чтобы не быть окончательно затертымъ льдами, поспѣшилъ воспользоваться первою попавшеюся лазейкою и вернулся по проливу между Корнваллисомъ и Батурстомъ въ проливъ Барровъ. За четырнадцатидневнымъ изслѣдованіемъ канала Веллингтона, доведенномъ, впрочемъ, до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ извѣстнаго намъ арктическаго архипелага Америки, наступилъ сентябрь мѣсяцъ. Всѣ проливы покрылись льдами. Хотя еще и дѣлались изслѣдованія пролива Пиля, къ югу отъ пролива Баррова, но о движеніи впередъ нельзя было думать. Пришлось расположиться на зимовку. Благополучно добрались наши путешественники до бухты Эребусъ-Терроръ, гдѣ они благодаря своимъ запасамъ и другимъ предметамъ привезеннымъ съ собою на случай зимовки, весьма уютно и удобно размѣстились на зиму. Когда дни опять стали прибавляться, стрѣльба въ цѣль, которою постоянно занимались у южной оконечности острова Бичи, въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ мѣста зимовки кораблей, была перенесена на мысы Рилей и Спенсеръ. Частію съ научною цѣлью, частію для охоты, были предпринимаемы поѣздки на саняхъ въ различныхъ направленіяхъ, но не на дальнее разстояніе, потому что сани были очень тяжелы и неуклюжи. Изъ 138 человѣкъ, вошедшихъ въ составъ экспедиціи, въ теченіи зимы, на островѣ Бичи умерли трое ¹⁾.

Когда въ 1846 году воды опять вскрылись, Франклинъ направился къ югу по проливу Пиля, подававшему самыя большія надежды. У входа въ этотъ проливъ, между мысами Валькеръ и Бонни, мѣстный ледъ скорѣй отдѣлился отъ берега, и тѣмъ быстрѣе, что этотъ проливъ усѣянъ маленькими островами. Скоро спустились по открывшемуся пути, который дѣйствительно оказался проливомъ, ведущимъ къ желанной цѣли. Въ нѣсколько дней прошли мимо Земли Принца Валлійскаго и вышли въ обширное открытое море. Но только что наши плователи миновали Землю Принца Валлійскаго, какъ натолкнулись на грозную, неподвижную, ледяную стѣну,

¹⁾ Матросъ В. Брайне, 52 лѣтъ подбоцманъ Джонъ Гартнелъ, 25 лѣтъ, — оба съ Эребуса, и Джонъ Торрингтонъ, 20 лѣтъ, съ Террора. 27-го августа 1850 г. Пенни нашелъ ихъ могилы.

управшуюся съ сѣвера въ Землю Принца Валлійскаго, а съ юга въ Землю Короля Вильяма до мыса Феликса и пролегавшую такимъ образомъ поперекъ моря. Въмѣсто того, чтобы идти теперь въ южномъ или юго-восточномъ направленіи, гдѣ море было открыто, къ проливу Джемса Росса, „Эребусъ“ и „Тероръ“ держались окраины лежавшаго передъ ними ледянаго гиганта, угрожавшаго имъ величайшею опасностью, руководясь при этомъ злополучною ошибкою которая погубила всю экспедицію¹⁾. Дѣло въ томъ, что Джемсъ Россъ ошибочно представлялъ Землю Короля Вильяма полуостровомъ, состоящимъ въ связи съ Боотією Феликсъ, вслѣдствіе чего предполагалось, что названный нынѣ его именемъ проливъ только неглубоко вдающаяся, мѣшковидная губа, оканчивающаяся бухтою. Къ сожалѣнію, Франклинъ въ этомъ отношеніи безусловно довѣрился показаніямъ карты и не предпринялъ изслѣдованія пролива Джемса Росса. Такъ какъ, по этому соображенію не оставалось другого пути, то Франклинъ вмѣсто того, чтобы пойти по восточной сторонѣ Земли Короля Вильяма, силился пройти между льдами и западнымъ ея берегомъ. Онъ спустился вдоль края льда до 71° сѣв. шир. Земля Короля Вильяма была уже въ виду, и казалось, что дѣло вмѣстѣ съ этимъ выиграно. Но подъ 70° 5' сѣв. шир. и 98° 23' зап. долг. отъ Гринича, нѣсколько сѣвернѣе мыса Феликса, „Эребусъ“ и „Терроръ“ были окружены плавающими громадами. Это произошло 12-го сентября 1846 года. Затѣмъ послѣдовала страшная перезимовка 1846—47 годовъ во льдахъ, грозившихъ раздавить корабли. Въ маѣ 1847 года лейтенантъ Горе и де-Фозъ съ шестью челоѣками команды отправились на саняхъ, разыскивать путь къ мысу Гершеля на южной сторонѣ Земли Короля Вильяма. Близъ мыса Викторіи они оставили документъ²⁾, въ которомъ было описано все, что произошло до того времени и

¹⁾ Адмиралъ Коллинсонъ того же мнѣнія. Смотри: Proceed. of the R. geograph. Society 1875, стр. 36.

²⁾ Этотъ документъ былъ написанъ на печатномъ заголовкѣ бумаги, выдаваемой обыкновенно англійскимъ кораблямъ, отправляющимся въ экспедицію, для того, чтобы они, закушоривъ свѣдѣнія о своемъ плаваніи въ бутылки, бросали ихъ по временамъ въ море. Содержаніе его слѣдующее: 28-го мая 1847 г. корабли Е. В. Эребусъ и Терроръ перезимовали въ морѣ подъ 70° 5' сѣв. шир. и 98° 23' зап. долг., ранѣе, съ 1846 на 1847 г., перезимовали у острова Бичи подъ 74° 43' 28 сѣв. шир. и 91° 39' 15" зап. долг., поднявшись по каналу Веллингтона до 77° сѣв. шир. и возвратившись оттуда по западной сторонѣ острова Корнваллисъ. Сэръ Джонъ Франклинъ, начальникъ экспедиціи.

Все благополучно.

Отрядъ, состоящій изъ двухъ офицеровъ и 6 челоѣкъ команды отправился съ кораблей въ пошедѣльникъ 24-го мая 1847 г. Гм. Горе, лейтенантъ. Дж-де-Фозъ, штурманъ. Н. В. замѣчательна при этомъ ошибка, будто экспедиція зимовала у острова Бичи въ 1846—47 годовъ, тогда какъ это было годомъ раньше.

вскорѣ вернулись къ своимъ кораблямъ съ радостною вѣстью, что до мыса Гершеля недалеко. Но на корабляхъ всѣ были погружены въ глубочайшую печаль: предводительствовавшій ими герой, сэръ Джонъ Франклинъ скончался 11-го іюня 1847 года. Команду принялъ Крозье. Наступившее лѣто 1847 года, не помогло кораблямъ освободиться изъ ихъ ледянаго плѣна. Провизіи оставалось только еще на нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ огромные запасы мяса въ консервахъ, поставленныхъ безчестнымъ фабрикантомъ, нѣмецкимъ жидомъ Голднеромъ, оказались всѣ никуда не годными и должны были быть выброшены за бортъ. Этотъ же подрядчикъ попался въ обманъ и въ другихъ частяхъ англійскаго флота и былъ подвергнутъ заслуженному наказанію. Наконецъ ледъ тронулся, подвигаясь очень медленно къ югу и увлекая за собою корабли. Это не единственный примѣръ подобнаго движенія льда, какъ доказываютъ позднѣйшія плаванія къ сѣверному полюсу. Со страшнымъ шумомъ и стономъ напирали льды; корабли ежеминутно ожидали быть раздавленными. Движеніе, какъ бы оно ни было медленно и въ то же время опасно, шло все-таки къ югу, т. е. въ желаемомъ направленіи. Тщетными оказались, однако, всѣ надежды. Въ сентябрѣ, въ 96 километрахъ отъ южной оконечности вѣчной ледяной преграды и въ 24 килом. сѣвернѣе мыса Викторіи, движеніе остановилось. Наступила зима 1847—48 г., съ ужасами цынги и другихъ болѣзней, съ мучительными страданіями отъ холода и голода. Въ теченіи этого времени умерли 9 офицеровъ и 12 человекъ команды. Весною 1848 г. Крозье и Фицджермъ съ остальною командою, состоявшею изъ 104 чел., покинувъ корабли, отправились пѣшкомъ, въ надеждѣ, черезъ Землю Короля Вильяма, добраться до устья рѣки Большой Рыбной, т. е. до сѣверной окраины материка Америки. Они нагрозили свои неуклюжія сани различными предметами взятыми съ кораблей и жизненными припасами. Команда каждого судна должна была, кромѣ того, тащить по санямъ съ своими больными. Такъ какъ они могли взять продовольствія только на 40 дней, то запаслись тѣмъ большимъ количествомъ пороху и свинцу въ той надеждѣ, что, достигнувъ континента, имъ удастся продовольствовать себя охотою. Не упустили изъ виду захватить съ собою все, что у нихъ было изъ золота, серебра, драгоценныхъ камней и другихъ привлекательныхъ бездѣлушекъ, чтобы посредствомъ этихъ предметовъ расположить къ себѣ мѣстныхъ жителей. Покинувъ свои корабли 22-го апрѣля 1848 г. полныхъ три дня употребили они, чтобъ добраться до мыса Викторіи на Землѣ Короля Вильяма. Убѣдившись, что сани ихъ слишкомъ нагружены, бросили здѣсь значительную часть своихъ вещей. Фицджермъ развернулъ оставленный здѣсь въ предыдущемъ году до-

кументъ лейтенанта Горе, уже умершаго, и по краймъ приписаль въ немногихъ, но знаменательныхъ словахъ краткій отчетъ ¹⁾ о ходѣ всей экспедиціи.

Напрягая послѣднія силы, исхудалыя фигуры нашихъ путешественниковъ еле тащились впередъ со своими санями. На половинѣ разстоянія между мысами Викторіи и Гершеля, на Землѣ Короля Вильяма, оказалось, однако, что не было никакой возможности далѣе еще влечь больныхъ и обезсилившихъ: они были оставлены и сами старались возвратиться къ кораблямъ; изъ сорока только одинъ дошелъ до мѣста ихъ стоянки. Тѣ, у которыхъ было больше силъ, пошли съ санями впередъ, каждый заботясь только о самомъ себѣ. Во второй половинѣ іюля 1848 года эскимосы встрѣтили на Землѣ Короля Вильяма около сорока человѣкъ, которые давали имъ понять, что корабли ихъ затерты льдами; они шли по льду къ югу, т. е. по направленію къ материку. То былъ Крозье, который тащилъ со своими спутниками двое саней черезъ ледъ, который уже начиналъ расходиться. На однихъ саняхъ была погружена лодка, покрытая брезентомъ, на другихъ, продовольственные припасы и разныя орудія. Не доходя до мыса Гершеля, они встрѣтили нѣсколько семействъ эскимосовъ и расположились возлѣ нихъ лагерьмъ. Но эскимосы за-ночь тайкомъ ушли, оставивъ бѣлыхъ пришельцевъ на произволъ судьбы. Много пришлось теперь этимъ бѣднякамъ выстрадать и они всѣ перемерли отъ недостатка продовольствія, тогда какъ встрѣтившимъ ихъ эскимосамъ ничего бы не стоило ихъ спасти. Смерть этихъ героевъ была, по всей вѣроятности, вполне естественная: они падали отъ изнеможенія, падали, чтобъ болѣе уже не вставать, такъ, напримѣръ, одинъ упалъ къ

¹⁾ Отчетъ этотъ слѣдующаго содержанія: 25-го апрѣля 1848 года. Корабли Ея Величества „Эребусъ“ и „Терроръ“ были нами оставлены 22-го апрѣля, въ пяти лагахъ къ сѣверо-западу отъ этого мѣста, гдѣ они были окружены льдами съ 12-го сентября 1846 г. Офицеры и команда, всего 105 душъ, подъ начальствомъ капитана Р. М. Крозье пристали здѣсь подъ 69° 37' 42" сѣв. шир., 98° 41' долготы. Эта бумага была найдена лейтенантомъ Ирвингомъ подъ каменнымъ столбомъ, который, какъ полагаютъ, былъ поставленъ сэромъ Джемсомъ Россомъ въ 1831 году 4 милями сѣвернѣе, куда она была положена покойнымъ командиромъ Горе въ іюнѣ 1847 г. Столбъ сэра Джемса Росса тѣмъ не менѣе не былъ найденъ; и бумага была перенесена къ этому мѣсту, которое именно то, гдѣ столбъ сэра Дж. Росса былъ воздвигнутъ.—Сэръ Джонъ Франклинъ скончался 11-го іюня 1847 года и вся потеря умершими изъ членовъ экспедиціи была по сегодняшнее число 9 офицеровъ и 15 чел. команды.

Р. М. Крозье.

Капитанъ и старшій офицеръ.
Завтра утромъ, 26-го числа, двинемся отсюда къ рѣкѣ Рыбной,
Бака.

Джемсъ Фицджерсъ капитанъ
корабля Е. В. „Эребусъ“.

юго-востоку отъ мыса Гершеля, двое въ пяти километрахъ восточнѣе, у рѣки Перцевой, гдѣ они ловили рыбу. Отъ 5 до 7 километровъ восточнѣе на длинной низменной косѣ у Земли Короля Вильяма скончался и погребенъ одинъ, пятеро умерли на островѣ Тодѣ. Около 30 челов. дотащили вмѣстѣ съ Крозье большую покрытую брезентомъ лодку до мѣста нѣсколько западнѣе мыса Ричардсона, гдѣ и погибли; еще другая горсть людей нѣкоторое время перебивалась недалеко отъ залива Терроръ, гдѣ поставила себѣ большую палатку. Нѣкоторые направились, было, къ мысу Огле, близъ котораго и кончились ихъ страданія,—несчастные, кажется, вынуждены были прибѣгнуть къ людоедству. Наконецъ послѣдніе, которые были еще сильнѣе другихъ, въ числѣ ихъ д-ръ Станлей, хирургъ съ „Эребуса“, дошли до острова Монреала, на которомъ они похоронили одного изъ своихъ товарищей; затѣмъ нѣкоторые изъ нихъ скончались уже на берегу континента противъ этого острова. Отсюда оставалось всего только 64 килом. до устья рѣки Большой Рыбной, гдѣ они надѣялись поддержать себя ловомъ рыбы сѣтью, которую тащили съ собою. Нѣкоторые, говорятъ, дѣйствительно дошли въ лодкѣ до пороговъ этой рѣки по сю сторону озера Франклина, гдѣ они тѣмъ не менѣе умерли съ голода. Слухъ о томъ, будто Крозье самъ дотащился до острова Соутгамптона на сѣверѣ Гудсонова залива и тамъ умеръ только въ 1864 году, незаслуживаетъ никакого довѣрія. Съ другой стороны очень вѣроятно, что нѣкоторые изъ отставшихъ дотащились до южной оконечности залива Боотія-Феликса и тамъ только скончались. Безъ сомнѣнія, что все это совершилось сравнительно въ весьма короткое время. Одна эскимоска, которая встрѣтила 40 чел. по направлению къ Монреалу, нашла только одного еще въ живыхъ, когда вскорѣ послѣ того она опять вернулась къ этому мѣсту. „Онъ сидѣлъ на берегу, былъ большаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; упирая локти на колѣна, онъ руками поддерживалъ голову и скончался въ тотъ моментъ, когда поднялъ голову, чтобы мнѣ что-то сказать¹⁾. Таковъ былъ исходъ экспедиціи Франклина²⁾, которая, можно смѣло сказать, была принесена въ жертву упорству старика Баррова.

Какимъ-же образомъ могли узнать обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ если никто изъ спутниковъ Франклина не вернулся на родину, и послѣднія достовѣрные извѣстія о нихъ были доставлены въ Англію въ декабрѣ 1845 года капитаномъ Даннетомъ, какъ мы уже выше упоминали. Очень понятно, что не получая въ те-

¹⁾ Petermann. Geograph. Mittheilung. 1867. s. 30.

²⁾ Beutheim. Die Nordost-Durchfahrt.

ченіи продолжительнаго времени никакихъ извѣстій объ этой экспедиціи, стали беспокоиться объ участи, ее постигшей. Не только родственники и друзья Франклина и его спутниковъ, но вся Англія, весь образованный міръ съ величайшимъ участіемъ отнеслись къ ихъ судьбѣ. Вѣрнѣе всего было предположить, что суда экспедиціи затерты льдомъ, или разбились у какого нибудь отдаленнаго берега, а команда, не имѣя ни жизненныхъ припасовъ, ни средствъ къ дальнѣйшему передвиженію, гдѣ нибудь терпитъ и голодъ, и холодъ. Поэтому было заявлено всеобщее требованіе, чтобы погибающимъ была оказана немедленно помощь, и такимъ образомъ составилъ рядъ блестящихъ полярныхъ экспедицій съ цѣлью отысканія Франклина и его спутниковъ. Въ исторіи полярныхъ изслѣдованій эти усилія, кончившіяся только въ 1859 г. извѣстны подъ общимъ названіемъ „Франклинскихъ экспедицій“. Уже 28-го сентября 1846 года, слѣдовательно 16 мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ Франклинъ вышелъ изъ Англіи, маститый старецъ сэръ Джонъ Россъ вошелъ въ адмиралтейство съ предложеніемъ объ отправленіи экспедиціи для поисковъ Франклина, онъ готовъ былъ встать самъ во главѣ этой экспедиціи. Но тогда еще не было никакого повода къ опасеніямъ. 27-го января и 9-го февраля 1847 г. Россъ повторилъ свои предложенія, ссылаясь на какія-то секретныя сообщенія Франклина, которыхъ онъ, впрочемъ, разоблачить не хотѣлъ. Но и въ этотъ разъ адмиралтейство, съ своей стороны не безъ основанія, опять отклонило предложеніе Росса, который вообще считался дѣятелемъ довольно легкомысленнымъ и крайне честолюбивымъ, къ тому же все спрошенные объ этомъ дѣлѣ знаменитѣйшіе полярные мореплаватели, какъ-то: Парри, Ричардсонъ, Сабине и даже Джемсъ Россъ высказались противъ Джона Росса. Но послѣдній не утомился, и вызвалъ новыя совѣщанія и обсужденіе внесеннаго имъ предложенія. Вскорѣ и органы печати принялись за этотъ вопросъ и настолько дѣятельно и настойчиво, что адмиралтейство наконецъ было вынуждено заявить, что оно снаряжаетъ экспедицію для поисковъ, если только до конца 1847 года не получится никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній объ участи Франклина. 1847 годъ дѣйствительно прошелъ безъ ожидаемыхъ вѣстей. Послѣдній китоловъ вернулся, не выдавъ никакихъ слѣдовъ судовъ „Эребуса“ и „Террора“. Но самое большое вліяніе на рѣшеніе этого вопроса имѣло окончаніе другой экспедиціи, посланной хотя и совершенно независимо отъ Франклиновской, но одновременно съ нею и въ тѣ же мѣста полярной Америки, такъ что она должна была бы гдѣ нибудь встрѣтиться съ Франклиномъ. Въ 1846 г. Гудсоновская Компанія послала небольшой отрядъ изъ 13 чел., подъ командою д-ра Джона Рэ,

для съемки еще неизслѣдованнаго побережья между крайнимъ пунктомъ, котораго достигли Деви и Симпсонъ, и проливомъ Фури-Гекла. Рэ съ товарищами вышли изъ форта Черчила, на берегу Гудсонова залива, 5-го іюля 1846 г.; 22-го числа дошли до южнаго берега рѣки или залива Вагеръ у Велькома, а 24-го числа встрѣтили близъ залива Репульсъ эскимосовъ. Франклина же не видали и о немъ даже ничего не слыхали и не узнали. По указанію мѣстныхъ жителей, Рэ прошелъ черезъ перешеекъ отдѣляющій полуостровъ Мельвиль отъ материка и имѣющій всего 64 километра въ ширину, испещренный весь озерами. 2-го августа онъ вышелъ къ морю въ заливѣ Коммите, но вскорѣ опять вернулся къ своей исходной точкѣ въ заливѣ Репульсъ, гдѣ сдѣлалъ необходимыя приготовленія для перезимовки. Зима была необыкновенно суровая, термометръ понижался до -44° С. Благодаря охотѣ имъ удалось добыть достаточно мяснаго продовольствія, и вообще экспедиціи не пришлось страдать отъ болѣзней, такъ что Рэ уже 5-го апрѣля 1847 года съ тремя человѣками своей команды и двумя эскимосами предпринялъ путешествіе на саняхъ къ сѣверу, черезъ перешеекъ, вдоль берега, до того мѣста, гдѣ онъ увидалъ заливъ Лорда Маіора и лежащую передъ нимъ группу острововъ (18-го апрѣля). Перешеекъ, соединяющій въ этомъ мѣстѣ полуостровъ Боотію-Феликсъ съ континентомъ, имѣя всего 1, 6 км. ширины, лежитъ подъ $69^{\circ} 31'$ сѣв. шир. и $91^{\circ} 29' 30''$ зап. долг. отъ Гринича. 5-го мая путешественники вернулись на свои зимнія квартиры, потерявъ почти зрѣніе отъ блеска снѣговъ, а 13-го числа опять выступили съ тѣмъ чтобы снять на карту западный берегъ полуострова Мельвиля. Къ сожалѣнію, подъ $69^{\circ} 32'$ сѣв. шир. и $85^{\circ} 8'$ зап. долг. у Рэ вышли продовольственные запасы и онъ вынужденъ былъ вернуться немного не доходя до пролива Гекла-Фури. Возвратившись, послѣ 27 дневнаго отсутствія, 9-го іюня къ своей зимней квартирѣ, въ заливѣ Репульсъ, путешественники дождались здѣсь вскрытія льда до 11-го августа; 12 числа вышли въ море и 6-го сентября прибыли благополучно въ факторію Іоркъ, у устья рѣки Нельсона¹⁾).

Бѣглый взглядъ на карту показываетъ намъ, какъ близокъ былъ д-ръ Рэ отъ мѣста гибели экспедиціи Франклина, не смотря на это онъ отъ встрѣтившихся съ нимъ эскимосовъ не получилъ никакихъ свѣдѣній о пребываніи въ тѣхъ мѣстахъ незнакомыхъ имъ бѣлокожихъ путешественниковъ, а также о двухъ корабляхъ затертыхъ льдами.

¹⁾ Симондъ: The arctic regions, стр. 137—140 и Ausland 1847 г., стр. 1147—1148 и 1151—1152.

Необходимо было принять мѣры къ спасенію затерявшихся. Англійское правительство назначило одну премію въ 20 тыс. ф. ст. всякому, безъ различія національности, кто принесетъ существенную помощь Франклину и его спутникамъ, и другую въ 10 тыс. ф. ст. тому, кто доставитъ объ участи ихъ вѣрныя свѣдѣнія. Въ промежутокъ времени съ 1848 до 1854 г. Англійское правительство дѣйствительно истратило приблизительно 16 мил. марокъ = 10 милл. рубл. на отысканіе экспедиціи Франклина. Кромѣ того и англичане, и американцы предпринимали съ этою же цѣлью частныя экспедиціи. Не жалѣли ни расходовъ, ни силъ; самыя опытыя англійскіе моряки принимали участіе въ поискахъ, къ которымъ приступали съ различныхъ сторонъ. Какъ бы ни была изумительна дѣятельность всѣхъ этихъ экспедицій, тѣмъ не менѣе, нельзя не указать съ заслуженнымъ упрекомъ на то, что безъ вѣсти потерявшіеся вскорѣ могли бы быть найдены, если бы только вспомнили о неоднократно высказываемомъ Франклиномъ предположеніи о мѣстѣ нахожденія сѣверо-западнаго прохода. Не открытіе мѣста странствованія погибавшихъ членовъ Франклиновской экспедиціи, не смотря на прилагавшіяся усилія, доказываетъ, безъ сомнѣнія, что принимавшіе на себя поиски не стояли на высотѣ своего призванія. Если бы хваленые въ дѣлѣ арктическихъ плаваній авторитеты Англии были бы хотя нѣсколько на высотѣ соображеній Франклина, то, разумѣется, его нигдѣ болѣе не искали бы, какъ въ томъ мѣстѣ гдѣ погибла его экспедиція, а именно на пространствѣ отъ Боотія до мыса Поворотнаго (Turnagain). Только лэди Франклинъ ¹⁾, урожденная Жанна Гриффинъ, достойная супруга

Лэди Жанна Франклинъ.

¹⁾ Жанна Гриффинъ была вторая жена Франклина. Онъ женился на ней 5 ноября 1828 г. Первая его жена, урожденная Элеонора Анна Порденъ, умерла въ 1825 году два дня послѣ того, какъ Франклинъ отправился въ первую свою арктическую экспедицію. Лэди Жанна Франклинъ родилась въ 1805 г. и умерла въ Лондонѣ въ 1875 году 18 июля.

этого героя сѣвера, которою Англія по всей справедливости можетъ гордиться, имѣла ясное понятіе о всемъ происходившемъ; только вліяніе „авторитетовъ“ помѣшало ей вполне уяснить себѣ сущность дѣла и придать своему голосу надлежащій вѣсъ и значеніе. Въ письмѣ на имя адмиралтейства, отъ 20-го марта 1848 г., она назначила отъ себя награду въ 2 тыс. ф. стерл. за свѣдѣнія, которые могли бы доставить китоловы о результатахъ изслѣдованія ими, съ указанною цѣлью, заливовъ Принца Регента и Адмиралтейства, проливовъ Джонса и Смита. Наука со своей стороны не имѣетъ права жаловаться на сдѣланныя въ этомъ дѣлѣ ошибки, такъ какъ много численныя Франклинскія экспедиціи доставили неоцѣнимые результаты въ смыслѣ научномъ. Были изслѣдованы, какъ мы вскорѣ увидимъ, огромнѣйшія береговыя пространства, которыя до сихъ поръ, можетъ быть, еще остались бы въ неизвѣстности.

Между тѣмъ адмиралтейство рѣшило при взаимодѣйствіи трехъ различныхъ экспедицій удостовѣриться въ участи Франклина и его спутниковъ. Одновременно должны были выступить три отряда:—чрезъ проливъ Ланкастера, чрезъ Беринговъ проливъ и третій съ устья рѣки Макензи, направляясь къ тому мѣсту, гдѣ, по предположеніямъ, могъ находиться Франклинъ съ его двумя кораблями. Къ сожалѣнію, эти экспедиціи, съ самаго начала уже не достигали своей цѣли, такъ какъ ко времени ихъ выступленія изъ Англіи Франклиновская катастрофа была уже совершившійся фактъ.

Начальство надъ экспедиціею, отправляемою къ проливу Ланкастера, въ составѣ двухъ великолѣпно снаряженныхъ, крѣпкихъ кораблей ¹⁾ „Энтерпрайзъ“ (470 тоннъ) и „Инвестигаторъ“ (420 тоннъ)—принялъ на себя сэръ Джемсъ Кларкъ Россъ. Состоявшіе подъ его командою офицеры Макъ-Клоръ, Макъ-Клинтонъ Барнаръ и другіе образовали новое, молодое, полное жизни и энергіи поколѣніе англійскихъ моряковъ. Суда были снабжены продовольственными запасами на три года, хотя надѣялись, что уже къ концу лѣта найдутъ Франклина. Плаваніе было въ высшей степени трудное и крайне неутрадное. 12-го іюня 1848 г. Россъ вышелъ изъ Англіи, 13-го іюля изъ Упернивика въ Гренландіи и пришло въ около конца августа къ заливу Понду, гдѣ онъ надѣялся найти эскимосовъ, но они не приходили къ этому не-

¹⁾ При снаряженіи кораблей воспользовались всѣми предыдущими указаніями опыта. Устройство вентиляціи и согревательные снаряды, примененные на этихъ судахъ, были „достойны удивленія,“ по тогдашнимъ понятіямъ. Кромѣ того они были снабжены всевозможными магнетическими и метеорологическими инструментами, въ числѣ которыхъ упоминаемъ вновь изобрѣтенные Види барометры-анероиды.

привѣтливому прибрежью Баффиновой земли¹⁾. Попытка проникнуть черезъ проливъ Ланкастера въ проливъ Барровъ совершенно не удалась и только съ трудомъ корабли дошли 11-го сентября до бухты Леопольда (Leopoldhafen) гдѣ и перезимовали, будучи ранѣе обыкновеннаго окружены льдами. Бухта Леопольда находится на небольшомъ островѣ у сѣверо-восточной оконечности Сѣв. Сомерсета. Выборъ ея для зимовки былъ особенно удаченъ въ томъ отношеніи, что здѣсь почти сходятся заливы Ланкастеръ, Барровъ, Принца Регента и каналъ Веллингтона. Для того чтобы дать Франклину вѣсть о мѣстѣ своей стоянки, Россъ прибѣгнулъ къ презабавному способу: наловили множество песцовъ, совершающихъ обыкновенно огромные переходы, надѣли на нихъ мѣдные ошейники, на которыхъ было выбито, гдѣ стоятъ суда сэра Джемса Росса и откуда можно ждать помощи, и потомъ отпустили на волю. Независимо отъ этаго Россъ сложилъ на островѣ Леопольда запасъ провіанта. Около середины мая 1849 г. Россъ съ лейтенантомъ Макъ-Клинтокомъ и довольно значительною командою предпринялъ походъ для изслѣдованія сѣвернаго и западнаго береговъ Сѣверн. Сомерсета, тѣмъ и занимался до тѣхъ поръ, пока былъ вынужденъ вернуться къ судамъ, потому что команда слишкомъ утомилась и не стало продовольственныхъ припасовъ. Въ эту экскурсію Россъ дошелъ до высокаго мыса подъ 72°38 къ югу отъ залива „Четырехъ рѣкъ“, (Four Rivers Bay). Отсюда берегъ тянулся все къ югу, въ прямомъ направленіи, слѣдовательно къ мысу „Николаю“ у магнитнаго полюса,—самаго сѣвернаго пункта, до котораго Россъ доходилъ въ 1832 году и до котораго онъ и теперь опять желалъ добраться. Въ то же время командиръ „Инвестигатора“, капитанъ Бирдъ осматривалъ сѣверный берегъ пролива Баррова и западное прибрежье пролива Принца Регента. Онъ доходилъ по восточному берегу Сѣв. Сомерсета до той же широты, какъ и Россъ по западному, а именно до Фури-Бичи, не находя, разумеется, нигдѣ Франклина. Въ концѣ іюня суда все еще были окружены льдами, и вышли изъ нихъ наконецъ 28-го августа только вслѣдствіе того, что Россъ приказалъ пробить во льду каналъ на протяженіи трехъ километровъ. Вышли же они въ море въ такое время года, когда уже опять ничего нельзя было сдѣлать. Тѣмъ не менѣе Россъ проникъ къ западу до канала Веллингтона, но на четвертый день

¹⁾ На нашихъ картахъ пространство прибрежья Баффиновой земли, вдоль котораго проходитъ проливъ Эглиптики къ заливу Пондъ значится подъ названіемъ „Земли Принца Вильяма.“ Сѣв. Сомерсетъ—большой островъ къ сѣверу отъ Боотин-Феликсъ. Долгое время полагали, что онъ представляетъ часть Боотин-Феликсъ, пока не убѣдились что онъ отдѣляется отъ послѣдней узкимъ проливомъ „Беллотъ.“

опять былъ окруженъ льдами, которые его увлекли на 320 километр. къ востоку, почти до залива Понда. Здѣсь ледяная масса вдругъ разбилась и суда Росса спаслись только какимъ-то чудомъ, не встрѣтивъ корабля „North Star“ подъ командою Джемса Л. Саундера, которому было приказано крейсировать въ этихъ водахъ съ тѣмъ, чтобы снабдить Росса свѣжими продовольственными запасами. North Star (полярная звѣзда) зиму 1849—50 г. провелъ въ Гренландіи въ заливѣ, названномъ его именемъ и снялъ на карту заливъ Вольстенгольмъ съ двумя лежащими на немъ островами и пространство берега къ югу до мыса Торка. Между тѣмъ Россъ еще въ октябрѣ покинулъ эти мѣста и прибылъ 3 ноября въ Англію въ портъ Скарборугъ ¹⁾. Адмиралтейство предполагало, что онъ проведетъ еще годъ въ арктическихъ моряхъ, преслѣдуя данную ему задачу, поэтому возвращенія его не ожидало.

Во главѣ сухопутной экспедиціи стоялъ старый другъ и товарищъ Франклина д-ръ Джонъ ²⁾, который въ сопровожденіи д-ра Рэ отправился 25-го марта 1848 г. къ рѣкѣ Макензи. Они совершили свое путешествіе черезъ Нью-Йоркъ и Канадскія озера съ такою поспѣшностью, что уже 13-го іюня прибыли въ фортъ Кумберландгаузъ. Стремилась какъ можно скорѣе достигнуть дельты Макензи и отсюда собственно заняться рѣшеніемъ своей задачи,—изслѣдованіемъ морскаго побережья въ восточномъ направленіи. 31-го іюля они дошли до устья рѣки и немедленно вошли въ Ледовитое море. До мыса Батурста все шло легко и благополучно, но чѣмъ болѣе подвигались къ востоку, тѣмъ тяжелѣе становилась борьба съ массами плавающихъ льдовъ. Въ проливѣ Дельфина и Союза плавающія массы льда всѣхъ видовъ и родовъ напирали и тѣснили съ такою ужасною силою, что нечего было думать о продолженіи плаванія. Лодки были вытасканы на берегъ и люди понесли ихъ на плечахъ вмѣстѣ со всѣми припасами, такъ какъ все еще была надежда за мысомъ Крузенштерна, въ заливѣ Коронаціи, найти открытый фарватеръ. Всѣ надежды были напрасны. Съ вершины мыса Крузенштерна, куда Ричардсонъ ни смотрѣлъ, онъ видѣлъ только полярное море, полное плавающихъ льдовъ. Поэтому Ричардсонъ оставилъ одну изъ своихъ лодокъ со всѣмъ ея грузомъ въ ущельѣ скалы и направилъ свой путь къ рѣкѣ Мѣдной Руды. Въ началѣ сентября онъ достигъ ея, но, за позднимъ временемъ года, ему не оставалось другаго выбора, какъ отыскать зимній домъ, фортъ Довѣрія (Confidence), построенный у Медвѣжьего

¹⁾ Ausland 1849 г., стр. 1131.

²⁾ Возведенный въ дворянское достоинство извѣстенъ съ 1846 г. подъ именемъ Сэра Джона Ричардсонъ.

озера, куда онъ прибылъ 15 сентября, и провелъ тамъ зиму. Это зимнее убѣжище Ричардсонъ оставилъ со всѣми своими европейскими товарищами 7-го мая 1849 года и 6-го ноября прибылъ въ Единбургъ.

Д-ръ Рэ въ это время сдѣлалъ попытку еще разъ достигнуть береговъ Волластона и Викторіи, которые тогда еще считались двумя отдѣльными островами. 30-го іюля онъ пришелъ къ мысу Крузенштерна, ждалъ здѣсь полныя три недѣли, надѣясь пройти дальше, но тщетно. При устьѣ рѣки Мѣдной Руды онъ нашелъ, оставленные тамъ въ прошломъ году, запасы пеммикана и пороха нетронутыми, но лодки были почти совершенно разрушены эскимосами, которые старались оторвать находящееся въ нихъ желѣзо ¹⁾).

Столь же безуспѣшна была третья экспедиція. Она состояла изъ одного только корабля „Ржанка“ (Plover) подъ начальствомъ капитана Мура (Moore), которому назначено было черезъ Беринговъ проливъ пройти сколько возможно далѣе къ востоку, вдоль сѣвернаго побережья Америки, затѣмъ войти въ какую-либо удобную гавань и отправить вдоль берега двѣ лодки для соединенія съ экспедиціею Ричардсона, вышедшей изъ устья р. Макензи. Послѣ того „Ржанка“, вернувшись въ Беринговъ проливъ и принявъ продовольственные запасы съ высланнаго ей на встрѣчу корабля „Герольдъ“, подъ командою капитана Генри Келлета, занимавшагося съ 1845 г. описаніемъ береговъ центральной и южной Америки, должна была въ случаѣ неуспѣха изслѣдованій въ первомъ году, возобновить ихъ въ слѣдующемъ. Муръ выпелъ изъ Англіи 31-го января 1848 г., обогнулъ мысъ Горнъ, но ни въ Панамѣ, ни въ Петропавловскомъ портѣ не встрѣтился съ „Герольдомъ“. Келлетъ же, со своей стороны, пошелъ въ проливъ Нортонъ и Коцебу, и не заставъ тамъ „Ржанки“ вернулся къ Мексиканскимъ берегамъ, гдѣ 24-го октября 1848 года бросилъ якорь въ заливѣ Мацатланѣ. Капитанъ Муръ, не смотря на всѣ старанія, не могъ въ этомъ году проникнуть далѣе Чукотскаго полуострова, слѣдовательно не выходилъ, изъ Берингова пролива, и долженъ былъ 9 мѣсяцевъ простоять среди льдовъ въ Анадырской губѣ. Въ слѣдующемъ году Муръ отправился въ заливъ Коцебу, гдѣ, наконецъ, и встрѣтился съ „Герольдомъ“. Къ нимъ присоединился еще великодушный Робертъ Шедденъ, бывшій штурманъ англійскаго флота, совершавшій кругосвѣтное путешествіе на своей яхтѣ „Нанси Даунсонъ“. Въ Гонгъ-Конгѣ онъ узналъ о снаряженіи экспедицій для спасенія Франклина и тотчасъ же рѣшился содѣйствовать ей своимъ кораблемъ. Рѣшено было соединенными силами снарядить

¹⁾ А. а. О. 1849 г., стр. 1119—1120.

экспедицію на лодкахъ для изслѣдованія сѣвернаго побережья Америки, а „Ржанка“ и „Герольдъ“ должны были воспользоваться этимъ временемъ, чтобы осмотрѣть полярное море къ сѣверу отъ Берингова пролива. Келлетъ,—у котораго, на „Герольдъ“ лейтенантомъ служилъ Бедфордъ Шимъ, а нѣмецъ д-ръ Бертольдъ Земанъ¹⁾ сопутствовалъ въ качествѣ ученаго ботаника,—впервые увидалъ во время этого плаванія, въ августѣ мѣсяцѣ, островъ Герольдъ и предполагаемую землю Ржанку (Plover-Land), о чемъ мы уже упоминали раньше. Экспедиція лодокъ находилась подъ на-

Островъ Бичи—мѣсто первой зимовки Франклина въ 1845—46 г.

частьствомъ лейтенанта Пуллена, котораго Шедденъ сопровождалъ до западнаго мыса Баррова, откуда онъ былъ вынужденъ вернуться, такъ какъ его слабое судно оказалось неспособнымъ къ дальнѣйшему плаванію по Ледовитому океану. Разставаясь съ экспедиціею, Шедденъ съ безпримѣрнымъ безкорыстіемъ предоставилъ большую часть своихъ богатыхъ запасовъ въ распоряженіе

¹⁾ Земанъ родился въ Ганноверѣ 28-го февраля 1825 г., ум. въ Явали, въ Никарагуѣ 10-го окт. 1871 г. Подробно о немъ смотри у Петерсмана „Geograph. Mitth.“ 1872 г., стр. 66 и „Proceed of the geographical Soc. 1872 г. стр. 310 и 311.

Пуллена ¹⁾). Отъ мыса Баррова Пулленъ пошелъ дальше только на двухъ маленькихъ китоловныхъ челнокахъ, на которыхъ онъ черезъ 32 дня дошелъ до рѣки Макензи, не находя нигдѣ слѣдовъ Франклина и его спутниковъ. Команда лодочной экспедиціи провела зиму въ фортѣ Симпсонѣ, на р. Макензи, подѣ 62° 7' сѣв. шир. и 121° 33' зап. долг. Когда въ слѣдующемъ году Пулленъ уже отправлялся обратно въ Англію, онъ получилъ у большого Невольничьяго озера предписаніе адмиралтейства, которое производя его между прочимъ въ чинъ командора, предлагало еще разъ вернуться въ Ледовитое море и попытаться совершить поѣздки на лодкахъ къ землѣ Волластона и Банка. Эта новая экспедиція была вполне безуспѣшна, такъ какъ при неблагоприятной погодѣ лѣтомъ 1850 года Пулленъ не могъ проникнуть далѣе мыса Батурста.

---

¹⁾ Этотъ безкорыстный дѣятель, носившій въ себѣ уже раньше зачатки смертельной болѣзни, умеръ вскорѣ въ Мацатланѣ 17-го ноября 1849 г.

Прорубка канала во льду экипажемъ эскадры Аустина.

ФРАНКЛИНСКІЯ ЭКСПЕДИЦІИ АУСТИНА И БЕЛЬЧЕРА.

ИТАКЪ первая большая экспедиція для отысканія Франклина съ его спутниками, или по крайней мѣрѣ для разъясненія постигшей ихъ участи, осталась безъ всякихъ существенныхъ результатовъ. Не смотря на изумительную настойчивость и безпримѣрную отвагу героевъ, нещадившихъ никакихъ средствъ для достиженія назначенной цѣли, не удалось проникнуть въ тѣ мѣста, гдѣ можно было надѣяться встрѣтить слѣды Франклиновой экспедиціи. Искали ее повсюду, кромѣ того мѣста, гдѣ она дѣйствительно находилась. Успокаивали себя нѣсколько тѣмъ, что устраивали склады провіанта въ различныхъ мѣстахъ арктическаго лабиринта острововъ Сѣверной Америки. Тѣмъ не менѣе, съ каждымъ днемъ возрастали опасенія и тревожныя предположенія объ участи, постигшей героевъ „Эребуса“ и „Террора“. Въ послѣднее время въ особенности нѣкоторые китоловы доставляли различныя загадочныя свѣдѣнія, полученные ими отъ эскимосовъ¹⁾. Въ видахъ разъясненія этихъ слуховъ

¹⁾ О слухахъ, ходившихъ тогда въ публикѣ относительно участи экспедиціи Франклина, между прочимъ кое-что помѣщено въ „Ausland“ 1848 г., стр. 1024 и 1851 г. стр. 563 и 728. Даже какая-то ясновидящая, политическая неважда, не умѣвшая ни читать, ни писать и не имѣвшая никакого понятія о картѣ, возвѣщала что-то о Франклинѣ. По ей, не лишеннымъ правдоподобія, словамъ,

врачъ Робертъ Антрестеръ Гудсиръ (Anthruster Goodsir), братъ одного изъ пропавшихъ, предпринялъ еще въ 1849 г. вмѣстѣ съ китоловомъ Вильямомъ Пенни на „Advice“ (Извѣстіе) поѣздку въ Баффиновъ заливъ и въ Ланкастерскій проливъ. Единственный результатъ этого путешествія, однако, состоялъ въ томъ, что обманчивыя извѣстія эскимосовъ слѣдуетъ принимать съ крайнею осторожностью ¹⁾. Со времени возвращенія Джемса Росса все болѣе и болѣе подтверждалось грустное предположеніе, что Франклинъ затеръ льдами Веллингтонова канала, куда Россъ не могъ проникнуть ²⁾. Въ Англіи было рѣшено безотлагательно снарядить нѣсколько новыхъ экспедицій. Для отысканія пропавшихъ былъ составленъ грандіозный планъ и соотвѣтственно этому сдѣланъ расчетъ на огромныя суммы. Великодушіе англичанъ, въ подобныхъ случаяхъ, не знаетъ предѣловъ. Не менѣе 14 судовъ отправились въ 1850 году съ благородною цѣлью—отыскать бѣдныхъ страдальцевъ. Англійское правительство послало въ полярное море десять кораблей съ отборною командою и громадными запасами вспомога-тельныхъ средствъ и продовольствія. Этимъ по истинѣ величественнымъ и великодушнымъ стремленіямъ не доставало только одного—знанія дѣла!

Въ числѣ лицъ, подававшихъ въ адмиралтейство свои проекты спасенія Франклина и изъявившихъ желаніе принять участіе, въ снаряжаемыхъ съ этою цѣлью, экспедиціяхъ, былъ также вышеупомянутый китоловъ Вильямъ Пенни изъ Абердена, человѣкъ прямого, честнаго характера ³⁾, плававшій въ теченіи 28 лѣтъ по арктическимъ морямъ, смѣлый и счастливый морякъ, принимавшій живѣйшее участіе въ судьбѣ Франклина и его товарищей, но не получившій никакого научнаго образованія. Убѣжденіе въ необходимости поисковъ по Веллингтонову каналу, все болѣе и болѣе распространявшееся, обратилось со временъ Пенни въ ка-

---

Франклинъ сошелъ съ судовъ и возвращался сухимъ путемъ. „Schipp-Gazette“ отъ 4-го октября 1849 г.

¹⁾ R. A. Goodsir „An arctic voyage to Baffins Bay and Lancaster Sound in search of friends with Sir John Franklin. With maps and engravings. London. 1850.

²⁾ „Ausland“ 1849 г., стр. 1108.

³⁾ Что Пенни тѣмъ не менѣе былъ человѣкъ чрезвычайно разсчетливый, доказываетъ тѣмъ, что Осборнъ разсказалъ про него въ вѣзданіи лондонскаго географическаго общества 13-го апрѣля 1863 года. Когда Галь доказала, что проливъ Фробिशера только заливъ, Пенни увѣрялъ его, Осборна, что онъ это давно зналъ и что онъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, гоняясь за китами, доходилъ до вершины залива. На вопросъ, почему же онъ объ этомъ не заявилъ точнѣе, Пенни далъ классическій отвѣтъ: my knowledge is money (мои познанія—деньги). („Proceed. of the Roy. geograph. Soc.“ 1863 г. стр. 101).

кое-то безотчетное безразсудство. Вслѣдствіе представленія Пенни отъ 22-го декабря 1849 г. о томъ, чтобы направить поиски черезъ проливъ Джонса въ каналъ Веллингтона, адмиралтейство поручило ему снаряженіе двухъ кораблей „Леди Франклинъ“ ¹⁾ и „Софіи“, на которыхъ онъ 13-го апрѣля 1850 г. и вышелъ изъ Абердена. Одновременно съ Пенни была отправлена другая экспедиція, экипажъ которой большею частью состоялъ изъ матросовъ королевскаго флота, но также въ проливъ Барровъ, отъ котораго Веллингтоновъ каналъ отдѣляется къ сѣверу. Эта экспедиція состояла изъ двухъ парусныхъ судовъ „Resolute“ (Рѣшительный) подъ командою капитана Горацио Томаса Аустина ²⁾, который по рекомендаціи Парри былъ назначенъ начальникомъ всей эскадры, и „Assistance“ (Помощь—командиръ Эрасмъ Омманъ) и двухъ винтовыхъ пароходовъ „Піонеръ“—(командиръ лейтенантъ Шерардъ Осборнъ ³⁾ и „Intrepid“ (Неустрасимый). Эта эскадра вышла въ море изъ Вульвича вслѣдъ за Пенни, а именно 4-го мая 1850 г. Но еще до отправления этихъ двухъ отрядовъ, третья экспедиція состоявшая изъ двухъ кораблей „Entreprise“ (Предпріятіе) и „Investigator“ (Исслѣдователь), ушла 20-го января того же года къ Беринговому проливу, чтобы исслѣдовать предполагаемую область дѣятельности Франклина съ западной стороны. Итакъ составилось опять, какъ и въ первый разъ, взаимное дѣйствіе трехъ экспедицій, изъ которыхъ впрочемъ двѣ отправились къ одному и тому же мѣсту. Туда же направился и маститый старецъ Джонъ Россъ, который, не взирая на свои 74 года, не хотѣлъ бездѣйствовать при подобныхъ обстоятельствахъ. Когда адмиралтейство отклонило его услуги, онъ обратился со своими предложеніями къ Гудсоновой компаніи, которая, считая дѣломъ чести принять участіе въ дѣлѣ спасенія Франклиновской экспедиціи, назначила значительную сумму въ распоряженіе заслуженнаго моряка. Благодаря частнымъ пожертвованіямъ, Россъ настолько увеличилъ бывшія въ его распоряженіи средства, что 23-го мая 1850 г. ему удалось уже выйти изъ Шотландіи въ море

¹⁾ На этомъ кораблѣ былъ врачомъ д-ръ Сутерландъ, которому, между прочимъ, обязаны отличнымъ описаніемъ моря у южной оконечности Гренландіи. „Ausland“ 1852 г. стр. 797.

²⁾ Умеръ въ ноябрѣ 1865 г., 64-хъ лѣтъ, въ чинѣ вице-адмирала.

³⁾ Род. 25-го апрѣля 1822 г. вступилъ въ морскую службу въ 1837 г., въ 1888—1889 г. уже командовалъ канониркою при изгнаніи возмущившихся малайцевъ изъ Кведы, на полуостровѣ Малаккѣ, участвовалъ въ 1841 году въ занятіи Кантона и въ 1842 г. Шанхая, съ 1844 до 1848 г., служилъ на фрегатѣ „Коллингвудъ“, ознакомился съ западнымъ побережьемъ южной Америки и съ Тихимъ океаномъ, а теперь былъ назначенъ командиромъ парохода „Піонера“. Онъ умеръ 6-го мая 1875 г. въ Портсмутѣ въ чинѣ контръ-адмирала. Подробное описаніе его жизни содержится въ „Proceed. Roy. geograph. Soc.“ 1875 г., стр. 370—381.

на двухъ судахъ, шкунѣ „Феликсъ“ и яхтѣ „Мари“. Америка признавая, что Франклинъ первыми своими путешествіями оказалъ важныя услуги въ дѣлѣ изслѣдованія страны, со своей стороны изъяснила готовность содѣйствовать его отысканію. Когда въ 1849 г. леди Франклинъ съ довѣрчивостью обратилась къ президенту Соединенныхъ Штатовъ, Захарію Тайлору, и просила снарядить экспедицію для отысканія ея пропавшаго мужа, то получила въ отвѣтъ самые благопріятные отзывы. Какъ самъ президентъ, такъ и исполнительная власть республики употребили всѣ усилія, чтобы въ томъ же, 1849 году, отправить экспедицію. Но при томъ порядкѣ вещей, который практикуется въ дѣлахъ великой республики, рѣшеніе вопроса затянулось. Богатый нью-іоркскій купецъ, Генри Гриннель ¹⁾, великодушно рѣшился наконецъ взяться за дѣло, вмѣсто своего отечества и спасти честь послѣдняго, снарядивши экспедицію на свой собственный счетъ. Двѣ бригадины „Advance“ (Успѣхъ) въ 144 тоннъ и „Rescue“ (Избавленіе) въ 91 тонну, вполне снаряженныя, были имъ отданы въ распоряженіе конгресса, причемъ онъ просилъ только, чтобы экипажъ былъ составленъ изъ офицеровъ и матросовъ адмиралтейскаго флота и чтобы корабли эти имѣли характеръ государственныхъ. Теперь только медлительный конгрессъ перешелъ отъ словъ къ дѣлу, принявъ великодушное предложеніе Гриннеля и согласившись на его просьбу, въ виду того, что для этого не требовалось уже значительныхъ расходовъ. Начальство надъ судами было вручено лейтенанту де-Гавену, командовавшему „Advance“ омъ; командиромъ „Rescue“ былъ назначенъ лейтенантъ С. П. Грифинъ. Самою замѣчательною личностью этой экспедиціи былъ ученый д-ръ Элиза Кентъ Кэнъ. Команда обоихъ судовъ состояла всего изъ 33 человекъ, самое же снаряженіе совершилось слишкомъ поспѣшно и впослѣдствіи оказался сильный недостатокъ въ противоязвотныхъ средствахъ. Самъ Кэнъ, находившійся въ то время въ Мексиканскомъ заливѣ, и приглашенный участвовать въ этой экспедиціи, получилъ извѣщеніе только за десять дней до отвала. Въ Нью-Йоркѣ, для собственныхъ приготовленій и для покупки научныхъ пособій и инструментовъ, ему оставалось всего 40 часовъ, такъ что инструменты даже не попали на судно.

Генри Гриннель.

¹⁾ Род. въ 1799 г. въ Нью-Бедфордѣ, въ штатѣ Массачузеттъ, ум. въ Нью-Йоркѣ 30-го іюня 1874 г. въ должности старшаго президента.

Въ исторіи полярныхъ плаваній это первое участіе въ нихъ со стороны американцевъ извѣстно подъ названіемъ „первой Гриннелевой экспедиціи“. Отъѣздъ изъ Нью-Йорка послѣдовалъ 22 мая.

Теперь все вниманіе было обращено на болѣе сѣверныя широты. Одновременно поплыли въ одномъ и томъ же, безусловно невѣрно выбранномъ, направленіи десять кораблей, какъ будто гонимые какимъ-то злымъ духомъ. Между тѣмъ простое благоразуміе требовало, чтобы поиски, захватывая по возможности большую область, производились въ различныхъ участкахъ, тѣмъ болѣе что леди Франклинъ, побуждаемая какимъ-то неопредѣленнымъ предчувствіемъ, постоянно указывала на страны, прилегающія къ Боотіи-Феликсъ. Первый планъ, имѣвшій въ виду направить поиски къ мѣстамъ, болѣе соответствующимъ дѣйствительности, былъ составленъ какимъ-то совершенно неизвѣстнымъ морякомъ В. Паркеръ Сно, предлагавшимъ изъ Нью-Йорка, въ письмѣ отъ 7-го января 1850 года, леди Франклинъ снарядить сухопутную экспедицію, которая тремя отрядами должна была отправиться къ рѣкѣ Большой Рыбной, къ магнитному полюсу и къ проливу Принца Регента. Непоколетимо убѣжденный въ безошибочности своихъ указаній, Сно доказывалъ, что экспедиція Франклина непременно затерялась въ мѣстности, мало доступной какъ съ моря, такъ и съ суши, такъ какъ въ противномъ случаѣ она, или по крайней мѣрѣ часть ея, давно бы уже возвратилась. Подобный же планъ былъ представленъ леди Франклинъ 6-го октября 1849 года лейтенантомъ Шерардомъ Осборномъ, отправившимся вслѣдъ за тѣмъ съ экспедиціею, состоявшею подъ командою капитана Аустина. Всѣ эти частные планы замѣчательны тѣмъ, что они имѣли въ виду внутренній юго-восточный уголъ сѣверо-американскаго побережья, т. е. именно то направленіе, которое оказалось въ послѣдствіи совершенно правильнымъ, между тѣмъ какъ официальные проекты какъ будто пренебрегли этою мѣстностью, не обращая на нее никакого вниманія. Для выполненія этихъ начертаній, несогласныхъ съ планами адмиралтейства, леди Франклинъ купила на свой счетъ шкуну „Принцъ Альбертъ“, въ 89 тоннъ, и отдала ее подъ начальство моряка королевскаго флота Кодрингтона Форсита, которому сопутствовалъ вышеупомянутый Паркеръ Сно. Экспедиція получила назначеніе изслѣдовать западный берегъ пролива Принца Регента и Боотіи, къ югу до проливовъ Джемса Росса и Симпсона.

5-го іюня 1850 г. шкуна „Принцъ Альбертъ“ выступила изъ Абердена, а къ 1-му октября уже вернулась. Ей не удалось пройти по проливу Принца Регента далѣе залива Фури и проникнуть до западнаго берега Боотіи по причинѣ неодолимыхъ массъ льда, нагромодившихся тамъ, начиная съ острова Леопольда. Равнымъ

образомъ не удалась попытка достигнуть Боотін чрезъ проливъ Пиля. Не слѣдовало—и въ этомъ состояла вся ошибка—даже и пытаться пройти проливъ Барровъ вдоль сѣвернаго берега Сомерсета, потому что въ этомъ мѣстѣ всегда собираются страшныя массы льда, тѣмъ менѣе это было исполнимо для такого маленькаго судна, какъ „Принцъ Альбертъ“, который вовсе негодился для арктическихъ плаваній ¹⁾. „Принцъ Альбертъ“ доставилъ, или по крайней мѣрѣ подтвердилъ одно чрезвычайно важное извѣстіе ²⁾, именно, что правительственные корабли нашли у мыса Рилей и на островѣ Бичи доказательства того, что Франклинъ провелъ здѣсь первую зиму. Здѣсь у мѣста будетъ прослѣдить шагъ за шагомъ дѣйствія англійскихъ эскадръ, посланныхъ для отысканія Франклина.

1850 годъ былъ до такой степени неблагоприятный для плаванія по Баффинову заливу, что вышедшій первымъ изъ Англіи и ранше другихъ прибывшій въ Упернивикъ Пенни былъ тамъ настигнутъ какъ эскадрою Аустина, такъ и судами капитана Росса и командора Форсита. Въ началѣ августа всѣ англійскіе корабли находились въ ледяномъ лабиринтѣ залива Мельвиля у западной Гренландіи, въ нетерпѣливомъ ожиданіи открытія прохода въ проливъ Ланкастеръ. Проходъ этотъ открылся 10-го числа, но поплыли къ западу только 15-го августа, потерявъ напрасно 5 дней, потому что легковѣрный Россъ, присвоивъ себѣ по праву старшинства руководящее вліяніе, счелъ нужнымъ прежде удостовѣриться въ справедливости какихъ-то доставленныхъ эскимосами свѣдѣній, оказавшихся, разумеется, совершенно невѣрными. Недѣлю спустя всѣ суда безъ исключенія находились въ проливѣ Баррова, такъ какъ и Пенни оставилъ изъ-за льдовъ свою любимую мысль проникнуть впередъ черезъ сѣвернѣе лежащій проливъ Джонса. Къ этому времени подошли сюда и американцы, и Полярная Звѣзда („North-Star“ ³⁾) подъ командою Саундерса, который провелъ зиму 1849/50 г. сѣвернѣе залива Мельвиля у береговъ Гренландіи, такъ

¹⁾ Отчетъ объ этомъ плаваніи составилъ В. Паркеръ Сно. Voyage of the „Prince Albert“ in search of Franklin. A narrative of every day life in the Arctic Seas. London. 1851.

²⁾ Кеннеди доказываетъ, что ошибочно увѣряютъ, будто Форситъ первый привезъ въ Англію въ октябрѣ 1850 г. извѣстіе о найденныхъ на островѣ Бичи слѣдахъ экспедиціи Франклина. См. Kennedy „A short narrative of the second voyage of the „Prince Albert“ in search of Sir John Franklin. London. 1853. 8°, стр. 40 и 47. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что объ этомъ было извѣстно въ Англіи еще въ октябрѣ 1850 года, такъ какъ таковыя свѣдѣнія помѣщены въ „Ausland“ въ 14-го октября того же года на страницѣ 984.

³⁾ „North-Star“, впрочемъ, скорѣе послѣ того возвратился въ Англію, сложивъ доставленные имъ припасы на маленькомъ островѣ Волластонѣ у входа въ заливчикъ Navy-Board.

что число всѣхъ судовъ возросло до 12-ти. Относительно изысканій, предпринимаемыхъ въ проливѣ Ланкастера, по общему соглашенію было постановлено, что командоръ Форситъ займется изслѣдованіемъ южнаго берега пролива, Омманэ на Assistance и Intrepide—сѣвернаго берега, капитанъ Аустинъ на Resolute и Pioneer—заливами Понда и „Possession“ (Владѣнія). Плаваніе Форсита не было успѣшно, какъ мы уже сообщали. 25-го августа онъ встрѣтился на обратномъ пути у мыса Рилей, на юго-западѣ Сѣвернаго Девона, съ лейтенантомъ де-Гавеномъ, который ему сообщилъ, что капитаномъ Омманэ, а потомъ и имъ самимъ найдены слѣды пропавшихъ: остатки канатовъ, парусины и тому подобныхъ предметовъ, принадлежавшихъ, безъ сомнѣнія, экспедиціи Франклина. Капитанъ Омманэ отправился между тѣмъ отъ мыса Рилей далѣе къ западу, къ мысу Gotham на островѣ Корнваллисѣ, чтобы, согласно назначенію, соединиться здѣсь съ Аустиномъ. Въ этомъ направленіи сопровождалъ его „Rescue“, однако всѣ они были задержаны въ теченіи двухъ недѣль льдами. Между тѣмъ и Пенни, шедшій къ Веллингтонову каналу, достигъ мыса Рилей, откуда, узнавъ отъ того же де-Гавена объ открытіи слѣдовъ Франклина, отправился далѣе для новыхъ поисковъ. Уже у мыса Спенсера, на юго-западѣ острова Сѣвернаго Девона, въ 18-ти километрахъ отъ мыса Рилей, нашелъ онъ дѣйствительно различныя новыя остатки и вскорѣ послѣ того на сосѣднемъ островѣ Бичи, гдѣ 27-го августа сошелся съ Россомъ и де-Гавеномъ, открылъ первое мѣсто зимовки Франклина. Можно было совершенно ясно различить мѣсто работы корабельныхъ мастеровыхъ, обсерваторіи, даже слѣды маленькаго садика, въ которомъ и теперь цвѣло еще нѣсколько анемоновъ. Тутъ же нашли три могилы, сложенныя изъ каменныхъ плитъ и дубовыхъ досокъ; надписи на нихъ доказывали, что здѣсь погребены участники Франклиновской экспедиціи. Крайне замѣчательно, что нигдѣ не было найдено никакихъ письменныхъ документовъ, несмотря на то, что вся мѣстность была тщательно обыскана и изслѣдована, чему не мало содѣйствовалъ и капитанъ Аустинъ, прибывшій туда съ этою цѣлю. Онъ далъ этому мѣсту названіе залива Союза (Union Bay). Съ 3-го по 5-е сентября всѣ англійскія суда были принуждены простоять въ заливѣ Союза изъ-за дурной погоды, послѣ того капитанъ Аустинъ поплылъ къ мысу Gotham, чтобы соединиться съ кораблями капитана Омманэ; Пенни-же, котораго сопровождалъ капитанъ Россъ на кораблѣ „Феликсъ“, пошелъ къ каналу Веллингтона, куда американцы отправились еще 28-го августа. Де-Гавенъ хотѣлъ сдѣлать все возможное, чтобы достигнуть „открытаго полярнаго моря“, лежащаго, какъ полагали, еще сѣвернѣе, но долженъ былъ отъ этого

отказаться и вернуться. На возвратномъ пути онъ встрѣтилъ Пенни, который отправился вмѣстѣ съ нимъ на мысъ Gotham, къ эскадрѣ Аустина. Такимъ образомъ обстоятельства снова заставили всѣ корабли соединиться въ одномъ мѣстѣ, а позднее время года вынудило ихъ расположиться на зимовку. Капитанъ Аустинъ со своими четырьмя кораблями нашелъ убѣжище въ одной бухтѣ Гриффитова острова, капитанъ Пенни и Джонъ Россъ съ тремя кораблями—въ бухтѣ Помощи (Assistance Bay), нѣсколько западнѣе мыса Gotham'a, на южной сторонѣ острова Корнваллиса.

Гриннелева экспедиція по инструкціи обязана была избѣгнуть зимовки, для которой она вовсе не была приготовлена, а потому и пустилась 10-го сентября въ обратный путь. Это плаваніе особенно богато приключеніями и бѣдствіямъ, перенесеннымъ несчастными путешественниками можно причислить къ самымъ страшнымъ и ужаснымъ изъ всѣхъ упоминаемыхъ исторіей полярнаго мореплаванія. Съ самаго начала страшная буря отдѣлила „Rescue“ отъ „Advance“'а, потомъ когда, имъ удалось опять соединиться, грозныя массы льда, гонимыя сильнымъ вѣтромъ, увлекли суда не на востокъ, а неловимо къ сѣверу, въ такія широты, до которыхъ въ этихъ мѣстахъ не доходилъ еще ни одинъ европеецъ. Подъ 75° 25' сѣв. шир. Веллингтоновъ каналъ поворачиваетъ къ западу, а далѣе, къ сѣверу, корабли увидѣли 22-го сентября неясныя очертанія обширной земли, которой дали названіе „Гриннелевой земли“¹⁾. Чѣмъ далѣе подвигались къ сѣверу, тѣмъ разнообразнѣе и богаче становилась животная жизнь и казалось, подтверждавалось предположеніе, что ближе къ полюсамъ климатъ менѣе суровъ. Къ концу ноября 1850 г. ледяная масса, окружавшая американскія суда, приняла обратное движеніе къ югу, т. е. къ проливу Баррову, а затѣмъ къ востоку, къ проливу Ланкастера.

На этомъ ледяномъ островѣ вся Гриннелевская экспедиція, члены и прислуга которой уже до этого три недѣли не раздѣвались, въ виду угрожавшей имъ ежеминутной опасности, должна была

¹⁾ Арросмитъ (Arrowsmith) утверждаетъ, будто Пенни видѣлъ еще раньше эту землю, а именно 26-го августа, въ день рожденія принца Альберта и поэтому назвалъ ее „Землею Альберта“. Противъ этого возражалъ Петръ Форсъ въ Вашингтонѣ, доказывая, изъ отчета Омманъ, что Пенни 26-го августа никакой земли не открывалъ, такъ какъ въ этотъ день былъ окруженъ льдами близъ бухты Барлова, слѣдовательно болѣе чѣмъ на одинъ градусъ южнѣе Гриннелевой земли. По поводу этого спора, замѣчаетъ вполнѣ правильно „Ausland“ (1853 г., стр. 311), научныя изслѣдователи пришли къ тому соглашенію, что де-Гавенъ вѣроятно показалъ положеніе Гриннелевой земли на 10 миль сѣвернѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Во всякомъ случаѣ мы получили новое указаніе, какъ нужно быть осторожнымъ въ принятіи на вѣру показаній англичанъ и не менѣе остерегаться американской небрежности.

провести всю арктическую зиму, продолжавшуюся со всѣми ея ужасами, девяносто дней, съ ноября по февраль. Небрежность и поспѣшность, съ которыми были сдѣланы приготовленія къ этому плаванію, отозвались теперь самымъ жестокимъ образомъ. Всѣ безъ исключенія захворали цынгою, а нѣкоторые изъ нихъ въ такой степени, что ежедневно по нѣсколько разъ падали въ обморокъ. Только благодаря почти сверхъестественнымъ усиліямъ Кэна, не было смертельныхъ случаевъ. Докторъ, больной самъ, ходилъ за своими больными спутниками съ истинно-трогательною заботливостью. Онъ не только пользовалъ ихъ въ качествѣ медика, но приносилъ часто съ охоты много свѣжаго мяса, которое и раздѣлялъ между больными. Кромѣ цынги, бѣдные страдальцы должны были бороться съ холодомъ. Корабль ихъ былъ поднятъ льдомъ такъ высоко, что не представлялось никакой возможности обложить его снѣгомъ или принять какія-либо другія предохранительныя мѣры. Нерѣдко, корма поднималась льдами двумя метрами выше остальной части корабля, кровати промерзали, даже все стоящее близъ огня замерзало, а, кромѣ того, часто не представлялось никакой возможности поддерживать огонь, — такъ сильны были толчки, напиравшаго на корабль льда ¹⁾. Въ довершеніе всего „Rescue“ былъ поставленъ въ такое отчаянное положеніе, что пришлось всю команду съ него перевести на „Advance“. Съ половины января 1851 г. корабли вмѣстѣ со своею ледяною темницею стали подвигаться по Баффинову заливу къ югу, и освободились только 5-го іюня въ Дэвисовомъ проливѣ у мыса Валзингама. Подъ вліяніемъ болѣе теплаго, морского теченія, идущаго съ юговостока, все необъятное ледяное поле, безъ всякаго шума и съ невѣроятною скоростью рассыпалось на тысячи обломковъ. Послѣ тщетной попытки еще разъ пробиться черезъ срединный ледъ Баффинова залива, въ надеждѣ вторично проникнуть къ сѣверу, „Advance“ вернулся 30-го сентября 1851 г. въ портъ Нью-Йоркъ, „Rescue“ нѣсколько позже, оба не потерявъ ни одного человѣка изъ своихъ командъ.

Съ самаго начала 1851 г. англійскіе корабли снаряжали большія экспедиціи на саняхъ, но онѣ не встрѣтили ничего, что могло бы указать на пребываніе Франклина въ этихъ мѣстахъ.

15-го апрѣля двинулись одновременно три санныя экспедиціи, изъ которыхъ одна, подъ начальствомъ Омманэ, съ 7-ю санями и 52 человѣками экипажа, изслѣдовала мѣстность, лежащую къ югу и юго-западу, около мыса Валькера, другая — съ лейтенантомъ Альдерихомъ, 2 санями и 16 человѣками — неизвѣстный еще каналъ на сѣверной сторонѣ острова Біама-Мартинъ (Biam-Martin),

¹⁾ Ausland, 1851 г., стр. 1020.

а третья—съ лейтенантомъ Макъ-Клинтокомъ, 5 санями и 36 человѣками—островъ Мельвиль. Новыя изслѣдованія Ожманэ простираются въ длину на 950 килом. При мысѣ Валькерѣ онъ раздѣлилъ людей на три отряда: одинъ, подъ начальствомъ лейтенанта Броуна, прошелъ въ проливъ Пиля, только теперь основательно изслѣдованный до $72^{\circ} 49'$ сѣв. шир., но все еще не какъ проливъ, и потому не названный своимъ настоящимъ именемъ; второй и третій отряды отправились къ сѣверозападному берегу земли Принца Валлійскаго, который и сняли на карту отъ мыса Валькера до $103^{\circ} 25'$ зап. долготы. Заливъ Ожманэ и мысъ Осборнъ получили свои имена отъ предводителей этихъ двухъ отрядовъ. Ледъ, нагромоздившійся въ заливѣ Парри и находившійся въ теченіи зимы въ неподвижномъ состояніи, когда тронулся, обнаружилъ всѣ гибельныя свойства полярнаго льда. Какъ Ожманэ, такъ и Осборнъ заявили, что плаваніе по проливу Парри положительно немислимо. Острова Парри, лежащіе къ сѣверу отъ пролива Баррова, были изслѣдованы до $76^{\circ} 23'$ сѣв. шир. При этомъ въ особенности отличился лейтенантъ Макъ-Клинтокъ, совершившій переходъ на саняхъ на протяженіи 1400 километр. до полуострова Дундаса и залива Лиддона, на южномъ берегу острова Мельвиля. Макъ-Клинтокъ обнаружилъ необычайную ловкость и находчивость въ дѣлѣ передвиженія на саняхъ, чѣмъ и стяжалъ себѣ въ послѣдствіи не малую славу въ исторіи полярныхъ путешествій. Макъ-Клинтокъ вполне подтвердилъ мнѣніе Парри о томъ, что плаваніе по проливу Банкса, между островами Банкса и Мельвиля, рѣшительно невозможно. Лейтенантъ Алѣдрихъ прошелъ по восточному берегу острова Мельвиля до 76° сѣв. шир. 4-го іюля всѣ частныя экспедиціи на саняхъ уже возвратились къ своимъ кораблямъ. Пенни, который, разумѣется, главнымъ образомъ обращалъ все свое вниманіе на Веллингтоновъ каналъ, снаряжалъ также поѣздки на саняхъ, но безуспѣшно. Двѣ его экспедиціи изслѣдовали восточную сторону Веллингтонова канала до $76^{\frac{1}{2}^{\circ}}$ сѣв. шир., а третья—южный берегъ Сѣвернаго Девона. Самъ же онъ проѣхалъ по западной сторонѣ канала до острова Байли-Гамильтона (76° сѣв. шир.), гдѣ увидѣлъ предъ собою полосу открытой воды; все вообще указывало на то, что въ болѣе сѣверныхъ широтахъ природа разнообразнѣе и богаче. Когда, черезъ мѣсяцъ, онъ во второй разъ прибылъ въ лодкѣ къ краю этой полосы, то сильный сѣверный вѣтеръ гналъ въ открытый проходъ массы плавающего льда. 25-го іюля Пенни вернулся къ своимъ кораблямъ, въ твердомъ убѣжденіи, что Франклинъ не проходилъ инымъ путемъ, какъ черезъ Веллингтоновъ каналъ. Непослѣдовательныя, основанныя на безотчетномъ увлеченіи, сообщенія необразованнаго

китолова заставили придти Аустина, обсуждавшего все хладнокровно, совершенно къ противоположному выводу. Поэтому онъ отказалъ Пенни въ просьбѣ предоставить ему въ распоряженіе одинъ изъ пароходовъ съ командою для изслѣдованія Веллингтонова канала и для плаванія по предполагаемому имъ свободному отъ льдовъ полярному морю, что, разумѣется, повело къ непріятному столкновенію. Но едва ли слѣдуетъ утверждать, будто это несогласіе между начальниками экспедицій было причиною, что въ томъ году никакихъ серьезныхъ изслѣдованій болѣе не было предпринято. Аустинъ еще до этого рѣшилъ, что ничего болѣе не остается дѣлать, какъ вернуться на родину, хотя и безъ всякихъ утѣшительныхъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе онъ еще разъ попытался проникнуть въ открытое полярное море черезъ проливы Смита и Джонса, причемъ дѣйствительно дошелъ до 82° зап. долг. и снялъ на карту прибрежье острова Кобурга и пространства между заливомъ Вольстенгольмомъ и Уэльсундомъ. Омманъ въ это же время подходилъ къ островамъ Гарей и опредѣлил ихъ положеніе астрономически. Такими распоряженіями Аустинъ вынудилъ и Пенни рѣшиться на обратный путь, такъ какъ безъ парохода онъ не могъ осуществить своего любимого плана. Подобный образъ дѣйствій навлекъ на Аустина всеобщее неудовольствіе. Общественное мнѣніе и даже специалисты дѣла были на сторонѣ Пенни, не исключая леди Франклинъ. Такъ какъ Аустинъ, на основаніи сдѣланныхъ изслѣдованій, пришелъ къ непоколебимому убѣжденію, что Франклинъ отъ мыса Валькера не ходилъ ни на югозападъ, ни на западъ, ни даже на сѣверозападъ, потому что проходъ по этимъ направленіямъ оказался невозможнымъ, то и нельзя ему ставить въ вину того, что онъ рѣшилъ немедленно вернуться. Точно также Джонъ Россъ, отправившійся въ походъ съ обширнѣйшими планами, вернулся домой смиренно и, одновременно съ эскадрою Аустина, присталъ къ берегамъ родины.

Еще до возвращенія этихъ экспедицій изъ полярныхъ плаваній, организованы были новыя экспедиціи для отысканія Франклина, какъ сухопутныя, такъ и морскія. Неустрашимый д-ръ Джонъ Рэ предпринималъ въ 1851 г. путешествіе отъ большого Медвѣжьяго озера къ сѣверу до морскаго берега и оттуда, черезъ ледъ, къ землѣ Воластона или Викторіи. Онъ вышелъ изъ форта Довѣрія (Confidence) 25-го апрѣля на трехъ саняхъ запряженныхъ собаками и въ сопровожденіи 4-хъ человѣкъ. На четвертыхъ саняхъ меньшаго размѣра везли поклажу и необходимыя жизненные припасы. 1-го мая Рэ пришелъ къ заливу Ричардсона, нѣсколько западнѣе устья р. Мѣдной Руды и къ величайшей своей радости, нашелъ здѣсь ледъ такимъ крѣпкимъ, что тотчасъ же могъ продолжать свой путь черезъ

проливъ по направленію къ мысу Дугласъ, нѣсколько сѣвернѣе мыса Крузенштерна, до земли Волластона. Здѣсь онъ сложилъ часть провіанта до своего возвращенія, „en cache“, какъ выражаются французскіе канадцы. Отсюда путешественники пошли на сѣверо-востоку, открыли нѣсколько острововъ и перешли черезъ какой-то широкой заливъ съ низменными берегами, которому дали названіе „Walbank.“ „Мнѣ предстояло теперь, пишетъ Рэ, или пройти сухимъ путемъ къ сѣверу, до морскаго берега, или же вернуться, вдоль морскаго же берега въ западномъ направленіи, въ надеждѣ, что гдѣ-нибудь по берегу Земли Волластона въ такомъ мѣстѣ, которое еще не значится на картахъ, откроется отыскиваемый проходъ.“ Рэ избралъ послѣднее направленіе и изслѣдовалъ южную часть Земли Волластона до $117^{\circ} 6' 35''$ западн. долг. отъ Грин. Подъ $69^{\circ} 34'$ сѣв. шир. и $116^{\circ} 28'$ зап. долг. отъ Грин. онъ встрѣтилъ 13 кочующихъ эскимосскихъ семействъ, съ которыми вступилъ въ дружелюбныя сношенія, не смотря на то, что эскимосы сначала отнеслись къ нему съ недовѣріемъ. Самая сѣверная точка, которой достигъ Рэ со своими спутниками, лежала подъ $70^{\circ} 0' 23''$ сѣв. шир. Пора было вернуться. 30 мая ночью перешли, въ возможно кратчайшемъ направленіи, черезъ ледъ къ крутому берегу, сѣвернѣе мыса Крузенштерна, и, послѣ тяжелаго трехнедѣльнаго перехода, въ теченіи котораго имъ приходилось постоянно переправляться черезъ быстрые потоки по глубокимъ ложбинамъ и долинамъ, дошли 20-го августа 1851 г. до рѣки Кендаль, сбѣлавъ болѣе 1500 кил.¹⁾ На всемъ этомъ пространствѣ не было никакихъ слѣдовъ Франклиновой экспедиціи. Между тѣмъ Рэ былъ именно въ ближайшемъ сосѣдствѣ того мѣста, гдѣ „Эребусъ“ и „Терроръ“ были оставлены спутниками Франклина. На этотъ разъ, однако, судьба впервые, хотя и не совсѣмъ ясно, указала—гдѣ слѣдовало искать Франклина: на обратномъ пути, послѣ второй своей попытки проникнуть далѣе, причемъ Рэ дошелъ до $70^{\circ} 30'$ сѣв. шир. и 101° зап. долг. т. е. приблизительно въ 170 километр. отъ магнитнаго полюса, нашли 21-го августа въ заливѣ „Паркеръ“ на юго-восточномъ берегу Земли Волластона, обломокъ флажштока, къ которому былъ прикрѣпленъ кусокъ бѣлой снасти. Снасть была проткана извѣстнымъ образомъ красною шерстяною ниткою, гвозди мѣдные со значкомъ широкаго якоря—признаки великобританскаго адмиралтейства. Но никто не понялъ этого нѣмого, хотя и вполне краснорѣчиваго указанія. Признавая, что это вѣроятно обломокъ отъ одного изъ кораблей Франклина, рѣшили, что онъ

¹⁾ Ausland 1851 г. стр. 1156 и подробности въ Journal of the Roy. geograph Soc. 1852 г. стр. 73—82.

безъ сомнѣнія, занесенъ сюда волнами дальнихъ, сѣверныхъ широтъ, изъ пролива Баррова ¹⁾).

Послѣ того, какъ у мыса Рилей были найдены первые слѣды Франклина, командоръ Форсайтъ вернулся еще въ 1850 г., какъ мы уже упоминали, со своимъ кораблемъ „Принцъ Альбертъ“ въ Англію, недостигнувъ самъ никакихъ собственно результатовъ. Но эта безуспѣшность отнюдь не охладила леди Франклинъ. Напротивъ, она приказала немедленно вновь вооружить „Принца Альберта“, но ввѣрила его начальству другаго опытнаго моряка, капитана Вильяма Кеннеди, по происхожденію ирландца. Въ этой экспедиціи принимали участіе лейтенантъ Жозефъ Рене Белло (Bellot) ²⁾, офицеръ французскаго флота, единственный французъ,

Жозефъ Рене Белло.

дѣятельно содѣйствовавшій дѣлу спасенія Франклина, и 64-лѣтній Гепборнъ, который 30 лѣтъ тому назадъ былъ спутникомъ Франклина въ первой знаменитой его экспедиціи къ рѣкѣ Мѣдной Руды и къ мысу Поворотному (Turnagain). Исходною точкою поисковъ, предпринимаемыхъ этою экспедиціею, былъ назначенъ заливъ Фури, въ томъ соображеніи, что устроенный тамъ Джемсомъ Россомъ складъ запасовъ могъ побудить Франклина направить туда свое обратное шествіе. „Принцъ Альбертъ“ вышелъ изъ Абердена 22-го мая 1851 г. и вернулся туда же 9-го октября 1852 г. не нашедши никакихъ новыхъ слѣдовъ Франклина и его

спутниковъ. Тѣмъ не менѣе плаваніе это приобрѣло важное значеніе открытіемъ узкаго пролива Белло (Bellot) между Боотіею и Нордсоммерсетомъ, этого важнаго звѣна арктическаго организма, связующаго внутреннія воды съ открытымъ моремъ. Это открытіе, какъ въ смыслѣ обще-географическомъ, такъ и въ видахъ окончательнаго рѣшенія вопроса о сѣверо-западномъ проходѣ и отысканія слѣдовъ Франклина имѣло важное значеніе. 8-го іюля пришли

¹⁾ В. Бентгеймъ на стр. 696.

²⁾ Родился въ Парижѣ въ мартѣ 1826 г., въ 1838 г. въ качествѣ мичмана участвовалъ въ осадѣ Веракруца въ Мексикѣ, въ 1857 г., будучи произведенъ въ лейтенанты, получилъ разрѣшеніе участвовать въ качествѣ вольноопредѣляющагося, въ Франклиновскихъ экспедиціяхъ, о чемъ просилъ письмомъ отъ 18-го марта 1851 г. изъ Булона, назвавъ Франклина, по справедливой оцѣнкѣ его успѣй и заслугъ „всемирнымъ гражданиномъ“.

въ Упернивикѣ, гдѣ Кеннеди между прочимъ приобрѣлъ шесть сильныхъ эскимосскихъ собакъ, этихъ верблюдовъ пустынныхъ полярныхъ странъ, для того чтобы впослѣдствіи совершать на нихъ поѣздки на саняхъ. Въ то же время они тамъ впервые узнали объ открытіяхъ, сдѣланныхъ на островѣ Бичи. 13-го числа встрѣтились съ кораблями Гриннелевой экспедиціи, 26-го августа дошли до залива Понда, а 4-го сентября до острова Леопольда, въ проливѣ Баррова. Здѣсь, въ то время какъ корабль подъ временнымъ начальствомъ Белло крейсировалъ въ виду, самъ Кеннеди, намѣреваясь на лодкѣ съ четырьмя матросами проникнуть въ глубь какого-то залива, былъ внезапно отрѣзанъ отъ своихъ спутниковъ непредвидѣннымъ движеніемъ ледяныхъ массъ. Неминуемо погибли бы всѣ пятеро при этомъ голодной смертью, если бы имъ не удалось добраться до запасовъ, сложенныхъ 20 лѣтъ тому назадъ Джемсомъ Россомъ по близости; шесть недѣль провели у этого убѣжища. Только 17-го октября были они обрадованы прибытіемъ Белло который успѣлъ поставить корабль „Принцъ Альбертъ“ на зимовку въ весьма удобной бухтѣ Батти-Бай, у восточнаго берега Нордсоммерсета, близъ входа въ проливъ Принца Регента, подъ 73° 10' сѣв. шир. и 91° зап. долг. отъ Грин. Тщетно изслѣдовали въ слѣдующемъ году подробно весь Нордсоммерсетъ, тщетно перешли черезъ проливъ Пиля и добрались до земли Принца Валлійскаго — нигдѣ ни малѣйшаго признака пребыванія Франклина, не смотря на то, что въ 240 килом. отсюда находилось мѣсто, гдѣ были оставлены „Эребусъ“ и „Терроръ“. При этихъ поискахъ на обратномъ пути со второй санной экспедиціи, принятой 25-го февраля 1852 г. Кеннеди и Белло прошли 6-го и 7-го апрѣля по проливу, названному именемъ послѣдняго. Одновременно съ открытіемъ пролива Белло, вмѣсто прежняго залива Брентфорда (Brentford-Bay), представилось имъ другое загадочное явленіе: проливъ Пиля казался имъ закрытымъ заливомъ. Когда 7, 8 и 9 апрѣля отъ мыса Бирда ¹⁾, на юго-западной оконечности Нордсоммерсета, переходили черезъ ледъ у южнаго конца пролива Пиля, имъ казалось, что по лѣвую руку ихъ тянулась сплошная земля вплоть до берега земли Принца Валлійскаго. Это было, разумѣется, вслѣдствіе одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ оптическихъ обмановъ, которые такъ часты въ этихъ мѣстностяхъ, а въ данномъ случаѣ онъ былъ къ тому-же вызванъ грядою острововъ, пролегающихъ поперегъ пролива. Эта несчастная ошибка была причиною, что съ мыса Бирда не поворотили къ югу, что непременно сдѣлали бы при другихъ условіяхъ. 30-го мая, послѣ

¹⁾ Въ то же время сѣверо-западная оконечность пролива Белло.

79 дневнаго отсутствія, Кеннеди со спутниками вернулся въ своему кораблю въ заливъ Батти, сдѣлавъ по расчету около 1770 кил. Только 6-го августа Кеннеди могъ вывести свое судно въ открытое море, прорубивъ себѣ для этого каналъ во льду. 330 дней „Принцъ Альбертъ“ простоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Кеннеди отправился къ мысу Рилей, гдѣ къ своему изумленію узналъ отъ командира „Полярной Звѣзды“, капитана Пуллена, что Аустинъ со своею роскошно-снабженною эскадрою давно уже вернулся въ Англію, и что уже снаряжена новая большая экспедиція къ водамъ Баффинова залива. 9 октября 1852 г. Кеннеди вернулся въ Англію твердо убѣжденный, что Франклина слѣдуетъ искать только въ самыхъ сѣверныхъ широтахъ ¹⁾).

Обозрѣвая результаты, достигнутые всѣми, до сихъ поръ принятыми, экспедиціями по отношенію къ главной цѣли ихъ—отысканію Франклина, мы видимъ, что остатки найденныя Омманъ и Пенни на островѣ Бичи являются, единственными доказательствами какого-либо успѣха въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ, этою находкою опровергнуто неоднократно заявленное предположеніе, будто экспедиція Франклина погибла еще въ Баффиновомъ заливѣ. Получено было хотя и не совсѣмъ точное указаніе, могущее послужить исходною точкою для предстоявшихъ еще экспедицій. Ничтожность результатовъ, достигнутыхъ Аустиномъ, возбудила въ Англіи всеобщее негодованіе, неисключая самаго королевскаго адмиралтейства, хотя оно, по справедливости, не могло упрекнуть Аустина въ неисполненіи данныхъ ему инструкцій. Стали составлять необыкновенно затѣйливые и смѣлые проекты отысканія Франклина и безотчетное заблужденіе достигло высшей степени своего развитія. Только величайшее ослѣпленіе, въ связи съ предположеніемъ, что у полюса море совершенно свободно и что, чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ становится теплѣе, могло породить такое необыкновенное предположеніе, какое сдѣлалъ лейтенантъ Бедфордъ Пимъ съ „Герольда“ ²⁾. Въ письмѣ отъ 27-го сентября 1851 г.,

¹⁾ Вильямъ Кеннеди: A short narrative of the Second Voyage of the „Prince Albert“ in search of Sir John Franklin. London 1853. 3°. Смори также Report on the Return of Lady Franklins vessel the Prince Albert under the command of Mr Wm. Kennedy. Journ. of the Roy. geograp. Society 1853 стр. 122—129.

²⁾ Этотъ корабль, первоначально посланный для продолженія съемки западнаго берега Америки, начатой капитаномъ Фидроемъ, вернулся въ іунѣ 1851 г., послѣ шестилѣтняго отсутствія, въ Англію. Его плаванія описаны д-ромъ Бертольдъ Зееманомъ: „Narrative of the Voyage of H. M. S. Herald 1845—1851 under the command of Captain Henry Kellett; being a circumnavigation of the globe and three cruises to the arctic regions in search of Sir Franklin“. London. 1853. 2 T.

обращенномъ къ адмиралтейству, онъ предложилъ отправить экспедицію вдоль сѣвернаго берега Сибири въ предположеніи встрѣтить тамъ Франклина, который долженъ былъ, по мнѣнію Пима, выйти туда, пробираясь черезъ открытое полярное море. Но этотъ проектъ былъ признанъ болѣе или менѣе фантастичнымъ ¹⁾ и адмиралтейство его отклонило ²⁾. Что, тѣмъ не менѣе, существовала наклонность къ подобнымъ проектамъ и предположеніямъ доказывается отчасти тѣмъ, что планъ капитана, Дональда Битсона, имѣвшій въ виду Новую Сибирь, былъ одобренъ географическимъ обществомъ и встрѣтилъ такую поддержку, что была даже куплена для этой цѣли шкуна „Изабелла“, но въ концѣ концовъ дѣло не состоялось. Затѣмъ адмиралтейство назначило въ ноябрѣ 1851 года новый совѣщательный комитетъ, въ составъ котораго вошли всѣ современные авторитеты Англіи и въ которомъ были выслушаны мнѣнія сэра Джона Росса, капитана Келлета, д-ра Скоресби, сэра Джона Ричардсона, Пенни, Стюарта, Аустина и Оммана. Тогда же, какъ положительно дознано, впервые высказалъ свое мнѣніе по вопросу объ отысканіи Франклина, проживавшій въ то время въ Англіи, нѣмецкій географъ, д-ръ Августъ Петерманнъ, стяжавшій себѣ впослѣдствіи громкую славу въ области полярныхъ изслѣдованій и вообще землѣвѣдѣнія. Его проектъ былъ также основанъ на предположеніи, что полярное море свободно отъ льдовъ; онъ только уклонился вполне отъ всѣхъ направленій принимаемыхъ до того времени за самыя цѣлесообразныя, указывая, что путь долженъ лежать отъ сѣверной оконечности Скандинавіи по водамъ, между Шпицбергеномъ и Новою Землею ³⁾. При дальнѣйшемъ изложеніи исторіи полярныхъ путешествій не трудно будетъ показать, до какой степени высказанное тогда Петерманномъ мнѣніе настойчиво поддерживалось имъ во все время его ученой дѣятельности. Въ засѣданіи лондонскаго географическаго общества Петерманнъ прочелъ 9-го февраля 1852 г. свой докладъ о зоологіи полярныхъ странъ, докладъ, въ которомъ онъ доказывалъ, что Франклинъ, находившійся по его мнѣнію въ Вел-

¹⁾ „Ausland“, 1851 г., стр. 1148.

²⁾ Географическое общество однако не отвергало этого плана, напротивъ, готово было поощрять его, въ случаѣ, если русское правительство приметъ на себя необходимые расходы для его выполненія. Частныя лица также были не прочь поддержать Пима денежными пожертвованіями. Въ виду этого онъ поѣхалъ 20-го ноября 1851 г. въ Петербургъ, но долженъ былъ оставить свой планъ и вернуться въ Англію, такъ какъ русское правительство отказалось отъ всякаго дѣятельнаго участія въ подобной экспедиціи.

³⁾ Проектъ этотъ изложенъ въ Bulletin de la Soc. de Geograph. de Paris 1852 г. стр. 274—277. Болѣе подробно онъ былъ рассмотренъ въ лондонскомъ журналѣ „Athenæum“ 22-го октября 1853 г.

лингтоновомъ каналѣ, не могъ погибнуть отъ голода, такъ какъ въ этой части полярнаго пояса животное царство богаче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ той же области ¹⁾. Мнѣнія специалистовъ опять-таки сошлись въ томъ, что южное направленіе должно быть оставлено безъ вниманія, и что слѣдуетъ искать Франклина въ сѣверной части Веллингтонова канала.

Между тѣмъ къ заботѣ о Франклинѣ и его спутникахъ присоединилась еще новая, начинавшая занимать общественное мнѣніе.

Сэръ Эдуардъ Вельчеръ.

Мы уже сообщали о томъ, что 20-го января 1850 г. отправились два корабля „Entreprise“ (Предпріятіе) и „Investigator“ (Исслѣдователь), подъ командою капитановъ Коллинсона и Макъ-Клюра, въ Беринговъ проливъ, въ надеждѣ съ западной стороны напасть на слѣдъ Франклина. Объ этихъ судахъ съ той поры не было получено никакихъ извѣстій. Въ виду этого адмиралтейство рѣшилось послать въ 1852 году еще одну большую экспедицію, поручивъ ей изслѣдованіе канала Веллингтона, открытаго полярнаго моря, а также оказаніе помощи Коллинсону и Макъ-Клюру,

которые, какъ предполагали, находились на землѣ Банкса или на островѣ Мельвиля. Для этой цѣли снаряжена была прежняя Аустинова эскадра, а именно парусныя суда „Помощь“ и „Рѣшительный“ (Assistance и Resolute), а также буксирные пароходы „Піонеръ“ и „Неустрасимый“ (Intrepide). Маленькій островъ Бичи долженъ былъ служить базисомъ всего предпріятія. Здѣсь назначалось мѣсто для склада провіанта и здѣсь же „Полярная звѣзда“, подъ начальствомъ Пуллена, должна была ожидать все время пока продолжались поиски. Главнымъ начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ капитанъ сэръ Эдуардъ Вельчеръ ²⁾, ходившій въ 1825—1829 годахъ, въ чинѣ лейтенанта, съ капитаномъ Бичи къ Беринговому проливу. Подъ его начальство поступили испытанные

¹⁾ Петерманнъ: „Notes on the distribution of animals available as food in the arctic Regions“ (Journ. of the R. geogr. Soc. 1852 г., стр. 118—127).

²⁾ Род. 1799 г., ум. 18-го марта 1877 года. О подробностяхъ его жизни въ Proceed. Roy. Geogr. Society 1877 г. стр. 410—416.

въ дѣлѣ моряки, какъ-то Георгъ Мечамъ¹⁾, участвовавшій въ экспедиціи Аустина, Макъ-Клинтокъ, Шерардъ Осборнъ, Бедфордъ Пимъ, Макъ-Дугаль и капитанъ Генри Келлетъ, который, собственно говоря, завѣдывалъ совершенно независимымъ отъ Бельчера отрядомъ, такъ какъ ему было поручено идти на „Рѣшительномъ“ и „Неустранимомъ“ къ острову Мельвиля, главнымъ образомъ, на помощь Коллинсону и Макъ-Клэру. Вся эскадра вышла изъ Темзы 21-го апрѣля 1852 г. Неутомимая леди Франклинъ успѣла къ тому же времени снарядить винтовой пароходъ „Изабеллу“, намѣреваясь осуществить проектъ Дональда Битсона, о которомъ мы уже говорили выше. Но такъ какъ вооруженіе корабля не могло быть окончено къ ранней веснѣ 1852 г., то леди Франклинъ, для того, чтобы все лѣто не пропадало даромъ, отправила „Изабеллу“ подъ начальствомъ командора Эд. А. Инглефильда (нынѣ адмирала) для изслѣдованія сѣверной части Баффинова залива. Только 10-го іюня „Изабелла“ вышла изъ Англіи. Такимъ образомъ къ лѣту 1852 г. въ водахъ, омывающихъ сѣверный берегъ Америки, собрались снова пять кораблей преслѣдующихъ одну и ту же цѣль—отысканіе Франклина съ его товарищами.

Экспедиція Инглефильда съ его небольшимъ винтовымъ пароходомъ въ 149 тоннъ вмѣстимостью и 17-ю чел. команды напоминаетъ, по достигнутымъ ею блистательнымъ результатамъ, смѣлые подвиги старика Билота и его славнаго штурмана Баффина. Инглефильдъ, представляющій собою образецъ образованнаго и энергичнаго моряка, отлично знающаго свое дѣло, вышелъ 16-го августа изъ Упернивика и поднявшись къ сѣверу, вдоль Гренландскаго берега, мимо Кримсонъ-Клиффа (сѣра Джона Росса), 20-го августа былъ у мыса Іорка; на другой день онъ присталъ къ берегу у поселенія эскимосовъ, близъ глетчера Петовака, два дня спустя въ бухтѣ Полярной звѣзды, къ сѣверу отъ мыса „Атоль“, а 25-го августа въ заливѣ Бардинъ, у входа въ большой Уэль-сундъ. Здѣсь Инглефильдъ находился среди тѣхъ группъ острововъ, которыя тянутся до Уэль-сунда и отчасти окаймляютъ входъ въ него. Большая часть этихъ острововъ была осмотрѣна и снята на карту съ присвоеніемъ имъ названій. Равнымъ образомъ былъ изслѣдованъ Уэль-сундъ, которому Инглефильдъ далъ названіе пролива „Мурчисона“. 26-го августа, въ прекрасную и не холодную сѣверную ночь „Изабелла“ дошла до мыса Александра, у входа въ проливъ Смита, подъ 78° 25' сѣв. шир. Передъ глазами предприимчивыхъ моряковъ открылось свободное отъ льда море, много обѣщавшее

¹⁾ Умеръ въ Говолулу, въ 1858 или 1859 г. въ чинѣ командора (Petermanns Geogr. Mitth. 1860 г. стр. 41).

и подававшее имъ надежду на исполненіе самыхъ смѣлыхъ предположеній ¹⁾. Однако ожиданіямъ и надеждамъ не суждено было сбыться! Вскорѣ сильный сѣверный вѣтеръ нагналъ необозримыя массы льда, напоромъ котораго „Изабелла“, дошедшая уже до 78° 28' 21" сѣв. шир., неудержимо была отнесена къ югу, такъ что Инглефильдъ скорѣ отказался отъ мысли перезимовать въ открытыхъ водахъ полярнаго океана. По предположенію Инглефильда, самый сѣверный пунктъ земли, видѣнный имъ, лежалъ по восточному берегу пролива приблизительно подъ 79° 32' сѣв. шир. Онъ его изобразилъ на картѣ въ видѣ выдающейся полосы земли и назвалъ мысомъ Фридриха, въ честь датскаго короля Фридриха VII. Усмотрѣнный Инглефильдомъ на противоположной сторонѣ, по западному берегу, крайній пунктъ подъ 79° зап. долг. получилъ отъ него названіе „Victoria Head“ (голова Викторіи). Между этими двумя точками, казалось, видѣлся небольшой островъ, который и получилъ названіе „Луи Наполеонъ“, но впослѣдствіи этого острова болѣе не видали, и, нужно полагать, что это былъ выдающийся мысъ Гриннелевой земли. На обратномъ пути Инглефильдъ изслѣдовалъ проливъ Джонса, въ которомъ также не встрѣтилъ льдовъ, и проникъ въ глубь его до 84° 10' зап. долг., до прекрасной горы „Sir Robert Inglis-Peak“ (Пикъ сэра Роберта) на островѣ Эллесмеръ, образующемъ сѣверную границу Джонсова пролива, который поворачиваетъ здѣсь вдругъ на сѣверо-западъ, такъ что Инглефильдъ принялъ его за одинъ изъ входовъ въ полярное море. Между тѣмъ густой туманъ указывалъ на необходимость возвратиться. Инглефильдъ пошелъ обратно къ Баффинову заливу, вдоль южнаго берега Джонсова пролива, по сѣверной сторонѣ Сѣвернаго Девона, вошелъ 2-го сентября въ проливъ Ланкастеръ и завернулъ къ острову Бичи, въ проливъ Баррова, чтобы тамъ собрать свѣдѣнія объ экспедиціи Бельчера (7-го сентября), а 10-го октября бросилъ якорь въ Петергедѣ, въ Шотландіи ²⁾. Инглефильдъ первый доказалъ, что Smith-sund (Смита) и Iones-sund (Джонса) суть дѣйствительно широкіе проливы, а Whale-sund—по меньшей мѣрѣ глубоко вдающийся заливъ и что всѣ они по временамъ бываютъ совершенно свободны отъ льдовъ.

Капитанъ Бельчеръ нашелъ Веллингтоновъ проливъ дѣйствительно открытымъ и съ самыми лучшими надеждами поплылъ 14 го августа къ сѣверу. Въ то время, какъ Келлетъ направилъ свой путь, согласно инструкціи, къ острову Мельвила, Бельчеру уда-

¹⁾ Journal, Roy. geograph. Soc. 1853. стр. 141.

²⁾ Inglefield „Report on the Return of the „Isabel“ from the arctic Regions. (Journal R. Geogr. Soc.) 1855, стр. 136—145.

лось дойти до усмотрѣнной Де-Гавеномъ Гриннелевой Земли и бросить передъ нею 17-го августа якорь, подъ $76^{\circ} 30'$ сѣв. шир. Здѣсь, у сѣверной оконечности Веллингтонова канала, вскорѣ оказалось, какъ мало слѣдуетъ довѣрять показаніямъ энтузіастовъ-невѣждъ или кабинетныхъ теоретиковъ: неизмѣримое, открытое полярное море, о которомъ они мечтали, представилось въ видѣ обманчиваго лабиринта небольшихъ озеръ и каналовъ, по временамъ до того суживавшихся, что плывшему кораблю безпрестанно грозила опасность быть раздавленнымъ или же заваленнымъ обломками рушившихся ледяныхъ горъ. Тѣмъ не менѣе самъ Бельчеръ былъ твердо убѣжденъ, что еще дальше къ сѣверу за 80° бушуетъ открытое полярное море. Уже въ концѣ августа наступила зима съ ужасающею суровостью и положила предѣлъ дальнѣйшему плаванію. Къ счастью, Бельчеръ нашелъ отличную гавань, доставившую его кораблямъ безопасное убѣжище для зимовки. То былъ заливъ Нортумберландъ по западному берегу Гриннелевой земли. Санныя экспедиціи, отправленныя изъ этой гавани, частью осенью 1852 г., частью весною 1853 г. и снаряженныя обыкновеннымъ порядкомъ обогатили географію весьма важными и обширными открытіями; онѣ изслѣдовали область гораздо большую, чѣмъ всѣ другія экспедиціи, и связали въ одно цѣлое всѣ результаты, которые до этого уже были добыты, но для объясненія участи Франклина съ его экипажемъ не доставили никакихъ данныхъ. Были найдены развалины прежнихъ поселеній эскимосовъ и подъ $77^{\circ} 30'$ сѣв. шир. полярный океанъ представился Бельчеру покрытымъ страшными льдинами и бушующимъ съ необычайною яростью. До времени открытій Бельчера было извѣстно только то, что между сѣвернымъ берегомъ Америки, островомъ Мельвиля (открытымъ Парри), Веллингтоновымъ каналомъ (открытымъ Пенни) и проливомъ Джонса (открытымъ Баффиномъ) простирается рядъ острововъ, но каково ихъ положеніе и очертаніе, объ этомъ не было никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Экспедиція Бельчера внесла свѣтъ въ эту темную область и показала, что Сѣверный-Девонъ, Корнваллисъ, острова Мельвиля и Принца Патрика составляютъ части обширнаго архипелага, сѣверная граница котораго лежитъ между 77 и 78° сѣв. широты. Самъ Бельчеръ въ два рейса сдѣлалъ съемку Веллингтонова канала, Гриннелевой земли, Сѣвернаго Девона, южнаго берега вновь открытаго и значительно сѣвернѣе лежащаго острова „Сѣвернаго-Корнваллиса“ ¹⁾ и архипелага Викто-

¹⁾ Ложбины на Корнваллисѣ очень глубоки; онѣ состоятъ изъ разсѣчатаго песчанника; на самомъ днѣ ихъ лежали огромныя массы краснаго желѣзнака и септарина. Каменный уголь также встрѣчается, но въ разбросанномъ видѣ.

рин и доказалъ связь пролива Джонса (Jones-Sund) съ полярнымъ моремъ. Исслѣдованія офицеровъ Ричардса и Осборна касались сѣвернаго берега Корнваллиса и острова Мельвиля, а Макъ-Клинтонъ и Мечамъ, отправившись съ острова Дили, прошли одинъ сѣверную, а другой южную части острововъ Мельвиля, Эглингтона и Принца Патрика и нанесли ихъ на карту. Самое трудное и вмѣстѣ съ тѣмъ опасное путешествіе совершилъ Макъ-Клинтонъ, переходя подъ 77° 45' сѣв. шир. отъ сѣверной оконечности острова Принца Патрика къ одному изъ Полинейскихъ острововъ, называемому „Глазомъ Ирландіи“. Вся атмосфера была наполнена снѣгомъ и непроницаемымъ туманомъ, такъ что по временамъ даже невозможно было пользоваться компасомъ. На обратномъ пути, въ іюлѣ 1853 г. на островѣ Мельвиля наступила такая сильная оттепель, что вся мѣстность была затоплена, вслѣдствіе чего Макъ-Клинтонъ непрерывно подвергался значительнымъ задержкамъ.

Къ серединѣ іюля всѣ отдѣльныя экспедиціи на саняхъ вернулись уже къ мѣстамъ зимовки кораблей, когда ледъ только-что начиналъ трогаться. Незадолго передъ тѣмъ посѣтилъ ихъ Пулленъ съ „Полярной Звѣзды“, побуждаемый беспокойствомъ, такъ какъ долгое время не имѣлъ никакихъ извѣстій о Вельчеровской экспедиціи. Въ то же время и британское адмиралтейство отрядило пароходъ „Фениксъ“ и транспортное судно „Бредалбанъ“, подъ начальствомъ Инглефильда, къ острову Бичи для пополненія сложенныхъ тамъ припасовъ и для доставленія, кому слѣдовало, дальнѣйшихъ инструкцій. Французскій морякъ, лейтенантъ Белло, прибывъ опять въ Англію, принялъ на себя командованіе „Бредалбаномъ“, подъ главнымъ начальствомъ Инглефильда. 7-го іюля эта новая экспедиція дошла до Атанекердлука въ заливѣ Вайгаты, на западномъ берегу Гренландіи. Здѣсь Инглефильдъ, въ сопровожденіи офицеровъ съ обоихъ судовъ, присталъ къ берегу, чтобы осмотрѣть прославленный уже тогда окаменѣлый лѣсъ о которомъ рассказывалъ находившійся на „Фениксѣ“ эскимось, но котораго, кромѣ Ринка, не видалъ еще ни одинъ европеецъ¹⁾. Планианіе въ Ланкастерскомъ заливѣ въ этомъ году было крайне затруднительно, однако, не смотря на это Инглефильдъ встрѣтился недалеко отъ мыса Рилея съ экипажемъ „Полярной Звѣзды“, безъ ея командира, такъ какъ Пулленъ именно въ это время отпра-

Двустворчатныя раковины, повидимому позднѣйшаго происхожденія, но съ вполне развитымъ хрящепосредственнымъ суставомъ, также были найдены въ большомъ количествѣ (Ausland, 1855 г., стр. 1198).

¹⁾ Первые свѣдѣнія объ этомъ лѣсѣ содержатся въ отчетѣ Инглефильда, сообщенномъ въ Ausland'ѣ 1854 г., стр. 933.

вился къ сѣверу для полученія свѣдѣній о Бельчерѣ. Инглефильдъ пошелъ было ему вслѣдъ, но могъ уже вернуться съ мыса Спасенія (Rescue), такъ какъ узналъ изъ оставленной тамъ замѣтки, что Пулленъ встрѣтился съ Бельчеромъ и уже находился на обратномъ пути къ острову Бичи. Къ сожалѣнію, они разминовались въ пути. Равнымъ образомъ Инглефильдъ не встрѣтился съ лейтенантомъ Белло, который съ четырьмя спутниками былъ ему посланъ въ догонку, для того чтобы извѣстить о томъ, что Пулленъ уже возвратился къ острову Бичи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней свирѣпствовали жестокіе ураганы, грозившіе гибелью всѣмъ предпріятіямъ. Во время этихъ штормовъ, „Бредалбанъ“ получилъ такое сильное поврежденіе отъ навалившей на него громадной льдины, что мгновенно погрузился въ воду и экипажъ едва успѣлъ спастись въ чемъ былъ. Этотъ же штормъ—18-го августа 1853 г.—былъ причиною еще другой катастрофы. Посланный въ догонку за Инглефильдомъ, Белло отправился, согласно указаніямъ Пуллена, по восточной сторонѣ Веллингтонова канала къ сѣверу, считывая, что ледъ еще продержится долго. Когда разразилась буря, онъ находился со своими людьми близъ мыса Боудена (Bowden) и вдали видѣлъ уже Гриннелевы горы. Переѣздъ на лодкѣ значительно затруднился черезъ то, что ледъ былъ оторванъ вѣтромъ отъ берега и образовалось сильное морское теченіе. Вскорѣ Белло, къ ужасу своему замѣтилъ, что ледяная глыба, на которой онъ стоялъ съ двумя изъ своихъ спутниковъ, быстро удалялась отъ берега и плыла къ серединѣ канала. 18-го августа, утромъ, Белло, какъ рассказываютъ двое изъ его гребцовъ, въ третій разъ пошелъ къ краю плавучей ледяной горы и съ тѣхъ поръ его болѣе не видали ¹⁾! Вѣроятно сильный порывъ вѣтра, подхвативъ смѣлаго француза, увлекъ его въ морскую пучину. Двумъ его спутникамъ удалось впослѣдствіи спастись и присоединиться у мыса Боудена къ товарищамъ, откуда они всѣ четверо вернулись на островъ Бичи къ своему командиру Инглефильду ²⁾. Къ счастью, другое радостное извѣстіе пришло на смѣну печальнаго и загладило произведенное имъ впечатлѣніе. Одинъ изъ разъѣздовъ, посланныхъ Келлетомъ, нашелъ уже три года безъ вѣсти пропадавшаго Макъ-

¹⁾ Journal d'un voyage aux mers polaires executé à la recherche de sir John Franklin en 1851 et 1852 par J. R. Bellot, précédé d'une notice sur la vie et les travaux de l'auteur par M. Julien Lemer. Paris, 1854. 8°.

²⁾ Погубели славнаго Белло Вильфридъ де-Фонвилье посвящаетъ цѣлую главу своей книги „La conquête du pôle nord“, въ которой съ насмѣшкою и желчью обсуживаются послѣднія полярныя изслѣдованія нѣмцевъ, въ связи съ слѣпымъ поклоненіемъ заслугамъ англичанъ, безъ того честнаго безпристрастія и научности, которыми отличаются обыкновенно въ подобныхъ вопросахъ англичане.

Клюра съ его экипажемъ. Этотъ отважный морякъ открылъ давно-желанный сѣверо-западный проходъ и даже еще двумя путями. Одинъ изъ офицеровъ Макъ-Клюра, лейтенантъ Самуилъ Гёрне Крессуэлъ (Samuel Gurney Cresswell), ожидалъ на островѣ Бичи перваго возвращающагося корабля, чтобы привезти въ Англію извѣстіе о важнѣйшемъ географическомъ открытіи. Принявъ Крессуэля съ этою новостью къ себѣ на корабль, Инглефильдъ пустился на „Фениксъ“ въ обратное плаваніе и 7-го октября 1853 г. благополучно прибылъ въ Лондонъ.

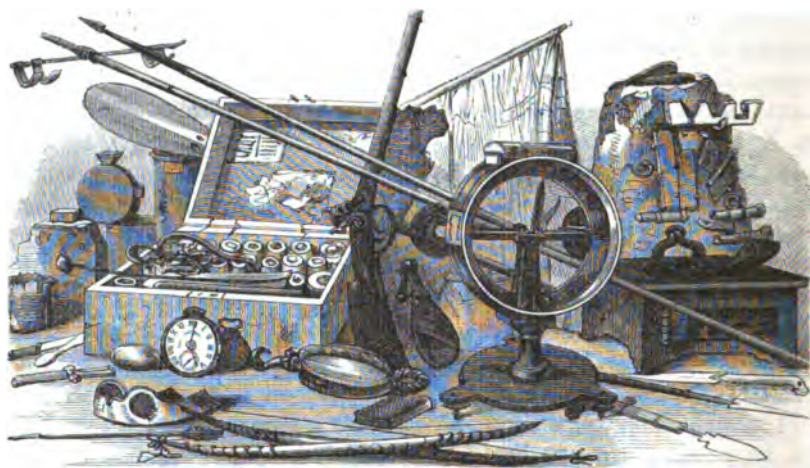
Другая часть экспедиціи Бельчера на корабляхъ „Рѣшительномъ“ и „Неустрасимомъ“, подъ начальствомъ Келлета пришла 7 сентября 1852 г. къ большому Мельвилеву острову, подъ долгою гавани, въ которой нѣкогда зимовалъ Парри, но вынуждена была изъ-за льдовъ вернуться къ острову Дили, чтобы тамъ перезимовать. Еще осенью того же года Келлетъ послалъ лейтенанта Мечамъ съ отрядомъ на саняхъ и поручилъ ему зарыть въ различныхъ мѣстахъ сѣстные припасы, имѣя въ виду оказать тѣмъ помощь весеннимъ экспедиціямъ. Мечамъ нашелъ на мѣстѣ зимовки Парри документъ положенный тамъ въ предыдущемъ году Макъ-Клинтокомъ, и рядомъ съ нимъ, къ величайшему своему удивленію, извѣщеніе, оставленное только весной 1852 года Макъ-Клюромъ. Въ этой запискѣ храбрый морякъ вкратцѣ излагалъ ходъ своей дѣятельности, открытіе сѣверо-западнаго прохода и означилъ положеніе своего корабля. По этимъ свѣдѣніямъ корабль „Исслѣдователь“ уже полтора года тому назадъ былъ затертъ льдами въ заливѣ „Милосердія“ (Mercy-bay) на сѣверномъ берегу земли Банка. вмѣстѣ съ тѣмъ Макъ-Клюръ вѣрилъ этому мѣсту какъ бы свое завѣщаніе: онъ отсвѣтывалъ предпринимать какую-либо попытку къ его спасенію, такъ какъ всякое судно, въ особенности если оно попадетъ въ море къ западу отъ острова Мельвила, неминуемо должно погибнуть. Келлетъ охотно соединился бы съ Макъ-Клюромъ еще въ томъ же году, но наступила долгая зимняя ночь и встрѣча была отложена до весны 1853 г. Но какъ только мракъ прошелъ и наступили свѣтлые дни Келлетъ немедленно послалъ лейтенанта Пима съ врачомъ Домвилемъ на саняхъ для отысканія Макъ-Клюра. Они достигли „Исслѣдователя“ именно въ то время, когда тамъ уже готовились отправить одну часть экипажа къ Гудсоновымъ землямъ,—другая половина должна была оставаться съ Макъ-Клюромъ при кораблѣ. Это рискованное предпріятіе, которое, вѣроятно, окончилось бы гибелью всѣхъ, теперь оказалось къ счастью совершенно излишнимъ. 6-го апрѣля 1853 г. въ Сѣверномъ океанѣ, или вѣрнѣе, среди арктическихъ льдовъ впервые пожали другъ другу руки смѣлые герои сѣвера,

пришедшіе одни черезъ Беринговъ проливъ а другіе изъ Атлантическаго Океана. Макъ-Клоръ, приключенія котораго, равно какъ и Коллинсона, мы опишемъ въ слѣдующей главѣ, отправился къ Келлету на корабль „Рѣшительный“, такъ какъ медицинское изслѣдованіе указало на угрожающіе симптомы, заставившіе покинуть 3-го іюня знаменитый „Изслѣдователь“.

Возвратимся теперь къ приключеніямъ Бельчера, корабли котораго въ сѣверной части Веллингтонова канала только въ іюлѣ 1853 года освободились изъ льдовъ. Немедленно направились къ югу, но до острова Бичи не удалось дойти; въ заливъ „Несчастья“ (Disaster-bay) послѣ короткаго плаванія, они были опять затерты льдами и даже сила пороха не была въ состояніи разбить ледяныя оковы. Не сдѣлавъ въ теченіе лѣта 1853 года ничего, Бельчеръ былъ вынужденъ рѣшиться на вторичную перезимовку. Тоже было съ Келлетомъ. Хотя ураганъ, жертвами котораго сдѣлались Бредалбанъ и Белло, и разбилъ въ августѣ льды въ Мельвилевомъ проливѣ, такъ что Келлетъ могъ тронуться съ мѣста своей зимовки, но еще до входа въ проливъ Барровъ къ юго-западу отъ мыса Ковбурна, юго-восточной оконечности острова Батурста, „Рѣшительный“ и „Неустршимый“ были 12-го ноября 1853 г. снова затерты льдомъ. Здѣсь Келлетъ провелъ зиму 1853—54 года. 1854 годъ не былъ удачнѣе предъидущаго. Страшныя массы льда мѣшали всякому передвиженію кораблей и только съ помощью 400 килогр. пороха удалось подвинуться впередъ на четверть часа. Въ виду того, что предстояло провести въ непривѣтливыхъ арктическихъ широтахъ безъ дѣла, среди льдовъ, еще третью зиму со всѣми ея ужасами, Бельчеръ рѣшился оставить свои корабли и направиться съ экипажемъ къ острову Бичи. Онъ послалъ также распоряженіе капитану Келлету, который, оставивъ корабль „Рѣшительный“, 15 мая присоединился со своею командою къ Бельчеру, чтобы всѣмъ вмѣстѣ и съ Макъ-Клоромъ вернуться на родину на „Полярной Звѣздѣ.“ Такъ какъ на этомъ кораблѣ должны были помѣститься экипажи трехъ экспедицій, то онъ, разумѣется, былъ переполненъ. Вскорѣ по выходѣ (26 августа), близъ мыса Рилей повстрѣчался съ ними капитанъ Инглефильдъ на „Фениксѣ“, вторично посланный въ 1854 году адмиралтействомъ для доставленія свѣдѣній о ходѣ экспедицій. Поставивъ по порученію своего правительства, на островѣ Бичи памятникъ погибшему тамъ Белло, Инглефильдъ принялъ на „Фениксѣ“ часть команды и поплылъ вмѣстѣ съ „Полярною Звѣздой“ обратно въ Англію, куда всѣ прибыли въ началѣ октября.

Изъ оставшихся въ арктическомъ льду судовъ одно, а именно „Рѣшительный“, поплыло въ слѣдующемъ году безъ капитана, штур-

мана и матросовъ въ обратномъ направленіи, чрезъ проливъ Барровъ, что наглядно доказываетъ какъ сильно тамъ теченіе къ востоку. У мыса (Mercy) Милосердія въ Дэвисовомъ проливѣ оно было перехвачено американскимъ китоловомъ, капитаномъ Сиднеемъ Буддингтономъ (уроженецъ Гротона, близъ Нью-Лондона) и уведено имъ въ Нью-Лондонъ, въ штатъ Коннектикутъ. 16 декабря 1856 г. капитанъ Гартстенъ представилъ это судно, по порученію правительства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, королевѣ Великобританіи.

Остатки Франклиновой экспедиціи.

Бельчера встрѣтили въ Англіи всеобщимъ негодованіемъ. Всѣ заслуги его экспедиціи въ области географической не были приняты во вниманіе въ виду того, что ему не удалось напасть на слѣдъ Франклина. Капитанъ Бельчеръ, равно какъ и командиры Келлетъ, Ричардсъ и Макъ-Клюръ были преданы военному суду какъ начальники, оставившіе корабли. По судебному приговору, всѣ они были оправданы и шпаги имъ возвращены съ честью, за исключеніемъ Бельчера, относительно котораго, хотя онъ и былъ освобожденъ отъ суда, въ приговорѣ были пропущены слова „съ честью“ и которому шпага была возвращена молча, чтобы показать, что его поведеніемъ недовольны. Макъ-Клюру, открывшему сѣверо-западный проходъ, были оказаны различнаго рода почести и отличія. Адмиралтейство, удостовѣрясь въ томъ, что и Бельчеровская экспедиція не принесла никакой пользы, рѣшила прекратить всякіе поиски за Франклиномъ. 5 апрѣля 1854 г.,

адмиралъ Валькотъ высказалъ въ парламентѣ, между прочимъ, слѣдующее: „Все, что требуетъ честь страны, было сдѣлано для того, чтобы отыскать сэра Джона Франклина. Я того мнѣнія, что суда утонули, а экипажъ погибъ.“ Еще до этого, а именно 13 марта 1854 г. Франклинъ, Крозье и другіе офицеры этой экспедиціи были объявлены умершими и имена ихъ вычеркнуты изъ списка англійскихъ морскихъ офицеровъ.

Встрѣча Бедфорда Пима съ Макъ-Клуромъ.

ОТКРЫТІЕ СЪВЕРО-ЗАПАДНАГО ПРОХОДА.

ВЪ ЯНВАРЯ 20-го 1850 года изъ Плимута вышла вновь снаряженная для отысканія Франклина большая экспедиція, которая должна была пройти черезъ Беринговъ проливъ и затѣмъ, поворотивъ на востокъ, идти на встрѣчу Аустину, шедшему изъ Атлантическаго Океана, съ запада. Экспедиція состояла изъ двухъ кораблей: „Entreprise“ (Предпріятіе), подъ командою капитана Коллинсона, который въ то же время былъ главнымъ начальникомъ всей экспедиціи и „Investigator'a“ (Исслѣдователь), подъ командою капитана Роберта Джона Ле Мезюръе Макъ-Клюра ¹⁾. Кромѣ того командору Муру на „Ржангѣ“ предписано было стоять у входа въ Беринговъ проливъ, а капитану Келлету на „Герольдѣ“ подвозить кораблямъ продовольственные припасы съ Сандвичевыхъ острововъ. На „Ржангѣ“ въ качествѣ корабельнаго врача состоялъ д-ръ Джонъ Симпсонъ ²⁾, которому мы

¹⁾ Родился 28 января 1807 г. въ Вексфордѣ въ Ирландской провинціи Ульстерѣ, принималъ участіе въ полярныхъ экспедиціяхъ 1836 г. подъ начальствомъ сэра Джорджа Бака и въ 1848 г. подъ начальствомъ сэра Джемса Росса; въ 1860 г. былъ назначенъ командиромъ „Исслѣдователя“. Съ 1856 до 1861 г. участвовалъ въ качествѣ начальника отряда въ Китайскомъ морѣ въ войнѣ съ Китаемъ и умеръ 18 октября 1873 г. въ Портсмутѣ въ чинѣ вице-адмирала. См. Proceedings Roy. geogr. Soc. 1874 г. стр. 523—525.

²⁾ Ум. вѣраемъ Гасларскаго госпиталя въ 1869 г.

обязаны лучшимъ сочиненіемъ о западныхъ экспедиціяхъ ¹⁾. Вообще при снаряженіи этой экспедиціи правительство обнаружило гораздо болѣе заботливости, чѣмъ обыкновенно, какъ въ отношеніи общаго снабженія, такъ въ особенности въ отношеніи постоянного сообщенія съ названными судами, отправленными за предѣлы Беринговаго пролива, и въ устройствѣ запасныхъ, продовольственныхъ складовъ. Скорость хода „Исслѣдователя“ и „Предпріятія“ была однако очень неравна; первый далеко отсталъ съ самаго начала. Такимъ образомъ, уже при переходѣ черезъ Атлантическій океанъ, эти корабли, назначенные для совмѣстнаго дѣйствія, разъединились и имъ не удалось опять соединиться, не смотря на всѣ усилія, такъ что каждый изъ начальниковъ невольно долженъ былъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Нужно полагать, что ни Коллинсонъ, ни Макъ-Клюръ не были недовольны этимъ оборотомъ дѣлъ, такъ какъ въ душѣ вѣроятно каждый изъ нихъ предпочиталъ и рассчитывалъ дѣйствовать самостоятельно. Оба корабля пошли вокругъ мыса Горна, къ гавани Гополулу. Мы прослѣдимъ прежде всего дѣйствія „Исслѣдователя“, окончательная участь котораго намъ уже извѣстна изъ предъидущей главы, а потомъ займемся плаваніемъ Коллинсона, не имѣвшимъ никакой связи съ Макъ-Клюромъ.

Сэръ Робертъ Макъ-Клюръ.

Для того чтобы придти къ Беринговому проливу одновременно съ „Предпріятіемъ“, ходъ котораго былъ гораздо лучше, Макъ-Клюръ рѣшился на рискованный переходъ. Въмѣсто того, чтобы подняться къ сѣверу вдоль восточнаго берега полу-острова Камчатки, какъ это дѣлалось обыкновенно, Макъ-Клюръ пошелъ изъ Гополулу прямо къ грядѣ Алеутскихъ острововъ, тогда еще мало извѣстныхъ западно-европейскимъ мореплавателямъ и къ тому же постоянно окруженныхъ густымъ туманомъ. Этимъ путемъ „Исслѣдователь“ пришелъ къ Беринговому проливу раньше „Предпріятія“, видѣлъ въ заливѣ Коцебу „Ржанку“ и нѣсколько дней спустя, 31-го іюля 1850 г., встрѣтился съ капитаномъ Келлетомъ,

¹⁾ Въ Arctic Blue-Books for 1855 г., стр. 917.

у котораго Макъ-Клюръ, можно сказать, вырвалъ согласіе, на основаніи котораго могъ, вопреки буквальному смыслу своей инструкции, продолжать плаваніе въ сѣверо-восточномъ направленіи. Макъ-Клюръ принималъ всю отвѣтственность за неточное выполненіе своей инструкции на себя. Смѣлость его увѣнчалась успѣхомъ и достиженіемъ желанной цѣли. Замѣчательная случайность! Келлетъ, послѣдній видѣвшій Макъ-Клюра въ тотъ моментъ, когда онъ пустился съ запада въ ледяныя массы сѣвернаго Океана, первый пришелъ три года спустя ему на помощь у острова Банка, но уже съ востока.

Макъ-Клюръ не медлилъ: 5-го августа онъ обогнулъ мысъ западный Барровъ и отсюда взялъ курсъ прямо на востокъ. 9-го августа онъ пришелъ къ устью рѣки Кольвилъ, а 11-го оставилъ на островѣ Джонса, покрытомъ массою прибойнаго лѣса, документъ въ которомъ изложилъ краткія свѣдѣнія о своемъ плаваніи. Здѣсь же Макъ-Клюръ вошелъ въ сношенія съ эскимосами, причемъ ему оказалъ важныя услуги переводчикъ изъ нѣмцевъ Іог. Аугустъ Мирчингъ, членъ саксонскаго герренгутеровскаго братства и миссіонеръ въ Окакѣ на Лабрадорѣ, приглашенный правительствомъ Англіи къ участию въ этой экспедиціи. Встрѣченные здѣсь эскимосы, какъ мужчины, такъ и женщины, принадлежали къ прекрасной породѣ людей: между женщинами было нѣсколько красавицъ; всѣ имѣли видъ зажиточный. Отсюда „Исслѣдователь“, пробираясь черезъ неширокія полосы свободной воды, вышелъ 21-го августа къ островамъ Пелли, противъ устья р. Макензи, а 24-го числа достигъ мыса Варрена, недалеко отъ мыса Батурста. Хотя глубина моря около береговъ была и незначительна, однако, дозволила свободно пройти до мыса Парри (6-го сентября). Отсюда Макъ-Клюръ увидалъ въ сѣверо-восточномъ направленіи землю, которую назвалъ землею „Принца Альберта“; она находится въ связи съ землею Волластона и землею Викторіи, простираясь до $73^{\circ} 21'$ сѣв. шир. и $112^{\circ} 48'$ зап. долг. отъ Гринича. Такимъ образомъ Макъ-Клюръ близко подходилъ къ мѣстамъ, открытымъ и изслѣдованнымъ въ 1851 году Рэ. Такъ какъ льды, которые до сихъ поръ оставляли свободною только небольшую полосу около берега, удалились къ сѣверу, то „Исслѣдователь“ взялъ теперь сѣверо-восточное направленіе и дошелъ 7-го сентября до мыса, названнаго Вершиною Лорда Нельсона (Lord Nelson's Head). Макъ-Клюръ полагалъ, что открылъ новую землю, поражающую его прекрасною растительностью и прелестнымъ наружнымъ видомъ; въ честь тогдашняго перваго лорда адмиралтейства, онъ назвалъ ее землею Барингса. Впослѣдствіи оказалось, однако, что это южный берегъ, открытаго капитаномъ Парри, острова Мельвиля.

Макъ-Клюръ замѣтилъ, что ледъ громоздился въ неприступныхъ массахъ преимущественно у западнаго берега этого острова, между тѣмъ какъ восточный оставался свободнымъ. Поэтому онъ двинулся къ сѣверу по восточной сторонѣ и вскорѣ между островомъ Банка и землею Принца Альберта, вошелъ въ неширокій проливъ, которому далъ названіе пролива „Принца Валлійскаго“. Этотъ проливъ имѣетъ сѣверо-восточное направленіе, что давало надежду пробраться въ открытое море, омывающее островъ Мельвилъ съ сѣвера; вмѣстѣ съ этимъ исполнилось бы и давнишнее желаніе открытія сѣверо-западнаго прохода. На одномъ изъ многочисленныхъ острововъ пролива Макъ-Клюръ сложилъ трехмѣсячный провіантъ и другіе запасы на 66 чел. и оставилъ лодку. Плаваніе по проливу къ сѣверу шло вполне благополучно до 11-го сентября, когда корабль былъ окруженъ льдами и термометръ понизился до 7°,5 по Ц. Замѣчательно, что 11-го сентября на противоположной сторонѣ Сѣверо-Американскаго Архипелага была окружена льдами экспедиція Аустина, 11-го же сентября затертъ льдами въ Леопольдовой гавани нѣкогда сэръ Джемсъ Россъ,—все это доказываетъ, до какой степени правильны метеорологическія явленія въ арктическомъ поясѣ. 17-го сентября „Исслѣдователь“ достигъ высшей точки, подъ 72° 10' сѣв. шир. и 117° 10' зап. долг. отъ Гринича, въ 60 километрахъ всего отъ ряда проливовъ, пролегающихъ отъ запада къ востоку подъ названіями проливовъ Мельвила, Баррова, Ланкастера и соединяющихъ ту часть моря, гдѣ находился Макъ-Клюръ, съ Баффиновымъ заливомъ. Корабль остановился, слѣдовательно, немного не достигнувъ желанной цѣли. Ледъ пересталъ двигаться, потому что, вѣроятно, встрѣтилъ какое-либо препятствіе у самаго выхода изъ пролива. Дѣйствительно, оказалось, что ледяныя громады Мельвилева пролива сперлись у самаго входа и остановили всякое движеніе. 28-го числа ледъ опять тронулся по направленію къ проливу Баррову, увлекая за собою корабль. Движеніе къ сѣверу продолжалось до 30-го числа, когда ледъ остановился вблизи острова „Королевской Принцессы“ подъ 72° 50' сѣв. шир. и 117° 55' зап. долг., но окончательно всталъ онъ только 10-го октября. Макъ-Клюръ рѣшилъ перезимовать среди ледяныхъ скалъ, хотя люди опытные и увѣрили, что это равносильно гибели. Во всякомъ случаѣ дѣло было крайне рискованное. Ледъ обыкновенно долгое время не можетъ вполне успокоиться: сначала его тревожитъ приливъ и отливъ; когда же выпадетъ снѣгъ, то подъ его тяжестью ледъ погружается и даетъ трещины, изъ которыхъ выступаетъ вода. Въ теченіи зимы постоянно принимали поѣздки на саняхъ, такъ какъ Макъ-Клюръ все болѣе и болѣе убѣждался, что онъ едва ли не открылъ столь желанный

сѣверо-западный проходъ. Чтобы окончательно въ этомъ убѣдиться, Макъ-Клюръ предпринялъ самъ съ шестью человѣками команды 21-го октября поѣзду на саняхъ къ проливу Баррову. 25-го октября они подошли къ сѣверному концу пролива Принца Валлійскаго; это заключили изъ того, что увидѣли здѣсь „океанскій“ ледъ, нагромоздившійся у входа въ видѣ высокихъ синихъ горъ. Наступило утро 26-го октября; еще до разсвѣта Макъ-Клюръ поднялся на вершину горы Пила въ 200 метровъ высоты. Съ восходомъ солнца пала таинственная завѣса. Ясно можно было видѣть, что берегъ земли Принца Альберта поворачиваетъ на востокъ; берегъ же земли Банкса, на которомъ стоялъ тогда Макъ-Клюръ оканчивался въ 20 километр. выше, поворачивая оттуда на сѣверо-востокъ. Противъ выхода изъ пролива Принца Валлійскаго разстилались замерзшія воды Мельвилева-сунда, какъ называется эта часть пролива Баррова. Съ высоты, на которой стоялъ Макъ-Клюръ, открывался обширѣйшій кругозоръ, такъ что безошибочно можно было убѣдиться въ томъ, что между берегомъ и островомъ Мельвиля никакой земли болѣе не было. Сѣверо-западный проходъ, для отысканія котораго въ теченіи многихъ столѣтій было послано всѣми націями 58 экспедицій, былъ такимъ образомъ найденъ. Выраженіе это, впрочемъ, крайне неточное, такъ какъ проходъ непроходимъ, по крайней мѣрѣ имъ никогда не воспользовались и—сѣверо-западный проходъ—означаетъ собственно неразрывную связь, существующую въ арктическихъ широтахъ между льдами Атлантическаго и Тихаго океановъ. Обрадованный своимъ открытіемъ Макъ-Клюръ поспѣшилъ возвратиться къ своему кораблю ¹⁾. Весело провели зиму 18⁵⁰/₅₁ въ полной надеждѣ, что съ наступленіемъ лѣтняго времени можно будетъ пуститься въ обратный путь на родину; не беспокоились о массахъ льда, окружавшихъ проливъ Принца Валлійскаго и не подозревали, какія приключенія ихъ еще ожидали.

Съ нетерпѣніемъ ждали лѣта 1851 года. Еще весною были снаряжены Макъ-Клюромъ три санныя экспедиціи для изслѣдованія острововъ, которые не посѣщались до того ни однимъ изъ европейцевъ, а также для спеціальныхъ поисковъ Франклина. 20-го мая вернулся отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ лейтенанта Крессуэля, который ходилъ на сѣверо-сѣверо-западъ и, сдѣлавъ

¹⁾ Замѣчательно, что по возвращеніи сани вѣсили 50 kgr. болѣе, чѣмъ при отъѣздѣ, не смотря на то, что путешественники въ теченіи 9-ти дней пути, кромѣ шоколада и водки, израсходовали 25 kgr. различныхъ другихъ запасовъ. Сани отяжелѣли отъ того, что всѣ вещи и платье промерзли и покрылись ледяною корою.

275 кил. въ этомъ направленіи, привезъ извѣстіе, что къ западу лежитъ большой островъ, а именно земля Банкса. 29-го мая возвратилась другая партія, подъ начальствомъ лейтенанта Гасвеля, ходившая въ юго-восточномъ направленіи и открывшая 14-го мая подъ $70^{\circ}45'$ сѣв. шир. и 114° зап. долг. заливъ, вдавшійся въ землю Волластона, который и былъ названъ проливомъ „Принца-Альберта“. У южной оконечности этого пролива Гасвель встрѣтилъ эскимосовъ, которые въ первый разъ видѣли европейцевъ и, разумѣется, ничего не знали о Франклинѣ и его спутникахъ. Наконецъ 7-го іюня вернулась третья экспедиція подъ командою Винніата съ сѣверо-востока, но также безъ свѣдѣній объ „Эребусѣ“ и „Террорѣ“. 14-го іюля ледъ разошелся безъ всякаго видимаго давленія и „Исслѣдователь“ оказался на вольной водѣ. Макъ-Клоръ хотѣлъ теперь на дѣлѣ доказать, что имъ открытъ сѣверо-западный проходъ и въ виду этого проплылъ съ величайшими затрудненіями до сѣверной оконечности пролива Принца Валлійскаго. 15-го августа „Исслѣдователь“ дошелъ при сильномъ вѣтрѣ до $73^{\circ}43'43''$ сѣв. шир. и $115^{\circ}32'30''$ зап. долг. и здѣсь остановился въ 40 килом. отъ пролива Мельвиля. Сплошные льды, нагромодившіеся поперекъ пролива, дѣлали дальнѣйшее плаваніе невозможнымъ. „Это побудило меня, пишетъ Макъ-Клоръ, оставить всякое помышленіе о продолженіи изслѣдованій въ этомъ направленіи. Такъ какъ я не могъ пройти дальше ни въ концѣ одного лѣта, ни въ началѣ другого, то и счелъ этотъ проходъ непроходимымъ“. Такое откровенное признаніе кажется достаточно характеризуетъ значеніе сдѣланнаго Макъ-Клоромъ открытія. 16 августа планъ экспедиціи былъ измѣненъ: пытались войти въ проливъ Мельвиля съ западной стороны, обогнувъ съ юга островъ Банксъ. 18 августа прошли мимо мыса Келлета у юга-западнаго угла острова и до 24 сентября боролись со льдами, скучившимися у западнаго берега; эта поѣздка принадлежитъ къ самымъ опаснымъ изъ всѣхъ, когда-либо совершенныхъ въ полярныхъ странахъ. Только вдоль берега тянулась узкая полоса свободной воды, ширина которой зависѣла отъ температуры лѣта. Этотъ каналъ, имѣвшій сначала 10 километр. ширины, постепенно суживался до 5 километр., а у сѣверной оконечности острова до 360, даже до 275 метр., причемъ берегъ былъ такъ отвѣсно крутъ, что у самаго края лотъ недоставалъ дна. Такимъ образомъ корабль находился въ пасти дракона. Стоило только льдамъ придвинуться къ берегу, и корабль съ экипажемъ погибъ бы безвозвратно. До 19 сентября продолжали плаваніе, находясь постоянно на краю гибели. Тѣмъ не менѣе, удалось пробраться черезъ льды, постоянно прибываемые къ берегу страшными бурунами; нерѣдко защитой отъ угрожавшей

опасности служили торчащія изъ воды голыя скалы. 22 сентября обогнули мысъ Аустинъ и вошли, наконецъ, въ проливъ Банкса, вѣрнѣе были увлечены въ него льдами. Пройти глубже въ проливъ, не представлялось никакой возможности; равнымъ образомъ оказалось, что и дальше къ сѣверу, гдѣ можно было надѣяться найти выходъ, путь уже загражденъ. „Исслѣдователь“ былъ еще увлеченъ льдами на нѣкоторое разстояніе въ юго-восточномъ направленіи, и, казалось, гибель его несомнѣнна, какъ вдругъ передъ глазами храбрецовъ открылся подъ $74^{\circ}6'$ сѣв. шир. и $118^{\circ}15'$ зап. долг., превосходно защищенный заливъ, въ который они вошли 23 сентября и бросили въ немъ якорь. Благочестивый Макъ-Клюръ называлъ этотъ заливъ, послужившій имъ безопаснымъ убѣжищемъ, заливомъ Милосердія. 23 сентября былъ однако послѣднимъ днемъ, въ который „Исслѣдователь“ покачивался еще на морскихъ волнахъ. Милосердіе открыло ему свои объятія, только подъ условіемъ, никогда болѣе его не выпускать. Совершивъ страшно опасное плаваніе кругомъ земли Банкса, дошли до того мѣста, которое уже ранѣе было признано непроходимымъ.

Готовились провести вторую зиму. Теперь опасность была меньше, потому что могли зимовать у берега въ заливѣ, а не въ открытомъ морѣ, среди льдовъ, но въ замѣнъ того мѣсто зимовки было нѣсколькими градусами сѣвернѣе, чѣмъ въ заливѣ Принца Валлійскаго, и, что хуже всего, на сѣверной сторонѣ земли Банкса. Ограниченный запасъ провіанта вынудилъ немедленно же уменьшить ежедневную дачу на 33% и вскорѣ показались тревожные признаки, ясно указывавшіе на то, что общее состояніе здоровья экипажа уже пошатнулось. 11 апрѣля 1852 года Макъ-Клюръ предпринялъ поѣздку на саняхъ къ противоположному острову Мельвилю, куда и прибылъ 28 апрѣля въ гавань, гдѣ нѣкогда зимовалъ Россъ. Макъ-Клюръ былъ увѣренъ, что встрѣтитъ здѣсь одинъ изъ кораблей богатой экспедиціи, посланной для отысканія Франклина, но, вмѣсто того, нашелъ только оставленный здѣсь 6 іюня 1851 г. Макъ-Клинтокомъ документъ, къ которому со своей стороны присоединилъ извѣщеніе о сдѣланныхъ имъ открытіяхъ и о бѣдственномъ положеніи корабля „Исслѣдователя“, что и послужило впослѣдствіи къ его спасенію, какъ мы уже сообщали въ предъидущей главѣ. 11-го мая Макъ-Клюръ вернулся къ своему кораблю, на которомъ между тѣмъ уже развилась цынга въ довольно сильной степени. Къ счастью, и къ немалому удивленію полярныхъ плавателей, оказалось, что земля Банкса изобилуетъ животными, такъ что съ октября 1851 до іюля 1852 года экипажъ получалъ еженедѣльно три раза мясную порцію. Съ наступленіемъ лѣтнаго времени (1852 г.) терпѣніе „Исслѣдователей“, какъ шута

James Thompson, Esq. 14. 318

Maryland

H. M. S. *Life* *Exodus and Leviticus*

(Marked in the Ice in

25 of May 1967 } Lat 20.18 N Long 98.23 W

Having wintered in 1845-7 at Beechey Island
in Lat $74^{\circ} 43' 20''$ N. Long $91^{\circ} 39' 15''$ W. after having
ascended Millington Channel L. Lat 77° and returned
by the West side of Cornwallis Island.

John Franklin commanding the Expedition
All well & a

Whoever finds this paper is requested to forward it to the Secretary of the Admiralty, London, with a note of the time and place at which it was found, or, if more convenient, to deliver it for that purpose to the British Consul at the nearest Port.

Que nous trouvera campagner est prie d'y marquer le temps et le lieu où il l'aura trouvé, et de la faire parvenir au plus tôt au secrétaire de l'Académie britannique à Londres.

Cualquiera que hallare este Papel, se le suplica do enviarlo al Secretario del Almirantazgo, en Londres con una nota del tiempo y del lugar en donde se halló.

Enz ieder die dit Papier mogt vinden, wordt hiermede ver ogt, om het zelve, ten spoedigste, te willen zenden aan den Heer Minister van de Marine der Nederlanden in 's Gravenhage, of wel aan den Secretaris der Britsche Admiraliteit, te Londen, en daar by te voegen eenz Nota, inhoudende de tyd en de plaats alwaar dit Papier is gevonden geworden.

Finieren af dette Papiir ombedes, naar Leilighed gives, at sende samme til Admiralitets Secretairen i London, eller nærmeste Embedsmand i Danmark, Norge, eller Sverrig. Tiiden og Slødet hior dette er fundet ønskes venkabeligt paategnet.

Wen diesen Zettel findet, wird hier-durch ersucht denselben an den
Secretair des Admiraltits in London einzusenden, mit gefälliger au-
gabe an welchen ort und zu welcher zeit er gefanget worden ist.

Party consisting of 2 officers and 1 man
left the ship on Monday 24th May 1847

Digitized by Google

назвали членовъ этой экспедиціи, подверглось жестокому испытанію. Только 16 августа ледъ гавани Милосердія отсталъ отъ береговъ, но не могъ однако выйти изъ самой бухты, такъ какъ выходъ изъ нея заслонили неподвижныя массы льда пролива, 20-го же августа гавань вновь стала замерзать. Теперь оставалось только одно—спасать корабль или по крайней мѣрѣ его экипажъ, которому угрожала участь Франклиновской экспедиціи. Макъ-Клоръ рѣшился остаться со здоровыми людьми на кораблѣ, въ надеждѣ лѣтомъ 1853 года пробиться черезъ льды и вернуться съ кораблемъ на родину. Другая половина экипажа, состоявшая изъ больныхъ, должна была весною 1853 года отправиться двумя отрядами на югъ и востокъ. 5-го апрѣля былъ первый смертельный случай. 6-го числа Макъ-Клоръ написалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія слова: „я прохаживался со старшимъ лейтенантомъ возлѣ корабля, разсуждая о томъ, какъ бы вырыть могилу нашему скончавшемуся товарищу въ замерзшей какъ камень землѣ, какъ вдругъ мы увидали, что къ намъ по льду быстро приближается какая-то человѣческая фигура. По наружности этой фигуры и быстротѣ шага, мы думали сначала, что это кто нибудь изъ нашихъ, преслѣдуемый медвѣдемъ, но чѣмъ ближе она подходила, тѣмъ сомнительнѣе становилось наше предположеніе. Фигура не была похожа ни на одного изъ нашихъ людей, между тѣмъ было возможно, что кто нибудь изъ нихъ примѣрилъ новую, еще не надѣванную, одежду, приготовляясь къ предстоящимъ саннымъ путешествіямъ. Такъ какъ мы, кромѣ этой фигуры, никого болѣе не замѣтили, то и пошли ей на встрѣчу. Подошедши къ намъ на разстояніе 200 ярдовъ, фигура стала поднимать руки и дѣлать знаки, подобно эскимосамъ, причемъ съ видимымъ напряженіемъ что-то намъ кричала, но вѣтеръ относилъ звуки и они казались намъ какимъ-то дикимъ воплемъ. Мы остановились. Странная фигура преспокойно приближалась, и когда мы увидѣли, что лице ея черно, какъ смола, то у насъ невольно родился вопросъ, имѣемъ ли мы дѣло съ обитателемъ земли или пришлецомъ съ того свѣта. Покажись намъ что нибудь въ родѣ кончика хвоста или раздвоеннаго копыта,—мы бы пустились бѣжать. Но такъ какъ этого не было, то твердо устояли на мѣстѣ. Если бы обвалился небесный сводъ, то и тогда, кажется, мы были бы поражены менѣе, чѣмъ словами, которыя услышали: Я лейтенантъ Пимъ, прежде на „Герольдъ“, теперь на „Рѣшительномъ“, подъ командою капитана Келлета, у острова Дили. Броситься къ нему и схватить его за руку было первымъ невольнымъ нашимъ движеніемъ“¹⁾.

¹⁾ Sherard Osborn: „The discovery of the Northwest Passage by H. M. S. „Investigator „Capt. R. M'Clure“. London. 1856 г., стр. 272—274.

Вѣсть о подоспѣвшей помощи распространилась по кораблю съ быстротою электричества. Непомѣрное волненіе овладѣло всѣми; больные вскочили со своихъ кроватей и выбѣжали на воздухъ, чтобы лично убѣдиться въ дѣйствительности случившагося. Вскорѣ подошли и сани, запряженные собаками, въ сопровожденіи двухъ матросовъ „Рѣшительнаго.“ Между многими предохранительными

Капитанъ Коллинсонъ.

средствами противъ суровости температуры полярныхъ странъ, было указано въ послѣднее время на окрашиваніе кожи черною краскою, чего экипажъ „Исслѣдователя“ еще не зналъ. Если бы Пимъ пришелъ нѣсколькими днями позже, то тридцать человѣкъ возвращавшихся были бы уже въ дорогѣ, т. е. на пути къ могилѣ въ арктическихъ льдахъ. Дальнѣйшая участь Макъ-Клора съ его экипажемъ изложена въ предъидущей главѣ.

Что происходило въ это время на „Предпріятіи“ подъ на-

чалъствомъ капитана Р. Коллинсона? Изъ всѣхъ полярныхъ плавателей, Коллинсонъ болѣе другихъ подвергался преслѣдованіямъ завистливой судьбы. Плаваніе Коллинсона было одно изъ самыхъ трудныхъ, а между тѣмъ, не привело ни къ какимъ результатамъ. Младшій офицеръ, Макъ-Клоръ, собственно подчиненный Коллинсона, стяжалъ всѣ лавры этой экспедиціи. Продавъ напрасно на Сандвичевыхъ островахъ въ теченіи шести дней прихода Макъ-Клора, Коллинсонъ отправился къ Берингову заливу и обогнулъ 21 августа 1850 г. мысъ Барровъ, 16 дней послѣ Макъ-Клора, когда громадныя массы льда уже заградили дальнѣйшее плаваніе къ востоку. Подъ тою же долгою, подъ которою Келлетъ въ предъидущемъ году встрѣтилъ непокрытое льдомъ море, Коллинсонъ повернулъ къ сѣверу. Достигнувъ къ концу августа 73°23' сѣв. шир., корабль былъ вынужденъ вернуться, такъ какъ не представлялось никакой возможности пробраться еще сѣвернѣе. Лейтенантъ Барнаръ и корабельный фельдшеръ добровольно заявили желаніе остаться въ заливѣ Нортонъ для изученія языка эскимосовъ и для того, чтобы прослѣдить, дѣйствительно ли, какъ носились слухи, въ этихъ мѣстахъ показывались бѣлокожіе путешественники. Барнаръ былъ убитъ здѣсь индѣйцами, одно-

временно съ начальникомъ русскихъ сѣверо-американскихъ колоній.

Плаваніе 1851 года началось извѣстіемъ объ этомъ горестномъ происшествіи. 2 апрѣля Коллинсонъ вышелъ изъ Гонконга, гдѣ перезимовалъ, опять къ Беринговому проливу. 10 іюля корабль „Предпріятіе“ на долгое время разстался съ образованнымъ миромъ. Пройдя Беринговъ проливъ направились вдоль сѣвернаго берега Америки. Отъ залива Вайнрита (Wainwright Inlet) сильное морское теченіе съ возрастающею быстротою увлекло судно по направленію къ западному мысу Баррову, гдѣ мѣстные индѣйцы уже собрались было въ чаяніи богатой добычи. Но они обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: корабль не далъ окружить себя льдами и, выбравшись изъ увлекавшаго его теченія, дошелъ 31-го іюля благополучно до мыса Тангента, восточнѣе мыса Баррова. Послѣ тяжелаго и опаснаго перехода, дошли до устья р. Макензи и 26-го августа до мыса Батурста, а послѣ обѣда того же дня вышли на траверсъ мыса Парри. На другой день Коллинсонъ убѣдился, что онъ находится противъ входа въ какой-то проливъ. Вошедши въ него „Предпріятіе“ открыло 30 августа слѣды перезимовавшаго здѣсь, во льдахъ, „Исслѣдователя.“ Подобно Макъ-КлЮру, открыли, что проливъ этотъ имѣетъ сообщеніе съ проливомъ Мельвила, и Коллинсонъ вполне основательно полагалъ, что Макъ-КлЮръ подымался по проливу къ сѣверу. Подъ 73° 30' сѣв. шир. и 114° 34' западн. долготы дошли до конца этого пролива, выходъ изъ котораго былъ загражденъ льдами, словомъ, это былъ проливъ Принца Валлійскаго, открытіе котораго, ранѣе Коллинсона, выпало на счастливую долю Макъ-КлЮра. Такъ какъ не было никакой возможности выйти изъ этого пролива къ сѣверу, то Коллинсонъ спустился опять къ югу, обогнулъ по слѣдамъ „Исслѣдователя“ южный и западный берега острова Банка и дошелъ 9 сентября 1851 до мыса Мика (Meek-Point, мысъ Кроткій). Еще ранѣе у мыса Келлета Коллинсонъ узналъ изъ оставленныхъ тамъ Макъ-КлЮромъ свѣдѣній, что его соперникъ за 13 дней до него ушелъ изъ пролива Принца Валлійскаго. Убѣдившись въ невозможности бороться со льдами западнаго берега острова Банка, Коллинсонъ вернулся къ южной оконечности пролива Принца Валлійскаго и поставилъ свой корабль на зимовку въ бухтѣ „Облачной“, вдающейся въ землю Принца Альберта. Вблизи этого мѣста нѣсколько эскимосскихъ семействъ занимались охотою до самого ноября, затѣмъ откочевали къ югу и опять вернулись въ маѣ слѣдующаго года. Въ теченіи зимы были предприняты двѣ санныя экспедиціи. Одна изъ нихъ исслѣдовала побережье земли Принца Альберта, а другая отправилась

къ острову Мельвилю и дошла до мыса Провидѣнія, 20 дней послѣ Макъ-Клора.

Только 5-го августа 1852 г. можно было тронуться въ путь, но плаваніе шло чрезвычайно медленно, такъ что едва 5-го сентября, т. е. черезъ мѣсяцъ, потеряли изъ вида мѣсто зимовки. Вновь была сдѣлана попытка подняться по проливу Принца Валлійскаго, но 13-го сентября окончательно потеряли на это надежду и поэтому поворотили назадъ. Затѣмъ Коллинсонъ хотѣлъ испытать счастье по проливамъ Дельфина и Соединенія (Delphin and Union-Street), т. е. по южному проходу, пролегающему между сѣвернымъ берегомъ Американскаго материка и архипелагомъ острововъ отъ запада къ востоку. Крайняя точка, до которой дошелъ Коллинсонъ въ восточномъ направленіи, 26-го сентября 1852 г., была бухта Кембриджъ (Cambridge-Bay), въ проливѣ Дези, у южнаго берега земли Викторіи, подъ 105° зап. долг. отъ Гринича. Черезъ четыре дня корабль былъ затертъ льдами. И здѣсь нерѣдко представлялись случаи входить въ сношенія съ эскимосами, которые сначала были очень робки, но впослѣдствіи обнаружили большую довѣрчивость къ новопришельцамъ. У этихъ эскимосовъ Коллинсонъ нашелъ, впервые послѣ Рэ, остатки Франклиновской экспедиціи, а именно: нѣсколько желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей, кусокъ желѣзнаго стержня отъ паровой машины и желѣзный сердечникъ со знакомъ стрѣлки,—мѣткой лондонскаго адмиралтейства. Въ апрѣлѣ 1853 г. были посланы нѣсколько человекъ на саняхъ, съ тѣмъ, чтобы, слѣдуя вдоль берега, проникнуть до того мѣста, котораго достигъ въ 1849 г. сэръ Джемсъ Россъ. Подъ 70° 25 сѣв. шир. эти люди дошли до маленькаго островка „Гэтсгеда“ (Gateshead Island) съ котораго уже никакой земли болѣе видно не было. Далѣе идти на саняхъ не представлялось никакой возможности изъ-за громадности льдинъ и ледяныхъ горъ; поэтому экспедиція вернулась назадъ, не дойдя 215 километр. до назначенной дѣли. На обратномъ пути былъ найденъ кусокъ дверной рамки съ мѣднымъ замкомъ, на которомъ также была мѣтка адмиралтейства—стрѣла. Эта рамка впослѣдствіи была признана въ Вульвичѣ принадлежавшею кораблю „Террору“. У Коллинсона однако не хватило догадливости объяснить себѣ эти далеко не двусмысленныя болѣе указанія. Изъ искавшихъ Франклина, Коллинсонъ подошелъ ближе всѣхъ къ мѣсту, гдѣ могла бы разрѣшиться главная задача его экспедиціи: ему стоило только изслѣдовать побережье вблизи лежащей земли Короля Вильяма и онъ наткнулся бы на остатки „Эребуса“ и „Террора“, равнымъ образомъ онъ нашелъ бы нѣсколько далѣе, въ восточномъ направленіи, истинный сѣверо-западный проходъ. Что послѣднее не исполнилось, была, впрочемъ,

не его вина. 10-го августа ледъ, окружавшій корабль „Предпріятіе“ тронулся внезапно къ востоку и проливъ Дези очистился. Тутъ-то оказалось, что въ Вульвичѣ по ошибкѣ было принято слишкомъ мало угля. Не будь этого обстоятельства, Коллинсонъ пошелъ бы дальше на востокъ, чтобы пробиться въ Атлантическій океанъ, но теперь былъ вынужденъ, собирая гдѣ и сколько возможно прибойнаго лѣса, вернуться къ Беринговому проливу, придерживаясь прибрежья материка. Близъ устья рѣки Мѣдной Руды до такой степени были стиснуты льдами, что едва выбрались черезъ проливъ Дельфина, потерявъ якорь и 256 метр. цѣпи. Въмѣсто открытаго моря Коллинсонъ наткнулся у мыса Батурста на страшныя массы льда, черезъ которыя пробрался съ величайшимъ трудомъ. Послѣ того плаваніе было успѣшно до острова Гершеля, гдѣ льды опять стали напирать въ такихъ массахъ, что Коллинсонъ съ экипажемъ долженъ былъ укрыться въ заливѣ Камденъ, гдѣ и провелъ третью зиму 18^{53/54} годовъ. Здѣсь было собрано достаточное количество прибойнаго лѣса для дальнѣйшаго плаванія въ будущемъ году. 15-го іюля 1854 года ледъ тронулся, а 20-го числа море уже совершенно очистилось. Немного спустя у мыса Баррова Коллинсонъ встрѣтилъ эскимосовъ, отъ которыхъ были получены первыя извѣстія изъ Англіи, а именно газета „London Illustrated News“, съ политипажами всемірной выставки 1851 г. ¹⁾ 8 августа корабль „Предпріятіе“ обогнулъ мысъ Барровъ и, направившись къ Беринговому проливу, встрѣтилъ три дня спустя американское китобойное судно, отъ котораго узналъ обо всемъ, что совершилось въ образованномъ мірѣ въ теченіи 1126 дней отсутствія, проведенныхъ во льдахъ ²⁾; узнали о послѣдствіяхъ знаменитаго переворота во Франціи и о восточной войнѣ 1854 года.

Таковы были неблизательные результаты пятилѣтняго опаснаго и сопряженнаго съ невѣроятными лишеніями полярнаго плаванія Коллинсона. Между тѣмъ счастливецъ Макъ-Клоръ въ первую же зиму, проведенную имъ въ полярныхъ льдахъ, открылъ сѣверо-западный проходъ или по крайней мѣрѣ то, что слыветъ подъ этимъ именемъ. Извѣстіе о рѣшеніи задачи, занимавшей умы въ теченіи многихъ столѣтій, встрѣчено было въ Англіи съ величайшимъ торжествомъ. Газеты заявляли, что неудачи англичанъ

¹⁾ Транспортъ „Ржанка“ простоялъ зиму 18^{54/55} г. у мыса Баррова въ ожиданіи извѣстій о судахъ, отправившихся отыскивать Франклина. Командиръ „Ржанки“ далъ эскимосамъ необходимыя для распознаванія этихъ судовъ указанія, а также газеты для нихъ.

²⁾ Account of the Proceedings of H. M. S. „Entreprise“ from Behring Strait to Cambridge-Bay by Capt. R. Collinson (Journ. Roy. geogr. Soc. 1855. стр. 194—205).

въ Крыму и Балтійскомъ морѣ вполнѣ вознаграждаются славнымъ открытіемъ сѣверо-западнаго прохода. Королева пожаловала Макъ-Клюра кавалерскимъ достоинствомъ, и вообще онъ былъ награжденъ почестями всѣхъ родовъ ¹⁾. Такъ какъ парламентомъ была назначена премія въ 20 т. ф. ст. тому, кто откроетъ сѣверо-западный проходъ, то для присужденія ей и для доклада парламенту была учреждена особая коммиссія, представившая свои соображенія и послѣдовавшее рѣшеніе парламента въ особомъ отчетѣ отъ 20-го іюля 1855 г. Выраженное въ этомъ отчетѣ мнѣніе, будто для разрѣшенія данной задачи требуется только географически доказать, что между обоими океанами существуетъ водяное сообщеніе, ясно показываетъ, что разбравшіе дѣло не знали, въ чемъ заключается суть ²⁾. Не взирая на всѣ восхваленія, премія въ 20 т. ф. ст. за открытіе непроходимаго прохода казалась слишкомъ большею Макъ-Клюру присудили половину. „Неоспоримо, что „проходъ“ былъ открытъ, но въ то же время нужно было сознаться, что сдѣланное открытіе не стоитъ затраченныхъ трудовъ и расходовъ. И наукѣ это открытіе принесло мало пользы. Замѣчательные труды д-ра Кэна, участвовавшего также въ отысканіи Франклина, вскорѣ затмили все, что въ этомъ отношеніи было сдѣлано экспедиціею Макъ-Клюра. На сѣверѣ Американскаго материка дѣйствительно существуетъ водяное сообщеніе между обоими океанами. Даже можно допустить, что какое-нибудь судно, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, пройдетъ съ востока на западъ или скорѣе съ запада на востокъ, но счастливы-моряки, которымъ это бы удалось, должны собраться въ походъ съ мыслью, что имъ можетъ быть придется раза три,

¹⁾ Макъ-Клюръ получилъ большую золотую медаль Королевск. Геогр. Общ. въ Лондонѣ, большую золотую медаль 1854 г. Парижскаго Геогр. Общ., драгоценные золотые часы отъ Лондонскаго адмиралтейства и былъ произведенъ въ капитаны.

²⁾ Въ этомъ отчетѣ говорится: „Попытки открыть въ арктическомъ поясѣ водяное сообщеніе между Великимъ и Атлантическимъ океанами болѣе трехъ столѣтій обращали на себя вниманіе всѣхъ націй, занимающихся мореплаваніемъ. Капитану Макъ-Клюру и подчиненнымъ ему офицерамъ и командѣ посчастливилось разрѣшить этотъ вопросъ. Они, безъ сомнѣнія, первые, которые путемъ водяного (by water) сообщенія прошли изъ одного океана въ другой и вернулись въ отечество“. Послѣ этого вводится въ отчетъ описаніе плаванія Макъ-Клюра и онъ заканчивается слѣдующими словами: Капитану Макъ-Клюру безъ сомнѣнія принадлежитъ великая честь, что онъ первый дѣйствительно совершилъ водной переходъ изъ одного океана въ другой (to perform the actual passage over water). Такимъ образомъ онъ доказалъ существованіе и направленіе дѣйствительнаго водяного сообщенія между обоими океанами, т. е. разрѣшилъ вопросъ о сѣверо-восточномъ проходѣ, бывшій столько времени предметомъ опасныхъ изслѣдованій и возбуждавшій интересъ всѣхъ націй образованнаго свѣта“. Къ этой негипотезѣ ничего не остается прибавить.

четыре зимовать въ пути, и что во всякомъ случаѣ это выполнимо при томъ только условіи, если они встрѣтятъ на крайнемъ сѣверѣ необыкновенно жаркое лѣто. Нельзя безусловно утверждать, что людямъ не удастся извлечь никакой пользы изъ этого открытія, немаловажнаго въ смыслѣ географическомъ. Однако, если только наши пути сообщенія не ухудшатся въ значительной степени, то никакого практическаго результата ожидать нечего¹⁾. Такъ разсуждалъ объ этомъ открытіи въ 1857 году никто иной, какъ остроумный Оскаръ Пешель.

Сѣверо-западный проходъ, со времени открытія его Макъ-Клюромъ, никѣмъ не былъ болѣе посѣщаемъ. Въ дѣйствительности нѣсколько проливовъ и каналовъ пересекають съ запада на востокъ сѣверо-американскій архипелагъ, но только одинъ путь можетъ считаться болѣе или менѣе сѣверо-западнымъ проходомъ. Этотъ путь пролегаетъ въ низшихъ широтахъ, около сѣверныхъ окраинъ американскаго материка. Одинъ только Франклинъ въ нѣкоторой степеніи былъ на пути къ открытію дѣйствительнаго сѣверо-западнаго прохода, когда онъ вмѣсто того, чтобы подняться къ сѣверу, гдѣ его напрасно искали, поворотилъ на югъ. Сэръ Джонъ Франклинъ очень хорошо зналъ, что если соединить открытія Парри подъ 74° сѣв. шир. по направленію къ югу съ водами, омывающими сѣверное побережье американскаго континента, то этимъ разрѣшился бы вопросъ объ открытіи сѣверо-западнаго прохода. Прибывъ къ землѣ Короля Вильяма, онъ, какъ хорошій морякъ, не могъ не знать, гдѣ онъ находится и какъ недалекъ отъ водъ, омывающихъ американскій континентъ. Можеть быть даже, что Франклинъ и скончался увѣренный въ открытіи имъ сѣверо-западнаго прохода. Друзья Франклина въ Англіи, и въ числѣ ихъ главный Макъ-Клинтокъ²⁾, впоследствии приписали Франклину честь открытія сѣверо-западнаго прохода. Но тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ историческихъ заслугахъ, справедливость требуетъ, чтобы все было основано на фактахъ дѣйствительно совершившихся, а не на предположеніяхъ и вѣроятіяхъ. Если этотъ проходъ былъ дѣйствительно открытъ Франклиномъ, то почему же его спутники ни слова объ этомъ не упомянули въ тѣхъ сообщеніяхъ, которыя сдѣлали о постигшей ихъ участи? Дѣйствительное открытіе прохода осуществится только тогда, когда черезъ него можно будетъ пройти. Поэтому точно также ничего не доказываетъ нижеслѣдующее сообщеніе Франсиса Шарля Галя: „Въ томъ же

¹⁾ „Ausland“ 1857 г., стр. 80.

²⁾ Макъ-Клинтокъ о заслугахъ сэра Джона Франклина въ дѣлѣ открытія сѣверо-западнаго прохода (см. „Ausland“ 1860 г., стр. 112—113).

году, какъ „Эребусъ“ и „Терроръ“ были оставлены, одинъ изъ этихъ кораблей прошелъ по большому сѣверо-западному проходу; на немъ было пять человѣкъ. Вѣрность этой цифры не подлежитъ сомнѣнію¹⁾. На корабль сэра Джона Франклина, прошедшемъ черезъ сѣверо-западный проходъ, все было въ полнѣйшемъ порядкѣ; по бокамъ его висѣли четыре лодки, пятая стояла на верхней палубѣ; судно было покрыто, какъ бы на зиму, большимъ парусиннымъ брезентомъ. Въ началѣ весны 1849 года судно было найдено эскимосами подъ 68° 30' сѣв. шир. 99° 8' долг. у острова О-Рейли замерзшимъ среди гладкаго ледяного поля, образовавшагося только въ предшествовавшую зиму. Какъ въ Иглуликѣ, такъ и на землѣ Короля Вильяма, я навѣрное узналъ, что на одномъ изъ этихъ кораблей была борзая собака²⁾.

Такъ какъ островъ О-Рейли лежитъ южнѣе пролива Симпсона, у самаго берега материка, то корабль этотъ долженъ былъ проплыть по крайней мѣрѣ весь проливъ Дези, мимо залива Коронаціи, по проливамъ Дельфинъ и Уніонъ, прежде чѣмъ можно было бы утверждать, что онъ дѣйствительно прошелъ по большому сѣверо-западному проходу. Заслуга Коллинсона—хотя она и не оцѣнена до сихъ поръ по достоинству—заключается именно въ томъ, что онъ первый провелъ корабль большаго ранга черезъ Беринговъ проливъ по проливамъ Дельфинъ и Уніонъ до пролива Дези и благополучно съ нимъ вернулся, въ то время, какъ восточная часть береговыхъ водъ вдоль материка до сихъ поръ не была пройдена ни однимъ большимъ судномъ, а только лодками. Такимъ образомъ онъ много содѣйствовалъ положительному разрѣшенію этого вопроса, хотя возбужденныя имъ, но преувеличенныя надежды не сбылись. „Теперь доказано,—писалъ десять лѣтъ послѣ возвращенія Коллинсона остроумный судья и притомъ строгій критикъ В. Бентгеймъ³⁾,—что возможно пройти моремъ по сѣверному берегу Америки, и что этотъ путь найдетъ практическое примѣненіе, если только суда будутъ приспособлены для подобнаго плаванія. Быть можетъ, когда-нибудь осуществятся на дѣлѣ предположенія одного венеціанца, полагавшаго, что сѣверо-западный проходъ будетъ служить кратчайшимъ путемъ въ Азію. Съ преодоленіемъ механическихъ затрудненій, пустынямъ сѣвера откроется оживленная и дѣятельная будущность. Не кажется ли, что эти страны какъ будто самою природою предназначены для устройства громаднѣйшихъ складовъ, гдѣ можетъ быть безъ труда или опасности

¹⁾ Только не для автора этой книги.

²⁾ „Глобусъ“, томъ XVI, стр. 220.

³⁾ „Unsere Zeit“ т. VIII, 1864 г. стр. 710.

сложенъ на много лѣтъ избытокъ другихъ поясовъ съ тѣмъ, чтобы поступить въ употребленіе, когда и гдѣ въ нихъ окажется необходимости!“ До сихъ поръ мы еще столь же далеки отъ подобнаго извлеченія пользы изъ этихъ странъ, какъ въ дни ихъ открытія. Никого не нашлось, кто бы послѣ Коллинсона изъяснилъ готовность испытать счастье на этомъ южномъ пути, который до сихъ поръ долженъ считаться столь же непроходимымъ, какъ и сѣверный проходъ Макъ-Клюра. Итакъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что до сей минуты ни сѣвернымъ, ни южнымъ путемъ, ни съ запада на востокъ, ни обратно ни одно судно не прошло, т. е. что сѣверо-западный проходъ непроходимъ. Сѣверо-западный проходъ найденъ, но плавать по немъ невозможно, потому что нѣтъ фарватера. Тѣмъ не менѣе крайне утѣшительно, что человѣку удалось поднятъ съ тѣхъ странъ завѣсу, которою природа ихъ до сихъ поръ непроницаемо покрывала. Одно предположеніе можно теперь безошибочно сдѣлать, а именно, что для органической жизни нѣтъ предѣловъ въ арктическомъ поясѣ. Вездѣ, куда только на сѣверѣ человѣкъ ни проникалъ, встрѣчалась еще животная и растительная жизнь.

Входъ въ проливъ Принца Валлійскаго.

Капитанъ Чарльзъ Франсисъ Галль.

РАЗЪЯСНЕНІЕ УЧАСТИ ФРАНКЛИНА И ЕГО СПУТНИКОВЪ.

ИЗЪ ЦѢЛАГО ряда экспедицій, предпринятыхъ англійскимъ правительствомъ съ цѣлю отыскать Франклина, экспедиція Бельчера была послѣдней. На основаніи полученныхъ результатовъ, пришли къ тому заключенію, что „Эребусъ“ и „Терроръ“ потонули въ волнахъ арктическаго океана, а изъ команды, если кто и спасся, то погибъ отъ суровости климата. Частныя лица однако этимъ не удовлетворились, не успокоилась и неутомимая лэди Франклинъ. Гриннелъ, въ Нью-Йоркѣ, еще разъ предоставилъ свой бригъ „Advance“ (Успѣхъ) въ распоряженіе новой экспедиціи, отправленной въ 1853 г. въ полярное море подъ начальствомъ Д-ра Элиза Кентъ-Кэна и извѣстной подъ названіемъ „второй Гриннелевской экспедиціи“. Плаваніе „Advance'a“, хотя во многихъ отношеніяхъ и принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ полярныхъ путешествій, не доставило никакихъ свѣдѣній объ участи Франклина, да и, понятно, не могло доставить. Мы вернемся къ этой экспедиціи только въ слѣ-

дующей главѣ, а сперва расскажем до конца исторію разъясненія франклиновской катастрофы. Когда Кэнъ вернулся, участь судовъ „Эребуса“ и „Террора“ была уже открыта. Въ то время, какъ люди считали этотъ вопросъ неразрѣшенной загадкою, промыслу Божьему угодно было раскрыть тайну.

Неутомимому Д-ру Рэ было суждено судьбою первому приподнять нѣсколько завѣсу, покрывавшую тайну безслѣднаго исчезновенія Франклина. Общество Гудсонова залива поручило въ 1853 году этому испытанному путешественнику по полярнымъ странамъ сдѣлать полную съемку западнаго берега Боотія, до пролива Белло; онъ имѣлъ, слѣдовательно, порученіе, несостоявшее ни въ малѣйшей связи съ поисками Франклина. Рэ зимовалъ въ заливѣ Репульсъ. Для исполненія даннаго ему порученія, онъ выступилъ оттуда 31 марта 1854 г., т. е. нѣсколько дней послѣ того, какъ англійское адмиралтейство отказалось отъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ къ отысканію экспедиціи Франклина. У залива Пелли, на восточномъ берегу Боотія, Рэ встрѣтилъ 17 апрѣля эскимосовъ и въ числѣ ихъ нѣкоего Ин-нук-пу-це-юка, отъ котораго узналъ, что партія „каблунанъ“ (бѣлыхъ людей) погибла съ голода не далеко отъ того мѣста, къ западу, по ту сторону „большой рѣки съ водопадами и порогами“. Эскимосы рассказывали, что весною 1850 г. партія бѣлыхъ людей, числомъ около 40, переправлялась по льду къ югу, давая понять знаками, что корабль ихъ раздавленъ льдами. Нѣсколько недѣль спустя были найдены 30 труповъ бѣлыхъ людей на берегу американскаго материка, а пять другихъ на близъ лежащемъ островѣ, на разстояніи однодневнаго перехода къ сѣверу отъ большой рѣки. Рэ сначала недовѣрчиво относился къ этимъ извѣстіямъ, но чѣмъ болѣе онъ подходилъ къ мѣсту катастрофы, тѣмъ болѣе убѣждался, что рассказъ эскимосовъ, по крайней мѣрѣ отчасти, не лишень основанія. Отъ залива Пелли Рэ прошелъ поперекъ къ заливу Стефена и затѣмъ, подымаясь къ сѣверу по западному берегу Боотія, достигъ крайняго предѣла своего путешествія, насупротивъ берега Земли Короля Вильяма, т. е. того самаго мѣста, гдѣ совершилась грустная катастрофа ¹⁾. При этомъ Рэ не только узналъ рядъ дальнѣйшихъ подробностей, но купилъ даже у эскимосовъ довольно много вещей, принадлежавшихъ, несомнѣнно, экспедиціи Франклина ²⁾. По возвращеніи въ Англію, Рэ явился

¹⁾ John Rae. Arctic Exploration, with Information, respecting Sir John Franklin's missing Party. (Journ. R. geogr. Soc. 1855, стр. 246—256).

²⁾ Вещи эти были слѣдующія: 2 дюжины серебряныхъ ложекъ и вилокъ, золотой хронометръ, изъ котораго механизмъ былъ уже вынутъ, части телескопа,

съ этими вещами 22 октября 1854 г. въ британское адмиралтейство, гдѣ его неожиданное сообщеніе возбудило тѣмъ большее вниманіе, что всѣ были убѣждены въ томъ, что южнѣе 75° сѣв. шир. искать Франклина нечего.

Находили страннымъ, что докторъ Рэ, находясь вѣроятно не далѣе какъ на разстояніи 350 км. отъ мѣста печальнаго происшествія, не отправился туда немедленно, чтобы собрать болѣе подробныя свѣдѣнія. Но такъ какъ ничего подобнаго ему не было поручено, то онъ могъ бы сдѣлать это только въ ущербъ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Кромѣ того, многіе прямо-таки не довѣряли его сообщеніямъ, по крайней мѣрѣ въ англійскихъ газетахъ объ этомъ заявлялось не разъ, а лондонскій „Атенеи“ сравнивалъ эскимосовъ, у которыхъ Рэ собиралъ свѣдѣнія, съ извѣстнымъ крымскимъ татаринѣмъ. Къ числу недовѣрявшихъ этому открытію принадлежалъ также, переселившійся въ 1854 году изъ Лондона въ Готу, Д-ръ Авг. Петерманнъ. Онъ высказалъ свои сомнѣнія въ статѣ, помѣщенной въ *Geograph. Mittheilungen*, издаваемыхъ заведеніемъ Юстуса Пертеса, представителемъ котораго онъ тогда сдѣлался ¹⁾. Родные и друзья пропавшихъ пришли по полученіи этихъ извѣстій въ состояніе лихорадочнаго возбужденія, и весь образованный міръ съ живѣйшимъ участіемъ и напряженіемъ ожидалъ дальнѣйшихъ свѣдѣній. Атенеи и другія газеты побуждали правительство снарядить новую экспедицію, отчасти для того, чтобы провѣрить показанія Д-ра Рэ, отчасти же для того, чтобы отыскать капитана Коллинсона, который также оставался въ отсутствіи болѣе продолжительное время, чѣмъ дозволяли ему его запасы. Британское адмиралтейство ограничилось однако тѣмъ, что просило общество Гудсонова залива послать для дальнѣйшаго изслѣдованія вмѣсто д-ра Рэ, отказавшагося по болѣзни отъ начальствованія надъ новою экспедиціею, двухъ другихъ служащихъ. Джемсъ Гринъ Стюартъ, одинъ изъ главныхъ промышленниковъ общества, отправился 7 февраля 1855 г. изъ Карлтонгауза, мѣста своего постоянного пребыванія, въ путь съ 14 человѣками уже привыкшими къ трудностямъ сѣвера.

5 марта онъ дошелъ до форта Шинпева на озерѣ Атапаскѣ, а отсюда въ лодкахъ по рѣкѣ Мирной къ большому Невольничьему озеру. Въ фортѣ Рѣшенія, куда онъ прибылъ 30 мая, къ нему присоединился Джемсъ Андерсонъ, которому было по-

4 ножа, ганноверскій гвельфскій орденъ, принадлежавшій Франклину, небольшая круглая серебряная личинка съ именемъ Франклина, которая вѣроятно была прикрѣплена къ палочкѣ капитана, золотая цѣпочка отъ часовъ и кусокъ фланелеваго жилета съ начальными буквами имени Франклина.

¹⁾ *Ausland* 1854 г., стр. 1078—1080.

ручено вмѣстѣ со Стюартомъ руководить этою экспедиціею. 22 іюня, выступили къ истокамъ р. Большой Рыбной и затѣмъ пошли по теченію этой рѣки до ея устья, куда и прибыли 30 числа. Здѣсь Стюартъ и Андерсонъ встрѣтили эскимосовъ, которые вполне подтвердили показанія д-ра Рэ, указывая для дальнѣйшихъ изслѣдованій на островъ Монреаль. До 9 августа тщательно осматривали весь островъ, равно какъ и материкъ между 67' и 69' сѣв. шир., подвергаясь величайшимъ опасностямъ и тяжелымъ лишеніямъ. У пороговъ, ниже озера Франклина, эти неутомимые изслѣдователи наткнулись 30 іюля, возлѣ трехъ эскимосскихъ хижинъ, на цѣлую кучу остатковъ Франклиновской экспедиціи: части европейской лодки, куски краснаго, соснового и дубоваго дерева, мѣдные и жестяные котлы, жестяную миску, куски астрономическихъ инструментовъ, ящикъ для писемъ съ 1843 годомъ, пилы, долота и т. д. Около хижинъ былъ только одинъ мужчина, но болѣе смѣтливныя женщины сумѣли дать понять знаками нашимъ путешественникамъ, незнавшимъ, къ сожалѣнію, эскимосскаго языка, что эти вещи взяты съ лодки и что бѣлые люди, которымъ они принадлежали, погибли отъ голода. Несмотря на всѣ обѣщанія дать хорошее вознагражденіе, никакихъ письменныхъ документовъ добиться не могли. На островѣ Монреаль Андерсонъ и Стюартъ нашли, наконецъ, лыжи, на которыхъ перочиннымъ ножомъ было вырѣзано имя д-ра Стэнлея, хирурга съ „Эребуса“, кусокъ дерева съ именемъ „Терроръ“ и кромѣ того желѣзные крюки съ цѣпами и другія корабельныя принадлежности, какъ-то: долота, лопаты, чугунные котлы, желѣзо, канаты, кусокъ флаговой матеріи, палки и т. д., но костей человѣческихъ нигдѣ не было видно. Эскимосы утверждали, что на островѣ умеръ только одинъ бѣлый, остальные же погибли, вскорѣ послѣ перехода, на материкъ, гдѣ дѣйствительно, на противоположащемъ Монреалу берегу, были найдены кости въ наносномъ пескѣ. Такъ какъ Стюартъ и Андерсонъ не могли переправиться къ Землѣ Короля Вильяма, потому что шель слишкомъ сильный ледъ, а лодка у нихъ была очень непрочная, то они и пустились съ найденными остатками въ обратный путь, почти по тому же направленію, по которому пришли ¹⁾).

Хотя эта экспедиція не доставила никакихъ свѣдѣній, которыя могли бы послужить къ болѣе подробному объясненію гибели судовъ и экипажа Франклина, тѣмъ не менѣе весьма важно, что вполне подтвердились показанія доктора Рэ, въ истинѣ которыхъ сомнѣвались. Британское адмиралтейство должно было рѣ-

¹⁾ Ausland, 1856 г., стр. 208.

питься выдать д-ру Рэ премію въ 10,000 ф. ст., назначенную 7 августа 1850 г. тому, кто первый откроетъ слѣды Франклиновой экспедиціи и дать возможность выяснитъ постигшую ея участь. Безспорно было теперь доказано, что небольшая часть экипажа Франклина дѣйствительно доходила до устья р. Большой Рыбной и проникла вверхъ до Франклиновыхъ водопадовъ. Правительствомъ этимъ удовлетворилось, но не удовлетворилось общественное мнѣніе: главное мѣсто происшествія—Земля Короля Вильяма—осталось неизслѣдованнымъ. Настоячиво обращались къ правитель-

Сэръ Леопольдъ Макъ-Клинтокъ.

ству съ просьбою отправить корабль къ Землѣ Короля Вильяма. Самые знаменитые ученые и изслѣдователи арктическихъ странъ, какъ-то: Родерикъ Мурчисонъ, астрономъ Вевель, инженеръ Стефенсонъ, моряки Бичи, Коллинсонъ и Ричардсъ отнеслись къ этому дѣлу съ величайшимъ сочувствіемъ. Многомудрое правительство, посылавшее столько экспедицій совершенно зря, уклонилось отъ отправленія новой, теперь, когда уже не приходилось искать въ безпредѣльномъ пространствѣ всего арктическаго пояса и когда мѣсто совершившейся катастрофы было уже въ точности

опредѣлено. При этихъ условіяхъ лэди Франклинъ опять рѣшилась своими средствами снарядить экспедицію. Нѣсколько вѣрныхъ друзей помогли ей и совѣтомъ и дѣломъ, между тѣмъ какъ предпринятая географическимъ обществомъ подписка имѣла мало успѣха. Лэди Франклинъ продала все свое имущество, поселилась въ скромной наемной квартирѣ, но купила винтовую шкуну „Фоксъ“ въ 180 тоннъ вмѣстимостью, за 2,000 ф. ст. Многіе изъ высшихъ морскихъ чиновъ предлагали лэди Франклинъ принять на себя безвозмездно начальство надъ этою экспедиціею. Она выбрала было сначала Георга Генри Ричардса, капитана королевскаго флота, но такъ какъ онъ получилъ вскорѣ другое назначеніе по службѣ, то былъ достойнѣйшимъ образомъ замѣненъ капитаномъ Леопольдомъ Макъ-Клинтокомъ, участвовавшимъ во всѣхъ арктическихъ экспедиціяхъ подъ начальствомъ сэра Джемса Росса, Аустина и Бельчера. Подъ его начальствомъ и были преимущественно исполнены тѣ экс-

курси на саняхъ, которыми такъ прославилась экспедиція Бельчера. Всѣ офицеры безъ исключенія служили безвозмездно. То были: В. Р. Гобсонъ, человѣкъ побывавшій въ арктическихъ моряхъ уже не одинъ разъ и служившій нѣсколько лѣтъ на „Ржанкѣ“, въ Беринговомъ проливѣ; А. В. Юнгъ, капитанъ коммерческаго судна, который отъ себя лично пожертвовалъ 500 ф. стерлинговъ на сооруженіе этой экспедиціи и занялъ самъ на суднѣ должность завѣдующаго парусами, д-ръ Давидъ Валькеръ въ качествѣ врача и естествоиспытателя, наконецъ капитанъ Петерсенъ изъ Копенгагена, участвовавшій въ плаваніяхъ Пенни и д-ра Кэна (во второй экспедиціи послѣдняго) переводчикомъ и отправлявшійся теперь опять съ тою-же цѣлью. Весь экипажъ „Фокса“ состоялъ изъ 25 человѣкъ, большею частью съ королевскихъ кораблей, принимавшихъ уже раньше участіе въ арктическихъ плаваніяхъ. Должно еще упомянуть, что, хотя адмиралтейство сначала и отказывалось отъ всякаго содѣйствія лэди Франклинъ въ предпринимаемой ею экспедиціи, впоследствии, однако, когда узнало, что дѣло окончательно рѣшено и поставлено подъ начальство такого достойнаго человѣка какъ, Макъ-Клинтокъ, оказало ей значительную помощь, снабдивъ различнаго рода запасами. Небольшой корабль „Фоксъ“ отличался быстротою хода; сдѣлали новую обшивку и въ концѣ іюня 1857 г. онъ былъ уже готовъ къ выступленію. Лэди Франклинъ безусловно предоставила капитану Макъ-Клинтоку дѣйствовать по своему собственному усмотрѣнію; первою цѣлью экспедиціи было, разумѣется, спасти тѣхъ, которые, можетъ быть, были еще живы; затѣмъ спасеніе важныхъ, безъ сомнѣнія, документовъ экспедиціи и охраненіе правъ покойнаго Франклина на открытіе сѣверо-западнаго прохода. 1-го іюля 1857 года „Фоксъ“, выйдя изъ Абердена, взялъ курсъ къ западному берегу Гренландіи, чтобы тамъ закупить собакъ, необходимыхъ для предполагаемыхъ экспедицій на саняхъ. 6-го августа наши путешественники пришли въ Упернивикъ, отдали тамъ письма, адресованныя на родину и повертели на западъ, поперекъ Баффинова залива. „Фоксъ“ не былъ достаточно силенъ для того, чтобы пробиться чрезъ срединный ледъ Баффинова залива; поэтому на первыхъ порахъ плыли вдоль берега, въ южномъ направленіи. 12-го августа повертели: опять къ сѣверу, но нигдѣ не находили прохода: ледъ лежалъ сплошною массою поперекъ всего залива и въ концѣ концовъ пришлось отвести корабль къ ледяной горѣ, прилегавшей къ подошвѣ громаднаго берегового глетчера. Съ 18-го августа 1857 года по 17-е апрѣля 1858 года „Фоксъ“ оставался въ этомъ льду, который, двигаясь медленно къ югу, увлекъ корабль, во время полярной ночи, съ 57° 24' сѣв. шир. и 64°

30' зап. долг. сначала по ломанной линіи нѣсколько на западъ, а потомъ прямо внизъ, по Баффинову заливу, до пролива Дэвиса, подъ 63° 30' сѣв. шир. Все пространство, пройденное „Фоксомъ“, въ это время составляло 2,560 километровъ и, само собою разумѣется, что небольшому кораблю не разъ грозила величайшая опасность. Только въ началѣ апрѣля 1858 года разошелся ледъ, державшій столько времени корабль въ плѣну, а 17-го апрѣля поднялась буря и изломала всю ледяную массу на мелкія части. Въ ночь на 25-е апрѣля корабль вышелъ на вольную воду и 28-го числа пришелъ въ Гольштейнбургъ, ближайшую гавань Гренландіи, гдѣ храбрецы, состояніе здоровья которыхъ, впрочемъ, во все время было удовлетворительное,—4-го декабря 1857 года былъ единственный смертный случай на кораблѣ,—могли наконецъ отдохнуть и оправиться. Въ Годгавнѣ начались приготовленія къ новому походу и черезъ мѣсяцъ все уже было готово. 24-го мая Макъ-Клинтокъ проходилъ мимо острова Диско, а 31-го бросилъ якорь въ Упернивиѣ, т. е. тамъ же, гдѣ онъ былъ въ предыдущемъ году.

Изъ Упернивика, гдѣ наши моряки дождались вскрытія льда, начали съ 4-го іюня медленно пробираться вдоль берега къ сѣверу; 26-го числа дошли до мыса Іорка, у входа въ проливъ Смита, на западномъ берегу Гренландіи. Здѣсь Макъ-Клинтокъ вошелъ въ сношенія съ мѣстными эскимосами, которые очень дружелюбно приняли нѣкогда вторую Гриннелевскую экспедицію подъ начальствомъ Кэна и тотчасъ узнали переводчика Петерсена, участвовавшего въ этой экспедиціи. Ближайшая точка, до которой дошелъ „Фоксъ“ 12-го іюля, былъ мысъ Варрендеръ, одна изъ южныхъ оконечностей сѣвернаго Девона, въ проливѣ Ланкастерѣ. Проливъ былъ загромажденъ льдами и восточный вѣтеръ пригонялъ еще новыя массы, такъ что нельзя было и думать о томъ, чтобы проникнуть черезъ него на западъ. Такъ какъ Макъ-Клинтокъ получилъ въ пути извѣстіе, что у залива Понда кочуютъ эскимосы, которые имѣютъ будто-бы свѣдѣнія о двухъ разбившихся корабляхъ, то онъ и отправился туда, перейдя поперекъ пролива Ланкастера, къ югу. Послѣ утомительной борьбы со льдами, онъ дошелъ до залива Понда 27-го іюля. Такимъ образомъ корабль „Фоксъ“ описалъ почти кругъ въ сѣверной части Баффинова залива, вдоль его береговъ, и только этимъ путемъ могъ перейти съ одной стороны залива на другую. Отыскиваемые эскимосы жили въ лѣтнемъ кочевьѣ Капароктоликѣ, лежащемъ въ глубокомъ ущельи залива Понда или скорѣе пролива Понда, среди крутыхъ красиво возвышающихся утесовъ. Только 6-го августа, удостовѣрившись черезъ мѣстныхъ жителей, что уже лѣтъ 20 или 30 какъ у этихъ

береговъ не было кораблекрушенія, „Фоксъ“ разстался съ этимъ привѣтливымъ убѣжищемъ. Прошедши черезъ проливъ Ланкастеръ—эти полярныя Дарданеллы—Макъ-Клинтокъ пришелъ 11-го августа къ острову Бичи, гдѣ поставилъ, по порученію лэди Франклинъ, мраморную доску въ память Франклина и его спутниковъ. Въ то же время была предпринята повѣрка сложенныхъ тамъ прежде запасовъ, для того чтобы убѣдиться, можно ли надѣяться на нихъ въ случаѣ, если придется оставить корабли. Громадный складъ продовольственныхъ припасовъ, прочно устроенный на островѣ Бичи, былъ не тронутъ и, какъ и слѣдовало ожидать въ полярныхъ странахъ, сохранился превосходно, склады-же на мысахъ Рилей и Готамъ были большею частью истреблены медвѣдями, которые, разбивъ бочки, разбросали все, чего не могли съѣсть. Погрузивъ еще немного запасовъ, „Фоксъ“ направился 16-го Августа мимо мыса Готамъ въ проливъ Пиля, чтобы черезъ него проникнуть къ югу. Этимъ путемъ еще не ходилъ никто. Сдѣлавъ километровъ 40 увидѣли, что проливъ, стуживаясь къ югу, былъ загроможденъ льдами. Немедленно поворотили назадъ и пошли вокругъ Нордъ Коммерсета съ тѣмъ, чтобы по восточной его сторонѣ, по проливу Принца-Регента, пробраться до материка. Этотъ проливъ былъ совершенно свободенъ отъ льдовъ, такъ что безъ затрудненій можно было войти 20-го августа въ проливъ Белло, имѣющій около 27—28 километровъ длины при ширинѣ въ 1½ километра и соединяющій проливъ Принца-Регента съ проливомъ Пиля. Подходя къ заливу Брентфорду всѣхъ крайне интересовало одно только: сквозной ли здѣсь путь или глухой заливъ? Отъ разрѣшенія этого вопроса зависѣлъ исходъ предпріятія. По выплывавшему изъ пролива грузному полярному льду вскорѣ могли убѣдиться, что здѣсь существуетъ дѣйствительный проходъ. При сильномъ теченіи съ востока „Фоксъ“ прошелъ подъ парами уже почти половину пролива, когда неожиданно наткнулся на широкую полосу скучившагося льда, лежавшаго поперекъ всего пролива. Пришлось вернуться въ заливъ Брентфордъ. 25-го августа сдѣлали новую попытку пройти черезъ проливъ, но столь-же безуспѣшно и „Фоксъ“ опять долженъ былъ вернуться. Послѣ того, какъ 30-го числа третья попытка опять не удалась, Макъ-Клинтокъ самъ отправился въ лодкѣ для ближайшаго развѣдыванія пути. Добравшись до острова Гальфвея (Halfway), онъ прошелъ сухимъ путемъ до мыса Бирда, а оттуда вернулся къ своему кораблю, воодушевленный новыми надеждами. 6-го сентября дѣйствительно удалось на полныхъ парахъ пройти весь проливъ Белло до острова, лежащаго уже вѣтъ его, гдѣ „Фоксъ“ былъ опять задержанъ льдами. 19-го сентября Макъ-Клинтокъ еще разъ прошелъ по проливу,

чтобы устроить склады по островамъ, на случай зимнихъ поѣздокъ на саняхъ. Проходъ такого слабаго судна, какъ „Фоксъ“, черезъ проливъ Белло, должно безусловно назвать геройскимъ подвигомъ и нельзя не отмѣтить его въ исторіи арктическихъ плаваній. 27-го сентября Макъ-Клинтокъ потерялъ всякую надежду пробраться въ этомъ году далѣе: съ грустью на душѣ принялся онъ разыскивать мѣсто для удобной якорной стоянки или лучше сказать, мѣсто для замораживанія своего корабля. У подошвы горы Валькеръ, въ проливѣ Белло, нашелъ онъ для этого небольшую бухту, которой и далъ названіе „Портъ Кеннеди“.

Изъ этого порта, лежащаго почти подъ тѣмъ же меридіаномъ, какъ и устье рѣки Большой Рыбной, были предприняты, со свойственною Макъ-Клинтоку практичностью, всѣ тѣ изслѣдованія, которымъ мы обязаны полученными результатами. Еще осенью 1858 года лейтенантъ Гобсонъ совершилъ двѣ экскурсіи по направленію къ югу. Въ первую экскурсію, съ 25-го сентября по 6-е октября, онъ дошелъ по западному берегу Боотіи до $70^{\circ} 30'$, а во вторую, съ 19-го октября по 6-е ноября, до магнитнаго полюса. Осенью, при суровомъ вѣтрѣ и обильно выпадающихъ мокрыхъ снѣгахъ, путешествіе на сѣверѣ крайне затруднительно. Гобсонъ, въ особенности во время втораго похода, много перестрадалъ. Когда, послѣ зимнихъ мѣсяцевъ, температура на столько стала мягка, что можно было опять предпринять экскурсіи, Макъ-Клинтокъ, Петерсенъ и Юнгъ отправились 17-го февраля 1859 г. на двухъ саняхъ, запряженныхъ собаками въ югозападномъ направленіи. 1-го марта они достигли магнитнаго полюса. Нѣсколько южнѣе, у мыса Викторіи, встрѣтили лагерь эскимосовъ, челоѣкъ въ 50. отъ которыхъ Макъ-Клинтокъ получилъ первыя болѣе подробныя свѣдѣнія о Франклинѣ. Эскимосы рассказывали, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ большой корабль былъ окруженъ льдами близъ Земли Короля Вильяма, но что экипажъ успѣлъ спастись и, вышедши на берегъ, отправился къ рѣкѣ Рыбной, гдѣ и погибъ. Никто изъ нихъ впрочемъ „бѣлыхъ“ не видалъ. Нѣсколько европейскихъ вещей съ запасомъ дровъ, найденныхъ у этихъ эскимосовъ, доказывали, что ихъ показанія можно вполнѣ довѣриться. Этихъ указаній было достаточно для Макъ-Клинтока, чтобы на нихъ основать свои дальнѣйшія изслѣдованія. 2-го апрѣля началась собственно настоящая весенняя экспедиція, состоявшая изъ двухъ саней съ 4-мя челоѣками команды, подъ начальствомъ Макъ-Клинтока и лейтенанта Гобсона и запасныхъ саней, запряженныхъ шестью собаками. У мыса Викторіи экспедиція раздѣлилась, такъ какъ узнали отъ туземцевъ, что и другой корабль разбился близъ Земли Короля Вильяма и что въ теченіи многихъ

лѣтъ эскимосы таскали съ него огромное количество драгоценныхъ вещей. Гобсонъ отправился для отысканія остатковъ этого судна, а Макъ-Клинтонъ пошелъ по восточному берегу Земли Короля Вильяма къ югу, до материка. Хотя Макъ-Клинтонъ тщательно обыскалъ мысъ Огле, островъ Монреаль и мѣстность, прилегающую къ узкому заливу Баррову, но нигдѣ не нашелъ камней, которые обыкновенно складываютъ въ кучи для того, чтобы дать о себѣ знать. Только на обратномъ пути, когда 24-го мая перевалили опять на Землю Короля Вильяма, въ 16 километрахъ восточнѣ мыса Гершеля нашли скелетъ въ остаткахъ европейскаго платья и при немъ бумажникъ съ письмами на нѣмецкомъ языкѣ. Не нашедши ничего на островѣ Монреаль и его окрестностяхъ, Макъ-Клинтонъ со спутниками уже сталъ сомнѣваться въ истинѣ рассказовъ д-ра Рэ, но послѣдняя находка не допускала болѣе сомнѣній. Передъ ними лежалъ дѣйствительно трупъ человѣка, принадлежавшаго къ экспедиціи Франклина. Положеніе его ясно указывало, въ какомъ направленіи шли несчастные: онъ упалъ, какъ шель, головою къ юговостоку. Въ 25-ти километрахъ отъ мыса Гершеля Макъ-Клинтонъ нашелъ въ грудѣ камней извѣщеніе Гобсона, бывшаго здѣсь за шесть дней и доносившаго о томъ, что онъ не встрѣтилъ эскимосовъ и не видалъ остова корабля, а въ другой грудѣ камней, на мысѣ Викторіи, нашелъ весьма важный документъ, оставленный Франклиновскою экспедиціею. 30-го мая Макъ-Клинтонъ наткнулся на лодку, уже до него осмотрѣнную Гобсономъ, а 2-го іюня дошелъ до мыса Викторіи, осмотрѣлъ мѣстные остатки и нашелъ второе извѣщеніе отъ Гобсона. Отсюда онъ пошелъ поперекъ пустынной Земли Короля Вильяма и возвратился наконецъ 19-го іюня, послѣ крайне труднаго путешествія къ своему кораблю.

Летейнантъ Гобсонъ, разставшись съ Макъ-Клинтонкомъ, достигъ 28 апрѣля мыса Феликса т. е. сѣверной оконечности Земли Короля Вильяма, гдѣ онъ нашелъ три большія палатки съ одеялами и платьемъ а также остатки охотничьихъ принадлежностей и магнитныхъ инструментовъ, но нигдѣ не было и слѣда письменныхъ документовъ, хотя тутъ же была сложена груда камней. 6 мая Гобсонъ дошелъ до мыса Викторіи, гдѣ нашелъ оловянную трубку, въ которую было вложено извѣщеніе, написанное на печатномъ бланкѣ морскаго министерства, факсимиле съ котораго приложено къ настоящему выпуску и разъяснившее тайну гибели Франклиновской экспедиціи. Въ не многихъ строкахъ, написанныхъ на пустыхъ мѣстахъ, сообщалась потрясающая исторія страданій. Намъ уже извѣстно, что на этой бумажкѣ находились отмѣтки двухъ различныхъ моментовъ времени. Пер-

вая отмѣтка сообщала только хорошія свѣдѣнія, вторая, написанная кругомъ, по краямъ, другою уже рукою, передавала грустную исторію гибели судовъ и смерти начальника экспедиціи. Около камней валялось множество вещей, какъ будто хотѣли бросить все излишнее. Восточный берегъ Земли Короля Вильяма былъ подвергнутъ тщательному изслѣдованію, но только подъ 69°9' сѣв. шир. и 99°27' зап. долг., нѣсколько къ сѣверо-западу отъ мыса Гершеля, нашли лодку 9 метр. длины и 2½ метр. шир., поставленную на сани. Въмѣстѣ съ множествомъ платя, серебряныхъ ложекъ и вилокъ, пятью карманными часами и нѣсколькими молитвенниками, лежали въ этой лодкѣ два человѣчечихъ трупъ, но ни дневника, ни какихъ-либо другихъ письменныхъ замѣтокъ не найдено. Въ лодкѣ стояли два двухствольныхъ ружья, въ каждомъ по одному заряженному стволу; изъ стѣстныхъ припасовъ найдено 30—40 фунт. шоколаду, немного чаю и табаку, шагахъ во сто отъ лодки—бревно приплавнаго лѣсу. Слѣдовательно оба покойника, имѣя ружья, пищу и топливо, погибли отъ какой нибудь болѣзни, вѣроятно замерзли отъ холода. Гобсонъ вернулся къ Фоксу 14 іюня въ такомъ изнуренномъ состояніи, что не могъ стоять на ногахъ. Въ теченіе большей части похода онъ до такой степени страдалъ отъ цынги, что вѣрные спутники должны были носить его на рукахъ, или возить на саняхъ.

Алленъ Юнгъ, оставивъ корабль 7 апрѣля, изслѣдовалъ южную сторону острова Принца Валлійскаго, начиная съ южной его оконечности, мыса Свинбурна, до 73° сѣв. шир. т. е. дошелъ съ юга до мѣста, достигнутаго Осборномъ съ сѣвера. Послѣ тщетной попытки проникнуть черезъ проливъ Макъ-Клинтока на землю Викторіи, Юнгъ пустился въ обратный путь и прибылъ 7 іюня къ Фокеу. 10 числа онъ вновь выступилъ, чтобы окончить изслѣдованіе пролива Пиля, и съ этого похода не успѣлъ еще вернуться ко времени возвращенія Макъ-Клинтока, а встрѣтилъ корабль уже позже, у западнаго входа въ проливъ Белло. 9 іюля состояніе льдовъ дозволило пуститься въ обратный путь. Фоксъ благополучно прошелъ черезъ проливъ Белло, 16 іюля былъ у острова Леопольда, 19 у выхода изъ пролива Ланкастера и затѣмъ починавшись въ Годгавнѣ, на западномъ берегу Гренландіи, прибылъ 21 сентября 1859 г. благополучно въ Портсмутъ ¹⁾).

На основаніи данныхъ, добытыхъ экспедиціею, столь успѣшно руководимой Макъ-Клинтокомъ въ Европѣ пришли къ заключенію, что въ 1859 г. изъ экспедиціи Франклина никого уже не было

¹⁾ M.-Clintok: A narrative of the discovery of the fate of Sir John Franklin and his companions. London. 1859 8°.

въ живыхъ. Долго еще впрочемъ, надѣялись, что тотъ или другой изъ потерпѣвшихъ крушеніе нашелъ себѣ пріютъ въ какомъ-либо эскимоскомъ семействѣ, хотя Макъ-Клинтокъ безусловно отвергалъ возможность этого. Во-первыхъ земли, окружающія рѣку Рыбную, самыя пустынные, рѣдко посѣщаемыя эскимосами; во-вторыхъ, европейцу было бы крайне трудно свыкнуться съ образомъ жизни эскимосовъ и принудить себя къ ихъ пищѣ, такъ какъ совершенно ложно утверждаютъ, что гдѣ можетъ жить эскимось, тамъ и европеецъ не умретъ съ голода ¹⁾. Не всѣ однако соглашались съ доводами Макъ-Клинтока ²⁾ и менѣе другихъ Чарльсъ Франсисъ Галль, (род. 1821 г. въ Рочестрѣ въ Нью-Гампшейрѣ), сынъ простаго кузнеца, сдѣлавшійся издателемъ газеты въ Цинциннати. Подстрекаемый чтеніемъ отчетовъ о новѣйшихъ полярныхъ плаваніяхъ, Галль составилъ вмѣстѣ съ капитаномъ Буддингтономъ, опытнымъ китоловомъ, поймавшимъ въ 1855 году въ Баффиновомъ заливѣ вынесенный льдами корабль „Рѣшительный“ (Resolute) оставленный нѣкогда Аустиномъ, проектъ лодочной экспедиціи къ каналу Фокса, въ томъ предположеніи, что тамъ можетъ быть еще остались въ живыхъ, среди эскимосовъ, нѣсколько человекъ изъ числа спутниковъ Франклина. Онъ велѣлъ выстроить лодку въ 8½ метр. длины, 2,13 метр. ширины и 0,75 метр. глубины, похожую во многихъ отношеніяхъ на обыкновенныя китобойныя лодки (вельботы); съ полнымъ грузомъ она сидѣла въ водѣ только 0,20 метр. Для переѣздовъ по льду и снѣгу были взяты большія сани, на которыхъ можно было помѣстить и перевозить лодку съ мѣста на мѣсто тою же лодочною командою. 29 іюня 1860 года Галль сѣлъ, въ сопровожденіи одного американскаго эскимоса, по имени Кудла-я-а и съ описанною выше лодкою, въ Нью Лондонѣ, въ штатѣ

¹⁾ Макъ-Клинтокъ основалъ свое мнѣніе на слѣдующихъ соображеніяхъ: эскимосы имѣютъ совершенно особенные приемы при ловлѣ тюленей и съ дѣтства привыкаютъ къ этому зимнему занятію. Охота на тюленей требуетъ величайшаго навыка и необыкновенной ловкости и до сихъ поръ ни одинъ европеецъ не можетъ похвалиться, тѣмъ, что онъ сравнялся въ этомъ съ эскимосомъ. Даже самъ эскимось не можетъ поймать тюленя безъ особо приученной къ тому собаки, которая отыскиваетъ по снѣгу и льду отверстія, къ которымъ подплываютъ тюлени для того, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Небыло примѣра, чтобы европеецъ освоился съ образомъ жизни эскимосовъ, необходимо съ самаго дѣтства привыкнуть къ употребленію каяка или остроносого челнока, въ который можетъ садиться только одинъ человекъ и безъ котораго жизнь эскимоса немислима.

²⁾ Напримѣръ, въ Англіи Паркеръ Сно, спутникъ Форсита 1850 г., задумавшій предпринять на свой счетъ экспедицію для того, чтобы еще разъ осмотрѣть берега Земли Короля Вильяма и Боотин; экспедиція эта, кажется, не состоялась. Petermanns Geograph Mitth. 1860 г., стр. 407.

Копектикутъ, на китобойное судно „Джорджъ Генри,“ принадлежавшее Буддингтону, который самъ имъ командовалъ, съ тѣмъ, чтобы высадиться въ заливъ Кумберландъ, въ большомъ Баффиновомъ заливѣ. Къ сожалѣнію, еще до пробытія туда, дорогою, умеръ эскимось. Это обстоятельство однако не измѣнило ничего въ планѣ Галля, человѣка въ высшей степени энергичнаго и настойчиваго въ достиженіи своихъ цѣлей. Когда корабль Джорджъ Генри былъ затертъ льдами Галль высадился 20-го августа 1860 г. одинъ со своею лодкою въ маленькой бухтѣ такъ называемаго пролива Фробिशера, подъ $62^{\circ}51'30''$ сѣв. шир. и $65^{\circ}4'45''$ зап. долг. отъ Грин. Онъ хотѣлъ непременно, привыкнувъ къ климату полярныхъ странъ, изучить языкъ эскимосовъ, усвоить себѣ ихъ обычаи и съ этою цѣлью провести нѣсколько лѣтъ между ними. Только послѣ этого, познакомившись въ то же время съ неизвѣстной вовсе мѣстностью между мысомъ Вилюгби и восточнымъ входомъ въ проливъ Фури Гекла, намѣревался онъ отправиться къ устью рѣки большой Рыбной ¹⁾. Смерть его проводника изъ эскимосовъ, равно какъ и неожиданная потеря лодки 27 сентября вынудили его отказаться отъ этого первоначальнаго плана и ограничиться изслѣдованіемъ только ближайшихъ мѣстъ. Онъ обошелъ и изслѣдовалъ всю мѣстность на разстояніи 480 км. къ западу и 120 км. къ югу отъ своей исходной точки т. е. ту область, которой, сколько извѣстно, съ 1576 — 1578 не коснулся ни одинъ бѣлый. Фробшеръ провелъ три года сряду, какъ мы уже рассказали въ одной изъ прежнихъ главъ, въ открытомъ имъ проливѣ, но позднѣйшіе мореплаватели постоянно пользовались Гудсоновымъ проливомъ, чтобы попасть въ Гудсоновъ заливъ, и вполне основательно, такъ какъ путешествіе Галля доказало, что предполагаемый проливъ Фробिशера, не проливъ, а только заливъ, подобно нѣсколькимъ сѣвернѣе находящемуся заливамъ Кумберланду. Этотъ заливъ Фробिशера, какъ мы его теперь назовемъ, представляетъ довольно обширную водяную площадь ²⁾. Галль обошелъ его берегомъ, обыскивая каждый уголъ, зимою 1860—61 года, на саняхъ, запряженныхъ собаками, а лѣтомъ на лодкѣ ³⁾. Всѣ главные мысы и острова восточной части залива онъ нашелъ совершенно согласными съ

¹⁾ Petermanns Geograph. Mith. 1860. стр. 487.

²⁾ Средняя ширина 8 кмтр., а длина 320 кмтр. въ западно-сѣверозападномъ направленіи.

³⁾ Близъ берега тянется много острововъ, на южной сторонѣ залива, на Землѣ Королевы Елизаветы, находится громадный глетчеръ, названный Гриннелевымъ, 914 метр. вышины, 30 километр. длины и 15 километр. ширины, а въ западномъ углу его гора, изобилующая окаменѣlostями.

описаніями знаменитаго моряка Фробिशера и открылъ на маленькомъ островѣ Код-лу-нару ¹⁾ или островѣ бѣлыхъ людей, въ '330 метр. длины и ширины несомнѣнные слѣды временнаго поселенія, устроеннаго тамъ англичанами приблизительно 300 лѣтъ тому назадъ; эскимосы сообщили что еще свѣжо преданіе объ этой попыткѣ устроить здѣсь поселеніе и о причинахъ неудачи. Галль пробылъ почти 20 мѣсяцевъ въ этой мѣстности, изучилъ языкъ эскимосовъ и приобрѣлъ много друзей въ этомъ народѣ. Ченааръ, Іоэ и Тукилито поѣхали даже съ нимъ въ Соединенные Штаты и окрестились тамъ, принявъ христіанскія имена Іосифа и Ганна Эберлингъ (по другимъ Эберлингъ). Галль вернулся къ себѣ на родину въ сентябрѣ 1862 года ²⁾.

Настоящей своей цѣли, найти можетъ быть еще въ живыхъ кого-либо изъ спутниковъ Франклина, онъ на этотъ разъ не достигъ, но неотступно имѣлъ ее въ виду. Отдохнувъ полтора года ³⁾ послѣ перваго своего полярнаго путешествія, онъ отправился 30 іюля 1864 г. на корабль Монтичелло, подъ командою того-же Буддингтона, въ заливъ Репульсъ, въ сѣверо-западномъ углу большаго Гудсонова пролива. Здѣсь онъ намѣренъ былъ остаться три года; въ дѣйствительности же протянулъ свое пребываніе между эскимосами до 1869 года. Все это время, измѣнивъ своему прежнему образу жизни, онъ жилъ вполне какъ эскимось, въ палаткѣ, крытой тюленьими шкурами, ѣлъ сырое мясо и ворвань, отлично предохраняющую отъ мороза ⁴⁾, и, такимъ образомъ, ближе, чѣмъ кто либо, познакомился съ языкомъ и бытомъ полярныхъ жителей Америки. Онъ велъ постоянно подробный дневникъ, который, впрочемъ, былъ напечатанъ только въ новѣйшее время, долго спустя смерти автора ⁵⁾. Изъ этого дневника мы узнаемъ, что Галль послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Depot-Island, 31-го авгу-

¹⁾ По описанію Галла, Код-лу-нару то же, что островъ Бэрченъ Фробिशера къ которому пристали 5 чел. его команды и не вернулись.

²⁾ Petermanns Geograph. Mitth. 1062. стр. 110—111.

³⁾ Въ это время онъ писалъ свою книгу: Arctic researches and life among the Esquimaux in 1860—1862 Newyork 1864 г. 8° Вскорѣ послѣ того явилась въ печати его интересная книга: Life with the Esquimanx, the narrative of Capt Charles Francis Hall of the Whaling barque „George Henry“ from the 29 May 1860 to the 13 September 1862, London. 1865 8° два тома.

⁴⁾ Галль сѣдалъ въ день 7,5 килогр. сырого мяса и выпивалъ 1,4 литра ворвани, причѣмъ чувствовалъ себя отлично.

⁵⁾ Narrative of the Second Arctic Expedition made by Charles F. Hall. His voyage to Repulse bay, Sledge Journeys to the Straits of Fury and Hecla and to King Williams Land, and Residence among the Eskimos during the year 1864—1869. Edited under the orders of the Hon. Secretary of the Navy by Prof. J. E. Nourse. U. S. N. U. S. Naval Observatory 1879. Washington.

ста 1864 г. высадился на берегъ въ Roes-Welcome, въ заливъ Вагеръ. Здѣсь онъ поселился въ эскимосской хижинѣ (иглу) и перезимовалъ тамъ. Только слѣдующимъ лѣтомъ ему удалось добраться до залива Репульсъ, гдѣ онъ провелъ зиму 18^{65/66} г. Въ апрѣлѣ 1866 года Галль отправился къ Землѣ Короля Вильяма, сопровождаемый тремя туземцами, на трехъ саняхъ, запряженныхъ 18-ю собаками. Изъ форта „Надежды“, лежащаго въ самомъ отдаленномъ углу залива Репульсъ, онъ держался пути, совершеннаго д-ромъ Рэ въ 1854 году; но былъ вынужденъ къ своему крайнему сожалѣнію вернуться въ фортъ „Надежда“, потому что, обитавшія въ окрестностяхъ залива Пелли эскимосскія племена, встрѣтили его крайне враждебно, а спутники его трусили. Остальное время года онъ провелъ въ сосѣдствѣ залива Репульсъ, гдѣ, впрочемъ, его уединеніе было пріятно прервано прибытіемъ и зимовкою нѣсколькихъ китобойныхъ судовъ. Февраль и мартъ 1867 г. были употреблены на трудную поѣзду въ Иглуликъ, на разстояніи 160 килом. отъ мѣста зимовки, для закупки собакъ. Дѣло это удалось, но тѣмъ болѣе былъ онъ непріятно разочарованъ при своемъ возвращеніи: ни одинъ изъ капитановъ собравшихся тамъ китобойныхъ судовъ не сдѣржалъ даннаго прежде слова, и не далъ людей для сопровожденія его при поискахъ по Землѣ Короля Вильяма, такъ что онъ опять былъ вынужденъ отказаться отъ своего предпріятія. Около этого времени, въ августѣ 1867 г., д-ръ Гольдъ изъ Дублина имѣлъ случай видѣться съ нашимъ добровольнымъ отшельникомъ въ заливѣ Репульсъ и доставить о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ Европу. Между тѣмъ вниманіе Галля неожиданно было обращено на сѣверную часть полуострова Мельвила, у пролива Фури-Гекла. Ему сообщили, что тамъ находится какой-то памятникъ и будто года три тому назадъ въ тѣхъ мѣстахъ видѣли двухъ бѣлыхъ. 23-го марта 1868 г. Галль отправился туда, дѣйствительно отыскалъ сложенную груду камней, разобралъ по одиночкѣ каждый камень, но ничего не нашелъ, что могло бы объяснить, кѣмъ этотъ памятникъ сооруженъ. Онъ снялъ на карту все пространство полуострова отъ мыса Инглефильда до мыса Крозье, открылъ къ сѣверо-западу отъ перваго изъ этихъ мысовъ небольшой островокъ и вернулся въ іюнѣ того же года, послѣ 96 дневнаго отсутствія, въ заливъ Репульсъ. Зиму 18^{68/69} года Галль употребилъ, на то, чтобы приготовиться къ послѣдней попыткѣ проникнуть до Земли Короля Вильяма, что ему на этотъ разъ дѣйствительно и удалось. Пять мужчинъ и двѣ женщины съ двумя дѣтьми изъ туземцевъ, при двухъ саняхъ, съ восемнадцатью собаками сопровождали его во время этого путешествія. Сначала пошли тѣмъ же путемъ, какъ и въ 1866 году, прямо къ за-

ливу Кольвиль, потомъ прошли поперекъ залива Целли къ мысу Акландъ. 11-го мая экспедиція достигла острова Тодда, на югѣ Земли Короля Вильяма, гдѣ и расположилась лагеремъ. Отсюда Галль два раза посѣщалъ Землю Короля Вильяма, тщательно разыскивая слѣды и остатки экспедиціи Франклина. На обратномъ пути Галль внезапно тяжело заболѣлъ: то былъ вѣроятно предвѣстникъ того жестокаго припадка, вслѣдствіе котораго онъ въ 1871 г. скончался. 5-го августа въ заливъ Репульсъ пришло китобойное судно „Ансель-Джибсъ“. На немъ Галль отправился на родину, въ Нью-Бедфордъ, въ Массачузетсѣ, куда и прибылъ 26-го сентября 1869 г. въ сопровожденіи вѣрныхъ своихъ Іоэ и Ганна съ ихъ приемною дочерью Сильвіею. Этимъ кончилось замѣчательное пребываніе Галля въ полярныхъ странахъ.

Исслѣдованія Галля очень важны въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, ему обязаны исправленіемъ географическихъ картъ сѣвера Америки. Его поправки касаются большей части морского побережья, начиная отъ Гудсонова залива, черезъ проливъ Фури-Гекла и кончая Землею Короля Вильяма. Западный берегъ Гудсонова залива, отъ Іорка къ сѣверу, отодвинутъ имъ вообще къ западу и во многихъ мѣстахъ получилъ новое очертаніе, отъ большого острова Соутгамптона, открытіемъ пролива, отдѣленъ на югѣ небольшой островъ. Рѣка Вагеръ получила совсѣмъ другую форму, равно какъ и берега полуострова Мельвиля измѣнили свое очертаніе, заливъ Шейпердъ отнесенъ значительно западнѣе. Другую важную услугу оказалъ Галль своими путешествіями въ томъ отношеніи, что открылъ еще много слѣдовъ Франклиновской экспедиціи. Ему именно обязаны тѣми подробностями о спутникахъ Крозье, о которыхъ мы уже упоминали выше; онъ же узналъ въ 1866 году о томъ, что будто Крозье съ однимъ спутникомъ только два года передъ тѣмъ умеръ на островѣ Соутгамптонѣ¹⁾. У эскимосовъ, объ этомъ сообщившихъ, нашелся хронометръ Крозье и различныя серебряныя вещи. Но болѣе подробныхъ свѣдѣній о томъ, какимъ путемъ шелъ Крозье, равно какъ и о другихъ бѣлыхъ людяхъ, о которыхъ рассказывали эскимосы, отъ нихъ добыть было нельзя. Между прочимъ эскимосы упоминали также о письменныхъ замѣткахъ, веденныхъ Крозье и гдѣ-нибудь имъ сложенныхъ. Въ надеждѣ найти эти документы Галль и предпринялъ было въ 1868 году изъ залива Репульсы путешествіе, о которомъ нами сообщено выше. Къ сожалѣнію, ста-

¹⁾ О странныхъ и не совсѣмъ правдоподобныхъ разсказахъ эскимосовъ объ участіи спутниковъ Франклина, въ особенности Крозье, сообщено въ „Adel-land“ въ 1866 г. стр. 69—72.

ранія этого безкорыстнаго труженника не привели къ утѣшительному результату. Онъ нашелъ много вещей, принадлежавшихъ экспедиціи Франклина, но никакихъ письменныхъ документовъ.

Послѣ Галля вѣсколько разъ еще находили остатки Франклиновской экспедиціи у кочующихъ эскимосовъ, которые, перебираясь съ мѣста на мѣсто, разнесли эти остатки по всему сѣверу. Такъ въ 1872 году Эдв. Поттеръ, капитанъ китобойнаго судна „Гласье“, принадлежавшаго Нью-Йоркскому жителю Кронеку Морисону, привезъ изъ залива Репульсъ, гдѣ онъ простоялъ во льдахъ два года, множество серебряныхъ ложекъ, ножей и вилокъ съ гербами и начальными буквами сэра Джона Франклина, капитана Крозье и Фицджермса. Поттеръ приобрѣлъ эти предметы отъ эскимосовъ племени Натчилли, которые не задолго передъ тѣмъ были на Землѣ Короля Вильяма. Вслѣдствіе этого Морисонъ входилъ въ переговоры съ Гриннелемъ и лэди Франклинъ, задумывая послать экспедицію для ближайшаго изслѣдованія полученныхъ свѣдѣній. Дѣло, однако, затянулось и прошло послѣ того нѣскольکو лѣтъ, когда въ 1877 году вновь получено подтвержденіе прежнихъ извѣстій. Томасъ Ф. Барри, командиръ китобойнаго судна, вполнѣ владѣвшій эскимосскимъ языкомъ, вернулся въ сентябрѣ 1877 г. въ Нью-Йоркъ, послѣ того, какъ судно его было раздавлено льдами въ Гудсоновомъ заливѣ у Мраморнаго острова. Онъ привезъ съ собою ложку съ гербомъ и буквами Франклина, купленную имъ также у эскимосовъ племени Натчилли, которые ему рассказывали о бѣлыхъ людяхъ, умершихъ много зимъ тому назадъ одинъ послѣ другого на ихъ землѣ. Послѣдній изъ этихъ бѣлыхъ, передъ своею смертію, сложилъ книги и замѣтки въ постренный имъ каменный памятникъ подобный тому, у котораго Барри находился въ то время, когда бесѣдовалъ съ эскимосами и занимался записываніемъ въ журналъ всего имъ испытаннаго и узнаннаго. На основаніи этихъ свѣдѣній Морисонъ рѣшился было отправить свою шкуну „Эотенъ“, по возвращеніи ея съ лова тюленей въ водахъ южнаго полюса, къ берегамъ Сѣверной Америки для отысканія бумагъ и книгъ, касающихся путешествія Франклина. Но вмѣсто ожидаемой прибыли онъ потерпѣлъ значительный убытокъ отъ плаванія „Эотена“, такъ что вынужденъ былъ, на время, отказаться отъ своего плана. Только 19-го іюня 1878 г. лейтенантъ Шватка, офицеръ правительственной арміи Соединенныхъ Штатовъ, съ тремя другими американцами ¹⁾, изъ которыхъ одинъ былъ ученый естествоиспытатель и однимъ эскимосомъ Іосифомъ, вы-

¹⁾ То были полковникъ Д. Г. Джилдеръ, сотрудникъ газеты „New-York Herald“, Генри Клинчакъ и Франкъ Меллусъ.

шелъ на „Эотенъ“ изъ Нью-Йорка съ тѣмъ, чтобы отправиться въ Гудсоновъ заливъ ¹⁾. 9-го августа эта небольшая экспедиція пришла къ Мраморному острову, гдѣ и провела зиму 18^{78/79} года, занимаясь съемкою береговъ до мыса Фуллертона. Во время зимняго похода лейтенантъ Шватка прошелъ также вверхъ по рѣкѣ Коннери, изслѣдованной въ августѣ 1878 г. полковникомъ Джильдеромъ, причемъ открылъ еще другую рѣку, названную имъ Лориларомъ. Обѣ эти рѣки впадаютъ въ заливъ Винчестеръ, въ устьѣ котораго Шватка, Клинкачъ и Меллусъ провели три дня безъ всякой пищи, на совершенно безплодномъ островѣ, будучи туда загнаны непогодю. Во время другой поѣздки въ февралѣ и мартѣ 1879 г. къ поселеніямъ эскимосовъ племени Киннепату, было открыто, недалеко отъ морского берега, озеро Бревортъ, имѣющее 80 килом. въ длину. 1-го апрѣля 1879 года Шватка вновь предпринялъ съ шестью спутниками поѣздки на саняхъ изъ залива Репульсъ къ Землѣ Короля Вильяма, но объ исходѣ этого путешествія и о добытыхъ имъ результатахъ до сей минуты никакихъ свѣдѣній еще нѣтъ (іюль, 1880 г.). ²⁾ Впрочемъ, еще весною 1879 года былъ посланъ другой корабль съ провіантомъ вслѣдъ за „Эотеномъ“. Поэтому не лишено вѣроятія предположеніе, о томъ, что о послѣднихъ дняхъ и окончательной участи спутниковъ Франклина современемъ получатся болѣе подробныя свѣдѣнія.

Поискамъ за погибшею экспедиціею Франклина мы обязаны изслѣдованіемъ вѣчно дремлющаго подъ покровомъ арктическихъ льдовъ, міра острововъ на сѣверѣ Американскаго континента. Ежегодно эти пустынные мѣста посѣщаются китоловами и промышленниками, изслѣдованія-же ученыхъ, обращены на дальній сѣверъ. Рѣдко только получаютъ оттуда свѣдѣнія о новыхъ географическихъ открытіяхъ. Тѣмъ не менѣе было бы несправедливо умолчать о заслугахъ двухъ судовъ, которымъ принадлежитъ честь ближайшаго изслѣдованія группъ острововъ, разбросанныхъ въ полярномъ морѣ

¹⁾ Карлъ Вайпрехтъ „Бумаги, оставленныя сэромъ Дж. Франклиномъ“. Sir John Franklins hinterlassene Papiere (Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik. Т. I, стр. 102—103).

²⁾ Въ то время, какъ эта книга уже печаталась (сентября 1880 г.) получено извѣстіе изъ Нью-Бетфорта (въ Массачусетѣ) о томъ, что экспедиція благополучно вернулась. Шваткѣ удалось найти остатки обѣихъ кораблей—Terror'a и Egebus'a. Экспедиція изслѣдовала землю короля Вильяма и прилегающій къ ней материкъ, причемъ констатировала тотъ фактъ, что одно изъ Франклиновыхъ судовъ, увлеченное теченіемъ въ проливъ Викторіи было потоплено тамъ эскимосами. Всѣ найденныя кости сожжены и въ память погибшихъ героевъ сооруженъ памятникъ. Шватка нашелъ и привезъ съ собою останки офицера Ирвинга, служившаго на Terror'ѣ.

на сѣверѣ Америки. Прежде всего назовемъ пароходъ „Арктикъ“, подъ командою капитана Адамса, принадлежащій обществу китолововъ въ Дундеѣ. Изслѣдованіемъ въ 1872 году двухъ морскихъ рукавовъ, вдающихся въ континентъ на южной сторонѣ Ланкастерова пролива, а именно „Адмиралтейскаго“ залива и пролива „Эклипсъ“ (Затмѣнія) онъ вызвалъ значительное исправленіе картъ этихъ мѣстъ. Проливъ „Эклипсъ“ съ заливами „Неви-Боардъ“ и „Пондъ“ въ видѣ полукруга отдѣляетъ на сѣверо-востокѣ островъ Біамъ-Мартинъ отъ большой Баффиновой земли, и не простирается до пролива Принца Регента, какъ показываютъ прежнія карты. Между заливами Неви-Боардъ и Адмиралтейскимъ, врывающимся въ Баффинову землю и изслѣдованнымъ до $72^{\circ} 25'$ сѣв. шир., лежитъ полуостровъ называемый „Milne-Land“, тогда какъ полуостровъ „Norppner-Land“ отдѣляетъ заливъ Адмиралтейскій отъ пролива Принца Регента. Въ общихъ чертахъ уже Галль указалъ на подобное очертаніе этой области на основаніи, собственныхъ наблюденій и свѣдѣній сообщенныхъ ему эскимосами во время пребыванія въ проливѣ Фури-Гекли и вслѣдствіе этого его убѣжденіе, что Баффинова земля представляетъ одну сплошную массу, получаетъ еще болѣе вѣсъ ¹⁾. Въ 1873 году капитанъ Адамсъ, въ сопровожденіи офицера англійскаго флота Альберта Гастингса Маркгема, добровольно принявшаго участіе въ этомъ плаваніи, проникнувъ далеко въ проливъ Принца Регента, не только имѣлъ обильный ловъ китовъ, но нашелъ тамъ еще много остатковъ прежнихъ экспедицій, между прочимъ, въ портѣ Линкольнѣ, деревянный срубъ дома, сложеннаго Джемсомъ Россомъ для своей перезимовки въ 1848—1849 гг. Часть продовольственныхъ запасовъ, сложенныхъ здѣсь Россомъ для отыскиваемой Франклиновской экспедиціи, сохранилась превосходно. Къ еще болѣе извѣстному мѣсту, „Фури-Бичъ“, „Арктикъ“ пришелъ уже при второмъ своемъ посѣщеніи пролива Принца Регента, послѣ того, какъ—мы это узнаемъ впоследствии—онъ въ іюлѣ 1873 г. принялъ часть экипажа „Поляриса“. И здѣсь были найдены многочисленные остатки прежнихъ экспедицій: развалившійся домъ, въ которомъ перезимовали на Сомерсетѣ оба Росса, лежалъ между обѣими лодками, снятыми съ корабля „Фури“. Сотни жестянокъ съ превосходно сохранившимися мясомъ и овощами, валяющіяся тамъ уже около полу столѣтія, когда-нибудь еще могутъ оказать немалую услугу позднему изслѣдователю ²⁾.

¹⁾ На прежнихъ картахъ показаны протоки и проливы, прорѣзывавшіе въ различныхъ мѣстахъ и направленіяхъ массу земли, лежащую между Ланкастеровымъ и Гудсоновымъ проливами.

²⁾ Behm's, Geographisches Jahrbuch т. V, стр. 199—201. Подробное описаніе плаванія „Арктика“ въ 1873 году содержится въ книгѣ А. Г. Маркгема: A Whaling Cruise to Baffin Bay and the Gulf of Boothia. London 1874. 8°.

Другой посѣтитель этихъ же странъ былъ пароходъ „Пандора“, подъ начальствомъ сэра Аллена Юнга, плававшего въ 1857—1859 г. вмѣстѣ съ Макъ-Клинтокомъ на „Фоксѣ“. На „Пандорѣ“ находился между прочими пассажирами, добровольно участвовавшими въ этой экспедиціи, лейтенантъ нидерландскаго флота, Л. Р. Колемансъ Бейненъ. Выходя 26-го іюня 1875 года изъ Портсмута въ море, „Пандора“ имѣла отчасти цѣлью отыскать на Землѣ Короля Вильяма бумаги и дальнѣйшіе слѣды экспедиціи Франклина. 21-го августа „Пандора“ пришла въ проливъ Ланкастеръ, а 25-го числа къ острову Бичи. Устроенный здѣсь въ 1850 г. капитаномъ Саундерсомъ складочный магазинъ „Нордтумберландгаузъ“ былъ разоренъ медвѣдями и большая часть запасовъ истреблена. Напротивъ, яхта „Мэри“, оставленная здѣсь сэромъ Джономъ Россомъ въ 1850 г., найдена въ отличнѣйшемъ состояніи, такъ что по самомъ

Макъ-Клинтокъ собираетъ остатки экспедиціи Франклина.

ничтожномъ исправленіи, могла бы немедленно выйти въ море. Сѣверный входъ въ проливъ Пиля былъ, по обыкновенію, загроможденъ льдами, но корабль Юнга нашелъ таки въ него входъ и дошелъ до острова „Ла-Рокетъ“ (31-го августа), гдѣ дальнѣйшее плаваніе встрѣтило непреодолимое препятствіе въ массѣ льдовъ, пролежавшихъ поперекъ всего пролива. Во время путешествія лейтенантъ Пири нанесъ восточный берегъ пролива Пиля на карту, Вильде снялъ много видовъ, д-ръ Горнеръ дѣлалъ

магнитныя и метеорологическія наблюденія, а Макъ-Гаханъ ¹⁾ собиралъ всѣ необходимыя данныя для составленія подробнаго описанія этого плаванія ²⁾.

Усиленное потребленіе жира для различнаго рода промышленныхъ цѣлей побуждаетъ отыскивать новыя мѣста для боя морскихъ животныхъ, дающихъ ворвань; смѣло пускаются моряки въ самыя недоступныя части полярнаго моря. Опытнѣйшіе плаватели по арктическимъ водамъ съ удивленіемъ отзываются о ловкости китолововъ, принужденныхъ постоянно бороться съ вѣчными льдами сѣвера: нѣтъ сомнѣнія, что они принесутъ еще много пользы географіи земного шара.

---

¹⁾ Въ 1873 г. Макъ-Гаханъ участвовалъ въ походѣ русскихъ войскъ въ Хиву. Онъ умеръ 33-хъ лѣтъ въ Константинополѣ 9-го іюня 1878 г.

²⁾ I. A. Mac-Gahan: Under the Northern Lights. London 1868. Другое описаніе составилъ находившійся также на „Пандорѣ“ лейтенантъ Иннеъ-Дилингтонъ: The Land of the white bear, being a short account of the Pandora's voyage. London 1868, 8°.

Элиза Кентъ Кенъ.

ЧЕРЕЗЪ СМИТОВЪ ПРОЛИВЪ НЪ ОТКРЫТОМУ ПОЛЯРНОМУ МОРЮ.

САМОЮ трудною для рѣшенія и интересною географическою задачею оставался все-таки вопросъ: представляетъ-ли сѣверный полюсъ обширный материкъ, или же тамъ плещеть необозримый океанъ? Если—материкъ, то по всему вѣроятію Гренландія принадлежитъ къ нему въ видѣ полуострова, и, въ такомъ случаѣ, воды на сѣверѣ американскаго континента должны бы быть названы Средиземнымъ моремъ. Когда Франклинъ отправлялся въ свою экспедицію, второе предположеніе считалось болѣе вѣроятнымъ. Исслѣдователи западной части сѣвернаго побережья американскаго материка нигдѣ не видали земли на противоположной сторонѣ. Поэтому можно было допустить предположеніе, что, между сѣверными областями Азіи и Америки лежитъ обширное полярное море, проходъ въ который затруднялся единственно множествомъ острововъ, беспорядочно разсѣянныхъ къ западу отъ Баффинова залива, а Гренландія—самый большой изъ этихъ острововъ. Во время поисковъ Франклина это предположеніе казалось чрезвычайно правдоподобнымъ, благо-

даря смѣлымъ походамъ, совершеннымъ Пенни на саняхъ и въ лодкахъ. Пенни, какъ уже было упомянуто вошелъ было въ Веллингтоновъ проливъ. Къ своему немалому удивленію, онъ замѣтилъ, что по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, весною, когда вся полярная природа еще совершенно мертва, открывается вдругъ вольная вода, свободное отъ льдовъ море, а царство животное представляетъ болѣе разнообразія и становится многочисленнѣе. Эта неожиданная перемѣна климата давала право предполагать, что на крайнемъ сѣверѣ, т. е. вокругъ полюса—океанъ, а не материкъ, такъ какъ большая умѣренность температуры могла быть объяснена только близостью огромной водяной поверхности. Если, съ одной стороны, это открытіе напоминало о сказочной райской землѣ гиперборейцевъ крайняго сѣвера, то, съ другой, очень естественно, не было недостатка въ злорадствующихъ критикахъ, которые подсмѣивались надъ этою арктическою Каптею. Мнѣніе Пенни, что Веллингтоновъ каналъ имѣетъ связь съ какимъ либо полярнымъ водовмѣстилищемъ какъ-бы подтверждалось свѣдѣніями, доставленными сэромъ Эдвардомъ Бельчеромъ, встрѣтившемъ подъ широтою Джонсова пролива свободное для плаванія море. Онъ говоритъ: „Полярное море на всемъ обозримомъ пространствѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ, что ему казалось, что приливъ идетъ съ востока на западъ. Что же касается самого полярнаго моря, то Бельчеръ рисуетъ его самыми мрачными красками. Оно покрыто плавающими ледяными массами, образующими при столкновеніи другъ съ другомъ въ нѣсколько секундъ страшныя ледяныя горы. „Чѣмъ дольше я наблюдалъ за движеніемъ этихъ массъ, пишетъ Бельчеръ, тѣмъ болѣе убѣждался, что всякій, кто осмѣлится здѣсь удалиться отъ твердой земли, по всему вѣроятію безвозвратно погибнетъ“. Эта картина отнюдь не соотвѣтствовала тѣмъ представленіямъ, которыя дѣлали о полярномъ океанѣ. Въ то время полагали, что за непроницаемымъ ледянымъ поясомъ катитъ свои волны обширное море, свободное въ извѣстное время года отъ льдовъ и потому открытое для плаванія,—лишь бы удалось до него добраться. Никто не старался такъ твердо и научно установить эту теорію объ „открытомъ полярномъ морѣ“, какъ Д-ръ Петерманъ ¹⁾. Извѣстно—говоритъ онъ,—что, въ сравнительно недалекѣмъ разстояніи отъ Сибирскаго побережья, море во всякое время года свободно; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что со стороны Америки, къ сѣверу отъ группы острововъ Парри, море также свободно; очень вѣроятно, что оба эти моря, будучи свободны отъ льдовъ, образуютъ огромный арктическій океанъ, до-

¹⁾ См. Лондонскій журналъ „Атенеи“ (Athenæum) отъ 17-го января 1852 г.

ступный для мореплаванія“. Петерманъ указывалъ на путь между Шпицбергеномъ и Новою Землею, полагая, что такъ называемыя русскими „попыны“, представляютъ легчайшій и удобнѣйшій входъ въ предполагаемое имъ полярное море. Петерманъ однако не претендовалъ на оригинальность своихъ выводовъ и старался доказать только, что во время арктической зимы, т. е. въ сентябръ до марта указаннымъ имъ путемъ легче войти въ сѣверное полярное море, чѣмъ въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, и что дальнее плаваніе по Сибирскому морю можетъ быть предпринято гораздо удобнѣе зимою, чѣмъ лѣтомъ“. Само собою разумѣется, что взглядъ Петермана, основанный на соображеніи изотермъ, а также на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ Парри, Врангелемъ, Пагесомъ и въ особенности Барентсомъ, не остался безъ опроверженія. Противъ него возстали преимущественно Бичи и Скоресби, изъ которыхъ послѣдній на съѣздѣ естествоиспытателей въ Гулѣвъ заявилъ, что сѣверный полюсъ, по его мнѣнію, окруженъ несмѣтными массами льда и что скорѣе, можно до него добраться сухимъ путемъ, но отнюдь не водою ¹⁾. По всему вѣроятію и Франклинъ, не нашелъ также у сѣвернаго конца Веллингтонова канала ожидаемаго, многообѣщающаго открытаго моря, а то почему-же бы онъ вернулся къ острову Бичи у южнаго входа въ этотъ проливъ. Ко времени Франклиновскихъ путешествій гипотеза Петермана, однако, начинала все болѣе и болѣе распространяться и легла въ основаніе цѣлаго ряда новѣйшихъ экспедицій, поставившихъ себѣ цѣлью пройти черезъ, до сихъ поръ неизслѣдованный, Смитовъ проливъ, южная оконечность котораго была только осмотрѣна Инглефильдомъ въ 1852 г. Этотъ проливъ болѣе другихъ подавалъ надежду на возможность проникнуть далѣе къ сѣверу, потому что здѣсь была достигнута наибольшая сѣверная широта и далѣе къ сѣверу усмотрѣно было англійскимъ морякомъ свободное повидимому отъ льдовъ море.

Если не считать краткое, но знаменательное плаваніе Инглефильда, то можно сказать, что рядъ послѣдующихъ походовъ, о которыхъ мы должны говорить, открываетъ такъ называемая „вторая Гриннелевская экспедиція“. Только что Кэнъ окончилъ описаніе первой Гриннелевской экспедиціи, въ которой и самъ участвовалъ, какъ приступилъ къ снаряженію другой подобной-же экспедиціи, начальство надъ которою хотѣлъ принять на себя. Часть расходовъ по снаряженію судна онъ покрылъ своими собственными средствами, другую, большую часть, приняли на себя Генри Грин-

¹⁾ Противъ этого мнѣнія Петерманъ со своей стороны возражалъ въ „Атенеѣ“ 22 окт. 1853 г., Возраженіе его переведено на нѣмецкій языкъ въ „Ausland“ 1853 г. на стр. 1050—1052.

нелъ въ Нью-Йоркѣ, предоставившій опять въ распоряженіе Кэна свой, уже испытанный въ сѣверныхъ плаваніяхъ, парусный бригъ „Advance“ (Успѣхъ) въ 144 тонны и лондонскій богачъ Георгъ Пибоди съ другими еще лицами и учрежденіями. Морское министерство Соединенныхъ Штатовъ, въ вѣдомствѣ котораго служилъ Кэнъ въ качествѣ медика, дало ему 10 чел. команды и еще нѣсколько необходимыхъ для плаванія снарядовъ и инструментовъ. Начальство надъ всею экспедиціею принималъ Кэнъ, которому, такимъ образомъ, представлялась полная возможность осуществить свое завѣтное желаніе—искать Франклина въ самыхъ сѣверныхъ широтахъ, стараясь какъ можно ближе проникнуть къ полюсу, минуя Гренландію. Включая самого Кэна, весь экипажъ „Успѣха“ состоялъ изъ 18 чел., въ числѣ которыхъ были нѣмецкій астрономъ Августъ Зонтагъ изъ Альтоны, старшимъ лейтенантомъ Джемсъ Макъ Гэри и врачъ Исаакъ Хансъ. Экспедиція была снабжена резиновыми палатками, санями послѣдней конструкціи, большимъ количествомъ разнороднѣйшихъ продовольственныхъ припасовъ, какъ-то: pemmican (сушенное мясо), хлѣба, муки, сушенныхъ фруктовъ, маринованныхъ овощей и между прочимъ немалымъ запасомъ солонины,—однако лучше было-бы если бы ее вовсе не взяли.

30 мая 1853 г. Кэнъ вышелъ изъ порта Нью-Йорка и пришелъ, послѣ непродолжительной остановки въ Ньюфаундлендѣ, 1 іюля къ Фискернесу, на западномъ берегу Гренландіи, а 17 числа въ Упернивикъ. Здѣсь присоединился къ экспедиціи датчанинъ Карлъ Петерсенъ ¹⁾, сопутствовавшій капитану Пенни въ качествѣ переводчика эскимосскаго языка. Въ Фискернесѣ Кэнъ запасся шубами, купилъ собакъ и нанялъ, въ качествѣ погонщика и охотника, добродушнаго девятнадцати-лѣтняго эскимоса Ганса Гендрика, ²⁾—безучастное, невозмутимое, краснокожее существо, оживлявшееся только на охотѣ, но съ необычайною ловкостью владѣвшее весломъ каяка и острогой (гарпуномъ). Этому дикарю суждено было впослѣдствіи играть важную роль и имя его останется навсегда связаннымъ съ исторіею новѣйшихъ полярныхъ изслѣдованій.

27 іюля „Успѣхъ“ дошелъ до залива Мельвила, откуда на другой день, постоянно лавируя, подходилъ къ мысу Юрку. Масса

¹⁾ Родился въ 1813 году, умеръ близъ Копенгагена 24 іюня 1880 г. Біографія его помѣщена въ „Лондонск. Атеней“ № 2749, 3 іюля 1880 г., стр. 19—20.

²⁾ Съ поступленія къ Кэну до плаванія Нерса эскимось Гансъ назывался постоянно—Гансъ Христіанъ. Но изъ автобіографіи оказывается, что его имя собственно Гансъ Гендрикъ. Эта автобіографія переведена д-мъ Ринкомъ съ инуитскаго языка на англійскій подъ заглавіемъ: *Memoirs of Hans Hendrik, the Arctic Traveller. Written by Himself. Translated from the Eskimo-Language by d-r H. Rink. London 1878* 8°.

льдовъ увеличивалась; Кэнъ приказалъ укрѣпить судно у громадной ледяной горы, что заняло восемь часовъ усиленной работы, но вслѣдъ затѣмъ должны были обрубить канаты, потому что гора эта со страшнымъ трескомъ обрушилась. 7-го августа вошли въ Смитовъ проливъ. На всемъ видимомъ съ мыса, у юго-западной оконечности пролива, пространствѣ море къ сѣверу было совершенно свободно отъ льдовъ, съ сѣвера же катилась многообѣщающая волна, съ юга и съ запада подувалъ по временамъ свѣжій вѣтеръ. Не долго пришлось однако нашимъ моряковъ радоваться: вскорѣ вѣтеръ переизмѣнился. Когда подошли къ островамъ Лилетонъ, открытымъ Инглефильдомъ у самого входа въ проливъ Смита, передъ ихъ глазами предсталъ въ недалекомъ разстояніи непроницаемый ледяной поясъ. На небольшемъ изъ этихъ острововъ Кэнъ построилъ изъ камня пирамиду, въ которой сложилъ свѣдѣнія о ходѣ экспедиціи до послѣдняго момента, тамъ же на выдающейся косѣ, онъ оставилъ лодку съ продовольственными запасами на случай, если бы судно его погибло въ борьбѣ со льдами. Послѣ этого бригъ пошелъ дальше и укрылся, наконецъ, послѣ неоднократно повторенныхъ попытокъ пробиться черезъ ледъ, въ небольшой бухтѣ, названной Кэномъ въ знакъ благодарности „Гаванью Спасенія“ (Refuge Harbour). Въ проливѣ бушевало море, съ яростью разбрасывая ледяныя громады, но Успѣху нечего было опасаться,—онъ стоялъ сохранно въ избранной имъ бухтѣ. Въ теченіи слѣдующихъ дней—Кэнъ подвигался впередъ съ величайшимъ трудомъ и подъ опасеніемъ быть ежеминутно раздавленнымъ льдами. Четыре человѣка были отнесены плавучею льдиною и только спустя нѣсколько дней удалось спасти ихъ на лодкахъ и доставить обратно къ судну. При дальнѣйшемъ развѣдываніи оказалось, что нельзя и думать о продолженіи плаванія къ сѣверу. 28 августа вошли въ бухту „Ренселеръ“, — крайній предѣлъ достигнутой Успѣхомъ сѣверной широты; здѣсь корабль вскорѣ совсѣмъ замерзъ во льдахъ. Кэнъ предпринялъ путешествіе на саняхъ вдоль берега. Такъ какъ берегъ этотъ состоялъ изъ отвѣсныхъ утесовъ, то пришлось идти по низу, гдѣ по замерзшему прибою пролегла довольно удобная дорога. Къ сожалѣнію, мѣстами были широкія щели, необыкновенно глубокія, черезъ которыя приходилось перетаскивать сани на протянутыхъ канатахъ. Замѣчательное явленіе представляла горная рѣка, быстро стекавшая между льдами и имѣвшая у устья болѣе версты ширины. Кэнъ назвалъ эту рѣку въ честь сестры Гриннеля—Мэри Мантюрнъ. Это, вѣроятно, величайшая рѣка всего западнаго побережья Гренландіи. Она беретъ начало изъ большаго глетчера, внутри края, въ 64 километрахъ отъ морского берега. Въ окружающей

ее мѣстности, согрѣваемой отраженіемъ солнечныхъ лучей отъ скалъ, наши путешественники встрѣтили хотя и бѣдную, но чрезвычайно разнообразную арктическую растительность, отличающуюся особенною яркостью цвѣтовъ. Кэнъ поднялся, наконецъ, на мысъ въ 400 метровъ высоты; подошва этого мыса простиралась за 80 градусъ сѣв. шир. Далѣе къ сѣверу видна была темная ледяная масса—„глетчеръ Гумбольдта“, а передъ нимъ, на поверхности застывшаго моря, лабиринтъ ледяныхъ горъ, недозволявшихъ и думать о движеніи впередъ на саняхъ. За глетчеромъ опять виднѣлась земля и казалось, что ледяная поверхность моря болѣе уже ровна. Послѣ обзора Кэнъ опустилъ съ грустью свою фразенгоферовскую трубу—исчезла послѣдняя надежда двинуться впередъ, пришлось остаться тамъ, гдѣ были. Бухта „Ренселеръ“ лежитъ подъ $78^{\circ}37'4''$ сѣв. шир. и $70^{\circ}52'45''$ зап. долг. отъ Грин. Никогда еще никакая другая экспедиція, снабженная необходимыми инструментами, не зимовала подъ такою широтою, поэтому всѣ сдѣланныя ею магнитныя и метеорологическія наблюденія имѣютъ громадную цѣну для физической географіи земнаго шара.

Главнѣйшею задачею прежде всего было — устроить хорошее складочное мѣсто для продовольственныхъ запасовъ, покрыть судно досчатою крышею и выстроить обсерваторію для научныхъ наблюденій. Кромѣ того, Кэнъ рѣшилъ устроить вдоль Гренландскаго берега рядъ продовольственныхъ складовъ, которые для послѣдующихъ экскурсій имѣли тѣмъ большее значеніе, что представлялась возможность брать съ собою менѣе груза на саняхъ, чѣмъ, главнымъ образомъ, и обусловливается успѣхъ подобныхъ экспедицій. Первая экскурсія выступила 20 сентября и вернулась 15 октября. Уже за пять дней до ея возвращенія, 10 октября, солнце скрылось и 120 дней сряду не появлялась болѣе надъ горизонтомъ. Въ половинѣ января 1854 г., насталъ страшный холодъ, въ февралѣ термометръ упалъ до $51^{\circ}25'$ Ц. При вдыханіи чувствовалась въ дыхательныхъ органахъ необыкновенная сухость, и невольно всѣ привыкали къ тому, что дышали съ закрытымъ ртомъ черезъ носъ. На собакъ чрезмѣрный холодъ имѣлъ менѣе гибельное вліяніе, чѣмъ недостатокъ свѣта. Лишь только онѣ замѣчали въ фонарѣ огонь, какъ принимались выть. Вскорѣ у нихъ обнаруживалась признаки страданій мозга, кончавшіеся полнѣйшимъ оупѣніемъ, и помѣшательствомъ. Изъ привезенныхъ съ собою 9 ньюфаундленскихъ и 95 эскимосскихъ собакъ, только шесть пережили страшную зиму, а между тѣмъ отъ нихъ и зависить, главнымъ образомъ, успѣхъ всѣхъ болѣе отдаленныхъ санныхъ экспедицій. Въ мартѣ стояли холода еще сильнѣе, чѣмъ въ

февралѣ. До 4 марта средняя температура была $41^{\circ}25$,—наибольшій средній холодъ, который до того времени наблюдали. Тѣмъ не менѣе Кэнъ рѣшился послать 19 марта къ сѣверу экспедицію, состоящую изъ девяти человекъ, подъ начальствомъ Генри Брока, для доставленія туда продовольственныхъ запасовъ. 31 марта совершенно неожиданно вернулись Зонтагъ, Петерсенъ и Ольсенъ въ крайне бѣдственномъ состояніи: холодъ и голодъ довели ихъ до того что они едва могли говорить; прошло много времени, пока они могли рассказать, что товарищи лежатъ въ изнеможеніи и полузамершіе гдѣ то на льду, но гдѣ именно, никто съ точностью опредѣлить не могъ. Кэнъ немедленно отправился вмѣстѣ съ Ольсеномъ, который пострадалъ менѣе другихъ, и поэтому могъ еще служить ему проводникомъ. Имъ удалось найти несчастныхъ и только съ сверхъестественнымъ трудомъ доставили ихъ къ кораблю. Они были всего трое сутокъ въ отсутствіи, сдѣлали 158 кмтр., большею частью при однихъ саняхъ, отдыхали только восемь часовъ и все это при средней температурѣ въ $40^{\circ}56$ Ц. Ольсенъ нѣкоторое время страдалъ слѣпотой и косилъ глазами, вслѣдствіе снѣжнаго блеска, двумъ пришлось отрѣзать отмороженные части ногъ, а двое другихъ впоследствии умерли. 7 апрѣля скончался Джеферсонъ Бэкеръ отъ судорогъ въ челюстяхъ. Въ тотъ же день пришли на корабль эскимосы, замѣчательно крѣпкой комплекціи, изъ которыхъ каждый, въ отдѣльности, могъ помѣриться силами съ полярнымъ медвѣдемъ или съ моржомъ. Тѣмъ не менѣе они были очень миролюбивы и разстались съ нашими путешественниками чрезвычайно дружелюбно, хотя и украли нѣсколько вещей.

26 апрѣля 1854 г. Кэнъ отправился самъ на саняхъ по направленію къ сѣверу. Отъ бухты Спасенія до залива Ренселера, гдѣ зимовалъ бригъ, западный берегъ Гренландіи уклоняется на востокъ. На этомъ пространствѣ не было ни мысовъ, ни глубоко вдающихся заливовъ, ни выступающихъ въ море глетчеровъ. Отъ залива Ренселера берегъ беретъ северо-восточное направленіе и принимаетъ опять прежній видъ съ глубокими заливами и ледяными фіордами. Утесы представлялись въ самыхъ разнообразныхъ, живописныхъ видахъ, и немного требовалось воображенія, чтобы они казались то древнимъ замкомъ съ зубцами, то колоннадою развалившагося храма. Средняя высота сѣверо-западной плоской возвышенности Гренландіи до 300 метр.; самая высокая вершина на самомъ берегу моря достигаетъ 396 метр., а кряжъ, возвышающійся позади имѣетъ до 200 и болѣе метровъ. Но поразительнѣе всего былъ видъ большого глетчера до котораго Кэнъ дошелъ 4 мая, и которому онъ далъ названіе „Александра Гумбольдта.

По достигнутымъ результатамъ эта экспедиція должна считаться неудавшеюся, наравнѣ со всѣми прочими. Многіе изъ команды заболѣли въ пути цынгою, самъ Кэнъ подвергался обморокамъ и судорогамъ, такъ что его уже на саняхъ должны были доставить къ судну, къ которому наконецъ вернулись 14 мая. 19 мая отправилась новая экскурсія поперекъ Смитова пролива на противоположный берегъ его, называемый „Гриннелевою Землею“. То были врачъ Хаисъ съ матросомъ Вильямомъ Годфрейемъ, въ качествѣ вожака при саняхъ. Оба 1 июня благополучно вернулись. Цѣль поѣздки была достигнута, такъ какъ имъ удалось снять на карту западный берегъ пролива до мыса Фразера (79°45' сѣв. шир.). Этого пункта они достигли слѣдуя вдоль берега. Затѣмъ они пошли къ югу до мыса Сабине и переправились обратно черезъ проливъ. Важнѣйшая экспедиція на саняхъ, составлявшая вѣнецъ всего предпріятія Кэна, была исполнена эскимосомъ Гансомъ съ матросомъ Вильямомъ Муртономъ, выступившими съ корабля 4 июня и направившимися прежде всего къ глетчеру Гумбольдта, куда они и прибыли 15 июня. Отвѣсныя стѣны западнаго берега Гренландіи, повидимому, оканчиваются у мыса „Агассиса“ подъ 79°14' сѣв. шир. Полагали, что этотъ мысъ представляетъ сѣверную оконечность Гренландіи. Отъ этого мѣста до мыса Форбеса, подъ 80°7' сѣв. шир., слѣдовательно на протяженіи 170 километровъ, тянется, въ видѣ вогнутой линіи, по направленію съ юга на сѣверъ, громадной ледяной кряжъ въ 100 метровъ высокою и съ совершенно отвѣсными стѣнами. Это — мощный глетчеръ Гумбольдта, у подошвы котораго находится обширный заливъ Пибоди; здѣсь-то, теплымъ лѣтомъ, отдѣляются отъ глетчера громадныя ледяныя горы, vyplывающія въ Смитовъ проливъ. Мысъ Форбесъ считался южною оконечностью другой, совершенно отдѣльной отъ Гренландіи, земли, названной „Вашингтоновою“, что впослѣдствіи, впрочемъ, не подтвердилось. Хотя наши смѣльчаки и были снабжены большими палками съ острыми наконечниками и закидными кручьями, но имъ не удалось подняться на глетчеръ. 18 июня Муртонъ и Гансъ отправились дальше къ сѣверу, обойдя глетчеръ Гумбольдта съ моря. 19 числа они поднялись на вершину горы, съ которой имъ видно было, что обширная площадь глетчера простирается далеко во внутрь страны. Они стояли на сѣверной сторонѣ глетчера и передъ ихъ глазами была земля, а именно часть берега, который на 120 килом. превышалъ сѣверный край глетчера. Но тутъ они подвергались опасности провалиться, потому что ледъ подъ ногами въ лѣтнюю пору оказался уже непрочнымъ. Въ тоже время имъ казалось, что далѣе къ сѣверу виднѣется водяная площадь и вскорѣ они могли

убѣдиться, что находились недалеко отъ открытаго моря. Гансъ и Мортонъ были крайне удивлены, встрѣтивъ здѣсь такую привѣтливую мѣстность: они не вѣрили своимъ глазамъ, когда увидали массу морскихъ ласточекъ и дикихъ гусей пріютившихся здѣсь на берегу; имъ казалось, что все это сонъ. Вода имѣла температуру $+2^{\circ}5$ Ц. Обогнувъ мысъ Джексонъ, они быстро пошли дальше; возвышенный берегъ постепенно опускался, наконецъ показалась большая равнина, покрытая холмами. Проливъ, который впослѣдствіи былъ названъ „Кеннеди“ былъ совершенно свободенъ отъ льдовъ, противоположащій берегъ Гринелевой Земли представлялъ плоскую возвышенность, покрытую конусообразными горами. 23 іюня, около полуночи, Гансъ и Мортонъ пустились въ обратный путь, но ледъ былъ такъ рыхлъ, что не представлялось никакой возможности тащить съ собою сани, по этому они рѣшились ихъ бросить и продолжать путь, взваливъ себѣ, что можно, на спину. Немного спустя они увидали вдали мысъ и передъ нимъ островъ; когда подошли ближе, оказалось, что тутъ два острова, которымъ они дали названіе „Франклинъ“ и „Крозье“. Продолжая на другой день свой путь, они замѣтили что ледяная кайма около берега становилась все уже и наконецъ совсѣмъ исчезла. Берегъ былъ очень крутъ, имѣя около 610 метр. вышины, въ особенности близъ мыса „Конституціи“. Мортонъ пытался обойти этотъ мысъ, но нигдѣ нельзя было даже уцѣпиться. Близъ другаго мыса—„Независимость“, онъ высмотрѣлъ откосъ въ 150 метровъ длины, поднялся по нему, прикрѣпилъ къ своей палкѣ флагъ Гриннеля съ „Антарктика“ и водрузилъ его тамъ. Итакъ 24 іюня 1854 г., въ теченіи полутора часа, развѣвался флагъ, подъ $80^{\circ}40'$ сѣв. шир., т. е. на самой сѣверной точкѣ, достигнутой до тѣхъ поръ кѣмъ-либо изъ европейцевъ, приблизительно въ 970 километрахъ, отъ сѣвернаго полюса.

Походомъ Мортонъ и Ганса заканчивается рядъ открытій, сдѣланныхъ экспедиціею Кэна. Послѣ ничего не было сдѣлано, что бы заслуживало быть отмѣченнымъ; начался только новый рядъ страданій, свидѣтельствующихъ съ какою непримѣрною твердостью храбрецы выносили тяжелые удары судьбы. 10 іюля Мортонъ и Гансъ вернулись къ своему кораблю, гдѣ дѣла между тѣмъ приняли другой оборотъ. Лѣто 1854 года не обѣщало быть лучше предыдущаго. Экспедиція была снабжена запасами всего на полтора года. Болѣе года уже прошло, какъ „Успѣхъ“ вышелъ въ море, іюнь приходилъ къ концу, а бригъ все еще стоялъ въ заливѣ Ренселеръ, окруженный непроходимыми льдами. Кэну пришла мысль отправиться къ острову Бичи, въ проливъ Барровъ, гдѣ онъ надѣялся встрѣтить Бельчера, также отыскивавшаго Фран-

клина, и такимъ образомъ спасти себя и свой экипажъ. Въ открытой лодкѣ, съ отборною командою Кэнъ пустился 12 іюля въ путь. При самыхъ благополучныхъ условіяхъ и считая кратчайшее разстояніе, ему предстояло сдѣлать не менѣе 750 километровъ. 6-го августа онъ вернулся къ своему кораблю, не достигнувъ ничего. Страшныя массы льда не позволили ему пройти южнѣе мыса Парри; неодолимыя препятствія преграждали дальнѣйшій путь. Такъ какъ не было никакой надежды высвободить судно изъ льдовъ въ теченіи лѣта 1854 г., то необходимо было готовиться ко вторичной перезимовкѣ. Съ этого времени кончалось право Кэна начальствовать надъ экспедиціею: по обычаю между китоловами установилось правило, что если судно безнадежно окружено льдами, то обязанность команды безпрекословно повиноваться капитану прекращается и моряки получаютъ право избрать себѣ другого начальника изъ своей среды. 23-го августа Кэнъ объявилъ собравшейся командѣ, что онъ намѣренъ провести еще зиму на бригѣ, кто же изъ нихъ надѣется благополучно пробраться къ югу, тотъ можетъ заявить о своемъ намѣреніи. Изъ 17-ти человѣкъ восемь ¹⁾ пожелали остаться вмѣстѣ съ Кэномъ на бригѣ, а девять и въ числѣ ихъ нѣмецкій астрономъ Зонтагъ, ушли съ корабля 28-го августа, получивъ причитавшіеся на ихъ долю продовольственные запасы, но съ потерей, разумѣется, остальныхъ правъ, какъ-то на жалованье и т. п. и заручившись письменнымъ согласіемъ на то, что если они силою обстоятельствъ будутъ вынуждены вернуться къ бригу, то будутъ опять дружелюбно приняты въ составъ экипажа. Черезъ нѣсколько дней уже вернулся одинъ изъ нихъ, Пилей. 7-го декабря эскимосы привезли Петерсена и Бонгала въ ужаснѣйшемъ состояніи, остальные шестеро въ крайнемъ изнеможеніи и нуждѣ были еще во сто миляхъ отсюда, но къ ночи на 13-е число также притащились къ судну полумертвые. Какъ бы то ни было, всѣ опять собрались. Медленно прошла зима, приближался мартъ 1855 г. Февраль и мартъ всегда самыя дурныя мѣсяцы для зимующихъ. Цинга напала послѣдовательно на всѣхъ. Судьба несчастныхъ безусловно зависѣла теперь отъ удачи, съ которою эскимось Гансъ охотился, такъ какъ у нихъ, кромѣ добываемаго имъ свѣжаго мяса, не было никакихъ средствъ противъ этой полярной чумы. Запасы дровъ давно уже вышли и начали издерживать основной капиталъ, т. е. принялись за самый бригъ. Впрочемъ, разрушеніе брига шло систематически въ томъ отношеніи, что послѣдовательно сжигали то, безъ чего судно могло обойтись, не лишаясь способности

¹⁾ То были: Генри Брокъ, Дж. Гарри, В. Вильсонъ, Генри Гудфелль, В. Мортонъ, Хр. Ольсенъ, Томасъ Гикей и эскимось Гансъ Гендрикъ.

плаванія. Подъ конецъ все-таки Кэнъ долженъ былъ рѣшиться покинуть свое любимое дѣтище, такъ какъ было бы безумно еще разъ выжидать, какъ благоугодно будетъ льду распорядиться, съ его кораблями. 17-го мая 1855 г. Кэнъ съ товарищами, взявъ сани съ провизіею и лодки, выступилъ съ мѣста зимовки. Въ дорогѣ 12-го іюня, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ усилій, скончался славный Хр. Ольсентъ. Его похоронили у подошвы мыса, названнаго его именемъ,—высшая честь, которая могла быть оказана неутоми-мому моряку. Перебиваясь почти единственно охотою, бѣдные страдальцы дошли 17-го іюня, т. е. ровно черезъ мѣсяцъ, до воль-ной воды, откуда они въ 83 дня, послѣ того, какъ лодки были спущены, съ необычайными затрудненіями и приключеніями до-шли наконецъ до колоніи Упернивика; здѣсь они нашли дат-скій бригъ, командиръ котораго изъявилъ готовность доставить ихъ на родину. Между тѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ начали беспокоиться объ участи экспедиціи. Для отысканія ея правитель-ство послало два военныхъ корабля „Арктикъ“ и „Release“ (Осво-божденіе) подъ начальствомъ лейтенанта Гартстене. Эскимосы, кочующіе близъ мыса Александра, сообщили Гартстене, что Кэнъ со своими спутниками отправился на югъ. Поэтому эскадра поворотила назадъ и дѣйствительно нашла знаменитыхъ путеше-ственниковъ въ Упернивикѣ въ тотъ моментъ, когда они садились на судно, чтобы отправиться къ Шотландскимъ островамъ.

Не смотря на безконечныя трудности и препятствія, съ кото-рыми приходилось бороться этой экспедиціи, добытые ею научные результаты довольно значительны. Кэну слѣдовало только напе-чатать простой отчетъ Мортонъ объ его походѣ къ открытому по-лярному морю, безъ всякой предвзятой мысли, а между тѣмъ Кэнъ, по своей натурѣ, человѣкъ весьма склонный къ необы-кновеннымъ приключеніямъ, что замѣтно изъ каждой страницы его книги ¹⁾, представилъ наблюденія Мортонъ, въ фантастиче-скомъ, богато разукрашенномъ видѣ, что подало поводъ людямъ, ме-нѣе критически относящимся къ дѣлу, принять нарисованную имъ картину за истину. Было бы вопіющею несправедливостію умень-шать заслуги Кэна, тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что земле-вѣдѣнію не принесло никакой пользы его категорическое заявле-ніе о существованіи открытаго полярнаго моря, согрѣваемаго теп-лыми водами Гольфстрема и омывающаго будто бы сѣверное при-брежье Гренландіи ²⁾. Основательный знатокъ Гренландіи, д-ръ

¹⁾ Elisha Kent Kane „Arctic Explorations“: The Second Grinnell Expedition in search of John Franklin 1853—1855. Philadelphia 1853 г. 8° 2 т.

²⁾ Слова Бессельса въ его сочиненіи „Die amerikanische Nordpol-Expedi-tion“ стр. 110—121.

Ринкъ, вскорѣ привелъ весьма вѣскіе доводы въ подтвержденіе своего мнѣнія, что видѣнное Мортонѣмъ открытое море въ проливѣ Кеннеди ничто иное, какъ огромная полынья, изъ числа тѣхъ, какія повременамъ образуются въ арктическихъ пространствахъ ¹⁾. Такъ какъ Кэнъ въ Смитовомъ проливѣ и еще сѣвернѣе, не нашелъ, разумѣется, никакихъ слѣдовъ экспедиціи Франклина, то результаты его плаванія скорѣе важны и поучительны въ смыслѣ отрицательномъ, въ томъ отношеніи, что они показываютъ какимъ опасностямъ подвергаются тѣ арктическія предпріятія, снаряженіе которыхъ дѣлалось безъ должнаго вниманія и предусмотрительности ²⁾. Изъ скромности, не желая злоупотреблять готовностью великодушныхъ людей, давшихъ средства на эту экспедицію и вполне увѣренный томъ, что вернется черезъ одну зиму, Кэнъ счелъ возможнымъ дѣлать запасы въ меньшихъ размѣрахъ и не лучшаго качества, не смотря на то, что онъ уже во время перваго своего плаванія имѣлъ случай убѣдиться, какъ это опасно. Тяжелыя лишенія втораго путешествія и были причиною того, что этотъ неутомимый дѣятель вскорѣ по возвращеніи слегъ въ постель, съ которой ему уже не суждено было болѣе встать. Онъ умеръ въ Гаваниѣ 16 февраля 1857 г.

Твердо убѣжденный, что существуетъ открытое полярное море, отдѣленное только ледянымъ поясомъ отъ извѣстныхъ уже земель и морей нашего сѣвернаго полушарія, спутникъ Кэна, д-ръ Исаакъ Хаисъ (род. 5 марта 1832 г. въ Честерѣ, въ Пенсильваніи), задумалъ новую арктическую экспедицію, проектъ которой со всѣми своими доводами и объясненіями онъ представилъ въ декабрѣ 1857 г. американскому географическому и статистическому обществу. Съ помощью публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ различныхъ городахъ ему дѣйствительно удалось возбудить вновь сочувствіе къ своему излюбленному вопросу. Въ Европѣ и Америкѣ была открыта подписка, благодаря которой Хаисъ получилъ возможность снарядить шкуну „Соединенные Штаты“ (133 тоннъ) и 6 іюля 1860 г. выйти изъ Бостона въ море. Ему сопутствовалъ опять астрономъ Зонтагъ, а въ числѣ 13-ти человекъ команды былъ и матросъ Вильямъ Мортонъ. Хаисъ строго держался

¹⁾ Смори подробную критику Ринка въ Journ. Geograp. Soc. of London 1858 г., стр. 272—287; кромѣ того въ Ausland'ѣ 1859 г. стр. 1149—1157.

²⁾ Если бы Кэнъ вмѣсто солонины взялъ съ собою нѣсколько тысячъ фунтовъ пеммикану, то, разумѣется, не подвергся бы тѣмъ ужаснымъ лишеніямъ и страданіямъ, которыя ему пришлось испытать. Онъ считалъ солонину до того никуда негодною и даже вредною для больныхъ цынгой, что, отправляя одинъ отрядъ за провизіею къ прежде устроенному складу, приказывалъ солонину отнюдь не брать, и это именно въ такое время, когда имъ всѣмъ угрожала голодная смерть.

пути Кэна къ Смитову проливу, предпочитая его всѣмъ другимъ направлѣніямъ, потому что тамъ, какъ дознано опытомъ, проходить съ сѣвера на югъ, къ Баффинову заливу, теченіе, разрыхляющее ледъ и открывающее, по мнѣнію Хаиса, входы въ ледяной поясъ чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ теченіе только сѣверное. Еще до начала экспедиціи д-ръ Петерманнъ заявилъ, что онъ не имѣетъ никакой надежды, на то, чтобы Хаисъ могъ достигнуть своей цѣли этимъ путемъ. Во первыхъ, онъ основываетъ свой проектъ на предположеніяхъ чрезвычайно шаткихъ и невѣроятныхъ, а именно на возможности существованія связи между видѣннымъ Мортонъ открытымъ моремъ и дѣйствительнымъ полярнымъ водовмѣстилищемъ, — противъ этого предположенія германскій географъ возражалъ уже раньше ¹⁾; во-вторыхъ, избранный Хаисомъ путь къ сѣверному полюсу самый неудобный ²⁾. Единственный путь, который могъ обѣщать успѣшный исходъ предпріятія, лежить, по мнѣнію Петерманна, черезъ обширное море къ сѣверу отъ Шпицбергена. И въ самомъ дѣлѣ экспедиціи Хаиса не свѣтила яркая звѣзда-путеводительница. Хаисъ имѣлъ намѣреніе, поднявшись по западной сторонѣ Смитова пролива до мыса Фразера, поставить здѣсь свое судно, въ теченіи зимы и весны слѣдующаго года устроить склады запасовъ вдоль берега Гриннелевой земли до 82° сѣв. шир., а затѣмъ, въ апрѣлѣ, на саняхъ-лодкахъ пробираться дальше, берегомъ, водою, льдами, — какъ придется. 16 августа Хаисъ вышелъ изъ Упернивика, но безвѣтріе помѣшало ему продолжать свое плаваніе, такъ что только 21 августа онъ пришелъ въ Тассуисакъ. Здѣсь представился Хаису случай увеличить число своихъ спутниковъ двумя датчанами и однимъ охотникомъ изъ эскимосовъ, а равно приобрести еще нѣсколько собакъ. 22 августа экспедиція отправилась далѣе къ сѣверу, на утро прошла въ заливъ Мельвиль, къ обѣду миновала островъ Сабине,

Д-ръ Исаакъ Хаисъ.

¹⁾ Petermann. Geograph. Mitth. 1858 г. стр. 298.

²⁾ Тамъ же 1859 г. стр. 126.

затѣмъ направилась прямо къ мысу Іоркѣ, куда и прибыла 25-го августа въ 5 часовъ по полудни. Здѣсь шкуна легла въ дрейфъ. Хаисъ вышелъ съ нѣкоторыми спутниками на берегъ, гдѣ его встрѣтили прежній спутникъ Кэна, Гансъ Гендрикъ, и еще нѣсколько туземцевъ. Гансъ тотчасъ же узналъ Хаиса и Зонтага, и такъ какъ онъ изъявилъ желаніе отправиться съ экспедицею, то и былъ принятъ на шкуну съ женою и ребенкомъ, а также со всѣми своими охотничьими снарядами и двумя собаками. Послѣ этого взяли курсъ прямо на сѣверъ. Къ сожалѣнію, состояніе льдовъ не благоприятствовало плаванію до такой степени, что не смотря на всѣ усилія, не могли добраться до залива Ренселеръ. Пришлось остановиться нѣсколько южнѣе, подѣ 78°18'30" сѣв. шир. и 72°30'57" зап. долг., въ небольшой бухтѣ, въ 60 километрахъ отъ мѣста зимовки Кэна, которой Хаисъ далъ названіе „портъ Фульке“¹⁾.

Всю осень и даже въ теченіе большей части зимы стояли бури. Вслѣдствіе этого море замерзло только въ мартѣ 1861 г., тогда какъ Хаисъ рассчитывалъ еще въ октябрѣ отправиться на саняхъ, запряженныхъ собаками къ сѣверу, чтобы устроить тамъ склады запасовъ для весеннихъ экскурсій. Въ октябрѣ Хаисъ и Зонтагъ предприняли обзорнѣе глетчера, открытаго Кэномъ и названнаго имъ „My Brother Johns glacier“. Онъ находился въ глубокой впадинѣ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ морскаго берега. Хаисъ отправился туда въ сопровожденіи пяти человекъ, поднялся на глетчеръ и прошелъ по немъ 80 километровъ въ восточномъ направленіи, причемъ достигъ высоты 1500 метровъ. На этомъ переходѣ Хаисъ чуть было не заплатилъ жизнью, поскользнувшись въ трещину; къ счастью, палка его легла поперекъ щели и онъ успѣлъ на ней удержаться, — это дало возможность спасти его. 27 октября экскурсія вернулась въ портъ Фульке.

Зима прошла благополучно: всѣ были здоровы, но между собаками открылся въ декабрѣ падежъ, такъ что изъ нихъ уцѣлѣло всего только десять. По этому прежде всего необходимо было позаботиться о приобрѣтеніи вновь необходимаго числа этихъ животныхъ, безъ которыхъ экскурсія немислима. Зонтагъ вызвался въ сопровожденіи Ганса, отправиться на Рождество въ эскимосское поселеніе у Уэль-сунда (на островѣ Нордтумберландѣ), гдѣ надѣялся найти и приобрѣсти какимъ либо способомъ нужныхъ имъ собакъ. Нѣсколько южнѣе мыса Александра и, теперь уже оставленнаго эскимосами, кочевья Сорфалика Зонтагъ имѣлъ несчастье провалиться въ воду. Гансъ его вытащилъ и слѣшно вернулся въ Сорфаликъ; но еще въ пути Зонтагъ потерялъ сознание

¹⁾ Въ честь одного изъ самыхъ ревностныхъ покровителей экспедиціи Хаиса, Вильяма Паркера Фульке, изъ Филадельфіи.

и скончался на другое утро, не смотря на всѣ попеченія о немъ. Тѣло его было доставлено въ портъ Фульке по возвращеніи туда Ганса, съумѣвшаго все-таки найти 17 собакъ. 18 февраля 1861 года солнце, послѣ 130 дневнаго отсутствія, показалось опять надъ горизонтомъ, но, не смотря на это, холодъ усиливался, достигнувъ въ половинѣ марта — $56^{\circ}25'$ Ц. 16 марта Хайсъ, предпринялъ экскурсію въ „Fog Harbour“, чтобы удостовѣриться въ какомъ положеніи находится ледъ и сложить необходимые запасы. 3 апрѣля выступила наконецъ главная санная экспедиція, состоявшая изъ 12 человекъ при двухъ саниахъ. Миновавъ „Fog Harbour“, взяли направленіе почти прямо на сѣверъ, намѣреваясь перейти на западный берегъ Смитова пролива, вдоль котораго и предполагалось продолжать главный путь. Перевалъ черезъ Смитовъ проливъ оказался до такой степени затруднительнымъ, что на 25 день едва были на серединѣ его и Хайсу съ большимъ трудомъ удалось убѣдить троихъ изъ своихъ спутниковъ продолжать съ нимъ походъ; остальные вернулись въ портъ Фульке. Достигнувъ, наконецъ, западнаго берега пролива, Хайсъ пошелъ по Гриннелевой землѣ до мыса Фразеръ ($79^{\circ}43'$ с. ш.), гдѣ оставилъ 16 мая двухъ своихъ спутниковъ и продолжалъ путь вдоль берега, черезъ каналъ Кеннеди, съ однимъ только 19-ти лѣтнимъ матросомъ Кнорромъ. 18-го числа вышли всѣ запасы, волею-неволею приходилось вернуться. Въ этотъ день Хайсъ достигъ подъ $81^{\circ}35'$ сѣв. шир. залива Лэди Франклинъ. Еще никто не проникалъ такъ далеко къ сѣверу, за исключеніемъ Парри. Установленнымъ порядкомъ Хайсъ занялъ эту землю во имя Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Никогда еще звѣздное знамя Соединенныхъ Штатовъ не развѣвалось такъ близко къ сѣверному полюсу. Вдали, по приблизительному разсчету подъ $82^{\circ}30'$ сѣв. шир., Хайсъ увидалъ высокій скалистый мысъ, которому далъ названіе „Union“ (Соединенія). Къ сѣверо-востоку на все видимое пространство, небо отражало открытое полярное море. „Все указывало мнѣ на то, писалъ Хайсъ, что я достигъ берега полярнаго водовмѣстилища и что широкій арктический океанъ у моихъ ногъ“. 3 іюня экспедиція вернулась къ своей шкунѣ, которая 12 іюля освободилась наконецъ отъ льдовъ. Температура поднялась значительно выше нуля, все предсказывало прекрасное лѣто. Къ сожалѣнію, при ближайшемъ осмотрѣ шкуны, оказалось, что она болѣе уже не годна для борьбы съ сѣверными льдами. Въ виду этого Хайсъ рѣшилъ нуститься въ обратный путь съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ году сдѣлать новую попытку изслѣдовать таинственный полярный океанъ. Послѣ труднаго перехода черезъ льды Мельвилева залива, шкуна пришла 14 августа въ Уперни-

викъ, заходила по дорогѣ въ Годгавнъ и, наконецъ, бросила 23 октября якорь въ Бостонѣ, пробывъ въ отсутствіи 15 мѣсяцевъ и 13 дней. Намѣреніе Хаиса—еще разъ вернуться въ Смитовъ проливъ—не могло однако осуществиться: сѣверо-американская междоусобная война, разгорѣвшаяся въ его отсутствіе, разстроила всѣ его надежды ¹⁾).

Хаису не удалось провести свое судно къ сѣверу такъ далеко, какъ дру Кэну, и даже не такъ далеко, какъ капитану Инглефильду въ 1852 г., а только до широты, достигнутой Билотомъ и Баффиномъ въ 1616 году. Кэнъ доставилъ возможно подробныя свѣдѣнія объ этой части арктическаго пояса до $82^{\circ}15'$. Поэтому поѣздки Хаиса на саняхъ, доходили-ли онѣ до $81^{\circ}35'$ или $82^{\circ}30'$, не имѣютъ никакого значенія ²⁾. Точно также онъ отнюдь не открылъ „открытаго полярнаго моря“, хотя эти слова и красуются на заглавномъ листѣ описанія ³⁾ его путешествія. Онъ видѣлъ только обширныя полыни, подобныя тѣмъ, какія очень часто встрѣчаются у берегамъ Гренландіи. Рѣшительный противникъ пути черезъ Смитовъ проливъ д-ръ Петерманнъ, хотя и соглашается съ тѣмъ, что каналъ Кеннеди значительно расширяется къ сѣверу, но безусловно оспариваетъ возможность сообщенія при посредствѣ него съ сѣвернымъ полярнымъ моремъ, подкрѣпляя свое мнѣніе двумя вѣскими доводами. Во-первыхъ, по берегамъ канала Кеннеди не встрѣчается тотъ прибойный лѣсъ, который находятъ вездѣ въ водахъ, къ востоку отъ Гренландіи; во-вторыхъ, въ заливѣ Ренселеръ температура при сѣверномъ вѣтрѣ понижалась, между тѣмъ, какъ, если бы каналъ Кеннеди выходилъ въ большое открытое море, то при сѣверномъ вѣтрѣ температура въ заливѣ должна бы возвышаться, какъ это бываетъ у сѣвернаго побережья Азіи при вѣтрѣ съ открытаго Сибирскаго Океана. Болѣе мягкую зиму, проведенную Хаисомъ въ портѣ Фульке, незамерзаніе моря въ Смитовомъ проливѣ, равно какъ и частые туманы и росы, замѣченные Хаисомъ на мѣстѣ его зимовки, Петерманнъ объясняетъ вліяніемъ морскаго теченія ⁴⁾, ссылаясь на трудъ Геттингенскаго ученаго метеоролога Мюри ⁵⁾.

¹⁾ Петерманнъ. „Geograph, Mitth.“ 1861 г. стр. 436.

²⁾ D-r I. I. Hayes „The open polar sea: a narrative of a voyage of discovery towards the North pole in the Schooner „United States“. London 1867 8°.

³⁾ Хаисъ ѣздилъ послѣ того въ 1869 г. на пароходѣ „Пантеръ“, въ обществѣ художника Вильяма Брэдфорда въ южную Гренландію для изслѣдованія ея береговъ. Это путешествіе онъ описалъ въ особой книгѣ подъ заглавіемъ: The Land of Desolation. Newjok. 1872 г. 8.

⁴⁾ Petermanns Geograph. Mitth. 1867 г. стр. 184—187. Долго полагали, что морское теченіе, идущее вдоль западнаго берега Гренландіи къ сѣверу,—холодное. По сдѣланнымъ же наблюденіямъ оказалось, что оно приноситъ съ собою

Послѣ 1861 года только черезъ десять лѣтъ Америка, занятая разрѣшеніемъ важнѣйшихъ политическихъ и социальныхъ вопросовъ, опять рѣшилась принять участіе въ полярныхъ изслѣдованіяхъ, тогда какъ Швеція, Германія и Англія, въ промежутокъ этого времени, отправили еще нѣсколько экспедицій въ область вѣчнаго льда. Испытанному въ опасностяхъ, а также лишеніяхъ и страданіяхъ, сопряженныхъ съ арктическими экспедиціями, но, къ сожалѣнію, недостаточно научно образованному путешественнику, хотя и обладавшему замѣчательною энергіею, извѣстному уже намъ Чарльсу Франсису Галлю удалось, наконецъ, убѣдить конгрессъ сѣверо-американскихъ штатовъ снарядить новую экспедицію къ сѣверному полюсу. Въ сентябрѣ 1869 г. Галль вернулся въ Нью-Йоркъ послѣ пятилѣтняго своего пребыванія среди эскимосовъ, съ непоколебимымъ намѣреніемъ изыскать средства для экспедиціи къ дальнему сѣверу. Мы не станемъ упоминать о тѣхъ затрудненіяхъ, съ какими ему пришлось при этомъ бороться. Всякій, сколько-нибудь знакомый съ условіями жизни въ великой заатлантической республикѣ и съ обстановкою ея государственнаго быта, легко можетъ себѣ составить понятіе о томъ, что Галль долженъ былъ испытать. Богатыхъ людей привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ не представлялось никакой возможности; еще труднѣе было возбудить сочувствіе къ подобному, дорого-стоющему, предпріятію въ сѣверо-американскомъ конгрессѣ, состоящемъ изъ столь разнородныхъ элементовъ и большинство котораго смотритъ на науку, какъ на предметъ совершенно излишній, тѣмъ болѣе, что, по словамъ людей опытныхъ въ подобныхъ предпріятіяхъ, даже при удачѣ, поплатившись жизнью нѣсколькихъ людей и нѣсколькими кораблями, можно обогатиться развѣ только открытіемъ нѣсколькихъ острововъ, покрытыхъ

теплую морскую воду. По мнѣнію Петерманна; это теченіе простирается даже до сѣвернаго угла Баффинава залива, вызывая тамъ явленіе „Nordwazerg“ На крайнемъ сѣверѣ теплое теченіе заворачиваетъ и идетъ обратно къ югу, какъ бы увлекаемое холоднымъ теченіемъ, выходящимъ изъ пролива Ланкастра и Джонса и направляющимся вдоль восточныхъ береговъ ряда острововъ, окаймляющихъ западную часть Баффинава залива. Это теплое морское теченіе, составляющее только вѣтвь Гольфштрема, не позволяетъ ледянымъ горамъ и полямъ, образующимся въ проливѣ Кеннеди и тамъ накапливающимся, спуститься къ югу, въ Баффиновъ заливъ, и, такимъ образомъ, проливъ Кеннеди превращается въ настоящій ледникъ. Все это объясненіе Петермана лишается однако необходимаго основанія вслѣдствіе позднѣйшаго открытія д-ра Бессельса, доказавшаго, что Гольфштремъ не простирается въ Баффиновомъ заливѣ сѣвернѣе 75°5'.

⁵⁾ А. Мюрн: о системѣ морскихъ теченій въ водахъ, омывающихъ сѣверный полюсъ. Ueber das System der Meeresströmungen in Circumpolar Becken der Nordhemisphäre. (Petermanns Geograph. Mitth. 1867. № 58—69).

вѣчнымъ льдомъ. Не смотря на все это, Галлю хотѣлось, чтобы экспедиція была снаряжена на средства правительства. Для достиженія этой цѣли пришлось прибѣгнуть ко всѣмъ тѣмъ дозволеннымъ и недозволеннымъ средствамъ, которыя необходимы для того, чтобы извѣстный билъ представить конгрессу и провести его въ немъ, привести въ движеніе всѣ тѣ рычаги, которые не всѣмъ по сердцу, и которыхъ нельзя коснуться, не замаравшись. Приступъ былъ сдѣланъ ловкій, предпріятіе состоялось, и звѣздному знамени Сѣверо-Американскихъ Штатовъ суждено было опять развѣваться на крайнемъ сѣверѣ ¹⁾).

Выбрали отличное судно,—буксирный винтовой пароходъ „Перивинклъ“, въ 387 тоннъ вѣстимостью; по предложенію Генри Гриннеля, онъ былъ переименованъ въ „Полярисъ“ и почти заново перестроенъ, а равно снабженъ всѣмъ, что только можно было придумать для обезпеченія и безопасности плаванія. Все доказывало, что эта экспедиція была снаряжена съ необыкновенною заботливостью ²⁾; все на кораблѣ было „образцоваго совершенства“; продовольственные запасы въ изобиліи заготовлены на три года и притомъ отличнаго качества. Многимъ участвовавшимъ въ этой экспедиціи не нравилось, разумѣется, что Полярисъ отправляется въ походъ „подъ водянистымъ вымпеломъ общества воздержанія“ и что поэтому вещества, болѣе подкрѣпляющія и ободряющія, чѣмъ молоко и чай, могли быть взяты съ собою только тайкомъ и въ количествѣ очень умѣренномъ. Главное начальство надъ всею экспедиціею было, понятно, поручено капитану Галлю, который счумѣлъ то, чего у него не доставало въ научномъ отношеніи, пополнить приглашеніемъ участвовать въ экспедиціи людей высоко-образованныхъ и уже опытныхъ и испытанныхъ въ подобныхъ многотрудныхъ предпріятіяхъ. Старшимъ офицеромъ и вѣстѣ съ тѣмъ завѣдующимъ ледяными работами былъ Сидней Буддингтонъ, давнишній другъ и товарищъ Галля во всѣхъ его

¹⁾ Bessels „Die amerikanische Nordpolexpedition“, стр. 4.

²⁾ На Полярисъ было четыре вельбота и двѣ патентованныя складныя лодки, удобоперевозимыя на саняхъ; по прибытіи къ открытой водѣ, части составлялись, обтягивались ревендукомъ и спускались на воду. На пароходѣ была отличная библіотека, составленная преимущественно изъ книгъ и картъ, касающихся арктическихъ странъ, запасъ превосходнаго пихтоваго лѣса для постройки, въ случаѣ надобности, лодокъ на самомъ кораблѣ, далѣе двѣ пары запасныхъ санныхъ колозовъ, окованныхъ желѣзомъ, запасной руль, лопаты, пила и всякаго рода снаряды новѣйшаго изобрѣтенія для разрыванія и разбиванія льда, словомъ все, что только могло быть полезнымъ. Машина была такъ устроена, что ее можно было топить, вѣсто угля, ворванью. Изъ продовольственныхъ запасовъ можно назвать 10 тыс. ф. пеммикану, огромное количество пѣсныхъ овощей и консервовъ и т. д.

арктическихъ путешествіяхъ, старшимъ штурманомъ,—Честеръ, (изъ штата Каннектикутъ), съ которымъ онъ уже имѣлъ раньше случай близко познакомиться на суднѣ Монтичелло, доставившемъ его въ полярныя страны, при второмъ его путешествіи. Вторымъ штурманомъ былъ уже давно извѣстный намъ Вильямъ Мортонъ, спутникъ Кана и Хаиса. Саксонецъ Эмиль Шуманъ, бывшій главный машинистъ пароходовъ, поддерживающихъ сообщеніе между Гамбургомъ и Нью-Йоркомъ, и Джонъ Вильсонъ въ должности корабельныхъ инженеровъ отличались какъ теоретическимъ, такъ и практическимъ знаніемъ своего дѣла. Самымъ замѣчательнымъ дѣятелемъ всей экспедиціи былъ, безъ сомнѣнія, д-ръ Эмиль Бессельсъ изъ Гейдельберга, заведывавшій всею научною частью этого предпріятія, еще молодой человѣкъ, по профессіи медикъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ превосходный зоологъ, ботаникъ и фотографъ, участвовавшій уже раньше съ отличіемъ въ одной изъ германскихъ полярныхъ экспедицій и горячо отрекомендованный д-ромъ Петерманномъ. На суднѣ находились кромѣ того, преимущественно для метеорологическихъ наблюденій, Астрономъ Бріанъ и Фридрихъ Мейеръ, пруссакъ родомъ, переселившійся съ 1864 года въ Америку, гдѣ онъ служилъ по телеграфному вѣдомству. Весьма важное и полезное дополненіе общества путешественниковъ на Полярисѣ составляли извѣстные уже намъ Іосифъ и Ганна—эскимосская чета, сопровождавшая Галля въ прежнихъ его путешествіяхъ ¹⁾).

29-го іюня 1871 года Полярисъ вышелъ изъ Нью-Йорка, имѣя цѣлю не болѣе, не менѣе, какъ дойти до сѣвернаго полюса. Американцы заранѣе уже радовались тому моменту, когда ихъ звѣздное знамя водрузится на сѣверномъ полюсѣ, равно какъ и тому, что тогда немало крутыхъ мысовъ, глетчеровъ и каналовъ будутъ называться именами ихъ великой націи, именами, которыя до сихъ поръ какъ будто были забыты въ тѣхъ широтахъ. Изъ Ньюфаундленда Полярисъ перешелъ поперекъ Дэвисова пролива прямо къ западному берегу Гренландіи, гдѣ заходилъ въ различныя

¹⁾ Оба, и Іосифъ, и Ганна, были довольно образованы, сравнительно, со своими соотечественниками; они были даже въ Англіи, отправившись туда на китобойномъ суднѣ, вообще же были люди вполне достойные и пользовались общимъ уваженіемъ. Іосифъ оказывалъ большія заслуги въ качествѣ стрѣлка и охотника. Жена его одѣвалась по европейски, умѣла писать и по познаніямъ стояла выше своего супруга. Черты ея лица мало напоминали типъ эскимоски. По обычаямъ своей родины, Іосифъ имѣлъ дома, въ области вѣчнаго льда, еще другую подругу жизни. Оба были уже немолодыхъ лѣтъ. У нихъ была осмилѣтняя дѣвочка, нареченная при крещеніи Сильвіею, но которую Ганна постоянно называла — Панинкъ. Эта дѣвочка усноменована имя послѣ смерти единственнаго роднаго ихъ ребенка. Лице малютки не представляло особенностей эскимоскаго типа.

датскія колоніи. Въ Гольштейнборгѣ Галль купилъ собакъ для предстоявшихъ экспедицій, а въ Упернивикѣ къ нимъ присоединился нашъ старый знакомый,—Гансъ Гендрикъ, жившій недалеко оттуда, въ Превенѣ, въ скромной должности сельскаго учителя. Не трудно было уговорить его разстаться съ учениками и промѣнять свои занятія на должность каюра ¹⁾ экспедиціи, однако не иначе, какъ съ женою и тремя дѣтьми и со всѣмъ своимъ гренландскимъ хозяйствомъ, состоявшимъ изъ неразлучной лампы съ ворванью, большой палатки изъ тюленьихъ шкуръ, жестяныхъ котелковъ, саней, гарпуновъ и аркановъ, различныхъ ремесленныхъ инструментовъ и своры молодыхъ собакъ. 24-го августа 1871 года пароходъ Полярисъ, простившись съ самымъ сѣвернымъ изъ датскихъ поселеній, непривѣтливимъ Тассусисакомъ, направился прямо къ Смитову проливу. Не встрѣчая препятствій со стороны льда, Полярисъ перешелъ на другой день поперекъ залива Мельвила и обогнулъ мысъ Дудлей-Дигъ, гдѣ Галль поставилъ каменный столбъ, въ который сложилъ свѣдѣнія о ходѣ экспедиціи. Такъ какъ фарватеръ былъ чистъ, то воспользовались этимъ и спѣшили проплыть какъ можно далѣе къ сѣверу. Вдали видны были, поражающіе своимъ величіемъ отроги, глетчера Петовака, простирающагося до моря, гдѣ его окружаютъ безчисленныя плавающія ледяныя горы,—какъ бы неразлучные его спутники и охранители. Вечеромъ 26-го августа пароходъ подошелъ ко входу въ проливъ Booth, образующій вдоль берега множество маленькихъ заливчиковъ, окаймленныхъ мрачными горами, соединенными между собою ледяными ложбинами. То по одну, то по другую сторону корабля показывались отдѣльныя плоскія льдины, увлекаемыя теченіемъ къ сѣверу, но онѣ отнюдь не затрудняли ходъ корабля, который на другой день дошелъ до 77°51 сѣв. шир. и три часа спустя вошелъ въ Смитовъ проливъ. Всѣ были въ отличномъ расположеніи духа и надѣялись на благополучный исходъ экспедиціи. Миновавъ портъ Фульке—мѣсто зимовки Хайса,—пароходъ пошелъ далѣе вдоль гренландскаго берега, принявшаго теперь уже сѣверовосточное направленіе, до мыса Инглефильда. Отсюда взяли курсъ прямо на сѣверъ и къ вечеру перешли предѣлъ, достигнутый Кэномъ 18 лѣтъ тому назадъ. До этого мѣста плаваніе Поляриса не встрѣчало препятствій. Къ полуночи однако показались первыя болѣе обширныя массы льда, двигавшіяся по проливу съ востока на западъ въ видѣ сплошнаго вала. Неволей пришлось подумать объ якорной стоянкѣ и поискать, нѣтъ ли по близости мыса Фразера, удобной для того бухты.

¹⁾ Погонщикъ собакъ.

Сдѣланная Галлемъ рекогносцировка на лодкахъ показала, что берега совершенно отвѣсны. Поэтому продолжали плаваніе къ сѣверу, къ сожалѣнію только, въ теченіи продолжительнаго времени густой туманъ не позволялъ распознавать берегъ. Когда потомъ погода немного разгулялась и явилась возможность опредѣлить положеніе корабля, астрономически, то оказалось, что въ полдень 28-го августа Полярисъ находился подъ $80^{\circ}3'$ сѣв. шир. и $69^{\circ}28'$ зап. долг. 24 часа спустя, когда миновали острова Франклинъ и Крозье, послужившіе для новаго опредѣленія и открыли близъ Гриннелевой земли новый небольшой островъ, который въ честь эскимоса Ганса назвали его именемъ, полагали, что дошли до $81^{\circ}20'$ сѣв. шир. и $64^{\circ}34'$ западн. долг. Вполнѣ вѣрныхъ и точныхъ наблюденій нельзя было сдѣлать изъ-за тумана.

Туманъ не расходился, ледяныя горы однако, послѣ перехода осьмидесятаго градуса широты, рѣдко встрѣчались. Въ замѣнъ ихъ показались обширныя льдины, выдававшіяся на три, на четыре фута надъ поверхностью воды и покрытыя крупнозернистымъ фирномъ. Царствовавшее вокругъ уединеніе являлось здѣсь во всемъ своемъ страшномъ величіи. Изрѣдка попадалась въ водѣ жалкая, тощая морская крапива, какъ единственный признакъ еще несовсѣмъ исчезнувшей органической жизни. На канаты и желѣзныя части корабля садились иней и сырость каплями, немедленно замерзавшими и покрывавшими, такимъ образомъ, все ледяною корою, а выпадавшій густой снѣгъ, „образуя на тихой поверхности воды, такъ называемое, сало, превращался вслѣдствіе дѣйствія холода въ льдины съ неровною поверхностью“. Во всякомъ случаѣ это были такого рода явленія, которыя не могли доставить нашимъ путешественникамъ особаго удовольствія, но они не падали духомъ и ободряли себя гордымъ сознаніемъ, что открыли по правой сторонѣ новую землю, впослѣдствіи названную землею Галля, и что въ то же время плыли по морю, волны котораго не разсѣкалъ еще до нихъ ни одинъ корабль. вмѣстѣ съ тѣмъ они убѣдились, что указанное Мортонъ открытое полярное море, которое уже съ самаго начала было встрѣчено съ недоувѣріемъ и которое Петерманнъ изображаетъ на различныхъ картахъ въ видѣ глухаго залива, представляется въ дѣйствительности расширеннымъ проливомъ—„Галлевскимъ бассейномъ“,—съ врѣзывающимися на западъ и юговостокъ фіордами, а за нимъ опять земля—„Земля Галля“, продолженіе Гренландіи къ сѣверу. Между Землями Галля и Гриннелевою широкое морское водовмѣстилище суживается въ проливъ, которому Галль, въ честь секретаря американскаго адмиралтейства, далъ названіе „Канала Робесона“. Этотъ каналъ простирается отъ $81^{\circ}44'$ до $82^{\circ}2'0$ или 25 сѣв. шир., слѣдовательно имѣетъ въ длину около

72 километровъ. На другомъ концѣ этого канала, по направленію къ сѣверу, видѣлась полоса свободной воды, а далѣе опять открытый океанъ—можетъ быть и обширный заливъ—окаймленный съ западной стороны землями. Къ востоку какъ будто также видѣлась земля, но отчетливо рассмотреть ее не было возможности. Океанъ-ли былъ на сѣверѣ, или заливъ, но во всякомъ случаѣ льдовъ тамъ не было, и путешественники наши предполагали, что это или полярный океанъ, или же ведущій въ него проливъ. Эту часть моря Галль назвалъ „моремъ Линкольна“. По сдѣланнымъ наблюденіямъ казалось, что Полярисъ не встрѣтитъ препятствій; направляясь по этому морю далѣе къ сѣверу. Между тѣмъ дѣло приняло неблагопріятный оборотъ: съ ужасающею быстротою стали безостановочно надвигаться къ югу несмѣтныя массы плоскихъ льдинъ и ледяныхъ горъ. Галль хлопоталъ уже о томъ только, чтобы найти спокойное убѣжище для своего корабля. Тщетно онъ силился въ лодкѣ съ шестью гребцами, пристать къ берегу, — все напрасно,—поэтому онъ и назвалъ эту часть берега „Repulse Harbour“ (Недоступный Пріютъ). Опять пошли далѣе, но туманъ былъ такъ густъ, что необходимо было остановиться. 31-го августа рано утромъ вновь была сдѣлана попытка пристать къ берегу, но опять неудачно. Не суждено было Полярису проникнуть еще далѣе къ сѣверу. Старшій лейтенантъ парохода Буддингтонъ, о которомъ Бессельсъ пишетъ, что его хваленая опытность, къ сожалѣнію, не соответствовала смѣлости и воодушевленію, которыя онъ обнаружилъ въ этой экспедиціи, заявилъ, что безусловно невозможно идти далѣе къ сѣверу и что слѣдуетъ, напротивъ, немедленно спуститься къ югу и заняться отысканіемъ безопасной якорной стоянки. Начальникъ экспедиціи и нѣкоторые офицеры были того же мнѣнія; Бессельсъ же и трое изъ офицеровъ настаивали на томъ, чтобы, несмотря ни на что держать курсъ на сѣверъ, тѣмъ болѣе, что сидѣвшій на марсѣ матросъ Генри Гобби увѣрялъ, что къ сѣверо-востоку фарватеръ открытъ и что, на сколько онъ могъ видѣть, льды не представляютъ никакого препятствія къ дальнѣйшему плаванію на сѣверъ. Не давши себѣ труда подняться на марсъ, чтобы лично удостовѣриться въ положеніи дѣла—что было-бы прямой его обязанностью, — не принимая въ соображеніе сдѣланныхъ на кораблѣ 30-го и 31-го августа наблюденій, которыя показывали, что во время тумана, въ теченіи шести часовъ пять разъ подувалъ съ сѣвера сырой вѣтеръ, безъ сомнѣнія шедшій съ большой открытой площади воды—Буддингтонъ неотступно настаивалъ на своемъ мнѣніи и „Галль былъ настолько слабъ, что уступилъ“ ¹⁾).

¹⁾ Подобный исходъ предпріятія былъ впоследствии предметомъ разнообразнѣйшихъ критическихъ разборовъ и поводовъ къ тому, что участвовавшіе въ

Такимъ образомъ экспедиція Галля не поднялась выше $82^{\circ}26'$ сѣв. шир., достигнутой 4 сентября. Въ теченіи послѣднихъ дней пароходъ до такой степени былъ сжимаемъ льдами, что его считали уже погибшимъ и начальникъ экспедиціи отдалъ приказаніе часть запасовъ выбросить черезъ бортъ на ледъ. Наконецъ, 5 сентября нашли убѣжище подъ $81^{\circ}36'$ сѣв. шир. въ неглубоко вдающейся бухтѣ, названной Галлемъ заливомъ Поляриса, а самое мѣсто стоянки получило наименованіе Thank-God-Harbour (Пріютъ Благодаренія Богу). Это крайностью навязанное убѣжище оказалось впоследствии вполнѣ несоответствующимъ цѣли, потому что пароходъ вовсе не былъ здѣсь защищенъ отъ напора льдовъ. „Одольваемый со всѣхъ сторонъ пароходъ со своею металлическою обшивкою служить громкимъ резонансомъ“ страшныхъ звуковъ непогоды; мачты стонуть и крахтять, къ нимъ присоединяются рейсь ихъ пронзительнымъ визгомъ, снасти съ хлопаньемъ и труба машины съ брянчаніемъ своихъ цѣпей; блоки трещать, а ванты издаютъ разнообразнѣйшіе звуки подобно золотымъ арфамъ; глухо шумитъ вѣтеръ подъ палаткою, прикрывающей палубу, надувая ее какъ парусъ; балки скрипятъ, обшивка дрожитъ, все судно содрогается; со льда слышится въ отдаленіи какъ будто стонъ и плачъ или глухой вой то сильнѣе, то тише — все вмѣстѣ многоголосная fuga безпредѣльной дикости. Едва, едва пароходъ спасся отъ угрожавшей ему гибели; его прикрѣпили къ ледяной горѣ, названной Галлемъ горою Провидѣнія, хотя она вовсе не оказалась Провидѣніемъ, а напротивъ принесла спасавшемуся около него кораблю много вреда, обрушившись вскорѣ съ шумомъ и грохотомъ. Торжественный былъ моментъ, когда Галль водрузилъ на берегу звѣздное знамя Соединенныхъ Штатовъ. Онъ завладѣлъ вновь открытою землею „во имя Всевышняго Бога и президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ“.

На слѣдующее утро Галль вмѣстѣ съ Бессельсомъ отыскивали мѣсто для обсерваторіи, затѣмъ продовольственные запасы были выгружены на берегъ и сложены въ безопасномъ мѣстѣ. 18 сентября была предпринята Бессельсомъ и Честеромъ съ двумя эскимосами первая поѣздка на саняхъ для изслѣдованія внутреннихъ частей земли, у западнаго берега которой зимоваль Полярисъ. Земля эта представляетъ плоскую возвышенность, названную воз-

---

экспедиціи были привлечены къ допросамъ въ морскомъ министерствѣ Соединенныхъ Штатовъ. Изъ полученныхъ показаній всякій могъ придти къ убѣжденію, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ экспедиція Галля повернула назадъ, не было никакихъ непреодолимыхъ, созданныхъ льдами, препятствій, которые должны были-бы заставить отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ проникнуть къ полюсу этимъ путемъ.

вышенностью Кэна, понижающуюся постепенно къ югу по направленію къ широкому, глубоко врѣзывающемуся фіорду Петерманна. На сѣверной сторонѣ ея находится большая бухта „Newman-bay“. 24 сентября путешественники уже вернулись къ пароходу, а 12 октября самъ Галль въ сопровожденіи Честера же и двухъ эскимосовъ, предпринялъ двухънедѣльный походъ къ „полярному морю“, но не могъ подняться сѣвернѣ „Недоступнаго пріюта“, усмотрѣннаго имъ еще прежде съ корабля; острый мысъ у сѣверной оконечности залива Поляриса былъ названъ Галлемъ мысомъ „Луптонъ“. 24 октября экспедиція уже вернулась къ заливу Поляриса, такъ какъ съ 16 числа солнце исчезло и водворилась арктическая темнота, къ тому же Галль чувствовалъ себя нехорошо. Его болѣзнь быстро приняла дурной оборотъ. Разбитый параличемъ, онъ скончался 8 ноября 1871 г. и похороненъ на берегу, минутахъ въ десяти отъ мѣста стоянки его корабля. На могилѣ поставленъ деревянный памятникъ съ именемъ и перечисленіемъ заслугъ покойнаго.

Съ этого времени всякая мысль о дальнѣйшихъ открытіяхъ была оставлена. Смерть Галля нанесла экспедиціи страшный ударъ: она лишилась руководящей силы, порядокъ подчиненности постоянно нарушался, офицеры не были согласны между собою. Главное начальство принялъ Буддингтонъ, который впослѣдствіи только присоединился къ обществу воздержанія. Зима прошла безъ затрудненій и лишеній. Лоцманъ Тизонъ увѣряетъ, что климатъ тамъ значительно умѣреннѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ южнѣе лежащихъ. То мѣсто, гдѣ корабль простоялъ зиму, окруженный льдами, къ юню уже совершенно освободилось отъ снѣга и окрестность покрылась мѣстной растительностью. Тощая пользучая трава разстилалась по всей землѣ и служила главною пищею водящимся тамъ въ изобиліи мускуснымъ быкамъ. Этихъ быковъ наши путешественники убили не менѣе 30 или 40 головъ. Что эти животныя могутъ выдержать мѣстную зиму доказываетъ безспорно, что климатъ тамъ умѣренный. Среди лѣта жара становилась иногда томительною. Вообще замѣчалась перемѣна климата между 70°—80° сѣв. шир., по минованіи ледянаго пояса. Эскимосовъ не встрѣтили, хотя слѣды ихъ пребыванія тамъ были несомнѣнны. По заливу Робесона сильнымъ теченіемъ къ югу несло множество лѣсу, который наши моряки перехватывали. Срубленъ-ли или спилень лѣсъ опредѣлить не могли, такъ какъ бревна были избиты и обезображены льдинами. Кромѣ мускусныхъ быковъ встрѣчались кролики, лемминги-пеструшки и медвѣди. Цвѣты мѣстной флоры были великолѣпны, съ юга прилетало на лѣто множество различныхъ птицъ. Нѣкоторые изъ участниковъ экспедиціи

поднимались на плоскую возвышенность, по близости отъ мѣста стоянки корабля, позади котораго видѣлись довольно высокія горы. Между восточнымъ и западнымъ берегомъ значительная разница. Болѣе умѣренный климатъ восточнаго берега видимо способствовалъ лучшей растительности. Западные склоны, напротивъ, болѣе отвѣсны и значительно суровѣе. Не смотря на все описанное, холодъ среди зимы былъ такъ жестокъ, что пули изъ замерзшей ртутіи пробивали доску въ 5 см. толщины. Съ начала зимы термометръ показывалъ на открытомъ воздухѣ -20° , а внутри корабля, въ частяхъ неотапливаемыхъ — 15° . Астрономическія наблюденія въ обсерваторіи и предпринятія тригонометрическія измѣренія, начатія у южной оконечности залива, равно какъ и ежечасныя отсчитыванія шкалы термометра, прикрѣпленнаго надъ отверстиемъ во льду, не прерывались, не взирая на сильный холодъ. Вообще же зима прошла безъ особыхъ предпріятій. Весною небольшой отрядъ, состоявшій изъ Бессельса, Бріана и эскимоса Іосифа, отправился на саняхъ къ югу. Хотя и проникли въ фіордъ Петерманна на довольно значительное разстояніе, однако не могли разрѣшить: состоящій ли это фіордъ, или же проливъ съ выходомъ на востокъ или юговостокъ. Перешедши этотъ фіордъ поперекъ, у входа въ него, изслѣдовали болѣе узкій и менѣе глубоко вдающійся заливъ Бессельса, передъ которымъ лежитъ островъ „Іоганна“, затѣмъ пошли къ югу вдоль берега, пока не увидали мысъ „Конституціи“, открытый 18 лѣтъ тому назадъ Мартономъ и Гансомъ. 8 іюня была сдѣлана на двухъ лодкахъ подъ начальствомъ Тизона вторая попытка проникнуть къ сѣверу. Одна лодка подъ командою Честера была 7 іюля раздавлена льдами; другую вытащили на берегъ, а отрядъ рѣшилъ вернуться пѣшкомъ къ кораблю, куда Буддингтонъ счелъ нужнымъ собрать всѣ силы, въ виду полученнаго пароходомъ поврежденія. Во время этой экспедиціи было добыто много звѣрей и собрано на низменностяхъ и въ ложбинахъ, равно какъ и на вершинахъ горъ множество морскихъ окаменѣлостей. Изъ встрѣченныхъ 20 мускусныхъ быковъ четыре были убиты. Кромѣ того были найдены охотничьи снаряды, топоры и мѣста кочевки эскимосовъ, но не новѣйшаго времени. Слѣдовъ постоянныхъ жилищъ нигдѣ не встрѣтили. Нельзя не упомянуть о важныхъ заслугахъ, оказанныхъ метеорологомъ Мейеромъ, при съемкѣ какъ восточнаго, такъ и западнаго береговъ пролива. Подъ $82^{\circ}9'$ сѣв. шир. онъ увидалъ съ высоты 520 метр., по направленію къ сѣверу, свѣтлую полосу, которую принялъ за воду, а другіе за землю. По словамъ Мейера, онъ явственно разсматривалъ западный берегъ до 84° и даже далѣе, а восточный берегъ приблизительно до $82^{\circ}30'$. Входъ въ заливъ Ньюменъ отъ

12 до 15 км. ширины, южный его мысъ (Sumner Headland) лежитъ подъ $81^{\circ}55'$, а сѣверный (Brevoort) подъ $82^{\circ}2'$ сѣв. шир. Мейеръ измѣрилъ всѣ высоты, какъ по западному, такъ и по восточному берегамъ пролива. У самаго мѣста зимовки парохода, горы достигали 300—400 метр. высоты.

Въ высшей степени интересны наблюденія, сдѣланныя этою экспедиціею во время ея пребыванія въ землѣ Галля. Съ 5 сентября 1871 г. до 12 августа 1872 г., слѣдовательно почти цѣлый годъ, прожили храбрецы въ этой непривѣтливой странѣ и могли поэтому прослѣдить годовой процессъ ея органической жизни. Въ теченіе безконечной полярной ночи повидимому никакой жизни тамъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ на сушѣ, тѣмъ не менѣе животныя не исчезаютъ совершенно: лемминги спятъ въ своихъ подземныхъ ходахъ, можетъ быть также, какъ и полярные зайцы и лисицы, хотя нельзя сказать съ увѣренностью, что послѣднія проводятъ тамъ зиму. Подъ снѣгомъ и льдомъ дремлютъ, кромѣ того, зародыши многихъ низшихъ организмовъ, оживающихъ во время лѣта. Противъ ожиданія наши путешественники встрѣтили здѣсь лѣтомъ относительно много представителей царства животнаго. Удивительно, какъ могутъ они существовать при такой бѣдной растительности! Если подумать, что температура въ теченіи лѣтнаго дня едва доходитъ до $+9^{\circ}$ Ц. и что при самыхъ лучшихъ условіяхъ нельзя углубиться въ землю больше, чѣмъ на 60 сантиметровъ, не наткнувшись на вѣчные мерзляки, то становится непонятно, чѣмъ и какъ питается здѣсь органическая жизнь, можетъ ли быть здѣсь рѣчь о флорѣ и фаунѣ страны? Тѣмъ не менѣе лѣтомъ является такая растительность, что если посмотрѣть на нее издали, то она производитъ впечатлѣніе роскошныхъ луговъ. Разумѣется, когда подойти ближе, то лугъ превращается въ отдѣльныя небольшія лощинки, покрытыя скудною растительностью. Едва на четверть аршина поднимаются отъ земли жалкія вѣтви единственныхъ древесныхъ породъ этихъ мѣстъ, малорослой полярной ивы. „Значительная часть куста скрывается подъ землею, подъ защитою которой корни растенія далека разстилаются, тщательно избѣгая глубины. Растительность вверху и внизу встрѣчаетъ непреодолимые препятствія; корень и вѣтви сблизилась сколько возможно.“ Кверху ива не можетъ подняться, потому что только ближайшій къ землѣ слой воздуха нѣсколько согрѣвается,—нѣсколько выше опять холодный воздухъ. „Два термометра, повѣшенные одинъ надъ другимъ на разстояніи нѣсколькихъ футовъ, показываютъ большую разницу въ температурѣ“. Растеніе полярныхъ странъ можетъ прозябать только самое короткое время. „Оно должно въ теченіи немногихъ недѣль пройти всѣ тѣ періоды развитія, кото-

рые въ умѣренныхъ поясахъ распредѣляются на нѣсколько мѣсяцевъ". Все это можетъ имѣть мѣсто только, когда растение до крайности ограничится въ своемъ ростѣ.

Этими полярными ивами питались не только маленькія млекопитающія, какъ, напримѣръ, полярные зайцы и безчисленные лемминги, но и большіе мускусные быки. Можно-ли было ожидать, что въ этихъ пустыняхъ жвачныя животныя такой величины найдутъ достаточно пищи? Хотя, повидимому, мускусные быки на зиму и удаляюся къ югу, но въ апрѣлѣ они уже встрѣчаются около залива Поляриса; въ это время убили тамъ разъ сперва 7 головъ, а потомъ 12.

Не взирая на неблагопріятныя внѣшнія условія, страна эта не лишена красивыхъ цвѣтовъ, равно какъ и оплодотворяющихъ ихъ насѣкомыхъ. „Шмели перелетали усердно жужжа, съ желтаго мака на богатую медомъ костянику, красовавшуюся своими синебагровыми цвѣтками, желтая бабочка (*Colias Boothii*) съ невыразимою рѣзвостью порхала по сырмъ мхамъ и міриады мелкихъ подуръ, преслѣдуемыхъ птицами, сновали и скакали по отдѣльнымъ мѣстамъ, гдѣ снѣгъ еще не совсѣмъ растаялъ.

Присутствіе множества форелей въ небольшихъ озеркахъ свидѣтельствовало о томъ, что онѣ находятъ достаточно пищи въ маленькихъ ракообразныхъ, и дѣйствительно, въ іюлѣ, по вскрытіи озеръ отъ льда, ихъ тамъ нашли огромное количество. Подобно тому, какъ въ водѣ встрѣчались хищныя породы, и на сушѣ онѣ имѣли своихъ представителей въ полярныхъ лисицахъ, совахъ и ястребахъ, не говоря уже о бѣломъ медвѣдѣ, такъ какъ онъ скорѣе долженъ быть причисленъ къ водянымъ животнымъ. Изъ маленькихъ хищныхъ животныхъ суши нужно упомянуть еще о встрѣченныхъ тамъ различныхъ видахъ пауковъ.

Морская фауна залива Поляриса, къ сожалѣнію, была очень недостаточно изслѣдована; однако и то немногое, что успѣли вытащить изъ морской глубины при помощи невода, доказывало, что царство животное въ морѣ далеко не бѣдно. Гораздо тщательнѣе было изслѣдовано царство пернатыхъ, которыхъ оказалось не менѣе 24 породъ. Многія изъ птицъ, какъ напримѣръ, черная казарка (турпанъ), гага и кайра (*Uria grylle*) встрѣчаются очень часто, здѣсь-же гнѣздятся и выводятъ цыплятъ, напротивъ, большой черный воронъ показывался только очень рѣдко; еще другія, какъ напримѣръ, сѣверныя камнешарки (*Strepsilas interpres*) появлялись въ іюлѣ и въ началѣ августа большими стаями, состоявшими изъ самцовъ съ самками и птенцовъ. Эта птица бываетъ здѣсь пролетомъ, по пути къ югу, слѣдовательно гнѣздится и выводитъ

птенцовъ на крайнемъ сѣверѣ. Изъ этого можно заключить, что даже сѣвернѣе 82° птицы находятъ еще возможность существовать и что жизнь органическая простирается до самаго сѣвернаго полюса. Во всякомъ случаѣ нельзя не придти къ тому выводу, что море около сѣвернаго полюса населено еще животными и что оно лѣтомъ мѣстами открыто, такъ какъ вездѣводящіяся камнешарки живутъ только по берегамъ, питаются мелкими животными, гадами, рыбами, моллюсками и насекомыми.

Когда настало лѣто и волны разбили наконецъ крѣпкій ледъ, Буддингтонъ немедленно направился къ югу; 12-го августа 1873 года, Полярисъ вышелъ изъ названнаго его именемъ залива, послѣ того, какъ, въ этотъ же день, утромъ,—для полноты рассказа нельзя не упомянуть и объ этомъ знаменательномъ происшествіи — жена Ганса, Меркутъ, родила сына, котораго назвали Карломъ Полярисомъ. 25-го августа, подъ широтою $79^{\circ}35'47''$, Полярисъ, выдержавъ страшный напоръ льдовъ, былъ ими окончательно окруженъ. Опять приходилось, на всякій случай, устроить на льду убѣжище, — не то домъ, не то палатку — и вынести продовольственные припасы на палубу, чтобы имѣть ихъ всегда на-готовѣ для выгрузки. Вскорѣ совершилась катастрофа, ужаснѣе которой трудно что-либо себѣ представить. Вмѣстѣ со льдами Полярисъ былъ отнесенъ къ югу до $77^{\circ}35'$ сѣв. шир. до сѣвернаго входа въ Уэль-сундъ (противъ принца Уэльскаго). Въ ночь съ 15-го на 16-е октября громадная льдина до такой степени приподняла пароходъ и выдвинула его изъ воды, что онъ немедленно легъ на бокъ. При этомъ толчокъ поднялась страшная суматоха: съ величайшею поспѣшностью выбросили все, что уже заранѣе весьма предусмотрительно было приготовлено на палубѣ, на льдину. Однако, вскорѣ и самая льдина затрещала и разрушилась подъ давленіемъ громадныхъ ледяныхъ горъ, которыя напирала на нее со всѣхъ сторонъ. Часть команды осталась на отдѣльныхъ болѣе или менѣе обширныхъ льдинахъ, безпріютно качавшихся на волнахъ океана. Пароходъ скатился опять на воду и мгновенно исчезъ въ темнотѣ. На другое утро на льду оказались 19 человекъ: 10 американцевъ и 9 эскимосовъ, въ числѣ ихъ Іосифъ съ Ганною и Сильвою и Гансъ съ женою и четырьмя дѣтьми ¹⁾. Изъ запасовъ у нихъ было 11 мѣшковъ хлѣба, 14 окороковъ, нѣсколько банокъ мяса въ консервахъ, 1000 килограм. шоколаду, много ружей, достаточный запасъ пороху и свинцу, много одѣялъ

¹⁾ Спаслись: Тизонъ, Фридрихъ Мейеръ, Джонъ Феронъ, Крюгеръ, Фред. Антингъ, Густавъ Лингвистъ, Петръ Явсонъ, Вильямъ Джаксонъ; эскимосы: Іосифъ, Ганна, Сильва, Гансъ Гендрихъ, Меркутъ и ея 4 дѣтей.

и шкуръ, одна палатка и 2 вельбота. Можно ли съ этими запасами перенести грозную зиму полярныхъ странъ или же пройти ширь океана? Между тѣмъ приходилось выбирать что либо изъ двухъ, такъ какъ пароходъ, хотя и показался еще разъ, но уже въ недосыгаемой дали. Подобные храбрецы не знаютъ отчаянія. Изъ льдинъ со снѣгомъ они построили избы, перетащили бревна прежняго деревяннаго дома, который былъ приготовленъ на всякій случай на льдинѣ и весь сложенный тамъ уголь; но какихъ усилій имъ все это стоило? Эскимосы Іосифъ и Гансъ оказывали неоцѣнимыя услуги бѣднымъ страдальцамъ: отъ ихъ выстрѣловъ не было спасенія ни одному животному, приближавшемуся къ ихъ ледянымъ избамъ, былъ ли то тюлень, или бѣлый медвѣдь или полярный песецъ. Добыча ихъ составляла немаловажную прибавку къ скромнымъ порціямъ имѣвшихся у нихъ запасовъ, которые должны были расходовать съ еще большею осмотрительностью по мѣрѣ того, какъ льдина ихъ, вышедшая уже въ открытое море, подвигалась къ югу. Рождество встрѣтили торжественно: къ этому дню нарочно сберегли послѣднія банки консервовъ изъ сушеныхъ овощей и мяса; съ прибавкою къ этому отвара изъ 25 килогр. ветчины съ небольшимъ количествомъ тюленей крови и тюленьяго мяса, составилъ такой роскошный обѣдъ, какимъ наши путешественники давно не могли похвалиться. Вскорѣ трудности и опасности стали увеличиваться. Хорошо еще, что они не терпѣли нужды въ свѣжей мясной пищѣ: благосклонная судьба посылала имъ по временамъ тюленей или бѣлыхъ медвѣдей, которые дѣлались жертвою искусныхъ стрѣлковъ, — всякая добыча аккуратно записывалась въ книгу; въ своихъ ледяныхъ хижинахъ они успѣшно спасались отъ чрезмѣрнаго холода. Льдина, на которой плыли, имѣя около 7 верстъ въ окружности, не представляла никакой опасности: она спокойно качалась на волнахъ океана, ледяныя горы на нее не напирали. Къ началу апрѣля, однако, теченіе отнесло нашихъ героевъ такъ далеко къ югу, что они уже болѣе не видали вокругъ себя плавающихъ льдовъ. Ихъ льдина постепенно обламывалась, такъ что наконецъ были вынуждены искать спасенія на единственной уцѣлѣвшей у нихъ лодкѣ, едва вмѣстившей 19 чел. По необходимости должны были выбросить за бортъ все излишнее, даже мясо и платье: оставили только палатку, шкуры и нѣмного свѣстныхъ припасовъ. Тщетно старались достичь земли и рады были, когда могли опять уцѣпиться за льдину и представилась возможность расположиться попросторнѣе около лодки, которую всегда держали наготовѣ быть спущенною на воду. Опять стали бить изрѣдка попадавшихся тюленей. Съ каждымъ днемъ терпѣли все болѣе и болѣе. Мокрые, въ борьбѣ съ лишеніями всякаго рода, истомленные голодомъ,

грустно проводили день за днемъ и были, наконецъ, уже доведены до того, что принялись, отъ недостатка пищи, за невидѣланныя кожи. На счастье, Іосифъ увидалъ медвѣдя, плывущаго на небольшой льдинѣ; оба эскимоса сѣли въ засаду; нѣсколько человекъ неподвижно легли на ледъ, изображая тюленей для приманки звѣря. Раздался выстрѣлъ, медвѣдь палъ—и всѣ были спасены, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько дней. То плывя въ лодкѣ, то уцѣпившись за льдину, неслись безостановочно къ югу. 28-го апрѣля увидали вдали какой-то пароходъ! Всю ночь никто изъ команды не смыкалъ глазъ. На утро пароходъ отвѣтилъ на выстрѣлы, которыми его привѣтствовали со льдины, однако ему не удалось пробиться до нашихъ героевъ: нагромоздившіяся льдины разрушили надежды несчастныхъ страдальцевъ. 24-го апрѣля показался въ туманѣ другой большой пароходъ—„Тигрица“. На слѣдующій день наши храбрецы съумѣли усиленнымъ ружейнымъ огнемъ привлечь къ себѣ вниманіе капитана Бартлета, который подошелъ и приналъ ихъ на бортъ, находясь тогда подъ 53°35' сѣв. шир. Когда спасенныхъ ввели въ нагрѣтое помѣщеніе, внутри парохода, они почувствовали какое то удущье и сильные приливы къ легкимъ. Только черезъ нѣсколько времени, постепенно, привыкли къ удобствамъ благоустроеннаго образа жизни. Помощь подоспѣла во время. Большинство изъ нихъ было уже крайне истомлено болѣзнями и лишеніями. Подъ заботливымъ надзоромъ корабельнаго врача всѣ вскорѣ однако поправились и 24-го іюня благополучно прибыли въ Вашингтонъ, проживъ на льду полныхъ восемь мѣсяцевъ.

Американскій морской министръ Робесонъ, въ интересахъ науки и всего человѣчества, немедленно, по полученіи телеграммъ изъ Ньюфаундленда, назначилъ къ отправленію въ море 3 корабля, изъ нихъ правительственный пароходъ „Флорикъ“ (Рѣзвый) получилъ приказаніе доставить изъ Ньюфаундленда въ Вашингтонъ 19 чел., спасшихся на льдинѣ; правительственный же пароходъ „Юніата“ командированъ къ острову Диско или, если возможно, въ Упернивикъ, съ тѣмъ, чтобы сложить тамъ запасы угля и провіанта для Поляриса и находящагося на немъ остальнаго экипажа, а, равнымъ образомъ и для того, чтобы, чрезъ посредство датскихъ властей западной Гренландіи войти въ сношеніе съ островомъ Нордтумберлендомъ, близъ котораго Полярисъ въ послѣдній разъ былъ усмотрѣнъ спасавшимися на льдинѣ. Правительство приобрѣло также покупкою пароходъ „Тигрицу“, построенный специально для ловли китовъ и потому приспособленный для, сопряженнаго съ этимъ промысломъ, плаванія среди льдовъ, спасшій 30-го апрѣля,

Экипажъ Поляриса, примѣгившій 23 іюня 1873 г. корабль „Ravensraig“.

какъ было уже упомянуто выше, 19 чел. безнадежно погибавшихъ. Тизонъ и всѣ прочіе моряки, а вмѣстѣ съ ними и эскимось Юсифъ отправились на „Тигрицъ“ розыскивать пропавшій Полярисъ.

Между тѣмъ Полярисъ безъ лодокъ съ 14 человѣками оставшагося на немъ экипажа, въ числѣ которыхъ были: Д-ръ Бессельсъ, Бріанъ, Буддингтонъ, Честеръ и Мортонъ, провелъ зиму 1872—73 гг. подъ 77° сѣв. шир. Тщетно матросы напругали свое зрѣніе и старались съ высоты мачты Поляриса увидать спасавшихся на льдинѣ: вскорѣ они должны были думать только о собственномъ спасеніи. Пароходъ получилъ значительную течь: ничего болѣе не оставалось, какъ сѣсть на отмель, у острова Литлетона. Построили домикъ, хотя и жалкій, но всѣ расположились въ немъ болѣе или менѣе удобно. Продовольственныхъ запасовъ было въ изобиліи, въ топливѣ тоже не было недостатка, потому что, когда вышелъ уголь, въ печь пошли обломки съ парохода; масляныя лампы съ ворванью служили для освѣщенія во время безконечныхъ полярныхъ ночей; при свѣтѣ ихъ невольники „Спасительной Лодки“ (такъ они называли свое убѣжище) проводили время въ чтеніи, въ игрѣ въ шахматы, въ бесѣдахъ и др. занятіяхъ; даже табакъ, въ которомъ у нихъ былъ недостатокъ, они сѣмѣли замѣнить куреніемъ чая. Нѣсколько эскимосскихъ семействъ появилось у нихъ въ сосѣдствѣ, мужчины промѣнивали американцамъ свою добычу съ охоты, а женщины оказывали еще большія услуги, чинкою платья и стиркою ихъ бѣлья. Въ апрѣлѣ 1873 года приступили къ постройкѣ двухъ большихъ лодокъ; особенное вниманіе было обращено на ихъ прочность. 31-го мая Бессельсъ съ товарищами закончили свои ученыя занятія, которыя, не смотря на всѣ трудности и лишенія продолжались всю зиму. 3-го іюня, простившись съ зимнею квартирою и со своими друзьями-эскимосами, вышли въ море. 20 дней плыли между жизнью и смертью, подвергаясь величайшимъ опасностямъ и въ непрерывной борьбѣ за свое существованіе. 23-го іюня 1873 г. въ 10 часовъ утра увидали шотландское китобойное судно Ravensraig. Они были спасены, хотя еще много затрудненій оставалось преодолѣть. Только 7-го іюля пароходъ „Арктикъ“, подъ командою капитана Адамса, возвращаясь съ своего интереснаго плаванія къ заливу Принца Регента, принялъ д-ра Бессельса съ нѣкоторыми изъ его товарищей — прочіе остались на Равенскрайгъ — и доставилъ ихъ 18-го сентября въ портъ Дунде. Недолго они здѣсь пробыли. Черезъ пять дней Бессельсъ со своими товарищами вышелъ уже опять въ море. 4-го октября они прибыли въ Санди-Гукъ, откуда военный корабль „Талапуза“ до-

ставилъ ихъ въ Вашингтонъ. Еще до нихъ, какъ мы уже это видѣли, доставлено сюда 19 человѣкъ, плававшихъ на льдинѣ, а вслѣдъ за ними прибыли и остальные члены экспедиціи, приключенія которой гораздо интереснѣе, чѣмъ добытые результаты, ею ¹⁾).

Оставляя въ сторонѣ указаніе Бессельса на высокій берегъ, усмотрѣнный будто бы имъ по ту сторону пролива за 84° сѣв. шир. и образующій отдѣльный отъ Гриннелевой земли островъ, которому было дано названіе „Земли Президента“ а равно нѣсколько мысовъ, замѣченныхъ на востокъ между 83° и $84'$ сѣв. шир. и составляющихъ какъ бы продолженіе Земли Галля, мы увидимъ, что собственно эта земля и представляетъ единственное открытіе, сдѣланное экспедиціею. Независимо отъ этого ея наблюденія послужили основаніемъ къ исправленію географическихъ картъ нѣкоторыхъ мѣстностей; такъ, напримѣръ, положеніе Гриннелевой земли, сѣверная часть которой въ послѣднее время названа „Землею Гранта“, должна была показываться на картахъ значительно восточнѣе. Самымъ важнымъ, по послѣдствіямъ, открытіемъ въ географическомъ отношеніи было то, что въ каналѣ Робесона приливная волна шла съ сѣвера на югъ и что морское теченіе, идущее въ томъ же направленіи и встрѣчающееся въ Смитовомъ проливѣ съ другимъ теченіемъ, идущимъ съ юга, прибываетъ много наноснаго лѣсу къ берегамъ земли Галля. Этимъ, повидимому, доказывалось — впрочемъ, не всѣ съ этимъ согласны — что, во первыхъ, Гриннелева Земля не имѣетъ связи съ Гренландіею и слѣдовательно представляетъ островъ, а, во вторыхъ, что каналъ Робесона не глухой заливъ, а находится въ соединеніи съ полярнымъ моремъ, при посредствѣ котораго, въ свою очередь, можетъ установиться непосредственное сообщеніе между Атлантическимъ и Тихимъ океанами. Наблюденія Д-ра Бессельса подтверждаютъ тотъ многознаменательный фактъ, что приливная волна, омывающая мысъ Гатертонъ, на сѣверномъ берегу Гренландіи, идетъ изъ Тихаго океана. Въ заливѣ Ньюманъ, близъ сѣвернаго входа въ Смитовъ проливъ, приливъ начинался постоянно раньше, чѣмъ въ заливѣ Поляриса, лежащемъ южнѣе. Если бы это былъ приливъ, идущій изъ Атлантическаго океана съ экватора, откуда онъ распространяется на сѣверъ и на югъ, то наоборотъ, онъ долженъ бы сперва замѣчаться въ заливѣ Поляриса, а потомъ уже въ заливѣ Ньюманъ. Къ тому же наблюденія показали,

¹⁾ Подробный отчетъ о плаваніи парохода Поляриса находимъ въ превосходномъ сочиненіи Д-ра Эмilia Бессельса, подъ заглавіемъ: „Die Americanische Nordpolexpedition“. Leipzig. 1879. 8°.

что въ обоихъ мѣстахъ приливная волна идетъ съ сѣвера на югъ, между тѣмъ какъ у острова Литлетона замѣчается уже наоборотъ. Наблюдения Д-ра Бессельса доказываютъ, что или Гренландія представляетъ отдѣльный островъ, омываемый волною Атлантическаго океана, или же, — и это всего вѣроятнѣе — что приливная волна Тихаго океана идетъ черезъ Беринговъ проливъ въ открытое полярное море въ сѣверовосточномъ направленіи и встрѣчается у береговъ Гренландіи съ волною Атлантическаго океана. Д-ръ Бессельсъ полагаетъ, что между Атлантическимъ и Тихимъ океанами, на крайнемъ сѣверѣ, находится открытое полярное море и что, если бы это море было покрыто вѣчнымъ льдомъ, то приливная волна не могла бы здѣсь продолжать своего движенія. Извѣстный изслѣдователь морскихъ теченій, лейтенантъ Мори (Maury) въ свою очередь доказываетъ, что приливная волна не можетъ продолжать своего движенія подъ льдомъ, подобно тому, какъ струна прекращаетъ свои колебанія, когда скрипачъ наложить на нее палецъ. Профессоръ Гризебахъ въ то же время обратилъ вниманіе на то, что орѣховыя деревья должны быть принесены съ береговъ Амура или изъ Японіи черезъ Беринговъ проливъ — и что поэтому, безъ сомнѣнія, должно существовать сообщеніе между каналомъ Робесона и моремъ къ сѣверу отъ Берингова пролива, а въ то же время, весьма вѣроятно, что Гренландія простирается дальше къ сѣверу, ибо въ противномъ случаѣ орѣховыя деревья были бы также найдены у Шпицбергена или у Новой Земли ¹⁾.

Эти наблюденія и выводы изъ нихъ послужили новымъ подкрѣпленіемъ гипотезы д-ра Петерманна, который, хотя и былъ ревностнымъ сторонникомъ открытаго полярнаго моря, однако, составилъ себѣ объ немъ совсѣмъ другое понятіе, чѣмъ американцы. Кэнъ, Хаисъ и Мортонъ полагали, какъ мы уже объ этомъ упоминали, что существуетъ обширное, свободное отъ льдовъ, полярное море внутри охватывающаго его ледянаго пояса. Д-ръ Петерманнъ съ этимъ не соглашался, заявляя, что подобное предположеніе заслуживаетъ мало вѣроятія. Какого мнѣнія былъ этотъ готскій ученый о внутреннемъ морѣ въ области сѣвернаго полюса, доказываетъ одна изъ его картъ, на которой онъ нанесъ продолженіе Гренландіи черезъ полюсъ, до земли Врангеля, на сѣверѣ Сибири: слѣдовательно онъ полагаетъ, что, такъ называемое, открытое полярное море раздѣляется на двѣ неравныя части землею значительнаго объема. Вполнѣ естественно допустить

¹⁾ Das offene Polarmeer bestätigt durch das Treibholz an der Nordwestküste von Grönland. (Petermanns Georg. Mitth. 1854, стр. 161—162).

что въ еще неизслѣдованной полярной области по временамъ огромныя водяныя пространства бывають совершенно свободны отъ льдовъ и поэтому весь вопросъ вертится на томъ, чтобы опредѣлить, до котораго градуса эти пространства покрыты вѣчными льдами, и доступны ли они для мореплаванія. Долго думали, что полярное море покрыто сплошною массою твердаго льда, собравшагося тамъ много столѣтій назадъ, и что проникнуть въ него не представляется никакой возможности. Такимъ образомъ, собственно, не было бы никакой разницы между моремъ, покрытымъ вѣчнымъ льдомъ, и сушею также покрытой вѣчнымъ льдомъ. Но это не совсѣмъ вѣрно, какъ доказали новѣйшія изслѣдованія.

Напротивъ, въ Ледовитомъ океанѣ встрѣчаются болѣе или менѣе обширныя площади, такъ называемыя „Wake“ (поименно огромнаго размѣра), вполне удобныя для плаванія. Если предполагаемое американцами „открытое полярное море“, и не существуетъ, тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они видѣли подъ 82° свободное отъ льдовъ водяное пространство. Плаваніе Поляриса это подтвердило; члены этой экспедиціи дѣйствительно видѣли открытую воду — то было море Линкольна, а вдали, какъ бы въ полумракѣ, усматривалась опять земля. Объяснивъ, такимъ образомъ, въ какомъ смыслѣ нужно понимать

Шерардъ Осборнъ.

выраженіе „открытое“ полярное море, нельзя не выразить желанія, чтобы вмѣсто этого двусмысленнаго, неточнаго слова было употребляемо: — „судоходныя полярныя воды“. Этимъ самымъ прежде всего устранится понятіе объ одномъ обширномъ, распространяющемся на всю полярную область морѣ, во-вторыхъ, останется открытымъ вопросъ о времени и пространствахъ удобныхъ для плаванія по этимъ, несомнѣнно существующимъ, открытымъ мѣстамъ полярной области. Таковымъ полярнымъ водянымъ пространствамъ представляется море Линкольна, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы оно было постоянно судоходно. Какъ правильнѣе смотрѣть на этотъ вопросъ, мы узнаемъ изъ ниже излагаемыхъ свѣдѣній, доставленныхъ англійскою полярною экспедиціею.

Со времени достопамятнаго плаванія Макъ-Клинтока, Англія, повидимому, совершенно уклонилась отъ изслѣдованій полярныхъ странъ; въ лицѣ заслуженнаго адмирала Шерарда Осборна земледѣіе, однако, приобрѣло себѣ дѣятельнаго и ревностнаго покровителя, который съ 1865 года употреблялъ всѣ усилія, чтобы возбудить опять участіе британскаго правительства и частныхъ лицъ своей родины къ дѣлу полярныхъ изслѣдованій ¹⁾. Рядомъ съ

¹⁾ 10-го апрѣля 1865 года были оживленныя пренія въ засѣданіи королевскаго географическаго общества. Читалась записка Гиксона о климатѣ сѣверныхъ странъ, въ которой онъ старался доказать, что температура у полюса почти на $5\frac{1}{2}^{\circ}$ Ц. выше, чѣмъ подъ 80° сѣв. шир. Авторъ, опираясь на наблюденія Гумбольдта и Давида Бревстера, ссылался на изотермы и на наклоненіе земной оси. Непрерывное дѣйствіе солнечныхъ лучей въ теченіи полугода должно имѣть послѣдствіемъ большее возвышеніе температуры, чѣмъ въ Баффиновомъ заливѣ; поэтому мореплаватель долженъ встрѣтить въ Баффиновомъ заливѣ больше льдовъ, чѣмъ у полюса, вблизи котораго, въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, море, по всей вѣроятности, совершенно открыто. Далѣе Гиксонъ доказывалъ, что плаваніе изъ Лондона до полюса при открытомъ и свободномъ отъ льдовъ морѣ можетъ быть совершенно на пароходахъ въ шесть недѣль. Развѣ послѣ этого вопросъ этотъ не заслуживалъ бы представленія на обсужденіе парламента съ тѣмъ, чтобы правительство послало военный корабль къ сѣвернымъ берегамъ Гренландіи съ цѣлію познакомить офицеровъ съ плаваніемъ въ арктическихъ водахъ? По увѣренію автора направленіе мимо Шпицбергена обѣщало наибольшій успѣхъ. Маркгамъ былъ другаго мнѣнія; онъ полагалъ, что суда могутъ попасть здѣсь въ ледъ, изъ котораго не будутъ въ состояніи выбраться и ихъ будетъ безпомощно, вмѣстѣ со льдомъ, относить къ югу. По мнѣнію Маркгама, вѣрнѣйшій путь лежалъ черезъ Смитовъ проливъ. Онъ полагалъ, что, согласно предположенію Осборна, слѣдуетъ поручить двумъ кораблямъ проникнуть по проливу до крайняго сѣвера. Что при этомъ нельзя встрѣтить непреодолимыхъ препятствій служить доказательствомъ плаванія 38 судовъ, которые прошли черезъ срединный ледъ Баффинова залива вполне благополучно. Отъ пролива Смита надлежитъ отправиться далѣе къ сѣверу, вдоль берега, на саяхъ. Правда, подобная экспедиція будетъ стоить не дешево, такъ какъ для этого нужно снарядить на $2\frac{1}{2}$ года два клипера, вооруженныхъ пушками, со 120 чел. команды. Экспедиція Макъ-Клинтока, бывшая въ отсутствіи $2\frac{1}{2}$ года, стоила 7 тис. фунт., но если бы на подобное предпріятіе было истрачено въ четверо больше, то и тогда расходъ былъ бы ничтожный въ сравненіи съ ожидаемою пользою. Президентъ общества сэръ Робертъ Мурчисонъ присоединился къ мнѣнію Гиксона, поддержавшему тѣмъ обстоятельствомъ, что на крайнемъ сѣверѣ Сибири температура выше, чѣмъ въ мѣстностяхъ, южнее лежащихъ. Мурчисонъ высказался за направленіе мимо Шпицбергена. Послѣ того было прочитано письмо лэди Франклинъ изъ Мадрида, отъ 6 апрѣля, въ которомъ она выражала надежду, что горькая участь, постигшая экспедицію, отправленную подъ начальствомъ ея супруга, не оттолкнетъ другихъ отъ новыхъ изслѣдованій полярныхъ странъ. Капитанъ Инглефильдъ заявилъ, что до сѣвернаго полюса черезъ Смитовъ проливъ около 4000 миль, а черезъ Шпицбергенъ только 2500 миль и что до Шпицбергена можно добраться во всякое время, тогда какъ возможность проникнуть въ Смитовъ проливъ зависитъ отъ болѣе или менѣе сильной теплоты лѣта. По мнѣнію Инглефильда, плаваніе черезъ Шпицбергенъ, туда и обратно, можетъ быть исполнено въ нѣсколько мѣсяцевъ, тогда какъ на экспе-

Осборномъ нѣсколько высокообразованныхъ лицъ, и во главѣ ихъ Клементъ Робертъ Маркгамъ, секретарь королев. географ. общества и д-ръ Гукеръ всѣми зависѣвшими отъ нихъ средствами старались убѣдить правительство отправить по возможности скорѣе новую полярную экспедицію. Они были увѣрены, что только при большихъ средствахъ, какія имѣются исключительно въ распоряженіи правительства, можетъ быть достигнуто что-либо дѣйствительно существенное. Послѣ успѣшныхъ открытій, сдѣланныхъ австрійцами Пайэромъ и Вейпрехтомъ, Шерарду Осборну удалось наконецъ 17 ноября 1874 года склонить правительство къ отправленію экспедиціи, превосходившей всѣ предыдущія и по богатству, и по полнотѣ снаряженія во всѣхъ отношеніяхъ. Адмиралтействомъ былъ избранъ комитетъ, состоявшій изъ адмираловъ Ричардса, сэра Леопольда Макъ-Клинтока и Шерарда Осборна, которымъ и было поручено снаряженіе экспедиціи. Эти знатоки дѣла распорядились, чтобы избранные ими пароходы „Алертъ“ (Осторожный), въ 550 тоннъ, и „Discovery“ (Открытие), въ 750 тоннъ, были вновь перестроены соотвѣтственно своему назначенію и снабжены продовольственными запасами лучшаго качества на три года. Изъ огромнаго числа добровольно явившихся охотниковъ, пожелавшихъ принять участіе въ этой экспедиціи, выбрали для каждаго корабля по 60 чел. и пригласили датчанина Нейля Христіана Петерсена (его не нужно смѣшивать съ Петерсеномъ, сопровождавшимъ Пенни и Кэна) въ качествѣ переводчика эскимоскаго языка. Въ Гренландіи было заранее заготовлено необходимое число собакъ съ саними для дальнѣйшихъ сухопутныхъ экспедицій. Всю тяжелую задачу снаряженія экспе-

дицію черезъ Смитовъ проливъ потребуются три лѣта и двѣ зимы. Въ пользу пути черезъ Шпицбергенъ высказался также капитанъ Дэвисъ, членъ адмиралтейства, участвовавшій въ антарктической экспедиціи сэра Джамса Росса. Ламонъ (Lamont), напротивъ, опровергалъ мнѣніе о существованіи открытаго моря вокругъ сѣвернаго полюса. Онъ обсуждалъ этотъ вопросъ въ Шпицбергенѣ съ двадцатью норвежскими моржеловами: всѣ они отвергали эту мысль. Небольшой винтовой пароходъ могъ бы окончательно рѣшить вопросъ: достигнута ли полюсъ морскимъ путемъ? Въ средствахъ къ продовольствію на Шпицбергенѣ недостатка нѣтъ: Ламонъ самъ убилъ тамъ въ два лѣта со своими товарищами болѣе 200 моржей, тюленей, бѣлыхъ медвѣдей и сѣверныхъ оленей, а равно массу гусей и утокъ. Передъ закрытіемъ собранія географическаго общества, президентъ прочелъ еще сообщеніе Линнеевскаго общества, которое предлагало вмѣстѣ съ географическимъ обществомъ обратиться къ правительству, чтобы убѣдить его дать свое согласіе на снаряженіе новой экспедиціи къ сѣверному полюсу. Линнеевское общество выставляло много различныхъ соображеній въ подкрѣпленіе необходимости ближайшаго изслѣдованія флоры и фауны арктическихъ странъ, проваляя что подобное изслѣдованіе принесетъ огромную пользу и геологіи.

диціи комитетъ выполнилъ въ краткій, шестимѣсячный срокъ, такъ успѣшно, что уже 29 мая 1875 г. оба корабля могли выйти изъ Портсмута въ море. Начальникомъ всей экспедиціи былъ капитанъ Георгъ Нэрсъ (Nares), храбрый и опытный морякъ, вполне знакомый съ дѣломъ морскихъ съемоковъ, участвовавшія въ полярной экспедиціи Келлета въ 1855 г., причемъ имъ было сдѣлано 2400 кмтр. на саняхъ. До принятія начальства надъ экспедиціею Нэрсъ находился въ Гонконгѣ и завѣдывалъ такъ называемой „Challenger-expedition“. Дискавери былъ подъ командою капитана Стефенсона, а Алертъ—командора Альберта Гастингса Маркгама. Кромѣ офицеровъ и врачей, въ этой экспедиціи приняли участіе ученые съ чисто научными цѣлями ¹⁾).

Согласно составленному плану, оба парохода должны были идти черезъ Смитовъ проливъ, который, несмотря на предостереженія Д-ра Петерманна, былъ признанъ англійскими географами лучшимъ, можно сказать, единственнымъ путемъ, прямо къ сѣверу. Одному пароходу было назначено перезимовать подъ 81° или 82°, въ то время, какъ другой долженъ былъ стараться проникнуть до полюса. Съ того мѣста, гдѣ прекращалась возможность идти далѣе водою, должны были начаться экскурсіи на саняхъ, которыми и предполагалось довършить предпринятія изслѣдованія. Съ увѣренностью ожидали полного успѣха.

Сэръ Георгъ Нэрсъ.

„Daily Telegraph“, сравни-

¹⁾ Распределеніе занятій было слѣдующее: I) на Алертъ: капитанъ Нэрсъ и лейтенантъ Пеллгамъ Альдрихъ—должны были заниматься измѣреніями глубины моря и нанесеніемъ ихъ на карту; командоръ Маркгамъ—геологіею и магнетическими наблюденіями; лейтенантъ Джоржъ Джифардъ—магнетическими же наблюденіями; лейтенантъ Альфредъ Парръ—спектроскопическими и астрономическими наблюденіями; Д-ръ Томасъ Коларъ—этнологіею и метеорологіею; д-ръ Эд. Моссъ—микроскопическими изслѣдованіями; капитанъ В. Фейлденъ—естествоиспытатель, преимущественно орнитологъ, занимался геологіею и ботаникою. II) на Дискавери: лейтенанты Божонъ и Равсонъ занимались наблюденіями надъ казаніями маятника; лейтенанты Археръ и Фульфордъ—магнетическими изслѣдованіями; д-ръ Крафордъ Консбиръ—спектральнымъ анализомъ. Д-ръ Ниннисъ—метеорологіею; д-ръ Коппингеръ—геологіею; д-ръ Гартъ—естествоиспытатель—преимущественно ботаникомъ.

вая средства нынѣшней экспедиціи съ прежними, времени Бурруга и Барентса, заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: „Если сѣверный полюсъ вообще досягаемъ, то до него дойдутъ черезъ Смитовъ проливъ корабли подъ начальствомъ капитановъ Нэрса и Маркгама“. Въ инструкціи, данной капитанамъ, предписывалось прежде всего стараться дойти до наименьшей сѣверной широты, и, если ничто не помѣшаетъ, то до сѣвернаго полюса. Въ то же время должны были изслѣдовать прибрежныя пространства къ сѣверу, на сколько это дозволитъ обстоятельства. Предѣломъ плаванія въ обѣ стороны, на востокъ и на западъ, были назначены меридіаны отъ 20° до 90°.

Заходя въ Годгаабъ и Ритенбенкъ, по западному берегу Гренландіи, экспедиція пришла 7-го іюля въ Годгавнъ; до этого мѣста ей сопутствовало транспортное судно „Валорусъ“, 17-го числа оба парохода прибыли въ Упернивикъ, откуда 22-го опять уже вышли. 25-го іюля показались возвышенныя мѣстности къ сѣверу отъ мыса Юрка, 26-го дошли ночью до острововъ Гарей прошли между островами Гаклуйтъ и Нордгумберландомъ и поравнялись 27-го числа съ мысомъ Робертсона, а на другой день дошли до залива Фулке. Входъ въ Смитовъ проливъ былъ совершенно свободенъ, даже сѣвѣйшій сѣверный вѣтеръ не пригонялъ льда. Стефенсонъ изслѣдовалъ Фулке-фіордъ, въ томъ предположеніи, что здѣсь, можетъ быть, придется перезимовать третьему судну, высланному въ подкрѣпленіе экспедиціи. Маркгамъ и Нэрсъ посѣтили островъ Литлетонъ и Life-Boat-Cove, — мѣсто крушенія Поляриса. 29-го числа, утромъ, при великолѣпной погодѣ перешли проливъ по направленію къ мысу Изабеллы. Уже подходили къ берегу, когда поднялась страшная снѣжная метель, отдѣлившая Дисковери отъ Алерта, которому только на слѣдующій день удалось догнать своего товарища значительно сѣвернѣе. Прекрасный, тихій заливъ, нѣсколько южнѣ мыса Сабинэ, въ которомъ укрылись оба парохода, былъ названъ „портомъ Пайэра“.

Въ этомъ заливѣ корабли простояли во льдахъ цѣлыхъ три дня. 4-го августа утромъ удалось обогнуть мысъ Сабинэ въ западномъ направленіи, затѣмъ прошли около 32 в.м. по южной сторонѣ залива Хаиса, гдѣ открыли отличную гавань — „Убѣжище Принцессы Александры“. По сосѣдству отъ этой бухты, отправившіеся на охоту члены экспедиціи нашли долину съ богатою растительностью и съ безчисленными слѣдами мускусныхъ быковъ и другихъ звѣрей. Два глетчера, подходившіе съ противоположныхъ сторонъ другъ къ другу, послужили поводомъ къ названію этой мѣстности „Долиной Глетчеровъ-Двойниковъ“. 8-го августа пароходы дошли до залива Франклина на южномъ берегу Гринвелевой

Земли. Въ этомъ заливѣ, имѣющемъ 4,8 килом. ширины и 4 кил. длины, экспедиція нашла большую ровную льдину, послужившую лучшимъ доказательствомъ того, что этотъ заливъ вполне огражденъ отъ напора льдовъ островомъ „Norman Lockyer Island“ и, нѣсколько восточнѣе лежащею, „Моржевою Отмелью“. Такимъ образомъ, открытый заливъ какъ нельзя болѣе удовлетворялъ требованіямъ зимней стоянки. У Моржевой Отмели путешественники были три дня задержаны льдами, не имѣя возможности никуда двинуться; наконецъ 12-го августа, вмѣстѣ съ отливомъ, ледъ былъ отнесенъ отъ береговъ, что и дозволило пароходамъ пройти мимо мыса Гавка до острова Вашингтона-Ирвинга; здѣсь ледъ ихъ опять задержалъ. На другой день удалось перейти къ восточному берегу залива, а 19-го числа суда, обогнувъ мысъ Фразеръ, вошли въ каналъ Кеннеди. По льдинамъ стали попадаться теперь и болѣе большихъ размѣровъ, и чаще. Пароходы прошли мимо устья залива, вдающагося на 16 кил. вглубь земли, и затѣмъ, послѣ крайне труднаго перехода черезъ ледъ, причемъ неоднократно угрожала опасность быть затертыми и отнесеннымъ къ югу, дошли до какого-то мыса, который приняли за мысъ Колинсонъ. Нѣсколько сѣвернѣе, въ $4\frac{1}{2}$ кил. отъ этого мѣста, земля круто поворачивается къ западу, образуя заливъ Ричардсона.

Въ каналѣ Кеннеди теченіе къ югу значительно сильнѣе, чѣмъ въ Смитовомъ заливѣ. Продолжая 21-го августа плаваніе по каналу, въ непрерывной борьбѣ со льдами, экспедиція дошла, наконецъ, до открытой воды. При сильной снѣжной метели земля покрылась снѣгомъ на всю уже зиму. 22-го числа показался въ виду мысъ Лаврентія, сѣверный уголъ самого большаго залива по западному берегу, такъ называемаго залива Карла Риттера, который, впрочемъ, въ свою очередь, образуетъ только сѣверную часть залива Ричардсона. Въ теченіе вечера того же дня Нэрсъ подвинулся еще впередъ къ сѣверу, пользуясь льдинами, прошелъ съ западной стороны мимо острова Франклина и около полуночи подошелъ къ острову Ганса. Отсюда держали курсъ на сѣверовостокъ до входа въ заливъ Бессельса, гдѣ пароходы нашли безопасную якорную стоянку къ сѣверу отъ острова Ганны.

24-го числа Нэрсъ поднялся на вершину мыса Мортонъ, чтобы осмотрѣться. На высотѣ 620 метровъ, воздухъ былъ замѣчательно прозраченъ и спокоенъ. Пароходы продолжали затѣмъ свой путь къ сѣверу, сначала довольно удачно, но въ восьми километрахъ отъ мыса Либера ледъ вынудилъ ихъ войти въ заливъ Лэди Франклинъ, у сѣвернаго берега котораго небольшая бухта обѣщала служить имъ надежнымъ убѣжищемъ. По мѣрѣ

приближенія, къ острову, недалеко отъ мыса Белло, оказалась прекрасная, большая и вполне безопасная гавань, отлично защищенная отъ льдовъ пролива. При входѣ въ эту гавань, утромъ 25-го августа, пароходъ пріѣхалъ стадо мускусныхъ быковъ изъ девяти штукъ; всѣ они сдѣлались жертвою искусныхъ стрѣлковъ; растительность этихъ мѣстъ оказалась богаче, чѣмъ въ какой-либо части, къ сѣверу отъ мыса Фулке. Такъ какъ эта гавань оказалась во всѣхъ отношеніяхъ удобною для зимовки, а богатая, разумѣется, въ смыслѣ арктическомъ, растительность всей окрестности обѣщала обильную охоту, то Нэрсъ рѣшилъ оставить здѣсь Дискавери, а самому, съ Алертомъ, отправиться далѣе къ сѣверу.

При достигнутой широтѣ температура съ 26-го августа была уже постоянно ниже точки замерзанія.

26-го августа, утромъ, Алертъ, дополнивъ экипажъ лейтенантомъ Равсономъ и семью матросами съ Дискавери, пошелъ далѣе къ сѣверу. 29 числа ледъ на небольшое пространство разошелся и Нэрсъ успѣлъ пробраться до залива Линкольна; когда же Алертъ 30-го числа, пользуясь проталиною, сдѣлалъ попытку проникнуть еще далѣе къ сѣверу, то былъ затертъ льдами. Окружавшія пароходъ льдины по наружному виду и своей крѣпости нисколько не походили на тѣ, которыя встрѣчали у мыса Сабина. Сначала самыя большія льдины не были толще $2\frac{1}{2}$ —3 метр., около мыса Фразера показывались уже льдины болѣе внушительныхъ формъ, а чѣмъ далѣе подвигались къ сѣверу, тѣмъ болѣе море представлялось покрытымъ громадными массами вѣчныхъ льдовъ. Съ величайшимъ только трудомъ удалось Нэрсу проломать ледъ своимъ пароходомъ и возвратиться въ заливъ Линкольнъ. При этомъ вполне выказалось громадное значеніе силы паровъ. Вскорѣ послѣ того, какъ Нэрсъ вошелъ въ заливъ, югозападный вѣтеръ отогналъ ледъ къ сѣверу; 1-го сентября Алертъ продолжалъ свое плаваніе по проливу Робесона и достигъ, послѣ обѣда того же дня, широты $82^{\circ}24'$.

У сѣверной оконечности пролива Робесона земля круто поворачиваетъ на западъ, берегъ становится отлогимъ, на разстояніи же 90—180 метровъ отъ него ледъ громоздится на вышину 6—18 метровъ надъ водою, образуя какъ-бы непроходимый поясъ. Такъ какъ далѣе, у мыса Шеридана, этотъ ледяной поясъ подходилъ вплоть къ самому берегу, и не представлялось никакой возможности двинуться впередъ, то ничего болѣе не оставалось, какъ только отыскать безопасное убѣжище для парохода. Съ возвышеннаго мѣста на берегу (около 100 метр. высоты) открывался капитану довольно широкій кругозоръ: берегъ тянулся еще на 50

кил. въ сѣверозападномъ направленіи; прямо къ сѣверу никакой земли не было видно; къ тому же строеніе льда и его направленіе привели Нэрса къ убѣжденію, что еще далеко къ сѣверу никакой земли нѣтъ. Массы льда скучивались непосредственно у мыса Шеридана, какъ мы уже объ этомъ упоминали, и около всего западнаго побережья, по восточной же сторонѣ каждаго выдающагося мыса, были большія полыньи, до которыхъ Алертъ однако не могъ добраться изъ-за междулежащихъ льдовъ. Къ востоку отъ пролива вездѣ были сплошныя массы льдовъ. Такъ какъ съ возвышенія въ разстояніи 12 или 13 километ. отсюда былъ усмотрѣнъ заливъ, то командоръ Маркгамъ и лейтенантъ Альдрихъ отправились на саняхъ, чтобы его изслѣдовать. Они донесли, что заливъ этотъ представляетъ хорошо защищенную гавань, но что пароходъ не можетъ до него пробиться изъ-за сплошныхъ льдовъ, его заграждавшихъ.

Температура постоянно держалась между — 6°,7 и — 12,2° Ц. Ледяной поясъ, защищавшій пароходъ съ сѣвера, но въ то же время лишившій его возможности двинуться впередъ, становился все шире да шире, такъ какъ морозъ постепенно связывалъ въ одну сплошную массу всѣ отдѣльныя льдины, прибиваемыя туда приливомъ. Нэрсъ, получивъ донесеніе Маркгама и Альдриха, рѣшилъ выгрузить на берегъ всѣ тѣ запасы, безъ которыхъ можно было обойтись въ теченіи зимы и которые, находясь на палубѣ, загружали и отягощали ее и, такимъ образомъ, могли служить только помѣхой, еслибы представился случай ввести пароходъ въ удобную и безопасную для зимовки гавань. Лейтенантъ Альдрихъ, капитанъ Фейлденъ и д-ръ Моссъ предприняли четырехдневную экскурсію, во время которой они изслѣдовали берегъ на протяженіи 32 километр. въ сѣверозападномъ направленіи. Лейтенантъ Равсонъ, отправившись одновременно съ ними къ югу, уже черезъ два дня былъ обратно, такъ какъ не представлялось никакой возможности идти дальше—на сушѣ изъ-за крутизны побережья, по морю же изъ-за непрерывнаго движенія льдовъ, угрожавшихъ раздавить лодку. 11-го сентября погода прояснилась и воздухъ былъ необыкновенно прозраченъ, что дало нашимъ путешественникамъ возможность удостовѣриться: дѣйствительно-ли существуетъ на крайнемъ сѣверѣ земли, усмотрѣнная экипажемъ Поляса. Послѣ тщательнаго наблюденія за двигавшимися вдали темными массами, Нэрсъ убѣдился, что далеко къ сѣверу никакой земли нѣтъ.

Усилившійся 13 и 14 сентября югозападный вѣтеръ хотя и разбилъ, весь, образовавшійся въ теченіи осени, новый ледъ, но главная масса стараго льда, къ западу, осталась неподвижною. 15

числа ледъ отодвинулся отъ берега, образуя широкій свободный каналъ; къ сожалѣнію, команда была лишена возможности воспользоваться этимъ новымъ путемъ изъ-за страшной снѣжной метели. На другой день подулъ сѣверозападный вѣтеръ и свободный путь опять закрылся: поясъ старого льда соединился съ новымъ, образовавшимся вдоль берега и пароходъ оказался захваченнымъ на всю зиму. Позднѣйшіе изслѣдованія, предпринятые еще осенью, и въ особенности слѣдующею весною, показали, что невольный плѣнъ корабля въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ замерзъ, былъ его спасеніемъ, такъ какъ дальше, вдоль всего берега, не было ни одной бухты, въ которой пароходъ могъ бы укрыться; у открытаго берега, гдѣ Алерту пришлось провести зиму, толщина льда въ 22 метра, обезпечивала за кораблемъ безопасную стоянку.

Какъ только береговой ледъ достаточно окрѣлъ, Маркгамъ, съ лейтенантами Парромъ и Маемъ, предпринялъ 25 сентября поѣздку на саняхъ, съ цѣлю какъ можно дальше къ сѣверо-западу устроить складъ продовольственныхъ припасовъ. Четырьмя днями раньше на двухъ легкихъ саняхъ отправился лейтенантъ Альдрихъ, намѣреваясь изслѣдовать путь вокругъ мыса „Іосифа Генри“, съ цѣлю предпринять потомъ въ этомъ направленіи большую экспедицію. Альдрихъ вернулся 5-го октября и донесъ, что съ горы, въ 600 метр. вышины подъ $82^{\circ}48'$ сѣв. шир. онъ могъ рассмотреть продолженіе берега на сто километровъ въ сѣверо-западномъ направленіи, до $83^{\circ}7'$ сѣв. шир. приблизительно; къ югу, внутри страны, показывались значительныя горы, но къ сѣверу земли не было видно.

Два дня спустя послѣ того, какъ солнце скрылось на всю зиму, а именно 14 октября, возвратился и Маркгамъ. Ему удалось устроить складъ подъ $82^{\circ}44'$ сѣв. шир. и осмотрѣть берегъ на $3\frac{1}{4}$ километ. далѣе къ сѣверу. Еще 2 октября Нэрсъ отправилъ Равсона, поручивъ ему устроить сообщеніе съ Дисковери; но уже 12 октября лейтенантъ вернулся, потому что непрочность льда помѣшала исполнить данное ему порученіе.

По возвращеніи всѣхъ экспедицій на саняхъ, начали готовиться къ зимовкѣ: надъ палубою была устроена крыша, а вся съѣстная провизія и запасы, которые не подвергаются порчѣ отъ непогоды и не могли быть помѣщены внутри парохода, были сложены на берегу. Длинная арктическая зима была проведена весьма удобно. По вечерамъ, при хорошей погодѣ, командиръ Маркгамъ читалъ на палубѣ лекціи, встрѣчаемыя съ величайшимъ сочувствіемъ; каждый четвергъ были или театральныя представленія, или особаго рода общія чтенія. Состояніе здоровья, за исключеніемъ одного случая,

было превосходное. Хотя по нѣкоторымъ признакамъ и замѣчали, что въ проливѣ Робесона господствовали по временамъ сильнѣйшіе штормы, но на мѣстѣ зимовки Алерта погода была замѣчательно спокойна. Эта тишина атмосферы сопровождалась чрезвычайными морозами. Въ февралѣ ртуть была замерзшей въ теченіи 15 дней, при четырехдневномъ югозападномъ вѣтрѣ стало нѣсколько теплѣе, но потомъ опять настали холода и ртуть вновь замерзла на 15 сутокъ.

Въ теченіе всей зимы Маркгамъ и лейтенантъ Джиффардъ занимались съ величайшимъ постоянствомъ магнетическими наблюденіями въ обсерваторіи, устроенной на берегу изъ цѣлаго ряда большихъ снѣжныхъ домовъ, соединенныхъ между собою крытою снѣжною же галлереею. Лейтенантъ Альдрихъ дѣлалъ метеорологическія и полярископическія изслѣдованія, въ то время какъ лейтенантъ Парръ исполнилъ цѣлый рядъ астрономическихъ наблюденій спектроскопомъ, а сэръ Вилльямъ Томсонъ переноснымъ электрометромъ. Кромѣ того, были сдѣланы капитаномъ Фейлде-номъ и докторомъ Моссомъ многочисленныя изслѣдованія въ области естественныхъ наукъ и составлены драгоцѣнныя коллекціи...

1 марта солнце опять показалось надъ горизонтомъ. Такъ какъ теперь приближалось время санныхъ экспедицій, то Нэрсъ рѣшилъ послать командиру Дисковери, Стефенсону, приказаніе, чтобы онъ всѣми зависящими отъ него средствами старался изслѣдовать сѣверное побережье Гренландіи, вмѣсто того, чтобы, какъ предполагалось, поддерживать сообщеніе съ проливомъ Смита. Нэрсъ былъ увѣренъ, что посланное, можетъ быть, изъ Англіи судно, не получа у острова Литлетона извѣстій объ его экспедиціи, заключить изъ того, что предпріятіе идетъ благополучно впередъ. 12 марта младшій лейтенантъ Георгъ Деклеръ Эгертонъ выступилъ вмѣстѣ съ лейтенантомъ Равсономъ и переводчикомъ Петерсеномъ на саняхъ, чтобы доставить пароходу Дисковери распоряженіе Нэрса. Черезъ четыре дня отрядъ вернулся изъ-за тяжелой болѣзни Петерсена, которому пришлось отнять обѣ ноги—черезъ два мѣсяца, 14 мая 1876 г. онъ умеръ.

20 марта Эгертонъ и Равсонъ вновь выступили. Послѣ невозвѣрно труднаго перехода по льдамъ канала Робесона, они дошли наконецъ на шестой день до Дисковери. Температура все время колебалась между—41°,11 и—31°,11.

3 апрѣля 1876 начались большія санныя экспедиціи на семи саняхъ и въ составѣ 53 чел. команды. Капитанъ Маркгамъ намѣревался при двухъ саняхъ-лодкахъ, съ семидесятидневнымъ запасомъ провіанта, направиться по льду къ сѣверу, начиная удалиться отъ земли съ мыса Іосифа Генри. Три отряда на саняхъ,

подъ начальствомъ д-ра Мосса и инженера Вите, должны были его провожать, пока хватитъ провизіи. Лейтенантъ Альдрихъ съ саннымъ отрядомъ подъ начальствомъ Джиффарда получилъ назначеніе изслѣдовать землю Гранта къ сѣверу и западу, вдоль побережья, открытаго имъ прошедшею осенью.

На другой день послѣ отправленія санныхъ экспедицій вернулись Эгертонъ и Равсонъ съ Дисковери. Обратный путь былъ крайне утомителенъ и совершенъ при температурѣ, колебавшейся между— $42^{\circ},25$ и— $26^{\circ},11$ Ц. Извѣстія съ Дисковери были очень благопріятны: зиму провели отлично при одномъ только случаѣ тяжелой болѣзни. Капитанъ Стефенсонъ приступилъ къ изслѣдованію залива Лэди Франклинъ и Гренландскаго берега.

8 апрѣля вернулись первыя запасныя сани, сопровождавшія Маркгама и Альдриха. Въ время шестидневнаго отсутствія два раза морозъ доходилъ до— $43^{\circ}35$ Ц. 10 числа Равсонъ и Эгертонъ предприняли поѣздку, на-легкѣ, къ каналу Рабесона, съ цѣлю изслѣдовать положеніе льда и найти удобный путь для тяжелыхъ саней, которые должны были прибыть съ Дисковери подъ начальствомъ лейтенанта Бомона.

Четыре дня спустя вернулся второй вспомогательный отрядъ экспедиціи Маркгама. По доставленнымъ имъ свѣдѣніямъ все шло благополучно. 8-го же іюня отъ Маркгама совершенно неожиданно явился на пароходъ лейтенантъ Парръ съ ужаснымъ извѣстіемъ: почти вся команда захворала цынгой, необходима была немедленная помощь. Къ полуночи того-же дня Нэрсъ самъ отправился туда съ двумя вспомогательными отрядами. Между тѣмъ одинъ изъ заболѣвшихъ уже умеръ; съ остальными вернулись 14 числа на пароходъ. Изъ всего состава экспедиціи Маркгама только оба офицера не были поражены цынгой; всѣ больные, однако, скоро поправились. На всемъ пройденномъ пути къ сѣверу, Маркгамъ нигдѣ не встрѣтилъ ровно замершей поверхности: вездѣ показывались громадныя массы прошлогодняго льда, нагроможденнаго дикою яростью волнъ и крѣпко связаннаго жестокими морозами нынѣшней зимы. Съ большимъ трудомъ можно было подвигаться впередъ: часто приходилось срубать и ровнять ледъ топорами, чтобы только имѣть возможность протаскать сани. Въ борьбѣ съ такими страшными затрудненіями Маркгаму удалось 12 мая 1876 года проникнуть до $83^{\circ}20'26''$ сѣв. шир. Для того, чтобы добраться до этого пунета, отстоявшаго отъ парохода въ прямомъ направленіи всего только на 117,5 километр., путешественники на саняхъ сдѣлали, идя туда, 344 килом., а на обратномъ пути, для удобства больныхъ, даже 394 килом.¹⁾ Изъ описанія этого пути Нэрсъ

¹⁾ Объ участіи парохода Алерта и его экипажа въ этой экспедиціи Аль-

вывелъ заключеніе, что большое путешествіе черезъ полярный ледъ, на саняхъ съ мореходною лодкою, во всякое время года неисполнимо. по причинѣ непроходимости пути.

16 апрѣля лейтенантъ Бомонъ и д-ръ Коппингеръ съ Дисковери прибыли къ мѣсту зимовки Алерта. Они употребили 10 дней, чтобы пройти на легкихъ саняхъ, 122 килом.,—до такой степени ледъ въ каналѣ Робесона былъ нагроможденъ и затруднялъ всякое передвиженіе. По ихъ свѣдѣніямъ, въ бассейнѣ Галля ледъ ровный, сплошной, и путь поэтому удобный, а въ заливѣ Поляриса, устроенный складъ продовольственныхъ и другихъ припасовъ сохранился превосходно. Эти обстоятельства побудили Нэрса послать лейтенанта Бомона, на легко нагруженныхъ саняхъ, вдоль гренландскаго берега въ восточномъ направленіи. Исполнивъ это въ предѣлахъ возможности, Бомонъ намѣревался до 15 іюня прожить у склада въ заливѣ Поляриса, куда предполагалось выслать двѣ лодки для того, чтобы онъ могъ, по вскрытіи льдовъ, вернуться на нихъ къ пароходу. 18 апрѣля вернулись Равсонъ и Эгертонъ, которымъ посчастливилось пройти поперекъ канала Робесона безъ особыхъ затрудненій. Они достигли гренландскаго берега нѣсколько вѣернѣе такъ называемаго „Недоступнаго Пріюта“ (Repulse Harbour), который оказался только маленькимъ изгибомъ морскаго берега; за нимъ лежитъ большое озеро прѣсной воды,—этимъ, вѣроятно, и объясняется то, что эту небольшую бухту приняли за обширную гавань. 20 числа Бомонъ въ сопровожденіи Равсона и Коппингера предпринялъ новую экскурсію. Возвратившіеся 9 мая лейтенанты Май и Эгертонъ доставили Нэрсу первыя свѣдѣнія о ходѣ этой экспедиціи. Съ цѣлью доставки къ гренландскому берегу запасовъ продовольствія они прошли нѣкоторое пространство вмѣстѣ съ Бомоновскою экспедиціею. Извѣстія о Бомонѣ были отъ 4 мая; въ этотъ день онъ находился въ 3¼ километрахъ отъ мыса Стантона. Отъ того мѣста, гдѣ они перешли проливъ, почти вплоть до мыса Стантона весь берегъ представляетъ или отвѣсные утесы, или крутые снѣжные обвалы, къ подошвамъ которыхъ прибивается съ неимоверною силою весь полярный ледъ, приносимый сюда сѣверо-западнымъ вѣтромъ. Лдины, громясь одна на другую, ударяются о крутой берегъ съ такою яростью, что глазамъ представляется неописанный хаосъ. Путешествіе здѣсь сопряжено съ немыслимыми затрудненіями: въ 7 дней сдѣлали всего 32 километра. Въ началѣ мая лейтенантъ Фульфордъ доставилъ двѣ лодки черезъ бассейнъ

бертъ Маркгамъ написалъ книгу подъ заглавіемъ: „The great frozen Sea“. A personal Narrative of the voyage of the Alert during the arctic expedition of 1875—1876. London 1878—80.

Галля къ заливу Поляриса, съ цѣлю помочь Бомону на обратномъ его пути. 12 мая путешественники украсили могилу Галля надгробною плитою.

Пароходъ „Алертъ“, собравшійся уже въ обратный путь, 6-го августа затертъ былъ опять льдами въ 30 или 33 километр. къ сѣверу отъ мѣста зимовки Дисковери. Вскорѣ Равсонъ до ставилъ сюда печальное извѣстіе о томъ, что весь гренландскій отрядъ также пораженъ цынгою и что Бомонъ со своею командою находится въ заливѣ Поляриса. Когда Коппингеръ разстался съ этимъ отрядомъ 5 мая, — онъ возвратился съ Маею — всѣ пользовались отличнымъ здоровьемъ; болѣзнь уже разыгралась нѣсколько позже, когда, Бомонъ отправилъ Равсона съ тремя человѣками команды, для сопровожденія больныхъ, обратно къ заливу Поляриса, а самъ продолжалъ путь съ небольшимъ числомъ провожатыхъ. Равсонъ прибылъ къ складу въ заливѣ Поляриса 3 іюня; одинъ изъ больныхъ умеръ здѣсь спустя нѣсколько часовъ послѣ прибытія. Между тѣмъ Фульфордъ и д-ръ Коппингеръ занимались изслѣдованіемъ фіорда Петерманна и только 7 іюня вернулись въ заливъ Поляриса, гдѣ докторъ и занялся немедленно больными, доставленными съ Дисковери.

Бомонъ достигъ въ это время $82^{\circ}18'$ сѣв. шир. и $50^{\circ}40'$ зап. долг. отъ Гринича. Онъ открылъ землю, повидимому островъ, судя же по качеству льда, вѣрнѣе всего — продолженіе Гренландскаго берега, простиравшагося до $82^{\circ}54'$ сѣв. шир. и $48^{\circ}33'$ зап. долг. На обратномъ пути въ отрядѣ разыгралась сильная цынга; только еще самъ Бомонъ и двое людей могли тянуть сани, между тѣмъ какъ остальныхъ, четырехъ, приходилось по-очередно перетаскивать на саняхъ, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же путь принуждены были дѣлать по два и даже по три раза; въ день проходили не болѣе $1\frac{1}{2}$ километр. 1 іюля эти страдалцы, которымъ, впрочемъ, Равсонъ и Коппингеръ уже вышли на встрѣчу, дошли до склада въ заливѣ Поляриса, гдѣ для поправленія здоровья, отдыхали цѣлый мѣсяцъ; одинъ изъ больныхъ однако, умеръ. 12 іюля лейтенантъ Фульфортъ отправился къ мѣсту зимовки Дисковери, чтобы извѣститъ капитана Стефенсона о происходившемъ. По западной сторонѣ канала Робесона ледъ уже тронулся. Стефенсонъ немедленно выступилъ со вспомогательнымъ отрядомъ и пришелъ въ заливъ Поляриса 19 іюля. На другой день, ледъ тронулся у обоихъ береговъ. 14 августа, всѣ собрались у парохода „Дисковери“.

Фульфортъ и д-ръ Коппингеръ, изслѣдуя фіордъ Петерманна, дошли въ $30\frac{1}{2}$ километрахъ отъ входа въ него до отвѣсной стѣны громаднаго глетчера и принуждены были прекратить дальнѣйшія изысканія.

1 іюня къ мѣсту зимовки Алерта прибылъ Кониберъ, и привезъ извѣстія съ Дисковери по 22 мая. Лейтенантъ Археръ изслѣдовалъ заливъ Лэди Франклинъ, который оказался фіордомъ, глубоко врѣзавшимся въ гористую мѣстность, его окружающую; внутри страны можно было видѣть долины, покрытыя глетчерами.

Отъ санныхъ отрядовъ, отправившихся на западъ, Нэрсъ получилъ извѣстія 3 мая черезъ лейтенанта Джиффарда, который провожалъ Альдриха нѣкоторое время со своимъ вспомогательнымъ отрядомъ; послѣднія извѣстія были отъ 25 апрѣля. Состояніе здоровья было удовлетворительное, но мягкость снѣга замедляла ходъ экспедиціи въ значительной степени. Въ теченіи мая цынга появилась на мѣстѣ зимовки Алерта. Опасаясь, что можетъ быть это случилось также въ западномъ отрядѣ, Нэрсъ послалъ ему на встрѣчу лейтенанта Мая, который встрѣтилъ возвращавшагося уже Альдриха 20 іюня. Альдрихъ въѣрема рѣшилъ вернуться, такъ какъ при юго-западномъ вѣтрѣ наступила теплая погода и началось такое быстрое таяніе снѣговъ, что долины дѣлались уже непроходимыми на саняхъ. Май со своими свѣжими силами подошелъ очень кстати: среди команды цынга уже свирѣпствовала. Отрядомъ Альдриха берегъ къ западу отъ Алерта былъ изслѣдованъ на 354 километр. Сначала онъ тянется на протяженіи 144 килом. до самаго сѣвернаго мыса — Колумбін, подъ $83^{\circ}7'$ сѣв. шир. и $70^{\circ}30'$ зап. дол. въ сѣверо-западномъ направленіи; затѣмъ поворачиваетъ на западъ и, пройдя 96 километр, подъ 79° зап. долг., уклоняется постепенно къ югу. Крайній пунктъ, достигнутый Альдрихомъ, лежалъ подъ $82^{\circ}16'$ сѣв. шир. и $85^{\circ}33'$ зап. долг. Нигдѣ, ни къ сѣверу, ни къ западу не было видно земли, или чего-нибудь похожего на нее.

Добытые санными отрядами результаты и несудоходность моря изъ за полярныхъ льдовъ привели Нэрса къ убѣжденію, что здѣсь не представляется никакой возможности проникнуть далѣе къ сѣверному полюсу. Еслибы экспедиція осталась здѣсь еще дольше, ей предстояли бы изслѣдованія въ двухъ направленіяхъ: къ юго-западу, далѣе вдоль берега земли Гранта и къ сѣверо-востоку, или востоку по сѣверному берегу Гренландіи. Но такъ какъ нельзя было надѣяться на то, чтобы при имѣющихся средствахъ экспедиціи удалось пройти болѣе чѣмъ на 80 километр. дальше уже достигнутыхъ пунктовъ, а между тѣмъ, вслѣдствіе перенесенныхъ болѣзней, дальніе санные походы были положительно немислимы, то капитанъ Нэрсъ рѣшилъ, какъ только вскрыется ледъ, вернуться въ Англію.

Послѣ неимовѣрныхъ, но тщетныхъ усилій пробиться черезъ

ледяной поясъ, служившій превосходною защитою пароходу въ теченіи зимы, удалось, наконецъ, когда юго-западный вѣтеръ отодвинулъ массы льда къ сѣверу, обогнуть мысъ Равсона и войти въ каналъ Робсона. Даже плаваніе къ югу было крайне опасно и затруднительно; нѣсколько разъ пароходу угрожала опасность быть раздавленнымъ гигантскими льдинами. 11-го августа Алертъ пришелъ къ мѣсту зимовки ДисCOVERI, откуда вмѣстѣ съ нимъ пустился, девять дней спустя, въ обратный путь. Въ заливѣ Ралингъ, къ югу отъ мыса Лаврентія, показались первыя плавающія ледяныя горы, которыхъ на сѣверѣ не видали; тамъ встрѣчаются ледяныя горы совершенно иного вида. На пятый день миновали мысъ Фразеръ, гдѣ приливная волна полярнаго моря, встрѣчается съ приливомъ, идущимъ изъ Атлантическаго океана. 29 августа экспедиція дошла до острова „Императорскій Принцъ“, въ заливѣ Доббина. Сюда выходитъ мощный глетчеръ, самый большой по западному берегу Смитова пролива;—ему дали названіе „Императрица Евгенія“. 7 сентября достигли острова „Норманъ Локьеръ“, а 10 числа обогнули мысъ Викторіи.

Отсюда дальнѣйшее плаваніе встрѣтило еще одно немаловажное препятствіе: вслѣдствіе совершеннаго безвѣтрія и полнѣйшей тишины, спокойная поверхность моря чрезвычайно скоро замерзала и чтобы пробиться впередъ, пароходы должны были идти на всѣхъ парахъ, полнымъ ходомъ. Когда, наконецъ, одолѣли эту преграду, то выплыли въ открытый каналъ, свободный отъ льда. Вскорѣ достигли мыса Сабине. По мѣрѣ приближенія къ югу каналъ расширялся, пока наконецъ не открылось обширное свободное море.

9 сентября экспедиція пришла къ мысу Изабеллы, гдѣ и нашла газеты и письма, доставленныя туда Пандорой. 11-го пароходы вошли въ Уэль-Сундъ, не встрѣтивъ нигдѣ льдовъ, 14-го миновали заливъ Вольсенгольмъ, 16-го мысъ Біамъ-Мартинъ, у входа въ проливъ Ланкастера, а 25-го бросили якорь у острова Диско, гдѣ инспекторъ сѣверной Гренландіи, Крарупъ Смидъ, встрѣтилъ нашихъ путешественниковъ въ высшей степени гостепріимно. 4 октября пароходы прошли полярный кругъ, а 27 прибыли благополучно въ Валенцію въ Ирландію¹⁾.

Итакъ, великая англійская полярная экспедиція, съ которою

¹⁾ G. S. Nares: Narrative of a voyage to the Polar Sea during 1875—76 in H. M. Ships „Alert and Discovery“ London 1878. 8° 2 г. A. H. Markham: The great frozen Sea a personal Narrative of the voyage of the Alert during the arctic expedition of 1875—1876, Лондонъ, 1878 и dr Edward Moss: Shores of the Polar Sea. London 1878. Последняя книга представляетъ замѣчательное сочиненіе.

были связаны такіа большія ожиданія, вернулась послѣ семнадцати мѣсячнаго отсутствія, на родину, горько разочарованную ея неуспѣхомъ. Экспедиція поглотила $1\frac{1}{2}$ милліона рублей, однако, разумѣется, никто не поставитъ ей въ вину того, что она не разрѣшила своей задачи. Нельзя не сказать, однако, что достигнутые результаты, сравнительно, ничтожны. Правда, доходили до $83^{\circ}20'26''$ сѣв. шир., но вѣдь это всего только 129 километрами выше точки, достигнутой полууедавшейся экспедиціею Галля, которая, въ свою очередь, была только 67 километрами сѣвернѣе Хаиса, дошедшаго со своими ограниченными средствами еще въ 1861 году до $83^{\circ}35'$ сѣв. шир. Для успѣха послѣдней экспедиціи необходимо было, чтобы Смитовъ проливъ оказался судоходнымъ по крайней мѣрѣ до 82° сѣв., а земля простиралась бы дальше къ Сѣверу. Между тѣмъ нашли, что берегъ еще не достигали 82° поворачиваетъ на Западъ; — вмѣстѣ съ этимъ, предполагавшіяся къ Сѣверу санныя экспедиціи теряли, необходимую въ высшихъ широтахъ, базу. Вмѣсто земли, далеко будто-бы простирающейся по наблюденіемъ экспедиціи Поляриса, къ сѣверу, каналъ Робесона оканчивается непосредственно у полярнаго моря. Усмотрѣнная Галлемъ и имъ названная „Земля Президента“ вовсе не существуетъ. Сообщеніями Нэрса разрѣшенъ споръ, продолжавшійся между учеными 24 года, и разрѣшенъ именно въ пользу теоріи Петерманна. „Споръ вертѣлся на томъ, пишетъ Петерманнъ, что, по убѣжденію многихъ, въ Смитовомъ проливѣ, затѣмъ въ каналѣ Кеннеди и, наконецъ, въ еще болѣе сѣверныхъ частяхъ видѣли „открытое море“, по которому можно проплыть къ сѣверному полюсу. Это я оспаривалъ съ самаго начала. Кромѣ того были приведены различныя основанія, напримѣръ, протяженіе усмотрѣнной Галлемъ земли, далеко къ сѣверу, въ подкрѣпленіе того мнѣнія, что по Смитову проливу лежитъ лучшій путь къ сѣверному полюсу. Съ этимъ мнѣніемъ я также не соглашался. Наконецъ надѣялись на то, что сани помогутъ дойти до полюса,—и противъ этого я возражалъ. Англійская экспедиція, снаряженная съ цѣлью фактически подтвердить всѣ эти предположенія, могла доказать только противное: она не нашла ни открытаго полярнаго моря, ни земли простирающейся къ сѣверу, согласно наблюденіямъ экспедиціи Галля, наконецъ, сравнительно, достигла самыхъ ничтожныхъ результатовъ своими поѣздками на саняхъ“ ¹⁾).

Экспедиція Нэрса опубликовала, въ видѣ главныхъ результатовъ своихъ изслѣдованій, что открытаго полярнаго моря нѣтъ,

¹⁾ Petermann's Geograph. Mitth. 1876 г., стр. 456.

что сѣвернѣе 82°50' органической жизни не существуетъ, что полюсъ не достижимъ на саняхъ, изъ за непреодолимыхъ неподвижныхъ ледяныхъ массъ и что, по той же причинѣ, нѣтъ возможности проникнуть далѣе къ сѣверу по проливу Смита. Какую цѣну можно дать каждому пункту этихъ заявленій Нэрса, въ отдѣльности показываетъ, намъ сужденіе извѣстнаго знатока полярныхъ странъ Карла Вейпрехта.

„The Northpole impracticable“,—сѣверный полюсъ недостижимъ! таково категорическое заявленіе, сдѣланное капитаномъ Нэрсомъ какъ результатъ, добытый изслѣдованіями большой англійской экспедиціи между 82° и 83° сѣв. шир. Между тѣмъ, въ 1872 году, мы имѣли сообщеніе о той же мѣстности (82°16' сѣв. шир.) изъ котораго видно было, что условія льдовъ отнюдь не таковы, чтобы они являлись непреодолимымъ препятствіемъ къ дальнѣйшему достиженію сѣвера. Нэрсъ говоритъ, что ледъ достигалъ 24 метровъ толщины — въ отчетахъ Поляриса о подобной толщинѣ и рѣчи нѣтъ. А вѣроятно оба правы. Первый видалъ ледъ при неблагоприятныхъ условіяхъ, второй — при благоприятныхъ. Трудно себѣ представить, чтобы изъ соленой воды могъ образоваться ледъ достигающій толщины 24 метровъ путемъ простаго замерзанія, такъ какъ ледъ образуется только въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это допускаетъ разница между измѣнчивою температурою воздуха и постоянной температурою воды, которая всегда выше точки замерзанія. Подъ толщею льда должно имѣть мѣсто уравниваніе между температурою воздуха и температурою воды и этимъ обуславливается толщина льда. Очень возможно, напротивъ, что ледъ въ 24 метра и болѣе образуется путемъ напиранія льдинъ другъ на друга. Разбивающіяся при встрѣчѣ ледяныя поля сдвигаютъ значительно большую массу льдинъ подъ поверхность льда, чѣмъ нагромождаютъ и надвигаютъ поверхъ его; масса льда, образующаяся собственно отъ замерзанія, надъ поверхностью, ничтожна въ сравненіи съ массою, образующеюся подъ поверхностью, путемъ напиранія или надвиганія причемъ всѣ части смерзаются. Продолжительный сильный вѣтеръ вмѣстѣ съ теченіемъ можетъ въ такихъ именно мѣстахъ, какъ выходъ узкаго пролива въ открытое море, вызвать столь сильное напираніе, что въ одну зиму первоначальная толщина увеличится въ нѣсколько разъ. За то достаточно одного лѣта съ сильными встрѣчными вѣтрами, чтобы передвинуть всю непроницаемую и несокрушимую повидимому массу льдовъ къ такимъ мѣстамъ, гдѣ она безслѣдно исчезнетъ.

Саннѣй походъ экспедиціи по гренландскому берегу къ сѣверу даетъ поводъ думать, что Гренландія кончается къ сѣверу подъ 83° сѣв. шир. Въ такомъ случаѣ, море, часть котораго

подверглась изслѣдованіямъ капитана Нэрса, имѣеть прямое сообщеніе съ Шпицбергенскимъ моремъ, а слѣдовательно также съ тѣмъ большимъ путемъ, которымъ уходитъ ледъ арктической полюсы къ югу вдоль восточнаго берега Гренландіи.

„Море, котораго достигнули участвующіе въ экспедиціи, было названо „моремъ вѣчнаго льда“. Если это море простирающимся къ сѣверу берегомъ Гренландіи не совершенно закрыто съ востока, то это названіе неправильно, потому что ледъ этого моря въ такомъ случаѣ точно также долженъ подвергаться перемѣнамъ, какъ во всякомъ другомъ мѣстѣ полярной области, находящемся въ безпрепятственномъ сообщеніи съ открытымъ моремъ. Если ледъ дѣйствительно можетъ достигнуть путемъ замерзанія толщины 24 метровъ, то подъ широтою, достигнутою путешественниками, въ любой закрытой бухтѣ, изъ которой ледъ въ теченіи лѣта не имѣеть выхода, море должно промерзать едва-ли не до дна. Этому противорѣчить все, что до сихъ поръ было найдено. Вслѣдствіе этого мы вынуждены допустить—разумѣется только до тѣхъ поръ, пока новыя изслѣдованія не опровергнутъ окончательно нашего предположенія—что встрѣченный тамъ необыкновенный ледъ или образовался въ томъ же морѣ вслѣдствіе взаимнаго давленія (напиранія), или же временно занесенъ туда вѣтромъ и теченіемъ изъ мѣстъ еще болѣе благопріятствующихъ образованію мощныхъ льдовъ (какъ-то въ узкихъ проливахъ, замкнутыхъ заливахъ и т. п.) „До этого мѣста и не далѣе!“ говорили уже многіе полярные плаватели, а слѣдующіе за ними преспокойно переходили далеко за предѣлы тѣхъ преградъ, которыя предшественники ихъ считали „созданными на вѣки вѣковъ“. Полюсъ ни безусловно достигимъ; ни безусловно недостижимъ. Во всей полярной области всегда найдутся обширныя пространства, которыя, смотря по льду и времени года, представляются или проходимыми или непроходимыми. Вывести изъ опыта одного года непреложное заключеніе, во всякомъ случаѣ дѣло рискованное.

„Одно только вѣрно, что въ данномъ году этимъ путемъ сѣверный полюсъ былъ безусловно недостижимъ—болѣе ничего нельзя сказать.

Въ доказательство того, что тамъ царство вѣчныхъ льдовъ, приводятъ отсутствіе животной жизни въ мѣстахъ зимовки обоихъ парходовъ. Тамъ, гдѣ за зиму убито 63 мускусныхъ быка, неужели дѣйствительно животная жизнь плохо обставлена? Во всякомъ случаѣ, растительность должна быть довольно удовлетворительная, такъ какъ доставляла подобному стаду возможность существованія. Дѣйствительно, мало встрѣтили тюленей, но это обусловливается состояніемъ льдовъ: тюлень требуетъ открытыхъ

мѣсть, онъ живетъ только по полыньямъ и перекочевываетъ, сообразуясь съ обстоятельствами. За тюленемъ идетъ вслѣдъ бѣлый медвѣдь, которому онъ служитъ главной пищей. Путешественники видѣли очень мало птицъ, а, главное, не замѣтили почти никакого перелета къ сѣверу. Это указало-бы только на то, что на сѣверѣ нѣтъ земли. Англійскіе журналы пишутъ: „Теперь положительно доказано, что открытаго полярнаго моря не существуетъ“. Едва-ли и до отправленія англійской экспедиціи нашлось бы много разумно-мыслящихъ людей, которые повѣрили бы, что море свободно отъ льдовъ въ странѣ, гдѣ температура, на основаніи неизмѣнныхъ законовъ природы, лѣтомъ едва подымается выше точки замерзанія, а зимою спускается ниже— 50° — 60° ¹⁾.

Немного времени спустя послѣ того, какъ эскадра Нэрса выступила въ походъ изъ Портсмута, еще другое судно „Пандора“, снаряженное иждивеніемъ капитана сэра Аллена Юнга, лэди Франклинъ, лейтенанта Иннесъ-Лилингстона и издателя „New-York Herald“, Джемса Беннета, вышло 26-го іюня 1875 г. изъ Портсмута же съ двойною цѣлью: во-первыхъ, поддерживать постоянное сообщеніе съ экспедиціею Нэрса, во-вторыхъ, постараться найти еще на землѣ Короля Вильяма бумаги и другіе слѣды Франклиновской экспедиціи.. Исполнивъ послѣднее изъ этихъ порученій, Юнгъ пошелъ къ острову Карей, чтобы взять оттуда документы, оставленные тамъ Нэрсомъ. Въ слѣдующемъ, 1876 году, та же Пандора, будучи опять послана въ Смитовъ проливъ за свѣдѣніями объ экспедиціи Нэрса, нашла два отчета на островѣ Литлетонѣ и мысѣ Изабеллы и вернулась въ Англію одновременно съ эскадрою Нэрса, не предпринявъ никакихъ географическихъ изслѣдованій ²⁾. Въ этомъ плаваніи сэру Юнгу сопутствовали лейтенанты британскаго флота Арбутнотъ и Пири, голландскій лейтенантъ Колемансъ Бейненъ, участвовавшій также въ экспедиціи Юнга 1875 г., затѣмъ—краса всего австрійскаго флота,—лейтенантъ Алоисъ Риттеръ фонъ-Беккеръ ³⁾, достойный сынъ генеральнаго отца, наконецъ д-ръ Горнеръ и фотографъ Грантъ.

¹⁾ Karl Weyprecht „Die Resultate der englischen Polar Expedition (Neue freie Presse № 4388. 11 ноября 1876 г., отчасти также въ Petermann's Georg. Mitth. 1876 г., стр. 457—458.

²⁾ Официальный отчетъ Юнга британскому адмиралтейству напечатанъ въ Лондонск. Атеней 11-го ноября 1876 г. № 2559, стр. 627 — 630. Впоследствии Юнгъ описалъ оба плаванія Пандоры 1875 и 1876 г. въ своемъ сочиненіи The two voyages of the Pandora in 1875 and 1876. London 1879, 8°.

³⁾ Беккеръ помѣстилъ въ „Mitth. aus dem Gebiete des Seewesens“ подробный отчетъ о плаваніи Пандоры, настолько же свидѣтельствующій объ его знаніи морскаго дѣла, насколько интересный и поучительный подъ заглавіемъ: Arctische

Въ 1876 году Смитовъ проливъ посѣтилъ также капитанъ Валкеръ на китобойномъ суднѣ „Эрикъ“, изъ Дундея. Въ половинѣ юня онъ нашелъ проливъ открытымъ и нигдѣ не встрѣтилъ полярныхъ льдовъ, но зато проливъ Ланкастера, выходящій въ Баффиновъ заливъ отъ острова Леопольда до залива Максвеля, былъ сплошь загроможденъ скучившимися льдинами. Южная часть Смитова пролива ежегодно посѣщается китоловами, но со времени неудавшейся экспедиціи англичанъ ни одинъ мореплаватель не пытался болѣе, съ ученою цѣлью, пробраться этимъ путемъ къ сѣверному полюсу. Заслуга англійской экспедиціи состоитъ преимущественно въ томъ, „что она блистательно, на опытъ, доказала, что Смитовъ проливъ не можетъ служить путемъ для изслѣдованія внутренняго пространства полярной области, что по немъ нельзя проникнуть до высшихъ широтъ. Неудача послѣдняго предпріятія послужить лучшимъ предостереженіемъ не раздроблять силъ и для изслѣдованія полярныхъ областей не уклоняться впредь отъ естественныхъ, ведущихъ къ нимъ входовъ“ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе все-таки еще находятся люди, которые, въ виду безспорныхъ фактовъ, съ упрямствомъ закрываютъ глаза и неотступно являются сторонниками пути черезъ Смитовъ проливъ. Къ числу такихъ принадлежитъ французскій республиканецъ Вильфридъ де-Фонвиель (род. въ Парижѣ въ 1828 г.). Онъ оспариваетъ доводы Петерманна, которыхъ мы, впрочемъ, также не раздѣляемъ безусловно во всѣхъ пунктахъ — относясь къ нимъ безъ всякой критики, съ національнымъ ослѣпленіемъ, единственно потому, что они созданы ученымъ, принадлежащимъ къ ненавистному германскому народу, и не стыдится, въ ущербъ своей ученой славы, въ качествѣ заслуженнаго воздухоплавателя, бессмысленно защищать „la superiorité de la route que les Hayes, les Hall, les Nares ont ouverte et dans laquelle les Howgate ne tarderont pas à suivre leur glorieux sillon“ ²⁾.

Упомянутый въ этой фразѣ капитанъ Гогэтъ стремится осно-

Reise der englischen Jacht Pandora im Jahre 1876 unter Commando des Capitän Sir Allen Ioung, mit einer Karte, Pola. 1878. 8°.

¹⁾ D-r Joseph Chavanne „Die englische Nordpol Expedition 1875—76 unter Capitän Nares und ihre Resultate. Wien, 1877. 8°, стр. 29—30.

²⁾ Fonvielle „la conquête du Pole nord“ стр. 350. Каковъ характеръ этого сочиненія, имѣющаго претензію быть ученымъ произведеніемъ, доказываетъ слѣдующая помѣщенная въ заключеніи фраза: Nous avons dû également réfuter sommairement les erreurs, dans lesquelles étaient tombés les géographes d'une nation voisine qui, dépourvue, il faut bien le reconnaître, de tout génie maritime, n'a trouvé dans les questions polaires, dont elle s'occupe avec passion, qu'un moyen de diminuer le renom qu'elle s'est acquis pendant l'année terrible aux dépens de notre honneur national et de notre sang“.

вать полярную колонію на берегу залива Лэди Франклинъ, подъ $81^{\circ}40'$ сѣв. шир. Этимъ путемъ онъ надѣется разрѣшить всѣ географическіе вопросы, равно какъ и вопросы по части естественныхъ наукъ относительно сѣверныхъ частей американскаго континента и Гренландіи до самаго полюса. Эта колонія должна оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ исчерпана вся область открытій въ назначенныхъ предѣлахъ, или же не докажется окончательно, что далѣе къ сѣверу проникнуть безусловно невозможно. Проектъ Гогэта совпадаетъ отчасти съ предложеніями Вейпрехта объ учрежденіи вокругъ полюса наблюдательныхъ станцій, о чемъ мы послѣ поговоримъ подробно, только съ тою разницею, что у Гогэта на первомъ планѣ стоятъ географическія открытія. Предполагаемое для этой колоніи мѣсто поселенія находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ открытой экспедиціею Нэрса залежи каменнаго угля и зимней квартиры ДисCOVERи. По всему вѣроятію мѣстность эта достижима ежегодно для парохода и этимъ разрѣшается вопросъ о правильномъ подвозѣ продовольственныхъ запасовъ и объ оказаніи вообще помощи колоніи, имѣющей составиться изъ 50 бѣлыхъ (морск. офицеровъ, врачей, ученыхъ и т. д.), которымъ на первый разъ назначено пробывать тамъ три года. Гогэтъ разсчитываетъ на то, что подобное обширное предпріятіе можетъ осуществиться только съ помощью правительства Соединенныхъ Штатовъ. Тѣмъ не менѣе онъ счелъ необходимымъ послать предварительно развѣдочную передовую экспедицію (preliminary expedition). Съ этою цѣлью онъ снарядилъ на пятнадцать мѣсяцевъ небольшую шкуну, Флоренцію, 56 тоннъ, предназначавшуюся сначала для ловли китовъ, поручивъ командованіе ея капитану Тизону, знакомому уже намъ по дѣятельности его въ экспедиціи Галля. Экипажъ шкуны состоялъ изъ десяти отборныхъ матросовъ, кромѣ того Тизону сопутствовали метеорологъ Шерманъ и естествоиспытатель Людвигъ Кюмлейнъ. Шкуна вышла изъ Нью-Лондона 3-го августа 1877 г., 12 сентября была уже въ заливѣ Ниянтилика, откуда опять вышла въ море 1 октября при чрезвычайно бурной погодѣ. Простоявъ нѣкоторое время у острова Кикертона, Флоренція дошла 7-го октября до гавани Аннунитъ (Аннанутагъ), гдѣ и расположилась на зимовку. Аннанутагъ—небольшая группа острововъ у западнаго берега залива Кумбер-ланда или Гогарта на югѣ Баффиновой земли, подъ широтою $66^{\circ}13'45''$, и зап. долготою $67^{\circ}18'39''$ по опредѣленію Шермана. Въ теченіи зимы холодъ доходилъ 21 января 1878 г. до $47^{\circ}17'$ Ц., наивысшая температура была 8 іюня $+13^{\circ}$ Ц. Зима прошла безъ всякихъ приключеній, достойныхъ замѣчанія. Оба ученыхъ занимались своими наблюденіями, Кюмлейнъ сдѣлалъ съ эскимосами экс-

курсю къ озеру Кеннеди, которое до 1876 г. никогда еще не было посѣщаемо бѣлыми. Озеро это, лежащее внутри страны, къ западу отъ мѣста зимовки шкуны, представляетъ огромное, очень богатое рыбою, вмѣстилище прѣсной воды. 11-го іюня 1878 года шкуна вышла изъ Аннанутава и съ этого дня по 13 іюля это маленькое судно испытало всѣ ужасы арктическаго мореплаванія, пока, наконецъ, не достигло острововъ Кивертонъ. Не менѣе буренъ и опасенъ былъ переходъ къ острову Диско, гдѣ Тизонъ надѣялся уже встрѣтиться съ главною экспедиціею Гогста,—она, однако, еще въ это время не состоялась. Конгрессъ не далъ требуемыхъ для подобной экспедиціи средствъ. Продавши съ 31 іюля до 22 августа у острова Диско и не получивъ ни писемъ, ни другихъ какихъ-либо извѣстій, Тизонъ рѣшилъ вернуться въ заливъ Кумберландъ. Этотъ переходъ составилъ самую трудную часть плаванія, такъ какъ въ этомъ году полярный ледъ явился въ такихъ необычайныхъ массахъ, что ни одинъ шотландскій битоловъ не могъ проникнуть сѣвернѣе залива Мельвила, а датскимъ кораблямъ не удалось добраться до своихъ сѣверныхъ поселеній. Шкуна Флоренція встрѣтила ледъ уже у мыса Мерси, подъ 64°45 сѣв. шир. и 65°20 зап. долг. и должна была себѣ прокладывать дорогу на протяженіи 320 кмтр. съ неимовернымъ трудомъ и подвергаясь опасности быть ежеминутно раздавленной. Дошедши 31-го августа до залива Кумберланда, Тизонъ рассчиталъ и отпустилъ нанятыхъ имъ эскимосовъ и пустился 2 сентября въ обратный путь. Во время страшной бури шкуна получила подъ конецъ течъ, такъ что люди день и ночь не отходили отъ помпъ. По всѣмъ извѣстіямъ состояніе льдовъ въ Смитовомъ проливѣ было въ высшей степени неблагоприятное, и нужно считать истиннымъ счастьемъ, что въ 1878 году этимъ путемъ не была отправлена ни одна экспедиція. Капитанъ Адамсъ съ Арктика донесъ отъ 2 іюля, что не удалось убить ни одного кита, потому что ни одно судно не могло изъ-за льдовъ пробраться мимо острова Мельвила, чего раньше никогда не бывало. По осмотру моря съ высочайшихъ горныхъ вершинъ оказалось, что весь Баффиновъ заливъ, отъ берега до берега, былъ покрытъ сплошными массами льдинъ и всѣ попытки пробраться черезъ нихъ были совершенно напрасны. Равнымъ образомъ датскій инспекторъ сѣверной Гренландіи доносилъ отъ 18 іюля, что никогда еще полярный ледъ не подходилъ въ такихъ огромныхъ массахъ и такъ близко къ западнымъ берегамъ Гренландіи, какъ лѣтомъ 1878 года. Поэтому Флоренція вернулась 10 октября въ Нью-Лондонъ, пробывъ въ отсутствіи всего лишь пятнадцать мѣсяцевъ. Тѣмъ не менѣе, добытые учеными членами экспедиціи, результаты очень значительны: ими между про-

чимъ открыто присутствіе метеорнаго желѣза въ базальтовыхъ горахъ и пять новыхъ видовъ птицъ сѣверныхъ странъ. Во время всего плаванія не было ни одного больного.

По мнѣнію Гогэта, предварительная экспедиція вполне разрѣшила данную ей задачу, доказавъ будто бы практическую выполнимость составленнаго имъ обширнаго проекта, съ чѣмъ мы, однако, позволимъ себѣ не согласиться, такъ какъ экспедиція на 15° градусовъ не дошла до мѣста предполагаемой Гогетовской колоніи. И въ 1879 году не удалось предприимчивому капитану получить отъ конгресса, необходимыхъ для осуществленія его плана средствъ, не смотря на то, что комиссіи, которымъ было поручено разсмотрѣть проектъ, равно какъ и многія ученныя общества Соединенныхъ Штатовъ высказались въпользу необходимости поддержать Гогэта, который распорядился между тѣмъ, чтобы въ Англіи былъ приготовленъ пароходъ въ 205 лош. силъ и 225 тоннъ вмѣстимости. Въ ноябрѣ 1879 г. пароходъ пришелъ въ Америку, гдѣ и былъ окончательно снаряженъ для плаванія среди полярныхъ льдовъ. 21 іюня 1880 г. пароходъ этотъ, названный „Гюльнаромъ“, и снабженный провіантомъ, рассчитаннымъ на два года для экипажа въ 25 чел. (въ числѣ ихъ были американскіе лейтенанты Доанъ и Ло), выступилъ въ море подъ командою капитана Честера.

Здѣсь слѣдуетъ вкратцѣ упомянуть о другомъ проектѣ, основанномъ также отчасти на возможности проникнуть къ сѣверному полюсу черезъ Смитовъ проливъ. Вскорѣ по возвращеніи въ Англію пароходовъ Алерта и Дисковери подъ главнымъ начальствомъ Нэрса и именно въ то время, когда ничтожность результатовъ, добытыхъ этою дорого стоившею экспедиціею, возбуждала еще въ Англіи всеобщее неудовольствіе, старый опытный плаватель по полярнымъ морямъ командоръ Шене (Cheyne) въ рѣчи, сказанной имъ въ Tunbridge Wells, высказалъ предположеніе, что сѣверный полюсъ достижимъ; болѣе того, заявилъ, что въ крайнемъ случаѣ онъ самъ готовъ итти къ сѣверу на кораблѣ до возможныхъ предѣловъ, а затѣмъ на воздушномъ шарѣ черезъ ледъ къ самому полюсу. Рѣчь шла только о томъ, какъ бы добыть 25 тыс. ф. стерл. ¹⁾, необходимыхъ для снаряженія хорошаго парохода съ продолжительемъ на три года. Проектъ встрѣтилъ благопріятный пріемъ въ Глазговѣ, изъявившемъ готовность внести треть необходимыхъ расходовъ, и въ Бельгій, гдѣ король и военный министръ обѣщали содѣйствовать осуществленію плана назначеніемъ въ экспедицію опытныхъ офицеровъ и команды. Планъ Шене состоялъ въ слѣдующемъ: сперва стараться подняться къ сѣверу по проливу

¹⁾ 250,000 рублей.

Смита, если же здѣсь представляются непреодолимые препятствія, то вернуться, идти въ проливъ Ланкастера и, изслѣдовавъ его, перезимовать въ Гренландіи. Весною онъ надѣялся проникнуть до полюса сначала по открытому морю, потомъ на саняхъ и наконецъ на воздушномъ шарѣ. Обратный путь лежалъ въ юго-восточномъ направленіи; перезимовать пришлось бы у сѣверо-восточной оконечности Гренландіи, и въ это время можно было бы на саняхъ подробно изслѣдовать эту мѣстность. Наконецъ, осенью слѣдующаго года экспедиція должна была вернуться черезъ восточную Гренландію. Уже въ концѣ 1877 года Шенé объявилъ, что въ слѣдующемъ году его планъ выполнить положительно невозможно, равно какъ и въ 1879 году. Въ то же время онъ, однако, не терялъ надежды и старался всѣми силами собрать необходимыя денежныя средства. 32 мѣстныхъ комитета дѣйствовали уже въ 1877 г. съ этою же цѣлью, изъ нихъ 17 въ одной Шотландіи; впослѣдствіи главный комитетъ въ Лондонѣ стоялъ во главѣ 49 мѣстныхъ комитетовъ. Тѣмъ не менѣе экспедиція по плану Шенé не могла быть отправлена въ 1879 году въ Смитовъ проливъ. Дѣло было отложено до весны 1880 г. Рассказывали, что экспедиція возьметъ съ собою три воздушныхъ шара, могущихъ поднять по тоннѣ груза, состоящаго изъ саней и запасовъ на 50 дней. 7 января 1880 г. Лордмэръ Лондона принялъ депутацію отъ лондонскаго центральнаго комитета Сѣвернаго океана, ходатайствовавшаго объ осуществленіи проекта. Оказалось при этомъ, что на осуществленіи его нельзя надѣяться въ ближайшемъ будущемъ. 28-го января собрался большой митингъ для обсужденій вопроса, въ какихъ размѣрахъ Лондонъ можетъ и долженъ принимать участіе въ научныхъ изслѣдованіяхъ и экспедиціяхъ, отправляемыхъ съ этою цѣлью къ сѣверному полюсу. Въ болѣе отдаленныхъ округахъ обнаруживалось нерасположеніе къ полярнымъ экспедиціямъ и особенно къ проекту Шенé. Лордъ Бюри обратилъ вниманіе общества на опасности, съ которыми сопряжена экспедиція, снаряжаемая на столь скудные средства и такъ непредусмотрительно, какъ экспедиція Шене, говоря, что при подобныхъ условіяхъ несчастіе почти неизбежно. Никто изъ старыхъ и опытныхъ полярныхъ плавателей, ни одинъ бывалый морякъ не выражалъ сочувствія къ этому предпріятію, тѣмъ болѣе, что создавшій этотъ планъ не имѣлъ цѣлью научныхъ изслѣдованій, а только удовлетвореніе національнаго самолюбія, которому льстила честь до-

¹⁾ Petermann, Geograph. Mitth. 1879. Сrp. 145—148. Подробное заглавіе статьи: The Cruise of the Florence, or, extracts from the journal of the preliminary arctic expedition of 1877—1878, Edited by Capt. H. W. Howgate. Washington, 1879.

стиженія сѣвернаго полюса. Независимо отъ этого даже невѣроятно, чтобы собралась необходимая для осуществленія проекта, хотя и незначительная сумма въ 30 тыс. ф. ст. ¹⁾ Полярный комитетъ, подъ предлогомъ предстоявшихъ парламентскихъ выборовъ, отложилъ пока дальнѣйшее обсужденіе этого дѣла. Необходимыя средства собираются очень вяло. Отправленіе этой экспедиціи предвидится не ранѣе мая 1881 года и то, если она только еще состоится.

Погребеніе капитана Галла.

¹⁾ 300,000 рублей.

Августъ Петерманъ.

ПОЛЯРНЫЯ ПУТЕШЕСТВІЯ НѢМЦЕВЪ.

КТО только слѣдилъ за исторіею новѣйшихъ полярныхъ изслѣдованій со вниманіемъ и безъ предубѣжденій, тотъ не могъ не убѣдиться, что никто не былъ такимъ полезнымъ дѣятелемъ въ этой области естествознанія какъ Августъ Петерманъ. Его авторитетъ распространяется не только на одну Германію, но также на всѣ морскія государства образованнаго міра. Его имя навсегда связано съ тѣми трудами, которые въ послѣдніе тридцать лѣтъ были предприняты, какъ въ литературной области землѣзнанія и въ особенности картографіи, такъ и на поприщѣ путешествій съ научною цѣлью.

Биографія его очень коротка и проста. Родившись въ Блейхеродѣ близъ Нордгаузена 18-го апрѣля 1822 г., онъ получилъ образованіе въ 1839—1844 годахъ въ королевской географической школѣ въ Потсдамѣ, директоромъ которой тогда былъ извѣстный географъ Генрихъ Берггаузъ, другъ Александра Гумбольдта. Пробывъ затѣмъ годъ въ должности преподавателя этой же школы, Петер-

маннъ отправился въ Единбургъ, гдѣ принималъ участіе въ изданіи физическаго атласа Берггауза на англійскомъ языкѣ. Въ 1847 году онъ переселился въ Лондонъ, и предался исключительно географическимъ изслѣдованіямъ и картографическимъ занятіямъ и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что удостоился званія королевскаго правительственнаго географа. Владѣя вполнѣ англійскимъ языкомъ, онъ завѣдывалъ въ редакціи извѣстнаго англійскаго журнала „Athenaeum“ географическимъ отдѣломъ, причѣмъ составилъ множество картъ и, между прочимъ, атласъ физической географіи; онъ же составилъ отчетъ о большой экспедиціи Ричардсона, Барта и Овервега въ центральную Африку, снаряженной иждивеніемъ англійскаго правительства.

Послѣ семилѣтняго пребыванія въ Англіи, будучи вызванъ въ Германію, Петерманнъ, сталъ во главѣ знаменитаго картографическаго заведенія Юстуса Пертеса въ Готѣ и сдѣлался въ то же время редакторомъ основаннаго имъ журнала „Mittheilungen aus Justus Perthes' Geographischer Anstalt über wichtige neue Erforschungen auf dem gesamtgebiete der Geographie“, первые выпуски котораго выходили въ теченіи 1855 года. Это періодическое изданіе заняло вскорѣ первое мѣсто между всѣми журналами подобнаго рода и до сихъ поръ безспорно удерживаетъ за собою это мѣсто, по крайней мѣрѣ въ Германіи Petermann's Geographische Mittheilungen, какъ стали вскорѣ называть это изданіе, быстро разнесли славу своего основателя и руководителя по всему образованному свѣту. Иностранцы отдають единогласно полную справедливость его необыкновеннымъ заслугамъ и достоинствамъ. Рядомъ съ огромнымъ числомъ отличныхъ статей, Петерманнъ помѣщалъ въ этомъ изданіи до тысячи дѣльно и технически выработанныхъ картъ, которымъ въ свое время безспорно принадлежало первенство между всѣми произведеніями этого рода, тѣмъ болѣе, что онѣ болѣею частью были составлены на основаніи самостоятельныхъ изслѣдованій. Собственная его коллекція картъ, собранная имъ въ теченіи почти 40 лѣтъ, принадлежитъ къ числу самыхъ богатыхъ въ мірѣ. Какъ редакторъ и сотрудникъ журнала, Петерманнъ сумѣлъ привлечь къ участію въ дѣлѣ изданія Mittheilungen самыхъ выдающихся въ наукѣ личностей; ученые другихъ націй считали за честь помѣстить результаты своихъ изслѣдованій на столбцахъ Петерманновскаго журнала.

Чтобы удостоиться этой чести, требовались дѣйствительныя заслуги на поприщѣ науки, такъ какъ для статей и произведеній посредственныхъ или незначительныхъ тамъ не было мѣста. Такимъ образомъ этому ученому удалось сдѣлать свое изданіе глав-

нымъ фокусомъ и центромъ всѣхъ географическихъ открытій и изслѣдованій, создать, такъ сказать, центральный органъ, къ которому въ видѣ радіусовъ сходятся всѣ географическія свѣдѣнія изъ отдаленнѣйшихъ частей земнаго шара, органъ, которому подобнаго нѣтъ въ Европѣ.

Дѣятельность Петерманна не ограничивалась однако, собираніемъ и обработкою матеріаловъ. Не смотря на то, что онъ самъ никогда не совершалъ отдаленныхъ путешествій — только въ 1876 году переплылъ онъ въ первый и единственный разъ Атлантическій океанъ, чтобы побывать на всемірной выставкѣ въ Филладелфіи — этотъ великій географъ оказалъ наукѣ неоцѣненныя услуги, побуждая всѣми своими силами къ снаряженію экспедицій въ среднюю Африку и въ полярныя области и собирая для этой цѣли неустанно необходимые капиталы. Сборъ его доставили, напримѣръ, путешественникамъ Гейглину, Стейднеру, Мунцингеру, Кинцелбаху, Шуберту, Ганзалю, Бейрману, Рольфу большую часть тѣхъ средствъ, которыми они располагали во время своихъ путешествій по Африкѣ въ 1860 — 1867 годахъ и безъ которыхъ, по всей вѣроятности, эти путешествія вовсе бы не состоялись, не смотря на то, что вся сумма составляла всего только 67 тыс. марокъ. Въ дѣлѣ изслѣдованія полярныхъ странъ Петерманнъ неутомимо трудился болѣе 15 лѣтъ; путешествіе Колдевея и вторая нѣмецкая экспедиція къ сѣверному полюсу обязаны исключительно ему своимъ снаряженіемъ, — въ обоихъ этихъ случаяхъ починъ былъ сдѣланъ имъ. Всѣ его воззрѣнія и предположенія все болѣе и болѣе подтверждаются многочисленными экспедиціями, предпринятыми благодаря его стараніямъ. Открытый Норденшильдомъ въ 1876 — 1877 г. морской путь черезъ злополучное Карское море къ устьямъ Сибирскихъ рѣкъ еще ранѣе былъ проложенъ на картѣ Петерманномъ, на основаніи научныхъ теоретическихъ изслѣдованій.

Однимъ изданіемъ своихъ „географическихъ сообщеній“ (Geograph. Mittheil.) въ теченіи 23-хъ лѣтъ, до самой своей смерти ¹⁾, Петерманнъ поставилъ себѣ несокрушимый памятникъ въ исторіи землѣвѣдѣнія. Въ этихъ сообщеніяхъ, такъ сказать, олицетворяются всѣ его стремленія, независимо отъ множества картографическихъ работъ, изъ числа которыхъ достаточно назвать большой атласъ Штилера, вышедшій съ 1854 года подъ его редакцію и большая часть котораго была переработана имъ лично. Что касается дѣятельности Петерманна въ полярныхъ вопросахъ, то

¹⁾ Къ сожалѣнію, онъ самъ лишилъ себя жизни, повѣсившись 25-го сентября 1878 г.

никто не обрисовалъ ее такъ мѣтко, какъ извѣстный географъ Пешель: „достиженіемъ успѣшныхъ результатовъ мы обязаны прежде всего и исключительно живучести патріотизма нѣмецкаго ученаго, вторгающагося въ невѣдомыя пространства полярной области уже въ теченіи 20 лѣтъ съ настойчивостью истиннаго Котона—это германскій Барровъ. Настоящему Баррову легче было достигнуть своей цѣли,—ему стоило только нѣсколько разбудить дремлющую страсть къ открытіямъ морской націи, преисполненной самолюбія и отваги, чтобы довершить начатое и въ половину уже разрѣшенное англичанами дѣло. Напротивъ того, когда Петерманнъ, началъ подбивать своихъ соотечественниковъ къ морскимъ предпріятіямъ, тогда нѣмецкая публика, въ этомъ отношеніи, была еще тверда, какъ камень, въ который новая идея должна была углубиться *semper cadendo*. Это была гигантская работа проточить камень по каплямъ въ видѣ статей, докладовъ, картъ, извѣстій, совѣщаній, бесѣдъ и безчисленныхъ писемъ. Возбудить въ какомъ нибудь народѣ интересъ къ предмету, совершенно для него новому,—трудъ тяжелый, затягивающійся на многіе, многіе годы и зачастую совершенно безнадежно. Только у прибрежнаго населенія можно было надѣяться встрѣтить сочувствіе къ морскимъ предпріятіямъ, но Петерманну удалось своею безпримѣрною настойчивостью склонить въ пользу своей національной идеи и обитателей внутреннихъ странъ, изъ которыхъ многіе тысячи, можетъ быть даже никогда не видали бушующаго моря“ ¹⁾.

23 іюля 1865 г. въ Франкфуртѣ на Майнѣ собрался съѣздъ географовъ и любителей науки землевѣдѣнія ²⁾, на которомъ Петерманнъ высказалъ свои соображенія и далъ вопросу о сѣверномъ полюсѣ совершенно новое направленіе. Какъ извѣстно читателю,

¹⁾ Ausdland 1870 г. стр. 983—984.

²⁾ На этомъ съѣздѣ собралось около ста человекъ, въ числѣ которыхъ были Неймeyerъ изъ Мельбурна, Гейглицъ изъ Штутгарта, Гохштеттеръ изъ Вѣны, Фреденъ изъ Ольденбурга, Кармаршъ изъ Ганновера, Риппелъ изъ Франкфурта на Майнѣ, Штейнбейсъ изъ Штутгарта и Петерманнъ изъ Готы. Кромѣ того поступило такое множество писемъ и отзывовъ отъ различныхъ любителей землевѣдѣнія, которые были лишены возможности лично явиться, что можно считать, что интересы и мнѣнія большинства нѣмецкихъ географовъ были заявлены и представлены собранію. Принцъ Адальбертъ прусскій, которому предложено было почетное предсѣдательство въ собраніи, отказался отъ этого по нездоровью. Австрійское географическое общество въ Вѣнѣ прислало чрезъ своего представителя Гохштеттера письменное заявленіе, которымъ оно уведомляло собраніе, что употребитъ всѣ свои усилія, чтобы помочь привести въ исполненіе опредѣленія съѣзда. Петерманнъ и Гохштеттеръ, будучи единогласно избраны предсѣдателями собранія, отказались отъ этой чести, такъ какъ хотѣли, въ качествѣ членовъ, участвовать въ преніяхъ. Обязанность руководителя собранія согласился принять на себя д-ръ Фольгеръ.

Петерманнъ давно уже пришелъ къ убѣжденію, что тѣ пути, которые до сихъ поръ избирались съ цѣлю проникнуть въ тайны полярныхъ странъ, не представляли никакой надежды на успѣхъ, между тѣмъ какъ указываемое имъ направленіе заслуживало особаго вниманія въ этомъ отношеніи. Проектъ Петерманна въ томъ видѣ, какъ онъ его докладывалъ Франкфуртскому съѣзду, состоялъ въ томъ, чтобы добраться до сѣвернаго полюса по теплому теченію гольфштрема, вдоль береговъ Европы. Онъ заявлялъ, что если удастся пробиться чрезъ ледяной поясъ, лежащій къ сѣверу отъ Шпицбергена, то за нимъ вѣроятно откроется свободное отъ льдовъ море. Открытіе подобнаго пути представляло необыкновенныя выгоды для мореплаванія; полярная область доставила бы торговлѣ немалую прибыль. Уловъ китовъ, которые въ послѣдніе годы удалились къ полюсу, опять бы увеличился, сибирскія залежи слоновой и мамонтовой кости могли бы быть основательно разработаны, метеорологія, физическая географія, геологія, наука о прозябаемыхъ и животныхъ обогатились бы новыми фактами и получили бы немалое развитіе. Германія сама по себѣ обладаетъ значительнымъ военнымъ и торговымъ флотами, поэтому крайне странно, что постоянно дѣйствовали такъ, какъ будто не существуетъ ни германскихъ моряковъ, ни германскихъ кораблей. Насколько участіе нѣмцевъ замѣтно въ дѣлѣ сухопутныхъ изслѣдованій, настолько оно ничтожно въ сферѣ морскихъ изслѣдованій. Давно и не разъ всѣ морскія націи посылали эскадры съ цѣлю изслѣдовать области дальняго сѣвера; пора было сдѣлать починъ и Германіи, которой, по мнѣнію Петермана, слѣдовало, по отношенію къ сѣверному полюсу, сдѣлать тоже самое, что сдѣлала Россія по отношенію къ южному полюсу, въ лицѣ капитана Беллингсгаузена ¹⁾.

¹⁾ Петерманнъ приглашалъ собраніе дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, заявляя, что онъ изъ своихъ собственныхъ средствъ жертвуетъ для этой цѣли 100 гульденовъ и обѣщалъ собрать еще 5000 гульденовъ. Фреденъ разсчитывалъ, что для снаряженія предварительной экспедиціи къ Шпицбергену и въ область вѣчнаго льда потребуется не менѣе 5 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Гохштеттеръ, соглашавшійся съ мнѣніемъ Петерманна, что указанный имъ путь болѣе вѣрный, замѣтилъ, однако, что отправленіе предварительной экспедиціи совершенно излишне, а что слѣдуетъ обратить главное вниманіе на сборъ средствъ для снаряженія главной экспедиціи. Въ подобномъ же смыслѣ высказался адмиралъ Виллерсторфъ въ своемъ письмѣ, обращенномъ къ собранію, а равно Неймайеръ изъ Мельбурна, добавляя, что онъ сомнѣвается, кромѣ того въ томъ, чтобы предварительная экспедиція вообще была встрѣчена съ сочувствіемъ. Послѣ этого Петерманнъ взялъ свое предложеніе о предварительной экспедиціи назадъ. Затѣмъ все собраніе постановило единогласно, что нѣмцами непремѣнно должна быть отправлена экспедиція въ область сѣвернаго полюса. Тутъ же былъ избранъ исполнительный комитетъ. Онъ состоялъ изъ Петер-

Подобно тому какъ отъ брошеннаго въ воду камня круги на поверхности ея расходятся все далѣе и далѣе, такъ и мысль Петерманна встрѣтила сочувствіе не только въ Германіи, но почти во всѣхъ странахъ образованнаго міра. Вопросъ о сѣверномъ полюсѣ обратилъ на себя вниманіе въ Англіи. Проектъ новой экспедиціи къ полюсу подвергся всестороннему обсужденію и былъ обстоятельно разобранъ въ лондонскомъ географическомъ обществѣ самыми выдающимися знатоками дѣла мореплаванія вообще и арктическаго въ особенности. Англійскіе ученые не могли придти къ соглашенію относительно способа осуществленія даннаго проекта и потому, отвергли мысль Петерманна о возможности пробраться къ сѣверному полюсу чрезъ часть Ледовитаго океана, омывающую Европу. Гораздо энергичнѣе принялась за это дѣло въ 1867 г. Франція: лейтенантъ Густавъ Ламбертъ представилъ колоссальный проектъ экспедиціи къ сѣверному полюсу черезъ Беринговъ проливъ. Можно бы только поздравить науку, если бы состоялось подобнаго рода предпріятіе, но оно требовало такихъ необычайныхъ расходовъ, что на изысканіе ихъ потратили бы слишкомъ много времени, не смотря на то, что императоръ Наполеонъ съ великодушною щедростію немедленно пожертвовалъ отъ себя 50 тыс. франк. Приготовленія къ новой французской полярной экспедиціи были еще болѣе подстрекаемы открытіемъ въ 1867 году американскимъ капитаномъ Лонгомъ новой полярной, земли къ сѣверу отъ Новосибирскихъ острововъ и были прерваны только германо-французскою войною, жертвою которой палъ храбрый защитникъ Густавъ Ламбертъ. Наука утратила въ немъ одного изъ своихъ видныхъ дѣятелей.

Пока Англія обсуждала и соображала, оставаясь въ бездѣйствіи, а Франція вооружалась не разсуждая, въ Германіи энергично принялись хлопотать о средствахъ къ отправленію полярной экспедиціи. Сначала дѣйствовалъ, правда, одинъ только Петерманнъ, который и словомъ и дѣломъ трудился надъ исполненіемъ своего проекта. Ему одному принадлежитъ заслуга снаряженія первой экспедиціи нѣмцевъ къ сѣверному полюсу, заслуга, которая не должна и не можетъ быть уменьшена пустыми придирками, съ которыми, какъ въ самой Германіи, такъ и за пре-

---

манна, адмирала Вюллесторфа, Гохштеттера изъ Вѣны, Годефруа и Герца изъ Гамбурга, Мейера и сенатора Гартлауба изъ Бремена, Вернера, капитана прусскаго корвета, Шауба, директора гидрографическаго института въ Триестѣ, Неймайера изъ Мельбурна, Фредена изъ Ольденбурга, Гаазе изъ Ганновера, Фольгера изъ Франкфурта, а равно изъ предсѣдателей географическихъ обществъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Лейпцигѣ и Франкфуртѣ.

дѣлами ея нерѣдко относились къ его труду. Здѣсь не мѣсто, представить читателю всѣ тѣ затрудненія, съ которыми пришлось бороться прежде чѣмъ небольшая яхта Германія могла выйти въ море. Упомянемъ только, что проектъ и возрѣніи Петерманна встрѣтили самую усердную поддержку именно тамъ, гдѣ этого менѣе всего можно было ожидать: въ императорскомъ географическомъ обществѣ въ Вѣнѣ, предсѣдатель котораго, профессоръ Гохштеттеръ, знаменитый геологъ, участвовавшій въ Новарской экспедиціи, былъ горячимъ сторонникомъ Петерманна. Ему содѣйствовали секретарь общества Беккеръ и нѣсколько вліятельныхъ членовъ, въ числѣ которыхъ были фельдцейхмейстеръ Гауслабъ, баронъ Гельфертъ, Штейнгаузеръ и авторъ этой книги. Необыкновенно живое участіе къ этому дѣлу высказывалъ тогдашній австрійскій военный министръ Баронъ Кунъ. Не смотря на все это, Петерманну пришлось еще долго ожидать исполненія своего проекта.

Съ окончаніемъ шлезвигъ-гольштейнской войны германское національное чувство получило новый толчекъ: призывы Петерманна пали на благопріятную почву, его предложенія встрѣтили поддержку. Еще въ 1865 г. было поручено прусскому моряку, капитану Рейнгольду Вернеру предпринять изъ Гамбурга плаваніе съ цѣлью изслѣдовать льды между Шпицбергеномъ и Новою Землею и опредѣлить, какого направленія должна была держаться настоящая большая экспедиція. Къ сожалѣнію, Вернеръ едва успѣлъ выйти въ море, какъ уже вынужденъ былъ вернуться, такъ какъ въ машинѣ его судна оказалось такого рода поврежденіе, которое не могло быть исправлено своими средствами. Въ слѣдующемъ году разразилась австро-прусская война и отвлекла вниманіе прусскаго правительства отъ дѣла, которое оно удостоило было своего покровительства. Петерманнъ не унывалъ, не взирая на всѣ неудачи. Онъ обратился съ призывомъ къ всему германскому народу, прося помощи и денежнаго пособія для выполненія этого національнаго дѣла. Пожертвованія посыпались со всѣхъ сторонъ. Въ 1868 году старанія нѣмецкаго ученаго увѣнчались успѣхомъ и судно, руководимое неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ штурманомъ Карломъ Колдеемъ, вышло въ море изъ Бергена, въ Норвегіи, подъ національнымъ германскимъ флагомъ. Колдеевъ ¹⁾ изъ одной любви къ своему дѣлу предложилъ руко-

¹⁾ Колдеевъ родился 26 октября 1837 г., въ Букенѣ, около Готы. въ Ганноверѣ, посѣщалъ съ 1849 до 1852 гимназію въ Клаузгалѣ, весной 1853 г. впервые пошелъ въ море и посвятилъ ему съ этихъ поръ всю свою карьеру, начавъ съ простаго корабельнаго юнга. Въ 1859 году слушалъ лекціи въ нижней штурманской школѣ въ Бременѣ, сдалъ экзаменъ и послѣ этого поступилъ на

дѣть эту экспедицію безъ всякаго денежнаго вознагражденія. Старшимъ штурманомъ и помощникомъ командира былъ Ричардъ Гильдебрандтъ, сынъ магдебургскаго пастора, а младшимъ Георгъ, Генрихъ Зенгштаке изъ Бремена. Колдевей купилъ въ Бергенѣ яхту „Гренландію“ восьмидесяти тоннъ вмѣстимости, переименовалъ ее въ „Германію“, сдѣлалъ необходимыя для сѣвернаго

Капитанъ Карлъ Колдевей.

плаванія приспособленія и нанялъ 13 чел. матросовъ. Отъ этой первой нѣмецкой экспедиціи, снаряженной на весьма слабыя средства, само собою разумѣется, нельзя было ожидать важныхъ географическихъ открытій въ полярныхъ областяхъ и вообще какихъ

корабль, отправлявшійся въ Остъ-Индію. Верхнюю штурманскую школу Колдевей прошелъ въ 1861 г. и затѣмъ опять плавалъ въ различныхъ моряхъ до 1866 года. Во время своихъ плаваній по пути въ Архангельскъ, онъ обогнулъ разъ Нордкапъ и при этомъ познакомился съ сѣвернымъ океаномъ. Съ 1866 года онъ посвятилъ себя въ теченіи двухъ лѣтъ высшему научному образованію, посѣщая для изученія математики, физики и механики сначала политехническую школу въ Ганноверѣ, а потомъ Геттингенскій Университетъ. Съ 1875 года состоитъ въ должности германскаго императорскаго совѣтника морскаго министерства и начальника 2-го отдѣленія германской морской станціи въ Гамбургѣ.

либо существенныхъ результатовъ. Она имѣла преимущественно цѣлю, въ видѣ передового отряда, опредѣлить, въ какомъ направленіи и какъ далеко простирается къ сѣверу Гренландія, такъ какъ этимъ обуславливаются мѣстныя морскія теченія, равно какъ и состояніе льдовъ и климата въ мѣстностяхъ, окружающихъ сѣверный полюсъ. Если бы не удалось проникнуть до берега Гренландіи, то Колдевею было поручено отыскать предполагаемую къ востоку отъ Шпицбергена землю Гиллиса, но во всякомъ случаѣ вернуться къ осени того же года въ Европу.

24 мая 1868 года „Германія“ вышла въ море изъ Бергена, въ Норвегіи, подъ флагомъ сѣверо-германскаго союза. До острова Яна Майена переходъ былъ быстрый и благопріятный, въ шесть дней „Германія“ прошла 11 градусовъ широты, и сдѣлала слѣдовательно по прямой линіи около 1224 килом. и это при переменнѣйшей погодѣ, такъ какъ бывали и сильныя штормы и полное затишье и вообще вѣтеръ часто переменялъ свое направленіе. У Яна Майена утромъ, 30 мая, налетѣлъ сильный штормъ съ востока, волненіе было страшное, воздухъ густой и наполненный влажностью, такъ что едва можно было различать что либо на разстояніи морской мили, температура понизилась съ $+7^{\circ}5'$ до $-1^{\circ}25'$ Ц., мелкій дождь превратился въ острия ледяныя иглы, а снасти покрылись ледяною корою. Съ Яна Майена взяли курсъ на сѣверо-востокъ, прямо къ Гренландіи; въ теченіи двухъ дней прошли 370 килом. при густомъ туманѣ, ясно указывавшемъ на близость льдовъ. Только 5 іюня, подъ $74^{\circ}50'$ сѣв. шир. и $10^{\circ}38'$ зап. долг. во 124 килом. отъ Гренландскаго берега встрѣтили первый ледъ, на который тотчасъ же и ни мало не задумываясь направили яхту и, дѣйствительно, черезъ три дня послѣ страшныхъ усилій удалось таки подняться до $75^{\circ}19'$ сѣв. шир. при $12^{\circ}48'$ зап. долг. 8 іюня опять налетѣлъ сильный штормъ съ востока, причѣмъ маленькой „Германіи“ пришлось вынести страшныя толчки, но она держалась бодро и вышла изъ борьбы побѣдительною, не получивъ никакихъ поврежденій.

Бурная погода продолжалась, пришлось прикрѣпить судно къ плотному льду и плыть имѣть съ нимъ къ югу, пока вѣтеръ и ледъ не измѣнили бы положеніе дѣлъ. Въ это время занимались астрономическими наблюденіями и охотою на бѣлыхъ медвѣдей. Къ 16 іюня яхта была снесена до $73^{\circ}47'$ сѣв. шир. и $15^{\circ}40'$ зап. долг.; отсюда былъ видѣнъ весь берегъ „Hudsons Hold with Hope“ (Гудсоново пристанище съ надеждою) до острова Сабине, на разстояніи около 125 килом., такъ какъ погода была чрезвычайно ясна и воздухъ замѣчательно прозраченъ, но добраться до этихъ

мѣстъ не представлялось никакой возможности: восточный вѣтеръ, дувшій въ теченіи всей предъидущей недѣли, нагналъ къ берегу и нагромоздилъ тамъ страшную массу льдинъ. Къ 20 іюня „Германія“ вмѣстѣ съ окружающими ее льдами спустилась до $73^{\circ}20'$ сѣв. шир. при $16^{\circ}18'$ зап. долг. Въ этотъ день подошла къ яхтѣ лодка съ корабля „Діаны“, плывавшаго на разстояніи лишь немногихъ километровъ, но уже на вольной водѣ. Вскорѣ послѣ этого свѣжій нордостъ (сѣверо-восточный вѣтеръ) освободилъ плѣнниковъ. Такъ какъ попытка пробраться между льдами до берега не удалась, то Колдевей взялъ, согласно инструкціи, курсъ на Шпицбергенъ, намѣреваясь изслѣдовать положеніе земли Галлиса. Прежде всего „Германія“ хотѣла подойти къ группѣ „1000 острововъ“, лежащихъ на южной сторонѣ Шпицбергена, но и до нихъ не могла проникнуть изъ-за льдовъ, и должна была удовольствоваться тѣмъ, что изслѣдовала уже довольно извѣстное западное побережье Шпицбергена до $80^{\circ}30'$ сѣв. шир. Еще разъ была сдѣлана попытка подойти къ восточному берегу Гренландіи, но также безуспѣшно; такимъ образомъ главная цѣль экспедиціи—обозрѣть восточный берегъ Гренландіи отъ 75° къ сѣверу осталась недостигнутою. Чтобы не потерять остальное время совершенно безъ пользы, „Германія“ вернулась къ Шпицбергену и, обогнувъ сѣверную часть его, подошла къ проливу Гинлопенъ, южная часть котораго никогда еще не была посѣщаемъ съ научною цѣлью. Здѣсь капитанъ Колдевей встрѣтилъ норвежскаго моржелова Тобисена, который въ то время, какъ „Германія“ занималась южною частью пролива, изслѣдовалъ обширный заливъ Августы, находящійся въ сѣверо-восточной части острова. Кромѣ того Тобисень осмотрѣлъ къ югу отъ острова Вайгата довольно большой островъ „Вильгельмъ“, отдѣленный отъ главнаго острова Шпицбергена проливомъ Бисмаркомъ, у входа въ который къ востоку находится небольшая группа острововъ „Бастіана“. Судя по этому, можно бы подумать, что первая нѣмецкая экспедиція сдѣлала здѣсь какія-либо новыя открытія; отнюдь нѣтъ. Шпицбергенъ и окружающіе его острова уже болѣе ста лѣтъ хорошо извѣстны. Такъ, на примѣръ, названные экспедиціею острова Вильгельма и Бастіана, проливъ Бисмарка, значатся уже на старой картѣ Кейлена и вообще на всѣхъ картахъ новѣйшаго времени; только официальная карта Швеціи показываетъ островъ Вильгельма въ видѣ мыса, но это ошибка, которую другія шведскія карты въ то время уже исправили. Еще за годъ передъ этимъ, въ 1867 году, капитанъ Ренибекъ изъ Гаммерфеста, открылъ по восточному берегу Шпицбергена, подъ 79° сѣв. шир., группу многочисленныхъ острововъ—тѣ же острова Бастіана, вошелъ въ заливъ Бьёрнъ, который оказа-

лся узкимъ проливомъ—тотъ же проливъ Бисмарка, а зачѣмъ по палъ въ проливъ Гинлопенъ. Этимъ плаваніемъ онъ во всякомъ случаѣ обезпечилъ за собою первенство открытія. Послѣ довольно продолжительнаго и не безуспѣшнаго пребыванія въ этихъ мѣстахъ, настало наконецъ время возвращенія. „Германія“ вновь взяла курсъ на сѣверъ, достигла 14 сентября 1866 г. $81^{\circ}4,5$ сѣв. шир. при $15^{\circ}17$ вост. долг., и затѣмъ вернулась прямо въ Бергенъ, куда и прибыла 30 сентября. Этимъ и окончилось первое полярное плаваніе нѣмцевъ.

Хотя экспедиціи и не удалось разрѣшить главной своей задачи, зато сдѣланныя ею гидрографическія и метеорологическія наблюденія представляютъ драгоцѣнный научный матеріалъ. Гдѣ только представлялась возможность, были сдѣланы магнитныя наблюденія и измѣренія глубины лотомъ. Было открыто, что южная часть сѣверо-восточной земли имѣетъ иное географическое положеніе, чѣмъ до сихъ поръ полагали, что такъ называемая „нѣмецкая бухта“ гораздо глубже вдается въ землю и наконецъ къ югу отъ мыса Тореля существуютъ еще другіе выдающіеся мысы. Отъ мыса Лоокуть къ югу, до Медвѣжьего острова, тянется подводный рифъ, на которомъ мѣстами не болѣе 36 метр. глубины, на концѣ же лотъ не доставалъ два, не смотря на то что былъ выпущенъ на 360 метровъ. Измѣренія глубины, впрочемъ, дѣлались очень рѣдко и отчасти неудовлетворительно. Наибольшая абсолютная глубина, которой достигла „Германія“, составляла 550 метр., тогда какъ шведы въ то же время находили изумительную глубину въ 4754 метра. Взамѣнъ того вполне удовлетворительно разрѣшенъ первою нѣмецкою экспедиціею вопросъ о ширинѣ теплаго, сѣверо-восточнаго теченія, которое мы подъ названіемъ „Гольфштрема“ можемъ прослѣдить до Сѣвернаго моря, между Фарерскими островами и Исландіею, а еще явственнѣе по углубленному до 1280 метровъ дну, между Фарерскими же островами и Шотландскими. Рядъ вполне согласующихся наблюденій, какъ надъ температурою воды, такъ и надъ самымъ теченіемъ, не оставляетъ мѣста никакому сомнѣнію, что въ іюль, августъ и сентябръ по западной сторонѣ Шпицбергена встрѣчается длинный, узкій, направляющійся къ сѣверу отрогъ Гольфштрема, 5° теплоты, и простирающійся до $80^{\circ}10'$ сѣв. шир., при средней восточной долготѣ 8° . Съ востока это боковое теченіе окаймлено узкимъ и холоднымъ береговымъ теченіемъ вдоль Шпицбергена къ югу, а съ запада большимъ арктическимъ теченіемъ, стремящимся къ югу-же. Директоръ сѣверогерманской морской станціи В. Фреденъ руководствуясь наблюденіями экспедиціи составилъ карту изотермъ гренландскаго моря, наглядно изо-

бражающую постепенное пониженіе температуры моря отъ береговъ Норвегіи по направленію къ восточной Гренландіи¹⁾.

Нисколько не озадаченный, собственно говоря, неуспѣхомъ, перваго плаванія, Петерманнъ продолжалъ неутомимо трудиться, и изыскивать средства для снаряженія новой, лучше снабженной экспедиціи, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Одновременно съ нимъ въ пользу этого великаго предпріятія дѣйствовалъ собравшійся въ Бременѣ комитетъ, дѣятельность котораго, въ особенности въ послѣдствіи, оказалась, впрочемъ, не совсѣмъ безупречною. За исключеніемъ большей части царствующихъ лицъ Германіи и вольныхъ городовъ, въ остальномъ населеніи, въ особенности на югѣ, предпріятіе это не было встрѣчено съ ожидаемымъ участіемъ. Наконецъ однако были собраны необходимыя денежныя средства, доставившія возможность снарядить экспедицію на два года и притомъ настолько полно и удобно, что не оставалось желать ничего лучшаго.

Къ сожалѣнію, вскорѣ послѣ возвращенія первой нѣмецкой экспедиціи, возникли непріятности между Петерманномъ и Колдевеемъ, побудившія послѣдняго въ Мартѣ 1869 г. выступить противъ Петерманна, съ „проектомъ“, имъ самимъ составленнымъ. Не смотря на все это Петерманнъ былъ и оставался душою всѣхъ полярныхъ предпріятій, для которыхъ онъ уже трудился въ теченіи 17 лѣтъ. Въ интересахъ науки нельзя не пожалѣть что столкновенія между главными сотрудниками въ этомъ дѣлѣ сдѣлались гласными. Исторія путешествій къ сѣверному полюсу тѣмъ менѣе можетъ пройти молчаніемъ этотъ споръ, что онъ былъ причиною раздѣленія ученаго міра Германіи на два лагеря, изъ которыхъ къ одному принадлежалъ Петерманнъ, а къ другому — Колдевей. Къ послѣднему лагерю присоединились и члены бременскаго комитета. Петерманну удалось однако, собрать въ Германіи необходимыя для снаряженія второй экспедиціи денежныя средства. При этомъ онъ сдѣлалъ совершенно непостижимую ошибку, поручивъ начальство надъ эскадрою тому же Колдевею. Весьма мѣтко выразился объ этомъ одинъ изъ образованнѣйшихъ дѣятелей Англіи: человекъ, обладающій меньшею выдержкою, чѣмъ Петерманнъ, непременно упалъ бы духомъ вслѣдствіе неуспѣха (первой экспедиціи), а всякій менѣе благородно-мыслящій оставилъ-бы Колдевея въ сторонѣ и искалъ бы другого капитана¹⁾. Петерманнъ поступилъ иначе: онъ далъ Колдевею, неудачно

¹⁾ Petermanns Geogr. Mitth. 1869 г. табл. 11 съ объяснительною къ ней статью Фредена: Die wissenschaftlichen Ergebnisse der erste deutschen Northfahrt.

¹⁾ „Leisure Hour“ № 1038 отъ 18-го ноября 1871 г.

окончившему первую экспедицію, случай опять отличиться. Хотя Колдевей поступалъ весьма неделикатно, угрожая постоянно отказаться отъ принятаго имъ командованія и чуть было этого не исполнилъ въ самый день выхода экспедиціи въ море, если бы его не удержало только присутствіе короля прусскаго въ Бремергафенѣ, тѣмъ не менѣе удалось избѣгнуть публичной непріятности и экспедиція выступила въ назначенный день.

Петерманнъ былъ того мнѣнія, что восточная Гренландія представляетъ самый удобный базисъ для дѣйствій, клонящихся къ разрѣшенію полярнаго вопроса. Какъ первой экспедиціи, такъ и второй онъ поставилъ въ непремѣнную обязанность принять восточную Гренландію за таковой базисъ, въ томъ убѣжденіи, что научное изслѣдованіе этого берега къ сѣверу, отъ 75° сѣв. шир. поведетъ къ интереснымъ открытіямъ и представить, можетъ быть, возможность проникнуть до самаго полюса. Капитанъ Клаверингъ достигъ 12-го августа 1823 года только острова Шаннона подъ $75^{\circ}14'$. Петерманнъ просилъ Колдевея остерегаться пути по западной сторонѣ Шпицбергена. Какъ въ составленной имъ для „Германи“, такъ еще болѣе въ 1869 году, въ инструкціи 2-й германской экспедиціи къ полюсу, Петерманнъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывался противъ Шпицбергена, какъ исходной точки изслѣдованія сѣвера. Онъ имѣлъ въ виду другой путь къ полюсу, по восточной сторонѣ Шпицбергена и именно по той части Ледовитаго океана, которая отдѣляетъ группу Шпицбергенскихъ острововъ отъ двойнаго острова Новой Земли; здѣсь полагалъ онъ, условія льдовъ могутъ быть вполне благопріятными. Если бы когда нибудь состоялась экспедиція изъ двухъ кораблей, то, по мнѣнію Петермана, одинъ долженъ былъ-бы непремѣнно идти этимъ путемъ. Такъ какъ теперь дѣйствительно два корабля должны были выйти въ море, то завѣтный планъ могъ быть приведенъ въ исполненіе. Но Колдевей этому воспротивился, онъ не хотѣлъ идти къ полюсу по указанному Петерманомъ пути между Шпицбергеномъ и Новою Землею ¹⁾. Петерманнъ долженъ былъ согласиться отправить оба судна къ восточной Гренландіи. За это согласіе заплатились однимъ кораблемъ.

Капитанъ Гегеманъ.

¹⁾ Это собственные слова Колдевея (Hansa 1871 г. № 10 примѣч. 92).

Вторая нѣмецкая полярная экспедиція состояла изъ нарочно построеннаго для этой цѣли винтоваго парохода „Германія“ и паруснаго судна „Ганзы“—оба въ 143 тонны вмѣстимости. Ганзою командовалъ Павелъ Гегеманъ изъ Ольденбурга, а Колдевей на „Германіи“ начальствовалъ надъ всею экспедиціею, въ составъ которой вошли между прочимъ шесть ученыхъ. Изъ нихъ четверо поѣхали на „Германію“: астрономы и физики д-ръ Карлъ Бергенъ ¹⁾ и д-ръ Р. Копеландъ ²⁾ отъ королевской обсерваторіи въ Геттингенѣ, старшій лейтенантъ австрійской арміи Юлій Пайеръ, отличившійся въ Альпахъ своими смѣлыми восхожденіями на глетчеры и изслѣдованіями вершинъ горъ, а теперь отправлявшійся собственно для изслѣдованія глетчеровъ Гренландіи и вообще внутренней части этой страны, и врачъ Адольфъ Паншъ ³⁾,—для изслѣдованій по части зоологіи, ботаники, этнологіи и антропологіи; на „Ганзѣ“ были: Рейнгольдъ Бухгольцъ ⁴⁾,—по части зоологіи, этнологіи и антропологіи и австрійскій геологъ д-ръ Густавъ Лаубе ⁵⁾. 15 іюня оба судна — Германія и Ганза — вышли изъ Бремена и уже 15 іюля подошли ко льду, окаймляющему въ видѣ непроницаемаго пояса берегъ восточной Гренландіи. Холодное полярное теченіе, идущее вдоль восточнаго берега Гренландіи, благопріятствуетъ образованію здѣсь массы льдовъ, затрудняя таяніе ихъ въ теченіи лѣта, даже препятствуя ему, а съ другой стороны пригоняя извнѣ громадныя горы полярнаго льда, вслѣдствіе чего плаваніе вдоль этого берега сопряжено съ величайшею опасностью.

До 19-го іюля оба корабля плыли къ сѣверу вдоль ледянаго пояса вмѣстѣ. Уже раньше густой туманъ нѣсколько разъ разлучалъ ихъ на короткое время; 20-го іюля однако, суда разстались окончательно. Вслѣдствіе ошибочно понятаго сигнала, „Ганза“ поставила большее, чѣмъ слѣдовало число парусовъ и направилась такимъ образомъ съ удвоенною силою непосредственно — къ своей гибели; „Германія“ отстала и экипажи обѣихъ судовъ встрѣтились опять только въ Бременѣ, но уже безъ „Ганзы“. Разстались подъ 74°4' сѣв.

¹⁾ Родился 1-го октября 1843 г. въ Шлезвигѣ, теперь состоитъ ассистентомъ обсерваторіи въ Геттингенѣ.

²⁾ Родился 3-го сентября 1838 г. въ Водилумптонѣ въ Англіи, съ 1867 состоитъ ассистентомъ—любителемъ обсерваторіи въ Геттингенѣ.

³⁾ Теперь профессоромъ въ Килѣ.

⁴⁾ Родился 2-го октября 1837 г. во Франкфуртѣ на Одерѣ, былъ доцентомъ Грейфсвальдскаго университета, гдѣ и умеръ 17-го апрѣля 1876 г., состоя въ должности ординарнаго профессора зоологіи, вслѣдствіе лихорадки, полученной имъ во время пребыванія съ іюня 1872 г. по ноябрь 1875 г. подъ экваторомъ въ западной Африкѣ.

⁵⁾ Родился въ Теплицѣ, былъ ассистентомъ профессора Гохштеттера въ Вѣнѣ.

шир. и $12^{\circ}52'$ зап. долготы. Съ этого момента началась страшная борьба „Ганзы“ со льдами. Всѣ попытки проломать ледъ были тщетны: слабое судно, лишенное преимущества паровой силы, не могло разбить ледяного пояса, и не смотря на то что „нѣсколько разъ берегъ былъ близко въ виду, ни разу не удалось пристать къ нему изъ-за льдовъ. Почти два мѣсяца „Ганза“ боролась съ враждебными стихіями. Послѣ того, какъ уже нѣсколько разъ опасность угрожала кораблю быть окончательно затертымъ льдами,—отъ чего онъ до сихъ поръ избавлялся только благодаря страшнымъ усиліямъ команды, нельзя было не придти въ началѣ сентября къ тому убѣжденію, что совершенное замерзаніе „Ганзы“ во льдахъ—вопросъ еще только кратчайшаго времени. Необходимо было съ зрѣлою обдуманностью принять указанныя въ подобномъ случаѣ мѣры. 14-го сентября „Ганза“ окончательно замерзла подъ $73^{\circ}25,7'$ сѣв. шир. и $18^{\circ}39,5'$ зап. долг. Но еще раньше было уже замѣчено, что ледъ постоянно подвигается къ югу. Только это обстоятельство могло еще спасти экипажъ „Ганзы“. Команда судна проводила время въ охотѣ на медвѣдей и лисицъ, въ катаніи на конькахъ, въ изслѣдованіи замѣчательнаго процесса образованія льдинъ, въ гимнастикѣ и въ игрѣ въ мячикъ. Когда въ концѣ сентября не предвидѣлось уже никакой возможности освободиться изъ льда и перезимованіе здѣсь съ кораблемъ или безъ него являлось неизбѣжною необходимостью, то пришлось устроиться на зиму, имѣя при этомъ въ виду, что „Ганза“, можетъ быть, подвергнется полнѣйшему крушенію. Неустрашимые смѣльчаки немедленно принялись за дѣло: въ семь дней, съ 27-го сентября по 3-го октября, они выстроили на льдинѣ постоянно продолжавшей подвигаться къ югу домъ въ $6\frac{1}{2}$ метр. длины, $3\frac{1}{2}$ ширины и 2 вышины. Домъ этотъ былъ поставленъ въ 450 шагахъ отъ корабля и въ него перенеслась имѣвшаяся на суднѣ часть продовольственныхъ запасовъ. Внутреннее устройство было настолько удобно, на сколько это оказалось возможнымъ на гренландской льдинѣ, среди полярнаго моря, въ едва вообразимой дали отъ человѣческихъ жилищъ,

Между тѣмъ „Ганза“ непрерывно подвергалась опаснѣйшимъ ударамъ льда. „Въ правильные промежутки, какъ бы вслѣдствіи равномернаго волненія моря, слышны были подъ льдомъ сотрясенія и взрывы, визгъ и свистъ. То казалось, будто скрипитъ дверь, то будто переливаются тысячи человѣческихъ голосовъ, то наконецъ будто тормозится поѣздъ желѣзной дороги“. При страшномъ напорѣ льдовъ „Ганза“ близилась къ своей неминуемой гибели. Теперь оставалось позаботиться объ одномъ: какъ бы спасти, что возможно. Команда работала съ неутомимымъ рвеніемъ, при холодѣ -25° Ц. 21-го октября ледъ довершилъ свое дѣло:

„Ганза“, будучи окончательно раздавлена, потонула 22-го октября въ 10 километрахъ отъ Гренландскаго берега, подъ 70°52' сѣв. шир. и 21° запад. долг. Слѣдующіе за тѣмъ дни прошли въ трудахъ по устройству новаго помѣщенія и вообще по приведенію всего болѣе или менѣе въ порядокъ. Владѣльцы льдины водрузили на ней германскій флагъ. Въ домѣ удавалось довести теплоту до 22° 5 Ц. Постепенно все вошло въ обычную колею и катастрофа какъ-бы забыта. Въ то время, какъ „Германія“ безмятежно и спокойно зимовала въ гавани, экипажъ „Ганзы“ скитался на льдинѣ, какъ „пассажиры Бога Всевышняго“

Обширная крѣпкая льдина (15-ти метровъ толщины—изъ нихъ 1 метръ надъ водою—и нѣсколькихъ километровъ въ діаметрѣ), повидимому, представляла пока безопасное убѣжище нашимъ храбрецамъ, преспокойно ожидавшимъ рѣшенія своей судьбы. Охота и наблюденіе дивныхъ явленій арктической природы составляли единственное ихъ развлеченіе. Свѣжее мясо попадавшихся повремени бѣлыхъ медвѣдей, составляло роскошное блюдо сравнительно съ обыкновенной скудною морскою порціею; нерѣдкое зрѣлище сѣвернаго сіянія поражало путешественниковъ своимъ великолѣпіемъ и разнообразіемъ. Иногда плыли очень быстро, такъ, напримѣръ, съ 5-го по 13-е ноября дѣлали по 15 километровъ въ сутки. Зимой по-временамъ дулъ сильный вѣтеръ, порою-же погода была тиха и ясна, при сильномъ морозѣ; по цѣлымъ мѣсяцамъ ничего не случалось, что заслуживало бы какого-либо вниманія. Въ торжественномъ настроеніи отпраздновали храбрецы праздникъ Рождества Христова, вскорѣ однако ихъ однообразное спокойствіе было прервано ужаснѣйшимъ образомъ.

Страшныя штормы, разводившіе необычайное волненіе, угрожали разбить льдину, а вмѣстѣ съ тѣмъ и утопить весь экипажъ Ганзы. Какой-то странный шумъ возбуждалъ страхъ и опасеніе: „скрежетъ, стукъ и трескъ, шумъ пилы, стонъ и скрипъ будто нечистые духи разыгрались подъ нашею льдиною — ужасная ледяная музыка!“ 4-го января буря уgomонилась; льдина значительно уменьшилась. Съ 11-го по 15-е января опять дулъ страшный вѣтеръ, льдина все уменьшалась: она уже имѣла всего 50 метровъ въ діаметрѣ и 14-го января дала трещину возлѣ самаго жилища; вскорѣ другая трещина угрожала разломать домъ пополамъ. Въ моментъ самой страшной бури бѣдные страдалцы должны были бросить свою теплую хижину и пріютиться ночью на лодкахъ. „Эта ночь была самая страшная во все время нашего плаванія на льдахъ; казалось, ей нѣтъ конца“. До 19-го числа команда жила въ лодкахъ; къ этому дню успѣли выстроить новый домъ, вмѣсто разваливашагося хотя и значи-

тельно меньшихъ размѣровъ. Опять нѣсколько успокоились; льдина неслась со своими пассажирами безостановочно къ югу довольно скоро и сравнительно не угрожая большою опасностью. 7-го мая было рѣшено оставить льдину, пересѣвъ на лодки, на которыхъ и продолжать плаваніе до южногренландскихъ поселеній. На льдинѣ экипажъ Ганзы сдѣлалъ по это число 2002 километра. Среднимъ числомъ около 7,6 километра въ день. Интересно сдѣлать сравненіе температуры: средняя наименьшая температура на льдинѣ была въ ноябрѣ 1869 = $-13,61^{\circ}$, наибольшая температура въ маѣ = $+2,06^{\circ}$; на „Германи“ въ январѣ 1870 г. наибольшая = $-19,32^{\circ}$, а въ сентябрѣ 1869 = $-3,47^{\circ}$. Наименьшая температура была 20 дек. 1869 — $25,9^{\circ}$, а наибольшая 28-го апрѣля 1870 г. $+10^{\circ}$ Ц.

Льдина, на которой неутомимая команда провела 200 дней, была ею оставлена подъ $61^{\circ}12'$ сѣв. шир. при 42° зап. долг. Южная оконечность Гренландіи съ ея разбивающимъ ледъ волненіемъ и мысъ Фаревель съ его неугомонными штормами были уже недалеко. Продовольственные запасы приходили къ концу, по направленію къ берегу показывалась свободная вода; всѣ три вельбота, которые держали всегда на-готовѣ, были черезъ четыре часа спущены на воду съ полнымъ вооруженіемъ и необходимыми запасами, команда разсѣлась по лодкамъ, изъ которыхъ „Надежда“ ввѣрена управленію капитана Гегемана, „Бисмаркъ“ — штурмана Гильдебрандта и „Король Вильгельмъ“ — штурмана Баде. Паруса подняли при троекратномъ крикѣ ура! Плаваніе продолжалось однако только два дня, приблизиться къ берегу помѣшалъ ледъ въ 66 километр. шириною. Пришлось лодки опять вытащить и проволочить ихъ съ неимовѣрными затрудненіями поперегъ всего ледяного пояса. Эта страшная работа продолжалась съ 10-го мая по 4 іюня—25 дней—при половинной порціи продовольствія; въ день дѣлали не болѣе пятисотъ шаговъ; пища сгорѣвалась на спиртовыхъ лампахъ, отъ блеска снѣга у многихъ начали страдать глаза и вмѣсто утерянныхъ темныхъ очковъ, пришлось употреблять для огражденія глазъ цвѣтныя стекла изъ астрономическихъ инструментовъ.

4-го іюня добрались наконецъ до берега пустыннаго острова Идлуйтлика подъ 61° сѣв. шир. На ледяномъ берегу нѣсколько отдохнули и отпраздновали Св. Троицу. Съ 6-го по 13-е іюня всѣ три лодки съ Ганзы поплыли къ югу вдоль отвѣснаго берега, на которомъ только изрѣдка показывались жалкіе признаки растительности. Не взирая на затрудненія и сильный вѣтеръ плаваніе увѣнчалось успѣхомъ. 13-го іюня вошли въ широкую бухту, на берегу показалась зелень и красныя крышки домовъ.

Стоявшіе на утесахъ люди съ изумленіемъ смотрѣли на загадочное появленіе трехъ лодокъ, каіякъ ¹⁾, боязливо придерживаясь берега, быстро прошелъ мимо, и вдругъ послышался радостный крикъ: „вѣдь это нашъ родной германскій флагъ!“ Экипажъ Ганзы былъ спасенъ, первые, встрѣтившіе храбрецовъ дружественнымъ пожатіемъ руки, были земляки-нѣмцы. Миссіонеры Старикъ и Герике изъ Фридрихсталя пріютили самымъ дружественнымъ образомъ своихъ соотечественниковъ, потерпѣвшихъ крушеніе, ухаживая съ материнскимъ вниманіемъ за выбившимися изъ силъ. 16-го іюня датскій бригъ „Констанцъ“ принялъ ихъ къ себѣ на бортъ, 3-го іюля они вышли изъ колоніи Юліангааба, и прибыли послѣ продолжительнаго перехода 1-го сентября въ Копенгагенъ. 3-го числа герои Ганзы были уже на родинѣ ²⁾.

Несравненно, разумѣется, значительнѣе были результаты, достигнутые главнымъ кораблемъ экспедиціи „Германію“. Разставшись съ Ганзою, Германія встрѣчалась два раза съ пароходомъ „Улей“, о которомъ будетъ еще рѣчь ниже, дошла до пояса полярнаго льда и увидала за нимъ вдали сѣверовосточный берегъ Гренландіи ³⁾. Сѣверный вѣтеръ и быстрое теченіе отнесли однако корабль къ югу; проникнуть здѣсь западнѣе не представлялось никакой возможности, почему пароходъ и вернулся къ ледяному поясу съ тѣмъ, чтобы сѣвернѣе 74° сѣв. шир. сдѣлать попытку пробраться черезъ ледъ. Съ помощью паровой силы удалось пробиться черезъ поясъ въ 150 километровъ ширины и дойти наконецъ до свободной отъ льда полосы воды возлѣ самаго берега. 5-го августа утромъ Германія бросила якорь на южной сторонѣ острова Сабине, принадлежащаго къ группѣ Пендулумъ. Въ слѣдующіе затѣмъ дни островъ этотъ былъ подробно изслѣдованъ и нанесенъ на карту. 10 числа можно было безпрепятственно идти далѣе къ сѣверу до мыса Филиппа Брока,—южной оконечности острова Шаннона и далѣе до 75°31' сѣв. шир. при 17°16' зап. долг. Скопившійся здѣсь ледъ сдѣлалъ дальнѣйшее движеніе къ сѣверу невозможнымъ, это былъ самый сѣверный пунктъ, достигнутый пароходомъ. Островъ Шаннонъ былъ подвергнутъ тщательному научному изслѣдованію. Онъ оказался гораздо больше, чѣмъ показанъ на картахъ, его крайняя сѣверовосточная точка „мысъ Бергенъ“ лежитъ подъ 75°26' сѣв. шир. и 18° зап. долг., а западный берегъ тянется прямо къ сѣ-

1) Мѣстное названіе лодки.

2) Густ. Лаубе: „Die Reise der Hansa ins nördliche Eismeer. Reisebriefe und Erinnerungsblätter. Prag. 1871. 8°.

3) Китобойное судно „Гудсонъ“ капитанъ Вестермайеръ, встрѣтило 1-го августа подъ 72°37' сѣв. шир. и 14°5' зап. долг. на разстояніи 2-хъ километровъ пароходъ „Германію“, а равно и „Улей“.

веру. Весь островъ производитъ вообще очень грустное впечатлѣніе. По окончаніи здѣсь 26-го августа геодезическихъ работъ, пошли опять къ югу и 27-го числа бросили якорь на южной сторонѣ острова „Маленькаго Пендулума“, гдѣ провели первую половину сентября, занимаясь съемкою острова на карту и другими научными изслѣдованіями, охотою на мускусныхъ быковъ, оленей и т. д. 13-го сентября Германія пошла опять въ маленькую бухту на югѣ острова Сабине, гдѣ она въ первый разъ стояла на якорѣ 5-го августа. Такъ какъ по расчету 5-го ноября солнце должно было исчезнуть съ горизонта на три мѣсяца, то необходимо было воспользоваться свѣтлымъ еще временемъ для изслѣдованія страны; поэтому уже 14-го сентября была предпринята поѣздка на саняхъ въ сѣверо-западномъ направленіи. Въ слѣдующіе дни Пайеръ, которому Колдевей сопутствовалъ въ этой трудной экскурсіи — они сами должны были тащить свои сани вѣсомъ въ 300 кил. вѣсу — проникъ во внутрь какаго-то фіорда, изслѣдованіемъ котораго и занялся. Въ честь директора императорскаго военно-географическаго института въ Вѣнѣ, фіордъ былъ названъ Пайеромъ „Флигели“¹⁾. Этотъ фіордъ отдѣляетъ отъ материка большой островъ „Кунъ“. Перешедши черезъ фіордъ, Пайеръ поднялся на вершину мыса „Вестенда“ въ 1220 метр. высоты, откуда ему открывался обширный кругозоръ, какъ на ближайшія горы, такъ и къ сѣверовостоку на покрытое льдомъ море. На обратномъ пути къ пароходу Пайеръ открылъ залежи бурога угля и многочисленныя окаменѣлости на такъ называемомъ „угольномъ“ островѣ. При ближайшемъ ознакомленіи съ этимъ островомъ оказалось, что какъ царство растительное, такъ и животное здѣсь сравнительно богато и имѣетъ многочисленныхъ представителей. 22 сентября путешественники вернулись къ пароходу, гдѣ между тѣмъ были сдѣланы необходимыя приготовленія къ зимовкѣ. Передъ самымъ наступленіемъ полярной ночи была предпринята еще одна поѣздка на саняхъ, на этотъ разъ къ югу, для изслѣдованія залива Гаель-Гамке. Въ ней принимали участіе опять-таки Пайеръ, душа всѣхъ подобныхъ предпріятій, д-ръ Копеландъ и три матроса. Эта поѣздка продолжалась съ 27-го октября по 4-е ноября. Послѣ продолжительныхъ странствованій и излишнихъ обходовъ, путешественники дошли наконецъ до лежащаго въ заливѣ боль-

¹⁾ Августъ ф. Флигели, фельдмаршалъ — лейтенантъ австрійской имперіи и съ 1858 года директоръ военно-географическаго института въ Вѣнѣ, родился въ 1811 году въ Яновѣ въ Галиціи, а умеръ въ Вѣнѣ 12-го апрѣля 1879 г. Онъ оказалъ наукѣ неоцѣнимыя заслуги собраніемъ и составленіемъ картъ, а равно работами по триангуляціи; завѣдуемый имъ институтъ обязанъ исключительно ему своею всемірно извѣстною репутаціею.

шаго острова Клаверинга съ его высокою, до 1520 метровъ, отвѣсною горою, покрытою вѣчными снѣгами. Между этимъ островомъ и сѣвернымъ берегомъ залива Гасель-Гамке находится простирающийся на западъ „Тирольскій фіордъ“, такъ названный по величественности окружающихъ его мѣстъ; онъ былъ подвергнутъ подробному изслѣдованію. Непосредственно около его края тянулись отвѣсныя скалы до 1000 метровъ высоты, пересѣкаемыя боковыми ложбинами, не уступающими по величественности и красотѣ альпійскимъ. Безчисленные поперечные глетчеры выходили со всѣхъ сторонъ въ эти ложбины, а вдаль, на заднемъ планѣ, рисовались пирамидальныя вершины. Пайеръ и Копеландъ направились туда. Здѣсь они подымались на одинъ изъ глетчеровъ, отличавшійся особою прозрачностью и синимъ цвѣтомъ льда.

Въ западной части острова Клаверинга Пайеръ и Копеландъ встрѣтили сравнительно роскошную растительность, которой еще не встрѣчали по всей во восточной Гренландіи; тутъ были: андромеды, травы, ива и береза, послѣднія, правда, только въ нѣсколько сантиметровъ вышины. Этою поѣздкою кончились всѣ болѣе значительныя экскурсіи, предпринятія съ „Германіи“ въ 1869 году.

5-го ноября, пишетъ Колдевей, солнце еще разъ показалось надъ горизонтомъ, а затѣмъ исчезло, чтобы вновь появиться въ началѣ февраля. Съ этихъ поръ медвѣди, которые были нашими неразлучными сосѣдами, не стали болѣе показываться; олени и мускусныя быки удалились также во внутрь фіордовъ на лучшія пастбища. Оцѣпенѣлая природа лежала передъ нашими глазами безжизненная и пустынная; намъ предстояло провести три мѣсяца полярной ночи. Общее настроеніе было однако превеселое, на кораблѣ не было никого, кто бы опасался большихъ лишеній или даже болѣзни, такъ какъ дѣйствительно намъ были предоставлены всѣ средства, съ которыми можно успѣшно бороться противъ суровой полярной зимы. Въ развлеченіяхъ и занятіяхъ не было недостатка; постоянно приходилось то дѣлать наблюденія, то вычислять, то писать, то рисовать; даже обыкновенная пароходная служба, походила теперь скорѣе на домашнюю и занимала нѣсколько часовъ ежедневно. Такимъ образомъ время летѣло, праздникъ Рождества, — половина полярной ночи — подошелъ незамѣтно, постоянное отсутствіе дневнаго свѣта насъ не тяготило. Единственно, что было очень непріятно, это часто повторявшіяся съ силою урагана снѣжныя матели съ сѣвера: нерѣдко онѣ лишали насъ возможности по нѣсколько дней сряду дѣлать движенія даже по закрытой палубѣ. Натянутый брезентъ нисколько не защищалъ: снѣгъ проникалъ въ видѣ мелкой пыли во всѣ щели и скважины нашего загражденія, такъ что мѣстами лежалъ слоемъ въ метръ толщины. Во время

этихъ мятелей иногда каюты наполнялись дымомъ, что мѣшало конечно заниматься. Самый продолжительный штормъ дулъ съ 16 по 20-е декабря съ неослабѣвавшею силою, а иногда даже съ такими порывами, что пароходъ, хотя и крѣпко сидѣлъ во льду, содрогался отъ киля до вершины мачтъ. Этотъ штормъ разбилъ ледъ, имѣвшій уже нѣсколько метровъ толщины, въ 300 шагахъ къ югу отъ корабля, равно какъ и у восточной стороны острова, такъ что вдоль берега образовалась узкая полоса открытой воды. Мы благодарили Всевышняго, что небольшой размѣръ нашего парохода дозволилъ намъ проникнуть далеко въ гавань; большаго размѣра корабль, который потребовалъ бы не менѣе 5—6 метровъ глубины, неминуемо былъ бы оторванъ вмѣстѣ со льдами и погибъ-бы безвозвратно, такъ какъ приведенныя ураганомъ въ движеніе льдины непременно раздробили-бы его на мелкія части. Послѣ шторма на нѣсколько дней водворилась полнѣйшая тишина; затѣмъ начался слабый теплый вѣтеръ съ юга и температура, доходившая по временамъ до—27°5, даже—31°25 Ц. поднялась во время праздниковъ Рождества до—3°75, что въ тепло устроенныхъ каютахъ было гораздо тягостнѣе переносить, нежели жесточайшіе морозы. Мы праздновали канунъ Рождества при открытыхъ дверяхъ и танцевали на льду при свѣтѣ звѣздъ. Изъ всегда зеленой андромеды была устроена небольшая елка, каюта была украшена флагами, на столѣ красовались ко всеобщей радости подарки, пожертвованные для этой цѣли еще въ Европѣ различными лицами. Всякій получилъ что-нибудь, на пароходѣ царствовало всеобщее веселье. Въ январѣ большею частью стояла прекрасная тихая погода, хотя и при — 25° до—40° Ц., что способствовало астрономическимъ и магнетическимъ наблюденіямъ. Сѣверное сіяніе являлось во всемъ своемъ блескѣ; Бергенъ и Копеландъ сдѣлали рядъ драгоцѣнныхъ наблюденій. Такъ прошелъ январь, къ полудни сумерки становились все свѣтлѣе и свѣтлѣе, такъ что метеорологическія наблюденія могли уже производиться безъ лампъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія солнца, потому что подъ конецъ продолжительное отсутствіе дневнаго свѣта стало вліять на настроеніе большинства. По расчету Копеланда, солнце должно было появиться надъ горизонтомъ 3 февраля. Въ этотъ день небо было совершенно безоблачно. Съ вершины горы въ 250 метр. высоты увидали мы ко всеобщей радости, какъ солнце явилось около полудня надъ горизонтомъ во всемъ своемъ блескѣ. При этомъ намъ удалось разсмотрѣть положеніе льдовъ внѣ залива. На всемъ видимомъ пространствѣ видна была одна сплошная масса; нигдѣ ни скважинки, ни трещины, только около самаго берега былъ тонкій молодой ледъ, потому что съ декабрьскаго шторма всякій свѣжій вѣтеръ разламы-

валъ замерзавшую поверхность. Съ появленіемъ солнца дѣятельность экипажа вновь оживилась: были предприняты большія поѣздки во внутрь острова, но, разумеется, съ большою осторожностью и въ полномъ вооруженіи, изъ-за шатавшихся опять въ болѣе числѣ медвѣдей, которые не замѣдлили сдѣлать нѣсколько нападеній къ счастью, окончившихся благополучно. Одинъ изъ ученыхъ былъ сильно раненъ въ голову медвѣдемъ, который проволокъ его болѣе 400 шаговъ. Черезъ нѣсколько времени однако больной вполне поправился. Астрономы приступили къ опредѣленію базиса градусныхъ измѣреній. Матели начали опять свирѣпствовать съ необычайною яростью, морозъ доходилъ 21-го февраля до -40° Ц., но мы не имѣли удовольствія видѣть ртуть въ замерзшемъ состояніи. Вообще зима была не особенно сурова и температура въ сложности довольно равномѣрна, что отчасти, можетъ быть, слѣдуетъ приписать открытымъ полынѣямъ, образовавшимся вслѣдствіе непрерывно дувшихъ вѣтровъ.

Какъ только погода позволила, были предприняты дальнія санныя поѣздки, начавшіяся еще осенью предъидущаго года. 8^о марта отправился было отрядъ подъ начальствомъ Пайера для изслѣдованія сѣверовосточной Гренландіи, но, дойдя до сѣверной оконечности острова Сабине, долженъ былъ вернуться, потому что сани были слишкомъ нагружены:—необходимо было облегчить ихъ. Въ это время вѣтеръ задулъ съ такою силою, что предпочли обождать лучшей погоды. 24 марта наконецъ Пайеръ и Колдевей съ шестью людьми команды пустились опять въ путь по береговому льду, между островомъ Шаннономъ и материкомъ, къ сѣверу до крайней точки извѣстной тогда восточной Гренландіи. О дальнѣйшемъ ходѣ этой замѣчательной экскурсіи Пайеръ рассказываетъ слѣдующее:

„3-го апрѣля достигли мы сѣверной оконечности „Гохштеттеровскаго выступа“, представляющей мысъ, который въ честь моего стариннаго друга былъ названъ „мысомъ Финке“. Этотъ мысъ составляетъ крайній пунктъ, до котораго простирались къ сѣверу изслѣдованія восточной Гренландіи. Полуостровъ Гайстакъ, ошибочно принятый Клаверингомъ за островъ, съ пирамидально возвышающеюся горою около 200—250 метровъ, составляетъ предѣлъ изслѣдованій. Гора эта на три четверти своей высоты покрыта валунами, принадлежащими отчасти къ позднѣйшимъ формациямъ, и состоитъ вообще изъ гнейсоваго сіенита. Съ вершины горы виденъ къ сѣверу большой заливъ (Бессельса) съ углубляющимися въ него фіордами, къ востоку только ледъ и сѣверная оконечность Шаннона съ отлогими извилинами горъ. Розоватяя, крутоспускающіяся возвышенности „Земли Адальберта“ къ сѣверо-востоку

производили при освѣщеніи закатывавшагося солнца волшебное впечатлѣніе. Между этими возвышенностями и нами лежала необозримая снѣжная степь синевато-сѣраго оттѣнка; мы ее прошли на половину. Къ югу видѣлись еще горы, окружавшія мѣсто стоянки нашего парохода, но по отдаленности и вслѣдствіе шарообразности нашей земли онѣ казались уже очень невысокими.

Мы были довольно близко отъ дикой возвышенности острова Куна, представляющаго въ геологическомъ отношеніи весьма интересное явленіе. Никогда еще человѣческая нога не ступала по этой суровой горной мѣстности, на которой Клаверингъ ошибочно открылъ громадный фіордъ, названный имъ „Roseneath-Inlet; этого фіорда вовсе не существуетъ. Отъ мыса Финке до мыса Зеебахъ (къ западу отъ Гайстака) простирается прекрасный заливъ, открытый къ югу.

4-го апрѣля медвѣдь сдѣлалъ нападеніе на нашу палатку. За эту дерзость онъ поплатился жизнью, что доставило намъ добрую кружку жиру (освѣтительнаго матеріала на 4 дня) и много мяса, часть котораго мы съѣли сырымъ. Въ первый разъ нашла теперь на всѣхъ насъ какая-то сонливость, до такой степени непреодолимая, что то одинъ, то другой шелъ какъ бы въ полуснѣ. Послѣ обѣда поднялась опять мятель съ сѣвера; мы шли противъ нея нѣсколько часовъ, но такъ какъ она все усиливалась, то были вынуждены наконецъ разбить палатку. Мятель, продолжавшаяся и 5 апрѣля, держала насъ какъ бы въ плѣну. Внезапно сдѣлалась оттепель и снѣгъ быстро растаялъ, что было крайне непріятно. 6 апрѣля мы перешли 76° сѣв. шир. и достигли до подножья высокаго мыса, названнаго нами мысомъ Арендса, къ сѣверу отъ котораго лежитъ прекрасный заливъ Бессельса съ многочисленными и прекрасными фіордами. Прибрежье состояло изъ камней роговой обманки съ гнейсообразнымъ наслоеніемъ и съ отдѣлившимися въ огромномъ количествѣ минералами различной величины до размѣра одного дюйма. На южной сторонѣ мыса мы нашли, къ крайнему нашему удивленію, вмѣстѣ съ остатками костей морскихъ животныхъ, слѣды эскимосскихъ жилищъ. Они состояли изъ положенныхъ въ кругъ камней, назначеніе которыхъ—придерживать низъ кожаныхъ палатокъ, служащихъ жильемъ этихъ дикарей сѣвера.

Между тѣмъ характеръ мѣстности, по которой мы шли, совершенно измѣнился. Пришлось безпрестанно идти по взгроможденнымъ другъ на друга льдинамъ (hummocks), вершины которыхъ закруглились отъ вывѣтриванія. При этомъ мы потеряли свою лейку съ медвѣжьимъ жиромъ. Тѣмъ не менѣе мы достигли въ тотъ же вечеръ, на сѣверо-востокъ отъ мыса Пешеля, южнаго выхода изъ

другого громаднаго залива (Roombay), отличающагося дикимъ альпійскимъ характеромъ отдѣльныхъ возвышенностей глетчеровъ, расположенныхъ у вершины залива. Число ледяныхъ горъ увеличивалось, равно какъ и высота ихъ. Какъ разъ предъ нами высилась величественная стѣна въ 1000 метр. Ея скорлупообразно изогнутые выступы изъ сіенита, съ ихъ разноцвѣтными отливами, спускались къ югу подъ угломъ 15-ти градусовъ. Эту прекрасную красноватую стѣну называли „чортовымъ мысомъ“. Мы уже дѣлали предположеніе, что за этою стѣною гренландскій берегъ уклоняется на сѣверозападъ а, можетъ быть, даже находится въ связи съ Смитовымъ проливомъ. Къ вечеру однако, когда воздухъ сталъ прозрачнѣе вдали, къ сѣверу, показались еще громады скалъ съ лежащими передъ ними островами. Нельзя было съ точностью опредѣлить, представляются ли здѣсь нашимъ глазомъ группы безчисленныхъ острововъ, или же огромнѣйшихъ размѣровъ заливъ. Для выполненія нашей задачи мы должны были слѣдовать по самому краю берега, отъ котораго и безъ того уже удалились, подавшись на востокъ, по далеко выступающей землѣ Принца Адальберта. Поэтому мы продолжали путь въ сѣверовосточномъ направленіи. 9 апрѣля вечеромъ достигли, послѣ утомительнаго перехода, группы острововъ въ 200 метр. вышины посреди большаго залива Дове. Для того, чтобы осмотрѣть мѣстность и опредѣлить въ какомъ направленіи идти дальше, мы поднялись на одну изъ вершинъ. Осмотръ окрестностей указалъ намъ, что только пробираясь узкимъ проливомъ между островами Адальберта можно выйти къ краю побережья. Но и въ другомъ отношеніи подъемъ на эту высоту былъ для насъ очень важенъ. Намъ удалось рассмотреть, что въ отдаленномъ углубленіи огромнаго залива Дове, устьяннаго многочисленными не очень высокими островами, тянется громадная плоская возвышенность, пересѣченная фіордами. Она была видна приблизительно на сто километровъ вглубь и мы могли различить на ней горы и глетчеры до 2100 метровъ вышины. Изъ направленія отдѣльныхъ фіордовъ можно было заключить, что большой фіордъ, выходящій къ вершинѣ залива „Арденкапель“ (Ardencaple) имѣетъ связь съ заливами Бессельса и Дове. Всѣ горы поражали своею необыкновенною красотою; къ сѣверозападу отъ насъ громадные водопады шириною въ нѣсколько миль скатывались съ снѣжной возвышенности въ 1520 метровъ вышины. Ледяныя горы необыкновенной высоты, такъ что мы ихъ сначала принимали за острова, поднимались во многихъ мѣстахъ среди залива. 10 апрѣля мы шли почти прямо на востокъ къ сѣверной оконечности самаго сѣвернаго изъ Адальбертовскихъ острововъ. Всѣ мы изнемогали отъ сильной жажды и отъ увеличивавшейся слѣпоты, бывшей послѣдствіемъ не-

обыкновеннаго блеска снѣга а также и отъ неестественной сонливости. Мысль Гельголандъ у сѣверозападнаго угла скалистаго острова, до котораго мы дошли къ вечеру состоитъ изъ тонкослойнаго сланца роговой обманки съ явными слѣдами трѣнія льда. Тутъ мы впервые замѣтили, что не смотря на холодъ, снѣгъ таялъ на скалахъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей. 11 апрѣля утромъ было опять—33°. Вслѣдствіе сдѣланной рекогносцировки, мы пришли къ убѣжденію, что наружное побережье можетъ быть достигнуто только съ большою затратою времени, несоотвѣтствующею цѣли; поэтому мы рѣшились продолжать путь въ почти сѣверномъ направленіи внутри залива Дове. Въ заливѣ, названномъ нами по весьма основательной причинѣ „Бурнымъ“, дошли мы собственно до окончательной цѣли нашей санной экспедиціи. Заливъ этотъ былъ съ востока окаймленъ плоскою возвышенностью въ 360 метр. высоты. 12-го числа подыались на эту возвышенность во время сильной метели, помѣшавшей сдѣлать болѣе подробныя и основательныя географическія изслѣдованія. По возвращеніи къ палаткѣ налетѣла страшная буря съ густымъ снѣгомъ; она продолжалась три дня, въ теченіи которыхъ мы почти ничего не ѣли, тѣмъ болѣе, что и запасовъ стало очень мало. Едва ли кто нибудь и когда-либо постичалъ (4 апрѣля былъ четвертокъ страстной недѣли) такъ строго, какъ мы во все это время. 15 апрѣля мы могли опять выйти изъ нашей палатки. Трехдневное лежаніе и голоданіе значительно поубавило наши силы. Изнуренные голодомъ и жаждою, изтомленные непрерывными усиліями, мы пошли однако еще впередъ, къ сѣверу, бросивъ сани, не смотря на то, что продовольствія у насъ едва хватило-бы на обратный путь. По глубокому снѣгу мы сдѣлали 44 километра и достигли горы болѣе 300 метр. вышины, господствующей надъ прибрежною плоскою возвышенностью.

„Съ этимъ вмѣстѣ мы перешагнули черезъ 77° сѣв. шир. Какъ многимъ изъ нашихъ предшественниковъ, такъ и нашему горячему желанію—приподнять завѣсу, прикрывающую тайны арктическаго міра, былъ здѣсь положенъ предѣлъ: до сего мѣста, и не далѣе! Какъ многіе, такъ и мы далеко не достигли цѣли, начертанной намъ смѣлымъ полетомъ нашей фантазіи; послѣ невыразимыхъ трудностей мы стояли у крайняго предѣла нашего путешествія, тщетно стремясь къ разрѣшенію многихъ загадокъ, заданныхъ намъ наукою. Относительно вопроса о предполагаемомъ открытомъ полярномъ морѣ, мы могли съ высоты той горы, на которой находились, независимо отъ многихъ другихъ причинъ, дать только отрицательной отвѣтъ. До крайняго горизонта нашего кругозора море было покрыто сплошнымъ льдомъ, по которому мы могли бы безпрепятственно продолжать нашъ путь, если бы только это дозво-

лили запасы. Береговая линия простиралась почти прямо къ сѣверу; къ сѣверозападу цѣль ледяныхъ горъ, пролегавшая въ немногихъ миляхъ отъ того мѣста, гдѣ мы находились, заслоняла видъ вдаль. Поэтому вопросъ, — въ какомъ направленіи простирается Гренландія — нашимъ путешествіемъ не былъ разрѣшенъ. Безчисленные морскіе заливы вдающіеся во внутрь земли, замѣчательная изорванность суши, если позволено такъ выразиться, выступающая въ особенности при благопріятномъ вечернемъ освѣщеніи, дозволяли на столько же основательно сдѣлать предположеніе о томъ, что главная масса земли — если допустить, что Гренландія материкъ — у 76-го градуса уже уклонилась на сѣверозападъ и что передъ нами подъ 77 градусомъ, лежитъ только гряда высокихъ острововъ, на сколько допустить, что берегъ тянется къ сѣверу почти прямо по меридіану, какъ это показано на многихъ картахъ уже въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій¹⁾. Вновь открытый берегъ восточной Гренландіи былъ названъ „Землею Короля Вильгельма“.

На обратномъ пути къ пароходу наши неутомимые изслѣдователи встрѣтили еще не мало новыхъ препятствій, подвергались еще невыносимымъ лишеніямъ, тѣмъ не менѣе добрались благополучно, хотя и совершенно изнуренные, 27 апрѣля, до своего парохода. Послѣдствія чрезмѣрныхъ напряженій были: полное изнеможеніе, и судороги въ ногахъ однако, благодаря хорошей пищѣ на пароходѣ, спокойствію и попеченію окружающихъ здоровье пострадавшихъ вскорѣ опять возстановилось, такъ что 8 мая Пайеръ съ 4-мя матросами могъ опять предпринять поѣздку на саняхъ съ цѣлью изслѣдовать заливъ „Арденкапель.“ (Ardencaple Inlet) Поѣздки позднѣею весною, по замѣчанію Пайера, совсѣмъ инаго характера въ сравненіи съ предпринимаемыми раннею весною. Въ послѣднемъ случаѣ приходится страдать отъ чрезмѣрнаго холода, тогда какъ въ первомъ отъ тепла при жгучихъ солнечныхъ лучахъ, не смотря на то, что въ тѣни термометръ стоитъ ниже нуля. Крайне утомительно дѣйствуетъ на путешественника отраженіе лучей отъ снѣга. Во время этого путешествія температура поднялась въ палаткѣ 9 мая до $+11^{\circ}$, 10 числа до $+18,5^{\circ}$, а въ 26 мая до $+25^{\circ}$ Ц. Насъ парило подъ этою крышею точно въ горшкѣ, поставленномъ на огонь. Огромныя снѣжныя поля, которыя зимою тверды, какъ камень, въ концѣ мая и въ началѣ іюня превращаются въ снѣжныя болота, переѣздъ чрезъ которыя еще болѣе затрудняется верховою водою.

Когда мы добрались наконецъ до ледяныхъ сугробовъ, обра-

¹⁾ Wanderer 1871 № 41 и Petermanns „Geograph Mittheilungen 1871, страницы 189—192“.

зовавшихся изъ пребрежнаго льда у подошвы отвѣсныхъ скалъ, и съ величайшимъ трудомъ перетащили черезъ нихъ сани, то увидѣли, къ нашему изумленію, что фіордъ Флигели, вмѣсто того, чтобы быть покрытымъ льдомъ, представлялъ рыхлую снѣжную поверхность. Мы еще однако не теряли надежды и полагали, что можетъ быть въ болѣе отдаленной отъ моря части фіорда глубина снѣга будетъ меньше. Но поднявшись на ближайшую вершину, могли убѣдиться, что глубина снѣга вездѣ одна и таже и что по этому не представляется никакой возможности пробраться къ заливу Арденкапель, чрезъ фіордъ Флигели. Сдѣлавъ напрасно этотъ переходъ, мы вернулись къ нашей палаткѣ. Намъ ничего не оставалось, какъ только вернуться тѣмъ же путемъ и стараться дойти до нашей цѣли въ обходъ, по восточной сторонѣ острова Куна. Не смотря на сильную мятель, мы миновали 17 мая устье живописнаго залива Бастіана, а утромъ 18 числа пришли къ подошвѣ мыса „Гамбурга“, на южной сторонѣ залива Арденкапеля у входа въ него.

Между тѣмъ нельзя было не убѣдиться, что прошло время, удобное для санныхъ экспедицій. Предстояло опредѣлить, не лучше ли будетъ заняться геологическимъ изслѣдованіемъ острога Куна и продолженіемъ тригонометрическихъ съемокъ, чѣмъ силиться проникнуть въ заливъ Арденкапель. 19 мая я прошелъ сперва черезъ наклонное снѣжное поле, потомъ черезъ почти отвѣсный выступъ горы и поднялся наконецъ, послѣ 3¹/₂ часовъ утомительнаго пути, на вершину хребта, спускавшагося по другую сторону въ видѣ крутыхъ гнейсовыхъ стѣнъ. При ясной погодѣ мнѣ открылся обширный и въ высшей степени интересный кругозоръ, простиравшійся отъ острововъ Пендулумъ до сѣверной оконечности острововъ Колдевея. Въ теченіи полныхъ восьми часовъ прозрачность воздуха позволяла срисовать всю лежавшую предъ моими глазами панораму, и сдѣлать измѣреніе угловъ, столь необходимое для выполненія тригонометрическихъ вычисленій. Заливъ Арденкапель, лежавшій у нашихъ ногъ подобно фіорду Флигели былъ покрытъ непроницаемымъ снѣжнымъ покрываломъ. Выходящій въ сѣверозападномъ углу залива Арденкапеля громадный фіордъ могъ быть нами рассмотрѣнъ въ сѣверозападномъ направленіи на протяженіи 80 км., далѣе онъ, казалось, уклоняется къ западу, но до этого мѣста намъ удалось нанести его на карту. У устья этого фіорда, нѣсколько западнѣе величественнаго мыса Клинкерсфуса, состоящаго изъ кристаллическихъ породъ, лежали безчисленные ледяныя горы. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ фіордѣ имѣются глетчеры, хотя мы ни одного изъ нихъ не могли рассмотретьъ.

Возраставшія затрудненія въ передвиженіяхъ, недостатокъ провіанта, наконецъ уже самое время года (конецъ мая) указывали на необходимость вернуться къ пароходу. Даже при болѣе благоприятныхъ условіяхъ намъ не удалось бы въ столь короткое время, болѣе подробно изслѣдовать заливъ Арденкапель, чѣмъ это было сдѣлано нами съ той возвышенной точки, на которой мы тогда находились. Соображая все это, мы немедленно рѣшились сократить нашъ планъ путешествія, ограничившись изслѣдованіемъ острова Куна, до тѣхъ поръ, пока дозволитъ время.

При—16°,2 Ц. мы дошли 21 мая, послѣ усиленнаго перехода, до середины сегментообразнаго выступа восточной стороны острова Куна, поднимающагося до высоты 250 метровъ. Этотъ выступъ состоитъ изъ наслоенія аспиднаго песчаника и мергеля; находящіяся въ нихъ окаменѣлости принадлежать къ лейясовой формации, покрывающей кристаллическія породы, выходящія наружу нѣсколько западнѣе. Поверхность этой формации была покрыта мелкими эрратическими валунами послѣдней породы. Въ теченіи 22 и 23 числа мы изслѣдовали всѣ отдѣльныя наслоенія этой формации; они показывали, соотвѣтственно тому-же наслоенію южной стороны острова Куна, наклонъ слоевъ къ югозападу подъ угломъ 7°. Глинистый уголь, аммонитовыя окаменѣлости, белемниты, синева-сѣрый глинистый сланецъ, тонкослойный мергель и довольно крупно-зернистый песчаникъ смѣняли другъ друга. Каменноугольныхъ залежей нигдѣ не обнаружено хотя непосредственно подъ верхнимъ слоемъ черной стѣны тянулся песчаникъ съ небольшими кусками угля. Многочисленныя долеритовыя породы пересѣкали въ горизонтальномъ направленіи верхнія наслоенія осадочныхъ породъ. Такъ какъ Гохштетеровскій выступъ имѣетъ совершенно одинаковый геологическій характеръ, то побережье острова Куна должно считаться только его продолженіемъ, прерваннымъ углубленіемъ залива Арденкапель.

24 мая, вскорѣ послѣ полуночи, я сталъ подниматься на вершину черной стѣны, съ цѣлю воспользоваться этою высотой (1018 вѣсам.) для картографическихъ работъ. Сначала мы шли по ущелью съ прекрасными отвѣсными стѣнами, затѣмъ по небольшимъ снѣжнымъ откосамъ въ 45° наклона, пересѣкаемымъ голыми утесами; наконецъ, перейдя чрезъ буроугольный песчаникъ, лежащій поверхъ наслоенія гнейса и сіенита, добрались, послѣ пятичасоваго перехода, до самой вершины. Вершину эту образуетъ конусъ, 45 метр. вышины, въ видѣ шапки, окруженный стройными колоннами изъ долерита. Эта порода какъ здѣсь, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ на островѣ Кунѣ, является обыкновенно въ верхнихъ наслоеніяхъ горнаго хребта. Долеритовый миндальникъ попадаетъ почти вездѣ. Особое значеніе получилъ подъемъ на эту вершину открытіемъ новаго пролива,

соединяющаго, повидимому, югозападный уголъ фіорда Флигели съ заливомъ Арденкапель ¹⁾).

Послѣ 21-дневнаго отсутствія, Пайеръ со своими спутниками вернулся къ пароходу, на которомъ, между тѣмъ были сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія къ обратному плаванію. Только 22 іюля „Германія“ освободилась изъ своего заключенія, въ которомъ она томилаcь цѣлыхъ десять мѣсяцевъ. Такъ какъ можно было ожидать продолжительнаго и теплаго лѣта, то была сдѣлана еще разъ попытка проникнуть къ сѣверу на пароходѣ; но безъ всякаго успѣха; вскорѣ къ сѣверо-востоку отъ острова Шаннона встрѣтили страшный полярный ледъ, лишившій возможности обратиться дальше. Принуждены были повернуть назадъ и поплыли мимо залива Гаяль-Гамке къ югу до мыса Франклина. Здѣсь былъ входъ въ обширный заливъ который еще не значился ни на одной картѣ и открытіе котораго составляетъ самый блестящій подвигъ всей экспедиціи. Этотъ великолѣпный заливъ былъ названъ въ честь австрійскаго императора фіордомъ императора Франца-Іосифа. Изслѣдовать его ближе представлялась возможность только въ томъ случаѣ, когда удастся подняться на одну изъ величественныхъ гранитныхъ стѣнъ, высящихся отвѣсно изъ воды болѣе чѣмъ на 1200 метр. 8 августа 1870 года, послѣ обѣда, Пайеръ вмѣстѣ съ Коцеландомъ вышли изъ поставленной ими на берегу палатки и достигли, послѣ пятичасоваго пути, къ 8 часамъ вечера, сѣверо-восточной вершины одного изъ утесовъ, образующихъ мысъ Франклинъ. „Какой неожиданный видъ представился здѣсь нашимъ восхищеннымъ глазамъ! По направленію къ западу у нашихъ ногъ лежалъ огромный фіордъ, на которомъ въ различныхъ направленіяхъ высились безчисленныя, отливавшія всѣми цвѣтами радуги ледяныя горы. Фіордъ окруженъ со всѣхъ сторонъ отвѣсными стѣнами, а у входа въ него расположены безчисленные маленькіе острова. На разстояніи 70 км. къ западу одна изъ главныхъ вѣтвей фіорда, какъ мы могли ясно разсмотрѣть, заворачиваетъ на югозападъ у подошвы хребта въ 2400 метровъ вышины. Къ югу уединенный и скалистый мысъ Парри выходитъ далеко въ море, гордо преграждая путь скопляющимся здѣсь полярнымъ льдамъ. Затѣмъ взоръ переносится черезъ, до сихъ поръ неизслѣдованное, огромное пространство, представляющее на протяженіи 100—110 километровъ заливы и проливы, косы и горные кражи и глетчеры, къ горамъ „Вернеръ“, въ 3000 метровъ вышины, напоминающимъ по своей формаціи доломитовые хребты южнаго Тироля. На востокъ безмолвно и невозмутимо простиралась необозримая бѣлая

¹⁾ Petermann's. Geogr. Mitth. 1871, стр. 401—406.

равнина полярныхъ льдовъ, черезъ которые намъ предстояло нѣсколько дней спустя прокладывать себѣ путь въ Европу". По сообщеніи видѣннаго остававшимися на кораблѣ, всѣ единогласно выразили желаніе проникнуть на парходѣ въ глубь фіорда, который былъ совершенно свободенъ отъ льдовъ. 10 августа Германія вступили на всѣхъ парахъ въ этотъ дивный фіордъ, который сначала необыкновенно широкъ, но затѣмъ скорѣ съуживается до 15 км., а далѣе имѣетъ среднюю ширину отъ 7 до 10 км. Глубина вездѣ значительная, что и можно было предполагать по отвѣснымъ береговымъ скаламъ и по величинѣ ледяныхъ горъ, достигавшихъ 600 метровъ высоты. Въ одномъ мѣстѣ лотъ выпущенный на 1000 метр. длины не досталъ еще дна.

Желая проникнуть какъ можно далѣе къ западу, мы прошли поперекъ главной вѣтви, простирающейся къ сѣверу, на западномъ берегу которой, на разстояніи нѣсколькихъ миль, увидали глетчеръ необыкновенной величины (глетчеръ Вальтерсгаузенъ). Этотъ глетчеръ очень широкъ и оканчивается у моря отвѣсною стѣною; главный отрогъ тянется къ западу.

Направленіе, которое фіордъ принимаетъ за прикрывающими его мысами, заставляло предполагать связь между нимъ и „Тирольскимъ“ фіордомъ, югозападное протяженіе котораго, по ту сторону острова „Иорданъ-Голь“, уже раньше удалось съ достовѣрностью опредѣлить съ вершины острова Джаксона. Равнымъ образомъ мы не успѣли изслѣдовать еще двѣ другія обширнѣйшія вѣтви фіорда Франца Іосифа, но зато той, по которой шли къ западу, было посвящено все наше вниманіе. Всѣ картины дикаго величія и особенности альпійскаго міра: страшные обрывы, глубочайшія щели и трещины, неприступныя острыя вершины, громадные глетчеры, мутные потоки и поразительные водопады, все вообще, что въ другихъ мѣстностяхъ обыкновенно представляется глазамъ въ отдѣльности, здѣсь разомъ поражало взоръ изумленнаго путешественника.

„Мы вошли какъ бы въ глубокую котловину, края которой состояли изъ скалъ, такихъ дивныхъ формъ, такихъ поразительныхъ цѣтвовъ, какихъ я никогда не видалъ. Я сегодня еще живо вспоминаю, какое чарующее впечатлѣніе произвела на насъ эта зеркальная поверхность воды, окруженная дивно величественными скалами всевозможныхъ формъ и видовъ отъ 1,500 до 2,000 метровъ вышины. Колоссальный утесъ кубической формы—настоящій утесъ-великанъ—вдаётся глубоко въ фіордъ и высится непосредственно изъ лазурной поверхности воды на 1,500 метр. вышины; правильно расположенныя красножелтыя, черныя и болѣе свѣтлыя полосы указываютъ на разнообразіе породъ его составляющихъ; по

краямъ, какъ будто видѣются вышки и башенки, придающія ему видъ развалившагося стариннаго замка. Этотъ утесъ былъ названъ нами „Чортовымъ замкомъ“. Я не видалъ ничего подобнаго на нашихъ альпахъ. Мы шли по главной вѣтви, уклоняющейся на юго-западъ и, гдѣ только кулисообразно возвышающіяся стѣны нѣсколько удалялись отъ моря внутрь страны, тамъ представлялись нашимъ глазамъ новыя, поражающія своимъ величіемъ картины.

Уже 32 часа какъ машинистъ Краушнеръ работалъ безъ отдыха у паровика; болѣе отъ него требовать было невозможно; онъ дошелъ до изнеможенія, а между тѣмъ въ котлѣ обнаружилась течь. Все это побудило капитана Колдевея пристать къ подошвѣ большого глетчера въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ раздѣляется на три отрога. При чрезвычайной глубинѣ и близости ледяныхъ горъ это было не легкое дѣло. Какъ ни хотѣлось продолжать изслѣдованіе фіорда, принявшаго теперь опять западное направленіе, нельзя было, однако, оставить безъ вниманія разстроенное состояніе котла, тѣмъ болѣе, что при господствующемъ внутри страны безвѣтріи приходилось исключительно рассчитывать на паровую силу. Нельзя было рѣшиться продолжать изслѣдованіе фіорда въ ущербъ котлу, что могло бы имѣть послѣдствіемъ второе перезимованіе.

Хотя неумоимые изслѣдователи и проникли далеко въ глубь страны, но ограниченность кругозора лишила ихъ возможности осмотрѣть подробнѣе всю мѣстность и познакомиться со строеніемъ горныхъ кражей. Только поднявшись на одну изъ самыхъ возвышенныхъ горъ, господствующихъ надъ мѣстностью, можно бы получить общее понятіе о характерѣ страны и притомъ съ болѣшимъ удобствомъ и съ большою пользою, чѣмъ затрачивая напрасно паровую силу. Вершина въ 2,100 метр. высоты на югозападѣ фіорда повидимому соответствовала всѣмъ требованіямъ. Путь къ ней лежалъ по глетчеру въ 15 километр. длины, занимавшему большую широкую долину, недалеко отъ мѣста стоянки парохода. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, Пайеръ, на другой же день (12 августа, въ 10 час. утра) отправился съ Копеландомъ и Эллингеромъ ¹⁾ въ путь, задавшись цѣлію подняться на означенную вершину. Прекрасная погода благоприятствовали экскурсіи. Обстановка долины была крайне проста, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественна: громадныя гранитныя стѣны, пересѣкаемыя узкими полосами глетчернаго льда, по которому стекавшая вода образовала рядъ прекрасныхъ водопадовъ, страшныя ледяныя ущелья—вотъ что поражало зрителя. На площади въ 10 километровъ ширины,

¹⁾ Петръ Эллингеръ, изъ Франкфурма. Къ сожалѣнію, этотъ превосходный и энергическій труженникъ умеръ спустя мѣсяцъ по возвращеніи экспедиціи и именно въ то время, когда ему былъ пожалованъ королевскій серебряный орденъ съ короною.

на высотѣ уже 1,200 метровъ, смѣло высится стройная ледяная пирамида еще на 1,000 метровъ. Въ 8½ час. вечера, послѣ десяти часового перехода Пайеръ и Эллингеръ достигли вершины, которая, по всей справедливости, была названа „вершиною Пайера“. Органическая жизнь здѣсь проявлялась въ видѣ длинноволокнистаго мха и тѣхъ черныхъ и желтыхъ лишайевъ, которые встрѣчаются также на вершинахъ Альпъ. Представлявшееся путешественникамъ зрѣлище Пайеръ рисуетъ слѣдующими словами:

„Мы находились въ 15 километр. къ западу отъ парохода; во ста метрахъ отъ насъ мы увидѣли величественную ледяную гору 2,400 метровъ высоты, лежащую внѣ глетчера. Копеландъ догнавшій насъ сдѣлалъ барометрическое измѣреніе высоты, на которой мы находились. Выборъ, сдѣланный нами, оказался весьма удачнымъ, мы стояли на 2,130 метр. надъ уровнемъ моря. Болѣе ста разъ мнѣ суждено было раньше, при моихъ путешествіяхъ въ Альпахъ, любоваться съ высоты 3,000, даже 3,600 метровъ величественною прелестью возвышенныхъ ледяныхъ областей, что въ наше время сдѣлалось почти единственною цѣлью всѣхъ путешественниковъ и любителей природы, но какая разница! При обширнѣйшемъ кругозорѣ, куда бы не обращался здѣсь нашъ взоръ, вездѣ господствовало смертоподобное оцѣпенѣніе, безъ малѣйшаго почти признака жизни,—суровое величіе горной страны таинственно безмолствовало. Въмѣсто роскошной почвы нашихъ альпійскихъ долинъ съ деревенскими дворами и поселеніями здѣсь, на 2,100 м. подъ нашими ногами, растилась темная зеркальная поверхность фіорда, по которой медленно скользили безчисленныя ледяныя горы, издали похожія на блестящія жемчужины. Со всѣхъ сторонъ высились грозныя стѣны. Съ каждаго уступа, изъ каждой ложбины гигантскіе глетчеры спускались внизъ, къ мощному фіорду, гдѣ отдѣлялись дивныя ледяныя горы, которыя отливомъ и приливомъ уносятся въ океанъ, проходя безпрепятственно по безчисленнымъ проливамъ, пересѣкающимъ эту горную возвышенность. На западѣ огромная ледяная пирамида болѣе всѣхъ другихъ предметовъ привлекала наше вниманіе. На 1,520 метровъ приблизительно возвышалась она надъ высокимъ горнымъ хребтомъ, пролегающимъ отъ морского берега вдоль меридіана, на разстояніи одной трети всей ширины Гренландіи. Дивная вершина этой пирамиды могла быть достойно украшена только именемъ славнаго Петерманна, создавшаго первую нѣмецкую экспедицію къ сѣверному полюсу. Глетчеръ 30 километр. длины, спускался съ вершины пирамиды къ морю. Конецъ глетчера имѣлъ по крайней мѣрѣ отъ 6 до 7 километр. ширины. На горизонтѣ поднимались горныя хребты не менѣе 3,000 метр. вышины. Фіордъ импе-

ратора Франца Іосифа былъ виденъ на 70 километр. въ западно-юго-западномъ направленіи и въ этой дали можно было разсмотрѣть еще нѣсколько вѣтвей. Самая большая изъ нихъ шла къ югу. Можно было ясно видѣть, что эти развѣтвленія продолжаютъ и за лежащими въ нихъ высокими островами. Отсутствие возвышенностей въ юго-западномъ направленіи давало повидимому право предположить, что между фіордомъ императора Франца Іосифа и заливами Скоресби и Дэвиса существуетъ связь! ¹⁾

Вполнѣ удовлетворенная блестящимъ завершеніемъ своихъ открытій, «Германія» направилась 17-го августа обратно чрезъ полярныя льды въ Европу. 11-го сентября она пришла въ Бремергафенъ, откуда начала свое плаваніе 453 дня тому назадъ. Историческія событія того времени были причиною, что возвращавшіеся на родину нѣмецкіе полярные плователи не были встрѣчены съ тѣми оваціями, какія оказаны позже членамъ австро-венгерской экспедиціи. Только постепенно, по возстановленіи мира и окончанія войны результаты нѣмецкой экспедиціи были оцѣнены по достоинству. Научная оцѣнка этихъ результатовъ была сдѣлана своевременно Пешелемъ ²⁾. Какъ бы высоко ни цѣнили доставленные этою экспедиціе научныя сокровища, какъ бы высоко ни ставили заслуги каждаго отдѣльнаго ея сотрудника—никто болѣе насъ этому не сочувствуетъ—тѣмъ не менѣе относительно главной задачи экспедиціи нельзя не сказать что она осталась настолько-же неразрѣшенной, какъ и прежде. Блистательное открытіе фіорда императора Франца-Іосифа и мощныхъ ледяныхъ вершинъ восточной Гренландіи—что собственно составляетъ заслугу Пайера и Копеланда—значительно расширило кругъ нашихъ географическихъ свѣдѣній, но главной сути полярнаго вопроса оно не коснулось. Вполнѣ справедливо было бы требовать отъ столь роскошно снаряженной экспедиціи, каковою представляется вторая германская и въ которой къ тому же не малая доля заслугъ принадлежитъ австрійскому офицеру, чтобы она дала болѣе существенные результаты, чѣмъ достиженіе на пароходѣ 75¹/₂° сѣв. шир. или же на саняхъ 77°. Замѣчательно, что именно оба не нѣмецкіе члена экспедиціи, Пайеръ и Лаубе, первые задумали познакомить публику со своими похождениями ³⁾. Пайеръ

¹⁾ Petermanns „Geograph. Mitth.“ 1871 стр. 195—199.

²⁾ „Ausland“ 1870 стр. 981—984.

³⁾ Краткій отчетъ подъ заглавіемъ „Die zweite deutsche Nordpolarfahrt 1869—1870 г.“ былъ изданъ уже въ 1871 году въ Берлинѣ Бременскимъ обществомъ нѣмецкаго полярнаго плаванія, но еще раньше Лаубе и Пайеръ сообщили въ 1870 г. интересовавшейся публикѣ, первый въ „Neue Freie Presse“, второй въ „Wanderer“ свои дѣйствія и приключенія во время этой экспедиціи. Подробный, собственно научный отчетъ объ этомъ предпріятіи былъ изданъ только въ 1873—1874 гг. подъ заглавіемъ: „Die zweite deutsche Nordpolarfahrt in den Jahren

„Въ обл. вѣстн. лѣт.“

является положительно самымъ выдающимся дѣятелемъ этого предпріятія. Приглашеніямъ Пайера участвовать въ полярныхъ изслѣдованіяхъ Петерманнъ, доказавъ, какимъ проникательнымъ умомъ и утонченнымъ знаніемъ людей онъ обладалъ. Колдвей съ тѣхъ поръ не находилъ болѣе случая примѣнить свою дѣятельность къ какому-либо выдающемуся дѣлу.

Исходъ экспедиціи равнымъ образомъ не успѣлъ возстановить нарушенныя благопріятныя отношенія между Готоу и Бременомъ, т. е. между Петерманномъ и бременскимъ комитетомъ¹⁾. Оказалось, что сдѣлана была непростительная ошибка отправленіемъ обоихъ судовъ къ восточной Гренландіи, вмѣсто того, чтобы, какъ требовалъ Петерманнъ, одинъ изъ кораблей послать въ Шпицбергенское море. Правда, Петерманну не посчастливилось доказать основательность своего предположенія, что восточная Гренландія должна составлять базисъ всѣхъ предпріятій, направляемыхъ къ сѣверному полюсу, хотя опытный шотландскій китоловъ, капитанъ Давидъ Грай, былъ того же мнѣнія и специально съ этою цѣлію въ 1874 году подходилъ къ берегамъ восточной Гренландіи, впрочемъ, безъ особеннаго успѣха. Сколько бы экспедицій не отправлялось впослѣдствіи въ арктическія моря—ни одна изъ нихъ не подходила болѣе къ восточной Гренландіи. Вообще въ Германіи, порывъ къ полярнымъ изслѣдованіямъ быстро остылъ и затѣмъ уже не было принято ни одной экспедиціи въ область вѣчнаго льда, ни на частныя средства, ни на правительственныя. Обществу нѣмецкихъ полярныхъ плаваній, собравшемуся въ декабрѣ 1874 года, былъ доложенъ окончательный отчетъ о результатахъ нѣмецкой экспедиціи къ восточной Гренландіи и вмѣстѣ съ тѣмъ представленъ проектъ съ доводами о продолженіи нѣмецкихъ полярныхъ изслѣдованій на основаніи начатыхъ уже работъ. Предполагалось, что въ то время, какъ англійская экспедиція постарается проникнуть далѣе къ сѣверу по

1869 und 1870 unter Führung des Kapitän Karl Koldewey. Herausgegeben von dem Verein für die deutsche Nordpolfahrt in Bremen. Leipzig. 1873—1874. 8°. 2 B.

1) Бременскій корреспондентъ вѣнской газеты „Presse“ пишетъ отъ 12-го февраля 1871 г. между прочимъ слѣдующее: „Здѣшній комитетъ не только согласился на наименованіе большаго, вновь открытаго, залива по восточному берегу Гренландіи, составляющаго перлъ всѣхъ открытій этой экспедиціи, фіордомъ императора Франца-Іосифа, хотя бы могъ оспаривать самое право этого наименованія, но даже поставилъ себя выше всѣхъ мелочныхъ недоразумѣній и назвалъ обѣ горы, примыкающія къ заливу, вершинами „Петерманна“ и „Пайера“. Бременскій комитетъ, благодумствуя въ теплѣ и на сушѣ, оспаривалъ между тѣмъ у дѣйствительныхъ открывателей страшными лишеніями и невыносимымъ трудомъ приобретенное право наименованія своихъ открытій, доказавъ ясно всему міру, какого направленія онъ держится. Недоставало только, чтобы онъ воспользовался этимъ правомъ.“

западному берегу Гренландіи, другая новая германская экспедиція могла бы направиться къ сѣверу по восточной сторонѣ и продолжать вмѣстѣ съ тѣмъ начатія изслѣдованія внутри страны. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній было единогласно рѣшено: просить бременскій сенатъ чрезъ своихъ уполномоченныхъ ходатайствовать предъ союзнымъ совѣтомъ о снаряженіи

Крушеніе „Ганзы“.

новой нѣмецкой экспедиціи къ сѣверному полюсу на счетъ правительства. Весь этотъ прекрасный планъ ¹⁾ остался только на

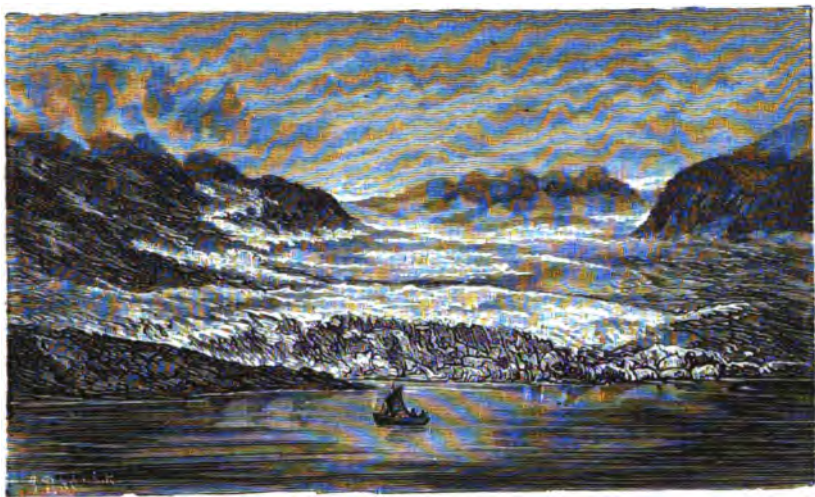
¹⁾ Планъ этотъ былъ слѣдующій: экспедиція выступить въ іюнѣ 1875 г. если, однако, окажется, что, послѣ неизбежно сопряженныхъ съ подобною экспедиціею приготовленій, времени уже будетъ мало, то она тронется въ путь только въ 1876 г. Въ составъ ея должны входить два парохода по 300 тоннъ вѣстимости каждый и съ командами отъ 25 до 30 человекъ. Одинъ изъ капитановъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главою всей экспедиціи. На каждомъ пароходѣ должны быть представители отраслей наукъ, подлежащихъ изслѣдованію въ полярныхъ странахъ. Одному изъ пароходовъ поручалось изслѣдованіе Гренландіи внутри, ея фіордовъ а также геологическаго строенія земли и въ этихъ видахъ онъ долженъ стараться проникнуть сколько возможно къ западу и къ сѣверу. Другому пароходу предписывалось проникнуть вдоль берега далѣе къ сѣверу, а оттуда, гдѣ уже нельзя было идти изъ-за льдовъ, должны начаться поѣздки на саняхъ съ оленями или съ собаками. Не смотря на то, что экспедиція предполагалась всего на два года, ее должны снабдить провіантомъ на полныхъ три года. Такъ какъ едва ли въ распоряженіи императорскаго германскаго правительства найдутся пароходы, пригодные для полярнаго плаванія, то таковыя должны быть или вновь построены или приобрѣтены покупкою изъ числа судовъ торговаго флота. Въ послѣднемъ случаѣ расходы значительно сократились бы, тогда какъ на новую постройку съ машинами по современнымъ цѣнамъ нужно положить не менѣе 150 тысячъ талеровъ. На

бумагъ; созданною союзнымъ совѣтомъ комиссіею ученыхъ, проектъ былъ отвергнутъ и вмѣстѣ съ тѣмъ у бременскаго общества была отнята возможность осуществить его. Общество сочло однако полезнымъ преслѣдовать свою цѣль другимъ путемъ. Вслѣдствіе этого была предпринята въ 1876—1877 годахъ западно-сибирская экспедиція, состоявшая изъ гг. Финша, Брема и графа Вальдбурга. Бременское общество нѣмецкихъ полярныхъ плаваній вскорѣ послѣ этого переименовалось въ «Географическое Общество».

остальные расходы, какъ-то жалованье, научное и продовольственное снабженіе всѣмъ необходимымъ предполагалось израсходовать также около 150 тысячъ талеровъ, такъ что весь расходъ, съ постройкою новыхъ судовъ, составилъ бы до 300 тысячъ талеровъ. Проектъ этотъ подлежалъ одобренію въ однихъ частяхъ императорскаго адмиралтейства, въ другихъ—какого либо ученаго учрежденія (Ср. Petermann's Geograph. Mitth. 1874, стр. 441—443).

Видъ глетчера на Шпицбергенѣ.

НОВѢЙШІЯ ЭКСПЕДИЦІИ КЪ ШПИЦБЕРГЕНУ:

КАКЪ бы въ видѣ передового поста нашего материка, къ сѣверу, между $76^{\circ}30'$ и $80^{\circ}50'$ сѣв. шир., лежитъ группа Шпицбергенскихъ острововъ, состоящая изъ одного главнаго острова и безчисленныхъ маленькихъ островковъ. Главный островъ, собственно Шпицбергенъ, не сохранившій, къ сожалѣнію, какъ мы уже сообщали, имени даннаго ему Фотербіемъ „King James New-Land, и названный, по указанію Гейглина, „Большимъ Шпицбергеномъ“, имѣетъ въ прямомъ направленіи отъ сѣвера къ югу 370 кил. длины. Во многихъ мѣстахъ море глубоко врѣзывается въ его берега. Восточная часть острова, которая подъ 79° сѣв. шир. соединяется узкимъ перешейкомъ съ западною, называется также „Новою Фрисландією“. На западной сторонѣ „Foreland Fjord“ отдѣляетъ отъ главнаго материка длинный островъ „Принца Чарльса“. Съ восточной стороны лежитъ большой островъ, называемый „Сѣверо-Восточною Землею“; онъ отдѣляется отъ большаго Шпицбергена, открытымъ англичанами, но получившимъ свое названіе отъ голландцевъ, проливомъ Гинлопенъ. Къ сѣверу отъ Сѣверо-Восточной земли находятся такъ называемые „Семь Острововъ“, а еще нѣсколько сѣвернѣе „Столовый островъ“. На юго-восточной сторонѣ проливъ „Stor Fiord“ (большой проливъ) отдѣляетъ отъ главнаго Шпицбергена еще два большихъ острова, меньшій

Барентса и къ югу отъ него большій „Stans Foreland“ или „Землю Эдге“; между ними находится проливъ „Walter Thymen Fjord“. Къ югу отъ Земли Эдге лежитъ „Тысяча Острововъ“. Большой Шпицбергенъ, равно какъ оба большіе острова, Земля Эдге и Сѣверо-Восточная Земля, представляютъ высокія горныя страны, пересѣкаемыя многочисленными фіордами, а внутри покрытыя мощною массою льда, имѣющею сообщеніе съ моремъ посредствомъ безчисленныхъ глетчеровъ. Шпицбергенъ, по-русски „Острыя горы“, по справедливости носитъ такое названіе, такъ какъ голландцы, открывшіе эту группу острововъ съ моря видѣли только безчисленныя острия вершины горъ. Горы эти, правда, невысоки, отъ 500 до 1200 метровъ, но онѣ подходятъ къ самому морю, оставляя только узкую полосу прибрежнаго пространства. Особо суровый видъ имѣютъ Большой Шпицбергенъ и островъ Принца Чарльса. На сѣверѣ, равно какъ и на югѣ, мѣстность менѣе возвышенна, горы ниже, долины шире и вообще вся поверхность принимаетъ скорѣе видъ плоской возвышенности. Хотя вершины горъ не очень высоки, но едва-ли онѣ представляются гдѣ либо въ такомъ неприступномъ, такъ сказать, изорванномъ видѣ. Кряжи и гребни здѣсь остры, какъ ножи, и иззубрены, какъ пилы. Подъемъ на горы и даже на холмы сопряженъ съ большою опасностью: на всякомъ шагѣ новые острые зубцы, новые обрывы самыхъ разнообразнѣйшихъ формъ. Въ западный берегъ Большаго Шпицбергена врѣзываются три большихъ залива, отъ которыхъ, въ свою очередь, идутъ многочисленные отроги во внутрь страны. Эти заливы: Горнъ-сундъ, Бель-сундъ, раздѣляющійся на Van Maïen-Bay и Van Keulen-Bay, и самый большой изъ нихъ, просторный „Ледяной Фіордъ“, развѣтвляющійся въ свою очередь на заливы Nord-Klaas-Billen и Sassæn. Далѣе къ сѣверу находятся заливы: Королевскій, Крестовый, Гамбургскій и Св. Магдалины, не такъ глубоко вдающіеся во внутрь и не имѣющіе почти никакихъ боковыхъ отроговъ. На сѣверной сторонѣ Шпицбергена слѣдуетъ указать на Liefde-Bay и глубоко врѣзывающійся во внутрь заливъ „Війде“. Хотя эти глубокіе заливы и фіорды и указываютъ на разнообразнѣйшее образованіе долинъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти долины существуютъ, но въ смыслѣ живописности видовъ, онѣ никакого значенія не имѣютъ, потому что, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ наполнены глетчерами, доходящими до самаго моря. Длина глетчеровъ очень различна. По мнѣнію Скоресби, самые большіе: одинъ у южнаго мыса, другой къ сѣверу отъ Горнъ-сунда. Каждый изъ нихъ имѣетъ у выхода въ море около 20 вил. ширины; далеко-ли они простираются однако во внутрь земли — неизвѣстно. Семь глетчеровъ на сѣверномъ берегу острова Принца Чарльса имѣютъ каждый около 4 километр.

ширины. Шпицбергенскіе глетчеры по своему наружному виду нѣсколько отличаются отъ альпійскихъ, какъ это и должно быть по условіямъ края и климата. Они гораздо ровнѣе, на нихъ нѣтъ тѣхъ острыхъ возвышеній и зубцовъ, которые придаютъ альпійскимъ такую фантастическую наружность. Это происходитъ вслѣдствіе того, что долины Шпицбергена имѣютъ незначительный и ровный наклонъ и обвалы на нихъ рѣдки. Точно также на Шпицбергенскихъ глетчерахъ нѣтъ валуновъ, поражающихъ путешественника на Альпахъ. Но всѣ они представляютъ у нижняго своего конца мощную и отвѣсную ледяную стѣну, возвышающуюся отъ 30 до 120 метровъ надъ водою; только тамъ, гдѣ глетчеръ совершенно кончается, на днѣ морскомъ, лежатъ валуны, нанесенные туда въ теченіи тысячелѣтій. Такъ какъ Шпицбергенскіе глетчеры доходятъ до самаго моря, то изъ нихъ не вытекаетъ ни рѣкъ, ни ручьевъ, они сами представляютъ рѣки,—единственные рѣки края; изрѣдка тамъ и сямъ является по бокамъ глетчеровъ стокъ воды, но вскорѣ опять исчезаетъ. Почва вѣчно мерзлая, ключей никакихъ нѣтъ. На западномъ берегу преобладаютъ формациі трехъ родовъ: гранитъ съ жилами первобытныхъ породъ, содержащими почти такіе же минералы, какіе встрѣчаются въ первобытныхъ породахъ Финляндіи и Швеціи. Эти кристаллическія породы занимаютъ сѣверозападный уголъ Шпицбергена отъ острова Амстердама къ югу, до залива Св. Магдалины; изъ нихъ же главнымъ образомъ состоятъ также Семь Острововъ на сѣверѣ Шпицбергена. Далѣе къ югу являются перпендикулярныя, принадлежащія къ Пермской формациі, наслоенія извести, кремнистаго сланца и песчаника, содержащія множество окаменѣлостей; эти породы занимаютъ небольшое пространство у Вельсунда и у Ледянаго фіорда. Наконецъ, часто встрѣчаются еще горизонтальныя, не содержащія почти никакихъ окаменѣлостей, наслоенія, 600 метровъ толщины, сѣраго рыхлаго песчаника, не рѣдко въ перемежку съ чернымъ глинистымъ сланцемъ. Эти наслоенія повидимому принадлежатъ періоду новѣйшихъ формаций, занимая, вѣроятно большую часть острова къ югу отъ Королевскаго залива. Они особенно замѣчательны тѣмъ, что содержатъ бурый уголь, окаменѣлое дерево и явные оттиски листьвы, изъ чего можно заключить, что температура Шпицбергена когда-то была гораздо умѣреннѣе, чѣмъ теперь. Каменно-угольныя залежи ¹⁾ встрѣчаются на огромныхъ пространствахъ. Меньшее значеніе имѣютъ пласты юрской формациі на южномъ берегу, около устья Ледянаго Фіорда. Низменное юговосточное побережье, въ осо-

¹⁾ Уголь превосходный, чернаго блестящаго цвѣта, обнаруживающій мѣстами древесное строеніе, горитъ отлично.

бенности-же Тысяча Острововъ изобилуютъ прибойнымъ лѣсомъ, количество котораго однако не такъ велико, какъ обыкновенно воображаютъ.

Стоитъ только припомнить, что сѣверныя точки Шпицбергена едва на девять градусовъ удалены отъ сѣвернаго полюса, чтобы получить ясное понятіе о климатѣ этой группы острововъ. Въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ здѣсь господствуетъ мракъ;—съ послѣднихъ чиселъ октября до половины февраля солнце не восходитъ надъ этою ледяною пустынею. Даже лѣтомъ оно не подымается выше 37° надъ горизонтомъ и его косые лучи, какъ будто стелятся по поверхности земли и пробиваясь чрезъ слои плотнаго воздуха, теряютъ въ значительной степени способность нагрѣванія. Сильный вѣтеръ, не встрѣчающій почти никакихъ препятствій по ледянымъ равнинамъ и глетчерамъ, еще болѣе содѣйствуетъ пониженію температуры. Не смотря на это, климатъ Шпицбергена менѣе суровъ, чѣмъ въ мѣстахъ, лежащихъ подъ тою же широтою въ Баффиновомъ заливѣ или въ проливѣ Мельвила. Этою сравнительною умѣренностію Шпицбергенъ обязанъ отчасти своему морскому положенію, отчасти вліянію Гольфштрема, омывающаго весь западный берегъ Шпицбергена, а въ августѣ и сентябрѣ даже его сѣверное побережье. Море около югозападнаго берега свободно отъ льдовъ уже въ концѣ апрѣля, между тѣмъ какъ на сѣверовостокѣ ледъ держится болѣею частію до самаго августа. Покатости горъ и болѣею частью неширокія прибрежныя мѣста обнажаются отъ снѣга въ концѣ мая или началѣ іюня. Линія вѣчныхъ снѣговъ по сѣверному и западному берегамъ подымается подъ 80° сѣв. шир. до 250—300 метровъ надъ уровнемъ моря, а въ южной части западной стороны даже до 600 метровъ. Средняя годовая температура на главномъ островѣ составляетъ около $-8^{\circ},6$ Ц. Только въ теченіи іюля и августа средняя температура подымается выше нуля, однако и въ это короткое лѣто бываютъ нерѣдко довольно сильные морозы. Относительно зимнихъ холодовъ нѣтъ надежныхъ наблюденій, но одно несомнѣнно, что ртуть здѣсь замерзаетъ часто и что температура въ 20° и даже 30° —не рѣдкость. При этомъ непостоянство—отличительная черта Шпицбергенской погоды. Полное затишье и сильнѣйшіе порывы вѣтра составляютъ обычное явленіе. Ясныхъ дней почти вовсе нѣтъ.

Непроницаемый туманъ покрываетъ всю страну; въ видѣ мелкаго холоднаго дождя онъ пронизываетъ все насквозь и нерѣдко переходитъ въ снѣжную мятель даже среди лѣта. Къ осени туманъ становится еще гуще, лучи солнца съ трудомъ его пробиваютъ, распространяя самый блѣдный свѣтъ; въ концѣ августа солнце въ первый разъ скрывается за горизонтомъ. Сначала ночь

бываетъ только въ видѣ сумерекъ, но она быстро прибываетъ и въ концѣ октября солнце въ послѣдній разъ выплываетъ изъ моря съ тѣмъ, чтобы исчезнуть на долгіе мѣсяцы;—съ этихъ поръ водворяется царство ночи. Даже красноватый отблескъ, показывающійся еще нѣкоторое время около полудня, исчезаетъ вскорѣ совсѣмъ; только блѣдный свѣтъ луны освѣщаетъ повременамъ печальную пустыню полярнаго міра, за то какъ бы въ 'утѣшеніе почти каждую ночь является сѣверное сіяніе.

Первое впечатлѣніе природы Шпицбергена крайне не отрадное; болѣе всего поражаетъ ничѣмъ ненарушимая тишина и безжизненность. Повсюду ледъ, утесы и вода, ни малѣйшаго звука не раздается среди всеобщаго молчанія, не слышно шума волнъ, нѣтъ ни птицы, ни единаго живого существа, не замѣтно ни малѣйшаго признака растительности, который могъ бы свидѣтельствовать о жизненной силѣ земли. Но это впечатлѣніе мертвенности остается только въ поверхностномъ наблюдателѣ. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь природа не измѣняетъ своей творческой силы и именно относительная полнота и роскошь жизни подъ этою крайнею сѣвernoю широтою въ высшей степени поразительна. Само собою разумѣется, что растительность здѣсь связана такими условіями, которыя не вездѣ въ равной степени выполнимы. Узкое побережье и обращенные къ морю склоны горъ, лѣтомъ освобождающіеся отъ снѣга, а равно множество маленькихъ острововъ, состоящихъ частью изъ отвѣсныхъ скалъ, частью изъ песка и щебня, вотъ тѣ мѣста, на которыхъ сосредоточивается вся жизнь царствъ животнаго и растительнаго. Самое побережье представляетъ рядъ выступовъ, возвышающихся одинъ надъ другимъ до подошвы горъ, окаймленныхъ широкою полосою мелкихъ камней. Строеніе почвы ясно указываетъ на то, что Шпицбергенъ постепенно выдвигается изъ воды; флора Шпицбергена должна быть сравнительно очень молода, будучи недавно туда перенесена и вѣроятно постепенно увеличится. Почва состоитъ то изъ песка, то изъ щебня, то наконецъ изъ хряща. Растительность здѣсь крайне скудна, состоя почти исключительно изъ тонкихъ и отдѣльно стоящихъ особей различнаго рода злаковъ (*Paraveget nudicaule*, *Alsinae rubella*, *Carex misandra*) и нѣкоторыхъ видовъ сухоресницъ (клоповникъ, багульникъ болотный). Изрѣдка встрѣчается также родъ мха, а большіе камни обыкновенно покрыты лишаями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тамъ, гдѣ побережье имѣетъ лишь небольшой уклонъ или же представляетъ ровную, горизонтальную площадь образуются болота, покрывающіеся роскошнымъ мхомъ, въ которомъ растутъ: *Eriophorum*, *Juncus*, *Saxifraga Hirculus* и *Saxifraga rivularis*. Нерѣдко поверхность представляется усыянною невысокими горными краями, холмами и валунами съ лежащими между ними

болотистыми мѣстами и углубленіями, содержащими прѣсную воду. Встрѣчаются также глубокія озера, никогда не промерзающія до дна: въ нихъ водится рыба. У подошвы кражей, гдѣ мѣстность болѣе наклонна и постоянно орошается стекающею съ горъ водою, образуются часто настоящіе оазисы, впрочемъ, только тамъ, гдѣ подпочва состоитъ изъ гранита, гнейса или сланца. Тамъ же, гдѣ преобладаетъ известъ, какъ, напримѣръ, на маленькихъ островахъ въ сѣверной части пролива Гинлопенъ и по западному берегу Сѣверо-Восточной Земли, пустыня въ полномъ смыслѣ слова. Вообще флора Шпицбергена богаче и въ особенности разнообразнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ полярномъ поясѣ въ мѣстностяхъ даже южнѣ лежащихъ; по характеру своему, она очень похожа на флору Гренландіи; на Шпицбергенѣ встрѣчаются почти всѣ гренландскія явнотрава, но между ними нѣтъ ни деревца ни кустика, хотя и есть нѣкоторыя древесныя растенія, какъ-то: два вида ивы, растущей по землѣ и извѣстный *Empetrum nigrum*, возвышающійся надъ моховымъ покровомъ. Большая часть растеній не имѣетъ ни ствола ни стебля, цвѣтетъ непосредственно у земли и до того малы, что ихъ съ трудомъ можно найти. Всѣ Шпицбергенскія растенія многолѣтніи и растутъ пучками.

Царство животное находясь въ безусловной зависимости отъ царства растительнаго, не особенно разнообразно: изъ млекопитающихъ на Шпицбергенѣ всего четыре вида: олень, бѣлый медвѣдь, песецъ и маленькая полевая мышь. Зато птицъ тамъ очень много; изъ нихъ впрочемъ двѣ трети—морскія птицы, питающіяся болѣе или менѣе морскими животными; на сушѣ встрѣчается всего только нѣсколько большихъ пернатыхъ, а единственной представительницей птицъ лѣтчихъ является пуночка, *Emberisa nivalis*. На маленькихъ низменныхъ островахъ (по-англійски *holm*), равно какъ и на небольшихъ скалистыхъ островахъ и крутыхъ стѣнахъ высокихъ горъ, въ особенности по западному берегу, гнѣздятся и выводятъ своихъ птенцовъ, безчисленные морскія птицы, преимущественно топорки (*Mormon fratercula*), почему эти горы, и называются „Топорковыми“. Гуси, за исключеніемъ черной казарки, тамъ очень рѣдки и то только на западномъ берегу. Насѣкомыя имѣютъ на Шпицбергенѣ чрезвычайно мало представителей. Самое большее разнообразіе царства животнаго представляетъ Шпицбергенское море, что и привлекаетъ людей въ эту непривѣтливую пустыню.

Со времени болѣе древнихъ посѣщеній Шпицбергена голландскими и англійскими китоловами, едва ли какая-либо область арктическаго пояса оставалась такъ мало изслѣдованною. Оставляя въ сторонѣ полярное путешествіе, предпринятое Фипсомъ въ

1773 году, безспорно Скоресби принадлежит заслуга первого научнаго изслѣдованія этого острова, сдѣланнаго въ нашемъ столѣтіи. Скоресби старшій, если читатель припомнить, первый дошелъ въ іюнѣ 1806 г. по меридіану Шпицбергена подъ $81^{\circ}30'$ сѣв. шир. до открытаго моря, свободнаго отъ льдовъ, а знаменитый сынъ его, которому въ области полярныхъ изслѣдованій принадлежитъ та же роль, что и Соссюру въ дѣлѣ изслѣдованія Альпъ, первый сдѣлалъ съемку западнаго берега не только Большаго Шпицбергена, но и Сѣверо-Восточной Земли и нужно отдать справедливость: его работы положили основаніе всѣмъ нынѣшнимъ познаніямъ о Шпицбергенѣ. Не менѣе 17 путешествій совершилъ смѣлый Скоресби къ этой группѣ острововъ; его наблюденія надъ водою и землею, надъ воздухомъ и органическою жизнью этихъ полярныхъ странъ до сихъ поръ еще никѣмъ непревзойдены по полнотѣ и многосторонности ихъ. Поэтому нельзя не сожалѣть глубоко о томъ, что имя этого рѣдкаго дѣятеля, равно какъ и его отца, предано незаслуженному забвенію и что память объ этихъ труженикахъ науки мало читается въ сравненіи съ другими полярными изслѣдователями.¹⁾

Въ 1823 году Сабине былъ посланъ къ сѣверо-западному берегу Шпицбергена для барометрическихъ изслѣдованій и наблюденій надъ качаніемъ маятника; подъ $79^{\circ}49'58''$ сѣв. шир. и $11^{\circ}40'30''$ зап. долг. отъ Грин. онъ устроилъ обсерваторію, которою пользовался съ 1 по 22 іюля. Въ 1827 году Парри, подстрекаемый Фипсомъ и Скоресби, увѣрявшими будто ледъ сплошною ровною плоскостію простирается вплоть до сѣвернаго полюса, предпринялъ отъ залива Трейренберга (иначе заливъ Заботы) на Большомъ Шпицбергенѣ, у сѣвернаго входа въ проливъ Гинлопенъ, свое знаменитое путе-

¹⁾ Старшій Вильямъ Скоресби родился 3 мая 1760 г. въ Кроптонѣ близъ Вейтби въ Йоркшейрѣ, гдѣ также явился на свѣтъ 5 октября 1789 г. знаменитый сынъ его Вильямъ. Еще десятилѣтнимъ мальчикомъ сопутствовалъ онъ въ 1800 году своему отцу въ Гренландію, а въ 1823 году совершилъ послѣднее свое полярное путешествіе. Около того же времени отецъ его покинулъ морскую дѣятельность и поселился въ Вейтби, гдѣ и умеръ въ 1829 г. Сынъ его, слѣдуя неотразимому влеченію благочестія, на что способенъ только англичанинъ, бросилъ морскую службу, чтобы посвятить себя церкви. 33-хъ лѣтъ онъ началъ учиться латинскому и греческому языкамъ и въ май 1839 г. получилъ степень доктора богословія. Въ 1844 и 1847—1849 годахъ онъ предпринялъ два путешествія въ Америку, а въ 1855—1856 г. въ Австралію съ цѣлью сдѣлать тамъ магнетическія наблюденія, такъ какъ занимался Богословіемъ онъ не забывалъ и математическихъ наукъ. Скоресби умеръ въ Торкватѣ 21 марта 1857 г. Жизнь обоихъ Скоресби подробно описана. Біографію Старшаго составилъ сынъ его подъ заглавіемъ: *My Father, being Records of the adventurous Life of the late W. Scoresby Esq.* London 1851. 8°. 10 лѣтъ спустя племянникъ Младшаго Скоресби написалъ біографію своего дяди: *The Life of William Scoresby.* London 1861. 8.

шествіе на саняхъ. Онъ дошелъ, правда, до $82^{\circ}45'$ с. широты, до этого нѣмъ не достигнутой, но въ то же время убѣдился, что сплошного неразрывнаго льда, простирающагося далеко къ сѣверу не существуетъ. Въ томъ же году, какъ уже было упомянуто въ своемъ мѣстѣ, нѣмецъ Барто Левенихъ, бургомистръ гор. Буртшейда въ сопровожденіи норвежскаго естествоиспытателя Кейлгау, предпринялъ было на парусномъ шлюпѣ „Надежда“ кратковременное плаваніе къ Медвѣжьему острову и къ Шпицбергену. Вышедши 16 августа изъ Гаммерфеста, онъ пришелъ 19 числа къ первой цѣли своего путешествія,—къ Медвѣжьему острову, откуда опять ушелъ 23 августа. 26 числа усмотрѣна была земля къ востоку; то была часть западнаго берега Шпицбергена къ сѣверу отъ Южнаго мыса. На другой день показались въ виду: островъ Принца Чарльса и скалы у входа въ заливъ Ледяной, но сильная буря отнесла судно опять къ югу, къ Южному же мысу, у котораго 3 сентября и пристали къ берегу. Не смотря на громадность разстоянія, ясно были видны нѣкоторые изъ „Тысячи Острововъ“ и островъ Надежда съ его семью снѣжными вершинами. 9 сентября Левенихъ взялъ курсъ на сѣверо-востокъ къ Землѣ Эдге, называемой также „Восточнымъ Шпицбергеномъ“. На этомъ островѣ у входа въ Вйде-Янсъ-Уатеръ или Сторъ-Фіордъ, отдѣляющій Большой Шпицбергенъ отъ Земель Барентса и Эдге, въ глубоко вдающейся бухтѣ устроено большое помѣщеніе для русскихъ китолововъ человѣкъ на 40 или 50 ¹⁾. Левенихъ и его спутники пробыли здѣсь отъ 11 до 19 сентября и вернулись въ Гаммерфестъ 23 числа. Результаты этого краткаго путешествія замѣчательны во всѣхъ отношеніяхъ; экспедиція доставила полнѣйшія и драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія о Шпицбергенской области. Кейлгау составилъ превосходное описаніе Медвѣжьаго острова, представляющаго громадный интересъ въ физическомъ,

¹⁾ Общество архангельскихъ промышленниковъ основало было на Шпицбергенѣ прочное поселеніе для лова китовъ, моржей и тюленей и охоты за бѣлыми медвѣдями. Люди были доставлены туда въ сентябрѣ и октябрѣ и распределены маленькими отрядами по два, по три или по четыре человѣка въ избытокъ, расположенныхъ въ различныхъ мѣстахъ по берегу и островамъ Шпицбергена. У нихъ было, въ родѣ главнаго склада, устроено болѣе просторное помѣщеніе у мыса Хвалфиске, подъ надзоромъ смотрителя или писаря, распределявшаго запасы между охотниками и принимавшаго отъ нихъ на храненіе шкуры и ворвань. Но мѣстный климатъ такъ вредно подѣйствовалъ на здоровье людей, что они могли выдержать тамъ всего двѣ зимы. Въ 1858 г. жилъ еще въ Колѣ русскій поморъ, уже старикъ, который въ разное время съ промезутками провелъ всего 35 зимъ на Шпицбергенѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ, вслѣдствіе крушенія судна, посланнаго для смѣны промышленниковъ, жившихъ на Шпицбергенѣ, всѣ эти несчастные заболѣли цынгой и умерли отъ голода. Это побудило общество прекратить свои дѣла. Послѣ того никто болѣе на Шпицбергенѣ не зимовалъ.

географическимъ и геологическомъ отношеніяхъ. Царство растительное также не было забыто Кельгау.

Десять лѣтъ спустя, 19 іюня 1837 года, изъ гавани Гаммерфеста вышла шкуна „Энигеденъ“, принадлежавшая моржелову Михельсону и направившаяся къ Шпицбергену. На палубѣ шкуны находился извѣстный шведскій профессоръ Свенъ Ловенъ. 22-го іюня дошли при сильномъ туманѣ до Медвѣжьяго острова, 7-го іюля до острова принца Чарльса, а 10 бросили якорь въ Ледяномъ фіордѣ (Green Harbour). Здѣсь Ловенъ пробылъ цѣлую недѣлю, дѣлалъ различнаго рода экскурсіи, открылъ напластованія, содержащія окаменѣлости вторичной формаціи и проникъ до горы „Dödmanden“ (мертвый человѣкъ) на другой сторонѣ фіорда и до залива „Зассена“. Послѣ этого шкуна пошла къ заливу Крестовому, гдѣ были сдѣланы изслѣдованія морского дна, а также предпринято плаваніе на лодкѣ во внутрь Королевскаго залива. 27-го іюля думали вернуться къ Ледяному фіорду, но этому помѣшали туманъ и поднявшійся сильный вѣтеръ; принуждены были направиться къ югу и 7-го августа вернулись въ Гаммерфестъ. Путешествіе Ловена было первой попыткой со стороны Швеціи проникнуть съ научною цѣлью въ области дальняго сѣвера.

Профессоръ Свенъ Ловенъ.

Изъ новѣйшихъ экспедицій, отправленныхъ къ Шпицбергену, первое мѣсто безъ сомнѣнія, принадлежитъ французскому корвету „La Recherche“ (Розыскъ) подъ командою капитана Фабра, отправленному французскимъ правительствомъ исключительно съ научною цѣлью¹⁾. Въ изслѣдованіяхъ этой экспедиціи участвовали со стороны Франціи слѣдующіе ученые: Шарль Мартэнъ (Charles Martins), Бравэ (A Bravais), Лоттэнъ (Lottin), Ксавье Мармье (Marmier), П. Гемаръ (Gaynard), Е. Роберъ (E. Ro-

¹⁾ Voyage de la commission scientifique du nord en Scandinavie, en Laponie, au Spitzberg et au Farøe pendant les années 1838, 1839 et 1840 sur la Corvette „La Recherche“. Paris. 1840—49 8° 16 m.

bert) и Майеръ (Mayer); со стороны Швеціи — Сундевалль (Sundewall), Лильегёкъ (Liliehök), Лилиестрёмъ (Liljeström) и Гюльденштольпе (Guldenstolpe), со стороны Даніи — Кройеръ (Kröyer), и Валь (Wahl) и наконецъ со стороны Норвегіи Бёкъ (Boeck). 13-го іюня 1838 года Розыскъ вышелъ изъ Гавра, заходилъ въ Тромсё и Гаммерферстъ и 15-го іюля направился прямо къ сѣверу; на другой же день корветъ встрѣтилъ льды, съ которыми и принужденъ былъ бороться три дня. 24-го іюля Розыскъ вошелъ въ Бальсундъ (подъ 77°30' сѣв. шир.) и тамъ оставался до августа. Въ теченіи этого времени каждый часъ производились метеорологическія наблюденія и полученные результаты записывались въ особую книгу. 12-го августа корветъ вернулся въ Гаммерферстъ. Въ 1839 г., вышедши опять изъ Гавра, Розыскъ прибылъ 31-го іюля въ заливъ св. Магдалины, чтобы продолжать свои прошлогоднія наблюденія. Въ 1840 г. экспедиція была въ третій разъ на Шпицбергенѣ. Описаніе послѣдняго плаванія и изложеніе добытыхъ научныхъ результатовъ можно найти въ многотомномъ сочиненіи, роскошно изданномъ подъ покровительствомъ французскаго морского министерства, но къ сожалѣнію не доведенномъ до конца. Это сочиненіе содержитъ, кромѣ прекрасныхъ видовъ посѣщенныхъ мѣстъ, важныя метеорологическія и физическія наблюденія и огромное число рисунковъ относящихся до естественной исторіи, исполненныхъ большею частью подъ наблюденіемъ датскихъ и норвежскихъ ученыхъ, участвовавшихъ въ экспедиціи. Одинъ изъ ученыхъ — Шарль Мартенъ, хорошо знакомый съ Швейцарскими Альпами, немедленно узналъ глетчеры въ тѣхъ ледяныхъ массахъ, которыя первыми англійскими и голландскими мореплавателями ошибочно были приняты за простыя ледяныя горы ¹⁾.

Впослѣдствіи и туристы не замедлили посѣтить Шпицбергенъ. Лордъ Дюфферинъ предпринялъ въ 1856 году путешествіе къ западнымъ его берегамъ ²⁾, посѣтивъ сперва, хотя и наскоро, островъ Янгъ-Майэнъ, лучше всего описанный Скоресби. Съ большимъ тщаніемъ изслѣдовалъ этотъ островъ д-ръ Георгъ Верна (Verna) изъ Франкфурта ³⁾, предпринявшій въ 1861 году на собственный счетъ плаваніе въ полярную область. Ему сопут-

¹⁾ Ch. Martins: Glaciers du Spitzberg comparés à ceux de la Suisse et de la Norvège (Biblioth. universelle de Genève. Juillet 1840).

²⁾ Сочиненіе лорда Дюфферина: Letters from high Latitudes! being some account of a Voyage in the Schooner „Foam“ to Iceland Ian, Mayen and Spitzbergen in 1856. London 1857. 8°.

³⁾ Верна, императорскій австрійскій генеральный консулъ въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ, умеръ 18 окт. 1865 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ.

ствовавши естествоиспытатели д-ръ К. Фогтъ и А. Гресли, геологъ, кромѣ того, А. Герценъ, извѣстный издатель „Колокола“ и живописецъ Гассельгорстъ ¹⁾. По ихъ наблюденіямъ, Янъ-Майенъ безусловно вулканическаго происхожденія, онъ представляеть длинную щель, наполненную лавою, на одномъ концѣ которой высится на 1,943 метр. надъ уровнемъ моря мощный кратеръ Медвѣжьей горы. Дѣятельность центральнаго вулкана, безъ сомнѣнія, уже прекратилась, то, по мнѣнію Фогта, изъ боковыхъ кратеровъ были изверженія еще въ теченіи послѣднихъ столѣтій. Въ теченіи лѣтнихъ сезоновъ 1858 и 1859 гг. богатый шотландскій спортсменъ Джемсъ Ламонъ плавалъ, просто для своего удовольствія, въ Шпицбергенскихъ водахъ въ первый разъ на собственной яхтѣ „Жиневра“ (142 тоннъ), во второй — на норвежскомъ плюпѣ „Анна Луиза“ (30 тоннъ приблизительно). Плаваніе Ламона 1859 г. имѣло цѣлю изслѣдовать до тѣхъ поръ мало извѣстный восточный берегъ земли Эдге и Сторъ-фіорда, о которомъ онъ впервые сообщилъ вѣрныя свѣдѣнія доказавъ, что это не заливъ, а проливъ, проходящій между островами. Въ сѣверной части этого пролива встрѣчается много наноснаго лѣса, состоящаго преимущественно изъ тонкихъ пихтовыхъ стволовъ, совершенно пропитанныхъ морскою водою, равнымъ образомъ обломки потерпѣвшихъ крушеніе судовъ, а также множество костей и китовыхъ остововъ. На Тысячѣ Острововъ и у береговъ Сторъ-Фіорда также были найдены китовые остовы и даже на такихъ мѣстахъ, куда никогда не достигаютъ волны прибою. Это послѣднее обстоятельство не менѣе, какъ и указанія китолововъ на то, что Шпицбергенское море становится все мельче и мельче, привели Ламона къ убѣжденію, что Шпицбергенъ и сосѣдніе съ нимъ острова постепенно поднимаются изъ воды, и притомъ быстро, чѣмъ это совершается въ отдѣльныхъ частяхъ Норвежскаго побережья ²⁾. Въ 1861 году Ламонъ былъ опять въ Шпицбергенскихъ водахъ, причемъ посѣтилъ Тысячу Острововъ и Рикъ-Ись къ востоку отъ земли Эдге.

Геологія сдѣлала важный шагъ впередъ открытіемъ такъ называемаго глетчернаго періода или того времени, когда большая часть сѣвернаго полушарія, подобно тому, какъ теперь еще Грен-

¹⁾ Исторію этого плаванія написалъ д-ръ Карлъ Фогтъ. Nordfahrt entlang der norwegischen Küste nach dem Nordcap, den Inseln Jan-Mayen und Island auf dem Schooner Joachim Heinrich unternommen während der Monate Mai bis October 1861 von Dr Georg Berna in Begleitung von C. Vogt, H. Hasselhorst, A. Gressly und A. Herzen. Frankfurt am Main 1863. 8°.

²⁾ James Lamont: Seasons with the Seahorses; or sporting adventures in the Northern Seas. Newyork and London 1861 8o.

ландія, была покрыта громадными массами льда, послѣ чего ужъ отдѣльныя части земли однѣ повысились, а другія понизились, подвергаясь значительнымъ климатическимъ измѣненіямъ, прежде чѣмъ пришли въ настоящее ихъ положеніе. Этимъ открытіемъ арктической поясъ сдѣлался учебникомъ естественной исторіи всего сѣвера,—книгою, которая можетъ быть читана однако только на самомъ мѣстѣ. Многіе почтенные и знаменитые ученые съ особеннымъ тщаніемъ занимались изслѣдованіемъ тайнъ области вѣчнаго льда. Къ числу такихъ ученыхъ принадлежитъ шведъ Отто Торель. Онъ посвятилъ всю свою жизнь изученію сѣвера и задался цѣлю снабдить музеи своей родины возможно богатыми коллекціями, безъ ко-

Отто Торель.

торыхъ немислимы основательныя и серьезныя изслѣдованія въ области естествознанія. Чтобы лично познакомиться съ природою крайняго сѣвера, Торель принималъ въ 1857 году, въ сопровожденіи магистра Ольсона Гадде, изслѣдованіе Исландіи, которую онъ изѣздили по всѣмъ направленіямъ въ теченіи цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ. Въ слѣдующемъ году онъ отправился къ Шпицбергену. Въ Гаммерфестѣ Торель снарядилъ на свой счетъ яхту „Фритъовъ“ и вышелъ въ море 3-го іюня 1858 г. въ сопровожденіи молодого естествоиспытателя Эрика Норденшильда,

зоолога Квеннерштедта и специалиста-рыболова Андерса Якобсена. Попутный вѣтеръ не переставалъ дуть почти до самаго Медвѣжьяго острова, но затѣмъ пришлось бороться съ противнымъ вѣтромъ, и въ довершеніе всего яхта попала въ плавающее льды, мѣшавшіе ей подойти къ острову. Цѣлую недѣлю прокрейсировали поблизости, доходили до Бельсунда, пока, наконецъ, не пробились черезъ ледяной поясъ. 18-го іюня дошли до Горнсунда и увидали, къ немалому своему удивленію, съ какою неимоверною быстротою исчезалъ снѣгъ со склоновъ горъ и съ низменныхъ острововъ. Экскурсіи были предприняты по всѣмъ направленіямъ, производились самыя тщательныя геологическія изслѣдованія, на глетчеры было обращено особое вниманіе, кромѣ того съ успѣхомъ сдѣланы были изслѣдованія морскаго дна, причемъ найдены интереснѣйшіе экземпляры различнаго рода животныхъ. 28-го числа Торель на-

правился къ Бельсунду и приказаль бросить якорь у Мидтергука. Здѣсь землечерпательная машина опять дала богатую добычу; изъ застрѣленныхъ птицъ и млекопитающихъ приготовили множество чучелъ; нашли третичную формацію съ оттисками стеблей и листьевъ, свѣжія растенія, мхи и лишай были собраны для пополненія коллекцій. 6-го іюля направились было къ сѣверу, но сначала штиль, а затѣмъ противный вѣтеръ сдѣлалъ дальнѣйшее плаваніе невозможнымъ, такъ что принуждены были вернуться въ тотъ же фіордъ. Норденшильдъ нашель здѣсь мощные вертикальные пласты извести и кремнистаго сланца съ большимъ количествомъ окаменѣлыхъ видовъ *Productus* и *Spirifer*, почему онъ это напластованіе и отнесъ къ каменно-угольной формаціи. Вертикальные пласты были покрыты почти горизонтальнымъ слоемъ той же третичной формаціи съ оттисками листьевъ, которая была усмотрѣна у Мидтергука. 24-го іюля паруса были опять подняты, и затѣмъ 28-го числа яхта бросила якорь въ „Green Harbour“—зеленомъ убѣжищѣ. До 2-го августа путешественники занимались изслѣдованіемъ Ледянаго фіорда, а затѣмъ направились къ сѣверу. 4-го августа были у острова Амстердама, 7-го между островами Норскэ и Кловенъ Клифъ, 10-го въ заливѣ Св. Магдалины, 13-го въ Англійскомъ, а 16-го въ заливѣ Адвентъ. Здѣсь они пробыли до 22-го числа, затѣмъ отправились-было къ Тысячѣ Острововъ, но сильный штормъ съ востока вынудилъ взять курсъ на Гаммерфестъ, куда и прибыли 28-го августа съ богатою научною добычею.

Въ 1859 г. Торель отправился съ капитаномъ Амондсеномъ въ Гренландію и дошелъ съ нимъ до самаго сѣвернаго поселенія датчанъ, Уперневика. Столь неутомимая энергія и самопожертвованіе для чести своего отечества должны были возбудить всеобщее сочувствіе. Шведскіе государственные люди рѣшили оказать Торелю помощь въ дальнѣйшихъ его предпріятіяхъ и дать ему возможность снарядить экспедицію въ болѣе обширныхъ размѣрахъ; даже частныя лица интересовались этимъ дѣломъ и пожертвованія сыпались со всѣхъ сторонъ. Вскорѣ явились ученые, выражавшіе желаніе участвовать въ снаряжаемой экспедиціи. Такимъ образомъ состоялась вторая большая экспедиція. Это было чисто національное предпріятіе, такъ какъ въ снаряженіи принимали участіе частныя лица, правительство, наследный принцъ, — нынѣшній король Оскаръ II, а также королевская академія наукъ въ Стокгольмѣ. Въ 1861 эта экспедиція направилась къ Шпицбергену. Надежда Тореля—пріобрѣсти, прославленный путешествіемъ Макъ Клинтока, пароходъ „Фоксъ“—не сбылся и пришлось удовольствоваться двумя парус-

ными судами: шкуною „Эоломъ“ съ 17 чел. команды и шлюпомъ Магдалиною съ 12 чел. Ученые принявшіе участіе въ плаваніи распредѣлились на этихъ двухъ судахъ. На Эолѣ, состоявшемъ подъ командою лейтенанта Бертиля Лильегёка помѣстились: начальникъ всей экспедиціи — Торель, профессоръ Норденшильдъ, отправлявшійся для географическихъ и геологическихъ изслѣдованій, магистръ Мальмгрэнъ, финляндецъ, специалистъ по зоологіи и ботаникѣ, магистръ Киденіусъ, также финляндецъ, физикъ, — оба отъ финляндскаго университета въ Гельсингфорсѣ и испытанный уже въ плаваніяхъ къ сѣверному полюсу Пенни, Кэна и М'Клинтока датчанинъ Петерсенъ, въ качествѣ руководителя предполагаемыхъ санныхъ экскурсій. На Магдалинѣ, подъ командою капитана Кюйленстьерна, отличнаго моряка и въ то же время искуснаго стрѣлка, находились химикъ и минералогъ Бломстрандъ, въ качествѣ руководителя учеными занятіями, наблюдатель астрономической обсерваторіи въ Лундѣ Дунэръ, кандидатъ медицины Гоэсъ въ качествѣ ботаника и врача, студентъ Смитъ, какъ зоологъ, и г. Иленъ, извѣстный своими зоологическими экскурсіями, предпринятыми по берегу Бѣлаго моря вмѣстѣ съ профессоромъ Лильбергомъ, въ качествѣ охотника и рисовальщика. Семидесятилѣтній старецъ Андерсъ Якобсенъ, изъ Богуслана, пожелалъ также принять участіе въ этой національной экспедиціи. Общество ученыхъ поставило себѣ двоякую задачу: во-первыхъ, — изслѣдованіе острова Шпицбергена и его береговъ въ естественно-историческомъ отношеніи, а во вторыхъ — подробное и обстоятельное ознакомленіе съ географіей острова, для чего предполагалось сдѣлать цѣлый рядъ экскурсій на сѣверъ и на сѣверо-востокъ.

Задержанные продолжительное время въ Тромзѣ противнымъ вѣтромъ, Эолъ и Магдалина вышли въ море только 9-го мая 1861 г. 12-го числа прошли мимо Медвѣжьяго острова, а 21-го пришли къ Шпицбергену и остановились въ виду Бельсунда и острова принца Чарльса. Рѣшено было встать окончательно на якорь у острова Амстердама и отсюда уже изслѣдовать положеніе льдовъ, что и было поручено сдѣлать Киденіусу. Оставшіеся на судахъ занялись всякій своею спеціальностью. Зоологи погружали сачки на дно и удивлялись красотѣ и разнообразію вытасненныхъ ими морскихъ животныхъ, еще совершенно неизвѣстныхъ. Ботаники и геологи вышли на берегъ и принялись за свои ученыя изслѣдованія, тогда какъ охотники отправились, стрѣлать птицъ — имъ посчастливилось убить между прочимъ нѣсколько тюленей. Вскорѣ вернулся Киденіусъ съ весьма неблагоприятными извѣстіями о положеніи льда. Торель пришелъ къ тому убѣжденію, что мѣсто

якорной стоянки не довольно безопасно, поэтому оба судна направились вдоль берега до залива Тюленьяго или Коббе, на островъ Денсъ. Этотъ заливъ представляетъ не только безопасное мѣсто для стоянки судовъ, но весной первый освобождается отъ льдовъ, а осенью послѣдній—замерзаетъ, кромѣ того имѣетъ отличную воду для питья. Послѣ медленнаго и затруднительнаго плаванія во льдахъ и противъ вѣтра вдоль сѣвернаго побережья Шпицбергена, суда дошли, нѣсколько сѣвернѣе „Verlegen Hoek“, до открытой воды; обогнувъ мысъ, оба судна попали безпрепятственно къ сѣверу. Но вскорѣ путь былъ опять загражденъ льдами и ничего не оставалось, какъ только укрыться въ заливъ Трейренбергъ. Этотъ заливъ простирается отъ сѣвера къ югу, съ востока окаймленъ горою Геклой, а съ юга наклонною возвышенностью съ большими болотистыми котловинами и пересѣченною внутри страны высокими горами. По западной сторонѣ тянется равнина, оканчивающаяся мысомъ „Verlegen Hoek“,—сѣвренюю точкою большого Шпицбергена. Не безъ основанія этотъ заливъ носитъ названіе Трейренберга или залива „Заботы“. По западному его берегу, среди снѣговъ и льдовъ, найдено тридцать могилъ, несчастныхъ моряковъ, которымъ не суждено было возвратиться на любимую родину. Въ этомъ печальномъ мѣстѣ Эолъ подвергся невольному заключенію довольно продолжительное время.

Однажды Петерсенъ и Лильегёкъ вернулись съ рекогносцировки и принесли извѣстіе, что проливъ Ганлопентъ, на сколько видно было, свободенъ отъ льда. Рѣшено было отправить два отряда въ лодкахъ съ провіантомъ на пять дней. Норденшильдъ и Петерсенъ отправились въ сѣверо-восточномъ направленіи, но вѣтеръ и туманъ вынудили ихъ укрыться въ какой-то бухтѣ и обождать лучшей погоды. Другой отрядъ—Дунеръ и Киденіусъ—пошелъ на сѣверъ къ „Verlegen Hoek“, а на судахъ въ это время стали готовиться къ саннымъ экспедиціямъ, которыя рѣшено было отправить къ полюсу по льду. Послѣ перваго своего путешествія къ Шпицбергену, Торель былъ уже склоненъ присоединиться къ мнѣнію Макъ Клинтака, Скоресби и Франклина относительно качествъ арктическаго моря, а именно, что то море, какимъ оно представляется глазамъ путешественника къ сѣверу отъ Шпицбергена, не можетъ быть пройдено на судахъ. Когда же Киденіусъ вернулся съ извѣстіемъ, что невозможно опредѣлить, подвижны ли или нѣтъ льды, лежащіе на горизонтѣ, за ледянымъ поясомъ и поэтому съ достовѣрностью нельзя сказать, возможно-ли пройти ихъ на саняхъ, то мысль объ излюбленныхъ санныхъ экспедиціяхъ была оставлена и рѣшено ограничиться географическими изслѣдованіями по сѣвренной сторонѣ Большого

Шпицбергена и на Сѣверо-Восточной землѣ. Этотъ послѣдній островъ состоитъ, какъ оказалось, изъ напластованій известняка безъ окаменѣлостей. Вся поверхность здѣсь усыяна камнями и плитнякомъ, при сильныхъ морозахъ откалывающимся отъ утесовъ и покрывающимъ долины и откосы горъ слоемъ въ 30 метр. толщины. Эолъ остановился у сѣвернаго берега, Магдалина-же отправилась на западъ. Въ теченіи шести недѣль Торель, Норденшильдъ, Киденіусъ и Петерсенъ дѣлали большія экскурсіи на лодкахъ. По показаніямъ китолова Нильсона, встрѣтившагося тамъ съ экспедиціею, изъ Сторъ-фіорда въ южную часть пролива Гинлопенъ, есть проходъ выходящій нѣсколько южнѣ залива Ломме, подъ широтою южной оконечности Сѣверо-Восточной земли. По описанію, Нильсона этотъ проливъ очень узокъ и не длиненъ, а противъ устья его въ Сторъ-фіордѣ къ югу лежатъ острова Китовые и Тюленьи. Приблизительно то же самое подтверждалъ штурманъ „Магдалины“, сопровождавшій Нильсону въ 1860 г., когда онъ плылъ по этому проливу. Вслѣдствіе этого Торель и Норденшильдъ предприняли 10-го іюля экскурсію на лодкахъ къ югу по проливу Гинлопенъ, усыянному островами. Минувъ просторный и глубокій заливъ Мурчисона, они направились къ мысу Фансгафъ у входа въ заливъ Ломме, по восточному берегу Большого Шпицбергена и пристали 13-го числа къ одному изъ острововъ „Фостеръ“. Отыскивая намѣченный имъ проливъ, соединяющій будто бы Сторъ-фіордъ съ проливомъ Гинлопенъ, они дошли до великолѣпной высокой горы съ отвѣсными стѣнами со стороны моря. Эту гору они назвали „Ловенбергъ“. 15 километровъ южнѣ они поворотили назадъ и вернулись къ Эолу.

Въ это же время Киденіусъ отправился-было къ сѣверу и сѣверо-востоку, но долженъ былъ вернуться изъ-за дурной погоды и непріятностей возникшихъ между нимъ и сопровождавшими его матросами. Вскорѣ онъ, однако, опять пустился въ путь по сѣверо-западному берегу Сѣверо-Восточной земли, но дошелъ только до 80°34' сѣв. шир. не достигнувъ Семи Острововъ хотя и былъ ввиду ихъ. Возвращаясь оттуда, онъ соединился въ большой бухтѣ „Водочной“ съ возвращавшимися изъ пролива Гинлопенъ товарищами. Торель и Норденшильдъ вскорѣ опять отправились въ путь, въ намѣреніи продолжать изслѣдованіе Сѣверо-Восточной земли. Они обогнули Нордкапъ, самую сѣверную и сѣверо-западную оконечность Сѣверо-Восточной земли, затѣмъ направились къ Семи Островамъ, изъ которыхъ сперва пристали къ острову Парри, а потомъ уже пошли къ самому сѣверному и большому изъ нихъ. 9-го августа Торель со своими спутниками сѣв-

лалъ попытку проникнуть къ востоку, но безуспѣшно; они едва только обогнули мысъ Платенъ, составляющій самую сѣверную оконечность земли Принца Оскара, какъ называютъ эту часть Сѣверо-Восточной земли, прошли нѣсколько по западной сторонѣ залива Дове и здѣсь поднялись на высокую гору, съ которой увидали вдаль на горизонтѣ два маленькихъ островка, окруженныхъ льдами. На картѣ эти острова значатся подъ именами „Карлъ II“ и „Трабанта“, составляя, такъ сказать крайніе аванпосты Шпицбергена на сѣверо-востокѣ. Море къ востоку было, впрочемъ, довольно открыто и свободно отъ льдовъ, такъ что шведы безпрепятственно могли бы обойти кругомъ всей группы, если бы захотѣли. Не сдѣлавъ этого они упустили случай узнать, далеко ли простирается Сѣверо-Восточная земля къ востоку. По возвращеніи къ Эолу, Торель не нашелъ Киденіуса, который занятъ былъ въ это время триангуляціею пролива Гинлопенъ до острововъ Вайгачъ подъ $79^{\circ}20'$ сѣв. шир. Киденіусъ подымался на нѣсколько горъ, большею частью въ 450—475 метр. вышины, открылъ продолженіе залива Ломме, но не могъ, не взирая на всѣ поиски на водѣ и сушѣ, найти указаннаго Нильсономъ пролива, соединяющаго будто бы проливъ Гинлопенъ съ Сторъ-фіордомъ. Отправившаяся къ западному берегу Шпицбергена Магдалина посѣтила заливы Крестовый и Королевскій, равно какъ и Ледяной фіордъ; кромѣ того были сдѣланы экскурсіи на лодкахъ въ заливъ Види и къ проливу Форелэндъ (между Большимъ Шпицбергеномъ и островомъ Принца Чарльса). 12-го сентября оба судна, соединившись опять, стали готовиться къ обратному плаванію на родину. 23-го числа бросили благополучно якорь въ Тромсэ.

Хотя вторая экспедиція шведовъ не достигла своей главной цѣли, тѣмъ не менѣе мы много обязаны ей тѣми свѣдѣніями, которыя имѣемъ теперь о топографіи Шпицбергена, по сѣверо-восточному, сѣверному и западному берегамъ. Около 60 точекъ опредѣлены астрономически этою экспедиціею, вслѣдствіе чего значительное пространство могло быть правильно нанесено на карту, чего до сихъ поръ не было сдѣлано по недостатку точныхъ астрономическихъ данныхъ. Физическія наблюденія относительно явленій земнаго магнетизма, температуры воздуха и моря, снѣжной линіи и т. п. имѣютъ тѣмъ большую цѣну, что многія изъ нихъ были сдѣланы именно въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ подобныя наблюденія были произведены предшествовавшими путешественниками. Морскія теченія были подвергнуты тщательному изслѣдованію, вслѣдствіе чего и былъ доказанъ замѣчательный фактъ, что Гольфштремъ достигаетъ сѣверной оконечности Шпицбергена, подтвержденіемъ чему служитъ найденный на берегу мыса Shoalpoint

сѣвернѣе 80° сѣв. шир. остиндскій стручковый плодъ (*Eptadagigalobium*). Наблюденія надъ органическою жизнью моря были съ большимъ успѣхомъ доведены до глубины 2,560 метр.: собранные виды растений свидѣтельствуютъ о необыкновенной еще роскоши морской растительности на крайнемъ сѣверѣ. Не менѣе тщательно были изслѣдованы геологическія условія края на возможно обширномъ пространствѣ, для чего были собраны замѣчательныя коллекціи окаменѣлостей, горныхъ породъ и минераловъ, а равно сдѣлано множество рисунковъ и фотографическихъ снимковъ мѣстныхъ видовъ и строенія земли ¹⁾).

Весною множество перелетныхъ птицъ направлялись къ сѣверу и это навело на предположеніе, что тамъ находится еще земля, лежащая, по убѣжденію всѣхъ плававшихъ по водамъ Шпицбергена, далеко за предѣлами этой группы. „Если къ полюсу ближе, чѣмъ Шпицбергенъ, имѣется еще группа острововъ, то во всякомъ случаѣ она находится въ сѣверо-восточномъ направленіи“—такъ весьма правильно полагалъ остроумный Пѣшель за нѣсколько лѣтъ до открытія земли Франца-Иосифа,—потому что до 83° сѣв. шир. земли въ этомъ направленіи быть не можетъ, такъ какъ до 81° и далѣе шведами была найдена глубина моря въ 4,754 метра. Съ другой стороны, участники шведской полярной экспедиціи, вопреки мнѣнію д-ра Петерманна, пришли къ тому убѣжденію, что вокругъ сѣвернаго полюса нѣтъ открытаго моря, хотя, можетъ быть, къ концу лѣта въ иные годы и бываетъ къ сѣверу отъ Шпицбергена мѣста свободныя отъ льдовъ. Два года спустя были получены данныя вполне подтверждавшія предположенія шведовъ.

Въ 1863 году Эллингу Карлсену, тому самому, которому, какъ мы уже сообщали раньше, удалось открыть въ 1871 г. на Новой Землѣ зимовье Барентса, посчастливилось впервые обойти кругомъ всей группы Шпицбергена. Плаваніе Карлсена единственное, которое въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полного довѣрія. Его бригъ „Янтъ - Майнъ“, на которомъ находился между прочими китоловъ Тобисенъ, обогнувъ сѣверо-западный уголь Большого Шпицбергена, вошелъ въ проливъ Гинлопенъ, а 27-го іюля былъ у южной оконечности Сѣверо-Восточной Земли. Но здѣсь скопилось такое громадное количество льду, что бригъ вынужденъ былъ вернуться,

¹⁾ Главное описаніе этой экспедиціи, начатое Кидениусомъ по начертанному имъ плану, было издано товарищами послѣ его смерти, послѣдовавшей 4-го марта 1864 г., когда ему было всего 30 лѣтъ отъ роду, подъ заглавіемъ: *Svenska expeditionen till Spetsbergen år 1861 utförd under ledning af Otto Torell. Ur deltagarnes anteckningar och andra handlingar skildrad af K. Chydenius. Stockholm 1865—1866.*

послѣ чего онъ поднялся до 81 сѣв. шир. Когда миновали 2-го августа Семь Острововъ, то по наблюденію, сдѣланному съ высоты мачты оказалось что море къ сѣверу совершенно свободно отъ льдовъ, къ востоку же, хотя и виднѣлись льдины, но не въ такомъ количествѣ, чтобы могли препятствовать плаванію. 9-го августа „Янъ-Майенъ“ дошелъ до крайняго острова на сѣверо-востокъ Шпицбергена. такъ называемаго, „Моржеваго“ (Wallgrossö), а затѣмъ спустился къ югу вдоль совершенно незнакомаго восточнаго берега Сѣверо-Восточной Земли. 16-го августа подъ 79°34' сѣв. шир. была усмотрѣна въ востоко-юго-восточномъ направленіи на разстояніи 15-ти километровъ, — какъ полагали — отыскиваемая многими Земля Гиллисъ, южная оконечность которой, по сдѣланному въ то-же время и еще другому, позднѣйшему наблюденію, была отнесена къ 79°5' сѣв. шир. Карлсенъ говоритъ, что онъ уже раньше, въ іюлѣ 1859 года, подходилъ къ этому острову на разстояніе 1½ или 2 километровъ и принималъ его „по высокимъ горамъ и большимъ фіордамъ за такую же группу, какъ Шпицбергенъ“. Такъ какъ кругомъ не было никакого улова, то бригъ направился мимо, имѣя проливъ Гинлопенъ и восточный берегъ Шпицбергена по правую руку и обошелъ, такимъ образомъ, кругомъ всей группы. Это чрезвычайно важное открытіе. Теперь уже невозможно было сомнѣваться въ томъ, что въ благопріятные годы въ августѣ мѣсяцѣ море совершенно свободно отъ льдовъ и доступно даже для парусныхъ судовъ.

Одна изъ главнѣйшихъ задачъ, поставленная шведской экспедиціи Королевскою академіею наукъ въ Стокгольмѣ, состояла въ томъ, чтобы она постаралась опредѣлить, возможно ли измѣрить дугу меридіана отъ самаго сѣвернаго острова группы до оконечности Большаго Шпицбергена ¹⁾. Этотъ важный вопросъ былъ отчасти разрѣшенъ рекогносцировкой Кидениуса между 79 и 80°48' сѣв. шир. Къ сожалѣнію, противный вѣтеръ и положеніе льда помѣшали ему исполнѣть выполнить свою задачу. Въ 1864 году шведы отправили третью экспедицію опять-таки съ цѣлію сдѣлать тригонометрическую съемку отъ южной оконечности пролива Гин-

¹⁾ Очень естественно, что на этотъ вопросъ, уже 30 лѣтъ тому назадъ возбужденный Сабинѣ и признанный имъ удобоисполнимымъ, было обращено особое вниманіе и именно теперь время, когда геодезисты принялись за точное опредѣленіе фигуры земли способомъ возможно обширныхъ градусныхъ измѣреній меридіановъ и параллельныхъ круговъ. Едва кончилось измѣреніе большой меридіанальной дуги отъ устья Дуная до Нордкапа, какъ уже приступлено было къ измѣренію возможно длиннѣйшей параллельной дуги, отъ западнаго берега Ирландіи до р. Урала, а равно были сдѣланы приготовленія для измѣренія дуги отъ Палермо до Христіаніи. Шпицбергенъ — ближайшая къ полюсу земля, на которой исполненіе подобнаго предпріятія представляется возможнымъ и поэтому имѣетъ громадное значеніе въ этомъ отношеніи.

лопенъ вдоль Сторъ-фіорда до Южнаго мыса. Начальникомъ экспедиціи на этотъ разъ былъ Норденшильдъ, которому сопутствовали астрономъ Дунэръ и ботаникъ Мальмгрэнъ. Въ числѣ экипажа „Акселя Тордсена“, вышедшаго въ море 15-го іюня, были парусный мастеръ Гельштадъ и Іоакимъ Лоренцъ, участвовавшіе въ экспедиціи 1861 года, а также Квенъ ¹⁾ Унзимаа, плававшій въ полярномъ морѣ въ 1858 и 1861 годахъ. На этотъ разъ удалось пристать къ Медвѣжьему острову, въ высшей степени недоступному по причинѣ крутизны береговыхъ утесовъ и не представляющему ни одного удобнаго мѣста для якорной стоянки. Высадка совершилась близъ такъ называемыхъ „Чайковыхъ воротъ“, составляющихъ геологическое чудо природы. Эти ворота образуются выступающимъ въ море утесомъ, въ которомъ волны промыли огромное отверстіе въ видѣ воротъ со сводами, на которыхъ гнѣздятся тысячи чаекъ. Наша картина ²⁾ даетъ ясное понятіе объ этомъ зрѣлищѣ. 19-го іюля 1864 г. въ 4 часа по полудни Норденшильдъ приказалъ вбить въ стѣну воротъ на 1,3 метра надъ уровнемъ воды громадный желѣзный клинъ, съ тою цѣлью, чтобы послѣдующіе наблюдатели могли судить, происходитъ ли поднятіе или повышеніе острова. Медвѣжій островъ представляетъ плоскую возвышенность, прибрежные утесы которой отвѣсно поднимаются изъ воды на высоту отъ 30 до 75 метр. На этой возвышенности разсѣяно множество маленькихъ озеръ, а къ сѣверо-востоку и къ югу поднимаются значительные горные террасы, изъ которыхъ одна по справедливости названа „горой бѣдствій“ (Mount Misery).

Послѣ краткаго пребыванія на Медвѣжьемъ островѣ Норденшильдъ отправился со своими сотрудниками къ западному берегу Большаго Шпицбергена, гдѣ преимущественно занимался триангуляціею Ледянаго Фіорда, Бельсунда и Горнсунда, а затѣмъ перешелъ на восточную сторону къ гигантскому, скалистому Сторъ-Фіорду, изслѣдованному лишь до пролива Вальтеръ-Тимена, отдѣляющаго между собою острова Эдге и Барентса и впервые пройденнаго 9-го августа 1847 г. шлюпомъ „Антуанеттой“. На этотъ разъ шведамъ посчастливилось найти то, что они въ 1861 году такъ тщательно искали. Сторъ-Фіордъ въ дѣйствительности не заливъ, какъ нужно было полагать по данному ему названію, а проливъ, выходящій устьемъ своимъ въ проходъ Гинлопенъ. Сторъ-Фіордъ представляется именно въ томъ видѣ, какъ его описываетъ Нильсонъ, узкимъ проливомъ, соединяющимъ два водоема,—за-

¹⁾ Квенъ—такъ называются пришлые Финны, поселившіеся на Озверѣ Швеціи и Норвегіи въ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ.

²⁾ Смотри выпускъ третій.

ливъ Жиневры съ заливомъ Уникорнъ (Единорогъ). Нильсонъ однако его только вторично открылъ, такъ какъ онъ уже значился на древнихъ голландскихъ картахъ подъ названіемъ Гелисъ-Сунда. Это названіе ему въ послѣднее время опять присвоено. Сторъ-Фіордъ былъ тогда же нанесенъ на карту, а затѣмъ шведскіе естествоиспытатели поднялись на лежащую въ восточномъ углу Большого Шпицбергена, между Гелисъ-Сундомъ и проливомъ Гинлопенъ, гору „Бѣлую“ 890 метровъ вышины. Этимъ блистательно закончилось плаваніе шведовъ въ 1864 году. Видъ съ вершины горы Бѣлой—лучшій на всемъ Шпицбергенѣ. Къ востоку видѣнъ былъ Ледовитый океанъ, дѣйствительно загроможденный льдами, препятствующими всякому плаванію на разстояніи 150 км. Къ востоку же танулась возвышенная мѣстность, увѣнчанная двумя горными куполами,—именно тотъ островъ, который раньше былъ усмотрѣнъ Карлсеномъ и ошибочно принятъ имъ за Землю Гиллисъ. На карту этотъ островъ былъ нанесенъ подъ названіемъ „Шведскаго Форелэнда“. Къ западу разстиалась передъ глазами путешественниковъ главная масса Большого Шпицбергена, безконечная, неизмѣримая снѣжная пустыня, изъ которой тамъ и сямъ возвышались темныя скалы, рѣзко отдѣлявшіяся отъ снѣжнаго покрова ослѣпительной бѣлизны. Измѣривъ на вершинѣ необходимые углы, шведскіе труженики могли съ чистою совѣстью вернуться къ своему кораблю и затѣмъ на родину.

Въ то время, какъ шведскіе ученые были у входа въ Ледяной Фіордъ, они увидали къ немалому своему удивленію другое судно. То была англійская любительская яхта „Султана“, на которой владѣлецъ ея Биркбекъ изъ Абердена предпринялъ—было прогулку къ Шпицбергену въ сопровожденіи профессора зоологіи кембриджскаго университета, Альфреда Ньютона, Грахама Маннерса Суттона, д-ра Вагстаффа и норвежца Лоранге въ качествѣ переводчика. Биркбекъ кромѣ того нанялъ для сопутствованія ему еще норвежскій шлюпъ. У Сторъ-Фіорда оба корабля разошлись въ различныя стороны. Профессоръ Ньютонъ на Султанѣ тщетно пытался подняться къ сѣверу по Сторъ-Фіорду, но самъ Биркбекъ на наемномъ шлюпѣ, взявъ курсъ на сѣверо-востокъ къ островамъ „Ryke-Is“, открылъ въ Августѣ 1864 г. ту самую землю, которую шведы назвали „шведскимъ Форелэндомъ“. Биркбекъ хотѣлъ было къ ней подойти, но этому воспрепятствовали льды и онъ былъ вынужденъ вернуться.

Въ томъ же 1864 г. норвежскіе китоловы Маттиласъ, Тобисенъ и Астрёмъ, обогнувъ Сѣверовосточную, землю съ сѣвера пошли вдоль ея восточнаго берега къ югу. Подъ широтою большаго острова, лежащаго нѣсколько къ востоку отъ Сѣверо-Восточ-

ной земли, должны были долгое время лавировать, такъ какъ дулъ противный вѣтеръ. Хотя они уже восемь часовъ шли въ восточно-сѣверовосточномъ направленіи и воздухъ былъ довольно прозрачный, тѣмъ не менѣ не видали никакой земли въ томъ направленіи, гдѣ должна была находиться Земля Гиллисъ, пока наконецъ не подошли на разстояніе 13 километр. къ тому же Фореланду, который былъ усмотрѣнъ шведами. Петерманну, сообщивши изъ Стокгольма о томъ, что будто русскіе рыболовы ежегодно посѣщаютъ Землю Гиллисъ, хотя въ подтвержденіе этого нѣтъ никакихъ доказательствъ. Въ то же время увѣряютъ, будто полярный навигаторъ Иоганнсенъ и сынъ его видѣли въ 1865 г. съ высокой горы „Thumb Point“, на югѣ пролива Гинлопенъ, нѣсколько разъ всю группу острововъ Гиллисъ; а разъ, когда воздухъ былъ необыкновенно прозраченъ, могли совершенно ясно рассмотреть въ трубу, контуры береговъ. Земля эта къ югу оканчивается плоскимъ мысомъ, а къ сѣверу возвышается и затѣмъ поворачиваетъ на сѣверовостокъ. Къ тому же она не обширна и Иоганнсенъ твердо убѣжденъ, что если бы къ югу или къ сѣверу была на разстояніи нѣкоторыхъ миль еще другая болѣе обширная земля, то онъ непремѣнно увидалъ бы ее. Море по направленію къ этой землѣ было совершенно свободно отъ льдовъ ¹⁾.

Нельзя не упомянуть здѣсь о геройскомъ самоотверженіи на пользу науки, со стороны норвежскаго моряка Сиверта Тобисена, сопутствовавшаго Карлсену во время его плаванія въ 1863 году вокругъ Шпицбергена. Имя этого героя занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи новѣйшихъ полярныхъ изслѣдованій вслѣдствіе того, что онъ рѣшилъ еще въ 1864 г. провести зиму на Медвѣжьемъ островѣ, что и привелъ дѣйствительно въ исполненіе зимой 1865—66 годовъ. Норвежскіе моржоловы еще раньше, начиная съ 1824 года нерѣдко зимовали на этомъ островѣ, но никто не сдѣлалъ того, что исполнилъ Тобисенъ. Начиная съ 6 августа 1865 г. по 19 іюня 1866 онъ производилъ регулярныя метеорологическія наблюденія и записывалъ ихъ три раза въ день. Эти наблюденія имѣютъ громадное значеніе, такъ какъ они долгое время были единственными, изъ числа произведенныхъ на крайнемъ сѣверѣ Европы и къ тому же въ теченіе цѣлой зимы ²⁾. Точно также заслуживаютъ нашего вниманія сообщенія, сдѣланныя норвежскимъ капитаномъ Фредерикомъ Ренбекомъ изъ Гаммерфеста, отправившимся на бой тюленей къ Шпицбергену и въ теченіе лѣта 1867 г., съ іюля до сентября, объѣхавшемъ запад-

¹⁾ Petermanns Geogr. Mitth. 1871, стр. 350.

²⁾ Они напечатаны въ Petermanns Geograph. Mitth. 1870 г., стр. 249 и слѣд.

ный Шпицбергенъ съ запада на востокъ. Хотя это самъ по себѣ рѣдкій фактъ, но значеніе его еще увеличивается тѣмъ, что Ренбекъ открылъ подъ 79° сѣв. шир. къ востоку отъ Шпицбергена новую большую группу острововъ. Ренбекъ приставалъ къ 15-ти изъ нихъ;—это были большею частью голые и высокіе утесы, на которыхъ гнѣздились безчисленные стаи птицъ. Даже съ самой высокой изъ вершинъ, на которую Ренбекъ поднялся, онъ не могъ осмотрѣть всей группы, разбросанной повидному на такомъ же огромномъ пространствѣ, какъ Тысяча Острововъ. Крайніе западные острова, этой вновь открытой, группы, по мнѣнію Ренбека, отстоятъ не болѣе 4 или 5 километровъ отъ острововъ, значащихся на картѣ у входа въ заливъ Бьернъ. Послѣ тщетной попытки пробраться къ восточному берегу Сѣверо-Восточной Земли, Ренбекъ вошелъ въ заливъ Бьернъ и попалъ, къ своему немалому удивленію, изъ этого залива, который оказался на самъ дѣлѣ проливомъ, въ проходъ Гинлопенъ недалеко отъ самаго южнаго изъ острововъ Вайгачъ. Пролитъ Бьернъ очень узокъ, и ограниченъ съ обѣихъ сторонъ отвѣсными стѣнами, покрытыми льдомъ. Такимъ образомъ оказывается, что Ренбекъ сдѣлалъ полную рекогносцировку тѣхъ мѣстъ, которыя впослѣдствіи были театромъ дѣятельности Колдевен. На обратномъ пути Ренбекъ сошелся съ капитаномъ Маттиласомъ изъ Тромзэ, прошелъ вмѣстѣ съ нимъ по Гелись-Сунду, достигъ благополучно залива Жиневры и наконецъ вышелъ въ Сторъ-фіордъ, который былъ совершенно свободенъ отъ льдовъ. Послѣ этого взяли еще разъ курсъ на востокъ къ Тысячѣ Острововъ, проникли до острововъ Рикъ-Исъ и, убивъ здѣсь 4 моржей и 16 тюленей, были вынуждены, вслѣдствіе поздняго времени года, вернуться домой.

1868 годъ былъ ознаменованъ появленіемъ на Шпицбергенѣ нѣмецкой экспедиціи подъ начальствомъ Колдевен, о дѣятельности котораго мы уже говорили раньше.

Благодаря стараніямъ Норденшильда, въ 1868 году состоялась четвертая шведская экспедиція, расходы на которую приняли на себя богатые граждане торговаго города Гетеборга. Стокгольмская академія наукъ пожертвовала астрономическіе инструменты, а король предоставилъ въ распоряженіе экспедиціи превосходный почтовый пароходъ „Софію“. Эта экспедиція, подъ главнымъ руководствомъ Норденшильда, состояла изъ капитана парохода Оттера, лейтенанта Паландра, врача Нистрема, ботаниковъ Фриса и Берггрена, зоологовъ Мальмгрена, Смитта и Гольмгрена, физика Лемстрема и геолога Наукгофа. Уже одинъ перечень названныхъ именъ показывалъ, что экспедиція являлась обширнѣйшимъ предпріятіемъ;—нужно было ожидать самыхъ блистательныхъ

результатовъ, тѣмъ болѣе, что самое снаряженіе не оставляло желать ничего лучшаго. 20 іюля „Софія“ направилась прежде всего къ Медвѣжьему острову, на изслѣдованіе котораго она употребила пять дней. 27 числа пришли къ южному мысу Шпицбергена. Подобно нѣмецкой экспедиціи, которая въ это же время была въ Шпицбергенскихъ водахъ, Софіи не удалось проникнуть на востокъ къ Тысячѣ Острововъ, потому что море было покрыто непроницаемою массою плавающихъ льдовъ. Вслѣдствіе этого поворотили на западъ, поплыли къ Ледяному фіорду и бросили якорь въ заливѣ „Зеленое убѣжище“ (Green Harbour). 21 августа въ то время, какъ „Софія“ пошла дальше; одна часть ученыхъ направилась на веслахъ по проливу въ 106 километр. длины, между островомъ Принца Чарльса и Большимъ Шпицбергеномъ. Въ заливѣ Тюленьемъ былъ принятъ новый запасъ угля, такъ какъ прежній значительно уже поубавился. Изъ этого пролива, гдѣ опытъ отбѣлилась часть ученыхъ, пароходъ сдѣлалъ попытку проникнуть на западъ, къ гренландскому берегу, отстоящему отъ этого мѣста вѣроятно около 300 километр., хотя ни одинъ европеецъ еще не видалъ того берега. При этомъ пароходъ поднялся до $81^{\circ}10'$ сѣв. широты, но подойти къ гренландскому берегу не представлялось никакой возможности. „Софія“ поворотила назадъ и подходила къ Семи Островамъ на сѣверѣ Сѣверо-Восточной Земли и къ острову Амстердаму, куда 20 августа прибыло судно съ углемъ, вышедшее изъ Тромсэ недѣлею позже Софіи. На этомъ угольномъ транспортѣ, возвращавшемся въ сентябрѣ въ Норвегію, пять ученыхъ отправились обратно на родину, такъ что на „Софіи“ оставались только Норденшильдъ и двое ученыхъ съ двумя ихъ помощниками. Тогда уже Норденшильдъ могъ отправить съ возвращавшимися письмо слѣдующаго содержания: „Островъ Амстердамы, 14 сентября. Добытые по настоящее число результаты превосходятъ мои ожиданія. Правда, что касается географіи, то мы не открыли ни новыхъ материковъ, ни неизвѣстныхъ еще острововъ, впрочемъ это и не входило въ планъ первой половины нашей экспедиціи, нынѣ завершенной, но мы окончили начатыя первыми шведскими экспедиціями работы, изслѣдовавъ внутреннюю часть Ледянаго фіорда, проливъ Форелэндъ, заливъ Ливде и т. д. Измѣренія глубины, которыя были сдѣланы преимущественно между Норвегіею и Шпицбергеномъ, значительно обогащаютъ запасъ познаній какъ въ отношеніи чисто географическомъ, такъ и въ отношеніи общенаучномъ. Наше плаваніе, совершенное лодочными линіями вдоль ледянаго пояса, обнимающаго Гренландію до $81^{\circ}10'$ сѣв. шир., послужитъ немаловажнымъ пополненіемъ нашихъ свѣдѣній о полярномъ водовмѣстилищѣ. На тѣхъ пунктахъ, гдѣ

мы нѣкоторое время останавливались, физики довели свои магнитныя наблюденія до конца. Зоологи и ботаники доставятъ домой цѣлыя горы коллекцій и Шпицбергенъ въ этомъ отношеніи лучше изслѣдованъ, чѣмъ большая часть странъ земнаго шара. На Медвѣжьемъ островѣ намъ удалось составить большую коллекцію оокоменѣлыхъ растений семейства пальмъ, принадлежащихъ къ первобытной угольной формаціи. Въ ледяномъ фіордѣ и въ Королевскомъ заливѣ собрали мы оттиски различныхъ растений (платановъ, таксодій и т. д.), принадлежащихъ къ міоценовому періоду и доказывающихъ, что Шпицбергенъ въ то время пользовался умѣреннымъ климатомъ. Кромѣ того мы нашли въ Ледяномъ фіордѣ гигантскія кости какого-то крокодилообразнаго животнаго, принадлежавшаго эпохѣ между каменноугольнымъ періодомъ и міоценовымъ. „Софія“ еще разъ пошла къ проливу Гинлопенъ, гдѣ члены экспедиціи посѣтили заливъ Ломе и гору Ловенъ, затѣмъ вернулась къ острову Амстердаму, откуда отправилась къ сѣверу. 4 октября въ 3 часа утра, находясь подъ 81°42' сѣв. шир., пароходъ получилъ при свѣжѣмъ вѣтрѣ течъ, которая хотя и была немедленно остановлена, однако лишила пароходъ возможности идти еще далѣе къ сѣверу;— это было бы слишкомъ рискованно. Въ виду этого „Софія“ спустилась къ югу съ цѣлью отыскать Землю Гиллиса, обогнувъ мысъ Южный и Тысячу Острововъ. Когда же 14 октября обогнули Южный мысъ, то встрѣтили такую массу льдовъ, что оставалось только пуститься въ обратный путь. 20 октября 1868 г. экспедиція вернулась въ Тромзэ.

Если бросить взглядъ на всѣ результаты этой интересной экспедиціи, то они представляются намъ крайне разнообразными. Прежде всего мы встрѣчаемся съ основательнымъ изслѣдованіемъ Медвѣжьяго острова. Хотя пребываніе на немъ продолжалось всего только пять дней, но этого времени было вполне достаточно для того, чтобы доказать, что островъ этотъ въ три раза длиннѣе, чѣмъ первоначально предполагалось. Пароходъ „Софія“ стоялъ на якорѣ въ бухтѣ, на южной сторонѣ, откуда ученые дѣлали экскурсіи по всѣмъ направленіямъ двумя отрядами, одинъ по сушѣ, другой по морю. Оказалось, что природа на Медвѣжьемъ островѣ скуднѣе и пустыннѣе, чѣмъ на сѣверѣ Шпицбергенской группы. На болѣе влажныхъ мѣстахъ мхи, которыхъ насчитано 80 видовъ, такъ густо садятся, что издали кажутся зеленѣющею поляною. Изъ болѣе великорослыхъ растений встрѣчается самое ограниченное число видовъ, едва ли до 30. Фрисъ открылъ одинъ видъ, не встрѣчаемый на Шпицбергенѣ—*Andromeda hypnoides*. Сдѣланное еще раньше открытіе Кейлгау, что этотъ островъ каменноугольной формаціи, съ каменноугольнымъ флоровымъ наслоеніемъ, вполне подтверди-

лось, такъ какъ экспедиція Норденшильда открыла на восточной сторонѣ мощный пластъ каменнаго угля. Каменноугольныя залежи Шпицбергена принадлежать къ третичному періоду, сравнительно позднѣйшаго времени, казалось бы что и залежи Медвѣжь-яго острова могли быть отнесены къ тому же времени, но найденные въ огромномъ количествѣ оттиски растений въ угольныхъ слояхъ доказываютъ, что Медвѣжь островъ принадлежитъ къ коренному каменноугольному періоду. Настоящіе жители и владѣльцы этого острова—птицы, преимущественно топорки, буревѣстники, казарки, чайки, даже была замѣчена стая *Loxia curvirostra*.

Что касается географіи Шпицбергенской группы, то труды прежнихъ шведскихъ экспедицій были пополнены въ этомъ отношеніи тѣмъ, что внутреннія части Ледяного фіорда, Форелэндъ-Сунда, залива Ливде и т. д. были нанесены на карту; южная оконечность Шпицбергена на этотъ разъ, къ сожалѣнію, не могла быть астрономически опредѣлена. У мыса Сорье-Гокъ были собраны многіе остатки тріасоваго періода. Въ „Рендаленъ“ шведскіе ученые изслѣдовали торфяное болото, и нашли здѣсь окаменѣлыя раковины (*Mytilus edulis*, *Mya arenaria*)—лучшее доказательство, что эти страны даже во время позднѣйшихъ геологическихъ періодовъ значительно меньше были заграждены льдами, чѣмъ въ настоящее время. На Шпицбергенѣ нѣтъ никакихъ деревьевъ, встрѣчаются только небольшіе кусты. У Ледяного фіорда растительность нѣсколько богаче, вслѣдствіе чего тамъ и царство животное лучше обставлено: въ „Зеленомъ убѣжищѣ“ Гольмгренъ собралъ порядочную коллекцію насѣкомыхъ; число сѣверныхъ оленей, вслѣдствіе безпощадной охоты на нихъ, значительно уменьшается. Моржи по западному берегу уже совершенно истреблены. Взамѣнъ того съ 1871 года начали заниматься ловомъ морскихъ бѣлугъ (*Delphinus leucas*), дающихъ весьма много жиру. Всѣ члены экспедиціи утверждаютъ, что климатъ Шпицбергена очень пріятенъ: они сами на себѣ замѣтили, что тамъ дышалось гораздо свободнѣе и легче, чѣмъ въ средней или даже южной Швеціи; объ одышкѣ и рѣчи не было, равнымъ образомъ во время всей экспедиціи не было ни одного случая простуды, кашля, насморка или страданія легкихъ.

Не малое значеніе имѣютъ многочисленныя измѣренія глубины, которыя капитанъ Оттеръ дѣлалъ на всемъ пути отъ Тромсэ до Шпицбергена: нигдѣ не было болѣе 550 метровъ. Вблизи самаго Шпицбергена глубина мѣнялась отъ 55 метр. до 328; подъ 6 $\frac{1}{4}$ ° восточн. долготы она доходила уже до 2469 метровъ. Во время попытки пробраться къ гренландскому берегу, Оттеръ нашелъ на глубинѣ 1685 метр. глинистое дно. Къ сѣверу отъ Шпицбер-

гена, гдѣ глубина достигала до 3535 метр., при закидываніи лота постоянно доставали глину-же. Къ западу отъ острова принца Чарльса, лотъ выпущенный на 3368 м. длины не досталъ еще дна; вообще въ этомъ мѣстѣ труды ученыхъ при измѣреніи глубины относительно царства животныхъ не имѣли желаннаго успѣха. Къ лучшимъ результатамъ привели измѣренія, сдѣланныя во время экскурсіи къ Семи Островамъ, дойти до которыхъ, однако, не удалось изъ-за льда. Здѣсь глубина оказалась въ 3968 метр. Посредствомъ особаго снаряда удалось достать частицы дна, доказывающія, что и на этой ужасной глубинѣ царство животныхъ не перестаетъ развиваться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Можно смѣло сказать, что труды Оттера по изслѣдованію морской глубины, между Норвегіею и Шпицбергеномъ, значительно расширили кругъ нашихъ познаній о земномъ шарѣ, какъ въ географическомъ, такъ и въ обще-научномъ отношеніяхъ. Въ одной изъ лучшихъ шведскихъ газетъ мы находимъ замѣтку, обсуждавшую результаты послѣдней экспедиціи. Замѣтка эта слѣдующаго содержанія: „Экспедиціею „Софія“ несомнѣнно доказано, что сѣверный полюсъ окруженъ ледянымъ поясомъ (Kalot of Is), простирающимся болѣе или менѣе сплошною массою вплоть до 82° даже 81° сѣв. шир.; пробраться черезъ него на кораблѣ безусловно невозможно, развѣ тольکو въ отдѣльныхъ мѣстахъ удалось бы проникнуть на нѣсколько градусовъ сѣвернѣе. Поэтому желающіе пробраться до полюса, должны снарядить для этой цѣли экспедицію на саняхъ съ собаками или безъ нихъ. Хотя это результатъ и отрицательный, но онъ имѣетъ важнѣйшее значеніе для будущихъ предпріятій подобнаго рода. Что „Софія“ проникла къ сѣверу далѣе, чѣмъ какое либо другое судно, а именно до $81^{\circ}42'$ (а не $82^{\circ}40'$, какъ ошибочно было сказано въ телеграмѣ)—это такого рода фактъ, которому у насъ не придаютъ особаго значенія, между тѣмъ другія экспедиціи, можетъ быть, вѣдали бы себѣ это въ большую заслугу и надѣлали-бы много шума“¹⁾.

Вскорѣ послѣ 4-ой шведской экспедиціи восточный Шпицбергенъ сдѣлался театромъ новыхъ изслѣдованій, предпринятыхъ на этотъ разъ двумя нѣмцами. Старшій лейтенантъ Королевскаго виртембергскаго стрѣлковаго баталіона, графъ Карлъ Вальдбургъ-Цейль-Траухбургъ пригласилъ своего соотечественника, извѣстнаго путешественника по Африкѣ, Теодора Гейглина, отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ Шпицбергену, причемъ имѣлось въ виду подвергнуть изслѣдованію восточную часть этой группы. „Скэнъ-

¹⁾ Gothenburger Handelszeitung отъ 16 ноября 1868 г.

Вальбургъ " вышелъ изъ Тромзэ 3-го іюля 1870 года, пытался пройти въ Сторъ-Фіордъ, но былъ вынужденъ обогнуть южную оконечность западнаго Шпицбергена и войти въ часто посѣщаемый Горнъ-сундъ. Послѣ того, Вальдбургъ и Гейглинъ побывали на „Красныхъ горахъ“, главномъ мѣстѣ выводки сотенъ тысячъ морскихъ птицъ, и затѣмъ шкуна ихъ была проведена, случившимся тамъ пароходомъ между островами и большимъ Шпицбергеномъ въ небольшую бухту. 23 и 24 іюля удалось, обогнувъ мысъ южный, взять курсъ на востокъ, при чемъ пришлось вступить въ страшную борьбу со льдами. Пытались подходить къ мысамъ „Китовому“, Бланко, Лэ, а также къ „Переѣзному“, но нигдѣ не было никакой возможности пристать къ берегу; только 28 іюля удалось встать на якорь у мыса Агарда на западной сторонѣ Шпицбергена. Отъ этого мыса къ сѣверу Гейглинъ снялъ незначительное пространство довольно подробно на карту. 9 августа посчастливилось пристать къ мысу Лэ. Отсюда графъ Цейль предпринялъ поѣздку черезъ фіордъ Вальтеръ-Тименъ къ сѣвернѣе лежащему большому острову Барентса, Гейглинъ между тѣмъ занялся снятіемъ на карту земли Эдге. 14 августа оба путешественника прошли вмѣстѣ по всей длинѣ фіорда Вальтеръ-Тимена въ восточномъ направленіи, до восточнаго берега земли Эдге, гдѣ они вошли въ другой широкій проливъ, названный ими проливомъ „Ольги“. Проходя фіордомъ Вальтеръ-Тимена, сняли его подробно на карту, а при выходѣ изъ него Гейхлину показалось, что онъ съ сѣвернаго мыса земли Эдге, названнаго „Мысомъ Гейглина“, за высокими и крутыми столообразными вершинами восточнаго берега земли Барентса видитъ еще какую-то землю. Изъ этого онъ вывелъ заключеніе, что плоская возвышенность Земли Сѣверо-Восточной отъ мыса Тореля и глетчеровъ „Маріи“ и „Розенталя“ простирается къ востоку до 25° восточ. долг. Это предположеніе черезъ годъ блистательно подтвердилось, вслѣдствіе чего Гейглинъ можетъ считаться первымъ изслѣдователемъ, открывшимъ значительное протяженіе Сѣверо-Восточной земли къ востоку. Этого мало. Въ Вальтеръ-Тименъ фіордѣ съ горы Миддендорфа 500 метр. вышины Гейглинъ и Цейль увидали по ту сторону пролива Ольги, къ востоку, высокую горную страну съ безчисленными острыми вершинами, которую Д-ръ Петерманъ назвалъ въ честь короля Виртембергскаго землею „короля Карла“. Впослѣдствіи оказалось, что норвежскіе китовы уже раньше нѣсколько разъ видали эту землю и что Карлсенъ былъ очень недалеко отъ нея. Поэтому профессоръ Монъ предложилъ, сохранивъ этой землѣ данное ей названіе, отнести его только къ имени Карла XV, короля Швеціи и Норвегіи, въ послѣднемъ году царствованія кото-

раго эта земля была открыта въ первый разъ. Земля Карла, по предположенію Гейглина и Цейля, находится въ 66 километрахъ отъ Шпицбергена, простираясь къ сѣверу отъ 78° до 79° , даже до 80° , слѣдовательно имѣетъ длину приблизительно 230 километровъ. Хотя расчетъ Гейглина не совсѣмъ согласуется съ предположеніемъ шведовъ, все-таки можно было допустить съ нѣкоторою вѣроятностью, что названная Гейглиномъ Земля Короля Карла едва ли не та же самая, которую шведы усмотрѣли еще въ 1864 году. Какъ мы еще упоминали въ одной изъ предыдущихъ главъ на древнѣйшихъ картахъ уже значилась къ востоку отъ Шпицбергена, открытая въ 1617 году земля Вике, а англичане положительно доказали, что Земля Короля Карла—та же земля Вике, которой по справедливости должно быть возвращено старое ея наименованіе. Ни въ какомъ случаѣ, однако, это не сказочная земля Гиллисъ, хотя норвежскіе моряки ее такъ обыкновенно и называютъ и даже ученые одно время были того же мнѣнія.

По возвращеніи къ своей шкунѣ, Гейглинъ посѣтилъ еще заливъ Джиневру къ востоку, до пролива Геллиса, который, какъ оказалось теперь, совершенно неправильно былъ изображенъ на шведскихъ картахъ ¹⁾. Послѣ непродолжительнаго пребыванія на островахъ Андерсона оба ученые направились къ югу отъ Земли Эдге, къ Тысячѣ Острововъ, составлявшимъ до тѣхъ поръ terra incognita ²⁾. Здѣсь Гейглинъ дѣлалъ измѣренія морской глубины. Безпрерывно продолжавшійся сильный вѣтеръ заставилъ, наконецъ, нашихъ путешественниковъ пуститься въ обратный путь, въ Европу. Передъ отъѣздомъ они однако, успѣли сдѣлать основательную рекогносцировку залива Деви. 27 сентября 1870 г. Гейглинъ благополучно прибылъ въ гавань Гаммерфеста. Послѣдствіемъ этой лѣтней экскурсіи было совершенное измѣненіе карты восточной части Шпицбергенской группы ³⁾. Южная, западная и сѣверная сторона земли Эдге, словомъ весь этотъ островъ получилъ совершенно другую форму; громадный глетчеръ, обозначенный на новѣйшей картѣ подъ именемъ „Короля Іоанна“, занимаетъ почти всю юго-восточную часть острова на протяженіи 48—52 килом., спускаясь къ морю крупными ступенями отъ 6 до 30 метровъ вышины. Дейк-

¹⁾ Th. v. Heuchlins und Graf Zeil's Forschungen in Ost-Spitzbergen (Petermann's Geograph. Mittheilungen. 1870 стр. 337—341, 422, 423, 443—451).

²⁾ Не смотря на это они служили до самого 1827 года главнымъ мѣстомъ боя китовъ и тюленей для русскихъ промышленниковъ.

³⁾ См. первоначальную карту Шпицбергена, составленную преимущественно на основаніи шведскихъ съемокъ, въ 16 прибавленіи къ „Geograph. Mittheilungen“ Петерманна. (Spitzbergen und die arktische Centralregion. Gotha. 1866 г. 4°).

ровъ-сундъ (Deevie Bay) представляется также въ совершенно измѣненномъ видѣ, равно какъ и островъ Барентса, сѣверная половина котораго значительно шире южной;—на прежнихъ картахъ показывалось на оборотъ. Геллисъ-зундъ и заливъ Единорогъ съ восточною оконечностью западнаго Шпицбергена получили совершенно инныя очертанія; въ заливъ Дженовры спускаются: мощный глетчеръ „Негри“ и меньшій „Сонкларъ“; на восточной сторонѣ послѣдняго возвышается гора „Гельвальдъ“. Здѣсь подѣ, 79° сѣв. шир., съемка Гейглина примыкаетъ къ работамъ, сдѣланнымъ въ 1868 году Колдеевымъ ¹⁾).

Уже въ слѣдующемъ, 1871 году, изслѣдованіе восточнаго Шпицбергена подвинулось значительно впередъ и наука естествознанія обогатилась новыми фактами. Въ окрестностяхъ острова „Надежды“ и Тысячи Острововъ производили изслѣдованія австрійцы Пайеръ и Вейпрехтъ;—болѣе подробное описаніе ихъ путешествія, направленнаго преимущественно къ землѣ Гиллисъ, мы предоставляемъ себѣ сдѣлать въ одной изъ позднѣйшихъ главъ этой книги. Здѣсь упомянемъ только коротко, что они нашли море къ востоку отъ Шпицбергена за предѣлами 78° сѣв. шир. болѣею частью свободнымъ отъ льдовъ, что вполне подтвердилось позднѣйшими плаваніями Тобиссена и другихъ норвежскихъ моряковъ. Послѣднія плаванія принесли не мало пользы дѣлу изслѣдованія Шпицбергенской группы. Прежде всего слѣдуетъ здѣсь упомянуть о плаваніи англичанина Веніамина Смитта, который, не будучи самъ морякомъ, нанялъ норвежскаго капитана Эрика Ульве, незадолго передъ этимъ отважившагося проникнуть въ Карское море, съ норвежскою же командою для плаванія на его шкунѣ „Самсонъ“, въ 85 тоннъ вмѣстимости. Ульве со Смиттомъ, вышли изъ Тромсэ въ море одновременно съ Вейпрехтомъ и Пайеромъ, съ которыми уговорились дѣлать наблюденія по условленной, однообразной программѣ. „Самсонъ“ вышелъ изъ Тромсэ 19 іюня 1871 г. и, совершивъ необыкновенно быстрый переходъ, пришелъ 13 іюля къ сѣверо-западной оконечности Шпицбергена. Отсюда онъ старался проникнуть черезъ проливъ Гинлопъ къ усмотренной Гейглиномъ и Цейломъ землѣ Вике (Короля Карла), даже видѣлъ ее въ востоко-юго-восточномъ направленіи, равно какъ и замѣтилъ, что около нея море свободно отъ

¹⁾ Th. v. Heuglins Forschungen in Ost-Spitzbergen 1870 г., объясняющія новую карту этой области (Petermann's Geograph. Mittheilungen 1871 г. № 5, стр. 176—182 и таблица № 9. Болѣе подробный отчетъ объ этомъ путешествіи помѣщенъ въ первомъ томѣ сочиненія Гейглина: Reisen nach dem Nordpolarmeer in den Jahren 1870 und 1871. Брауншвейгъ 1872 г. 8° 3 тома.

льдовъ. Южная оконечность пролива Гинлопенъ, однако, была до такой степени загромождена льдами, что пробиться черезъ нихъ не было никакой возможности,—это и вынудило его вернуться. Подъ 80° 20' сѣв. шир. Ульве со Смиттомъ поворотили на востокъ, вдоль сѣвернаго берега Шпицбергена и въ этомъ направленіи проникли 4-мя градусами далѣе къ востоку, чѣмъ шведская экспедиція или вообще кто либо изъ лицъ образованныхъ, дѣлавшихъ правильныя научныя наблюденія. Крайняя точка, которой они достигли 6 сентября, лежала подъ 80° 27' сѣв. шир. и 27° 25' вост. долг.; на югъ и востокъ, на все видимое пространство, море было совершенно открыто. 11 сентября достигли 81° 24 сѣв. шир. при 18° 35 вост. долг. Такимъ образомъ „Самсонъ“ проникъ нѣсколько сѣвернѣе „Германіи“ плававшей подъ начальствомъ Колдевея. Самая большая заслуга Ульве и Смитта заключается въ томъ, что они обогатили арктическую географію новымъ имѣющимъ высокую цѣну фактомъ, а именно, что Сѣверо-Восточная Земля на три полныхъ градуса простирается далѣе къ востоку, чѣмъ это полагали прежде. Извѣстіе это было тѣмъ поразительнѣе, что Шпицбергенъ считался достаточно изслѣдованнымъ и никто изъ предшествовавшихъ плавателей — за исключеніемъ развѣ Гейглина — не выражалъ даже отдаленнаго намека на это. На всѣхъ картахъ, отъ Кейлена до Скоресби Сѣверо-Восточная Земля показывалась узкимъ островомъ едва 6 градусовъ ширины; съемка Тореля ее расширила на 1½ градуса. Протяженіе же этого острова на три градуса къ востоку доказано основательными изслѣдованіями гг. Ульве и Смитта, какъ по сѣверному, такъ и по южному берегамъ. Поднявшись 9 августа на возвышенный берегъ близъ мыса Тореля, Ульве впервые увидалъ, что Сѣверо-Восточная Земля не поворачиваетъ на сѣверо-востокъ у глетчера Розенталя и у мыса Линдемана, а образуетъ тамъ только глубоко-вдающуюся бухту, за которою опять выступаетъ въ море, далѣе вновь образуетъ бухту (третью по южному берегу) съ глетчерами вдали и только за восточнымъ мысомъ послѣдней бухты поворачиваетъ на сѣверо-востокъ. Эти наблюденія еще разъ вполне подтвердились съ высоты 400 метр. у мыса Тумба, откуда представилась возможность произвести основательное пеленгованіе ¹⁾, чѣмъ, между прочимъ, была провѣрена правильность измѣреній сдѣланныхъ въ 1870 г. Гейглиномъ по восточной сторонѣ Шпицбергена. Острова Бастіанъ состоятъ, по показанію Ульве, не изъ восьми, а изъ двадцати большихъ и малыхъ острововъ. Земля Вике была

¹⁾ Пеленгованіе служитъ для означенія мѣста на картѣ, когда есть въ виду какіе нибудь замѣтные пункты берега, обозначенные уже на картѣ.

постоянно въ виду, такъ что положеніе ея удалось опредѣлить вполне точно. 27 сентября 1871 г. Смиттъ и Ульве вернулись въ Тромзэ ¹⁾).

Съ 26 іюля по 26 сентября 1871 г. капитанъ Торкильд-зенъ совершилъ на яхтѣ „Эллидъ“ плаваніе изъ Тромзэ къ Шпицбергену. Такъ какъ онъ подходилъ лишь къ такимъ мѣстамъ Шпицбергена, которыя уже вполне были опредѣлены и изслѣдованы, то его путешествіе заслуживаетъ вниманія только своими метеорологическими наблюденіями, которыя въ совокупности съ различными другими наблюденіями, сдѣланными одновременно съ ними, получаютъ важное значеніе. По шпицбергскимъ водамъ въ то же время опять плавалъ Джемсъ-Ламонъ на пароходѣ „Діанѣ“, вышедшемъ изъ Дундея, 22-го апрѣля 1871 г. подъ командою капитана Лессортье. До Янъ-Майена „Діана“ шла по пути Колдевея въ маѣ 1868 г. 1-го іюля Ламонъ сдѣлалъ попытку, правда не очень серьезную, подойти къ восточной сторонѣ Шпицбергена; 6-го и 7-го іюля былъ уже у острова Амстердама на сѣверо-западному берегу Шпицбергена, 9-го и 10-го въ Ледяномъ фіордѣ, 12-го опять у остова Амстердама, 15-го у южнаго мыса; вторую половину іюля Ламонъ провелъ у береговъ юго-восточнаго Шпицбергена и въ плесѣ Виде-Янсъ, а 30-го числа пустился уже въ обратный путь къ Шотландіи; 14-го Августа онъ пришелъ въ Христианъ-Сундъ, а черезъ недѣлю вернулся благополучно на родину.

Лѣтомъ 1872 г. географія сѣвера обогатилась новыми фактическими свѣдѣніями о землѣ Вике (Короля Карла). Въ предшествовавшіе годы неблагоприятныя условія льдовъ постоянно мѣшали подойти къ этой землѣ, лѣто же 1872 г., противъ обыкновенія, открыло полнѣйшую возможность доступа къ ней, между тѣмъ какъ въ то же время съ сѣверной стороны Шпицбергена и съ Новой Земли получались свѣдѣнія о небывалыхъ массахъ льда. Капитанъ Альтманъ, командиръ яхты „Эльвины Доротеи“, принадлежавшей консулу Бергеру въ Гаммерфестѣ, говоритъ, что онъ въ теченіи 20-ти лѣтъ никогда не видалъ, чтобы фарватеръ по восточной сторонѣ Шпицбергена былъ такъ свободенъ отъ льдовъ, какъ лѣтомъ 1872 г. 26-го іюля, удаляясь отъ острова Рикъ-Исъ, Альтманъ, взявъ юго-западный курсъ, направился къ массѣ льдовъ, скопившихся близъ глетчера, по восточной сторонѣ острова Эдге. Утромъ 28-го числа увидали такъ называемую землю Гиллисъ и положеніе одной изъ ея вершинъ удалось опредѣлить астрономически. После того взяли курсъ прямо на видимую часть этой земли; по мѣрѣ приближенія погода становилась яснѣе, такъ что безошибочно

¹⁾ Petermann's Geograph. Mittheilungen 1872 г. стр. 101—106.

бочно можно было опредѣлить по различнымъ пунктамъ, что земля эта простирается на востокъ. Продержавъ курсъ на самую возвышенную часть земли, приблизились къ ней въ 10 часовъ утра на разстояніи 3 — 4 килом. Прибрежный ледъ, вдоль котораго шли, простирался на востокъ. На другой день при слабомъ западномъ вѣтрѣ и туманной погодѣ Альтманнъ подошелъ къ восточной оконечности, которую можно было различить вполне ясно. Такъ какъ далѣе къ востоку не было никакой земли, кромѣ небольшого острова, показаннаго на картахъ, то Альтманнъ направился къ западу и держался вдоль берега въ этомъ направленіи въ теченіе всего 30-го числа, при сильномъ туманѣ и сѣвѣмъ южномъ вѣтрѣ. Въ 4 часа по-полудни погода прояснилась, что способствовало изслѣдованію западнаго мыса въ сѣверо-западномъ направленіи, затѣмъ взяли курсъ прямо на этотъ мысъ и подходили къ нему, насколько это дозволилъ прибрежный ледъ. Пока лодки занимались ловомъ рыбы, шеуна старалась проникнуть черезъ расходившійся ледъ къ самому мысу. Вдали опять былъ усмотрѣнъ широкій проливъ, изъ чего Альтманнъ заключилъ, что Земля Вике или Короля Карла состоитъ изъ трехъ большихъ и нѣсколькихъ маленькихъ острововъ, и что усмотрѣнные имъ проливы доступны для судовъ, въ то время, когда ледъ скопляется здѣсь въ меньшихъ массахъ. По убѣжденію Альтманна можно близко подойти къ южной сторонѣ западнаго острова; нѣсколько западнѣе отсюда начинался сплошной ледъ, простиравшійся въ юго-западномъ направленіи къ восточному берегу Шпицбергена. 31-го іюля, послѣ обѣда, удаляясь отъ южной оконечности Земли Карла и направляясь къ островамъ Рикъ-Исъ, Альтманнъ плылъ въ юго-западномъ направленіи, вдоль прибрежнаго льда на протяженіи 110 километровъ.

Впослѣдствіи было доказано, что и капитаны Нильсъ Ионсенъ изъ Тромзэ, на яхтѣ „Лидіанъ“, и Іоаннъ Нильсенъ, на яхтѣ „Фрейѣ“, видѣли эту землю и были на ней, а равнымъ образомъ еще другія суда посѣщали эту малоизвѣстную область. Вслѣдствіе этого первоначальныя свѣдѣнія подверглись значительному измѣненію.

Капитанъ Нильсъ Ионсенъ отправился 8-го мая на парусной яхтѣ, въ 26 тоннъ вмѣстимости, съ 9 чел. команды изъ Тромзэ къ Новой Землѣ для лова моржей и тюленей. Въ іюнѣ онъ направился въ западную часть Барентсоваго моря и въ концѣ мѣсяца находился въ 75—90 километр. отъ острововъ Рикъ-Исъ, въ восточно-юговосточномъ направленіи; какъ разъ около того времени, полярное теченіе приноситъ къ восточному Шпицбергену и къ Медвѣжьему острову громадную массу льдовъ. Занимаясь въ теченіи іюля и первой половины августа боемъ китовъ на такъ называемой Шпицбергенской косѣ, удаленной отъ Медвѣжьяго острова

на 4 градуса по направленію къ сѣверо-востоку, Іонсенъ дошелъ 16-го августа, около полудня, до $78^{\circ} 18' 46''$ сѣв. шир. и вслѣдъ за-тѣмъ увидалъ землю, нанесенную на картѣ 1617 года подъ име-немъ земли Вике между $75\frac{3}{4}^{\circ}$ и $78\frac{1}{3}^{\circ}$ сѣв. шир. Все море къ югу и къ востоку отъ этой земли было совершенно свободно отъ льдовъ. 17-го августа Іонсенъ присталъ къ сѣверо-восточной оконечности земли подъ $79^{\circ} 8'$ сѣв. шир., при $30^{\circ} 15'$ вост. долг. съ цѣлью ближе изслѣдовать ее, взобравшись на недалеко отъ берега лежащую гору (гора Іонсенъ) и занимаясь въ то же время ловомъ морскихъ жи-вотныхъ и собираніемъ нанесеннаго въ громадныхъ массахъ при-бойнаго лѣса. Съ вершины горы онъ могъ убѣдиться, что то пространство, которое казалось Альтманну съ корабля и на большомъ разстояніи тремя отдѣльными большими островами, со-ставляетъ одну неразрывную землю, соединенную узкими пере-шейками, съ лежащими передъ нею небольшими островами. Нигдѣ на всемъ протяженіи этой земли не было сплошныхъ снѣжныхъ по-лей, на юго-восточномъ берегу только одинъ небольшой глетчеръ, а въ замѣнъ того нѣсколько большихъ озеръ, почти совершенно свободныхъ отъ льда. Наибольшее протяженіе земли опредѣлено Іонсеномъ въ 82 километра; множество наноснаго лѣса лежало мѣстами на разстояніи 100 метр. отъ самаго побережья и на высотѣ 6—7 метровъ выше прибоя морскихъ волнъ. Обыкновенныя поляр-ныя животныя, какъ млекопитающія такъ и птицы, попадались здѣсь въ громадномъ количествѣ, въ особенности много было тю-леней (*phoca groenlandica*). Замѣчательнѣе всего, что олени здѣсь ростомъ гораздо больше и жирнѣе, чѣмъ гдѣ либо: никто изъ команды не видалъ въ своей жизни оленей такихъ размѣровъ.

17-го августа къ вечеру Іонсенъ опять поднялъ паруса и плылъ въ теченіи всей ночи и слѣдующихъ двухъ дней вдоль восточнаго и южнаго берега этой земли; море было совершенно свободно отъ льдовъ на всемъ пространствѣ, которое можно было рассмотреть съ высоты горы; только у сѣвернаго берега замѣтили скопленіе льдинъ.

Что же касается до капитана Нильсена, то 23-го іюля онъ находился также у острова Рикъ-Исъ. 25-го числа, выдержавъ свѣ-жій Нордъ-Остъ, подошелъ къ сѣверо-западной сторонѣ острова Рикъ-Исъ и сталъ здѣсь на якорь въ 9 час. веч. вмѣстѣ съ Альтманномъ. 26-го числа послѣ полудня Нильсенъ взялъ курсъ на сѣверо-во-стокъ; яхты „Эльвина“ капитана Альтманна и „Габель“ послѣдо-вали за нимъ. 28-го іюля утромъ увидели Землю Вике. Это плаваніе Нильсена въ главныхъ частяхъ вполнѣ совпадаетъ со всѣмъ тѣмъ, что сообщаетъ Альтманнъ, поэтому не подлежитъ никакому сомнѣ-нію, что Нильсенъ и Альтманнъ видѣли одну и ту же землю. Нильсенъ обошелъ эту землю кругомъ и, поднявшись до пролива

Гинлопена, былъ даже на сѣверной сторонѣ ея. По сообщеннымъ этими плователями даннымъ Земля Вике или Земля Короля Карла гораздо больше, чѣмъ первоначально полагали и вѣроятно она та же самая земля, которую шведы называли „Фореландомъ“, противъ чего Петерманнъ неосновательно возставалъ въ то время, когда Гейглинъ и Цейль дѣлали свои открытія.

Неоднократно повторенными экспедиціями къ Шпицбергену, Швеція приобрѣла безспорное право на эту землю и въ Стокгольмѣ созрѣлъ планъ формально завладѣть всею группою ¹⁾. Въ этихъ видахъ шведское правительство отправило въ 1871 году ко всѣмъ державамъ, подданные которыхъ занимаются рыболовствомъ въ Шпицбергенскихъ водахъ, запросъ: намѣрена ли та или другая держава заявить свои права на эту группу, ежели-же нѣтъ, то не будутъ ли возражать противъ намѣренія Швеціи занять землю во имъ соединенныхъ королевствъ Норвегіи и Швеціи? Не смотря на самыя подробныя изслѣдованія, не удалось доказать, чтобы на Шпицбергенѣ были заявлены права со стороны какого-либо государства. Всѣ западныя державы отозвались, что они не встрѣчаютъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы Швеція заняла эти острова, только с.-петербургскій кабинетъ заявилъ со своей стороны протестъ, хотя и въ весьма мягкой формѣ и относясь къ правамъ Швеціи съ величайшею деликатностью, тѣмъ не мѣнѣе протестъ былъ и существуетъ. Россія заявила въ своемъ отвѣтѣ, что она сама по себѣ не имѣетъ ничего противъ занятія Швеціею Шпицбергена, но что общественное мнѣніе рѣшительно возстаетъ, и что подобнаго факта нельзя оставить безъ вниманія. Русское правительство не встрѣчаетъ препятствій къ

---

¹⁾ Замѣчательно, что одна изъ самыхъ уважаемыхъ газетъ, выходящихъ въ Христианіи, высказалась противъ завладѣнія этой группой острововъ и противъ введенія тамъ какого-либо законнаго порядка, такъ какъ это послужило-бы къ отягощенію и стѣсненію Норвегіи. Газета требовала, чтобы Шпицбергенъ оставался, какъ былъ, нейтральною землею, и выразила въ то же время надежду, что норвежское правительство съумѣетъ склонить къ этому и Швецію. Нельзя было не принять того въ соображеніе, что Швеція, для покрытія расходовъ по учрежденію колоніи на Шпицбергенѣ, должна будетъ прибѣгнуть къ исключительному пользованію различными источниками доходовъ, вслѣдствіе чего или Норвегія была-бы отстранена отъ лова, который теперь производится въ значительной степени ея подданными изъ Тромсэ и Гаммерфеста и доставляетъ этимъ городамъ большую прибыль, или же при безпощадно усиленномъ ловѣ, животныя скорѣе вывелись бы и оловъ не принесъ бы существенной пользы. Казалось-бы придти къ совершенно обратному заключенію, а именно, что путемъ введенія тамъ законнаго порядка, истребленіе животныхъ было бы ограничено и остановлено, такъ какъ и безъ того безумная погоня за ними до такой степени уже уменьшила число ихъ, что нельзя не предвидѣть скораго и окончательнаго ихъ исчезновенія, если не будутъ приняты охранительныя мѣры.

учрежденію на Шпицбергенѣ колоній со стороны Швеціи, а равно къ тому, чтобы Швеція, на время существованія этихъ колоній, считалась тамъ первенствующею, но что окончательное завладѣніе землею требуетъ предварительно еще болѣе подробныхъ соглашеній. Вслѣдствіе этого протеста ¹⁾ со стороны Россіи, шведское правительство отказалось отъ своего намѣренія формально завладѣть Шпицбергеномъ, тѣмъ болѣе, что заявленіе объ этомъ иностраннымъ державамъ было сдѣлано единственно въ предположеніи основать тамъ постоянную колонію съ цѣлью содѣйствовать посылаемымъ туда научнымъ экспедиціямъ, въ виду чего вопросъ этотъ имѣетъ главнымъ образомъ значеніе для одной только науки. Изъ владѣнія подобною непривѣтливою страной нельзя извлечь никакой матеріальной выгоды или пользы, и рѣчь шла только объ основаніи упомянутой колоніи подъ защитой шведскаго флага. Прежде всего предполагалось учредить тамъ постоянную станцію для метеорологическихъ и магнетическихъ наблюденій въ связи съ новою экспедиціею, отправляемою на Шпицбергенъ подъ начальствомъ профессора Норденшильда, съ цѣлью проникнуть оттуда къ сѣверному полюсу, но не на собакахъ, какъ прежде предполагалось, а на оленяхъ. Колонія должна была состояться изъ десяти семействъ, для которыхъ необходимыя постройки могли быть доставлены туда изъ Гетаборга.

---

¹⁾ По поводу этихъ дипломатическихъ переговоровъ бывшій въ 1871 году въ Петербургѣ шведскій посланникъ Біернстерна помѣстилъ въ *Journal de St.-Petersbourg* рядъ статей, въ которыхъ исторически и научно доказывалъ неосновательность притязаній Россіи на Шпицбергенъ. Прежде всего посланникъ ссылаясь на состоявшееся въ 1826 году раздѣленіе прибрежной полосы Лапландіи между Россіею и Норвегіею, а затѣмъ на карту Европейской Россіи, на которой въ 1808 году, „согласно новѣйшимъ картамъ С.-Петербургской Академіи Наукъ“, вся спорная область отнесена къ Норвегіи. Относительно собственно Шпицбергена Біернстерна доказывалъ, что употребляемое приверженцами присоединенія Шпицбергена къ Россіи древне-русское названіе этой группы Груландъ или Грумантъ есть ничто иное, какъ исковерканное слово „Гренландія“. Изъ этого, во всякомъ случаѣ, явствуетъ, что Шпицбергенъ былъ извѣстенъ русскимъ только подъ иностраннымъ именемъ, а слѣдовательно не ими открытъ. Если право владѣнія Шпицбергена вывести изъ числа основанныхъ тамъ различными націями поселеній, то эта группа могла бы принадлежать почти всякому другому государству, но ни Россіи, ни Италіи, ни Турціи, а скорѣе всего Голландіи, Англіи или Гамбургу. Противъ заявленія Біернстерна, основаннаго, впрочемъ, на сѣдѣніяхъ, сообщенныхъ Сидоровымъ, возстали Московскіи и С.-Петербургскіи Биржевыя вѣдомости. Онѣ ссылались на правительственные документы временъ Петра I и Екатерины II: о Шпицбергенѣ упоминается болѣе, чѣмъ въ двадцати указахъ. По мнѣнію газетъ заключенный между Россіею и Норвегіею въ 1826 году торговый трактатъ клонился только въ пользу первой и заключившіе его комиссары не могутъ быть обвиняемы въ упущеніи выгодъ своего отечества.

Норденшильдъ наѣзжалъ въ 1871 году еще разъ вернуться къ Шпицбергену, но добытые имъ въ 1870 году въ западной Гренландіи научные матеріалы были такъ значительны, что обработка ихъ заняла времени гораздо больше, чѣмъ онъ ожидалъ. Проектъ зимней экспедиціи къ Шпицбергену осуществился между тѣмъ въ 1872 г. Средство для снаряженія пятой шведской экспедиціи—подобно тому, какъ это было въ 1868—1870 годахъ—далъ главнымъ образомъ богатый негоціантъ города Готенбурга Оскаръ Диксонъ. Не обошлось дѣло конечно и безъ частныхъ пожертвованій и содѣйствія стокгольмской академіи наукъ. Шведское правительство отдало въ распоряженіе экспедиціи желѣзныи почтовый пароходъ „Польгемъ“, вполне вооруженный и снабженный провіантомъ, вмѣстѣ съ паруснымъ бригамъ „Гладаномъ“ (Коршунъ) и кромѣ того 25 тыс. талеровъ денежнаго пособія. Независимо отъ этого пароходы „Дядя Адамъ“ и „Мимеръ“ должны были вмѣстѣ съ бригамъ доставить къ острову Парри, лежащему подъ 80°40' сѣв. шир., деревянный домъ, состоявшій изъ шести комнатъ, кухни, кладовой, пекарни и сруба для погреба, три барака для обсерваторій, оленей, оленій мохъ и запасъ угля. Кромѣ команды судовъ, въ составъ экспедиціи вошли: профессоръ Норденшильдъ, лейтенантъ Паландеръ, врачъ Энваль, физикъ Викандеръ, ботаникъ Кельманъ, штурманъ Стернбергъ, два машиниста, девять человѣкъ матросовъ изъ Швеціи и пятеро изъ Норвегіи, изъ нихъ — четыре лапландца, и наконецъ итальянецъ, морской офицеръ Евгеній Парентъ. „Гладаномъ“ командовалъ лейтенантъ Крузенштернъ, который, равно какъ остальные два парохода, долженъ былъ вернуться осенью того же года въ Тромсэ.

21-го іюля 1872 года вся эскадра вышла изъ Тромсэ въ море, а 4-го августа подошла къ „Зеленому Убѣжищу“ на пути къ острову Парри. У сѣверо-западнаго берега, однако, собралось столько льду, что эскадра поневолѣ должна была до 30-го августа простоять на якорѣ близъ мыса Гаклуйта. Олени, числомъ 40 головъ, были высажены на Норвежскихъ островахъ у сѣверо-восточнаго угла Шпицбергена. 1-го сентября ледъ настолько разошелся, что можно было двинуться впередъ. 2-го сентября „Польгемъ“ съ „Гладаномъ“ на буксирѣ прошелъ мимо Verlegen Hoek'a. Пароходъ „Дядя Адамъ“, выгрузивъ оленей, направился 2-го сентября отъ Норвежскихъ острововъ и въ свою очередь миновалъ 3-го числа Verlegen Hoek.

Сентябрь и октябрь прошли, а между тѣмъ транспортныя суда съ командою въ 43 чел. не могли, какъ предполагалось, вернуться въ Норвегію; равнымъ образомъ также не возвратились къ своимъ портамъ шесть китобойныхъ судовъ съ 62 чел. ко-

манды. Такимъ образомъ 105 человѣкъ остались въ Шпицбергенскихъ водахъ безъ продовольствія на зиму. По полученіи объ этомъ телеграфическаго извѣстія въ правительственныхъ кружкахъ Христіаніи было сочтено необходимымъ послать этимъ осьми судамъ помощь, въ томъ предположеніи, что всѣ они затерты льдами у сѣвернаго берега Шпицбергена. Съ похвальнымъ усердіемъ норвежское правительство рѣшило немедленно отправить къ Шпицбергену сильный пароходъ, способный бороться со льдами Сѣвернаго океана. Для этой цѣли былъ избранъ извѣстный „Альбертъ“ Розенталя, на которомъ д-ръ Бессельсъ совершилъ свое знаменитое плаваніе между Новою Землею и Шпицбергеномъ и перешедшій теперь во владѣніе Норвегіи. Безотлагательно было приступлено къ его вооруженію и 11-го ноября „Альбертъ“ уже вышелъ изъ Тенсберга подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Норвежскаго флота Отто, офицера дѣльнаго и опытнаго въ арктическихъ плаваніяхъ. Непосредственное командованіе пароходомъ принялъ на себя такой же смѣлый и энергичный капитанъ Ганзенъ. 18-го ноября экспедиція была уже въ Тромзэ, а 20-го на пути къ дальнему сѣверу. Спусти шесть часовъ послѣ отплытія „Альберта“ одно изъ не вернувшихся китобойныхъ судовъ „Пепита“ съ 18 чел. команды вошло въ портъ Гаммерфестъ, другая же шкуна „Якобина“, одновременно (4-го ноября) съ „Пепитой“ освободившаяся изъ льдовъ, недалеко отъ мыса Грея, была задержана снѣжною мятелью у острова Амстердама. На ней находилось 20 чел. Эти 38 человѣкъ составляли экипажъ четырехъ судовъ изъ числа шести, оставшихся во льдахъ. Команда двухъ еще кораблей также уже собралась было въ обратный путь на лодкахъ вдоль западнаго берега, надѣясь добраться до Ледянаго фіорда, который по всѣмъ вѣроятіямъ еще не былъ закрытъ льдами и потому доступенъ. Четыре судна со всею ихъ добычею были оставлены во льдахъ у мыса Грея на сѣверномъ берегу Шпицбергена. Три судна шведской экспедиціи стояли во льду противъ мыса Грея въ заливѣ Мосселъ; всѣ 40 оленей разбѣжались. Для того чтобы доставить эти важныя свѣдѣнія капитану Отто, быстрый почтовый пароходъ успѣшилъ выйти изъ Тромзэ и успѣлъ нагнать „Альберта“ у Фугль-э. „Альбертъ“ зашелъ въ Гаммерфестъ, откуда въ тотъ же день, 21-го ноября, опять вышелъ. Чтобы въ темнотѣ полярной ночи подвергнуться меньшей опасности и не попасть въ непроходимые льды, почти круглый годъ окружающіе Медвѣжьій островъ, капитанъ Ганзенъ взялъ курсъ на сѣверо-западъ. Сначала погода стояла порядочная; 24-го ноября „Альбертъ“ дошелъ до 73°25' сѣв. шир. при 10°35' вост. долг. (на юго-западѣ отъ Медвѣжьяго острова). Въ этотъ день разразилась страшная буря, повредившая

пароходъ и продолжавшаяся нѣсколько дней безъ перерыва, такъ что 1-го декабря къ вечеру больше ничего не оставалось дѣлать, какъ повернуть на югъ и вернуться въ Тромсэ.

Неудача „Альберта“ отнюдь не приводила жителей этого города въ уныніе и не уничтожила въ нихъ увѣренности и надежды добраться до Шпицбергена въ теченіи наступившей зимы. Владѣльцы паруснаго шлюпа „Исбёрна“ рѣшили немедленно снарядить это судно, особо приспособленное для плаванія во льдахъ, и отправить его, не взирая на туманъ и мятель и арктическую темноту, съ 10 чел. команды къ Ледяному фіорду. Это небольшое судно подъ командою капитана Кельсена вышло дѣйствительно 24-го декабря 1872 г. изъ Тромсэ и пришло 7-го января 1873 г. къ Медвѣжьему острову, но здѣсь уже не представлялось никакой возможности двинуться далѣе изъ-за скопившихся въ громадномъ количествѣ льдовъ; пришлось вернуться. 14-го января „Исбёрнъ“ вошелъ опять въ гавань Тромсэ. Даже вторая неудача не удержала Розенталя отъ новой попытки. Этотъ дѣятельный и энергичный человѣкъ немедленно снарядилъ новый прекрасный пароходъ „Гренландію“ съ порученіемъ пробиться до Шпицбергена. 28-го января 1873 года „Гренландія“ вышла изъ Тенсберга подъ командою капитана Мельсома, но объ исходѣ этого замѣчательнаго плаванія нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Между тѣмъ всѣ попытки шведской экспедиціи достигнуть острова Парри, назначеннаго собственно для перезимовки, оказались тщетными. Въмѣсто острова Парри рѣшили остаться въ заливѣ Мосселъ (также заливъ Полумъсяца), подъ 79°50' сѣв. шир., куда прибыли 3-го сентября всѣ три судна, и гдѣ они 6-го числа оказались окончательно и безвыходно окруженными льдомъ. Такимъ образомъ численность команды, обреченной на зимовку, возросла съ 21 человѣка, на которыхъ было рассчитано продовольствіе, до 67, такъ какъ „Гладанъ“ и „Дядя Адамъ“ не могли, какъ было назначено, вернуться въ Тромсэ. Къ тому же, по небрежности лапландцевъ, всѣ олени разбѣжались, такъ что главная цѣль экспедиціи—пробраться на оленяхъ сколько возможно сѣвернѣе, не могла быть достигнута. Въ довершеніе всего получено было извѣстіе о томъ, что недалеко отъ мыса Грея застряли 6 китобойныхъ судовъ съ 58 чел. команды, у которыхъ продовольствія хватить едва ли до новаго года. Къ счастью, 4-го ноября сильная буря разбила ледъ у мыса Грея, что и дозволило 38 человѣкамъ на двухъ судахъ выйти опять въ море. Это были именно тѣ, о спасеніи которыхъ мы уже упоминали выше. Два норвежца, — извѣстный намъ плаватель по Ледовитому Океану Маттиласъ и его поварь, рѣшились остаться у застрявшихъ во льду судовъ. Трупы ихъ впослѣд-

ствіи были найдены въ лодкѣ: вѣроятно они замерзли по пути къ заливу Мосселю. Остальные 18 человекъ отправились 17-го октября къ мысу Тордсену въ Ледяномъ фіордѣ, гдѣ лѣтомъ былъ построенъ домъ и сложены продовольственные запасы для предполагаемой колоніи съ цѣлью разработки тамошнихъ залежей фосфата. 14-го ноября благополучно достигли мыса и расположились на зимовку. Но когда въ іюнѣ 1873 года Фридрихъ Макъ пришелъ туда на пароходѣ „Эллидѣ“, подъ командою капитана Теллефгена, онъ нашелъ ихъ всѣхъ мертвыми. По всему вѣроятію всѣ они погибли отъ цынги. Изъ описанія, сдѣланнаго Макомъ и изъ найденнаго дневника несчастныхъ можно безошибочно заключить, что главною причиною постигшей ихъ печальной участи было отсутствіе дѣльнаго распорядителя и неумѣніе пользоваться надлежащимъ образомъ имѣвшимися къ ихъ услугамъ средствами. Они не дѣлали почти никакого движенія, не предпринимали никакихъ работъ, по крайней мѣрѣ въ дневникѣ объ этомъ ничего не упоминается и на мѣстѣ не найдено никакихъ слѣдовъ. Не воспользовались даже вовсе тѣми удобствами, которыя представлялъ занятый имъ домъ: вмѣсто того, чтобы размѣститься по двумъ или нѣсколькимъ комнатамъ, поселились въ одной, все указывало на то, что между ними царствовала величайшая неопрятность. Въ числѣ огромнаго количества продовольственныхъ припасовъ было, напримѣръ, много овощей и картофеля въ консервахъ; несчастные ихъ вовсе не коснулись или по крайней мѣрѣ воспользовались въ самой незначительной степени, между тѣмъ какъ солонина, сильно способствующая развитію цынги, употреблялась ими въ большихъ размѣрахъ. Трудно себѣ представить болѣе печальную развязку, которая тѣмъ грустнѣе, что эти люди, повидимому, не дѣлали никакихъ усилій, чтобы бороться съ постигшимъ ихъ несчастіемъ, напротивъ, даже предались бездѣйствію и подверглись гибельному вліянію позарной ночи именно въ то время, какъ съ другой стороны было такъ много предпринято къ ихъ спасенію.

Отвернемся отъ этой печальной картины и обратимся къ мѣсту дѣятельности 67 человекъ, собравшихся на мѣстѣ зимовки шведской экспедиціи: здѣсь всѣ, будучи въ постоянномъ трудѣ и движеніи, пользовались отличнымъ здоровьемъ, за исключеніемъ двухъ, одного умершаго отъ воспаленія легкихъ и другого погибшаго во льдахъ. 1-го октября размѣстились въ просторномъ, удобно устроенномъ и тепломъ домѣ, названномъ ими также „Польгемъ“. Зима прошла совершенно благополучно. 28-го февраля впервые увидали солнце, съ 24 апрѣля начались санныя экспедиціи по направленію къ сѣверному полюсу. Норденшильдъ и Паландеръ съ 14 чел. команды отправились на трехъ саниахъ при двухъ лодкахъ къ мысу „Verle-

ген Ноек“, чтобы оттуда черезъ „Shoal-Point“ идти къ сѣверу. Послѣ нѣкоторыхъ задержекъ, шествіе продолжалось съ 6-го мая черезъ заливъ Водочный и лежащую сзади его низменность къ острову Парри, „куда мы прибыли,—пишетъ Паландеръ—16-го мая послѣ нѣсколькихъ дней крайне утомительныхъ переходовъ по плавающимъ льдамъ. Отсюда вернулись шесть человѣкъ, помогавшихъ намъ до этого мѣста подвозить провіантъ. Сложивъ на островѣ Парри семидневный запасъ, мы пошли дальше въ составѣ 11 человѣкъ и захвативъ съ собою провіанта на 45 дней, къ сѣверо-восточному мысу острова Фиисъ, подъ 80° 42', куда и прибыли 18-го числа. Здѣсь съ вершины высокой горы мы могли совершенно ясно видѣть, что плавающіе льды къ сѣверу были въ такомъ положеніи, что намъ не представлялось никакой возможности при тѣхъ небольшихъ дневныхъ переходахъ, которые мы совершали съ нашими нагруженными санями, достигнуть болѣе сѣверной широты, поэтому рѣшили, достигнувъ мыса Платена, пройти по мало извѣстному сѣверному берегу Сѣверо-Восточной Земли, а потомъ поворотить черезъ внутренній ледъ этой земли. Этотъ путь представлялъ величайшій научный интересъ. На срединный или внутренній ледъ Сѣверо-Восточной Земли мы поднялись 1-го іюня; путь этотъ продолжался 15 дней, наибольшая высота достигала 530—560 мет. Ледъ былъ вообще ровень, но во многихъ мѣстахъ его пересѣкали трещины различной величины отъ 15-ти даже до 23 мет. ширины и такой глубины, что не видно было дна. 15-го іюня мы спустились со льда къ заливу Валенберга. Отсюда пошли вдоль восточнаго берега пролива Гинлопенъ то по льду, то по землѣ, то, наконецъ, по глетчерамъ до Shoal-Point'a, куда и прибыли 23-го іюня. Въ ту же ночь я переправился съ двумя человѣками на лодкѣ черезъ проливъ Гинлопенъ и 24-го іюня вернулся къ нашей зимней квартирѣ въ заливѣ Моссель, пробывъ въ отсутствіи цѣлыхъ 25 дней. Во все время этой санной экспедиціи были ежедневно дѣлаемы астрономическія и магнетическія наблюденія, если только позволяла погода. Всего прошли мы этимъ путемъ около 560 килом. ¹⁾ Другая попытка проникнуть еще далѣе къ сѣверу не удалась по недостатку провіанта. Эта же причина вынудила экспедицію вернуться въ Швецію, не достигнувъ даже на саняхъ Земли Короля Карла. Безъ сомнѣнія, это жалкій результатъ для такой огромной экспедиціи изъ трехъ судовъ и массы людей! 6-го августа 1873 года „Польгемъ“ вошелъ въ гавань Тромзэ, куда „Гладанъ“ и „Дядя Адамъ“ прибыли еще до него.

¹⁾ Подробное описаніе этой поѣздки находится въ отчетѣ Норденшильда, помѣщенномъ въ Petermann's Geograph. Mittheilungen. 1873 года, стр. 444—458.

Около этой пятой шведской экспедиціи группируются еще нѣсколько другихъ плаваній къ Шпицбергену.

Лейгъ Смиттъ, совершившій въ 1871 году съ капитаномъ Ульве интересное плаваніе къ сѣверо-востоку Шпицбергена, снова провелъ лѣтомъ 1872 болѣе четырехъ мѣсяцевъ въ полярномъ морѣ на своей собственной шкунѣ-яхтѣ „Самсонъ“, которою командовалъ на этотъ разъ офицеръ англійскаго флота капитанъ Уэлсъ ¹⁾. 29-го апрѣля онъ пошелъ отъ Шотландскихъ острововъ къ сѣверу, сперва къ Яну-Майену, гдѣ присталъ къ берегу, полагая отсюда пройти къ восточной сторонѣ Гренландіи. Но такъ какъ по раннему времени года, тамъ еще было слишкомъ много льду, то онъ поплылъ къ Шпицбергену, достигъ, не взирая на неблагоприятныя условія льда, 80° 30' сѣв. шир. при 12° вост. долг., посѣтилъ заливъ Виде, встрѣтился въ концѣ августа 1872 г. у Норвежскихъ острововъ со шведскою экспедиціею подъ начальствомъ Норденшильда и вернулся 26-го августа въ Гуль. Въ 1873 г. Смиттъ пришелъ опять на своей парусной яхтѣ „Самсонъ“ и въ сопровожденіи парохода „Діани“ къ Шпицбергену, дошелъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, до Семи Острововъ, при чемъ оказалось, что сѣверный мысъ Сѣверо-Восточной Земли представляетъ особый небольшой островъ, отдѣленный отъ главной массы этой земли узкимъ проливомъ. Ему удалось снять на карту протяженіе южнаго берега Сѣверо-Восточной Земли отъ мыса Тореля до мыса Мона, что и составляетъ самый цѣнный результатъ его плаванія. Къ Землѣ Вике не удалось подойти не смотря на то, что пытались туда пробраться и съ сѣвера, черезъ проливъ Гинлопенъ и съ юга. 12-го іюня Смиттъ опять встрѣтился съ Шведскою экспедиціею, которую спасъ отъ ужасныхъ послѣдствій цынги, подаривъ большое количество консервовъ, свѣжаго картофеля, лимоннаго сока, табаку, рому и т. п. предметовъ. Вскорѣ послѣ того, а именно 16-го іюля шведы встрѣтились съ австрійскимъ геологомъ Рихардомъ Драше Вартинбергомъ, который, законтрактовавъ на два мѣсяца въ Тромсѣ шкуну „Сѣверную Звѣзду“ подъ командою капитана Симонсена, производилъ на Шпицбергенѣ геологическія изслѣдованія. 27-го августа Вартинбергъ вышелъ изъ Тромсѣ и вернулся 30-го іюня 1873 г. въ Гаммерфестъ, изслѣдовавъ Бельсундъ, Ледяной Фіордъ, Землю Принца Чарльса, заливы Магдалины и Коббе и островъ Амстердамъ, словомъ весь западный берегъ на всемъ его протяженіи ²⁾.

¹⁾ Онъ описалъ это плаваніе въ своемъ сочиненіи „The gateway to the Polynsa. A voyage to Spitzbergen“. London 1873.

²⁾ Petermann's Geograph. Mitth. 1873 г. стр. 408—410.

Хотя китоловы ежегодно посѣщаютъ Шпицбергенъ, но съ 1873 года эта группа перестала быть цѣлью отдѣльных научныхъ экспедицій. Нельзя однако, оставить безъ вниманія плаванія китолова Іоанна Кельсена, предпринятаго изъ Тромзэ лѣтомъ 1876 г. на яхтѣ „Іоганнѣ Маріи“. Въ іюлѣ Кельсенъ изъ Моффена направился прямо къ сѣверу, не встрѣчая нигдѣ льдовъ. Возвращаясь къ Шпицбергену, онъ поплылъ въ восточномъ направленіи вдоль сѣвернаго берега Сѣверо-Восточной Земли, поворотилъ у мыса Смитта (подъ 28° вост. долг.) къ югу и прошелъ по восточной сторонѣ острова Сторъ-э. Здѣсь на разстояніи 7—10 килом. по направленію съ востока на югъ онъ примѣтилъ высокій островъ отъ 100 до 130 мет. вышины. Тѣмъ же лѣтомъ островъ былъ усмотрѣнъ китоловомъ Нильсомъ Іоганнезенемъ изъ Тромзэ. Отъ острова Сторъ-э Кельсенъ вернулся къ мысу Смитта, откуда одновременно со шкуною „Нордландъ“ (капитанъ Эдуардъ Іоганнезенъ) направился въ половинѣ августа прямо къ сѣверу и достигъ при туманной погодѣ въ полтора дня 81° 30' сѣв. шир. приблизительно. Фарватеръ былъ вездѣ открытъ и свободенъ отъ льда; при западномъ вѣтрѣ и сильномъ волненіи теченіе замѣчалось къ востоку.

Въ новѣйшее время Шпицбергенъ посѣтила третья норвежская экспедиція, снаряженная для изслѣдованія Атлантическаго океана. 28-го іюля 1878 г. пароходъ „Ферингенъ“ вышелъ изъ Гаммерфеста, присталъ 2-го августа къ Медвѣжьему острову, у береговъ котораго встрѣтилъ много рыболововъ, занимавшихся ловомъ на ваги, 5-го августа достигъ южнаго мыса Большаго Шпицбергена, а 8-го августа встрѣтился къ сѣверо-западу отъ Шпицбергена съ полярнымъ теченіемъ и полярнымъ льдомъ. 14 августа экспедиція дошла до 80° сѣв. шир., а на другой день встала на якорь у Норвежскихъ острововъ къ сѣверу отъ Шпицбергена. 17 и 18 числа она коснулась Смеренберга на островѣ Амстердамѣ, вошла въ заливъ Магдалины, и затѣмъ въ Ледяной Фіордъ и 26 августа вернулась въ Тромзэ. Профессоръ Монъ, начальникъ этой экспедиціи, сообщаетъ, что достигнутые результаты должно отнести къ наиболѣе цѣннымъ: граница теплаго теченія Гольфстрема была въ точности опредѣлена. Она простирается сѣвернѣе 80° сѣв. шир., гдѣ теряется подъ покровомъ полярныхъ льдовъ. Во время этого плаванія были доведены до конца начатыя въ теченіи предыдущихъ лѣтъ изслѣдованія морской глубины между Норвегією, и островами Фарэръ, Исландією, Янъ-Майеномъ и Шпицбергеномъ¹⁾.

¹⁾ Съ этою цѣлю „Ферингеръ“ уже плавалъ въ навигацію 1876 и 1877 г. См. Petermann's Geograph. Mitth. 1877 г., стр. 44, 161, 400 и 1878 г., стр. 80, 400, 478.

ВОСТОЧНОЕ ШПИЦБЕРГЕНСКОЕ МОРЕ И ОТКРЫТІЕ ЗЕМЛИ ФРАНЦА-ІОСИФА.

НЕОДНОКРАТНО въ этомъ сочиненіи я имѣлъ случай подвергать критической оцѣнкѣ воззрѣнія Петерманна, огромныя заслуги котораго на поприщѣ землевѣдѣнія мною изложены въ предидущей главѣ. Я самъ находилъ слишкомъ долго подъ вліяніемъ его идей, часто слишкомъ усердно заступался за него публично и защищалъ даже его ошибки, чтобы теперь, при обсужденіи этихъ ошибокъ, неотноситься къ нимъ съ величайшею снисходительностью, послѣ того, какъ личное знакомство освободило меня отъ оковъ очарованія и слѣпое увлеченіе молодости уступило мѣсто сужденію болѣе зрѣлаго возраста. Тѣмъ не менѣе самый усердный, самый горячій приверженецъ покойнаго географа едва-ли не сознается, при современномъ положеніи полярныхъ изслѣдованій, что въ отдѣльныхъ пунктахъ Петерманнъ, познанія котораго несравненно выше многихъ его противниковъ (наприм. Вильфрида де-Фонвиеля) положительно заблуждался, что все его основное воззрѣніе на арктическую географію, допускавшее существованіе открытаго полярнаго моря, вѣроятно совершенно ошибочное. Но справедливость требуетъ отъ исторіографа, чтобы онъ не затруднялся указать, что именно это заблужденіе имѣло

въ высшей степени счастливыя послѣдствія, такъ какъ единственно ему, т. е. этому заблужденію, мы обязаны развитіемъ той дѣятельности, которая проявилась по отношенію къ изслѣдованію полярной области съ 1868 года. Если арктическое море дѣйствительно свободно отъ льдовъ, то можно было надѣяться не только достигнуть до самаго полюса, но даже вновь найти тѣ земли, которыя были усмотрѣны въ-старину и значились на картахъ древнихъ мореплавателей, а впослѣдствіи опять сдѣлались сказочными странами, какъ напримѣръ Земля Гиллисъ. Что подобныя неизслѣдованныя области еще существуютъ на крайнемъ сѣверѣ, въ этомъ нельзя было сомнѣваться, послѣ того какъ шведы въ 1864 году опредѣлили точное положеніе такъ называемаго „Шведскаго Фьрелэнда“. Такъ какъ вторая нѣмецкая экспедиція къ сѣверному полюсу въ нѣкоторомъ смыслѣ отстраняла изъ области изслѣдованія восточную Гренландію, то неутомимый духъ Петерманна съ усиленною дѣятельностью обратился къ отысканію Земли Гиллисъ. Онъ счумѣлъ, съ только одному ему свойственною увлекательностью, вызвать рядъ новыхъ предпріятій, преслѣдовавшихъ эту цѣль. При спокойномъ, чисто объективномъ обсужденіи всего происходившаго, нельзя не сожалѣть о томъ, что Колдевей не согласился отправить одинъ изъ кораблей второй нѣмецкой экспедиціи въ неизслѣдованное море между Шпицбергеномъ и Новою Землею. Въ то время какъ „Ганза“, не принеся никакой пользы своей экспедиціи, погибла самымъ печальнымъ образомъ, а экипажъ ея подвергался въ теченіи года почти невыразимымъ страданіямъ, англичане, нѣмцы, шведы и русскіе усердно занимались изслѣдованіемъ той мѣстности, къ которой Колдевей относился съ такимъ пренебреженіемъ, и достигли во всѣхъ отношеніяхъ прекраснѣйшихъ и наиболѣе цѣнныхъ результатовъ.

Рядомъ съ учеными экспедиціями, съ которыми мы уже познакомились, явились еще многіе другіе посѣтители Шпицбергена; въ числѣ ихъ нѣкоторые чисто изъ любви къ искусству занимались здѣсь боемъ китовъ и охотою на бѣлыхъ медвѣдей и оленей. Соединенное королевство Великобританіи можетъ назвать нѣсколько такихъ охотниковъ, изъ числа которыхъ особенно заслуживаютъ вниманія: шотландецъ Ламонъ и братья Паллисера. Бойкій и предпримчивый морякъ и въ то же время хорошій геологъ, Ламонъ, какъ намъ уже извѣстно, нѣсколько разъ бывалъ на крайнемъ сѣверѣ и написалъ о немъ весьма интересную книгу. Обладая большими средствами, онъ, какъ любитель-спортсменъ, снарядилъ на этотъ разъ новый винтовой пароходъ, 250 тоннъ вѣстимости, поручивъ его командованію опытнаго въ полярныхъ плаваніяхъ норвежскаго капитана Иверсена. Ему сопутствовали:

„Въ обл. вѣчн. льда“.

естествоиспытатель Лейгъ Смиттъ и живописецъ Ливесъ (Livesay). Ламонъ задумалъ отыскать землю Гиллисъ. 29-го апрѣля 1869 г. онъ покинулъ Англію и при благоприятной погодѣ еще въ маѣ достигъ Новой Земли, гдѣ занялся боемъ моржей и другихъ звѣрей. Когда затѣмъ погода измѣнилась и стала бурной, Ламонъ пошелъ въ іюнѣ къ Шпицбергену. Здѣсь онъ встрѣтилъ такую необычайную массу сплошныхъ полярныхъ льдовъ, что сѣвернѣе 80° не удалось проникнуть не смотря на всѣ его старанія. 5-го сентября онъ поворотилъ къ югу и, пришедши въ Тромзэ, встрѣтился тамъ съ капитаномъ Палисеромъ. 6-го октября Ламонъ вошелъ опять въ гавань Дундэ, въ Шотландіи.

1869 годъ былъ счастливѣе предъидущаго и наукѣ землевѣдѣнія суждено было обогатиться новыми интересными фактами. Всюду пробудилось рвеніе къ полярнымъ экспедиціямъ. Въ Германіи богатый пароходовладѣлецъ Альбертъ Розенталь изъ Бремергафена съ замѣчательнымъ сочувствіемъ относился ко всему, что только касалось полярнаго міра и охотно удѣлялъ изъ своихъ средствъ значительныя суммы для изслѣдованій неизвѣстныхъ странъ сѣверной области. Розенталь уже нѣсколько лѣтъ сряду посылалъ ежегодно два парохода въ сѣверный океанъ для боя китовъ и тюленей. Въ 1869 году впервые нѣмецкій купецъ, и именно тотъ же Розенталь, соединилъ съ промышленными интересами и научную цѣль; снабдивъ командированный имъ корабль всѣмъ необходимымъ для далекаго плаванія съ истинно рѣдкою щедростью. На пароходѣ „Улей“ отправился, въ качествѣ ученаго сотрудника, физикъ и астрономъ изъ Юлиха д-ръ Дорстъ, который оказался вполнѣ на высотѣ своего призванія. 21-го февраля 1869 г. „Улей“ вышелъ изъ Бремергафена съ намѣреніемъ изслѣдовать море между Гренландіею и Шпицбергеномъ (Гренландское море), подойти къ восточной Гренландіи и, если возможно, проникнуть до Земли Гиллисъ, невидѣнной болѣе съ 1707 года. „Улей“, крѣпкій винтовой пароходъ въ 65 силъ, собственно построенный для полярныхъ плаваній, съ экипажемъ въ 55 чел. и снабженный провіантомъ на 8 мѣсяцевъ, въ февралѣ и въ апрѣлѣ, долженъ былъ выдержать сильнѣйшія бури, не мало повредившія снасти и преслѣдовавшія его даже на сѣверѣ, среди льдовъ. Изъ 42-хъ дней 21 были бурны. Къ востоку отъ острова Яна Майена, подъ $70\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣв. шир. Дорстъ встрѣтилъ 15-го марта первый ледъ; иди вдоль него, онъ подходилъ 28-го апрѣля къ восточному берегу Гренландіи на разстояніе 237 километр. (подъ $73^{\circ}14'$ сѣв. шир. и $12^{\circ}25'$ зап. долг.). Погода въ этомъ году была особенно неблагоприятна для плаванія и ледъ до того твердъ, что одна изъ главныхъ цѣлей предпрія

тія—достиженіе восточной Гренландіи—не могла осуществиться. Послѣ продолжительнаго плаванія въ Гренландскомъ морѣ, приче́мъ „Улей“ доходилъ до 79° сѣв. шир. и до 13° зап. долг., а къ юго-востоку до Яна Майена и далѣе, Дорстъ вернулся 31-го августа въ Бремергафенъ¹⁾. Во время этого плаванія „Улей“ встрѣтилъ 19 и 29 іюля „Германію“ и переговаривался съ нею, а на другой день имъ была усмотрѣна во льдахъ „Ганза“, подойти къ которой однако не представлялось никакой возможности. Хотя работы Дорста относятся къ довольно уже извѣстной части моря, тѣмъ не менѣе мы обязаны ему драгоценною картою, изображающею чрезвычайно наглядно картину уменьшенія полярнаго льда отъ марта до августа. Дважды въ день измѣрялась плотность морской воды, приче́мъ весною, среди молодого льда заливовъ, плотность эта $= 1,0315$. Кроме того были дѣланы наблюденія надъ температурою и плотностью морской воды на большихъ глубинахъ до 275 метр. съ цѣлью опредѣлить постепенное увеличеніе ея вѣса соотвѣтственно широтѣ, по системѣ Вюллерсторфа. Равнымъ образомъ были взяты многочисленныя образцы морской воды съ большой глубины, тщательно отмѣчены всѣ явленія царства животнаго, отчетливо нарисованы часто повторявшіяся сѣверныя сіянія и наконецъ измѣрена посредствомъ секстанта вышина горы „Ягодной“ на островѣ Янѣ Майенѣ.

Великодушный Розенталь не удовольствовался однако одною этою экспедиціею. 23-го мая онъ отправилъ изъ Бремергафена же другой винтовой пароходъ „Альбертъ“, подъ командою капитана Гасгагена, которому сопутствовалъ зоологъ Э. Бессельсъ изъ Гейдельберга. Это плаваніе имѣло также цѣлью открытіе Земли Гиллисъ; кроме того пароходу было поручено обойти кругомъ всего Шпицбергена, что, какъ извѣстно, было исполнено только разъ норвежцемъ Карлсеномъ въ 1863 г., и изслѣдовать море между Шпицбергеномъ и Новою Землею, независимо отъ возможно дальнѣйшаго проникновенія къ сѣверу, что само собою разумѣется было тѣсно сопряжено съ исполненіемъ этихъ порученій. Согласно полученной инструкціи, „Альбертъ“ прошелъ мимо Яна Майена, по восточную его сторону, и, встрѣтивъ подъ $72^{\circ}22'$ сплошную массу полярнаго льда, поднялся вдоль окраинъ его (къ 20-му іюня) до $80^{\circ} 14'$ сѣв. шир. Находясь у сѣверо-западной оконечности Шпицбергена, Гасгагенъ готовъ былъ проникнуть до Земли Гиллисъ, но это оказалось невозможнымъ; болѣе скромное желаніе—пройти съ сѣвера до пролива Гинлопенъ, какъ это сдѣлали въ

¹⁾ Petermanns, Geograph. Mitth. 1869 г. стр. 350.

предъидущемъ году шведы и нѣмцы,—не могло быть осуществимо изъ за льдовъ. Вторичная попытка—дойти до Земли Гиллисъ, обогнувъ южную оконечность Шпицбергена, также не удалась; „Альбертъ“ даже не могъ добраться ни до Тысячи Острововъ, ни до острова Надежды, а долженъ былъ пройти южнѣ его на пути къ Новой Землѣ, къ которой тоже не удалось пристать. Вслѣдствіе густаго тумана мысъ Нассау показался только на нѣсколько минутъ. 22-го августа „Альбертъ“ пустился въ обратный путь и прибылъ 22-го сентября въ Бремергафенъ ¹⁾).

Пароходъ „Альбертъ“ первый проплылъ поперекъ всего Шпицбергенскаго моря отъ южной оконечности острова до сѣвернаго угла Новой Земли и сдѣлалъ все, что только возможно было при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ льда. Доктору Бессельсу удалось съ точностью опредѣлить положеніе юго-восточныхъ острововъ Шпицбергенской группы, въ особенности острова Надежды, вслѣдствіе чего оказалось, что Ламонъ и шведы, какъ этотъ островъ, такъ и сѣвернѣ лежащій островъ Рикъ-Исъ, ошибочно отнесли слишкомъ далеко къ сѣверу (южная оконечность острова Надежды опредѣлена имъ подъ $76^{\circ}35'$ сѣв. шир. и $25^{\circ}47'$ восточн. долг., слѣдовательно $34'$ южнѣ, чѣмъ на картѣ шведовъ). Измѣренія глубины, сдѣланныя Бессельсомъ, кромѣ того указываютъ на существованіе подводной отмели, направляющейся отъ Тысячи Острововъ къ Медвѣжьему острову и можетъ быть даже еще южнѣ; вездѣ на своемъ пути, до 59° вост. долг., Бессельсъ встрѣтилъ только небольшія глубины. Подъ 76° сѣв. шир. при 22° восточной долготы лотъ показывалъ всего только 37,8 метровъ. Въ противоположность той ужасной глубинѣ, которую шведы находили въ 1868 г. по западной и сѣверной сторонѣ Шпицбергена, измѣренія Бессельса доказываютъ, что къ востоку отъ Шпицбергена море вездѣ неглубокое. Плаваніе Бессельса по тогда еще весьма мало извѣстному морю между Шпицбергеномъ и Новою Землею важно въ томъ отношеніи, что измѣреніями температуры воды, сдѣланными какъ на пути туда, такъ и обратно, впервые доказано, что гольфштромъ простирается до этихъ сѣверныхъ широтъ.

1870 и 1871 годы ознаменовались рядомъ интересныхъ экспедицій въ восточную часть полярной области. Въ лицѣ купца М. К. Сидорова Россія имѣетъ своего Розенталя, т. е. человѣка готоваго во всякое время жертвовать огромныя суммы для научныхъ цѣлей, въ особенности же для изслѣдованій полярной области. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ М. К. Сидоровъ пожертвовалъ крупную

¹⁾ Petermanns Geograph. Mitth., стр. 351—352.

сумму на изданіе сочиненія Карла Свенске о двойномъ островѣ Новой Земли. Въ 1869 году онъ предпринялъ на собственномъ пароходѣ „Георгіѣ“, подъ командою капитана Рика, плаваніе по Ледовитому океану къ устьямъ рѣки Оби и благополучно достигъ своей цѣли; въ устьяхъ Печоры Сидоровъ сдѣлалъ интересную находку норвежскихъ стеклянныхъ шаровъ. Въ качествѣ вліятельнаго члена императорскаго географическаго общества въ С.-Петербургѣ, онъ возбуждалъ всѣми зависящими отъ него средствами сочувствіе въ этомъ обществѣ къ полярнымъ изслѣдованіямъ и неутомимо трудился надъ снаряженіемъ большой арктической экспедиціи. Желаніе его—изслѣдовать подробнѣе полярную область—отчасти уже исполнилось плаваніемъ Великаго Князя Алексѣя Александровича на корветѣ „Варягъ“, подъ командою капитана Кремера, въ сопровожденіи знаменитаго путешественника по Сибири, академика Миддендорфа. „Варягъ“ совершилъ слѣдующій путь: изъ Архангельска по Бѣлому морю къ Соловецкимъ островамъ, далѣе по западному берегу Бѣлаго моря на переваль къ Канину Носу, а оттуда къ Костину Шару; отъ Костина Шара къ Семи Островамъ, затѣмъ въ заливъ Колы, къ фіорду Варангера, у норвежской границы, къ островамъ Вадзэ и Вардэ, въ порты Гаммерфестъ и Тромзэ, къ Исландіи и наконецъ мимо сѣверной оконечности Шотландіи обратно въ Кронштадтъ. Мѣстности, въ которыхъ производились наблюденія съ „Варяга“ надъ температурою воды, были въ этомъ отношеніи совершенно не изслѣдованы. Благодаря тщательнымъ измѣреніямъ, произведеннымъ съ „Варяга“ подъ наблюденіемъ и руководствомъ Миддендорфа, вполнѣ подтвердилась, даже отчасти расширилась теорія Петерманна о морскихъ теченіяхъ въ этой области, и въ особенности о достиженіи гольфштромомъ сѣверныхъ широтъ.

Понятія о направленіи теплаго теченія, выходящаго изъ мексиканскаго залива, между Флоридою и Кубою, были въ очень недавнее еще время довольно запутаны. Обыкновенно полагали, что это теченіе, называемое гольфштромомъ, простирается до 45° сѣв. шир., затѣмъ заворачиваетъ назадъ или исчезаетъ. Въ настоящее время уже извѣстно, что ему, или его продолженію, Европа обязана въ самыхъ сѣверныхъ своихъ широтахъ умѣреннымъ и влажнымъ климатомъ. Такимъ образомъ вполнѣ основательно гольфштромъ считается распространителемъ и охранителемъ цивилизаціи ¹⁾. Что подобное воззрѣніе получило, такъ сказать, право гражданства—это преимущественно заслуга Петерманна,

¹⁾ A. r. Klöden: Der Golfstrom nicht der Erwärmer des westlichen Europa. Zeitschrift der Gesellschaft f. Erdk. zu Berlin. 1878 S. 23—33.

давно высказавшаго свое убѣжденіе, что гольфштромъ простирается далеко къ сѣверу. Когда Петерманнъ старался доказать распространеніе теплаго теченія къ сѣверу, до самаго полярнаго водовмѣстилища, противъ него возстали въ 1865 г. въ Англіи и Америкѣ многіе почтенные и образованные дѣятели. Англійскій гидрографъ Финдлэ, Гг. Карпентеръ и Джеффри, ученые, принимавшіе участіе въ обѣихъ экспедиціяхъ, снаряженныхъ англичанами для изслѣдованія глубины сѣверной части Атлантическаго океана, затѣмъ Дели и гидрографъ Блунтъ въ Америкѣ — всѣ они не соглашались съ мнѣніемъ о протяженіи гольфштрома далеко къ сѣверу, и результаты изслѣдованій, сдѣланныхъ въ періодъ времени съ 1872 до 1876 съ „Чалленгера“, дѣйствительно говорятъ въ пользу того, что настоящій гольфштромъ кончается подъ 30° сѣв. шир., разумѣется только въ томъ смыслѣ, что онъ здѣсь присоединяется къ общему теченію экваторіальныхъ водъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. Въ то время, какъ въ 1870 году надъ Европою разразились ужасы франко-германской войны, Петерманнъ выступилъ съ обширнымъ трудомъ ¹⁾ о гольфштромѣ, имѣвшимъ замѣчательный успѣхъ. Трудъ этотъ поражаетъ изобиліемъ собранныхъ данныхъ, разработанныхъ съ удивительнымъ прилежаніемъ и еще болѣе удивительнымъ остроуміемъ и представленныхъ наглядно въ двухъ картахъ. Только Колдевей ²⁾, имѣлъ необычайную смѣлость назвать съ пренебреженіемъ этотъ трудъ „нѣкоторыми“ измѣреніями, въ то время какъ громкое имя Миддендорфа съ уваженіемъ преклонилось передъ „цифрною митральезою Петерманна“ ³⁾. Здѣсь, понятно, не мѣсто входить въ подробную оцѣнку этого знаменитаго труда, составляющаго эпоху въ географіи морей; мы должны ограничиться сообщеніемъ, что гольфштромъ простирается до Шпицбергена и Новой Земли сѣвернѣе 80° сѣв. шир., посылая свою главную массу теплаго теченія къ сѣверо-востоку съ нѣкоторыми, отдѣляющимися по сторонамъ, развѣтвленіями. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ температура гольфштрома опускается до + 4,°13 Ц. и вмѣстѣ съ этимъ достигаетъ наибольшей плотности и вѣса, что бываетъ въ іюлѣ мѣсяцѣ къ сѣверу отъ Исландіи и Шпицбергена и по обѣ стороны Медвѣжьяго острова, тамъ онъ продолжаетъ свое теченіе подъ встрѣчнымъ ему полярнымъ теченіемъ. Измѣренія Бессельса доказали, что теплое теченіе гольфштрома продолжается и за Медвѣжьимъ островомъ. До сихъ поръ не рѣшено, далеко-ли простирается это теченіе, но Пе-

¹⁾ Der gulfstrom und Standpunkt der thermometrischen Kenntniss des nordatlantischen Oceans und Landgebiets im jahre 1870. (Geograph. Mitth.).

²⁾ „Ганза“ 1871 г. № 10 прилож.

³⁾ Собственныя слова Миддендорфа въ Geograph. Mitth. 1870 г. стр. 451.

терманнъ былъ всегда того мнѣнія, что полынья Ледовитаго океана, омывающаго Сибирское побережье — есть дѣйствіе гольфштрома. Хотя мы и не склонны къ тому, чтобы признать, вмѣстѣ съ Петерманномъ, столь отдаленное вліаніе гольфштрома, тѣмъ не менѣе нельзя оставить безъ вниманія того, что такой авторитетъ, какъ знаменитый основатель морской метеорологіи, капитанъ Мори, не только согласенъ съ воззрѣніемъ Петерманна о достиженіи гольфштромомъ сѣвернѣйшихъ широтъ, но даже значительно превзошелъ его въ этомъ отношеніи. Мори полагаетъ, что теплый гольфштромъ распространяетъ свое дѣйствіе до сѣвернаго полюса и что здѣсь онъ встрѣчается съ другимъ теплымъ теченіемъ, Куро-Сиво, направляющимся изъ Японскаго моря черезъ Беринговъ проливъ ¹⁾. Американскій капитанъ Силасъ Бентъ полагалъ даже воспользоваться японскимъ теченіемъ, чтобы проникнуть до полюса. Хотя все это отнюдь не вводитъ насъ въ искушеніе высказаться въ пользу подобныхъ воззрѣній, тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что мнѣніе Петерманна въ главныхъ чертахъ одержало верхъ ²⁾, не взирая на позднѣйшіе выводы экспедиціи Чалленгера, такъ какъ разница въ названіяхъ гольфштрома и теплаго экваторіальнаго теченія къ сѣверо-востоку, которому приписывается возвышеніе температуры на сѣверѣ, въ существѣ не измѣняетъ дѣла. Въ этомъ смыслѣ и нужно понимать громадное протяженіе, присвоенное въ высшей степени интересной и тщательно выработанной картѣ Петерманна исключительно одному гольфштрому ³⁾. Присутствіе теплыхъ теченій въ восточныхъ частяхъ полярной области составляетъ ядро петерманновской гипотезы, блистательно подтвержденной вышеупомянутымъ плаваніемъ „Варяга“. Миддендорфъ пишетъ, что предположеніе о протяженіи гольфштрома не только вполне подтвердилось, но даже результаты послѣднихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи превзошли всѣ ожиданія. Во время этого знаменитаго плаванія Миддендорфъ прослѣдилъ теченіе гольфштрома до западнаго берега Новой Земли. Подъ меридіаномъ Канина

¹⁾ См. обѣ статьи Мори: Gateways to the Pole и Dumbguides to the Pole. въ Putnam's magazine за ноябрь и декабрь 1869 г.

²⁾ Весьма подробное описаніе гольфштрома находится въ новѣйшемъ сочиненіи Клейна и Тома „die Erde und ihr organisches Leben“. Штутгартъ 1880 г. стр. 167—186. Кромѣ того сравн. наглядное изображеніе гольфштрома въ новомъ прекрасномъ атласѣ Р. Андрэ, листъ 7, гдѣ гольфштромъ также доходитъ до Шпицбергена.

³⁾ Geograph. Mitth. 1870 г. табл. 12 и 13. Повидному Петерманнъ самъ не намѣренъ настаивать на томъ, что все изложенное имъ прежде — безусловно объясняется дѣйствіемъ гольфштрома, по крайней мѣрѣ впоследствии онъ говоритъ слѣдующее: море къ востоку отъ Шпицбергена согрѣвается гольфштромомъ или какъ угодно будетъ называть это теченіе и т. д. Geograph. Mitth. 1877 г. стр. 24.

Носа онъ опредѣлялъ ширину его въ 2 географ. градуса и даже болѣе, а температуру въ $12^{\circ},5$ Ц.; на глубинѣ 50—90 метровъ гольфштромомъ охлаждается до $2^{\circ},5$ — $3^{\circ},75$ Ц. ¹⁾).

По возвращеніи „Варяга“, въ ноябрѣ 1870 года, въ русскомъ географическомъ обществѣ былъ вновь возбужденъ вопросъ о большой научной экспедиціи въ полярную область. Не смотря на то, что такіе дѣятели какъ Миддендорфъ, Шиллингъ, Сидоровъ, Яржинскій, изслѣдовавшій въ 1869 г. фауну полярнаго моря на Мурманскомъ берегу, и много путешествовавшій метеорологъ Воейковъ съ величайшимъ участіемъ отнеслись къ проекту подобнаго предпріятія, тѣмъ не менѣе оно до сихъ поръ не состоялось. Между прочимъ Воейковъ сдѣлалъ предложеніе устроить зимнія станціи на сѣверномъ Шпицбергенѣ, на сѣверномъ берегу Сибири и на Ново-Сибирскихъ островахъ для метеорологическихъ наблюденій. Петерманнъ совѣтовалъ вмѣсто Сѣвернаго Шпицбергена избрать Новую Землю. Часть этого проекта осуществилъ въ зиму 1871/72 г. Паллисери, устроившій для своихъ торговыхъ дѣлъ факторію на Мурманскомъ берегу. Онъ нанялъ пять крестьянъ архангельскаго уѣзда, которые согласились провести зиму на Новой Землѣ въ устроенной для нихъ избѣ съ баней, если ихъ снабдятъ всѣмъ необходимымъ, какъ-то: солониною, дровами, порохомъ, ружьями и т. п. предметами ²⁾).

Между тѣмъ въ странѣ, до сихъ не имѣвшей возможности по своему политическому положенію и ходу событій принимать участіе въ разрѣшеніи великихъ географическихъ задачъ нашего времени, созрѣло намѣреніе послать свое увѣнчанное воинскою славой знамя въ борьбу на пользу науки и притомъ на аренѣ мирныхъ завоеваній.

Вторая нѣмецкая полярная экспедиція вдоль береговъ восточной Гренландіи впервые познакомила, какъ мы видѣли, отдаленнѣйшіе круги просвѣщеннаго міра съ именемъ австрійца Пайера ³⁾. Поэтому можно было только порадоваться, когда этотъ смѣлый и энергичный дѣятель, въ письмѣ отъ 26-го декабря 1870 г. на имя Петерманна, заявилъ свою готовность вновь принять участіе въ полярной экспедиціи. Къ нему явился и вызвался быть товарищемъ лейтенантъ австрійскаго флота Карлъ

¹⁾ Petermanns Geograph. Mitth. 1870 г. стр. 451. Письмо Миддендорфа къ Петерманну и кромѣ того статья Миддендорфа подъ заглавіемъ: Der Golfstrom ostwärts vom Nordcap. См. „Ausland“ 1871 г. стр. 95—96.

²⁾ Ausland 1872, стр. 408.

³⁾ Пайеръ родился 1-го сентября 1842 г. въ Теплицѣ; отецъ его палъ геройскою смертію въ итальянскомъ походѣ 1848 г. въ чинѣ уланскаго ротмистра. Сынъ его былъ помѣщенъ въ вѣнскую военную академію, гдѣ обнаруживалъ замѣчательную наклонность и способность къ занятіямъ географіи.

Вейпрехтъ ¹⁾, котораго заслуженный адмиралъ Тегетгофъ призналъ однимъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ моряковъ своего времени. Лейтенантъ былъ вполне достоинъ того лестнаго мнѣнія, которое имѣлъ о немъ преждевременно скончавшійся морской герой. Какъ одинъ изъ первыхъ приверженцевъ полярныхъ изслѣдованій, предпринимаемыхъ нѣмцами, Вейпрехтъ еще въ мартѣ 1866 года предложилъ на двѣ тысячи таллеровъ снарядить экспедицію, которая, вышедши изъ Гаммерфеста или Тромсэ на Норвежскомъ суднѣ, въ теченіи пяти мѣсяцевъ дѣлала бы изслѣдованія на Шпицбергенѣ и на морѣ между Шпицбергеномъ и Новою Землею. Въ 1870 году онъ непременно присоединился бы къ экспедиціи Бессельса, если бы тому не помѣшали различнаго рода служебныя и семейныя обстоятельства. Оба дѣятеля обратили вниманіе на важное значеніе восточной части сѣвернаго океана, омывающаго Европу. Предположенія ихъ подкрѣплялись неудачей второй нѣмецкой экспедиціи къ сѣверному полюсу и въ этомъ отношеніи они вполне были согласны съ Петерманномъ.

Съ этого времени съ исторіею австрійскихъ арктическихъ изслѣдованій неразрывно связано имя графа Ганса Вильчека, которому наука обязана очень многимъ. Заслуги графа были достойнымъ образомъ оцѣнены австрійскимъ императоромъ: онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника, а въ кружкахъ извѣстныхъ ученыхъ пользовался постоянно почетнымъ именемъ любителя и покровителя наукъ. Какъ одинъ изъ основателей вѣнскаго антропологическаго общества, этотъ великодушный дѣятель неоднократно жертвовалъ значительныя суммы для научныхъ цѣлей, не отказываясь принять на себя лично весьма трудныя ученныя работы.

ческими науками, вслѣдствіе чего и сдѣлался дѣльнымъ картографомъ, будучи въ то же время отличнѣйшимъ воиномъ. За сраженіе при Сольферино онъ былъ награжденъ крестомъ. Пайеръ числится по пѣхотному графа Дегелфельда № 36 полку и былъ прикомандированъ къ военно-географическому институту въ Вѣнѣ. Сдѣлавшись извѣстнымъ, какъ одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ путешественниковъ по горамъ, Пайеръ печаталъ въ *Petermanns Geograph. Mitth.* и въ другихъ вѣнскихъ газетахъ научно-интересныя и остроумныя описанія своихъ путешествій по Альпамъ, а въ 1868 году отличился при съемкѣ тирольскихъ, швейцарскихъ и Апеннинскихъ альпъ.

¹⁾ Вейпрехтъ родился 8-го сентября 1838 г., сколько жнѣ извѣстно, въ Михельштадтѣ въ Гессенскомъ Оденвальдѣ, по словамъ другихъ тамъ-же въ городѣ Кенигъ (*Geograph. Mitth.* 1876 г. стр. 345), и наконецъ по другимъ еще свѣдѣніямъ въ Дармштадтѣ (*Pierers Conversations lexikon*). Въ 1856 г. онъ вступилъ кадетомъ въ морскую службу австрійскаго флота, въ 1861 году произведенъ въ офицеры. Замѣчательныя способности выдвинули Вейпрехта изъ среды другихъ офицеровъ и адмиралъ Тегетгофъ зачислилъ его въ составъ своего штаба, когда отправился на „Наваръ“ въ Мексику за останками несчастнаго императора Максимилиана.

Пайеръ и Вейпрехтъ гордились честію считаться въ числѣ друзей этого замѣчательнаго человѣка, готоваго всѣми силами помогать имъ въ задуманномъ предпріятіи и жертвовать своими деньгами, трудами и знаніями. Прежде всего Вильчекъ познакомил ихъ съ графомъ Зичи, съ величайшимъ участіемъ, не менѣе его самого, относившимся къ свѣтлымъ научнымъ стремленіямъ, которымъ онъ по своему высокому положенію являлся мощнымъ и вліятельнымъ покровителемъ. Въ то же время Вильчекъ пожертвовалъ 40 тыс. гульденовъ, какъ основной капиталъ для снаряженія предполагаемой экспедиціи, съ помощію котораго можно было

Графъ Гансъ Вильчекъ.

съ большею надеждою на успѣхъ приступить къ изысканію тѣхъ обширныхъ средствъ, которыя требовались для подобнаго предпріятія. Для того, чтобы отклонить возможность напрасной затраты громадныхъ суммъ на достиженіе невыполнимаго проекта или же дѣла сомнительнаго достоинства, Пайеръ и Вейпрехтъ рѣшились въ 1871 году предпринять предварительную экспедицію на востокъ отъ Шпицбергена. Расходы на эту были покрыты отчасти изъ капитала, пожертвованнаго

графомъ Вильчекомъ, а отчасти д-мъ Петерманномъ и, наконецъ, пожертвованіями, собранными почти исключительно въ одной Австріи.

Съ этихъ поръ Австрія выдвигается на передній планъ и занимаетъ видное мѣсто въ области географическихъ открытій сѣвера. Самъ австрійскій императоръ живо интересовался ходомъ полярныхъ изслѣдованій, милостиво одобрилъ проекты смѣлыхъ моряковъ и общалъ имъ свое высокое покровительство и помощь. Благодаря готовности тогдашняго военнаго министра Австріи, Куна, горячо сочувствовавшаго задуманному предпріятію, обоимъ офицерамъ была оказана существенная поддержка со стороны правительства, такъ что они уже въ іюнѣ 1871 г. успѣли законтрактовать въ Тромсѣ совершенно новое парусное судно „Isbjörn“ („Бѣлый Медвѣдь“), 50 тоннъ вмѣстимости, съ тендернымъ вооруженіемъ, полъ командою капитана Кельсена и съ 8-ю челов. экипажа, все норвежцами, срокомъ по 1 октября. Ихъ вниманіе было преимуще-

ственно обращено на Землю Галлисъ и на условія льда къ югу отъ нея, такъ какъ изученіе этой Земли и дальнѣйшія изслѣдованія отсюда къ сѣверовостоку должны были составлять цѣль предполагаемой большой экспедиціи. При благопріятныхъ условіяхъ хотѣли попытаться подойти къ усмотрѣнной Гейслиномъ землѣ Вике (Короля Карла). Нельзя пройти молчаніемъ того, что Пайеръ и Вейпрехтъ не успѣли выговорить себѣ безусловнаго права распоряженія судномъ и экипажемъ и что вся отвѣтственность за совершаемые судномъ переходы и непосредственное начальствованіе надъ командою были возложены по условію исключительно на капитана.

О плаваніи „Исбѣрна“, совершенномъ въ теченіи лѣта 1871 г., при чрезвычайно неблагопріятныхъ условіяхъ, Пайеръ сообщаетъ между прочимъ слѣдующее: „15-го іюня судно „Исбѣрнъ“ было отдано въ наше распоряженіе, но противный вѣтеръ задержалъ насъ въ Тромсѣ до 21 числа. Хотя въ этотъ день и подняли якорь, однако долго не удавалось выбраться изъ шхеръ, между которыми и принуждены были скитаться до 26-го іюня. 28 числа мы встрѣтили ледъ подъ 73°40' сѣв. шир. при 21° восточной долг. Ледъ былъ не плотный и не силовшій. Въ полной увѣренности, что это тотъ именно ледъ, который постоянно собирается около Медвѣжьяго острова, мы врѣзались въ него. 30 іюня къ вечеру, когда мы сдѣлали около 75 кил. въ сѣверо-сѣверо-восточномъ направленіи, вѣтеръ затихъ. Ледъ быстро связался, смерзся, и мы очутились въ плѣну. Такъ какъ къ сѣверу и сѣверо-востоку все пространство было покрыто сплошными льдинами, то мы въ теченіи послѣдующихъ дней тщетно пытались пробиться къ юго-востоку. Только 10 іюля, послѣ десятидневнаго плѣна, удалось намъ освободиться и выбраться на чистую воду.

„Во все это время мы имѣли полную возможность убѣдиться въ томъ, что съ нашею ничтожною командою не будемъ въ состояніи бороться противъ болѣе серьезныхъ препятствій. Норвежскіе матросы замѣчательно смѣлые моряки, довольствуются очень немногимъ, хладнокровны и отличаются храбростію, неотступающей ни передъ какою опасностію. Эти неоцѣненные качества, къ сожалѣнію, соединены съ какою-то безпечностію. Если судно зашло во льдахъ, то норвежцы сложа руки ждутъ, пока не освободитъ ихъ вѣтеръ, или же, если уже наступило позднее время года, преспокойно бросаютъ судно и ищутъ спасенія на лодкахъ. О томъ, чтобы работать неустанно, напругая свои силы, какъ это, напримѣръ, требуется при продолжительномъ пребываніи во льдахъ, они и думать не хотятъ. Это скорѣе охотники, ловцы, чѣмъ матросы, и понятно, что для нихъ безразлично, пойдутъ-ли они впередъ, или нѣтъ; ловъ

вездѣ бываетъ. Однако при такихъ условіяхъ движеніе во льдахъ, на парусномъ суднѣ, немислимо.

„Начиная съ 10-го іюля мы шли къ востоку вдоль окраины льда, удаляясь отъ него только при сильныхъ штормахъ, заставлявшихъ насъ держаться открытаго моря. Безпрестанные густые туманы и направленіе льдовъ въ высшей степени затрудняли наше плаваніе. 29-го іюля мы достигли острова Надежды и здѣсь впервые увидѣли ледяныя горы.

„Островъ Надежды совсѣмъ не тамъ и не такъ расположенъ, какъ показано на шведскихъ картахъ, что уже было раньше замѣчено Бессельсомъ. На шведской картѣ островъ обозначенъ подъ $77^{\circ}10'$ сѣв. шир. и 26° вост. долг., тогда какъ въ дѣйствительности его югозападный мысъ лежитъ подъ $76^{\circ}29'$ сѣв. шир. при 25° вост. долг., — разница въ 83-хъ километрахъ. 29-го и 30-го іюля мы провели въ безуспѣшныхъ попыткахъ встать на якорь у острова Надежды. Потерпѣвъ неудачу, рѣшили пройти въ Сторъ-Фіордъ до пролива Фримана, а оттуда уже на вельботѣ добраться до Земли Гиллисъ. На эту экскурсію мы положили три недѣли, такъ что въ сентябрѣ могли-бы еще разъ заняться изслѣдованіемъ льдовъ къ востоку. У Тысячи Острововъ мы встрѣтили въ первый и единственный разъ массы нагроможденнаго полярнаго льда, поэтому придержались Южнаго мыса Шпицбергена, чтобы воспользоваться свободной водою вдоль его восточнаго берега. 4-го августа, при свѣжемъ нордъ-остѣ и сильномъ туманѣ, очутились внезапно среди буруновъ и береговыхъ утесовъ. Вслѣдъ за этимъ намъ открылся на нѣсколько минутъ Южный мысъ.

„Здѣсь наше терпѣніе подверглось страшному испытанію. Десять дней сряду мы боролись противъ сильныхъ бурь съ востока и сѣверо-востока и противъ быстрого теченія, огибающаго мысъ съ запада, такъ что только 13-го числа удалось войти въ Сторъ-Фіордъ. 14-го вечеромъ мы увидали островъ Эдге и, лавируя между плавающимъ льдомъ, силились подойти къ берегу, однако попытки наши окончились неудачей; у Китоваго мыса мы нашли, что сплошная масса льда обложила его кругомъ. При этихъ условіяхъ были вынуждены отказаться отъ нашей экспедиціи на вельботахъ къ Землѣ Гиллисъ. Затѣмъ мы рѣшили вернуться къ острову Надежды и оттуда изслѣдовать условія льда между этимъ островомъ и Новою Землею въ теченіи сентября, т. е. въ то время, когда гольфштромъ достигаетъ наибольшей своей силы. При свѣжемъ сѣверномъ вѣтрѣ прошли черезъ густую массу льда, а затѣмъ поплыли прямо къ острову Надежды между совершенно рыхлымъ плавающимъ льдомъ. 19-го августа мы достигли острова; море было свободно отъ льдовъ и намъ удалось, не взирая на сильное теченіе, встать на якорь.

21-го августа мы были подь $77^{\circ}17'$ сѣв. шир. и 28 вост. долг. 1-го сентября около полуночи дошли до высшей достигнутой нами сѣверной широты подь $78^{\circ}48'8''$ сѣв. шир., а по неудачному наблюденію въ полдень слѣдующаго дня, подь $78^{\circ}37'3''$ сѣв. шир. и $42^{\circ}30'$ вост. долг. Очень густой туманъ при сильномъ противномъ вѣтрѣ помѣшалъ намъ идти дальше къ сѣверу, хотя со стороны льда не было препятствій. Мы могли бы безъ затрудненій перейти за 79° с. шир., но такъ какъ, при свѣжемъ сѣверномъ вѣтрѣ, на это потребовалось-бы не менѣе сутокъ лавировація, а мы въ высшей степени дорожили тѣмъ краткимъ временемъ; которымъ могли еще пользоваться, то и рѣшили не жертвовать цѣлымъ днемъ ради немногихъ миль.

„Многіе признаки указывали на близость земли. Мы встрѣтили много плавающего лѣсу, котораго южнѣе никогда не видали; на одномъ брусѣ, пойманномъ нами, былъ свѣжій иль, кромѣ того безпрестанно встрѣчались стаи топорковъ и массы прѣснаго льда (изъ прѣсной воды), который легко узнается по его прозрачности. Несомнѣннымъ признакомъ близости земли послужили 6 легѣвшихъ къ югу гагъ,—птицъ, никогда не удаляющихся далеко отъ земли. Къ сожалѣнію, все время туманъ былъ до того густъ, что намъ ни разу не удалось осмотрѣться. Эти густые туманы при сѣверномъ вѣтрѣ представляютъ крайне замѣчательное явленіе. О томъ, чтобы податься далѣе къ сѣверу, мы не смѣли и думать, во-первыхъ потому, что были слишкомъ слабо вооружены, во-вторыхъ наша команда обнаруживала уже нѣсколько дней явное неудовольствіе.

Теперь важнѣе всего было опредѣлить, представляетъ ли пройденное нами пространство, свободное отъ льдовъ, только заливообразное углубленіе земли, или открытое полярное море, какъ мы ожидали. Для того, чтобы въ этомъ удостовѣриться, мы держали курсъ на юго-востокъ до $75^{\circ}44'$ сѣв. шир. при 52° вост. долг. Отъ 78° къ югу до самой Новой Земли не было ни одной льдины. Когда мы хотѣли вернуться ко льду, то капитанъ на это не согласился, и мы могли убѣдить его исполнить наше желаніе только принявъ на себя всю отвѣтственность за цѣлость судна. 6 Сентября встрѣтили опять сплошной ледъ подь $78^{\circ}5'$ сѣв. шир. при 56 вост. долг. Взявъ курсъ на юго-востокъ, мы пересѣкли подь $77\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣв. шир. 59° градусъ вост. долг. И здѣсь къ югу отъ 78° не было льду. Мы вовсе не намѣревались, хотя море и было открыто, подвигаться далѣе къ востоку, напротивъ, только и старались, какъ бы войти въ какой нибудь заливъ на Новой Землѣ, чтобы запастись дровами и водою, въ чемъ мы крайне нуждались. Возвращеніе къ югу было сопряжено съ непрерывною борьбою съ сильнѣйшими юго-западными вѣтрами. Какъ только начи-

наются здѣсь осенніе штормы, — плаваніе парусныхъ судовъ по Ледовитому океану дѣлается невозможнымъ.

14 Сентября мы находились противъ Маточкина Шара; намъ не удалось однако встать на якорь, потому что сильнѣйшая мятель съ сѣверо-востока скрывала отъ насъ берегъ. Мы не могли обождать здѣсь переменъ погоды, такъ какъ уже ощущали недостатокъ въ дровахъ и водѣ и кромѣ того приближался срокъ найма нашего судна. По этому послѣпили воспользоваться попутнымъ вѣтромъ для обратнаго плаванія. 20 сентября мы зашли въ Тана-Фюрдъ, гдѣ и запаслись водою, 24-го обогнули Нордкэпъ ¹⁾, а 4 октября бросили якорь въ Тромзэ.

Предпріятіе Пайера и Вейпрехта представляетъ первую попытку проникнуть къ сѣверо-востоку отъ европейскаго Нордкэпа въ Ледовитый океанъ между Шпицбергеномъ и Новою Землею. Одно уже то обстоятельство, что небольшому парусному судну удалось безпрепятственно проникнуть почти до 79° сѣв. шир., т. е. достигнуть такой широты, которой, за исключеніемъ западной стороны Шпицбергена, ни въ одномъ мѣстѣ арктической области не достигало ни одно судно, даетъ поводъ предполагать, что море между Шпицбергеномъ и Новою Землею можетъ служить лучшею исходною точкою для достиженія полюса. Если сопоставить свѣдѣнія, доставленныя Пейеромъ и Вейпрехтомъ о пройденномъ ими открытомъ для плаванія морѣ съ наблюденіями Іоаганезена, нашедшаго въ 1870 г. въ то же время года подъ 77° вост. долг. и за 77° сѣв. шир. все море свободнымъ отъ льда, то не трудно придти къ тому убѣжденію, что это море есть ключъ къ той таинственной полынѣ, къ тому открытому морю на сѣверѣ Сибири, до котораго еще никто не добрался, и что на этомъ пути по направленію къ востоку можетъ быть будутъ сдѣланы открытія величайшаго значенія.

Открытіе австрійцами между Шпицбергеномъ и Новою Землею моря, свободного для плаванія, хотя и встрѣченное съ различныхъ сторонъ съ недоувѣріемъ, вскорѣ подтвердилось плаваніемъ норвежца Тобисена, который на яхтѣ „Фреѳ“ въ томъ же году, но только четырьмя недѣлями раньше Пайера и Вейпрехта, перерѣзалъ все это море. При этомъ Тобисенъ достигъ, раньше чѣмъ кто либо другой, а именно 26-го іюня сѣверовосточнаго угла Новой Земли, всталъ на якорь въ бухтѣ Красивой, къ востоку отъ большаго ледянаго мыса, вернулся затѣмъ къ заливу Машигину и совершилъ послѣ того въ короткое время,

¹⁾ Petermanns Geogr. Mitth. 1871 г. стр. 458—462 и подробнѣе въ отчетѣ Пайера: „Die Oesterreichisch-ungarische Nordpolarexpedition стр. 659—696.

съ 7 до 15 августа, 1871 блестящій переходъ отсюда къ Шпицбергену, причѣмъ поднялся до 78°7' сѣв. шир. Съ 16 августа по 7 сентября Тобисенъ крейсировалъ около острова Надежды и у Тысячи Острововъ, занимаясь ловомъ рыбы и боемъ китовъ ¹⁾).

Плаваніе Тобисена важнѣйшее изъ всѣхъ, когда либо совершенныхъ по морю между Новою Землею и Шпицбергеномъ, доказало, что это море уже довольно рано лѣтомъ доступно для свободнаго плаванія. Экспедиція капитана Мака въ 1871 году, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ, открыла возможность свободнаго плаванія по этому морю еще на 21 градусъ далѣе къ востоку, а плаваніе Ульве и Смита почти на три градуса къ сѣверу. Свѣдѣнія, доставленныя послѣдними моряками, были крайне важны, и весьма естественно, что отправленіе новой полярной экспедиціи сдѣлалось общимъ желаніемъ. Немедленно по возвращеніи Пайера и Вейпрехта, въ Австріи серьезно занялись осуществленіемъ подобнаго плана. По соглашенію съ императорскимъ географическимъ обществомъ, всегда оказывавшимъ всевозможное содѣйствіе предпріятіямъ Пайера и Вейпрехта, графы Вильчекъ и Зичи приступили въ февралѣ 1872 г. къ основанію новаго общества для поспѣшествованія австрійской экспедиціи къ сѣверному полюсу (Verein zur Förderung der österreichischen Nordpolexpedition), дѣлопроизводителемъ котораго былъ избранъ главный секретарь вѣнскаго географическаго общества д-ръ Беккеръ, доказавшій уже свою опытность въ веденіи подобнаго рода дѣлъ. По утвержденіи устава общества, было приступлено къ избранію совѣта, предсѣдательство въ которомъ выпало на долю барона Виллерсдорфа Урбайра, бывшаго нѣкогда руководителемъ наварской экспедиціи, а впослѣдствіи министромъ торговли; помощниками его были избраны тогдашній военный министръ Кунъ и графъ Зичи. Фамилиі прочихъ членовъ совѣта, какъ покровителей и горячихъ приверженцевъ полярныхъ изслѣдованій, равнымъ образомъ заслуживаютъ быть здѣсь поименованными: д-ръ Беккеръ, Р. Кассіанъ, д-ръ Максъ Фридлиндеръ, знаменитый путешественникъ и геологъ д-ръ Гоштеттеръ, бывший тогда предсѣдателемъ географическаго общества, бароны Гофманъ, Кибекъ, Тодеско, Веберъ, Бела-Венкгеймъ, графъ Вильчекъ, его другъ и единомышленникъ графъ Вурмбрандтъ и наконецъ банкиръ Ладенбургъ. Высшее покровительство надъ этимъ обществомъ изволилъ принять на себя его имп. высоч. эрцгерцогъ Райнеръ.

¹⁾ Petermanns Geograph. Mith. 1872 г. стр. 387.

Списокъ этихъ именъ показываетъ, что почти всѣ члены высшей австрійской аристократіи выказали живѣйшее участіе къ этому чисто научному вопросу. Съ начала до конца это предпріятіе оставалось дѣломъ исключительно австро-венгерскимъ и осуществлено одними австрійскими средствами. Значительный капиталъ, около 200,000 гульденовъ, необходимыхъ для снаряженія предполагаемой экспедиціи, былъ въ короткое время собранъ въ самомъ краѣ. Частныя пожертвованія въ пользу этого дѣла, въ числѣ которыхъ можетъ быть названа сумма въ 3,000 гульденовъ, какъ самая значительная, пожертвованная франкфуртскимъ географическимъ обществомъ,—ничтожны въ сравненіи съ пожертвованіями австро-венгерскаго народа. Дѣятельность вышеназваннаго совѣта или комитета общества простиралась не только на изысканіе денежныхъ средствъ, но и на самое снаряженіе экспедиціи. На основаніи опыта, вынесеннаго второю нѣмецкою и предварительною австрійскою экспедиціями, и на основаніи указаній адмирала Макъ-Клинтока, были устроены всѣ снаряды, необходимые для того, чтобы изслѣдователи въ теченіи мѣсяца или двухъ могли бы просуществовать при сильнѣйшихъ морозахъ и страшнѣйшихъ мятеляхъ на разстояніи сотенъ километровъ отъ экспедиціоннаго корабля. Достойно вниманія, что не только все необходимое для научныхъ изслѣдованій было въ нѣсколько недѣль заготовлено въ Австріи, благодаря живому участію всѣхъ сословій къ этому дѣлу, но и нѣкоторыя другія принадлежности экспедиціи, которыхъ въ обыкновенномъ употребленіи вовсе не бываетъ и которыя до сихъ поръ только приобрѣтались въ Англіи, на сей разъ были исключительно изготовлены усиліями австрійской промышленности.

Въ экспедиціяхъ къ сѣверному полюсу одна изъ главныхъ ролей выпадаетъ на долю саней—этого корабля снѣжной пустыни. Ихъ было заготовлено нѣсколько. Сани могли поднять отъ 20 до 50 пудовъ при собственномъ ничтожномъ вѣсѣ. Они были сдѣланы изъ ясеневаго или вязоваго лѣса; отдѣльныя части ихъ скрѣплялись не гвоздями, а склепками и ремнями, чтобы онѣ были по возможности гибки и неломки. Для тяги саней требовалось отъ 4 до 8 человекъ или же собакъ. При жесткомъ и чрезвычайно твердомъ снѣгѣ, крайне затрудняющемъ движеніе впередъ, а также при незначительныхъ переходахъ по землѣ, сани могли быть поставлены на колеса $\varphi 1\frac{1}{2}$ метра въ діаметрѣ, т. е. преобразованы въ телеги. Вся кладь размѣщалась по мѣшкамъ, продовольственные запасы распредѣлялись понедѣльно.

Всѣ остальные предметы, какъ-то: машины для варки, палатки, ранцы, тюфяки изъ буйловой кожи, вся необходимая одежда, ревендучные чулки на фланелевой подкладкѣ и на вой-

лочныхъ подошвахъ, шубы и вообще мѣховыя вещи, шерстяныя издѣлія, бѣлье, горныя башмаки, теплые и непромокаемые сапоги, одѣяла, шерстяныя перчатки и фуфайки, ружья и заряды, коньки, масляныя и керосиновыя лампы, наконецъ аптека и бібліотека со всѣми учеными пособіями и инструментами — все это были произведенія и отчасти даже пожертвованія австрійской промышленности. Только провіантъ заготовлялся въ Гамбургѣ и Гёттингенѣ, а самый корабль „Тебетгофъ“ былъ нарочно построенъ для этой экспедиціи въ Бремергафенѣ извѣстнымъ торговымъ домомъ Франца Текленборга. 13 апрѣля 1872 г. судно было благополучно спущено на воду. Рѣшеніе построить корабль въ Бремергафенѣ, а не въ Триестѣ, состоялось единственно во избѣжаніе долгаго и вмѣстѣ съ тѣмъ дорогаго стоящаго перехода изъ Средиземнаго моря вокругъ юго-западной Европы.

Что же касается назначенія и цѣли экспедиціи, то мы лучше всего познакоимся съ ними изъ данныхъ обоимъ офицерамъ инструкцій. На первомъ планѣ стояло изслѣдованіе неизвѣстной области на сѣверѣ Сибири. „При благопріятныхъ условіяхъ льда, такъ говорилось въ инструкціи, надлежало пройти до Беринговаго пролива и вернуться черезъ него. Достиженіе возможно сѣверѣйшихъ широтъ было вопросомъ второстепеннымъ и указывалось только при условіяхъ исключительно благопріятныхъ. Попытка проникнуть къ сѣверному полюсу разрѣшалась только въ томъ случаѣ, когда достиженіе Беринговаго пролива въ опредѣленное время, т. е. въ теченіи двухъ зимнихъ и трехъ лѣтнихъ сезоновъ окажется неисполнимымъ. Исходною точкою экспедиціи назначался сѣверный берегъ Новой Земли. Само собою разумѣется, что слѣдовало насколько возможно избѣгать приближенія къ уже извѣстнымъ берегамъ Сибири“. Пайеръ самъ говоритъ о своей экспедиціи. „Отдаленную цѣль, такъ сказать, идеалъ нашего путешествія представлялъ Сѣверо-восточный проходъ; ближайшее же назначеніе Тебетгофа было—изслѣдованіе части Ледовитаго Океана или земель къ сѣверо-востоку отъ Новой Земли“. Стремясь къ этой цѣли, всѣ офицеры и команда безповоротно связали свою судьбу съ участіемъ корабля, носившаго имя одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей австрійской военной исторіи, такъ какъ обязались подпиской не разсчитывать ни на какую экспедицію, если бы имъ самимъ не удалось вернуться на родину.

Экипажъ судна, предназначеннаго нести австрійскій флагъ къ крайнему сѣверу, состоялъ, кромѣ Пайера и Вейпрехта, изъ двухъ офицеровъ австрійскаго флота: лейтенанта Густава Броша и мичмана Эдуарда Ореля, врача и въ то же время зоолога Юліуса Кепеса, гарпунщика, нанятаго въ Норвегіи, Олафа

Карлсена, двухъ тирольскихъ горцевъ, 11 далматскихъ матросовъ ¹⁾, машиниста Отто Криша, одного кочегара и т. д. Пароходъ былъ снабженъ продовольствіемъ на три года, а все путешествіе разсчитано на три лѣта и двѣ зимы.

Тегетгофъ вышелъ 13 іюля 1872 г. и, послѣ 21-дневнаго перехода, благополучно прибылъ въ Тромзэ. Отсюда авторъ книги получилъ послѣднюю вѣсть объ этой экспедиціи, писанную рукою Пайера. Вейпрехтъ писалъ своимъ друзьямъ нѣсколько позже, а именно 16 августа. 14 іюля утромъ экспедиція вышла изъ Тромзэ, взявъ курсъ прямо на Новую Землю. Нѣсколько дней спустя „Тегетгофъ“ обогнулъ европейскій „Нордкапъ“, а въ концѣ іюля дошелъ до края полярнаго льда подъ $74\frac{1}{4}^{\circ}$ сѣв. шир. приблизительно. Уже здѣсь экспедиціи совершенно неожиданно пришлось преодолѣть первыя затрудненія, крайне стѣснявшія дальнѣйшее плаваніе. Въ началѣ августа пароходъ нѣсколько дней сряду былъ неподвижно окруженъ льдами. Освободившись, онъ вошелъ въ болѣе свободную отъ льдовъ полосу воды вдоль береговъ Новой Земли подъ 75° сѣв. шир. Низкая температура и громадное скопленіе ледяныхъ массъ указывало на то, что лѣто 1872 года совершенно иное, чѣмъ лѣто предъидущаго года. Съ величайшимъ трудомъ подвигались вдоль берега и только подъ широтою острововъ Вильгельма фарватеръ сталъ нѣсколько свободнѣе. Немного жиже этихъ острововъ пароходъ былъ достигнутъ норвежскою яхтою „Исбьернъ“, тою самою, на которой Пайеръ и Вейпрехтъ въ 1871 г. такъ удачно совершили свое плаваніе по Ледовитому океану. Теперь на ней находился графъ Вильчекъ.

Этотъ истинно благородный другъ просвѣщенія не удовольствовался своею славой, не удовольствовался сознаніемъ, что онъ въ полномъ смыслѣ слова основатель второй австро-венгерской экс-

¹⁾ Команда состояла изъ плотника Ант. Вечерина изъ Драга при Фиумѣ, матросовъ: Датковича изъ Фіанона, Лоренцо Маролы и Петра Фалезина изъ Фиуми, Антоніо Цаниновича изъ Лезини, Антоніо Катаринича изъ Лусиницколо, Винченцо Пальмича изъ Волоски, Георга Стиглица изъ Буккари, Антоніо Лукиновича изъ Пуциске, Антоніо Скарпа изъ Триеста, Джакомо Сусича, Франческо Леттиса изъ Волоски, Іоганна Орана изъ Граца, проводниковъ Галлера и Клотца изъ долины Пассейеры въ Тироли и кочегара Постичила изъ Прерау. Всѣ люди, не исключая и австрійскихъ южакъ, оказались неутонченными тружениками во время всей экспедиціи. „Неужели хотятъ увѣрить, что тамъ, въ Кроаціи, Славоніи, Далмаціи—лучше и болѣе предпринимчивые моряки, чѣмъ въ Германіи?“ Этотъ вопросъ поставила везерская газета 28 октября 1874. Я не скажу ни да, ни нѣтъ. Во всякомъ случаѣ неопровержимо доказано, что австрійскій матросъ превзошелъ во льдахъ многихъ моряковъ сѣвера и что онъ можетъ быть сравненъ съ лучшими моряками древней Англіи. Эта экспедиція къ полюсу доказала, какая сила кроется въ австрійскихъ какъ военномъ, такъ и коммерческомъ флотахъ.

педиціи, и распространилъ свою заботливость до того, что хотѣлъ устроить для „Тегетгофа“ сколько возможно далѣе къ востоку складъ угля и провіанта. Для этой цѣли онъ законтрактовалъ, опять-таки за собственный счетъ, яхту „Исбьернъ“, начальство надъ которою поручилъ дѣльному австрійскому моряку. Сначала имѣлся въ виду, отличившійся во время турецкой экспедиціи

Карлъ Вейпрехтъ.

подъ начальствомъ консула Гана, капитанъ Шпаунъ, но принять предложеніе послѣднему не позволило его разстроенное здоровье. вмѣсто него въ командованіе яхтою вступилъ контръ-адмиралъ Стернекъ-Эренштейнъ, одинъ изъ героев при Лиссѣ, пустившій ко дну корабль „Re d'Italia“. вмѣстѣ съ тѣмъ достойный графъ Вильчекъ не упустилъ изъ виду и интересовъ науки: онъ пригласилъ съ собою клагенфуртскаго геолога д-ра Гёфера для производства физическихъ и метеорологическихъ наблюденій, астрономическихъ опредѣленій мѣстъ и другихъ ученыхъ изслѣдованій. Кромѣ того ему сопутствовали фото-

50*

графъ Бургеръ, альпійскій охотникъ графа Мюльбахеръ, одинъ изъ проводниковъ съ Гросглокнера Пайерль и наконецъ капитанъ Кельсенъ съ шестью матросами и однимъ юнгою. Выйдя 20 іюня изъ Тромсэ, „Исбьернъ“ направился къ южному мысу Шпицбергена, который и былъ замѣченъ 25 числа вечеромъ. Съ 30 іюня до 5 іюля экспедиція Вильчека пробыва у южнаго Шпицбергена въ Горнъ-Сундѣ, гдѣ профессору Гёфёру удалось сдѣлать интересныя приобрѣтенія по части геологіи, палеонтологіи и ботаникѣ. Западный и восточный берега Шпицбергена оказались вообщѣ доступными для плаванія и только по Сторъ-Фіорду плыли небольшія якры. Поэтому путешественники надѣялись достигнуть мыса Нассау на Новой Землѣ, придерживаясь направленія $76^{\circ}30'$ сѣв. шир. Дѣйствительно они вошли безъ затрудненій въ море Барентса къ сѣверо-востоку отъ острова Надежды, но затѣмъ вскорѣ уперлись въ плавающіе льды, пролежавшіе въ юго-восточномъ направленіи и заставившіе ихъ постепенно отодвинуться до 73° сѣв. шир. Только съ величайшимъ трудомъ удалось пробиться черезъ ледъ у залива Безымяннаго на западной сторонѣ Новой Земли и затѣмъ 30 іюля встать на якорь въ Маточкиномъ Шару, гдѣ „Исбьернъ“ и пробывъ шесть дней, въ теченіи которыхъ было сдѣлано нѣсколько экскурсій съ чисто научною цѣлію. „Мы шли, пишетъ профессоръ Гёфёръ, не теряя изъ вида западнаго берега Новой Земли, по прибрежному плесу къ сѣверу; вѣтеръ былъ крайне своенравенъ; нерѣдко льдины, хотя и не очень большія, преграждали путь нашему кораблю. Во время всего плаванія непрерывно посматривали, не покажется ли гдѣ „Тегетгофъ“. Когда капитанъ со своего мостика возвѣстилъ, что по направленію къ сѣверо-западу во льдахъ показалось трехмачтовое судно съ трубою, мы ему просто не хотѣли вѣрить. Усмотрѣнная точка была похожа, какъ и многія другія точки, на ледяную гору. Не разъ уже мы принимали подобныя горы за ожидаемый нами пароходъ, при чемъ еще и миражи нерѣдко вводили насъ въ заблужденіе. Немудрено, что и теперь мы смотрѣли на открывшуюся точку съ величайшимъ недоумѣемъ, тѣмъ болѣе, что намъ приходилось все болѣе и болѣе врѣзываться въ ледъ. Что все наше вниманіе было сосредоточено на „Тегетгофѣ“, это само собою разумѣется: мы взяли такой курсъ, что непременно должны были пересѣчь ему дорогу, развѣ только неожиданно откроется лазейка, черезъ которую онъ могъ бы проскочить минуя насъ, что впрочемъ было болѣе чѣмъ сомнительно, при тѣхъ крайне неблагоприятныхъ условіяхъ льда, которыя мы здѣсь встрѣтили“. 12 Августа суда дѣйствительно встрѣтились и поплыли вмѣстѣ къ островамъ Барентса; здѣсь сплошные льды мѣшали въ теченіи цѣ-

лой недѣли дальнѣйшему движенію впередъ. 16 августа графъ Вильчекъ устроилъ складъ въ узкомъ и недоступномъ для медвѣдей ущельѣ. 18 августа всѣ вмѣстѣ праздновали на „Тегетгофѣ“ день рожденія австрійскаго императора. 21 числа, положеніе льда какъ будто измѣнилось къ лучшему. „Тегетгофъ“ простился съ Исбѣрномъ и направился къ сѣверу, Исбѣрнъ же при свѣжемъ попутномъ вѣтрѣ плылъ еще нѣкоторое время окруженный льдами, а затѣмъ вышелъ въ открытое море. Хотѣли было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пристать къ западному берегу Новой Земли, но изъ-за вѣтра и сильнаго волненія при негодности картъ это оказалось невозможнымъ. 25 августа „Исбѣрнъ“ подошелъ къ южному Гусиному мысу, т. е. юго-западной оконечности Новой Земли. Изслѣдовавъ заливы Дельфиновъ и Рогачева, графъ Вильчекъ и Гѣферъ прошли черезъ Костинъ-Шаръ къ устью Печоры ¹⁾. Отсюда наши путешественники отправились на родину сухимъ путемъ: черезъ Пермь, Казань, Нижній-Новгородъ, Москву и С.-Петербургъ ²⁾. Фотографъ Бургеръ прибылъ 20 сентября въ Гаммерфестъ, а 1 октября въ Тромзэ, откуда доставилъ въ Вѣну всю богатую добычу этой экспедиціи, состоявшую изъ превосходныхъ зоологическихъ и геологическихъ коллекцій и изъ большого количества фотографическихъ снимковъ.

Съ памятнаго дня, 21 августа 1872 года, когда графъ Вильчекъ въ послѣдній разъ видѣлъ дымъ парохода „Тегетгофа“, въ теченіи двухъ лѣтъ не было никакого извѣстія объ экспедиціи Пайера и Вейпрехта. Въ декабрѣ 1873 года Петерманнъ весьма основательно доказывалъ, что раньше осени 1874 года не слѣдуетъ

¹⁾ См. Petermann's Geograph. Mitth. 1872 г., стр. 381, письмо Гѣфера и тамъ же 1874 г., стр. 65—72, отчетъ объ этомъ плаваніи барона Стернека.

²⁾ Такъ какъ эта чрезвычайно интересная часть путешествія графа Вильчека не принадлежитъ въ строгомъ смыслѣ къ числу арктическихъ, то мы упомянемъ здѣсь только вкратцѣ, что они отъ устья Печоры совершили шестинедѣльное путешествіе въ лодкахъ, по рѣкамъ, до самой Перми. Путь ихъ лежалъ черезъ Усть-Цильму вверхъ по Ишимѣ, притоку Печоры, черезъ Усть-Ухту и Родыни, по волоку черезъ водораздѣлъ въ р. Вычегду, черезъ Помазинъ, Усть-Немъ и село Керченское въ Сѣверную Кельтму, по давно забытому Екатерининскому каналу, соединяющему бассейны рѣкъ, впадающихъ въ Бѣлое море, съ Волжскимъ, внизъ по теченію Джурича и Южной Кельтмы въ Каму, черезъ село Бондюжское въ городъ Чердынъ у Полюдова-Камня, отрога Урала, по первобытнымъ гѣсамъ черезъ гор. Соликамскъ и Дедюхинъ до Ново-Усоля, откуда путешественники могли воспользоваться послѣднимъ отходящимъ оттуда пароходомъ до Перми. Изъ Перми направились по Камѣ и Волгѣ, посѣтили Казань и Нижній-Новгородъ, откуда уже желѣзная дорога помогла безстрашнымъ путешественникамъ довершить ихъ длинный путь. Подробное описаніе этого пути находимъ въ отчетѣ барона Стернека стр. 117—142. Самъ графъ Вильчекъ поимѣстилъ въ высшей степени интересный, хотя и краткій очеркъ этого путешествія въ запискахъ имп. географ. общ. въ Вѣнѣ, т. XV, 1872 г., стр. 489—493.

даже ожидать отъ этихъ смѣлыхъ плавателей никакихъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе за отсутствіемъ въ теченіи продолжительнаго времени даже малѣйшаго извѣстія объ экспедиціи невольно всѣми овладѣло весьма понятное безпокойство. Уже весною 1874 года выражалось въ газетахъ опасеніе, что быть можетъ пароходъ „Теетгофъ“ погибъ вмѣстѣ со своимъ экипажемъ. Только графъ Вильчекъ не отчаявался, равно какъ и Краушнеръ, который, если мы припомнимъ, плавалъ вмѣстѣ съ Пайеромъ и Вейпрехтомъ въ 1869 и 1870 г. на „Германіи“. Тѣмъ не менѣе гр. Вильчекъ не терялъ времени и старался всѣми зависящими отъ него средствами оказать какую либо помощь „Теетгофу“. Между прочимъ, онъ велѣлъ изготовить 50 маленькихъ резиновыхъ воздушныхъ шаровъ, которые, съ привязанными къ нимъ записками, вручались китоловамъ, отправлявшимся къ крайнему сѣверу, съ тѣмъ чтобы они ихъ выпускали въ различныхъ мѣстахъ Ледовитаго океана, въ надеждѣ этимъ способомъ открыть сообщеніе съ затерявшеюся экспедиціею. Кромѣ того, онъ назначилъ премію въ 1,000 гульденовъ тому судну, которое доставитъ какія либо свѣдѣнія о пароходѣ „Теетгофъ“, или откроетъ слѣды его перезимованія, о чемъ и было опубликовано въ газетахъ Англіи, Норвегіи, Швеціи и Россіи. Лондонское географическое общество поручило отправлявшемуся въ Шпицбергенскія воды кораблю развѣдать объ участи невозвратившихся, русское морское министерство, по желанію австрійскаго правительства, въ этомъ же смыслѣ обратилось съ вызовомъ къ своимъ морякамъ и промышленникамъ, плававшимъ по Ледовитому океану. Знаменитый русскій полярный плаватель Сидоровъ высказалъ свое мнѣніе въ томъ смыслѣ, что „Теетгофъ“ вѣроятно все еще находится затертымъ во льдахъ у мыса Нассау; болѣе того, онъ даже предлагалъ сдѣлать подписку по Россіи, чтобы собрать средства на посылку помощи австрійской экспедиціи. Въ это самое время, а именно 3 сентября 1874 года, совершенно неожиданно пришла радостная вѣсть о томъ, что экспедиція Пайера и Вейпрехта прибыла въ Европу. Съ быстротою молніи извѣстіе это распространилось по столицѣ Австріи и всему свѣту, поражая всѣхъ въ особенности тѣмъ, что возвращеніе совпало со временемъ, которое предсказывалъ Петерманнъ.

Судьба экспедиціи сложилась совсѣмъ иначе, чѣмъ было предусмотрено инструкціею, какъ это и бываетъ обыкновенно. Уже 21 августа 1872 года, слѣдовательно, къ вечеру, непосредственно послѣ того, какъ графъ Вильчекъ простился съ экспедиціею, „Теетгофъ“ былъ окруженъ льдами къ сѣверо-востоку отъ мыса Нассау, подъ $76\frac{1}{2}^{\circ}$ сѣв. шир. съ тѣмъ, чтобы уже никогда болѣе не освободиться изъ этого ужаснаго плѣна. „Мрачно,

безнадежно лежалъ передъ нами первый годъ нашего плаванія, писалъ Пайеръ, и наша судьба была, повидимому, рѣшена: изъ свободныхъ изслѣдователей-моряковъ мы сдѣлались пассажирами льдины". Необыкновенный морозъ осенью 1872 г. быстро связалъ всѣ отдѣльныя льдины, окружавшія нашъ пароходъ, въ одну сплошную массу, взорвать которую или перепилить не представлялось никакой возможности. Схваченные такимъ образомъ мы неслись вмѣстѣ со льдомъ въ теченіи сентября и октября въ сѣверо-восточномъ направленіи, потерявъ изъ виду берега земли. Если это положеніе само по себѣ было печальнымъ, то съ 13 октября оно сдѣлалось въ высшей степени опаснымъ, такъ какъ пароходъ нашъ сталъ почти ежедневно въ теченіи всей зимы подвергаться ужаснѣйшему напору льдовъ. Безсчетное число разъ команда „Тегетгофа“ вызывалась на палубу, чтобы быть въ готовности оставить пароходъ, въ случаѣ если онъ пойдетъ ко дну — и это во время полярной ночи, когда не видно и нельзя было знать, куда идти! Но корабль не погружался; выпираемый снизу, онъ выдвигался все выше и выше своей обыкновенной ватерлинии. Въ такомъ угрожающемъ положеніи судно было предметомъ непрерывныхъ тревогъ. Всѣ приготовленія для перезимовки были уже сдѣланы: пароходъ былъ только отчасти разрушенъ, нѣсколько парусовъ остались на мѣстѣ; палубу покрыли снѣгомъ, весь корпусъ окружали ледянымъ валомъ, который приходилось постоянно поправлять по мѣрѣ того, какъ онъ подвергался порчѣ отъ напора льдовъ, носовую часть парохода покрыли тентомъ, кормовая оставалась незакрытою въ виду необходимости постоянно быть на-готовѣ. Къ счастью, въ этомъ году не было тѣхъ страшныхъ мятелей, которыя испытали Пайеръ и Вейпрехтъ въ 1869 и 1870 годахъ, во время второй нѣмецкой полярной экспедиціи къ восточному берегу Гренландіи. Собаки, въ числѣ семи, были помѣщены на палубѣ въ ящикахъ, наполненныхъ соломой. Лейтенантъ Брошъ, мичманъ Орель, капитанъ Карлсенъ, ботсманъ Лузина и машинистъ Кришъ устроили непрерывныя метеорологическія наблюденія съ правильною смѣною по вахтамъ черезъ каждые два часа. Эти дежурства дали возможность кромѣ того своевременно узнавать о нападеніи бѣлыхъ медвѣдей, которыхъ въ теченіи всей экспедиціи убили 67 штукъ и всѣ они были съѣдены. Не взирая на это важное подспорье, состояніе здоровья на пароходѣ оставляло желать очень многого, такъ что докторъ Кепесъ имѣлъ не мало хлопотъ. Цынга и болѣзни легкихъ были нерѣдки, не смотря на всѣ предохранительныя мѣры; цынга, впрочемъ, большею частью какъ послѣдствіе упадка духа, вызваннаго угнетающимъ положеніемъ экипажа. Это состояніе измѣнилось только къ лѣту, когда начались усиленные

работы на льду. 28 октября солнце скрылось на 109 дней. Недалеко от парохода былъ выстроенъ бревенчатый домъ для перваго убѣжища, на случай окончательнаго крушенія корабля, вслѣдствіе безпрестанно повторявшихся ударовъ льда. Наканунѣ Рождества наше убѣжище было разрушено сильнымъ напоромъ ледяныхъ массъ. Если намъ удалось встрѣтить великій праздникъ мирно, безъ особыхъ тревоженій, въ дружественной бесѣдѣ, то мы должны считать это истиннымъ даромъ небесъ. Пришелъ и новый годъ, не принеся новыхъ надеждъ; мы все еще подвигались къ сѣверовостоку и достигли почти 78° сѣв. шир. и 73° вост. долг. „Австрійскіе моряки уже полагали, что они вмѣстѣ со льдами будутъ отнесены къ сѣвернымъ берегамъ Сибири. Вдругъ все измѣнилось вмѣстѣ съ переменною направленіемъ вѣтра. 16 февраля солнце впервые опять показалось надъ горизонтомъ, а 25 числа почти внезапно прекратился мучительный напоръ льдовъ, послѣ того, какъ вокругъ парохода, кормовая часть котораго была значительно поднята съ наклономъ на правый бортъ, нагромодилась въ полномъ смыслѣ слова цѣлая громадная стѣна изъ ледяныхъ утесовъ. Морозъ все еще увеличивался и дошелъ, наконецъ, къ концу февраля до 46° , 25 Ц. Сѣверныя сіянія, которыя до сихъ поръ почти непрерывно свѣтили съ неподражаемою прелестью и съ невыразимымъ величіемъ, съ прибавленіемъ дня быстро уменьшались. Съ наступленіемъ лѣта 1873 года возрасла и надежда, которую страдалцы давно уже питали на то, что съ разрушеніемъ льдины совершится ихъ освобожденіе. Принимались всѣ мѣры, чтобы осуществить, ускорить и облегчить это освобожденіе, іюль и августъ прошли. Многослойный ледъ 13 метровъ толщины противился всѣмъ усиліямъ: средняя часть корабля и высоко-поднятая его корма лежали неподвижно на мощной несокрушимой льдинѣ. Къ этому присоединилось еще то невыгодное обстоятельство, что окружавшія парходъ снѣжныя и ледяныя массы обтаили въ теченіи лѣта на 4—6 метровъ, вслѣдствіе чего корабль лежалъ на два метра выше нормальной поверхности воды; опасность, что онъ совершенно ляжетъ на бокъ или опрокинется, могла быть отстранена только посредствомъ сильныхъ подпорокъ подъ мачты. Въ теченіи іюля сѣверный вѣтеръ отвелъ „Тететгофа“ нѣсколько къ югу (южнѣе 79° сѣв. шир.), но въ августѣ южный вѣтеръ вновь погналъ его къ сѣверу. Съ каждымъ днемъ уменьшалась надежда на то, что ледъ, наконецъ, разломится, хотя нерѣдко слышался знакомый шумъ раздвиганія льда не вдалекѣ отъ парохода, а темныя полосы на горизонтѣ указывали на существованіе широкихъ трещинъ и полней. Но все это было недостижимо для плѣнниковъ „Тететгофа“. Съ грустною покорностью волѣ судьбы приходилось намъ встрѣтить

вторую зиму безъ всякихъ результатовъ и провести ее подъ страхомъ быть ежеминутно раздавленными льдами, какъ вдругъ совершенно неожиданно наше положеніе измѣнилось. Давно уже вступили мы, плавая на льдинѣ, въ такую область, которую чело-вѣческій глазъ еще никогда не видалъ. Тщетно искали, не откроется ли намъ какой либо невѣдомый берегъ. 31 августа совершенно неожиданно увидали мы на разстояніи 26 километровъ приблизительно, vyplывающую изъ тумана по направленію къ сѣверу возвышенную землю. Казалось, что южная линія этой земли тянется подъ 80° сѣв. шир. Одновременно съ этимъ мы увидали впервые вокругъ себя огромное число ледяныхъ горъ. Первый представившійся намъ высокій, крутой, утесистый мысъ былъ названъ именемъ адмирала Тебетгофа; его отвѣсныя стѣны были частію непокрыты снѣгомъ. Къ вечеру были усмотрѣны еще нѣсколько впереди лежащихъ невысокихъ острововъ, а также глетчеры. Какъ только дѣйствительное существованіе земли подтвердилось, командиръ парохода вызвалъ офицеровъ и команду на палубу, прекрасный шелковый флагъ, подарокъ дамъ, былъ поднятъ и капитанъ Вейпрехтъ держалъ соотвѣтственную обстоятельствамъ рѣчь. Послѣ этого раздалось троекратное ура и вновь открытая земля была названа въ честь нашего императора „Землею Франца Іосифа“.

„Невольно всѣ стремились теперь къ этой землѣ. Мы остановились въ разстояніи цѣлой англійской мили отъ берега; ближе приблизиться не допускала наша льдина. Хотя мы и знали, что эта столь желанная земля для насъ недосыгаема, не смотря на всѣ усилія, тѣмъ не менѣе мы стремились къ ней всей душой. Это было истинное мученіе Тантала—видѣть передъ собою въ теченіи мѣсяцевъ огромную невѣдомую страну, имѣть случай сдѣлать рѣдкое въ полярной исторіи открытіе и не быть въ состояніи приблизиться къ горячо желанной цѣли. Въ теченіи сентября и октября льдина съ пароходомъ все еще подвигалась вдоль этого берега и всякому изъ насъ, кто рѣшился бы покинуть льдину, грозила неминуемая гибель. Въ концѣ октября случилось, однако, что послѣ сильнаго ость-нордъ-оста мы совершенно неожиданно подошли къ острову, лежащему передъ главною массою земли, на разстояніе 5 — 6 километровъ. Тутъ уже не задумывались: перебравшись съ величайшими затрудненіями черезъ нагромоздившійся ледъ, мы вступили на эту землю подъ 79°54' сѣв. шир. и заняли ее именемъ австрійскаго императора. Послѣ того была выстроена каменная пирамида, подъ которою сложили документъ съ краткимъ описаніемъ нашего плаванія. Вдоль самаго берега тянулся ледъ не болѣе фута толщины, доказывавшій, что лѣтомъ здѣсь бываетъ по временамъ открытый плесъ, свободный отъ льдовъ. Трудно

себѣ представить что нибудь печальнѣе, пустыньѣ этого острова, покрытаго льдомъ и снѣгомъ, но для насъ онъ былъ такой высокой цѣны, что мы рѣшились, до дальнѣйшихъ открытій, назвать его въ честь основателя нашей экспедиціи—именемъ графа Вильчека“.

Во второй разъ солнце покинуло нашихъ путешественниковъ 22-го октября 1873 г., тѣмъ не менѣе они рискнули въ теченіи слѣдующей недѣли во время сумерекъ сдѣлать еще нѣсколько экскурсій на разстояніе 18—20 километровъ отъ корабля, безуспѣшно, впрочемъ, такъ какъ не удалось получить болѣе опредѣленныхъ понятій о формѣ и свойствахъ открытой ими земли. Были ли то острова, или большой континентъ? А тѣ возвышенныя бѣлыя площади между вершинами, не глетчеры ли? На все это никто не могъ дать отвѣта. Все стремленіе австрійскихъ изслѣдователей было, конечно, направлено къ разрѣшенію этихъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, наступившая полярная ночь сдѣлала на первыхъ же порахъ дальнѣйшія изслѣдованія въ этомъ направленіи невозможными. Можно было опасаться, что еще за долго до весны 1874 г. сѣверный вѣтеръ угонитъ корабль далеко отъ новооткрытой земли, подлежащей тщательному изслѣдованію съ наступленіемъ дневнаго свѣта, однако счастье уже болѣе не измѣняло нашимъ героямъ. Полярная ночь, продолжавшаяся 125 дней, прошла безъ тѣхъ страшныхъ тревогъ, которымъ бывшіе пассажиры льдины и теперешніе свободные изслѣдователи подвергались въ теченіи предъидущей зимы: напора льдовъ они уже болѣе не испытали.

Этотъ оборотъ дѣлъ имѣлъ рѣшительное значеніе для экспедиціи. Команда парохода приобрѣла какую-то увѣренность, облегчавшую ея нравственное положеніе. Въ теченіе всей зимы были дѣланы съ величайшею добросовѣстностью магнетическія наблюденія, тѣмъ, какъ мы уже упоминали, занимались Вейпрехтъ, Брошъ и Орель. Кромѣ того, Орель опредѣлилъ съ точностью цѣлымъ рядомъ наблюденій долготу и широту мѣста ихъ новой зимовки, оказавшейся подъ 59° вост. долг. и 79°51' сѣв. шир. Для спектральнаго анализа яркихъ сѣверныхъ сіяній, освѣщавшихъ небо въ теченіи обихъ зимъ, мюнхенскій аппаратъ оказался слишкомъ слабымъ.

Зима 1873—74 г. была значительно снѣжнѣе зимы предъидущаго года; при сѣверномъ вѣтрѣ метели продолжались по цѣлымъ днямъ. Въ декабрѣ мѣсяцъ темнота дня и ночи была совершенно одинакова,—полнѣйшій мракъ окружалъ хребцовъ „Тегетгофа“. Въ совершенномъ безмолвіи встрѣтили они праздникъ Рождества Христова въ домѣ, построенномъ изъ льдинъ и снѣгу. Вскорѣ послѣ того опять наступили сильнѣйшіе холода и, какъ въ про-

шедшемъ году, ртуть замерзала въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Бѣлые медвѣди непрерывно подходили къ самому пароходу, ихъ убивали залпами съ борта. Около 1500 фунтовъ свѣжаго мяса, полученнаго отъ 67 медвѣдей, явились самымъ дѣйствительнымъ спасительнымъ средствомъ противъ цынги. Заботливость врача и благотворное вліяніе появившагося 24-го февраля 1874 г. надъ горизонтомъ солнца избавили многихъ уже пораженныхъ этою ужасною болѣзнію полярныхъ странъ отъ продолжительныхъ страданій. Не трудно было, однако, предвидѣть, что если бы пришлось провести еще третью зиму въ этомъ положеніи, то здоровье экипажа „Тегетгофа“ не выдержитъ, тѣмъ болѣе, что и запасъ медицинскихъ пособій уже начиналъ приходить къ концу. Эти наблюденія и грустная увѣренность въ томъ, что и слѣдующимъ лѣтомъ пароходу суждено по всему вѣроятію по прежнему скитаться по океану на своей несокрушимой льдинѣ и даже быть можетъ опрокинуться во время весенняго таянія снѣговъ, привели Пайера и Вейпрехта съ ихъ смѣлыми спутниками къ печальному рѣшенію оставить въ концѣ мая пароходъ и сдѣлать попытку вернуться на родину на саниахъ или въ лодкахъ. Въ ожиданіи этого были приняты обширнѣйшія экскурсіи для изслѣдованія новаго владѣнія австрійскаго императора. Счастливый исходъ этихъ экскурсій совершенно зависѣлъ отъ случая: если бы льдина, на которой замерзъ пароходъ, оторвалась до возвращенія предпринявшихъ экскурсію, то они были бы брошены конечно на произволъ судьбы, и въ то же время, съ потерей значительнаго числа людей, и остающаяся на суднѣ команда была-бы значительно обезсилена. Тѣмъ не менѣе ближайшее ознакомленіе съ загадочною землею, лежавшею передъ нашими героями была настолько важна, что нужно было рѣшиться на болѣе отдаленныя экскурсіи.

Эти поѣздки на саниахъ, которыми предводительствовалъ самъ Пайеръ, должны быть причислены къ самымъ смѣлымъ и поразительнымъ изъ числа всѣхъ экскурсій, когда либо предпринятыхъ полярными путешественниками. Въ толстыхъ штанахъ и матросской рубашкѣ, съ двойнымъ башлыкомъ на головѣ, прикрывающимъ почти все лицо, кромѣ глазъ, и съ медвѣжьей шкурою на плечахъ, эти не боявшіеся смерти герои выступали въ походъ по необозримымъ ледянымъ пустынямъ при сильномъ морозѣ въ 50°. Погода была ужасная: по глетчернымъ полямъ раздавался страшный вой бури и сила вѣтра бывала такъ велика, что тяжело нагруженные сани катились подъ парусами съ неимоверною быстротою. Удивительныя услуги оказывали во время этихъ поѣздокъ на саниахъ собаки; онѣ выдерживали утомительные переходы и даже недостатокъ въ пищѣ безъ важныхъ признаковъ ослабленія и по-

корно тянули нагруженные сани или же принимали дѣятельное участіе въ охотѣ на медвѣдя, мясо котораго представляло лакомый кусочекъ при скудной поденной порціи. Нужды и лишенія, которымъ подчасъ подвергались путешественники во время этихъ поѣздокъ, были ужасны,—въ особенности часто страдали они отъ мучительной жажды. Не рѣдко приходилось растаивать свѣгъ въ закрытой ладони, чтобы утолить жажду нѣсколькими глотками воды.

Пайеръ совершилъ три поѣздки, двѣ на западъ и одну къ сѣверу; вотъ что онъ самъ о нихъ пишетъ: „Наступилъ мартъ 1874 г. Погода еще неблагоприятствовала походамъ, морозы стояли жестокіе, солнце чуть только подымалось надъ горизонтомъ околу полудня, между тѣмъ упомянутыя выше обстоятельства не дозволяли терять времени. 10-го марта я выступилъ въ сопровожденіи обоихъ тирольцевъ, Галлера и Клотца и четырехъ матросовъ Катаринича, Леттиса, Поспичиля и Лукиновича съ тремя собаками и нашими большими саними, въ походъ по направленію къ сѣверо-западу, вдоль берега западной части открытой нами земли; мы поднялись на два высокихъ мыса: „Тебетгофа“ и „Литтрова“ въ 760 метровъ вышины и прошли по живописному фіорду Норденшильда, въ углубленіи котораго возвышалась мощная ледяная стѣна,—край глетчера „Сонклара“.

По всей странѣ не было замѣтно ни малѣйшаго признака жизни. Пустынные вершины хребта были покрыты огромными глетчерами. Горныя массы, образующія частью отвѣсныя конусы, частью плоскія возвышенности, смѣло высились надъ долеритовою формаціею. Все блестяло ослѣпительною бѣлизною; ряды горныхъ колоннъ по симметрически расположеннымъ уступамъ неподвижно и грозно смотрѣли въ своемъ бѣло-кристаллическомъ облаченіи въ мрачную даль Ледовитаго океана. Нигдѣ, какъ это бываетъ даже въ Гренландіи, на Шпицбергенѣ и на Новой Землѣ, горныя породы не выступали въ своемъ природномъ обнаженномъ цвѣтѣ. Причина этого заключалась въ огромномъ количествѣ атмосферныхъ осажденій и въ быстромъ охлажденіи ихъ на поверхности холодныхъ отвѣсныхъ скалъ. Необыкновенная влажность воздуха была также причиною нашихъ безпрестанныхъ ошибокъ въ преувеличеніи глазомерныхъ разстояній—явленіе совершенно противное наблюдаемымъ въ другихъ полярныхъ странахъ; вопліи ясные дни составляли здѣсь величайшую рѣдкость. Низкая температура, стоявшая во время всего похода и доходившая до 50° Ц. (въ то же время на пароходѣ было 46°,25) побуждала насъ быть въ высшей степени осторожными и предусмотрительными; при этомъ холодѣ ночлеги, хотя и подъ палаткою, доставляли мало отдыха, равнымъ образомъ пе-

реходъ черезъ глетчеръ Сонкларъ былъ крайне мучителенъ, не смотря на полное почти безвѣтріе. Вся одежда застывала какъ жель, крѣпчайшій ромъ казался сгущеннымъ и потерявшимъ свою силу.

По возвращеніи 16 марта къ пароходу, немедленно начались новыя приготовленія ко второй поѣздкѣ, которая продолжалась 30 дней, съ цѣлью узнать протяженіе новооткрытой земли къ сѣверу. Въ это время скончался одинъ изъ нашихъ товарищей, машинистъ Крищъ, отъ легочной чахотки, осложненной цынгой. 17 числа мы отвезли его на саняхъ при сильной мятели къ послѣднему пристанищу, среди базальтовыхъ колоннъ, украшенному простымъ деревяннымъ крестомъ. 24 марта, рано утромъ, выступили во второй походъ къ сѣверу. Весь отрядъ состоялъ изъ Ореля, тирольцевъ: Галлера и Клотца, матросовъ Цаниновича, Суссича и Лукиновича и меня. Къ сожалѣнію, собакъ уже не хватило для полной запряжки; мы припрягли только трехъ собакъ къ большимъ санямъ съ грузомъ 800 вил.¹⁾, которыя и потащили съ ихъ помощью сами, остальные собаки или уже издохли, или были неспособны къ работѣ. И эти три оказали намъ большія услуги. Противъ ожиданія температура во все время этого похода не понижалась ниже 32° Ц., но зато мятели и сырость, образованіе щелей и выступленіе изъ нихъ морской воды надѣлали намъ много хлопотъ на пути.

Прежде чѣмъ идти дальше вмѣстѣ съ нашими смѣлыми путниками, необходимо, нарушая даже хронологическій порядокъ, бросить бѣглый взглядъ на топографическія условія вновь открытой полярной страны. По своему протяженію вся земля Франца Іосифа приблизительно такой же величины, какъ и Шпицбергенъ, и состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ и довольно значительныхъ частей: „Земли Вильчекъ“ къ востоку, „Земли Зичи“—главной массы — къ западу, пересѣченной многочисленными фіордами и окруженной многими островами. Громадный проливъ „Австрія“ проходитъ посрединѣ этихъ земель, раздѣляя ихъ пополамъ; отъ мыса „Ганзы“ проливъ этотъ поворачиваетъ къ сѣверу, а подъ 82° сѣв. шир., южнѣе Земли Наслѣднаго Принца Рудольфа, отдѣляется въ сѣверо-восточномъ направленіи широкій рукавъ, который изслѣдователи могли прослѣдить вилотъ до мыса „Буда-Пештъ“ на крайнемъ сѣверѣ. Преобладающая вездѣ горная порода—долеритъ. Его горизонтальные уступы и закругленные сверху крутые конусы, живо напоминающіе Абиссинскіе Амбы, придаютъ всему краю исключительный характеръ. Несомнѣнна геологическая однородность этой страны съ сѣверо-восточною Гренландіею. Средняя высота горъ — отъ 600 до 900 метровъ

¹⁾ 48 пудовъ.

надъ уровнемъ моря, только къ юго-западу вершины достигаютъ 1,520 метровъ приблизительно. Всѣ громадныя углубленія между хребтами наполнены большею частью глетчерами такихъ гигантскихъ размѣровъ, какіе можно встрѣтить только въ одномъ арктическомъ мірѣ. Скорость движенія ледниковъ могла быть въ многихъ случаяхъ опредѣлена непосредственнымъ наблюденіемъ. Высота обрывовъ по концамъ составляла отъ 30 до 60 метровъ. Глетчеръ Дове на Землѣ Вильчека не уступаетъ въ ширинѣ глетчеру Гумбольдта въ проливѣ Кеннеди. Растительность значительно слабѣе, чѣмъ въ Гренландіи, на Шпицбергенѣ и Новой Землѣ; въ этомъ отношеніи нѣтъ, можетъ быть, бѣднѣйшей страны на всемъ земномъ шарѣ. Прибойный лѣсъ хотя встрѣчался, но не въ большомъ количествѣ. Нужно предполагать, что земля эта совершенно необитаема; на югѣ, кромѣ бѣлаго медвѣдя, не встрѣчается никакихъ животныхъ. Многія мѣстности этой ново-открытой земли чрезвычайно живописны, хотя и носятъ отпечатокъ арктическаго оцѣпенѣнія. Поѣздки на саняхъ выяснили между прочимъ и затрудненія, которыя предстоятъ будущей экспедиціи при отысканіи гавани для зимовки, такъ какъ нигдѣ не было замѣчено болѣе или менѣе удобнаго мѣста стоянки.

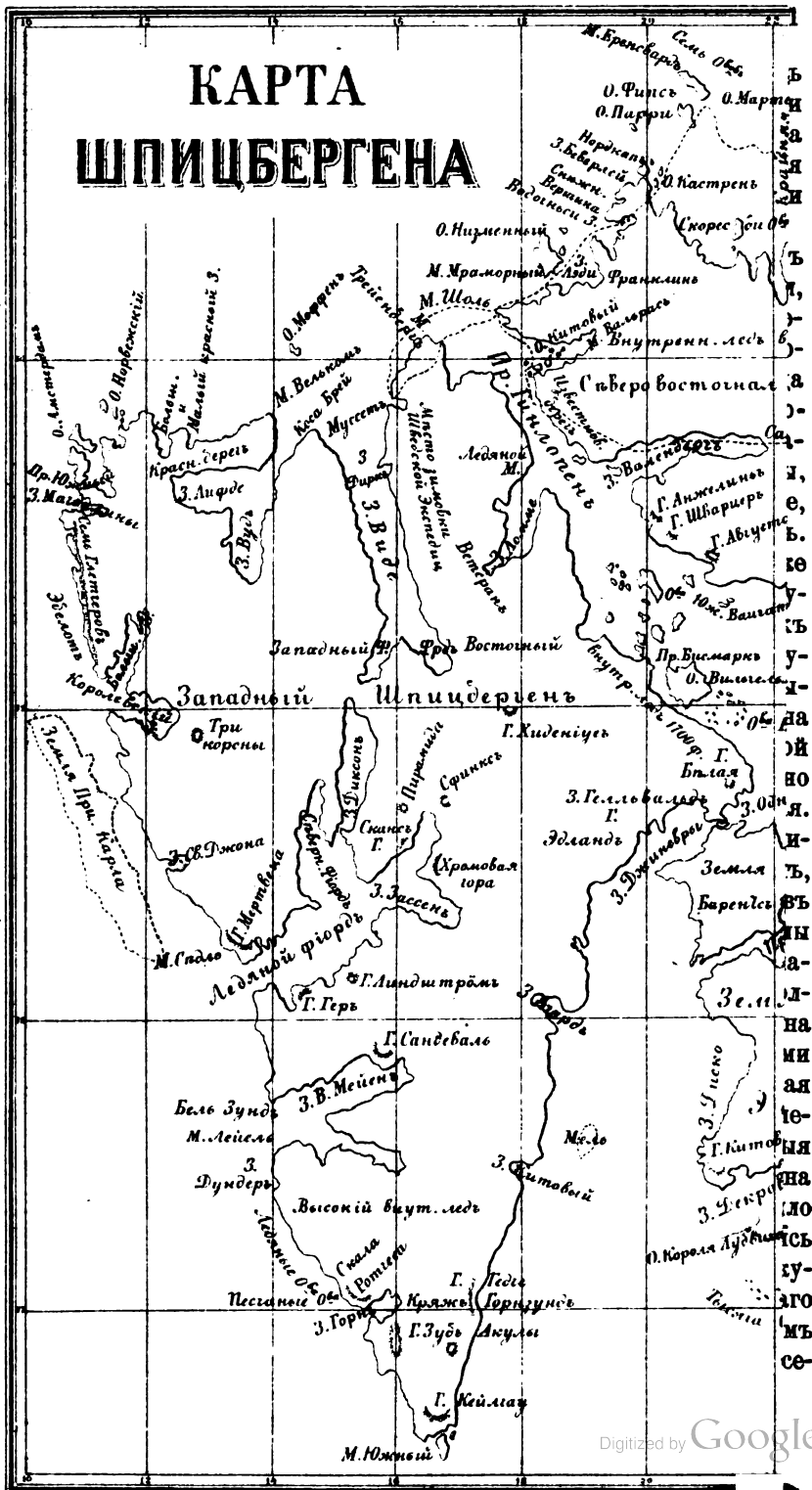
При скоплавшихся непосредственно надо-льдомъ густыхъ тумановъ наши путешественники были бы лишены возможности дѣлать какія либо наблюденія, если бы только не поднимались на высокія горы. Эти же наблюденія съ вершинъ открывали имъ пути, по которымъ слѣдовало идти для достиженія сѣвернѣйшихъ широтъ. Сплошная ледяная площадь, усѣянная безчисленными ледяными горами, простиралась отъ одной земли до другой. Площадь эта повидимому была новѣйшаго образованія, во многихъ мѣстахъ перерѣзана щелями и пересѣчена широкими стѣнами нагромодившихся льдинъ (Togossy, hummocks), переваль черезъ которыя былъ сопряженъ съ большими затрудненіями и значительною потерю времени. Предстояло все это преодолѣть. Отъ мыса Франкфурта, лежащаго у входа въ обширный проливъ, путь нашихъ смѣльчаковъ пролегалъ по мѣстности, о которой предъидущая поѣздка на саняхъ не доставила никакихъ свѣдѣній. „Оставляя въ сторонѣ всѣ подробности,—продолжаетъ Пайеръ—достаточно упомянуть, что мы 26 марта, едва коснувшись громаднаго острова „Сальма“, перешагнули 80° сѣв. шир., 3 апрѣля достигли 81° градуса, а пять дней спустя сдѣланное астрономическое наблюденіе доставило намъ увѣренность, что мы находились подъ 81°37' сѣв. шир. Никому еще не удавалось приблизиться на столько къ сѣверу, слѣдуя по сушѣ, а не по морю. На юго-востокѣ, отъ Земли Наслѣднаго Принца Рудольфа, мы свернули въ новый проливъ гигантскаго

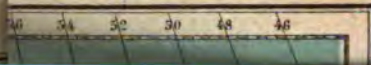

протяженія, такъ какъ намъ показалось, что онъ идетъ прямо къ сѣверу. Здѣсь мы попали въ настоящій лабиринтъ льдинъ, изъ котораго выбрались съ величайшимъ трудомъ только черезъ нѣсколько дней. Ничтожность горизонтальнаго уклона магнитной стрѣлки подъ столь высокою широтою была причиною неоднократныхъ ошибокъ въ выборѣ направленія. Когда тороссы стали меньше, мы возвратились опять къ проливу „Австріи“. Какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и здѣсь мы встрѣчали нерѣдко бѣлыхъ медвѣдей; охота на нихъ совершалась по всѣмъ правиламъ, выработаннымъ опытомъ“. Такъ какъ продовольственные запасы были на исходѣ, а равно немного уже оставалось вообще времени, которымъ мы могли располагать для дальнѣйшаго движенія къ сѣверу, то принуждены были дѣлать усиленные переходы и рѣшиться на раздѣленіе нашего отряда. Большія сани и часть команды подъ начальствомъ тирольца Галлера остались подъ 81°38', у подножья крутаго утеса (мысъ Шреттеръ) съ тѣмъ, чтобы возвратиться къ пароходу. Только Пайеръ, Орель и матросъ Цаниновичъ съ двумя собаками пошли дальше къ сѣверу. Пайеръ и матросъ съ собаками впряглись въ сани, Орель подталкивалъ сзади. На саняхъ лежалъ провіантъ на 8 дней и палатка. Цѣль этого послѣдняго похода состояла въ томъ, чтобы перейти черезъ Землю Наслѣднаго Принца Рудольфа въ прямомъ направленіи къ сѣверу. Съ этимъ вмѣстѣ былъ связанъ переходъ черезъ мощный глетчеръ Миддендорфа, черезъ который надѣялись еще безопасно перебраться, въ виду постоянно продолжавшихся холодовъ. Маленькій отрядъ, ни мало не медля, смѣло двинулся въ походъ. Но едва успѣли сдѣлать шаговъ двадцать — Орель въ этотъ моментъ отвернулся посмотрѣть, не было ли что забыто на мѣстѣ привала — какъ вдругъ раздался страшный трескъ: люди, сани, собаки, все исчезло, только Орель остался безо всего одинъ на снѣжной площади.

Со страхомъ началъ онъ искать погибшихъ товарищей и вскорѣ убѣдился, что они провалились во внезапно образовавшуюся трещину. Пайеръ, къ счастью, повисъ на кушакѣ и успѣлъ прижаться къ стѣнѣ, благодаря тому обстоятельству, что сани застряли поперекъ щели. Орель прилежъ на животъ и осторожно подползъ къ краю трещины. Тутъ онъ увидѣлъ Пайера на глубинѣ 4-хъ метровъ; изъ пропасти слышался стонъ матроса и визгъ собакъ, запутавшихся въ возжахъ и висѣвшихъ на воздухѣ. Орель бросилъ Пайеру ножъ, которымъ тотъ могъ перерѣзать кушакъ, освободившись встать на ноги и выбраться на верхъ. Матросу Орель и Пайеръ кричали внизъ, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не смѣлъ ни сѣсть, ни лечь, въ противномъ случаѣ окоченеетъ неминуемо. Затѣмъ они пустились догонять возвращавшійся

КАРТА ШПИЦБЕРГЕНА

отрядъ подѣ начальствомъ Галлера, что имъ и удалось черезъ 11 километровъ. Взявъ съ собою другаго тирольца Клотца, они вернулись черезъ 3¹/₂ часа къ трещинѣ. Прежде всего два шеста были тотчасъ же положены поперекъ щели, Клотцъ спустился по веревкѣ въ пропасть и вытащилъ оттуда матроса, собакъ и даже сани съ кладью.

Это непріятное происшествіе не удержало, однако, Пайера отъ продолженія пути; онъ перемѣнилъ только направленіе. Рѣшили, минуя глетчеры, идти сперва на западъ и потомъ уже повернуть къ сѣверу. Сдѣлавъ большой обходъ (вокругъ мыса Габермана) отрядъ дошелъ до западнаго берега Земли наслѣднаго принца Рудольфа, вдоль котораго и направился къ сѣверу. Въ природѣ совершилась какая-то странная перемѣна: небосклонъ къ сѣверу казался темно-синимъ, вокругъ солнца собирались мутножелтыя пары, температура все поднималась и поднималась, дорога стала мягче, снѣжная кора съ шумомъ давала трещины или же прогибалась. Уже ранѣе путешественниковъ поразили полеты птицъ, теперь же они увидали по утесамъ и скаламъ земли наслѣднаго принца Рудольфа безчисленное множество топорковъ и другихъ морскихъ птицъ; ихъ страстное перелетаніе и крикъ указывали, что наступило время свиванія гнѣздъ и сидѣнія на яйцахъ. Всюду показывались слѣды медвѣдей, зайцевъ и лисицъ, тюлени вылѣзали на ледъ, чтобы грѣться на солнцѣ. Путь сталъ небезопасенъ. Молодой ледъ, покрытый слоемъ соли отъ 2¹/₂ до 5 см. толщины, опасно прогибался и былъ усѣянъ льдинами позднѣйшаго образованія. „Мы привязывали себя къ канату, всѣ вещи переносили по одиночкѣ и прокладывали себѣ дорогу между льдинами топоромъ, тщательно изслѣдовавъ сперва прочность самого льда. Миновавъ „Топорковый мысъ“, усѣянный поющими и воркующими птицами, мы пришли къ уединеннымъ башнямъ мыса „Столбоваго“. Отсюда началось открытое море! Эта крайняя область далекаго сѣвера исполнена величественной прелести. Съ вершины мыса можно было на далекое разстояніе разсмотрѣть разстилавшееся передъ нашими глазами темное море, на которомъ плавали ледяныя горы, отливая всѣми цвѣтами радуги, подобно роскошнымъ жемчужнымъ украшеніямъ. Высоко надъ водою неслись густыя облака, черезъ которыя пробивались яркіе лучи солнца, преломляясь, какъ въ призмѣ, на блестящей поверхности моря; надъ этимъ солнцемъ видно было какъ будто другое, болѣе тусклое солнце, а вдали красовались возвышенности Земли Наслѣднаго Принца Рудольфа, какъ бы окутанныя розовою эфирною шалью и казавшіяся, вслѣдствіе особаго преломленія лучей, болѣе высокими, нежели это было на самомъ дѣлѣ. 12-го апрѣля хотя и не было совершенно свѣтло, но все-

таки ясныѣ всѣхъ предшествовавшихъ дней;—то былъ послѣдній день нашего поступательнаго движенія къ сѣверу. Термометръ показывалъ— $13^{\circ},75$ Ц. Путь, которымъ мы до сихъ поръ слѣдовали по морскому льду, вокругъ мыса Столбоваго, былъ уже немислимъ, даже берега покрылись водою, намъ оставалось продолжать дорогу по вершинамъ хребта. У мыса Столбоваго въ ущельѣ, въ которомъ провели ночь, мы зарыли часть нашей клади глубоко подъ снѣгъ, чтобы сберечь ее отъ медвѣдей, затѣмъ поворотили черезъ снѣжную площадь прямо къ хребту, пролегающему вдоль берега и имѣвшему отъ 300 до 900 метр. высоты. На мысѣ „Германи“, подъ $81^{\circ}57'$ сѣв. шир. принуждены были оставить наши сани. Слѣдуя вдоль берега въ сѣверо-восточномъ направленіи, постоянно привязанные къ канату, мы прошли по отрогамъ глетчера, спускающагося громадными уступами влѣво, къ морю. При постоянно возрастающихъ затрудненіяхъ отъ образовавшихся щелей и трещинъ и безпрестанно проваливаясь въ снѣгу, мы дошли къ полудню 12-го августа до $82^{\circ}5'$ сѣв. шир. и рѣшили не продолжать нашего путешествія дальше къ сѣверу.

Мы подняли на мысѣ „Флигели“, при тоекратномъ крикѣ ура! австрійскій флагъ, который еще впервые развѣвался такъ близко къ полюсу. Изъ взятыхъ съ собою запасовъ смѣлане путешественники приготовили себѣ какое то смѣшанное питье; оно состояло изъ рома, кофе и мяснаго экстракта, и было, какъ они увѣрили, очень вкусно. Съ высоты 300 метровъ можно было разсмотрѣть новыя обширныя пространства земли, окружавшія своими горами громадный заливъ, простиравшійся за 83° сѣв. шир. по направленію съ сѣверо-запада на сѣверо-востокъ. Подъ 83° виденъ былъ величественный мысъ, самый сѣверный изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ на земномъ шарѣ: „Мы его называли мысомъ „Вѣны“; онъ находится на землѣ, которая по справедливости должна быть названа „Землею Петерманна“.

Сложивъ, какъ доказательство своего пребыванія, письменный документъ въ щели високаго утеса, путешественники пустились въ обратный путь къ пароходу, остановившемуся далеко къ югу. Такъ какъ они кромѣ палатки и незначительнаго запаса провизіи никакой клади не имѣли, то, идя форсированнымъ маршемъ, вскорѣ соединились съ ожидавшими ихъ со страхомъ товарищами. 17-го апрѣля Орель направился съ большими санями прямо къ югу, между тѣмъ какъ Пайеръ съ меньшими санями, запряженными собаками, двинулся къ сѣверной оконечности острова „Кэна“, намереваясь подняться на мысъ „Гельвальда“. Вершина этого мыса въ 600 метр. вышины, на которую взобрались только съ величайшимъ трудомъ, состоитъ изъ отдѣльныхъ базальтовыхъ утесовъ. При

подъемѣ на другую гору путешественники прошли поперегъ глетчеровъ громаднаго острова „Wiener Neustadt“. Когда достигли подъ $80^{\circ}45'$ сѣв. шир. мыса „Ритера“, то со страхомъ замѣтили, что морская вода вездѣ уже подточила нижній снѣжный пласть; опять обратили вниманіе на темное небо, указывавшее на присутствіе открытой воды, именно у входа въ заливъ „Маркгамъ“. Ночью, лежа на льдинахъ, ясно слышали шумъ напиранія льдовъ и удары бушующаго моря. На другое утро очутились на ледяной горѣ близъ острововъ Хаиса, безъ лодки, передъ открытымъ плесомъ, катившимъ свои волны по направленію къ сѣверу. Изъ южной части залива „Австрія“ образовалось обширное открытое море, волны котораго на цѣлые тридцать шаговъ захватывали ледяное побережье. Послѣ двухъ дней утомительнаго скитанія, при сильной мятели удалось наконецъ обойти эту пропасть по краямъ громадныхъ глетчеровъ и выйти 21-го апрѣля на еще не прерванное сообщеніе по льду съ мысомъ „Франкфуртъ“, чѣмъ и воспользоваться. 26-го апрѣля убѣдились, что льдина, на которой лежалъ пароходъ, еще не тронулась съ того мѣста, гдѣ наши герои ее оставили, т. е. къ югу отъ острова Вильчека.

По возвращеніи къ пароходу должны были дать себѣ нѣсколько дней отдыха, такъ какъ были крайне изнурены вслѣдствіе несообразности сдѣланныхъ усилій со временемъ отдыха, не смотря на то, что сѣвѣе мясо восьми, убитыхъ ими въ пути, медвѣдей въ значительной степени подкрѣпляло ихъ унавашія силы. Отъ восьми до десяти часовъ ежедневно наши путешественники проводили въ тягѣ саней, а для сна у нихъ оставалось всего 5 часовъ. Третья поѣздка, предпринятая Брошемъ, Галлеромъ и Пайеромъ въ началѣ мая, была направлена къ западу. Въ пятидесяти километрахъ отъ парохода, съ высокой горы мыса Брюна они могли убѣдиться, что и въ эту сторону вновь открытая ими земля имѣетъ огромное протяженіе. Западная сторона была видна приблизительно до 46° долготы; она оказалась гористою страной, пересѣченной многочисленными фіордами, съ кряжами и вершинами характера абиссинскихъ горъ, самая высокая точка достигала 1520 метр. вышины. Сплошная масса полярнаго льда покрывала все море къ югу до самаго горизонта,—грустное зрѣлище въ виду предстоявшаго обратнаго плаванія. По окончаніи экскурсіи и по снятіи капитаномъ Вейпрехтомъ базиса неподалеку отъ парохода можно было считать всѣ задачи экспедиціи, при данныхъ условіяхъ, исполненными. Всѣ думали теперь только о возвращеніи въ Европу. Время до отбѣзда было посвящено отдохновенію. Экипажъ парохода „Тегетгофа“ простился съ могилою своего умершаго товарища и съ страной, къ которой, какъ выражается Пайеръ, при-

вела ихъ счастливая прихотьъ льдины, какъ бы пожелавшей облегчить имъ возможность возвращенія на родину безъ подавляющаго разочарованія.

Руководители экспедиціи приступили теперь къ обстоятельнымъ совѣщаніямъ; они взвѣшивали всѣ условія своего положенія,—въ особенности было принято во вниманіе заявленіе врача парохода, д-ра Кенеса о состояніи здоровья команды—и пришли, наконецъ, 20 мая 1874 г., къ грустному заключенію, что они должны бросить свое сокровище, пароходъ „Тегетгофъ“. На четырехъ лодкахъ и четырехъ саняхъ, поднимавшихъ по 18 пудовъ груза и двигавшихся по этому только съ величайшимъ трудомъ, оставили они свой корабль, направляясь къ югу. Всѣ значительныя зоологическія коллекціи, всѣ медвѣжьи шкуры, большая часть продовольственныхъ запасовъ и тысячи другихъ вещей были оставлены на пароходѣ: взяли только то, безъ чего нельзя было обойтись. Вотъ какъ описываетъ Пайеръ свое обратное путешествіе: 20 мая вечеромъ, прибывъ флаги къ кораблю, выступили мы въ обратный путь. Снаряженіе наше было крайне неудовлетворительно, такъ какъ обстоятельства требовали, чтобы мы отказались рѣшительно отъ всякаго удобства. Кромѣ платья, которое было на насъ, и одного одѣяла для снанья не брали ничего лишняго. Глубокій снѣгъ заставлялъ насъ каждое пространство проходить по три раза, такъ какъ грузъ каждыя саней или лодки перевозился въ три приѣма. Дойдя до края береговаго льда, который еще не былъ взломанъ, намъ пришлось перебираться со льдины на льдину, переваливать черезъ узкія щели, трещины и проливы и безпрестанно мѣнять лодки на сани и обратно. Безпрерывный южный вѣтеръ, гоня ледъ, а вмѣстѣ съ нимъ и насъ къ сѣверу, уничтожалъ весь успѣхъ нашего ежедневнаго движенія впередъ, такъ что спустя два мѣсяца послѣ оставленія нами парохода, мы были не далѣе 15 километровъ отъ него. Казалось, что послѣ продолжительной борьбы съ ледяною стихіею намъ придется съ отчаяніемъ въ душѣ вернуться къ пароходу и провести на немъ третью зиму, не имѣя никакой надежды на спасеніе, напротивъ съ увѣренностью въ гибели. Ледъ лежалъ почти сплошною массою и нерѣдко намъ приходилось оставаться цѣлую недѣлю въ ожиданіи, что отероется какая нибудь лазейка и явится возможность продолжать наше плаваніе. Во второй половинѣ іюля вѣтеръ перемѣнился и открылъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду нѣсколько проливовъ и различной величины плесовъ, въ то же время продолжительный дождь ослабилъ силу льдовъ и убавилъ ихъ толщину, такъ что намъ удалось въ теченіе 20 дней подвинуться на 450 километровъ дальше къ югу, то перебираясь по льдинамъ съ

ломами и топорами въ рукахъ, то на веслахъ, то даже иногда подъ парусами. Все убѣждало насъ, что на корабль не было бы никакой возможности даже въ этомъ году добраться до открытой нами земли. Въ началѣ августа мы впервые замѣтили сильное волненіе идущее съ юга, — несомнѣнный признакъ близости открытаго моря. У всѣхъ явилась надежда на спасеніе. Неожиданный, пятидневный плѣнъ во льдахъ угрожалъ намъ новою опасностью, но 13 августа мы опять освободились, а 14-го, добравшись до края полярныхъ льдовъ, подъ необыкновенно сѣверною широтою $77^{\circ}40'$, нами овладѣла нѣкоторая увѣренность, что мы вернемся на родину. Это сѣверное положеніе ледяной границы служило лучшимъ доказательствомъ того, что 1874 годъ былъ чрезвычайно благопріятный по отношенію къ условіямъ льда вообще, чему мы единственно и обязаны нашимъ спасеніемъ. Наше освобожденіе изъ льдовъ было такимъ образомъ послѣднимъ актомъ ряда счастливыхъ развязокъ угрожавшихъ намъ опасностей.

Девяносто шесть дней сряду австрійскіе мореплаватели скитались то на лодкахъ, то на саняхъ, то по водѣ, то по льду, въ невѣдомыхъ странахъ, придерживаясь исключительно указанія магнитной стрѣлки на югъ. Не ранѣе, какъ черезъ три мѣсяца, когда продовольственные запасы ихъ были уже почти на исходѣ, они достигли опять Адмиралтейскаго полуострова Новой земли. 24 августа въ вечеру встрѣтили въ заливѣ Дунень двѣ русскихъ шкуны, занимавшихся тамъ рыболовствомъ. Между русскими промышленниками возгорѣлось благородное соревнованіе, кому изъ нихъ доставить австрійскихъ храбрецовъ по назначенію, пока послѣдніе сами не рѣшили воспользоваться шкуною „Николай“, подъ командой капитана Федора Воронина. Такъ какъ австрійцы желали быть доставленными не въ Архангельскъ, что было бы съ руки русскимъ, а въ Вардэ, то и состоялось соглашеніе объ уплатѣ Воронину 1,200 р. кредитными билетами въ вознагражденіе за предпринимаемый переходъ, сопряженный съ значительною тратою времени. Вмѣстѣ съ этимъ чудеснымъ спасеніемъ австрійцы получили и первыя свѣдѣнія съ родины. Воронинъ вручилъ имъ имѣвшійся у него экземпляръ книжки, напечатанной по распоряженію комитета полярной экспедиціи, съ изложеніемъ вратцѣ исторіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, до марта 1874 года, и, кромѣ того, нѣсколько писемъ отъ друзей и знакомыхъ къ членамъ экспедиціи.

12 дней спустя, а именно 3 сентября, въ 3 часа пополудни, шкуна „Николай“ вошла въ гавань Вардэ. Здѣсь члены экспедиціи простились съ Воронинымъ, подаривъ ему на память три лодки, четвертая была доставлена въ Триестъ, гдѣ она и красуется съ тѣхъ поръ въ мѣстномъ музеѣ, какъ воспоминаніе объ

этомъ замѣчательномъ путешествіи. Прежде всего нашимъ храбрѣ-цамъ пришлось позаботиться о томъ, чтобы себя привести въ болѣе или менѣе приличный видъ. Напряженные усилія въ высшей степени изнурили путешественниковъ, одежда ихъ немногимъ отличалась отъ одежды дикихъ обитателей сѣвера, вкусъ же совершенно притупился отъ постоянного употребленія непривычной пищи. Какъ офицеры, такъ и команда немедленно обзавелись приличною, въ особенности теплою одеждою и, благодаря необычайной распорядительности великодушнаго графа Вильчека, немедленно были снабжены деньгами, которые дали имъ возможность пуститься въ путь на пароходѣ „Финнмаркенъ“ ¹⁾.

Плаваніемъ этихъ героевъ Австрія одержала великую научную побѣду, въ которой многія націи не безъ основанія ей завидуютъ. Австріецъ съ гордостью можетъ смотрѣть на завоеванія своихъ соотечественниковъ на крайнемъ сѣверѣ, украшенные именемъ ихъ любимаго императора—на Землю Франца-Иосифа, которую никакая сила міра не можетъ вырвать изъ лавроваго вѣнка научной славы австрійскаго народа. Возвращеніе тѣхъ, которыхъ уже считали погибшими и въ числѣ которыхъ Пайеръ и Вейпрехтъ блестятъ, какъ звѣзды первой величины на горизонтѣ арктической географіи, вызвало всеобщую радость; путь ихъ отъ крайняго сѣвера Норвегіи до Вѣны былъ по-истинѣ триумфальнымъ шествіемъ. Всѣ спѣшили заявить героямъ-ислѣдователямъ свою радость, по случаю ихъ спасенія, свое уваженіе къ ихъ подвигу. Вполнѣ заслуженно награжденные императоромъ знаками отличія ²⁾, они были встрѣчены во всѣхъ слояхъ общества съ самымъ искреннимъ вниманіемъ. Парижское географическое общество послало особую депутацію, чтобы привѣтствовать экспедицію при ея возвращеніи въ Вѣну. Встрѣча, устроенная членамъ экспедиціи въ столицѣ ихъ отечества и ея населеніемъ, превосходила все, что можно было ожидать. Многіе вѣнценосцы посѣтили всемірную выставку въ австрійской столицѣ, но никто изъ нихъ не можетъ похвалиться подобнымъ приѣмомъ. Въѣздъ австрійскихъ полярныхъ плователей въ Вѣну можетъ быть, по своимъ ованіямъ, сравненъ только съ тѣми празднествами, которыя были устроены Вѣною и ея населеніемъ по поводу двадцати-

¹⁾ Julius Payer: Die österreichisch-ungarische Nordpolexpedition in den Jahren 1872 — 1874 nebst einer Skizze der zweiten deutschen Nordpol expedition 1869—1870 und der Polarexpedition von 1871, съ 146 иллюстраціями и тремя картами. Вѣна 1876 г. 8^о.

²⁾ Какъ Пайеръ, такъ и Вейпрехтъ получили кресты ордена Леопольда, по уставу котораго получившій орденъ вмѣстѣ съ тѣмъ возводится въ дворянское достоинство австро-венгерской монархіи.

пятилѣтія царствованія императора Франца-Юсифа. Въ Германіи подсмѣивались надъ австрійцами и большинство считало вѣнскія празднества, по случаю возвращенія Пайера и Вейпрехта съ товарищами, преувеличенными. Замѣчательно, что именно одна нѣмецкая печать выказала крайнюю сдержанность и ограничилась простымъ холоднымъ заявленіемъ о возвращеніи экспедиціи. Трудно себѣ представить болѣе рѣзкую противоположность между торжественною встрѣчею, устроенною въ Вѣнѣ Пайеру съ товарищами, и тѣмъ приемомъ, который былъ сдѣланъ въ свое время храбрецамъ съ Ганзы, при возвращеніи на родину, послѣ ихъ знаменитаго плаванія на льдинѣ. Независимо отъ того, что естественная оживленность и воспримчивость въ характерѣ австрійцевъ, мы не можемъ согласиться и съ тѣмъ, что чествованіе, котораго удостоились смѣлые моряки, было преувеличено, и что взрывъ народной радости, которымъ они встрѣчены, былъ незаслуженъ. Подобная оцѣнка заслугъ не только служить поощреніемъ для тѣхъ смѣльчаковъ, которые рѣшаются предпринимать подобныя рискованныя экспедиціи на пользу науки, но вмѣстѣ съ тѣмъ является лучшимъ и неопровержимымъ доказательствомъ того, какое высокое значеніе имѣютъ для всѣхъ слоевъ австрійскаго населенія заслуги чисто научнаго характера. Описывая приемъ, сдѣланный имъ Вѣною, Вейпрехтъ чрезвычайно жѣтко и удачно выразился: что это—почетъ, оказанный дѣлу науки со стороны образованныхъ—изъ любви къ ней, со стороны необразованныхъ—изъ уваженія.

Голландцамъ было суждено въ 1879 году вновь увидеть открытую австрійцами землю Франца Юсифа. Немедленно по возвращеніи экспедиціи Нэrsa, въ Голландіи, нѣкогда занимавшей столь выдающееся мѣсто въ дѣлѣ практическаго изслѣдованія полярныхъ странъ, зародилась мысль о необходимости принять опять дѣятельное участіе въ стремленіяхъ новѣйшаго времени на пути изслѣдованія дальняго сѣвера. Въ это же самое время вышла въ свѣтъ книга ¹⁾ американца Рихарда ванъ-Кампена, въ которой доказывалось, что голландцы непременно должны возобновить свои плаванія къ арктическому сѣверу.

Мысль эта пала на плодотворную почву. Вскорѣ составилъ голландскій арктическій комитетъ, въ засѣданіи котораго, собравшемся 17-го ноябля 1877 года въ Гаагѣ, было рѣшено въ маѣ 1878 г. отправить судно въ моря Шпицбергена и Новой Земли, для перваго раза только на одно лѣто. Съ величайшей энергіей было приступлено къ постройкѣ и вооруженію, предназначенной

¹⁾ The Dutch in the arctic Seas. London. 1876. 8°. 2 тома.

для нидерландской полярной экспедиціи, шкуны „Вильяма Барентса“, 85 тоннъ вмѣстимости. Хотя судно это и было деревянное, но его снабдили всѣми приспособленіями, необходимыми для борьбы съ тѣми препятствіями, которыя противопоставляютъ успѣху дѣла полярные льды.

Изъ предосторожности „Вильямъ Барентсъ“ погрузилъ продовольственныхъ запасовъ и всего необходимаго на 18 мѣсяцевъ, на случай, если бы пришлось, противъ чаянія, провести зиму въ полярныхъ странахъ. Команды было всего 12 человекъ, но все народъ отборный и испытанный; начальство надъ судномъ было поручено лейтенанту 1-го класса Брюйне; ему подчинялись два младшихъ офицера, въ числѣ коихъ лейтенантъ Бейненъ, участвовавшій въ 1875 году въ экспедиціи Аллена Юнга на „Пандоръ“, а въ 1876 году крейсировавшій въ Смиттовомъ проливѣ. Онъ былъ, разумеется, одинъ изъ главныхъ поборниковъ арктическихъ предпріятій ¹⁾. Кромѣ этихъ офицеровъ на борту „Вильяма Барентса“ находились: лейтенантъ Спильманнъ, естествоиспытатель д-ръ Слюйтеръ, д-ръ Гимансъ ванъ-Апроой въ качествѣ врача и наконецъ фотографъ англичанинъ Грантъ. Такимъ образомъ нидерландскій трехцвѣтный флагъ, послѣ столѣтняго перерыва, вступилъ опять въ область полярнаго пояса. Достоиню вниманія, что это полярное путешествіе голландцевъ было снаряжено не изъживленіемъ правительства или нѣкоторыхъ богатыхъ людей, а исключительно на средства, добровольно собранныя въ цѣломъ краѣ. Въ полномъ смыслѣ слова: то была голландская нація, которая при поддержкѣ со стороны членовъ своего царственного дома опять выступила на поприще, на которомъ она нѣкогда стяжала себѣ неуваждаемую славу.

6-го мая 1878 года „Вильямъ Барентсъ“ вышелъ въ море изъ Имуйдена, у входа въ новый Амстердамскій каналъ. Экспедиція имѣла главною цѣлью пройти къ сѣверу по пути знаменитаго голландскаго мореплавателя, именемъ котораго украсила себя маленькая шкуна, руководствуясь указаніями современной науки; при этомъ предполагалось сдѣлать многочисленныя магнетическія наблюденія, измѣренія глубины моря и скорости теченія, а равно произвести изслѣдованія въ области естественныхъ наукъ; наконецъ это плаваніе должно было служить приготовленіемъ голландскихъ моряковъ къ позднѣйшимъ предпріятіямъ этого рода. Зайдя въ норвежскій портъ Бергенъ, шкуна вышла оттуда въ море и вскорѣ 18-го мая блистательно выдержала рядъ штормовъ съ сѣ-

¹⁾ Въ 1879 году Бейненъ лишилъ себя жизни на о. Борнео въ припадкѣ горячки.

вера; 7-го іюня показалась гора Ягодная на островѣ Янгъ-Майенѣ, къ которому Вильямъ Барентсъ пытался было пристать, но безуспѣшно. Страшный штормъ заставилъ капитана взять курсъ на сѣверъ. Подъ 72° сѣв. шир., при 10° запад. долг. путешественники встрѣтились съ западною окраиною гренландскаго льда. Вдоль этого льда шкуна поднялась до 80° сѣв. шир., затѣмъ повернула къ Шпицбергену, сѣверный берегъ котораго былъ осмотрѣнъ до залива Виде. Все время дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, такъ что не удавалось удалиться отъ берега болѣе, чѣмъ на 50 километровъ. Поэтому „Вильямъ Барентсъ“ вернулся къ острову Амстердаму, гдѣ 27-го іюня были исправлены находящіеся тамъ голландскія могилы и установлена надгробная плита въ память похороненныхъ ¹⁾. На мѣстѣ обсерваторіи Сабине былъ сдѣланъ рядъ магнетическихъ наблюденій, затѣмъ шкуна повернула на югъ, прошла 6-го іюля мимо острова Принца Чарльса, 15-го числа дошла до Медвѣжьяго острова, забѣжала въ Вардѣ, чтобы сдать почту, и послѣ этого уже, 23-го іюня, направилась къ Новой Землѣ ²⁾. Врѣзываясь двукратно въ ледъ, встрѣченный въ сѣверной части Восточно-Шпицбергенскаго моря, голландцы проникли 3-го августа до $77^{\circ} 51'$ сѣв. шир. при 44 вост. долг., а 8-го августа до $77^{\circ} 44'$ сѣв. шир., при 36° вост. долг., затѣмъ направились къ западному входу въ Маточкинъ Шаръ и поднялись вдоль западнаго берега Новой Земли до Нассау, откуда была сдѣлана третья попытка проникнуть къ сѣверу. На этотъ разъ „Вильямъ Барентсъ“ поднялся по меридіану земли Франца Юсифа (55° вост. долг.), 7-го сентября до $78^{\circ} 17'$ сѣв. шир., откуда пошелъ на западъ и 26-го сентября прибылъ въ Гаммерфестъ ³⁾.

Арктическій комитетъ, снарядившій эту экспедицію голландцевъ, получивъ увѣдомленіе морскаго министерства о томъ, что оно окажетъ всевозможное содѣйствіе второй, снаряженной къ сѣверному полюсу, экспедиціи, рѣшилъ въ маѣ 1879 года еще разъ отправить шкуну „Вильямъ Барентсъ“ въ область арктическихъ странъ. Расходы на это плаваніе, обошедшіеся не менѣе 20,000 гульденовъ, были опять таки покрыты добровольными пожертвованіями въ самой Голландіи. 3-го іюня шкуна „Вильямъ Барентсъ“, подъ командою того же лейтенанта де-Брюйне, отправилась въ походъ,

¹⁾ На ней была надпись: „† In Memoriam. Шпицбергенъ или Нейландъ открытъ голландцами до $79^{\circ} 30'$ сѣв. шир. Здѣсь провели зиму 1633—84 г. Яковъ Сегерсъ изъ Миддельбурга и шестеро другихъ. Здѣсь провели зиму 1633—85 Андриасъ Яасъ изъ Миддельбурга и шестеро другихъ и здѣсь же скончались“.

²⁾ Petermanns Geograph. Mitth. 1872 г., стр. 399.

³⁾ Тамъ же, 1879 г., стр. 35.

который былъ разсчитанъ на 10 мѣсяцевъ. Во время всего этого плаванія погода стояла необыкновенно благопріятная. 13-го іюля шкуна вышла изъ Вардѣ, въ семь дней дошла до границы плавающихъ льдовъ, подъ $76^{\circ} 30'$ сѣв. шир., при 41° вост. долг., а отсюда поворотила опять на югъ. 27—28-го іюля она находилась южнѣе 70° сѣв. шир., близъ острова Калгуева, а 7-го августа вышла къ Маточкину Шару. Эта медленность плаванія объясняется громаднымъ скопленіемъ льдовъ, которые почти ежедневно затирали шкуну и стѣсняли ея движеніе. 13-го августа Вильямъ Барентсъ прошелъ безпрепятственно черезъ Маточкинъ Шаръ, но Карское море было загромождено плавающими льдами, и пришлось вернуться къ заливу Губину, на южной сторонѣ Маточкина Шара и стать на якорь. Здѣсь шкуна встрѣтилась съ возвращавшимся изъ Карскаго моря Исбѣрномъ. Оба судна вышли изъ пролива вмѣстѣ. „Вильямъ Барентсъ“, описывая большую дугу, пошелъ къ сѣверу; 27-го августа онъ обогнулъ мысъ Петерманна, а 29-го былъ у мыса Нассау. На самомъ восточномъ изъ лежащихъ здѣсь Барентсовыхъ острововъ былъ поставленъ привезенный съ собою памятникъ, но далѣе проникнуть къ востоку, до залива Ледянаго, гдѣ зимовалъ Барентсъ, не представлялось никакой возможности, по позднему времени года. Поэтому курсъ былъ взятъ прямо на сѣверъ. Сначала плыли по совершенно свободному, открытому морю, но вскорѣ льдины появились въ громадномъ числѣ и не мало стѣсняли ходъ судна. Въ этомъ направленіи голландцы поднялись до $79^{\circ} (79^{\circ}32' - 79^{\circ}49')$ сѣв. шир., при $54^{\circ} 20'$ восточн. долг. 7-го сентября 1879 г. показалась, на разстояніи 30 километровъ приблизительно ¹⁾, южная часть Земли Франца Іосифа, высокія снѣжныя горы на островѣ Макъ-Клинтока, въ первый разъ со времени ихъ открытія. Шкуна приблизилась къ ледяному поясу, обнимавшему упомянутый островъ, на разстояніи одного километра, но, не сдѣлавъ даже попытки пристать къ берегу, немедленно поворотила на югъ, потому что предвидѣлась неблагопріятная погода, что и подтвердилось на обратномъ пути. Плаваніе было чрезвычайно бурное. 28-го сентября „Вильямъ Барентсъ“ вошелъ въ портъ Гаммерфестъ и вскорѣ послѣ того вернулся въ Имуйденъ ²⁾.

По новѣйшимъ извѣстіямъ, англійской паровой яхтѣ „Eiga“ удалось приблизиться 14-го августа 1880 года къ землѣ Франца Іосифа. Яхта слѣдовала вдоль берега на западъ до 45° вост. долг.

¹⁾ По показаніямъ другихъ на разстояніи $7\frac{1}{2}$ километровъ.

²⁾ Petermann's Geograph. Mitth. 1880 г. стр. 21.

при $80^{\circ}20'$ сѣв. шир. Съ послѣдняго пунета можно было прослѣ-
дить протяженіе этой земли еще на 60 километровъ, по направ-
ленію къ сѣверо-западу.

Спасеніе австро-венгерской экспедиціи.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ И КАРСКОЕ МОРЕ.

В АСТЬ Ледовитаго океана, заключающаяся между островом Новою Землею и материкомъ Сибири, т. е. Самойдскимъ полуостровомъ Ямаломъ, называется Карскимъ моремъ. Съ запада оно доступно только на томъ пространствѣ, которое пролегаетъ между южною оконечностью острова Новой Земли и материкомъ Европы. Это пространство раздѣляется островомъ Вайгачомъ на два пролива, сѣверный, такъ называемыя Желѣзные Ворота, и южный, Югорскій Шаръ или проливъ Вайгачъ. Оба пролива приобрѣли историческую извѣстность по тѣмъ усиленнымъ попыткамъ, которые были сдѣланы въ XVI столѣтіи съ цѣлью открыть сѣверо-восточный проходъ въ Тихій океанъ или, по крайней мѣрѣ, возможность сообщенія съ устьями рѣки Оби. Попытки эти не удались вслѣдствіе того, что ледъ Карскаго моря не позволялъ проникнуть на сѣверо-востокъ. Нашъ знаменитый академикъ Карлъ Максимовичъ Бэръ назвалъ Карское море ледникомъ сѣвернаго полюса, потому что кромѣ льда, образующагося въ немъ ежегодно, оно принимаетъ также всю массу льдовъ, посылаемую рѣками Обью и Енисеемъ: льды эти, не имѣя возможности, вслѣдствіе узкости проливовъ, двинутся дальше, скопляются здѣсь въ громадномъ количествѣ. Словамъ ученаго приписали совершенно ошибочное значеніе, будто Карское море вполнѣ недоступно для судоходства ¹⁾. Въ теченіи многихъ лѣтъ, русскіе моряки пытались пробраться изъ Архангельска

¹⁾ Академикъ Бэръ возражалъ противъ ошибочнаго толкованія своихъ словъ; см. „Ausland“ 1876 г. стр. 217 — 219. Называя Карское море ледникомъ, онъ хотѣлъ только этимъ выразить, что оно холодитъ и дольше задерживаетъ льды, чѣмъ сосѣднее западное (восточно-Шпицбергенское) море, что, разумѣется, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

къ устью р. Оби. Два офицера, которымъ это наконецъ удалось,—они употребили 4 года на плаваніе туда и обратно—стязали себѣ громкую славу имя въ исторіи землеѣдѣнія. Адмиралъ Литке четыре раза старался проникнуть въ Ледовитый океанъ, но всякій разъ возвращался не достигнувъ даже сколько нибудь значительныхъ сѣверныхъ широтъ. Въ 1862 году русское правительство отправило два судна съ порученіемъ пройти отъ устья р. Печоры, по Карскому морю, до р. Енисея. То были: гоlette „Ермакъ“ въ 150 тоннъ вмѣстимостью и крытый шлюпъ „Эмбрио“ въ 17 тоннъ, съ тридцатью человекѣми команды, подъ начальствомъ лейтенанта Крузенштерна. Оба судна вышли 12 августа 1862 года изъ деревни Квиі, лежащей на берегу Печоры. 26 августа достигли пролива Вайгача, который былъ совершенно свободенъ отъ льдовъ, но зато Карское море представляло безнадежное зрѣлище: оно было до того переполнено льдомъ, что дальнѣйшее движеніе представлялось немислимымъ. На другой же день рѣшили вернуться опять въ проливъ Вайгачъ, и сдѣлать новую попытку черезъ Желѣзные Ворота. Но нигдѣ морякъ не зависить такъ отъ вѣтра и погоды, какъ въ полярномъ морѣ. „Ермакъ“ былъ вскорѣ затертъ льдами, направлявшимися въ Карское море; только шлюпу, который могъ пользоваться всякою лазейкою, удалось ускользнуть во-время. 25 сентября онъ вернулся въ Квиі, между тѣмъ какъ „Ермакъ“ былъ увлеченъ льдами по направленію къ востоку. 14 сентября на „Ермакъ“ оказалась сильная течъ, что и вынудило капитана Крузенштерна, не смотря на принятые мѣры, бросить судно 21 сентября подъ 69°57' сѣв. шир. и 66°2' вост. долг., предоставивъ его своей участи. Потерпѣвшіе крушеніе совершили сказочный переходъ по льдамъ до самаго Самоѣдскаго полуострова ¹⁾).

Немного лѣтъ спустя настало время открытія судоходства по Карскому морю. Оно начинается плаваніемъ двухъ англичанъ, братьевъ Паллисера, проводившихъ въ 1868 году три мѣсяца на островѣ Шпицбергенѣ не столько изъ корыстныхъ или промышленныхъ цѣлей, сколько изъ любви къ своему дѣлу: братья Паллисеръ были китоловы. На Шпицбергенѣ имъ не посчастливилось: во время всего своего пребыванія тамъ они не убили ни одного бѣлаго медвѣдя. Поэтому рѣшили въ слѣдующемъ году опять побывать въ полярномъ морѣ, но уже направиться прямо къ менѣе посѣщаемой промышленниками Новой Землѣ. Въ 1869 году капитанъ Паллисеръ, выйдя очень поздно изъ Трондъема, пришелъ къ Новой Землѣ только въ концѣ іюня. Онъ поднялся на полградуса сѣвернѣе

¹⁾ Подробности этого страшнаго перехода описаны въ „Ausland“ 1863 г. на стр. 1033—1035.

мыса Нассау, когда сильный юго-западный вѣтеръ разбилъ и совершенно разогналъ весь ледъ. Паллисера полагаетъ, что онъ тогда же могъ бы очень легко обойти кругомъ всего острова, но ему помѣшало крушеніе рыбацкой лодки, люди съ которой были имъ спасены и приняты на бортъ его шкуны. Поэтому онъ спустился южнѣе, къ Маточкину Шару, въ которомъ также не было льду, равно какъ и восточнѣе, въ Карскомъ морѣ. Паллисера прошелъ черезъ проливъ и направился поперекъ возбуждавшаго некогда одинъ ужасъ Карскаго моря, прямо къ полуострову Ялмалу. Онъ достигъ сѣверной его оконечности на разстояніи 5—6½ километровъ отъ острова Бѣлаго, кругомъ котораго намѣревался обойти, въ надеждѣ попасть въ Обскую губу, но море оказалось здѣсь настолько мелкимъ, что онъ рѣшилъ вернуться. Обратный путь его былъ черезъ Югорскій шаръ, а отсюда черезъ Тромзъ въ Трондъемъ, куда онъ и прибылъ благополучно въ сентябрѣ. Плаваніе Паллисера обратило на себя всеобщее вниманіе, въ особенности всѣ были поражены тѣмъ фактомъ, что въ 1869 г. страшное море къ востоку отъ Новой Земли было свободно отъ льдовъ именно въ то самое время, когда по западной его сторонѣ, до восточнаго берега Гренландіи, условія льда были въ высшей степени неблагоприятны. Эти исключительныя обстоятельства вполнѣ и неожиданно подтвердились плаваніемъ, совершеннымъ. Въ томъ же году смѣльнымъ моржеловомъ Карлсеномъ ¹⁾, обошедшимъ весь Шпицбергенъ и побывавшимъ въ водахъ, омывающихъ сибирскій берегъ. На маленькомъ парусномъ шлюпѣ Карлсенъ прошелъ изъ Гаммерфеста черезъ проливъ Вайгачъ въ Карское море, къ острову Бѣлому, у устья р. Оби, не встрѣтивъ ни одной льдины и не выдавши на всемъ протяженіи, вдоль всего сибирскаго берега, даже слѣдовъ льда. Сибирскій берегъ, вдоль котораго направлялся Карлсенъ невысокъ и покрытъ кустарникомъ, море на довольно большое разстояніе отъ берега имѣетъ не болѣе 7—10 метр. глубины, дно покрыто иломъ ²⁾). Одновременно пришло извѣстіе изъ Петербурга о томъ, что купецъ Сидоровъ, отправившійся на своемъ пароходѣ черезъ Ледовитое море къ устьямъ Оби, благополучно достигъ своей цѣли и прошелъ, ко всеобщему удивленію, въ Обскую губу и далѣе вверхъ по рѣкѣ.

Плаваніе Паллисера и Карлсена, какъ они ни были замѣчательны сами по себѣ, значительно уступаютъ по достигнутымъ результатамъ плаванію норвежца Іоганнесена, прошедшаго на шкунѣ „Нордлэндъ“ два раза по Карскому морю, не встрѣтивъ

¹⁾ Petermanns Geograph. Mitth. 1869 г. стр. 391—392.

²⁾ Petermanns Geograph. Mitth. 1869 г. стр. 352.

нигдѣ препятствій со стороны льда, даже не видавъ ледяныхъ массъ, достойныхъ какого либо вниманія. Плаваніе Іоганнезена въ теченіи мая, іюня, іюля и августа 1869 г. уничтожило послѣдній страхъ передъ пресловутымъ Карскимъ „Ледникомъ“. 31 мая 1869 года Іоганнезенъ пришелъ къ Новой Землѣ и всталъ на якорь на южной сторонѣ острова Междушарскаго; 3 іюня онъ спустился къ югу до Кабаньяго носа, откуда вернулся обратно. Идя вдоль западнаго берега Новой Земли, онъ прошелъ мимо залива Моллера, Маточкина Шара, Сухаго Носа, Крестовой Губы, Адмиралтейскаго Полуострова, Крестовыхъ и Панкратьевскихъ острововъ до мыса Нассау, не встрѣтивъ нигдѣ сплошнаго льда, изрѣдка только ему попадались отдѣльныя плавающія льдины. У мыса Нассау сильное теченіе къ востоку заставило Іоганнезена, поверотивъ назадъ, спуститься къ Маточкину Шару, который онъ и прошелъ въ теченіи 17 и 18 іюля. Войдя въ Карское море, онъ и тутъ не нашелъ льдовъ, воздухъ былъ не рѣзкій и судно безпрепятственно дошло до острова Вайгача, затѣмъ, поднявшись опять до мыса Меньшикова на Новой Землѣ, пересѣкло южную часть Карскаго моря по направленію къ Шарайовымъ Кошкѣмъ, близъ мыса Харасова на Самоѣдскомъ полуостровѣ. 3 августа Іоганнезенъ направился вдоль западнаго берега Ялмала и достигъ 7-го острова Бѣлаго. Отъ сѣверо-западной оконечности этого острова Іоганнезенъ взялъ курсъ на сѣверо-западъ и въ этомъ направленіи достигъ 15 августа 75° сѣв. шир. По качеству воздуха онъ могъ заключить, что и къ сѣверо-востоку вовсе нѣтъ льду, а къ сѣверу очень мало. Тѣмъ не менѣе онъ взялъ курсъ на юго-востокъ и подошелъ 21 августа къ восточному берегу Новой Земли. На обратномъ пути энергичный морякъ прошелъ мимо мыса Дальнаго,—самой сѣверной точки, усмотрѣнной Пахтусовымъ, затѣмъ направился къ острову Пахтусову, а оттуда къ Маточкину Шару; 1 сентября онъ дошелъ до Карскихъ воротъ. Это плаваніе Іоганнезена тѣмъ замѣчательнѣе, что со времени Барентса (1596—97) почти 300 лѣтъ ни одинъ образованный плаватель не подходилъ такъ близко къ сѣверо-восточной оконечности Новой Земли. Въ теченіи всего плаванія Іоганнезенъ дѣлалъ измѣренія глубины, которыя доказываютъ, что Карское море вообще не глубоко. Мѣстами лотъ показывалъ 10 метровъ, въ особенности у Бѣлаго острова; только въ двухъ мѣстахъ нашли глубину въ 182 и 188 метр.. Морское дно почти вездѣ песчаное, иногда же илъ съ глиной.

Еще большаго вниманія заслуживаетъ плаваніе Іоганнезена, совершенное имъ въ 1870 г., въ томъ отношеніи, что въ этомъ году онъ обошелъ кругомъ всего двойнаго острова Новой Земли, а къ

востоку доходилъ до устьевъ рр. Оби и Енисея, не встрѣтивъ нигдѣ препятствій со стороны льда.

Иоганнезенъ вышелъ изъ Тромзэ 11 апрѣля 1870 г., 14 числа былъ въ Вардэ, а отсюда пошелъ прямо на востокъ къ Новой Землѣ. 22 числа онъ былъ уже въ виду мысовъ Чернаго и Кушного. 12 іюня Иоганнезенъ прошелъ черезъ Желѣзные ворота; миновавъ сѣверо-восточную оконечность острова Вайгача и мысъ Идоловъ, онъ поворотилъ на юго-востокъ къ Карской губѣ, по которой спустился до $69^{\circ}10'$ сѣв. шир., а затѣмъ, поворотивъ на сѣверъ, прошелъ по западному берегу полуострова Ялмала. 4 августа у Шарановыхъ Кошекъ подъ 71° сѣв. шир. замѣчены небольшія льдины, къ западу-же Карское море было совершенно свободно. Подъ $72^{\circ}40'$ Иоганнезенъ перерѣзалъ Карское море поперекъ, въ сѣверо-западномъ направленіи къ Новой Землѣ, чтобы запастись тамъ наносными дровами. 17 августа показался мысъ Дальній, льду вовсе не было; 22 числа Иоганнезенъ пересѣкъ во второй разъ все Карское море отъ мыса Дальнаго до острова Бѣлаго. Послѣ этого онъ сдѣлалъ въ три дня, не смотря на свѣжій вѣтеръ, 370 километровъ въ сѣверо-восточномъ направленіи по Сибирскому морю, до 70° вост. долг., при $76^{\circ}13'2''$ сѣв. шир., встрѣтивъ ледъ только въ одномъ мѣстѣ. 1 сентября подъ $74^{\circ}39'$ сѣв. шир. при $73^{\circ}10'$ восточн. долг. нашелъ онъ при глубинѣ 55 метр. сильное теченіе къ сѣверу, воду буроватую, но не мутную, не холодную и почти прѣсную, такъ что набралъ нѣсколько бочекъ для питья. Достигнувъ 79° восточн. долготы, Иоганнезенъ новоротилъ къ Новой Землѣ, къ которой и подошелъ послѣ необыкновенно быстрого перехода по совершенно открытому, свободному отъ льдовъ, морю, 3 сентября (у мыса Флисинскаго). Сѣверо-восточный берегъ Новой Земли возвышенъ, но не гористъ. Наноснаго лѣсу было много, нашлись также остатки рыбацкихъ принадлежностей: по всему вѣроятію, онѣ были занесены туда гольфштромомъ съ острововъ Лофоденскихъ или Финмарка. Пробывъ до 9-го сентября у сѣверо-восточнаго берега Новой Земли, Иоганнезенъ обогнулъ сѣверные мысы этого острова, причемъ не встрѣтилъ льда до $77^{\circ}18'$ сѣв. шир., затѣмъ направился вдоль сѣверо-западнаго берега, до сѣвернаго залива Сульменьева, въ которомъ 13 сентября всталъ на якорь, чтобы исправиться въ виду большого перехода въ Норвегію. 15 сентября судно опять подняло паруса и 4 октября вошло въ гавань Тромзэ.

Такимъ образомъ Иоганнезенъ совершилъ то, чего ни одинъ мореплаватель до него еще не исполнилъ. Независимо отъ этого лѣтнее плаваніе Иоганнезена само по себѣ чрезвычайно важно въ томъ отношеніи, что вслѣдствіе сдѣланныхъ во время этого

плаванія наблюдений и съемокъ сѣверо-восточная часть Новой Земли получила совершенно другую форму. Положеніе мыса Нассау на основаніи наблюдений Іоганнезена также получило совершенно инныя очертанія, равно какъ и все побережье мыса Флисинскаго,—самой восточной оконечности Новой Земли. Мысъ Нассау представляетъ плоскую возвышенность со снѣжными полями; въ 60 или 75 километр. къ югу отъ этого мыса громадный глетчеръ выходитъ въ море и оканчивается здѣсь отвѣсною стѣною. Показанные на картахъ къ юго-западу отъ мыса Нассау острова лежатъ на сѣверо-западѣ отъ него. Ихъ всего три острова и нѣсколько утесовъ. Отъ мыса Нассау берегъ тянется въ юго-восточномъ направленіи, не представляя никакихъ значительныхъ бухтъ, вѣступовъ или мысовъ; разстояніе отъ мыса Флисинскаго всего 60—75 километровъ¹⁾. Обсуждая эти изслѣдованія, Петерманнъ по справедливости могъ сказать о плаваніи Іоганнезена, „что оно представляетъ самое важное географическое приобрѣтеніе въ предѣлахъ восточной половины европейскаго сѣвернаго океана, со времени трехъ голландскихъ экспедицій подъ начальствомъ Барентса въ 1594—1597“²⁾.

Еще пять другихъ норвежскихъ капитановъ: Торкильдсенъ (сначала на шкунѣ „Альфъ“, а потомъ на „Исландіи“), Ульве (шкуна „Самсонъ“), Макъ (шкуна „Полярная звѣзда“), Квале и Недревагъ (яхта „Іоанна Марія“) съ апрѣля до сентября 1870 г. предприняли не менѣе значительныя плаванія къ Новой Землѣ и по Карскому морю, доставивъ цѣлую массу весьма интересныхъ наблюдений³⁾. Эти наблюденія норвежцевъ впервые даютъ возмож-

¹⁾ Ausland. 1871 г. стр. 22.

²⁾ Petermann's Geograph. Mitth. 1871 г. стр. 232.

³⁾ Первое плаваніе совершилъ капитанъ Торкильдсенъ на „Альфъ“, выйдя 10 марта 1870 г. изъ Трондъема. Онъ пришелъ слишкомъ рано къ Карскому морю. 24 іюня капитанъ прошелъ Карскій проливъ (Желѣзныя Ворота), но проникнуть тотчасъ же далѣе, къ востоку, по Карскому морю ему не удалось изъ-за льдовъ. Въ началѣ іюля разразилась сильная гроза, температура поднялась до +17°5' Ц. и Торкильдсенъ могъ пройти въ глубь Карской губы, гдѣ шкуна „Альфъ“ потерпѣла 13 іюля крушеніе. 22 іюля Торкильдсенъ принялъ командованіе другою шкуною „Исландію“, на которой онъ до 8 августа плавалъ по восточной сторонѣ Карскаго моря, вдоль Самоѣдскаго полуострова, до острова Вѣлаго. Обратно онъ прошелъ опять черезъ Карскій проливъ (17 августа).

Третье плаваніе совершилъ капитанъ Ульве на шкунѣ „Самсонъ“. Выйдя 16 апрѣля, онъ вынужденъ былъ изъ-за льдовъ продержаться болѣе шести недѣль (до 3 іюня), между Каннинимъ Носомъ и Гуслинимъ мысомъ. Около Новой Земли ледъ исчезъ 2 іюня, вслѣдствіе чего Ульве занялся здѣсь ловомъ моржей и тюленей, поднимаясь по волюной водѣ до 74° сѣв. шир. 8 и 9 іюля подъ 74°5' сѣв. шир. была сильная гроза при температурѣ +10°. 19 іюля подъ 76° сѣв. шир. у острововъ Горбатыхъ Ульве встрѣтилъ не только наносный лѣсъ, какъ-то:

«Въ обл. лѣсн. лѣдъ».

ность составить себѣ представленіе о днѣ Карскаго моря, которое къ юго-западу менѣе глубоко, нежели въ сѣверо-западной его части; подвигаясь къ сѣверу, глубина быстро увеличивается. Сдѣланныя наблюденія надъ температурою воздуха и моря подтвердили протязженіе гольфштрёма до сѣвернѣйшихъ широтъ. Главнѣйшее значеніе норвежскихъ плаваній состоитъ въ томъ, что ими доказано ежегодное совершенное исчезновеніе льдовъ на всемъ пространствѣ Карскаго моря. 1869 годъ считался исключительно благоприятнымъ для плаванія, теперь же пришлось убѣдиться, что Карское море ежегодно доступно для судовъ только въ извѣстное время. „Въ виду добытыхъ результатовъ — писалъ профессоръ Пешель — свѣдущій человѣкъ не можетъ не засмѣяться. Все, что до сихъ поръ было намъ сообщено о Новой Землѣ и о Карскомъ морѣ, оказывается грубою, постыдною мистификаціею. Англичане и голландцы подходили къ Желѣзнымъ Воротамъ и къ Югорскому Шару, входили въ нихъ, даже выходили нѣсколько миль за предѣлы острова

лиственницы и сосны, но еще различныя рыбацкія принадлежности, употребляемыя на Лофоденскихъ островахъ, что служило очевиднымъ доказательствомъ протязженія гольфштрёма до сѣверныхъ частей Новой Земли. 31 іюля шкуна „Самсонъ“ находилась близъ мыса Нассау, подъ $76^{\circ}34'$ сѣв. шир. при $62^{\circ}34'$ вост. долг., температура воздуха была $+0^{\circ}88'$, а моря $+0^{\circ}63'$ Ц., льда нигдѣ не было видно. Пройдя нѣсколько еще въ сѣверо-западномъ направленіи, Ульве повернулъ назадъ. 6 августа онъ былъ уже опять у Маточкина Шара, гдѣ видѣлъ на Новой Землѣ „прекрасно-растущіе цвѣты и траву 45 стп. вышины“. 8 августа Ульве прошелъ черезъ Маточкинъ Шаръ въ совершенно свободное отъ льдовъ Карское море и достигъ Бѣлаго острова. До 21 августа нигдѣ не видали льдовъ, а на слѣдующій день „Самсонъ“ сдѣлалъ съ востока на западъ по Карскому морю 270 километровъ. 26 августа онъ находился у Желѣзныхъ воротъ, не встрѣтивъ нигдѣ льду!

Четвертая шкуна „Полярная Звѣзда“ вышла подъ командою капитана Мака 4 апрѣля изъ Тромсэ; прокрейсировавъ въ Ледовитомъ океанѣ, она пришла въ концѣ іюня къ устью Печоры, откуда поднялась по западному берегу Новой Земли до Маточкина Шара, который, впрочемъ, 5 іюля былъ еще на одну треть загроможденъ льдами. Поэтому Макъ направился къ сѣверу, гдѣ выдержалъ 8 и 9 іюля сильныя грозы, затѣмъ 14 іюля повернулъ опять на югъ и прошелъ черезъ освободившійся между тѣмъ отъ льдовъ Маточкинъ Шаръ и Матвѣевъ проливъ въ Карское море, въ которомъ крейсировалъ съ 26 іюля до 21 августа между островами Вайгачемъ и Бѣлымъ, причѣмъ только три раза видалъ отдѣльныя льдины.

Самымъ интереснымъ плаваніемъ мы обязаны капитану Квалле на лхтѣ „Іоаннѣ Маріи“, вышедшей 4 іюня изъ Вардѣ. При сильныхъ грозахъ она прошла 10 іюля черезъ Югорскій Шаръ въ Карское море, встрѣтивъ, на своемъ пути только отдѣльныя льдины. 12 августа лхта была уже у Бѣлаго острова. Достигнувъ 75° сѣв. шир., Макъ взялъ курсъ еще на востокъ до $74^{\circ}53'$ вост. долг., слѣдовательно за меридіанъ устья р. Оби. Оттуда онъ повернулъ назадъ, перерѣзалъ Карское море, причѣмъ видѣлъ ледъ только въ одномъ мѣстѣ, а 21 августа прошелъ черезъ Маточкинъ Шаръ обратно въ Норвегію.

Вайгача, но только и видѣли, что недоступный ледникъ, и, возвращаясь оттуда, повторяли всѣмъ, которые хотѣли попытаться счастья: „*lasciate ogni speranza!*“ Приходитъ 1869 годъ, Иоганнсенъ и Паллисеръ проникаютъ въ Карское море и знакомятся съ самоѣдскимъ полуостровомъ Ялмаломъ, поразившимъ ихъ разнообразіемъ своихъ полевыхъ цвѣтовъ. Мы успокоиваемъ себя тѣмъ, что это лѣто—небывалое исключеніе, но потъ наступаетъ 1870 годъ! и онъ оказывается не менѣе благопріятнымъ. Карское море посѣщается многими промышленными судами, встрѣченными тамъ сильными грозами. Короче, остается сознаться, что недоступность Карскаго моря—чистый вымыселъ, что оно можетъ служить для рыболовства, но не ледникомъ ¹⁾“. Тѣмъ не менѣе Колдевей счелъ нужнымъ тогда же напечатать слѣдующее: „изъ того обстоятельства, что норвежскіе промышленники побывали одинъ разъ въ Карскомъ морѣ, нельзя еще сдѣлать никакого опредѣленнаго вывода и крайне сомнительно, можно ли пройти до сѣвернаго мыса Сибири, до Ново-Сибирскихъ острововъ, даже до Берингова пролива или, наконецъ, проникнуть значительно дальше къ сѣверу“. Славное плаваніе Норденшельда показало, насколько основательны подобныя заявленія.

Неудача, которую испыталъ Гейглинъ въ 1871 г., при своемъ второмъ путешествіи въ полярныя страны, отнюдь не измѣняетъ заключенія о доступности Карскаго моря. Альбертъ Розенталь, продолжавшій всѣми зависящими отъ него средствами содѣйствовать арктическимъ изслѣдованіямъ не столько изъ промышленныхъ цѣлей, сколько въ видахъ чисто научныхъ, законтрактовалъ пароходъ „Германію“, служившій второй нѣмецкой экспедиціи въ арктической океанъ, съ цѣлью проникнуть черезъ Карское море въ сибирскія воды. Капитаномъ судна Розенталь назначилъ норвежца Якова Мельсома, изъ Тенсберга, участвовавшего въ плаваніи „Улея“ по Сѣверному океану въ 1870 г.; хозяйственной частью на „Германію“ заведывалъ Штилле, а представителями науки были: Гейглинъ и молодой норвежскій ученый, Аагаръ. Весь экипажъ состоялъ изъ 22 человекъ; продовольствіемъ запаслись на 15 мѣсяцевъ; конечно не были забыты и необходимыя научныя пособія. 25-го іюня 1871 г. „Германія“ вышла изъ Бремергафена, зашла сперва въ извѣстный по снаряженію китоловныхъ судовъ портъ Тенсбергъ и затѣмъ въ Тромзэ, откуда выступила 23-го іюля съ тѣмъ, чтобы идти прямо къ Новой Землѣ. Будучи задержана противнымъ вѣтромъ, она только 5-го августа достигла Новой Земли и тотчасъ же сдѣлала попытку проникнуть черезъ Маточкинъ Шаръ въ Карское море. Здѣсь „Германія“

¹⁾ Ausland 1871 г., стр. 263—264.

встрѣтилась съ судами трехъ братьевъ Іоганнезенъ, которые на-
мѣревались также проѣхать въ Карское море. Изслѣдуя извилистый
проливъ въ различныхъ направленіяхъ, „Германія“ нашла восточ-
ный его выходъ загромажденнымъ плотнымъ льдомъ, такъ что
должна была поворотить назадъ и спуститься къ югу, вдоль Гу-
синого берега, представляющаго ровную, наклонную къ югу плоскую
возвышенность отъ 100 до 130 метровъ вышины. 22-го августа
„Германія“ достигла Костина Шара, а на другой день пришла къ
устью рѣки Нехватовой, прозрачная вода которой на десятки верстъ,
вверхъ по теченію, солоновата и потому считается однимъ изъ луч-
шихъ мѣстъ для лова цѣнныхъ въ торговлѣ лососей (*Salmo alpinus*).
Берегъ Новой Земли въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно однообразенъ,
состоя изъ голыхъ отвѣсныхъ утесовъ, образующихъ громадное
количество небольшихъ заливовъ и бухтъ. У устья Нехватовой
экспедиція простояла недолго. Къ вечеру 24-го августа Мельсомъ
пошелъ къ Югорскому Шару, надѣясь черезъ него пробраться въ
Карское море. На пути туда „Германія“ набѣжала 30-го августа
въ неглубокой, но обширной губѣ „Лямчина“, на югозападномъ
берегу острова Вайгача, на мель, съ которой ей удалось сняться
только 1-го сентября. Этою задержкою воспользовались для изслѣ-
дованія острова Вайгача. Ученныя экскурсіи продолжались и съ
устья рѣки Никольской на европейскомъ берегу Югорскаго Шара,
гдѣ пароходъ всталъ на якорь 1-го сентября. Каждая поѣздка
на Вайгачъ давала богатую добычу. Южный берегъ Югорскаго
Шара представляетъ плоскость, съ незначительными повышеніями;
только къ востоку и къ югу тянутся не очень высокіе горные
хребты въ сѣверо-западномъ направленіи. Въ Югорскомъ проливѣ,
который, впрочемъ, мѣстами такъ мелокъ, что плаваніе по немъ
судовъ большого размѣра немыслимо, „Германія“ не была счаст-
ливѣе, чѣмъ въ Маточкиномъ Шарѣ. 7-го сентября сдѣлали еще
разъ попытку пройти черезъ Карскія ворота, но опять таки без-
успѣшно, потому что страшной величины льдины неслись съ зна-
чительною быстротою къ западу, не позволяя выйти въ море.
Какъ паруса, такъ и паровая сила „Германіи“ уже съ самаго на-
чала плаванія не удовлетворяли требованіямъ арктическаго пла-
ванія; въ виду того, что столько времени было уже потеряно со-
вершенно даромъ, капитанъ Мельсомъ сомнѣвался, чтобы онъ
могъ достигнуть устья рѣки Оби до наступленія морозовъ. Во-
преки совѣту Гейглина, который желалъ еще изслѣдовать южную
часть Новой Земли, Мельсомъ пустился въ обратный путь. 20-го
сентября „Германія“ вошла въ портъ Тромзэ ¹⁾.

¹⁾ Petermann's Geogr. Mitth. 1872., стр. 21—31. Борѣе подробно это опи-

Крайне было бы опрометчиво изъ неудачи Гейглина вывести заключение о недоступности Карскаго моря для плаванія. Неправильность подобныхъ предположеній была въ томъ же году блистательно опровергнута свѣдѣніями, доставленными норвежскими моряками. Первымъ явился на спорномъ мѣстѣ капитанъ Макъ. Онъ вышелъ на голетѣ „Полярная Звѣзда“ изъ Тромзэ 22 мая 1871 г., благополучно достигъ Костина Шара, а затѣмъ перешелъ въ заливъ Крестовый. Значительную часть своего пребыванія у береговъ Новой Земли, а именно съ 3 іюля до 2 августа, онъ провелъ подъ $76^{\circ}20'$ сѣв. и $63^{\circ}54'$ вост. долг. отъ Гринича, около группы весьма интересныхъ острововъ, которые еще не значились ни на одной картѣ. По картамъ того времени эти острова лежали бы на самой Новой Землѣ. При тщательномъ соображеніи курсовъ голландскихъ экспедицій 1594—1597 годовъ оказалось, что именно въ этомъ мѣстѣ тогда находилась песчаная коса 33 метровъ длины; ее открыли и измѣрили 27 іюля 1594 года, во время первой голландской экспедиціи; отъ косы до берега Новой Земли въ южномъ направленіи было 91 и 106 метровъ. Макъ нашелъ на этихъ островахъ стеклянные шары и другія принадлежности рыболовства, употребляемая обыкновенно норвежцами, затѣмъ одинъ бобъ вестиндскаго стручковаго растенія *Entada gigalobium*, что служить несомнѣннымъ доказательствомъ того, что гольфштромъ достигаетъ этихъ широтъ. Норвежцы весьма основательно назвали эту группу островами Гольфштрома; главные острова группы—„Гельвальдъ“ (самый большой) и „Браунъ“, всѣ остальные очень малы. „Острова, какъ пишетъ капитанъ Макъ въ своемъ дневникѣ, лежатъ въ шести миляхъ (морскихъ) къ сѣверу отъ Новой Земли, состоятъ изъ песку и каменныхъ породъ, совершенно голы и лишены признаковъ растительности; на поверхности повсюду раскиданы раковины“. Нѣсколько человекъ экипажа „Полярной Звѣзды“, переправившись въ лодкѣ на берегъ, поднялись тамъ 23-го іюля на гору въ 600 метровъ вышины, откуда ясно могли рассмотреть пониженіе острова Новой Земли къ Карскому морю и различить мысъ Нассау и большой Ледяной мысъ. Ширину острова они опредѣлили въ 50—60 метровъ, что въ послѣдствіи и подтвердилось. Со 2-го августа Макъ держалъ постоянно курсъ на востокъ, 20 числа онъ дошелъ до мыса Гофъ-Гёка, положеніе котораго астрономически опредѣлилъ подъ $76^{\circ}34'$ сѣв. шир. и $67^{\circ}20'30''$ восточн. долг. 3 сентября Макъ послалъ лодку въ гавань Ледяную, гдѣ зимовалъ Барентсъ. Море было вездѣ свободно и замѣ-

сано во II части сочиненія Гейглина: „Reisen nach dem Nordpolarmeer in den Jahren 1870—71.“

чалось сильное течение; льдовъ не встрѣчали уже съ 10 августа. Держась между 75° и 76° сѣверной широты, Макъ дошелъ до $81^{\circ}11'$ вост. дол., за меридіанъ устья р. Оби; слѣдовательно подвинулся къ востоку далѣе чѣмъ кто либо до него. 15 сентября недостатокъ въ продовольственныхъ запасахъ вынудилъ „Полярную Звѣзду“ вернуться. Обратное плаваніе было такъ-же успѣшно. Снабженный необходимыми инструментами, Макъ могъ снять на карту сѣверо-восточный берегъ Новой Земли, а именно часть отъ мыса Маврикія, самой сѣверной точки Новой Земли, до мыса Бисмарка, между $76^{\circ}57'$ и $76^{\circ}22'$ сѣв. шир. при $67^{\circ}15'$ восточн. долг. Съёмка Мака значительно измѣняетъ положеніе сѣверной части Новой Земли, которую до него ограничивали $77^{\circ}10'$ сѣв. шир. и $71^{\circ}30'$ вост. долготы. Послѣднія наблюденія существенно расширяютъ выходъ изъ Ледовитаго океана въ Карское море, которое вслѣдствіе этого обстоятельства еще болѣе теряетъ характеръ средиземнаго моря. Капитанъ Макъ перерѣзалъ все Карское море, прошелъ черезъ Маточкинъ Шаръ и 25 сентября достигъ 81° сѣв. шир. при 71° вост. долг. 12 октября онъ бросилъ якорь въ портъ Тромзэ ¹⁾.

Кромѣ „Полярной Звѣзды“ Мака въ 1871 г. въ Карскомъ морѣ были еще многія другія суда. Мы здѣсь встрѣчаемъ опять трехъ братьевъ Іоганнезенъ, изъ которыхъ, впрочемъ, только одинъ, а именно Серенъ Іоганнезенъ на яхтѣ „Цецилія“ дѣйствительно попалъ въ Карское море. Сначала онъ поднялся по западному берегу къ сѣверу, до „Русской Гавани“, откуда спустился до Желѣзныхъ воротъ, и проникнувъ черезъ нихъ въ Карское море, прошелъ по немъ—что чрезвычайно замѣчательно—два раза во всю его длину, до 77° сѣв. шир., сначала, въ августѣ, съ юга на сѣверъ, а во второй разъ, въ концѣ сентября, идя отъ сѣверной оконечности полуострова Ялмала и отъ Бѣлаго острова съ сѣвера на югъ ²⁾. Эд. Іоганнезенъ на шкунѣ Нордлэндъ, подобно „Германи“, съ которою онъ встрѣтился въ Маточкиномъ Шарѣ, не попалъ въ Карское море. Онъ поднялся по западному берегу Новой Земли до острововъ Оранскихъ, откуда была сдѣлана экскурсія на Новую Землю. Здѣсь Іоганнезенъ поднялся на гору въ 426 метр. вышины, названную имъ „Дерма“, въ честь капитана Дермы, который, равно какъ и капитанъ Тобисенъ, одновременно съ Іоганнезеномъ былъ у Оранскихъ острововъ и вмѣстѣ съ нимъ поднялся на эту гору. Другая вершина, 325 метр. вышины, къ юго-западу, была названа горою Тобисена. Въ октябрѣ Іоганнезенъ

¹⁾ Petermann's Geograph. Mitth. стр. 384—386.

²⁾ Petermann's Geograph. Mitth. 1872 г. стр. 389.

дошелъ еще разъ до Русской Гавани, а отсюда вернулся въ Тромсэ ¹⁾. Третій братъ Іоганнезенъ, Гансъ, на яхтѣ „Лидіаннѣ“ поднялся по западной сторонѣ Новой Земли, съвернѣе острововъ Гольфштрёма, почти до большаго Ледянаго мыса ²⁾. Капитанъ Исаксонъ на шкунѣ „Скиенъ Валборгъ“, подойдя также къ западному берегу Новой Земли и обогнувъ сѣверо-восточный мысъ этого острова, вошелъ въ Карское море, пробылъ съ 22 по 24 августа у мыса Гофтъ-Гека и вернулся назадъ тѣмъ-же путемъ ³⁾. Еще удачнѣе плавалъ капитанъ Симонсенъ на шкунѣ „Слейпнеръ“.

Пройдя 27-го іюля черезъ Югорскій Шаръ, онъ проникъ по Карскому морю на 110 километровъ къ востоку ⁴⁾. Самыя замѣчательнымъ путешествіемъ въ этомъ году было однако плаваніе капитана Карлсена, обошедшаго кругомъ всей Новой Земли и нашедшаго при этомъ случаѣ мѣсто зимовки Барентса. Карлсенъ вышелъ 22-го мая 1871 года, на шлюпѣ „Солидъ“ (Прочномъ) изъ Гаммерфеста. Занимаясь ловлею морскихъ животныхъ, изъ которыхъ вытѣпливается ворвань, онъ дошелъ 9-го іюля до острова Междущарскаго, у западнаго берега Новой Земли, отсюда поднялся вдоль берега къ сѣверу, заходилъ къ островамъ Гольфштрёма и въ губу „Красивую“, наконецъ, обогнувъ мысъ Маврикія, бросилъ якорь 18-го августа у Гофтъ-Гека, въ окрестностяхъ котораго онъ пробылъ болѣе продолжительное время, разыскивая старинное мѣсто зимовки голландскаго моряка Барентса, бывшаго здѣсь 300 лѣтъ тому назадъ, и дѣйствительно нашелъ его 9-го сентября. Домъ Барентса, построенный изъ сосноваго дерева, по измѣренію Карлсена, имѣлъ 11 метр. длины и 10 ширины; онъ былъ весь наполненъ льдомъ, прикрывшимъ герметически всѣ находившіеся въ немъ предметы, которые Карлсенъ нашелъ большею частью отлично сохранившимися. 14-го сентября Карлсенъ пустился изъ Ледянаго залива въ обратный путь по Карскому морю къ югу, придерживаясь восточнаго берега Новой Земли или плывя неподалеку отъ него. Нѣкоторое время онъ былъ окруженъ льдами, которые, къ счастью, несли его въ томъ направленіи, какъ онъ этого желалъ. 3-го октября Карлсенъ прошелъ черезъ Желѣзные ворота, а 4-го ноября вернулся благополучно въ Гаммерфестъ ⁵⁾.

Къ крайнему сожалѣнію, двѣ предполагавшіяся въ 1872 г. норвежскія экспедиціи на пароходахъ въ Ледовитый океанъ, на сѣверъ Сибири, не состоялись. Капитанъ Іенсенъ изъ Драммена,

¹⁾ Тамъ-же стр. 386.

²⁾ Тамъ-же стр. 387.

³⁾ Тамъ-же стр. 388.

⁴⁾ Petermann's Geograph. Mitth. стр. 390.

⁵⁾ Petermann's Geograph. Mitth. 1871 г. стр. 467 и 1872 г. стр. 391.

начальствовавший одною изъ этихъ экспедицій, вернулся изъ перваго своего плаванія, въ 1872 году, съ такимъ значительнымъ поврежденіемъ винта, что о вторичномъ выступленіи въ томъ же году нечего было и думать. Пароходъ предприимчиваго китолова Свена Фойна „Моргененъ“, подъ командою капитана Ганзена, вышедшій изъ Вадзэ въ море въ восточномъ направленіи, вскорѣ вернулся въ виду того, что непроницаемый ледъ помѣшалъ дальнѣйшему ходу и не было никакого лова ¹⁾. Экспедиція графа Вильчека на Исбьернѣ имѣла огромное значеніе въ смыслѣ ближайшаго ознакомленія съ двойнымъ островомъ Новой Земли по тѣмъ наблюденіямъ, которыя были сдѣланы въ трехъ мѣстахъ, на островахъ Барентса, въ Маточкиномъ и Костиномъ Шарахъ. Во время шестидневной стоянки Исбьерна въ Маточкиномъ Шару были сдѣланы три экскурсіи во внутреннія области края, причемъ путешественники поднялись на одну высокую гору. Эти экскурсіи доставили богатую добычу въ геологическомъ и геодезическомъ отношеніяхъ.

Новая Земля представляетъ скалистую горную страну, главный хребетъ которой тянется съ сѣвера на югъ съ отрогами по обѣ стороны. Здѣсь встрѣчаются въ низменностяхъ довольно большіе дуга, которые, впрочемъ, не радуютъ своимъ зеленымъ отливомъ, а море красновато-желтаго цвѣта, вслѣдствіе множества завядшихъ стеблей. Флора Новой Земли богаче шпицбергенской; здѣсь попадались и старые пріятели дѣтства: одуванчикъ и незабудка. На заднемъ планѣ долинъ высились гребни отъ 600 до 900 метр., а внутри страны и до 1060 метровъ вышины. Спутникъ графа Вильчека, профессоръ Геферъ, находилъ не разъ на сѣверномъ берегу Маточкина Шара, на высотѣ 900 метровъ, многочисленныя окаменѣлости, вслѣдствіе чего всѣ до тѣхъ поръ существовавшія предположенія о времени геологическаго наслоенія острова должны были измѣниться. Геферъ относитъ Новую Землю къ силурийской формации, доказывая связь ея съ Уральскимъ хребтомъ. Это воззрѣніе основано преимущественно на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ Геферомъ и Вильчекомъ въ ночь съ 29-го на 30-е іюля при подъемѣ на названную ими вершину Вильчекъ. Эта вершина выше западнѣе лежащаго хребта Митюшева. Въ зоологическомъ отношеніи эта экспедиція доставила мало интереснаго, развѣ только нѣсколько данныхъ для опредѣленія границъ распространенія нѣкоторыхъ животныхъ. Предположеніе, будто сѣверный олень не водится сѣвернѣе Маточкина Шара, было опровергнуто наблюденіями и находками, сдѣланными Геферомъ на Барентсовыхъ

¹⁾ Petermann's Geograph. Mitth. 1872 г. стр. 353.

островахъ, снятыхъ имъ на карту. Равнымъ образомъ Гёферъ снялъ на карту островъ Рогачевъ и южную часть земли Гусиной.

Австрійская экспедиція на пароходъ „Тегетгофъ“ подъ руководствомъ Пайера и Вейпрехта, стоявшая въ теченіи сентября и октября 1872 г. у сѣвернаго берега Новой Земли, также много содѣйствовала расширенію познаній о Новой Землѣ. Большая часть сѣвернаго побережья была нанесена на карту Вейпрехтомъ, вслѣдствіе чего въ существовавшихъ до того картахъ были сдѣланы многія важныя исправленія. Ледяной мысъ былъ значительно отнесенъ къ югу, такъ что по всему вѣроятію мысъ Маврикія, лежащій къ востоку отъ перваго, составляетъ самую сѣверную оконечность Новой Земли.

Одновременно съ австрійцами у западнаго берега Новой Земли находился заслуженный морякъ, Сивертъ Тобисенъ, пришедшій туда изъ Тромсэ, раннею весною, для рыболовства. Здѣсь постигла его печальная участь. Тобисенъ пробылъ нѣкоторое время на западной сторонѣ Новой Земли и затѣмъ проникъ было недалеко въ Карское море, но вернулся опять къ западной сторонѣ. Занимаясь ловомъ, онъ былъ около половины сентября окруженъ льдами между двумя маленькими островами, по опредѣленію Тобисена подъ 75°55' сѣверной широты и 59° восточной долг., къ сѣверо-востоку отъ острова Берхъ и къ юго-востоку отъ острова Крестоваго. Вынужденный перезимовать здѣсь, онъ скончался 29-го апрѣля 1873 г. жертвою цынги. Сынъ его Яковъ, впервые сопутствовавшій ему въ этомъ плаваніи, скончался отъ той же болѣзни 3 іюля. Отецъ и сынъ похоронены рядомъ на одномъ изъ этихъ маленькихъ острововъ. Только 9-го августа два пережившіе ихъ спутника могли оставить на вельботѣ это грустное мѣсто зимовки. Они были такъ счастливы, что наткнулись 15-го сентября на русскую шкуну, которая и доставила ихъ въ Архангельскъ (1-го октября). Тобисенъ оставилъ послѣ своей смерти весьма точныя и цѣнныя метеорологическія замѣтки.

Изъ норвежскихъ промысловыхъ плаваній послѣдняго времени достойно вниманія плаваніе капитана Гундерсена, совершенное въ 1875 г. Капитану снова удалось обогнуть сѣверо-восточную оконечность Новой Земли и побывать на мѣстѣ зимовки Барентса, откуда онъ привезъ старый дневникъ, оставшійся не открытымъ Карлсеномъ. Въ 1876 году Карлсенъ посѣтилъ еще разъ зимнюю гавань Барентса вмѣстѣ съ англичаниномъ Гардинеромъ на принадлежащей послѣднему ахтѣ. При этомъ было вновь найдено множество предметовъ, принадлежавшихъ экспедиціи Барентса, и въ числѣ ихъ нѣсколько рукописей.

Въ 1878 году Э. Іоганнсенъ совершилъ весьма успѣшное

плаваніе по направленію къ востоку, за Новую Землю. Онъ сообщилъ, что условія льда къ сѣверу отъ Новой Земли и въ Карскомъ морѣ при постоянномъ юго-западномъ вѣтрѣ были необыкновенно благоприятны. Граница сплошныхъ льдовъ подвинулась значительно къ сѣверу. По словамъ Карлсена, онъ могъ бы въ этомъ году на пароходѣ легко проникнуть сѣвернѣе земли Франца Іосифа, на парусномъ же суднѣ не хотѣлъ рисковать, тѣмъ болѣе, что цѣлю его плаванія были не открытія, а ловъ. Крейсировавъ въ водахъ Ледовитаго моря и доходя до 90° вост. долг. и до $77^{\circ}40'$ сѣв. шир., слѣдовательно къ сѣверу отъ Новой Земли, подъ $77^{\circ}35'$ сѣв. шир. и 86° вост. долг., Іоганнезенъ открылъ продолговатый островъ приблизительно 24 километр. длины, вокругъ котораго онъ обошелъ, назвавъ его островомъ „Уединенія“. Западная сторона этого острова была довольно возвышена, понижаясь къ сѣверо-востоку. На берегу было много наноснаго лѣсу, летали птицы не только обыкновенныхъ породъ Ледовитаго океана, но и другихъ, которыя не встрѣчаются въ Карскомъ морѣ. Кромѣ того усмотрѣны были три сѣверныхъ медвѣдя. Пристать къ острову не представлялось никакой возможности изъ-за тумана и сильныхъ буруновъ. По юго-восточной сторонѣ острова было немного наноснаго льду; здѣсь Іоганнезенъ убилъ 40 моржей. На западной и сѣверной сторонѣ острова море было очень глубоко, къ востоку и югу, напротивъ, мелко. По всему вѣроятію, недалеко отсюда долженъ былъ находиться какой либо материкъ. Отъ этого острова поплыли въ юго-восточномъ направленіи до 90° вост. долг. Такъ какъ туманъ разсѣялся и погода нѣсколько прояснилась, то Іоганнезену удалось усмотрѣть 20-го августа на разстояніи, приблизительно, 30 километровъ, прямо въ южномъ направленіи, землю, которую онъ считалъ западною стороною мыса Таймыра. Льду нигдѣ не было, но такъ какъ вслѣдствіе этого не было лова, то Іоганнезенъ пустился въ обратный путь и прибылъ 26-го сентября въ Тромзэ.

Послѣдній замѣчательный плаватель по водамъ, омывающимъ Новую Землю, былъ англійскій капитанъ Маркгамъ, предпринимавшій лѣтомъ 1879 года, съ сэромъ Генри Горе-Боосъ, путешествіе къ Новой Землѣ на норвежской шкунѣ „Исбьернъ“, — той самой шкунѣ, которою пользовались въ 1871 г. Пайеръ и Вейпрехтъ. Первый ледъ встрѣтился имъ 4-го іюня въ 75 километрахъ отъ земли Гусиной. Такъ какъ въ то время еще нельзя было пробраться черезъ Маточкинъ Шаръ, то „Исбьернъ“ пошелъ къ сѣверу, по западному берегу Новой Земли. Подъ широтою мыса Нассау скопившійся ледъ помѣшалъ имъ подняться сѣвернѣе. 31-го іюля Маркгамъ прошелъ Маточкинъ Шаръ, Карское море было

загромождено льдами. Встрѣтивъ 18-го августа на обратномъ пути голландскую экспедицію на „Вильямъ Барентсъ“, Исбѣрънъ взялъ курсъ на сѣверъ, вдоль западнаго берега Новой Земли. На этотъ разъ ему удалось пройти мимо мыса Нассау и достигнуть 6-го сентября мыса Маврикія. Затѣмъ Маркгамъ направился по меридіану между Новою Землею и Шпицбергенемъ къ сѣверу. Подъ 78° сѣв. шир. и 47° восточной долготы, онъ опять встрѣтилъ ледъ, черезъ который ему удалось, впрочемъ, пробраться и, дойдя до 78° 24, приблизиться на разстояніе 150 километр. къ землѣ Франца-Иосифа. Во все время этого плаванія составлялись естественно-историческія коллекціи и дѣлались наблюденія надъ движеніемъ льдовъ.

Въ послѣдніе годы число русскихъ судовъ, посѣщающихъ для рыболовства воды, омывающія Новую Землю, значительно уменьшилось, наоборотъ число норвежскихъ промышленныхъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ 1835 году число русскихъ судовъ простиралось до 137, въ 1875 году ихъ было только 5. Главное затрудненіе, встрѣчаемое русскими, состоитъ въ томъ, что порты Бѣлаго моря, по замкнутости своего положенія, гораздо раньше замерзаютъ, а равнымъ образомъ позже открываются для судоходства, чѣмъ порты, расположенные по Мурманскому берегу и на Новой Землѣ, на которые безъ сомнѣнія имѣетъ вліяніе гольфштромъ. Весна и осень—самыя лучшія времена года для лова китовъ и моржей и для боя тюленей. Такъ какъ въ силу вышеупомянутыхъ обстоятельствъ русскіе въ сравненіи съ норвежцами ежегодно теряютъ три мѣсяца, то русское общество спасенія при кораблекрушеніяхъ рѣшило доставить своимъ соотечественникамъ возможность зимовать на Новой Землѣ и въ то же время устроить тамъ станцію на случай непредвидѣнныхъ несчастій. Лѣтомъ 1877 года былъ перевезенъ изъ Архангельска на Новую Землю деревянный станціонный домъ и поставленъ въ бухтѣ Малой Мармакули, въ заливѣ Моллера. Домъ этотъ состоитъ изъ двухъ жилыхъ комнатъ, бани, лодочнаго сарая и чего-то въ родѣ обсерваторіи. Все строеніе покоится на каменномъ фундаментѣ, имѣетъ двойныя стѣны, двойной полъ и двойную крышу. Въ каждой комнатѣ двѣ хорошія печи для топки дровами; въ окнѣ толстыя стекла и желѣзныя рѣшетки. Баня находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главнаго дома; въ случаѣ надобности она также можетъ служить жилимъ помѣщеніемъ. Шесть самоѣдскихъ семействъ, подъ надзоромъ поручика корпуса штурмановъ Тягина, были поселены тамъ лѣтомъ 1878 года и снабжены необходимыми продовольственными запасами. Тягинъ прибылъ въ бухту Мармакули 15-го августа; 13-го сентября вся постройка была окончена, метеорологическіе инстру-

менты поставлены, а 3-го октября всѣ самоѣды собрались около станціи. Осень 1878 года была пасмурная, дождливая и холодная. Средняя температура = $+4^{\circ}$ Ц., первый морозъ былъ 26-го сентября, 28-го выпалъ первый снѣгъ. Плавающія льдины показались на взморьи въ половинѣ октября, 13-го ноября замерзла малая бухта. Заливъ Моллера во всю зиму не замерзалъ; ледъ становился только между островами, лежащими близъ берега. Въ половинѣ мая 1879 года началось таяніе снѣга и на обнажившихся мѣстахъ показалась первая зелень. 14-го іюня островъ покрылся травой и цвѣтами. Гавань Мармакули и малая бухта освободились отъ льда только 16-го іюля, а озера 22-го числа. Средняя температура въ февралѣ равнялась $-17,8^{\circ}$, въ мартѣ $-11,8^{\circ}$. Въ теченіи пяти зимнихъ мѣсяцевъ, средняя температура была $-12,2^{\circ}$. Въ январѣ термометръ опускался до $32,1^{\circ}$ и поднимался до $+0,2^{\circ}$, въ ноябрѣ наивысшая температура доходила до $+0,8^{\circ}$. Движеніе атмосфернаго воздуха колебалось между полнѣйшею тишиною и сильнѣйшимъ вѣтромъ съ востоко-юго-востока, доходившимъ до силы урагана и мѣшавшимъ всякому лову. Слабый вѣтеръ съ юго-запада или сѣверо-запада бывалъ только изрѣдка. Масса выпавшаго снѣга оказалась незначительной. Собственно снѣгъ идетъ здѣсь рѣдко; но сильный вѣтеръ гонить снѣгъ съ отдаленныхъ возвышенностей и ближайшихъ покатостей на западъ и заноситъ съ одной стороны дома до крышъ, а съ другой совершенно обнажаетъ почву. 17-го августа 1879 года Тягинъ вернулся въ Архангельскъ съ двумя сиротами, дѣтьми самоѣда, умершаго на Новой Землѣ во время зимовки. Онъ увѣряетъ, что зимовка на Новой Землѣ очень возможна, въ особенности для самоѣдовъ. Такимъ образомъ доказана возможность учрежденія на Новой Землѣ спасительной станціи; безусловно необходимо только устроить продовольственный запасный магазинъ большихъ размѣровъ, такъ какъ охота не доставляетъ достаточнаго количества животной пищи для имѣющихъ тамъ зимовать.

Норденшельдь.

ОТКРЫТІЕ НОРДЕНШЕЛЬДОМЪ СЪВЕРО-ВОСТОЧНАГО ПРОХОДА.

ВОЛШНАЯ австро-венгерская экспедиція на „Тегетгофъ“, подъ начальствомъ Пайера и Вейпрехта, составляетъ эпоху въ исторіи полярныхъ изслѣдованій. Хотя смѣлые путешественники и не достигли задуманной ими цѣли, тѣмъ не менѣе они вызвали къ жизни вопросъ, который въ теченіи цѣлыхъ столѣтій былъ преданъ забвенію: вопросъ о сѣверо-восточномъ проходѣ, и въ этомъ ихъ главная заслуга. Какъ мы уже упоминали, австрійцы вовсе не имѣли намѣренія достигнуть возможно высокихъ широтъ, они хотѣли разрѣшить вполнѣ определенную географическую задачу, а именно, придерживаясь сѣверо-восточнаго направленія, проникнуть до Новосибирскихъ острововъ. Возвращеніе черезъ Беринговъ проливъ, на что они мало надѣялись, составляло ихъ сокровенную мечту. То, что не было суждено исполнить этимъ храбрецамъ, удалось осуществить ихъ послѣдователямъ, поставившимъ себѣ задачей преслѣдованіе одной и той же цѣли. Заняться разрѣшеніемъ вопроса о восточномъ проходѣ

побудило въ особенности открытіе возможности плаванія по Карскому морю, составляющему ключъ, или, лучше сказать, входныя ворота къ сѣверо-восточному проходу. Австрійцы стремились исполнить свою задачу, огибая сѣверную оконечность Новой Земли. Болѣе счастливые преемники ихъ обратили все свое вниманіе на кратчайшій путь черезъ Карское море, причемъ сначала, какъ и триста лѣтъ тому назадъ, имѣлась въ виду чисто торгово-промышленная цѣль—открытіе торговаго пути между сѣверными частями Европы и громадными рѣками, выходящими изъ центра Азіи и пересѣкающими поперекъ всю Сибирь.

Первый, преслѣдовавшій положительно эту цѣль, былъ англійскій капитанъ Виггинсъ, вышедшій изъ Дундея въ 1874 г. на пароходѣ „Діанѣ“, принадлежавшемъ Ламону. Плаваніемъ Виггинса имѣлось въ виду воспользоваться для того, чтобы оказать помощь австрійской экспедиціи Пайера, считавшейся безъ вѣсти пропавшею; въ этихъ видахъ Лейгъ Смитъ доставилъ на бортъ „Діаны“ большой запасъ сѣстныхъ припасовъ и другихъ необходимыхъ предметовъ. Поднявши якорь 4 іюня 1874 г., „Діана“ быстро добралась до Тромзэ и Гаммерфеста, гдѣ узнала, что нѣтъ никакой возможности проникнуть въ Карское море. Но это не остановило капитана, онъ пошелъ прямо къ проливу Вайгачу, куда и прибылъ 26 іюня. Входъ былъ доступенъ, льду почти вовсе не было. Пройдя проливъ, „Діана“ дошла безпрепятственно до юго-западнаго берега полуострова Ямала, на разстояніи 5—6 километровъ отъ котораго она встрѣтила первый ледъ. Затѣмъ пароходъ началъ подниматься къ сѣверу, вдоль берега, но долженъ былъ простоять у острова Литке три недѣли, такъ какъ дальнѣйшему движенію помѣшалъ ледъ, принесенный сюда съ сѣверо-запада. Здѣсь „Діана“ встрѣтила нѣсколько норвежскихъ шлюповъ и шкуновъ, занимавшихся боемъ тюленей и моржей. При первой возможности Виггинсъ пробился до залива Мутанье (Mudely golf.), гдѣ были сдѣланы различныя научныя наблюденія. Сильный и рѣзкій вѣтеръ не позволялъ подняться дальше къ сѣверу: „Діана“ должна была 3-го августа опять спуститься на югъ. 5-го августа она вошла въ устье Обской губы. По сдѣланнымъ наблюденіямъ оказалось, что Вѣлный островъ ошибочно показанъ на картахъ: его слѣдуетъ отнести на 100 километровъ восточнѣе. Переpravляясь поперекъ губы, „Діана“ наткнулась, на разстояніи 32 километровъ отъ берега, на большой песчаный островъ, едва возвышавшійся надъ уровнемъ моря. Продолжать путь не представлялось никакой возможности изъ-за штормовъ и густого тумана. Къ тому же капитанъ опасался отмелей. Рѣшено было пуститься на поиски австрійской экспедиціи. Возвратиться къ Вѣлому острову не пред-

ставлялось никакой возможности, къ сѣверу же море казалось совершенно открытымъ и было полное основаніе рассчитывать проникнуть до Беринговаго пролива или дальше къ сѣверу.

На „Діанѣ“ имѣлся запасъ продовольствія всего только на одну навигацію, что и заставило Виггинса спѣшить своимъ возвращеніемъ. 25-го августа онъ покинулъ Бѣлый островъ. Карское море было совершенно свободно отъ льдовъ. Виггинсъ старался какъ можно скорѣе выбраться на западную сторону Новой Земли, полагая, что онъ найдетъ австрійцевъ у мыса Нассау затертыми во льдахъ. Со 2-го по 5-го сентября сильнѣйшій вѣтеръ носилъ маленькую „Діану“ во всѣ стороны. Виггинсъ рѣшился спуститься къ Гаммерфесту, куда австрійская экспедиція пришла черезъ часъ послѣ него. Виггинсъ былъ убѣжденъ, что Карское море до половины октября совершенно свободно отъ льдовъ. Норвежскія суда остаются тамъ до самой поздней поры. Капитанъ находилъ вполне возможнымъ установить постоянное пароходное сообщенія между Англіею и устьями Оби; оставалось только сдѣлать еще болѣе подробныя изслѣдованія. Для этого необходимо послать сильныя плоскодонные пароходы. Достойно замѣчанія, что ни одно судно не проникло такъ далеко на востокъ, какъ „Діана“, а именно до $82\frac{1}{2}$ вост. долг. отъ Гринича, при 76° сѣв. шир., слѣдовательно не только за меридіанъ Оби, но и восточнѣе устья Енисея.

Уже въ слѣдующемъ году предположенія Виггинса были блистательно осуществлены шведскою экспедиціею подъ руководствомъ профессора Норденшельда, достигшей не только Обской губы, но даже устья Енисея. Средства для этой экспедиціи были пожертвованы великодушнымъ гетенбургскимъ кушомъ Оскаромъ Диксономъ. На особо построенной для сѣверныхъ плаваній яхтѣ „Превентъ“ находились, кромѣ Норденшельда, два ботаника, д-ръ Кіельманъ, участвовавшій уже въ шведской полярной экспедиціи 1872—1873 годовъ, и доцентъ Лундстремъ, два зоолога, д-ръ Тэль и студентъ Стуксбергъ. Экипажъ парохода состоялъ изъ 12 норвежскихъ китолововъ, подъ командою капитана Исаксона.

8-го іюня 1875 года „Превентъ“ вышелъ изъ Норвежской гавани Тромзэ, 17-го обогнулъ Нордкапъ, а затѣмъ въ шесть дней достигъ Новой Земли. Во время этого перехода дѣлались, когда позволяла погода, измѣренія глубины, наблюденія надъ морскими животными, надъ температурою воды и т. д.

Съ 25-го іюня по 13-го іюля экспедиція пробыла на западной сторонѣ южной части Новой Земли, гдѣ „Превентъ“ нѣсколько разъ становился на якорь: въ заливѣ маломъ Кармакулѣ, въ бухтѣ Безымянной и у Маточкина Шара. До этого пункта прибрежный

плесъ былъ свободенъ отъ льдовъ, но далѣе къ сѣверу скопленіе льдовъ сдѣлалось настолько значительнымъ, что первоначальный планъ — обогнуть сѣверную оконечность Новой Земли — сдѣлался неисполнимымъ; оставалось попытать счастье въ трехъ проливахъ: Маточкиномъ Шарѣ, Желѣзныхъ Воротахъ и Югорскомъ Шарѣ. Какъ сѣвернѣйшій изъ проливовъ, Маточкинъ Шаръ, такъ и слѣдующій, Желѣзные Ворота, были до такой степени загромождены льдами, что и думать нельзя было черезъ нихъ проникнуть въ Карское море. Поэтому „Превенъ“ направился къ Югу, къ Югорскому Шару. Пробывъ нѣсколько дней у острова Вайгача, который былъ подвергнутъ учеными тщательному изслѣдованію, удалось, наконецъ, въ началѣ августа пройти черезъ Югорскій Шаръ и выйти въ Карское море, оказавшееся совершенно свободнымъ отъ льдовъ. „Превенъ“ взялъ курсъ прямо къ серединѣ полуострова Ямала. Вслѣдствіе почти полного затишья судно подвигалось очень медленно и ученые воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы изслѣдовать животную жизнь этой еще неизвѣстной части моря и заняться гидрографическими работами. 8-го августа „Превенъ“ достигъ сѣверо-западной стороны Ямала. Ученые вышли на нѣсколько часовъ на берегъ, а затѣмъ немедленно былъ взятъ курсъ на сѣверъ. Подъ $75^{\circ}30'$ и $82^{\circ}30'$ восточной долг. непроницаемый ледъ сдѣлалъ дальнѣйшее движеніе невозможнымъ. Это почти математически та же точка, на которой Макъ 12 сентября 1871 года отмѣтилъ: „Лда нигдѣ не видно“. Это мѣсто лежитъ значительно сѣвернѣе или, правильнѣе, сѣверо-восточнѣе полуострова Ямала, простирающагося только до 73° сѣверной шир., откуда экспедиція могла бы, поверотивъ на востокъ, войти въ Обскую губу. Отъ вышеозначеннаго пункта „Превенъ“ направился нѣсколько на востокъ къ мысу Сѣверо-восточному, на правомъ берегу устья Енисея, подъ $80^{\circ}45'$ вост. долг. До $82^{\circ}30'$ вост. долг. „Превенъ“ въ 1875 году не доходилъ и вообще восточнѣе $80^{\circ}45'$ въ томъ году не былъ ¹⁾).

Труды экспедиціи этимъ однако не ограничились: дальнѣйшая ея дѣятельность представляется крайне плодотворною. Въ заливѣ Диксона — такъ было названо мѣсто, избранное капитаномъ Исакономъ для якорной стоянки у устья Енисея — экспедиція, согласно предначертанному плану, раздѣлилась на двѣ части. Норденшельдъ въ сопровожденіи Лундстрема, Стуксберга и трехъ матросовъ направился въ привезенной съ собою лодкѣ вверхъ по Енисею съ тѣмъ, чтобы черезъ Туруханскъ и Енисейскъ вернуться въ Европу. „Превену“ же было поручено направиться въ Норвегію, если возможно, вокругъ сѣверной оконечности Новой Земли, Начальство

¹⁾ См. отчетъ Норденшельда стр. 48 и карту къ нему.

надъ этою частью экспедиціи Норденшельдъ довѣрилъ дру Кіельману, отличавшемуся опытностью въ арктическихъ плаваніяхъ. 19 августа „Превенъ“ вышелъ изъ гавани Диксона, взявъ курсъ на сѣверо-востокъ, къ Новой Землѣ и 23-го былъ уже подъ $75^{\circ}24'$ сѣв. шир. и $66^{\circ}24'$ вост. долг., т. е. нѣсколько южнѣе мыса Миддендорфа, на восточномъ берегу Новой Земли. Необычайная быстрота, съ которою былъ совершенъ этотъ переходъ, можетъ быть объяснена только сильнымъ сѣверо-западнымъ теченіемъ изъ устьевъ Оби и Енисея въ сѣверной части Карскаго моря. Въ теченіи шести дней былъ полнѣйшій штиль; во все это время съ большимъ успѣхомъ производились изслѣдованія морского дна. Что животное царство здѣсь очень богато, доказывается тѣмъ, что едва только сачекъ опустится на дно и пробудетъ тамъ нѣсколько минутъ, какъ уже наполняется безчисленнымъ количествомъ животныхъ: сотнями морскихъ звѣздъ съ прекрасными оттѣнками краснаго цвѣта и безчисленными, огромныхъ размѣровъ, ракообразными и моллюсками. 28-го поднялся вѣтеръ и „Превенъ“ направился въ южномъ направленіи, вдоль отвѣсныхъ и суровыхъ береговъ, мимо ряда огромныхъ глетчеровъ, спускающихся къ морю. На другой день шкуна стала на якорь въ заливѣ Удде. Здѣсь морская растительность была особенно роскошна и это тѣмъ замѣчательнѣе, что до тѣхъ поръ Карское море считалось лишеннымъ всякой растительности. Растительность же на сушѣ, напротивъ, была крайне скудна. Тамъ и сямъ только изрѣдка показывались жалкія ивы; красный макъ, впрочемъ, былъ еще въ цвѣту, хотя отчасти уже уничтоженъ морозами. Вся мѣстность производила впечатлѣніе невыразимаго опустѣнія. 3-го сентября „Превенъ“ вошелъ въ Маточкинъ Шаръ, въ которомъ экспедиція провела 8 дней. Затѣмъ пустились въ обратный путь и 3-го октября бросили якорь въ Тромсѣ.

Не менѣе замѣчательно было обратное путешествіе Норденшельда съ товарищами вверхъ по Енисею въ лодкѣ. Они оставили заливъ Диксона также 19-го августа, направляясь къ низменнымъ, пустыннымъ островамъ, значущимся на русскихъ картахъ подъ названіемъ Сѣверо-восточныхъ и находящимся нѣсколько сѣвернѣе 73° сѣв. шир., очень близко къ берегу. Эти острова лежатъ собственно внѣ устья Енисея. Проливы между ними доступны даже для судовъ большого размѣра. При попутномъ вѣтрѣ шведы дошли въ 42 часа до мыса Шайтанскаго, лежащаго пѣлымъ градусомъ южнѣе на правомъ берегу рѣки. По пути туда заходили только къ мысу Ефремову и къ зимовью Крестовскому. Ефремовъ камень представляетъ скалу долеритовой породы, вышиною въ 50—60 футовъ, весьма оригинальной формы. Здѣсь собирали въ по-

слѣдній разъ настоящихъ морскихъ животныхъ Appendicularia, Clio, нѣсколько медузъ и т. д. Растительность, какъ и на мѣстѣ якорной стоянки Превена, имѣла большое отличіе отъ растительности Новой Земли. Большихъ кустарниковъ, даже малорослой березки не было вовсе и земля нигдѣ не была покрыта настоящею травой. Крестовское—бывшее зимовье—судя по множеству домовъ и ихъ внутреннему устройству, нѣкогда процвѣтало. Теперь все было изъ нихъ унесено и ни одного гвоздя не оставлено въ стѣнахъ. Растительность въ сосѣдствѣ строеній была чрезвычайно роскошна, такъ что даже мѣшала ходить. Температура воды на поверхности, у самаго устья Енисея, равнялась $+7^{\circ},8$ Ц., у Ефремова $+2,5$, а у Крестовскаго опять $+11^{\circ}$ и оставалась затѣмъ почти безъ измѣненій. Вода была бурого цвѣта; очень можетъ быть, что это зависитъ отъ множества выпадающихъ въ эту рѣку мутныхъ ручейковъ.

Нѣсколько южнѣе Ефремова камня, восточный берегъ Енисея состоитъ изъ крупныхъ песчаныхъ слоевъ отъ 6—12 метровъ вышиною, съ наклономъ къ рѣкѣ. Здѣсь начинается безконечная тундра, равнина, наполненная болотистыми мѣстами и мелкими прудами и покрытая весьма скудною растительностью, время цвѣнія которой тогда уже прошло. Но, взамѣнъ того, путешественники нашли у мыса Шайтанскаго массу спѣлыхъ, ягодъ, чрезвычайно вкусныхъ: морошку, бруснику и голубицу. Эту мѣстность нужно считать предѣломъ распространенія низкорослой березы, а также прѣсноводныхъ моллюсковъ. Отсюда путешественники направились къ Сопочной Каргѣ, образующей длинный, выступающій въ Енисей перешеекъ, нѣкогда обитаемый, но теперь также брошенный. Вся мѣстность наполнена наноснымъ лѣсомъ, — большими стволами сломанными вѣтвями и корнями, нагроможденными въ страшномъ безпорядкѣ. Бревна, лежащія у самаго берега, совершенно сѣжи и годны къ употребленію; другіе же, находящіеся на сушѣ, вдали отъ моря, и выброшенные, можетъ быть, за сотни лѣтъ тому назадъ, образуютъ всевозможные переходы отъ лѣса вполне крѣпкаго до стволовъ совершенно истлѣвшихъ. Между бревнами встрѣчаются глубокія ямы, наполненныя черною, вонючею водою. Большое скопленіе наноснаго лѣса замѣчается только у устья рѣки, выше же попадаются одни разбросанные стволы, да и тѣ часто совершенно отсутствуютъ. Кромѣ того, перешеекъ былъ покрытъ мелкими прѣсноводными озерами, заросшими мхами и кишѣвшими небольшими рыбками, жаброножками и прочими прѣсноводными. Ботаникъ нашелъ здѣсь разные виды осоки и водяныхъ растений, сѣвернѣе не встрѣчаемыхъ (*carex chondrorhiza*, *hippuris vulgaris*, *juncus castaneus* и т. д.). На болѣе сухихъ мѣстахъ земля была покрыта

Empetrum nigrum и *Andromeda tetragona*, впрочемъ, не очень густо, а на крутыхъ откосахъ мыса встрѣчалась роскошная растительность, состоявшая изъ различныхъ породъ высокихъ злаковъ. Зато эта мѣстность замѣчательно бѣдна млекопитающими животными, птицами и насѣкомыми: здѣсь даже не замѣтно было пеструшекъ, норами которыхъ изрыта вся почва Новой Земли.

Послѣ Сопочной Карги шведы останавливались временно у устья рѣчки Мезенкина, впадающей въ Енисей съ правой стороны; здѣсь они наняли проводника казака Ѳедора. Эта стоянка у устья Мезенкина находилась, по сдѣланнымъ солнечнымъ наблюденьямъ, въ 40 килом. южнѣе перваго привала. Низменная мѣстность по рѣчкѣ гораздо болѣе защищена отъ вѣтровъ Ледовитаго океана, чѣмъ Сопочная Карга, что замѣчается по болѣе богатой растительности. Ольховый кустарникъ, 1½ метра вышины, не могъ не быть замѣченными путешественниками. Кромѣ того, ботаникъ нашелъ множество высокихъ злаковъ (*sanguisorba*, *galium*, *Delpinium*, *hedyzardum*, *Veratrum* и т. д.). Повсюду песчаныхъ холмовъ внутри страны были украшены новыми видами; тутъ можно было найти: *alyssum*, *dianthus*, *oxytropis*, *saxifraga*, *thymus* и т. д. На восточномъ берегу устья Енисея встрѣчается масса мелкихъ камней и окаменѣлыхъ раковинъ, которыхъ на полуостровѣ Ялмалѣ вовсе не замѣчали,—болѣе того: окаменѣлыя раковины образовали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настоящія раковинныя банки. Раковины эти принадлежать преимущественно къ тѣмъ видамъ, которые имѣютъ еще живыхъ представителей въ Карскомъ морѣ и на взморьи около Оби и Енисея. Равнымъ образомъ была подвергнута изслѣдованію геологическая фармація ближайшаго побережья, вслѣдствіе чего въ нѣкоторой степени объяснилось происхожденіе тундры. Отсутствие эрратическихъ каменныхъ обломковъ служить, по мнѣнію Норденшельда, доказательствомъ не ледяного, но глетчернаго происхожденія области тундръ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже были найдены рубцы, произведенные какъ будто треніемъ глетчеровъ, впрочемъ, они могутъ быть объяснены и инымъ образомъ. Въ сѣверной части тундры Норденшельдъ не находилъ въ числѣ обнаженныхъ камней ни гранита, ни гнейса; они большею частью состояли изъ разныхъ базальтовыхъ видовъ, съ примѣсью извести и зоолита. У мыса Шайтанскаго попадались обломки мергеля и крупнаго песчаника, содержащаго отчасти морскія окаменѣлости, отчасти обугленные или окаменѣлые куски дерева. Встрѣчались здѣсь—также куски бурога и каменнаго угля, хотя и не въ большомъ количествѣ.

26-го августа шведы пустились въ дальнѣйшій путь вверхъ по рѣкѣ, въ сопровожденіи упомянутаго выше казака и еще пяти русскихъ, поселившихся въ этомъ краю. Они прошли мимо

Гостиного мыса и устья рѣки Яковлевой къ такъ называемымъ Брюховскимъ островамъ — самымъ сѣвернымъ изъ острововъ, наполняющихъ русло Енисея между $69^1/2^\circ$ и $70^1/2^\circ$ сѣв. шир. Здѣсь шведскіе ученые могли убѣдиться, что острова эти образовались изъ песчаныхъ отмелей, нанесенныхъ теченіемъ рѣки; эти отмели покрывались сначала наноснымъ лѣсомъ, а затѣмъ обильною растительностью, образовавшею, наконецъ, мощный слой торфа, составляющаго теперь надводную часть острововъ. На островѣ Никандровскомъ устроена рыболовная станція, такъ какъ Енисей славится изобиліемъ прекрасныхъ, вкусныхъ рыбъ. Норденшельд собралъ всѣ виды этихъ рыбъ и доставилъ ихъ въ Стокгольмъ. Въ Никандровѣ рабочій скотъ замѣняютъ собаки, похожія на гренландскихъ, но вообще собака тамъ не считается способною для продолжительныхъ путешествій: для этого употребляется олень. Погода благопріятствовала путешественникамъ. Изъ Никандрога экспедиція пошла далѣе къ покинутому зимою въ южной части острова Сопочнаго, затѣмъ къ мысу Миксунинскому, гдѣ Норденшельдъ посѣтилъ одно самоѣдское семейство, разбившее тамъ свою палатку, и наконецъ къ мысу Толстому, гдѣ устроено удобное зимовье. Отсюда путешественники спѣшили добраться до поселенія Заостровскаго, недалеко отъ Дудинки (Дудинское), гдѣ стоялъ послѣдній отправлявшійся вверхъ пароходъ. Они достигли его 31-го августа.

Норденшельдъ положительно возстаеъ противъ тѣхъ ученыхъ, которые считаютъ сибирскую тундру громадною и совершенно голою снѣговою пустынею, только мѣстами покрытою скудною растительностью. Напротивъ, онъ видѣлъ по Енисею снѣгъ только въ одномъ мѣстѣ, и то въ глубокомъ ущельи, растительность же, въ особенности на островахъ, была замѣчательно разнообразна и богата. Плодородіе почвы, необозримые луга и изобиліе травы дѣлаютъ изъ тундры превосходныя пастбища. Къ югу-же, между Туруханскомъ и Енисейскомъ, мѣстности, богатые дремучими лѣсами, а ближе къ Красноярску — глубокимъ черноземомъ, по плодородію могутъ быть сравнены съ лучшими частями Скандинавскаго полуострова, и даже превосходить его въ этомъ отношеніи.

1-го (13-го) октября Норденшельдъ со своими спутниками благополучно достигъ Енисейска. Отсюда обратный путь совершился сухимъ путемъ, чрезъ Красноярскъ, Екатеринбургъ, Нижній-Новгородъ въ С.-Петербургъ, куда прибыли 5-го (17-го) ноября и были встрѣчены съ заслуженнымъ вниманіемъ и почетомъ, въ виду того, что это былъ первый шагъ къ открытію міру несмѣтныхъ богатствъ Сибири.

Въ Европейской Россіи и въ Сибири экспедиція Норденшельда вызвала величайшее сочувствіе и вниманіе; члены обще-

ства покровительства русской промышленности и торговлѣ, Сидоровъ и Латкинъ, послали Норденшельду поздравительную телеграмму навстрѣчу въ Томскѣ, въ отвѣтъ на которую Норденшельдъ, между прочимъ, высказалъ слѣдующее: „Въ самомъ непродолжительномъ времени откроется большой торговый путь изъ Сибири чрезъ устье Енисея и Ледовитый океанъ“. Дѣйствительно, совершилось великое дѣло! Цѣль, надъ достиженіемъ которой въ теченіи цѣлыхъ столѣтій трудились великія морскія націи, была достигнута горстью предприимчивыхъ шведовъ! До нихъ ни одному кораблю не удавалось проникнуть до устья Енисея; болѣе того, еще очень недавно оспаривалась даже самая возможность безпрепятственного плаванія по загроможденному льдами Карскому морю, не взирая на то, что нѣкоторымъ норвежскимъ морякамъ уже удалось раньше побывать въ водахъ этого моря. Одинъ взглядъ на карту показываетъ всю важность сдѣланнаго открытія. Громадная рѣчная область Оби и Енисея простирается вглубь Азіи до границъ Китая, занимая не менѣе 5,723,788 кв. километр. За исключеніемъ Россіи, всѣ остальные земли Европы составляютъ только 4,494,894 кв. километр. По рѣкамъ Оби и Енисею уже учреждено правильное пароходство. Если бы осуществилось предположеніе Норденшельда, то драгоценныя произведенія огромной области внутренней Азіи могли бы быть доставлены на пароходахъ въ Европу точно такъ же удобно, какъ съ Печоры, по которой въ новѣйшее время судоходство и торговля получили значительное развитіе, не смотря на то, что устья этой рѣки небезопасны для судоходства; область Печоры обнимаетъ всего 312,206 кв. килом., а вывозъ состоитъ въ одномъ строевомъ лѣсѣ.

Послѣ того, какъ еще ранѣе признанная норвежскими моржевыми возможность плаванія по Карскому морю блистательно подтвердилась экспедиціею Норденшельда, за нимъ послѣдовали по тому же пути другія коммерческія суда. Съ тѣхъ поръ между Европою и устьями рѣкъ Оби и Енисея поддерживается позднимъ лѣтомъ правильное сообщеніе не только пароходами, но даже парусными судами Англіи, Норвегіи и Германіи. Въ 1876 году Норденшельдъ опять отправился къ устью Енисея, чтобы фактически положить начало этому торговому сообщенію. На этотъ разъ экспедиція раздѣлилась на двѣ части: одна, подъ руководствомъ д-ра Тэля, должна была отправиться въ Сибирь сухопутно, спуститься по Енисею и встѣтиться тамъ съ Норденшельдомъ, который долженъ былъ прибыть въ сопровожденіи Стуксберга черезъ Карское море съ запасомъ европейскихъ товаровъ. Къ сожалѣнію, обѣ партіи въ Сибири не встрѣтились, но не по непредвидѣннымъ и неизбѣжнымъ причинамъ, а вслѣдствіе зависти и торговыхъ расчетовъ сибирскихъ

купцовъ, не желавшихъ, чтобы ихъ бѣднымъ и нуждающимся землякамъ были доставлены болѣе дешевые и лучшаго качества товары.

Норденшельдъ отправился изъ Тромзэ 25 іюля на закон-трактованномъ имъ пароходѣ „Имеръ“, подѣ командою капитана Эриксона, черезъ два дня обогнулъ Нордкапъ и употребилъ на переходъ до Новой Земли всего три дня, такъ что 30 іюля вошелъ уже въ Маточкинъ Шаръ. Въ одинъ день „Имеръ“ прошелъ этотъ проливъ и вышелъ бы въ Карское море, если бы оно не представляло сплошной ледяной площади во всѣхъ направленіяхъ. Менѣе прозорливый позволилъ бы ввести себя этимъ въ заблужденіе и, убѣдась въ невозможности плаванія по Карскому морю, вернулся-бы назадъ и, конечно, сообщилъ бы совершенно ложныя свѣдѣнія. Норденшельдъ же поступилъ иначе: онъ поплылъ вдоль берега по узкому плесу, между берегомъ и краемъ льдовъ, и въ одинъ день дошелъ до Карскихъ воротъ. Но и здѣсь ледъ задержалъ его еще нѣсколько дней, пока наконецъ ему не удалось, зигзагами, въ четыре дня, пробраться къ полуострову Ялмалу у мыса Бѣлужьяго. По мѣрѣ того, какъ „Имеръ“ подвигался къ сѣверу, ледъ становился рѣже и подѣ 72° онъ совершенно уже исчезъ, такъ что въ три дня удалось пройти кругомъ Ялмала и Бѣлаго острова, мимо устья Оби, въ Енисей, южнѣе села Кореповскаго. Норденшельдъ оставался на Енисей 18 дней. Въ надеждѣ встрѣтиться, согласно уговору, съ партією Тэля онъ поднимался вверхъ, пока это позволяла глубина рѣки. Тщетно ждали почти цѣлыхъ три недѣли. Пришлось выгрузить товаръ какъ нибудь, безъ всякихъ приспособленій, даже переносить его на плечахъ по мелкимъ мѣстамъ и сложить, какъ попало, въ какое-то лѣтнее помѣщеніе. 2 сентября „Имеръ“ вышелъ обратно черезъ Ледовитый океанъ въ Швецію, не выдавъ почти ни одной льдины. На обратномъ пути „Имеръ“ перерѣзалъ въ шесть дней все Карское море широкою дугою къ сѣверу, прошелъ благополучно черезъ Маточкинъ Шаръ, а 18 сентября прибылъ въ Гаммерфестъ.

Отрядъ Тэля съ товарищами: докторами Фрибомъ и Арнеллемъ изъ Швеціи, ректоромъ Бреннеромъ и докторомъ Сальбергомъ изъ Финляндіи, выйдя уже 17 іюля изъ Туруханска, очень легко могъ бы поспѣть въ половинѣ августа къ условленному мѣсту. 13 августа были уже у острова Никандрова, дойдя туда на пароходѣ сибирскихъ купцовъ; но дальше къ сѣверу ни пароходъ, ни гребныя лодки не хотѣли идти, не смотря на то, что только 40 километровъ отдѣляли ихъ отъ Норденшельда. Всѣ попытки разбивались о ту или другую отговорку. Точно также всѣ старанія Норденшельда дать знать о себѣ, спѣшившимъ ему навстрѣчу сотrudникамъ, были тщетны. Тэль уже на обратномъ пути полу-

чилъ извѣстіе о томъ что Норденшельдъ, прождавъ напрасно почти цѣлыхъ три недѣли, вернулся въ Карское море.

Не всѣ русскіе обнаруживали къ трудамъ Норденшельда такое недоброжелательство. Напротивъ и въ Россіи нашлись просвѣщенные дѣятели, которые сознали значеніе новаго морскаго пути, и поспѣшили воспользоваться имъ, предупредивъ иностранцевъ.

Почти одновременно съ самимъ Норденшельдомъ прибыли въ 1876 г. къ устью Енисея еще два корабля: „Темза“ и „Сѣверное Сіаніе“. Первый изъ нихъ, подъ командою капитана Виггинса, былъ снаряженъ товариществомъ русскихъ торговцевъ, во главѣ котораго стоялъ богатый сибирскій купецъ и землевладѣлецъ Александръ Сибиряковъ. „Темза“ потерпѣла крушеніе въ устьяхъ Енисея. Второй корабль, подъ командою капитана Шваненберга, принадлежалъ Михаилу Сидорову.

24 августа 1877 г., вышелъ изъ Бремергафена съ грузомъ табаку, сахару и различныхъ машинъ, подъ командою капитана Дальмана, винтовой пароходъ „Фразеръ“ (Fraser), снаряженный опять-таки Сибиряковымъ. Сдавъ въ Енисейскъ свои товары, этотъ пароходъ вернулся опять въ Бремергафенъ, пробывъ въ отсутствіи ровно 42 дня. Въ томъ же году прошелъ черезъ Карское море, вошелъ въ Обскую губу, поднялся по рѣкѣ до Тобольска и вернулся въ Гулль послѣ 65 дней отсутствія, отправленный изъ послѣдняго порта московскимъ купцомъ Трапезниковымъ пароходъ „Луиза“, подъ командою капитана Дала. Парусное судно „Сѣверное Сіаніе“, перезимовавшее въ устьѣ Енисея, вышло отсюда съ небольшимъ грузомъ сибирскихъ произведеній, преимущественно графита, 21 августа; благополучно прошло оно Желѣзныя Ворота и пришло 16 сентября въ Норвежскій портъ Вардѣ ¹⁾. Въ 1878 году нѣсколько судовъ отправились изъ Европы къ устью Енисея, а именно: изъ Готенбурга пароходъ „Фразеръ“ (капитанъ Нильсонъ), и пароходъ „Лена“ (капитанъ Іоганнсенъ), изъ Лондона—парусное судно „Экспрессъ“ (капитанъ Гундерсенъ). Всѣ три были снаряжены А. А. Сибиряковымъ. Кромѣ того баронъ Кноопъ, проживающій въ Москвѣ, отправилъ 21 іюля изъ Куксгафена къ Енисею легковой пароходъ „Луизу“ и буксирный пароходъ „Москву“ съ тремя баржами, съ цѣлю доставки туда европейскихъ товаровъ и полученія обратнаго груза, состоявшаго изъ зерноваго хлѣба. „Луиза“ ²⁾, къ сожалѣнію, получила въ ночь съ 29 на 30 іюля у норвежскихъ береговъ такое сильное поврежденіе, что должна была вернуться въ Бергенъ для исправленія. Находившіеся на ней пассажиры, участники въ дѣлѣ, пересѣли на другой норвежскій пароходъ

¹⁾ Petermann's Geograph. Mitth. 1877 г., стр. 441.

²⁾ Тамъ же 1878 г., стр. 319.

„Царицу“ (капитанъ Брунъ) и отправились вмѣстѣ съ остальными судами этой экспедиціи къ устью Енисея. Въ то же время (14 іюля 1878 г.) отправился изъ Гамбурга пароходъ „Нептунъ“ съ цѣлю завязать торговныя сношенія съ Обскою Губою. 13 августа „Нептунъ“ прибылъ въ Надымъ, выгрузилъ свои товары, принялъ сибирскую пшеницу, вышелъ 24 августа обратно и въ тринадцать дней пришелъ благополучно въ Гаммерфестъ. Это было первое плаваніе, совершенное туда и обратно однимъ лѣтомъ съ исключи-

Сибиряковъ.

тельно торговою цѣлю ¹⁾. Лѣтомъ 1879 года Сибиряковъ отправилъ къ Енисею два судна съ товарами; пароходъ „Самуилъ Овенъ“ (капитанъ Глазе), и парусное судно „Экспрессъ“. Въ то же время пошелъ туда же изъ Бремергафена еще одинъ пароходъ, подъ командою капитана Дальмана, а къ Оби опять посланъ изъ Гамбурга пароходъ „Нептунъ“ (капитанъ Расмуссенъ) ²⁾. Всего вышло въ 1879 году къ устью Оби шесть судовъ изъ англійскихъ портовъ и одно изъ нѣмецкой гавани; къ устью Енисея три

судна: — одно изъ Ньюкэстля, одно изъ Готенбурга, и одно изъ Бремена. Часть этой торговой флотиліи миновала уже къ концу іюля Вардѣ ³⁾. Въ этомъ году однако они нашли Карское море недоступнымъ изъ-за льдовъ. Всѣ капитаны донесли, что три входа въ Карское море загромождены льдомъ на столько, что, не взирая на шестинедѣльное ожиданіе и неоднократныя попытки, проникнуть въ него не удалось ⁴⁾. Въ первый разъ съ 1874 года Кар-

¹⁾ Petermann's Geograph. Mitth. 1878 г., стр. 400.

²⁾ То-же 1879 г., стр. 236.

³⁾ Тамъ же, стр. 315.

⁴⁾ Къ устьямъ Оби и Енисея ведетъ еще другой путь, а именно вокругъ сѣверной оконечности Новой Земли. Остается разрѣшить вопросъ, былъ ли этотъ путь свободенъ въ 1879 году и было ли все Карское море покрыто льдами или только обыкновенные три входа въ него: проливы Маточнинъ, Югорскій и Карскій. На основаніи предшествовавшихъ опытовъ 1874, 1875, 1876, 1877 и 1878 годовъ можно было придти къ убѣжденію, что Карское море ежегодно освобождалось отъ своего ледяного покрова и что плаваніе возможно ежегодно въ теченіи нѣкотораго времени. Голландская экспедиція 1878 г. доказала, что въ этомъ году къ сѣверу отъ Маточкина Шара, Карское море было совершенно свободно и что плаваніе не встрѣчало никакихъ препятствій.

Веза салютуетъ мысу Челюскину.

ское море не освободилось отъ льда, что можетъ быть находилось въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этомъ году не было вовсе льдовъ въ Беринговомъ проливѣ. Тѣмъ не менѣе русскій пароходъ „Луиза“, капитанъ котораго Дальманъ рѣшился выждать перемены въ положеніи льдовъ, успѣлъ въ первой половинѣ сентября проникнуть черезъ Югорскій Шаръ въ Карское море и придти безпрепятственно, 13 сентября, къ устью Енисея. Выгрузивъ доставленный имъ товаръ (сахаръ, табакъ, деревянное масло, керосинъ) и принявъ обратный грузъ, заключавшійся въ зерновомъ хлѣбѣ, „Луиза“ вышла 21 сентября обратно. Подъ широтою Маточкина Шара и еще южнѣе она натенулась на громадныя массы крѣпкаго льда и только 11 октября удалось ей выбраться изъ Карскаго моря черезъ Югорскій же Шаръ и придти 30 октября въ Бремергафенъ. Въ Карскомъ морѣ „Луиза“, впрочемъ, встрѣтила еще норвежское судно „Норлэндъ“, подъ командою капитана Андерсена. „Нордлэндъ“ прошелъ черезъ Югорскій Шаръ 24 іюля и достигъ безъ препятствій сѣверной оконечности Новой Земли ¹⁾. Русское правительство намѣрено учредить на сѣверномъ мысѣ острова Вайгача метеорологическую станцію, которой будетъ дана возможность посредствомъ телеграфа сообщать европейскимъ портамъ о состояніи льдовъ въ Карскомъ морѣ. Независимо отъ этого капитанъ Моисеевъ будетъ посланъ морскимъ министерствомъ въ Обскую губу для подробныхъ промѣровъ и обозначенія фарватера въ устьѣ этой рѣки.

Упомянутые факты достаточно показываютъ, что Россія отнюдь не намѣрена безучастно относиться къ этому вопросу и равнодушно смотрѣть на то, какъ другія націи обогащаются дарами ея страны. Напротивъ, она вполне поняла значеніе новаго морскаго пути, обѣщающаго ей именно болѣе выгодъ, чѣмъ какой либо другой странѣ.

Оба плаванія Норденшельда доказали окончательно и неопровержимо, что западная часть сѣверо-восточнаго прохода доступна для коммерческихъ судовъ. Весь же проходъ предполагалось открыть въ 1878 году обширною экспедиціею подъ начальствомъ геніальнаго Норденшельда, составившаго планъ этого предпріятія. Еще въ 1877 году Норденшельдомъ была представлена королю Оскару подробная записка, въ которой выяснялась цѣль предполагаемаго плаванія вдоль сибирскаго берега Ледовитаго океана и значеніе, которое сѣверо-восточный проходъ долженъ имѣть для всемірной торговли, а для жителей скандинавскаго полуострова въ особенности. Труды Норденшельда увѣнчались успѣхомъ: въ слѣдующемъ уже году была снаряжена новая

¹⁾ Тамъ же, 1880 г., стр. 77.

экспедиція, большею частью издвигеніемъ шведскаго правительства и короля Оскара, а отчасти средствами, пожертвованными для этой цѣли готенбургскимъ и иркутскимъ купцами: Оскаромъ Диксономъ и Александромъ Сибиряковымъ.

Предполагалось проникнуть отъ Новой Земли на востокъ, если возможно, открыть проходъ вдоль сибирскаго берега и, наконецъ, вернуться черезъ Беринговъ проливъ и Суэцкій каналъ въ Швецію, объѣхавъ такимъ образомъ всю Азію и всю Европу. Для этой цѣли былъ приобрѣтенъ покупкою китобойный пароходъ „Вега“, единственный, который казался для этого пригоднымъ. Построенный изъ крѣпкаго дубоваго лѣса и обшитый снаружи вестиндскимъ деревомъ десяти см. толщины, онъ имѣлъ 500 тоннъ вмѣстимости и машину въ 60 лошадиныхъ силъ. Кромѣ необходимаго количества угля, „Вега“ погрузила продовольственныхъ припасовъ на два

Оскаръ Диксонъ.

года, въ виду того, что предстояло сдѣлать около 15 тыс. километровъ. Въ особенности много было взято различнаго рода консервовъ. Кромѣ того при „Вегѣ“ слѣдовалъ маленький пароходикъ, для того, чтобы дѣлать по сибирскому побережью предварительные промѣры, такъ какъ полагали, что во многихъ мѣстахъ море тамъ должно быть очень неглубоко; въ то же время этотъ пароходикъ долженъ былъ служить для плаванія по рѣкамъ, въ случаѣ если бы пришлось подвергнуть ихъ изслѣдованію. Спутниками Норденшельда въ этомъ достопамятномъ плаваніи были: лейтенантъ Палан-

деръ, капитанъ „Веги“, тотъ самый, который въ 1872—73 годахъ командовалъ Польгемомъ, помощникъ его, лейтенантъ Брузевитцъ, ботаникъ д-ръ Кіельманъ, зоологъ д-ръ Стуксбергъ, врачъ и ботаникъ д-ръ Альмквистъ, Джакомо Бове, лейтенантъ итальянскаго королевскаго флота, заступившій мѣсто штурманскаго офицера, занимавшійся хронометрами и дѣлавшій астрономическія наблюденія, Андрей Говгардъ, лейтенантъ датскаго флота, Оскаръ Нордквистъ, офицеръ императорскаго русскаго финляндскаго стрѣльцоваго баталіона, отличный зоологъ, служившій переводчикомъ. Экипажъ состоялъ изъ 16 матросовъ шведскаго флота, выбранныхъ изъ 200 чел. добровольно изъявившихъ желаніе участвовать въ этой экспедиціи, и трехъ моржолововъ. Въ первой части плаванія „Вега“

сопутствовали три парохода Сибирякова, о которыхъ была уже рѣчь выше. Пароходъ „Фразеръ“ (капитанъ Нильсонъ) и парусное судно „Экспрессъ“ (капитанъ Гундерсенъ), сопровождали „Вега“ до устья Енисея. До устья Лены шелъ съ нею небольшой пароходъ имени той же рѣки, 100 тоннъ вмѣстимости, построенный въ Моталѣ изъ бессемеровской стали и снабженный провизіею и углемъ на 16 мѣсяцевъ.

4 іюля 1878 года „Вега“ вышла изъ Готенбурга въ открытое море. Начальникъ экспедиціи долженъ былъ сѣсть на нее только въ Тромзе. Сильные противные штормы долго задерживали выходъ отсюда парохода, а возвращавшіеся изъ Карскаго моря китоловы сообщали, что въ этомъ году состояніе льдовъ въ означенномъ морѣ крайне неблагоприятное. Тѣмъ не менѣе 25 іюля „Вега“ покинула Тромзэ, дошла 30 числа до Югорскаго Шара, миновали его 1 августа, а 6-го августа пришла благополучно въ заливъ Диксонъ у устья Енисея. Состояніе льдовъ оказалось въ высшей степени благоприятнымъ: Карское море было совершенно свободно, только у Бѣлаго Острова, противъ устья Оби, было немного тонкаго рыхлаго льду. Пробывъ въ заливѣ Диксона нѣсколько дней, „Вега“ вышла оттуда 10 августа въ сопровожденіи „Лены“. Въ тотъ же день показался ледъ, но только лиманный, не мѣшавшій плаванію, зато густой туманъ крайне затруднялъ движеніе пароходовъ. Содержаніе соли въ водѣ стало увеличиваться, но взаимнѣ того температура понизилась. Въ

Арнольдъ Паландеръ.

то же время органическая жизнь морскаго дна стала разнообразнѣе и обильнѣе, такъ что д-ръ Стуксбергъ въ ночь съ 13 на 14 августа, въ теченіи которой пароходъ держался около большой плавающей льдины, могъ вытащить огромное число прекрасныхъ животныхъ различныхъ видовъ, напимѣръ: большіе экземпляры знаменитыхъ *Alecto Eschrichtii*, многочисленные *Asterias Linckis*, *Rapora* и т. д. Съ приближеніемъ къ землѣ волокуша доставила д-ру Кіельману нѣсколько большихъ морскихъ водорослей. Съ другой стороны высшая животная и растительная жизнь на крайнемъ

сѣверѣ Сибирскаго материка такъ скудно обставлена, что берегъ въ сравненіи съ утесами Шпицбергена и съ западною частью Новой Земли казался мертвою пустынею. Крохалей, гагаръ и кричекъ, встрѣчаемыхъ на Шпицбергенѣ тысячами, здѣсь почти вовсе не было; чайки, наполняющія воздухъ своимъ непрерывнымъ крикомъ, были здѣсь очень рѣдки и только въ двухъ видахъ. Но онѣ здѣсь миролюбивѣе и живутъ между собою согласнѣе. Только подорожникъ снѣжный или пуночка, шесть или семь видовъ болотныхъ птицъ и два вида гусей встрѣчаются на материкѣ въ нѣсколько большаго числа. Если назовемъ еще куропатку, *Strix neutea* и одинъ видъ сокола, то исчерпаемъ почти все царство пернатыхъ этихъ странъ. Изъ теплокровныхъ животныхъ встрѣчались на взморьи только моржи и тюлени (*phoca barbata* и *hispida*). По всему вѣроятію море очень богато рыбами. Тщетно искали на льду космической пыли, были однако найдены желтыя пятна, которые оказались видомъ крупнозернистаго песка, въ формѣ прекрасныхъ кристалловъ двухъ миллиметровъ въ поперечникѣ. Составныя части этихъ кристалловъ остались неизслѣдованными, но не подлежитъ сомнѣнію, что это не обыкновенные и общеизвѣстные минералы. Очень можетъ быть, что они представляютъ вещество, выкристаллизовавшееся изъ морской воды подъ вліяніемъ сильныхъ зимнихъ морозовъ.

14 августа экспедиція дошла до острова Таймыра, который, впрочемъ, отнюдь не состоитъ изъ одного отдѣльнаго острова, а изъ цѣлой группы острововъ и островковъ; послѣдніе большею частью голые гранитные утесы. Группа эта лежитъ около 48 кил. сѣверо-восточнѣе, чѣмъ показанъ на картахъ островъ Таймырь. 4 дня пробыла Вега среди этихъ острововъ, дѣлая различныя изслѣдованія. Все это время она простояла на якорѣ въ небольшой бухтѣ „Активій“, такъ названной учеными этой экспедиціи вслѣдствіе того, что при закидываніи волокуши вытащили огромное число этихъ животныхъ. Бухта Актиній находится въ проливѣ между островами Таймырскими и материкомъ. Почва здѣсь не была покрыта снѣгомъ, на ней красовались травы, мхи и лишай, представлявшіе несравненно лучшій кормъ для оленей, чѣмъ шпицбергенскія долины, гдѣ ихъ водится такъ много. По всему вѣроятію волки причиной того, что олени встрѣчаются здѣсь въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Явнобрачныхъ было также немного, зато мхи и лишай имѣли большее число представителей. Бухта Актинія была въ высшей степени пригодна для метеорологической станціи.

Такъ какъ между сѣверными островами группы собралось довольно много полярнаго льду, то Норденшельдъ надѣялся пробраться между Таймыромъ и материкомъ; это однако не удалось,

потому что проливъ оказался очень мелкимъ—въ самомъ глубокомъ мѣстѣ не болѣе двухъ метровъ. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ проливъ имѣлъ $7\frac{1}{2}$ километр. ширины. При сильномъ туманѣ вышли „Вега“ и Лена 18 августа изъ бухты Актиній; 19 они достигли мыса Челюскина, главнѣйшей цѣли экспедиціи, самой сѣверной точки стараго свѣта. Этотъ мысъ, извѣстный уже Плинію подъ названіемъ „promontorium Tabinum“, былъ впервые и одинъ только разъ посѣщенъ въ 1742 году лейтенантомъ Челюскинымъ, сухопутно, на саняхъ. Въ теченіи трехъ столѣтій всѣ попытки проникнуть туда моремъ были безуспѣшны. Шведская экспедиція наконецъ развязала этотъ, своего рода, гордіевъ узелъ. Мысъ Челюскинъ представляетъ низменную, вдающуюся въ море косу, раздѣленную на двѣ части бухтою, въ которой оба парохода встали на якорь и праздновали свой подвигъ поднятіемъ флаговъ и пушечными выстрѣлами. По астрономическимъ наблюденіямъ и тригонометрическимъ измѣреніямъ западный мысъ лежитъ подъ $77^{\circ}36'37''$ сѣв. шир. и $103^{\circ}25'5''$ восточн. долг. отъ Гринича, а восточный нѣсколько сѣвернѣе, а именно подъ $77^{\circ}41'$ сѣв. шир. и $104^{\circ}1'$ вост. долг. Поэтому весь мысъ лежитъ гораздо западнѣе, чѣмъ показано на всѣхъ нашихъ картахъ. Во внутрь страны горы постепенно возвышаются приблизительно до 300—350 метр. вышины. Какъ горы, такъ и равнины не были покрыты снѣгомъ, только тамъ и сямъ въ ущельяхъ и ложбинахъ видны были бѣлыя мѣста. Вдоль берега однако уже образовалась ледяная полоса.

Глинистая почва этой мѣстности, разбѣкается болѣе или менѣе правильными шестиугольными ложбинами; она отчасти обнажена, отчасти покрыта травой, мхами и лишаями, подобно тому какъ въ бухтѣ Актиній. Горы состояли здѣсь не изъ гранита, а изъ наслоеній плитняка, усѣянныхъ кристаллами и пересѣаемыхъ мощными жилами кварца. Д-ръ Кіельманъ нашелъ здѣсь только 24 вида явнобрачныхъ растений, большая часть которыхъ отличалась замѣчательною наклонностью принять форму плотныхъ полушарій. По мнѣнію д-ра. Альмквиста, растительность лишаевъ была здѣсь крайне однообразна, хотя и роскошно развита; казалось, будто растенія полуострова Челюскина стремились переселиться далѣе къ сѣверу, но что ихъ задержало только море. И дѣйствительно здѣсь, на самомъ берегу, на весьма небольшомъ пространствѣ встрѣчались всѣ явнобрачныя и тайнобрачныя растенія, какія существуютъ на полуостровѣ, и изъ которыхъ многіе виды уже не встрѣчались далѣе, вверхъ по равнинѣ.

Животная жизнь полуострова какъ будто соперничала съ растительною въ бѣдности и скудности. Изъ птицъ здѣсь были усмотрѣны только нѣкоторые *Phalaropus*, нѣсколько видовъ *Tringa*, одинъ

Columbus arcticus, порядочная стая топорковъ и нѣсколько гагъ. Въ открытомъ морѣ, недалеко отъ берега, показался единственный моржъ, нѣсколько ватагъ бѣлугъ (*Delphinapterus leucas*) и нѣсколько небольшихъ тюленей (*Phoca hispida*). Теплокровныхъ животныхъ было также очень мало. Зато волокуша доставила на поверхность различные большіе водоросли (*laminaria Agardhi*), равно какъ и большое количество низшихъ видовъ животныхъ, въ томъ числѣ огромные экземпляры *Idothea entomon* и одинъ видъ *isopoda*, который также встрѣчается въ Балтійскомъ морѣ и въ большихъ озерахъ Швеціи, что служить лучшимъ доказательствомъ того, что эти озера во время ледяного періода имѣли сообщеніе съ полярнымъ океаномъ. Найденные здѣсь водоросли какъ нельзя лучше доказали ошибочность предположенія, будто Сибирское полярное море лишено высшихъ видовъ водорослей.

Между заливомъ Диксона и мысомъ Челюскина пароходы шли, не встрѣчая ни малѣйшихъ препятствій, только тамъ и сямъ попадались небольшія ледяныя поля, которыя они легко проламывали или же обходили. Ледъ былъ едва только годовалый и почти исключительно рыхлый. У мыса Челюскина замѣчена послѣдняя свободная полоса воды отъ 10 — 13 километр. ширины, далѣе къ сѣверу тянулись уже сплошныя массы толстаго плавающего льда.

20 августа пароходы пошли далѣе въ юго-восточномъ направленіи въ надеждѣ натолкнуться еще на какіе нибудь новыя сибирскіе острова. Но вскорѣ количество плавающего льда стало увеличиваться. 23 числа утромъ оказалось уже невозможнымъ продолжать плаваніе въ этомъ направленіи. Сдѣлали попытку, перемѣнили курсъ на сѣверо-западъ. Черезъ сутки „Вега“ была опять въ открытомъ морѣ, и въ тотъ же день показалась въ виду земля. То была, какъ оказалось, сѣверо-восточная оконечность полуострова Таймырскаго, подъ 76°30' сѣв. шир. и 113° вост. долг. приблизительно. На пространствѣ 15 — 16 километр. море было совершенно свободно отъ льдовъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи во внутрь страны видны были красивыя горы отъ 600—1000 метр. вышины. Ни на вершинахъ этихъ горъ, ни въ равнинѣ не было снѣга. Были усмотрѣны небольшіе глетчеры, но не выше 240—300 метр. надъ уровнемъ моря. Время же позволяло изслѣдовать ихъ обстоятельнѣе.

Животная жизнь здѣсь богата и чрезвычайно разнообразна. Пока корабль былъ прицѣпленъ къ большой льдинѣ, д-ръ Стусбергъ успѣлъ совершенно неожиданно вытащить волокушею изъ глубины 64 метровъ огромное количество прекрасныхъ видовъ морскихъ животныхъ. Въ числѣ ихъ были три экземпляра *Crinoideae*, уцѣпившіеся за палку волокуши, и молодые повидимому индивидуумы *Alecto Eschrichtii*. Равнымъ образомъ вытащены безчисленные экзем-

цлары прекрасныхъ морскихъ звѣздъ, напримѣръ: *Solaster papposus*, *endeca*, *furcifer*, *Pterastes militaris*, *Asterophyton eucnemis*, а также крайне рѣдкіе особи *Molpadia borealis* и гигантскій *Ruspogonid* 180 миллиметровъ въ діаметрѣ. Низшіе виды животной жизни имѣли также многочисленныхъ представителей на менѣ глубокихъ мѣстахъ. Встрѣчавшіяся здѣсь животныя принадлежали исключительно къ видамъ полярнаго моря, безъ всякой примѣси южныхъ морей, какъ это имѣетъ мѣсто въ морской фаунѣ Шпицбергена.

Земля къ востоку отъ мыса Челюскина лежитъ пятью градусами западнѣе, чѣмъ показано на картахъ. 24 августа опять увидали землю; то былъ островъ Преображенскій, передъ устьемъ рѣки Хатанги. И этотъ островъ лежитъ на сто километровъ западнѣе, чѣмъ значится на картахъ. Всѣ же опредѣленія по широтѣ оказались вѣрными, тогда какъ всѣ меридіаны мѣстъ были неправильно опредѣлены, будучи отнесены слишкомъ далеко къ востоку. Маленькій островокъ Преображенскій покрытъ безчисленными водорослями. Члены экспедиціи убили здѣсь нѣсколько бѣлыхъ медвѣдей; въ этихъ мѣстностяхъ ихъ водится порядочное количество. За исключеніемъ единственнаго оленя, застрѣленнаго Норденшельдомъ въ заливѣ Диксона, путешественники не видали болѣе ни одного. Передъ самымъ устьемъ Хатанги, глубина моря не превосходила 13 метровъ; даже, на значительномъ разстояніи отъ берега, лотъ показывалъ не болѣе 64 метровъ. При изслѣдованіи морскаго дна употреблялся особаго рода англійскій неводъ (Trawl-apparat). И зоологи и батаники были имъ очень довольны. Растительность этой мѣстности довольно богата; здѣсь не встрѣчаются, какъ на Шпицбергенѣ, необозримыя бесплодныя пространства голаго камня. Отъ мыса Челюскина видна была еще только одна отдѣльная горная цѣпь, доставлявшая пріятное развлеченіе для глаза, утомленнаго безконечнымъ однообразіемъ то возвышавшейся, то понижавшейся мѣстности красновато-зеленаго цвѣта ¹⁾.

¹⁾ Судя по наблюденіямъ, сдѣланнымъ во время этого путешествія, можно предположить, что у сибирскаго берега позднимъ лѣтомъ бываетъ не болѣе льду, чѣмъ въ Бѣломъ морѣ. Кромѣ обыкновенныхъ наблюденій надъ температурою морской воды, на ея поверхности въ связи съ обычными метеорологическими наблюденіями (шесть разъ въ теченіи сутокъ) были дѣлаемы два, три раза въ день наблюденія надъ температурою и солоноватостію воды на различной глубинѣ. На глубинѣ не менѣе 86 метровъ температура на днѣ колеблется между -1° и $1,4^{\circ}$ Ц. Удѣльный вѣсъ воды равняется 1,026—1,027, а солоноватость ея только немного меньше, чѣмъ въ атлантическомъ океанѣ. На поверхности моря температура воды чрезвычайно различна по мѣстностямъ: въ заливѣ Диксона $+10^{\circ}$, нѣсколько южнѣ пролива Таймыра $+6,4^{\circ}$, среди плавающихъ льдовъ въ томъ же проливѣ $+0,8^{\circ}$, въ заливѣ Таймырскомъ $+3^{\circ}$, у мыса Челюскина $0,1^{\circ}$, въ заливѣ Хатангскомъ $+4^{\circ}$, между устьями Хатанги и Лены отъ $+1,2^{\circ}$ до $+5,8^{\circ}$. Удѣльный вѣсъ воды на

27 августа оба парохода,—первыя суда, пришедшія когда-либо изъ Европы,—вошли въ дельту р. Лены. Въ ночь на 28 число они разстались. „Лена“ продолжала свой путь вверхъ по рѣкѣ. Плаваніе „Лены“ лежитъ внѣ предѣловъ этой книги, поэтому упомянемъ коротко, что она употребила на переходъ отъ Тромзэ до устьевъ Лены и потомъ вверхъ по рѣкѣ до Якутска всего только 55 дней.

„Вега“ начала свое отдѣльное плаваніе, покровительствуемаяпутнымъ вѣтромъ и ясною погодою. Въ послѣднихъ числахъ декабря 1878 г. шведское министерство иностранныхъ дѣлъ получило, между прочимъ, свѣдѣніе о томъ, „что недавно возвратившіеся изъ Ледовитаго океана въ Санъ-Франциско китоловы видѣли какое-то судно, задержанное льдами у Восточнаго мыса, и что, по всѣмъ примѣтамъ, это большаго размѣра судно принадлежитъ къ шведской полярной экспедиціи“. Сибириakovъ немедленно приказалъ построить въ Мальмѣ пароходъ, 358 тоннъ вмѣстимости, на которомъ намѣревался въ августѣ 1879 года отправиться черезъ Суецкій каналъ къ Берингову проливу для отысканія Норденшельда. Между тѣмъ было узнано, что „Вега“ дѣйствительно затерта во льдахъ недалеко отъ материка, нѣсколько западнѣе Восточнаго мыса, образующаго, какъ извѣстно, съ противоположащимъ мысомъ Принца Уэльскаго на американскомъ материкѣ Беринговъ проливъ. Въ виду этого была снаряжена экспедиція, которая сухопутно, на оленяхъ и собакахъ, черезъ Сибирь должна была стараться достигнуть мѣста стоянки Веги. Равнымъ образомъ одно изъ военныхъ судовъ русской эскадры въ Тихомъ океанѣ получило приказаніе при первой возможности пройти черезъ Беринговъ проливъ и подать помощь экспедиціи Норденшельда. Въ то же время Гордонъ Беннетъ, издатель американскаго журнала „Нью-Йоркъ Геральда“, отправлявшій изъ Санъ-Франциско свою Яхту «Жаннеттъ» въ полярное море, отдалъ ей приказаніе, пройдя Беринговъ проливъ, не падать усилий, чтобы получить вѣрнѣйшія свѣдѣнія о Норденшельдѣ и оказать его экспедиціи, если нужно и возможно, посильную помощь. Къ счастью, вскорѣ оказалось, что положеніе „Веги“ вовсе не такъ опасно, какъ сначала полагали.

поверхности въ широкой прибрежной полосѣ никогда не превосходитъ 1,023, а среднимъ числомъ составляя 1,01. Эта послѣдняя цифра соотвѣтствуетъ смѣси одной части морской воды съ двумя частями рѣчной. Это доказываетъ неопровержимымъ образомъ, что теплое и мало солоноватое поверхностное теченіе устьевъ Оби и Енисея идетъ сначала вдоль берега на сѣверо-востокъ, а затѣмъ получаетъ, подъ вліяніемъ вращенія, земли восточное направленіе. Другое, подобное же теченіе является изъ устьевъ рѣкъ: Хатанги, Анабары, Оленека, Лены, Яны, Индигирки и Колымы, которыя всѣ вливаютъ въ полярное море свои воды, болѣе или менѣе согрѣтыя жаркимъ сибирскимъ солнцемъ, и тѣмъ содѣйствуютъ освобожденію этого моря отъ льдовъ.

Мѣсто зпмовен „Венг“

Пройдя устье Лены, Вега продолжала свое дальнѣйшее плаваніе довольно благополучно, хотя и приходилось по временамъ бороться со льдомъ и остерегаться песчаныхъ отмелей. Продолжавшійся въ теченіи сентября сѣверный и сѣверо-западный вѣтеръ создалъ въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Беринговому проливу, весьма неблагоприятныя условія льда. Свободная вдоль берега полоса воды, способствовавшая плаванію, начиная съ устья Лены, закрылась у Барановскихъ острововъ, мимо которыхъ „Вега“ прошла 3 сентября. Съ этого мѣста, скопившійся въ громадныхъ массахъ ледъ крайне затруднялъ дальнѣйшее плаваніе. У мыса Якана пришлось простоять три дня. 11 сентября тронулись опять въ путь и 13 дошли съ величайшими усиліями до мыса Сѣвернаго, у котораго ледъ задержалъ „Вегу“ до 18 сентября. Послѣ этого экспедиція подвигалась впередъ очень медленно, встрѣчая массы льдовъ. 28 сентября достигли Колючинской бухты, подъ 67°6' сѣв. шир. и 173°30' вост. долг. Если бы „Вега“ пришла сюда нѣсколькими днями раньше, то она успѣла бы пройти Беринговъ проливъ. Море было тихо и сравнительно свободно отъ льдовъ, такъ что, казалось, о зимовкѣ нечего было и думать, но слѣдующая ночь уже рѣшила участь „Веги“. Плававшія кругомъ ледяныя горы, приближаясь къ берегу, были скованы за ночь громадными образовавшимися между ними, ледяными площадями. Къ утру Норденшельду и его спутникамъ пришлось убѣдиться въ томъ, что они окончательно схвачены льдами и что нужно готовиться къ зимовкѣ. Ледъ въ море простирался на 32 километра, до берега же было не болѣе 2½ километровъ. Пришлось отказаться отъ всякой попытки идти впередъ и, прикрѣпившись къ большой, старой льдинѣ, помириться со своимъ положеніемъ до поры до времени. Три дня спустя можно было уже по вновь образовавшемуся льду добраться до берега. Пароходъ стоялъ въ безопасномъ мѣстѣ, хотя и не въ заливѣ, прикрѣпленный, какъ уже сказано, къ коренной льдинѣ, на неглубокомъ мѣстѣ, у Сердце-Камня, вблизи сѣверо-восточнаго мыса Чукотскаго полуострова, недалеко отъ мыса Восточнаго, въ 180 километрахъ отъ Берингова пролива, словомъ въ такомъ мѣстѣ, куда ежегодно приходятъ китовы изъ Тихаго океана. „Мы стоимъ теперь,—писалъ Норденшельдъ 25 ноября 1878 г.—на небольшомъ разстояніи отъ самаго узкаго мѣста Берингова пролива. Болѣе чѣмъ жестоко было бы, если бы намъ не удалось одолѣть это ничтожное пространство, послѣ того, какъ мы прошли такое огромное разстояніе по совершенно невѣдомымъ мѣстамъ. Если бы мы были здѣсь тремя днями раньше, то навѣрное стояли бы уже теперь въ Японіи. Мы пришли сюда 28 сентября, холодъ усиливался; между плавающими горами быстро образовался новый ледъ, такъ что „Вега“

была лишена возможности двигаться. Съ тѣхъ поръ, ежедневно увеличиваясь, толщина льда достигла 60 сантиметровъ. Мы стоимъ въ одной англійской милѣ отъ берега материка, на глубинѣ 4-хъ сажень, между нами и землею находится двѣ, параллельныя съ нею, песчанныя отмели, 10 фут. глубины. Такъ какъ ледъ достигъ значительной толщины, то намъ кажется, что „Веѣѣ“ нечего опасаться напора льдовъ. Наше мѣсто далеко отъ крайняго сѣвера, поэтому мракъ насъ мало тяготитъ. Сегодня у насъ 7 свѣтлыхъ часовъ, 21-го декабря будетъ не менѣе 5 часовъ. Холодъ, напротивъ, кажется суровѣе, чѣмъ на Шпицбергенѣ. Температура равномерная, понижается медленно. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, что мы теперь здѣсь стоимъ, вѣтеръ постоянно дуетъ съ сѣверо-востока или съ сѣверо-запада; большею частью съ сѣверо-востока. Мы построили на берегу ледяной домъ для магнетическихъ наблюдений. Инструменты уже поставлены, наблюденія начнутся „завтра“.

Уже у Шелагскаго мыса берегъ былъ усыянъ юртами чукчей, по 5 — 15 вмѣстѣ. Эти инородцы очень скоро вошли въ дружественныя сношенія съ пришедшими туда мореплавателями. Такъ какъ они не понимаютъ по-русски, то обоюдныя сношенія были сначала довольно затруднительны, но лейтенантъ Нордквистъ принялся за изученіе ихъ языка и вскорѣ составилъ шведско-чукотскій словарь, заключающій въ себѣ болѣе 300 словъ. Въ теченіе продолжительной зимы шведскіе ученые имѣли достаточно времени, чтобы изучить нравы и обычаи этого полярнаго народа. Чукчи, по наружности похожіе на эскимосовъ, имѣютъ черные волосы, черные глаза, бурый цвѣтъ кожи и невелики ростомъ. Женщины татуируются, мужчины же нѣтъ. Чукчъ очень вѣжливъ и услужливъ, въ особенности если онъ имѣетъ въ виду получить „какау“, какъ онъ вообще называетъ всякаго рода пищу, которою его угощаютъ. За водку чукчъ дѣлаетъ все что угодно. Къ лѣту здѣсь ежегодно собирается большое число американскихъ судовъ, которыя ведутъ съ чукчами мѣновую торговлю и привозятъ туда, не смотря на запретъ русскаго правительства, огромное количество хлѣбнаго вина и спирта. На „Веѣѣ“ приняли за правило въ мѣнѣ съ инородцами не допускать вина. Только изрѣдка рюмка водки предлагалась въ видѣ угощенія, для веселья. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ корабля было три селенія: Еутлинъ, Питлеай и Иргунеукъ. Туземцы живутъ рыболовствомъ; они одѣваются въ звѣринныя шкуры, которыми также покрываютъ свои юрты. Осѣдлые чукчи вымѣниваютъ оленье шкуры у своихъ кочующихъ однородцевъ, занимающихся оленеводствомъ и переходящихъ для этого съ мѣста на мѣсто. Береговые чукчи ѣздятъ на собакахъ; зимою, когда рыболовство невозможно, они разъ-

ѣзжаютъ на нихъ вдоль берега, занимаясь мѣнною торговлею. Зима 1878 — 79 года была чрезвычайно суровая, вслѣдствіе чего между бѣдною частью населенія открылся голодъ. Насколько дозволяли собственные запасы, Норденшельдъ помогалъ чукчамъ, отпустивъ имъ одновременно около ста пудовъ печенаго хлѣба. Бове и Нордквисту поручено было отправиться съ чукчами на трехъ саняхъ, запряженныхъ собаками, въ Нижнеколымскъ, съ тѣмъ, чтобы остаться тамъ до конца января или начала февраля, когда дни уже станутъ значительно длиннѣе. Однако чукчи, которые согласились было съ ними ѣхать, скрылись и болѣе не показывались, такъ что пришлось отказаться отъ этой поѣздки.

О томъ, какъ прошла зима, Норденшельдъ пишетъ: „Рождество Спасителя мы праздновали на средней палубѣ, украшенной значками и соотвѣтствующими національными флагами. Ёлка, сдѣланная изъ связанныхъ тальниковыхъ сучьевъ, была богато украшена маленькими флагами, свѣчами, разноцвѣтною бумагою и не менѣе 192 подарками. Въ 6 часовъ пополудни мы собрались всѣ вокругъ ёлки и по жребію разыграли подарки; каждому досталось по шести. Вечеромъ, за ужиномъ, радостное настроеніе и веселье до такой степени овладѣли всѣми, что трудно было себѣ представить, что на дворѣ 35° мороза. Новый годъ мы встрѣтили пушечною пальбою и фейерверкомъ. При сильномъ вѣтрѣ холодъ на послѣдокъ сталъ крайне непріятенъ. Штормъ при 34° мороза дѣло невеселое. Во все время вѣтеръ дулъ съ сѣверо-запада или съ сѣверо-востока; только одинъ разъ былъ южный, а другой разъ юго-восточный вѣтеръ. 30 декабря мы имѣли въ теченіи нѣсколькихъ часовъ +2°. Въ большинствѣ случаевъ, когда дулъ южный вѣтеръ, море очищалось отъ льдовъ на довольно значительное разстояніе. Послѣдній разъ, это свободное отъ льдовъ пространство было такъ велико, что мы не могли рассмотреть противоположнаго края. Такъ какъ, по рассказамъ туземцевъ, начиная съ февраля вѣтеръ дуетъ постоянно съ юга или юго-востока, то можно ожидать, что море вскорѣ очистится, но дастъ ли намъ свободная вода возможность добраться до Берингова пролива—это еще вопросъ. Средняя температура въ октябрѣ равнялась—5,2°, въ ноябрѣ—16,6°, въ декабрѣ—22,8°; наименьшая температура до сихъ поръ была—37,2° Ц. Барометръ колебался между 786 и 734 мил. Въ послѣднее время выпало много снѣгу. Ледъ нынѣшнею зимою достигъ толщины 1 метра; ежемѣсячное утолщеніе льда равнялось среднимъ числомъ 20—25 см. Команда парохода пользуется отличнымъ здоровьемъ и бодро переноситъ всѣ лишения“. Отъ 20-го февраля 1879 года, знаменитый шведскій ученый писалъ: „мы надѣемся освободиться не позже іюня и затѣмъ направимся въ Японію, а оттуда на родину. Въ послѣднее

время мы менѣе страдали отъ нескончаемаго сѣверо-сѣверо-западнаго вѣтра; его мѣсто заступилъ южный вѣтеръ и отчасти юго-западный, доходившій по временамъ до степени урагана при температурѣ нѣсколько выше точки замерзанія. Средняя температура января была—25,1°, максимумъ—4,1°, минимумъ—46,0° Ц.^а.

Терпѣнію полярныхъ изслѣдователей было, однако, суждено подвергнуться болѣе продолжительному испытанію, чѣмъ предполагалъ Норденшельдъ. Весна приближалась медленно, при равномерномъ повышеніи температуры. 18-го іюля 1879 года, утромъ еще не было замѣтно никакой перемѣны въ положеніи льдовъ, и всѣ уже помирились съ мыслью, что еще недѣли двѣ придется простоять въ томъ же положеніи. Но природа, повидимому, любитъ подшучивать надъ человѣческими соображеніями. Около полудня того же числа, со страшнымъ грохотомъ и трескомъ необъятная ледяная площадь была взломана, а въ 4 часа „Вега“ уже развела пары и тронулась въ путь, послѣ 294 дней бездѣйствія. 20-го іюля наши путешественники обогнули Восточный мысъ, имѣя запасъ угля въ 80 тоннъ. По пути зашли въ Портъ Кларенсъ, на американскомъ берегу, въ заливы св. Лаврентія и Коньямъ и затѣмъ направились къ острову Беринга для зоологическихъ и ботаническихъ изслѣдованій. На Беринговомъ островѣ было найдено, кромѣ многихъ другихъ интересныхъ предметовъ, множество окаменѣлыхъ костей, остатковъ огромнаго морскаго животнаго (*Rhytina Stelleri*), существовавшаго вѣроятно нѣсколько столѣтій тому назадъ. Отъ острова Беринга Норденшельдъ пошелъ прямо въ Японію, покровительствуемый прекрасною погодою до самаго 31-го августа. Въ этотъ день разразилась страшная буря съ грозю. Молнія ударила въ вершину главной мачты и расколола ее, не причинивъ, къ счастью, другого вреда и поваливъ только, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, нѣсколько человѣкъ команды.

Наконецъ 2-го сентября смѣлый Норденшельдъ, не щадившій трудовъ и неотступавшій ни передъ какими опасностями, прибылъ со своими вѣрными спутниками въ портъ Йокагаму, восторженно привѣтствуемый всѣми кораблями, стоявшими тамъ на якорѣ. Въ теченіи цѣлыхъ 14-го мѣсяцевъ продолжалось многотрудное плаваніе и во все это время команда „Веги“ пользовалась отличнѣйшимъ здоровьемъ; цынги, этого страшнаго врага полярныхъ путешественниковъ, не было и признака. То было по-истинѣ удивительное торжество, когда Норденшельдъ могъ телеграфировать изъ Йокагамы своему королю Оскару: „Шведская экспедиція приносить высокому покровителю поздравленіе по случаю выполненія своей задачи; сѣверо-восточный проходъ открытъ, океанъ достигнутъ безъ потери единого человѣка, безъ всякой болѣзни среди команды, безъ малѣйшаго по-

вреденія парохода". 19-го октября „Вега“ вышла изъ Йокагамы и направилась въ давно желанный путь:—на родину. Въ Японіи экспедиціи были оказаны различнаго рода почести, какъ мѣстнымъ географическимъ обществомъ, такъ и вообще просвѣщенными жителями Токио и Йокагамы. „Вега“ зашла въ Цейлонъ и Сингапуръ, затѣмъ прошла черезъ Суецкій каналъ и совершила такимъ образомъ первое плаваніе вокругъ „Старого свѣта“.

Вездѣ, куда только „Вега“ ни заходила на обратномъ пути, Норденшельдъ и его спутники были чествуемы, какъ герои дня. Влистательнымъ пиромъ въ Нагасаки, а затѣмъ въ Сингапурѣ начался рядъ овацій, достигшихъ на европейской почвѣ высшей степени торжества. Великолѣпный пріемъ былъ сдѣланъ Норденшельду въ Италіи, гдѣ, въ Неаполѣ, экспедиція впервые опять вступила на европейскую почву. Въ Парижѣ экспедиція удостоилась новыхъ овацій, въ которыхъ принялъ участіе младшій сынъ короля Швеціи и Норвегіи, Оскара II-го, нарочно пріѣхавшій въ Парижъ ко дню чествованія своихъ соотечественниковъ. Признаніе заслугъ Норденшельда было выражено многими правительствами пожалованіемъ ему орденовъ высшихъ степеней. Если бы Норденшельдъ имѣлъ время и возможность, согласно приглашенію амстердамскаго географическаго общества, зайти въ Голландію, то ему непременно выплатили бы, назначенную въ 1611 году генеральными штатами за открытіе сѣвернаго прохода, премію въ 25,000 франковъ, такъ какъ это постановленіе штатовъ не было еще отмѣнено.

Въ Колленгагенѣ „Вега“ вошла въ сопровожденіи 9 пароходовъ, при громкой пушечной пальбѣ; королевскій дворъ и городъ соперничали между собою въ оказаніи почестей храброй горсти полярныхъ плавателей. Само собою понятно, что самыя большія оваціи ожидали путешественниковъ на ихъ родинѣ. Выборные отъ шведскихъ государственныхъ чиновъ поднесли Норденшельду и Паландеру пожизненную пенсію въ 4,000 кронъ ежегодно, и 50,000 кронъ для распредѣленія между остальными участниками перваго плаванія вокругъ „Старого свѣта“. Король Оскаръ повелѣлъ, чтобы „Вега“ при входѣ въ Стокгольмъ была встрѣчена пушечною пальбою съ казенныхъ судовъ, съ каждаго по пяти выстрѣловъ. Университеты Упсалы и Лундъ прислали въ Стокгольмъ депутацію ко дню встрѣчи, происходившей 24-го апрѣля 1880 года. Въ 10^{1/2} часовъ вечера, когда „Вега“ вошла въ портъ, въ сопровожденіи приблизительно 200 пароходовъ, берегъ блисталъ яркими огнями; зрѣлище было по-истинѣ чарующее, производившее невыразимое впечатлѣніе на каждаго, участвовавшего когда либо въ подобномъ торжествѣ. Вся столица Швеціи, въ которой проживаетъ не менѣе 30,000 иностранцевъ, была блистательно иллюминирована. У

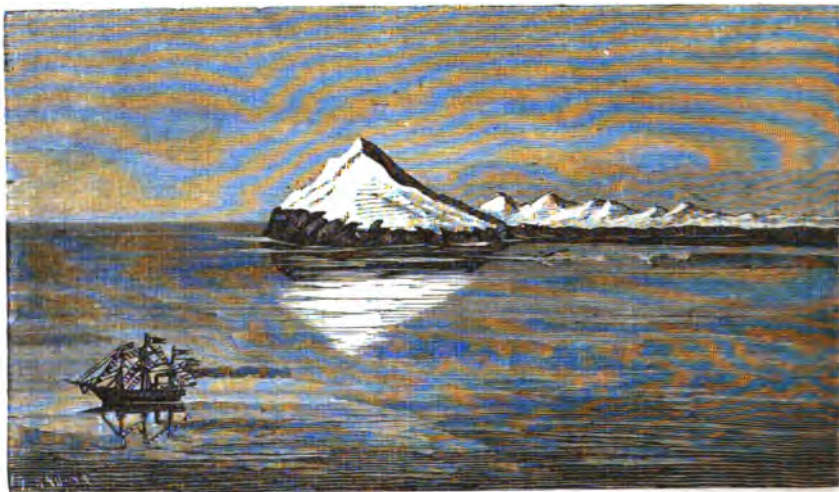

пристани была устроена эстрада, на которой собрались городские чины для встрѣчи виновниковъ торжества. Во дворцѣ король лично привѣтствовалъ всѣхъ членовъ экспедиціи и въ тотъ же день возвелъ Норденшельда въ баронское достоинство, а лейтенанту Паландеру и готенбургскому пароходовладѣльцу Оскару Диксону пожаловалъ дворянское достоинство. Диксонъ въ то же время награжденъ еще большимъ крестомъ Сѣверной Звѣзды, командоромъ которой былъ пожалованъ и русскій купецъ А. Сибиряковъ ¹⁾).

¹⁾ На другой день король удостоилъ пригласить членовъ экспедиціи къ торжественному обѣденному столу. Всѣхъ гостей, которыхъ было приглашено 164 человѣка, король Оскаръ принималъ въ великольной Гобеленовой залѣ между портретною галереєю и большою залю, называемою „Бѣлымъ Моремъ“. Четыре сына короля прибыли также къ столу. Въ числѣ приглашенныхъ были: супруги Норденшельда и Паландера, всѣ министры и дипломатическіе представители иностранныхъ державъ съ ихъ супругами, придворные чины, генералы, начальники присутственныхъ мѣстъ, депутаціи различныхъ академій и ученыхъ учреждений. Только одинъ гость былъ провозглашенъ, и то самимъ королемъ, — въ честь экспедиціи „Веги“. При этомъ король, между прочимъ, высказалъ слѣдующее: „Геніи прокладываютъ себѣ новыя пути. Мужественная стойкость и твердая воля побѣждаютъ препятствія. Предпримчивость и ловкость пользуются вновь открытыми путями сообщенія для улучшенія всеобщаго благосостоянія. Бартоломео Диасъ, Васко де-Гама, Христофоръ Колумбъ, Фердинандъ Магелланъ, Джеймсъ Кукъ и другіе плавали черезъ невѣдомыя моря къ новымъ берегамъ; по стопамъ ихъ двинулась всемірная торговля, распространила благосостояніе и цивилизацію. Въ то время, когда новыя части земного шара освѣщались факелами знаменитыхъ изслѣдователей, одна часть Стараго свѣта оставалась погруженною во мракъ неизвѣстности; сѣверное побережье именно той части свѣта, которая считается колыбелью человѣческаго рода, до новѣйшаго времени было окружено непроницаемою броней полярныхъ льдовъ. Нашему столѣтію было суждено прорвать нѣкоторыя звенья этихъ ледяныхъ оковъ и намъ дорогою шведскій флагъ развѣвается теперь на мачтѣ того корабля, который впервые обошелъ кругомъ всей Азіи. То боязливые, то полные удивленія взоры всего образованнаго свѣта слѣдили за страшнымъ и въ то же время смѣлымъ плаваніемъ „Веги“. Великое дѣло теперь свершилось; весь народъ привѣтствуетъ единогласнымъ ликованіемъ своихъ героев, которые боролись, уповали и побѣдили. Во главѣ всѣхъ привѣтствую васъ, баронъ Норденшельдъ; вы давно уже стяжали себѣ имя знаменитаго изслѣдователя сѣвера, а теперь являетесь мудрымъ руководителемъ предпріятія, открывшаго, наконецъ, послѣ столѣтнихъ тщетныхъ попытокъ, сѣверо-восточный проходъ. Рядомъ съ вами стоитъ офицеръ шведскаго флота, капитанъ Паландеръ, неустрашимый командиръ „Веги“. Вы оба окружены горстью неутомимыхъ изслѣдователей, славныхъ офицеровъ и отборною командою, раздѣлявшихъ съ вами трудности и опасности плаванія, а теперь они счастливые участники того почета, съ которымъ васъ встрѣчаютъ, той чести, которая вамъ принадлежитъ. Исторія вѣчно будетъ съ благоговѣніемъ вспоминать полярное плаваніе „Веги“ и, такимъ образомъ, свидѣтельствовать о томъ, что въ состояніи выполнить норманская сила. Наше любезное отечество украсилось новыми свѣжими лаврами, которые мы сложимъ на алтарь безчисленныхъ воспоминаній минувшихъ дней. Слава тѣмъ дѣятелямъ, которые стяжали эти лавры! Отъ имени шведскаго народа и за себя выражаю вамъ всѣмъ мою искреннѣйшую благодарность и горжусь вашими подвигами!“ Во время рѣчи вся команда „Веги“ вошла безъ шума въ залу торжества съ бокалами въ рукахъ и такимъ образомъ раздѣляла честь тоста, провозглашеннаго ихъ королемъ.

Отовсюду и вездѣ выражалась живѣйшая радость по случаю благополучнаго возвращенія шведской экспедиціи, только въ Англіи какъ-то холодно отнеслись къ этому торжеству мореплаванія. Уже раньше все то, что сообщалось о ходѣ плаванія „Веги“, порождало неудовольствіе между англичанами, которыхъ раздражала сравнительная ничтожность результатовъ, достигнутыхъ плаваніями „Чалленгера“ (Небоющагося соперничества) и „Алерта“ (Рѣзваго). Гордый Альбионъ не могъ не сознаться, что въ послѣднее время многія государства превзошли его въ дѣлѣ обширныхъ и научныхъ морскихъ изслѣдованій, и это сознаніе тѣмъ непріятнѣе, что уже издавна первенство на моряхъ принадлежало исключительно одной Англіи. Австрійская полярная экспедиція не мало способствовала приведенію Англіи къ этому сознанію и не безъ зависти были признаны ея заслуги. Въ различныхъ кружкахъ Великобританіи возбужденъ уже вопросъ о новыхъ широкихъ экспедиціяхъ съ научною цѣлью и нужно надѣяться, что успѣхъ шведской экспедиціи дастъ новый толчекъ и вызоветъ соревнованіе, которому нельзя не радоваться. Норденшельдъ твердо убѣжденъ, что плаваніе изъ Европы черезъ Беринговъ проливъ можетъ установиться съ несомнѣннымъ успѣхомъ, коль скоро будутъ приобрѣтены достаточныя свѣдѣнія объ условіяхъ льдовъ въ Сѣверномъ океанѣ. Путь изъ Японіи къ устьямъ Лены не представляетъ, по мнѣнію Норденшельда, никакихъ препятствій опытному и внимательному мореплавателю, а такъ какъ по Ленѣ возможно установить непосредственное сообщеніе съ центромъ Сибири, то и предвидится весьма желательное развитіе торговыхъ сношеній, которыми болѣе всего, конечно, воспользуется Японія. Очень возможно и даже вѣроятно, что торговля и мореплаваніе извлекутъ немалую пользу изъ открытія постоянного пути сообщенія между Европою и крайнимъ востокомъ, вдоль сѣвернаго побережья азіатскаго континента, и что этотъ путь послужитъ къ тому, чтобы завязать прочныя сношенія между иностранными рынками и обширными производительными областями Сибири, благодаря мощнымъ водянымъ жиламъ этого богатаго края. Спрашивается только: настала ли теперь уже пора для того, чтобы торговныя сношенія сѣверной Европы съ азіатскими и сѣверо-американскими берегами Тихаго океана шли путемъ Берингова пролива, оставивъ старую торную дорогу по Атлантическому океану? Норденшельдъ, между тѣмъ, составляетъ уже новый проектъ полярной экспедиціи. Въ письмѣ отъ 31-го мая 1879 г. онъ пишетъ Сибирякову: „По возвращеніи въ Европу я предполагаю заняться въ теченіи года составленіемъ описанія плаванія „Веги“, но послѣ того я желалъ бы продолжать изслѣдованіе Ледовитаго океана по берегу Сибири, начиная отъ устья Лены и принявъ Ново-Сибирскія острова базисомъ

всего предпріятія. Подобное изслѣдованіе имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для преслѣдуемой мною цѣли, а именно для того, чтобы сѣверную часть Азіи сдѣлать вполне доступною для торговаго мореплаванія.

„Вѣга“ огибаетъ Восточный мысъ.

ЧЕРЕЗЪ БЕРИНГОВЪ ПРОЛИВЪ КЪ СЪВЕРНОМУ ПОЛЮСУ.

ОТЯ СЧАСТЛИВЫЙ исходъ шведской экспедиціи, подъ начальствомъ Норденшельда, и сдѣлалъ совершенно излишнимъ снаряженіе новыхъ экспедицій для отысканія сѣверо-восточнаго прохода, но такъ какъ къ началу 1879 года объ истинномъ положеніи „Веги“ ничего не было извѣстно, то русскій купецъ Александръ Сибиряковъ и издатель американской газеты „Нью-Йоркъ-Геральдъ“, Джемсъ Гордонъ Беннетъ, отправили свои суда, поручивъ имъ разыскать Норденшельда и оказать ему, если это окажется необходимымъ, посильную помощь. Оба судна направились къ Берингову проливу. Мѣстность эта не была посѣщаемая ни одною ученою экспедиціею со временъ Келлета, Коллинсона и Макъ-Клюра. Нѣсколько разъ предприимчивые и энергичные мореплаватели собирались обратить свои наблюденія на эту мало извѣстную область сѣвера, но всякій разъ безуспѣшно и дѣло ограничивалось постоянно только доброю волею и желаніемъ. Всѣ эти попытки исходили изъ среды морской націи, ничтожное участіе которой въ дѣлѣ изслѣдованія арктическаго пояса является вопиющимъ противорѣчіемъ той высоты, которую она занимаетъ въ образованномъ мірѣ. И дѣйствительно, англичане и сѣверо-американцы, русскіе, шведы и норвежцы, датчане и нѣмцы, даже австрійцы являются постоянно видными дѣятелями на крайнемъ сѣверѣ; исторія полярныхъ изслѣдованій не упоминаетъ только имени одной Франціи, а между тѣмъ наука землѣдѣнія вообще ей многимъ обязана. Нельзя забыть, что Франція основала первое географическое общество и что нѣкогда многочисленныя путешествія были предприняты и осуществлены исключительно *par ordre du roi* этого государства. Все, что сдѣлано Франціею для изслѣдованія полярныхъ странъ со времени знаменитаго Картье, можетъ быть легко пересчитано по паль-

цать: славные труды „Решерша“, несчастное плаваніе „Лилонзи“, подъ начальствомъ Блосвиля и трагическое участіе Белло въ Инглефильдовской экспедиціи для отысканія Франклина — вотъ и все.

Сознаніе этого въ связи съ новымъ толчкомъ, который далъ въ Германіи дѣлу полярныхъ изслѣдованій д-ръ Петерманнъ, побудило, лейтенанта Густава Ламбера въ 1867 г. составить планъ обширной полярной экспедиціи черезъ Беринговъ проливъ. Уже выше было упомянуто, что смерть Ламбера, при осадѣ Парижа въ 1870 году, разстроила это предпріятіе, которое предполагалось ¹⁾ осуществить въ томъ году.

Въ 1871 году, проживающій въ Санъ-Франциско богатый французъ, Октавъ Пави, воспользовался мыслью Ламбера, намѣреваясь на свой счетъ снарядить экспедицію къ сѣверному полюсу черезъ Беринговъ проливъ ²⁾. Вскорѣ, однако, объ этомъ проектѣ перестали даже говорить, а въ 1873 г. мы читаемъ въ *Petermann's Geograph. Mitth.* (стр. 110) слѣдующія знаменательныя строки: Въ новѣйшее время проникъ въ печать какой-то туманный отчетъ мнимой экспедиціи Пави о вновь будто-бы открытой полярной землѣ къ сѣверу отъ Берингова пролива. Этотъ отчетъ поддѣльный. Пави и его экспедиція давно уже имѣли печальный конецъ въ Санъ-Франциско, конецъ, настолько печальный и жалкій, что я,

---

¹⁾ Образовавшійся для этой цѣли въ Парижѣ комитетъ состоялъ изъ 56 лицъ, изъ числа которыхъ мы назовемъ: Гизо, Шаслу-Лоба, генерала Лебѣфа, Гавена, Дрюэнъ-де-Луи, Генри Мартэна, Мишеля Шевалье и т. д. Въ призывѣ, сдѣланномъ этимъ комитетомъ, сказано, что предполагаемая экспедиція пойдетъ по совершенно новому пути, на которомъ еще никогда не было сдѣлано попытки проникнуть къ сѣверу, съ тѣмъ „чтобы добраться до „полюснн“, признанной свободною отъ льдовъ, а оттуда проникнуть до самаго полюса“. Открыли подписку. Какъ только собралась-бы сумма въ 600 тыс. фр. предполагалось приступить къ снаряженію корабля, нарочно прибрѣтеннаго для этого плаванія. Хотя и справедливо, что подписка была встрѣчена съ живымъ участіемъ, тѣмъ не менѣе результатъ ея не былъ настолько значителенъ, чтобы покрыть расходы по снаряженію экспедиціи. Въ 1869 году *Journal officiel* сообщилъ, что собранная сумма можетъ покрыть большую часть расходовъ и что поэтому нѣтъ основаній опасаться недостаточности денежныхъ средствъ или тому подобныя серьезныя затрудненія и наконецъ, что французская экспедиція будетъ въ состояніи выйти въ море будущаго весною, въ виду чего Ламберомъ уже купленъ корабль, предназначенный для этой цѣли. Корабль этотъ, построенный въ Канадѣ для плаваній по Ледовитому морю, получилъ названіе „Le Boréal“; онъ трехмачтовый, 1000 тоннъ вѣстимости и находится въ настоящее время въ Гаврѣ, гдѣ и приспособляется для спеціальной цѣли этой экспедиціи; принимаются всѣ мѣры для обезпеченія полнаго успѣха дѣла; продовольственныхъ припасовъ и угля погружается на шесть лѣтъ (?!).

²⁾ *Petermann's Geograph. Mitth.* 1871 г. стр. 357.

изъ уваженія къ нашимъ уважаемымъ французскимъ сотрудникамъ на поприщѣ науки, не хочу о немъ ничего сообщать ¹⁾).

Въ 1872 году нашелся въ лицѣ Густава Амбера (Amber) человекъ, изъявившій готовность, въ циркулярѣ отъ 24-го февраля, принять на себя исполненіе мысли Густава Ламбера. Собранныя Ламберомъ суммы простирались до 500 тыс. франковъ ²⁾. По слѣдамъ Пайеро-Вейпрехтовской экспедиціи 1871 года предполагалось сначала въ апрѣлѣ, потомъ въ іюлѣ 1872 года отправить изъ Франціи, а въ августъ изъ Тромсэ, большой жѣлѣзный винтовой пароходъ, стоявшій въ Гаврѣ (вѣроятно „Бореаль“ Ламбера), подъ командою дѣльнаго норвежскаго капитана Мака. О проектѣ этой экспедиціи Макъ писалъ: „Если мы дойдемъ до Ново-Сибирскихъ острововъ еще въ теченіи лѣта нынѣшняго года, то тамъ и перезимуемъ, въ противномъ же случаѣ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ сибирскаго побережья. Предполагается идти черезъ Югорскій проливъ въ Карское море, затѣмъ вдоль берега Самоѣдскаго полуострова до Бѣлаго острова, а отсюда уже повернуться на сѣверъ. Экспедиція снаряжена на 2½ года“. Но, повидимому, въ виду имѣлся только ловъ китовъ и другихъ морскихъ животныхъ для полученія ворвани. Плаваніе это не состоялось, по крайней мѣрѣ, съ 1873 года имя Амбера безслѣдно исчезаетъ изъ исторіи полярныхъ плаваній, а Макъ, какъ намъ извѣстно, въ 1873 г. былъ у Шпицбергена при совершенно другихъ условіяхъ, слѣдовательно, онъ не руководилъ предполагаемою французскою экспедиціею. Хотя парижское географическое общество въ засѣданіи 3-го мая 1872 г. и постановило передать вопросъ о полярной экспедиціи на разсмотрѣніе спеціальной комиссіи, однако тщетно перерыли мы всѣ томы ея бюллетеней:—мы не нашли никакихъ извѣстій о занятіяхъ этой комиссіи. Этимъ и кончается пока участіе Франціи въ дѣлѣ полярныхъ изслѣдованій.

Мысль Ламбера о возможности проникнуть къ полюсу черезъ Беринговъ проливъ была встрѣчена неподдѣльнымъ сочувствіемъ за предѣлами Франціи. Единственное возраженіе, которое сдѣлалъ Петерманнъ, состояло въ томъ, что Беринговъ проливъ слишкомъ далекъ отъ Европы и что выполненіе проекта потребуетъ значительной затраты времени и денегъ. Эти невыгоды, разумѣется, не существуютъ для тѣхъ, которые выходятъ изъ Санъ-Франциско, равнымъ образомъ онѣ не были приняты во вниманіе при отправленіи судовъ для подачи помощи „Вегѣ“. Такъ какъ

¹⁾ Petermann's Geograph. Mitth. стр. 110. 1873 г.

²⁾ По свѣдѣніямъ другихъ только до 120 тыс. фр. См. Bulletin de la Société de géographie de Paris. 1872. т. I, стр. 112.

вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что „Вега“ находится недалеко отъ Берингова пролива, то и не было кратчайшаго пути къ ней, какъ черезъ этотъ проливъ, поэтому-то оба парохода, Сибирякова и Беннета, и пошли по этому направленію.

Какъ мы уже упоминали, Сибиряковъ, немедленно по полученіи неблагопріятныхъ извѣстій о „Вегѣ“, распорядился постройкою на Коккумской верфи, въ Мальмѣ, желѣзнаго парохода 350 тоннъ вмѣстимости и съ деревянною наружною обшивкою. Пароходъ, названный въ честь знаменитаго шведскаго изслѣдователя „А. Е. Норденшельдомъ“, 14-го апрѣля 1879 г. былъ уже спущенъ на воду, а 13-го мая выступилъ черезъ Суецкій каналъ по направленію къ Берингову проливу. Командованіе этимъ кораблемъ, который въ послѣдствіи долженъ былъ плавать по Ленѣ, а можетъ быть и по Енисею, было поручено опытному въ арктическихъ плаваніяхъ нѣмецкому моряку Зенгштаке, бывшему старшимъ лейтенантомъ на „Германіи“, во время 2-й нѣмецкой полярной экспедиціи 1869—70 годовъ. Заботясь объ изслѣдованіи Сибирской части Ледовитаго океана и снабдивъ въ этихъ видахъ пароходъ всѣми необходимыми научными инструментами, Сибиряковъ пригласилъ къ участію въ этой экспедиціи одного изъ самыхъ выдающихся молодыхъ метеорологовъ Германіи, начальника метеорологическаго бюро въ Лейпцигѣ, барона Данкельмана, а со стороны русскаго географическаго общества профессора Григорьева, хотя и молодого, но уже опытнаго ботаника. 7-го іюня пароходъ „Норденшельдъ“ прошелъ Суецкій каналъ, заходилъ 9-го—11-го іюля въ Сингапуръ, а 27-го іюля прибылъ въ Іокагаму, откуда опять выступилъ 1-го августа, принявъ на бортъ достаточный запасъ угля. Подъ широтою сѣверо-восточнаго мыса острова Іезо, пароходъ этотъ попалъ въ одинъ изъ свирѣпствующихъ тамъ по временамъ смерчей (тейфунъ), причемъ потерпѣлъ полнѣйшее крушеніе. Весь экипажъ, къ счастью, былъ спасенъ и всѣ члены экспедиціи вернулись въ Іокагаму.

Другая экспедиція, посланная Беннетомъ на помощь Норденшельду, имѣла къ тому времени уже свою исторію. Поощренный блистательнымъ успѣхомъ снаряженной имъ экспедиціи Стэнлея во внутреннюю Африку, предприимчивый духъ издателя „Нью-Йоркъ Геральда“ (New-York Herald), Гордона Беннета, уже нѣсколько времени обратилъ свое вниманіе на разрѣшеніе вопросовъ полярной области, чѣмъ до него долгое время занимался въ Соединенныхъ Штатахъ морской инженеръ-лейтенантъ Минцеръ. Этотъ послѣдній, находясь на пароходѣ „Тигрица“, открылъ въ 1875 году, въ заливѣ Кумберландъ, богатныя графитныя залежи и хлопоталъ, при содѣйствіи правитель-

ства, о снаряженіи новой полярной экспедиціи. Мысль эту осуществилъ Джемсъ Гордонъ Беннетъ. Онъ купилъ лѣтомъ 1878 г. английскую паровую яхту „Пандору“, построенную собственно для полярныхъ плаваній и оказавшую, какъ намъ извѣстно, уже большія услуги въ области вѣчныхъ льдовъ, въ особенности доставленіемъ продовольственныхъ запасовъ и почтовыхъ посылокъ экспедиціи Нерса. Въ Уалькерсъ-Ярдѣ, на Темзѣ, яхта была совершенно заново отдѣлана, такъ что послѣ перестройки явилась совершенно новымъ кораблемъ ¹⁾. Въ то же время состоялось постановленіе конгресса Соединенныхъ Штатовъ, въ силу котораго „Пандорѣ“ предоставлялось право плаванія подъ американскимъ флагомъ, а президенту поручалось назначить на нее офицеровъ изъ правительственного флота. На основаніи того же постановленія „Пандора“ была переименована въ „Жаннетту“ (въ честь сестры Беннета). Торжественное ея переименованіе совершено въ Гаврѣ. Послѣ того яхта вышла въ іюлѣ 1878 г. въ море, прошла черезъ Магеллановъ проливъ, и прибыла, послѣ бурнаго перехода, совершеннаго въ 165 дней, въ Санъ-Франциско, причемъ оказалась отличнымъ ходокомъ подъ парусами. На правительственной верфи въ Мэръ-Эйлэндѣ было немедленно приступлено къ окончательному снаряженію „Жаннетты“ въ ея далекое плаваніе ²⁾. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ офицеръ правительственного флота, лейтенантъ Георгъ де-Лонгъ, участвовавшій въ плаваніи „Тигрицы“, посланной въ 1873 году, для отысканія „Поляриса“. Всѣ прочіе офицеры также принадлежали къ составу американскаго военнаго флота. То были: лейтенантъ, Карлъ Шиппъ—

¹⁾ „Пандора“ — паровая яхта, 420 тоннъ вмѣстимости, трехмачтовая, съ машиной въ 200 силъ; остовъ ея построенъ изъ англійскаго дуба необыкновенной крѣпости, съ раздѣленіемъ на три части, подводная часть обшита американскимъ плимсомъ 7½ см. толщины, для защиты отъ напора льдовъ. Руль подъемный. Яхта эта можетъ принять 164 тонны угля, а расходуетъ въ часъ 8½ тонны, при скорости 7,4 кил. На яхтѣ имѣется большой запасъ савей, пилъ для льда, якорей, палатокъ и т. п. вещей.

²⁾ Снаряженіе „Жаннетты“ не оставляло желать ничего лучшаго; на ней было все, что только могла придумать человѣческая изобрѣтательность. На яхтѣ поставлены два совершенно новыхъ котла и заготовлены запасные винты. Ея дистанціонный аппаратъ могъ доставлять ежедневно 500 галлоновъ воды (галлонъ—3 штофамъ); запасъ угля доходилъ до 160 тоннъ. Каюты офицеровъ и команды были обшиты толстымъ войлокомъ для огражденія ихъ отъ холода; такимъ же образомъ была подбита подъемная крыша на палубѣ. Кромѣ того было взято съ собою 8 арктическихъ палатокъ въ 3 метра длины и 2,6 метр. ширины, такъ что въ каждой могло помѣститься по 8 человѣкъ. Пемминаномъ запасались въ излишкѣ; спиртныхъ напитковъ на яхтѣ не употребляли, а только пиво, что въ высшей степени неразумно, такъ какъ употребленіе въ извѣстной дозѣ спиртныхъ напитковъ для полярныхъ пловцовъ положительно необходимо.

старшій лейтенантъ, Джонъ Данненгауеръ—штурманъ, Мельвилъ—главный инженеръ и Вальтеръ Ли—машинистъ. Кромѣ того на бортѣ находились: врачъ д-ръ Амблеръ, онъ же руководитель ученою частью экспедиціи, въ составъ которой входили Жеромъ Коллинсъ — метеорологъ, корреспондентъ „New-York-Herald'a“, Ньюкомбъ—астрономъ, Брукъ—естествоиспытатель и Брадфордъ—фотографъ и рисовальщикъ. Команда состояла изъ Вильяма Дунбара — ледовщика (пильщикъ льда), получившаго эту отвѣтственную должность вслѣдствіе своей опытности, приобретенной имъ во время многолѣтнихъ плаваній по Ледовитому океану въ качествѣ китолова, Кольса—боцмана, Линдемана—плотника, плававшего въ 1873 г. на льдинѣ, отдѣлившей часть команды отъ „Поляриса“, 4-хъ истопниковъ, повара, лакея, юнга и 12 матросовъ;—всего 32-хъ человекъ, изъ нихъ: 7 американцевъ, 4 скандинавца, 1 румынъ, 1 ирландецъ, 5 нѣмцевъ ¹⁾ и 3 китайца. Всѣ они были выбраны изъ 1300 охотниковъ; не было ни одного моложе 25 лѣтъ, ни одного старше 35 лѣтъ, средній вѣсъ каждаго равнялся 75 килогр.

Независимо отъ „Жаннетты“, Беннетъ намѣревался послать въ полярныя воды свою другую яхту „Dauntless“ (Неустранимый) съ тѣмъ, чтобы и она, подобно „Жаннеттѣ“ старалась пробраться къ полюсу, только съ противоположной стороны. Одновременнымъ отправленіемъ двухъ экспедицій и притомъ въ различныхъ направленіяхъ Джемсъ Гордонъ Беннетъ желалъ до извѣстной степени обезпечить успѣхъ своего предпріятія. Одинъ изъ корреспондентовъ „Геральда“, бесѣдовавшій объ этой экспедиціи съ покойнымъ Петерманномъ, сообщаетъ, что знаменитый географъ вполне одобрилъ планъ Беннета. „Dauntless“ готовится въ настоящее время къ плаванію, она ожидаетъ вспомогательную машину и новый винтъ. Беннетъ обратился къ американскому правительству съ просьбою отрядить на эту яхту офицеровъ и команду изъ флота Соединенныхъ Штатовъ и снабдить ее продовольственными припасами,—всѣ остальные расходы онъ принимаетъ на свой счетъ.

Со времени полярнаго плаванія англичанъ въ 1875 году, подъ командою Нэрса, экспедиція Беннета первая, которая имѣетъ опять цѣлью проникнуть сколько возможно далѣе къ сѣверу и, при удачѣ, даже пробраться къ самому полюсу. Совершенно по-американски „Жанетта“ везетъ съ собою ящики красной мѣди съ вырѣзанными на немъ именами и числомъ. Ящики этотъ герме-

¹⁾ „Швабскій Меркурій“ перечисляетъ по именамъ всѣхъ этихъ нѣмецкихъ матросовъ, которые, по мнѣнію газетки, очевидно важнѣе ученаго персонала экспедиціи;—объ немъ не упоминается ни слова.

тически закупоренъ и долженъ быть сложенъ на сѣверномъ полюсѣ. Когда Беннетъ получилъ извѣстіе о печальной участи, постигшей будто бы у восточнаго мыса Азіи проф. Норденшельда и его смѣлыхъ спутниковъ, онъ немедленно поручилъ своей яхтѣ „Жаннеттѣ“, стоявшей тогда уже въ полной готовности въ Санъ-Франциско, пройти Беринговъ проливъ и не жалѣть никакихъ усилій, чтобы получить вѣрныя свѣдѣнія о Норденшельдѣ и, въ случаѣ надобности, оказать ему необходимую помощь. Беннетъ увѣдомилъ Диксона и Сибирякова, — этихъ великодушныхъ друзей Норденшельда, — о сдѣланномъ имъ распоряженіи, прося ихъ съ своей стороны не посылать никакихъ экспедицій въ виду того, что его яхта „Жаннетта“ безъ сомнѣнія будетъ раньше другихъ на мѣстѣ, гдѣ замерзла „Вега“. Хотя Диксонъ и Сибиряковъ были вполне согласны съ мнѣніемъ Беннета, тѣмъ не менѣе это не помѣшало Сибирякову все-таки послать и свой пароходъ „Норденшельд“.

8 іюля 1879 года, при громѣ пушекъ съ военныхъ кораблей и батарей, „Жаннетта“ вышла изъ порта Санъ-Франциско въ море, въ сопровожденіи военного корабля „Аляски“, который имѣлъ порученіе дойти вмѣстѣ съ „Жаннеттою“ до Берингова пролива и доставить на островъ св. Михаила складной домъ, 60 тоннъ угля и 20 тоннъ провизіи для устройства запаснаго склада на случай какихъ либо непредвиденныхъ обстоятельствъ. 2 августа экспедиція пришла въ портъ Ильюльбекъ на Алеутскомъ островѣ Уналашкѣ, 6 числа направилась къ торговой факторіи св. Михаила, при устьѣ рѣки Юкона, гдѣ были приняты на бортъ эскимосскія собаки, сани и лодки, а 15 августа вошла въ заливъ св. Лаврентія, къ югу отъ Восточнаго мыса, гдѣ де-Лонгъ и узналъ, что „Вега“ уже благополучно прибыла въ Японію. По нагрузкѣ дополнительнаго запаса угля „Жаннетта“ пошла дальше съ тѣмъ, чтобы, пройдя Беринговъ проливъ, расположиться на зимовку или у Сердце-Камня, или-же на берегу еще никогда не посѣщенной бѣлокожими земли Врангеля. Со вскрытіемъ льдовъ лѣтомъ 1880 года предполагалось двинуться дальше, къ сѣверу. Увлекающіеся янки серьезно рассчитываютъ вмѣстѣ съ сѣвернымъ теченіемъ проникнуть до полюса, а затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, или черезъ Смиттовъ проливъ, или-же черезъ Европейское полярное море направиться къ югу! Такъ какъ со времени выхода „Жаннетты“ изъ залива св. Лаврентія о ней не получено никакихъ извѣстій, то американское правительство снарядило въ Санъ-Франциско новую экспедицію для отысканія де-Лонга и его спутниковъ. По новѣйшимъ извѣстіямъ, эта экспедиція уже выступила въ походъ.

ПОЛЯРНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ И ВЪ БУДУЩЕМЪ.

А 48-МЪ съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, собравшемся въ 1875 году въ Грацѣ, капитанъ Вейпрехтъ, командиръ „Тегетгофа“, изложилъ свои воззрѣнія на тѣ основныя принципы, которыми слѣдуетъ руководствоваться при арктическихъ изслѣдованіяхъ. По тому глубокому значенію, которое имѣетъ эта рѣчь, необходимо воспроизвести здѣсь хотя часть ея.

„Сведя общій итогъ научныхъ результатовъ предпринятыхъ до настоящаго времени экспедицій, говорилъ знаменитый морякъ, мы увидимъ, что эти результаты отнюдь не соотвѣтствуютъ суммѣ затраченныхъ средствъ. Англія и Америка въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ снарядили не менѣе 25, болѣе или менѣе значительныхъ, экспедицій съ затратою свыше милліона фунт. стерл. Съ достойными удивленія энергіей и усиліями арктическое море подверглось изслѣдованіямъ вдоль и поперекъ, и въ концѣ концовъ констатировано то, къ чему давно уже стремились англичане, что между Беринговымъ проливомъ и Ледовитымъ океаномъ существуетъ связь. Открытіе это главнымъ образомъ зависѣло отъ удачнаго примѣненія физическихъ силъ и физическихъ трудовъ, а не отъ научныхъ изслѣдованій.

„Научные результаты, добытые съ помощью длиннаго ряда дорого стоящихъ экспедицій, заключаются преимущественно въ открытіи магнитнаго полюса, въ расширеніи круга познаній о естественно-историческихъ условіяхъ области дальняго Сѣвера и въ опредѣленіи физической формы, равно какъ и въ топографическомъ описаніи цѣлаго ряда острововъ, сами по себѣ не имѣющихъ никакой цѣны. При болѣе точной оцѣнкѣ этихъ результатовъ, значеніе ихъ уменьшается въ значительной степени.

„Физическія наблюденія и естественно-историческія изслѣдованія ограничиваются весьма небольшимъ пространствомъ; къ тому-же они никогда и нигдѣ не производились систематически. Физическія наблюденія представляютъ намъ только возможность дѣлать отдѣльные, конкретные выводы, которые не имѣютъ большой цѣны въ виду того, что они неминуемо связаны съ мѣстными, постоянно колеблющимися условіями, полное устраненіе которыхъ невозможно.

„Важнѣйшее научное значеніе имѣетъ опредѣленіе точки наибольшаго магнитнаго наклоненія. Мы, кажется, не преувеличимъ значенія полярной области, если скажемъ, что она—самая важная на земномъ шарѣ для всѣхъ отраслей науки, для изученія главнѣйшихъ силъ природы. Тѣ крайнія условія, при которыхъ обнаруживаются на дальнемъ сѣверѣ нѣкоторыя силы природы, вызываютъ явленія, которыя по своей интенсивности представляютъ полную возможность изслѣдовать эти силы. Почти нѣтъ отрасли естественныхъ наукъ, которая не была бы затронута при полярныхъ изслѣдованіяхъ. Первое мѣсто занимаетъ ученіе о магнетизмѣ земли. Давно уже миновали тѣ времена, когда этой силѣ придавалось второстепенное значеніе; впрочемъ, и въ настоящее время, не смотря на всѣ усилія, не смотря на самыя остроумныя изслѣдованія, мы еще очень не далеко ушли въ разрѣшеніи вопроса о магнетизмѣ. Относительно метеорологіи условія природы, окружающей ледяные полюсы земнаго шара, имѣютъ первостепенное значеніе; нельзя забывать, что главные движенія (колебанія) атмосферы зависятъ отъ обмѣна холоднаго и теплаго, сухаго и влажнаго воздуха между полюсами и экваторомъ. Мы видимъ, какое громадное вліяніе имѣютъ массы льдовъ, окружающія полюсы, на распредѣленіе по землѣ теплоты, а это распредѣленіе и составляетъ основаніе всей метеорологіи. Гренландія и Исландія представляютъ намъ лучшее доказательство того, какое громадное вліяніе на климатъ края имѣетъ передвиженіе льдовъ силою вѣтра и морскихъ теченій. Но свѣдѣнія о послѣднихъ еще крайне недостаточны. Очень возможно, что ледъ полярныхъ областей служитъ главнымъ регуляторомъ нашихъ климатическихъ условій, и весьма вѣроятно, что начало тѣхъ страшныхъ бурь, которыя такъ губительно проносятся зимою надъ сѣвѣрною Европою, нужно искать на крайнемъ сѣверѣ. Сжатіе земли и необыкновенное преломленіе лучей дѣлаютъ участіе астрономіи и геодезіи въ полярныхъ изслѣдованіяхъ положительно необходимымъ. Едва ли нужно упоминать о важности значенія полярныхъ флоры и фауны. Животная и растительная жизнь, при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, которыя царствуютъ въ полярномъ поясѣ, равно какъ и вопросъ о переселеніи животныхъ, должны возбуждать величайшій интересъ, независимо

отъ описательной части естественной исторіи. Экспедиціи новѣйшаго времени добывали истинно научныя сокровища, при каждомъ закидываніи волокуши.

„Эти только кратко поименованные мною пункты, подробная разработка которыхъ въ арктической области желательна и необходима, касаются почти всѣхъ отраслей естествознанія, а для нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣютъ положительно рѣшающее значеніе. По всѣмъ этимъ отраслямъ сдѣлано очень немного, въ сравненіи съ тѣмъ, что могло бы быть сдѣлано. Къ сожалѣнію, почти безошибочно можно сказать, что мы съ жизнью природы на крайнемъ сѣверѣ и югѣ только на столько знакомы, чтобы придти къ убѣжденію, насколько важно для всѣхъ отраслей естествознанія основательное изслѣдованіе мѣстныхъ условий этой жизни.

„Почему же, не смотря на несомнѣнную важность этого вопроса, не смотря на готовность, съ которою жертвовались на разрѣшеніе его значительныя средства, все-таки достигнуты столь ничтожные результаты? Оказывается, что причина тому лежитъ не столько въ недостаткѣ и несовершенствѣ нашихъ наблюденій, сколько вообще въ ложности началъ, которыми руководствовались при снаряженіи экспедицій и которыя положительно мѣшали основательному научному изслѣдованію явленій природы. Главная ошибка состоитъ въ томъ, что географическія открытія составляли всегда первый предметъ задачи. Достигненію одной цѣли подчинялись всѣ прочіе вопросы, а настоящія научныя изслѣдованія всегда были поставлены на задній планъ.

„Въ первое время чисто промышленные расчеты, матеріальная прибыль въ видѣ мѣховъ и животныхъ, содержащихъ ворвань, вызывали плаванія въ арктическое море; впоследствии, мало-по-малу, матеріальныя выгоды уступили въ свою очередь мѣсто научнымъ географическимъ изслѣдованіямъ. Эта погоня за слагою нынѣ до такой степени развилась, что полярныя экспедиціи являются какою-то международною скачкою къ сѣверному полюсу, скачкою, для которой научныя изслѣдованія по всѣмъ отраслямъ представляютъ одни только препятствія. Вездѣ арктическій вопросъ подвергается обсужденію, вездѣ говорятъ о лучшемъ пути къ полюсу, а между тѣмъ о научныхъ сокровищахъ, лежащихъ на этомъ пути, мало кто спрашиваетъ. Ознакомленіе съ нашимъ земнымъ шаромъ, само собою разумѣется, должно интересоватъ всякаго образованнаго человѣка; однако, въ тѣхъ странахъ, которыя, вслѣдствіе преобладающихъ въ нихъ неблагопріятныхъ условий, необитаемы и имѣютъ только значеніе въ смыслѣ чисто научномъ, описательная географія далеко не имѣетъ той цѣны, которую ей обыкновенно приписываютъ. Она дѣлается цѣнною только въ силу того, что общее

распредѣленіе суши имѣетъ вліяніе на физическія и метеорологическія условія нашей земли. Слѣдовательно, во многихъ случаяхъ было бы достаточно общихъ очертаній. Когда же спеціальныя географическія изслѣдованія, описательная географія являются препятствіемъ для чисто научныхъ изслѣдованій и первыя почти заглушаютъ послѣднія, какъ это бываетъ очень часто, то они безусловно должны быть оставлены. Въ арктической области топографическая географія должна быть вполнѣ подчинена физической. Географическія открытія приобрѣтаютъ силу, только тогда, когда они идутъ рука объ руку съ научными открытіями. Стремленіе къ географическимъ открытіямъ причиною того, что число мѣстъ перезимовокъ слишкомъ увеличилось. Преслѣдуя постоянно одну и ту-же цѣль—открытіе сѣверо-западнаго прохода или достиженіе полюса—всѣ экспедиціи постоянно почти идутъ однимъ и тѣмъ же старымъ путемъ, а на все остальное громадное пространство арктическаго моря не обращается никакого вниманія. Нельзя, впрочемъ, не согласиться, что значительная часть прежнихъ экспедицій имѣла собственно задачею—отыскать остатки несчастной франклиновской экспедиціи. При этомъ употребленіе для экскурсій саней нашло себѣ такое обширное примѣненіе, что возбудило всеобщее удивленіе и вызвало порицанія. Но тамъ, гдѣ сани выступаютъ на первый планъ, научныя изслѣдованія играютъ второстепенную роль. Во время поѣздокъ на саняхъ объ observatiyah или правильныхъ научныхъ астрономическихъ наблюденіяхъ и рѣчи быть не можетъ. До какой степени пренебрегали чисто научными изслѣдованіями изъ одного стремленія къ географическимъ открытіямъ, видно лучше всего изъ того, что на Шпицбергенской группѣ, подъ 80°, только три года тому назадъ была устроена первая перезимовка съ научною цѣлью, не смотря на то, что именно эта группа представляетъ самый важный и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ удобный пунктъ для подобной цѣли. Исключительно шпицбергенскимъ и сибирскимъ путешествіямъ мы обязаны основательнымъ изслѣдованіемъ допотопной и современной флоры и фауны и наблюденіями о вліяніи суши на животную жизнь и растительность. Изслѣдованіе совершенно невѣдомыхъ областей, окружающихъ сѣверный полюсъ, должно быть безусловною цѣлью всѣхъ экспедицій и къ этой цѣли слѣдуетъ стремиться, не щадя никакихъ жертвъ, ни деньгами, ни людьми до тѣхъ поръ, пока человѣкъ будетъ выражать желаніе идти путемъ прогресса. Цѣль всѣхъ будущихъ экспедицій и изслѣдованій должна быть болѣе возвышенная, чѣмъ простое перечисленіе заливовъ, мысовъ и острововъ, чѣмъ достиженіе такой сѣверной широты, до которой не удавалось дойти раньше. Вторая

причина относительной ничтожности достигнутыхъ результатовъ заключается въ томъ, что почти всѣ полярныя экспедиціи дѣйствовали отдѣльно. Большая часть однородныхъ наблюдений имѣютъ ничтожную цѣну, потому что произведены не въ одно и то-же время.

Въ виду того сочувствія, которымъ пользуются полярныя изслѣдованія, и той готовности, съ которою правительства и частныя лица даютъ необходимыя для выполненія ихъ средства, желательно установить начала, которыми слѣдуетъ руководствоваться при снаряженіи экспедицій для того, чтобы онѣ, соотвѣтственно принесеннымъ жертвамъ, могли приносить пользу наукѣ, лишивъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ характера исканія приключеній, который имѣетъ, быть можетъ, какое нибудь значеніе въ глазахъ публики, но наукѣ собственно причиняетъ одинъ только вредъ.

„Поэтому можно бы указать на слѣдующія основныя правила:

1) арктическія изслѣдованія необходимы для познанія законовъ природы;

2) географическія открытія въ этихъ областяхъ имѣютъ только то значеніе, что посредствомъ ихъ расширяется возможность мѣстныхъ научныхъ изслѣдованій;

3) специальная географія арктическихъ странъ составляетъ предметъ побочный;

4) географическій полюсъ не имѣетъ для науки значенія болѣе, чѣмъ всякая другая точка крайняго сѣвера;

5) наблюдательныя станціи, независимо отъ широтъ, подъ которыми онѣ находятся, представляютъ тѣмъ болѣе удобствъ, чѣмъ рѣзче проявляются около нихъ тѣ явленія, для наблюденія которыхъ онѣ учреждены;

6) Многочисленныя, отдѣльныя наблюденія имѣютъ только относительную цѣну;

„Все это можетъ быть исполнено безъ тѣхъ громадныхъ денежныхъ затратъ, съ которыми связаны всѣ арктическія экспедиціи. Нѣтъ никакой надобности для полученія научныхъ результатовъ распространять область наблюдений до крайнихъ сѣверныхъ предѣловъ. Если бы учредить наблюдательныя станціи на Новой Землѣ, подъ 76° , на Шпицбергенѣ, подъ 78° , на западной или восточной Гренландіи, между 76° и 78° , къ сѣверу или востоку отъ Берингова пролива, подъ 71° и въ Сибири, подъ 70° , то вся арктическая область была бы обнята наблюдательнымъ поясомъ. Очень желательно, чтобы станціи были расположены соотвѣтственно центрамъ магнитнаго напряженія.

„На тѣ средства, которыя требуются для снаряженія одной только экспедиціи съ цѣлью достиженія возможно сѣверныхъ ши-

ротъ, можно устроить всѣ эти станціи и снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ на цѣлый годъ. Главная задача станцій заключалась бы въ томъ, чтобы одинаковыми инструментами дѣлать наблюденія въ одно и то же по возможности время въ теченіи цѣлаго года. Первое мѣсто должны занимать различныя отрасли физики, ботаники и зоологіи, а затѣмъ уже специально географическія открытія. Если бы возможно было въ то же время учредить наблюдательныя станціи въ антарктической области, то, конечно, результаты получились бы болѣе цѣнныя, во всѣхъ отношеніяхъ.

Средства, необходимыя для учрежденія одnogодичныхъ станцій, по сравнительной незначительности ихъ, могли бы быть легко собраны, въ особенности, если ихъ распредѣлить по различнымъ государствамъ. Результаты, которыхъ можно ожидать отъ подобнаго научнаго предпріятія, мною уже раньше выяснены.

„Всѣмъ вышесказаннымъ отнюдь не исключаются полярныя изслѣдованія и экспедиціи, сооружаемыя на истинно научныхъ основаніяхъ. Систематически выполненныя, одновременныя наблюденія, независимо отъ всѣхъ прочихъ, являются настолько необходимыми, съ одной стороны въ виду дальнѣйшихъ изслѣдованій арктической области, съ другой — для ученія о магнетизмѣ земли, что смѣло можно сказать, что рано или поздно они должны быть непременно осуществлены. Теперь ясно, куда должны быть направлены наши главныя усилія.

„Само собою разумѣется, что и рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобы съ учрежденіемъ наблюдательныхъ станцій могли однимъ ударомъ разрѣшиться всѣ прежде возбужденные вопросы. Изъ разрѣшенія одного вопроса возникли бы опять новыя, которые потребовали бы въ свою очередь разрѣшенія въ другомъ направленіи. Тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностью предсказать, что добытые матеріалы имѣли-бы важное научное значеніе. Только шагъ за шагомъ, пользуясь безпрестанно предшествовавшими результатами, мы будемъ въ состояніи постепенно приближаться къ разоблаченію арктическихъ тайнъ. Если же станемъ придерживаться прежнихъ принциповъ, если арктическія изслѣдованія не будутъ произведены на точныхъ научныхъ началахъ, то географическія открытія останутся и впредь главною цѣлью, которой будутъ посвящены всѣ усилія.

„При этихъ условіяхъ всегда будутъ снаряжаться новыя экспедиціи, и опять таки не дадутъ никакихъ дѣльныхъ научныхъ результатовъ; все дѣло ограничится открытіемъ нѣкотораго пространства земли, покрытаго вѣчнымъ льдомъ, или нѣсколькими милями „ближе“ къ полюсу. Все мною высказанное отнюдь не ново и только впервые является въ точно опредѣленномъ видѣ на судъ публики.

„Прошу васъ быть увѣренными, что я нисколько не намѣренъ умалять заслугъ моихъ арктическихъ предшественниковъ; никто не можетъ знать такъ-же хорошо, какъ я, какихъ онѣ жертвъ стоили. Высказывая все это, я обвиняю самого себя, я осуждаю большую часть моихъ собственныхъ результатовъ, добытыхъ тяжелымъ трудомъ“.

Ораторъ былъ награжденъ громкими и продолжительными рукоплесканіями. Позднѣйшій опытъ показалъ, однако, какую цѣну можно давать подобнымъ изъявленіямъ сочувствія: два года спустя то же самое собраніе рукоплескало въ Мюнхенѣ двумъ свѣтиламъ науки, изъ которыхъ каждый въ своей рѣчи излагалъ діаметрально противоположное другому. Ознакомившись съ содержаніемъ рѣчи Вейпрехта, я принялъ относительно возбужденнаго имъ вопроса опредѣленное положеніе я, разумѣется, выразилъ полнѣйшее сочувствіе плану Вейпрехта объ учрежденіи наблюдательныхъ станцій вокругъ полюса, такъ какъ безъ всякаго сомнѣнія, наука можетъ извлечь только величайшую пользу изъ подобныхъ, правильно организованныхъ, предпріятій. Не меньшей похвалы заслуживаетъ и великодушный графъ Вильчекъ, который, какъ истинный аристократъ душою, умомъ и происхожденіемъ, не только вызвался дать необходимыя средства для учрежденія одной наблюдательной станціи, но даже предполагалъ принять личное участіе въ этомъ предпріятіи. Не трудно было, однако, догадаться уже въ то время, что исполненіе плана Вейпрехта встрѣтитъ значительныя препятствія. Весь проектъ построенъ на одновременности наблюденій въ различныхъ мѣстахъ, требуется слѣдовательно одновременно нѣсколько экспедицій. Для того чтобы выполнить подобное предпріятіе, не хватитъ матеріальныхъ силъ не только у частнаго человѣка, но даже у отдѣльныхъ государствъ, слѣдовательно оно можетъ быть осуществлено только при взаимодѣйствіи нѣсколькихъ націй, а установить подобное соглашеніе крайне затруднительно; во всякомъ случаѣ не такъ легко, какъ это кажется съ перваго взгляда. Два года спустя послѣ собранія въ Грацѣ, нѣкто господинъ Феттеръ изъ Дрездена счелъ необходимымъ высказать „откровенное мнѣніе о полярныхъ плаваніяхъ“. При этомъ онъ напомнилъ о проектѣ Вейпрехта, который повидимому тогда уже былъ преданъ полному забвенію. Въ сентябрѣ 1877 года Вейпрехтъ и Вильчекъ составили вмѣстѣ подробный „проектъ занятій международной полярной экспедиціи“, которая однако до сихъ поръ еще не состоялась. Вейпрехтъ всетаки можетъ похвалиться тѣмъ, что онъ подвинулъ дѣло хотя на одинъ шагъ впередъ. Когда лѣтомъ 1875 года нѣмецкое арктическое общество обратилось къ германскому правительству съ ходатайствомъ о по-

собии для выполненія предначертанныхъ имъ плановъ, оно получило отвѣтъ, что правительство, раньше чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, считаетъ необходимымъ получить отзывъ специалистовъ и ученыхъ о цѣлесообразности полярныхъ плаваній. Вслѣдствіе этого въ Берлинѣ собралась коммиссія, состоявшая изъ 13-ти ученыхъ, для совѣщаній о томъ, слѣдуетъ ли еще посылать экспедиціи въ полярный поясъ, или же инымъ способомъ приступить къ изслѣдованію крайняго сѣвера. Всѣ тринадцать профессоровъ были по призванію естествоиспытатели, всѣ отрасли естественной науки имѣли своихъ представителей. Коммиссіи этой не подлежало обсужденіе возможности успѣха подобныхъ экспедицій, а лишь польза и цѣлесообразность ихъ въ дѣлѣ естествознанія ¹⁾. Она единогласно рѣшила, что полярныя изслѣдованія имѣютъ громадное значеніе и что для ихъ осуществленія необходимо учредить въ полярной области наблюдательныя станціи, причемъ особенное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы доступъ къ нимъ былъ незатруднителенъ, слѣдовательно не относить ихъ слишкомъ далеко къ сѣверу. Прежде всего предполагалось устроить нѣсколько станцій по восточному берегу Гренландіи, въ западной части Шпицбергена и на островѣ Янъ-Майенѣ. На этомъ предложеніи дѣло и остановилось: до сихъ поръ мы не дождались отъ Германской Имперіи ни учрежденія наблюдательныхъ станцій „по новому образцу“, ни снаряженія какихъ-либо экспедицій, хотя-бы по примѣру прежнихъ. Такимъ образомъ единственный „успѣхъ“, котораго добились въ этомъ дѣлѣ, состоитъ въ томъ, что снаряженіе экспедицій стараго образца сдѣлалось невозможнымъ и вопросъ о полярныхъ изслѣдованіяхъ совершенно сошелъ въ Германіи со сцены. Началомъ осуществленія проекта Вейпрехта является, учреждаемая капитаномъ Говетомъ (Howgate), такъ называемая полярная колонія, но нельзя уже и теперь не замѣтить того, что она не будетъ соответствовать главному научному условію въ томъ отношеніи, что наблюденія не будутъ произведены одновременно въ различныхъ мѣстахъ. 21 декабря 1878 года лейтенантъ Вейпрехтъ писалъ между прочимъ слѣдующее: „Съ весны прошлаго года графъ Вильчекъ и я ничего не предприняли для осуществленія нашего проекта, потому что политическое положеніе дѣлъ не только въ Австріи, но и во всей Европѣ слишкомъ шаткое для того, чтобы можно было разсчитывать на совмѣстное международное дѣйствіе въ извѣстномъ направленіи. Тѣмъ не менѣе, для того, чтобы проектъ нашъ не былъ совершенно забытъ, мы рѣшились, по заключеніи Берлинскаго трактата, которымъ, какъ можно надѣяться, окон-

¹⁾ См. приложение къ „Allgemeine Zeitung“, отъ 23 іюня 1877 г., № 174.

чатся политическія недоразумѣнія, снарядить въ 1880 г. свою собственную (австрійскую) экспедицію, безразлично, будутъ ли содѣйствовать нашему дѣлу другія націи или нѣтъ. Мы предполагаемъ провести цѣлый годъ на сѣверномъ берегу Новой Земли и ограничиться наблюденіями: магнитическими, электрическими, минерологическими и гидрографическими, равно какъ и изслѣдованіями сѣвернаго сіянія, паралаксовъ и т. д., однимъ словомъ, составить рядъ основательныхъ наблюденій за цѣлый годъ. Графъ Вильчеъ принимаетъ на себя всѣ расходы по распоряженію этой экспедиціи, если только Австрія не будетъ вынуждена вести войну и какія-либо непредвидѣнныя обстоятельства не помѣшаютъ исполненію предпринимаемаго имъ на себя обязательства. Назначенный этимъ письмомъ срокъ давно уже прошелъ, а между тѣмъ о предполагаемой экспедиціи ничего не слышать. По собраннымъ свѣдѣніямъ, заслуживающимъ полного довѣрія, оказывается, что дѣло это еще далеко не на столько созрѣло, чтобы можно было надѣяться на скорое его осуществленіе. Вѣйпрехтъ, нужно сознаться, не жалѣлъ трудовъ и усилій для приведенія своего проекта въ исполненіе: и на метеорологическомъ конгрессѣ въ Римѣ, и на международномъ съѣздѣ полярныхъ плавателей въ Гамбургѣ, въ октябрѣ 1879, онъ энергично защищалъ свою мысль, вездѣ встрѣтилъ сочувствіе и одобреніе, но нигдѣ не добился какихъ-либо практическихъ результатовъ.

„На сколько я сочувствую,—по крайней мѣрѣ по теоріи,—мысли объ учрежденіи наблюдательныхъ станцій вокругъ полюса, на столько же не раздѣляю сужденій уважаемаго командира Тегетгофа и его послѣдователя Феттера, будто всѣми предпринятыми до сихъ поръ экспедиціями не разрѣшена еще ни одна изъ задачъ, касающихся сѣвернаго полюса. „Нельзя даже увѣрять, что, кромѣ открытія нѣкоторыхъ острововъ, заливовъ, мысовъ и морскихъ теченій, было серьезно приступлено къ разрѣшенію какого-либо изъ вышеизложенныхъ вопросовъ. Послѣ всѣхъ жертвъ людьми и деньгами, главнѣйшіе вопросы, касающіеся полярныхъ странъ остаются окруженными полнѣйшимъ мракомъ; мы едва только успѣли убѣдиться въ томъ, что намъ остается еще многое сдѣлать и что необходимо иначе приняться за дѣла, если мы хотимъ только достигнуть какихъ-либо серьезныхъ результатовъ“. Изъ этого мы видимъ, что критика возстаетъ противъ метода, которымъ до сихъ поръ руководствовались при полярныхъ изслѣдованіяхъ. „Говоря по просту, ни что иное, какъ національная ревность или даже зависть и общая человѣческая склонность къ приключеніямъ съумѣли, подъ прикрытіемъ научнаго стремленія, направить сочувствіе и денежные средства образованныхъ народовъ къ тѣмъ областямъ, гдѣ

еще оставалось „что нибудь сдѣлать“, — къ полярнымъ странамъ, и къ бѣлому пятну (пустынямъ) Средней Африки ¹⁾! Но пора же положить предѣлъ бесполезнымъ жертвамъ въ области вѣчнаго льда и лютыхъ морозовъ, равно какъ и въ знойныхъ степяхъ подъ тропиками, пора доказать всѣмъ и каждому, что путь, которымъ до сихъ поръ слѣдовали, неправиленъ, что какъ у полюса, такъ и подъ экваторомъ, какъ въ ледяныхъ горахъ Гренландіи, такъ и въ лабораторіи естествоиспытателя, только съ помощью методическихъ, продолжительныхъ и направленныхъ къ опредѣленной цѣли наблюденій можно получить хорошіе результаты, изъ которыхъ въ свою очередь сдѣлать уже съ полною достовѣрностью общіе научные выводы“. Такъ какъ Феттеръ постоянно указываетъ на проектъ Вейпрехта и настаиваетъ на его осуществленіи, то, мнѣ кажется, будетъ въ высшей степени уместно, если мы выскажемся здѣсь относительно достоинствъ или недостатковъ прежняго и вновь предлагаемаго метода полярныхъ изслѣдованій.

„Что касается различія между географическими изслѣдованіями и страстью къ географическимъ открытіямъ, то—я признаюсь откровенно—оно мнѣ кажется крайне тонкимъ и основаннымъ исключительно на личномъ взглядѣ на этотъ вопросъ. Едва-ли найдутся два человѣка одинаково знакомыхъ съ исторіею полярныхъ плаваній, которые указали бы согласно на однѣ и тѣ же экспедиціи, какъ на предпріятыя по той или другой побудительной причинѣ. Допуская даже, что почти всѣ прежнія полярныя экспедиціи были предпріяты изъ одной страсти къ географическимъ открытіямъ, и тогда нужно сознаться, что мы именно этимъ экспедиціямъ и обязаны всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно до сихъ поръ объ области вѣчнаго льда. Исторія землевѣдѣнія, впрочемъ, можетъ привести самыя убѣдительныя доказательства въ пользу того, что географическія изслѣдованія безъ открытій, т. е. безъ расширенія круга нашихъ познаній о природѣ, не могутъ имѣть мѣста. „Страсть“ къ географическимъ открытіямъ оказала поэтому безъ сомнѣнія громадныя услуги землевѣдѣнію и положительно невозможно опредѣлить, гдѣ начинаются географическія изслѣдованія и гдѣ кончается страсть собственно къ открытіямъ. Чтобы пояснить лучше мою мысль, я прибѣгну къ простому примѣру. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ внутренняя Австралія была еще такою же terra incognita, какъ нынѣ полярная область за 83° сѣв. шир. Землевѣдѣніе было, разумѣется, въ высшей степени заинтересовано въ томъ, чтобы подробнѣе ознакомиться съ внутреннею частью этого материка, и нынѣ, послѣ ряда чрезвычайно труд-

¹⁾ Nach dem weissen Fleck im Innern Afrikas!..

ныхъ и дорого стоящихъ экспедицій, похитившихъ не мало человеческихъ жизней, мы узнали, что самая большая часть этой обширной области представляетъ пустынную, безотрадную, безводную, совершенно необитаемую степь. Я съ своей стороны не съумѣлъ бы указать, какимъ инымъ путемъ возможно было бы добыть эти данныя, если не посредствомъ упомянутыхъ экспедицій; какія же побужденія, какая сила руководила тѣмъ или другимъ путешественникомъ,—это совершенно безразлично въ виду приобретенныхъ черезъ нихъ научныхъ свѣдѣній. Безъ сомнѣнія мнѣ могутъ возразить, что полученные въ арктической области результаты слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ пожертвованными для этой цѣли временемъ, деньгами и трудами. Объ утратѣ человеческихъ жизней при этомъ рѣчи быть не можетъ, такъ какъ давно уже доказано, что число жертвъ полярныхъ экспедицій гораздо меньше числа жертвъ другихъ, не полярныхъ экспедицій. Нужно сознаться, что внутренняя часть арктической области еще вовсе не изучена, но въ то же время нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что въ короткое время существованія научныхъ полярныхъ изслѣдованій сдѣлано чрезвычайно много. Стоитъ только для примѣра сравнить полярную карту начала нашего столѣтія съ такою же картою текущаго года, чтобы убѣдиться въ томъ, что невѣдомое пространство, окружающее полюсъ, значительно уменьшилось. Правда, всѣ добытые результаты относятся почти исключительно къ землевѣдѣнію, а не къ разрѣшенію физическихъ задачъ и другихъ явленій. Здѣсь мы и доходимъ до точки преткновенія“.

Главная ошибка Вейпрехта заключается именно въ томъ, что онъ, противопоставляя „географическія открытія“ „научнымъ изслѣдованіямъ“, упускаетъ изъ виду границы науки и различныхъ отраслей познаній, какъ будто географическія открытія не принадлежатъ къ области наукъ. Науку составляютъ не одни только изслѣдованія физическихъ явленій; наукою можетъ быть точно также названо какъ изученіе нашего земного шара со стороны проявленія различнаго рода физическихъ силъ, такъ равно и описательное изученіе земли (материковъ и воды); первая наука—физическая, вторая — наука географическая. Можно согласиться, что изслѣдованіе физическихъ явленій, въ томъ объемѣ, какой имѣлъ въ виду мой другъ Вейпрехтъ, принесетъ громадную практическую пользу, но въ остальномъ я долженъ заступиться за науку описательнаго землевѣдѣнія. Я не могу согласиться съ Вейпрехтомъ, когда онъ говоритъ, что подробное географическое изслѣдованіе или описательная географія составляетъ помѣху для науки, такъ какъ съ точки зрѣнія общей науки, имѣющей цѣлью расширеніе круга человеческихъ познаній, открытіе земли

Франца-Іосифа, напримѣръ, не менѣе важно, чѣмъ открытіе новаго закона бурь или объясненіе причинъ явленія сѣвернаго сіянія. На это Вейпрехтъ отбѣчалъ мнѣ такъ: „Я положительно возстаю противъ того, что всѣ научныя открытія одинаковаго достоинства и цѣны. Ньютонъ и Кеплеръ, открывая общіе законы тяготѣнія, отъ которыхъ зависитъ движеніе всѣхъ тѣлъ мірозданія, оказали наукѣ большія услуги, чѣмъ простой астрономъ открытіемъ новой планеты, или же арктический плаватель—открытіемъ сѣверо-западнаго прохода. Въ наукѣ существуютъ различнаго рода градаціи между вопросами важнѣйшаго и наименьшаго значенія. При столкновеніи ихъ между собою, безъ сомнѣнія, послѣдніе должны уступить мѣсто первымъ“¹⁾. Всѣ эти доводы только кажутся правильными. Вейпрехтъ правъ въ томъ отношеніи, что не всѣ научныя открытія имѣютъ одинаковую цѣну; но онъ не долженъ сравнивать открытіе законовъ тяготѣнія съ открытіемъ сѣверо-западнаго прохода, потому что въ такомъ случаѣ онъ сравниваетъ предметы совершенно различныхъ областей, слѣдовательно двѣ неравныя величины. Въ области астрономіи, разумѣется, открытіе законовъ тяготѣнія важнѣе открытія новой планеты, но въ области землевѣдѣнія можно только сказать, напримѣръ, что открытіе пути вокругъ мыса Доброй Надежды имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ открытіе сѣверо-западнаго прохода. Которая же изъ наукъ важнѣе, астрономія или землевѣдѣніе, едва-ли, кто нибудь возьмется разрѣшить; это просто дѣло вкуса. Если Вейпрехтъ полагаетъ, что въ полярныхъ странахъ топографическая географія должна быть вполне подчинена физической, это будетъ личное воззрѣніе физика,—географъ, по всему вѣроятію, съ нимъ не согласится. Опредѣлить же, который способъ разрѣшенія полярнаго вопроса болѣе наученъ—физическій или географическій, точно такъ же невозможно, какъ невозможно опредѣлить, которая задача болѣе научна—алгебраическая или геометрическая. Если же кто и рѣшитъ эти вопросы, то это можетъ быть сдѣлано только на основаніи личныхъ взглядовъ, а подобное рѣшеніе въ смыслѣ научномъ не имѣетъ никакой цѣны.

Поэтому вполне понятно, почему географы по призванію не охотно отказываются отъ тѣхъ средствъ, которыя служили до сихъ поръ къ расширенію области ихъ науки. Хотя до сихъ поръ и не удалось пробраться досамого полюса, тѣмъ не менѣе почти каждая экспедиція проникала глубже въ тайны области вѣчнаго льда и открывала вновь хотя и небольшое пространство нашего земного шара. Географы должны искренне сочувствовать осуществленію та-

¹⁾ Ueber die Ziele der Polarforschung (Ausland, 1875 г. стр. 920).

кого проекта, какой составилъ нашъ другъ Вейпрехтъ, и, безъ сомнѣнія, будетъ большой ошибкой предполагать, что они не станутъ поддерживать этого предпріятія всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Я полагаю напротивъ, что всѣ географическіе кружки нравственно были бы обязаны встать на сторону величественнаго проекта Вейпрехта, осуществленіе котораго было бы встрѣчено съ величайшимъ сочувствіемъ со всѣхъ сторонъ. Наука землѣдѣнія, точно такъ же какъ и всѣ прочія естественныя науки, независимо отъ содѣйствія вейпрехтовскому проекту, не перестанетъ заботиться о самой себѣ—у нея есть на то свои собственные средства. Признаюсь, я былъ до сихъ поръ того мнѣнія, что и въ дѣлѣ полярныхъ изслѣдованій можетъ быть примѣнено правило:—дѣлая одно, не упускать другого. Но мой другъ научилъ меня иному: „Въ теоріи правило: „дѣлая одно, не упускать другого“ звучитъ прекрасно, на практикѣ же не такъ то легко съ равною энергіею преслѣдовать двѣ цѣли. Я могъ бы поддержать мои доводы фактами, хотя бы, напримѣръ, магнитическими наблюденіями не только нашей, но и другихъ экспедицій. Я ограничусь лишь указаніемъ на то, что основное условіе географическихъ открытій есть—передвиженіе съ мѣста на мѣсто, въ особенности въ арктической области, гдѣ краткость времени ежегоднаго плаванія вынуждаетъ неустанно двигаться впередъ. Это еще болѣе необходимо при поѣздкахъ на саняхъ. При этомъ условіи основательныя изслѣдованія немислимы, а поверхностныя не приносятъ никакой пользы“. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи Вейпрехтъ правъ. Въ дѣлѣ полярныхъ изслѣдованій результаты физическіе и географическіе дѣйствительно добываются различными путями: въ первомъ случаѣ—медленными и терпѣливыми наблюденіями, во второмъ—примѣненіемъ физическихъ силъ и преодоленіемъ невѣроятныхъ препятствій. Тотъ и другой образъ дѣйствій въ одинаковой мѣрѣ наученъ, въ томъ смыслѣ, что оба могутъ дать цѣнные научные результаты. Полярныя экспедиціи на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, тѣмъ болѣе необходимы для землѣдѣнія, что проектъ Вейпрехта одностороненъ: допуская основательное изслѣдованіе въ одномъ направленіи, онъ упускаетъ изъ виду другое; этимъ самымъ онъ какъ-бы исключаетъ открытіе еще неизвѣстныхъ пространствъ полярной области, если и не по принципу, то на дѣлѣ. Такъ какъ дѣйствительно метеорологическія, магнитическія и другія физическія изслѣдованія только тогда имѣютъ цѣну, когда они основаны на длинномъ рядѣ ежедневныхъ, даже ежечасныхъ наблюденій, а эти въ свою очередь не могутъ быть иначе исполнены, какъ при постоянномъ пребываніи на одномъ и томъ-же мѣстѣ, то по-истинѣ трудно не подчиниться силѣ доказательствъ Вейпрехта и нельзя не при-

знать, что учрежденіе постоянныхъ наблюдательныхъ станцій есть единственный вѣрный способъ для производства физическихъ изслѣдованій въ полярной области, только — исключительно физическихъ. Зоологъ, ботаникъ или геологъ никогда не согласится на постоянное пребываніе на одномъ мѣстѣ: ихъ расчетъ вполне основанъ на благоразумной перемѣнѣ мѣстъ.

Мнѣ кажется, что все вышесказанное ясно доказываетъ благосклонному читателю, что при нынѣшнихъ полярныхъ изслѣдованіяхъ рѣчь идетъ о двухъ совершенно различныхъ предметахъ, а именно: о географическихъ открытіяхъ и описаніяхъ и о другихъ ученыхъ изысканіяхъ, въ числѣ которыхъ физическія изслѣдованія составляютъ отдѣльную отрасль на-равнѣ съ другими подобными же. Поэтому мнѣ кажется, что приверженцы естественно-историческаго направленія, названнаго мною такъ въ противоположность географическому направленію, совершенно напрасно утверждаютъ, что „способъ, которымъ до сихъ поръ руководствовались при полярныхъ изслѣдованіяхъ, не достигаетъ своей цѣли“. Въ этихъ словахъ слышится голосъ строгаго ученаго-специалиста съ твердымъ характеромъ, который недоволенъ самимъ собою, недоволенъ тѣмъ, что не достигъ въ своей отрасли какихъ либо колоссальныхъ результатовъ. Но человѣкъ, хорошо знакомый съ исторіею полярныхъ изслѣдованій, не можетъ скрыть отъ себя, что знаменитому командиру „Тегетгофа“ гораздо легче было осуждать самого себя, чѣмъ всякому другому, такъ какъ онъ собственно въ этомъ смыслѣ не имѣлъ случая грѣшить. Весьма важно вспомнить, что экспедиція „Тегетгофа“, подъ начальствомъ Пайера и Вейпрехта, съ самаго начала не имѣла цѣлью ни достиженіе полюса, ни даже достиженіе возможно сѣверныхъ широтъ. Открытіе земли Франца Іосифа, какъ весьма остроумно и мѣтко замѣчаетъ Пайеръ, зависѣло только отъ „прихоти льдины“, а нелегкій трудъ изслѣдованія вновь открытой земли не дѣло командира парохода, что, по правиламъ распредѣленія труда, и не можетъ быть иначе. Наблюдатель, преспокойно записывающій за своимъ письменнымъ столомъ результаты научныхъ изслѣдованій, крайне затрудняется опредѣлить, чему онъ долженъ болѣе удивляться: той стойкости и смѣлости, съ которою Пайеръ со своими товарищами совершалъ опасные и трудные переходы по льдамъ вновь открытой земли, или тому самоотверженію и самопожертвованію, съ которыми Вейпрехтъ и его сотрудники подчинились своей судьбѣ и посвятили себя тихимъ научнымъ изслѣдованіямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивается, имѣютъ ли эти послѣдніе право произносить окончательный приговоръ надъ методомъ, которымъ до сихъ поръ руководствовались при полярныхъ изслѣдованіяхъ, или, иными сло-

вами, надѣ дѣятельностью и трудомъ другихъ? По моему убѣжденію, пора уже энергично приняться за физическія и метеорологическія наблюденія, которыми обусловливается основательное изученіе полярныхъ странъ, и для этой цѣли прежде всего учредить постоянныя наблюдательныя станціи; тѣмъ не менѣ ученые изысканія отнюдь не должны мѣшать географическимъ изслѣдованіямъ или отодвигать ихъ на задній планъ, точно такъ же, какъ химикъ не долженъ ставить себя выше механика или наоборотъ. Лучше всего, если каждый станетъ неустанно трудиться на своемъ поприщѣ. Рядомъ съ учрежденіемъ постоянныхъ станцій для чисто научныхъ изысканій и географическія изслѣдованія должны идти безпрепятственно своимъ путемъ. Съ точки зрѣнія географической, я не затрудняюсь заявить, что дальнѣйшее снаряженіе полярныхъ экспедицій по образцу прежнихъ, съ примѣненіемъ, разумѣется, полученныхъ опытомъ указаній, составляетъ безусловную необходимость, и я не могу согласиться на то, чтобы возникающее новое направленіе устранило совершенно науку описательнаго землѣдѣнія. Вейпрехтъ требуетъ весьма благоразумно, чтобы специально географическія изслѣдованія не составляли главной цѣли предпріятія; я же съ своей стороны желаю, чтобы оба направленія были совершенно равноправны. Такъ какъ этотъ ученый и знатокъ полярной области вполне ясно доказалъ, что одна и та же экспедиція не можетъ служить въ одинаковой степени обѣимъ цѣлямъ, то остается только достигать ихъ разными путями. Поэтому желаю отъ души, чтобы проекты Вейпрехта осуществились, но съ неменьшимъ удовольствіемъ привѣтствую настойчивую дѣятельность тѣхъ, которые продолжаютъ заботиться о разоблаченіи полярныхъ тайнъ, руководствуясь прежнимъ методомъ. Безъ ихъ трудовъ не состоялась бы экспедиція Нерса, безъ нихъ Норденшельдъ не открылъ бы сѣверо-восточнаго прохода.

При ближайшемъ ознакомленіи съ дѣломъ, естествоиспытатели, впрочемъ, вскорѣ убѣдятся, что они не правы, желая лишить географовъ по призванію возможности свободно дѣйствовать, такъ какъ проекты Вейпрехта обѣщаютъ дать поразительные результаты только въ томъ случаѣ, когда географическія экспедиціи приведутъ къ новымъ открытіямъ. Весьма основательно указываютъ на то, что только у полюса найдется ключъ ко многимъ неразгаданнымъ тайнамъ природы и, какъ бы ни считали ничтожными полученные до сихъ поръ цифровыя данныя, тѣмъ не менѣ вѣрно только то, что нечего надѣяться разрѣшить многія интересующія насъ физическія явленія въ мѣстностяхъ намъ уже извѣстныхъ и окружающихъ полюсъ;—разъясненіе многого возможно только на полюсѣ. Разумѣется, что самая точка полюса при этомъ никакой роли не играетъ.

Слѣдовательно можно и теперь уже заявить, что предлагаемыя Вейпрехтомъ наблюдательныя станціи приближать насъ къ разрѣшенію научныхъ задачъ полярной области, но отнюдь не разрѣшать ихъ непосредственно. Къ тому же нужно будетъ вооружиться большимъ терпѣніемъ, такъ какъ только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія на учреждаемыхъ станціяхъ, добытыя цифровыя данныя получатъ требуемое научное значеніе. Я считаю, предполагаемый Вейпрехтомъ одногодичный срокъ для наблюденія, далеко неудовлетворительнымъ, и предложилъ бы съ перваго начала открыть эти станціи для наблюденій въ продолженіи цѣлыхъ десяти лѣтъ. Если бы въ теченіи этого времени не были предприняты какія либо географическія экспедиціи, то и научныя изысканія вскорѣ должны бы были сами собою прекратиться. Въ данномъ случаѣ землевѣдѣніе является передовымъ отрядомъ естественныхъ наукъ и, мнѣ кажется, немыслимо, чтобы хорошій полеводецъ могъ съ успѣхомъ дѣйствовать на пространствѣ, которое онъ не подвергъ предварительно тщательной рекогносцировкѣ. Если я хочу познакомиться съ физическими условіями какого-либо горнаго хребта, то это можетъ быть исполнено только при помощи барометровъ, термометровъ, гигрометровъ и т. д., которые должны быть поставлены какъ въ долинахъ, такъ и на вершинахъ, т. е. вступивъ въ горную область и познакомившись съ наружною формою хребта. Оставаться постоянно у подошвы хребта—совершенно бесполезно. Станціи Вейпрехта представляютъ, въ переносномъ смыслѣ, подошву хребта, т. е. находятся на краю полярной области, и поэтому не могутъ принести болѣе пользы, чѣмъ—при изслѣдованіи физическихъ свойствъ горнаго хребта—мѣста, лежащаго у самой подошвы. Если поэтому проектъ Вейпрехта имѣетъ въ виду открыть доступъ къ точному ознакомленію съ физическими явленіями, то естественно успѣхъ его обуславливается постепеннымъ и дальнѣйшимъ проникновеніемъ въ полярную область.

Одновременныя наблюденія въ указанныхъ выше мѣстахъ, какъ бы важны и желательны они ни были, представляютъ только первую ступень изслѣдованія, за которою должна неминуемо послѣдовать другая, кольцеобразно подвинутая ближе къ полюсу и т. д. до тѣхъ поръ, пока не осуществится полное разоблаченіе арктическаго пояса. Невозможно, чтобы землевѣдѣніе отказалось отъ этого разоблаченія, въ особенности же отъ полученія свѣдѣній о распредѣленіи воды и суши внутри полярнаго круга, свѣдѣній имѣющихъ существенное вліяніе на разрѣшеніе предлагаемыхъ физическихъ задачъ. Чисто географическія изслѣдованія необходимы для того, чтобы результаты ихъ, какъ требуетъ Вейпрехтъ вполне основательно, могли распространиться и

на другія отрасли естественныхъ наукъ. Свѣдѣнія по ботаникѣ зоологiи и геологiи могутъ получиться только при непосредственномъ ознакомленіи съ подлежащими изслѣдованію въ томъ или другомъ направленіи пунктами. Совершенно невозможно было бы, напримѣръ, находясь на Новой Землѣ или на Шпицбергенѣ, судить о геологическомъ строеніи земли Франца Іосифа, о ея, хотя и жалкой, фаунѣ или флорѣ; сдѣлать это можно было-бы только, вступивъ на берега залива „Австріи“. Точно также немислимо съ земли Франца-Іосифа сдѣлать вѣрное заключеніе о томъ, что кроется подъ льдами, по ту сторону мыса „Вѣны“. Мы можемъ дѣлать, предположенія, которыя впослѣдствіи окажутся въ известной степени вѣрными или невѣрными, но возвести эти предположенія на степень положительнаго знанія, это есть и останется, сначала до конца, дѣломъ географическихъ открытій. Если я до нѣкоторой степени и соглашаюсь съ моимъ уважаемымъ другомъ въ томъ, что полярныя экспедиціи въ послѣднее время обратились въ какую-то международную скачку съ препятствіями, то не могу сказать и того, чтобы онѣ служили помѣхою научнымъ изслѣдованіямъ по всѣмъ отраслямъ науки. Вейпрехтъ, безъ сомнѣнія, правъ, утверждая, что сѣверный полюсъ, самъ по себѣ, какъ цѣль не имѣетъ научной цѣны, но наука въ высшей степени заинтересована въ изслѣдованіи пространства, лежащаго между полюсомъ и известными намъ материками. Не конечная цѣль, а путь къ ней составляетъ предметъ изслѣдованій.

Эти, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ высказанныя мысли, до сихъ поръ остались безъ возраженія, и я долженъ ихъ держаться, пока меня не научатъ лучшему. Мнѣ кажется, совершенно невозможнымъ надѣяться основательно опредѣлить физическія условія какой-либо области, не побывавъ въ ней. Во всякомъ случаѣ, совершенно неумѣстно какъ естествоиспытателямъ уменьшать значеніе географическихъ изысканій, такъ и географамъ дѣлать то же самое по отношенію къ естествоиспытателямъ. Если указываютъ на ничтожность добытыхъ, путемъ географическихъ изслѣдованій, результатовъ, то съ увѣренностью можно сказать, что только послѣ длиннаго, очень длиннаго ряда годовъ, могутъ быть сдѣланы первые шаги къ разрѣшенію важнѣйшихъ физическихъ задачъ. Окончательное же разрѣшеніе этихъ задачъ лежитъ, по всему вѣроятію, въ такомъ же отдаленномъ будущемъ, какъ и достиженіе самого полюса. Географическія и научныя изслѣдованія должны, поэтому, идти безпрепятственно впередъ не только рука объ руку, но рядомъ, и я кончаю словами: нужно дѣлать одно дѣло, отнюдь не упуская изъ виду и другаго.

КОНЕЦЪ.

Самоѣдскій чумъ.

